

**С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ
В ВОСЕМНАДЦАТИ
КНИГАХ**

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ
В ВОСЕМНАДЦАТИ
КНИГАХ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1995

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ

КНИГА XVIII

**РАБОТЫ
РАЗНЫХ
ЛЕТ**

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1995

ББК 63.3(2)
С60

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Издание выпущено в свет
при содействии Комитета РФ по печати

Ответственный редактор
академик И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО

Комментарии к XVIII книге написаны
доктором исторических наук Н. И. ЦИМБАЕВЫМ

Указатели составлены
В. Ю. СТАНКОВСКОЙ

Художник издания
А. Б. КОНОПЛЕВ

Основой настоящей публикации являются следующие издания:
С. М. Соловьев. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1872;
С. М. Соловьев. Учебная книга русской истории. 8 изд. М., 1880;
С. М. Соловьев. Мои записки для детей моих, а если можно,
и для других // Вестник Европы. 1907. Кн. 3. С. 68—98;
Кн. 4. С. 437—467; Кн. 5. С. 5—48; Кн. 6. С. 441—483

ISBN 5-244-00075-6
ISBN 5-244-00774-2

© Издательство «Мысль». 1995
© В. Ю. Станковская. Составление
и подготовка текста. 1995
© Н. И. Цимбаев. Комментарии. 1995
© А. Б. Коноплев. Оформление. 1995

**ПУБЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ**

ЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ

Проходит 200 лет с того дня, как родился великий человек. Отовсюду слышатся слова: надобно праздновать двухсотлетний юбилей великого человека; это наша обязанность, священная, патриотическая обязанность, потому что этот великий человек наш, русский человек. Наука, ученое общество при университете хлопочет о воздвигнутии памятника небывалого, достойного деятельности великого человека. Священная патриотическая обязанность! Сильные слова, способные возбудить сильное чувство; но чем сильнее чувство, чем священнее предмет, на который оно направлено, тем более предосторожности должно быть употреблено для его разумного направления. Что праздновать и как — первый вопрос, который здесь задает человек, способный разумно относиться к каждому явлению, способный допрашивать это явление о его смысле, а не подчиняться ему безотчетно. Таким образом, первая обязанность общества образованного разъяснить для себя значение деятельности великого человека; сознать свое отношение к этой деятельности, к ее результатам, узнать, восколько эти результаты вошли в нашу жизнь, что они произвели в ней, какое их значение для настоящего, для будущего, иначе праздник будет праздным. И мы собрались здесь накануне праздника, чтоб приготовиться к нему; накануне праздника усиливается работа для человека, который хочет светло, достойно праздновать; во имя величайшего из тружеников русской земли приглашаю вас, господа, к труду — обозреть труд его, подумать над ним.

Двухсотлетний юбилей великого человека — это значит, что мы обладаем материалами, средствами оценивать его величие, накопившимися в продолжение 200 лет. Каждое историческое явление объясняется рядом предшествовавших явлений и потом всем последующим. 200 лет думал русский человек о Петре, и, говоря это, мы не подвергаемся обвинению в большой неточности, потому что великий человек, о котором идет речь, является в истории очень рано, 10 лет, и является на самом видном месте, следовательно, вычет не велик, 200 лет без чего-нибудь

русский человек думал о Петре, думал постоянно: что же он надумал?

Думая о Петре, думая о том, за что называют его великим человеком, разумеется, русский человек должен был думать и о том, что такое великий человек вообще. Бывают в жизни народов времена, по-видимому относительно тихие, спокойные: живется, как жилось издавна, и вдруг обнаруживается необыкновенное движение, и дело не ограничивается движением внутри известного народа, оно обхватывает и другие народы, которые претерпевают на себе следствия движения известного народа. Человека, начавшего это движение, совершавшего его, человека, по имени которого знают его народ современники, по имени которого знают его потомки,— такого человека называют великим. В то время, когда народы живут в первый возраст своего бытия, возраст юный, для большинства народного очень продолжительный, когда люди поддаются господству чувства и воображения, тогда великие люди являются существами сверхъестественными, полубогами. Понятно, что при таком представлении великий человек является силою, не имеющею никакого отношения к своему веку и своему народу, силою, действующею с полным произволом; народ относится к ней совершенно страдательно, бессознательно, безусловно подчиняется ей, страдательно носит на себе все следствия ее деятельности, великому человеку принадлежит почин во всем, он создает, творит все средствами своей сверхъестественной природы.

Христианство и наука дают нам возможность освободиться от такого представления о великих людях. Христианство запрещает нам верить в богов и полубогов; наука указывает нам, что народы живут, развиваются по известным законам, проходят известные возрасты, как отдельные люди, как все живое, все органическое; что в известные времена они требуют известных движений, перемен, более или менее сильных, иногда отзывающихся болезненно на организме, смотря по ходу развития, по причинам, коренящимся во всей предшествовавшей истории народа. При таких движениях и переменах, при таком переходе народа от одного порядка жизни своей к другому, из одного возраста в другой люди, одаренные наибольшими способностями, оказывают народу наибольшую помощь, наибольшую услугу: они яснее других сознают потребность времени, необходимость известных перемен, движения, перехода и силою своей воли, своей неутомимой деятельности побуждают и влекут меньшую братию, тяжелое на подъем большинство, робкое перед новым и трудным делом. Как люди, они должны и ошибаться в своей деятельности, и ошибки эти тем виднее, чем виднее эта деятельность; иногда по силе природы своей и силе движения, в котором они участвуют на первом плане, они ведут движение

за пределы, назначенные народною потребностью и народными средствами; это производит известную неправильность, остановку в движении, часто заставляет делать шаг назад, что мы называем реакциею; но эта неправильность временная, а заслуга вечная, и признательные народы величают таких людей великими и благодетелями своими.

Таким образом, великий человек является сыном своего времени, своего народа; он теряет свое сверхъестественное значение, его деятельность теряет характер случайности, произвола, он высоко поднимается как представитель своего народа в известное время, носитель и выразитель народной мысли; деятельность его получает великое значение как удовлетворяющая сильной потребности народной, выводящая народ на новую дорогу, необходимую для продолжения его исторической жизни. При таком взгляде на значение великого человека и его деятельности высоко поднимается народ: его жизнь, история является цельною, органическою, не подверженною произволу, капризу одного сильного средствами человека, который может остановить известный ход развития и толкнуть народ на другую дорогу вопреки воле народной. История народа становится достойною изучения, представляет уже не отрывочный ряд биографий, занимательных для воображения людей, остановившихся на детском возрасте, но дает связное и стройное представление народной жизни, питающее мысль зрелого человека, который углубляется в историю как науку народного самопознания.

В двести без чего-нибудь лет, пережитых Россиею со дня рождения Петра, русская мысль относилась различно к этому великому человеку и его деятельности. Различие взглядов происходило, во-первых, от громадности дела, совершенного Петром, и продолжительности влияния этого дела; чем значительнее какое-нибудь явление, тем более разноречивых взглядов и мнений порождает оно, и, тем долее толкуют о нем, чем долее ощущают на себе его влияние; во-вторых, оттого, что русская жизнь не остановилась после Петра и при каждой новой обстановке ее мыслящий русский человек должен был обращаться к деятельности Петра, результаты которой оставались присущими при дальнейшем движении, и обсуждать ее, применять к новым условиям, новой обстановке жизни; в-третьих, разность взглядов на деятельность Петра зависела от незрелости у нас исторической науки, от неустановленности основных начал при изучении жизни народов: то применяли к русской истории неподходящую мерку истории чужих народов, отчего происходили странные выводы, то, наоборот, изучали русскую историю совершенно особняком, не подозревая, что при всем различии своем она подчиняется общим основным законам, действующим в жизни каждого ис-

торического народа. Я говорю о разноречиях серьезных, высказывавшихся людьми серьезными, людьми, честно относившимися к вопросам настоящего и по их связи с прошедшим затрагивавшими и последнее. Но нельзя не упомянуть о печальном явлении, о выходках против Петра, происходивших от детской привычки увлекаться каким-нибудь движением до такой степени, что, не разбирая, начинают считать враждебным этому движению то, что вовсе ему не враждебно, от детской привычки говорить не подумавши, не изучивши, от дурного детского поползновения бросить в кого-нибудь камнем, грязью, не посмотревши внимательно, можно ли с этим кем-нибудь так обращаться безнаказанно, т. е. без умаления собственного человеческого и народного достоинства.

Долго относились у нас к делу Петра неисторически как в благоговейном уважении к этому делу, так и в порицании его. Поэты позволяли себе воспевать: «Он бог твой, бог твой был, Россия»¹. Но и в речи более спокойной, не поэтической подобный взгляд господствовал; приведение Петром России от небытия к бытию было общеупотребительным выражением. Я назвал такой взгляд неисторическим, потому что здесь деятельность одного исторического лица отрывалась от исторической деятельности целого народа; в жизнь народа вводилась сверхъестественная сила, действовавшая по своему произволу, причем народ был осужден на совершенно страдательное отношение к ней; многовековая жизнь и деятельность народа до Петра объявлялась несуществующею; России, народа русского не было до Петра, он сотворил Россию, он привел ее из небытия в бытие. Люди, которые обнаружили несочувствие к делу Петра, вместо противодействия крайности приведенного взгляда перегнули в противоположную сторону; крайности сошлись, и опять надобно было проститься с историею. Россия, по новому взгляду, не только не находилась в небытии до Петра, но наслаждалась бытием правильным и высоким; все было хорошо, нравственно, чисто и свято; но вот явился Петр, который нарушил правильное течение русской жизни, уничтожил ее народный, свободный строй, пограл народные нравы и обычаи, произвел рознь между высшими и низшими слоями народонаселения, заразил общество иноземными обычаями, устроил государство по чуждому образу и подобию, заставил русских людей потерять сознание о своем, о своей народности. Опять божество, опять сверхъестественная сила, опять исчезает история народа, развивающаяся сама из себя по известным законам, при

¹ Ломоносов М. В. Ода на день тезоименитства его императорского высочества государя великого князя Петра Федоровича // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М.; Л., 1959. С. 109 (примеч. ред.).

влиянии особенных условий, которые и отличают жизнь одного народа от жизни другого.

Понятно, что оба взгляда, по-видимому противоположные, но в сущности одинаково неисторические, не могут удержаться при возмужалости науки, когда более внимательные наблюдения над историческою жизнью народов должны были повести к отрицанию таких сверхъестественных явлений в этой жизни, когда убедились, что явление, как бы оно ни было громко, как бы ни изменяло, по-видимому, народный строй и образ, есть необходимо результат предшествовавшего развития народной жизни. Действительно, возьмем народ, находящийся на первоначальной ступени развития, какой-нибудь кочевой народ в Средней Азии, каких-нибудь монголов. Такие народы по простоте своего быта особенно бывают подвержены сильному влиянию внешних случайных явлений, произволу отдельных лиц. Мы видим, что среди этих народов являются иногда владельцы, ханы, одаренные необыкновенною энергиею, честолюбием, которые в более или менее продолжительное время успевают одолеть, уничтожить других ханов, сплотить мелкие до тех пор разделенные орды в одну громадную массу и двинуть ее на опустошение, завоевание отдельных стран, вследствие чего образуются обширные владения. Здесь действительно мы видим, что народы страдательно подчиняются влиянию своих великих людей, Чингисханов и Тамерланов. О народе не слышно до появления этого Чингисхана или Тамерлана: он ничто для истории, находится в небытии; одною волею знаменитого хана он приводится в бытие, делается известным, сильным, господствующим. Но и здесь мы видим, что великие люди степей, Чингисханы и Тамерланы, суть дети своего народа, не делают ничего, что бы выходило из границ его быта, его потребностей, не изменяют ничего в этом быте. Народ и до них был хищный, и до них обнаруживал свое существование чисто физическими движениями, грабежами, опустошениями, только в малых размерах; благодаря способностям, сильной воле одного человека они делают это теперь в больших размерах, и в этом заключается вся разница. Умирает великий человек, и основанное им громадное владение начинает распадаться, и народ, всколыханный им, приходит в прежнее состояние, к прежнему историческому небытию. Что же делает здесь великий человек? Только то, на что способен его народ, на что дает ему средства; народ может внешним, механическим образом соединиться волею, силою одного лица; при отсутствии этой воли и силы распадается: только то мы и видим в степной истории; внутренних перемен, перемен в быте великий человек произвести не может; если бы захотел, то ничего бы не сделал, погиб в бесплодных попытках, но в том-то и дело, что он и не хочет этого, не чувствует и не сознает потребности в этом, ибо он, сын

своего народа, не может чувствовать и сознавать того, чего не чувствует и не сознает сам народ, к чему не приготовлен предшествовавшим развитием, предшествовавшей историей. Великий человек дает свой труд, но величина, успех труда зависит от народного капитала, от того, что скопил народ от своей предшествовавшей жизни, предшествовавшей работы; от соединения труда и способности знаменитых деятелей с этим народным капиталом идет производство народной исторической жизни.

Но если произвол одного лица, как бы сильно это лицо ни было, не может переменить течение народной жизни, выбить народ из его колеи при самых простых, первоначальных формах быта, не может сделать этого с народом-младенцем, народом неисторическим, то тем менее это возможно в народе, который уже прожил много веков исторической жизнью, который развил свои силы в многотрудной деятельности внутренней и каким был русский народ до Петра. Допустить в великом движении этого народа перерыв, уклонение, допустить в перемене бытовых форм измену началам народной жизни, и все это по воле одного человека,—значит низвести великий, исторический народ ниже кочевых народов Средней Азии. Наука не позволяет этого, господи! Не спрашиваю, может ли позволить это ваше чувство, ваш патриотизм. Народ, живший долгою и славною историческою жизнью и чувствующий в себе способность к продолжению этой жизни, радуется великою радостью, вспоминая о великом человеке и его деле, наполняется праведным самодовольством, ибо в великом человеке видит «плоть от плоти своей и кость от костей своих»². Народ не отречется от своего великого человека, ибо такое отречение для народа есть самоотречение.

Если великий человек есть сын своего времени и своего народа, если его деятельность есть результат всей предшествовавшей истории народа, если эта деятельность дает уразумевать прошедшее—а изучение всего прошедшего необходимо для ее уяснения,—если великие люди суть светила, поставленные в известном расстоянии друг от друга, чтоб освещать народу исторический путь, им пройденный, уяснять связь, непрерывную, тесно сомкнутую цепь явлений, а не разрывать эту связь, не спутывать кольца цепи, не вносить смуту в сознание народа о самом себе, то из этого ясно, как трудна становится биографическая задача, задача изображения деятельности одного исторического лица. Успех выполнения этой задачи, удовлетворительное представление характера и деятельности великого человека зависят от того, как ясно представляется для биографа

² «Кость от костей моих и плоть от плоти моей» (Бытие, 2, 23).—Примеч. ред.

целостный образ народа, возникший перед ним из внимательного рассмотрения всего исторического пути, совершенного народом. Отсюда понятно, почему у нас так долго не было истории Петра Великого, несмотря на попытки писать или заставлять писать эту историю. Были похвальные слова Петру, сборники материалов, расположенных по годам и перемешанных восторженными восклицаниями; были стихи в честь ему и хульные выходки в стихах и прозе, но не было истории; нельзя было воздвигать здания, когда не было почвы для него; почва для истории великого человека есть история народа.

Из сказанного ясно, что для уяснения значения Петра В[еликого] мы должны обратиться к предшествовавшей ему истории русского народа, допроситься у нее, что это был за переворот, с которым мы привыкли соединять имя Петра, откуда произошел этот переворот, для чего понадобился. Для получения удовлетворительного ответа не должно мудрствовать, надобно смотреть как можно проще. Все органическое подлежит развитию, подлежит ему отдельный человек, подлежат ему и живые тела, составленные из людей, народы: развитие происходит более или менее правильно, быстро или медленно, достигает высоких степеней или останавливается на низших — все это зависит от причин внутренних, коренящихся в самом организме, или от влияния внешних. Органическое тело, народ, растет, растет внутри себя, обнаруживая скрытые в нем изначала условия здоровья или болезни, силы или слабости и в то же время подчиняясь благоприятным или неблагоприятным внешним условиям, из которых главное как для отдельного человека, так и для целого народа — это условие живого окружения, общества, ибо могущественные побуждения к развитию и формы этого развития даются обществом для отдельного человека, для народа — другими народами, с которыми он находится в постоянной связи, в постоянном общении. Органическое тело, народное тело растет, значит, проходит известные возрасты, разнящиеся друг от друга, легко отличаемые. Легко отличаются два возраста народной жизни: в первом возрасте народ живет преимущественно под влиянием чувства; это время его юности, время сильных страстей, сильного движения, обыкновенно имеющего следствием зиждательность, творчество политических форм. Здесь благодаря сильному огню куются памятники народной жизни в разных ее сферах или закладываются основания этих памятников. Наступает вторая половина народной жизни: народ мужает, и господствовавшее до сих пор чувство уступает мало-помалу свое господство мысли. Сомнение, стремление поверить то, во что прежде верилось, задать вопрос — разумно или неразумно существующее, потрясти, пошатать то, что считалось до сих пор непоколебимым, знаменует вступление народа во второй возраст, или период, период господства мысли.

Историк не должен отдавать преимущества одному из этих возрастов перед другим, пристрастно относиться к тому или другому. О вкусах не спорят; пусть один говорит, что ему нравится растение особенно тогда, когда оно одевается первой свежей зеленью; другой приходит в восторг от цветка; третий скажет: «Что́ цвет? Поскорее бы он увядал, поскорее бы завязывался и созревал плод!» Но все это не научное дело. Историк знает, что при этом движении, которое называется развитием, с приобретением или усилением одного начала, одних способностей утрачиваются или ослабляются другие. Человек возмужал, окреп чрез упражнение мысли, чрез науку и опыт жизни приобрел бесспорные преимущества и между тем горько сожалеет о невозвратно минувшей юности, о ее порывах и страстях; мудрец жалеет о заблуждениях: значит, в этом пережитом возрасте было что-то очень хорошее, что утратилось при переходе в другой возраст. В тот возраст народной жизни, когда господствует чувство, возраст сильных и страстных движений, возраст подвигов, народ страстно относится к предметам своих привязанностей, он сильно любит и сильно ненавидит, не давая себе отчета о причинах своей привязанности и вражды. Стоит только сказать ему, что предмет его привязанности в опасности, стоит подняться священному для него знамени, он собирается, несмотря на все препятствия, он жертвует всем, чувство дает ему силу, способность совершать громадные работы, воздвигать здания не материальные только, но и политические. Сильные государства, крепкие народности, твердые конституции выковываются в этот возраст, в этот период господства чувства. Но этот же период знаменуется явлениями вовсе не привлекательными: чувство не сдерживается мыслию, знание слишком слабо, суеверие и фанатизм ведут к самым печальным явлениям; неопределенность отношений очищает произволу, силе сильного обширное поле, и, что кажется так прекрасно, так поэтично издали, на картине или на театральной сцене, то, приближенное к нашим глазам научными средствами, изученное подробно, является в отталкивающей обстановке.

Но точно так же односторонне признавать за вторым периодом безусловное превосходство над первым. Период господства мысли, который красится процветанием науки, просвещением, имеет свои темные стороны. Усиленная умственная деятельность может скоро обнаружить свое разлагающее действие и свою слабость в деле созидания. Чувство считает известные предметы священными, неприкосновенными; оно раз определило к ним отношение человека, общества, народа и требует постоянного сохранения этих отношений. Мысль начинает считать такие постоянные отношения суеверием, предрассудком; она свободно относится ко всем предметам, одинаково все подчиняет себе,

делает предметом исследования, допрашивает каждое явление о причине и праве его бытия, причем необходимо ставит человека в холодное отношение к каждому явлению. Чувство, например, определяет отношение к своему и чужому таким образом, что свое имеет право на постоянное предпочтение пред чужим; народы, живущие в период господства чувства, остаются верны этому определению, но постоянная верность ему ведет к неподвижности. Если народ способен к развитию, способен вступить во второй период или второй возраст своей жизни, то движение обыкновенно начинается знакомством с чужим; мысль начинает свободно относиться к своему и чужому, отдавать преимущество жизни народов чужих, опередивших в развитии, находящихся уже во втором периоде. Выведши народ в широкую сферу наблюдений над множеством явлений в разных странах, у разных народов, в широкую сферу сравнений, соображений и выводов, покинув вопрос о своем и чужом, мысль стремится переставить отношения на новых общих началах, но ее определение отношений не имеет уже той прочности, ибо каждое определение подлетит в свою очередь критике, подкапывается, является новое определение, по-видимому более разумное, но и то в свою очередь подвергается той же участи. Старые верования, старые отношения разрушены; в новое, беспрестанно изменяющееся, в многоразличные, борющиеся друг с другом, противоречивые толки и системы верить нельзя. Раздаются скорбные вопли: «Где же истина? Что есть истина? Древо познания не есть древо жизни! Червь сомнения подтачивает все! Общество погибает, потому что чувство иссыкает, не умеряет мысли!» Ставится страшный вопрос: что выиграл человек, перешедши из одной крайности в другую, променявши суеверие на неверие?

Таковы опасности, могущие грозить отдельным людям и целым народам при переходе из одного возраста в другой. Заботливые и опытные отцы и матери хорошо знают эти опасности. Сколько с их стороны бессонных ночей и горячих слезных молитв, чтоб Бог сохранил молодого человека от увлечений того широкого пути, на который он вступает; чтоб, предавшись новому, не забыл он всего старого, не отрекся от тех начал, на которых был воспитан, не обратился к ним с враждой. Сколько примеров, что, не могли победить страха пред опасностями, грозившими молодому человеку при переходе через порог семьи, родители решались отказать ему в средствах высшего образования, не пуская в высшее учебное заведение. Предосторожность напрасная! Ранее или позднее человек должен исполнить закон своего развития, должен исполнить его и целый народ.

Нам не нужно долго останавливаться на примерах, укажем только на самые знакомые и близкие к нам, причем окажутся и те побуждения, те средства, благодаря которым народ перехо-

дит из одного возраста в другой. Мы беспрестанно употребляем выражение: человек развитый и неразвитый, образованный и необразованный — и знаем, что средством для приобретения этой развитости прежде всего служит переход из узкого замкнутого круга, из узкого замкнутого общества в более широкий круг, в более многочисленное общество. Сельский житель отличается меньшей развитостью, потому что живет в тесном, уединенном кругу, где видит все одни и те же предметы и явления, где господствует простота быта, простота отношений; и отсюда детская простота взглядов на все окружающее, привычка останавливаться на внешности, не углубляться в сущность явлений. Горожанин развитее сельского жителя, потому что круг, в котором обращается горожанин, шире, общество людей многочисленнее; одиночество останавливает развитие, общение с другими людьми, уясняя мысль, условливает развитие, но чтоб плодотворно меняться мыслями, надобно о чем-нибудь думать, надобно, чтоб мысль возбуждалась широтою круга и разнообразием предметов; город дает именно эту широту и разнообразие, и потому горожанин развитее сельчанина. Другое могущественное средство развития дает школа, наука, посредством которых человеку делается доступен весь мир, и не только настоящее этого мира, но и его прошедшее. Этими двумя средствами развивается каждый отдельный человек, ими развиваются и целые народы.

Народы, живущие особняком, не любящие сближаться с другими народами, жить с ними общею жизнью,— это народы наименее развитые; они живут, так сказать, еще в сельском, деревенском быту. Самым сильным развитием отличаются народы, которые находятся друг с другом в постоянном общении; таковы народы европейско-христианские. Но понятно, что для плодотворности этого общения необходимо, чтоб народ встречался, общался с таким другим народом или народами, с которыми могла бы установиться мена мыслей, знания, опытности, от которых можно было бы что-нибудь занять, чему-нибудь научиться. Переход народа из одного возраста в другой, т. е. сильное умственное движение в нем, начинается, когда народ встречается с другим народом, более развитым, образованным; и если различие в степени развития, в степени образованности между ними очень сильно, то между ними естественно образуется отношение учителя к ученику: закон, которого обойти нельзя. Так, римляне, народ, стремившийся к завоеванию всего известного тогда мира, встретившись с греками, народом, отжившим свой исторический век, преклонились пред ними, отдали им себя в науку и чрез эту греческую науку перешли во второй возраст своего исторического бытия. Но еще ближе к нам пример народов — наших ровесников, новых европейско-христианских

народов, народов Западной Европы. Они совершили свой переход из одного возраста в другой в XV и XVI веках также посредством науки, чужой науки, чрез открытие и изучение памятников древней греко-римской мысли. По общему закону они пошли в науку к грекам и римлянам и ничего не хотели знать, кроме греков и римлян. В ревностном служении своем новому началу они отнеслись враждебно к прожитому ими возрасту, к своей древней истории, к господствовавшему там началу, к чувству и последствиям этого господства. Свою новую жизнь, красившуюся для них развитием мысли под влиянием древней, чужой науки, они противопоставили своей прежней жизни как бытие небытию. Отуманенные новыми могущественными влияниями, относясь враждебно к прожитому ими возрасту, они до того потеряли смысл к явлениям этого возраста, что не видели в нем своей древней истории, результаты которой имели жить в них, в их новой истории, как бы они ни старались отчураться от них именами Платонов, Аристотелей и Цицеронов. Для них древняя история была преимущественно история греков и римлян, к которым, как к своим учителям, духовным отцам, возродившим их к новой жизни, они непосредственно примыкали свою новую историю, а свою собственную древнюю историю они вставили как что-то странное, плохо понимаемое, междоумочное, ни то ни се, среднее, откуда и название средней истории, истории средних веков.

Так совершился переход из одного возраста в другой, из древней истории в новую для народов Западной Европы, народов романского и германского племени. Но дошел черед и до нас, народа Восточной Европы, народа славянского. Наш переход из древней истории в новую, из возраста, в котором господствует чувство, в возраст, когда господствует мысль, совершился в конце XVII и начале XVIII века. Относительно этого перехода мы видим разницу между нами и нашими европейскими собратьями, разницу на два века.

Мы должны уяснить себе причины этого явления, чтоб понять условия, в которых совершился самый переход, или так называемое Преобразование. Общий смысл его, надеюсь, теперь совершенно ясен, ясна его необходимость для каждого исторического, развивающегося народа, его характер и независимость от произвола исторического лица, которое может быть видным, главным деятелем, но не творцом явления, истекающего из общих законов народной жизни. В такое отношение наука ставит народ к великому историческому деятелю. Только великий народ способен иметь великого человека; сознавая значение деятельности великого человека, мы сознаем значение народа. Великий человек своею деятельностью воздвигает памятник своему народу; какой же народ откажет в памятнике своему великому человеку?

ЧТЕНИЕ ВТОРОЕ

В прошедший раз я старался уяснить смысл так называемого в нашей истории петровского преобразования: мы видели, что это было не иное что, как естественное и необходимое явление в народной жизни, в жизни исторического, развивающегося народа, именно переход из одного возраста в другой, из возраста, в котором преобладает чувство, в возраст, в котором господствует мысль. Я указал на тождественное явление в жизни западных европейских народов, которые совершили этот переход в XV и XVI веках; Россия совершила его двумя веками позже. Быть может, некоторые ждали другого выражения, именно, что мы отстали от западноевропейских народов на два века, но это последнее выражение не может быть употребляемо по своей неточности. Два живых существа начали движение вместе по одной дороге, при равных условиях, и одно очутилось назади, отстало; первая мысль здесь, что при равенстве внешних условий различие необходимо заключается во внутренних условиях, в том, что отставший слабее того, кто ушел вперед. Но движение народов по историческому пути нельзя сравнивать вообще с беганьем детей взапуски или конскими бегами, к которым прилагается слово «отстать». В историческом движении может быть совершенно другое: здесь внутренние силы, средства могут быть равные или даже их может быть больше у того, кто движется медленнее, но внешние условия разные, и они-то заставляют двигаться медленнее, задерживают, и потому надобно внимательно отличать отсталость, происходящую от внутренней слабости при равенстве внешних условий, и задержку, происходящую от различия, неблагоприятности внешних условий при равенстве внутренних. В данном случае мы должны именно употреблять второе выражение, ибо русский народ, как народ славянский, принадлежит к тому же великому арийскому племени, племени — любимцу истории, как и другие европейские народы древние и новые, и, подобно им, имеет наследственную способность к сильному историческому развитию; одинаково у него с новыми европейскими народами и другое могущественное внутреннее условие, определяющее его духовный образ, — христианство. Следовательно, внутренние условия, или средства, равны и внутренней слабости и потому отсталости мы предполагать не можем, но когда обратимся к условиям внешним, то видим чрезвычайную разницу, бросающуюся в глаза неблагоприятность условий на нашей стороне, что вполне объясняет задержку развития.

Известны выгодные условия для исторического развития, которые европейские народы находят в географических формах своей части света: выгодные для промышленного и торгового

развития отношения моря к суше; выгодное для быстроты исторического развития разделение на многие небольшие, хорошо защищенные государственные области, разделение, а не отчуждение, производимое в других частях света степями и слишком высокими горами, умеренность климата и т. д. Но все эти благоприятные условия сосредоточены в западной части Европы, а нет их у нас на восточной, представляющей громадную равнину, страдающую отсутствием моря и близостью степей. Причины задержки развития в неблагоприятных внешних условиях ясны, следовательно, для нас с первого взгляда. При первом же взгляде на карту нас поражает громадность русской государственной области, но обширность государственной области имеет важное значение при известных условиях, при единстве народонаселения, при достаточном его количестве сравнительно с обширностью и при образованности народа. Понятно, что при равенстве этих условий из двух государств сильнее то, которое больше другого, но при отсутствии этих условий обширность государства не только не дает ему силы сравнительно с небольшим государством, обладающим этими условиями, но и служит главным препятствием народному развитию. В истории нашего народа это тем более чувствительно, что Россия родилась с обширной государственною областью и с ничтожным относительно народонаселением. Понятно, что общая жизнь, общая деятельность в народе может быть только тогда сильна, когда народонаселение сосредоточено на таких пространствах, которые не препятствуют частому сообщению, когда существует в небольшом расстоянии друг от друга много таких мест, где сосредоточивается большое народонаселение, мест, называемых городами, в которых, как мы уже видели, развитие происходит быстрее, чем среди сельского народонаселения, живущего небольшими группами на далеком друг от друга расстоянии.

Россия и в XVII веке, перед эпохою преобразования, представляет нам на огромном пространстве небольшое число городов с поразительно ничтожным количеством промышленного народонаселения: эти города не иное что, как большие огороженные села, крепости, имеющие более военное значение, чем промышленное и торговое; они удалены друг от друга обширностью расстояний и чрезвычайною трудностью сообщений, особенно весной и осенью. Таким образом, Россия в своей древней истории представляла страну преимущественно сельскую, земледельческую, а такие страны необходимо бывают бедны и развиваются чрезвычайно медленно. Но подле этого главного неблагоприятного условия видим еще другие. Россия есть громадное континентальное государство, не защищенное природными границами, открытое с востока, юга и запада. Русское государство основалось в той стране, которая до него не знала истории, в стране, где

господствовали дикие, кочевые орды, в стране, которая служила широкою открытою дорогою для бичей Божиих, для диких народов Средней Азии, стремившихся на опустошение Европы. Основанное в такой стране, русское государство изначала осуждалось на постоянную черную работу, на постоянную тяжкую изнурительную борьбу с жителями степей. Вскоре после основания государства четвертый русский князь, самый храбрый, погибает от кочевых хищников, из черепа Святославова пьет вино печенежский князь, и только в конце XVII века, в конце нашей древней истории, русское государство успело выговорить освобождение от посылки постоянных обязательных даров крымскому хану, т. е. попросту дани. Но едва только Россия начала справляться с Востоком, как на западе явились враги более опасные по своим средствам. Наша многострадальная Москва, основанная в средине земли русской и собравшая землю, должна была защищать ее с двух сторон, с запада и востока, беречь от латинства и бесерменства, по старинному выражению, и должна была принимать беды с двух сторон: горела от татарина, горела от поляка. Таким образом, бедный, разбросанный на огромных пространствах народ должен был постоянно с невероятным трудом собирать свои силы, отдавать последнюю тяжело добытую копейку, чтоб избавиться от врагов, грозивших со всех сторон, чтоб сохранить главное благо — народную независимость; бедная средствами сельская земледельческая страна должна была постоянно содержать большое войско.

Кому неизвестно, что образование и содержание войска составляет важный, жизненный вопрос для каждого, а особенно континентального государства. При самом зарождении государства этот вопрос уже является с своим важным, определяющим другие отношения значением. Основывается ли государство, начинается ли историческая жизнь в народе посредством завоевания или посредством внутреннего движения, все равно мы видим здесь разделение народа на две части, вооруженную и невооруженную, и определение отношений между ними составляет одну из главных забот народной жизни. В государствах первобытных, сельских, земледельческих отношения определяются просто и тяжело для невооруженной части народонаселения: оно должно непосредственно содержать, кормить вооруженную часть; земля находится во владении вооруженного класса и обрабатывается рабствующим, прикрепленным к земле сельским народонаселением. При благоприятных условиях географических и других государство начинает мало-помалу терять земледельческий характер, начинается торговое и промышленное движение; деньги, недвижимая собственность начинает получать все более и более значения; город богатеет, богатеет вообще народ, народонаселение увеличивается, и естественно готовится

переход от крепостного труда к вольнонаемному. В то же время богатеет и правительство, увеличиваются его средства, денежные средства: прежде оно должно было довольствоваться помощью вооруженного сословия, бывшего вместе и высшим земледельческим сословием, которое затрудняло правительство известными условиями, например воин на Западе имел право не оставаться в походе долее известного срока. Теперь у правительства есть деньги, есть средства нанять войско для достижения своих целей, и являются наемные войска; наконец, дальнейшее усиление финансовых средств правительства дает ему возможность избегать невыгод и наемных войск и завести свое постоянное войско, которое бы всегда находилось в его распоряжении и которое бы народ содержал, кормил не непосредственно своими трудами, но посредством денег, уплачиваемых правительству в виде податей. Таким образом, появление постоянного войска есть ясный признак экономического переворота в народной жизни, промышленного и торгового развития, появления имущества движимого, денег подле недвижимого, земли,—признак, который естественно и необходимо совпадает с другим признаком—освобождением земледельческого сословия, появлением вольнонаемного труда вместо обязательного, крепостного. Грод, разбогатеет, освобождает село, ибо в организме народном все органы находятся в тесной связи, усиление или упадок одного отзывается на усилении или упадке другого.

Так было на Западе. Обратимся на восток. Законы развития одни и те же и здесь, и там; разница происходит от более или менее благоприятных условий, ускоряющих или замедляющих развитие. На востоке, в нашей России, мы имеем дело с государством бедным, земледельческим, без развития города, без сильного промышленного и торгового движения, государством громадным, но с малым народонаселением, государством, которое постоянно должно было вести тяжелую борьбу с соседями, борьбу не наступательную, но оборонительную, причем отстаивалось не материальное благосостояние (не избалованы были им наши предки!), но независимость страны, свобода жителей, потому что как скоро не поспеет русское войско выйти к берегам Оки сторожить татар, даст им где-нибудь прорваться, то восточные магометанские рынки наполняются русскими рабами. Государство бедное, мало населенное и должно содержать большое войско для защиты растянутых на длиннейшем протяжении и открытых границ. Понятно, что мы должны здесь встретиться с обычным в земледельческих государствах явлением: вооруженное сословие, войско, непосредственно кормится на счет невооруженного. Бедное государство, но обязанное содержать большое войско, не имея денег вследствие промышленной и торговой неразвитости, раздаст военным служилым людям земли. Но земля для земле-

владельца не имеет значения без земледельца, без работника, а его-то и недостает; рабочие руки дороги, за них идет борьба между землевладельцами: работников переманивают землевладельцы, которые побогаче, вотчинники, монастыри большими выгодами переманивают к себе работников от землевладельцев, которые победнее, от мелких помещиков, которые не могут дать выгодных условий, и бедный землевладелец, не имея работника, лишается возможности кормиться с земли своей, лишается возможности служить, являться по первому требованию государства в должном виде, на коне, с известным числом людей и в достаточном вооружении, конен, люден и оружен. Что тут делать? Главная потребность государства — иметь наготове войско, но воин отказывается служить, не выходит в поход, потому что ему нечем жить, нечем вооружиться, у него есть земля, но нет работников. И вот единственным средством удовлетворения этой главной потребности страны найдено прикрепление крестьян, чтоб они не уходили с земель бедных помещиков, не переманивались богатыми, чтобы служилый человек имел всегда работника на своей земле, всегда имел средство быть готовым к выступлению в поход.

Долго иностранцы, а за ними и русские изумлялись и глумились над этим явлением: как это случилось, что в то самое время, как в Западной Европе крепостное право исчезало, в России оно вводилось? Теперь наука показывает нам ясно, как это случилось: в Западной Европе благодаря ее выгодному положению усилилась промышленная и торговая деятельность, односторонность в экономической жизни, господство недвижимой собственности, земли, исчезла, подле нее явилась собственность движимая, деньги, увеличилось народонаселение, разбогател город и освободил село. А на востоке образовалось государство при самых невыгодных условиях, с громадной областью и малым народонаселением, нуждающееся в большом войске, заставляемое быть военным, хотя вовсе не воинственное, вовсе без завоевательных стремлений, имеющее в виду только постоянную защиту своей независимости и свободы своего народонаселения, государство бедное, земледельческое, и как только отношения в нем между частями народонаселения начали определяться по главным потребностям народной и государственной жизни, то оно и представило известное в подобных государствах явление: вооруженная часть народонаселения кормится непосредственно за счет невооруженной, владеет землею, на которой невооруженный человек является крепостным работником. И разве во всех государствах Европы крепостная зависимость сельского народонаселения исчезла вдруг и давно? В государствах Средней Европы она продолжалась до настоящего века, и причина тому заключалась в медленности экономического развития.

Но для уяснения явления посредством сравнения нам не нужно ограничиваться одною Европою; к Европе примыкает другая часть света, открытая европейско-христианскими народами, занятая ими, введенная вследствие этого в общую жизнь в Европою,— Америка. В XVI веке эта страна представляла главные экономические условия, одинакие с востоком Европы, с Россиею: обширная страна, страшно нуждающаяся в рабочих руках. И что же делают в ней эти западные европейцы, так хвастающие ранним освобождением у себя сельского народонаселения? Они организуют здесь рабство сельского народонаселения в самых обширных и отвратительных размерах посредством вывоза из Африки черных невольников, успокаивая свою цивилизованную совесть лукавым мудрствованием, что негры вовсе не такие люди, как белые, не от одного Адама произошли.

Прикрепление крестьян—это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении. Но дело не могло ограничиться одним прикреплением сельского народонаселения к обрабатываемой им земле: в городах живут так называемые посадские, тяглые люди, промышленники, торговые люди. Промышляют и торгуют они в очень небольших размерах, но платят подати, несут повинности в очень больших размерах: государство, постоянно и страшно нуждающееся в деньгах, требует от них исправного платежа податей и в то же время требует от них тяжелой и разорительной службы при собирании этих доходов. А тут еще новая для них тягость— воевода и приказный человек. Развитие состоит в разделении занятий; мы называем наиболее развитым то тело, которое имеет наиболее отдельных органов, служащих каждый известному управлению жизни и находящихся в тесной друг с другом связи и зависимости. Мы называем и человеческое общество наименее развитым, варварским, где разделение занятий слабо, где каждый делает все для себя нужное, не имея нужды в других, не общается, не меняется с ними, живет особняком. Обществом развитым, цивилизованным, наоборот, мы называем такое, где господствует разделение занятий и потому господствует и соединение сил, общая жизнь, ибо все находится во взаимной связи и зависимости. В древней России, принадлежавшей к государствам первобытным, неразвитым, мы не можем надеяться встретить значительное разделение занятий ни в каких сферах. В таких государствах один орган обыкновенно служит нескольким управлениям, которые при дальнейшем развитии распределяются по отдельным органам. В древней России военный, или ратный, человек в мирное время должен был занимать правительственные должности, которые, опять по той же неразвитости, соединялись с судебными должностями. В финансовом отношении назначение на такие места служило дополнительным содержанием

к поместью для служилого или военного человека; и так как бедное государство не могло дать ему жалованья, то предоставляло ему содержаться доходами с управляемой им местности, кормиться на ее счет. Таким образом, вследствие указанной уже неразвитости земледельческого государства и город, подобно селу, должен был непосредственно содержать, кормить военного человека, который естественно и необходимо привыкал к мысли, что он имеет право непосредственно кормиться на счет невооруженного человека, а тот имеет обязанность непосредственно кормить его, непосредственно служить ему. Вследствие такого-то представления и образуется бездна между двумя частями народонаселения, вооруженного и невооруженного; одни считают себя полными людьми, мужами и всех других называют неполными людьми, человечками, мужиками. Муж, приезжая управлять мужиками и смотря на эту должность как на дополнительное содержание, как на кормление, разумеется, хотел кормиться как можно сытнее. Муж, воевода, часто был безграмотный, не знал порядков управления и суда, и при нем являлся приказный человек, грамотный, умеющий вести дела и умеющий кормиться. Тяжелое положение тяглого человека, обремененного податями, увеличивалось еще таким отношением к областным правителям как кормленщикам, и часто тяглый человек бежал от невыносимой тягости, укрывался, вступал в зависимость от частных сильных и богатых людей, чтоб найти в ней льготу и покровительство. Это последнее явление составляет также характеристическую черту первобытных, неразвитых государств, которые не могут дать каждому подданному свободно и безопасно трудиться, — государств, где правительственные требования находятяся в несоразмерности с средствами подданных удовлетворять им. Здесь естественное стремление бедного, слабого входить в зависимость от богатого, сильного, чтоб найти у них помощь и покровительство, найти защиту как от насилия других сильных, какой не может дать государство еще слабое, так и от требований самого государства. Известно, что так называемая феодальная система на Западе, господствовавшая в то время, когда тамошние государства находились в первобытном, неразвитом состоянии, основывалась на этом стремлении слабых войти в зависимость от ближайших сильных с целью найти в них защиту и покровительство.

Вот почему и в древней России мы видим сильное стремление добровольно входить в частную зависимость. Человек отдавался или продавался добровольно в холопы, давал на себя кабалу. Отпущенный на волю по завещанию умершего господина, холоп спешил закабалить себя наследнику покойного господина или другому кому-нибудь. Но кроме этого добровольного закабаления себя в личное услужение видим стремление людей,

имеющих свое независимое хозяйство и промыслы, закладываясь за людей сильных для приобретения защиты и освобождения от тяжких государственных повинностей, стремление, по тогдашнему выражению, жить за чужим хребтом, быть в захребетниках, в соседях и подсоседниках. Государство, разумеется, не может равнодушно смотреть на все эти явления. Накопляется огромное количество жалоб мелких землевладельцев, что крестьяне бегут с их земель и тем лишают их средств кормиться, следовательно, лишают средств служить. Несмотря на закон о прикреплении крестьян, богатые и сильные землевладельцы продолжали переманивать крестьян у недостаточных собратий своих, — переманит и сейчас же отправит в отдаленную вотчину, где прежний господин его не сыщет. Пустеют целые волости от тяжких податей и воеводских притеснений, бегут или закладываются посадские люди. Но уход крестьянина от помещика лишает государство возможности иметь в сборе достаточное число войска; уход, укрывательство, закладничество тягло человека лишает бедное государство последних финансовых средств, и вот одною из главных постоянных забот государства становится ловля человека. Помещик жалуется, что ушел работник, земля пуста, дохода не дает, а нанять работника нечем, да и некого; посадские люди жалуются, что товарищи их ушли или заложились за бояр, за монастыри, тягла не тянут, вся тяжесть обрушивается на оставшихся, которым, разумеется, нельзя справиться и приходится самим брести розно, и государство должно удовлетворять всем этим жалобам, должно ловить работника, тягло человека, усаживать на одно постоянное место, стеречь, чтоб не ушел. Государство из финансовых видов должно вооружиться против закладничества, должно освобождать людей от частной зависимости, освобождать силою, против их воли, и освобожденные составляют заговор, чтобы произвести кровавый бунт против освободившего их правительства: зачем освободило. Вот явление, которое заставляет нас быть очень осторожными и не судить по настоящему о прошедшем.

Понятно, что меры государства относительно ловли и усаживания людей не могли быть очень действительны. Уйти и скрыться в громадной малонаселенной стране было легко; открытость границ, условие, столь затруднительное относительно государственной обороны, облегчавшее врагам доступ в Россию, облегчало и русскому народонаселению возможность выхода, возможность разбрасываться все более и более на неизмеримых пространствах, пустых или почти пустых по ничтожности их туземного народонаселения. Понятно, что такая колонизация, такое постоянное расширение государственной области, не имеющей изначала резко очерченных границ, расширение, которое беспрепятственно шло чрез пустыни Северной Азии и могло

остановиться только на берегах Восточного океана, такое постоянное расширение государственной области, и без того громадной, такой отплыв народонаселения, и без того незначительного, только усиливало затруднения государства в его отправлениях. К тому же подле выселения людей с земским характером, людей, переносивших на новые места свой труд, мы видим выход людей с другим характером,—людей, которые, ушедши от тяжкого труда, от надзора правительственного и общественного, начинают заниматься дурным промыслом, жить на чужой счет; в густых лесах малонаселенной страны так легко было образоваться и укрываться от преследований разбойничьим шайкам, от которых мирное сельское народонаселение терпело более, чем от внешних врагов; от последних терпели окраины, разбойники свирепствовали повсюду.

Но не один лес служил убежищем для людей, которые хотели жить на чужой счет, на счет трудящихся в поте лица братьев: широкие степи, с которыми граничила древняя Россия на юге и юго-востоке, переставши быть привольем хищных кочевых орд, стали привольем казаков — людей, не хотевших в поте лица есть хлеб свой, людей, которым по их природе, по обилию физических сил было тесно на городской и сельской улице, которые, по старинному представлению, не могли пройти по ней, чтоб не задеть другого, не сшибить его с ног, на что, разумеется, эти задавленные и сшибаемые с ног не могли смотреть равнодушно и быть благодарными; поэтому люди, чувствовавшие такую тесноту в обществе и не желавшие работать, спешили на простор, в широкую степь, где могли гулять, живя на чужой счет, т. е. грабя своих и чужих. Так образовалась противоположность между земским человеком, который трудился, и казаком, который гулял,—противоположность, которая необходимо должна была вызвать столкновение, борьбу. Эта борьба разыгралась в высшей степени в начале XVII века, в так называемое Смутное время, когда казаки из степей своих под знаменами самозванцев явились в государственной области и страшно опустошили ее, явились для земских людей свирепее поляков и немцев (грубнее литвы и немец, по выражению летописца). Понятно, что это опустошение не могло улучшить экономическое положение страны, которое в продолжение нескольких лет сряду терпело от разбоя, производившегося в самых ужасающих размерах, с неслыханною ненавистью к мирному труду, к гражданину-труженику, к земскому человеку.

В последнее время, когда русская мысль, недостаточно установленная правильным научным трудом, произвела несколько странных явлений в нашей литературе, в некоторых так называемых исторических сочинениях выказалось стремление выставить этих героев леса и степи, разбойников и казаков, с выгодной

стороны, выставить их народными героями, в их деятельности видеть протест во имя народа против тягостей и неправды тогдашнего строя государственной жизни. Протест! Мы привыкли к этому слову, оно легко для нас, как легко самое дело. Но в сущности это дело не так легко, а потому и слово не должно употреблять легкомысленно; в сущности в самой тесной связи с ним находятся слова: подвиг, пророчество, мученичество, и, конечно, это слово вовсе нейдет к людям, которые покидали своих собратьев в их подвиге, в их тяжелом труде и уходили, чтоб гулять и жить на чужой счет, на счет тяжкого труда своих собратьев. Хорош протест во имя народа, во имя народных интересов, протест, состоящий в том, чтобы мешать народному труду, мешать труженикам трудиться и посредством труда улучшать свое положение! Хорош протест против неправды под знаменем лжи, под знаменем самозванства! Нет, все наше сочувствие принадлежит не тем, которые ушли, но тем, которые остались; все наше сочувствие принадлежит тем земским русским людям, которые разработали нашу землю своим трудом великим, подвигом необычайным, потому что были поставлены в самые неблагоприятные обстоятельства, должны были преодолеть страшные трудности, должны были бороться с природою-мачехою, при ничтожных средствах защищать обширную страну от врагов, нападавших на нее со всех сторон, и, несмотря на все препятствия, создали крепкую народность, крепкое государство. Все наше сочувствие принадлежит этим людям, которые в продолжение стольких веков работали самую черную работу, и посмеем ли мы задать им детский и дерзкий вопрос: зачем они при этой черной работе не носили светлого, богатого платья? Наше сочувствие принадлежит не тем, которые, как бичи Божии, приходили из степей, чтоб вносить смуту и опустошения в родную землю, которые умели только разрушать и не умели ничего создать; наше сочувствие принадлежит тем, которые своим честным гражданским трудом создавали, охраняли и спасали; тем, которые в Восточной, московской России, несмотря на разбросанность свою по обширным малопроезжим пространствам, умели собраться и стать как один человек, когда беда начала грозить родной стране, которые совершили не один физический подвиг, но умели очиститься нравственно, избавиться от привычки нравственного обособления, от привычки нравственного колебания, шатания, как они выражались. Наше сочувствие принадлежит тем, которые в Западной России, почуя ту же беду, нехитрыми средствами приходского складчинного пира умели создать крепкие общества, в короткое время создать школу, науку, литературу, все нравственные средства к борьбе с врагом сильным для спасения своей народности. Наше сочувствие принадлежит тем, которые великим трудом развили свои нравственные силы,

окруженные варварами, сохранили свой европейско-христианский образ и стали способны под предводительством величайшего из тружеников приступить к новому великому труду, труду созидания новой России. Этим людям принадлежит все наше сочувствие, наша память, наша история. Прошедшее, настоящее и будущее принадлежит не тем, которые уходят, но тем, которые остаются, остаются на своей земле, при своих братьях, под своим народным знаменем.

ЧТЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Из предложенного очерка экономического быта древней России легко догадаться, с чего должно было начаться движение при переходе из одного возраста народной жизни в другой. Прежде всего должно было пробудиться сознание о недостатках этого быта, о их вредных следствиях в деле народной безопасности, народной силы, народной чести. Каким же способом могло пробудиться это сознание? Тем же, каким оно пробуждается и в отдельном человеке,—способом сравнения и противопоставления, а способ этот, разумеется, усиливается вследствие выхода в более широкую сферу, вследствие приобретения большого количества предметов, явлений для сравнения и противопоставления. Долгое время все внимание русского человека было обращено на Восток, к миру степных, хищных варваров, народов кочевых, нехристианских, стоявших на низшей ступени развития, чем народ русский. Русский человек сознал свое резкое различие от этих народов и, находясь в том возрасте, когда преобладает чувство, сознал свое резкое различие от степного варвара в религии; не русский и татарин, но христианин и бусурманин, или поганый, вот какие представления были наперед; здесь прошла резкая нравственная граница между русскою народностию и азиатским миром. Но на Западе другие соседи, народы с другим характером. И здесь прежде всего было подмечено и стало на первом плане религиозное, т. е. вероисповедное, различие: православный христианин или просто христианин, христианин по преимуществу, и латынец (римлянин), лутор, кальвин; и здесь, на Западе, вероисповедное различие провело резкую нравственную границу русской народности, вот почему и говорим мы, что православие легло в основу русской народности, охранило ее духовную и политическую самостоятельность, под его знаменем поднялась и собралась Восточная Россия, чтоб не пустить на московский престол латынца, польского короля или сына его; под его знаменем отстаивала свою народную самостоятельность западная Россия в борьбе с Польшею. Мы говорили, что Россия дурно защищена природою, открыта с востока, юга и запада, легкодоступна

вражьи нападениям, но отсутствие резких физических границ заменено для русского народа духовными границами, религиозным различием на востоке и юге, вероисповедным на западе; в этих-то границах крепко держалась русская народность и сохранила свою особность и самостоятельность.

Затем русский человек, разумеется, обратил внимание и на другие черты сходства и различия между своими соседями, между народами, с которыми имел дело, и по этим чертам также начал определять свои отношения к ним. Он заметил, например, племенное сходство и различие и поставил поляков-литву особо, немцев, т. е. всех западноевропейских народов неславянского происхождения, особо. Заметил и резкое различие между восточным и западным человеком, азиатским и западноевропейским, грубость первого, умелость, образование второго. Особенно поразило русского человека в противоположность с его собственно бедностию богатство заморского немца, англичанина, голландца, гамбурца, любчанина, богатство и искусство (досужество). Заморский немец привозит товары необходимые, но которых русский человек не умеет делать; у заморских немцев много денег, и, кроме того, они умеют вести свои дела, умеют вести их сообща, умеют сговориться и поставить на своем, тогда как русские люди торгуют каждый отдельно, не умеют сговариваться, помогать друг другу и потому всегда в проигрыше пред немцами, не могут с ними стянуть, как они сами выражаются. Немцы привозят товары дорогие, которые в их земле не рождаются, рождаются далеко за океаном, но немцы на кораблях своих плавают по всем морям, пристают ко всем землям, покупают дешево, продают дорого и наживают великие барыши. Русский человек присматривается к немцам, которые из них богаче, которые искуснее, и видит, что богаче, искуснее немцы поморские, те, у которых больше кораблей, те, которые плавают и торгуют по всем морям. Отсюда для русского человека представление моря как силы, которая дает богатство, отсюда страстное желание, стремление к морю, чтоб посредством него стать таким же богатым и умелым народом, как народы поморские. Таким образом, богатство и умелость заморских иностранцев, противопоставленные собственной бедности и неразвитости, пробудили в сильном историческом, т. е. способном к развитию, народе стремление выйти из своего затруднительного, печального положения, умерить односторонность земледельческого быта промышленным и торговым развитием, средствами указанными, действительность которых очевидна; отсюда движение от востока к западу, от Азии к Европе, от степи к морю. И это движение началось сейчас же, как только восточные варвары ослабели, русские осилили их, могли вздохнуть поспокойнее, оглядеться и заметить сказанное различие между собою и поморскими наро-

дами, ибо великий исторический народ пребывать в застое не может, а если древняя Россия нам представляется в застое, то это застой относительный, это только медленность движения в известных сферах вследствие могущественных препятствий, встречаемых народом.

Как только татарские ханы перестают подходить к Москве и брать в плен ее князей, сын того князя, который был пленником в Казани, Иоанн III уже заводит сношения с Западной Европой и вызывает тамошних художников, чтобы строить церкви, дворцы и башни в своем Кремле. Внук его Иоанн IV, как только уgomонил восточных татар взятием Казани и Астрахани, так сейчас же обращает все свое внимание на запад, хочет непременно добиться до заветного моря. Оттолкнутый от него соединенными усилиями поляков и шведов, Иоанн IV готов отдать всю русскую торговлю в руки англичан, лишь бы только те помогли ему получить хотя одну гавань на Балтийском море. Царь Алексей Михайлович делает наивное предложение герцогу Курляндскому, не может ли тот позволить строить в своих гаванях русские корабли; это всего лучше показывает движение и его направление, всего лучше показывает, как мысль о море стала господствующею, неотразимою. Таким образом, русские уже двинулись, и новый путь был определен; движение начинается с XV и XVI века, одновременно, следовательно, с движением западно-европейских народов, с их переходом из одного возраста в другой, но у нас, на Востоке, это движение шло чрезвычайно медленно вследствие страшных препятствий.

Польша и Швеция легли на дороге, загородили море, пробиться было невозможно с теми нестройными массами, какие представляло русское войско, требовавшее для успеха коренного преобразования. На западе загорожена дорога, а восток, степной восток, употребляет последние усилия, чтоб удержать свою добычу, свою пленницу — Россию. В то время как царь Иоанн IV обратил все свое внимание на запад, крымский хан подкрался и сжег Москву, сжег так, что она уже после того не поправлялась. Только что при царе Борисе успели решить вопрос, что лучше отправить своих русских за границу учиться, чем вызывать иностранных учителей в Россию, только что распорядились исполнением этого решения, как степи снова всколыхались, явились оттуда казаки с самозванцами и выполнили степную работу опустошения, уравнивания, т. е. уравнивали все с землею получше татар; долго Россия должна была отдыхать, оправляться после посещения этих проповедников протеста. Путешественники рассказывают, что когда они проезжали местами, где гостили казаки, то, чтоб остановиться и погреться в избах, прежде нужно было очистить эти избы от трупов их прежних обитателей. После такой болезни нельзя было требовать сильного движения от

выздоровливающего, а тут, едва восточная Великая Россия начала оправляться, движения в Западной России, сведение старых счетов с Польшею, казацкие смуты в Малороссии замедляли движение, замедляли, но оно не прекращалось: шли ощупью, принимали полумеры, но двигались, вводили преобразования в войске, отбиваемые от Балтийского моря, строили корабли для Каспийского.

Из сказанного, надеюсь, ясно, в чем должны были заключаться существенные черты так называемого преобразования, т. е. естественного и необходимого перехода народа из одного возраста в другой. Бедный народ сознал свою бедность и причины ее чрез сравнение себя с народами богатыми и устремился к приобретению тех средств, которыми заморские народы были обязаны своим богатством. Следовательно, дело должно было начаться с преобразования экономического; государство земледельческое должно было умерить односторонность своего экономического быта усилением промышленного и торгового движения и для этого прежде всего добыть себе уголок у северного Средиземного (Балтийско-Немецкого) моря, к которому прилила торговая, промышленная и историческая жизнь Европы, отхлынув от берегов древнего южного Средиземного моря. Здесь исполнялся общий закон, по которому шло движение и на Западе,— движение, приготовившее переход западноевропейских народов из одного возраста в другой, из древней истории в новую, началось изменением в их экономическом быте чрез усиление промышленной, торговой и мореплавательной деятельности. Чем обыкновенно начинают изложение новой истории? Открытиями новых стран и морских путей, и этим открытиям предшествует поднятие города, его чрезвычайное процветание в Италии, этой стране богатых, сильных, властительных городов-республик. С берегами южного Средиземного моря начинают соперничать берега северного Средиземного моря, Балтийско-Немецкого: здесь поднимаются города ганзейские и нидерландские. В других западноевропейских странах в различной степени под влиянием различных условий, но повторяется то же явление: деньги, движимое соперничает с землею, недвижимым, золото спорит с мечом; прежде династии основывались мечом, теперь они основываются посредством денег: богатые купцы Медичи основывают династию во Флоренции.

Развитие промышленное и торговое ведет к развитию умственному чрез расширение сферы наблюдения, чрез усиление жизни международной. Научное движение при этом необходимо, и мы видим, что в эпоху открытий географических, в эпоху усиления торговой и промышленной деятельности в странах, наиболее отличающихся этою деятельностью, является и сильная работа мысли над памятниками, оставленными древним греко-

римским миром, влиянию которых так подчинились западноевропейские народы и под этим влиянием совершили переход из своей древней истории в новую, из возраста чувства в возраст мысли, проще сказать, отдались в ученье грекам и римлянам, прошли школу под их руководством, и эта школа надолго, можно сказать навсегда, оставила глубокие следы, точно так же как глубокие следы оставляет школа в каждом человеке, способном принимать и переваривать духовную пищу. В этой-то греко-римской школе при возбуждении мысли посредством нее западноевропейские народы прежде всего отнеслись с вопросом и допросом к отношениям, которые были результатом начала, господствовавшего в их древней истории, чувства, религиозного чувства. И следствием этого допроса расправившей свои крылья мысли результатам чувства, следствием столкновения двух начал, делящих между собою историю народов, следствием столкновения мысли и чувства было религиозное протестантское движение, обхватившее всю Западную Европу и поведшее всюду к такой продолжительной и кровавой борьбе.

И у нас в России переход из древней истории в новую совершился по общим законам народной жизни, но и с известными особенностями вследствие различия условий, в которых проходила жизнь нашего и западноевропейских народов. На Западе известное экономическое движение началось давно и шло постепенно, что и не давало ему значения новизны, особенно поражающего внимание, дающего господство явлению. Самым сильным и поражающим своею новизною движением было движение в области мысли, в области науки и литературы, перешедшее немедленно в область религиозную, в область церковных и церковно-государственных отношений; здесь новое, протестуя против старого, противопоставляя ему себя, необходимо вызывало борьбу, и борьбу самую сильную, борьбу религиозную, которая делит Европу на два враждебные лагеря. Эта-то борьба и стала на первом плане, отстранив все другие интересы на второй. У нас в России в эпоху преобразования, т. е. при переходе народа из своей древней истории в новую, экономическое движение оставалось на первом плане.

По указанным выше неблагоприятным условиям у нас экономическое развитие было задержано, но движение государственной и народной жизни не останавливалось, ибо все яснее и яснее становилось сознание необходимости вывести страну на новый путь, все яснее и яснее становилось сознание средств этого вывода; и как скоро сознание окончательно уяснилось, то народ должен был вдруг ринуться на новую дорогу, ибо разлад между сознанием того, что должно быть, и действительностию возможен у отдельного человека и целого народа только при условии крайней слабости воли, одряхления, но таким не был русский

народ в описываемое время. Экономический переворот как удовлетворяющий главной народной потребности становился на первый план и как совершившийся вдруг тем сильнее давал себя чувствовать. В организме государственном нельзя дотронуться до одного органа, не коснувшись в то же время и других, и вот причина, почему вместе с экономическим преобразованием шло и множество других, но эти последние находились в служебном отношении к первому. Не забудем и того, что Россия совершила свой переход из древней истории в новую двумя веками позже, чем совершили это западноевропейские народы; следовательно, между этими народами, в общество которых вступил народ русский, многое уже должно было измениться.

Действительно, религиозное движение здесь успокоилось и на первом плане стоял также вопрос экономический. Вспомним, что на Западе это время было временем Людовика XIV, который дал Франции первенствующую роль в Западной Европе, но в конце его царствования Франция потеряла первенствующее значение. Это происходило оттого, что вначале знаменитый министр Людовика Кольбер произвел экономическое движение, экономический переворот во Франции, давший королю большие финансовые средства, но потом король позволил себе истощить их. От какой же мысли пошел Кольбер? Морские державы — Голландия и Англия — разбогатели посредством сильного промышленного и торгового движения; чтоб дать Франции возможность разбогатеть наравне с Англиею и Голландиею, надобно сделать ее морскою державою, возбудив в ней сильное промышленное и торговое движение, что и было сделано. Тут, следовательно, Кольбер шел от факта, совершившегося у всех перед глазами, от сравнения положения морских держав с положением континентальных, от верного понимания причин различия в этом положении, ибо не понять было трудно. От того же факта, от того же сравнения пошла и Россия; основное движение преобразовательной эпохи было то же кольберовское движение, то же стремление привить к земледельческому бедному государству промышленную и торговую деятельность, дать ему море, приобщить его к мореплавательной деятельности богатых государств, дать возможность разделить их громадные барыши. Движение это, как мы видели, так естественно и необходимо, что тут не может быть и мысли о каком-нибудь заимствовании или подражании: Франция с Кольбером в челе и Россия с Петром Великим в челе действовали одинаково, по тем же самым побуждениям, по какому два человека, один в Европе, а другой в Азии, чтоб погреться, выходят на солнце, а чтоб избежать солнечного жара, ищут тени. Иоанн IV, бившийся изо всех сил, чтоб утвердиться на морских берегах, не мог подражать Кольберу. Но когда Россия вошла в ближайшие сношения с Западною Европою, то было

важно, что она нашла здесь то же самое движение, какое сама совершала, нашла ему оправдание. Россия, производившая у себя экономический переворот и сближавшаяся с Западною Европою, застала ее не в религиозной борьбе, совершенно чуждой и бесполезной для России, но в борьбе за средства к обогащению.

Но если в нашем преобразовании выставилась так выпукло экономическая сторона, то было бы крайне неосторожно не обратить внимания и на другие стороны, которые рассматриваемое явление должно было иметь по необходимому общим законам. Мы видели, что в Западной Европе при переходе народов из одного возраста в другой мысль, возбужденная знакомством с памятниками древней мысли, древней философии, отнеслась с вопросом и допросом к результатам господствовавшего в их древней истории чувства, религиозного чувства, откуда произошло сильное религиозное движение, сильная религиозная борьба, разделившая Европу на два враждебных лагеря — католический и протестантский. Мы видели, что часть западноевропейских народов сохраняет и упорно отстаивает старые верования, старые формы церковного строя и утверждается в этом крайностями нового начала, крайностями движения мысли, ее разлагающего, отрицательного движения. После возбуждения вопроса о злоупотреблениях латинской Церкви очень скоро возникают учения, стремящиеся нарушить не только церковный, но и общественный строй; разнузданная мысль в своем отрицательном движении пробегает от Лютера до Мюнцера и от Мюнцера до анабаптистов. Такая крайность вызывала противодействие, реакцию со стороны католицизма, которые в свою очередь дошли до крайностей, произведя орден иезуитов. Никаких соглашений, никаких уступок новому началу, новым требованиям; все правильно, все безукоризненно, нечего переменять; и Божия правда, и человеческая ложь одинаково неприкосновенны; да будет так, как есть, или да не будет (*sit ut est, aut non sit*), написал католицизм на своем знамени в ответ на протестантские требования, на протестантские укоризны; и были в Западной Европе целые страны, которые остались верны этому знамени, обвели около себя магический круг, отчурались от всякого участия в новом движении, от всякого участия в служении новому началу: так поступили народы Пиренейского полуострова, знаменитые католическим старообрядством.

Но если при движении, вызывающем к переходу из одного возраста в другой, так сильно обнаруживается у народов отвращение к этому переходу, так сильно обнаруживается страх пред болезненным переворотом, так невыносима бывает тоска при этом, которую можно объяснить тоскою по родине, овладеваемою многими людьми, решившимися в первый раз переступить порог отечества, войти в новый, чужой мир; если целые

народы решаются заглушить в себе, выжечь костром инквизиции всякую попытку мысли потребовать отчета у существующего, освященного веками, изменить здесь хотя единую букву и если такое решение оправдывается крайностями нового направления, ведущими к односторонности, нарушающими гармонию духовной жизни, то самый естественный вопрос в устах человека, не знающего подробностей нашей истории: «Неужели переход русского народа из одного возраста в другой, из древней истории в новую совершился без болезненных явлений, без сопротивления, без борьбы? Неужели все с веселым сердцем, безбоязненно отправились в новый путь, в неведомый мир? Неужели все выслушали с сочувствием, по крайней мере равнодушно вызов: свое дурно, чужое хорошо? Неужели при той резкой вероисповедной границе, которую русские люди провели между собою и западноевропейскими народами и которую так ревниво охраняли, не щадя ничего, никому не пришла в голову страшная мысль, что при тесном сближении с иноверными народами эта священная граница может быть нарушена?» Всем известно, как отвечает на эти вопросы наша история.

Задолго, почти за сто лет до начала преобразовательной деятельности Петра Великого, уже идет совещание у царя Бориса с духовенством и вельможами; предлагается трудное, но необходимое дело: надобно ввести науку, потому что без нее Россия бессильна, беззащитна перед другими враждебными народами; науку можно получить только из-за моря, надобно призвать иностранных учителей, как уже хотел царь Иван. Но тут великая опасность: эти учителя—иноверцы; как будут учиться у них русские православные люди? Учиться—ведь это значит признать превосходство учителя, подчиниться ему, верить ему, делать так, как он велит, как сам делает, подражать ему. Какое страшное искушение: подчиниться влиянию учителя во всем, исключая одного—веры. Решено было, что иноверные учителя опасны и потому лучше послать русских людей учиться за границу, чтобы они по возвращении стали учителями в своей стране. Понятно, что опасность не уменьшилась: русский человек, лишенный влияния народной среды, совершенно предавался чуждому влиянию. Никто из отправленных не возвратился.

А между тем движение началось. И где же? В самой Церкви. Явилась типогрфия: она должна была прежде всего послужить Церкви, распространить церковную книгу; явилась важная выгода: книга выходила не из частных рук, не из рук переписчика, который мог внести в нее ошибки вольные и невольные; теперь книга должна была выходить под надзором церковного правительства. Но для того чтобы книга напечатана была правильно, нужно было напечатать ее с исправной рукописи, для чего нужно было собрать рукописи, сравнить, выбрать лучшую, сличить

с греческим подлинником, но для этого нужно было знание, а знания-то и не было. Люди, по-видимому, знающие, которым было поручено дело исправления, уличены были в незнании, в искажении вместо исправления. Нужно было вызвать исправителей из-за границы, разумеется, православных, т. е. греков или ученых монахов из Западной России, которая вследствие борьбы с католицизмом ранее Восточной завела у себя школы.

Исправители были вызваны, начали исправлять по-своему, и раздался вопль: чужие переменяют веру, велят творить крестное знамение не так, писать и произносить самое священное имя не так, портят книги, по которым молились отцы, по которым молились святые и спаслись. Вопль пошел от старых учителей, от прежних исправителей книг, которые были оскорблены обвинениями в невежестве, в искажении книг. Но стоило только раздаться словам, что вера в опасности, веру переменяют, как слова эти нашли сильный отзыв, тем более что движение к новому уже началось в разных сферах, новые обычаи бросались в глаза уже по тому самому, что были редки еще и ярко выделялись, сильно раздражали. Явились ревнители, которые провозгласили, что последние времена приближаются, что надобно стать и помереть за веру, за неизменность того, что предано свыше и потому должно остаться неприкосновенным: «Аще я и не смыслен, гораздо неученый человек, да то знаю, что вся, Церкви от св[ятых] отец преданная, свята и непорочна суть; держу до смерти, якоже приях, не предлагаю предел вечных: до нас положено, лежи оно так во веки веков»³. И так как ревнители старины действительно готовы были подвергнуться всем лишениям, страданиям и смерти, то производили сильное впечатление и увлекали многих. Явился раскол: часть русских людей отвергла авторитет Церкви, необходимым следствием чего было разделение отпадших на множество толков.

А между тем движение шло и с другой стороны; мысль была возбуждена религиозными вопросами; люди с возбужденною мыслию просиживали в Москве ночи с учеными киевскими монахами, другие стремились в Киев, в тамошние школы, к тамошним ученым и, возвратясь в Москву, спорили со своими отцами духовными, доказывая им, что они не так понимают дело. Те оскорблялись, кричали против извращения отношений, молодые учат старых, дети — отцов. Богословские споры овладевают вниманием общества, в домах и на улицах, мужчины и женщины

³ «Аще я и не смыслен гораздо, неуча человек, да и то знаю, что вся в церкви, от святых отцов преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, яко же приях; не предлагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веков!» (Аввакум (протопоп). Житие // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Архангельск, 1990).— *Примеч. ред.*

спорят о времени пресуществления, упрекают друг друга в еретичестве. Иезуиты тут и закидывают свои сети, подходят к русским людям с внушениями: у нас с вами вера одна, разница в том, что у нас ученых людей больше, мы вас удовлетворим в вашей новой потребности, в потребности знания, работы мысли. Иезуитов выгнали, но опасность не уменьшилась; духовенство находилось в самом затруднительном положении, между двух огней: с одной стороны, свои раскольники обвиняли его в отступлении от старой веры, отвергали его как еретическое, с другой — свои же обвиняли его в отсталости, в неимении средств правильно понимать проповедуемое учение, а тут иноверные учителя с Запада подчиняют русских людей своему влиянию и также не с уважением относятся к старым учителям их, к их отцам духовным.

Единственное средство выйти из этого затруднительного положения состояло в том, чтоб выйти вместе с народом на новую дорогу, приобрести могущество знания. Это новое могущество было необходимо для успешной борьбы с людьми, которые хотели остаться при старом начале во всей его исключительности, односторонности, людьми, которые лучше всего показывали, к чему ведет эта односторонность, исключительное господство чувства, не умеряемого мыслию. Эта односторонность повела к безусловному, слепому, фанатическому утверждению превосходства своего над чужим, своего, принятого в самом узком смысле; она повела к слепому, безусловному, фанатическому утверждению неприкосновенности всего преданного без всякого различия существенного и несущественного, духа от буквы, Божией правды от человеческой ошибки; она повела к тому, что часть народа покинула Церковь, объявила ее зараженной еретичеством за то только, что Церковь изменила несколько слов, несколько обрядов. «До нас положено, лежи так во веки веков», — провозглашает знаменитый в истории раскола протопоп Аввакум. Таким образом, односторонность господствовавшего начала, чувства, не умеряемого мыслию, знанием, выразилась в расколе самым печальным образом и заставляла необходимо требовать знания, умственного развития. Но то же знание было необходимо для защиты веры от других врагов, более опасных, от тех людей, к которым русский народ должен был обратиться за наукою, от учителей чужеземных, иноверных.

Мы видели, что русские люди с пробужденною мыслию, не имея возможности отправляться к народам иноверным, спешили в Киев к тамошним ученым для удовлетворения новой потребности, потребности знания. Но скоро заставы, заграждавшие путь к народам иноверным, должны были рушиться; нудящие потребности экономического преобразования, бывшего на первом плане, заставляли отнестись непосредственно к поморским народам, заимствовать у них их умелость, практические знания,

которых нельзя было приобрести в киевских школах или в школах, устроенных по образцу киевских школ. Русские люди толпами отправились в эти заморские иноверные страны учиться; если прежде и те, которые ездили в Киев, по возвращении оттуда представляли новые требования от своих старых учителей, своих старых отцов духовных, то легко понять, с какими требованиями, с какими вопросами возвратятся русские люди из-за моря: надобно было приготовиться удовлетворить этим требованиям, отвечать на эти вопросы, а приготовиться можно было только посредством науки.

Необходимость науки была признана и провозглашена торжественно. «Наука есть могущество»,—задолго перед тем провозгласил один из великих ученых деятелей в Западной Европе⁴, и народы ее приняли это провозглашение как истину. Русские люди признали эту истину, как только познакомились с людьми, с народами, обладавшими наукою; они нашли, что эти люди, эти народы обладают страшным могуществом. Могущество науки узнали русские люди в Западной России, увидав перед собою врагов своей веры, своей народности, вооруженных могуществом науки. Сознавши это, русские люди в Западной России не остались праздны, но поспешили вооружиться этим могуществом, чтоб бороться с врагами равным оружием. Русские люди Великой России, сознав могущество науки, также не хотят быть праздными, но поднимаются, собираются в дорогу, на поиск за наукою, чтоб сделать свою Россию богатую и сильною, чтоб дать ей почетное место среди народов. Наука есть могущество, но всякая сила может быть опасна в неопытных руках, если ей дается одностороннее направление. Посредством науки человек и народ переходят из одного возраста в другой: из возраста, где господствует чувство, в возраст, где господствует мысль. Мы только что говорили о печальных следствиях односторонности, решительного преобладания чувства, не умеряемого мыслию, знанием, о печальных следствиях ревности не по разуму наших Авакумов. Но мы прежде сказали о печальных следствиях односторонности и другого начала, усиливающегося во второй период жизни человека и народа,—о печальных следствиях отрицательного, разлагающего движения мысли, следствиях, которые вызывают вопль: древо познания не есть древо жизни; вопль, родившийся в той самой стране, где впервые было провозглашено, что наука есть могущество; вопль, потрясающий веру в могущество науки. Недавно история как будто подтвердила справедливость этих слов, что древо познания не есть древо жизни для

⁴ «Знание — сила» — афоризм, основанный на высказывании Фрэнсиса Бэкона («Новый Органон» I 3) «scientia et potentia humana in idem coincidunt» («знания и могущество человеческое совпадают») — *Примеч ред*

целых народов; недавно история произнесла страшные слова: «Горе народу, который равнодушно смотрит, как разрушаются алтари и заколаются их служители»; наука со всеми ее чудесами не спасла этого народа, а было время, когда этот же самый народ в подобных же обстоятельствах был спасен простою крестьянкою⁵, действовавшею с религиозным одушевлением.

Но эти вопли, эти примеры показывают только, что наука теряет часть своего могущества, когда ею пользуются односторонне. Наука есть великое могущество, есть наставница и благодетельница людей и народов, когда изучает прежде всего человека, когда знает условия, законы и потребности его природы, когда умеет сохранить гармонию между началами, в его природе действующими, умерять одно другим, положить границы между ними, когда умеет умерять гордыню знания и алчность пылливости разума и отвести должную область чувству, когда умеет определить границы, где оканчивается область знания и где начинается область веры. Наука достигает полного могущества не тогда только, когда учит и развивает умственные способности, не тогда только, когда изучением законов видимой природы увеличивает удобства жизни: она достигает полного могущества, когда воспитывает человека, развивает все начала его природы для их правильного и согласного проявления. Блюсти, чтоб эта правильность и согласие не были нарушены при переходе русского народа из одного возраста в другой, становилось обязанностью русской Церкви; для приготовления ее служителей к исполнению этой обязанности могущественным и необходимым средством должна была служить также наука.

Необходимость движения на новый путь была признана, обязанности при этом определились; народ поднялся и собрался в дорогу, но кого-то ждали, ждали вождя, вождь явился.

ЧТЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

«Народ собрался в дорогу и ждал вождя»,— сказал я в заключение прошлого чтения. Это ожидание вовсе не было спокойное; это было тревожное, томительное ожидание. Сильное недовольство настоящим положением, раздражение, смута — вот что мы видим в России в то время, когда в ней воспитывался вождь, долженствовавший вести ее на новую дорогу. Прежде в сфере нравственной был могуществен авторитет Церкви, сильной своим единством, но теперь в Церкви раскол; являются люди,

⁵ Противопоставление Франции времен франко-прусской войны (1870—1871 гг.) и Франции времен Столетней войны (1337—1453 гг.).— *Примеч. ред.*

которые смущают большинство; с жаром, убеждением, начитанностью выставляя перед собою авторитет подвига, страдания, толкуют они, что православие падает, что патриарх, архиереи и все остающееся при них духовенство отступили от истины. Нам теперь без углубления в подробности тогдашнего состояния общества трудно себе представить, какое нравственное колебание, смуту производил раскол во второй половине XVII века. Страшное впечатление производится, когда слышатся выходки против имен, с которыми привыкли соединять нравственное освящение, нравственную неприкосновенность. «Патриарх, архиереи — еретики, изменники православию!» И это говорили люди, облеченные также нравственным авторитетом, начитанностью, т. е. в глазах толпы знанием Св[ященного] Писания, готовностью страдать и умирать за истину. «Нам не дают высказывать истины, обличать неправду, — кричали они. — Вместо того чтоб по заповеди Христовой обращаться с нами кротко, убеждать с тихостью, они нас пытаются и жгут».

Вот знаменитый разговор раскольника с патриархом. *Раскольник*: «Правду говоришь, святейший владыка, что вы на себе Христов образ носите, но Христос сказал: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, а не срубам, не огнем и мечом грозил; велено повиноваться наставникам, но не велено слушать и ангела, если не то возвещает». Что за ересь и хула двумя перстами креститься? За что тут жечь и пытаться!» *Патриарх* отвечал: «Мы за крест и молитву не жжем и не пытаем, жжем за то, что нас еретиками называют и не повинуются Св[ятой] Церкви, а креститесь как хотите». Как обыкновенно бывает при подобных отношениях, люди, требующие свободы и безопасности, требуют их только для одних себя, а не для стороны противной в одинаковой степени, и раскольники не ограничивались одною свободою двухперстного сложения, они требовали также свободы и безопасности в открытом нападении на Церковь, свободы и безопасности в своей проповеди против нее, в выставлении ее еретическою. Но в толпе не умели уяснить себе эти отношения, и раскольники в глазах многих имели большую выгоду, выгоду гонимых. Некоторые шли за ними; другие, оставаясь при Церкви, не могли для себя вполне уяснить ее правоты, а потому естественно охладились к ней; ослабевал и авторитет Церкви, нравственная смута чрез это усиливалась; у ревнителей старины, стоявших, по-видимому, за неизменность, твердость всего преданного, даже каждой буквы, твердости и неизменности не оказалось с самого же начала, с самого начала страшная рознь между толками, и люди в отчаянии от этих разноречий, от этой смуты разбрелись по всевозможным дорогам, ища веры, и до сих пор ищут.

На помощь Церкви была призвана наука: устроили в Москве школу, академию, обязанностью которой было защищать

православие; начальник (блюститель) и учителя должны смотреть, чтоб ни у кого не было запрещенных книг; если кто-нибудь будет обвинен в хуле на православную веру, то отдается на суд блюстителю и учителям, и если они признают обвинение справедливым, то преступник подвергается сожжению. Таким образом, академия уполномочивалась следить за движениями врагов православия и бить всполох при первой опасности; это была цитадель, которую хотели устроить для православной Церкви при необходимости столкновения ее с иноверным Западом; это не училище только, это страшный трибунал: произнесут блюститель и учителя слово: «Виновен в неправославии»,— и костер запылает для преступника. Понятно, что для произнесения суда над уклоняющимся от православия судьи сами прежде всего должны быть согласны между собою. Но с самого начала православные ученые, призванные в Москву для защиты православия научными средствами, разногласят друг с другом. Симеон Полоцкий разногласит с Епифанием Славинецким; потом великороссиянин Сильвестр Медведев, ученик Полоцкого, ведет ожесточенные споры с учителями академии греками Лихудами. Двор на стороне Медведева, патриарх на стороне Лихудов; понятно, что русские люди делятся, дwoятся между двумя враждебными лагерями, всюду споры, шатость, смута. Верховный пастырь Церкви, патриарх, находился при этом в очень незавидном положении; раскольники обзывали его еретиком; при дворе, в обществах, находящихся под влиянием Полоцких, Медведевых, смеялись над ним, как над неучем. И действительно, недостаток научного образования препятствовал ясности взгляда его на то, что делалось вокруг, к чему шло дело; им овладевал безотчетный страх пред новым, причем существенное смешивалось с несущественным, и перемена чего-нибудь внешнего, какого-нибудь обычая, покроя платья, бритье бороды становилось наравне с учениями, противными православию. Народ, собравшийся слушать проповедь верховного пастыря, слышал такие обличения: «Люди неученые, в Церкви святой наших благопреданных чинодейств не знающие и других о том не спрашивающие, мнятся быть мудрыми, но от пипок табацких и злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков объюродели. Совротясь от стезей отцов своих, говорят: «Для чего это в Церкви так делается, нет никакой в этом пользы, человек это выдумал, и без этого можно жить!»».

Указания на чуждые учения, на чуждые западные влияния ясны и верны; русские люди, по выражению патриарха, объюродели от люторских и кальвинских учений; но прежде этих учений поставлена еще какая причина объюродения? Пипки табакки! Курение табаку сделано равносильным по своему вреду для православия протестантским внушениям! Резко вооружаясь про-

тив всего нового на словах, патриарх не имел твердости сопротивляться на деле, таким поведением возбуждал раздражение и насмешки со стороны людей, стремившихся к новому, но, разумеется, не щадили его и приверженцы старины, которую он в их глазах не отстаивал как должно. Юродивый говорил о нем: «Какой он патриарх! Живет из куска, спать бы ему да есть, бережет мантию да клобука белого, затем и не обличает». Таким образом, с двух сторон направлялись обвинения и укоризны на представителей власти церковной; и толпа начинала уже смотреть на них как на низверженных с высоты, подвергнувшихся суду и осуждению; толпа являлась хладнокровною, и хуже, чем хладнокровною, зрительницею падения власти.

Церковная власть падала, и никто не подавал ей руку помощи, ибо смуте нравственной, происходившей от ослабления церковного авторитета, соответствовала смута политическая, происходившая от ослабления власти гражданской. Основные условия жизни России, на значение которых уже было указано, изначальная громадность государственной области и редко разбросанное народонаселение, замедляя развитие общества, цивилизацию, т. е. разделение труда и соединении сил, тем самым требовали чрезвычайной деятельности правительственной в соединении и направлении разбросанных сил для общих государственных целей; постоянная опасность от врагов требовала, естественно, постоянной диктатуры, и, таким образом, в России выработалось крепкое самодержавие. В конце XVII века, точно так же как и в начале его, эта власть ослабела, и по этому поводу произошли сильные волнения, к которым наши предки отнеслись одинаково, назвавши их одним именем — смуты; как династические перемены служили поводом к смуте в начале XVII века, так династические же беспорядки повели и к смуте в конце века. Смута началась по поводу преждевременной смерти царя Алексея Михайловича, которому наследовал больной сын его Федор, скоро умерший беспотомственно. После него провозгласили царем малолетнего брата его Петра, за которого должна была управлять его мать, царица Наталья. Малолетство государей обыкновенно ведет к смутам, а тут были еще другие сильные поводы к ним. В семье царя Алексея страшный раздор вследствие того, что дети не от одной матери. Царица Наталья, мать Петра, мачеха старшим его братьям и сестрам, для которых она и ее дети были неприятным, тяжелым явлением в последние годы царя Алексея. По смерти его, когда вступил на престол Федор Алексеевич, сын от первого брака, мачеху с ее детьми удалили, оскорбили ее ссылкой ее родных и людей самых близких. Обида прошла по семье, и добра не будет. По смерти Федора Алексеевича наступило время царицы Натальи: сын ее Петр провозглашен царем мимо старшего брата Иоанна, совершенно

неспособного и больного; этот Иоанн—последний сын царя Алексея от первого его брака, но у него много сестер, девиц-царевен, из которых одна была знаменитая Софья Алексеевна, представляющая любопытное явление, знамение времени.

Неслыханное было прежде дело, невозможное, чтоб девица, царевна вышла из терема и приняла участие в делах правительственных, а теперь Софья именно это делает. Что же была за причина этого явления? Дух времени, можно ответить общепринятым выражением, точнее, сознание необходимости перемены, сознание, прояснявшееся во дворце прежде, чем где-либо. Причина этому явлению та же, которая заставляла русского человека пробираться сначала в Киев, потом и дальше за наукою, которая заставляла царя и вельмож вызывать для своих детей учителей из-за границы; причина та же, которая заставила царя Алексея завести при дворе своем театральные представления и потешать ими себя и свое семейство. Царевна вышла из терема; обстановка двора уже не та: у братьев—учитель, известный Симеон Полоцкий, который учит и сестру, учит легко и весело, передает много разных вещей, все у него примеры, анекдоты, остроумные изречения, и все в стихах для лучшего удержания в памяти. Сфера расширяется, птица побывала на свободе, видела мир Божий; старый терем становится тесен и душен; умирает отец; царевна около болезненного брата, царя Федора: кто запретит сестре быть у больного брата, прислуживать ему? У больного бояре рассуждают о делах; царевна слушает и учится, ей легко выучиться, потому что прежде была приготовлена; вот уже она в новой широкой сфере, и сфере обольстительной для существа энергического, честолюбивого, а тут и страсть, страсть к человеку самому видному по способностям и образованию, к кн[язю] Вас[илию] Вас[илиевичу] Голицыну. Новая жизнь крепко обхватила царевну Софью. Но брат Федор умирает, и царем провозглашают маленького Петра, т. е. отдают правление матери его Наталье. Что же предстоит царевне Софье? Проститься со всеми обаяниями этой новой раскрывшейся для нее жизни, выйти из этой широкой сферы, где так было расправились ее силы, и возвратиться опять в терем. Терем? Но ограничится ли дело теремом? Не вероятнее ли всего, что ей с сестрами предстоит монастырское заключение, ибо могут ли они ожидать милости от мачехи, которую раздражали, оскорбили? Жизнь улыбнулась так приветливо, и вдруг должно отказаться от нее, в цвете лет стать невольною, опальною монахиней, претерпеть стыд унижения пред ненавистною мачехою.

Искушение было слишком велико; Софья станет действовать по инстинкту самосохранения, станет изо всех сил, всеми возможными средствами отбиваться от судьбы, от терема, монастыря, с отчаянием полного силы и жизни человека, которого влекут

зарывать живым в могилу. Она ищет около себя средств спасения и находит: стрельцы недовольны, их можно возбудить против нового правительства, но это можно сделать только обманом, сказавши, что старшего царевича Ивана, законного наследника престола, несправедливо обойденного, обиженного, извели родственники царицы Натальи, Нарышкины. Через это возбуждение можно заставить стрельцов истребить мнимых убийц царевича, истребить людей, советом, помощью которых была сильна царица Наталья, этим истреблением уничтожить возможность примирения между стрельцами и царем Петром, его матерью и оставшимися в живых ее приверженцами, связать неразрывно интересы стрельцов с интересами Софьи, ее брата и сестер, заставить их действовать в их пользу. Кровавая программа была в точности исполнена: родственники и приверженцы царицы Натальи истреблены, хотя царевич Иван оказался жив и невредим; его провозгласили царем, но свергнуть младшего брата Петра, прежде провозглашенного, которому уже присягнула Россия, не решились, отняли только правление у царицы Натальи и отдали его Софье.

Легко было понять, что смута этим не оканчивалась: это был только кровавый пролог драмы, а не развязка ее. Софья только отдала решение страшного вопроса; вопрос оставался и волновал всех, не давал никому покоя. Стрельцы, раздражившие своим буйством вельмож и все мирное народонаселение, ежеминутно опасались следствий этого раздражения, видели в боярах непримиримых своих врагов и ждали от них справедливой мести; они боялись мести от целой России, боялись дворянского войска, которое могло собраться из областей и задавить их ничтожный сравнительно корпус. Стрельцы волновались от страха; каждому, кто находил в том свои выгоды, ничего не стоило пугать их внушением, что бояре уже решили истребить их; стрельцы волновались от страха, но своими волнениями наводили ужас на мирное народонаселение; оно не могло заснуть покойно в ожидании проснуться от набата и стрельбы, от зловещих криков «Любо!»), которыми стрельцы приветствовали свои жертвы, принимая их на копья. Правительница приняла энергические меры для прекращения стрелецких волнений. Угрозою, что правительство покинет Москву, обратится к России, призовет на свою защиту дворянское войско, этою угрозою она заставила стрельцов отступить от раскольников, которые, воспользовавшись смутою, пришли в Кремль, в самый дворец, чтоб спорить с патриархом в присутствии правительницы, и один из них решился сказать ей страшные, невыносимые для нее слова: «Пора вам, государыня, в монастырь; только царством мутите». Чтоб избавиться от любимого начальника стрельцов князя Хованского, человека очень беспокойного по своему властолюбию, Софья привела

в исполнение свою угрозу — выехала из Москвы; Хованский был схвачен, привезен к правительнице в село Воздвиженское близ Троицкого монастыря и казнен без суда. Стрельцы забушевали, услышав о казни своего любимого батьки, так их баловавшего, но скоро утихли, потому что бороться с дворянским войском им было нельзя. Софья усмирила стрельцов, самые буйные из них были удалены, но этими государственными мерами правительница уничтожила свои собственные средства, тогда как страшный вопрос о будущем оставался и все более и более приближался к своему решению.

Странная форма двоевластия была принята вследствие стрельцкого насилия; впрочем, она не могла очень беспокоить по неспособности Иоанна к правлению, по его болезненности, следовательно, и недолговечности, по неимению детей мужского пола. Но что успокаивало других, то мучительно тревожило Софью: Иоанн, ее единокровный брат, недолговечен, а младший Петр, настоящий царь в глазах всех, растет, и, когда достигнет совершеннолетия, правительство Софьи уничтожится само собою. Что тогда? Поток крови уже прошел между Софьей и Петром; царское семейство представляло два враждебные лагеря, и ненависть между ними усиливалась день ото дня; примирение было невозможно; с обеих сторон зорко следили за движениями друг друга, готовили средства защиты... При первом известии о волнении между приверженными к Софье стрельцами Петр делает то же, что уже сделала Софья в борьбе с Хованским: он спешит в Троицкий монастырь и призывает на свою защиту дворянское войско, обвиняя приверженцев Софьи в злоумышлении против себя. Софья стала в Москве в безвыходное положение; тщетно обращается она к стрельцам, желая поднять их на свою защиту; стрельцы не трогаются, они чувствуют всю бессмысленность борьбы с царем, располагающим средствами всей России; они чувствуют всю бессмысленность борьбы против силы материальной и силы нравственной, против права, несомненного в глазах России. Стрельцы выдают Софью, и то, чего больше всего она боялась, совершается: монастырская келья принимает в свои печальные, гробовые стены существо плоти и крови, существо, жаждущее мирской жизни.

Смута кончилась; Софья в монастыре, приверженцы ее на плахе или в ссылке; скоро умирает царь по имени только, Иоанн Алексеевич, остается один Петр. Мы уже несколько раз упоминали о нем, но другие лица загораживали его; теперь около него стало просторно, можно подойти поближе, рассмотреть внимательнее. У нас нет времени заниматься перечислением и разбором разных более или менее достоверных преданий о малолетстве Петра. Не для удовлетворения праздного любопытства собрались мы здесь, но для уяснения великого явления в нашем

историческом существовании, для уяснения значения великого человека, великой эпохи; обратимся прямо к этому человеку, пусть он сам скажет нам о себе. Вот первое письмо его к матери из Переяславля, когда ему было 17 лет; форма письма обычная в то время, с употреблением уменьшительных, уничижительных слов, как по-тогдашнему следовало писать детям к родителям: «Сынишка твой, в работе пребывающий, Петрушка благословения прошу, и о твоём здравии слышать желаю, а у нас молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось, и суды все, кроме большого корабля, в отделке». Итак, вот первое слово нам Петра, которого мы зовем Великим, первое им самим себе сделанное определение: «в работе пребывающий». Это первое определение останется навсегда за ним и дружно уместится подле определения Великий. Прошло много времени, и знаменитый поэт, который прозвучал нам столько родного, который дал нам столько народных откровений, не нашел лучшего определения для Петра: «На троне вечный был работник»⁶. Петр работник, Петр с мозольными руками — вот олицетворение всего русского народа в так называемую эпоху преобразования. Здесь не было только сближения с народами образованными, подражания им, учения у них; здесь не были только школы, книги, здесь была мастерская прежде всего, знание немедленно же прилагалось, надобно было усиленную работою, «пребыванием в работе» добыть народу хлеб насущный, предметы первой необходимости. Народы в своей истории не делают прыжков: тяжкая работа, на которую был осужден русский народ в продолжение стольких веков, борьба с азиатскими варварами при условиях самых неблагоприятных, борьба за народное существование, народную самостоятельность кончилась, и народ должен был естественно перейти к другой тяжелой работе, необходимой для приготовления к другой деятельности, деятельности среди народов с другим характером, для приготовления себе должного, почетного места между ними, для приготовления средств бороться с ними равным оружием. Это-то оружие и надобно было выработать, и выработать как можно скорее, ибо время не терпело. Над чем же прежде всего и больше всего работает царь-работник, представитель своего времени, выразитель его потребности? Он работает над кораблем, это его любимая работа, вода — его любимая стихия, он ищет все большего простора на ней, из подмосковного пруда переходит на озеро, с одного, меньшего озера на большое, от последнего к морю. Богатырю древней России было тесно в городе, он рвался в широкую степь, но зачем? Для бесплодного гулянья, для того, чтоб гулять на счет тех, которые трудились.

⁶ Пушкин А. С. Стансы (1826) // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Л., 1977. С. 307 (примеч. ред.).

Человек, одаренный страшными силами, богатырь новой России, Петр рвется также на широкий простор, но этот простор — море. В степи богатырь мог встретить дикого кочевника и упражнять над ним свою физическую силу, нравственные и умственные его силы не развивались от этой борьбы; новый богатырь может быть безопасен, может успешно бороться с грозною стихиею, морем, не иначе как посредством знания, искусства. На море, на его берегах он встретит людей, противоположных кочевым варварам, людей, богатых знанием, искусством, от которых есть чем позаимствоваться, и когда придется вступить с ними в борьбу, то для нее понадобится не одна физическая сила, понадобится чрезвычайное напряжение умственных сил. В жизни русского народа совершался переход из одного возраста в другой; этот переход естественно выражался в повороте от степи к морю; и что ж делает вождь народа, за каким первым делом мы застаем его? Он строит корабль, и когда мы припомним это страстное желание моря, корабля, обнаружившееся в России XVI и XVII века, обнаружившееся в деятельности Иоанна IV и Алексея Михайловича, то мы поймем ясно отношение великого человека к народу, к его потребностям в известное время, и другое значение получит для нас эта страсть к морю Петра, который скучал в тесных гористых пространствах, был спокоен и доволен только на море, и печальная по природе своей, но близкая к морю и богатая водою местность была для него раем.

Но, быть может, скажут: для чего же было царю становиться работником? Дело царя царствовать, а не плотничать; признал Петр необходимость завести флот и завел бы; для чего же самому участвовать в постройке судов? Эти суждения, по-видимому, справедливы, но в сущности применительно к известному явлению совершенно неверны, происходят от нашей непривычки высвободиться от своих настоящих условий жизни и переноситься в условия того времени, которое хотим изучить, понять и которое никак не поймем, если не отстанем от этой привычки. Мы живем в условиях цивилизации и смотрим все на народы, живущие в этих же условиях еще больше, чем мы, а сущность цивилизации, как мы знаем, состоит в разделении занятий, господствующем как во всякой другой, так и в правительственной сфере. Каждый знает, делает свое одно какое-нибудь дело. При таком порядке естественно и легко главе государства поручить какое-нибудь новое дело известному лицу или собранию лиц, ибо это новое дело по характеру своему непременно относится к известному отдельному ведомству, управляющие которым приготовлены к делу своим воспитанием и опытностью, и, как бы дело ни было ново, связь его с известным разрядом дел ясна, и по этой связи человеку приготовленному и опытному легко понять его, овладеть им, приложить его. Но не таково было положение

России в конце XVII и начале XVIII века: разделение занятий в правительственной сфере по известным ведомствам быть не могло по самой простой причине, что нечего было делить. Явилось сознание необходимости для государства, для народа выйти на новую дорогу для продолжения исторической жизни, сознание нудящих потребностей, которым необходимо было удовлетворить как можно скорее; но где средства для этого удовлетворения, где знание, умение приняться за дело? Средство есть, по-видимому, очень легкое: призвать искусного иностранца и поручить ему дело. Средство, по-видимому, очень легкое, но в сущности чрезвычайно тяжелое, могущее обойтись для народа очень дорого, не в отношении только материальным, не в отношении только денег; деньги — дело нажитое, но при неразумном, страдательном употреблении означенной меры можно потерять такое нравственное добро, которого после не наживешь.

Мы говорили, что русский народ совершил свой переход из одного возраста в другой по общим законам развития, уясняемым посредством сравнения жизни одного народа с жизнью других; мы видели, что западноевропейские народы совершили свой переход по тем же законам, но видели при этом и различие между ними и нами. Важное и с выгодою на их стороне различие заключалось в том, что они получили сильное побуждение к умственному движению, а следовательно, и к переходу из своей древней истории в новую посредством знакомства с памятниками античной, греко-римской мысли. Они стали учиться по чужим книгам, по книгам, оставшимся от народов, уже сошедших с исторической сцены, народов мертвых. Они пошли в науку к древним и не избежали при этом увлечения, подражали до рабства, заучивались чужому до самозабвения, но все же имели важную выгоду в том, что учились не у живых учителей, не подвергались влиянию живых потребностей, влиянию, понятно, более сильному и более опасному, ибо хотя несколько ученых греков, бежавших из разрушавшейся Византийской империи, и помогли в качестве учителей западноевропейским народам при изучении памятников греко-римской мысли, но число этих учителей было ничтожно, приток их не мог возобновляться, и положение их было таково, что не могло быть опасно ни для какой народности. Другая важная выгода для западноевропейских народов заключалась здесь в том, что они имели дело с законною умственною деятельностью народов уже мертвых; учение, школа, следовательно, должна была сама собою рано или поздно кончиться, содержание ее исчерпывалось для ученика и более не подбавлялось; следовательно, ученик, получивши от школы побуждение и средства к умственному развитию, мог легко приступить к самостоятельной деятельности, пойти дальше учителей. Но этих выгод не было для русского народа, начавшего гораздо

позднее свой переход в возраст умственного развития: он должен был обратиться к народам живым, брать от них живых учителей, следовательно, подчиняться влиянию живой чуждой национальности или национальностей. В этом отношении положение русского народа было похоже на положение народа римского, который должен был совершить известный переход под руководством греческой народности, хотя и потерявшей политическую самостоятельность, но еще живой и сильной; отсюда борьба в Риме при этом, образование партий, вопли старой римской партии против этих иностранных учителей-греков, которые портят нравы, отнимают у римлян их прежний нравственный национальный строй.

Для русского народа предстояла и другая невыгода: он должен был иметь дело с учителями из чужих живых и сильных народностей, которые не останавливались, но шли быстро в своем развитии, почему юный народ, долженствовавший заимствовать у них плоды цивилизации, осужден был гнаться за ними без отдыха, с страшным напряжением сил. Ему не давалось передышки, досуга передумать о всем том, что он должен был заимствовать, переварить всю эту обильную духовную пищу, которую он воспринимал. Внимание его было постоянно поглощено этим разнообразием явлений, которое представлял ему цивилизованный мир Западной Европы, и, естественно, отвлекалось от своего, а это вело к томительному недоумению, с каким русский человек останавливался между явлением, которое он видел у других народов и для него желанным, и отсутствием условий для его произведения на родной почве или неумением отыскать эти условия. А тут еще новая невыгода от постоянного присутствия перед глазами русского человека живых сильно развивающихся народов, та же самая невыгода, какая проистекает для отдельного молодого человека, когда его слишком долго оставляют под надзором и руководством наставника: молодой человек привыкает ходить на помочах в ущерб самостоятельности и быстроты своего развития. Таковы-то были чрезвычайно неблагоприятные обстоятельства, которые встретил русский народ при своем движении на запад, при соединении с тамшними цивилизованными народами.

Народы слабые при встрече с цивилизацией, с этим тьмочисленным разнообразием новых явлений и отношений, какие она им представляет, не могут выдержать ее натиска и падают, вымирают. Народ русский обнаружил необыкновенную силу, выдержавши натиск цивилизации; но можно ли сказать, чтоб это было для него легко, чтоб он не подвергался при этом страшным опасностям, тяжелым ударам? В первую половину своей истории он долго вел борьбу с Азией, с ее хищными ордами, выдерживая их страшные натиски и заслоняя от них Западную Европу; долго

боролся он с ними из-за куска черного хлеба. Вышедши победителем из этой борьбы, он смело ринулся на другую сторону, на запад, и вызвал чародейные силы его цивилизации, чтоб и с ними померяться. Вызов был принят, и страшен был натиск этих чародейных сил; это уже не был материальный натиск татарских полчищ, это был натиск потяжеле, ибо это был натиск духовных сил, натиск нравственный, умственный. Таковы были опасные стороны нового положения, в какое становился русский народ. Благодаря успехам нашей науки мы оставили далеко за собою ребяческие мнения, по которым одному человеку приписывалось то, что являлось по общим, непреложным законам народной жизни, мнения, по которым в вину одному человеку ставились неблагоприятные обстоятельства, бывшие необходимым следствием известных исконных условий развития какого-нибудь народа. Но мы должны признать и значение вождей народных, великих людей: от их искусства зависит уменьшить затруднения, ослабить вредные влияния опасных сторон известного положения, провести народный корабль во время бури без больших потерь. Исполнил ли эту задачу и как исполнил ее, как провел во время бури переворота русский корабль «тот шкипер славный»⁷, которого мы уже встретили в работе пребывающим, строящим корабли? Вот вопрос, посильное решение которого есть наша задача.

ЧТЕНИЕ ПЯТОЕ

В прошедшей беседе нашей речь шла об опасных сторонах положения, в какое необходимо становился русский народ в эпоху преобразования вследствие связи своей с живыми и сильными народностями, от которых должен был заимствовать плоды цивилизации, у которых должен был учиться, влиянию которых, следовательно, должен был подвергнуться, как ученик подвергается влиянию учителей. Здесь первое, главное средство для уменьшения опасности положения состояло в том, чтоб не позволить народу-ученику продолжительного страдательного отношения к народам-учителям. Речь идет об ученике, учителях; следовательно, сравнение, объяснение из школьной, воспитательной сферы напрашивается само собою. Представим себе такого учителя, который постоянно сообщает своему ученику множество знаний, делает пред ним множество опытов, решает множество задач, но при этом не обращает никакого внимания на ученика; усвоил ли тот преподавание и в какой степени усвоил — ему до

⁷ *Он же.* Моя родословная // Полн. собр. соч. Т. 3. Л., 1977. С. 199 (примеч. ред.).

этого дела нет. Такое преподавание возможно и правильно как высшее преподавание, когда наставник имеет дело с человеком вполне подготовленным, но такое преподавание никуда не годится как начальное, имеющее целью приготовить человека, сделать его способным к принятию высшего преподавания. Здесь преподавание тем полезнее, чем более имеет в виду ученика, чем более наставник старается развивать самостоятельную его деятельность: пусть ученик с самого же начала испытывает свои силы, сам сейчас повторяет преподанное правило, сейчас же прилагает усвоенное к делу. Только посредством такого учения человек может развить свои способности, приобрести привычку к самостоятельной деятельности, окрепнуть духовно.

Легко понять, что именно такое учение нужно было и русскому народу в этой начальной школе преобразования, когда при опасном столкновении с народами-учителями нужно было прежде всего озаботиться развитием самостоятельной его деятельности, избежанием по возможности страдательного положения, избежанием духовного принижения пред чужим, сохранением свободных отношений к чужому, духовной независимости, сознания своего достоинства. Что же делает народный вождь? Он проходит сам эту практическую, деятельную школу и заставляет других проходить ее. Он носит в себе ясное сознание, что его время есть время школы, школьного учения для народа, время школы, взятой в самых широких размерах, но при этом он сознает лучшее средство пройти школу как можно безопаснее и как можно полезнее, имея в виду развитие самостоятельной деятельности народа. Отсюда вполне уясняется нам значение этой неутомимой работы Петра. Услыхал что-нибудь — непременно хочет посмотреть — так ли? Увидал какую-нибудь вещь — сейчас же хочет дознаться, для чего она употребляется, и сейчас же произвести опыт, посмотреть, как она употребляется; увидел какое-нибудь производство — сейчас же сам принимает в нем участие. Только эту неутомимую работою он может избежать сам крайне опасного страдательного положения в отношении к иностранцам и избавить от него народ свой. Мы уже говорили, что, когда понадобится новое, чего русские люди не знали, не умели делать, всего легче было бы призвать знающих, умеющих иностранцев и поручить им введение всего нового, но тогда именно народ нашелся бы в страдательном положении, полной зависимости, духовном принижении. Без иностранцев обойтись было нельзя, но чтоб сохранить к ним свободное, независимое, мало того, властелинское, хозяйское отношение, надобно было приобрести способность надзора, проверки, а такую способность Петр и по его примеру и побуждению его сотрудники могли приобрести только этою неутомимую работою, этим немедленным практическим приложением всего усвоенного. Чтоб сохра-

нить свободное и хозяйское отношение к иностранцам, нельзя было допустить их к себе и дать им делать что хотят и как хотят: нужно было побывать у них самих, в их землях, посмотреть, как там делается, до какой степени совершенства может достигать то или другое дело, и с этим соразмерять свои требования. Но главная забота состояла в том, чтоб дать пройти русскому народу хорошую школу, т. е. деятельную, практическую, приложительную с самого начала, чтоб не дать ему привыкнуть к страдательному положению относительно иностранных учителей, не дать потерять сознания своего народного достоинства. Школа, как уже сказано, была в самых широких размерах; все отправления государственной и народной жизни входили в нее, всюду русский человек должен был учиться и одновременно прилагать изученное, узнанное к делу. Легко ли это? Сам вождь возвышался над уровнем человеческих способностей, был человек гениальный, но как человек и он должен был ошибаться, особенно в таком трудном деле. Что же другие? Петр заранее признает необходимость и пользу ошибок, неудач при учении; дурно, если все удастся, особенно сначала: ошибка, неудача учит осторожности, гонит гордость, самомнение.

Два отдела великой народной школы, которую проходили русские люди при Петре, были особенно важны по отношению к иностранцам, иностранным учителям: это война в собственном смысле и борьба мирная между народами, борьба дипломатическими средствами. Здесь Петр подвергался страшному искушению; иностранцы старались внушить ему: нельзя вести войны с неприготовленными, невыученными офицерами и генералами, особенно главными, фельдмаршалами, здесь ошибки, неискusstво, неопытность вождей могут иметь неисчислимо гибельные следствия. Надобно поэтому для успеха войны пригласить иностранных фельдмаршалов, генералов, офицеров, и русские пусть приготавливаются, учатся. Но Петр знал, что война есть лучшая школа для способностей, что нельзя выучиться делу, только смотря, как другие делают, и назначал своих русских генералами и фельдмаршалами: пусть сначала ошибаются, но зато выучатся. То же самое на поприще дипломатическом. Россия вошла в сношение со всеми значительнейшими европейскими дворами: одни из них она должна была привлекать в союз с собою, другие по крайней мере удерживать от вражды, вводить в свои интересы, при всех дворах нужно было иметь ей постоянных представителей, которые бы неусыпно блюли за русскими интересами в этом многосложном движении международной европейской жизни. И опять страшное искушение, опять внушают: русские совершенно не приготовлены к дипломатическому поприщу, они не знают ни прошедшего, ни настоящего тех держав, где будут уполномочены, вообще имеют смутное понятие об отношениях

европейских народов друг к другу, об истории этих отношений. Неминуемое следствие такого незнания — неловкость положения, ошибки, которые будут иметь гибельные следствия для русских интересов; необходимо поэтому назначать на главнейшие дипломатические посты знающих, искусных иностранцев. Но Петр преодолел и это искушение: русские должны выучиться на своей практике; пусть сначала будут ошибаться, ошибки пойдут в пользу понятливым и усердным ученикам, и на всех важнейших дипломатических постах являются русские люди.

То же самое по всем частям управления; у Петра было правило — во главе известного управления ставить русского человека, второе по нем место мог занимать иностранец, вследствие чего при кончине Петра судьбы России оставались в одних русских руках. Соблюдением этого правила Петр в опасный период ученичества отстранял духовное принижение своего народа перед чужими народностями, сохраняя за ним властелинское, хозяйское положение: искусному иностранцу были рады, ему давались большие льготы и почет, он не мог только хозяйничать в стране. Но для того чтоб преодолеть все приведенные искушения и дойти до такого правила, неужели достаточно было одних холодных расчетов ума? Нет, Петр был сам чистый русский человек, сохранявший крепкую связь со своим народом; его любовь к России не была любовью к какой-то отвлеченной России; он жил со своим народом одною жизнью и вне этой жизни существовать не мог; без этого он не мог так глубоко и горячо верить в свой народ, в его величие; только по этой вере он мог поручить русским людям то, в чем они по холодным соображениям ума не могли иметь успеха по своей неопытности и неприготовленности. И свели они свои счеты — великий народ и великий вождь народный; за горячую любовь, за глубокую и непоколебимую веру в свой народ народ этот заплатил вождю успехом, превосходящим все ожидания, силою и славою небывалыми: те неопытные русские люди, которым Петр поручил начальство над своими неопытными войсками, оказались полководцами, каких не могла дать ему образованная Европа; те неприготовленные русские дипломаты, не знавшие ни прошедшего, ни настоящего держав, куда были посланы представителями России, очень скоро стали в уровень с самыми искусными министрами европейскими.

Таким образом, уясняется для нас историческое значение этого образа, в каком Петр является в первый раз перед нами и в каком видим его в продолжение всей жизни: «в работе пребывающий», царь-работник, царь с мозольными руками. История ставит народ в исключительное, чрезвычайное положение, положение крайне опасное. Для избежания этих опасностей требовалось чрезвычайное напряжение сил, чрезвычайный труд. Какая же роль великого человека, народного героя и прирожден-

ного вождя, царя? Он первый двигается, первый принимает это чрезвычайное положение, первый принимает на себя чрезвычайный труд, первый проходит эту деятельную школу, которая одна могла развить самостоятельные силы народа, поставить его на ноги, привести в положение, которое бы возбуждало в нем уважение к самому себе и внушало уважение к нему в других народах. Нельзя было говорить другим: «Двигайтесь, работайте, учитесь деятельно, самостоятельно, не отчаивайтесь, когда чего не умеете, начинайте только делать, сами увидите, что сумеете». Нельзя было только говорить это другим и ждать успеха от слова, надобно было показать на примере, на деле; надобно было для начинающего народа употребить наглядный способ обучения, и Петр, становясь работником, учеником, делался чрез это великим народным учителем. Движение началось благодаря сильной руке, но чтоб оно шло с возможною быстротою, успехом, нужен был глаз, надзор заводчика, хозяина, начавшего громадное производство; а что такое глаз, надзор без собственного знания и опыта надзирающего? Вот почему в этой неутомимой работе, в стремлении все узнать и сделать самому мы видим необходимое приготовление к той царственной деятельности, которая выпадала Петру во время движения его народа на новую дорогу. Народ должен поднять страшную тяжесть; сознает, что должен, обойтись без этого нельзя, но, естественно, колеблется, останавливается в недоумении, как приняться за дело, достанет ли сил. Что же делает великий человек, вождь народный? Он первый подставляет свои могучие плечи под тяжесть, отдает всю свою чрезвычайную силу в общее дело, и дело, благодаря этому вкладу, начинается, идет, народ получает помощь. И вот подле значения великого учителя народного другое значение — великого помощника народного, а образ все тот же — образ царя-работника.

Уяснив для себя этот образ, в котором Петр впервые является перед нами, уяснив для себя это первое определение, которое Петр дал самому себе: «в работе пребывающий», мы будем следить за этою работою, т. е. будем следить за тем, какую помощь оказывал великий царственный работник своему народу в тяжелом деле перехода от его древней истории в новую, перехода, сопряженного с такими тяжестями, каких не испытывал никакой другой народ при подобном переходе. Прежде всего великая помощь была оказана народу тем, что он был выведен из самого печального, растлевающего силы отдельного человека и целого народа положения, когда возбужденный ум отрицательно относится к окружающим явлениям, и в то же время не имеет средств создать новые отношения, новый мир, где бы ему было спокойнее и просторнее; прежние явления существуют, но лишены для него содержания, значения, и он ходит между ними, как

между гробами и развалинами. Единственное средство вывести его из такого печального положения — это труд, сильная практическая деятельность, отвлечение его от задавания себе и другим праздных вопросов и привлечение его к решению вопросов на деле. По недостатку точных исторических наблюдений у нас приписывали Петру это отрицательное отношение ко всему существовавшему, разрушительные удары, нанесенные прежним формам государственной жизни, удары, которые тяжело отозвались и в мире нравственном. Но теперь мы знаем, что это отрицательное отношение началось, усилилось прежде Петра; прежде него русский человек уже отрицательно относился ко всему, начиная с бороды, широкого, по азиатскому покрою платья до высшей сферы религиозной, где слышались отрицания как со стороны раскольника, который оболщал себя, будто стоял за неприкосновенность старины, так и со стороны человека, наслушавшегося католических и протестантских внушений. Этот период отрицания, сомнения, колебания, — период необходимый, ибо им начинается переход в возраст умственного развития, но страшно вредно действующий на силы отдельного человека и целого народа, когда бывает продолжителен, — этот-то период и был укорочен Петром, который уничтожил праздничатание мысли, засадив русских людей за работу, за решение практических задач.

Природа Петра давала ему средства исполнить это дело, давала ему средства работать без усталости и возбуждать других к работе, природа огненная, природа человека, не умеющего ходить, а только бегать. Природа! А воспитание? Первоначальное воспитание, полученное Петром, было древнерусское: грамотность повела непосредственно и, можно сказать, исключительно к изучению Св[ященного] Писания, что и дало на всю жизнь обильное питание его глубокой религиозности. Церковная жизнь не коснулась его только внешним образом, он не признал ее необходимости только с государственной точки зрения и холодно подчинился этой необходимости. Церковная жизнь обхватывала его своим светом и теплотою как человека и как русского человека; он любил ее народную обстановку, любил русское богослужение, по природе своей хотел деятельно участвовать в нем, сколько это возможно мирянину, сам пел и читал в церкви. Наука и школа переходной эпохи, выписанные из Западной России с ее тамошней обстановкою, мало или вовсе не коснулись Петра. Ему не дали учителя, какой был у его старших братьев, не дали какого-нибудь Симеона Полоцкого; эта наука и школа отнеслись даже враждебно к Петру: верный ученик Полоцкого, хранитель его преданий Сильвестр Медведев был ревностный приверженец Софьи и потому враг Петра. Таким образом, эта славяно-греко-латинская, или, вернее, греко-латино-польская наука осталась

в стороне с ее богословскими спорами о времени пресуществления, с ее хлебопоклонною ересью. Петр был предоставлен самому себе. Огненный гениальный ребенок не может все сидеть в комнате без дела или перечитывать одну и ту же книгу; он рвется из печального, скучного, опального дома на улицу, собирает около себя толпу молодежи из придворных служителей, забавляется, играет с ними; как все живые дети, любит играть в войну, в солдаты.

Но одними этими играми и забавами не может удовлетвориться и в детстве такой человек, как Петр; требует удовлетворения жажда знания. Он останавливается на каждом новом предмете, превращается весь во внимание, когда говорят о каком-нибудь удивительном инструменте. Говорят ему об астролябии; он непременно хочет иметь инструмент, «которым можно брать дистанции, не доходя до того места». Астролябия привезена; но как ее употреблять? Из русских никто не знает; не знает ли кто из иностранцев? Самый близкий человек из иностранцев, которого прежде других цари древней России считали необходимым вызывать к себе,— это лекарь, дохтур. Не знает ли дохтур, как употреблять астролябию? Дохтур говорит, что сам не знает, но сыщет знающего, и приводит голландца Франца Тиммермана. Петр отыскал себе учителя и «гораздо пристал с охотою учиться геометрии и фортификации; и тако сей Франц чрез сей случай стал при дворе быть беспрестанно в компаниях с нами»,— говорит сам Петр. Но один иностранец не ответит на все вопросы, не удовлетворит всем требованиям. В измайловских сараях, где складывались старые вещи, Петр находит иностранный английский бот, ставший для нас так знаменитым. Что это за судно, для чего употребляется? «Ходит на парусах по ветру и против ветра»,— отвечает Тиммерман. Непременно надобно посмотреть, как это, непременно надо починить бот, спустить на воду. Тиммерман этого сделать не умеет, но он приводит своего земляка голландца Бранта. Бот на Яузе: «удивительно и зело любо стало». Но река узка, бот перетаскивают в Просяной пруд. «Охота стала от часу быть более», и вследствие этой охоты мы уже встретили Петра на Переяславском озере в работе пребывающим. Но и в ранней молодости односторонность не была в характере Петра: строение судов и плавание на них не поглощали всего его внимания; он в постоянном движении, работе и на суше; он учится геометрии и фортификации, обучает солдатские полки, сформированные из старых потешных и новых охочих людей, явившихся отовсюду, из знати и простых людей, строит крепость Пресбург на берегу Яузы. Даются примерные битвы, где в схватках с неприятельским генералиссимусом Фридрихом (кн [язем] Ромодановским) или польским королем (Бутурлиным) отличается Петр Алексеев, то бомбардир, то ротмистр. Но этот

бомбардир и ротмистр был также и шкипером. Переяславское озеро стало ему тесно; он посмотрел Кубенское — то было мелко; он отправляется в Архангельск, устраивает там верфь, закладывает, спускает корабли и пишет с восторгом: «Что давно желали, ныне свершилось».

Так воспитывался Петр, развивал свои силы. Мы видели, как в своем стремлении к знанию он встретился с иностранцами. Не умея приложить к делу известный инструмент и не находя между русскими никого, кто бы помог своим знанием, Петр отыскивает иностранца, который объясняет дело и становится его учителем, вследствие чего находится в его компании; другой иностранец объясняет ему значение бота. Естественно, что за решением многих и многих вопросов, которые толпятся в голове Петра, он должен обращаться к иностранцам, требовать их услуг, быть с ними в компании. Иностранцев довольно в Москве, целая компания, Немецкая слобода. Тут жили люди ремесленные и военные. Западная Европа имела своих казаков в этих наемных дружинах, составлявшихся, так же как и наши казацкие дружины, из людей, которым почему-нибудь было тесно, неудобно на родине, и шли они служить тому, кто больше давал, искать отечества там, где было хорошо, и служили они в семи ордах семи королям, как выражалась старая русская песня о богатырях, этих первообразах и казаков Восточной Европы, и наемных дружинников Западной. Мы видели, что в Западной Европе государи обратились к наемным войскам, когда разбогатели, стали получать хорошие доходы, хорошие деньги от поднявшегося города, от промышленного и торгового движения. Кроме того, наемные войска были желательны и потому, что отличались своим искусством: война была их исключительным занятием. И у нас в XVII веке являются эти западноевропейские наемники, но и вовсе не потому, чтоб наши цари нуждались в войске и, разбогатев, получили возможность нанимать его. Бедное государство должно было тратить последнюю копейку на этих наемников, чтоб иметь обученное по-европейски войско, чтоб не терпеть слишком тяжких поражений вследствие неискусства своего помещичьего войска. В конце XVI и начале XVII века мы видим иностранных наемников в царском войске, выходцев из разных стран, немцев, французов, шотландцев. У себя в Западной Европе эти наемные дружинники хотя представляли известные особенности, однако не могли поражать резким отличием по общности нравов и обычаев, но понятно, как выделялись они у нас в XVII веке. Между ними, разумеется, нельзя было сыскать людей ученых, но это были люди бывалые, много странствовавшие, выдавшие много разных стран и народов, много испытавшие, а известно, как эта бывалость развивает, какую привлекательность дает беседа такого бывалого человека, особенно в обществе, где книги нет и живой человек должен заменять ее.

Легко понять, что Петр, обратившись раз к иностранцам за решением различных вопросов, при своей пытливости, страсти узнавать новое, знакомиться с новыми явлениями и людьми должен был необходимо перешагнуть порог Немецкой слободы, этого любопытного, привлекательного мира, наполненного людьми, от которых можно было услыхать так много нового о том, что делается в стране чудес, в Западной Европе. Петр в Немецкой слободе, Петр, представитель России, движущейся в Европу, входит в этот чужой мир, входит еще очень молодым, безоружным. Молодой богатырь схватывается с этою силою, собственные силы его еще не окрепли, и он, естественно, подчиняется ее влиянию, ее давлению; это влияние обнаруживается в том, что самым близким, любимым человеком становится для него иностранец Лефорт. Лефорт был блестящий представитель людей, населявших Немецкую слободу. Как все они, Лефорт не имел прочного образования, не мог быть учителем Петра ни в какой науке, не был мастером никакого дела, но это был человек бывалый, и притом необыкновенно живой, ловкий, веселый, открытый, симпатичный, душа общества. Петр подружился с ним, подружился дружбою молодого человека, дружбою страстною, увлекающеюся, преувеличивающею достоинства любимого человека. Влияние Лефорта на молодого Петра сильное, потому что мы подчиняемся самому сильному влиянию не того человека, которого мы только уважаем, но того, кого мы любим. Петру было весело, занято в Немецкой слободе, среди людей, которых речи были для него полны содержания, чего он не находил в речах окружающих его русских людей, и всего приятнее и занятнее было с Лефортом.

Что же делал Петр в этот период влияния Немецкой слободы, лефортского влияния? Развитие шло быстро; от работы, которая имела вид потехи, Петр переходил к настоящему делу; и Белое море становилось тесно, плавание по нем бесцельно, имело также вид потехи, а потехи уже наскучили, не удовлетворяли, от них оставалась пустота в душе, от них саднило на сердце. Человек мужал, и являлась потребность сделать что-нибудь важное, полезное. Что же сделать? Сначала, как обыкновенно, прельщаются мечты, молодой человек еще рвется на предприятия далекие, имеющие связь с любимым занятием; зачем без цели строить корабли в Архангельске, заказывать их иностранцам? Нельзя ли чрез Северный океан отыскать проход к Китаю, Индии? Потом мечта уступает мысли серьезной, осуществимой; на юго-востоке Россия прикасается также к морю, имеющему выгодное положение, чрез него можно ближе, удобнее завести торговые сношения с богатыми странами Азии; на него давно уже иностранцы указывали московскому правительству, требуя свободного проезда к нему для торговли: это Каспийское море. Надобно строить

корабли для него, надобно ехать в Астрахань, завести сношения с Персиею. Итак, движение на Восток, к Азии; но естественно ли такое движение в тот период жизни народа, когда он именно стремился уйти с востока на запад, когда все внимание его было обращено на Европу? Естественно ли было ожидать, чтоб Петр начал с Каспийского моря? И вот поездка в Казань и Астрахань, несмотря на видимую пользу, практичность, приложимость, откладывается как дело тяжелое, неприятное. Все внимание и желание обращено на запад, там заветное море, туда надобно пробраться; но как? Заперто, и ключ у шведов. Мысль кружится около России, постоянно останавливается у Балтийского моря, постоянно должна отступать, отталкиваться от него и все же опять неодолимо влечется к нему. Молодой орел бьется в клетке. Но молодой орел растет, мужает; уставши от кружения мысли около России, молодой человек мало-помалу войдет внутрь ее, станет на действительную почву, начнет заниматься настоящим, текущим делом. Северный океан, Китай, Индия, Каспийское море, Персия, Балтийское море, в которое труднее пробраться, чем в Восточный океан,—все это мечты, сказочные подвиги богатыря, ищущего приключений, отправляющегося на поиск заколдованного терема, спящей царевны и т. п.; человек пробуждается, грезы исчезают; является жизнь, наяву, настоящая, действительная, а настоящее, действительное—это Россия с ее внутреннею и внешнею жизнью, вот чем надобно заняться.

Что же здесь на первом плане? Война с Турциею,—война, начавшаяся в правление Софьи и ведшаяся при ней неудачно; надобно загладить эти неудачи, кончить войну с честью, славою; здесь самый удобный случай выступить на сцену достойно перед Россиею и Европою, а война идет европейская, первая европейская война для России в союзе с европейскими государствами. В царствование Алексея Михайловича продолжительная и тяжкая война России с Польшею за Малороссию кончилась крайним истощением обоих государств с тем различием, что Россия имела средства поправиться, а Польша их не имела. По окончании этой войны польский вопрос получает новый вид. Оказалось, что России нечего бояться Польши; Польша не будет более помехою движению России в Европу; напротив, Польша должна затянуть Россию в европейские дела, в общую европейскую жизнь, если бы даже Россия этого не хотела: Польша по своему бессилию, по своему страдательному положению становилась ареною, на которой должны были бороться чужие народы, бороться с оружием в руках и дипломатическими средствами; Россия не могла оставаться праздною зрительницею этой борьбы, волею-неволею она должна принять в ней участие, не дать усилиться здесь враждебному влиянию, не дать чужим захватить своего, русского, а известно, сколько было русского добра у Речи Посполитой польской. Где

труп, там соберутся орлы, и хищники вились над Польшею. Казак Дорошенко, гетман польской Украины, кликнул турецкого султана на добычу; поддавшись ему, турки явились на зов и разгромили Польшу, объявляя притязание на всю Украину, которую именем казачества отдавал им Дорошенко. Таким образом, Россия втягивалась в первый раз непосредственно в войну с Турциею и, естественно, должна была помогать Польше. Турки в последний раз перед упадком своим явились грозны для соседей: Австрии, Венеции предстояла страшная опасность; Вена подвергалась осаде. Такое положение естественно вело к союзу этих соседей против общего врага, врага всему христианству. Россия и Польша заключили вечный мир; Ян Собеский со слезами подписал знаменитый Московский договор, по которому Киев навсегда оставался за Россию, но за эти слезы Россия должна была заплатить деятельною помощью Польше против турок.

Впервые Россия вступала в общее действие с европейскими державами, с Польшею, Австриею и Венециею, явилась членом этого союза, который назывался священным. В Москве решено было действовать против Крыма, чтоб удержать татар от подания помощи туркам. Два степных похода на Крым, соединенные страшными тягостями для войска, были неудачны, что наложило пятно на правление Софии, на ее любимца кн[язя] В. В. Голицына, предпринимавшего эти походы. Крупных военных действий не было до тех пор, пока в развитии Петра не произошел поворот от юношеской мечты, от неясных стремлений, от неопределенных порывов к действительности, от юношеской потешной деятельности к труду государя. Надобно было продолжать энергически и кончить с честью и пользою турецкую войну, тем более что восточный вопрос представлялся уже с тем великим политическим и нравственным значением, какое он имеет в жизни русского народа. Иерусалимский патриарх писал, что французы, пользуясь враждою между Россией и Портою, отнимают святые места у православных. «Нам лучше жить с турками, чем с французами,— писал патриарх,— но вам не полезно, если турки останутся жить на севере от Дуная, или в Подоле, или на Украине, или если Иерусалим оставите в их руках: худой эго будет мир, потому что ни одному государству турки так не враждебны, как вам. Если не будет освобождена Украина и Иерусалим, если турки не будут изгнаны из Подолии, не заключайте мира с ними, но стойте крепко. Если будут отдавать вам весь Иерусалим, а Украины и Подолии не уступят, не заключайте мира. Помогите полякам и другим, пока здешние погибнут. Вперед такого времени не сыщете, как теперь. Вы упросили Бога, чтоб у турок была война с немцами; теперь такое благоприятное время, а вы не радеете. В досаду вам турки отдали Иерусалим французам и вас ни во что ставят. Много раз вы хвалились, что хотите сделать

и то и другое, и все оканчивалось одними словами, а дела не явилось никакого». Не Петру было слушать, что дело не явилось. Дело явилось в 1695 году.

Но *шкипер* не пойдет в степной поход; он подплывает к сильной турецкой крепости Азову, загораживающей дорогу к морю. Шкипер подплыл под Азов, преодолев большие препятствия, задержки. «Больше всех задержка была от глупых кормщиков и работников, которые именем слывут мастера, а дело от них, что земля от неба»,—писал Петр. «Но,—продолжал он,—по молитвам св [ятых] апостолов, яко на камени утвердясь, несомненно веруем, яко сыны адские не одолеют нас». При осаде шкипер превратился в бомбардира, сам чинил гранаты и бомбы, сам стрелял и записал: «Зачал служить с первого азовского похода бомбардиром». Но дело не сделалось, Азов не был взят; Петр возвратился в Москву, и начинается страшная деятельность. Царь вызывает из-за границы новых мастеров, из Архангельска — иностранных корабельных плотников, хочет строить суда, которые должны плыть к Азову и запереть его от турецких судов, дававших помощь осажденным. Это было в ноябре 1695; корабли должны быть готовы к весне будущего 1696 года. Возможно ли это? В Москве строят галеры по образцу привезенной из Голландии; в лесных местах, ближайших к Дону, 26 000 работников рубят струги, лодки, плоты.

В начале 1696 года Петр с больною ногою едет в Воронеж. Опять препятствия, задержки: иностранные лекаря пьют и в хмелю колят друг друга шпагами, подводчики бегут с дороги, бросая перевозимые вещи, леса горят именно там, где рубят струги; в Воронеже капитан кричит, что в кузнице уголья нет; мороз во время снова леденит реки и останавливает работы, но Петр не отчаивается. «Мы,—пишет он,—по приказу Божию к прадеду нашему Адаму в поте лица своего едим хлеб свой». Этот хлеб ел он в маленьком домике, состоявшем из двух комнат. И вот летом в Москве получают от него письмо: «Господь Бог двалетние труды и крови наши милостию своею наградил: азовцы, видя конечную свою беду, сдались». Неудача, сламывающая слабого, возбуждает силы сильного, неудача первого азовского похода выказала те громадные силы, которыми обладал Петр; здесь последовало явление великого человека. С этих пор мы будем иметь дело с Петром *Великим*

ЧТЕНИЕ ШЕСТОЕ

После неудачи не отчаиваться, но усилить труд для того, чтоб как можно скорее поправиться; после удачи не отдыхать, не складывать рук, но также усиливать труд, чтоб воспользоваться плодами удачи,—вот примета великого человека. По возвраще-

нии из второго азовского похода у царя идут совещания с боярами. «Нельзя довольствоваться тем,—говорит Петр,— что Азов взят; после осады он в самом печальном положении, надобно его укрепить, устроить, снабдить жителями и гарнизоном, но и этого мало; сколько бы мы войска ни ввели в Азов, турок и татар не удержим, тем более что конницы там много иметь нельзя. Надобно воевать морем; для этого нужен флот или караван морской в 40 и более судов. Прошу порадеть от всего сердца для защиты единоверных и для своей бессмертной памяти. Время благоприятное, фортуна сквозь нас бежит, никогда она к нам так близко на юге не бывала: блажен, кто схватит ее за волосы».

Решено поднять общими силами великую, небывалую тягость строения флота. Землевладельцы, патриарх, архиереи и монастыри, бояре и все служилые люди с известного числа крестьянских дворов ставят по кораблю; торговые люди должны поставить 12 кораблей. Общее дело: надобно соединяться, складываться, и потому составляется несколько компаний (кумпанств). Кроме русских плотников каждое кумпанство обязано было содержать на свой счет мастеров и плотников иностранных, переводчиков, кузнецов, резчика, столяра, живописца, лекаря с аптекою. Чем больше нового необходимого дела, тем больше нужды в иностранцах, которых надобно вызывать толпами. Долго ли же так будет? Долго ли оставаться в такой зависимости от иностранцев? Необходимо, чтобы русские скорее выучились, скорее и как можно лучше выучились; для этого надобны большие средства, а главное — лучшие учителя.

Но Западная Европа вдруг не перенесет к нам своих средств, накопленных веками, и не пришлет к нам лучших своих учителей. Надобно, следовательно, послать русских людей учиться за границу, и 50 человек молодых придворных отправились в Венецию, Англию и Голландию. Но как они там будут учиться, у кого, как потом узнать, хорошо ли они выучились, всем ли воспользовались и к чему способны? Надобно, чтоб кто-нибудь из русских прежде их там выучился, все узнал; и кто же будет этот русский первый ученик? Разумеется, начальный человек в великой работе, на которую шел народ,—известный шкипер, бомбардир и капитан.

В 1697 году по Европе проходят странные вести: при разных дворах является русское посольство; в челе его — два великих полномочных посла: один — иностранец, женевец Лефорт, другой — русский, Головин; в свите посольства удивительный молодой человек, называется Петр Михайлов; он отделяется от посольства, останавливается в разных местах, учится, работает, особенно занимается морским делом, но ничто не ускользает от его внимания; жажда знания, понятливость, способности необыкновенные; и этот необыкновенный человек — сам царь русский.

Явление, никогда не бывалое в истории, возбуждает сильное любопытство, и вот две женщины, которые могли справедливо считаться представителями западноевропейского цивилизованного общества по своим способностям и образованию, спешат посмотреть на диковину, на дикаря, который хочет быть образованным и образовать свой народ; эти женщины были ганноверская курфюрстина София и дочь ее, курфюрстина бранденбургская София Шарлотта. Какое же впечатление произвел на них Петр? Вот их отзыв. «Я представляла себе его гримасы хуже, чем они на самом деле, и удержаться от некоторых из них не в его власти. Видно также, что его не выучили есть опрятно, но мне понравилась его естественность и принужденность»,— говорит одна. Другая распространяется более: «Царь высок ростом; у него прекрасные черты лица и благородная осанка; он обладает большою живостию ума, ответы его быстры и верны. Но при всех достоинствах, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтоб в нем было поменьше грубости. Это государь очень хороший и вместе очень дурной; в нравственном отношении он полный представитель своей страны. Если б он получил лучшее воспитание, то из него вышел бы человек совершенный, потому что у него много достоинств и необыкновенный ум».

Станный, а может быть, и оскорбительный отзыв? Государь очень хороший и вместе очень дурной! Действительно, мы к такому резкому сопоставлению противоположных сторон не привыкли. По слабости своей природы человек с большим трудом привыкает к многосторонности взгляда, для него гораздо легче, покойнее и приятнее видеть одну сторону предмета, явления, на одну сторону клонить свои отзывы, бранить так бранить, хвалить так хвалить. Найдут хорошее качество, хороший поступок, хорошее слово у какого-нибудь Нерона и пишут целые сочинения, что напрасно считают Нерона Нероном, он был хороший человек, и найдутся люди, которые восхищаются: «Ах, какая новая мысль: Нерон был хороший человек; честь и слава историку, который открыл такую новость, наука двинулась вперед». Отыщут дурное качество или дурной поступок у человека, который пользовался славою, противоположною славе Нерона, и начинаются толки, что напрасно величали его благодетельную деятельность, вот какой дурной поступок он сделал тогда-то; а другие восстают с ожесточением на дерзкого, осмелившегося заявить, что в солнце есть пятна; в солнце не может быть пятен, в деятельности такого-то знаменитого деятеля не может быть темных сторон, в ней все хорошо, кто находит, что не все хорошо, тот — человек злонамеренный, и вот этого злонамеренного благонамеренные стараются принести в жертву памяти знаменитого человека; жертва языческая, заклятие человека темням умерших! А все оттого, что забывается, чему учат в раннем

детстве, забываются две первые заповеди, что Бог един, одно только существо совершенное и не должно иметь других богов, не должно творить себе кумиров из существ несовершенных. Памятование этих заповедей есть первая обязанность историка, если он действительно хочет двигать вперед свою науку, хочет представлять живых людей, с светлыми и темными сторонами их умственной и нравственной деятельности, называя знаменитыми тех, у кого результаты деятельности светлых сторон далеко превысили результаты деятельности темных, называя великими тех, которые по свету и теплоте своей деятельности являются солнцами, хотя и не без пятен, которые окупили свои темные стороны великими делами, великими жертвами, которым много оставляется, потому что возлюбили много.

Поэтому мы нисколько не смутимся приговором образованной наблюдательной женщины над нашим Петром. Он ей показался очень хорошим и вместе очень дурным, и мы даже не ограничим этого дурного одним внешним, не скажем, чтобы эта владетельная дама образованной Европы была оскорблена внешнею грубостью, незнанием правил внешнего приличия, неумением быть опрятно; мы признаем, что здесь дело идет не об одном внешнем. Петр был человек, одаренный необыкновенными силами: дело воспитания состоит в том, чтоб приучать человека давать правильное употребление своим силам, ставить нравственные границы для них. Воспитание не оканчивается домом, школою; воспитывает главным образом общество; оно воспитывает хорошо, если выработало известные нравственные законы, поставило нравственные границы и зорко смотрит, чтоб личная сила не переступила их; общество воспитывает хорошо, если дает простор всякой силе в ее хорошем направлении и сейчас же ее сдерживает, как скоро она уклонилась от этого направления.

Что обыкновенно делает человек, когда отправляется из дому в общество, где встретит людей, к которым питает уважение? Он заботится, чтоб все его внешнее не произвело невыгодного впечатления, он охорашивается, старается вести себя прилично. Благо тому обществу, которое необходимо требует, чтоб каждый член, входя в него, нравственно охорашивался, чтоб каждая сила употреблялась надлежащим образом, чтоб личная сила не переступала известных нравственных границ, поставленных общественным самоуважением, общественным тактом: такое общество дает хорошее воспитание человеку. Но горе тому обществу, где сила не находит себе нравственных границ, где она не считается с другими силами, не чувствует обязанности сторониться перед ними, где перед нею расступается доступная ее давлению, мягкая, слабая толпа и сила разнуздывается беспрепятственно. Горе тому обществу, которое не может встретить каждую силу строгим допросом, откуда она и куда направлено ее стремление,

не может испытать, настоящая ли это сила или фальшивая, самозваная. Горе тому обществу, которое способно преклониться и служить этой фальшивой, самозваной силе. Горе тому обществу, в которое можно вступить, не охорашиваясь нравственно, с полным неряшеством, без уважения к общественному глазу в делах своих, без уважения к общественному уху в словах своих, без уважения к общественному смыслу в мыслях своих. Горе тому обществу, где порок не ищет темных углов, но горделиво разгуливает при дневном свете по улицам и площадям. Горе тому обществу, которое не умеет верить ни слов, ни дел, которое безотчетно увлекается, как ребенок, первым движением, первым громким словом. Такое общество не может дать хорошего воспитания: дети могут ли воспитать мужей?

Мы видели, что Петр не мог получить школьного воспитания, разумея под ним правильное научное образование, умственное и нравственное, под руководством более или менее искусных наставников. Но быть может, общество могло восполнить этот недостаток, могло дать ему хорошее воспитание? После внимательного рассмотрения состояния старинного русского общества, в котором Петр необходимо должен был воспитываться, мы получим ответ отрицательный. Физической разбросанности, разрозненности народа соответствовала нравственная несплоченность общества и потому невозможность выработать крепкие нравственные границы для сил, которым предоставлялся широкий степной простор; личная сила могла встретить себе сдержку в другой большой личной силе или в собирательной физической силе толпы. Дурной воевода, например, мог делать все, что хотел, нравственных сдержек не было; он мог пасть, если встретился с каким-нибудь другим, более сильным лицом, или от восстания, бунта толпы, выведенной из терпения его насилиями. Экономические условия, о которых была речь прежде, не могли вести к благоприятным для нравственных сдержек отношениям, ибо эти условия заставили невооруженную часть народонаселения непосредственно кормить вооруженную. Не выработались известные сословные группы, крепкие своею внутреннею сплоченностью, сознанием своих общих интересов, своих прав, определенностью своих отношений друг к другу, сознанием, которое могло поднимать нравственно каждого члена такой группы, сильного не личною силою, но своею крепкою связью с сочленами своими при равенстве между ними. Все отношения основывались на личной силе: человек безусловно подчинялся более сильному и в то же время безусловно подчинял себе менее сильного, и, таким образом, преобладающим отношением было отношение господина к рабу. Отсутствие образования, науки задерживало развитие духовных сил, не вело к появлению особого рода авторитетов, сильных не физическою силою, не силою своего поло-

жения, но средствами исключительно нравственными. Отсутствие образования, науки отнимало возможность самостоятельно относиться к каждому явлению, поверять его, отличать истинные авторитеты от ложных. Отсутствие образования, науки давало то печальное духовное равенство, при котором различию по материальным средствам давалась полная сила. Все это вместе с долговременным отчуждением народа от общения с народами, стоявшими на равной или высшей ступени общественного развития, постоянное обращение с народами, стоявшими на низшей ступени, не могло благоприятно действовать на состояние общества в древней России, давать ему возможность хорошо воспитывать своих членов.

Нравы были грубы, и нам не нужно входить в подробности для доказательства сказанного, стоит указать на одно доказательство ясное и неопровержимое — затворничество женщины. Существо, от которого преимущественно зависит соблюдение чистоты семейной, наряда внутренней жизни, и существо слабое материально, женщина не могла быть безопасна в обществе, на улице. В обществе мужчин, дома и вне дома глаз ее не был безопасен от оскорбительного для нравственности зрелища, ухо — от оскорбительного для нравственности слова; существо слабое физически не было безопасно при отсутствии уважения сильного к слабому вообще. Но при таких условиях естественное и необходимое дело — уйти, спрятаться, запереться, не выглядывать на свет, чтоб не видеть дел темных. При объяснении этого явления не нужно прибегать к мудрствованиям, натяжкам, предполагать какие-то чужие влияния; дело объясняется для каждого ясно: выпустим ли мы женщину или ребенка ночью на улицу, когда знаем, что на улице небезопасно; то же сделаем и днем, когда удостоверимся, что и днем небезопасно; при отсутствии безопасности сильный выходит вооруженный, слабый сидит дома запершись: так естественно произошло затворничество женщины в древнем русском обществе, разумеется, в классах достаточных, где женщина могла не быть работницею, обязанною поневоле выходить из дому.

Понятно, что такое общество не могло дать хорошего воспитания, понятно, что представитель такого общества являлся очень дурным, хотя по природным своим качествам был очень хорошим человеком. Петр обладал необыкновенным нравственным величием, это величие выражалось в том, что он не побоялся сойти с трона и стать в ряды солдат, учеников и работников, когда сознал, что необходимо ввести в свой народ силу, до тех пор мало известную и в почете не находившуюся, силу умственного развития, искусства и личной заслуги. Необыкновенное нравственное величие Петра выражалось в способности уважать нравственное величие в других и сдерживаться им; как бы он ни

был раздражен, он умел всегда преклониться пред подвигом гражданского мужества, пред резким, но правдивым словом подданного, которое противоречило его собственному взгляду. Но в то же время Петр был человек в высшей степени страстный, и там, где он видел явную ошибку, злонамеренность, преступление, там он уже не сдерживался, выходил из себя, становился свиреп, употреблял материальные средства для прекращения зла и верил в их действительность, там он схватывался с человеком как с личным врагом своим и позволял себе терзать его. Петр умел сдерживаться уважением к хорошему человеку, и от этого проистекали бесчисленные благодетельные последствия, но он не умел сдерживаться уважением к человеку как человеку. Скажут, что это происходило от дурного воспитания, общество не могло хорошо воспитать его, ибо не выработало в себе нравственных сдержек для сильного человека. Историк ответит, что это объяснение, которое вполне принимается,— объяснение, но не оправдание; темная сторона остается, и мы признаем верным отзыв умной принцессы, что Петр был очень хороший и очень дурной человек. Последнее не отнимет у нас права признать вполне первое, признать необыкновенное величие человека и дел его; оно только не позволит нам сотворить себе кумира и воздать человеку поклонение большее, чем достоин человек.

Когда при этом свидании двух курфюрстин с Петром зашел разговор о том, чем молодой царь любит больше всего заниматься, Петр показал свои руки, жесткие от работы. Таким образом, и пред Западною Европою Петр явился в том же образе, в каком явился перед своею Россиею. В голландском местечке Сардаме появился молодой красивый плотник из России Петр Михайлов; в свободное от работы время плотник ходит по фабрикам и заводам, все ему нужно видеть, обо всем узнать, как делается, самому принять участие в производстве. Из Сардама плотник перешел на амстердамские верфи и тут занимался не одним плотничеством; его видели повсюду: в госпиталях, воспитательных домах, на фабриках и в мастерских, на профессорских лекциях, которые иногда читались для него на яхте, во время пути, ибо надобно было дорожить каждою минутою. Ненасытная жадность все видеть и знать приводила в отчаяние голландских провожатых; только и слышалось: «Это я должен видеть», и надобно было вести, несмотря ни на какие затруднения.

Но обилие любопытных предметов, которые представила ему Западная Европа, не подавило его духа; он не забывал, что прежде всего он русский и царь, и потому идет деятельная переписка с людьми, оставленными работать в России, доканчивать то, что было начато до поездки за границу. В России уже были оставлены им усердные работники; молодой царь уже

отличался этою изумительною верностию взгляда при выборе людей, которая помогла ему набрать столько сотрудников, наготовить способных людей не на одно только свое царствование, оставить России драгоценное наследство, которым она жила долго и по смерти преобразователя. Известна эта способность Петра с первого взгляда, посмотрев внимательно в лицо человеку, даже ребенку, угадать в нем полезного деятеля. При этом Петру помогала широта выбора; он не стеснялся ничем, брал способности одинаково сверху и снизу, не стеснялся и возрастом, приготавливая молодое поколение работников по всем частям государственной деятельности, он не обходил и старика, который мог изумить молодых своею неутомимою деятельностью. Так, в это время изумлял его старик Виниус, обруселый иноземец, открывший сибирские минеральные богатства. «Особенно болит сердце,— писал Виниус Петру за границу,— что иноземцы, высокою ценою продав шведское железо и побрав деньги, за границу поехали, а наше сибирское железо гораздо лучше шведского». Петр хлопотал, чтоб у Виниуса не болело сердце, хлопотал о наборе иностранных мастеров, которые бы помогли на первый раз разработать русские минеральные богатства. Олонецкие заводы уже начали свою деятельность.

Таким образом, Петр, работая на иностранных верфях, не спускал глаз с России, участвовал и в работе, в ней производившейся. На печатях писем, присылаемых Петром в Россию, читалась надпись: «Аз бо есмь в чину учимых, и учащих мя требую». К патриарху он писал: «Мы в Нидерландах, в городе Амстердаме, благодатию Божиею и вашими молитвами при добром состоянии живы и, последуя Божию слову, бывшему к праотцу Адаму, трудимся, что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, против врагов имени Иисуса Христа победителями и христианами тамо будущих свободителями благодатию Его быть, чего до последнего издыхания желать не престану».

В начале 1698 года Петр уже в Англии, работает на дептфордской верфи, оканчивает здесь кораблестроительную науку, делает, как и на твердой земле, большой набор мастеров. Проведя три месяца в Англии, он опять на твердой земле и направляет путь в Вену: здесь надобно хлопотать, чтоб император не заключал отдельного мира с турками, чтоб Россию не оставили одну в войне с ними, причем трудно было бы заключить скорый и выгодный мир. Из Вены Петр собрался в Венецию, в это южное морское государство, но вместо Венеции надобно было возвратиться в Россию: там бунтовали стрельцы.

Стрельцы и Петр—мы привыкли в этих явлениях представлять себе что-то крайне враждебное друг другу. Но при этой враждебности нельзя останавливаться только на личных

отношениях стрельцов к Петру. Первые впечатления, впечатления детства, бывают самые сильные, ими воспитывается, слагается человек. Нам укажут ребенка, одаренного необыкновенно сильною природою, огненного, страстного, и скажут, что этот ребенок, как только начал понимать, находился среди тяжких, раздражающих впечатлений; как только начал понимать, существа самые близкие, начиная с матери, питают его горькими жалобами на гонения, неправду и таким образом постоянно раздражают его, держат это нежное, распускающееся растение под палящим, иссушающим ветром вражды, ненависти. Нам скажут, что этому ребенку наконец прояснили душу, порадовали, объявили, что гонения кончились, он объявлен царем; его мать весела, ее родные, ее благодетель возвращаются из ссылки, и вдруг вслед за этим ужасные, кровавые сцены бунта, мать в отчаянии, ее братья, благодетель⁸ истерзаны; опять гонения, опять беспрестанные жалобы; как становится страшно за этого ребенка, воспитывающегося под такими впечатлениями, и, чем сильнее его природа, тем страшнее за него. Какой губительный яд принял он и в каком количестве! Говорят, что десятилетний Петр сохранял изумительное спокойствие, твердость во время стрельцкого бунта; тем хуже — лучше бы он кричал, плакал, бросался в отчаянии, ломал себе руки! Он был тверд и спокоен; а откуда это трясение головы, эти конвульсии в лице, эти гримасы, о которых говорила нам недавно немецкая принцесса и от которых не в его власти было удержаться?

Петр вышел из своей тяжелой школы отравленным этою семейною борьбою между мачехою и падчерицами, этою кровью, которою стрельцы так усердно поливали перед ним кремлевскую почву. Что-то выйдет из него? В русской истории был уже пример царственного ребенка, высокодаровитого и страстного, воспитанного подобным же образом; из этого ребенка вышел Иоанн Грозный. Не отыщется ли, к счастью России, какое-нибудь противоядие? Кажется, отыскалось: это кипучая практическая деятельность, постоянное пребывание в работе, а труд есть могущественное средство успокоения, просветления души, труд, соответствующий, разумеется, силам. А какой труд мог соответствовать силам Петра? Труд преобразования! Древняя Россия дала яд великому человеку в стрельцком бунте, она же представила и противоядие в своей потребности преобразования, в своей готовности к нему. Пусть же молодой человек пребывает в работе, эта работа вылечивает его от яда, принятого в детстве; пусть, не зная покоя, бросается к широкому морю, пусть строит корабль, на котором человек борется с страшною волнующеюся стихиею и владеет ею; пусть молодой царь упражняет свои силы

⁸ Имеется в виду боярин А С Матвеев (*примеч ред*)

в этом труде, в этой борьбе, столь достойной человека; чем более, чем многообразнее он будет трудиться, чем далее уйдет, чем более предметов завидит и усвоит себе, тем скорее упокоится, скорее просветлеет душою, скорее дастся перевес добрым в ней началам, скорее он забудет о стрелецком бунте, о кремлевской крови.

Но ему не дают забыть: только что собрался за границу, как узнает, что люди, недовольные им и его делом, ожидают его отъезда для исполнения своих замыслов, их надежда на стрельцов и казаков, надежда, что одни начнут с одного конца, а другие — с другого. Смутники были переказнены; Петра проводили кровавыми проводами. Путешествие, сильная деятельность за границею успокоила его; он собирается окончить путешествие, посмотреть на царицу южного моря, на Венецию; он возвратится домой спокойный, довольный, с богатою добычею... Нет, поехал от крови и возвратится к крови; ему не дают окончить путешествие; его зовут разделяться со стрельцами. Софья не умерла для мира в монастырской келье; она воспользовалась отсутствием брата и опять обратилась к стрельцам, и на этот раз стрельцы откликнулись, потому что были недовольны, сильно раздражены. Они видели ясно, что им предстоит тяжкое преобразование: из стрельцов превратиться в солдат.

Стрелец нес легкую службу: сходит на караул — и свободен; у него свой дом в слободе, своя семья, своя лавочка, где он торгует в свободное время. Но теперь постоянная, тяжелая служба. Стрельцы оторваны от привольной московской жизни и двинуты на край света — в Азов, ждут не дождутся, когда отпустят их домой, в Москву, а тут указ: велят им идти на другой край света — на литовскую границу, куда царь велел собирать войска, чтоб поддерживать избрание на польский престол пригодного для России кандидата курфюрста саксонского Августа. Тоска стрельцов по Москве достигла высшей степени; некоторые бежали из полков в Москву и принесли оттуда товарищам призыв царевны Софьи: «Теперь вам худо, а впредь будет еще хуже. Ступайте к Москве, чего вы стали? Про государя ничего не слышно. Быть вам на Москве, стать табором под Девичьим монастырем и бить мне челом, чтоб я шла по-прежнему на державство, а если бы солдаты пускать к Москве не стали, то их побить». Бунт вспыхнул, раздались крики: «Идти к Москве! Немецкую слободу разорить и немцев побить за то, что от них православие закоснело; бояр побить; стрельцы от бояр и иноземцев погибают и Москвы не знают; непременно идти к Москве, хотя б умереть, а один предел учинить. И к донским казакам ведомость послать; государя в Москву не пустить и убить за то, что почал веровать в немцев, сложился с немцами».

Стрельцы двинулись к Москве; солдаты под начальством боярина Шеина загородили им дорогу и поразили их. Пленных подвергли розыску; винулись в бунте, но никто не сказал о призыве из Москвы. Шеин не догадался об этом призыве, но Петр тотчас догадался, как только получил известие о стрелецких волнениях, это было больное место, рана раскрылась. Петр спешил в Москву в тревоге и гнѣве, и чем он сдержится? Он схватится с стрельцами врукопашную, с этими врагами, которые истерзали его родных, заставили расти в унижении, пренебрежении, отняли средства учиться вовремя, как следует; с этими врагами, которые объявили, что не пустят его в Россию, убьют за то, что он уверовал в немцев, сложился с ними, которые стали поперек его делу, позорят это дело в глазах русских людей, клеветуют на царя, выставляют его еретиком, немцем, а себя людьми, ставшими за православие, тогда как в сущности у них другие побуждения, столь ненавистные Петру: он зовет свой народ к тяжелому, необходимому труду и сам подает пример такого труда, а тут люди, которые хотят его убить, чтоб избавиться от трудных походов, возвратиться в Москву и жить покойно.

Страсть, гнѣв, мщѣние сдерживаются религиозно-нравственными правилами, христианским уважением, любовью к ближнему, страхом Божиим для одних, страхом человеческим для других; ум часто становится угодником страсти; он внушает гневному человеку, стремящемуся схватиться с врагом: действуй сильнее, истреби зло с корнем, вырежь, выжги, порази толпу ужасом, который бы отнял всякую способность к сопротивлению; тебе предстоит громадная деятельность для благородной цели; есть люди злонамеренные, которые будут ей противиться: истреби их, не оставляя врага в тылу у себя. И вот страсть, гнѣв получают новую пищу, получают оправдание. И вот Петр поканчивает со стрельцами пыткой, виселицей и плахой.

Но кровь не проливается даром, она вопиет. Пролитие крови очищает, как свободная жертва; оно осквернит, как дело насилия. Проходит минута гнѣва, страсти, и другие чувства поднимаются в душе человека и зовут его на суд, перед которым прежние мудрствования о правде дела являются мудрствованиями лукавыми. Стрелецкое дело дорого стоило Петру. Напрасно старались развлечь его: он был мрачен и скорбен, подвергался страшным припадкам болезненного раздражения; он упал духом, им овладело сомнение, достанет ли у него сил совершить задуманное, то, что мы называем преобразованием. Сомнение, естественно, поддерживалось различием между тем, что он видел в Западной Европе, и тем, что нашел в России. Прежде, до путешествия, это различие не могло представляться ему так ясно, так резко. Но сильная природа брала верх: Петр не мог оставаться долго в тоске и раздумье. Он поехал в Воронеж.

Успешный ход тамошних работ относительно флота и магазинов развеселил его, но не совсем, что видно из писем его оттуда; так, в одном он пишет, что, несмотря на зело изрядное состояние флота и магазинов, облак сомнения закрывает мысль, не слишком ли замедлится плод, как плод финика, которого не видят насаждающие дерево. В другом письме Петр пишет, что ждет доброго утра, чтоб прогнан был мрак сомнения. Мрак сомнения исчезал, душа прояснялась обращением к работе, к сильной преобразовательной деятельности.

Уже не раз было нами говорено, что в основе преобразований должно было находиться преобразование экономическое. Для того чтоб видеть плод от преднамеренных великих дел, необходимых в народной жизни, нужны были большие финансовые средства, которых бедное, земледельческое государство дать не могло.

Чтобы добыть эти средства, нужно было вывести государство из этой односторонности поднятием промышленного и торгового движения, поднятием города, который впоследствии мог поднять и освободить село. Что же могло и должно было правительство сделать для города? Оно должно было обратить большое внимание на беспрестанные, продолжавшиеся века жалобы горожан на притеснения от воевод и приказных людей, на дурное состояние правосудия, одну из главных помех народному благосостоянию; должно было вместо полумер употребить решительные меры для освобождения горожан от кормленщиков, и 30 января 1699 года выходит знаменитый указ об учреждении бурмистрской палаты. От воевод и приказных людей, от проволочки дел и взяточничества торговым и промышленным людям убытки и разоренье: государь велел сказать указ всем промышленным людям, чтоб ведались в своих делах и тяжбах и сборах доходов своими выборными людьми в земских избах. Малые города приписывались к большим и составляли с ними провинцию, причем земские бурмистры больших городов ведали земских бурмистров городов приписанных во всяких делах и сборах и в свою очередь находились в ведении московской бурмистрской палаты, или ратуши, составленной из бурмистров, выбранных московскими горожанами; один из этих бурмистров был президентом и сменялся ежемесячно. В палату входили все собранные по городам суммы, отсюда выдавались деньги на расходы, но не иначе как по именному царскому указу. Палата входила с докладами прямо к государю.

Историк не может ограничиться одною экономическою или финансовою стороною этого учреждения. Бурмистрскою палатою начинается ряд преобразовательных мер, которые должны были пробуждать собственные силы, приучать граждан к деятельности сообща, к сохранению общих интересов соединенными

средствами, отучать от жизни особой, при которой каждый слабейший предавался безоружным в руки каждого сильнейшего. Начинается школа, где человек воспитывается для общественной деятельности, посредством которой общество получает способность воспитывать человека. Тяжкая болезнь древней России происходила от розни сил; необходимым следствием была слабость, бедность результатов народной деятельности. Причина болезни сознается, и предлагается лекарство — соединение сил, приучение к деятельности сообща, к деятельности самостоятельной, самоуправительной. Давно уже русские торговые люди признавались, что им с иноземными купцами не стянуть, потому что те торгуют сообща. Теперь Петр предписывает: «Купцам торговать так же, как торгуют в других государствах купцы, — компаниями; иметь о том всем купцам между собою с общего совета установление, как пристойно бы было к распространению торгов их».

Не на одном военном или дипломатическом поприще русскому человеку открывается практическая школа, необходимая для его самостоятельного развития. Эту школу встречаем и будем встречать повсюду; повсюду преобразователь будет требовать деятельности сообща, коллегиальной формы вследствие уразумения, что причина болезни в разрозненности действия, а средство к исцелению — деятельность сообща и деятельность самостоятельная. В характере великого человека мы увидели явные признаки того, что общество не могло дать своему члену хорошего воспитания; мы увидели эту темную сторону великого человека, но великий человек остается великим человеком; его величие оказалось в том, что он понял неспособность общества давать хорошее воспитание и употребил все средства искоренить эту неспособность, поэтому история признает за ним высокий титул народного воспитателя.

ЧТЕНИЕ СЕДЬМОЕ

В прошедшей беседе нашей мы видели, что Петр еще в конце XVII века приступил к преобразованиям, которые должны были иметь воспитательное значение для общества. Но мы еще не касались того преобразования, которое произошло тотчас по возвращении из-за границы и которое чаще, чем другие преобразования, было предметом толков у современников и потомков: я говорю о знаменитом брадобритии и перемене платья. У потомства толки были частые по самой простой причине: дело близкое, доступное, легкое, не требующее обширного знания истории преобразовательной эпохи. И люди, которые не входили в подробности петровских преобразований, не задавали себе

вопроса о их значении или отзывались о них вообще с сочувствием, позволяли себе вопросы: но зачем Петр велел бороды брить, чем они ему помешали? Зачем переменял старое русское платье на иностранное? Историк не может отделаться от этого вопроса, указавши на его незначительность; не может сказать: занимаясь изучением такой громадной, важной деятельности, стоит толковать о бороде и платье? Стоит толковать, как стоит толковать о всех других проявлениях человеческой деятельности, человеческого творчества.

Одеждою человек дополняет свое существо, потребностью одежды отличается от других животных и тем прямо указывает на отношение одежды к высшей, чисто человеческой стороне своей природы; в одежду человек кладет свою мысль, в одежде отражается его внутренний, духовный строй. Говорят, человек, погруженный во внутренний, духовный мир свой, занятый преимущественно его интересами, мало заботится об одежде, но эта малая заботливость также выражается в одежде, которая и тут не теряет своего значения; одежда выразит и не нравственное побуждение человека в пренебрежении ею, как было замечено об одном древнем философе⁹, что чрез прорехи его неряшливой одежды виднеется его тщеславие; таким образом, одежда, назначенная для прикрытия тела, обнажает сокровенное духа. Отсюда понятно, почему вопрос об одежде имел также важное значение при переходе русских людей из древней своей истории в новую, почему с него началось, можно сказать, это движение.

Мы видим, что движение началось прежде Петра: до него русские люди стали работать новому началу, и перемена внутренняя необходимо должна была выражаться во внешнем, требовалось новое знамя, и этим знаменем прежде всего должно было служить изменение наружности, изменение одежды. Выставлялось новое знамя; одни шли под него, но другие упирались; мы знаем, как при подобных движениях в народах проходит рознь и страшная борьба; и если одни выставляют свое знамя, то другие выставляют свое и с ожесточением его отстаивают, и с таким же ожесточением стремятся сорвать знамя противников. Не говорим уже о том, что в обществах, подобных древнему русскому, сильно обнаруживается известное стремление к идолопоклонству, т. е. смещение внутреннего с внешним, существенного с несущественным, образа с изображаемым, случайное, изменяющееся представляется священным, неприкосновенным, — стремление, которое так ясно выразилось в раскольничестве, старообрядстве.

⁹ Видимо, речь идет о древнегреческом философе-кинике Диогене (IV в. до н. э.), практиковавшем крайний аскетизм, герое многочисленных анекдотов (примеч. ред.).

Сто лет прежде описываемого времени, на грани XVI и XVII веков, в царствование Бориса Годунова, когда решен был вопрос о необходимости учиться у иностранцев, т. е. когда в сознании народном дано было иностранцам преимущество как учителям, начинается в Москве бритье бород и тут же начинаются против этого сильные выходки ревнителей старины. После смутного времени и после отдыха от него при царе Михаиле вопрос о необходимости сближения с Западом поднимается снова, снова решается также утвердительно, и при царе Алексее Михайловиче усиливается брадобритие и также слышатся сильные выходки против гнусного эллинского обычая, как выражались ревнители старины. Правительство колеблется, оно стремится к новому, и в то же время пугается выходок ревнителей старины против знамени нового и, в угоду им, не только запрещает брадобритие, но отнимает чины за подрезывание волос. Но это гонение на короткие волосы, разумеется, только раздражало людей, стремившихся к новому, заставляло их относиться к длинной бороде и старому длинному платью так же враждебно, как ревнители старины относились к гнусному эллинскому образу.

Но ревнители старины не могли остановить роковое движение. В 1681 году царь Федор Алексеевич издал указ: всем вельможам, дворянам и приказным людям носить короткие кафтаны вместо прежнего длинного платья (охабней и однорядок), в котором никто не смел явиться не только во дворец, но и в Кремль. Длинное платье заменяется коротким: здесь весь смысл дела. Те, которые жалуются на смену русского народного платья иностранным, не обращают внимания на то, что здесь произошла перемена старинного платья не на платье какого-нибудь отдельного чужого народа, но на общеевропейское в различие от общеазиатского, к которому принадлежала древнерусская одежда.

В чем же состоит главное различие общеевропейской от общеазиатской одежды? В первой господствует узкость и короткость, во второй — широта и длиннота. Что же это: случайность или здесь выражение духа народов, духа их деятельности, их истории? Длинная и широкая одежда есть выражение жизни спокойной, по преимуществу домашней, отдохновения, сна; короткая и узкая одежда есть выражение бодрствования, выражение сильной деятельности. Объяснение сказанному представляет явление, беспрестанно совершающееся перед нашими глазами: что делает человек, носящий длинную одежду, когда хочет работать или идти пешком? Он подбирает свою длинную одежду. То же самое сделало европейское человечество в стремлении к той сильной работе, которою оно так отличалось перед азиатским человечеством, получило преобладание над ним: европейское человечество

постоянно подбирало свое платье, укорачивало, обрезывало его и дошло до фрака, который называют безобразным. Историк не станет спорить с художником относительно красоты или безобразия, но его обязанность указать на смысл явления. Широкая и длинная одежда должна была остаться в Европе как выражение особенного величия, спокойствия и торжественности в противоположность будничной, рабочей жизни; она осталась одеждою царя в чрезвычайных случаях; осталась одеждою служителей алтаря; она осталась одеждою женщины, представительницы жизни внутренней, домашней, т. е. чуждой той уличной хлопотливости и беготни, которые выпали на долю мужчины в его преимущественно внешней, общественной жизни. Разделение занятий между мужчиною и женщиною, это основное условие развития общества, разделение занятий, которое, как везде, так и здесь, служит самую крепкою связью между разделяющими занятием и условием успеха в деле, это разделение занятий естественно и необходимо выражается в одежде, и замечено, что у народов менее развитых мы видим и меньшее различие в мужской и женской одежде.

В постановлении царя Федора Алексеевича о ношении короткой одежды высказалось стремление изменить азиатский покррой одежды на европейский. Укорочение платья предвещало укорочение бороды. Напрасно люди, ревностные не по разуму, усиливали свои выходки против брадобрития, посредством которого, по их мнению, губили образ, от Бога мужу дарованный; тщетно отлучали от Церкви не только бреющих бороды, но и тех, которые имели общение с брадобрийцами, тщетно вопили против еретического безобразия, уподобляющего человека котам и псам; тщетно стращали вопросом: если русские обрекут бороды, то где станут на Страшном Суде—с праведниками ли, украшенными брадою, или с обритыми еретиками? Все эти выходки только вредили авторитету Церкви, только усиливали раздражение в противной стороне, только увеличивали значение бороды как знамени, и когда приверженцы нового возьмут верх, то, разумеется, они бросятся на враждебное знамя и сорвут его, выставят свое. И Петр сорвал это знамя, когда возвратился из-за границы в Москву в страшном раздражении против людей, составлявших это знамя как знамя православия и народности, в страшном раздражении против стрельцов. Затем последовали указы и о ношении европейского платья, указы, не могшие очень поразить новизною после указов царя Федора.

В конце 1699 года была объявлена другая новость: приказано вести летосчисление не от сотворения мира, как делалось до сих пор, а от Рождества Христова и новый год считать не с 1 сентября, а с 1 января, ибо, говорил указ, «известно великому государю, что не только во многих европейских христианских странах, но

и в народах славянских, которые с восточною православною нашею Церковью во всем согласны, как валахи, молдавы, сербы, далматы, болгары и самые великого государя подданные черкасы (малороссияне) и все греки, от которых вера наша православная принята,— все те народы согласно лета свои счисляют от Рождества Христова восемь дней спустя». Преобразователь знал, с кем и с чем имеет дело, знал, как трудно сдвинуть народ с вековых привычек даже и в том случае, когда христианскому народу предлагалось вести летосчисление от Рождества Начальника веры и спасения; нужно было ослабить отталкивающий пример немцев, еретиков, и вот впервые пред русским народом выставляется пример, авторитет народов близких, родных, пример православных славян. На границе двух веков, на границе древней и новой России раздался призыв русским людям к единению с родными народами.

Была и другая новость в последний год XVII века: учрежден русский «славный чин» св[ятого] апостола Андрея. Первым кавалером был ближний боярин и воинского морского каравана (флота) генерал-адмирал Федор Алексеевич Головин. Первым генерал-адмиралом был друг юности Петра — Лефорт, который умер в марте 1699 года. С его смертью порвалась эта личная, так сказать, связь Петра с иностранцами, кончился период влияния Немецкой слободы. Заграничное путешествие, это расширение сферы практической деятельности, окончило воспитание Петра. Как человек силы, он воспользовался всем, что представил ему богатый цивилизацию Запад, но возвратился более русским, чем выехал из России. Имя Лефорта долго еще будет на языке врагов преобразования, но это будет с их стороны уже злоупотребление, злонамеренность, ибо соблазн дружбы с иностранцем исчез навсегда. При царе на первом плане русский человек Головин, превосходивший всех русских людей своею бывалостию: он заключил договор с китайцами на границах Сибири, он же вел переговоры в Голландии о союзе против турок. Головин с званием генерал-адмирала соединял заведование иностранными делами, являлся в глазах иностранцев первым министром.

Царю и первому министру предстоит много дела, много испытаний в первый год нового века: оканчивалась одна война и начиналась другая в более широких размерах, более опасная, небывалая для русского народа по своей продолжительности, великая Северная война. Мы привыкли слышать в разные времена на заявление правительств различных держав, что они избегают войны, не желая развлекаться во внутренней деятельности, ибо положение страны требует усиления этой деятельности, требует важных преобразований. И такие заявления вполне понятны: два дела вдруг делать трудно. Но положение России в начале XVIII века было чрезвычайное, и человек, ставший в ее челе,

соответствовал этому положению, был человек необыкновенный, мог делать вдруг много дела, обладая сам громадными силами, имея горячую веру в силы своего народа. Человек сильный нравственно избегает опасностей, борьбы ненужной, но не боится их, принимает борьбу, когда она необходима для достижения известных целей или когда мимо воли своей, извне получает вызов на борьбу. То же самое верно и относительно целых народов. Народу для выражения своей силы не нужно быть воинственным, завоевателем; человек-драчун далеко не всегда бывает сильным человеком; народ-драчун, охотник нападать не всегда бывает способен защищаться, но сильный народ, сильное народное правительство никогда не боятся войны, не пугают себя словами: «Где нам, мы не готовы, нас побьют». Бывает в народе готовность к войне внешняя, материальная, и бывает внутренняя, нравственная: первая без второй ничего не значит, вторая может восполнить первую, создать ее в короткое время.

В нашей истории выдаются две великие войны в начале обоих веков нашей европейской жизни: великая Северная война и война 12-го года; к обеим Россия не была готова, средства ее не были в уровень с средствами противников, и, несмотря на то, из обеих войн она вышла победительницей. Борьба сильная, опасная борьба вызывает нравственные силы народа, очищает, поднимает его, отвлекает от мелочных забот ежедневной жизни; борьба ведет его к алтарю, делает жрецом, потому что заставляет приносить жертвы. Никогда в народе не живет так тепло, так дружно, так сплоченно, как во время борьбы; никогда правительство и народ не соприкасаются так близко в общей деятельности; никогда знамя народности не развевается так высоко. Борьба, как гроза, очищает нравственную атмосферу народа, бодрит, выпрямляет его нравственно; борьба есть праздник народный, ибо освобождает его от будничного, низкого настроения духа, и горе народу, который не способен пробудиться и встать на праздничный благовест, народу, который ропщет: «Зачем так рано звонят, не дадут покоя, не дадут отдохнуть, подготовиться». А если спросить, от чего он так устал?.. Но лучше не спрашивать.

Сильный человек, представитель сильного народа, Петр ясно понимал значение борьбы и не боялся ее, не сдерживался страхом пред материальною, видимою неприготовленностию. Петр был представитель сильного народа, но не народа-драчуна, не воинственного, не завоевательного народа, ибо кто же из нас не знает, что в нас, в нашем народе меньше всего драчливости, воинственного задора. Иностранцы по незнанию нашей истории позволили себе увлечься внешним взглядом и никак до сих пор не могут освободиться от мысли о завоевательных стремлениях России, о стремлениях к всемирному владычеству. Здесь география ввела

их в заблуждение насчет истории. Действительно, первый взгляд на карту поражает: Россия представляет такую небывалую обширность государственной области, пред которою области других европейских государств ничтожны; отсюда первая мысль, что такая громада необходимо образовалась посредством завоевания, как образовывались древние колоссальные государства — Персидское, Македонское, Римское. При этом географическом взгляде и остались, не проверив его историю, тогда как история говорит, что Россия, как сплошная равнина, орошаемая большими, переплетающимися в своих системах реками, родилась уже с огромною государственною областю, после рождения подверглась общему процессу видимого разделения вследствие государственной слабости, а потом при известных благоприятных условиях происходило постепенное государственное сплочение, собрание русской земли под одну власть; до сих пор не все области, действовавшие как чисто русские в нашей начальной истории, входят в состав русского государства: остается в составе чуждого государства Червонная Русь, то знаменитое Галицкое княжество, о котором так часто идет речь в наших летописях.

Но укажут на распространение русской государственной области далеко на восток, вплоть до Восточного океана; укажут на входящие теперь в состав русской империи земли, которых мы не видим за Русью при ее первых князьях, земли, которые не имели славяно-русского народонаселения: как же приобретены они? Разумеется, завоеванием. Тут уже не иностранцы, а сами русские натолковывают самим себе и другим о завоевании без точного определения, как разумеет завоевание. С детства заучивают, что царь Иван IV завоевал три царства — Казанское, Астраханское, Сибирское. Три царства! На восточных границах Московского государства образовалось татарское разбойниче гнездо, от которого русским людям не было покоя; долго терпели, наконец собрали силы, двинулись и отняли у разбойников их гнездо: это называется завоеванием царства Казанского! Астрахань поддалась сама; на северо-востоке Камская область была занята мирными колонистами, промышленниками, область громадная, пустая, ничья, естественно принадлежащая первому, кто в ней поселится; эти промышленники, не имея покоя от сибирских хищных татар, которые своими набегами мешали им соль варить, наняли небольшую толпу казаков, которые заняли разбойниче гнездо, прогнали оттуда князька, и хотя сами потом погибли, но это дело называется покорением царства Сибирского. Так слово может вести к неправильному представлению, когда подробным изучением явления не определится точно, в каком смысле употреблять слово. Присматриваясь внимательно к явлению, мы видим на первом плане не завоевание одним воинственным, сильным государством других больших государств, более или

менее цивилизованных, мы видим на первом плане колонизацию, занятие пустынных пространств под мирный труд; народы или, лучше сказать, народцы, встречающиеся на этих необъятных пространствах, по своему характеру, стоя на низкой ступени политического развития, невольно влекут народ, стоящий выше их, влекут все далее и далее на занятие новых земель: они своим хищничеством не дают ему покоя; заставить их уважать право, договор нельзя: они умеют жить только или в постоянной вражде к соседу, или в рабской подчиненности, и невольно их приходится покорять¹⁰. Таков господствующий характер русских отношений к восточным народам даже до наших дней, характер любопытный, потому что в покорении врага здесь заключается необходимая оборона от него.

Так при невоинственном характере народа, а следовательно, и правительства образовалась громадная государственная область, и мы знаем, как эта громадность неблагоприятно действовала на развитие народной жизни, на все ее направления. Государственные требования, слишком тяжело падавшие на малочисленное, разбросанное и потому бедное народонаселение, заставляли последнее еще более разбрасываться, уходить все дальше и дальше, что было легко русскому человеку: ему не нужно было переплывать океан, как должны были делать западные колонисты, или переселяться к чужим народам, в совершенно чуждую нравственную сферу; перед глазами были необъятные и пустые пространства, где беспрепятственно можно было утвердиться, беспрепятственно сохранить свой народный образ. Эта происшедшая сказанным образом обширность русской государственной области в свою очередь отнимала у народа воинственность, отнимая побуждение к захвату чужого, к насильственному расширению владений, и без того слишком обширных. И, несмотря на то, Россия ознаменовывает начало своей новой жизни воинственным движением, двадцать с лишком лет ведет тяжкую, упорную борьбу, которую оканчивает важными земельными приобретениями.

Но мы видели главный характер переворота, совершавшегося в жизни народа русского, видели стремление к морю и смысл этого стремления. Во время младенчества Руси, при отсутствии крепкой государственной связи, единства направления народных сил и ясного сознания народных интересов, в это беспомощное время орден меченосцев отнял у Руси Ливонию, захватил здесь русские города и княжества. Впоследствии, когда объединенная Россия с ясным сознанием необходимости для себя моря устремилась к нему, поляки и шведы оттолкнули ее от него. Но

¹⁰ Характерное для историков государственной школы отношение к народам, входившим в состав русского государства, только как к объекту колонизации (*примеч. ред.*).

внутреннее преобразовательное движение все более и более усиливалось, а вместе усиливалось и так тесно соединенное с ним стремление к морю; следовательно, мы естественно должны ожидать, что, когда преобразовательное движение пошло так решительно, Россия немедленно начнет опять биться за берега Балтийского моря.

Будучи полным представителем своего народа, будучи совершенно чужд воинственности, вовсе не гоняясь за славою полководца-завоевателя, занятый одною мыслию о внутреннем преобразовании, Петр начинает войну с шведами за Балтийское море, смотря на нее только как на средство этого преобразования, исполняя завещание предков, соединяя древнюю и новую Россию правильным историческим движением, ибо правильность исторического развития народа, правильность в преемстве деятельности различных эпох народной жизни состоит в том, когда то, что в известную эпоху вырабатывается народом как мысль, как стремление, осуществляется в последующую эпоху. Петр не усумнился начать опасную войну одновременно со многими важными внутренними преобразованиями, ибо видел в войне только средство для успешнейшего проведения внутренних преобразований и в последних видел средство для успешнейшего окончания войны. На войну великий царь смотрел гражданским взглядом, именно как подобает правителю; он смотрел на нее как на школу для народа, который хотел занять почетное место среди других народов, не выпрашивать цивилизации как милости, но предъявить на нее свои бесспорные права. Вот программа курса в этой школе: сначала учителя нам зададут тяжелые уроки; сначала нас будут бить, но мы будем учиться прилежно и сперва станем бить учителей превосходными материальными силами, потом дойдем до того, что будем бить их с равными силами, а наконец, приобретем такое искусство, что станем побеждать и с меньшими силами.

Итак, война есть школа, практическая школа, школа первой необходимости, ибо континентальное государство, и так дурно защищенное природою, как Россия, может поддержать свою самостоятельность, свое значение только постоянною готовностью принять бой при первом вызове; мало того, только этою готовностью может отклонить вызов, поддержать мир для себя и для других. Но война в описываемое время не имела тесного значения только военной школы для народа: война сильная, опасная война служит для преобразователя могущественным средством вести преобразование, вести эту школу в самых широких размерах без принижения народного духа, которое было так естественно в страдательном положении русских людей относительно чужих образованнейших народов, в положении учеников пред учителями. «Царь уверовал в немцев, сложился с ними», — говорят противники преобразования. Но эти злонамеренные толки не имеют смысла пред

действительностию, которая у всех в глазах: царь воюет с немцами, бьет их, отнимает у них города и земли. Война трудная, опасная, враг силен, он легко может прийти к нам; вот он уже вошел в русские пределы, одна проигранная битва — и он очутится под Москвою; силы живого народа потрясаются от опасной, ожесточенной борьбы, народное знамя поднимается высоко; такие времена поднятия народных сил бывают удобны для великих дел, потому что располагают к великим жертвам, и царь умеет пользоваться временем, умеет ковать железо, пока горячо!

Народ в тяжелой работе, засажен в школу с иностранными учителями, которых преимущества должен признать, следовательно, необходимо принижается пред ними. Что ж даст ему отраду, что заставит его поднять голову и с уважением посмотреть на самого себя? Успехи мирного труда? Но они разбросаны, не видны, далеко не у всех пред глазами, не производят сильного впечатления: кто знает, что там роют каналы, здесь какая-нибудь фабрика идет очень успешно, кто знает, что с богатым результатом разрабатываются минеральные богатства далекой Сибири? Не то война, военные успехи: одержана победа — общенародное торжество, все это знают, все поднимают головы, не войско только победило, целый народ победил, вот до чего мы дошли в такое короткое время благодаря тому, что трудимся, учимся! И ученик, сознавая все яснее и яснее необходимость учения, не принижен пред учителем, он ровен с ним, он выше его, учение становится делом легким, делом силы и свободы; народный дух, народное самоуважение спасены в самое опасное для них время, время народного ученичества у других народов.

Мы видели, что Россия находилась в войне с Турциею и что Петр дал этой войне новый характер, характер морской войны, приготовил флот для Азовского моря, берега которого старался укрепить для себя. Он продолжал считать это дело важным, обращал на него сильное внимание, но продолжение турецкой войны он вовсе не считал желанным делом; турецкая война не могла быть школою для русского сухопутного войска, такую школою могла быть только европейская война, и именно война шведская, в которой достигалась двойная цель: войско получало хорошую школу и следствием хорошего прохождения этой школы было утверждение на берегах заветного европейского моря. Притом для новорожденных военных сил России война была невозможна без союзников, а члены священного союза спешили заключить мир с турками; должен был спешить с этим и Петр.

Для скорейшего и выгоднейшего заключения мира Петр хотел изумить и напугать турок: он отправил своего посланника Украинцева в Константинополь на русском военном корабле «Крепость». Русский военный корабль на якоре против сераля раздражил, испугал не одних турок; восточный вопрос переменил

вид: до тех пор европейские державы, боясь турок, постоянно и усердно приглашали русских царей к войне с ними, причем указывали на тесную связь России с христианским народонаселением Турции по единству не только веры, но исповедания, указывали на обязанность России восстановить восточную греческую империю на развалинах турецкой. Но теперь, когда Россия исполнила наконец требования, вошла в европейский союз против турок, когда турки со всех сторон потерпели неудачи, выказали свою слабость и когда Россия обнаружила удивительную силу, удивительную деятельность, когда русский военный корабль явился пред Константинополем, когда Россия оказалась готовою выполнить эту начертанную ей в Европе программу, Европа с негодованием и ужасом отвернулась от этой программы и начертала для себя другую — поддерживать всеми средствами Турцию против России. Украинцев должен был познаться с этою новою программю восточного вопроса. «От послов цесарского¹¹, английского, венецианского,— писал Украинцев Петру,—помощи мне никакой нет, и не только помощи, не присылают даже никаких известий. Послы английский и голландский во всем держат крепко турецкую сторону и больше хотят всякого добра туркам, нежели тебе, великому государю; завидуют, ненавидят то, что у тебя завелось корабельное строение и плавание под Азов и у Архангельска, думают, что от этого будет им в их морской торговле помешка». Но турки были страшно истощены и заключили мир, уступили России Азов со всякими старыми и новыми, уже построенными Петром городками, а крымский хан должен был отказаться от дани, которую до сих пор платила ему Россия под благовидным названием поминков и подарков.

И здесь прошла граница между древнею и новою Россиею. Много веков прошло с тех пор, как пред христианскою Византиею явились впервые русские лодки; это было знаком, что на севере, в этой Скифии и Сарматии, где господствовали кочевые азиатские орды, явилось владение с европейским характером, на которое легла обязанность постоянной ожесточенной борьбы с степными кочевыми ордами, обязанность защищать от них Европу. Борьба была трудная: степные хищники не дали Руси пустить государственных корней на юге, на берегах Днепра, вследствие чего силы народные и главная историческая сцена перенеслись с юго-запада на северо-восток; и здесь степные хищники не давали покоя, пустошили страну, наложили дань, но здесь им было не так удобно, как на юге, здесь они запутывались в непроходимых лесах и вязли в болотах; здесь беспрепятственнее могла собраться русская земля в одно государство и собралась около Москвы, и Москва вела постоянную

¹¹ Имперский (Священной Римской империи) — *Примеч ред*

ожесточенную борьбу с степными варварами, видала их не раз под своими стенами, превращалась ими в пепел; и хотя на востоке дела шли успешнее, хотя там татарские орды с громким названием царств покорялись царю московскому, но на юг, в Крымскую орду, продолжались посылаться поминки.

Эта посылка прекратилась, когда русский военный корабль появился перед магометанским Стамбулом. Так Петр отпраздновал девятивековой юбилей первого появления русских лодок перед Константинополем. Но ему предстояло с большим торжеством отпраздновать юбилей на другом море, откуда пошла русская земля¹² и куда должна была возвратиться для приобретения средств к продолжению исторической жизни. Здесь нужно было отпраздновать девятивековой юбилей также появлением русского военного корабля, появлением русского войска, сильного своим европейским искусством. На юго-востоке, со стороны степей, со стороны степного моря, опасности исчезли, поминки прекратились. Но опасность большая вставала теперь с запада, благоразумие требовало идти к ней навстречу, благоразумие требовало приготовить средства, чтоб не посылать поминков на запад, потому что и там, на западе, большие охотники до поминков, стоит только немного обнаружить слабость, сейчас пришьют за поминками.

18 августа 1700 года в Москве сожжен был «преизрядный фейерверк»: царь Петр Алексеевич праздновал турецкий мир, приобретение Азова, уничтожение обязанности посылать поминки в Крым. На другой день, 19 августа, объявлена война шведам. Заключением мира с турками поспешили, потому что союзники покинули Россию; по тому же самому спешили объявлением шведской войны, чтоб не упустить союзников, не одним бороться с самую сильную державою на севере. Союз был необходим; но верны ли были союзники? Донесения Украинцева из Константинополя уже определили отношения европейских держав к России; за союзниками нужно было так же зорко смотреть, как и за врагами, и против них нужны были тоже смелость, решительность, ясное понимание русских интересов, неуклонное их преследование. Россия могла быть спокойна: у ее царя не было недостатка в этих качествах.

ЧТЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Кто же были союзники Петра в шведской войне? Швеция заявила свою европейскую деятельность, вошла в систему европейских держав, как говорится, только в XVII веке, предупредила в этом

¹² Согласно «Повести временных лет», варяг Рюрик прибыл в Новгород с Балтийского моря (*примеч ред*)

отношении Россию какими-нибудь 70 годами. Она явилась на сцену общей европейской деятельности с шумом и блеском. Даровитый, воинственный, честолюбивый король Густав Адольф по призыву Франции привел шведское войско в Германию для участия в Тридцатилетней войне, для поддержания протестантизма. За эту поддержку Германия должна была дорого заплатить Швеции своими землями, и немецкие владельцы стали косо смотреть на нее, особенно когда она содействовала вредным для Германии стремлениям Франции. Еще большее раздражение возбудила против себя Швеция в трех других соседних государствах — Дании, Польше и России — своими захватами на их счет. Она обобрала Данию со стороны Норвегии, отняла у Польши Ливонию; пользуясь смутным временем и слабостью России после смут, в царствование Михаила Федоровича она отобрала у нее коренные русские владения, чтоб как можно дальше отодвинуть ее от Балтийского моря.

Такое поведение Швеции относительно соседей, разумеется, заставляло ожидать, что оскорбленные воспользуются первым удобным случаем, чтоб соединиться и возвратить себе свое. И в начале XVIII века, когда в Западной Европе произошло сильное движение против Франции, раздражившей всех своим властолюбием, своими бесцеремонными захватами чужого, когда против Франции образовывался великий союз, чтоб не дать ей захватить Испании или значительную часть ее владений, на северо-востоке Европы по тем же побуждениям образуется союз против Швеции и начинается великая Северная война. Естественные члены союза против Швеции — это обобранные ею государства: Дания, Польша и Россия. Отношения Дании и России были просты: они хотели возвратить свое, причем Петр во что бы то ни стало хотел приобрести хотя одну гавань на Балтийском море.

Но отношения Польши были иные. Мы уже упоминали о крайней слабости этой державы, обнаружившейся особенно во второй половине XVII века, — слабости, которая отнимала у нее всякую самостоятельность, делала из нее арену, где ближние и дальние государства должны были бороться за свои интересы. Борьба эта особенно усиливалась, когда наступало время королевских выборов. Так, в конце XVII века соседние государства были чрезвычайно взволнованы королевскими выборами в Польше по состоянию тогдашних дел в Европе. Уже было сказано, что в это время господствовало сильное раздражение против властолюбия Франции, против ее короля Людовика XIV. Постоянною союзницею Франции была Турция, служившая для Франции орудием для отвлечения Австрии от вмешательства в европейские дела, от союзов, заключавшихся против Франции. Легко понять, как выгодно было для Франции иметь сильную партию в Польше, посадить там королем кого-нибудь из своих

принцев или по крайней мере кого-нибудь из своей партии, чтобы по соседству с Австриею приобрести новое орудие для отвлечения ее сил. Но легко понять также, как для Австрии было важно, чтоб французские замыслы не удались, чтоб на польском престоле был кто-нибудь свой или чужой, но только не француз и не из французской партии.

О том же должна была хлопотать и Россия, которая находилась в одинаком с Австриею положении относительно Турции; она была также в войне с Турциею и должна была надеяться, что по ее отношениям к христианскому народонаселению Турции вражда между нею и Портою будет постоянная и самая сильная, а пустить на польский престол французского кандидата значило пустить естественного союзника Турции. Вот почему Петр так энергически объявил себя против французского кандидата на польский престол, принца Конти; он уже придвинул свое войско к границам Литвы, чтоб силою противиться его избранию, и торжествовал как победу отстранение Конти, избрание его соперника, курфюрста саксонского Августа. Избрание Августа успокоивало Австрию, Россию: на престоле польском не будет союзника Франции и Турции; но могла ли быть покойна сама Польша? Государство сильное может безопасно призвать государя-иностранца, владельца чужой земли; Англия, например, могла безопасно признать своим королем ганноверского курфюрста, но что позволительно сильному, того слабый не может делать безнаказанно. На польском престоле — немец и владетель одного из самых значительных немецких государств, Саксонии.

В раздробленной Германии уже обозначилось то явление, что усиливаются ее владения, находящиеся на востоке, усиливаются на счет других иноплеменных народов, преимущественно славянских. В Германии, как и во всякой другой стране, собрание земли, объединение могло произойти одним путем: сильнейшее владение мало-помалу должно было подчинить себе все слабейшие; в Германии это явление запоздало, но при благоприятных условиях оно могло произойти; и легко понять, как в этом отношении было важно усиление одного из германских владений чем бы то ни было, как бы то ни было. Ни одному германскому владельцу не было возможности усилиться прямо на счет своих товарищей, других владельцев; императорское достоинство по крайней ограниченности средств главы империи не могло этому содействовать, и оставалось одно средство усилиться — сначала на счет чужих и этим приобрести возможность усилиться потом и на счет своих. Гогенштауфены пытались усилиться на счет Италии, но попытка благодаря папской силе кончилась очень печально для знаменитой швабской династии. Счастливей были восточные династии, восточные германские владения. Габсбурги, владельцы

очень небольшой немецкой области, Австрии, браками и духовными завещаниями образовали обширную монархию из разных чужих элементов, преимущественно славянского. Пример счастливой Австрии не мог остаться без подражания, тем более что Австрия не все захватила, оставалась еще богатая добыча, Польша, государство обширное, но совершенно беззащитное от крайней внутренней слабости.

Мы говорили о значении войны, борьбы в жизни народной, о ее воспитательном значении, о том, как нравственные силы народа ею напрягаются, развиваются, как развиваются всяким трудом, всяким преодолением сильных препятствий, всякою опасностью. Мы видели, как бедно и трудно жил наш народ в первой половине своей истории, но благословим эту бедность и великий труд наших предков, эти постоянные опасности, в которых они находились и которые приучались преодолевать. Приготовительная девятивековая школа была тяжка, но она дала хорошее воспитание: народ привык к труду, к подвигам, жертвам, стал способен откликнуться на призыв к небывалому труду, к небывалым подвигам и жертвам, призыв, сделанный человеком, всегда в работе пребывающим. Благословим этот призыв и этого призывателя, потому что у нас перед глазами страшный пример, к чему ведет отвращение от подвига, от жертвы, к чему ведет войнобоязнь. Польша была одержима в высшей степени этою опасною болезнью, войнобоязнию. Тщетно люди предусмотрительные, патриоты указывали на губительные следствия отсутствия сильного войска в государстве континентальном, указывали, как Польша теряет от этого всякое значение, тщетно на сеймах ставился вопрос о необходимости усиления войска: эта необходимость признавалась всеми, но когда речь заходила о средствах для усиления войска, о пожертвованиях для этого, то не доходили ни до какого решения, и страна оставалась беззащитною, в унижительном положении, когда всякий сосед под видом друга, союзника мог для своих целей вводить в нее войско и кормить его на ее счет. От нежелания содержать свое войско, от нежелания жертвовать для этого принуждены были содержать чужое, враждебное войско, смотреть, как оно пустошило страну. Теперь на престоле польском немецкий государь, саксонский курфюрст, который не удовольствуется одним титулом королевским; но что же больше может дать Польша? Если не захочет дать волею, то можно взять силою; для этого надобно ввести свое немецкое войско в пределы Речи Посполитой, сперва, разумеется, под благовидным предлогом.

Что же может быть благовиднее предлога, как война с Швециею для возвращения Польше Ливонии. Дело легкое: сама Ливония хочет отторгнуться от Швеции и поддаться Польше. Об исполнении этого желания хлопочет Паткуль, принужденный

оставить родную страну за то, что сильно отстаивал интересы своего сословия, интересы ливонского дворянства, бесцеремонно обобранного шведским королем, который хотел обогатиться и усилиться на счет дворянства как в Швеции, так и в Ливонии. Ливония просит освободить ее от шведского ига, хочет поддаться Польше; Паткуль уполномочен рыцарством заключить об этом договор. Но Польша не хочет тронуться, боится войны, боится усиления королевской власти от войны. И вот король будет воевать один с своим саксонским войском. Заключен договор, по которому Ливония присоединялась к Польше, а в секретных пунктах рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомков, если бы даже они не были королями польскими, и все доходы отправлять прямо к ним. Таким образом, Ливония поддавалась не Польше, а немецкому государю, курфюрсту саксонскому, который приобретет чрез это выгодную позицию для действий против Польши, для утверждения наследственности в своем доме, для усиления своей власти. Если соседи будут мешать ему в этом, то можно кинуть им по куску польских владений, лишь бы быть сильным, самодержавным в остальных.

Но прежде всего надобно приобрести хорошую позицию, овладеть Ливонией; одному трудно. Дания — верная союзница по ненависти к Швеции; и необходимо, чтоб Россия также приняла участие в войне. Дело очень возможное: молодой царь только и думает о том, как бы утвердиться на берегах Балтийского моря. Возвращаясь из заграничного путешествия, он виделся с королем Августом и изъявил желание в союзе с ним воевать против шведов. «Надобно взять у царя деньги и войско, особенно пехоту, которая очень способна работать в траншеях под неприятельскими выстрелами», — писал Паткуль. Но при этом лифляндским патриотом овладевает сильное сомнение: царь — человек необыкновенный, с ним надобно обращаться осторожнее: даром, в угоду саксонским и лифляндским патриотам он не подставит своих солдат под неприятельские выстрелы в траншеях. С ним надобно делиться добычею, а со львом опасно делиться. «Надобно опасаться, — писал Паткуль, — чтоб этот могущественный союзник не выхватил у нас из-под носа жаркое, которое мы воткнем на вертел; надобно договориться, чтоб он не шел дальше Нарвы и Пейпуса; если он захватит Нарву, то ему легко будет потом овладеть Лифляндию и Эстляндию». А Петр именно и хотел прежде всего овладеть двумя крепостями — Нарвою и Нотебургом, старым русским Орешком, чтоб, получивши эти две опоры, легче занять и укрепиться в стране, между ними лежавшей, в этой заветной стране, где море было так близко к русским владениям. Царь направил свои полки к Нарве, но скоро общая страшная опасность для союзников прекратила споры о разделе добычи.

Союзники надеялись напасть на Швецию врасплох, пользуясь молодостию ее короля Карла XII,— молодостию, которая не обещала, по-видимому, ничего хорошего для Швеции; пол и стены королевских комнат были улины кровью: молодой король отсекал саблею головы баранам и телятам, пригнанным для этой потехи во дворец; ночью в стокгольмских домах дребезжат, валятся стекла: это потешается молодой король. Кто едет днем по улице с шумом и гамом в одних рубашках?— Молодой король с своею свитою. Кто охотится за зайцем в сеймовой зале?— Молодой король. Но этот неугомонный мальчик, отличавшийся такими дурными шалостями, явился героем, когда затрубила военная труба, когда опасность начала грозить Швеции с трех сторон. Карл XII явился с войском пред Копенгагеном и принудил датского короля к миру; вслед за тем высадился на восточный берег Балтийского моря, в Пернау, чтобы идти на помощь Нарве, осажденной русскими.

Мы видели, как Петр смотрел на войну: он смотрел на нее как на школу. Он сделал нужные приготовления, он покончил с прежним строем и составом войска, его армия не представляла более, как армия царей предшествовавших, ветхое рубище с новою заплатаю; но и его армия представлялась далеко не в удолетворительном виде. Легко сказать: преобразовать войско! Оно было действительно преобразовано, но оно было невыучено, неопытно. Петр не обольщал себя: он изображал свой флот в виде лодки, на которой дети учатся плавать; и войско свое он мог изображать в виде толпы детей. Он не бросился в войну один на один с европейским знаменитым военными успехами народом; он вступил в нее в союзе с Даниею, которая прежде всего должна была задержать шведов, с королем Августом, который имел военную репутацию и который уже начал военные действия в Ливонии.

Петр начал с третьей стороны, послал значительное войско с хорошею артиллериею осаждать Нарву, учиться осаждать крепость, защищаемую европейским гарнизоном. Битва не входила в его расчеты; у него не было искусных генералов, не было главнокомандующего; он дал звание фельдмаршала тому же Головину, генерал-адмиралу, заведовавшему иностранными сношениями, но действительно поручать ему начальство над войском он не хотел. Ему прислали генерала из-за границы с отличными рекомендациями, герцога фон Круа, и он поручил ему начальство над войском для первой встречи с шведами, для первого урока. Первый урок был тяжел: русские потерпели поражение, потеряли много людей, всю артиллерию. Но у них остался Петр Великий, а великие люди бывают сильны приготовлением к неудаче и к успеху, ибо не теряют духа при неудаче и умеют пользоваться успехом. Неудача— проба гения, и Петр

умел выдержать страшное искушение. Кроме материальных потерь нравственное впечатление нарвского поражения было ужасно. Известно, как ободряет первый успех, как отнимает дух первая неудача, а теперь неудачно начинается дело, которому далеко не все сочувствуют; в глазах многих нарвское поражение было явным наказанием Божиим за грех нового дела.

Задав русским такой тяжелый урок, Карл XII пошел на юг преследовать короля Августа, ибо гнаться за неприятелем слабым, оставляя в тылу сильного, и решиться с небольшим войском во второй половине ноября идти в глубь России было бы крайним безрассудством. Петр воспользовался удалением Карла: ему представилась возможность проходить со своим войском школу по известной программе. Но прежде всего надобно было поднять дух своих после первого тяжелого урока, заставить их идти в школу, которая так им опротивела после Нарвы. От нарвского плена спасая бегством со своею конницею Бор [ис] Петр [ович] Шереметев, человек очень способный, но при Петре, сам же по себе, по природе своей, неготовый к неудаче и к успеху: после неудачи падал духом, а после успеха — как бы отдохнуть, поехать в Москву, повидаться с семьею, заняться домашними делами. Петру в продолжение всей службы Шереметева было много хлопот с ним в этом отношении. Две недели спустя после нарвского поражения Петр пишет ему: «Не годится при несчастьи всего лишаться, и потому повелеваем быть при начатом деле, с конницею беречь ближних мест и идти далее для большего вреда неприятелю. Да и отговариваться нечем: людей довольно, реки и болота замерзли. Не чини отговорки ничем; а если болезнь, и та получена между беглецами».

А между тем в пограничных местах, Новгороде, Пскове, псковском Печерском монастыре, кипели работы для их укрепления; работали все: солдаты и священники, мужчины и женщины,—и горе тому, кто не хотел работать или хотел поживиться при общем деле: в Москве и Новгороде повешено было двое людей, которые брали взятки у приема подвод. Артиллерия была потеряна под Нарвою, надобно было как можно скорее приготовить другую. Петр велел со всего государства, с знатных городов, от церквей и монастырей собрать часть колоколов на пушки и мортиры. Старик Виниус, «надзиратель артиллерии», работал по-петровски, и в конце 1701 года было приготовлено больше 300 орудий, хотя Виниус и сильно жаловался на пьянство мастеров, которых, писал он, ни ласкою, ни битьем от той страсти отучить невозможно. Но в то же время надобно было готовить и людей; 250 мальчиков собрано было в школы, из которых, по обещанию Виниуса, должны были выйти хорошие инженеры, артиллеристы и мастера. Вслед за добрыми вестями от Виниуса добрые вести от Шереметева: пользуясь превосходством своих

сил, он поразил шведского генерала Шлиппенбаха при мызе Эрестфер; потеря шведов была втрое против потери русских. Великое торжество: первая победа, и победа после Нарвы! В Москве на башнях и стенах кремлевских развешаются знамена, взятые у шведов. Шереметев сделан фельдмаршалом, получил Андреевский орден, портрет царя, осыпанный бриллиантами. Победителю захотелось отдохнуть, побывать в Москве. «В начале 1702 года, хотя и быть,— отвечал Петр,— чтоб на страстной или на шестой приехать, а на святой паки назад».

В конце мая Петр стал торопить Шереметева в новый поход в Ливонию, ибо пришло известие, что неприятель готовит в эту страну транспорт из Померании. «Теперь истинный час, пока транспорт не учинен, таковой предварить»,— писал царь фельдмаршалу. Борис Петрович двинулся и в июле опять нанес сильное поражение тому же Шлиппенбаху при Гуммельсгофе. После этого Шереметев начал «изрядно гостить» в Лифляндии, по выражению Петра, т. е. страшно опустошал страну по совету союзника, польского короля Августа, чтоб шведские войска не могли найти в Ливонии приюта и продовольствия. Петр смотрел на ливонские походы как на школу для своих и как на средство ослабления неприятеля; об утверждении в стране он не думал. Он все лето 1702 года провел в Архангельске, ибо получил известие, что шведы намерены захватить этот город. Лето проходило, опасности для старой морской пристани не было, и Петр стал думать о приобретении новой, на Балтийском море. Петр явился в Ладогу и призвал к себе Шереметева, «чтоб сего Богом данного времени не потерять». По прибытии Шереметева Петр повел войско к Нотебургу (Орешку) и 11 октября взял его трудным и кровавым приступом. «Правда, что зело жесток сей орех был, однако ж, слава Богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила». Так писал Петр надзирателю артиллерии Виниусу. Семидесятилетний старик, съездивши по артиллерийским делам в Новгород и Псков, отправился в Сибирь, чтоб посмотреть тамошние рудники и заводы, и писал: «Толикое обрел я множество руд железных, что, мню, до скончания мира не выкопаются». Жесткий орех был назван Шлиссельбургом, Ключом-городом. Для чего же понадобился Ключ? В апреле 1703 года от него по правому берегу Невы лесами шли русские войска под начальством Шереметева и нашли при устье Охты в Неву маленькую шведскую крепость Канцы, или Ниеншанц, сторожившую устье Невы. К русскому войску приехал бомбардирский капитан Петр Михайлов и отправился на 60 лодках осматривать невшское устье. 1 мая Канцы были взяты, но на взморье показались два неприятельских судна и 5 мая подошли к устью Невы. Капитан Петр Михайлов и поручик Меншиков с Преображенским и Семеновским полками в 30 лодках окружи-

ли их и взяли. Первый успех на море! Обрадовались, как дети, тою живою, сильною радостью, которая обличает горячее участие к делу, условие успеха в нем. Капитан Петр Михайлов и поручик Меншиков получили Андреевские ленты. Добрались наконец до Балтийского моря; завещание предков исполнено, но не совсем: надобно укрепиться на этом море. 16 мая 1703 года на одном из островков Невского устья рубили деревянный городок. Городок назвали Петербургом. Из него потом вышла новая столица, столица Русской империи. Зачем это новая столица? На этот вопрос пусть отвечает древняя история, пусть укажет, что новые столицы не были новостями и в старину.

Действительно, с детства в школах узнаем мы из учебников русской истории, что у нас переносятся столицы из одного места в другое, из Новгорода в Киев, из Киева во Владимир, из Владимира в Москву. Откуда это явление, отчего мы не видим его в других государствах, в государствах Западной Европы? Причина уясняется при первом взгляде на карту. Чрезвычайная обширность государственной области, особенно при малочисленности народонаселения и отсутствии цивилизации, необходимо условливала это явление. Как человек, находящийся в очень обширном помещении, не может, оставаясь неподвижно в одном каком-нибудь углу, ясно обозреть всего помещения, всего разнообразия находящихся в нем предметов и потому необходимо сосредоточивает свое внимание на одном каком-нибудь круге предметов, особенно ему нужных, и остается известное более или менее продолжительное время там, где они помещаются, и потом переходит на другое место, обратившее на себя его внимание, и здесь опять останавливается: так и правительство чрезвычайно обширной страны принуждено переносить свое местопребывание из одной части страны в другую по мере надобности, по мере прилива и отлива сил народных в ту или другую страну, по мере сосредоточения народных интересов, народного внимания здесь или там; следовательно, это перенесение правительственных местопребываний не может являться в истории чем-то произвольным.

Так называемое перенесение столицы из Киева во Владимир Андреем Боголюбским не было делом произвола одного князя, это явление было следствием отлива народных сил с юго-запада на северо-восток; доказательство слишком ясно: этот юго-запад, эта Русь, главная начальная историческая сцена, оказалась столь слабою, что не могла поддержать своей политической самостоятельности, и Русь самостоятельная могла явиться только на северо-востоке. Также не было произвольно утверждение правительственного местопребывания в Москве, когда понадобилась середина Восточной России для ее собрания и для обороны русской самостоятельности равно от Востока и от Запада, от татар

и Литвы, от бесерменства и латинства. Также произвольно было появление новой столицы на берегу моря в начале новой русской истории, истории по преимуществу европейской. Не Петр по своему произволу утвердил правительственное пребывание в Петербурге, ибо новопостроенный городок был оставлен своим основателем вовсе не в таком привлекательном положении, чтоб удобствами жизни заставить двор предпочесть его Москве или какому бы то ни было другому месту. После Петра мы видим известную реакцию против его деятельности; русские люди имели полную возможность разобраться в материале преобразования и разбирались: одно оставили нетронутым, другое изменили, а потом опять нашли нужным уничтожить изменения, возвратились к петровским формам; некоторые же учреждения, как совершенно не способные привиться к русской почве, исчезли. Что же мешало не укреплять за Петербургом значение столицы? Ясно, следовательно, что он приобрел это значение не по произволу Петра; это значение дано ему ходом истории, точно так же как поднят был Владимир на счет Киева и Москва поднялась на счет Владимира. Петру принадлежит указание, но не насилие. И чем сильнее жалобы насчет невыгод положения новой столицы, чем сильнее упреки, делаемые совершенно несправедливо Петру за выбор места для столицы, тем яснее для историка необходимость явления: ибо что же заставило сносить такие неудобства? Один ответ: необходимость! Что касается до выбора места для Петербурга, первого русского города при западном море,— выбора, за который упрекают Петра, то стоит только взглянуть на тогдашнюю карту Восточной Европы, чтоб понять этот выбор: новый город основан там, где западное море всего глубже входит в великую восточную равнину и наиболее приближается к собственно русской земле, к тогдашним русским владениям. Наконец, что касается неудобств климата и почвы, то нельзя требовать от людей физически сильных, чтоб они предпочтствовали немощи более слабых своих потомков.

Петра менее, чем кого-либо, можно упрекнуть в односторонности взглядов и направлений. Он не скажу не отнял, потому что он не мог этого сделать, но и не обнаружил ни малейшего намерения отнять у Москвы ее значения в пользу Петербурга; и тут не было одного, так сказать, археологического уважения к царствующему граду: Москва не осталась только памятником древности. В разгар преобразовательной деятельности, в которой так резко обозначался экономический характер, Москва по своему положению и под особенным покровительством преобразователя приняла самое деятельное участие в новом движении, и в то время как с таким старанием отстраивался приморский город, долженствовавший иметь первенствующее торговое значение, старая Москва становилась средоточием новорожденной ману-

фактурной промышленности. С появлением Петербурга Москва не утратила своего значения, и, когда при дочери Петра Великого России понадобился университет, место ему было указано в Москве. Москва не потеряла своего значения ни для своих, ни для чужих, ни для друзей, ни для врагов. Враги почтили ее своею враждою, почтили ее своим посещением, вписали новую славную страницу в ее историю. Москва по-прежнему терпела беды, по-прежнему горела и по-прежнему росла от непрестающего прилива к ней жизненных сил русской земли.

Научная жизнь Москвы как университетского города должна высказываться в спокойном уяснении исторических явлений, в спокойном указании законов народного бытия, а такая деятельность, расширяя сферу мысли, возвышая дух, несовместима с односторонностью, мелочностью взглядов, мелким соперничеством, завистию. Москва знает, что с появлением новой столицы между ними произошло разделение занятий, а следовательно, и соединение сил. Москва знает, что Петр ничего у нее не отнял, что он дал ей все то, что дал России, и Москва воспользовалась его дарами прежде других и больше других. Москва чтит Петра за то место, которое он дал России, ибо знает, какое место она, Москва, занимает в России, знает поэтому, как возвеличена Петром, возвеличившим Россию. И в день славного воспоминания деятельности великого человека Москва должна поступить достойным ее образом: спокойно, беспристрастно сказать свое слово и усердно сделать свое дело.

Достижение заветной цели вело к усилению труда; добыли новый морской берег, надобно было строить новый флот, и на берегах Свири кипела работа, ронили громадные деревья и на новой верфи, в Лодейном поле, строили морские военные суда. Разумеется, сардамский плотник был там, но в глубокую осень, когда по Неве уже плавает лед, он в Петербурге, около Котлина острова, меряет морскую глубину: здесь будут укрепления, оборона Петербурга, куда уже пришел первый иностранный купеческий корабль. А между тем Шереметев забирал старые русские города, которые швед завел за себя в XVII веке, Копорье, Ямы, и опустошал Эстляндию, чтоб на будущее время не дать шведам пристанища и прокормления. Петр торжественным въездом в Триумфальные ворота отпраздновал в Москве возвращение русских городов и немедленно отправился в Воронеж. Чуждый односторонности, он одинаково внимательно смотрел на Запад и на Восток: на северо-западе нужно было работать, чтоб отбивать шведа, на юго-востоке нужно было также работать, чтоб сдерживать турка.

Весною 1704 года Петр опять на Западе, по обычаю торопит Шереметева, чтоб шел поскорее и взял Дерпт: «Идти и осадить конечно Дерпт, чтоб сего Богом данного случая не пропустить,

и зачем мешкаете не знаю, не извольте медлить». Простодушно отвечает Шереметев: «Здоровье мое уже не прежнее и не от кого помощи нет, легко мне было жить при тебе да при Данилычеве (Меншикове): ничего я за милостию вашей не знал». Шереметев осадил Дерпт; чтобы ему было легко, приехал сам Петр, и Дерпт был взят. «Сей славный отечественный град паки получен», — писал царь своим. Из Дерпта Петр поехал под Нарву, и скоро пошли от него письма: «Где четыре года тому назад Господь оскорбил, тут ныне веселыми победителями учинил, ибо сию преславную крепость шпагою в три четверти часа получили».

Главное на Западе было сделано. Петр не хотел ничего более, сильно желал прекращения войны с удержанием завоеванного, готов был и уступить часть завоеваний, только бы удержать новопостроенный приморский городок. Но согласится ли Карл XII на такой мир? Конечно, нет. Петр успел сделать свое дело потому, что «швед увяз в Польше». Но швед увяз в Польше для того, чтоб обеспечить себе тыл для действия против России, чтоб свергнуть с престола короля Августа и возвести на его место человека, себе вполне преданного, следовательно, враждебного России. Чтоб воспрепятствовать исполнению этого плана, надобно было деятельно помочь Августу. Но помочь ему было трудно. Русский посланник в Польше князь Григорий Долгорукий писал, что «в короле крепости не много; как у короля, так и в казне Речи Посполитой денег нет, но на польских дам, на оперы и комедии у короля деньги есть, одним оперным певцам дано на зиму 100 000 ефимков». Русского посланника особенно должны были поражать эти издержки, ибо он знал, как просто и бедно жил в России шкипер и капитан Петр Михайлов. Долгорукий чрезвычайно наглядно изображает это страшное расслабление, овладевшее польским высшим сословием, которое на словах было готово воевать, но не было способно ни к какому движению: «Хотят они на коней сесть, только еще у них стремен нет, не по чему взлезть». «Надейтесь на Бога, — писал Долгорукий Петру, — а на поляков и на саксонцев надеяться нельзя». Карлу XII легко было при таком расслаблении объявить Августа лишенным польского престола и провозгласить королем познанского воеводу Станислава Лещинского.

Петр не оставил Августа: с помощью русского войска тот взял у шведов Варшаву. Русские войска заняли Курляндию и Литву. Меншиков шел дальше и поразил шведов при Калише; Петр заперевал в своем парадизе, Петербурге, узнав, что его любимец одержал победу, «какой еще никогда не бывало». Но вслед за этим он узнал, что Август, чтоб спасти свою Саксонию от вторгшихся в нее шведов, помирился с Карлом, отказавшись от польского престола; следовательно, швед уже не увязнет более в Польше и все время войны надобно будет взять на одни свои

плечи. В конце 1707 года Карл XII двинулся на Петра, грозясь свергнуть его с престола.

Петр распорядился, чтоб в польских владениях не вступать с неприятелем в генеральную битву, а старался заманить его к своим границам, вредя ему при всяком удобном случае, особенно при переправах через реки. Петр находился в затруднительном положении, потому что Карл подолгу останавливался и неизвестно было, куда он направит путь. Петр в одно время укреплял и Москву, и Петербург. Только в июне 1708 года Карл переправился через Березину. После жаркого дела при Головчине русское войско отступило, и Петр был доволен. «Зело благодарю Бога,— писал он,— что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько и что всю его армию одна наша треть так выдержала и отошла». Подождав несколько времени в Могилеве своего генерала Левенгаупта и не дождавшись, Карл повернул на юго-восток, к реке Соже, потом на север, к Мстиславию.

У местечка Доброго князь Михайла Голицын напал на правое неприятельское крыло и поразил его; когда же сам король пришел на помощь, то Голицын отступил в порядке. Петр был доволен и писал: «Я, как начал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слыхал и не видал, и такого еще в сей войне король шведский ни от кого сам не видал. Боже! Не отыми милость свою от нас впредь!»

В сентябре Карл повернул к Украине; сам царь 28 сентября перехватил спешившего к нему Левенгаупта при деревне Лесной, недалеко от Пропойска, и поразил наголову, взял всю армию и обоз, на который так надеялся Карл. «Сия у нас победа,— по словам Петра,— может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем: тут первая проба солдатская была». Карл вошел в Украину. Малороссийский гетман Мазепа перешел на его сторону, перешли на его сторону запорожские казаки, но масса народная в Малороссии осталась верна русскому царю; Петр дал ей нового гетмана; Меншиков в виду шведов взял гетманскую столицу Батурич, которую защищали приверженцы Мазепы. Запорожская Сечь была разорена. Петр, по его словам, «с превеликою радостию услышал о разорении проклятого места, которое корень злу и надежда неприятелю была».

Карл обманулся во всех своих надеждах: после Мазепы и запорожцев он еще надеялся на Турцию, что та воспользуется случаем и поднимется вместе с ним на Россию, но турки и татары не трогались; повсюду кругом было тихо; все соседние народы отказались принять участие в борьбе за ту или за другую сторону; все как будто притаило дыхание, дожидаясь, чем разыграется кровавая игра между Петром и Карлом, чем решится судьба

Восточной Европы. Она решилась 27 июня 1709 года под Полтавою. «Доносим вам,— писал Петр своим,— доносим вам о зело превеликой и нечаемой виктории, которую Господь Бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровать изволил. Вся неприятельская армия фаетонов конец восприяла. Ныне уже совершенно камень во основание С.-Петербурга положен с помощью Божиею».

«Превеликая виктория!»! Спустя полтора ста с лишком лет историк имеет право прибавить к словам победителя, что эта виктория была одним из величайших всемирно-исторических событий; могущество Швеции, созданное искусственно, посредством завоеваний, было сокрушено; исчезла завеса, скрывавшая Россию от остальной Европы, и пред изумленными народами Запада явилось новое обширное и могущественное государство, умевшее победить вождя и войско, считавшееся до сих пор непобедимыми. При громе Полтавской битвы родился для Европы, для общей европейской жизни новый великий народ, но и не один народ: при громе этой битвы родилось целое новое племя, племя славянское, нашедшее для себя достойного представителя, при помощи которого могло подняться для сильной и славной исторической жизни. В европейской истории наступила новая эпоха.

Чем славнее, многозначительнее победа, тем выше поднимается победитель. Но Петр поднимается ли высоко для нас как полтавский победитель? Нет, в глазах историка он стоит так высоко, что титул победителя, даже полтавского, является чем-то малым и односторонним. В этом победителе мы не видим ничего воинского, ничего геройского в тесном смысле военном, никакого пристрастия к войне, никакого стремления к военной славе. Мы видим великого человека, народного героя, сознательно удовлетворяющего известной народной потребности; раз начертал он свой преобразовательный план и выполняет его неуклонно; война, военный успех входят в этот план только как средство. Мы видели это необыкновенное спокойствие и ясность взгляда при оценке каждого военного действия; эти спокойствие и ясность не покидают Петра и при оценке Полтавской победы. Война начата как тяжелая необходимость для произведения экономического переворота в народной жизни, для приобретения моря; после долгих, тяжких трудов и опасностей одержана блестящая, решительная победа, сокрушившая все силы врага, изумившая Европу. Как же победитель смотрит на значение победы? Она, по его взгляду, кладет камень в основание приморского городка, дает средство закрепить для России берег западного моря. Война, победа исчезают в своем самостоятельном значении, исчезает полководец, победитель, но тем выше поднимается великий человек, вождь своего народа в великом движении, обхватившем весь организм народной жизни.

ЧТЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Война входила в общий план преобразований как средство для достижения сознанных, определенных целей этого преобразования, входила в общий план как школа, дававшая известное приготовление народу, приготовление, необходимое в его новой жизни, новых отношениях к другим народам. Поэтому мы должны ожидать, что война не останавливала преобразовательного движения в других сферах. Мы видели, что еще перед Северной войною, в конце XVII века Петр высвободил промышленное городское население из-под власти воевод и дал ему самоуправление; и было замечено, что подобные преобразования имели воспитательное значение для общества, приучая его членов к самостоятельной деятельности и деятельности сообща, уничтожая рознь, причину слабости гражданского духа в народе. Упомянутое преобразование в жизни промышленного городского населения не стояло одиноко и бессвязно. Целая система подобных учреждений проводилась неуклонно и сильно преобразователем, и, разумеется, только такая система и может дать историку право говорить о воспитательном значении преобразовательной деятельности.

Знакомые уже с характером деятельности Петра, с его постоянным движением из одного угла обширной страны в другой — то в Петербург, то в Воронеж, то в Азов, то в Литву, — мы должны ожидать изменений и в высшем управлении. Прежде царь постоянно находился в Москве, и дума, совет, собиравшийся при нем из трех знатнейших чинов — бояр, окольничих и думных дворян, постоянно была под влиянием этого царского присутствия; как угодно было государю вести совещание, так оно и велось, не было никаких форм, которые бы определяли степень участия и ответственности членов думы. Но теперь царь часто и подолгу отсутствует из Москвы, придет на короткое время, укажет на множество необходимых дел и уедет. Члены думы остаются одни с обязанностью обсудить, как что лучше сделать, и непременно сделать, и скоро сделать: царь не такой человек, чтоб хладнокровно смотреть на медленность, на делание кое-как, чтоб принимал какие-нибудь отговорки. И вот старая дума должна усилить свою деятельность: царя нет, нельзя ждать, как он укажет в трудном деле, надобно решить самим трудное дело и исполнить. Тяжело, непривычно. Один кто-нибудь скажет, как надобно сделать, — и прекрасно: что долго думать, сделать так. И вдруг царь разгневался: не так. Что же делать? Кто виноват? Никто, все так решили. Но царь принимает свои меры, приходит требование, бесцеремонное в выражениях, как все требования петровские, требование, чтоб они всякие дела, о которых советуется, записывали, и каждый бы своею рукою подписывал, и без

того никакого дела не решать, «ибо этим дурость всякого будет явна». Каждый, следовательно, должен обдумать дело, подать свое мнение и подписать его; согласился с другим — и это обозначится подписью, каждый должен принять на себя ответственность за свое мнение, ибо уже не скроется, что кто думал; надобно думать да и думать, а то придется объявить свою «дурость». И вот некоторые отзываются с готовностью на призыв к самостоятельной деятельности; другие, более ленивые по натуре, невольно должны становиться на свои ноги, приучаться к самостоятельной деятельности, думать, изучать дело, спрашивать, советоваться с другими, а сфера все более и более расширяется, беспрестанно слышатся слова: в такой-то стране делается так, в другой иначе, и побуждение к деятельности не ослабевает, не ослабевает царское требование — не сметь своего суждения не иметь.

В старину, если посылали кого-нибудь исполнить известное поручение, то давали ему длинный наказ, инструкцию, определявшую с точностью каждое его движение, длинный свивальник, которым пеленали взрослого человека. Действия свивальника оказывались тотчас же, отнимая всякую свободу движения: как скоро исполнитель поручения, спеленатый наказом, встречал какое-нибудь малейшее обстоятельство, непредвиденное в наказе, он останавливался и слал из дальнего места в Москву за новым наказом; между тем благоприятное время уходило невозвратно. Петр не мог равнодушно сносить этой привычки русских людей к пеленкам и требовал, чтоб посланные с поручением поступали по своему рассуждению, смотря на оборот дела, ибо «издали, — писал он, — нельзя так знать, как там (на месте) будучи». И повторял: «Во всяком к вам указе всегда я по окончании письма полагался на ваше по тамошнему состоянию дел рассуждение, что и ныне подтверждаю, ибо нам, так отдаленным, невозможно конечного решения вам дать, понеже случаи ежедневно переменяются».

Более десяти лет старинная дума привыкала к новому положению управлять во время отсутствия царя, привыкала к самостоятельной деятельности и к необходимо связанной с такою деятельностью ответственности, ответственности пред царем, о котором знала, что не пропустит никакого упущения, не посмотрит ни на что сквозь пальцы. Между тем новые слова для выражения новых отношений незаметно входят в употребление. Высшее правительственное собрание называется уже *консилиею* и члены его — министрами. В 1711 году эта конзилия министров получила новое название и более определенное значение и устройство: учрежден Правительствующий Сенат, которому каждый обязан был послушанием, как самому царю, и в то же время явилась новая форма присяги государю и государству. Правый

суд, наказание несправедливых судей и ябедников, соблюдение строгой бережливости в расходах, умножение доходов, снабжение войска людьми, усиление торговли— вот первые обязанности Сената, предписанные ему учредителем. Дела решались единогласно, каждый указ должен подписывать все члены собственноручно; если один откажется подписать, то приговор остальных недействителен, но несоглашающийся сенатор должен изложить причины своего несогласия на письме. За два года перед тем Россия была разделена на 8 больших губерний, подразделявшихся на области, которыми управляли по-прежнему воеводы. Теперь губернаторы стали подчинены Сенату, в канцелярии которого безотлучно находились комиссары из каждой губернии для приема указов и подачи ответов на вопросы по делам, касавшимся их губерний. Считались нужными эти живые посредники, живые и скорые ответчики на запросы правительствующего, ибо губернаторы по непривычке к своему положению, к разнообразию дел в обширных областях, при недостатке способных, знающих, привычных и благонамеренных людей отличались медлительностью в своих распоряжениях и ответах. Но делать нечего, надобно было и губернаторам проходить свою тяжелую школу, приучаться к быстроте движения, потому что царь не выносил медленности, она его приводила в печаль, а печалить Петра было нельзя без опасных последствий. Так, в начале 1711 года Петр писал Меншикову: «Доныне Бог ведает, в какой печали пребываю, ибо губернаторы зело раку последуют в происхождении своих дел, которым последний срок в четверг на первой неделе (поста), а потом буду не словом, но руками с оными поступать».

Но признак великого человека—приготовленность к удаче и неудаче; неудача ожидается как естественное следствие новости дела, непривычки к нему, человек должен знать, что в деле человеческом нет совершенства, должны непременно обнаружиться темные, нежеланные стороны. Видя эти неудачи, несовершенства, темные стороны нового дела, люди обыкновенные тревожатся, теряют веру в пользу нового дела, кричат, зачем оно, прежде лучше было или по крайней мере оно рановременно, надобно было подождать, пока народ, общество будут к нему готовы,—и вот стремление если не уничтожить новое дело, то хотя изменить, ограничить его. Но великий человек, сознавши необходимость известного дела, не тревожится первою неудачею, несовершенствами; он может печалиться, оскорбляться неприготовленностью людей, особенно если это нравственная неприготовленность, но не придет в отчаяние, не бросит дела, а усилит только внимание к нему, уход за ним. Мы не приходим в отчаяние от того, что новорожденный ребенок является таким слабым существом, не может ходить, а спокойно ждем, когда он окрепнет

и станет ходить, и тут не приходим в отчаяние, что он еще плохо держится на ногах, часто падает. Мы смотрим спокойно на эти явления, ибо привычки смотреть на них как на естественные и необходимые; но не все способны привыкнуть к признанию общих законов в явлениях, не все привыкли в каждом новом деле видеть новорожденного ребенка, которому надобно окрепнуть, а для этого нужен старательный уход, устранение всех вредных влияний. Новые дела, а их было много при Петре, приносили ему, особенно вначале, много огорчений тем, что шли не так, как бы хотелось, но огорчение не переходило в отчаяние, и после неудач в делах внутренних преобразователь являлся так же велик, как после неудачи первого Азовского похода, как после нарвского поражения.

Мы видели, что одним из первых внутренних преобразований его было высвобождение городского промышленного народонаселения от власти воевод, самоуправление промышленного сословия. Дело было новое и пошло неудачно. И здесь, как во всех неудачах коллегиального управления при Петре, была проверка древней Руси и проверка мнениям о древней Руси. Если б в древней, допетровской Руси был силен так называемый общинный быт, была сильна привычка к общему действию, к соединению сил, привычка отзываться на общее дело и делать его усердно, умнее видеть в общем интересе охрану интереса частного, привычка сильных для сохранения своей силы, нравственного и политического влияния сторониться с своим интересом пред интересом слабых поодиночке, но сильных опять тою же привычкою к соединению,—если бы все эти привычки были сильны в древней Руси, то, когда Петр, отстраня существовавшие до него препятствия, призывал русских людей к общему действию, они должны были бы явиться с великою охотою и дело пошло бы чрезвычайно успешно с самого начала. Но если мы видим явление обратное, то естественно и необходимо должны прийти к заключению, что привычка к общему делу была очень слаба в древней Руси, и в деятельности великого человека, великого государя, который в своих учреждениях завел школы для общего дела, мы должны видеть благодетельный почин народного воспитания.

Мы видели, что на выборных для городского самостоятельного управления, или так называемых бурмистров, возложен был сбор казенных доходов и проверка их, и вот оказались сильные беспорядки при этой проверке и казнокрадство в обширных размерах. Обнаружился и другой признак крайней слабости в деле самоуправления: неумение соединенными силами слабых сдерживать сильных, которые стремятся к господству, к удовлетворению своим личным выгодам на счет слабых, порозненных и потому не могущих выставить никакого сопротивления. Такое положение есть самое опасное для общества или учреждения,

которому дано самоуправление; освобожденное от тяжести внешней власти, получивши свободу управляться само собою, выбирать из своей среды людей, которые должны заведовать его делами, общество или учреждение выбрало себе господ, которые стремятся употребить во зло свое значение и могут делать это тем безнаказаннее, тем благовиднее, что они, выборные представители свободного общества или учреждения, действуют во имя его. Рождается вопль: это же выиграно? Прежде не было так тяжело, прежде было лучше, надобно возвратиться к прежнему или по крайней мере переделать, изменить новое сообразнее существующим средствам; ясно, что люди не способны к новому делу, нет людей, надобно их приготовить, воспитать. Так вопят люди, не знающие, что известная деятельность и есть необходимая подготовка, воспитание. Но эти вопли способны сильно смутить, ввести в искушение преобразователя. Петр выдержал искушение. Его сильно печалил неудачный ход новых дел; человека с орлиным полетом сильно оскорбляли и раздражали люди, которые, по его выражению, *подобились раку* в своем движении, но он не потерял веры в свое дело и в свой народ, остался верен мысли о необходимости деятельной школы, которую должен был проходить народ и в которой должен был учиться неудачами, остался верен мысли, что каждое учреждение должно иметь свою Нарву, чтоб иметь Полтаву; остался непоколебим в проведении всюду коллегиального устройства как устройства, имевшего воспитательное значение для народа.

В этой вере в дело и народ преобразователя поддерживал тот живой сильный отклик, который слышался отовсюду, когда вождь кликнул клич по дружину, по смелых, неутомимых работников. Не все были люди, которые вначале раку подобились в новом деле; поднялись и молодые орлята, которые, сгорая нетерпением, стали торопить дело, забегали вперед, требовали мер решительных и крутых, революционных, как мы теперь называем. Сильное движение преобразовательной эпохи, новые предметы и учреждения, расширение сферы, противоположность толков — все это должно было поднять людей живых и способных в разных слоях общества, в самом низшем, возбудить в них надежду на более широкую деятельность. Это движение, новости, обхват целого общества каким-то другим воздухом выразилось еще в 1694 году одним, если угодно, комическим или трагикомическим, но любопытным явлением: явился в Москву крестьянин и потребовал у правительства средств сделать крылья, потому что он сумеет полететь, как журавль. Опыт кончился неудачно и очень печально для русского Икара, но скоро движение пошло более серьезным образом.

Мы не раз упоминали о том, что преобразование имело экономический характер; вопрос о бедности и богатстве, о бедности

России сравнительно с другими государствами, о средствах сделать ее богатой, сделать для нее возможным удовлетворение громадным издержкам преобразования, предпринимаемого для усиления и обогащения России,—этот вопрос был на первом плане для всякого возбужденного движением человека, и вот снизу является ряд людей способных, бывалых, которые предлагают правительству свои планы относительно увеличения доходов, свои услуги в этом важном деле. Мысли выслушаны, услуги приняты, и некоторые из этих людей, отмеченных в народе названием *прибыльщиков*, стали видными деятелями эпохи преобразования. Взгляд прибыльщиков, их учение, их теория высказались в известном сочинении крестьянина Посошкова «*О скудости и богатстве*», которое самым названием дает нам знать, что в это время более всего лежало в сердце у мыслящего русского человека, пробужденного движением преобразовательной эпохи. Обогащение России посредством обеспечения промышленного труда и трудящегося человека от печального положения суда, управления и сословных отношений, завещанного древней Руси, причем Посошков предлагает самые крутые, восточные, турецкие меры, показывающие, что сам автор принадлежит половиною своего нравственного существа древней России; сильное сочувствие преобразователю, жалобы на то, что он в меньшинстве тянет в гору, тогда как большинство стремится под гору,— вот основные черты сочинения Посошкова.

В практической деятельности из этих людей, поднятых снизу вверх преобразовательным движением, был знаменитый прибыльщик Курбатов. В одном из приказов подкинута было письмо. Вместо извета о каком-нибудь злом умысле государь нашел в письме проект о гербовой, или *орленой*, бумаге. Гербовая бумага как важный источник дохода была немедленно введена. Сочинителем проекта оказался Курбатов, дворецкий боярина Бор[иса] Петр[овича] Шереметева, человек очень бывалый, и не в одной России: вместе с господином своим он путешествовал и за границей. Курбатов был щедро награжден, пожалован в дьяки Оружейной палаты и получил возможность уже не подметными, но явными письмами сообщать царю свои мнения обо всем. Курбатову Петр поручил устроить порядок в Московской ратуше, или бурмистрской палате, в которой, как мы упоминали, дело шло дурно по непривычке к новому делу, по неохоте заниматься общим делом, не приносящим непосредственной выгоды частному человеку, или по стремлению извлечь из общего дела как можно больше частных выгод, покормиться на счет казны.

Петр не пришел в отчаяние от картины тех злоупотреблений и беспорядков по ратушному, т. е. по финансовому, управлению, какую представил ему Курбатов; он не дотронулся до учреждения, поручив только временно надежному человеку уничтожение

беспорядков и злоупотреблений. Печальный пример коллегиального управления в ратуше не отнял у него веры в достоинство этой формы, и он немедленно ввел ее в областное управление, велел всякие дела с воеводами ведать дворянам, в больших городах человека по четыре и по три, а в меньших — по два, указы чинить дворянам обще с воеводами, а одному воеводе без дворян никаких дел не делать. Легко понять, как должны были оскорблять и раздражать Петра известия о страшном казнокрадстве в то время, когда при громадном увеличении расходов нужно было изыскивать все средства к увеличению доходов в бедном государстве, когда народ должен был платить тяжелые подати, когда на него наложен был великий труд, когда сам царь, подавая пример, трудился небывалым образом и для уменьшения расходов жил чрезвычайно просто, с отстранением царской обстановки.

Не одна продолжительная и тяжелая война, не одно переустройство войска и заведение флота, построение крепостей требовали больших расходов: Россия должна была войти в систему европейских держав, живших общию жизнью и потому постоянно сносившихся друг с другом, наблюдавших за движениями, за внутреннею жизнью друг друга. Для этого каждый двор имеет при других дворах постоянных представителей: Россия должна была выполнить это необходимое условие вступления в общую европейскую жизнь. Мы уже видели, как ей трудно было это сделать и как Петр с глубокою верою в способности своего народа решил трудный вопрос, признавши и здесь необходимость практической школы, и назначил на важнейшие дипломатические посты русских людей. Но мало было, чтоб представители России при чужих дворах вели себя искусно и достойно: они должны были поддерживать достоинство своего двора внешнею обстановкою, на что нужно было много денег; кроме того, посланники должны были иметь в своем распоряжении значительные суммы для подкупа влиятельных лиц, для узнания нужных секретов. Для удовлетворения всем этим требованиям прибыльщики изыскивали всевозможные средства; взято было все, что только можно было взять; отдано было на откуп все, что можно было отдать. Отнято было право владельцев мест, где производились торжки, брать пошлину на себя, пошлина стала идти в казну; уничтожены были так называемые тарханы, по которым известные лица освобождались от платежа пошлин. У бедного народа была роскошь — дубовые гробы; и этот предмет роскоши казна взяла себе и продавала против покупной цены вчетверо дороже; наложена была пошлина на бороду и усы: кто не хотел бриться, оплачивался деньгами. Все эти тяжести и труд русский народ должен был поднять временно, чтоб вдвинуть Россию в Европу и приобрести средства усиления и обогащения,

а эти средства состояли в искусстве и знании. Петр прямо и для всех понятно указывал своему народу цели его и своей чрезвычайной деятельности — внутреннее спокойствие и внешняя безопасность посредством хорошо устроенного войска и обогащение страны посредством торговли. Так, эти цели прямо были высказаны в знаменитом манифесте 1702 года о вызове иностранцев в Россию. «Мы побуждены были,—говорит царь,—в самом правлении учинить некоторые нужные и к благу земли нашей служащие перемены, дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться во всех торговых делах».

При таком практическом взгляде легко понять, какого рода школы должны были явиться в Москве; явились школы математическая и навигаторская, где первыми преподавателями были три англичанина. Школы эти находились в ведении Оружейной палаты, т. е. адмирала Головина и дьяка, известного нам Курбатова. Скоро после заведения школ знаменитый прибыльщик уже радовался, что многие всякого звания и зажиточные люди познали сладость науки и отдают в те школы детей своих, а иные молодые люди сами приходят с немалой охотой. Мы уже упоминали о правиле Петра, которого держались и все его сотрудники,—брать иностранцев, но строго наблюдать за ними, чтоб они не теснили русских, и как можно скорее выдвигать последних, чтоб они могли заменить наемников. Так и Курбатов немедленно к трем учителям-англичанам приставил помощника русского, Леонтия Магницкого, и заметим, что иностранцы «обязали себя к нему ненавистью», по выражению Курбатова, за отличное выполнение им своих обязанностей; Курбатов всеми силами поддерживал Магницкого, вследствие чего англичане должны были только усерднее исполнять свои обязанности. Этот Магницкий был автором знаменитой «Арифметики, сиречь науки числительной», изданной в 1703 году.

Для школ и для распространения сведений между любознательными взрослыми людьми нужны были книги на русском языке, прежде всего учебники. Понятно, что нужно было переводить их с иностранных языков, понятно, что дело перевода книг было одним из самых важных и самых трудных дел. Кроме страшной трудности передачи научных понятий на языке народа, у которого до сих пор не было науки, была еще трудность, происходившая от существования двух языков, резко различавшихся друг от друга: книжного, или так называемого церковнославянского, и народного. Естественно, наука должна была избрать для себя последний язык, но ученые люди, знающие иностранные языки, переводчики, привыкли к книжному языку, и живой язык народный был в их глазах языком подлых людей. Перевод книг, сказал я, был одним из самых важных и трудных

дел, и мы уже должны ждать, что Петр усердно займется им: он не только указывал, какие книги надобно переводить, но и требовал переводы к себе, сам исправлял их, учил, как надобно переводить, учил, что не надобно держаться мертвого перевода слово в слово, но, выразумевши смысл, передавать живым образом этот смысл совершенно удобопонятно для русского человека, т. е. совершенно соответственно складу русской речи, тогда как подстрочный перевод необходимо искажал русскую речь, давал ей чужие обороты. Так, он писал одному из переводчиков: «Книгу о фортификации, которую вы перевели, мы прочли: разговоры зело хорошо и внятно переведены; но как учить фортификации делать, то зело темно и непонятно переведено; не надлежит речь от речи хранить в переводе; но, точию его выразумев, на свой язык уже так писать, как внятнее может быть!»

В 1707 году типографские мастера привезли из Голландии три азбуки «новоизобретенных русских литер». Этими литерами, или так называемым гражданским шрифтом, начали печататься книги с 1708 года, и первую книгую, напечатанною таким образом, была «Геометрия, словенски землемерие». Но как везде в деятельности Петра, так и здесь не было односторонности: царь поручил известному тогда ученому Поликарпову написать русскую историю и в то же время приказывал переводить книги о событиях всеобщей истории, которые по господству древней истории и литературы в Европе были у всех в устах: книгу о Троянской войне, Квинта Курция о деяниях Александра Македонского.

Могущественное средство развития человека состоит в расширении сферы; человек развивается, когда переносится из бедной, простой обстановки жизни, из круга немногих и постоянно повторяющихся явлений в жизнь, обставленную богаче, представляющую большею разнообразию предметов и явлений; сельчанин поэтому развивается, когда переносится в город, еще сильнее развивает путешествие, бывалость. Но человек новой Европы приобрел еще средство развития, возможность участия в жизни всего современного человечества: это ведомости обо всем совершающемся в современности, ведомости, которые распространяются с такою быстротою посредством печати.

Петр, разумеется, не мог обойти и этого средства развития своего народа. До него знание того, что делалось в чужих странах, было привилегиею правительства; извлечения из иностранных газет (куранты) составлялись для царя и немногих приближенных особ и бережно хранились как тайна государственная. Петр хотел, чтоб все русские люди знали, что делается на свете, и с 1703 года начали издаваться в Москве «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах», и на первом же листке «Ведомости» объявили, что

московские школы умножаются, сорок пять человек слушают философию, а в математической штюрманской школе больше 300 человек учатся и добре науки приемлют. Не забыто было и четвертое средство для народного развития. Как до Петра куранты составлялись только для царского употребления, так и сценические представления давались только для потехи великого государя. Петр и то и другое ввел в народное употребление. На Красной площади построена была деревянная комедиальная храмина—для всех; как при царе Алексее, так и теперь набрали подьячих из разных приказов и отдали их учиться немцу Куншту, который обязался учить их всяким комедиям. В репертуаре этого первого всенародного театра после пьес исторического содержания видим и пьесу «Доктор принужденный» — это Мольеров «Лекарь поневоле»; играли также пьесы, нарочно сочиненные по поводу какого-нибудь важного события, торжества, напр[имер] в 1703 году по случаю взятия Орешка. Кроме этого всенародного театра театральные представления давались еще учениками Славяно-греко-латинской академии (новосияющих славяно-латинских Афин); здесь пьесы имели религиозное содержание, но иногда с примесью политических намеков.

Все эти средства развития, воспитания народного — и школы, и книги, и «Ведомости», и театр — представляли, разумеется, еще слабые начатки; чтоб оказалось их влияние, нужно было еще долго ждать, а между тем нельзя было не обратить внимания на некоторые печальные явления, которые были следствием крайне недостаточного народного воспитания в древней России: так, был обычай убивать младенцев, родившихся с физическими недостатками; Петр вооружился против этого варварского обычая, не признававшего в человеке человека и христианина, смертная казнь грозила людям, уличенным в его исполнении. После указа против убийства младенцев, родившихся с физическими недостатками, видим ряд указов о сохранении жизни и здоровья человека: запрещено хоронить мертвых ранее трех дней; учреждено было 8 аптек в Москве и закрыты зеленые лавки, где продавались так называемые лекарственные травы, от которых люди, как оказалось, умирали скорою смертью.

Любопытна прибавка в указе, чтоб в новоучрежденных аптеках не продавали вина. Страсть к вину русские люди вынесли из своей древней жизни в ужасающих размерах; смертные случаи в драках от пьянства были обыкновенным явлением; правительству нужно было смотреть за взрослыми, как за детьми, смотреть, чтоб они не имели при себе острых ножей — порежуся! И вот Петр запрещает носить остроконечные ножи, потому что многие люди в ссорах и драках и в пьянстве такими ножами друг друга режут до смерти. Известно, в какой степени наши деревян-

ные города терпели от пожаров: как начнется весна, так начнет в Москве, по выражению тогдашних образованных людей, Вулканус свирепствовать, пожаров по шести в сутки. Образованные люди к царю с просьбою укротить свирепство Вулкануса, и вот начинают делать черепичные крыши вместо тесовых, выписываются заливные трубы из-за границы, издается указ строить в Москве, в Кремле и Китае-городе, каменные дома и располагать их по улицам и переулкам, а не внутри дворов, т. е. по европейскому, а не по азиатскому обычаю. Принимались меры, чтоб русский человек в городах мог спать спокойно, не боясь Вулкануса; но вот предстоит беда, нужда требует выехать за город, отправиться за несколько верст в другой город, в деревню: пишется духовное завещание, в семье плач, прощаются, как с человеком, идущим на войну, потому что дороги наполнены разбойниками. Правительству мало шведской войны, оно должно посылать роты с капитанами для сыску разбойников; капитану удалось поймать 10 знаменитых разбойников. Кто ж они? Люди из низших слоев общества? Нет, это все помещики, которые разбойничали со своими людьми, нападали на чужие деревни, били и жгли.

Эти явления показывают нам, с каким обществом имело дело преобразование. В подобном обществе нет безопасности для слабого, и мы видели, как вследствие этого женщину надобно было спрятать в терем. Но это удаление женщины, бывшее необходимым следствием грубости нравов и отсутствия безопасности, в свою очередь производило еще большее огрубение нравов, ибо мужчина не привыкал сдерживаться присутствием существа, которому христианская цивилизация Европы дала нравственное величие, окружила уважением, противоборствуя материальным стремлениям в отношениях человеческих, заставляя сильного служить слабому и ум не забываться перед чувством. Христианская цивилизация Европы признала в разделении человека по полам, на два пола, первый, основной акт развития, т. е. разделения занятий. Это разделение занятий, представляющее мужчине внешнюю, общественную деятельность и женщине внутреннюю, домашнюю, лежит в основе цивилизации, сущность которой состоит в разделении занятий вообще или в том, что мы называем развитием. В состоянии варварства человек делает все или большую часть нужного ему сам и потому одинок, потому дик; в состоянии цивилизации человек делает одно что-нибудь и потому может делать хорошо, совершенствовать свое дело; в отношении к другим необходимым предметам находится в зависимости от деятельности других и потому связывается с другими тесною, органическою связью, и люди необходимо становятся ближними друг другу. В словах «Не добро быти человеку единому»

выразилось благословение развития, благословение цивилизации, которые и начались с разделением человека, с появлением жены подле мужа, Евы подле Адама, ибо здесь началось разделение занятий. Женщине предоставлена была внутренняя, домашняя жизнь, в которой главное дело — воспитание человека, требующего для своего нравственного развития и крепости продолжительного согревания теплотою женского, материнского чувства.

Но человек воспитывается для жизни общественной; отсюда необходимое требование от воспитывающего — требование знания этой жизни, а знание общественной жизни невозможно без участия в ней. Таким образом, отчуждение женщины от участия в общественной жизни и от того, чем возвышается и украшается общественная жизнь, противоречит ее значению, значению воспитательницы человека, представительницы и охранительницы порядка (порядка) внутренней, семейной, домашней жизни, ибо здесь, в этой жизни, муж, сын и брат должны находить обновление сил для деятельности общественной. Нельзя отнять у женщины участия в общественной жизни, точно так как преступно втягивать ее в общественную деятельность и нарушать основное в человечестве разделение занятий, разрушать основу цивилизации. Естественно было стремление нашего древнего общества удалить женщину из общества, не представлявшего для нее ни физической, ни нравственной безопасности. Но мера была отчаянная; сильное лекарство, свидетельствуя о силе болезни, не могло в свою очередь не оставить вредных следов в общественном организме. Общественная жизнь от удаления женщины еще более беднела и грубела, а мужчина, не находя дома «помощи, приличной ему», беднел и грубел нравственно. Не исполнялась воля Бога, создавшего женщину, чтоб человек имел помощь, приличную ему, как говорит Писание, и женщина теряла свое значение: запертая и припрятанная, она становилась вещью, товаром; человек терял данное ему Творцом право искать себе помощь, приличную ему, и брак нисходил на степень торговой сделки. Петр прекратил затворничество женщин, приказав приглашать их в общественные собрания; запретил рядовые сговорные записи, составлявшиеся в Приказе крепостных дел; велел прежде венчания быть обручению за шесть недель, чтоб дать время жениху и невесте узнать друг друга, причем в случае, если не понравятся друг другу, получали свободу отказываться от вступления в брак. Русский человек перестал быть одинок в обществе и получил возможность иметь помощь, приличную ему.

Но, уничтожая затворничество женщины, возвышая ее достоинства, Петр возвышал и достоинство человека вообще; запрещено было подписываться уменьшительными именами, падать перед царем на колени, зимою снимать шапки пред дворцом. Петр

говорил: «Какое же будет различие между Богом и царем, когда воздается равное обоим почтение? Менее низости, более усердия к службе и верности ко мне и государству — вот почесть, принадлежащая царю». После этого не вправе ли историк сказать, что он изображает дела великого народного воспитателя?

ЧТЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

В предыдущих беседах наших мы не раз указывали на воспитательное значение деятельности Петра Великого; естественно, что при этом он нуждался в помощи Церкви, но Церковь, чтоб дать желанную помощь в народном воспитании, нуждалась сама в помощи преобразователя, ибо требовала преобразований. Жалобы на печальное нравственное состояние духовенства, на печальное состояние нравственности в монастырях, которые прежде имели такое важное значение в нравственном воспитании народа, на невежество духовенства, лишавшее его учительской способности в то время, когда оно более всего нуждалось в этой способности, когда нравственными, научными средствами нужно было защищать православие от своих и от чужих, от раскольников и западных иноверцев, жалобы на злоупотребления материальными средствами в монастырях и архиерейских домах — все эти жалобы раздавались давно и громко между мирянами и самим духовенством на соборах церковных. Петр по своей природе, делавшей из него преобразователя, не мог равнодушно слышать жалоб на какое-нибудь зло и отвечать на эти жалобы, на эти слова словами же: он немедленно отвечал на них делом, исправлением зла.

Поднять русское духовенство, давши ему могущество — науку, снабдивши его средствами восстановить свое учительское значение, свое нравственное влияние согласно с новыми потребностями, с новыми условиями, давши ему крепкое оружие для борьбы с враждебными влияниями; восстановить значение монастырей, противодействуя вовсе не монашеским побуждениям к монашеской жизни, прекративши злоупотребление материальными средствами обращением излишка этих средств на дела милосердия и просвещения; поднять белое духовенство, давши ему науку, учительскую способность и большие средства материальные, недостаток которых мешал успешному и достойному исполнению его обязанностей, — вот преобразовательная программа Петра относительно Церкви. Но кто станет приводить в исполнение эту программу?

До XVIII века в русской Церкви был единый верховный пастырь, сначала с титулом митрополита, потом патриарха, и мы видели, как тяжело было положение патриарха, когда

Россия всколебалась и стала двигаться по новой дороге. Патриарх стоял между нескольких огней, между раскольниками, с одной стороны, между иноверными учителями и русскими учениками их — с другой, без способности обличения, без нравственных средств противодействия тем и другим, без науки, которая должна была внушать уважение и сдерживать людей, служивших науке, разуму, говоривших и действовавших во имя их; положение вредное, невозможное для Церкви и государства при слабости характера, при страдательном положении патриарха, вредное и при энергии, ревности в ту или другую сторону, ибо без просвещения могла ли быть ревность по разуму? Сюда присоединялись еще новые трудности: патриарх должен был приступить к экономическим преобразованиям, следовательно, должен был вооружить против себя значительную часть духовенства; энергические меры для водворения должной дисциплины в монастыре, для истребления тунеядства, находившего здесь себе прибежище, увеличивало число врагов, усиливало вопли. Одним словом, чтоб патриарх был в уроне своем положении, чтоб явился патриарх-преобразователь, ему следовало своими способностями, своею энергиею, силою воли приближаться к великому преобразователю-царю. Но где было взять такого человека, где было взять двоих Петров Великих?

Нужно было пощадить русскую Церковь от печального явления иметь подле царя Петра патриарха Адриана. Скажут: «Зачем же непременно Адриана?» Но если не Адриана, то надобно было пощадить Россию от соблазна столкновения царя с патриархом, который бы при силе воли отличался узким взглядом на трудное и опасное положение Церкви; патриарх, не сочувствующий преобразованиям, необходимо становился опорой недовольных, средоточием и вождем их, давал благословение их делу. В противном случае надобно было пощадить главного пастыря Церкви, единого и потому принимающего на себя всю ответственность, пощадить от враждебных ударов, расточавшихся противниками преобразования, пощадить его от названия антихриста. Все эти удары принимал на себя человек силы, способный их вынести; духовная власть отстранялась от преобразований, слишком для нее тяжких, и передавала их власти светской; единичное управление церковное упразднялось, естественно, за неимением человека, способного стать в уроне с своим положением, поднять бремя, слишком тяжелое для плеч одного человека, естественно, пролагался путь к разделению этой тяжести между многими, к коллегиальному управлению.

Петр говорил патриарху Адриану: «Священники ставятся малограмотные, надобно их прежде учить, а потом уже ставить в этот чин. Надобно озаботиться, чтоб и православные христиане, и иноверцы познали Бога и закон Его: послал бы для этого хотя

несколько десятков человек в Киев в школы. И здесь, в Москве, есть школа, можно бы и здесь было об этом порадеть; но мало учатся, потому что никто не смотрит за школою как надобно. Многие желают детей своих учить свободным наукам и отдают их здесь иноземцам; другие в домах своих держат учителей иностранных, которые на славянском нашем языке не умеют правильно говорить. Кроме того, иноверцы и малых детей ересям своим учат, отчего детям вред, и Церкви может быть ущерб великий, и языку нашему повреждение, тогда как в нашей бы школе, при искусном обучении, всякому добру учились». Царские слова были сказаны понапрасну: мог ли заботиться о школе и готовить священников к их званию человек, не имеющий сам образования? Чтоб поднять русские школы и образовать ученых священников, надобны были ученые архиереи; в Великой России их взять было неоткуда, надобно было обратиться к Малороссии, вызвать оттуда ученых монахов и поставить их на архиерейские кафедры в Великой России. Петр так и сделал, а что выбор людей как везде, так и тут был хорош, был петровский выбор, доказательством служат имена, всем известные, имена Стефана Яворского, св[ятого] Дмитрия Ростовского, Филофея Лецинского, Феофана Прокоповича, Феофилакта Лопатинского.

Осенью 1700 года умер патриарх Адриан, и преемника ему не было. Рязанский митрополит Стефан Яворский назначен был только экзархом св[ятейшего] патриаршего престола, блюстителем и администратором, что показывало меру временную, переходную; можно было считать ее приготовлением к уничтожению патриаршества; можно было ждать также, что патриарх будет, когда царь найдет способного человека, и действительно трудно сказать, был ли в это время уже решен Петром вопрос об уничтожении патриаршества. Можно рассуждать так: если бы Петр хотел сохранить патриаршество, то что ему мешало остановить выбор на том же Стефане Яворском или каком-нибудь другом архиерее из ученых малороссиян? Первая потребность была в распространении образования между духовенством, в надзоре за главною школою московскою, Академиею; патриарх из великороссиян не был способен к этому по неимению школьного образования, но патриарх из малороссиян удовлетворял этой главной потребности. Но мы должны перенестись в то время, когда на малороссиян в Великой России смотрели как на чужих; занятие малороссиянами архиерейских кафедр возбудило сильное неудовольствие, разумеется, прежде всего между людьми, которые сами надеялись занимать эти кафедры и были отстранены пришельцами, но эти недовольные были свои, и потому их неудовольствие легко заражало массу.

Сильные следы этого неудовольствия у великороссийского духовенства на малороссийских архиереев мы находим даже 50

лет спустя, когда архиереи из великороссиян с ненавистью отзывались о своих предшественниках-малороссиянах, об этих, по их словам, черкасишках никуда не годных и от людей переносили свое нерасположение к делу, к школам, заведенным архиереями-малороссиянами. Петр ввиду необходимости не считал позволительным уступить этому чувству, призвал малороссиян на архиерейские кафедры, но поставить патриарха из малороссиян было бы слишком. Притом кроме неудовольствия своих Петр должен был обращать внимание на внушения Константинопольского патриарха не ставить в патриархи малороссиян как подозрительных в неправославии, и особенно Стефана Яворского. Таким образом, все соединялось для того, чтобы затруднить дело и заставить Петра отложить его.

За назначением Яворского блюстителем патриаршего престола немедленно последовали преобразования. Дело суда и управления церковными имуществами сосредоточены были в Монастырском приказе, отданном в ведение светскому лицу, боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину. Для прекращения жалоб на беспорядки монастырской жизни, на туеядство и соблазнительное бродяжничество монахов и монахинь из одного монастыря в другой монахи и монахини были переписаны, и переход их из одного монастыря в другой запрещен, кроме важных законных причин; стража стала у ворот монастырских: монахи и монахини не могли выходить, кроме крайней необходимости, и то на короткое время; мирские люди могли входить только в церкви монастырские во время богослужения; жить в монастырях не могли; писать монахи и монахини могли только в трапезе с позволения начальства, ибо оказывалось, что в кельях писались вовсе не душевспасительные вещи. Нельзя было никого вновь постричь без царского указа. Прежние монахи, говорил указ, содержали себя своими трудами и еще питали нищих; нынешние же нищих не питают, но сами чужие труды поедают, и потому Монастырский приказ, где сосредоточивались доходы с монастырских имений, выдавал монахам на содержание известное количество денег и хлеба, остальное должно было идти на пропитание нищих, в богадельни и в бедные монастыри, у которых не было вотчин. На монастырские доходы был построен в 1707 году в Москве за Яузю госпиталь, который служил вместе и медицинскою школою, в заведовании доктора-иностранца Бидлоо и русского лекаря Рыбкина. Чрез пять лет Бидлоо хвалился, что в госпитале вылечено более тысячи больных, хвалился и быстрыми успехами своих русских учеников, которые в количестве 33 человек ежедневно имели дело со сто, а иногда и с 200 больными. Москва очень нуждалась в медицине; по указу Петра за 1703 год подана была священниками первая ведомость о числе родившихся и умер-

ших; оказалось, что число смертных случаев с лишком 2000 превышало число рождений.

Деньги из Монастырского приказа, т. е. собираемые с монастырских имений, шли также на печатание книг и на школы для духовенства, которые должны были заводиться и в других епархиях кроме московской. Указ 1708 года запрещал посвящать в священники и дьяконы, принимать в подьячие и никуда священнослужительских детей, которые не хотят учиться в школах. Разумеется, этот указ мог служить только побуждением к началу школьного дела. «Что человека вразумляет, как не учение?» — писал св[ятой] Димитрий Ростовский. Он имел печальную возможность доказывать справедливость своих слов примером священников, каких он нашел в своей епархии и какие, разумеется, были во всех других епархиях: священнические сыновья приходили к нему ставиться на отцовские места; митрополит спрашивал их, давно ли причащались, и получал в ответ, что и не помнят, когда причащались. Св. Димитрий завел школу при своем доме; он сам должен был исполнять должность учителя, ибо где же было взять хороших учителей? При таком состоянии духовенства, разумеется, расколу было легко расширяться. «С трудом,— говорит св. Димитрий,— можно было найти истинного сына Церкви: почти в каждом городе изобретается особая вера, простые мужики и бабы догматизуют и учат о вере». Такое положение Церкви заставило св. Димитрия не ограничиваться устною проповедью, но вооружиться против раскольничьих учителей особою книгою, знаменитым «Розыском о раскольничьей вере». И люди, не принадлежавшие к расколу, обривши бороды по указу, сомневались в своем спасении, думая, что потеряли образ Божий и подобие; священники не умели их успокоить, они обратились к митрополиту, и тот должен был писать рассуждение «Об образе Божии и подобии в человеке».

Относительно школ для духовенства, разумеется, надобно было ограничиваться самым существенным, во-первых, потому, что учителей не было: новгородский митрополит Иов завел было в своей школе преподавание греческого языка, но скоро учителей взяли в Москву. С другой стороны, не было денег. Тобольский митрополит Филофей Лещинский писал, что надобно в его школе ввести преподавание латинского языка и принуждать учиться детей всякого звания. Петр велел ему ответить, что он должен обратить особенное внимание на преподавание славянского языка и того, что необходимо знать священнику и дьякону, катехизиса православной веры, чтоб могли учить мирских людей.

Из деятельности Димитрия Ростовского можно видеть, какую пользу приносили русской Церкви архиереи из ученых малороссиян, вызванных Петром для распространения образования в духовенстве. Ученый ростовский митрополит, завещавший

постлатъ свой гроб черновыми бумагами своих сочинений, отличался не одною ученостию: Церковь причла его к лику святых. Но в лике святых Димитрий не один из числа современных Петру архипастырей и сотрудников его. Церковь прославила также епископа воронежского Митрофана, знаменитого не школьною ученостию, но святостию жизни и усердным радением о благе России, России преобразовывавшейся. Митрофан прославлял намерение Петра относительно заведения флота и убеждал народ всеми силами помогать своему царю в великом деле. Но одними словами воронежский епископ не ограничивался: он привез Петру последние остававшиеся в архиерейской казне 6000 рублей на войну против неверных и постоянно потом отсылал накопившиеся у него деньги к государю или в адмиралтейское казначейство с надписью: «На ратных». Петр горько оплакивал кончину святого старца и, разумеется, не раз потом должен был вспоминать о воронежском епископе, когда слышал о неудовольствиях и жалобах на тяжкий труд, лишения, жертвования, наложенные на русских людей трудным делом преобразования.

Некоторые архиереи не могли переносить ограничения своих доходов вследствие учреждения Монастырского приказа; они не хотели понять, что если бы они более или менее подражали Митрофану Воронежскому и Димитрию Ростовскому, то не было бы Монастырского приказа и ненавистный им начальник этого приказа Мусин-Пушкин не нападал бы, по их выражению, на церкви Божии. «Какое мое архиерейство, что мое у меня отнимают? Как хотят другие архиереи, а я за свое умру, а не отдам, шведы бьют, а все за наши слезы»,—говорил нижегородский митрополит Исая. Такие выходки со стороны пастырей, разумеется, должны были действовать на мирян, которые так вопили против тяжких поборов людьми и деньгами, против того, что не знают покоя от сильных движений преобразования, от этих новизн, от этих беспрестанных новых требований правительства. До нас дошли заявления этих неудовольствий; историк не может отвергнуть их, историк должен был бы предположить их, если б даже его источники и ничего о них не говорили.

Неудовольствие было и выражалось иногда резкими словами; преобразователя называли антихристом, царем ненастоящим, подмененным или при самом рождении или во время заграничного путешествия, но собственно в Великой России далее слов не шло. То была страна земских людей, тех сильных людей, которые в начале XVII века выдержали смуту и низложили ее и которые теперь, в начале XVIII века, выдерживали тяжести преобразования. Здесь неудовольствие не могло обнаружиться на деле, восстанием против правительства сильного, разумного, благонамеренного, народного в смысле охранения высших народных ин-

тересов, а не долгополых кафтанов. Здесь неудовольствие не могло обнаружиться восстанием против правительства, умевшего извлечь лучшие силы из народа и сосредоточить их около себя, около преобразователя; следовательно, на стороне преобразования были лучшие, сильнейшие нравственно люди; отсюда то сильное, всеобъемлющее движение, которое увлекало одних и не давало укореняться враждебным замыслам других; машина была на всем ходу; можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машину было нельзя. И вот в Москве, около Москвы, во всей Великой России спокойно, несмотря на то что царь редко живет в Москве; царя нет по видимому, но чувствуется всюду присутствие нравственной силы, нравственного величия. Неудовольствие обнаруживается на деле, восстаниями только на окраинах, в степях. В то время как Россия устремилась за новую жизнь к западному морю, степь, оттягивавшая столько веков Россию к Азии, степь подала протест. Степь, казаки — одно прибежище, одна надежда для недовольных, которых покой был нарушен тряскою, разнообразием нововводимой европейской жизни и которые хотели восстановить прежнее азиатское, степное однообразие.

В половине 1705 года, когда царь был с войском на Западе, восстание за старину вспыхнуло в самом отдаленном застепном углу, окруженном казаками, в Астрахани. Место было выбрано самое удобное, и выбрано оно было недовольными из разных городов; между заводчиками бунта встречаем и ярославца, и москвича, и симбирян, и нижегородцев; тут действуют раскольники, тут же действуют и стрельцы. В то время, когда преобразователь старался поднять и укрепить русского человека наукою и самостоятельным упражнением своих сил, поставить его прямо перед каждым явлением с способностью допрашивать каждое явление о его смысле, заводчики восстания в Астрахани спешили пользоваться младенческим доверием застепного русского народонаселения и поднимали его слухами, что будет запрещено русским людям жениться, а всех русских девиц выдадут за немцев. Восстание вспыхнуло. Зачинщики полагали главную надежду на казаков: с их помощью они думали усилить смуту и провести ее в сердце государства, до самой Москвы. Но зачинщики обманулись в своей надежде: бунт не пошел далее Красного и Черного Яра, потому что на Дону казаки остались в бездействии; здесь было много недовольных, но они не были еще готовы, были застигнуты врасплох приглашением астраханцев стать вместе с ними за «брадобритие»; главное, у них не было вождя. Астраханские зачинщики сделали большую ошибку, не снесшись предварительно с недовольными на Дону, сделали большую ошибку, отправив возмутительные письма прямо в Черкасск, к правительству донскому, тогда как атаманы и старые казаки

никогда не начинали восстаний, бунты вспыхивали не в Черкасске, а в дальних казачьих городках, наполненных недавними беглецами, так называемую гольтьбою, искавшего случая побуйствовать и добыть себе зипун, по казацкому выражению.

Петр был в Москве, когда получил известие об астраханском бунте, и сначала сильно встревожился, предполагая, что казаки пристанут к бунту. Какое важное значение придавал он событию, видно из того, что сейчас же отправил против Астрахани фельд-маршала Шереметева. Весть, что казаки не приняли участия в бунте, сильно обрадовала Петра, который приписал это счастливое обстоятельство особенной милости Божией. «Господь,— писал он,—изволил не вконец гнев свой пролить и чудесным образом огонь огнем загушил, дабы мы могли видеть, что все не в человеческой, но в Его воле». Астрахань одна не могла держаться, Шереметев взял ее, и волнение прекратилось.

Одна опасность прошла, но в 1708 году, когда Карл XII был в русских пределах, когда Петр должен был сосредоточить все свои силы для борьбы с Западом, с Европою, поднялась против него Азия: на восточной окраине вспыхнул башкирский бунт, и одновременно заволновались донские казаки, вспыхнул булавинский бунт. Мы уже упоминали, что распространение русских владений на востоке, по Волге, Каме и за Уральскими горами, было быстро, легко и, собственно, носит характер колонизации, а не завоевания. Но жившие здесь народцы, обложенные данью, равнодушно сносили зависимость от России и возмущались при первом удобном случае в продолжение XVI и XVII веков; особенно были опасны те из них, которые, будучи магометанами, смотрели на турецкого султана как на естественного главу своего и ждали от него избавления от ига христианского. Теперь был случай удобный: русский царь занят на Западе тяжелою борьбою, и нельзя допускать его до торжества в этой борьбе; этот царь сильнее всех прежних царей, он уже взял Азов у султана; победит своих врагов на Западе—Востоку, магометанству будет беда. И вот магометанство поднимается: уфимский башкирец, выдавая себя за султана башкирского и святого, ездит в Константинополь, в Крым, волнует горские народы Кавказа, волнует кочевников в степях подкавказских. Русские раскольники, переселившиеся в эти страны, пристали к магометанскому пророку, который в начале 1708 года осадил русскую пограничную крепость на Тереке. Терский воевода отселся в осаде, подоспевшее из Астрахани войско разбило и взяло в плен пророка, но дело этим не кончилось: пророк уже успел переслаться с своими башкирцами, которые и поднялись все, к ним пристали и татары Казанского уезда; с лишком 300 сел и деревень, с лишком 12 000 людей погибло от этого бунта, но дикари не могли стоять против русских, хотя и небольших, отрядов, которым и удалось сдер-

жать башкирцев, не допустить их до соединения с донскими бунтовщиками.

Мы уже говорили об отношениях казаков к земским людям и государству,—отношениях, враждебных изначала. Легко понять, что при Петре отношения эти должны были измениться, и измениться в пользу государства. Преобразователь был рад службе донцов, но не хотел, чтоб государство слишком дорого платило за эту службу. Мы знаем, что он призвал свой народ к великому и тяжкому труду, и ничто не могло его так раздражить, как тунеядство, стремление избежать труда. Народонаселение и без того было мало, ничтожно сравнительно с пространством государственной области, а потребность в людях, в их труде, в их деньгах, приобретаемых трудом и часть которых должна была идти на государственные нужды,—эта потребность увеличилась. Легко понять, что при таких условиях Петр не мог сочувствовать людям, которые бежали от труда, и людям, которые принимали беглецов и поставляли свое главное право в невыдаче их. Такое право приписывали себе казаки. «С Дону выдачи нет»,—отвечали они постоянно государству на его требования выдачи. Петр не мог признать этого права. Землевладельцы жаловались, что они разоряются от побегов, платя за беглых всякие подати *спуста*, правительство берет с 20 дворов человека в солдаты, с 10 дворов—работника, а беглые крестьяне, живя в казачьих городках, службы не служат и податей не платят.

Царь указом 1705 года велел свести казачьи городки, построенные не по указу, не на больших дорогах, и жителей их поселить по большим дорогам, и никаких беглецов не принимать, за укрывательство—вечная каторга, а главным заводчиком—смерть; всех пришлых людей, которые пришли после 1695 года, т. е. таких, которым не вышла десятилетняя давность, отослать в русские города, откуда кто пришел, потому что, говорит указ, работники, будучи наняты на казенные работы, забрали вперед большие деньги и, не желая работать, бегали и бегают в эти казачьи городки. Указ не исполнялся, был повторен и опять не исполнялся. Тогда в 1707 году Петр отправил на Дон полковника князя Юрия Долгорукого с отрядом войска для отыскания беглых и высылки их на прежние места жительства. Внезапно ночью на Долгорукого напали казаки и истребили весь отряд вместе с предводителем. Вождем казаков в этом деле был бахмутский атаман Кондратий Булавин. Другие казаки говорили Булавину: «Заколыхали вы всем государством: что вам делать, если придут войска из России, тогда и сами пропадете, и нам придется пропадать». «Не бойтесь,—отвечал Булавин,—начал я это дело не просто; был я в Астрахани, в Запорожье, на Тереке; астраханцы, запорожцы и терчане все мне присягу дали, что скоро придут к нам на помощь; пойдем по казачьим городкам,

приворотим их к себе, потом пойдем дальше, наполнимся конями, оружием, платьем, пойдем в Азов и Таганрог, освободим сылочных и каторжных и с этими верными товарищами пойдем на Воронеж и потом до самой Москвы».

Таким образом, в Москву в одно время собирались два гостя: Карл XII с образцовым западноевропейским войском и Кондратий Булавин с ссыльными и каторжными. Булавин разослал призывные грамоты: «Атаманы-молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с атаманом Кондратием Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте в горные вершины Самарские». Так против призыва Петра к великому и тяжелому труду, чтоб посредством его войти в европейскую жизнь, овладеть европейскою наукою, цивилизациею, поднять родную страну, поднять родные народы, дать новых деятелей в историю человечества,—против этого призыва раздался призыв Булавина: «Кто хочет погулять, сладко попить да поесть,—приезжайте к нам!» И призыв Булавина отличался откровенностию, призывались прямо воры и разбойники. На Запорожье решили: позволить Булавиному прибирать вольницу, а пойти с ним на великорусские города тогда, когда он призовет к себе татар, черкес и калмыков. Характер явления высказывался ясно: поднималась степь, поднималась Азия, Скифия на великороссийские города, против европейской России, которая, несмотря на все препятствия, создала из себя крепкое государство и теперь с величайшим трудом, с страшным напряжением сил стремилась дать ему решительный европейский характер.

Скифия была побеждена, несмотря на то что Великая Россия, Москва должна была воевать в то же время и с Западною Европою. Булавин, имевший сначала большой успех, провозглашенный атаманом всего Донского войска после истребления прежнего атамана и старшины, Булавин в июле 1708 года застрелился вследствие неудач своих под Азовом. Бунт не прекратился смертью Булавина, ибо мы видели, интерес каких людей был затронут стремлением государства наложить свою руку на вольную реку Дон, запретить прием беглых; таких людей накопилось много. Бунт был усмирен только в ноябре истреблением и уходом товарищей Булавина; почти в один день Меншиков сжег Батурын, гнездо Мазепы, а князь Васил[ий] Влад[имирович] Долгорукий сжег Решетову станицу, последнее убежище булавинских товарищей; через шесть месяцев была разорена Запорожская Сечь, и месяц с чем-нибудь спустя прогремела Полтавская битва. Петр не пустил к Москве гостей, ни шведского короля с Мазепою, гетманом Войска Запорожского, ни Булавина с его ворами и разбойниками.

Петр торжествовал в Москве неслыханные победы и не складывал рук, занимаясь делом внутренним и внешним, спеша кончить шведскую войну, чтобы, добившись заветной цели, не иметь более препятствий для внутренних преобразований. В Польше был прогнан король, посаженный Карлом XII, Станислав Лещинский, и восстановлен старый союзник Август II. Дания опять пристала к союзу. В июне 1710 года взят Выборг, «крепкая подушка Петербургу», по выражению Петра; в июле сдалась Рига, и знаменитый прибыльщик Курбатов писал царю: «Торжествуй радостно, преславный обогатитель славяно-русского народа»; в сентябре сдался Ревель, и Курбатов писал, что при заключении мира все эти приморские места надобно оставить за Россию. Но среди этих успехов Петр должен был испытать невыгоды успехов, невыгоды величия и славы. Полтавская победа вводила в систему европейских государств новое могущественное государство, и для Европы рождался вопрос первой важности: какое место займет это новое государство, в каких отношениях будет находиться к другим государствам, каким началам следовать в своей политике, чем руководствоваться в дружбе и вражде. Одновременно с великою Северной войною на северо-востоке, в Западной Европе, шла великая война за наследство испанского престола, собственно направленная против властолюбивых стремлений Франции, ее короля Людовика XIV. Петр очень хорошо понимал выгоду этой западной войны для себя, ибо она не давала возможности важнейшим державам Европы вмешиваться в Северную войну, мешать России в ее деле, ибо он не мог рассчитывать на сочувствие этих держав к себе, особенно на сочувствие Франции; он прямо говорил, что надобно спешить окончанием Северной войны прежде окончания западной.

Но Полтавская победа, сокрушение сил Швеции, жалкое бегство в Турцию Карла XII, считавшегося до сих пор непобедимым,— все это было так многозначительно, так громко, что не могло не взволновать Европы, несмотря на то что она еще была занята войною за Испанию. Прежде всего, разумеется, дело коснулось Турции, единственного соседнего государства, которое могло помешать России в ее торжествах, отвлечь ее силы. Карл XII после Полтавы бежал в ее пределы и употреблял все старания поднять Порту против России, представляя, что если дать Петру время пользоваться несчастьем Швеции, то от этого потерпит прежде всего Турция, которая поэтому обязана помочь Швеции, дать ей поправиться, дать ей возможность сдерживать властолюбивые замыслы России. Подобные же внушения и настаивания приходили в Константинополь и от другой европейской державы, которая была всегда в союзе с Портою, от Франции. Франция издавна стремилась играть первенствующую роль

в Европе и особенно была близка к достижению своей цели во второй половине XVII века, при Людовике XIV. Но сильный союз других держав, образовавшийся по поводу вопроса об испанском наследстве, остановил эти стремления французского короля. Тем более теперь, при неудаче дела, Франция должна была заботливо следить за европейскими отношениями, обратить особенное внимание на новую силу, явившуюся на континенте: что́ эта сила, будет ли дружественная Франция или умножит число врагов ее, будет помехою ее стремлениям? Франция должна была решить этот вопрос во втором смысле.

Россия естественный враг Турции. Башкирец, который хочет взбунтовать своих против России, поднимает знамя магометанства и отправляется в Константинополь, где владычествует естественный покровитель магометан; но во владениях этого покровителя магометанства много христиан, которые давно уже ждут избавления от единоверной и единоплеменной России, видят в ее царе естественного покровителя восточных христиан. России, которой сила так явственно высказалась под Полтавою, легко будет одолеть Турцию и тем нанести страшный ущерб французским интересам на Востоке, не говоря уже о том, что Турция издавна союзница Франции, что Турция необходима для Франции как средство отвлечения сил Австрии. По одинаково враждебным отношениям к Турции Россия должна быть естественной союзницей Австрии, следовательно, должна быть враждебна Франции; сильная Россия, естественно, должна иметь преобладающее влияние в Польше, не допускать французского влияния и, таким образом, и с этой стороны будет охранять австрийские интересы. Сокрушение шведского могущества под Полтавою и появление России в виде первенствующей на севере державы было тяжелым ударом для Франции, этот удар прибавился к поражениям войны за испанское наследство. Дать Карлу XII средства оправиться и сдержать Россию посредством вмешательства Турции было необходимо для Франции. Вследствие Полтавы и нового могущества России восточный вопрос принимает новый вид: Турция для собственной безопасности должна поддержать Швецию и не допустить Россию утвердить свое влияние в Польше. Из трех соседних России государств, Швеции, Польши и Турции, делается цель, которою западноевропейская политика будет с тех пор стараться сдерживать Россию, и Франция теперь при этом играет главную роль, начертывает программу действия против России. Напуганная Турция объявила войну России: с крайним огорчением Петр должен был отказаться от надежды скоро окончить шведскую войну, должен был остановить свои действия на севере и перенести оружие на юг, тратить время и силы на войну, в его глазах теперь бесцельную. Полтавский победитель должен был испытать немедленно же следствия своего торжества, своего

нового значения, следствия того движения европейских интересов, какое было возбуждено Полтавою, должен был ввести народ свой в борьбу, которою надобно было оплатить цивилизацию, взятую у Европы, участие в общей жизни Европы. Петру принадлежит почин в этой борьбе; его в начале борьбы ждала жестокая неудача, но мы знаем, что неудача есть проба гения, знаем, как великий человек умел выдерживать неудачи, оставив пример, которому должен подражать народ, если хочет быть достойным своего вождя, если хочет быть великим народом.

ЧТЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

25 февраля 1711 года в Москве, в Успенском соборе, в присутствии царя объявлено было народу о войне с турками. Мы уже говорили, как не нравилась Петру эта война; он находился в мрачном расположении духа, печальные предчувствия томили его; сюда присоединилась еще болезнь, застигшая его на дороге, в Луцке. В одном письме его от этого времени находим слова: «Нам предстоит безвестный и токмо единому Богу сведомый путь». В другом читаем: «Что удобнее где, то чините, ибо мне так отдаленному и почитай *во отчаянии существу*, к тому ж от болезни чуть ожил, невозможно рассуждать». Положение было крайне затруднительное: не говоря уже о том, что царь отвлечен от Северной войны, которую спешил кончить выгодным миром до окончания западной войны за испанское наследство, вести две войны на севере и юге с такими небольшими средствами, какими тогда могла располагать Россия, и в то время, когда народ жаждал облегчения и отдыха, к чему Полтавская победа подавала такую большую надежду,—вести при таких условиях две войны было очень тяжело.

Петр не мог сосредоточить большого войска на юге, надежда на помощь союзника, короля польского Августа, была плохая; одна надежда на успех состояла в поднятии христианского народонаселения Турции; сербский полковник Милорадович отправлен был поднимать черногорцев и других славян и писал об успешном ходе дела; молдавский господарь Кантемир поддавался России. Но чтоб получить помощь от своих одноверцев и единоплеменников, чтоб предупредить турок, нужно было спешить вступлением во владения Порты; от турецких христиан получались беспрестанные просьбы, чтоб царь шел как можно скорее; господаiry молдавский и валашский писали, что как скоро русские войска вступят в их земли, то они сейчас же с ними соединятся, а это поднимет сербов и болгар.

Петр послал Шереметева к Дунаю — нельзя ли предупредить турок и разорить мост. Но турки предупредили, перешли Дунай.

Предстоял вопрос: двигаться ли царю с главным войском вперед или оставаться? На военном совете было решено идти вперед, и Петр пошел, тем более что Молдавия уже объявила себя за русских, и остановиться значило отдать ее в беззащитную жертву туркам. Следствием была встреча с турками у Прута (9 июля): у турок было 200 000 войска, у русских только около 40 000. Несмотря на то, напавший неприятель был отбит с жестоким уроном. Но все же положение русского войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноем, съестных припасов оставалось очень немного, помощи ниоткуда. Визирь предложены были мирные условия и богатые подарки. Визирь принял предложение, потому что сам находился в затруднительном положении: янычары, испуганные отчаянным сопротивлением русских, потерявши 7000 своих, отказались возобновить нападение и кричали, чтоб визирь скорее заключил мир; кроме того, получено было известие, что отправленный прежде царем отряд под начальством генерала Ренне взял Браилов.

Главные условия мира были: отдача туркам Азова, разорение Таганрога и других новопостроенных с русской стороны городов, невмешательство царя в польские дела. Русское войско, не знавшее, что делалось в турецком лагере, изумленное снисходительностью мирных условий, с великою радостью выступило из западни к своим границам. Но с каким чувством вел его царь? Он в письмах к своим утешал их, что хотя мир заключен и с большою потерею, но зато все же война кончилась на юге и это даст возможность усиленно продолжать войну на севере и скоро кончить ее выгодным миром. Но при этом он проводил бессонные ночи, тем более что долго не мог быть уверен, состоится ли мир с турками, ибо Карл XII, крымский хан, Франция, изменившие России казаки побуждали султана не мириться, особенно потому, что пункт о невмешательстве России в польские дела подавал повод к сильным спорам: Петр не мог разорвать союза с польским королем Августом, не мог не проводить своих войск через польские владения. Турецкие министры прямо говорили английскому послу, что им не так важна отдача Азова, как то, чтоб царь не вступался в дела Польши, не вводил в нее своих войск, ибо если дать ему в том волю, то он легко сокрушит Швецию и потом не только может отобрать Азов, но через Польшу опять вступить внутрь турецких владений.

Петр не хотел возобновления войны с Турциею, хотя в письмах к своим признавался, что плакал, помышляя о необходимости отказаться от берегов Азовского моря, что как бы не своею рукою писал указ об отдаче Азова и срытии Таганрога «Но рассудить надлежит, — писал он, — что с двумя неприятелями такими не весьма ль отчаянно войну вести и упустить сию шведскую войну, которой конец уже близок является; сохрани Боже,

ежели б, в обеих войнах пребывая, дождались французского мира (т. е. окончания войны за испанское наследство), то б везде потеряли; правда, зело скорбно, но лучше из двух зол легчайшее выбрать». Наконец мир с турками был заключен в 1713 году. Война, оконченная этим миром, имеет то значение в истории, что в ней восточный вопрос впервые стал славянским вопросом: Петр спешил к Дунаю, чтоб помочь христианскому народонаселению Турции и взаимно получить от него помощь. Черногорцы поднялись, но по отдаленности места их действий не могли, разумеется, оказать помощи русскому войску. Известие о заключении мира при Пруте прекратило черногорскую войну. Терпя постоянно большой недостаток в деньгах при громадных издержках, Петр велел выдать Милорадовичу 500 червонных для раздачи его сподвижникам. В 1715 году приехал в Россию черногорский владыка Даниил и получил 10 000 рублей, полное архиерейское облачение, книги; начальные черногорцы получили 160 медалей на 1000 червонных. В царской грамоте говорилось, что эти награды не по достоинству, не по заслугам, но больше дать нельзя, потому что война с еретиком королем шведским поглощает все доходы.

С этих пор начинается прием славян и других христиан восточного исповедания в русскую службу. Так вступил в русскую службу Милорадович и сделан был гадяцким полковником в Малороссии; кроме него вступили в русскую службу другие сербские, молдавские и валахские офицеры и рядовые, турецкие и австрийские подданные. Их разместили в Киевской и Азовской губерниях, полковникам дано по местечку или по знатному селу, прочим офицерам — по несколько дворов, на хозяйственное обзаведение даны деньги и хлеб; им дано право перезывать к себе еще людей из своих народов и обещаны другие земли. Петр так сознавал важность связи своего народа с народами соплеменными, что счел своею обязанностью делиться с ними последним куском, как говорится. Сербский архиепископ Моисей Петрович приехал в Россию и привез от своего народа просьбу, в которой сербы, величая Петра новым Птоломеем, умоляли прислать двоих учителей латинского и славянского языка, также книг церковных: «Будь нам второй апостол, просвети и нас, как просветил своих людей, да не скажут враги наши: где их Бог?» Петр велел отправить богослужебных книг на 20 церквей, 400 букварей, сто грамматик. Отправлены были и учителя с большим по тогдашнему времени жалованьем — отправлены были русские учителя, когда сама Россия имела их так мало.

Но если Петр считал своею обязанностью помогать и отдаленным соплеменникам, то понятно, что не мог не обратить внимания на горькую судьбу русских людей, которые за свою русскую народность, за свою русскую веру терпели притеснения

в соседнем государстве, хотя и славянском, но католическом. Петр был в союзе с польским королем Августом II. Август изменил союзу, когда, несмотря на сильную помощь, несмотря на Калишскую победу, тайком от царя заключил мир с Карлом XII и отказался от польского престола. Несмотря на то, после Полтавы Петр восстановил его на польском престоле. Казалось, можно бы ожидать благодарности, но на благодарность в политике нельзя рассчитывать. Август был немецкий государь, саксонский курфюрст, который смотрел на Польшу как на средство усиления для своего дома, смотрел и на русского царя как на орудие для этого усиления.

Но как скоро оказалось, что Петру никак уже не приходится служить орудием в руках какого-нибудь Августа; как скоро оказалось, что могущественная Россия и ее великий царь никак не позволят саксонскому курфюрсту усиливаться на счет Польши, так тесно связанной с Восточною Россиею роковой связью России Западной; как скоро оказалось, что Петр, завоевавший Ливонию без помощи Августа, не отдаст ее ему, то Август счел полезным для себя отстать от России, сблизиться с враждебными ей державами, с Франциею, Турциею, показать им, что он вовсе не союзник русского царя, готов сделаться и врагом его и потому согласно с их интересом поддерживать его на польском престоле; а между тем под шумок, пока еще Петр занят шведскою войною, Август хотел достигнуть своей цели в Польше, подчинив себе Речь Посполитую посредством саксонского войска. Два года сряду — 1713 и 1714 — был в Польше большой неурожай, а между тем голодная страна должна была содержать саксонское войско, которого король не выводил, несмотря на все просьбы поляков, несмотря на требования России. Поляки на сеймиках кричали, что их вольность уже кончается, что им остается одно спасение — просить обороны у российского орла. Наконец восстание вспыхнуло, образовалась конфедерация, и конфедераты начали биться с саксонцами. Литовский гетман Потей обратился к Петру с вопросом, что ему делать. В Польше конфедерация, которая требует, чтоб и Литва соединилась с нею; одно средство успокоить страну — это защита и посредничество царского величества. Петр отвечал: «Пусть будет прислано ко мне прошение от всей Речи Посполитой, и тогда я вступлю в посредничество для ее облегчения и примирения с королем». В марте 1716 года приехали к Петру послы конфедерации с просьбою вступить в дело; король волею-неволею должен был согласиться на посредничество русского государя. Это новое положение России относительно Польши возбудило сильное движение в соседних державах: и Австрия, и Пруссия стали хлопотать, чтоб поляки приняли и их посредничество, но дело обошлось и без них: благодаря движению русских войск саксонские войска в 14 дней должны были очистить Польшу.

Но, избавив поляков от саксонцев, Петр должен был избавить православных жителей Западной России от польских притеснений. В XVI и XVII веках религиозное гонение, поднятое на русское народонаселение в польских областях, повело к сильному движению среди него, физическому и нравственному, вследствие чего значительная часть русских земель отторгнулась от Польши и присоединилась к России восточной, или Великой. Это событие еще более раздражило поляков, заставило их еще более хлопотать о том, как бы уменьшить во владениях Речи Посполитой число русских, как бы заставлять их ополячиваться, т. е. обращаться в католицизм или сначала в унию. Хотели таким образом уменьшить число людей, которые тянули к России, ждали от нее помощи и покровительства; особенно старались окатоличить, ополячить как можно скорее православную шляхту, ибо шляхтич как член сейма был членом правительства, а на сеймах боялись людей, которые могли бы поддерживать русские интересы, русские требования. Отсюда, после окончания борьбы у Польши с Россиюю Андрусовским перемирием, а потом и Вечным Московским миром, гонение на православных в Польше, отнятие архиерейских кафедр у православных и отдача их униатам не ослабевают, но усиливаются. Православные обращаются с жалобами к русскому правительству, и Петр для прекращения этих жалоб решает употребить сильные меры.

В 1722 году приезжает в Москву белорусский епископ Сильвестр, князь Четвертинский, представляет длинный список обид и притеснений, какие терпит православное духовенство от католиков, показывает знаки ран, полученных им самим за то, что вступился за своих священников, палками обращаемых в унию. Петр написал королю, что единственное средство прекратить жалобы православных — это составить комиссию для исследования обид и получения за них удовлетворения. Но эту комиссию нельзя составить из одних поляков-католиков, в ней непременно должен быть русский и царский подданный. «Если же паче чаяния, — писал Петр королю, — удовлетворения не воспоследует, то мы будем принуждены сами искать себе удовлетворения». Не дожидаясь ответа, Петр уже назначил своего комиссара, переводчика при русском посольстве в Варшаве, западнорусского же уроженца Рудаковского, которому немедленно же велел ехать в Могилев, осведомиться подлинно обо всех обидах людям греческого исповедания, приготовить все доказательства для комиссии и стараться, чтоб впредь не было гонения на православных.

Протестанты в польских владениях также обратились к Петру с просьбою о покровительстве; видя это, прусский двор спешил также присоединиться к делу, обратился к русскому государю с просьбою заступиться за евангеликов, гонимых в Польше. Так поднимался знаменитый диссидентский вопрос, который равно

через 50 лет после описываемых событий, в 1772 году, решился первым разделом Польши, когда знаменитая собирательница русских земель Екатерина II присоединением Белоруссии отпраздновала столетний юбилей Петра I. Рудаковский писал Петру, что епископ белорусский все доносил справедливо о гонениях на Церковь восточную, разве что еще забыл написать. Комиссар начал свою деятельность: по жалобе пинских монахов на захват православных монастырей и церквей в унию поведено было дело в суде и состоялся приговор о возвращении отнятых монастырей и церквей православных. Рудаковский с мужеством привел в исполнение королевский декрет об этом возвращении. Тщетно ксендзы и униаты вопили как бесноватые: «Нам беда! Нам грозит смерть! Лучше бы нам было видеть в этих церквях турок или жидов, чем проклятых схизматиков!» Ожесточение вызывало ожесточение и с другой стороны: значительнейшие из русского духовенства в Белоруссии предлагали Рудаковскому поднять простой народ и перебить всех католиков и униатов, потому что, говорили они, простой народ весь пойдет за нами. Рудаковский отвечал им, чтоб позабыли и думать об этом и дожидались бы покровительства русского государя, который уже прислал его, Рудаковского, для защиты восточной Церкви. Ненависть поляков к небывалому у них комиссару доказывала, что он был прислан не понапрасну. Польские министры требовали, чтоб Рудаковский был отозван, «ибо не помним,— писали они,— чтоб когда-либо прежде подобные комиссары жили в землях наших и вмешивались в дела духовные». Но комиссар не был отозван и продолжал свою деятельность. С другой стороны, Петр шел наперекор королю Августу в его стремлениях сделать Польшу наследственной в своей фамилии, удержать польское войско под начальством саксонского фельдмаршала, в замыслах разделить Польшу. Таким образом, союз, заключенный с целью сделать Россию орудием для выполнения саксонских замыслов, рушился, когда русский царь, не могший по своей природе служить орудием для чужих замыслов, оправдал опасения Паткуля, один усилился в Северной войне, ибо один, без союзников сокрушил шведскую силу при Полтаве, и не считал полезным для России усиливать Саксонию на счет Польши.

Так же рушились и другие союзы. Овладев прибалтийскими областями, Петр для скорейшего окончания войны решился действовать против германских владений Швеции и с помощью датского флота произвести высадку и в самую Швецию. Он пригласил Данию, Ганновер, Пруссию участвовать в этой войне; они бросились на легкую добычу, на шведские владения в Германии, также на владения родственного и союзного Швеции голштинского дома, но скоро Дания и Ганновер были напуганы внушениями о завоевательных замыслах русского царя относи-

тельно Германии. Внушения пошли от мекленбургского дворянства, которое было в ссоре с своим герцогом, а Петр держал сторону герцога, женатого на его племяннице, цесаревне Екатерине Ивановне. Дания и курфюрст ганноверский Георг, сделавшийся королем английским, сочли своею обязанностию мешать Петру в окончании Северной войны, в заключении выгодного мира с Швециею. Но Петр достиг своей цели и без союзников. В 1713 году почти вся Финляндия была уже в русских руках. «Эта страна нам вовсе не нужна,— писал Петр,— но надобно занять ее для того, чтоб при мире было что уступить шведам». В 1714 году одержана была знаменитая морская Гангутская победа. Карл XII, возвратясь из Турции, нашел шведские дела в таком положении, что по внушению министра своего голштинца Герца решился в 1718 году вступить в переговоры с Петром, сделать ему большие уступки, чтоб с его содействием вознаградить Швецию на счет других врагов ее.

Аландский конгресс, на который с этой целью съехались русские и шведские уполномоченные, рушился вследствие смерти Карла XII; сестра его Ульрика Элеонора, ставшая королевою шведскою, и вельможи, захватившие власть в свои руки, понадеялись на обещания английского короля Георга и решились продолжать войну с Россиею. Английский флот действительно явился в Балтийское море, чтоб испугать Петра и сделать его уступчивее, но Петра испугать было нельзя: в глазах англичан русские высаживались на шведские берега и пустошили их. В Швеции наконец поняли, что никто не подаст им помощи против Петра, начали снова мирные переговоры, и 30 августа 1721 года в Ништадте заключен был мир, по которому с шведской стороны уступались царскому величеству и его преемникам в полное, неотрицаемое, вечное владение и собственность завоеванные царского величества оружием Лифляндия, Эстляндия, Ингрия, часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, со всеми аппартинациями и депенденциями, юрисдикциею, правами и доходами.

4 сентября в Петербурге сильное волнение: царь, отправившийся в Выборг, неожиданно возвращается из своей поездки, плывет и каждую минуту стреляет из трех пушек на своей бригантине; трубач трубит; что это значит?.. Наконец слышится радостное, желанное слово: мир! Толпы собираются к Троицкой пристани; съезжается знать духовная и светская. Встреченный торжественными кликами, Петр едет в Троицкий собор к молебну. Приближенные знают, чем подарить его, просят принять чин адмирала. А между тем на Троицкой площади уже приготовлены кадки с вином и пивом для угощения народа, устроено возвышенное место. После молебна на это возвышенное место всходит царь и говорит окружающему народу: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговременную войну,

которая продолжалась 21 год, всемогущий Бог прекратил и даровал нам со Швецией счастливый вечный мир». Сказавши это, Петр берет ковш с вином и пьет за здоровье народа, который плачет и кричит: «Да здравствует государь!» 10-го числа начался большой маскарад из 1000 масок и продолжался целую неделю.

Сильная, свежая, вечно юная природа Петра, сказывавшаяся всегда, разумеется, сказалась и тут: он веселился, как ребенок. Радость была общая; особенно радовались сотрудники, более других понимавшие, в чем дело, более других потрудившиеся. Им представлялось то, что было 20 лет назад и что теперь, им представлялось то унижение, в котором была Россия после Нарвы, и то уважение, с которым расступились перед нею теперь европейские державы, чтоб дать ей почетное место среди себя. Они живо чувствовали, как в двадцать лет расширилась их умственная сфера, как они много узнали, как изменились вследствие того их понятия и взгляды, они чувствовали себя совершенно другими людьми, и на языке их невольно появлялись слова, что они перешли из небытия в бытие и что обязаны этим своему вождю, начальнику, их компании. Они поднесли Петру титул Отца Отечества, Великого Императора Всероссийского за то, что «его неунынными трудами и руководством они из тьмы неведения на театр славы всего света и, тако реци, из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены». Петр отвечал им простыми словами, ибо простота — всегдашняя спутница величия: «Желаю весьма народу российскому узнать истинное действие Божие к пользе нашей в прошедшей войне и в заключении настоящего мира; должно всеми силами благодарить Бога; но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, дабы не иметь жребия монархии греческой; надлежит стараться о пользе общей, являемой Богом нам очевидно внутри и вне, отчего народ получит облегчение». Петр и по окончании знаменитой войны остался верен представлению о ней как о школе; он писал: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно; но наша школа трехкратное время (21 год) была, однако ж, слава Богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно».

С 22 октября 1721 года, когда Петру поднесен был названный титул, Россия стала империей. До тех пор в Европе был один император, император Священной Римской империи, но в Европе давно уже толковали, что Петр стремился стать восточным римским императором. Петр действительно стал императором, но не восточным римским, а всероссийским, ему не было никакого дела до Рима, и он отвергнул эту бессмысленную для России, для ее истории ветхость. Он трудился для России и с Россией, для нее и с нею он добыл императорский титул и не отлучил родной страны от собственной славы. Только в XIX веке

остальная Европа покончила с трупом Римской империи, решилась похоронить его; только в XIX веке вместо Римской явились империи Французская, Австрийская, Германская. Но Петр целым веком предупредил это явление, первый в своем титуле указал начало народности. Великая благодарность великому человеку за то, что он неразрывно связал имя свое и своих преемников с именем своего народа, с именем родной страны.

18 декабря новый император торжественно вступил в древнюю столицу царей, и в Успенском соборе благодарили Бога за мир, который дал России море и окончательно определил ее новые исторические пути. И в Москве началось празднество, маскарады, фейерверки, иллюминации, езда по улицам на морских судах, поставленных на сани. Но от этих праздников в честь мира обратимся к внутренней деятельности Петра во время Северной войны и после нее.

Мы видели первых главных сотрудников Петра, видели, что самым видным лицом, первым министром в глазах иностранцев был боярин адмирал Фед[ор] Алексеевич Головин, который заведовал иностранными делами. Здесь мы видим естественную в первое время неразвитость, т. е. отсутствие разделения занятий, несколько должностей сосредоточиваются в руках одного человека. Головин — и адмирал, и министр иностранных дел, он заведывает Оружейною палатою и новоучрежденными школами. С течением времени, когда проникательный взгляд преобразователя открывал все более и более способных людей, происходит развитие, разделение занятий, различные должности передаются отдельным лицам. Петр лишился Головина в 1706 году и сильно горевал о потере «друга», ибо имел способность привязываться к достойным людям, как имел способность привязывать к себе достойных людей. По смерти Головина его должности уже разделяются: адмиралом становится Апраксин, заведование иностранными делами поручается Головкину с титулом канцлера, но еще Головин выдвинул из переводчиков Посольского приказа даровитого Шафировова, который потом при Головкине сделался вице-канцлером. Быстро выдвигается и чрезвычайный даровитый Ягужинский, которого мы видим при разных дворах с важными дипломатическими поручениями; мы уже упоминали, как благодаря правилу Петра учить своих на практике на дипломатическом поприще понятливые ученики сделались скоро мастерами. Двое Долгоруких, Григорий Фед[орович] и Василий Лукич, Матвеев, кн. Куракин, Петр Андр[еевич] Толстой усердно помогали Петру в дипломатической борьбе с Европою от Лондона до Константинополя; в хорошей школе не может быть недостатка в подростках, и эти подростки обозначались и окрепли при Петре; они по завещанию Петра, имея постоянно в уме и на языке имя великого преобразователя, вели русскую политику

чрез первую половину XVIII века и передали ее в достойные руки, руки Екатерины II. Эти подростки обозначились в двоих братьях Бестужевых, уже занимавших при Петре очень значительные дипломатические посты; обозначился и знаменитый иностранец, который в печальные для русской народности времена внутри России искусно поддерживал русские интересы в Европе, обозначился знаменитый Остерман. Однажды на корабле, где находился государь, произошла драка между царским денщиком и молодым немцем, ведшим дневник у вице-адмирала; немец прямо пришел к царю с жалобой и с просьбою о сатисфакции; Петр сатисфакции ему не дал, сказавши: «Пьяное дело!», но наружность немца остановила его внимание; по своему обычаю он поднял у него со лба волосы, посмотрел в глаза и взял к себе для иностранной переписки. Немца звали Остерманом, он вел переговоры и заключил Ништадтский мир.

Сохранились рассказы современников о том, как поддерживалась школа, воспитывались подростки, выбирались люди. Молодые дворяне, посланные учиться за границу, возвратились и сейчас к государю на экзамен зимою в 6 часов утра; Петр со свечою в руках ползал по карте, расспрашивал их, остался доволен. Один из возвратившихся из-за границы, известный Неплюев, был определен Петром в смотрители над постройкою галер — должность, в которой он почти ежедневно видал государя. Петр заметил, что в малом будет путь, и начальствующие лица начали воспитывать молодого офицера, учить его, как служить и как сохранить расположение царя: «Будь исправен, будь проворен и говори правду, сохрани тебя Боже солгать, хотя бы что и худо было; он больше рассердится, если солжешь». Скоро Неплюев подвергся экзамену в этом искусстве. Однажды он пришел на работу, а Петр уже тут; Неплюев сильно перепугался, и первую мыслью было бежать домой и сказаться больным, но потом вспомнились наставления, и он пошел к тому месту, где находился государь. «А я уже, мой друг, здесь!» — сказал ему Петр. «Виноват, государь, — отвечал Неплюев, — вчера я был в гостях, долго засиделся и оттого опоздал». «Спасибо, что говоришь правду, — сказал Петр. — Бог простит! Кто бабе не внук?» После того Неплюев получил место резидента в Константинополе таким образом, который показывает всю простоту отношений Петра к своим приближенным. У государя был обед для всей знати, также для офицеров гвардейских и морских, почему был приглашен и Неплюев. Отобедав с товарищами прежде, он встал из-за стола и отправился в ту сторону, где государь сидел еще за столом и вел такой разговор с Головкиным и Апраксиным: «Надобен мне человек, который бы знал итальянский язык, для посылки в Константинополь резидентом». Головкин отвечал, что такого не знает. «А я знаю, — сказал Фед[ор] Матв[еевич] Апраксин, — очень

дельный человек, да та беда, что очень беден». «Бедность не беда,— отвечал Петр,— этому помочь можно скоро; но кто это такой?» «Да вот он за тобой стоит»,— сказал Апраксин. «За мной стоят много»,— возразил Петр. «Да твой хваленый, что у галерного строения»,— отвечал Апраксин. Петр оборотился, взглянул на Неплюева и сказал: «Это правда, Федор Матвеевич, что он хорош, да мне бы хотелось его у себя иметь». Но потом, подумавши, государь приказал назначить Неплюева резидентом в Константинополь.

Способных людей было набрано много, но цель преобразователя состояла в том, чтоб приучить этих способных людей к деятельности сообща, в которой бы они развивали силы друг друга и сдерживали друг друга. У нас часто говорят о дубинке Петра Великого, даже иногда слышится желание, чтоб она снова явилась с своею будто бы очень полезною деятельностью. При воспитании человека в детском возрасте допускаются известные внушения, наказания, телесные наказания, но в более зрелом возрасте подобные воспитательные средства не допускаются, да и с самого начала опытные воспитатели стараются развивать в воспитанниках высшие, нравственные побуждения к добру. Петр употреблял дубинку для взрослых детей, но в то же время целая система учреждений, имевших воспитательное значение для народа, показывает, что преобразователь употреблял другие, более действенные средства к тому, чтоб вывести русских людей из детского возраста относительно общественной жизни и упразднить внешние, детские понуждения, упразднить дубинку. И мы думаем, что воспоминание об этих учреждениях и о борьбе, которую из-за них выдерживал преобразователь, будет гораздо питательнее для общества, чем воспоминание о дубинке.

Мы видели, что Петр учредил Сенат, который облек большою властью. Воспитание этого высшего правительственного учреждения, разумеется, было главною заботою Петра. «Теперь все у вас в руках»,— говорил он сенаторам и этими словами напомнил им о важности их значения и соединенных с нею обязанностях и ответственности. Люди собрались для общего дела, и первое сильное искушение — потратить время в сличском долгих рассуждениях о деле и в разговорах не о деле: Петр требует от сенаторов, чтоб они не теряли времени, «понеже пропущение времени смерти невозвратной подобно. Никому в Сенате не позволяется разговоры иметь о посторонних делах, которые не касаются службы, тем менее заниматься бездельными разговорами или шутками, а главное, сенаторы должны иметь в памяти должность свою и царские указы и дел до завтра не откладывать; как может государство быть управляемо, когда указы не будут действительны? Презрение указов равно измене и еще хуже ее,

ибо, заслышав об измене, всяк остережется, а этого зла никто вскоре не почувствует, но мало-помалу все разорится... В управлении государством важнее всего хранение прав гражданских, понеже всеу законы писать, когда их не хранить, или ими играть в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, а отчасти и еще есть и zelo тщатся всякие мины чинить под фортецию правды». Для ослабления этого зла Петр в начале 1722 года учредил при Сенате должность генерал-прокурора, которого он назвал оком своим и стряпчим о делах государственных. Во всех низших местах должны были находиться прокуроры, надзор над которыми поручен генерал-прокурору. Одна из главных забот Сената состояла в удовлетворении требованиям государства относительно людей, нужных для службы военной и гражданской; для облегчения Сената в этом деле учреждена была должность герольдмейстера, который имел списки всем дворянам и детям их и по первому требованию представлял людей, способных к той или другой должности.

Я употребил выражение: служба военная и гражданская; это разделение есть новость, появившаяся с Петра; древняя Россия представляла первобытное государство с резким признаком неразвитости: служба военная не была отделена от гражданской; при Петре явилось разделение должностей гражданских от военных, что и выразилось в знаменитой Табели о рангах. Мы несколько раз упоминали о целой системе учреждений, имевших воспитательное значение для народа чрез приучение его к деятельности сообща. Система эта приводилась в исполнение постепенно, и только к 1720 году образовались для отдельных ведомств коллегии, заменившие прежние приказы. Коллегия состояла из президента, вице-президента, советников и ассессоров. Если и в Сенате, куда были выбраны самые способные люди, дело по его новости шло далеко не так, как бы желалось, то тем более нельзя было надеяться вначале большого успеха в коллегиях. Тяжело было приниматься за новое дело; ежеминутно вопросы: как делать? и кто будет отвечать на эти вопросы? В Сенат Петр решительно не допускал иностранцев, но в коллегии допускал. Президент необходимо был русский, но вице-президент мог быть иностранец; также из иностранцев был один советник или ассессор, один секретарь. Спросят — зачем это? Неопытность русских требовала указания — как вести дело; способ ведения дел был новый, и в некоторых коллегиях самое содержание дел было новое, как, напр [имер], в Берг- и Мануфактур-коллегии.

Петр велел отправить в Кенигсберг 30 или 40 человек молодых подьячих, но до их возвращения надобно было допустить иностранцев; по незнанию русского языка иностранцы должны были вести дела чрез переводчиков — неудобство страшное! Чтоб

избавиться от этого неудобства, Петр велел своему резиденту в Вене пригласить из австрийских коллегий в русскую службу чиновников славянского происхождения, чехов, моравов, которые могли бы скорее немцев выучиться русскому языку; велел пригласить в службу при коллегиях шведских пленников, выучившихся по-русски, а между тем при первой возможности старался отделаться от иностранцев при коллегиях: в 1722 году, сидя в Сенате, Петр велел президентам коллегий разобрать иноземцев — коллежских членов и указать тех, которые годны, а негодных отпустить. Легко понять, какое препятствие все эти учреждения встречали в недостатке способных людей при общем малолюдстве; в 1722 году генерал-прокурор жаловался, что еще 100 мест в управлении остаются незамещенными. Поручая герольдмейстеру готовить молодых дворян для гражданской службы, Петр, однако, внушал ему, чтоб он не слишком много пускал в гражданскую службу, иначе армия и флот истощатся: после этого внушения нельзя сказать, чтоб должность петровского герольдмейстера была легка.

Высшие учреждения, коллегии еще как-нибудь наполнялись людьми, но в областном управлении преобразователь вследствие недостатка людей должен был отказаться от своих любимых планов относительно коллегиальной формы и отделения суда от управления; его планы остались программой для будущего. Но Петр не хотел отказаться от другого воспитательного для народа средства, от выборов, которые он устроил повсюду в обширных размерах в гражданской и военной службе. Сверху выборы начинались с президентов коллегий, и сам Петр присутствовал при этих выборах, учил, как производить их правильно и беспристрастно: выбирал Сенат с участием генералитета, членов коллегий и 100 человек выборных из дворянства; в другие высшие чины Сенат избирал баллотировкою, в низшие назначал просто. Петр непременно хотел, чтоб выборы распространили жизнь, самостоятельное движение, общую деятельность и в областях. Как обыкновенно и везде бывает, право выбора явилось тяжелою обязанностью, от которой старались избавиться. Петр велел выбирать дворянам сборщиков податей, или земских комиссаров; дворяне начали вместо себя посылать на выборы прикащиков. Петр запретил это, предписал помещикам, а в поморских (северных) городах и в других подобных местах, где дворян нет, обывателям съезжаться к новому году для выбора земского комиссара. Если на прежнего комиссара будут просьбы, то помещики или обыватели судят его по вине, штрафуют и по экзекуции доносят губернаторам и воеводам.

Преобразователь отстаивал свои воспитательные средства, несмотря на страшные препятствия. Нам еще предстоит печальная обязанность рассказать о тех застарелых в русском

общественном теле болезнях, которые вскрыл преобразователь и неумолимо и неутомимо преследовал. Борьба была тяжелая. «На душу Петру Алексеевичу,— рассказывают современники,— по временам находила такая черная туча, что он запирался и никого не допускал к себе». Но труды и страдания не пропали даром. Современники же Петра свидетельствуют, что они учились у него «благородному бесстрашию и правде». Значит, была хорошая школа, хороший учитель и хорошие ученики.

ЧТЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

В конце прошедшей беседы нашей я упомянул о внутренней ожесточенной борьбе, которую должен был вести преобразователь и которая, по выражению современников, наводила на него черные тучи, борьба не с стрельцами, не с казаками, не с башкирцами, не с вооруженною силою, которая прямо поднималась, прямо заявляла свои требования и с которою легко было бороться в борьбе открытой: борьба гораздо более тяжкая, более изнурительная шла с людьми, которых Петр призвал для новой, сильной и славной деятельности и которые по своим способностям откликнулись на призыв, принесли помощь преобразователю, но которые не поняли главного смысла призыва, значения той помощи, какой особенно требовал от них Петр. Они принесли свое мужество для борьбы со внешними врагами, способность к тяжелому труду, способность быстро приобрести знание, искусство в том или другом деле, нужном для России, но многие не принесли другого, высшего, гражданского мужества, не принесли способности отказаться от частной корысти для общего дела, способности отвыкнуть от жизни врознь, способности отвыкнуть от взгляда на службу государственную как на кормление, на подчиненных как на людей, обязанных кормить, на казну как на общее достояние в том смысле, что всякий добравшийся до нее имеет право ею пользоваться. Преобразователь твердил о государстве, заставлял присягать ему, твердил, что надобно стараться о пользе общей, ибо от этого старания народ получит облегчение; эти слова для многих были только словами, словами языка чуждого, непонятного. Борьба была тяжела, тяжелее Северной войны; не мог преобразователь быть поощрен в ней Полтавою, не мог окончить ее Ништадтским миром. Борьба не кончилась, но мы должны почтить труды первого учителя, благоговейно отнестись к его скорби о тяжелой борьбе с укоренившимися противуобщественными привычками.

Призывая народ к тяжкому труду, к лишениям и пожертвованиям, сберегая сам каждую копейку, Петр слышал общие глухие

жалобы, что деньги, собираемые с народа, идут не на общее дело, а по частным карманам, что народу недостает одной из главных потребностей общественной жизни—суда правого и скорого. Загремели указы, что государю известно умножение великих неправд и грабительств государственной казны, отчего многие всяких чинов люди, особенно крестьяне, приходят в разорение и бедность; указы грозили смертною казнию плутам, которые стараются только о том, как бы подводить эти мины под всякое доброе дело и несытость свою наполнять. В указах были выставлены средства, какими обыкновенно подводились эти мины, вследствие чего никто не мог отговариваться: прежде это делалось, позволялось, я не знал, что это нехорошо, запрещено теперь. Но всякие указы писать, если их не исполнять; тех, которые в их неисполнении находили выгоду, было очень много; общество не выработало нравственных средств для наблюдения за этими людьми и для их сдерживания; государство должно было взять это на себя, действовать своими средствами, единственно для него доступными при бессилии общества, при беспомощности государства с этой стороны. Учредив Сенат и поручая ему прежде всего суд иметь нелицемерный, преследовать судей неправедных и ябедников, Петр велел ему выбрать обер-фискала, человека умного и доброго, из какого бы чина ни было, который над всеми делами должен был тайно надсматривать и проводить про неправый суд, про сбор казны и, узнавши про неправо дело, звать виновного пред Сенат, какого бы важного места преступник ни занимал. В ведении обер-фискала должны быть провинциальные фискалы и фискалы при каждой отрасли управления. И здесь, как везде, Петр поступал по своему правилу: у Сената все в руках, пусть же он выбирает обер-фискала, и выбор не стеснен, пусть выбирают из всех состояний, из всего народа, лишь был бы человек умный и добрый; Сенат отвечал, если бы человек, получивший такую важную обязанность, оказался не умным и не добрым. Сенат не мог жаловаться, если обер-фискал обвинял самих сенаторов, и обвинял, по их мнению, несправедливо: сами они его выбрали из целого народа как человека умного и доброго. Фискалы начинают действовать, подают в Сенат свои доношения, сенаторы встречают их бранью, обзывают антихристами и плутами, на их доношения не обращается никакого внимания. Тогда фискалы обращаются к царю, вскрывают злоупотребления самих сенаторов.

Особенною деятельностью становится знаменит обер-фискал Нестеров. Издавна чрезвычайною разнузданностию отличались правители отдаленных областей, именно Сибири; теперь фискал начал дело, по которому вскрылись злоупотребления сибирского губернатора князя Гагарина, и Гагарин был казнен. Вскрылись злоупотребления по всем окраинам, в Астрахани и в новозаво-

еванном Ревеле, вскрылись повсюду и внутри государственной области мины, подводимые под добрые дела. Тяжелые минуты переживал Петр, когда, возвращаясь из заграничных походов в Россию, вместо отдохновения, т. е. спокойного труда по внутренним делам в кругу людей близких, доверенных, любимых, должен был испытывать сильное раздражение, получая известия о противозаконных поступках этих самых людей. Тяжелые минуты переживал Петр, когда он узнавал о незаконных поступках самого близкого к себе человека, того, кого он возвысил и обогатил больше всех, кто, следовательно, не имел уже ни в чьих глазах ни малейшего оправдания в своей алчности к обогащению, когда он узнавал о противозаконных поступках знаменитого Данилыча, Меншикова.

Меншиков по своим способностям бесспорно занимал первое место между сотрудниками Петра; особенно был он дорог преобразователю своею энергиею, своею находчивостию в затруднительных обстоятельствах, исполнительностию там, где другие колебались, тратили время в рассуждениях и перебранках или посылали за указом. Но сила развивается, не встречая препятствий, и известно, что может позволить себе человек сильный в обществе, которое не выработало сдержек для всякой силы. Необыкновенное и быстрое возвышение, любовь и доверие царя разнуздали Меншикова, он не знал пределов своим честолюбивым помыслам и своим захватам. Общество не выработало сдержек для сильного человека, он мог найти эти сдержки только в царе, и отсюда печальные столкновения Петра с человеком, которого он называл дитятею своего сердца. Первое столкновение произошло в 1711 году вследствие жалоб на поведение Меншикова в Польше во время прохода его с войском чрез эту страну. Петр проезжал через Польшу, отправляясь в турецкий поход, печальный и больной, и тут-то к усилению печали и болезни узнал о злоупотреблениях своего любимца; он писал к Меншикову: «Зело прошу, чтоб вы такими малыми прибытками не потеряли своей славы и кредиту. Прошу вас не оскорбиться о том, ибо первая брань лучше последней; а мне, будучи в таких печалях, уже пришло до себя, и не буду жалеть никого». Светлейший князь позволил себе возразить, что не велика важность, если какая безделица и взята у поляков. Петр отвечал: «Что ваша милость пишете о сих грабежах, что безделица, и то не есть безделица, ибо интерес тем теряется в озлоблении жителей». Петр указал своему любимцу и на другой страшный вред: от привычки к грабежу исчезла дисциплина в русском войске, и надобно было восстанавливать ее строгостями.

Первая брань, к несчастью, не была последнею. Она, как видно, переменяла уже взгляд Петра на Меншикова, царь был осторожнее, внимательнее относительно его; возвратясь из Прут-

ского похода, во время которого Меншиков оставался в Петербурге в звании губернатора, Петр нашел злоупотребления и, отправляя потом Меншикова против шведов в Померанию, говорил ему: «Ты мне представляешь плутов честными людьми, а честных людей — плутами. Говорю тебе последний раз: перемени поведение, если не хочешь большей беды. Теперь ты пойдешь в Померанию: не мечтай, что ты будешь там вести себя, как в Польше; ты мне ответишь головою при малейшей жалобе на тебя». Меншиков не ответил головою за Померанию, но злоупотребления его по внутреннему управлению вскрывались все более и более, и прежние дружеские отношения между ним и царем исчезли навсегда; прежний шуточный, свободный, товарищеский тон писем Данилыча сменился униженным тоном провинившегося подданного пред грозным государем. Меншиков должен был выплатить огромный начет.

Но делом Меншикова не ограничивались скорбные для Петра дела, выказывавшие такое неудовлетворительное состояние народной нравственности. Один из самых даровитых и видных сотрудников преобразователя, вице-канцлер и сенатор Шафиров, был осужден на смерть, снят с плахи, сослан в ссылку за то, что в Сенате позволил себе неприличные поступки, брань с товарищами и обер-прокурором, нарушение указов, старание, чтоб брату его было выдано лишнее жалованье. По поводу этого дела Петр опять высказался в указе, что подобное поведение неже измены, потому что ведет к уничтожению всякой дисциплины в подчиненных, к разорению людей, к падению государства. Определены были наказания за нарушение приличия в присутственных местах, за неучливое обращение с челобитчиками. Знаменитый прибыльщик Курбатов обвинен был в злоупотреблениях и умер под судом; знаменитый фискал Нестеров, открывший столько чужих злоупотреблений, сам попался в злоупотреблениях и был казнен смертью; не перечисляем дел, ведшихся по злоупотреблениям других, менее известных лиц, или дел по менее значительным злоупотреблениям очень известных лиц. Эту тяжелую борьбу Петра с страшною болезнью взяточничества и казнокрадства очень хорошо характеризует следующий анекдот; историк не поручится, чтоб действительно был такой разговор между означенными в анекдоте лицами, но анекдот все же остается важен как выражение сознания современников о величине зла. Петр, слушая в Сенате дела о казнокрадстве, сильно рассердился и сказал генерал-прокурору Ягужинскому: «Напиши указ, что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен». «Государь,— отвечал Ягужинский,— неужели вы хотите остаться императором без служителей и подданных? Мы все ворует с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой».

Ничто так не раздражает, не выводит из себя человека сильного, как сознание, что всякая сила бессильна против тупой силы закоренелого зла. Пример кровавой борьбы Петра со взяточничеством и казнокрадством, с неуважением к обязательной одинаково для всех силе закона показывает все затруднительное положение правительства, не встречающего пособия в обществе, когда правительство самое сильное и благонамеренное связано какою-нибудь неправильностью в общественном развитии, встречает около себя немой заговор: все, по-видимому, слушается, преклоняется, трепещет, а на деле делается свое, наставления, угрозы, наказания пропадают даром. Для силы нет ничего тягостнее, как сознание бессилия, что никакими средствами нельзя ничего сделать, надобно ждать, предоставить времени лечение болезни. Понятно, что на Петра находили черные тучи, но самая черная туча нашла на него по семейному делу, по делу царевича Алексея.

Время, с которым мы имеем дело, есть время тяжелой борьбы, какая обыкновенно знаменует великие перевороты в жизни народов. Во время этих переворотов рушатся самые крепкие связи; борьба не ограничивается жизнью общественной, она проникает в заповедную внутренность домов, вносит вражду в семейства. Божественный основатель религии любви и мира объявил, что пришел не водворить мир на земли, но ввергнуть нож среди людей, внести разделение в семьи, поднять сына на отца и дочь на мать. То же явление представляет нам и гражданская история. Неудивительно, что страшный переворот, который испытывала Россия в первую четверть XVIII века, внес разделение и вражду в семью преобразователя и повел к печальной судьбе, постигшей сына его, царевича Алексея. Мы ежедневно встречаемся с явлением, что дети не бывают умственно и нравственно похожи на родителей. Сильные столкновения часто происходят от этого и в частных семьях, но подобные столкновения в семьях владельческих ведут иногда к кровавым последствиям. Св. Константин Великий казнил сына своего Криспа. В XVIII веке прусский король Фридрих Вильгельм I едва не казнил сына, знаменитого впоследствии Фридриха II. В семьях владельческих несходство между отцом и сыном усложняется несходством настоящего с будущим для многих людей, иногда для целого народа, особенно это несходство может быть обильно последствиями, грозить реакциями во времена сильных переворотов.

Понятно, следовательно, почему в царствование Петра вопрос: сын и наследник преобразователя похож ли на отца? — был вопросом первой важности. Переворот, движение, при котором родился и воспитался Петр, который не был начат, создан Петром, но к которому совершенно пришла его огненная, не

знающая покоя природа, переворот повредил его семейным отношениям в первом браке. Жена пришлось не по мужу; Петр испытал на себе ту невыгоду старого обычая, от которой хотел потом освободить своих подданных, назначив время для ознакомления между женихом и невестою. В древней России следствием такого отсутствия предварительного ознакомления было заключение жен в монастыри; то же случилось и с царицею Евдокиєю. Петр женился на Екатерине Алексеевне Скавронской, которая совершенно приходилась по нем, которая могла не отставать от мужа, а муж не умел ходить, а только бегать. Но от первого брака остался сын и наследник, царевич Алексей. Россия волнуется бурями преобразования, все истомлены и жаждут пристать к тому или другому берегу; для всех одинаково важен и страшен вопрос: сын похож ли на отца? Царевич был умен; об этом свидетельствует сам Петр, который писал ему: «Бог разума тебя не лишил». Царевич был охотник приобретать познания, если это не стоило большого труда, был охотник читать и пользоваться прочитанным, признавал необходимость образования. Но мы знаем, что в России и до Петра чувствовалась необходимость образования и преобразования; до Петра были люди, которые обратились за наукою к западным соседям, учили детей своих иностранным языкам, выписывая учителей из польских областей. Но это направление, обнаружившееся при царе Алексее, Феодоре и во время правления Софьи, явилось недостаточным для Петра; с учеными западнорусскими монахами, с учителями из польских шляхтичей, которые могли выучить по-латыни и по-польски и внушить интерес к спорам о хлебопоклонной ереси,—с помощью одних этих людей нельзя было сделать Россию одною из главных держав Европы, побороть шведа, добиться моря, создать войско и флот, вскрыть естественные богатства России, развить промышленность и торговлю; для этого нужны были другие люди, другие средства, для этого нужна была не одна школьная и кабинетная работа, для этого нужна была страшная, напряженная деятельность, незнание покоя; для этого сам Петр идет в плотники, шкипера и солдаты, для этого призывает всех русских людей забыть на время выгоды, удобства, покой и дружными усилиями вытянуть родную страну на новую, необходимую дорогу.

Многим этот призыв показался тяжек, и тяжек он показался не раскольникам каким-нибудь, ибо эти люди также из-за своих убеждений готовы были на лишения и подвиги: этот призыв показался тяжек людям образованным, которые были вовсе не прочь попользоваться европейскою цивилизациею для выгод и удобств житейских, но чтоб эта цивилизация не так дорого стоила, пришла бы сама собою, без большого напряжения сил с их стороны. Представителем этих-то людей был царевич

Алексей. Он был тяжел на подъем, не способен к напряженной деятельности, к сильному труду, чем отличался отец его; он был ленив физически и потому домосед, любивший узнавать любопытные вещи из книги, из разговора только. Сын по природе своей жаждал покоя и ненавидел все то, что требовало движения. выхода из привычного положения и окружения. Отец, которому по природе его были более всего противны домоседство и лежебокость, во имя настоящего и будущего России требовал от сына внимания к тем средствам, которые могли обеспечить России приобретенное ею могущество. Отец работал без устали, видел уже, как зрели плоды им насажденного, но вместе чувствовал упадок физических сил и слышал злоеющие голоса: «Умрет, и все погибнет с ним, Россия возвратится к прежнему варварству». Эти злоеющие голоса не могли бы смутить его, если б он оставлял по себе наследника, могшего продолжать его дело.

Понятно, что Петр не мог позволить себе странного требования, чтоб сын его и наследник обладал всеми теми личными средствами, какими обладал он сам, но он считал совершенно законным для себя требование, чтоб сын и наследник имел охоту к продолжению его дела, имел убеждение в необходимости продолжать его. Недостаток сильных способностей восполнялся относительной легкостью дела, ибо начальная, самая трудная его часть уже была совершена; дело было легко и потому, что преемнику приходилось работать в кругу хороших работников, приготовленных отцом. Для успеха при таких условиях нужна была только охота, сочувствие делу. «Не трудов, но охоты желаю»,— писал Петр сыну. Петр при своей работе в сонме сотрудников не досчитывался одного, родного сына и наследника! При переключке русских людей, имевших право и обязанность непосредственно помогать преобразователю в его деле, наследник один не откликнулся. Когда его звали на любимый отцовский праздник, на спуск корабля, Алексей говорил: «Лучше б мне на каторге быть или в лихорадке лежать, чем там быть». Отец требует от сына, чтоб тот переменял свою природу, сын считает отца мучителем, только тогда и спокоен, когда находится вдали от отца; и вот в его сердце закрадывается страшная мысль, как было бы хорошо, если б навсегда освободиться от присутствия отца, как было бы хорошо, если б отец умер. Алексей кается в грешной мысли духовнику; духовник, имевший сильное влияние на духовного сына, отвечал: «Бог простит: мы и все того желаем».

Итак, все того же желают, все ненавидят отца, все сочувствуют сыну, который становится представителем, любимцем народа именно потому, что не похож на отца. Зачем же после того меняться, исполнять отцовские требования? Сын считает свою

обязанностию удаляться от дел отцовских; отец считает свою обязанностию спасти будущее России, пожертвовав сыном. «Я,— пишет к нему Петр,— за свое отечество и' за людей жизни не жалел и не жалею, то как могу тебя негодного пожалеть?» Петр потребовал решительно, чтобы царевич или переменял свое поведение, или отрекся от престола, но простого отречения было мало, ибо его можно было выставить невольным и разрешить всякие клятвы, потому царевич должен был постричься. Алексей бежит за границу, отдается под покровительство германского императора, призывает чужого государя в судьи между собою и отцом. Алексея возвращают, и по его показаниям вскрывается обширное дело, в котором участвуют и старица Елена (постриженная царица Евдокия), и сестра Петра царевна Марья, много людей духовных и светских, начиная с высших; вскрывается целый арсенал суеверий: опять пытки, казни и опалы. Алексей умер. Тайна его смерти не открыта историюю, но открыта тайна отцовских страданий. «Страдаю,— говорил Петр,— а все за отечество, желая ему пользы; враги делают мне пакости демонские; труден разбор невинности моей тому, кому это дело неизвестно, Бог видит правду».

Все эти черные тучи и преимущественно дело сына расстраивали здоровье Петра, сокращали его жизнь. Но были и утешения, были успехи даже и в той тяжелой и, по-видимому, бесплодной борьбе с закоренелым злом, со взяточничеством и казнокрадством. Внушения действовали, дела, на которые прежде смотрели так легко, считали обыкновенными и позволенными, явились преступлениями. Человек, лежа на смертном одре, терзается совестью, боится предстать пред Суд Божий и посылает царю просьбу простить его за злоупотребления, которые он себе позволил при рекрутском наборе. В такой просьбе Петр именно мог видеть результат своих внушений, своего учения. Не могли не радовать Петра и успехи относительно материального благосостояния. Несмотря на все препятствия, неопытность в ведении дела и расход денег по частным карманам, государственные доходы увеличивались. Для устранения злоупотреблений при переписи дворов введена была подушная подать, шедшая на содержание постоянного войска. Крестьяне дворцовые, монастырские и помещичьи платили по 74 коп. с души, государственные — по 114 коп. и освобождались от всех прежних денежных и хлебных податей и подвод; купцы и цеховые платили по 120 коп. По расчету, сделанному в 1710 году, доходы простирались до 3 134 000 рублей, но в 1725 году их было 10 186 707 рублей. Заведена была ревизия; по первой ревизии 1722 года податного состояния оказалось 5 969 313 человек, в том числе 172 385 купечества; городов в империи было 340. В конце царствования число регулярного войска простиралось до 219 000, в том

числе в гвардии 2616 человек. Флот состоял из 48 линейных кораблей и 787 галер и других судов.

Несмотря на огромные издержки по делам внутреннего преобразования, на долговременную тяжелую войну, на новые дипломатические издержки, государство пробавилось своими доходами и не сделало ни копейки долгу. Усиление торговли и промышленности должно было главным образом увеличить народное благосостояние и доходы государственные. Мы видели, что первым делом Петра было уничтожить жалобы торговых и промышленных людей на притеснения, давши им особое управление, основанное на коллегиальном и выборном начале, и мы видели, как с самого начала дело пошло дурно по неразвитости общества, по непривычке к общему действию, так что Петр должен был поручить Курбатову надзор над Московскою ратушею и уничтожение злоупотреблений по ее управлению. После того как Курбатов был переведен вице-губернатором в Архангельск, Петр продолжал получать известия о беспорядках нового управления,—известия, что купечество в Москве и городах само себе повредило и повреждает: богатые на бедных налагают несносные поборы, больше, чем на себя, а иные себя и совершенно обходят; стремление избежать платежа податей продолжалось: жили в защите и закладе у разных людей будто бы за долги, а сами торговали, имели заводы; люди, имевшие достаточное состояние, помещались в богадельнях, выставляя бедность и болезни. В это время страшного труда для гех, которые откликнулись на призыв царя, в работе пребывающего, лень других доходила до такой степени, что некоторые горожане, жившие своими домами, собирали милостыню, а иные, сковавшись, ходили, будто тюремные сидельцы, чтоб собрать больше милостыни.

«Чтоб собрать эту рассеянную храмину» купечества, по выражению Петра, он учредил в Петербурге Главный магистрат, имевший коллегиальное устройство и состоявший из членов петербургского городского магистрата; президентом царь назначил князя Трубецкого, вице-президентом — московского купца Исаева, переведши его из Риги, где он был инспектором тамошнего магистрата, ибо Петру нужен был в Риге свой, русский человек. Главный магистрат должен был прежде всего устроить городские магистраты; он утверждал их членов, избранных горожанами, утверждал смертные приговоры, произносимые городскими магистратами, к нему переносились и гражданские дела недовольными их решением в городских магистратах. Горожане разделены на три части, из которых две первых носят название гильдий; гильдии выбирают старшин, которые во всех гражданских советах должны помогать магистрату; магистраты стараются размножить мануфактуры и ма-

стерства, ленивых и гуляк понуждают к работе, заводят первоначальные школы, старых и дряхлых пристраивают в богадельни, блюдут за опекою сирот, за безопасностью городов от пожара, защищают граждан от обид посторонних людей. Магистраты исполняли эту обязанность, подавали списки обидам в Главный магистрат, тот препровождал их в Сенат. Из этих списков мы видим, что обиды были сильные и частые, иногда вопиющие. Несмотря на это, торговля усиливалась благодаря особенно приобретению морских берегов; в 1724 году к Петербургу уже пришло 240 иностранных кораблей; русские корабли являлись в иностранные порты; первыми русскими кораблехозяевами были Божиновы и Барсуков.

Торговлю сильно затрудняло плохое состояние путей сообщения в бедной стране с редко разбросанным на огромных пространствах народонаселением: осенью 1722 года голландский резидент ехал из Москвы в Петербург около пяти недель вследствие грязи и поломанных мостов. В древней России реки служили естественными и самыми удобными путями; новая Россия, взявшая у Западной Европы искусство и знание, должна была немедленно употребить это искусство и знание на соединение рек каналами. Смотря постоянно на Россию как на посредницу в торговом отношении между Европою и Азиею, Петр уже давно задумал соединить Каспийское море с Балтийским, Астрахань с Петербургом; в 1706 году соединена была река Цна каналом с Тверцою; кроме того, Петр сильно хлопотал о Ладожском канале, необходимом для петербургской торговли. «Нужда — челобитчик неотступный, — писал он в Сенат в 1718 году, — а Ладожский канал — последняя главная нужда сего места (т. е. Петербурга)». Работы шли успешно благодаря знаменитому Миниху, принятому в русскую службу; Петр уже мечтал, как поедет водою из Петербурга безостановочно до самой Москвы и сойдет на берег Яузы в Головинском саду. Мы упоминали, что Петр еще в начале преобразовательной деятельности, видя недостаток капиталов у русских людей, велел им соединять свои капиталы, торговать компаниями; в Голландии сильно обеспокоились этою мерою, понимая все ее значение для развития русской торговли, но голландский резидент утешил своих соотечественников, написавши им, что указ останется на бумаге, ибо у русских нет никакой привычки к таким общим действиям.

Те же препятствия, какие существовали для торговли, — недостаток капиталов, непривычка к их соединению, вред, который, по беспристрастному свидетельству Посошкова, само купечество себе наносило неумением воспользоваться правами, полученными от Петра, вред, наносимый старинными отношениями между вооруженным сословием к невооруженному, причем

первое считало себя вправе смотреть на членов последнего как на своих естественных работников и холопей, взяточничество, казнокрадство, плохое состояние путей сообщения и небезопасность их от разбойников—все эти препятствия, существовавшие для торговли, существовали в одинаковой степени и для мануфактурной промышленности. Несмотря на то, дело было начато, ведено неутомимо, и в конце царствования Петра число фабрик и заводов в России простиралось до 233. Неуменше техническое и неуменше соединять свои капиталы, разумеется, полагали главное препятствие в самом начале, почему Петр должен был начать дело, учреждать казенные фабрики и заводы. Но при этом с самого же начала он стал хлопотать о том, как бы поскорее передать эти фабрики и заводы в частные руки с двойкою целью: освободить казну от издержек и побудить русских людей к мануфактурной деятельности, причем давались начинателям производства значительные денежные ссуды, льготы и работники через приписку населенных имений к фабрике или заводу. Вследствие этой-то передачи казенных заводов в частные руки при Петре некоторые, как, напри[м]ер, Демидовы, приобрели огромное состояние.

Мы уже упоминали о начале горнозаводской промышленности при Петре, о заслуге Виниуса; к этому имени надобно присоединить еще два имени—Геннина и Татищева. Металлические заводы явились не в одной приуральской стране, но во многих других местностях благодаря стараниям Петра, «чтоб Божие благословение под землею втуне не оставалось». Первая мысль о значении каменного угля для России принадлежит также Петру, но при видах на будущее топливо Петр распорядился о сохранении старого: ему принадлежат меры для сбережения старых лесов и для разведения новых. Вообще преобразователь обратил внимание на охранение и усиление промыслов, уже существовавших в России и произведения которых составляли предмет заграничного отпуска: так, он распорядился усилением льняного и пенькового промысла «для всенародной пользы и для прибыли крестьянам»; сюда относятся его хлопоты об улучшении кожевенного производства; кожевенные промышленники, по несколько человек от каждого города, должны были ехать в Москву на два года учиться лучшей выделке кож; в отдаленные губернии отправлены были иностранные мастера для этого обучения. В 1712 году велено было Сенату завести конские заводы в Казанской, Азовской и Киевской губерниях. При учреждении постоянного войска Петра тяготила необходимость выписывать из-за границы сукно для обмундирования, и потому он завел суконные фабрики, для чего обратил внимание на улучшение овцеводства. В 1705 году Петр писал: «Сукны делают, и умножается сие дело зело изрядно, и плод дает Бог

изрядный, из которых и я сделал себе кафтан к празднику». В 1716 году послано было за границу нанимать овчаров и суконников. Разосланы были по областям правила, как содержать овец по шленскому обычаю, и Петр для понуждения следовать этим правилам указывал, что помещики, которые следуют правилам, продают шерсть по два рубля по 2 гривны и дороже, а те, которые содержат овец по старому обычаю, продают только по полтине и по 20 алтын пуд. Заведение флота требовало заведения парусных фабрик, и они были заведены в Москве в 1702 году. Москва вообще стала центром мануфактурной деятельности, здесь в конце царствования замечательная была полотняная фабрика Тамеса и компании; все работники были русские, были русские мастера, и Тамес надеялся, что они скоро заменят ему иностранцев; на фабрике было 150 станков и приготавлились все сорта полотна, от грубого до самого тонкого,—прекрасные, по свидетельству иностранцев, скатерти и салфетки, тик, канифасы, цветные носовые платки. До Петра все потреблявшееся в России количество писчей бумаги привозилось из-за границы; Петр завел свои фабрики, и в 1723 году во всех коллегиях и канцеляриях уже употреблялась бумага русского дела. Мануфактурное дело принялось, и в числе имен главных фабрикантов и заводчиков Петровского времени мы встречаем почти все русские имена.

Вводились новые отрасли деятельности, а Россия страдала старым недостатком, устранение которого не было в средствах преобразователя,—недостатком рабочих рук, да еще привычками, сильными одинаково вверху и внизу и заставлявшими одних предпочитать труду легкое наживанье денег грабежом казны, а других сковываться и ходить в виде колодников, лишь бы только не работать,—привычками, которые для своего оправдания вводили в народ гнусную, развращающую пословицу: «От трудов праведных не наживешь палат каменных».

Недостаток в рабочих руках, экономическая неразвитость заставили древнюю Россию прикреплять крестьян к земле. Переворот, известный под именем петровых преобразований, был именно тот переворот, которого необходимым следствием должно было быть освобождение села чрез поднятие города. Экономическое развитие, просвещение и жизнь в среде цивилизованных народов—вот средства, которые были даны преобразователем для постепенного уврачевания старых зол русской земли, а в том числе и зла крепостного состояния, постепенного уврачевания, и потому бессмысленно было бы требовать, чтоб то, что должно было быть только отдаленным следствием известной деятельности, появилось в самом начале этой деятельности. Видевшим конец дела предстоит обязанность почтить память начавшего, положившего основание. Всякий, кто внимательно

вглядится в состояние России при Петре, посмеется более чем детской мысли, что Петр мог освободить крестьян, но Петр не мог равнодушно смотреть на злоупотребления, которые отягчали земледельческий труд. Средств к облегчению участи крестьян Петр искал и в улучшении экономического быта землевладельцев, в отнятии у них побуждений к угнетению крестьян. Так, учреждая майорат, он объяснил цель учреждения: «Разделением недвижимых имений наносится большой вред интересам государственным и падение самим фамилиям: если кто имел 1000 дворов и пять сыновей, то жил в изобилии; когда же по смерти его дети разделились, то им досталось только по 200 дворов, но так как они не желают жить хуже прежнего, то с бедных крестьян будет пять столов, а не один: таким образом, от этого разделения казне государственной вред, а крестьянам разорение».

В 1719 году был издан указ смотреть, чтоб помещики не разоряли крестьян своих, разорителей отрешать от управления имениями, которые отдаются в управление родственникам. Петр не любил, чтоб указы оставались только на бумаге: в 1721 году один помещик был сослан на 10 лет на каторгу за то, что прибил человека своего и тот от побоев умер. В 1721 году вышел указ, запрещавший розничную продажу крестьян и дворовых, детей от родителей; такой продажи, говорит указ, во всем свете не водится, и этими словами указывает уже на могущественное средство общественных улучшений: народ, живущий общею жизнью с другими образованными народами, не может допускать у себя таких явлений, которые эти народы признают не нравственными. Слабоумных помещиков, негодных ни в науку, ни в службу, могущих только мучить своих крестьян, велено по освидетельствовании в Сенате отстранять от управления имениями и не позволять им жениться. Запрещено прикрепление половников на севере. По свидетельству крестьянина Посошкова, крестьяне больше всего терпели от пожаров вследствие тесноты жилищ и от разбойников вследствие неразвитости общественной жизни, непривычки к общему делу — доказательство, что нигде, ни наверху, ни внизу, от древней России не осталось признаков силы того, что некоторым угодно называть общинным бытом; в иной деревне, говорит Посошков, много дворов, разбойников придет не много к крестьянину, станут его мучить, жечь, пожитки его на возы класть, соседи все слышат и видят, но из дворов своих не выйдут и соседа от разбойников не выручают.

По мнению Посошкова, вредно для крестьян было еще то, что у них грамотных людей не было; по его мнению, не худо бы было крестьян и поневолить, чтоб детей своих учили грамоте. Но Сенат принужден был отказаться неволить к этому и горожан, потому что дети их в эти годы начинают заниматься торговлею и от приневоливания к учению может быть ущерб

подателям. Много было воплей и укрывательств и со стороны дворян, но Петр настоял на обязательности образования для них: дворянин неграмотный и не изучивший арифметику и геометрию объявлен был несовершеннолетним и потому не имел права жениться. Ученики, кончившие курс в московских школах, посылались учителями в области. Отсылка молодых людей за границу для науки продолжалась безостановочно. Специальные школы продолжали возникать вследствие сознания той или другой потребности.

В начале 1724 года издан был указ об основании Академии. По плану Петра это учреждение должно было соответствовать тогдашнему состоянию образования в России, должно было заключать в себе Академию наук и университет, педагогический институт и гимназию. Та же Академия должна была заниматься и переводом книг. Мы уже видели, как это дело важно и как оно занимало Петра; до самой кончины своей он продолжал обращать на него свое внимание, указывать на книги, которые должно было переводить, и учить, как переводить. Мы видели, как он учил не переводить слово в слово, что искажало склад русской речи и затемняло смысл, но, уразумевши этот смысл, передавать его читателю на понятном для него разговорном языке. Теперь он учит переводчиков не переводить книги во всей полноте, но переделывать, сокращать, отбрасывая ненужное. «Понеже,—писал Петр,—немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтоб велики казались, чего ради и о хлебопашестве трактат выправить, вычеркнуть негодное, и для примеру посылаю, дабы посему книги переложены были без лишних рассказов, которые время только тратят и у чтущих охоту отъемлют».

Но познаний о России нельзя было взять из иностранных книг и перевести. Мы видели, что Петр поручил Поликарпову написать краткую русскую историю, но дело было крайне трудное при отсутствии всякого приготовления к нему; понятно, что Петр остался недоволен трудом Поликарпова и решился начать сначала, т. е. приготовить материалы: он приказал из всех епархий и монастырей взять в Москву все рукописи, заключающие в себе исторические источники, списать их, а подлинники отослать в прежние места, откуда взяты. Точно так же нельзя было заимствовать у иностранцев и сведений о русской географии: Петр отправил учеников петербургских школ для сочинения ландкарт и два раза отправлял экспедиции для решения вопроса, сошлась ли Америка с Азией. Петр же начал собирание естественных предметов, редкостей и древностей.

Враг всякой роскоши, обращая внимание только на одно полезное и необходимое, Петр не считал роскошью искусство, не жалел издержек на покупку произведений искусства

и на вызов иностранных художников. В Петербурге «для общенародной во всяких художествах пользы, по обычаю государств европейских, учреждена была небольшая академия для правильного обучения иконному, живописному и прочим художествам».

Академия наук, на обязанности которой, между прочим, лежал и перевод необходимых книг, была еще только в проекте, и Петр за переводом книг обращался к духовенству. Мы видели меры Петра относительно черного духовенства; с 1711 года начинаются заботы относительно белого. Здесь кроме поднятия нравственности нужно было позаботиться и о материальном благосостоянии людей, обязанных иметь семейство. Тогда как Россия страдала сильным недостатком в людях, в белом духовенстве было больше людей, чем дела, вознаграждение за дело поэтому делилось между слишком многими, отчего происходила бедность со всеми ее печальными последствиями для человека, обязанного кормить семейство. Это излишество людей в белом духовенстве поддерживалось также господствовавшим в древней России стремлением жить особняком. Каждый сколько-нибудь достаточный человек хотел иметь свою церковь, и это желание нельзя объяснить одним благочестием, потому что был обычай и в общине приходские церкви приносить свои образа и перед ними только молиться. Желание каждого сколько-нибудь достаточного человека иметь свою церковь объяснялось еще затворничеством женщин, которым было неловко ходить в общине церкви, и потому, не имея домовых церквей, они ходили в церковь редко или и вовсе не ходили. Обилие частных церквей обедняло приходское духовенство, притом не все имевшие свои церкви были в состоянии прилично содержать при них священника и прибегали к найму священников на площадях (крестцах), что представляло соблазнительное зрелище.

Новоучрежденный Сенат в соединении с церковным собором придумали меры для поднятия нравственного и материального благосостояния белого духовенства: не ставить в дьяконы моложе 25 лет, в священники — моложе 30 лет, не посвящать лишних, не верить тем, которые придут проситься на место под предлогом, что священник, его занимающий, болен или стар; в бедные приходы дьяконов не посвящать; заручные челобитные осторожно рассматривать, не ложные ли; поповские старосты должны были допрашивать крестьян, хотят ли они иметь просителя своим священником или дьяконом. В 1718 году было постановлено, чтоб священники своих домов не имели, ибо отягощались их покупкою, жили бы в домах, купленных на сборные церковные деньги, для чего быть у всякой церкви старостам, которые сдают дома священникам и вновь строят на церковные деньги. После

эта мера была распространена на дьяконов и причетников. Запретили строить новые церкви без указа; запрещено иметь домовые церкви, а кто хочет иметь, должен содержать священника и, кроме того, должен давать равное содержание и приходскому духовенству.

Последние меры были положены уже при новом церковном управлении: в 1721 году Петр объявил, что, восприяв попечение о исправлении чина духовного, не видит лучшего к тому способа, кроме соборного правительства, вследствие чего и учреждалась духовная коллегия (Синод), вместе с тем заведование церковных имений взято было из светских рук в Монастырском приказе и отдано Синоду. Сенат и Синод нередко собирались вместе для совещаний, иногда при этих общих заседаниях присутствовал и государь. В одном из этих заседаний было постановлено: родителей жениха и невесты приводить к присяге, что брак заключается по согласию их детей. Тут же постановлен был вопрос о мерах, какие должно было принять против притеснения православных в польских областях, и Петр отвечал, что надобно сделать уже известное нам распоряжение, послать комиссара. Главными обязанностями новоучрежденного Синода были: устройство духовенства, преимущественно черного, противодействие расколу, преследование суеверий и распространение религиозно-нравственного просвещения в народе. После долгих дум относительно монашества Петр определил для него две цели: 1) служение страждущему человечеству; 2) образование из себя просвященных властей церковных; мужские монастыри становятся инвалидными домами; монахини также должны служить престарелым и больным своего пола, кроме того, заниматься воспитанием сирот, для какой цели отделяется несколько монастырей, в других монахини занимаются рукоделием, а монахи — хлебопашеством.

Нечто подобное ходу преобразований в высшем церковном управлении мы видим в ходе преобразований относительно Малороссии. Эта страна с переворота, произведенного в ней Богданом Хмельницким, находилась в долгом междуумочном, переходном состоянии, условливавшем, как обыкновенно бывает, сильные смуты. Не могли быть самостоятельной, она хотела поддержать свою полусамостоятельность, но эти полусостояния, ни то ни сё, приводят всегда к печальным явлениям. Малороссия представляла хаос, борьбу элементов (*discordia semina gerum*): гетман, ставши из войсковых, казацких начальников правителем целой страны, стремился к усилению своей власти; старшина и полковники хотели быть также полновластными господами, жаловать и казнить кого хотят, стремились стать богатыми землевладельцами и земли свои заселить крепостными крестьянами, в которых обращали вольных казаков;

последние волновались, особенно подушаемые из Запорожья; города жаловались на притеснения полковников. Все были недовольны, все слали жалобы, доносили друг на друга в Москву, а когда государь, вняв этим жалобам, предпринимал какие-нибудь меры, то поднимались опять вопли: зачем Москва вмешивается? Особенно вопли усиливались, когда Москва поднимала вопрос о финансах малороссийских, ибо все сильные люди в Малороссии хотели доходы страны брать себе, не давая ничего государству, которое, таким образом, получало только обязанность тратиться людьми и деньгами на защиту Малороссии. Все были недовольны и действительно имели причины на то, но не умели сознать, что эти причины были внутри, во внутреннем хаосе, в кулачном праве; искали улучшения во внешних условиях; поддавшись русскому государю, бросались то к полякам, то к туркам; это колебание, *шатость*, междуумочность вредно действовали на характер народонаселения, особенно высших слоев.

После Богд[ана] Хмельницкого не было гетмана, который бы не изменил или не был обвинен в измене своими же: интригам, доносам не было конца. Гетман Мазепа, облеченный полною доверенностию Петра, изменил ему в самую решительную, тяжкую минуту. Сносить далее такое положение дел было невозможно для государства, потому что смута продолжалась, злоупотребления знатных относительно массы народонаселения становились все сильнее, а Петр знал, что эта масса не изменила ему при измене Мазепы, и потому считал своею обязанностию поддерживать, защищать эту массу от насилий старшины, привыкшей к шатости. По смерти гетмана Скоропадского Петр остановил выборы нового гетмана, объявив, что не знает надежного человека, и ввел свое любимое коллегиальное управление; члены коллегии наполовину были малороссыяне и наполовину великороссыяне.

И после Ништадтского мира Петр не мог посвятить всего своего времени внутренним преобразованиям. Деятельность Петра была чужда односторонности. Ведя упорную борьбу на Западе, изучая Запад для внутренних преобразований, Петр не спускал глаз с Востока, понимая ясно близкие отношения его к России, понимая те средства, которые должен доставить России Восток в ее новой жизни, при том экономическом перевороте, который он совершал. Еще до окончания Северной войны он получил неприятное известие, что чрезвычайно важное для русской торговли и по турецким отношениям азиатское государство Персия разлагается от внутренней слабости и хищные соседи уже делят добычу. Немедленно после Ништадтского мира Петр предпринимает поход к Каспийскому морю, чтоб предупредить турок и не дать им утвердиться на западном

берегу этого моря, связь которого с Балтийским морем Петр ясно понимал. Поход Петра и дальнейшие действия русских отрядов достигли цели: договором с Персией, заключенным в Петербурге в 1723 году, Россия получила западный берег Каспийского моря. Это был последний подвиг.

Мы видели, в каком настроении духа сотрудники Петра после Ништадтского мира поднесли ему титул Императора, Великого и Отца Отечества; они считали себя людьми новыми, возванными от небытия к бытию, причтенными в сонм образованных народов и причтенными с честью и славою. Понятно, в каком настроении духа через три года с чем-нибудь они увидали Петра в гробе и услышали знаменитые слова Феофана Прокоповича «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне! Что видим? Что делаем? Петра В[еликого] погребаем!» Проповедь была краткая, но продолжалась около часа, потому что прерывалась плачем и воплем слушателей, особенно после первых слов. В утешение оратор решился сказать: «Не весьма же, россияне! Изнемогаем от печали и жалости: не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих, безмерное богатство силы и славы его, которое его делами означилось, при нас есть. Оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам».

Да исполнится пророчество; да не оставит нас дух Петра В[еликого]. Результаты деятельности великих людей, богатство силы и славы утрачиваются, когда в народе перестает жить дух этих великих людей. Учреждения Петра могли и должны были измениться, но перемена могла произойти к добру только при условии присутствия его духа. То нетленное наследство, которое оставил он нам, есть: пример небывалого в истории труда, силы воли в борьбе с препятствиями, в борьбе со злом, пример любви к своему народу, пример непоколебимой веры в свой народ, в его способности, в его значение, пример преодоления искушений сделать что-нибудь скорее и успешнее с чужой помощью, без труда приготовления к делу своих, пример искусства словом и делом, книгами, законами и учреждениями, духом этих учреждений воспитывать народ свой, поднимать его на ноги; пример заимствования чужого в благо и в плод своему, ибо заимствование чужого было чуждо принижению народного духа пред чужим; пример верного взгляда, верного чувства, по которому Петр указал нам естественных союзников в народах соплеменных; пример страсти к знанию и преданности вере, что обещает народам долголетие, как написано на скрижалях истории.

Отпразднуем наш праздник достойным образом, сознанием и укреплением в себе духа Петрова. Да не будет наш праздник чем-то внешним, формальным; да не навлечем на себя евангельского обличения, обращенного к людям, которые строили гробы пророческие и красили раки праведных. Да не будет праздник наш только воспоминанием прошедшего; вспомнив, будем исполнять завещание Петра: «И впредь надлежит трудиться и все заранее изготовлять, понеже пропущение времени смерти невозвратной подобно». Правило: век живи — век учись справедливо не в отношении только к одному человеку, но и в отношении к целым народам. Да проходит же народ наш школу жизни, как Петр Великий проходил свою многотрудную школу, и народ наш долголетен будет на земле.

**УЧЕБНАЯ КНИГА
РУССКОЙ ИСТОРИИ**

ГЛАВА I

СОСТОЯНИЕ СТРАНЫ, ИЗВЕСТНОЙ ТЕПЕРЬ ПОД ИМЕНЕМ РОССИИ, ДО ПОЛОВИНЫ IX ВЕКА ПО Р. Х.

Взглянем на карту России: вот, начиная от того места, где оканчиваются Уральские горы, до Каспийского моря находится большое ровное степное пространство, как будто широкие ворота из Азии в Европу. На этом месте и на восток от него живут еще народы грубые, кочевые, охотники грабить, брать в плен соседей, но теперь этим народам час от часа становится труднее вести такую жизнь, потому что сильное государство русское не допускает их разбойничать; некоторые из них даже отказались от кочевой жизни и стали заниматься земледелием. Но в древности в этой обширной стране, которую мы теперь называем Европейскою Россиею, не было государства, не было сильного оседлого народа, и потому кочевые народы двигались свободно с востока на запад, занимали южную часть нынешней России и, собравшись иногда большими толпами, шли дальше, опустошали Европу Южную и Западную. Древние образованные народы, греки и римляне, знали этих кочевников, живших в нынешней России, сначала под именем скифов, потом — сарматов, почему и страна называлась то Скифиею, то Сарматиею. После Рождества Христова здесь столкнулось много разноплеменных народов, двигавшихся в разные стороны, преимущественно с востока на запад, из Азии в Европу; сильнее других было движение гуннов и аваров. Когда это движение поутихло, кочевые народы схлынули, то в стране обозначилось ясно племя оседлое, на большом пространстве раскинувшееся: то были славяне.

Когда пришли сюда славяне — неизвестно; известно только то, что они пришли с юго-запада, с берегов Дуная, вытесненные оттуда каким-то сильным врагом. Они поселились по рекам Западному Бугу, Днестру, Днепру и рекам, в него впадающим, далее на севере поселились по Западной Двине и около озера Ильмень, на востоке поселились по Оке. Разделялись они на несколько племен, друг от друга независимых; племена делились на роды; каждый род жил отдельно на своем месте, под властью своего родоначальника или князя, имел свои обычаи; селения

укреплялись, огораживались, и такие огороженные селения назывались городами. Занимались славяне преимущественно земледелием. Поклонялись божествам физическим, явлениям природы: главным божеством у них был Перун, бог грома и молнии; поклонялись также солнцу под разными именами (Дажбога, Волоса), огню, ветру. Верили в загробную жизнь, думали, что души умерших могут есть, пить, и потому считали обязанностью угощать их. Общественного богослужения, храмов, жрецов у них не было; старшины или родоначальники были и жрецами, приносили жертвы.

Все пространство нынешней Европейской России к северу, северо-востоку и северо-западу от жилищ славянских было занято племенами финскими; на Волге, в нынешней Казанской губернии, жили болгары, народ турецкого племени; на западе, по Неману и в нижних частях Западной Двины, жила литва, к югу от нее жили ятвяги, народ неизвестного происхождения.

Так как славянские племена жили отдельными небольшими родами, разбросаны были на обширных пространствах и ссорились между собою, то были слабы, не могли действовать вместе, заодно, собирать вдруг все свои силы для отпора врагам; нападут враги на одно племя, другие ему не помогают, и каждое порознь подчиняется чужому народу. Так славянские племена, которые жили на юго-востоке, по Днепру, по рекам, в него впадающим с востока, и по Оке, должны были платить дань козарам, народу, жившему на Дону, Волге и в Крыму. Народ этот был смешан из разных племен; между козарами можно было также найти людей разных вер — христианской, еврейской, магометанской, языческой, и главный начальник народа, каган, исповедовал веру еврейскую. Жизнь вели козары полуоседлую: у них были города, но летом жители оставляли их и откочевывали в степи.

ГЛАВА II

ПРИЗВАНИЕ РЮРИКА С БРАТЬЯМИ И ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ КНЯЗЕЙ РУССКИХ

В то время, когда южные славянские племена платили дань козарам, северные не могли защищаться от норманнов, жителей Швеции, Норвегии и Дании, которых славяне называли варягами и русью. Эти варяги покорили себе славян северных, живших в нынешних Новгородской и Псковской губерниях, покорили

также соседние финские племена. Через несколько времени племена эти, как славянские, так и финские, собрались вместе и выгнали варягов, но когда после этого стали управляться сами, то никак не могли мирно улаживаться; опять каждый род стал жить отдельно и силою разделяться с другими родами. Тогда племена собрались и сказали: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». Порешивши так, послали они за море к варягам-руси сказать им: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: приходите княжить и владеть нами». На этот зов в 862 году собрались три князя варяго-русских, три брата — Рюрик, Синеус и Трувор и пришли с родными своими. Рюрик утвердился в Новгороде, у славян, живших по Ильменю; Синеус — среди финского племени на Белоозере; Трувор — у славян, живших в нынешней Псковской губернии, в городе Изборске. Скоро Синеус и Трувор умерли, и Рюрик стал княжить один; владения его стали называться Русью. Рюрик умер в 879 году, оставив малолетнего сына Игоря, и княжить стал родственник его Олег.

С утверждения Рюрика князем среди северных племен славянских и финских начинается русская история, потому что этим положено основание русскому государству. Несколько северных племен славянских и финских соединились под властью одного князя; чрез это у них прекратились междоусобия, силы их собрались в одно, а поэтому они стали сильнее всех других племен; князя их, преемники Рюрика, воспользовались этою силою и покорили себе все другие племена, которые, живя отдельно друг от друга, не могли сильно и долго сопротивляться. Таким образом племена, жившие прежде отдельно, соединились вместе, составили один народ русский. Вследствие соединения племен в один народ князя этого народа, пользуясь соединенными силами его, ограждают степные, кочевые народы, не дают им грабить и пленять славянские племена, брать с них дань, как бывало прежде. Мало того, князя пользуются соединенными силами племен для того, чтобы предпринимать походы на Греческую империю, на Константинополь; вследствие этих походов завелись и мирные, торговые сношения с греками; русские стали ездить в Константинополь, познакомились там с христианством православного восточного исповедания и стали принимать его. Таким образом христианство явилось и усилилось сперва на юге русских владений, ближайших к Греции, а потом отсюда распространилось и по всем этим владениям.

Итак, в деятельности первых русских князей мы замечаем три главные стороны: 1) покорение племен славянских, соединение их под одну власть; 2) борьбу с степными, азиатскими народами; 3) войны и сношения с Грециею, вследствие которых распространяется христианство.

ГЛАВА III

КНЯЖЕНИЕ ОЛЕГА, ИГОРЯ РЮРИКОВИЧА,
ОЛЬГИ И СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА

Преемник Рюрика Олег слыл в народных преданиях вещим, то есть мудрым, хитрым. Собравши войско из подвластных ему племен славянских и финских, нанявши варягов, Олег пошел из Новгорода на юг и обложил данью племена славянские, жившие по Днепру и по впадающим в него рекам с востока и запада, также по Бугу, Днестру и около Карпатских гор. Городок Киев, бывший в земле славянского племени полян, Олег нашел во владении двоих варягов, братьев Аскольда и Дира, которые пришли еще с Рюриком, но потом отправились на юг и засели в Киеве; Олег убил их и остался сам жить в Киеве, который очень ему понравился. В 907 году, собравши войско из всех подчиненных ему племен, он ходил в лодках Днепром и морем на Константинополь, взял с греков дань и заключил с ними договор о том, как решать дела между греками и русскими, которые будут жить в Константинополе для торговли.

Олег умер в 912 году; преемником его был Игорь, сын Рюрик, известный своими неудачными походами на греков и несчастною смертью; славянского племя древляне, жившие на западе от Киева, в нынешней Волынской губернии, убили его за то, что он хотел взять с них двойную дань (945 г.). При Игоре были уже в Киеве христиане, была у них церковь Св. Ильи, а потому неудивительно, что жена Игорева, Ольга, управлявшая после мужа за малолетством сына своего Святослава, поехала в Константинополь и приняла христианство в 957 году. Ольга, подобно Олегу, слыла в народных преданиях необыкновенно мудрою: она объехала землю свою и повсюду делала разного рода распоряжения, особенно насчет сбора дани.

Сын Игоря и Ольги Святослав представляется в народных преданиях князем необыкновенно храбрым, который, набравши дружину подобных себе храбрецов, искал повсюду завоеваний, искал их в дальних богатых землях и оставался жить там, а свою землю пренебрегал. Святослав покорил жившее по Оке славянское племя вятичей, еще до сих пор остававшееся независимым; ходил на козар, победил их, взял их главный город на Дону, Белую Вежу. В 967 году по приглашению греческого императора Никифора, приславшего ему денег, Святослав пошел на дунайских болгар, завоевал их землю и остался в ней жить, а между тем в степях на юге от Киева появился сильный кочевой народ под именем печенегов. Эти печенеги в отсутствие Святослава чуть было не взяли Киева, где жила старая Ольга с маленькими

внуками, детьми Святослава. Услыхав о нападении печенегов, Святослав приехал в Киев и прогнал их, но не хотел остаться на Руси, объявил матери, что Киев ему не нравится, а нравится богатая торговлею Болгария Дунайская. Мать просила его побыть в Киеве только до ее смерти, которая скоро и последовала. Тогда, раздавши русские владения троим еще несовершеннолетним сыновьям своим: Ярополку — Киев, Олегу — землю древлянскую и Владимиру — Новгород, Святослав отправился в свою любимую Болгарию. Но болгары приняли его враждебно, а с другой стороны поднялся на него греческий император Иоанн Цимиский с многочисленным войском. Несмотря на необыкновенную храбрость, Святослав не мог осилить этого войска и должен был помириться с императором на условии оставить Болгарию. На возвратном пути он был убит печенегами при днепровских порогах в 972 году.

ГЛАВА IV

УСОБИЦЫ МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ СВЯТОСЛАВА И КНЯЖЕНИЕ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

До сих пор было по одному князю на Руси; теперь, как скоро стало их трое — Ярополк, Олег и Владимир, — то и начинаются между ними усобицы. Ярополк пошел на Олега, и тот погиб в битве с братом; земля древлянская была присоединена к Киеву. Услыхав об этом, Владимир Святославич, князь новгородский, испугался и ушел за море к варягам, а Ярополк присоединил и Новгород к своим владениям, но Владимир возвратился с варягами, занял опять Новгород, Полоцк и пошел на Ярополка. Владимир был в это время еще молод, и потому сильное влияние на него имел дядя с материнной стороны, Добрыня; при Ярополке главным советником был воевода Блуд, который передался на сторону Владимира, напугал своего князя и присоветовал ему отдаться в руки младшему брату, но Владимир велел убить Ярополка. Таким образом, опять на Руси остался один князь.

Владимир, живя с малолетства на севере, был мало знаком с христианством и когда по смерти Ярополка утвердился в Киеве, то показал себя ревностным приверженцем языческой религии, поставил изукрашенные идола на холме, куда собирался народ для жертвоприношений; однажды вздумали даже принести человека в жертву, кинули жребий, жребий пал на христианского мальчика, варяга, но отец его не выдал сына и погиб вместе с ним от разъяренной толпы язычников. Будучи сначала ревностным язычником, Владимир следовал и языческим обычаям, вел жизнь невоздержную, имел много жен. Но мало-помалу языческая рев-

ность остыла, и Владимир начал думать о перемене религии, с разных сторон приходили к нему предложения на этот счет, потому что Русь была окружена разновременными народами — жидами у козар, магометанами (в Болгарии Волжской), хрисгианами. Владимир должен был склониться на сторону христианства; бояре, которых он посылал в разные стороны разузнать о разных верах, какая лучше, говорили ему: «Мы не можем забыть той красоты, которую видели в Константинополе всякий человек, как отведает раз сладкого, уже не будет больше принимать горького; так и мы здесь, в Киеве, больше не останемся»; другие говорили ему: «Если бы дурен был закон греческий, то бабка твоя Ольга не приняла бы его; она была мудрее всех людей».

Началась война с греками. Владимир пошел на греческий город в Крыму Корсунь (или Херсонес, бывший подле нынешнего Севастополя) и, когда город долго не сдавался, дал обет, что если возьмет город, то примет христианство; город сдался, и Владимир послал к греческим императорам Василию и Константину требовать себе в супружество сестру их, царевну Анну, с угрозою, что если не пришлют сестры, то он возьмет и Константинополь, как взял Корсунь. Императоры отвечали, что не могут выдать сестры за язычника; тогда Владимир послал сказать им, что примет христианство; и действительно, когда Анна приехала в Корсунь, то он крестился со многими боярами

Возвратясь в Киев с священниками греческими, Владимир крестил сыновей своих и велел истребить идолов, духовенство ходило по городу и учило народ, после чего великий князь объявил, чтобы на другой день все некрещенные киевляне шли к реке креститься, а кто не явится, тот покажет себя противником князя; все крестились. После крещения киевлян духовенство ходило крестить народ на севере до Новгорода и Ростова. Но на севере христианство принялось не так скоро, как на юге, где оно было уже давно известно; язычество долго было еще сильно в Ростове и странах окрестных, населенных финскими племенами; из славянских племен вятичи, жившие в стороне от главной речной дороги днепровской, как были после всех покорены, так после всех приняли и христианство. На западе, в стране Волынской, христианство было распространено при участии самого Владимира, который ходил туда с духовенством. Тотчас после крещения народа в Киеве начали отбирать детей у лучших людей и отдавать духовенству для научения грамоте, для утверждения в вере.

Кроме похода на Корсунь Владимир предпринимал и другие походы: подчинил окончательно те славянские племена, которые по отдалению своему от главного водного пути днепровского пользовались всяким случаем, чтобы отказываться от платежа

дани; были войны и с чужими народами, ятвягами и болгарами, но важнее всех были оборонительные войны с печенегами, которые часто приходили опустошать землю, бить, уводить в плен людей. Вот почему эти войны Владимира, которые он вел против печенегов для защиты от них земли, очень занимали народ и об них сохранялась память в украшенных воображением преданиях. Надобно вспомнить, что до основания русского государства страны эти были всегдашнею и беззащитною жертвою степных варваров, подобных печенегам. Чтоб загородить дорогу варварам на Русь, Владимир строил городки по границе, или Украине, населял их лучшими, храбрейшими людьми из подчиненных ему племен: так ясны были и на первых порах выгоды соединения племен в одно государство, которое располагало общими силами для защиты страны.

Владимир умер 15 июля 1015 года. Церковь причла его к лику святых как равноапостольного; в народе осталась о нем память как о государе чрезвычайно добром, милостивом.

ГЛАВА V

УСОБИЦЫ МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ ВЛАДИМИРА И КНЯЖЕНИЕ ЯРОСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА

После Владимира осталось двенадцать сыновей, и вот по смерти его начинаются усобицы, точно так же как начались они по смерти Святослава, точно так же как в это время велись они в других государствах славянских — Польском, Чешском (Богемском): и здесь видим желание старших князей изгнать, умертвить, изувечить младших братьев. Старший сын Владимира Святополк убил сначала самых младших братьев своих — Бориса, князя ростовского, и Глеба — муромского, которые казались ему опаснее других, потому что и отец их очень любил, и дружина по смерти Владимира звала Бориса княжить в Киев, но тот не согласился, не желая поднять рук на старшего брата. После Бориса и Глеба Святополк убил и третьего брата, Святослава, князя древлянского, и стал думать: «Перебью всех братьев и приму один всю власть на Руси». Но Ярослав, князь новгородский, предупредил его, собрал войско из варягов и новгородцев и разбил Святополка у Любеча. Тот бежал к тестю своему Болеславу, королю польскому, который вступился за него и разбил Ярослава на берегах Буга. Ярослав бежал в Новгород и хотел было бежать дальше, за море, к варягам, но новгородцы не пустили его и дали ему другое войско, с которым

он опять пошел на Святополка. Тот между тем успел поссориться с Болеславом, который ушел к себе в Польшу, и Святополк вышел против Ярослава с толпами печенегов; злая битва была дана на реке Альте, на том месте, где был убит Борис. Святополк потерпел поражение, бежал и пропал без вести; в народе сохранилась о нем самая черная память как о русском Каине: прозвище ему было *окаянный*, тогда как убитые им Борис и Глеб, причтенные Церковью к лику святых, представлялись как образец братской любви.

Ярослав после Альтской битвы сел в Киеве, но недолго сидел здесь спокойно: на него вооружился брат его Мстислав, княживший в Тмутаркани (по всем вероятностям, в нынешней Тамани), завоеванной Святославом. Собравши войско из народов прикавказских, ясов и касогов, Мстислав пошел против Ярослава и разбил его у Листвена; Ярослав опять принужден был бежать в Новгород, но Мстислав не хотел отнимать Киева у старшего брата, хотел только прибавки земель к своей старой волости Тмутараканской; и братья разделили между собою южные русские волости Днепром: что было на западе от Днепра, досталось Ярославу, который сел в Киеве, а что было на востоке от Днепра, досталось Мстиславу, который сел в Чернигове. Но Мстислав скоро умер, не оставя детей; Ярослав взял себе его земли и владел, таким образом, всеми русскими волостями, кроме Полоцкого княжества, которое Владимир Св[ятой] отдал сыну своему Изяславу, а теперь княжил тут сын этого Изяслава Брячислав. Брячислав также вооружился было против дяди Ярослава, но успокоился, когда Ярослав дал ему два города (Витебск и Усяят).

Кроме этих усобиц в княжение Ярослава были войны с финскими племенами в области Северной Двины; на берегу Чудского озера Ярослав основал город, который назвал по своему христианскому имени (Юрий) Юрьевым (нынешний Дерпт). Ярослав воевал с поляками, возвратил от них землю Хорватскую (нынешнюю Галицию), захваченную Болеславом при Святополке. При Ярославе была последняя война с греками, которые поссорились с русскими купцами и убили одного из них; войну эту вел старший сын Ярослава Владимир с переменным счастьем, и через три года заключен был мир. Печенеги, напавшие на Киев в 1036 году, потерпели сильное поражение, после чего перестали нападать на Русь.

Ярослав умер в 1054 году, оставив по себе память князя умного и храброго, распространившего христианство и грамотность в народе; он много накупил книг, которые читал часто, днем и ночью; собрал много писцов, которые переводили книги с греческого на славянский язык и много переписали книг; строил церкви, определял к ним священников, которым давал

содержание из собственных доходов. При нем в Новгороде было сделано то же, что в Киеве при Владимире: князь велел собрать детей и учить их. Ярославу приписываются первые писанные законы, так называемая «Русская Правда».

ГЛАВА VI

СОБЫТИЯ ПРИ СЫНОВЬЯХ ЯРОСЛАВА I ВЛАДИМИРОВИЧА

Ярослав оставил пятерых сыновей, и опять после его смерти видим уособицы, как прежде видели по смерти Святослава и Владимира, но теперь первая уособица не оканчивается единовластием одного брата вследствие истребления или бездетной смерти других; сыновья Ярослава оставляют многих детей, которые продолжают уособицы отцовские и передают их своим детям; князья размножаются все больше и больше, и уособицы между ними продолжают много лет. Эти продолжительные ссоры и бывавшие по временам мирные сношения между многими князьями дают нам возможность узнать, как эти князья смотрели друг на друга, за что ссорились. Отчего происходило, что как скоро после государя оставалось несколько сыновей, то они непременно начинали ссориться и воевать друг с другом?

Узнаем, что не было определено законом, как по смерти отца младшим братьям вести себя в отношении к старшему. Закон не определял, что младшие братья обязаны повиноваться старшему великому князю точно так же, как повинуются ему все остальные подданные. Говорилось, что младшие братья должны слушаться старшего, как отца, старший должен любить младших, как детей, но это было очень неопределенно: как скоро младшим казалось, что старший обходится с ними не как с сыновьями, что больше хочет добра собственным детям, то и считали себя вправе вооружаться против старшего, а средства к тому они имели: у каждого было свое княжество, своя волесть, в которой он распоряжался совершенно независимо от великого князя; кроме того, подле в степях кочевали хищные орды, готовые всегда, по первому призыву становиться под знамена враждующих князей и пользоваться этим случаем, чтоб опустошать русскую землю.

Владели князья русскою землею все сообща, не разделяясь. Старший, или великий, князь владел старшим княжеством, старшим столом, как тогда выражались, Киевом; другие князья владели другими волостями по старшинству; ни великий князь,

ни младшие князья не владели своими волостями вечно и не передавали их своим детям, но когда умирал великий князь в Киеве, то его место заступал не старший его сын, а старший брат, родной, двоюродный, троюродный, или старший племянник, вообще старший в целом роде княжеском, причем и другие князья передвигались таким же образом по старшинству из одной волости в другую, из худшей в лучшую. Эта передвижка не могла происходить правильно, и отсюда новые ссоры и войны. Обыкновенно требовалось, чтоб князь занимал волость *по отчине и дедине*. например, если князь умирал, не достигнув старшинства в роде и стола киевского, то сын его не мог быть после великим князем киевским и оставался навсегда владельцем одной какой-нибудь волости.

Из пятерых сыновей Ярославовых старший, Изяслав, был великим князем, владел Киевом и Новгородом; второй, Святослав, владел Черниговом, Тмутараканью и землями по Оке, страну вятичей, Рязанью, Муромом; третий, Всеволод, владел Переяславлем Южным, или Русским (так называли его в отличие от построенного после Переяславля Залесского); кроме того, Всеволод владел землями по Волге, также Ростовом, Суздалем, Белоозером; четвертый, Вячеслав, получил Смоленск; пятый, Игорь, владел Владимиром Волынским. Полоцк оставался в отдельном владении у потомков Изяслава, сына св. Владимира. Но после Ярослава остался еще внук Ростислав, сын старшего сына Ярослава, Владимира, умершего при жизни отцовской. Так как наследником великого княжения был старший в роде и, следовательно, дядя имел всегда преимущество перед племянником, то Ростислав не получил старшего стола киевского; и так как волости княжеские не были наследственны, то Ростислав не получил даже и Новгорода, где княжил отец его при жизни Ярославовой: он должен был довольствоваться тем, что дадут ему дядья. Когда один из них, Вячеслав Ярославич, князь смоленский, умер, то на его место перешел младший, Игорь, из Владимира Волынского, несмотря на то что у Вячеслава остались сыновья, а Владимир Волынский отдал Ростиславу Владимировичу. Но он не был доволен этою волостью, набрал себе дружину, ушел с нею на восток в степь и овладел Тмутараканью. Отсюда стал он ходить войной на окрестные народы, но греки отравили его; после него остались сыновья Володарь и Василько.

Между тем в степях произошло обыкновенное там явление: пришел с востока новый хищный кочевой народ — половцы, победил печенегов и стал, подобно им, нападать на Русь. Великий князь Изяслав с братьями пошел против половцев, но был разбит и прибежал в Киев; киевляне потребовали у него оружия и лошадей, чтоб опять идти на половцев, но он им отказал; тогда они выгнали его. Изяслав получил помощь от польского короля

Болеслава Смелого и занял опять Киев, но ненадолго: он поссорился с братом своим, Святославом черниговским, который вместе с третьим братом, Всеволодом, выгнал его опять из Киева, сам стал здесь княжить, а Всеволод из Переяславля перешел на его место в Чернигов. Святослав княжил недолго в Киеве; после его смерти Изяслав опять пришел в Русь с польскою помощью, Всеволод уступил ему Киев, а сам остался в Чернигове.

В это время было в живых только два сына Ярослава, Изяслав и Всеволод, трое других — Святослав, Вячеслав и Игорь — умерли, но у них остались сыновья, которым дядя не хотело давать волостей на Руси. Тогда двое из этих молодых князей — Олег Святославич и Борис Вячеславич — ушли в Тмутаракань, возвратились оттуда с толпами половцев и выгнали дядю Всеволода из Чернигова. Великий князь Изяслав заступился за брата и пошел с ним на племянников, с которыми сразился близ Чернигова, на Нежатине Ниве. Племянники были побеждены, Борис Вячеславич пал в битве, но был убит также и великий князь Изяслав (1077 г.).

По смерти Изяслава великим князем сделался брат его Всеволод, последний из сыновей Ярослава. Перешедши в Киев, он отдал Чернигов сыну своему Владимиру Мономаху; старший сын покойного Изяслава, Святополк, княжил в Новгороде, откуда потом перешел в Туров, поближе к Киеву, где должен был сесть по смерти дяди Всеволода, как требовал обычай; другому Изяславову сыну, Ярополку, великий князь отдал Владимир Волынский, но здесь прежде княжил Игорь Ярославич, потом Ростислав Владимирович; сын Игоря Давид и сыновья Ростислава — Рюрик, Володарь и Василько — также хотели утвердиться на Волыни; по этой причине княжение Всеволода, старика слабого, было очень беспокойно. Но у Всеволода был сын, знаменитый Владимир Мономах, лучший из князей древней Руси, оставивший по себе самую добрую память в народе как образец князя, по тогдашним понятиям: он был набожен, каждый день вставал до света и ходил к обедне, не мог молиться без слез, был гостеприимен, щедр к дружине, к духовенству, к бедным, но вместе с тем был хороший хозяин, сам смотрел за всем в доме и потому, несмотря на щедрость, в доме его всегда было много всякого добра; был ласков, прост в обхождении со всеми, не терпел пышности; будучи необыкновенно храбр, беспрестанно воевал с половцами, защищал от них русскую землю, но не одна война занимала его: каждый день после обедни он садился думать с дружиною о делах, потом судил жителей своего княжества, и судил справедливо; когда другие князья ссорились друг с другом, Мономах старался мирить их, отвращал таким образом усобицы.

ГЛАВА VII

СОБЫТИЯ ПРИ ВНУКАХ
ЯРОСЛАВА I ВЛАДИМИРОВИЧА

По смерти Всеволода (случившейся в 1093 году), киевляне хотели, чтоб великим князем был Мономах, но он объявил, что не нарушит обычая, по которому великое княжение переходило к старшему в роде. «Если я сяду в Киеве,— говорил он,— то будет у меня война с Святополком Изяславичем, потому что отец его сидел в Киеве прежде моего отца»; и Святополк стал княжить в Киеве, а Мономах остался в Чернигове. Новый великий князь несколько не был похож на Мономаха: это был человек корыстолюбивый и властолюбивый, не храбрый и не умный. В самом начале княжения своего необдуманно, вопреки советам Мономаха и умных старых бояр вступил он в войну с половцами и потерпел два поражения. Эта беда, постигшая Русь, ободрила Олега Святославича, который все скрывался в Тмутаракани: он нанял половцев и напал с ними на Чернигов, Мономах уступил ему этот город, удовлетвовался Переяславлем, но война этим не кончилась, ибо Олег, ожесточенный долгим изгнанием, несправедливостью дядей, не доверял двоюродным братьям, не хотел с ними вместе воевать половцев; усобица дошла и до далекого северо-востока, потому что Олег, выгнанный двоюродными братьями Святополком и Мономахом из Чернигова, ушел в землю муромскую и ростовскую и воевал там с сыновьями Мономаха. Потерпевши неудачу на севере, Олег согласился наконец ехать на общий съезд княжеский в Любече. Съехавшиеся князья говорили: «Зачем губим русскую землю, поднимая сами на себя ссору? Станем лучше жить единодушно и не дадим половцам разнести русскую землю». Для прекращения всяких споров князья решили, чтоб каждый владел тем, чем владел отец его: поэтому великий князь Святополк и Мономах остались при своем, один в Киеве, другой в Переяславле. Олегу с братьями, Давидом и Ярославом, отдали владения отца их, то есть Чернигов с вятичами, Рязанью, Муромом и Тмутараканью; княжество Владимиро-Волынское разделилось: собственная Волынь осталась за Давидом Игоревичем, а западная часть, Галиция, или Чермная Русь, отдана была Ростиславичам— Володарю и Васильку (брат их Рюрик уже умер).

Таким образом, на любецком съезде была прекращена усобица на востоке, в области Черниговской, потому что дети Святославовы, несправедливо выгнанные, получили теперь владения, именно те земли, которыми владел отец их, получили, таким образом, в роду значение отцовское. Но не прекратились усоби-

цы на западе, в области Владимиро-Волынской, поделенной между Давидом Игоревичем и Ростиславичами. Давид Игоревич боялся, что Ростиславичи отнимут у него и его половину, особенно боялся он самого храброго и предприимчивого из них, младшего Василька; нашлись люди, которые наговорили ему, что Ростиславичи в союзе с Мономахом хотят выгнать Святополка из Киева и его, Давида, из Владимира Волынского. Прямо с любецкого съезда Давид заехал в Киев к Святополку, представил ему опасность, грозившую им обоим от Василька, напугал его, и тот согласился схватить Василька и выдать Давиду, который повез его в свои владения и там ослепил. Так как это злодейство было самым дерзким нарушением княжеского решения жить дружно, которое они объявили в Любече, то Мономах с Олегом и Давидом Святославичами немедленно пошли с войском к Киеву на Святополка; но мачеха Мономаха и митрополит уговорили их прекратить ссору с Святополком, и так как он складывал всю вину на Давида, то князья и поручили ему наказать последнего. Святополк выгнал Давида, но захотел выгнать и Ростиславичей, чтоб взять всю Владимиро-Волынскую область себе, но это ему не удалось, потому что Ростиславичи оборонялись храбро. Наконец и войны за Владимиро-Волынскую область прекращены были на втором княжеском съезде, бывшем в Витичеве, близ Киева, в 1100 году. Здесь решено было: у Давида за его злодейство отнять Владимир Волынский и отдать сыну великого князя Ярославу. Таким образом, при Святополке на двух съездах княжеских окончены были усобицы, происходившие на востоке за область Черниговскую и на западе за область Владимиро-Волынскую. Усобицы эти, как мы видели, начались при великом князе Изяславе Ярославиче вследствие того, что сыновья не наследовали волостей после отцов своих, а дяди не хотели давать земель осиротелым племянникам.

Когда таким образом все успокоилось и на востоке и на западе, Мономах воспользовался миром между князьями и уговорил их соединенными силами ударить на половцев. Вследствие этого предпринимались два похода в степи; во второй из них русские князья доходили до самого Дона и нанесли сильное поражение *поганым*, как называли тогда половцев. Память об этих славных походах сохранилась на Руси в поэтических преданиях, в которых прославлялся главный герой их — Мономах.

Святополк умер в 1113 году. После него по старшинству в роде великое княжение должно было принадлежать Святославичам черниговским, потому что их отец был старше отца Мономаха, но киевляне решительно не захотели иметь князем Олега Святославича, которого не любили особенно за то, что он навел половцев на русскую землю, и хотели непременно, чтобы княжил у них Мономах, на деле давно уже превосходивший всех

князей достоинствами и подвигами. Когда киевляне дали ему знать о смерти Святополка и просили его приехать к ним княжить, то он отказался по тем же самым причинам, по каким отказался и прежде, по смерти отца своего Всеволода, именно, чтобы не нарушить обычая, не подать повода к усобицам; но когда в Киеве узнали об отказе Мономаха, то здесь вспыхнуло восстание, и киевляне опять послали сказать Мономаху, что если он не придет к ним княжить, то будет большая беда и он отдаст за нее ответ Богу. Тогда Мономах приехал в Киев и стал великим князем; Святославичи затаили на время обиду, потому что им нельзя было идти против Мономаха, самого храброго и самого могущественного князя, к которому народ питал такое сильное расположение. Один из полоцких князей, именно князь минский, осмелился начать войну с Мономахом, но был взят в плен; также дурно кончил и князь волынский Ярослав, сын прежнего великого князя Святополка: он начал ссориться с соседями своими, Ростиславичами, князьями галицкими, вступил в союз с поляками, прогнал жену свою, внучку Мономахову; великий князь выгнал его из Волыни; Ярослав воротился было с полками, венграми и чехами (богемцами), но был убит при осаде города.

ГЛАВА VIII

СОБЫТИЯ ОТ СМЕРТИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА ДО ВЗЯТИЯ КИЕВА ВОЙСКАМИ АНДРЕЯ ЮРЬЕВИЧА БОГОЛЮБСКОГО

По смерти Мономаха, случившейся в 1125 году, киевский стол прямо занял уже старший сын его Мстислав; соперников опять ему быть не могло: он был похож на отца, был любим народом; кроме того, племя Мономахово было сильнее всех других племен, или линий княжеских, сильнее обширностью и богатством волостей: Мстислав владел Киевом, Новгородом и Смоленском, в Новгороде княжил сын его Всеволод, в Смоленске — другой, Ростислав; братья Мстиславовы княжили: Ярополк в Переяславле, Вячеслав в Турове, Андрей на Волыни, Юрий в Ростовской и Суздальской земле. Пользуясь своею силою, Мстислав приобрел себе еще княжество Полоцкое: он взял в плен всех князей полоцких и отправил их в Грецию в изгнание, а в Полоцке посадил сына своего Изяслава. Сильные владениями, Мономаховичи при Мстиславе были сильны братским единомыслием, тогда как между Святославичами черниговскими происходили усобицы: по смерти Олега и Давида Святославичей оставался третий

брат, Ярослав Святославич, который, по обычаю, как старший в племени, и должен был княжить в Чернигове, но племянник его Всеволод Ольгович выгнал его из Чернигова, и Ярослав должен был удовольствоваться северо-восточными владениями своего племени — Рязанью и Муромом; от него пошли князья рязанские и муромские. В Галиции сын Володаря Ростиславича Владимирко соединил все земли под одною своею властью.

По смерти Мстислава Владимировича, случившейся в 1132 году, начинаются усобицы и в самом потомстве Мономаха: и прежде мы видели усобицы между племянниками и дядьями, но прежде эти усобицы происходили оттого, что дядья обижали племянников, не давали им волостей, а теперь, по смерти Мстислава Владимировича, наоборот, усобицы происходят оттого, что племянники, сыновья старшего брата, обнаруживают попытку отнять у младших дядей старшинство и стол киевский. По смерти Мстислава, по обычаю, в Киев перешел княжить из Переяславля старший по нем брат Ярополк; в Переяславль же должен был перейти следующий за Ярополком брат Вячеслав, но вместо того Ярополк перевел туда из Новгорода племянника своего Всеволода Мстиславича; дядья, и особенно самый деятельный из них Юрий Владимирович, восстали за это на племянников, Мстиславичей; враждою между Мономаховичами воспользовались Святославичи черниговские, вспомнили свою обиду, что лишены были старшинства и Киева сперва в пользу Мономаха, а потом сыновей его, и вооружились; таким образом, к усобице между племянниками и дядьями в потомстве Мономаха присоединилась еще усобица между Мономаховичами и Ольговичами (ибо в потомстве Святослава Ярославича главную роль играет линия сына его Олега). Этою же усобицею, ослаблением сил у Мономаховичей воспользовались князья полоцкие, возвратились из Греции и заняли свои прежние владения.

Когда умер Ярополк Владимирович в 1139 году и старший по нем брат его Вячеслав Владимирович занял Киев, то Всеволод Ольгович черниговский выгнал его оттуда, выставя свое старшинство в целом роде. Мономаховичи не могли помешать ему утвердиться здесь: как нарочно, самый старший теперь из них, Вячеслав Владимирович, был человек, не способный к правлению; способнее его был другой брат, Юрий Владимирович ростовский, но ему мимо старшего брата трудно было действовать, тем больше что он был во вражде с племянниками своими Мстиславичами; из этих племянников старший, Всеволод, умер в Пскове; следующий за ним брат Изяслав Мстиславич, князь волынский, был лучший князь не только между Мономаховичами, но и между всеми русскими князьями, больше всех князей напоминал народу деда своего, Мономаха, следовательно, был способен бороться с Ольговичами, но Изяслав, как племянник,

мимо дядей не мог принять на себя главной роли: дядя Юрий ростовский никак не хотел допустить его до этого. Пользуясь такими обстоятельствами, Всеволод Ольгович прокняжил в Киеве до самой смерти своей и хотел, чтоб после него княжил здесь родной брат его Игорь Ольгович. Но киевляне этого не хотели; они не любили вообще Ольговичей как чужих князей и не отличавшихся такими привлекательными качествами, как Мономах и многие из его потомков; кроме того, князя в Киеве, Всеволод Ольгович не умел приобрести народной любви, позволяя чиновникам своим притеснять жителей. И вот как скоро Всеволод умер и брат его Игорь хотел княжить на его месте, то киевляне отказались повиноваться ему, несмотря на то что он обещал им назначить чиновников, каких они сами захотят. Они объявили своим князем Изяслава Мстиславича, который выгнал Ольговичей из Киева, причем Игорь Ольгович был взят в плен; после киевляне выразили свою ненависть к Ольговичам тем, что убили Игоря, хотя он уже постригся в монахи.

Изяслав Мстиславич стал княжить в Киеве, но не мог княжить покойно, потому что занял старший стол по тогдашним понятиям незаконно, мимо дядей: дядя Юрий ростовский два раза выгнал его из Киева, и напоследок Изяслав, чтоб избавиться от него, должен был призвать в Киев самого старшего дядю своего, неспособного Вячеслава, покаяться пред ним, объявить, что согрешил, осмелившись мимо него занять старший стол. Вячеслав, довольный честью старшинства, отдал все управление Изяславу, но Юрий не был доволен этою сделкою и требовал непременно, чтоб в Киеве княжил один Вячеслав, чтобы Изяслава при нем не было. На это требование никто не хотел согласиться, ни Вячеслав, ни Изяслав, ни киевляне, которые, увидавши разницу между Изяславом и Юрием, очень невзлюбили последнего. Юрий был разбит и должен был отказаться от надежды одолеть храброго племянника. Во время этой усобицы дяди с племянником в постоянном союзе с Изяславом Мстиславичем был венгерский король Гейза II, женатый на сестре его; постоянным же союзником Юрия Владимировича был галицкий князь Владимирко Володаревич, успевший только хитростью и обманом, к которым прибегал в крайности, удержаться на своем столе против соединенных сил Изяслава и Гейзы. Владимирко умер, оставив княжество свое нераздельным сыну Ярославу по прозванию Осмомысл.

Недолго после Владимирка жил и Изяслав Мстиславич: он умер в 1154 году. Старик Вячеслав принял к себе в сыновья и в правители Киевского княжества вместо Изяслава другого брата его, Ростислава, князя смоленского, после чего скоро умер. Ростислав, князь добрый и набожный, не был похож на брата храбростью и распорядительностью; он проиграл сражение против старшего тогда между черниговскими князьями Изяслава

Давыдовича (двоюродного брата Всеволода Ольговича), бросил Киев и бежал в старую свою волость — Смоленск. Изяслав Давыдович сел было в Киеве, но принужден был уступить его Юрию Долгорукому. На этот раз Юрий остался княжить в Киеве до самой смерти своей, случившейся в 1157 году. Ростислав Мстиславич, оставшийся по смерти Юрия старшим в потомстве Мономаха, позволил занять Киев опять Изяславу Давыдовичу. Но на Волыни княжил сын знаменитого Изяслава Мстиславича Мстислав Изяславич, храбростию и деятельностью похожий на отца: когда Изяслав Давыдович поссорился с галицким князем Ярославом, то Мстислав соединился с последним, выгнал Изяслава Давыдовича из Киева и посадил здесь дядю Ростислава, а по смерти его сам сел в Киеве. Но, занявши Киев, Мстислав Изяславич находился в таком же положении, как прежде отец его, ибо не был старшим в потомстве Мономаха: старшим был двоюродный дядя его Андрей Юрьевич Боголюбский, сын Юрия Долгорукого, княживший, подобно отцу, на севере, в земле Ростовской. Подобно отцу, Андрей не хотел видеть в Киеве племянника своего Мстислава и, воспользовавшись неудовольствием, которое тот возбудил против себя в князьях южных, послал против него большое войско в 1160 году. Мстислав не мог сопротивляться соединенным силам одиннадцати князей. Киев был взят и страшно разграблен

ГЛАВА IX

ОТ ВЗЯТИЯ КИЕВА ВОЙСКАМИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО ДО КОНЧИНЫ МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА

Казалось, что возобновятся старые времена, когда отец Андрея, Юрий, боролся с отцом Мстислава, Изяславом, но вышло иначе. Андрей, рожденный и воспитанный на севере, приходил на юг во время усобицы отца своего с Изяславом Мстиславичем, когда уже ему было за тридцать лет, отличился здесь большою отвагою, но с самого начала показывал нерасположение к югу, и когда отец его Юрий, утвердившись окончательно в Киеве, хотел, чтоб Андрей поместился подле него в Вышгороде, то Андрей вопреки воле отцовской ушел из Вышгорода на север и стал там княжить. Теперь, вооружившись против Мстислава Изяславича во имя прав своих за старшинство, Андрей не повел сам войска к Киеву, и когда этот город, к которому у прежних князей было непреодолимое стремление, был взят его войском и соперник изгнан, то Андрей не приехал в столичный город

отцовский и дедовский, отдал Киев брату Глебу, а сам остался на севере, оттуда распоряжаясь делами на юге как старший и сильнейший князь. Таким образом, со времен Андрея Боголюбского выступает на главную сцену вместо Южной Северная Россия с своими особенностями в природе страны, в характере народонаселения и в отношениях политических, отчего и русская история должна была с этих пор принять особенный характер. На севере, в княжестве Боголюбского и отца его Юрия, главным городом был Ростов Великий, за ним второе место по старшинству занимал Суздаль, большая часть других городов была построена в позднейшее время, особенно при Юрии Долгоруком, между ними была и Москва, о которой в первый раз упоминается в летописи в 1147 году. Жители Ростова, как жители других старших русских городов, Киева, Новгорода, Полоцка, Смоленска, в важных случаях сходились по звону колокола на совещания, или веча, решали тут дела, и приговору этих вечей повиновались города младшие, или *пригороды*. Так, когда Андрей без воли отцовской приехал с юга на север, то ростовцы взяли его к себе в князя вопреки распоряжению Юрия, который хотел, чтоб Андрей остался на юге, а север назначал младшим своим сыновьям — Михаилу и Всеволоду. Но Андрей не остался жить в Ростове, а утвердил свое пребывание во Владимире (Залесском, на реке Клязьме), городе новом, не привыкшем решать дела свои на вечах самостоятельно, в котором, следовательно, власть княжеская не могла встретить для себя препятствия, потом Андрей выгнал из своего княжества младших братьев и племянников от умершего старшего брата Ростислава Юрьевича, выгнал и старых бояр отцовских, делал он это, говорит летописец, желая быть самовластцем. Хотел он быть самовластцем не на одном севере, но и во всей Руси и потому переменил обращение свое с другими князьями. До сих пор младшие смотрели на великого князя только как на старшего в роде, а не как на государя, и потому он должен был обращаться с ними по-родственному, как с братьями только, не требовал безусловного повиновения. Но Андрей начал смотреть на дело иначе, и это обнаружилось вот по какому случаю.

Брат его Глеб умер в Киеве; сыновья князя Ростислава Мстиславича, князья смоленские, выпросили у Андрея Киев и окрестные города себе, Андрей согласился, и Роман Ростиславич сел в Киеве, а младшие его братья — по другим городам. Но скоро Андрею дали знать, что брат его Глеб умер не своею смертию, и указали на некоторых бояр киевских как на отравителей его. Андрей потребовал, чтоб Ростиславичи выдали ему этих бояр, но те не послушались; тогда Андрей велел им идти вон из Киевской области и особенно сердился на одного из них, Мстислава Ростиславича, самого храброго, который из детства никого не

боялся, кроме Бога одного. Ростиславичи не послушались, не вышли из Киева; мало того, Мстислав опозорил посланника Андреева и велел сказать великому князю: «Мы признали тебя старшим, а ты стал обходиться с нами не как с князьями, а как с подручниками: так Бог нас рассудит». Андрей опять послал большое войско на юг, но на этот раз оно долго без всякого успеха стояло под стенами Вышгорода, где засел Мстислав Ростиславич, и, наконец, обратилось в бегство. Скоро после этого приближенные к Андрею люди, ожесточенные его строгостью, составили заговор и убили его в 1174 году.

Смертью Андрея хотели воспользоваться недовольные его правлением бояре и ростовцы, хотели выбрать себе такого князя, который бы не подражал Андрею, а вел себя по старине; они выбрали не сына Андреева Юрия и не братьев его Михаила и Всеволода, законных наследников и по старшинству, и по распоряжению Юрия Долгорукого: они выбрали Мстислава и Ярополка Ростиславичей, племянников Андреевых от старшего брата, Ростислава, давно умершего, которые по тогдашним понятиям не имели при жизни дядей права на престол и, будучи обязаны за свое возвышение боярам и ростовцам, должны были поступать во всем по их желанию. Ростиславичи, изгнанные, как мы видели, Андреем с севера, жили в Чернигове вместе с дядьми своими Михаилом и Всеволодом, также изгнанными. Получив приглашение от бояр и ростовцев, они поехали на север, но дядья также поехали туда, не желая отказываться от своих прав. Бояре и ростовцы не хотели и слышать о Юрьевичах — Михаиле и Всеволоде, но владимирцы приняли к себе Михаила как своего законного князя. Владимирцы должны были сделать это, потому что в случае торжества ростовцев они должны были отказаться не только от первенства, которое дал им Андрей, утвердивши у них свое пребывание, но даже и от независимости, потому что ростовцы, озлобленные против них за предпочтение, оказанное их городу Андреем, говорили: «Владимир — наш пригород, там живут наши холопы, каменщики, сожжем их город и посадим у них своего посадника». Бояре и ростовцы с своими князьями Ростиславичами осадили Михаила во Владимире; владимирцы оборонялись семь недель; наконец, доведенные до крайности голодом, отказались от Михаила, но удерживали по крайней мере независимость, потому что старший из Ростиславичей Мстислав сел княжить в Ростове, младший его брат Ярополк — во Владимире. Но владимирцы недолго могли быть покойны: дружина Ярополкова, набранная в Южной Руси, где он прежде жил, грабила народ, который особенно был выведен из терпения тем, что сам князь стал грабить великолепную церковь Богородицы, построенную во Владимире Андреем Боголюбским. Владимирцы жаловались ростовцам, но те на словах были только за

них, а на деле были рады их беде; тогда владимирцы сговорились избавиться от Ростиславичей и призвали опять Михаила. На этот раз Михаил разбил Ростиславичей, выгнал их и утвердил свой стол во Владимире, а брат его Всеволод сел в Переяславле Залесском, также младшем городе; старший, Ростов, был покинут. Это было в 1175 году, а в следующем 1176 году Михаил умер.

ГЛАВА X

КНЯЖЕНИЕ ВСЕВОЛОДА III ЮРЬЕВИЧА

По смерти Михаила владимирцы и переяславцы присягнули брату его Всеволоду и детям его (здесь в первый раз упоминается о присяге и детям), но ростовцы и большая часть бояр опять вызвали к себе прежнего князя своего Мстислава Ростиславича. Всеволод разбил Мстислава, после чего Ростов окончательно должен был уступить свое место Владимиру. Всеволод вел себя точно так же, как брат его Андрей Боголюбский. Он не дал волостей племянникам, подчинил себе Рязань, Новгород, распоряжался Киевом. В южной Руси продолжались прежние усобицы между Мономаховичами и Ольговичами. Всеволод поддерживал в Киеве своих, Мономаховичей, но не хотел и окончательного низложения Ольговичей, чтоб не дать слишком большой силы Мономаховичам; заводил ссоры и между самими Мономаховичами. С Ольговичами вели борьбу за Киев Ростиславичи смоленские, из которых старший, Рюрик, был посажен Всеволодом в Киеве; но самым знаменитым из них по храбрости был сын Мстислава Ростиславича Храброго Мстислав Удалой, князь торопецкий, бывший, подобно отцу, образцом старого южнорусского князя: он не думал об усилении себя и детей своих на счет других князей, не думал об умножении своих волостей, но заботился только о том, как бы прославить себя воинскими подвигами, любил решать споры битвами, в которых видел суд Божий; с дружиною своею, славною также храбростью, он переезжал из одного конца русских владений в другой, являлся всюду, где только нужно было защитить слабого от сильного и поддержать старину. Этим характером своим Мстислав Удалой представлял противоположность характеру Всеволода III, который в свою очередь был образцом большей части потомков своих, князей северных: был очень осторожен, не охотник до решительных действий, до решительных битв, которыми можно было вдруг выиграть, но можно вдруг и потерять, уступчив в тех случаях, где видел успех неверный, но постоянен в стремлениях к достижению цели, а цель эта, как у него, так и у потомков его,—приобрести

как можно больше владений, усилить себя на счет всех других князей, подчинить их себе; это-то стремление Всеволода III и потомков его и было средством к утверждению единовластия в России.

Так разнились между собою князья из разных линий Мономахова потомства — Ростиславичи, потомки Мстислава Великого, и Юрьевичи, потомки Долгорукого, но мы видели, что у Мстислава Великого был сын старше Ростислава, знаменитый Изяслав Мстиславич, у которого был сын Мстислав Изяславич, выгнанный из Киева войсками Боголюбского. У этого Мстислава, который должен был ограничиться Волынским княжеством и умер тут, был сын Роман. В этой линии княжеской блестящие способности, храбрость и деятельность были наследственными: Роман Мстиславич, похожий на отца и деда, обратил свое внимание не на Киев, уже потерявший прежнее значение, но на запад, на богатое княжество Галицкое, и успел утвердиться здесь, когда линия князей галицких, Ростиславичей, пресеклась Владимиром, сыном Ярослава Осмомысла. Но здесь, в Галиче, были очень сильны бояре, сильнее, чем в других княжествах русских, и Роман, чтоб утвердиться здесь, должен был действовать против них жестокими средствами, истреблять их. Роман был убит в войне с поляками, оставив по себе дурную память между боярами галицкими и славную — в преданиях народных за свои подвиги в войнах с половцами, ятвягами и литвою. По смерти Романа осталось двое малолетних сыновей — Даниил и Василько. Бояре выгнали их и начали призывать на Галицкое княжество то того, то другого из соседних владетелей, и пошла борьба за Галич между князьями русскими — Мономаховичами и Ольговичами, также между поляками и венграми. В то же время на северо-западе, на берегах Балтийского моря, среди дикой чуди, платившей дань князьям полоцким, утвердились немцы. Монах Мейнгард, получивший потом от папы сан епископа, стал обращать туземцев ливонских в католицизм; так как они оказывали сильное сопротивление, то третий после Мейнгарда епископ, Альберт, построивший город Ригу, основал в 1201 году орден Рыцарей Меча, чтоб держать туземцев постоянно в повиновении и распространять владения рижской церкви. Полоцкие князья были так слабы, что не могли сопротивляться рыцарям и должны были уступить им все свои владения в Ливонии.

В таком положении находилась Россия в конце княжения Всеволода III. Подобно брату своему Андрею, и Всеволод пред концом жизни испытал неудачу от южного князя, именно Мстислава Мстиславича Удалого, который, видя, что Всеволод притесняет новгородцев, явился на помощь к последним и заставил Всеволода отказаться от Новгорода. Потом великий князь потерпел огорчение и от родного сына: живя во Владимире, Всеволод

послал управлять Ростовом старшего сына Константина, а пред смертью сделал распоряжение, чтоб Константин, ставши великим князем, переехал во Владимир, а Ростов отдал второму сыну, Юрию. Но Константин не был доволен таким распоряжением и требовал от отца, чтоб тот кроме Владимира дал ему и Ростов. Всеволод рассердился, лишил Константина великого княжения и отдал его второму сыну, Юрию, после чего умер в 1212 году.

ГЛАВА XI

СОБЫТИЯ ОТ КОНЧИНЫ ВСЕВОЛОДА III ДО НАШЕСТВИЯ ТАТАР

Константин Всеволодович не мог спокойно сносить того, что старшинство досталось мимо него младшему брату, и потому тотчас по смерти отца начинаются между ними усобицы. Но эти усобицы сначала ограничивались мелкими действиями, до тех пор пока не вступил в дело князь южный, знаменитый Мстислав Мстиславич Удалой, а вступился он в дело опять по поводу Новгорода У Константина и Юрия Всеволодовичей был еще третий брат, Ярослав, княживший в Переяславле Залесском. Это был самый деятельный и предприимчивый из сыновей Всеволода III, он не упускал случая делать приобретения. Новгородцы позвали его к себе княжить, а он захотел утвердить над ними свою власть навсегда. Для этого он выехал из Новгорода, засел в Торжке и не стал пропускать в Новгород съестных припасов, отчего там сделался голод. Напрасно новгородцы упрашивали его возвратиться в Новгород: он ничего не хотел слушать, задерживал бояр и купцов новгородских. В это время приезжает в Новгород Мстислав Удалой, созывает вече и говорит: «Не быть Торжку Новгородом, а Новгороду Торжком!» Новгородцы и Мстислав целовали друг другу крест—не расставаться ни в животе, ни в смерти, и Мстислав говорил: «Либо отыщу людей и волости новгородские, либо головою повалю за Новгород». И действительно выступил против Ярослава; тот начал отступать на восток. В ссоре между сыновьями Всеволода III Ярослав держал сторону брата Юрия против Константина; теперь Юрий был за него, а Мстислав вступил в союз с Константином. На реке Липице произошла битва, Мстислав победил, заставил Юрия отказаться от старинства и Владимира и вместо его посадил Константина. Но Константин недолго был великим князем: в 1219 году он умер, и Юрий опять получил старшинство и сел во Владимире, а дети Константина стали княжить в Ростове

Юрий счастливо продолжал борьбу с болгарами и мордвою; в земле мордовской он довел границы своих владений до устья Оки в Волгу, где построил Нижний Новгород. В то время как на северо-востоке распространялись русские владения на счет варваров, на юго-западе надобно было защищать старый русский Галич от чужих народов. Венгры овладели им, начали притеснять православную веру. И тут, как везде, на помощь притесненным явился Мстислав Удалой, прогнал венгров и стал княжить в Галиче, выдав дочь за Даниила Романовича, который, выросши в бедах, в гонениях, окреп духом и телом и обещал идти по следам отцовским и дедовским. Но бояре галицкие, желая управлять сами, не хотели иметь у себя такого князя, как Даниил, и потому уговорили Мстислава выдать другую дочь за венгерского королевича и отдать ему Галич. В других княжествах южной Руси было спокойно, Мономаховичи не ссорились с Ольговичами, когда в 1224 году прибежали в Киев половцы и объявили о новом, неслыханном враге.

ГЛАВА XII

НАШЕСТВИЕ ТАТАР

В степях на северо-запад от Китая жили издавна два кочевых народа — монгкулы и тата. В первой четверти XII века один из монгольских ханов, Темучин, известный больше под именем Чингисхана, великого хана, начал покорять себе других ханов, сделался мало-помалу единственным повелителем обоих народов и замыслил посредством их покорить себе весь мир. В 1224 году двое полководцев его прошли обычным путем кочевых орд — между Каспийским морем и Уральскими горами, — вошли в землю половцев и поразили их. Половецкий хан Котян, тесть Мстислава Удалого, стал упрашивать зятя и других князей русских подать ему помощь. Князья съехались в Киев на совет и решили идти навстречу татарам. 16 июня произошла между ними битва на реке Калке; половцы, бывшие вместе с русскими, первые обратились в бегство и дали победу татарам; поражение было страшное, какого не бывало от начала русской земли, погибло восьмеро князей и семьдесят богатырей. Татары пошли следом за бжавшими русскими, но, опустошивши несколько волостей, возвратились от Днепра назад в степи, и долго после этого не было о них слышно на Руси.

Здесь в 1228 году умер Мстислав Мстиславич Удалой, после чего начинаются опять войны и усобицы за Галич; враги со всех сторон поднялись на Даниила Романовича. Три раза он должен был брать Галич с бою: два раза у венгров, третий раз у князя

Михаила черниговского. От врагов внешних он успел наконец избавиться, но трудно ему было сладить с врагами внутренними, с боярами, которые поднимали крамолу за крамолой, сносясь с его врагами, замышляя убить его. В области Днепровской происходили по-прежнему усобицы между Мономаховичами и Ольговичами; этими усобицами захотел воспользоваться самый деятельный из северных князей Ярослав Всеволодович переяславский; он успел опять утвердиться в Новгороде, а теперь задумал овладеть Киевом и действительно овладел им, но пробыл недолго на юге: с севера пришли страшные вести о втором татарском нашествии.

В 1227 году умер Чингисхан; ему наследовал сын его Угедей (Октай), который отдал племяннику своему Батюю страну между Яком (Уралом) и Днепром, то есть прежние кочевья половецкие. В 1236 году этот Батый, собравши 300 000 войска, вошел в землю болгарскую, опустошил ее, а в следующем году татары явились в рязанских пределах и потребовали от тамошних князей десятины от всего, от людей и от скота. «Когда никого из нас не останется, тогда все будет ваше»,— отвечали князья. Батый взял Рязань, опустошил всю страну, потом, двигаясь далее на север, разбил войско великого князя Юрия у Коломны, сжег этот город, сжег Москву и 3 февраля 1238 года осадил Владимир, откуда великий князь выехал на Волгу собирать войско. 7 февраля Владимир был взят и сожжен, причем погребло все семейство великокняжеское. От Владимира татары пошли дальше, разделившись на несколько отрядов, и пленили всю страну Поволжскую, в один февраль месяц взяли четырнадцать городов. 4 марта татары встретились с великим князем Юрием, который стоял на реке Сити; после злой битвы русские полки побежали, сам великий князь был убит. От Сити татары пошли к юго-западу, взяли Торжок и, не дошедши 100 верст до Новгорода, остановились, боясь приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку, на степь. На этой дороге Батый был задержан семь недель у города Козельска, жители которого упорно отбивались и перебили 4000 неприятелей; татары взяли наконец Козельск, истребили всех его жителей и прозвали его злым городом.

В 1239 году татары из степей половецких явились в южной России, сожгли Переяславль, Чернигов, а в 1240-м сам Батый осадил Киев; жители долго и упорно защищались под начальством боярина Дмитрия, присланного к ним князем Даниилом галицким; наконец 6 декабря Батюю удалось овладеть Киевом, после чего он двинулся на запад и опустошил Волынь, откуда князь Даниил бежал в Венгрию. Боярин Дмитрий, взятый в плен в Киеве и поощренный за храбрость, видя опустошение русских земель, стал говорить Батюю: «Будет тебе здесь воевать; время

идти на венгров; если же еще станешь медлить, то там земля сильная, соберутся и не пустят тебя в нее». Батый послушался и в 1241 году перешел Карпатские горы; татары опустошили Венгрию, Силезию, Моравию, но не шли дальше, потому что сильные полки чешские (богемские) и австрийские загородили им дорогу. Батый возвратился в свои приволжские степи, и соседняя Россия должна была признать его владычество, платить ему дань. С этих пор южная, днепровская Русь, вконец опустошенная татарами, окончательно сходит со сцены, и жизнь русская сосредоточивается на севере.

ГЛАВА XIII

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ОТ ПОЛОВИНЫ IX ДО ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКА

1) *Общий взгляд на события описанного времени.* Если мы сравним известия летописи о быте славянских племен до половины IX века с известиями о событиях на Руси XI и XII веков, то увидим великую разницу, происшедшую именно вследствие призвания князей, собравших племена в один народ. Племенные названия исчезают; не встречаем больше названий. поляне, древляне, северяне, кривичи, меря, эти названия заменяются названиями областей, от имени главного, стольного города происшедшими: киевляне, владимирцы, черниговцы, смольняне, ростовцы, и все эти области, при видимом разделении, связаны между собою, жители их понимают, что составляют один народ русский, живут все в одной земле русской, хотя в тесном смысле Русью продолжает называться Киевское княжество. Каждая область имела своего князя, независимого в делах внутреннего управления, но князья эти владели русскою землею сообща и меняли свои княжества, подвигаясь по старшинству к главному столу, киевскому; вследствие этого области находились в тесной связи: смерть киевского князя была событием одинаковой важности как для киевлянина, так и для черниговца, и для смольнянина, и для отдаленного ростовца и новгородца, ибо она влекла за собою перемены в их родных областях; самые убоицы княжеские за старшинство, за обладание Киевом, укрепляли сознание о единстве земли, потому что вследствие их дружины северные стремились на юг, южные — на север; несмотря на огромное расстояние областей русских, например Волыни от Ростова или Новгорода, жители их принимали участие в делах друг друга благодаря этой нераздельности княжеского рода.

2) *Значение князя.* Название князя на Руси принадлежало только членам Рюрикава потомства и не отнималось ни у кого из них ни в каком случае; старший между ними назывался великим князем. Князь был призван для того, чтобы княжить и владеть, по словам летописи; он заботился об утверждении порядка в земле, о деле военном, о законах. Князь обыкновенно был главным вождем во время войны и верховным судьей во время мира, он наказывал преступников, его двор был местом суда, его слуги были исполнителями судебных приговоров. Князь собирал дань с жителей своей области; кроме того, в его пользу шли пошрины, которые брались при продаже товаров, с обвиненных при решении дел судебных; наконец, большой доход князьям приносили принадлежавшие им земли, населенные рабами: на этих землях князья устраивали себе дворцы, где складывались всякого рода вещи, нужные в хозяйстве, — мед, вино, медь, железо и т. п. Эти земли, доставлявшие множество съестных припасов, давали возможность князьям угощать беспрепятственно дружиноу, духовенство, иногда всех жителей городских.

3) *Дружина и войско.* Подле князя видим дружину, с которою он обо всем советуется, ходит в походы, за данью, охотится, пирует; из членов дружины назначал князь правителей в города, или посадников, воевод для городских полков, или тысяцких, приставников при разных делах, или тиунов; хороший князь по тогдашним понятиям ничего не щадил для дружины, что получал, все издерживал на нее, ничего не откладывал собственно для себя, потому что с храброю, преданною дружиною никогда не мог быть беден. Дружиннику было хорошо при князе: он был его советником (*думцем*), получал от него обильное содержание, и денежное жалованье, и доходные места, а если ему что-нибудь не нравилось, то мог свободно переходить от одного князя к другому: это не считалось изменою, ибо князья владели сообща русскою землею. Не будучи привязан к одному какому-нибудь князю, дружинник не был привязан и к одному какому-нибудь княжеству, но сопровождал князя, в службе которого ему нравилось, из одного княжества в другое. Это движение не давало дружинникам возможности усиливаться в качестве постоянных богатейших землевладельцев; не могли они усилиться и как посадники, правители волостей, городов, потому что с самого начала князья — потомки Рюрика чрезвычайно размножаются, вследствие чего все сколько-нибудь значительные города и волости находятся в управлении самих князей, а не посадников их.

Сначала, при первых князьях, дружины наполняются преимущественно варягами, но скоро потом они являются вполне туземными, хотя доступ в них постоянно был открыт всякому чужестранцу, известному своею храбростию. Дружина разделялась на старшую — бояр, или бояр, советников, думцев князя

по преимуществу, и на младшую — людей молодых летами и подвигами (гриди, гридьба); в состав дружины входила также собственная прислуга князя (отроки, детские, пасынки, дворяне). Войско составлялось из дружины и полков, собираемых из остального народонаселения, городского и сельского; ополчения разделялись на конницу и пехоту и располагались пятью отделами: большой полк, два крыла — правое и левое, передовой полк и сторожевой, которого обязанность состояла в наблюдении за неприятелем.

4) *Города*. Городом называлось огороженное укрепленное место, устроенное для защиты от неприятеля: сюда в случае вражьего нападения укрывалось все окрестное народонаселение с семьями и пожитками. В самом городе жил князь или посадник его, окруженный дружиною, под стенами города селились люди промышленные, сначала, разумеется, те, которых изделия всего нужнее были для дружины, мастера оружейные; потом, если город находился на выгодном месте, на большой реке, на торговом пути, то число жителей и богатство их увеличивались; так явились большие города на Руси: Киев, Новгород, Полоцк, Смоленск, но жители, селившиеся подле других небольших городов, занимались обыкновенно земледелием; каменные стены у городов были редкостью, большею частью стены были деревянные. Когда князь предпринимал что-нибудь, то в совет свой вместе с дружиною призывал и городских старцев; так было при первых князьях, но потом, после Ярослава I, видим, что князья созывают всех городских жителей на вече и предлагают им какое-нибудь предприятие, обыкновенно поход; граждане соглашаются или не соглашаются. Особенно значение вече поднялось во время княжеских усобиц, когда города получили возможность выбирать между несколькими князьями-соперниками, выбирать того, кто был ласковее и уступчивее; сила вече зависела также от многочисленности и богатства жителей: были сильные вече в Киеве, Новгороде, Полоцке, Смоленске, Ростове; маленькие же города или пригороды своего вече не имели, а исполняли то, что решат вече больших городов. Особенно сильно было вече в Новгороде Великом: во-первых, по богатству и многочисленности жителей, во-вторых, потому что князья менялись очень часто вследствие усобиц, происходивших на юге, и новгородцы могли выбирать из многих; в-третьих, так как главная сцена действия была на юге, князья бились все около Киева и ближайших к нему городов, то новгородцы могли безопасно менять князей и заключать с ними ряды, или договоры: князья, занятые на юге, не имели средств и охоты ходить с большим войском к далекому Новгороду и заставляя его жителей исполнять свою долю. Но на северо-востоке, где единственный большой старый город, имевший вече, Ростов, упал при сыновьях Юрия Долгорукого

и остались одни малые города, не имевшие прежде вечей, там о вечах, об условиях горожан с князьями, уже не слыхать. Жители городские разделялись на десятки, каждый под начальством своего десятского, десятские зависели от сотских, начальников сотен, а сотские в свою очередь зависели от тысяцкого, или воеводы городского.

5) *Торговля.* Города богатели от торговли; так как самая сильная торговля в древней России производилась на пространстве между Балтийским и Черным морями, на этом водном пути, который соединял Северную Европу с Южною, то самыми богатыми городами были те, которые находились на оконечностях этого пути,— Киев на юге и Новгород на севере; Киев преимущественно торговал с Грециею, был складкою южных европейских и азиатских товаров, а Новгород торговал с скандинавскими и германскими народами; кроме Киева и Новгорода еще два города по выгодному положению своему на том же пути вели большую торговлю: Смоленск и Полоцк. Богатство городов выражалось особенно в многочисленности и богатстве церквей, которые были почти исключительными тогда общественными зданиями.

6) *Сельское народонаселение.* В селах жили или свободные земледельцы, или *челядь*, рабы, принадлежащие владельцам земель; свободные сельские жители управлялись своими старостами.

7) *Законодательство.* Князья были призваны для *правды*, для суда справедливого, беспристрастного, и потому одною из главных забот первых князей был устав земский, о котором они думали с дружиною, старцами городскими и епископами. Ярослав I приписывается писанный устав, известный под именем «Русской Правды». Этот устав первыми строками своими указывает на государство, только что родившееся, в котором еще ясны следы прежнего быта племен, когда они жили порознь, каждый род особо. Так, в случае убийства убийца по «Русской Правде» наказывался не государственною властью по закону, а должны были мстить ему ближайшие родственники убитого: брат должен был мстить за брата, сын за отца, отец за сына, дядя за племянника; если же после убитого не оставалось близких родственников, которые бы за него отомстили, то убийца платил князю пень, *виру*, за простого человека вдвое меньше, чем за члена дружины или слугу княжеского, за женщину вполовину меньше, чем за мужчину. Дети Ярослава отняли у родственников убитого право мстить убийце смертью, а положили, что он должен откупаться деньгами. Когда не было ясных свидетельств преступления, то употреблялось испытание железом, водою, а потом ввелись и судебные поединки.

8) *Церковь.* С самого начала сильное влияние на смягчение нравов, на распространение лучших понятий в обществе оказала

новая религия — христианство. Но благотворное влияние свое христианство успешнее могло оказывать на юге, где оно принялось скорее, на севере же и на северо-востоке язычество еще крепко держалось: здесь проповедники христианства подвергались мученической смерти, как, например, св. Леонтий в Ростове, св. Кукша у вятичей; здесь являлись волхвы и возмущали народ против новой религии, пользуясь особенно физическими бедствиями, голодом. Однажды волхв явился в Новгороде, стал говорить перед народом, что все знает, что может ходить по воде, как посуху; народ поверил ему, и когда епископ вышел на площадь с крестом в руках, то на его стороне стал только князь с дружиною, все же остальные новгородцы стали на стороне волхва; епископа спасла от гибели только решительность князя, который подошел к волхву и разрубил его топором; народ, видя, что старые боги не умели защитить своего слугу, разошелся. Христианство торжествовало видимо, но в народе, особенно в низшем его слое, языческие предания и представления были еще очень сильны: духовенство постоянно жалуется на языческие обычаи, на двуверие народа, который был наполовину христианским, а наполовину оставался при прежних верованиях. Если мы теперь в низшем слое народонаселения встречаем еще много языческих преданий и представлений, то что же было в XII веке? Касательно управления русская Церковь зависела от константинопольского патриарха, который поставлял для нее митрополитов и произносил окончательные приговоры в делах церковных. Митрополиты были обыкновенно греки; из русских были только: при Ярославе I — Иларион, русский и поставленный собором русских епископов без ведома патриарха; потом при Изяславе Мстиславиче — Климент, поставленный также в России без ведома патриарха, но некоторые епископы не соглашались на его поставление. После этой попытки патриарх продолжал присылать митрополита в Киев из Константинополя, но с согласия великого князя. Митрополит с своей стороны поставлял епископов во все епархии, но опять с согласия тамошних князей; новгородцы избирали своих архиепископов, или владык, жребием. Для содержания главных, или любимых, церквей, также домов архиерейских некоторые князья давали десятую часть (десятину) из своих доходов, давали села, слободы, иногда целые города.

Для упрочения христианства нужно было, чтоб оно распространялось не словом только, но самым делом, чтобы новые русские христиане увидели в лучших людях действие христианства и в этом действии признали превосходство новой религии над старою. Такое влияние на молодое русское общество производили монахи, из которых особенно прославились монахи Киевского Печерского монастыря. Основателем монастыря был св. Антоний родом из города Любеча; он был на Афонской горе,

постригся там, возвратился в отечество и поселился в Киеве в пещере на берегу Днепра в княжение Изяслава Ярославича. Слух о подвигах его суровой монашеской жизни скоро разнесся по Киеву, и около него собралась братия, из этой братии знаменитее всех своими подвигами был св. Феодосий, в ранней молодости бросивший богатый дом отцовский, для того чтобы жить суровою монастырскою жизнью. Ставши игуменом Печерского монастыря после Антония, Феодосий был защитником притесненных, у себя в келье ходил за большим монахом, писал поучения монахам и князьям, по ночам отправлялся спорить с жидами; знаменитый повсюду, он отличался смирением необыкновенным. Кроме Антония и Феодосия Печерский монастырь выставил ряд проповедников христианства, епископов, летописцев; в нем видели, как проходил монашеский искуc один из князей черниговских, Святослав (Святоша) Давыдович, как он рубил дрова, был привратником и служил при трапезе братской. Для содержания своего и в это уже время монастыри имели недвижимые имущества, до нас дошла в подлиннике грамота великого князя Мстислава Владимировича (1128—1132 годов) новгородскому Юрьеву монастырю на волюсть; это древнейшая подлинная грамота, до нас дошедшая.

9) *Просвещение.* С распространением христианства распространилась и грамотность: человек благочестивый, который хотел быть крепок в вере, хотел побольше знать о божественном, должен был читать, приобретать книги для собственной духовной пользы и пользы других. Князья и простые люди, священники и монахи обращались к архиереям и знаменитым игуменам с разными вопросами, особенно их занимавшими, те должны были отвечать им, иногда письменно; эти ответы, имевшие всеобщую занимательность, переписывались, распространялись и таким образом дошли до нас. Новых русских христиан занимал вопрос: зачем Христос воплотился — ведь и евреи знали единого истинного Бога? Это нужно было объяснить, и вот еще при Ярославе первый киевский митрополит из русских, Иларион, писал об этом. В Киев приходили христиане римского исповедания; русским людям хотелось знать, какая разница между этим исповеданием и греческим. И католики тоже христиане, а между тем греки их не любят, называют их веру неправою. И вот появились сочинения, показывавшие эту неправоту, между прочим и ответ св. Феодосия на вопрос великого князя Изяслава о вере латинской. Из поучений, написанных для князей, особенно замечательно поучение митрополита Никифора Владимиру Мономаху, из которого мы узнаем об образе жизни этого знаменитого князя. Записывались поучения, которые говорили архиереи в церквах всему народу: так, записано было простое краткое поучение новгородского епископа Луки Жидяты о том, как должен вести себя христианин; записаны одушевленные, красноречивые

проповеди Кирилла, епископа туровского, содержащие в себе объяснения прославления разных евангельских событий; поучения св. Феодосия Печерского, из которых мы узнаем о нравах того времени. Кроме поучений, принадлежащих духовным лицам, до нас дошло поучение, написанное Владимиром Мономахом для своих детей, которых он учит быть благочестивыми, правосудными, никого не убивать, держать свое слово, не зарывать добра в землю, в доме за всем смотреть самим, чтоб гости не осмеяли обеда; вышедши на войну, не надеяться на воевод, а за всем смотреть самим; во время дороги не давать слугам своим обижать жителей; ласкать иностранцев всякого звания, потому что они разносят добрую и дурную славу; учиться всему доброму; в заключение Мономах рассказывает детям о своих трудах. Охота к паломничеству, к путешествиям в Святую Землю распространилась в это время между русскими людьми, и вот дошло до нас описание одного из таких путешествий, совершенного игуменом Даниилом. От этого же времени дошло до нас сочинение другого Даниила: «Послание Даниила Заточника к князю Юрию Владимировичу Долгорукому»; сочинение это наполнено изречениями житейской мудрости того времени, собранными, как говорит сам автор, из многих книг.

Самые старинные исторические песни и сказки, дошедшие до нас уже в измененном виде, содержат рассказы о подвигах богатырей времени св. Владимира, о борьбе их с степными народами, которая больше всего занимала народ. После св. Владимира эта борьба продолжалась, больше всех князей приобрел в ней славы Владимир Мономах, и поэтому в летописях мы встречаем следы народных поэтических сказаний о подвигах Мономаха против половцев. От позднейшего времени дошло до нас в целости поэтическое сказание о несчастном походе северских князей, Игоря Святославича с братьями, на половцев — «Слово о полку Игореве». Особенная храбрость этих князей, их ревность добыть себе славы в борьбе с поганами, их великодушие, по которому они не захотели покинуть в беде простых людей, заслуженная поэтому народная любовь к этим князьям, любопытные подробности похода, необыкновенная удача в начале, необыкновенное бедствие в конце, наконец, удивительное спасение Игоря из плена — все это должно было возбудить внимание народа к событию, которое и стало предметом поэтического сказания. Наконец, от описываемого времени дошли до нас летописи, то есть погодные записки о событиях; дошли они до нас в виде сборников, составленных из разных летописей, написанных в разных местах разными лицами, но предание сохранило нам имя древнейшего летописца, монаха Киево-Печерского монастыря преподобного Нестора. С половины XI века мы замечаем в летописях явные следы, что события записываются современниками и даже

очевидцами; до этого же времени события записаны по устным преданиям. До нас дошли в целости и в отрывках летописи, написанные в Киеве, Новгороде, на Волыни, в Полоцке, в области Черниговской, в области Ростовской или Суздальской. Влияние этих различных местностей отразилось на характере летописного рассказа: так, летописи южные — Киевская и Волынская — отличаются живостию, полнотою рассказа, в них описываются не только действия исторических лиц, но и приводятся речи их, отчего эти лица и являются людьми живыми. Новгородская летопись отличается краткостю и силою. Рассказ суздальского летописца сух, не имея силы новгородской речи, и вместе многоглаголив без художественности речи южной.

ГЛАВА XIV

ОТ БАТЫЕВА НАШЕСТВИЯ ДО КОНЧИНЫ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА НЕВСКОГО

К счастью для России, после Батыева нашествия оставался в живых самый деятельный, предприимчивый и распорядительный из сыновей Всеволода III, Ярослав Узнавши о погибели старшего брата Георгия, он приехал из Киева во Владимир, очистил церкви от трупов, собрал людей, оставшихся в живых после татар, утешил их. О сопротивлении татарам нечего было и думать; надобно было другим средством предохранить опустошенную страну от нового опустошения, и Ярослав отправился в Орду к Батью, который раскинул стан свой на берегу Волги; чрез несколько времени великий князь поехал к великому хану в Татарию, где и умер в 1246 году.

В то время как на востоке русские князья принуждены были признать над собою власть татарских ханов, ездить к ним в степь кланяться и обдаривать их, западные русские области, Новгород и Псков, подвергаются сильным нападениям с трех сторон: со стороны шведов, ливонских рыцарей и Литвы. Шведский владетель Биргер, побуждаемый папскими посланиями, вздумал идти на русских крестовым походом для обращения их в католицизм. В Новгороде в это время княжил сын Ярослав Александр. Узнавши, что шведы пришли в устье Ижоры в Неву, Александр с небольшою дружиною выступил против неприятеля и 15 июля 1240 года нанес ему сильное поражение, за что получил прозвание Невского. Шведы ушли, но в том же году уехал из Новгорода и Александр, рассорившись с его жителями, потому что вел себя с ними, подобно отцу и деду. А между тем немцы ливонские взяли Изборск, разбили псковичей и стали владеть во Пскове вместе с изменником Твердилою Ивановичем. Немцы не довольствовались Псковом, но стали завоевывать и новгородские области: в тридцати верстах от

Новгорода не было проезда купцам. В такой беде новгородцы опять послали за Александром Ярославичем; тот приехал, очистил от немцев и Новгородскую область, и Псков и 5 апреля 1241 года одержал над немцами знаменитую победу на льду Чудского озера, почему она и слывет ледовым побоищем; немцы должны были заключить мир и отступились от всего ими захваченного. Остались литовцы, которых толпы опустошали новгородские владения; Александр три раза поразил их.

Так прославился Александр в своей молодости отбитием трех врагов от границ русских. Но по смерти отца начиналась для него другая, печальная деятельность. По смерти Ярослава великим князем во Владимире стал брат его Святослав; Александр Невский с храбростью древних южных князей соединял холодную рассудительность князей северных; он бился храбро со шведами, немцами и Литвою, потому что видел возможность одолеть их; сопротивляться татарам он не видел никакой возможности и потому употреблял все средства, чтоб не раздражить ханов против России. По смерти отца он поехал к Батюю вместе с братом Андреем, а между тем в отсутствие их на Руси произошла важная перемена: один из младших братьев их, Михаил прозвищем Хоробрит, князь московский, отнял у дяди Святослава великое княжение и сам заступил его место. Этот поступок Михаила очень замечателен, потому что московский князь действует тут только по праву сильного, презирая все прежние родовые права: он вооружается против дяди, не будучи старшим из племянников. Михаил скоро погиб в битве с литовцами еще до возвращения старших братьев из Орды, где Александра утвердил хан на столе киевском и новгородском, Андрею же дал великое княжение Владимирское; дядя Святослав остался и на этот раз в стороне, но и Андрей недолго княжил во Владимире: изгнанный татарами в 1252 году, он принужден был бежать в Швецию, а великое княжество Владимирское получил Александр Невский. После Андрей возвратился в отечество и получил от брата Суздаль.

Ставши великим князем, Александр Ярославич больше всего хлопотал о том, чтоб сдерживать своих подданных от восстаний против татар, с которыми они не были в силах бороться. Еще при Ярославе татары сделали первую перепись народа в России для сбора дани. По смерти Батюя при брате его Берке была вторая перепись: приехали татарские посланники, сочли всю землю, поставили десятников, сотников, тысячников, темников (начальников над 10 000), не считали только духовенства. В это время в Новгороде уже образовались две стороны: сторона лучших и сторона меньших людей (аристократическая и демократическая). Лучшие соглашались на перепись, но меньшие не хотели; насилу Александр мог уговорить их. Но когда успокоились новгородцы, поднялись волнения на востоке: здесь народ был выве-

ден из терпения насилиями татарских откупщиков дани, которые и были выгнаны из Ростова, Владимира, Суздаля, Переяславля и Ярославля. Полки татарские уже посланы были пустошить за это Россию; тогда Александр, чтоб отмолить людей от беды, поехал в четвертый раз в Орду и успел в своем деле, но это было уже последнее его дело: на возвратном пути он умер в Городце Волжском 14 ноября 1263 года, «много потрудившись за землю русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение, отдавая живот свой, и за правоверную веру». Сохранение русской земли от татарского нашествия на востоке, подвиги за веру и землю против шведов, немцев и Литвы на западе доставили Александру славную память на Руси, сделали его виднее всех князей от Мономаха до Дмитрия Донского.

ГЛАВА XV

КНЯЖЕНИЕ БРАТЬЕВ НЕВСКОГО, ЯРОСЛАВА И ВАСИЛИЯ

Александру Невскому наследовал по старине брат его Ярослав Ярославич, князь тверской. Новый великий князь, поступая в Новгороде подобно своим предшественникам, возбудил против себя новгородцев, которые его выгнали, но он не хотел оставить этого дела так: стал собирать полки и послал в Орду с просьбою о помощи на новгородцев, которых выставил противниками татар. Хан отправил уже войско к Ярославу, и Новгороду грозила большая беда, но он был спасен родным братом Ярослава, Василием, князем костромским, который поехал в Орду, сказал хану, что новгородцы правы, и воротил с дороги татарское войско. Ярослав с одними своими силами не мог сладить с новгородцами, должен был прислать к ним с поклоном и стал у них княжить на всей их воле. В княжение Ярослава, именно в 1266 году, кончилось первое, самое тяжелое двадцатипятилетие татарского ига; в этом году, говорят летописи, умер хан Берке и была ослаба Руси от насилия татарского; Берке был первый хан, который переменял языческую веру на магометанство. На западе, у Новгорода и Пскова, по-прежнему шли войны с Литвою и немцами. В Литве в это время произошли усобицы, вследствие которых прибежал в Псков один из князей литовских, именем Довмонт, принял крещение под именем Тимофея и был посажен псковичами княжить. Псковичи не ошиблись в своем выборе: отличаясь христианскими добродетелями, Довмонт отличался с тем вместе храбростью, оборонял Псков от Литвы и от немцев, предпринимал удачные походы и внутрь земли неприятельской. Он участвовал и в знаменитом походе новгородцев в Ливонию под начальством семи князей; у Раковора (Везенберга) русские

встретились с немецким войском, а после страшного побоища, какого не видали ни отцы, ни деды, русские победили, потерявши, однако, много убитыми.

В 1271 году умер великий князь Ярослав; ему наследовал на великом княжении брат Василий Ярославич костромской. Казалось бы, что он будет жить в согласии с новгородцами, которых спас прежде от беды, но вместо того Василий тотчас же начинает войну с новгородцами, требует, чтоб они уничтожили выгодный для них договор с прежним великим князем Ярославом. Таким образом, оказалось, что Василий и прежде вступался за Новгород для того только, чтоб не дать усилиться брату своему Ярославу, ибо теперь все великие князья хлопочут только о том, как бы скорее усилить свое княжество на счет других, и обыкновенно с этою целию нападают на Новгород: Василий успел сесть в Новгороде на всей своей воле с помощью татар, но не имел времени предпринять ничего более для усиления Костромского княжества, ибо умер в 1276 году.

ГЛАВА XVI

СУДЬБА ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ ПОСЛЕ ТАТАРСКОГО НАШЕСТВИЯ

После татарского нашествия старинная Русь, Киевская область, потеряла последние силы: Киев сделался ничтожным городом, в котором едва насчитывалось домов с двести; окрестности его представляли пустыню, по которой разбросаны были черепа и кости человеческие; литовцы свободно гуляли по Приднпровью, истребляя и последнее, что осталось после татар; защищаться было некому. Народ разбежался или в северо-восточные русские области или на запад, где в уголке прикарпатском уцелело еще русское княжество, поддержанное знаменитым Даниилом Романовичем. Но и в этом уголке, несмотря на татарское опустошение, доканчивалась старинная усобица между Мономаховичами и Ольговичами; Мономахович Даниил Романович должен был бороться с Ольговичем Ростиславом, сыном Михаила черниговского. Во время татарского нашествия оба они, и Даниил и Ростислав с отцом, скрывались в Польше, но, как только татары схлынули, начали воевать друг с другом; война эта кончилась в 1249 году битвою на реке Сане, где Ростислав потерпел от Даниила совершенное поражение с союзниками своими, венграми и поляками. Так кончилась последняя усобица между Мономаховичами и Ольговичами на юго-западе. Даниил окончательно утвердился на галицком столе, но от Батыея с Волги пришел к нему грозный зов, и Даниил отправился в Орду. Тяжко

было южному князю, в котором рассудительность не преобладала над чувствами, как у северных князей, тяжело было правнуку Изяслава, который привык везде честь свою брать, тяжело было Даниилу унижаться пред степным варваром, становиться перед ним на колени, пить кумыс. Хан отпустил его ласково, но эта ласка показалась Даниилу злою обидою, и все плакали от досады, когда Даниил, возвратившись домой, рассказал о ласке татарской: «злее зла честь татарская», говорит по этому случаю летописец южный. Не могли никак помириться с мыслью, что должно остаться подданным хана, Даниил начал хлопотать, как бы свергнуть татарское иго. С одними средствами своего Галича да Воьныни, где княжил брат Даниилов Василько, этого сделать было нельзя,—надобно было вступить в союз со всеми соседними европейскими государствами и предпринять крестовый поход на татар, общих врагов всего христианства; но о крестовом походе в союзе с католическими державами нельзя было думать без соединения с папою, и потому Даниил завел сношения с Римом насчет этого соединения. Папа очень обрадовался, прислал Даниилу венец королевский, писал в разные стороны о необходимости крестового похода против татар; но так как послания папские не имели никакого следствия, то Даниил скоро прервал сношения свои с Римом, удержав, однако, титул королевский, и стал думать, как бы собственными средствами избавиться от татар. Для этого он начал укреплять города, не позволял ханским воеводам утверждаться в низовьях Днестра и вступил в явную войну с слабым воеводою Куремсою; но когда вместо Куремсы пришел другой сильный воевода, Бурундай, то Даниил увидал невозможность бороться с татарами и принужден был по их требованию разорить укрепления своих городов.

Но если Даниил не имел успеха в борьбе с татарами, зато был счастлив в войнах с другими своими соседями. В это время Литва начала усиливаться благодаря ослаблению русских княжеств и единовластию, которое начал утверждать в ней князь Миндовг, варвар хитрый и жестокий, не разбивший средств для достижения своих целей; несмотря на то, Даниил счастливо воевал с ним, и по смерти Миндовга сын его Воишелк признал свою зависимость от брата Даниилова, Василька воьнынского. Так же удачно шла война с ятвягами, которые наконец обещались служить Даниилу и строить города в земле своей. Такие успехи прославили Даниила среди соседей, которые искали его союза и помощи; вследствие этого Даниил принимал участие в борьбе венгров с чехами за Австрию, которой престол был тогда празднен; по уговору с венгерским королем сын Даниилов Роман женился на сестре умершего австрийского герцога Фридриха и в приданое брал Австрию; но венгерский король обманул Романа, не дал ему помощи против чешского короля Оттокара, и Даниил должен был отказаться от надежды

посадить сына своего на австрийский престол. Кроме военных подвигов король Даниил славился также своею правительственною распорядительностию: после татарского опустошения он успел привести свою землю в цветущее состояние: населил, обстроил города, усилил промышленность, торговлю. Но должно заметить, что Даниил, желая населить города свои, наполнил их, подобно соседям своим, князьям польским, чужестранцами: немцами, поляками, армянами, жидами; от этого городское население Галицкого княжества, богатое и сильное, но чуждое русской народности, не имело патриотизма, не могло содействовать к поддержанию независимости Галиции. Даниил умер между 1264 и 1266 годами, почти в одно время с Александром Невским. Между этими знаменитыми современниками есть сходство, но есть и важное различие, показывающее именно, что один был южный, а другой северный князь: Даниил, оскорбленный унижением, которое он претерпел в Орде, не мог помириться с мыслью о необходимости татарского ига; Александр, не менее Даниила храбрый и славный своими победами, но более расчетливый, осторожный и благоразумный, признал тяжкую необходимость только дарами и поклонами отмаливать людей своих от беды татарского нашествия; то, что Даниил должен был отказаться от своих надежд свергнуть иго, должен был срыть свои крепости, служит лучшим оправданием поведения Александрова.

По смерти короля Даниила Галицкая земля разделилась между троими его сыновьями, Львом, Мстиславом и Шварном, а Волынь осталась по-прежнему за дядею их, Васильком Романовичем. В Литве сын Миндовгов, Воишелк, пошел в монахи и отдал все свои владения Шварну Даниловичу, женатому на его сестре. Но Шварн скоро умер бездетным, и литовцы опять вызвали Воишелка из монастыря для управления княжеством. Воишелк был убит братом Шварна, Львом Даниловичем, который хотел приобрести себе Литву, но не получил успеха в этом деле, и литовцы выбрали себе князя из своего народа. Из князей восточной стороны Днепра соперник Даниилов князь Михаил Всеволодович черниговский вместе с боярином своим Феодором скончался в Орде мученическою смертию, не желая изменить христианству.

ГЛАВА XVII

БОРЬБА МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

По смерти всех сыновей Ярослава Всеволодовича старшинство, великое княжение Владимирское, досталось старшему сыну старшего из них, Димитрию Александровичу, князю переяславскому. Следуя примеру своих предшественников, Димитрий начал с то-

го, что захотел усилиться на счет Новгорода, но точно так, как прежде Василий Ярославич костромской, боясь усиления старшего брата, Ярослава Ярославича тверского, заступился за Новгород и остановил стремления Ярослава, так точно теперь младший брат Димитрия, Андрей Александрович, князь городецкий, вооружается против старшего брата и, мало того, что хочет остановить усиление последнего,— хочет добыть себе старшинство, ибо старые понятия о праве старшинства теперь все более и более ослабевают. Андрей отправляется в Орду, задаривает хана, получает ярлык на великое княжение и войско татарское против Димитрия; остальные князья русские также соединяются с Андреем против Димитрия. Последний не мог сопротивляться и убежал за Балтийское море. Татары, приведенные Андреем, опустошили Россию, но как скоро они ушли к себе в степь, Димитрий возвратился из-за моря с наемными войсками; Андрей опять уехал в Орду за татарским войском, но в это время Орда разделилась: на берегах Черного моря раскинулась Орда Ногаева, независимая и враждебная Золотой, или Волжской Димитрий обратился сюда к хану Ногаю и с помощью его полков осилил Андрея. Но Андрей вместе с другими князьями опять отправился в Золотую Орду, взял здесь войско и на этот раз окончательно низложил Димитрия, который должен был отказаться от великого княжения и скоро после того умер (1294 г.). И княжение Андрея не было спокойно, князья разделились: одни держали сторону Андрея, другие были против него. В это время, когда старшие Александровичи истощали свои силы в усобице, усиливалось княжество Московское, которым владел младший сын Невского, Даниил. Этот Даниил сперва был в союзе с Андреем против Димитрия, но потом, когда Димитрий был низложен и умер, Даниил вместе с сыном Димитрия, Иваном переяславским, и Михаилом Ярославичем тверским вооружается против Андрея; тот же самый Даниил удачно воевал с князем рязанским, взял его в плен; наконец, Даниилу удалось усилить свое княжество важным приобретением: племянник его, Иван Димитриевич переяславский, умирая бездетным, отказал свое княжество Даниилу, ибо северные князья смотрят теперь на себя как уже на полновластных владельцев своей области, которую могут распорядиться по произволу, тогда как прежде области находились в общем родовом владении и судьба их зависела от распоряжения целого рода княжеского. Великий князь Андрей Александрович не хотел допустить, чтоб московский князь таким образом усилился благодаря новым понятиям и обычаям, но безуспешно. В 1303 году умер Даниил Александрович московский. Старший сын его Юрий также имел в виду, как бы только усилить свое княжество: он не отдал Переяславля дяде Андрею и оторвал Можайск от Смоленского княжества.

ГЛАВА XVIII

БОРЬБА МЕЖДУ МОСКВОЮ И ТВЕРЬЮ
ДО СМЕРТИ КНЯЗЯ ЮРИЯ ДАНИЛОВИЧА
МОСКОВСКОГО

Когда умер Андрей Александрович в 1304 году, то великое княжение Владимирское принадлежало по старшинству тверскому князю Михаилу Ярославичу, но мы уже видели, что место родовых споров между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрий Данилович московский был также силен, если еще не сильнее Михаила тверского, и потому хотел быть сам великим князем владимирским. Соперники отправились в Орду покупать ярлык на великое княжение; Михаил осилил на этом аукционе, наддал больше и возвратился великим князем. Сердяся на Юрия и за соперничество, и за то, что Юрий и ему не отдавал Переяславля, Михаил два раза напал на Юрия, подступал к Москве, но без успеха; подобно предшественникам своим, Михаил старался также усилиться на счет Новгорода; наместники его теснили новгородцев, а когда те не хотели сносить их обид, то Михаил прекратил подвоз съестных припасов в Новгород, принудил его этим заплатить 1500 гривен, и наместники тверские по-прежнему стали притеснять новгородцев. Юрий с своей стороны также хлопотал о том, как бы усилить свое княжество всякими средствами: он убил отцовского племянника, князя рязанского, удержал за собой рязанскую волость Коломну, заставил братьев своих выехать из Москвы в Тверь, значит, не хотел дать им уделов. В таком положении находились дела, когда в 1313 году умер хан Тохта и престол его занял молодой племянник его Узбек. Михаил должен был ехать в Орду, чтоб взять ярлык от нового хана, этим отсутствием решились воспользоваться новгородцы, чтоб с помощью московского князя избавиться от притеснения тверского, как прежде от притеснений отца Михаила, Ярослава, избавились с помощью Василия костромского, от притеснения Дмитрия Александровича переяславского избавились с помощью Андрея городецкого. Новгородцы послали в Москву звать к себе князя Юрия; тот поехал к ним и был принят с радостью. Но недолго они радовались: хан прислал звать Юрия в Орду, и тот поехал вместе с послами новгородскими, а между тем Михаил возвратился из Орды и поразил новгородцев, решившихся ему противиться; Новгороду грозила большая беда, как вдруг пришел Юрий московский из Орды. Юрий недаром жил в Орде: он не только оправдался в обвинениях Михайловых, но умел сблизиться с семейством хана и женился на сестре его Кончаке, которую при крещении

назвали Агафьею. Ханский зять возвратился в Россию с послом татарским Кавгадыем и начал войну с Михаилом. Последний разбил его в 40 верстах от Твери, в селе Бортенева, взял в плен жену его, брата Бориса, многих князей и бояр; Юрий убежал в Новгород; новгородцы и псковичи взяли его сторону и пошли с ним на Михаила; у Волги соперники встретились, но битвы не было: они условились идти в Орду и там решить спор. В это время жена Юрьева умерла в Твери в плену: пронесся слух, что ее отравили. Такой слух был выгоден для Юрия; он отправился в Орду с Кавгадыем, многими князьями, боярами и новгородцами жаловаться хану на Михаила. Кавгадый сильно подкреплял эти жалобы, и Михаил был вызван к хану в 1319 году; его осудили и убили варварским образом за Тереком, недалеко от Дербента, куда хан переселился для охоты.

Юрий возвратился в Москву с ярлыком на великое княжение; тверские князья, дети Михайловы, из которых старшим был Димитрий Михайлович по прозванию Грозные Очи, на время смирились перед Москвою, но, когда Юрий отправился в Новгород защищать его от врагов, Димитрий Михайлович поехал в Орду с обвинениями на Юрия; последний также поехал в Орду; соперники встретились, и Димитрий убил Юрия. Хан за это самоуправство велел убить Димитрия, но великое княжение отдал брату его Александру Михайловичу. Таким образом, на этот раз Тверь вышла все же победительницею из борьбы.

ГЛАВА XIX

ИОАНН I ДАНИЛОВИЧ КАЛИТА

Юрию в Москве наследовал также брат, Иоанн Данилович по прозванию Калита (мешок, сумка для денег). Остальные братья Калиты умерли еще при жизни Юрия, следовательно, он владел Московским княжеством один. Управляя Москвою при жизни Юрия, который беспрестанно был в отлучках, Калита успел сделать для своего княжества важное приобретение: еще в 1299 году митрополит Максим оставил опустошенный Киев, где не мог найти безопасности, и переехал жить во Владимир. Калита умел приобрести расположение преемника Максимова, Петра, который поэтому живал в Москве больше, чем в других местах, умер и погребен в ней. Выбор святого мужа казался внушением Божиим, и новый митрополит, Феогност, уже не хотел оставить гроба и дома чудотворцева. Это утверждение престола митрополичьего в Москве имело важное значение: оно давало ей вид главного города всей русской земли, ибо князей было еще много и один не успел еще подчинить себе всех других,

а митрополит был один; кроме того, престол митрополичий способствовал возрастанию и обогащению Москвы, ибо в нее со всех сторон приезжали лица, имевшие нужду до верховного святителя русской Церкви; наконец, митрополит должен был действовать постоянно в пользу того князя, в городе которого жил. Другие князья предвидели следствия утверждения митрополичьего престола в Москве и сердились, но помочь было уже нельзя.

Но в то время как московский князь утверждением у себя митрополичьего престола приобретал такие важные выгоды, в Твери случилось происшествие, которое было губительно и для князя, и для княжества. В 1327 году приехал туда ханский посол Чолхан, или Шелкан, как его называют наши летописи, двоюродный брат Узбека, и, по обыкновению всех послов татарских, позволял себе и людям своим всякого рода насилия. Тверичи вышли из терпения, встали на татар и всех их истребили вместе с Чолханом. Узбек очень рассердился, узнав об участии Чолхана; этим воспользовался Калита, поехал в Орду и возвратился оттуда с 50 000 татарского войска; Александр бежал в Псков, и Тверское княжество было страшно опустошено. Калита и брат Александров, Константин Михайлович, поехали в Орду: Узбек дал великое княжение Калите, Константину Михайловичу дал Тверь и отпустил их с приказом искать князя Александра. Князья и новгородцы послали в Псков уговаривать Александра, чтоб ехал в Орду, иначе всем им придется пострадать за него от татар. Александр хотел ехать в Орду, но псковичи не пустили его, говоря: «Не езд, господин, в Орду; чтоб ни случилось, умрем с тобою вместе» Видя, что псковичи обещались умереть за Александра, и боясь потерпеть неудачу под Псковом, Калита уговорил митрополита Феогноста отлучить от Церкви Александра и весь Псков, если они не исполнят требования князей. Средство подействовало, Александр сказал псковичам: «Братья мои и друзья! Не будь на вас проклятия ради меня; еду вон из вашего города и снимаю с вас крестное целование». Псковичи со слезами отпустили Александра в Литву, потому что он пришелся им по сердцу своею добротою.

Полтора года пробыл Александр в Литве и, когда гроза приутихла, возвратился к жене в Псков, жители которого приняли его с честью и посадили у себя на княжение. Десять лет спокойно княжил Александр во Пскове, но тосковал по своей родной Твери и беспокоился насчет будущности детей своих. «Если умру здесь,— говорил он,— то что будет с детьми моими? Все знают, что я выбежал из княжества моего и умер на чужбине, так дети мои будут лишены своего княжества» Псков же по формам своего быта не мог быть наследственным княжеством для сыновей его. В 1336 году Александр послал в Орду сына Феодора попытаться, нельзя ли как-нибудь умилостивить хана, и,

узнавши, что есть надежда на успех, поехал к Узбеку, вымолил прощение и возвратился с ярлыком на великое княжество Тверское, которое Константин Михайлович должен был ему уступить. Но возвращение Александра служило знаком к возобновлению борьбы между Москвою и Тверью: в 1339 году Калита отправился в Орду; по его внушению Александр получил приказ явиться туда же и по приезде был убит вместе с сыном Феодором. Калита же возвратился из Орды с великим пожалованием и честью; Тверское княжество досталось опять Константину Михайловичу, который называется собирателем и восстановителем Тверской волости.

Прежде когда великий князь задумывал усиливаться, то находил препятствие этому в других князьях, начиная с родных братьев, но теперь московский князь так усилился, что самостоятельные поступки его в других княжествах не встречали ниоткуда сопротивления; ни один князь не мог соперничать с Калитой ни в России, ни в Орде, ибо ни у одного не было столько денег, как у Калиты. Вельможи московские позволяли себе разного рода насилия в Ростове, разогнали многих из его жителей в другие страны; Тверь также терпела насилия от Москвы по смерти Александра. Новгородцы, избавленные Москвою от беды, которою грозила им Тверь в борьбе этих двух княжеств, были постоянно за Москву; но как скоро Калита осилил Тверь, то спешил показать новгородцам, что переменялось только имя и что ни один сильный великий князь не будет их другом. Уже давно новгородцы привыкли откупаться деньгами от великих князей, с которыми не могли сладить, а деньги теперь были очень нужны князьям, ибо с деньгами можно было все сделать в Орде. Калита требовал денег с новгородцев и за отказ опустошил их владения, строил слободы на их землях, посылал рать свою в Двинскую область, которою очень дорожили новгородцы, получая оттуда серебро и дорогие меха. Но если в Ростове, Твери и Новгороде не были довольны Калитой, то очень довольны были им в Московской и Владимирской великокняжеской области: с началом его княжения наступила здесь великая тишина, о татарах не было слышно; тишина эта и внешняя безопасность дали князю возможность заняться устройством порядка и внутренней безопасности, истреблением вредных для общества людей, живущих на чужой счет. Калита умел воспользоваться обстоятельствами, тем, что приготовлено было для Москвы Даниилом и Юрием, дал современникам почувствовать первые добрые следствия единовластия и потому перешел в потомство с именем первого собирателя русской земли. Собственно, Калита завоеванием не приобрел ничего и в этом отношении не может называться собирателем земли русской, но он копил деньги и скупал небольшие княжества у князей их, например Белоозеро, Галич.

В то самое время как на северо-востоке русская земля начала собираться около Москвы, такое же собрание русских волостей в одно целое происходило на юго-западе посредством князей литовских. Потомки короля Даниила не могли поддержать могущество Галицкого княжества и собрать около него юго-западную Русь, несмотря на то что и Волынь перешла к ним же, ибо сын Василька Романовича, Владимир, умер бездетным. Но в то время как на Руси остановилось движение, Литва усиливалась все более и более, утвердилась в русских княжествах Полоцком, Туровском, отчасти Волынском. В 1315 году литовским великим князем является Гедимин, при котором Волынь и Киевская область подпали литовскому владычеству. Но варвары-литовцы при столкновении с более образованными русскими не могли не подчиниться их гражданственности: русская православная вера и русский язык начинают распространяться между литовскими князьями и подданными их. Что же касается до королевства Галицкого, то оно по прекращении потомства короля Даниила было присоединено к Польше королем последней, Казимиром Великим, в 1340 году.

ГЛАВА XX

СОБЫТИЯ ПРИ СЫНОВЬЯХ ИОАННА КАЛИТЫ

Калита московский умер в 1341 году, поделивши свое княжество вместе с имением движимым между тремя сыновьями и женою. Старший сын его Симеон вместе со всеми другими князьями русскими отправился в Орду, но соперничество других князей с богатым и сильным князем московским было невозможно, хан объявил Симеона великим князем владимирским, и «все князья русские даны были под руки Симеона», говорят летописи. Итак, исполнилось то, чего боялись князья еще со времен Мстислава Храброго: они перестали считаться полноправными родственниками великого князя и стали его *подручниками*, подчиненными. Сын Калиты заставил князей почувствовать перемену: доказательством служит прозвание *Гордый*, которое они ему дали; с новгородцами поступал он так же, как и предшественники его: ходил к ним войною и заставил дорого купить мир. Со стороны татар во владениях Симеона было спокойно точно так же, как и при отце его; Симеон пять раз ходил в Орду и всякий раз возвращался оттуда с большою честью и пожалованием. С востока было покойно, но зато на западе поднимался опасный враг: то была Литва. Мы видели, что Гедимин занят был подчинением себе областей западной России; сын его Ольгерд обратил внимание и на восточную. Ольгерд, по отзыву летописца, был очень

умен, говорил на разных языках, не любил забав, а занимался делами день и ночь, был воздержен, хмельного не пил, от этого приобрел великий разум и смысл, коварством своим многие земли повоевал и увеличил свое княжество. Ольгерд начал войну с Симеоном походом под Можайск; не надеясь одолеть Симеона одними своими силами, Ольгерд хотел погубить Московское княжество посредством татар и отправил брата своего к хану просить у него помощи против Симеона. Но московский князь представил хану, как и для самих татар будет опасно могущество Ольгерда, если он усилится покорением восточной России; хан послушался, задержал брата Ольгердова и выдал его Симеону, что заставило Ольгерда просить мира у московского князя. С другой стороны, важною помощью для восточной России было то обстоятельство, что Ольгерд постоянно отвлекался на западе опасно для него борьбою с немецким орденом в Пруссии.

Псковичи в это время вели постоянно войны с ливонскими немцами; не получая помощи от великого князя из далекой Москвы, они должны были обращаться к ближайшему великому князю, литовскому, взяли к себе в князя Ольгердова сына Андрея, но тот не стал жить у них сам, а хотел управлять Псковом через наместников; псковичи не были этим довольны и выгнали литовских наместников, чем нажили себе нового врага — в Литве. Новгород боролся со шведами, которых король Магнус опять вздумал предпринять крестовый поход против Новгорода с целью обращать русских в католицизм. Магнус овладел было Орешком, но новгородцы взяли этот город обратно. Во время шведской войны новгородцы, нуждаясь в помощи псковитян, признали полную независимость Пскова от Новгорода: положено было, что посадникам новгородским во Пскове ни сидеть, ни судить, псковичей на суд в Новгороде не вызывать ни по каким делам, Пскову называться не пригородом, но младшим братом Новгорода. Осталась зависимость только в церковном отношении, ибо архиепископ новгородский был вместе и псковским, но и тут положено, что судья от владыки по церковным делам будет во Пскове пскович же, а не новгородец.

В 1353 году умер великий князь Симеон от морового поветрия, которое под именем *черной смерти* свирепствовало тогда в России. Симеон, не имея детей, отказал удел свой и все движимое и недвижимое имение жене, по смерти которой все это переходило к брату Симеонову, Иоанну. Это обстоятельство важно в том отношении, что два удела Московского княжества соединились теперь в один и таким образом сила князя Иоанна Иоанновича увеличилась вдвое; третий сын Калиты, Андрей, умер тотчас после Симеона; уже по смерти его родился сын его Владимир, который получил только один удел отцовский. В духовной грамоте своей Симеон наказывал братьям, чтоб они

слушались владыки Алексея митрополита и старых бояр, которые отцу их и им добра хотели.

У брата Симеонова Иоанна явился соперник в искании великого княжения Владимирского: то был Константин Васильевич, князь суздальский, происходивший по одним известиям от Андрея Ярославича, брата Александра Невского, по другим — от Андрея Александровича, сына Невского. Константин не имел никакого права на великое княжение, потому что ни отец, ни дед его не были великими князьями, но он искал великого княжения не по старым родовым правам, а по новому обычаю, по которому всякий князь считал себя в праве, когда был отважен, богат и силен. Константин был отважен, но не был так богат и силен, как московский князь, который потому получил ярлык в Орде и удержался великим князем, несмотря на то что богатые новгородцы, недовольные московскими князьями, хлопотали в Орде за Константина. В правление Иоанна, кроткого, тихого и милостивого князя, как называет его летописец, произошло в Москве следующее замечательное событие. Когда на севере князья перестали переезжать из одного княжества в другое, а оставались всегда в одном, то вместе с ними уселась и дружина, отчего бояре должны были приобрести большее значение как постоянные знатные и богатые обыватели княжества, могшие передавать свое значение и детям своим. Большее значение должен был приобрести и тысяцкий как воевода городовых полков, имевший ближайшее, непосредственное отношение к жителям города: он мог теперь отправлять свою важную должность при нескольких князьях сряду без смены, мог передать ее сыну. Еще при Симеоне Гордом боярин Алексей Петрович Хвост поднял крамолу против великого князя, был изгнан, лишен своих волостей; все три брата, князья Симеон, Иоанн и Андрей, поклялись не принимать к себе мятежного боярина, ни детей его; и, несмотря на то, Алексей Петрович явился тысяцким в княжение Иоанна, но в 1357 году Алексей Петрович был тайно убит, и пошел слух, что убили его другие бояре; в городе от этого встал сильный мятеж, и большие бояре московские должны были отъехать в Рязань; но, когда все утихло, великий князь перезвал к себе опять из Рязани двоих бояр: Михаила и зятя его, Василия Васильевича Вельяминова, который получил должность тысяцкого.

ГЛАВА XXI

ДИМИТРИЙ ИОАННОВИЧ ДОНСКОЙ

В 1359 году умер Иоанн московский, 33 лет от роду, оставив малолетних сыновей Димитрия и Ивана и малолетнего же племянника Владимира Андреевича. Казалось, что ранняя смерть

Иоанна будет гибельна для Москвы, ибо малютка-сын его мог ли хлопотать в Орде, мог ли бороться с другими князьями? И действительно, когда все князья явились в Орде и недостало одного московского, то хан отдал великое княжение Владимирское суздальскому князю Димитрию Константиновичу. Но Москва была уже так сильна, что и такое неблагоприятное обстоятельство, как малолетство князя, не могло повредить ей. Бояре московские, привыкшие быть боярами сильнейших князей всей Руси, не хотели сойти на низшую степень или отъехать к новому великому князю, в новое княжество, где ничто не было им известно и обеспечено; они начали стараться добыть ярлык своему князю. Малютка Димитрий отправился в Орду, но там нельзя было ничего добыться при сильной смуте, когда один хан сменял другого; наконец Орда разделилась между двумя ханами — Абдулом, именем которого правил сильный вельможа Мамай, и Мюридом. Московские бояре отправили послов к последнему, и он дал ярлык Димитрию. Бояре посадили на коней всех трех малолетних князей своих — Димитрия, Ивана и двоюродного брата их Владимира Андреевича и выступили с ними на Димитрия Константиновича; этот князь не мог противиться московским полкам и покинул Владимир. Одиннадцатилетний Димитрий московский занял старинную столицу великокняжескую, и когда приехал сюда к нему посол от хана Абдула с ярлыками, то он принял его с честью и отпустил с дарами. Это рассердило Мюрида, который, чтоб отомстить Димитрию московскому, прислал новый ярлык на Владимир Димитрию суздальскому. Тот обрадовался и сел на другой раз во Владимире, но сидел очень недолго, потому что Димитрий московский опять пришел на него с большим войском, выгнал из Владимира, осадил в Суздале и заставил отказаться от великого княжения. После, когда Димитрию Константиновичу выслали в третий раз ярлык из Орды, то он уже не хотел вступать в борьбу с Москвою и даже выдал дочь свою за ее князя.

Отделавшись от соперника, Димитрий московский тотчас же дал почувствовать свою силу князьям слабейшим: он привел в свою волю князя ростовского, а князя стародубского и галицкого выгнал из их княжеств. Между тем моровая язва сильно опустошила Россию, умерло много князей, в том числе молодой брат Димитрия московского Иван; великий князь присоединил его удел к своему, что произошло совершенно спокойно, тогда как в других княжествах за выморочные уделы между князьями пошли усобицы; так, встала усобица между Димитрием Константиновичем суздальским и братом его Борисом за Нижний Новгород. Четырнадцатилетний великий князь московский вступился за Димитрия и заставил Бориса уступить ему Нижний. Тут он действовал не одним светским оружием, но и духовным, ибо митрополит Алексей постоянно поддерживал политику москов-

ского князя и старался утвердить его силу: он отнял епископию нижегородскую у суздальского владыки; и в то же время послом от московского князя явился в Нижнем преподобный Сергей, игумен Радонежский; он позвал Бориса Константиновича в Москву, и когда тот не послушался, то Сергей по приказу митрополита и великого князя московского запер все церкви в Нижнем.

Москва хотела утвердить свое влияние и в Тверском княжестве, пользуясь тамошними усобицами, но тверской князь Михаил Александрович, деятельный и смелый, не хотел уступить Москве без борьбы. Разумеется, он не мог противиться собственными силами и потому обратился к зятю своему (сестрину мужу) Ольгерду литовскому; следовательно, на эту вторую борьбу Твери с Москвою мы должны смотреть, собственно, как на борьбу московского князя с литовским по поводу тверского князя. У Ольгерда, по словам летописца, был такой обычай, что никто не знал, ни свои, ни чужие, куда он замышляет поход; этою-то хитростию он и забрал города и волости, и Дмитрий московский узнал о замыслах Ольгерда, когда уже тот стоял на границе с братом Кейстутом, молодым сыном его Витовтом, своими сыновьями, Михаилом тверским и полками смоленскими. Дмитрий не успел собрать войска, велел пожечь посады московские и заперся в каменном Кремле, только что построенном. Ольгерд не мог взять Кремля, но страшно опустошил окрестности Москвы, и Дмитрий должен был помириться с Михаилом, уступив ему все у него захваченное. Но когда Ольгерд ушел, отвлекаемый на западе немцами, то московский князь, отдохнувши, вооружился опять против тверского и опустошил его княжество; Михаил опять бросился в Литву, Ольгерд опять вместе с ним осадил Москву, но, узнав, что на помощь ей собирается войско в Перемышле, заключил перемирие с Дмитрием и возвратился назад.

Не видя большой пользы от союза с Ольгердом, Михаил поехал в Орду и вывез оттуда ярлык на великое княжение Владимирское, но Дмитрий взял во Владимире и по всем городам этого княжества присягу с жителей не передаваться Михаилу; и действительно, владимирцы не пустили к себе этого князя. Чтоб отнять у Михаила всякую надежду на Орду, Дмитрий сам поехал туда, задарил там всех, пожалован был великим княжением Владимирским и отпущен с большою честью; в это же время находился в Орде сын Михаила тверского Иван, наблюдавший за выгодами отца; этот Иван задолжал здесь 10 000 рублей; Дмитрий московский заплатил долг и взял Ивана с собой в Москву, где он сидел, пока отец не выкупил его. Таким образом, тверской князь принужден был задолжать в Орде, а московский имел средства выкупить его: значит, борьба была неравная, и московский князь как богатейший имел всегда возможность восторуже-

ствовать над соперниками. Не получив помощи от Орды, Михаил в третий раз повел Ольгерда на Москву; на этот раз Димитрий приготовился, встретил Ольгерда с сильным войском у Любутска, заставил его бежать и заключил перемирие. Но усобицы в Твери и внутренние смуты в Москве повели опять к войне московского князя с тверским. Михаил тверской ссорился с своим родственником, удельным князем кашинским; тот, не будучи в состоянии бороться с Тверью собственными силами, прибежал под покровительство Димитрия московского; с другой стороны, и Михаил нашел внутри самой Москвы врагов Димитрию. В 1374 году умер тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов, и великий князь не назначил другого на это важное место. Сын покойного Иван, вероятно надеявшийся получить отцовское место и обманутый в своей надежде, сговорился с другим недовольным, купцом Некоматом, оба бежали к тверскому князю и успели побудить его снова искать великого княжения Владимирского. Михаил отправил их в Орду, а сам поехал в Литву, и когда Некомат вынес ему ярлык из Орды, то он объявил войну московскому князю. Но он обманулся в своих расчетах: ни татары, ни Литва ему не помогли; осажденный в Твери Димитрием, он должен был заключить мир на всей воле московского князя; независимый великий князь тверской, не утрачивая титула «великий князь», обязался считать себя младшим братом Димитрия, равным удельному московскому, Владимиру Андреевичу: когда великий князь московский или брат его выступают в поход, то и тверской князь обязан садиться на коня; если пошлют воевод, то и он обязан послать своих воевод; Михаил должен был согласиться, чтоб княжество Кашинское было независимо от Тверского. Важное условие постановлено относительно татар; из него уже видно, какая большая перемена произошла во взгляде князей на татарские отношения. «Будем ли мы в мире с татарами,— говорил Димитрий,— дадим ли выход или не дадим— это зависит от нас: если татары пойдут на нас или на тебя, то нам биться вместе; если мы пойдём на них, то и тебе идти с нами вместе». Наконец, Михаил должен был отказаться от союза с Литвою и даже обязался воевать с нею, если она нападет на московского князя. Иван Вельяминов, уехавший в Орду, вздумал было потом возвратиться в отечество, но на дороге был схвачен, приведен в Москву и торжественно казнен. Народ, которого толпы присутствовали при казни, плакал «о благородстве его и о величестве его». Как действительно знаменит был этот боярский род, видно из того, что за родным братом казненного, Николаем Вельяминовым, была замужем родная сестра великой княгини московской, дочь великого князя нижегородского. Во время войны с Тверью и Литвою, которые занимали преимущественно внимание Димитрия, у него была война и с великим князем

рязанским, Олегом Ивановичем, в 1371 году; война эта окончилась также счастливо для московского князя, воевода которого, Димитрий Михайлович Волинский-Боброк, нанес Олегу жестокое поражение. В Рязани шла постоянная вражда между двумя княжескими линиями, рязанскою и пронскою; эта борьба помогала Москве точно так, как в Твери помогали ей усобицы между князьями тверскими и кашинскими.

Скоро после мира с Тверью московский князь избавился от опасного врага, который поддерживал Михаила тверского: в 1377 году умер Ольгерд; великим князем стал сын его, Ягайло, который не походил на отца, был недалек, ленив, бесхарактерен, любил удовольствия. По наговору любимца своего он начал ссоры с дядею, Кейстутом, князем троцким; сперва Кейстут осилил его и отнял великое княжение, но потом Ягайлу коварством удалось захватить Кейстута и сына его Витовта; Кейстут был умерщвлен, Витовту посчастливилось убежать в Пруссию, к немцам, которых он поднял против Ягайлы. Эти усобицы отняли у литовских князей средства враждебно действовать против Москвы и дали последней возможность обратить все свое внимание на восток, на татар. Димитрий вырос в неповиновении хану, два раза в детстве своем ходил он отнимать Владимирское княжение у Димитрия суздальского, у которого был ярлык ханский. Княжество Московское постоянно усиливалось, тогда как Орда видимо ослабевала вследствие внутренних смут, усобиц и ничтожные ханы, подчиненные могущественным вельможам, свергаемые ими, теряли все более и более свое значение, переставали внушать страх. От страха перед татарами начал отвыкать русский народ и потому, что со времен Калиты перестал испытывать их нашествия и опустошения; возмужало целое поколение, которому чужд был трепет отцов пред именем татарским; московский князь, находившийся во цвете лет, в самом полном развитии сил, был представителем этого нового поколения. С малолетства привык Димитрий действовать иначе, нежели действовали дед, дядя и отец его; в детстве с оружием в руках добыл он себе великое княжение Владимирское; потом, выросши, не выпускал из рук оружия, выдержал опасную борьбу с Литвою, Тверью, Рязанью и вышел из нее победителем с полным сознанием своих сил. Неудивительно, что такой князь решился первый поднять оружие против татар.

Князья пограничных княжеств, Рязанского и Нижегородского, перестали терпеливо сносить татарские нападения и прогоняли разбойников; великий князь московский заботливо сторожил от них берега Оки; по окончании борьбы с Литвою и Тверью он впервые после татарского ига начал наступательное движение на восток, на страну волжских болгар, или на Казань, и заставил князей ее заплатить себе дань. В 1377 году московские и нижего-

родские войска были поражены татарским царевичем Арапшею на реке Пьяне по самонадеянности воевод, но эта самая самонадеянность уже показывала, что на Руси перестали бояться татар и получили выгодное понятие о своих собственных силах. В следующем 1378 году Мамай отправил князя Бегича с большим войском на Дмитрия московского, но тот вышел навстречу к Бегичу и поразил его на реке Воже. Наконец, в 1380 году Мамай решился двинуться сам со всеми своими силами, чтоб наказать Дмитрия; Ягайло литовский обещал также соединиться с ним; великий князь рязанский Олег, которого пограничное княжество больше всех других страдало от татар, испуганный союзом Орды с Литвою, не надеясь, чтоб Дмитрий осмелился вступить с ними в борьбу, вошел в переговоры с Мамаем и Ягайлом. Но Дмитрий не испугался: собравши как можно больше войска в своих областях и в областях князей подручных, подкрепленный нравственно благословением и увещанием св. Сергия, игумена троицкого, Дмитрий выступил в поход, переправился за Дон и 8 сентября при устье Непрядвы, на Куликовом поле, дал татарам битву, которая была решена в пользу русских засадным отрядом, находившимся под начальством князя Владимира Андреевича и боярина Волынского-Боброка.

Куликовская победа была из числа тех побед, которые близко граничат с тяжким поражением; победителей погибло так много, что летописец говорит: «Оскудела совершенно вся земля русская воеводами и слугами и всяким воинством, и от этого был страх большой по всей русской земле». Мамай, возвратившись в Орду, собрал опять большое войско, с тем чтоб идти на московского князя, но был остановлен другим врагом: на него напал хан заяицкий (зауральский) Тохтамыш, выгнал его и овладел Золотою Ордою. Тохтамыш отправил к русским князьям послов, известил их о своем воцарении, князья приняли послов с честью, отправили своих послов с дарами для нового хана, но сами к нему не поехали с поклоном. Тохтамыш сердился и думал о том, как бы заставить русских вспомнить о своих недавних повелителях. В 1382 году внезапно с большим войском перевезся он через Волгу и пошел к Москве, наблюдая большую осторожность, чтоб в русской земле не узнали о его походе. Эта осторожность показывала лучше всего перемену, произведенную Куликовскою битвою: хан надеется иметь успех, только напавши врасплох на московского князя, боится встретить его приготовленным в чистом поле, употребляет осторожность, хитрость, орудие слабого, и тем самым обнаруживает слабость Орды перед новым могуществом Руси. Великий князь Дмитрий, узнавши о приближении татар, не мог собрать достаточного числа войска, потому что области его оскудели народом после Куликовской битвы, и потому уехал на север собирать полки.

Тохтамыш осадил Москву, не мог взять ее силою, взял коварством и опустошил, но, узнавши, что великий князь собирает полки на севере, а брат его Владимир Андреевич стоит с войском на западе, тотчас ушел назад. Несчастьем Москвы спешил воспользоваться тверской князь Михаил и поехал в Орду за ярлыком; это заставило Дмитрия отправить в Орду сына своего Василия с боярами; Тохтамыш был удобрен, но для этого Дмитрий должен был наложить тяжелую дань на свои области, и без того уже опустошенные.

Кроме татар после Куликовской битвы Дмитрий воевал с Олегом рязанским; силою нельзя было принудить к миру этого смелого и любимого своим народом князя, и потому отправился в Рязань троицкий игумен св. Сергий, он тихими и кроткими речами склонил Олега к миру с Москвою. Были ссоры у Дмитрия и с двоюродным братом его Владимиром Андреевичем; до нас дошли любопытные договоры между двоюродными братьями, показывающие перемену в отношениях между князьями; младший брат обязывается держать княжение старшего честно и грозно, служить ему без ослушания, а старший обещается кормить его по его службе: прежние родственные отношения заменяются служебными. Владимир обязался не домогаться московской отчины Дмитриевой и великого княжения Владимирского не только при жизни самого Дмитрия, но и при сыновьях его; впервые дядя признал старшинство племянника и обязался служить ему. Подобно предшественникам своим, Дмитрий ходил войною на новгородцев и взял с них деньги за мир; причиною похода были разбой новгородской вольницы на Волге. Псковичи продолжали воевать с немцами.

Дмитрий, прозванный Донским за куликовскую победу, умер в 1389 году, еще только 39 лет от рождения. Дед, дяди и отец Дмитрия в тишине приготовили средство к борьбе открытой с татарами; Дмитрий умел воспользоваться этими средствами, умел развернуть приготовленные силы и дать им вовремя надлежащее употребление. Богатое событиями княжение Дмитрия, протекшее с начала до конца в упорной и важной борьбе, легко затмило бедные событиями княжения предшественников; куликовская победа сильно поразила воображение современников, надолго осталась в памяти потомства, и победитель Мамай получил подле Александра Невского самое видное место между князьями новой северо-восточной Руси. Важные следствия деятельности Дмитрия обнаруживаются в его духовном завещании; в нем встречаем неслыханное прежде распоряжение: московский князь благословляет старшего своего сына Василия великим княжением Владимирским, которое зовет своею вотчиною; Донский уже не боится соперников для своего сына ни из Твери, ни из Суздаля и не стесняется тем, что хан может дать ярлык кому-нибудь из них.

ГЛАВА XXII

ВАСИЛИЙ ДИМИТРИЕВИЧ

Сын Донского, Василий Димитриевич, в самом начале княжения своего показал, что главною целью его будет увеличение своего княжества на счет других, собиране русской земли. Через год после того как посол Тохтамышев посадил его на великокняжеский стол во Владимире, Василий поехал в Орду и купил там ярлык на княжество Нижегородское, которое незадолго перед тем выпросил себе в Орде же Борис Константинович, двоюродный дед московского князя по матери; с другой стороны, Василий преклонил на свою сторону бояр нижегородских, которые и выдали ему своего князя. По тому же ярлыку кроме Нижнего Василий приобрел Городец, Муром, Мещеру, Тарусу. Но у Бориса нижегородского оставалось двое племянников, сыновья Димитрия Константиновича, следовательно, родные дядья по матери московскому князю. Последний не оставил их спокойно княжить в Суздальской области, они выбежали оттуда в Орду добиваться ярлыков на отчину свою и долго беспокоили Василия вместе с сыновьями Бориса Константиновича; потомки их не отставали от своих притязаний и при сыне Василия, но при внуке его все должны были вступить в службу московскую. Василий хотел было приобрести также и владения Новгорода Великого в области Северной Двины; это ему не удалось, зато он утвердил свое влияние во Пскове, который с этих пор начинает принимать князей от руки великого князя московского. В Твери по смерти Михаила Александровича, знаменитого соперника Донского, знаменитого установлением внутреннего порядка в своем княжестве, начались усобицы: наследник Михаила великий князь тверской по обычаю хотел привести в свою долю младших братьев. Великий князь московский не мог воспользоваться усобицами тверскими по причине дел татарских и литовских.

В конце XIV века для Азии повторились времена Чингисхана: сын небогатого чагатайского князька Тимур, или Тамерлан, начал в половине века поприще свое мелким грабежом и разбоями, а в 1371 году владел уже землями от Каспийского моря до Маньчжурии. Ему был обязан Тохтамыш престолом Золотой Орды, но не хотел быть благородным, вооружился против Тамерлана, потерпел поражение и принужден был спасаться бегством в лесах болгарских, и Тамерлан вошел в русские пределы, взял Елец, пленил его князя, опустошил окрестную страну. Нападение не было нечаянное, и Василий Димитриевич имел время приготовиться; он собрал большое войско и стал на границах своего княжества, на берегу Оки. Но он не

дождался врага. простоявши 15 дней в земле Рязанской, опустошивши оба берега Дона, Тамерлан вышел из русских пределов в тот самый день, когда москвичи встретили образ Богородицы, принесенный из Владимира; образ этот остался с тех пор в Москве, в Успенском соборе как главнейшая святыня столицы

После разгрома Тамерланова Золотая Орда долго не была опасна московскому князю. Несколько ханов переменялось в ней, а Василий не думал не только ездить сам к ним на поклон, но даже не посылал никого; на требование дани отвечал, что княжество его стало бедно людьми, не на ком взять выхода, тогда как татарская дань шла в казну великокняжескую; наконец, обращение с татарами переменялось: над послами и купцами ордынскими начали смеяться в областях московских, мстить им за прежние разными притеснениями. В это время, как во время Мамаева, всеми делами в Орде заправлял князь Едигей; долго терпел он презрительное обращение московского князя с бывшими повелителями, наконец решился напомнить о себе. Но подобно Тохтамышу, и Едигей не осмелился явно напасть на Москву, встретиться в чистом поле с ее полками; только от хитрости и тайны ждал он успеха: в 1408 году он дал знать Василию, что хан со всею Ордою идет на Литву, а сам с необыкновенною скоростью устремился к Москве Василий Дмитриевич, застигнутый врасплох, оставил защищать Москву дядю Владимира Андреевича да братьев своих, а сам уехал в Кострому. Едигей осадил Москву, разослал отряды в разные стороны для опустошения областей великокняжеских и хотел зимовать под столицей, надеясь взять ее голодом, но из Орды пришли дурные вести: кто-то напал там на хана, и Едигей принужден был спешить домой, взявши с москвичей 3000 рублей за отступление, ибо москвичи не знали, что он отступает поневоле.

Ослабленные татары могли вредить России только внешними разбойническими нападениями; опаснее была Литва, которая домогалась завоеваний прочных. Ягайло, угрожаемый немецким орденом, под покровительство которого отдался Витовт, примирился с двоюродным братом В это время шел важный для Восточной Европы вопрос о том, кто будет мужем молодой польской королевы Ядвиги, дочери короля Людовика; польские вельможи заставили Ядвигу отдать свою руку Ягайлу литовскому, потому что тот обещал принять католицизм сам и со всем литовским народом и соединить навеки свои владения, т. е. Литву и Русь, с Польшею. Он исполнил обещание, заставил тех литовцев, которые еще не приняли христианства по православному исповеданию, принять его по латинскому, но вследствие этого в областях литовско-

русских стали теперь друг подле друга два враждебных исповедания, что послужило неодолимым препятствием к внутреннему прочному слиянию западной, литовской России с Польшею, хотя Ягайло и преемники его сильно старались поддержать внешнее их соединение. Но если Ягайлу и полякам хотелось присоединить Литву к Польше, то литовцам не хотелось потерять своей самостоятельности, и они поддерживали замыслы Витовта, который, заставив Ягайла признать себя великим князем литовским в зависимости от Польши, тяготился этою зависимостью и хотел получить для себя независимую королевскую корону. Этот-то Витовт, стремясь, с одной стороны, к самостоятельности и королевскому титулу в Литве, с другой — стремился увеличить свои владения на востоке на счет областей русских, несмотря на то что родная дочь его, Софья, была замужем за Василием Дмитриевичем, великим князем московским. В Смоленске в это время происходили усобицы между князьями вследствие всеобщего тогда стремления великих князей заставить служить себе удельных, слабейших. Этим воспользовался Витовт и захватил Смоленск обманом, выставивши себя посредником между его князьями; старший из этих князей, Юрий, с помощью рязанского великого князя Олега отнял было Смоленск у Витовта, но ненадолго; когда Юрий уехал в Москву просить Василия Дмитриевича о помощи, Витовт подступил к Смоленску и овладел им окончательно с помощью тамошних бояр. Но одного Смоленска было мало Витовту: он обратил свои властолюбивые виды на Новгород Великий и на самую Москву. Принявши в свое покровительство изгнанного Тохтамышу, он взялся доставить ему Золотую Орду с условием, чтоб тот помог ему овладеть Москвою. Но возвратить Тохтамышу престол ордынский Витовту не удалось, погону что он потерпел страшное поражение от Едигея на берегах Ворсклы в 1399 году. Отдохнувши от этого поражения, Витовт напал на Псковскую область; новгородцы и псковичи послали просить помощи в Москву, и Василий Дмитриевич объявил войну тестю; три раза полки московские сходились с литовскими, но битвы не было, потому что и Витовт и Василий отличались одинаковою осторожностью. Витовт был, таким образом, удержан от дальнейших замыслов на восточную Россию; река Угра, на которой встретился он в последний раз с великим князем московским, назначена была границею между литовскими и московскими владениями; так эта граница была близка от Москвы! Но здесь был последний предел распространения литовских владений в русских областях.

Василий Дмитриевич умер в 1425 году. Главными советниками его были сначала боярин Федор Андреевич Кошка, а потом сын его Иван.

ГЛАВА XXIII

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ТЕМНЫЙ

Василий Димитриевич оставил одного малолетнего сына, Василия, под опекою матери его Софьи Витовтовны. До сих пор не было усобиц в роде князей московских: мы видели, что двоюродный брат Донского, Владимир Андреевич, без борьбы уступил старшинство племяннику Василию Димитриевичу, но этот брат Донского был, во-первых, брат двоюродный, во-вторых, не мог занять старшего стола по *отчине*: отец его не был великим князем московским и владимирским; у Василия же Димитриевича были родные братья, из которых старший по нем был Юрий Димитриевич звенигородский и галицкий (Галича костромского). Этот князь, считая себя по старине полноправным наследником старшинства, отказался признать старшинство племянника Василия Васильевича, отказался признать новый порядок престолонаследия от отца к сыну. Несмотря на то, молодой Василий начал княжить в Москве, ибо у Юрия не было средств силою вытеснить его оттуда. Чтоб избежать войны, дядя и племянник согласились ехать в Орду и положиться на решение хана; в Орде благодаря ловкости боярина московского Ивана Димитриевича Всеволожского хан объявил, что великим князем должен быть Василий, но Юрий не хотел успокоиться на ханском решении и, возвратясь домой, ждал только благоприятного для себя случая начать борьбу с племянником. Этот случай скоро представился.

Василий Васильевич, будучи в Орде, дал обещание боярину своему Всеволожскому жениться на его дочери, но по приезде в Москву мать великого князя Софья Витовтовна никак не согласилась на этот брак и настояла, чтоб сын обручился на княжне Марье Ярославне, внучке Владимира Андреевича. Тогда рассерженный боярин Иван Димитриевич отъехал из Москвы к князю Юрию и начал поднимать его на племянника; в то же время сыновья Юрия, приехавшие на свадьбу к великому князю, были оскорблены Софьею Витовтовною, и это послужило предлогом к войне. Василий Васильевич, праздновавший свою свадьбу, вовсе не был готов к войне, выступил против дяди с наскоку собранными нестройными толпами, был разбит наголову и взят в плен. Юрий вступил в Москву и сел на столе великокняжеском, племяннику же Василию отдал в удел Коломну по совету любимца своего, боярина Морозова, но как скоро Василий приехал в этот город, то начал призывать к себе отовсюду людей, и отовсюду начали стекаться к нему князья, бояре, дворяне, потому что, говорит летописец, не привыкли они служить галицким князьям: дружина так уже привыкла теперь к преемству престола от отца к сыну, что старший в роде, дядя, считался каким-то чужим

князем, служить которому было унижительно, тогда как молодой сын покойного великого князя уже считался великим князем. Увидавши, что около Василия в Коломне собралось большое войско, с которым не сладить, сыновья Юрия, Василий Косой и Димитрий Шемяка, в припадке досады и злости убили боярина Морозова за то, что присоветовал отцу их возвратить Василию Васильевичу свободу и дать удел. Убегая отцовского гнева, убийцы уехали из Москвы; тогда Юрий, видя себя оставленного всеми, послал к племяннику звать его обратно на великое княжение, а сам уехал в Галич, сопровождаемый только пятью людьми. Он заключил с Василием Васильевичем договор, в котором обязался не принимать к себе сыновей — Косого и Шемяку и признал племянника старшим братом. Понадеявшись на обещание дяди, Василий отправил войско против Косого и Шемяки, но те разбили москвичей; узнавши, что Юрий не сдержал обещания, что полки его помогали Косому и Шемяке, великий князь опять начал войну с дядею, которая опять кончилась для него несчастливо: он принужден был бежать из Москвы и собирался уже в Орду, как вдруг узнал о скоропостижной смерти Юрия и о том, что сын последнего, Василий Косой, занял престол московский по новому обычаю, потому что по старине старшинство в роде по смерти Юрия принадлежало Василию Васильевичу как сыну старшего брата. Но Косой, оставленный даже и родными братьями, Шемякою и Димитрием Красным, не мог удержаться в Москве. Лишенный и великого княжения, и удела своего — Звенигорода, Косой не переставал однако ж воевать с Василием Васильевичем, опустошая его области; наконец был разбит, взят в плен и ослеплен. Во время этой усобицы умерли и три остальные сына Донского, дядья Васильевы; двое из них умерли бездетны, а третий, Андрей, оставил двоих сыновей: Ивана, князя Можайского, и Михаила, князя верейского.

Борьба великого князя с двоюродными братьями возобновилась по поводу дел татарских. В 1437 году хан Улу-Махмет, изгнанный из Золотой Орды братом своим, засел в опустелой от русских набегов Казани, поставил себе город на новом месте и в 1439 году явился нечаянно под Москву. Великий князь не успел собраться с силами и уехал за Волгу; хан стоял 10 дней под Москвою, взять ее не мог, но наделал много зла русской земле. В 1445 году татары Улу-Махметовы опять появились на русских границах, и великий князь вышел против них с небольшим войском, всего тысячи с полторы, потому что полки других князей не успели собраться; подле Суздаля сошлись русские с татарами и потерпели сильное поражение, сам великий князь попался в плен и был отведен в Казань. Татары не пошли дальше, и хан отправил посла к Шемяке, который принял его с большою честью и отправил с ним вместе в Казань своего посла уговаривать

Улу-Махмета, чтобы не отпускал Василия на великое княжение. Но так как послы эти долго не приезжали в Казань, то хан, думая, что посол его убит Шемякою, вошел в переговоры с своим пленником и согласился отпустить его в Москву за известную сумму денег; кроме того, с Василием выехало много татар, которых он принял в свою службу. Приезд этих неприятных гостей и тяжелые подати, наложенные для того, чтобы собрать обещанные хану деньги, возбудили неудовольствие, которым спешил воспользоваться Шемяка: он начал сноситься с великим князем тверским Борисом и князем можайским Иваном Андреевичем, сообщил им слух, который носился тогда об условиях Василия с ханом Махметом, именно шла молва, будто великий князь обещал отдать хану все Московское княжество, а сам брал себе Тверь. Князья тверской и можайский поверили и согласились действовать заодно с Шемякою, в пользу которого составился в Москве заговор. В 1446 году заговорщики дали знать союзным князьям, что Василий поехал на богомолье в Троицкий монастырь. Шемяка и можайский князь ночью 12 февраля овладели врасплох Москвою, схватили мать и жену великого князя, казну его разграбили, верных бояр перехватили, и в ту же ночь князь можайский отправился к Троице с большою толпою вооруженных людей, схватил там Василия, вовсе не ожидавшего беды, и привез его в Москву; здесь его ослепили, сказавши ему такие вины: «Зачем привел татар на русскую землю и города с волостями отдал им в кормление? Татар и язык их любишь сверх меры, а христиан томишь без милости; золото, серебро и всякое имение отдаешь татарам; наконец, зачем ослепил князя Василия Юрьевича?» Шемяка отослал слепого (Темного) Василия в Углич и провозгласил себя великим князем, но не мог удержаться в Москве с своими малочисленными приверженцами; большинство было за Василия. Приверженцы его, и убежавшие в Литву (как-то: князь Василий Ярославич серпуховской, брат жены Васильевой, князь Оболенский, Басенок), и оставшиеся в московских областях, как-то: князья Ряполовские и многие дети боярские, явно действовали в его пользу; Шемяка, особенно по настоянию епископа Ионы, назначенного в митрополиты, решился освободить Василия и дал ему в удел Вологду, взявши клятву не искать великого княжения. Но приверженцы Василия ждали только его освобождения и толпами кинулись к нему; игумен Кириллова Белозерского монастыря разрешил его от клятвы, данной Шемяке, и Василий с своими приверженцами отправился к Твери, которой князь Борис Александрович обещал ему помочь с условием, чтоб он обручил своего старшего сына и наследника Ивана на его дочери Марье: жениху было тогда только семь лет; Василий согласился и с тверскими полками пошел на Шемяку к Москве, а с другой стороны шли туда же из Литвы князь Василий Ярославич серпуховской

с товарищами своего изгнания. Шемяка вместе с князем Иваном Можайским выступил против Василия, но в его отсутствие Москва так же внезапно и легко была захвачена приверженцами последнего, как прежде приверженцами Шемяки, который, узнавши о потере столицы, не бившись с Василием, убежал в Каргополь и заключил мир с Василием в 1447 году, отказавшись от великого княжения и от некоторых своих волостей.

Но мир не был продолжителен; везде: в Великом Новгороде и Казани, между князьями удельными и в стенах самой Москвы — Шемяка заводил крамолы, хотел возбудить нерасположение к Василию. Тот отдал свое дело на суд духовенству, которое отправило к Шемяке грозное послание. Послание это замечательно тем, что в нем духовенство вооружилось прямо против старого порядка престолонаследия; укоряя отца Шемякина, князя Юрия, за то, что он не по праву искал великого княжения под племянником, духовенство грозило проклятием Шемяке, если он не будет исполнять условий договора, заключенного им с великим князем. Шемяка не послушался увещаний духовенства и несколько раз возобновлял войну; лишенный своего удела, Галича костромского, он скрылся в Новгороде Великом и продолжал оттуда нападать на земли великокняжеские; наконец, в 1453 году он умер в Новгороде от отравы, присланной из Москвы. Сын Шемяки, Иван, ушел в Литву, где дали ему волости. Но кроме Шемяки в Московском княжестве оставались еще другие удельные князья, от которых Василий хотел избавиться; он начал с союзника Шемякина, князя Ивана Можайского, который не послушался митрополита, два раза звавшего его на помощь к великому князю против татар; Можайский князь не мог бороться с московским, убежал в Литву, и удел его присоединен к Москве. Потом великий князь за какую-то неизвестную нам крамолу велел схватить в Москве и заточить брата жены своей, серпуховского князя Василия Ярославича, которого удел также был присоединен к Москве. Таким образом, из всех уделов Московского княжества остался только один — Верейский, где княжил Михаил Андреевич, ведший себя так спокойно, что не мог возбудить никакого опасения со стороны великого князя. Так кончилась усобица между князьями московскими, потомками Калиты. Вместо того чтоб раздробить, ослабить это княжество, отнять у него приобретения прежних князей, она кончилась тем, что Василий Васильевич, вовсе не превосходивший своих предшественников личными достоинствами и к тому еще слепой впоследствии, уничтожил уделы (кроме одного) в Московском княжестве и удержал приобретения отцовские и дедовские: так новый порядок вещей уже был крепок в Московском княжестве, так отвыкли здесь повиноваться удельным князьям мимо сына великого князя.

Но в то время как в Московском княжестве происходила эта усобица между правнуками Калиты, усобица первая и последняя, в это время что же делали великие князья, давние соперники московских, князь рязанский и тверской? Отчего они не воспользовались усобицею и не постарались усилиться на счет Москвы? Они были так слабы, что им не пришло и на мысль подобное предприятие, им оставалось на выбор — подчиниться московским или литовским великим князьям, смотря по тому, которые из них возьмут верх. Когда усиление Московского княжества было приостановлено усобицею между потомками Калиты, рязанский князь почел нужным примкнуть к Литве и заключил с Витовтом договор, в котором отдался ему на службу; князья Пронский, Новосильский, Одоевский и Воротынский сделали то же самое. Таким образом, чего с одной стороны не успевали сделать князья московские, то с другой доканчивали литовские, отнимая независимость у князей восточной Руси, заставляя их вступать к себе в службу. Но когда Витовт умер и Литва ослабела от междоусобий, тогда тот же рязанский князь Иван Федорович примкнул к Москве и, умирая, отдал маленького сына на руки великому князю Василию последний перевез малютку вместе с сестрою к себе в Москву, а в Рязань и другие города княжества послал своих наместников. И тверской великий князь также сначала колебался между союзом московским и литовским, но под конец предпочел союз с Василием Темным.

Но если во время усобиц московских Рязань и Тверь колебались между Москвою и Литвою, то Новгород Великий хотел быть самостоятельнее, новгородцы следовали правилу признавать победителя своим князем, а между тем давать у себя убежище и побежденному, но это, разумеется, не нравилось победителю. Мы видели, что они держали Шемяку до самой его смерти, несмотря на увещания митрополита Ионы не сообщаться с отлученным от Церкви князем. Новгородцы должны были ждать мести от Василия, и действительно, в 1456 году великий князь выступил против Новгорода, и воеводы его, князь Стрига-Оболенский и Федор Басенок, разбили новгородцев, которые принуждены были купить мир за 10 000 рублей. Но на этот раз великий князь не довольствовался одними деньгами и заставил новгородцев отказаться от права раздавать грамоты на вече без участия великого князя или его наместников, заставил их принять свою великокняжескую печать и присягнуть, что не будут принимать никого из враждебных ему князей. Во Пскове власть московского князя утвердилась еще более.

Литва не мешала Василию утверждать свою власть в Рязани, Новгороде и Пскове. Страшный Витовт умер в 1430 году; великим князем в Литве провозглашен был родной брат Ягайлов, Свидригайло Ольгердович, который хотел непременно возвра-

тить Литве независимость от Польши; началась усобица между братьями; поляки выставили Свидригайлу соперника в брате Витовта, Сигизмунде Кейстутовиче, который согласился признать свою зависимость от короны польской. Вследствие этого произошло разделение: Литва стала за Сигизмунда, русские области остались верны Свидригайлу, и усобица между ними не прекращалась. Ягайло умер в 1434 году, и поляки выбрали себе в короли сына его Владислава III, который после получил и престол венгерский. В Литве жестокий и безнравственный Сигизмунд был убит вследствие заговора, и поляки прислали на его место молодого Казимира Ягайловича, брата короля Владислава, в качестве наместника польского, но литовцы провозгласили его великим князем. В 1444 году Владислав, король польский и венгерский, пал в битве с турками при Варне, и это событие повело опять к соединению Литвы с Польшею, ибо поляки выбрали Казимира себе в короли. Затруднительно было положение этого короля между стремлениями поляков присоединить к себе некоторые литовские области, Волынь, Подолию, и между стремлениями литовцев удержат в целости свои владения и свою независимость от Польши; иногда дело доходило до явного разрыва, и больших усилий стоило Казимиру отворотить кровопролитие, а с другой стороны, дела немецкого ордена отвлекали его внимание на запад.

Понятно, что при таких обстоятельствах Литва не могла воспользоваться московскими усобицами, помешать Василию Темному собрать московские уделы и усилить свою власть в соседних княжествах. В последнее время своей жизни Василий думал нанести окончательный удар Новгороду Великому; только архиепископ новгородский Иона, пользовавшийся всеобщим уважением, успел удержать его от похода, уговаривая обратить все свое внимание на татар, врагов христианства, которые действительно не переставали нападать на русские области. В 1462 году умер Василий Васильевич, оставив престол великокняжеский старшему сыну Иоанну, которого еще при жизни своей объявил великим князем и соправителем: все грамоты писались от имени двоих великих князей. Дмитрий Донской первый решился благословить старшего сына великим княжением Владимирским, потому что не боялся ему соперников ни из Твери, ни из Нижнего; Василий Дмитриевич не решился благословить сына своего утвердительно Владимиром, зная о притязаниях брата своего Юрия. Василий Темный не только благословляет старшего сына своего отчиною, великим княжением, но считает область великого княжества Владимирского неразрывно соединенною с Московским княжеством, вследствие чего Владимир и другие города его области смешивает с городами московскими. Кроме Иоанна у Василия осталось еще четверо

сыновей: Юрий, Андрей Большой, Борис и Андрей Меньшой, которым всем он дал уделы, но старший, Иоанн, получил городов гораздо больше, чем все остальные братья вместе, не говоря уже о значении городов и величине областей. Таким образом, старшему даны были все средства держать младших под своей рукою.

ГЛАВА XXIV

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ОТ ПОЛОВИНЫ XIII ДО ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

1. Главные явления означенного времени. С половины XIII до половины XV века главные явления были, во-первых, отделение России западной от восточной: западная, истощенная усобицами и опустошенная кочевыми ордами, не могла сохранить своей самостоятельности, собраться в одно целое собственными средствами и должна была подчиниться князьям литовским, а потом вместе с Литвою соединилась с Польшею, Галицкое же королевство непосредственно подчинилось Польше. Русь северо-восточная, имевшая более свежих сил, с которыми недавно выступила на историческую сцену и тотчас же приобрела явный перевес над западною,—Русь северо-восточная могла самостоятельно, собственными средствами собраться, составить одно государство. Разумеется, ей помогли в этом разные благоприятные обстоятельства: нашествие Батыево не повторялось, татары откочевали далеко, ханы, получая дань и дары от князей, не принимали никакого участия во внутренних делах России, вовсе не понимали того, что там делается: вместо того чтоб поддержать усобицы, не давать сильнейшим князьям усиливаться на счет других, они поступали наоборот, принимали и отпускали от себя с великою честью и с пожалованиями князей, которые давали им больше денег, не предугадывая, что это самые опасные для них князья. На западе опасных соседей также не было у северо-восточной Руси: Литва не пошла дальше Угры, не могла овладеть ни Новгородом, ни Псковом, ибо сначала сдерживалась немецким орденом, а потом усобицами и затруднительными отношениями к Польше. Наконец, к счастью для северо-восточной Руси, в Ярославле Всеволодовиче и его потомстве она имела князей деятельных и благоразумных, неуклонно стремившихся к одной цели—усилиться на счет других, примыслить к своему отдельному княжеству как можно больше волостей, заставить других князей сделаться из родственников слугами.

В старой, юго-западной Руси мы видели, что князья владели землею сообща, целым родом, переменяя волости по старшинству, в новой же, северо-восточной Руси хотя Владимир с своею областью и считается собственно великим княжением, но великие князья не живут более в нем, остаются в своей вотчине: тверские — в Твери, московские — в Москве; в старину род княжеский сохранял свое единство и потому имел одного старшего, великого князя; теперь же этого единства больше нет, и потому является несколько великих князей: так называется московский князь, и тверской, и рязанский, и нижегородский. В старину, при единстве княжеского рода, великому князю наследовал не сын его, но старший по нем в целом роде, дядя имел преимущество перед племянником, имел для племянника значение отца; если и были попытки племянников, сыновей от старшего брата, отнимать старшинство у дядей, младших братьев отцовских, то попытки эти были неудачны, встречали неодобрение в обществе как дело преступное, греховное; теперь же на севере все эти старые предания ослабели: племянники с успехом вооружаются против дядей, отнимают у них великое княжение Владимирское, младшие братья отнимают старшинство у старших; великие князья стараются передать великое княжение своим сыновьям, минуя братьев, стараются заставить последних отказаться от своих прав в пользу племянника. Так как от старых родовых представлений и названий еще не освободились, новые еще не выработались отчетливо, то употребляются странные выражения: дядя, например, обязывается считать племянника старшим братом, отцом! Дядья, разумеется, противятся, не хотят отказываться от своих прав, но их сопротивление напрасно, ибо против них идет теперь целое общество, что так ясно обнаружилось во время борьбы Василия Васильевича с дядею Юрием: все ратные люди бросились к молодому Василию в Коломну, не желая служить галицкому князю, дяде, старшему в роде; духовенство вооружается против поступка Юрьева, как против греха, сравнивает его с грехом праотца Адама, захотевшего быть равным Богу. Таким образом, новый порядок престолонаследия утвердился на самом деле, но не по закону; мы теперь знаем, что после императора наследник — старший сын его, ибо таков закон империи, но в XV веке закона не было, и потому, чтоб упрочить престолонаследие за сыном, великий князь должен был прибегать к самому делу; так, Василий Васильевич при жизни своей назвал сына своего Иоанна великим князем, присоединяя имя его к своему собственному во всех грамотах.

Из XIV и XV веков до нас дошло много духовных завещаний и договорных грамот княжеских, из которых можем видеть, как постепенно, но очень медленно происходила перемена прежних, родовых отношений между князьями на новые, служебные. сюда

относятся выражения, что младший должен держать старшего *честно и грозно*, обязан служить ему, а тот обязан кормить его по его службе; младшие, удельные князья не имели права непосредственно сноситься с ханом, *знать Орду*, как тогда выражались. В завещаниях князья обыкновенно дают большое значение сыновьям своим: отказывают им богатые волости, приказывают сыновьям во всем слушаться матери, которой дается право в случае смерти одного сына разделять его удел между оставшимися в живых; поэтому князья-братья начинали договоры свои так: «По слову и благословиению матери нашей». Такое значение матерей имело религиозное основание: «держи мать свою в чести и матерстве, как Бог сказал», говорят князья сыновьям в завещаниях; поэтому и духовенство во имя религии подтверждало эти приказания

2. *Татарское влияние.* И теперь в новой, северной Руси вступление великого князя на престол сопровождалось обрядом посвящения с тем, однако, различием, что теперь сажал на стол посол татарский, в чем ясно выражалась зависимость князя от хана. Как же велика была эта зависимость? При описании первых времен татарского ига говорится, что Батый поставил наместников (баскаков) своих по всем городам русским; в известии о перечислении для наложения поголовной дани говорится, что численники поставили десятников, сотников, тысячников, темников (десятитысячников). Под 1266 годом летописец уже говорит, что притеснения татарские ослабели; потом не находим уже больше известий о баскаках на севере: после 1375 года не упоминается более о перечислении — знак, что ханы по разным причинам начали оказывать полную доверенность великим князьям и что последние взяли на себя доставку дани в Орду. Таким образом, чрез удаление баскаков, численников и сборщиков дани, к концу XIII века князья освобождались совершенно от татарского влияния на свои внутренние распоряжения, но и во время присутствия баскаков мы не имеем основания предполагать большого влияния их на внутреннее управление. Как скоро исчезли татарские численники, то прекратилась и несправедливая подушная дань, разная для всех, следовательно, легкая для богатых, тяжелая для бедных; князья стали брать дань по *силе*, то есть по средствам плательщиков; дань бралась с *сох* (количество земли, обрабатываемое известными средствами, например с помощью трех лошадей) и с промыслов, которые приравнивались к сохе (например, невод считался за соху, кузница также); в случае нужды, при запросах из Орды, бралась дань и с членов дружины, смотря по их доходам. Кроме выхода, или дани, в Орду были еще другого рода издержки на татар, *ордынские тягости и проторы*, как тогда говорили. Таков был *ям* (от татарского слова «ям» — дорога) — обязанность доставлять подводы татарским

чиновникам; содержание послов ханских и их многочисленной хищной свиты; наконец, поездки князей в Орду, где должно было дарить хана, жен его, вельмож и всех сколько-нибудь значительных людей; неудивительно, что у князей иногда не доставало на все это денег и они должны были входить в долги. Дань шла в казну княжескую тогда только, когда не было запросов из Орды, то есть когда можно было не удовлетворять этим запросам; постоянные же доходы княжеские состояли по-прежнему в пошлинах торговых, судных и доходах с земельной частной собственности.

3. *Дружина*. Князья на севере перестают переходить из одного княжества в другое, постоянно сидят в одном, которое усиливают на счет других; это обстоятельство дает возможность и членам дружины оставаться в одной области и приобретать здесь значение постоянных богатейших землевладельцев и наследственно пользоваться правительственными должностями. Вместе с усилением московского князя усиливаются московские бояре, им выгодно удержать эту силу навсегда за своим князем, и они действительно хлопочут об этом, подкрепляемые митрополитами: так, в малолетство Димитрия Донского они удержали за ним великое княжение Владимирское. Дружинники, бояре, дети боярские и слуги вольные по-прежнему удерживали право свободного перехода от одного князя к другому; дружинникам слабейших князей выгодно было переходить в дружину сильнейших, чем они еще более усиливали последних: так, мы видели, поступили бояре нижегородского князя, передавшиеся московскому; они не считали себя изменниками, потому что во всех договорах княжеских повторялось: «боярам и слугам нашим вольным воля». Как усилилось значение бояр московских, видно из того, что великие князья нижегородский, тверской искали родственных союзов с ними. Но это усиление не было опасно для великого князя: ни одна знатная фамилия долго не сохраняла своего могущества, ибо ко двору московскому беспрестанно приезжали новые знатные и богатые выходцы и теснили старых; чем сильнее становился московский князь, тем большее число людей находило выгодным вступить к нему в службу; притом же эти пришельцы, люди новые, окруженные новыми лицами, новыми явлениями, не имели на что опереться, не могли действовать обдуманно и дружно. Скоро начали стекаться отовсюду в Москву князья, лишённые своих владений, и Рюриковичи русские, и Гедиминовичи литовские, и оттесняли старых московских бояр от первых мест; князья Рюриковичи приезжали лишённые уже своих княжеств, уделов; за ними оставалось несколько земель в этих уделах, земель раздробленных и дробившихся все более и более с умножением детей княжеских, которые все получали участки в отцовском владении; Гедиминовичи же литовские приезжали вовсе без земель и полу-

чали их по милости великих князей московских; все эти князья, следовательно, не были сильны, не были опасны. За службу свою дружинники получали от великих князей волости и села в кормление. Кроме дружины в состав войска входили по-прежнему полки из городского и сельского народонаселения.

4. *Города.* В городах, которые как стольные города великокняжеские занимают теперь главное место, в Москве, Твери, Рязани, Нижнем, Суздале, даже в знаменитом Владимире, мы не встречаем больше вечей и того участия горожан в делах, какое встречали прежде в Киеве, Чернигове, Смоленске, Ростове; усобицы между князьями продолжаются по-прежнему, но города не принимают в них участия как прежде, их голоса не слышно; ни один князь не собирает вече для объявления горожанам о походе или о каком-нибудь другом важном деле, ни один князь не заключает ни о чем договора с ними. Под именем вече теперь летописцы разумеют незаконное мятежное собрание народа, собравшихся летописцы называют мятежниками, крамольниками. Очень дурно отзываются московские летописцы и о вечевом быте Новгорода, обнаруживают к нему отвращение. Мы видели, что новгородцы, не будучи в состоянии защищать свою вольность силою от великих князей, выкупали ее деньгами; за деньги великие князья оставляли новгородцев жить по старине, подтверждая эту старину договорами, из которых самый древний, дошедший до нас, относится ко временам великого князя Ярослава Ярославича; договоры эти заключались от имени владыки, посадника, тысяцкого, сотских, от всех старейших и от всех меньших, от всего Новгорода; князь раздавал правительственные места Новгородской области только новгородцам; без посадника не раздавал мест и грамот; не мог управлять Новгородом, не находясь в Новгороде; без вины, по своему произволу не мог никого лишить должности; не мог судить никого без посадника. Уже давно, по всем вероятностям во второй четверти XII века, новгородцы стали сами себе выбирать посадника и тысяцкого и поместили посадника подле князя при суде и раздаче мест, хотя при этом князь не потерял влияния при избрании посадника и не лишился права требовать его смены, объявивши только вину его. В прежнее время великие князья, не имея возможности сами жить или часто бывать в Новгороде, посылали туда вместо себя одного из родственных себе князей, но потом великие князья, особенно московские, посылали в Новгород наместников своих из бояр.

В городах юго-западной Руси в это время кроме русского народонаселения видим немцев, жидов и армян; во время литовского владычества жида получили здесь большие выгоды; тогда же русские города начали получать право немецкое, магдебургское, по которому горожане освободились из-под ведомства воевод, судей и всяких чиновников великокняжеских и во всех делах

расправлялись перед своим начальником, который носил название войта. Полоцк, имевший одинакий быт с Новгородом Великим и другими старыми русскими городами, сохраняет этот быт и при князьях литовских: он заключает договоры с Ригею, с магистром ливонским; по грамоте короля Казимира бояре, мещане, дворяне и все жители полоцкие должны были собираться для рассуждения о городских делах на том же самом месте, где прежде издавна сходились; мещане, дворяне и чернь не могли собирать сеймов без бояр; казну берегли сообща выборные из всех городских сословий, из бояр, мещан, дворян и черни.

5. *Сельское народонаселение.* Пустых земель было много, народу мало, и потому князья старались переживать в свои области поселенцев из других областей, давая им на несколько лет свободу от всяких податей. Крестьяне свободно переходили от одного землевладельца к другому, но они могли оставить землю, или отказываться, как тогда называли, только в известный срок, по преимуществу осенью, по окончании полевых работ: за две недели до Юрьева дня и неделю спустя после него. Встречаются также случаи, когда князья запрещали переход крестьян в пользу известного землевладельца; например, великий князь Василий Темный пожаловал Троицкий Сергиев монастырь, запретив переход крестьянам одного из сел, принадлежавших этому монастырю. Землевладельцы получали от князей право суда над поселившимися на их землях крестьянами, кроме случаев уголовных. Но кроме переходного, свободного сельского народонаселения по-прежнему видим народонаселение несвободное, принадлежащее землевладельцам.

6. *Казаки.* В конце первой половины XV века в первый раз встречаем название *казак*ов, именно рязанских. Под этим именем у предков наших разумелись вообще люди бездомовные, бессемейные, принужденные добывать себе пропитание работой у чужих людей; таким образом, казак значил то же самое, что работник, батрак, и в этом отношении казаки противопоставались *земским людям*, имеющим постоянное место жительства и ответственность. Соседство с степью, не бесплодную, но привольную для житья, орошаемую рыбными реками, влекло туда самых отважных из этих бездомовников, казаков, к ним присоединялись и поневоле все те, которым нельзя было остаться в обществе, которых закон преследовал за беспорядочную, преступную жизнь, наконец, беглые холопы. Из таких-то людей образовалось военное пограничное население, известное преимущественно под именем казаков. Казаки эти имели важное значение, потому что, как люди отважные, они пролагали пути к населению пустых степных пространств; выход в казаки был легок русскому человеку, потому что, уходя в степь, он не уходил в чужую сторону, не переставал быть православным русским человеком, и в степи

среди казаков он находил своих же; казаки признавали над собою власть правительства русского, но повиновались только ему тогда, когда это было им выгодно; в большей зависимости от правительства находились те казаки, которые жили недалеко от границ, под руками правительства, в меньшей — те, которые удалялись в глубь степей, но таких в описываемое время еще не могло быть много, потому что в степях еще были сильны татары.

7. *Торговля.* Самым значительным торговым городом на Руси после упадка Киева оставался Новгород Великий; от этого он был и самым богатым городом; в Новгород приезжало много немцев для торговли, новгородские купцы ездили торговать в Любек, Готландию, в Стокгольм, как видно из договоров, которые они заключали с немцами, с Ганзою. После Новгорода значительную заграничную торговлю вели Псков, Смоленск, Полоцк; немцы привозили сюда хлеб, соль, овощи, сельди, сукно, полотно, металлы и металлические вещи, пергамен, вино, пиво; вывозили меха, кожи, сало, воск, лес и восточные произведения: жемчуг, шелк, дорогие ткани. На юге Киев, несмотря на опустошение татарское, по удобству положения и по старой привычке привлекал к себе купцов иностранных, итальянских. Немцы ездили на Волынь и в Галицию; галичане и подольцы торговали в Молдавии, Бессарабии, Венгрии; русские купцы ездили также торговать в Судак (Сурож) и Феодосию (Кафу), в Грецию и Турцию. На северо-востоке Нижний Новгород благодаря своему выгодному положению уже начинает быть известен как богатый торговый город, вследствие чего суздальские князья и перенесли в него свой стол; в Нижний кроме татар приезжали торговать и армяне; армяне и литовские купцы приезжали также в Москву; татарские купцы приезжали в русские города обыкновенно вместе с послами. Главным препятствием для торговли, кроме татарских опустошений, были еще разбой, производившиеся в больших размерах, особенно по Волге; эти разбой производились преимущественно новгородцами

8. *Богатство народа, его домашний быт.* Богатые торговлею города, Новгород и Псков, славились прочностью своих укреплений, обилием каменных церквей, церкви эти были небольшие, строились скоро, иногда очень неискусно; мастера, строившие церкви, были русские, но расписывали церкви греческие мастера или русские ученики греков; из русских славился особенно Андрей Рублев. Владыки начинают строить для себя палаты каменные в Новгороде и Москве; наконец, вводятся кое-где в употребление звонящие часы. Домашний быт отличался по-прежнему простотою. Князья, строившие города, церкви, богато их украшавшие, спали на соломе; в завещаниях московских князей упоминается об иконах, дорогих платьях, цепях, редко о дорогом оружии, о нескольких сосудах столовых, и все это в таком

небольшом количестве, что не могло занимать много места, легко могло быть спрятано, собрано, увезено. Но если так было у князей, то чего же мы должны искать у простых людей? У них, кроме самой простой и необходимой рухляди, нельзя было ничего сыскать, ибо все, что получше и подороже, хранилось в церквах как местах, наименее подвергавшихся пожарам и разграблениям. Это отсутствие мебели, домашних украшений и удобств помогало нашим предкам равнодушнее переносить частые пожары и неприятельские нашествия: если жизнь и свобода были спасены, то об остальном нечего было много тужить, дорогого было так мало, что его легко было унести с собою, небольшие же деревянные дома легко было вновь построить по необыкновенной дешевизне материала.

9. *Церковь.* Прежде упоминалось о сильном сопротивлении, которое христианство встретило на севере от финского язычества, от волхвов; теперь же такого сопротивления мы больше не видим: христианство распространяется между карелами на северо-западе, между зырянами, или пермяками, на северо-востоке. Апостолом зырян был св Стефан, который приготовился к своему подвигу тем, что изобрел азбуку и перевел нужнейшие для богослужения книги на язык зырянский. Как св. Стефан заботился о новообращенных, которых был первым епископом, видно из «Плача земли Пермской» по нем, помещенного в житии его: «Теперь мы лишились защитника, который Богу молился о душах наших, а перед князем и вельможами был нашим защитником, избавлял нас от насилий, работы и чиновнических грабежей; сами новгородцы разбойники слов его слушались и не воевали нас».

Деятельность главных архиереев русской Церкви, митрополитов всей Руси, становится теперь заметнее, чем прежде, во-первых, потому, что совершается великий переворот в судьбах отечества, устанавливается единовластие, причем должно было духовенство решительно высказаться и высказалось в пользу единовластия; во-вторых, теперь митрополиты выбираются из русских, а не из греков, которые не могли принимать так к сердцу русские интересы, не могли как чужеземцы иметь такого сильного влияния на князей и народ. Кроме того, были еще другие важные дела, в решении которых духовенство должно было принимать сильное участие, таковы были дела татарские, литовские, греческие.

Так как Киев и вообще южная Русь потеряла свое главное значение, которое перешло к Руси северной, то и главные пастыри русской Церкви, митрополиты, должны были обратить особое внимание на север и тамошних князей: они начинают ездить туда по нескольку раз, а митрополит Максим окончательно переехал на жительство из Киева во Владимир. Преемник Максима, св. Петр,

родом русский из Волыни, избрал своим пребыванием Москву и тем много способствовал усилению ее на счет всех других княжеств; Петр ездил в Орду и был там принят с большою честью, ибо татары уважали служителей всех религий; когда наложена была дань на русских, духовенство было освобождено от нее, и ханы давали нашим митрополитам ярлыки, или грамоты, которыми подтверждалась свобода духовенства от всяких поборов в пользу татар. Преемником св. Петра был грек Феогност; как до сих пор митрополиты должны были обращать особенное внимание на север и наконец утвердиться здесь, так теперь они должны были обратить одинаковое же внимание и на юго-запад, ибо здесь русские области соединились теперь под властью одного могущественного князя — литовского; вот почему Феогност не раз ездил на Волынь и жил там долгое время. Преемником Феогноста был св. Алексей из знатного московского рода Плещеевых, которые выехали в Москву из Чернигова. Алексей много помогал московским князьям, особенно Димитрию Донскому, при утверждении их могущества, потому что князья, которые осмеливались противиться московским князьям, имели против себя и митрополита; так, Алексей наложил проклятие на некоторых князей, которые обещали великому князю московскому выступить вместе с ним против татар и не исполнили обещания; наложил проклятие на смоленского князя, который помогал Ольгерду против Москвы; кроме этой деятельности внутри России св. Алексей ездил в Орду и своим влиянием на хана спасал Россию от беды, которою грозили ей татары.

Но если митрополит всея Руси, москвич, живший в Москве, так помогал московскому князю усиливаться, то, конечно, это не могло нравиться литовским князьям; от этого у них родилось желание иметь для подвластных им русских областей особого митрополита в Киеве, который бы находился под их влиянием. Ольгерд жаловался константинопольскому патриарху, что митрополит Алексей помогает московскому князю в его завоевательных замыслах, не ездит в Литву и Киев, освобождает от присяги перебежчиков из Литвы в Москву; Ольгерд требовал другого митрополита для подвластных ему и союзных русских княжеств. В Константинополе исполнили это требование и поставили митрополитом для юго-западной Руси Киприана, родом из южных славян, но с тем чтобы по смерти престарелого Алексея он был митрополитом и всея Руси; потом, однако, по смерти св. Алексея, в Константинополе согласились поставить особого митрополита для Москвы, Пимена; по смерти последнего Киприан соединил под своею властью обе русские церкви, что было легко сделать, когда великий князь московский Василий Димитриевич жил согласно с тестем своим Витовтом литовским. Но когда последовал между ними разрыв, то преемнику Киприанову, греку

Фотию, невозможно стало удержать за собою Киев: Витовт настоял, чтоб в 1415 году собор юго-западных русских епископов сам собою посвятил в киевские митрополиты Григория Цамблака, ученого болгарина, ибо константинопольский патриарх не соглашался на это. Цамблак умер в 1419 году; в это время вражда к Москве остыла в Витовте, все внимание его было поглощено делами польскими, и он не хлопотал об избрании преемника Цамблаку, вследствие чего Фотий опять получил в управление Церковь южнорусскую.

По смерти Фотия усобицы великого князя московского Василия Васильевича с дядею и потом с двоюродными братьями долго мешали назначению нового митрополита; наконец был избран рязанский епископ Иона; но когда он приехал в Константинополь для поставления, то нашел, что там уже посвящен был для России митрополит Исидор, грек. Исидор, приехавши в Москву, стал собираться на собор, созванный в Италии для соединения церковей восточной и западной. Самое уже место собора в стране неправославной возбудило подозрение в Москве. Великому князю Василию Васильевичу не хотелось, чтоб Исидор ехал в Италию; когда же он не мог отклонить митрополита от этого путешествия, то сказал ему: «Смотри же, приноси к нам древнее благочестие, какое мы приняли от св. Владимира, а нового, чужого не приноси, мы не примем». Исидор обещал крепко стоять в православии, но не исполнил своего слова, на соборе Флорентийском подписал соединение с западною Церковью и возвратился в Москву в звании папского легата, велел на литургии поминать папу вместо патриархов восточных, а после литургии читать народу грамоту о соединении церковей, о принятии римского учения насчет происхождения Св. Духа и другие новизны. Тогда великий князь велел посадить его под стражу, а сам созвал духовенство и велел ему рассмотреть дело; духовенство решило, что Исидор поступает несогласно с божественными правилами и преданиями, а между тем он успел бежать из заключения.

После свержения Исидорова Иона рязанский был поставлен в митрополиты собором русских епископов; впрочем, великий князь дал знать греческому императору, что русская Церковь этим нисколько не разрывает тесной связи своей с греческою Церковью и всегда будет сохранять православие. С этих пор митрополиты у нас постоянно избирались из русских архиереев и не посылались на посвящение в Константинополь к патриарху. При митрополите Ионе произошло окончательное отделение юго-западной русской Церкви от северо-восточной; с этих пор были постоянно два особых митрополита — один в Москве, другой в Киеве.

Относительно власти митрополита в грамоте, составленной по взаимному согласию великого князя Василия Димитриевича

и митрополита Киприана, положено, что все лица, принадлежащие к Церкви, подчиняются суду митрополита; из этой грамоты узнаем, что митрополит имел своих бояр и слуг, которые в случае войны выступали в поход под начальством особого митрополитского воеводы, но под знаменем великокняжеским; слуг великокняжеских и людей, платящих дань в казну великокняжескую, митрополит не имел права ставить в священники или в дьяконы, потому что этим наносился ущерб службе и казне: здесь причина, почему в духовное звание поступали только люди из того же звания. Из слуг своих митрополит посылал для управления своими селами (в волостели), для суда церковного (в десятники).

Митрополиты для обсуждения важных вопросов созывали соборы из епископов; епископы в своих епархиях созывали соборы из подведомственного им духовенства; кроме того, митрополиты для исправления нравственности в народе писали послания к духовенству и мирянам. Особенное внимание не только митрополитов русских, но и патриархов константинопольских во второй половине XIV века обратили на себя Новгород и Псков вследствие появившейся там ереси стригольников; еретики отвергали необходимость священников, упрекая последних в дурном поведении; утверждали, что миряне могут учить вере, что не должно молиться за умерших; ересь эта прекратилась в первой половине XV века.

Монастыри продолжают сохранять свое важное значение. Чем был в старину Печерский монастырь для Киева, тем был Троицкий Сергиев монастырь для Москвы. Основателем этого монастыря был Варфоломей, в иночестве Сергей, сын ростовского выходца, поселившегося в Радонеже. Сергей в молодости еще удалился в дремучий лес и долго жил здесь один, но не мог утаиться: иноки стали собираться к нему; Сергей своими руками строил кельи, носил дрова из леса и колот их, носил воду из колодезя к каждой келье, готовил кушанье на всю братию, служил всем, как раб. Это-то смиренное служение прославило Сергия по всем областям русским и дало ему то значение, с каким мы уже встречали его в княжение Димитрия Донского. Из монастыря Сергиева выведены были другие монастыри сподвижниками, учениками и учениками учеников Сергиевых; из этих монастырей особенно важен в нашей истории монастырь Белозерский, основанный св. Кириллом, славным святостью жизни и поучениями, в которых он напоминал князьям об их обязанности. Монастыри в описываемое время имели еще то важное значение, что были проводниками гражданской жизни в диких пустынях: монахи расчищали леса, заводили пашню, привлекали к себе народонаселение; монастыри были гостиницами для странников, во время голода кормили бедных. Средства к тому монастыри получали от своих сел и деревень, которые дарили им князья и другие богатые люди — на помин душам своим и своих

родителей, как тогда выражались. Несмотря на укоренившийся обычай отдавать села и деревни монастырям, уже возникал вопрос: следует ли монахам владеть ими? И митрополит Киприан думал, что не следует. Сначала в монастырях каждый монах имел свое особое хозяйство, но с конца XIV века начало вводиться общее житие.

10. *Состояние нравственности народной.* Нравы народа становились заметно грубее, потому что русские все более и более удалялись от европейских христианских народов и находились в постоянном сообщении только с азиатскими, нехристианскими народами, от которых нечего было заимствовать хорошего. Кроме того, были и другие причины огрубения нравов: шли усобицы между князьями, но шли они не за право на старшинство, как прежде, а за то, какому князю быть сильнее всех других, отнять у всех других волости, подчинить себе всех других; о правах нет уже более речи; старых родовых прав никто более не уважает, новые еще не утвердились на место старых; силе поэтому открылась полная свобода действовать. Сильный при первом удобном случае прибегал к насилию, слабый, чтоб спастись от сильного, прибегал к хитрости, коварству, ехал в Орду, льстил, унижался пред ханом, его женами и вельможами. Народ находился в положении тяжелом, ему не было покоя и от чужих, татар и Литвы, и от своих: сильные князья, желая привести в свою волю слабых, притесняли их подданных; когда в каком-нибудь княжестве начинались усобицы, то народ убегал из него в другие области; когда усобицы стихали, народ возвращался.

Таким образом, народ жил в постоянном страхе пред своими и чужими, не было безопасности, без которой не могут успевать ни промышленность, ни торговля, и жизнь не украшалась ни наукою, ни искусством. При этой бедности жизни были доступны человеку одни грубые удовольствия, которые не могли способствовать смягчению нравов, а только вели к усилению нескромности, которая выражалась и на деле, и в словах. Женщина для сохранения скромности должна была избегать общества, предавшегося таким удовольствиям; отсюда укоренился обычай, что жены и дочери значительных и богатых людей укрывались в теремах, не появляясь в мужских обществах, отчего мужчины еще более грубели в своих нравах, ибо не сдерживались присутствием женщины. Обличения нравам времени слышались из уст святых мужей, отшельников, но людей, которых будил их голос, очищал от грязи житейской, было немного; для немногих избранных монастырь, церковь служили приютом, спасением от грубости нравов, утешением в бедах жизни, но для большинства единственным развлечением и утешением в бедах жизни оставался пьяный пир, сопровождавшийся бранью и драками, а иногда и убийствами.

11. Просвещение. При таком состоянии общества литература не могла процветать. Нигде не встречаем мы известий об образованности князей и вельмож. Но грамотность по-прежнему сохранялась в сословии духовном; епископы продолжали говорить народу поучения в церквях. Из этих проповедников особенно замечателен был Серапион, епископ владимирский: он в своих проповедях призывал к покаянию, указывая на страшные бедствия, удручавшие Русь. Особенно замечательно из слов его то, где он говорит против привычки приписывать общественные бедствия женщинам, которых считали ведьмами, и губить их за это.

От времени до времени являлись люди, которые не только словом, но и делом, святою, исполненною чудес жизнью, возбуждали всеобщее внимание, благотворно действовали на общество; подвиги этих святых мужей записывались и передавались в настоящее потомству; путешественники ко Святым Местам описывали чудеса природы и искусства, которые они встречали на пути. Кроме путешествий ко Святым Местам дошло до нас описание путешествия во Флоренцию, составленное одним из спутников митрополита Исидора; другой спутник Исидора, монах Симеон Суздалец, составил описание Флорентийского собора.

Продолжали переводить с греческого, но бóльшая часть этих переводов сделана была не в России, а на Афонской горе, в русском и сербском монастырях.

Что касается до литературы светской, то до нас дошли от описываемого времени исторические песни, сказания и летописи. Так, в песне рассказана смерть Шевкала в Твери; эта песня замечательна тем, что в ней описывается поведение татарских баскаков в городах русских. Как прежде содержанием исторических песен и сказаний служили подвиги князей и богатырей против печенегов и половцев, так теперь с XIII века содержанием сказаний служит борьба с татарами на востоке, с немцами и Литвою на западе. Сказания, относящиеся к борьбе с татарами, начинаются рязанским сказанием о нашествии Батяя, описываются подвиги и гибель рязанских князей, гибель княгини Евпраксии, которая, услышав об убиении мужа своего, князя Федора, Батыем, бросилась вместе с малюткою-сыном с высоких хором и убилась до смерти; рассказывается о необыкновенной храбрости и гибели боярина рязанского Коловрата. Составилось несколько сказаний о знаменитой Куликовской битве, из которых одно носит явные следы подражания «Слову о полку Игореве»; но ни одно из этих северных сказаний не может сравниться поэтическими красотою с «Словом о полку Игореве». Нашествие Тохтамыша на Москву послужило также предметом особого сказания; известия о Тамерлановом нашествии вошли в повесть о чуде от Владимирской иконы Богородицы: здесь говорится, что к выходу из русских

владений побудил Тамерлана сон, в котором явилась ему на воздухе жена, запрещавшая ему идти далее на русскую землю. Составилось сказание о житии и преставлении великого князя Димитрия Ивановича (Донского), царя русского: это похвальное слово, в котором почти исключительно выставляются нравственные достоинства Димитрия с тою целию, чтоб цари научились подражать ему. Это похвальное слово есть самое блестящее литературное произведение описываемого времени.

В борьбе на западных границах со шведами, немцами и Литвою прославились два князя — Александр Невский и Довмонт Псковский, поэтому подвиги их описаны в особых украшенных сказаниях. Летописи по-прежнему составлялись в разных городах — в Ростове, Твери, Москве, Новгороде и Пскове.

ГЛАВА XXV

КНЯЖЕНИЕ ИОАННА III ВАСИЛЬЕВИЧА

Счастливым потомок целого ряда умных, деятельных, бережливых предков, Иоанн III вступил на московский престол, когда собрание русской земли в одно государство могло почитаться уже оконченным. Общество так образовалось, что власти государственной ниоткуда не могло быть сильного противодействия — ни со стороны духовенства, ни со стороны бояр, ни со стороны городов. Новгород, Тверь, уделы княжества Московского, ждали только первого движения со стороны великого князя московского, чтоб подчиниться ему; Орда падала сама собою от разделения и усобиц. На западе король польский и великий князь литовский занят внутри раздором между Польшею и Литвою, занят извне делами Пруссии, Богемии, Венгрии, власть его ограничена вельможами и сеймом, и он не может мешать Москве усиливаться, не может бороться с ее могущественным неограниченным государем и уступает ему целые области. Иоанну III принадлежит честь за то, что он умел пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, в которых он явился истинным правнуком Всеволода III и Калиты, истым князем северной Руси: расчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращение от мер решительных, которыми можно было много выиграть, но и много потерять, и при этом стойкость в доведении до конца раз начатого, хладнокровие — вот отличительные черты в характере Иоанна III.

1. *Покорение Новгорода и Вятки.* Василий Темный как скоро избавился от опасных или беспокойных князей, так начал тяготиться, что Новгород не воздает ему достойной чести, и только увещание архиепископа Ионы да скоро потом случившаяся

смерть помешали ему нанести Новгороду последний удар. Чего не успел сделать отец, то готов был исполнить сын. Новгородцы понимали опасность своего положения, видели, что против Иоанна III не будет им помощи ни от кого из северных русских князей, и потому должны были искать помощи в другой стороне. Кроме великого князя московского, теперь сильного, спокойного, замышлявшего нанести последний удар Новгороду, был еще великий князь литовский, который назывался также и русским, и не понапрасну, потому что под его властью находились все княжества юго-западной Руси; к этому князю отъезжали из северо-восточной Руси все князья недовольные, лишенные волостей, угрожаемые князем московским; к нему обратились и новгородцы в последний, решительный час. Но великий князь литовский и вместе король польский был католик; отложиться от московского, православного князя и поддаться литовскому, католику, казалось большей части новгородцев изменою православию. И прежде не один раз великие князья литовские предлагали свое покровительство Новгороду; их предложения были отвергаемы, ибо от Москвы не было еще тогда такой опасности, но теперь нашлись люди, особенно между вельможами, которые считали необходимым поддаться литовскому великому князю, чтоб сохранить свой прежний быт. Во главе этих людей, преданных Литве, стояли Борецкие, дети умершего посадника Исака; мать их Марфа, женщина с сильным характером, имела большое влияние над детьми и заправляла всем.

Под влиянием литовской стороны в Новгороде начали оскорблять Иоанновых наместников, утаивать пошлины, следующие великому князю. Последний несколько раз отправлял в Новгород послов, требуя, чтоб жители его исправились, но не получал никакого удовлетворения. В Новгород приехал литовский князь Михаил Олелькович (т. е. Александрович), выпрошенный приверженными к Литве вельможами, которые взяли наконец верх на вече посредством подкупленных ими людей и отдали Новгород под покровительство короля Казимира. Казимир заключил с новгородцами договор как с вольными людьми, обязался оставить ненарушимым весь их старый быт и защищать их от великого князя московского. Последний, узнавши об этом, выступил в поход летом 1471 года; он вел большое войско, с ним были тверичи и псковичи, а к новгородцам не приходило помощи ниоткуда, король Казимир не трогался, и князь Михаил Олелькович уехал из Новгорода. Передовой отряд московского войска нанес новгородскому войску сильное поражение на берегах реки Шелони; в числе пленников, доставшихся победителям, находился сам посадник Борецкий, которого Иоанн велел казнить. Несмотря на это, литовская сторона все еще была сильна и готовилась защищаться, но когда вздорожал хлеб, то простой

народ поднялся на вельмож, укоряя их, зачем они привели великого князя на Новгород; вследствие этого архиепископ Феофил с знатными людьми поехал бить челом Иоанну, который расположился станом на устье Шелони; великий князь согласился дать мир новгородцам с условием, чтоб они заплатили ему 15 500 рублей и обязались не отдаваться вперед Литве, не брать к себе оттуда князей и архиепископов своих посылать на посвящение только в Москву.

В старые годы, при ослаблении власти княжеской в Новгороде вследствие постоянной борьбы многих князей-соперников, образовались здесь партии, также постоянно боровшиеся между собою; боярин, имевший средства платить многочисленным *вечникам* (крикунам на вече), мог отважиться на все, мог отважиться вооруженною рукою мстить за свои оскорбления; иногда целые улицы, целые части города (концы) враждовали друг с другом, отстаивая того или другого вельможу; сила решала споры, предводитель победившей стороны достигал должности посадника и в этом звании позволял себе мстить тем гражданам, которые были против него. Что оставалось побежденным и слабым? Молчать и ждать благоприятных обстоятельств, ждать усиления своей стороны, ждать возможности собраться на вече в большом числе, низложить соперников и поступить с ними по их же примеру. Так бывало прежде, когда великий князь был далеко, а наместников мало слушались. Но теперь, когда великий князь хотел и мог восстановить свое значение верховного судьи, теперь стороне угнетенной не нужно было долго дожидаться удобного случая к низложению врагов своих: она могла требовать защиты и суда от великого князя. Так, когда посадник Ананьин с некоторыми другими боярами напал на враждебных ему людей и даже на целые улицы, пограбил их и побил несколько человек, то обиженные послали жаловаться на него в Москву. Вследствие этих жалоб Иоанн в 1475 году приехал в Новгород и потребовал на суд обвиненных; суд был по старой форме, в присутствии владыки и старых посадников, и найдено, что обвиненные действительно виновны; тогда великий князь велел сковать их и отправить в Москву. Многим понравилось искать защиты от обид на суде великокняжеском, и когда Иоанн возвратился в Москву, то и туда новгородцы начали ездить к нему на суд. Иоанн видел, что пришло время нанести последний удар. Однажды приехал в Москву двое слов новгородских и назвали Иоанна *государем*, тогда как прежде новгородцы называли великого князя только *господином*. Иоанн воспользовался этим и тотчас послал спросить новгородцев: на каком основании они называют его государем, какого хотят государства, хотят ли, чтоб у них был один суд государев? Новгородцы отвечали, что они не хотят ничего нового, хотят, чтоб все оставалось по старине. Но Иоанн говорил «Я

не хотел у них государства, сами присылали, а теперь запираются, выставляют меня лжецом» — и объявил поход под Новгород. На этот раз Иоанн осадил Новгород без битвы; владыка Феофил явился просить мира, спрашивал, как великий князь хочет жаловать свою отчину. «Хотим государства в Великом Новгороде такого же, какое у нас в Москве, — отвечал Иоанн, — вечевому колоколу в Новгороде не быть, и государство все нам держать». Новгородцы, подумавши, согласились и 13 января 1478 года присягнули Иоанну как самовластному государю. Новгород, однако, не вдруг мог забыть свой прежний быт: происходили волнения, вследствие которых несколько тысяч лучших граждан были переведены в города восточной России, а на их место в Новгород переселены дети боярские и купцы из Москвы и других восточных городов. Колония новгородская Вятка, пользуясь отдаленным положением своим, хотела также быть независимой, позволила себе в некоторых случаях не слушаться великого князя: в 1489 году Иоанн отправил против нее большое войско под начальством князя Даниила Щени; вятчане принуждены были покориться и выдали троих главных зачинщиков неповиновения, которые и были повешены, остальные же лучшие люди были выселены и получили поместья на южной границе государства, а купцы поселены в Дмитров. Псков удержал на время свою старину, потому что постоянно старался угождать великому князю, покорностью утишать гнев его.

2. *Власть Иоанна в Рязани.* И Рязань сохранила свою самостоятельность по имени, потому что на самом деле беспрекословно подчинялась распоряжениям великого князя московского. Рязанский великий князь Василий, взятый малюткою в Москву при Василии Темном, вырос здесь и женился на сестре великого князя Иоанна. Василий умер, оставя двоих сыновей, Ивана и Феодора; последний, умирая бездетным, отказал свой удел дяде, великому князю московскому; старший, Иван, умер, оставя пятилетнего сына Ивана под опекою матери и бабки; эта бабка, великая княгиня Агриппина, слушалась во всем брата своего Иоанна III.

3. *Покорение Твери.* Вполне независимым великим княжением была Тверь; ее великий князь Михаил Борисович находился в мире и союзе с Иоанном до конца 1484 года; в это время в Москве узнали, что тверской князь начал держать дружбу с Казимиром литовским и женился на его внучке; в договоре с королем Михаил обязался стоять с ним заодно против всех без исключения. Это обстоятельство было явным нарушением обязательств, заключенных прежде с московским князем, и потому последний объявил Михаилу войну, которая началась опустошением Тверской области; Тверь одна не могла воевать с Москвою, литовская помощь не являлась, и Михаил принужден был просить мира. Иоанн дал мир, потому что не любил ничего делать с одного

раза, а приготавливал верный успех исподволь. Бояре тверские начали переезжать в Москву на службу к Иоанну, не могли сносить обид от него, потому что в спорах за земли между москвичами и тверичами если москвичи обижали, то тверичи не находили никакой управы, если же тверичи обижали, то Иоанн с бранью и угрозами посылал к тверскому князю, ответам его не верил, суду быть не позволял. Михаил Борисович опять завел сношения с Литвою; в Москве узнали об этом и стали собирать войско; испуганный Михаил напрасно присылал бить челом Иоанну, тот не хотел ничего слышать и осадил Тверь; Михаил ночью убежал в Литву, и Тверь присягнула Иоанну в 1485 году.

4. *Присоединение удела Верейского.* После Василия Темного кроме уделов, которые он раздал меньшим сыновьям своим, оставался еще один удел, Верейский, принадлежавший Михаилу Андреевичу, внуку Дмитрия Донского. Этот старик Михаил Андреевич уступал всем требованиям Иоанна, отдавал все, чего только тот ни просил, и таким образом не представлял никакого предлога к присоединению Верейского удела к Москве. Предлог, однако, нашелся: великая княгиня, жена Иоаннова, выдав замуж племянницу свою за сына Михаила, Василия, дала ей в приданое некоторые вещи, которые потом понадобились Иоанну; узнавши, что они у Василия верейского, Иоанн рассердился, послал забрать у него все женино приданое, причем грозил посадить его в тюрьму вместе с женою; молодой князь испугался и убежал в Литву. Тогда Иоанн отобрал Верею у старика Михаила за вину сына его и хотя отдал назад, но только в пожизненное владение; по смерти Михаила Верея присоединена была к Москве.

5. *Отношения Иоанна к родным братьям.* С другими удельными князьями московскими, родными братьями своими, Иоанн жил мирно до 1472 года, когда умер старший из них по нем Юрий Васильевич дмитровский; Иоанн присоединил его удел к Москве, не давши ничего братьям; те рассердились, на этот раз, однако, дело кончилось перемирием, причем Иоанн дал братьям некоторые волости. Но потом неудовольствия возобновились, когда великий князь нарушил право бояр, членов дружины, переходить свободно от одного князя к другому; один из князей, находившихся в службе Иоанна, Оболенский-Лыко, недовольный великим князем, отъехал, по обычаю, из Москвы к брату Иоаннову князю Борису волоцкому. Но великий князь велел тайно схватить Оболенского и в оковах отвезти в Москву. Князь Борис, услышав об этом, послал к брату Андрею углицкому с жалобою на старшего брата, и удельные решили защищать свои права. Собравши большое войско, они двинулись к литовским границам, чтоб там удобнее пересылаться с королем Казимиром; войско их сильно опустошило русские области, чрез которые проходило. Занятый войною татарскою, великий князь не мог

развлекать своих сил еще войною с братьями и потому исполнил все их требования. Через десять лет после этого, осенью 1491 года, Иоанн велел братьям отправить воевод своих на помощь крымскому хану, на что имел полное право по договорам; князь Борис послал свои полки, но князь Андрей не послал. За это ослушание великий князь велел схватить Андрея, когда тот приехал в Москву; сыновья его были также схвачены и заключены в оковы, удел присоединен к Москве.

б. Брак Иоанна на греческой царевне и следствия этого брака.

Кроме ссор с братьями Иоанна сильно беспокоила смута, происходившая в собственном его семействе. Иоанн в первый раз был женат на Марии Борисовне, дочери великого князя тверского, которая умерла в 1467 году. От этого брака Иоанн имел сына Иоанна, которого он, по примеру отца, назвал великим князем, так что грамоты писались от имени двоих великих князей, двоих Иоаннов. Но не прошло еще двух лет от смерти Марии, как началось сватовство великого князя на царевне греческой. После взятия Константинополя турками брат убитого на стенах его императора Константина, Фома Палеолог, нашел с семейством убежище в Риме, после него осталось здесь двое сыновей и дочь Софья, которую папа Павел II и предложил в супружество московскому великому князю, без сомнения желая воспользоваться случаем завязать сношения с Москвою и утвердить здесь свою власть посредством Софьи. Предложение было принято; в 1472 году Софья приехала в Москву и обвенчалась с великим князем. Кардинал, приехавший с нею, завел спор с митрополитом о необходимости для русской Церкви соединиться с Римом, но не мог переспорить русского книжника Никиту Поповича, которого выставил против него митрополит; и Софья не думала благоприятствовать видам папы, ее деятельность была обращена на другое. Племяннице греческого императора не нравилось, что муж ее, великий князь московский, не имел еще вполне царственного положения, был окружен боярами, которые не забыли еще недавней старины, когда они при малейшем неудовольствии могли отъехать от одного князя к другому, был окружен князьями, которые хорошо помнили, что они одного происхождения с великим князем и очень недавно были еще князьями владетельными. Эти князья и бояре заметили, что после брака на Софье Иоанн переменил с ними обращение, окружил себя небывалым прежде величием, заставил их держаться в почтительном от него отдалении, стал взыскателен и строг, отчего и получил прозвание Грозного. Князья и бояре приписали такую перемену Софье и сильно ее невзлюбили. Эта нелюбовь особенно обнаружилась, когда возник вопрос о престолонаследии.

В 1490 году умер Иоанн Молодой, старший сын великого князя, он был уже женат на Елене, дочери господара молдавского

Стефана, и оставил малолетнего сына Димитрия. Но у старого великого князя Иоанна был сын от Софьи, Василий, и вот рождался вопрос: кому наследовать великое княжение, сыну или внуку? Враждебные Софье вельможи стали на сторону Елены и сына ее Димитрия, и сначала им удалось одержать победу: Василий, обвиненный в заговоре против отца, был посажен под стражу; приверженцы его, люди все незнатные, казнены; великий князь удалился и от жены, которую стал подозревать в злых умыслах, и торжественно венчал внука Димитрия на великое княжение. Но торжество врагов Софьи было непродолжительно: она успела опять сблизиться с мужем, и следствием было, что страшная опала постигла две самые знатные фамилии, особенно близкие к великому князю и потому более других враждебные Софье,— князей Патрикеевых, литовских выходцев, потомков Гедимины, и родственников их, князей Ряполовских-Стародубских, потомков Всеволода III: Ряполовскому отрубили голову, Патрикеевых, отца и сына, постригли в монахи. После этого великий князь стал обнаруживать нерасположение ко внуку Димитрию, сблизился с сыном Василием, объявил его сначала великим князем Новгорода и Пскова, а потом посадил под стражу Димитрия и мать его Елену, а Василия провозгласил великим князем и самодержцем всея Руси.

7. *Спадение татарского ига.* Кроме влияния на дела внутренние Софья Фоминична, как говорят, требовала от мужа, чтоб он перестал быть татарским данником. Татарское царство в это время делилось на три независимые орды — Золотую, Казанскую и Крымскую. Хан Золотой Орды Ахмат не был доволен Иоанном за то, что тот не ехал к нему с поклоном и не удовлетворял его требованиям относительно дани; притом же польский король Казимир, не имея средств прямо бороться с Иоанном, подстрекал Ахмата, чтоб тот нападал на Московское государство и таким образом отвлекал внимание Иоанна от запада на восток.

Ахмат в 1472 году напал на московские границы со стороны Оки и, сжегши Алексин, удалился назад. В 1480 году, услышавши о восстании братьев великого князя и сговорившись с Казимиром литовским действовать заодно, Ахмат опять напал на московские владения, теперь уже со стороны реки Угры, и обнаруживал намерение идти далее, к самой Москве; Иоанн, сам крайне осторожный и уговариваемый двумя приближенными вельможами, Ощерою и Мамоном, опасался дать битву хану и хотел удалиться в северные области. Оставя войско на берегу Оки, он приехал в Москву, где было встречено сильным негодованием народа; митрополит и особенно ростовский архиепископ Вассиан уговорили Иоанна без боязни встретить Ахмата и дать ему битву. «Зачем боишься смерти? — говорил ему Вассиан, — ведь ты не бессмертен; а без року нет смерти ни человеку, ни птице, ни зверю; дай

мне, старику, войско в руки: увидишь, уклоню ли я лицо свое пред татарами!» Иоанн поехал опять к войску и завел переговоры с ханом; в это время получил он грамоту от Вассиана, который опять в сильных выражениях увещевал его не слушаться людей, советующих избегать битвы. Иоанн прервал переговоры, а между тем наступила осень, река Угра стала, и таким образом открывалась возможность татарам переправиться на другой берег; Иоанн велел своему войску отступать к Боровску, обещая дать битву татарам в окрестностях этого города; войско не отступало, а бежало, пораженное страхом, но татары не преследовали его, ибо начались лютые морозы, которые отняли у плохо одетых татар всякую возможность идти далее на север, где еще они должны были сражаться с войском московским. 16 ноября Ахмат ушел назад в степи, где в начале 1481 года был настигнут врасплох и убит Иваком, ханом Тюменской Орды.

8. *Союз Москвы с Крымом.* Таким образом, последний грозный для Москвы хан Золотой Орды погиб от одного из потомков Чингисхановых; после Ахмата остались сыновья, которым также суждено было погибнуть от татарского оружия. Еще в княжение Вассиана Темного стала известна Крымская Орда, составленная Едигеем из улусов черноморских, но сыновья Едигеевы погибли в усобицах, и родоначальником крымских ханов был Ази-Гирей, от которого все его потомки назывались Гиреями. Сын Ази-Гиреев, Менгли-Гирей, по причине жестокой наследственной вражды с ханами Золотой Орды почел полезным для себя сблизиться с великим князем московским, чтоб вместе действовать против общих врагов; в случае изгнания от этих врагов Менгли-Гирей выговорил себе убежище у московского государя, который охотно принимал к себе татарских ханов для увеличения своего войска. Менгли-Гирей должен был готовить себе убежище на всякий случай и потому еще, что в 1475 году Крым был завоеван турками; Менгли-Гирей остался ханом, но в качестве подручника султана и боялся, что в Константинополе могут когда-нибудь сменить его. Вражда Ахматовых сыновей с Менгли-Гиреем продолжалась, и московские войска ходили на помощь крымским; в 1502 г. Менгли-Гирей напал на последнего Ахматова сына, Шиг-Ахмета, и нанес его Орде тяжелый, окончательный удар; Шиг-Ахмет убежал в Польшу и там умер в темнице. Так окончилось существование Золотой Орды.

9. *Подчинение Казани и завоевание Перми.* Незадолго перед тем потеряла свою независимость и Орда Казанская. С начала своего княжения Иоанн все воевал с Казанью, несколько раз высылал против нее большое войско, которое, однако, возвращалось без значительных успехов; так шли дела до самой смерти хана Ибрагима, когда начались усобицы в Казани между двумя сыновьями его, Алегамом и Магмет-Аминем. Магмет-Аминь

приехал в Москву, назвал Иоанна отцом себе и просил у него войска на старшего брата; это войско отправилось в 1487 году, осадило Алегаму в Казани, и тот принужден был сдаться; на его место был посажен Магмет-Аминь как подручник великого князя московского. Иоанн распространил свою власть и на отдаленном северо-востоке, в странах, лежащих по обе стороны Уральских гор: в 1472 г. покорена Пермь; потом московские воеводы совершили несколько удачных походов за Уральские горы, в югорскую землю; русские суда явились на Иртыше и на Оби; дикие вогуличи принуждены были отказаться от нападений на русские области.

10. *Войны с Литвою и Ливониею.* Но важнее были дела на западе, где московский великий князь впервые после тяжелых времен Витовтовых начинает наступательное движение и высказывает мысль, что все западные русские волости должны принадлежать ему как потомку св. Владимира, а не князьям литовским. Не имея средств вести открытой войны с Москвою, король Казимир в сношениях своих с Новгородом и Ордой обнаруживал явную вражду к Иоанну и этим заставлял последнего принимать свои меры, искать союзников против Литвы: так, отправляя послов своих в Крым, он обыкновенно наказывал им стараться, чтоб Менгли-Гирей не заключал мира с Казимиром. Повод к неприязненным столкновениям между Литвою и Москвою подавали мелкие пограничные князья, большею частью потомки черниговских, из которых одни находились в зависимости от Москвы, другие — от Литвы; продолжая старые родовые усобицы, они беспрестанно ссорились между собою, переходили из литовского подданства в московское; так поступали князья воротынские, белевские. Казимир жаловался, но войны не было до самой смерти его, случившейся в 1492 году; Польша и Литва разделились между его сыновьями: Яну Альбрехту досталась Польша, Александру — Литва. Иоанн немедленно послал воевод своих на Литву, настоял, чтоб и Менгли-Гирей послал туда же своих татар. Литве было трудно отбиваться от Иоанна и от Менгли-Гирея вместе; вельможи ее стали думать о мире с Москвою и, чтобы склонить Иоанна к уступкам, решили предложить ему брачный союз одной из дочерей его с великим князем Александром. Иоанн отвечал, что не хочет слышать о сватовстве до заключения мира, а для этого Литва должна уступить ему все его приобретения, которые увеличивались все более и более, ибо князья не переставали переходить из литовского подданства в московское с своими отчинами и воеводы Иоанновы не переставали забирать города Александровы; наконец литовский князь прислал в Москву великих послов и заключил мир на всей воле Иоанновой; город Вязьма, князья новосильские, одоевские, воротынские и белевские отошли к Москве с вотчинами; в договорной грамоте

московский князь был написан государем всея Руси: Иоанн первый начал употреблять этот титул во внешних сношениях, что очень не нравилось великим князьям литовским и королям польским, имевшим за собою много русских владений.

В 1495 году Александр женился на Елене, дочери Иоанновой, причем дал тестю обещание не принуждать жены к принятию римско-католического исповедания; Иоанн требовал также, чтоб Александр устроил для Елены домовую православную церковь в самом дворце, но Александр не хотел исполнять этого требования, также перестал называть тестя государем всея Руси и не хотел, чтоб при Елене оставались московские бояре. Все это повело к размолвке между тестем и зятем, а возобновившийся переход князей из литовского подданства в московское повел к открытой войне: так, перешел князь Бельский на том основании, что православные терпят в Литве большую нужду от католиков; за Бельским перешли с богатыми волостями князя, до сих пор бывшие заклятыми врагами великого князя московского, а именно князь Василий Иванович, внук Шемяки, и сын приятеля Шемякина, Ивана Андреевича можайского, князь Семен Иванович; Шемячич поддался с своими волостями — Рьльском и Новгородом Северским, князь Семен поддался с Черниговом, Стародубом, Гомелем, Любечем; поддались и другие князья, менее значительные, — все по причине гонения за веру. Иоанн послал объявить Александру, что принял в службу можайского с Шемячичем, и в то же время послал складную грамоту, или объявление войны.

Война началась счастливо для Москвы. 14 июля 1500 года московское войско под начальством князя Даниила Щени встретилось у Дорогобужа, на речке Ведроше, с литовским войском, которое было под начальством гетмана князя Константина Острожского; благодаря тайной засаде, решившей дело, московские воеводы одержали решительную победу: гетман князь Острожский и другие литовские воеводы попались в плен; за ведрошскою победою следовала победа под Мстиславлем, где литовцы потеряли также много людей. После этого война продолжалась еще несколько лет; в ней принял участие ливонский магистр Вальтер фон Плеттенберг, который благодаря своей артиллерии разбил псковское и московское войско под Изборском, но потом русские отомстили ему сильным поражением под Гелмедом; в третьем сражении, на берегах озера Смолина, немцы, несмотря на малочисленность свою сравнительно с русскими, бились отчаянно, устояли на месте, и Плеттенберг со славою отступил к своим границам, но со славою бесполезною, ибо орден не мог бороться с Московским государством даже в союзе с Польшею и Литвою. Александр литовский, сделавшийся по смерти брата, Яна Альбрехта, и королем польским, должен был просить мира

у тестя; при посредничестве венгерского посла заключено было перемирие на шесть лет — от 25 марта 1503 до 25 марта 1509 года; Александр уступил тестю земли всех князей, поддавшихся Москве, — стародубского, Шемячича и других. В то же время заключено было перемирие и с Ливонским орденом.

11. Отношения Москвы к другим государствам европейским. Кроме Литвы и Ливонского ордена на западе в Иоанново княжение велась еще война с Швециею в союзе с королем датским в 1496 году; война эта велась с переменным счастьем и кончилась, когда союзник московский, король датский, стал и королем шведским. В угоду тому же союзнику своему, королю датскому, врагу Ганзы, Иоанн велел схватить в Новгороде всех немецких купцов, отнять у них товары, гостиные дворы, божницу; этим был нанесен сильный удар торговле Новгорода и его благосостоянию. Кроме Дании при Иоанне начались сношения с австрийским домом, Венециею и Турциею; сношения с императором Фридрихом и сыном его Максимилианом кончились ничем по недостатку общих интересов; в Венецию Иоанн отправлял послов для вызова нужных ему мастеров; с султанами сносился для того, чтоб доставить русским купцам больше удобств в турецких владениях.

12. Кончина и завещание Иоанна III. Счастливым во все продолжение жизни своей, Иоанн перед смертью был огорчен печальною вестью, что подручник его, хан казанский Магмет-Аминь, свергнул это подруничество; Иоанн не мог наказать изменника: он умер 27 октября 1505 года на 67 году от рождения, пережив вторую жену свою, знаменитую Софью, двумя годами. В завещании своем Иоанн поделил волости между пятью сыновьями: Василием, Юрием, Димитрием, Симеоном и Андреем, но старшему Василию дал 66 городов, и притом самых значительных, тогда как всем остальным четверым сыновьям вместе дал только 30 городов; право чеканить монету получил только один великий князь. Наконец, Иоанн III в своей духовной окончательно решает вопрос о выморочных уделах. «Если кто-нибудь из сыновей моих, — говорит он, — умрет, не оставив ни сына, ни внука, то удел его весь идет сыну моему Василию, а меньшие братья в этот удел не вступаются». Чтоб утвердить новый порядок престолонаследия, Иоанн при жизни своей заставил сыновей своих Василия и Юрия заключить договор, по которому Юрий обязался в случае смерти Василия не искать великого княжения под сыном его.

13. Внутренняя деятельность Иоанна III: вызов иностранных мастеров. Прекращение дани, или *выхода*, в Орду, приобретение обширных и богатых земель, внутреннее спокойствие, благоприятствовавшее мирным промыслам и торговле, — все это увеличивало доходы Иоанна не в пример пред его предшественниками, а это увеличение доходов дало ему средства окружить себя

царскою пышностью и украсить свою столицу Москву, до тех пор бедный город, наполненный почти исключительно небольшими и незатейливыми деревянными избами. Главным украшением города считался соборный храм, но Москва не могла похвастаться и своим Успенским собором, который, будучи построен при Калите, уже так обветшал, что своды тронулись, а потому должно было подпирать здание толстыми деревянными столпами. В 1472 году эту ветхую церковь разрушили, начали строить новую, но когда стали сводить своды, то здание рухнуло. Великий князь послал в Италию искать искусного архитектора, и привезли из Венеции Аристотеля Фиораванти, болонского уроженца, который согласился ехать в Москву за десять рублей в месяц жалованья. В 1475 году начал Аристотель свои работы и в 1479 кончил построение Успенского собора, и до сих пор существующего. Кроме Успенского собора другими мастерами были построены соборы Архангельский и Благовещенский, каменный дворец великокняжеский, несколько красивых башен; митрополит и богатые люди строили себе также каменные дома, и таким образом Москва, т. е. собственно Кремль, приняла другой вид. Отправляя послов своих к иностранным дворам европейским, Иоанн наказывал им добывать мастеров: рудника, который руду знает золотую и серебряную, да другого мастера, который умеет от земли отделить золото и серебро; добывать также мастера хитрого, который бы умел к городам приступать, да другого мастера, который бы умел из пушек стрелять, да каменщика, который бы умел палаты ставить, да серебряного мастера, который бы умел большие сосуды делать и кубки, да чеканить бы умел и писать на сосудах; да лекаря доброго, который бы умел лечить внутренние болезни и раны. Судьба иностранных лекарей была незавидна в это время в Москве: одного умертвили за то, что не вылечил сына великокняжеского Иоанна Молодого; другого — за то, что не вылечил одного татарского князька.

14. *Издание Судебника.* В 1497 г. дьяку Владимиру Гусеву поручено было составить судебный устав, или Судебник. Здесь прежде всего определено, кто и как должен судить. Судья (боярин или сын боярский) не может судить один; при нем должны быть дворский, староста и лучшие люди; судьи, их тиуны и люди не должны брать *посула* (взятки). За двукратное воровство, разбой, душегубство, ябедничество, святотатство, похищение людей, подмет, зажигательство назначена смертная казнь. О наследстве определено так: если человек умрет без духовного завещания и не будет у него сына, то все имение и земля идут дочери, а не будет дочери, то наследует ближайший родственник.

15. *Дела церковные.* Русская Церковь во время Иоанна III боролась с опасною ересью жидовствующих. Эта ересь, отверга-

вшая таинство Св. Троицы, божество Иисуса Христа, необходимость воплощения, почитания угодников Божиих, икон, монашества, явилась в Киеве в половине XV века, а может быть, и ранее. Глава или член общества киевских еретиков жид Схария приехал из Киева в Новгород вместе с князем Михаилом Олельковичем и насадил здесь ересь. Первыми учениками Схарии были два священника, Дионисий и Алексей, наружное благочестие которых обратило на них внимание народа и содействовало быстрому распространению ереси; еретики отличались ученостью, имели книги, каких не было у православного духовенства, которое потому сначала и не могло успешно бороться с еретиками. Слава благочестивой жизни и мудрости двоих главных еретиков новгородских — Дионисия и Алексея достигла до того, что обратила на них внимание великого князя, когда он приехал в Новгород в 1480 году, и оба они взяты были в Москву; здесь они скоро распространили свое учение и между людьми знатыми; в числе принявших это учение были симоновский архимандрит Зосима, дьяк Федор Курицын, известный своею грамотностью и способностями; наконец, невестка великого князя Елена, мать наследника престола. Когда новгородский архиепископ Геннадий открыл ересь в Новгороде и начал преследовать там еретиков, то они бежали в Москву, где жили без всякого стеснения. Видя такое послабление еретикам в Москве, Геннадий призвал на помощь Иосифа, игумена и основателя Волоколамского монастыря.

Иосиф Санин, сын московского служилого человека, еще до двадцатилетнего возраста успел испытать свои силы в безмолвном иночестве, а потом поступил в монастырь Пафнутия Боровского. Избранный по смерти Пафнутия в игумены Боровского монастыря, Иосиф уже не был доволен его уставом и хотел ввести строжайший; когда братия не согласилась на это, то Иосиф оставил Пафнутиев монастырь и основал собственный в лесах волоколамских с самым строгим общежительным уставом. Такого-то человека, неутомимого в подвигах, строгого к себе и другим, способного неуклонно стремиться к своей цели, несмотря ни на какие препятствия, вызвал Геннадий на борьбу с ересью, которая усиливалась все более и более. В 1489 году был посвящен в митрополиты тайный соумышленник еретиков симоновский архимандрит Зосима; по свидетельству Иосифа Волоцкого, в домах, на дорогах, на рынке все — иноки и миряне — с сомнением рассуждали о вере, основываясь на словах еретиков; Иосиф писал против них обличительные слова, собрание которых известно под именем *Проветителя*, требовал, чтоб архиереи отказались от всякого сообщения с митрополитом Зосимою; последний принужден был отречься от митрополии; но ересь не ослабевала, потому что находила себе подпоры в самом дворце,

в великой княгине Елене, на стороне которой были самые могущественные вельможи. Действуя против еретиков, следовательно, против Елены, Иосиф, естественно, должен был стать на сторону Софьи и ее сына, торжество которых над Еленою и ее приверженцами необходимо давало торжество православным над еретиками. Иосиф нашел доступ к великому князю и убедил его принять строгие решительные меры против еретиков: в конце 1504 года созван был собор, следствием которого было то, что главные из еретиков были сожжены, другие разосланы в заточение. Впрочем, удар, нанесенный ереси собором 1504 года, хотя был силен, однако не был окончательным, как увидим впоследствии.

Кроме борьбы против ереси жидовствующих Иосиф Волоцкий участвовал еще в решении важного вопроса о том, следует ли монастырям владеть населенными имениями. Вопрос этот становился все важнее и важнее, потому что служилые, или ратные, люди, которых число правительство старалось увеличивать, получали свое содержание от населенных земель, от наследственных (отчин) и жалуемых государем во временное владение (поместий); государю нужно было, чтоб таких земель, которые он мог раздавать в поместья, было как можно больше в его распоряжении, вместе с тем государю нужно было, чтоб служилые люди не уменьшали своих отчин, не уменьшали, таким образом, и средств к существованию и службе, а ратные люди уменьшали их, потому что имели обычай раздавать часть своих земель на помин души по монастырям. Вопрос о том, следует ли монастырям владеть селами, был поднят на соборе знаменитым отшельником Нилом Сорским (так названным по обители его на реке Соре, в 15 верстах от Кириллова Белозерского монастыря). Нил требовал, чтоб монахи жили по пустыням и кормились своими трудами; он смотрел на монастыри как на общество людей, отрекшихся от мира и потому не могущих заниматься ничем мирским. Нила поддерживали пустынники белозерские, но Иосиф Волоцкий смотрел на монастырь как на общество, из которого должны выходить правители церковные. «Если у монастырей сел не будет,— говорил Иосиф,— то как честному и благородному человеку постричься? Если не будет честных старцев, то откуда взять архиереев?» Мнение Иосифа Волоцкого превозмогло на соборе, и великий князь оставил дело, но вопрос не затих, как увидим после.

Кроме этих дел русская Церковь занималась при Иоанне III мерами для исправления нравственности духовенства и для просвещения его; новгородский архиепископ Геннадий, узнавши по опыту во время появления ереси жидовствующих, как необходимо просвещение для поддержания православия, поднял вопрос о необходимости училищ для духовенства.

ГЛАВА XXVI

КНЯЖЕНИЕ ВАСИЛИЯ ИОАННОВИЧА

1. *Отношения Василия к боярам и дело о разводе.* Мы познакомились с Василием Иоанновичем в то время, когда он вступил в борьбу за престол с племянником своим Димитрием. Мы видели, что во время этой борьбы вельможи стояли на стороне Димитрия, на стороне же Василия и его матери Софьи стояли люди незначительные по происхождению и сану, дети боярские и дьяки; видели также, что на стороне Василия стоял знаменитый противник жидовствующих Иосиф Волоцкий. Василий восторжествовал, противная ему сторона, лишенная вождей своих, Патрикеевых и Ряполовских, не могла по смерти Иоанна III обнаружить никакого движения против Василия в пользу Димитрия, и этот несчастный князь умер в тесном заключении в 1509 году. С торжеством Василия, разумеется, должны были восторжествовать люди, бывшие ему преданными во время жизни отца его; взявши престол с бою против сильных врагов, против вельмож, Василий не мог питать к ним расположения, должен был смотреть на них враждебно, удаляться от них; если вельможи жаловались и на Иоанна III, что он переменял обращение с ними, и приписывали перемену эту внушениям великой княгини Софьи, то еще больше стали жаловаться на сына Софьи: по их отзывам, при Иоанне III было им еще легко, Иоанн III еще советовался с ними и позволял противоречить себе, но Василий не допускал противоречий и решал дела без бояр у себя в комнате, с своими приближенными людьми, которыми были дворецкий Шигона Поджогин да человек пять дьяков, хотя по форме дела были отдаваемы на обсуждение совета из бояр, или, как тогда называли, *думы*. Таким образом, Василий, по словам одного умного и наблюдательного иностранца, Герберштейна, кончил то, что начато было отцом его, и властью своею над подданными превосходил всех монархов в целом свете, имел неограниченную власть над жизнью, имуществом людей светских и духовных; из советников его, бояр, никто не смел противоречить или противиться его приказанию. Первое место между боярами занимал сначала князь Василий Холмский, но, как видно, он пошел по следам Патрикеевых, потому что скоро был заключен в тюрьму; боярину Берсеню отрезали язык за то, что он вздумал жаловаться на великого князя и на перемены, произведенные, по его мнению, Софьею; митрополит Варлаам был свергнут.

Но был еще жив сын знаменитого отца и сам знаменитый своим высокоумием, на которое жаловался Иоанн III, князь Василий Патрикеев, постриженный при Иоанне III под именем Вассиана, прозвище ему было *Косой*. Великий князь Василий,

вероятно считая его безвредным для себя, позволил ему жить в Москве, в Симонове монастыре, и ласкал его как старца умного, начитанного и знатного по своему происхождению. Иночество не укротило Патрикеева, он продолжал ожесточенную борьбу с Иосифом Волоцким, который не переставал утверждать, что против оставшихся еретиков, жидовствующих, должны быть приняты самые строгие меры. Монахи Кириллова и вологодских монастырей и во главе их Вассиан Косой опровергали это мнение Иосифа. Иосиф умер в 1515 году; Вассиан Косой пережил его и продолжал воевать с его мнениями; так, он продолжал утверждать, что монастырям не должно владеть селами, причем нашел себе единомышленника в знаменитом Максиме Греке. Великий князь Василий просил афонские монастыри послать ему ученого монаха, способного исправить старые переводы церковных книг и сделать новые, и вследствие этой просьбы приехал в Москву Максим, албанский грек, путешествовавший по Европе, учившийся в Париже, Флоренции, Венеции. Максим оказал большие услуги русскому просвещению: переводил, исправлял книги, писал против разных суеверий, против сочинений, которые распространяли в народе разные сказки, наконец, сблизившись с Вассианом Косым, писал о том, что не следует монахам владеть селами. Но Максим и Вассиан не успели дать силы своему мнению, потому что оба подверглись беде по делу о разводе великого князя.

Великий князь Василий был женат на Соломониде из рода Сабуровых и не имел от нее детей. Таким образом, престол должен был достаться после него брату его Юрию Ивановичу. Но Василий жил очень недружно с этим братом и считал его и другого брата, Андрея, неспособными к управлению государством. Кроме того, если люди, которые не любили Василия, радовались, что место его заступит князь не столько строгий, умный и деятельный, то люди, всем обязанные Василию, должны были ждать для себя большой беды в случае беспотомственной смерти великого князя, ибо все преданные ему люди возбудили к себе сильную вражду в людях, недовольных им, а в том числе и вражду братьев великокняжеских. Между самыми преданными Василию людьми находился и митрополит Даниил, взятый на митрополию из игумнов Иосифова Волоцкого монастыря и уже по этому самому неприятный Вассиану Косому и всей его стороне. Даниил разрешил великому князю развестись с Соломонидою и жениться во второй раз на Елене Васильевне, дочери литовского выходца князя Глинского. Этот поступок Василия, разумеется, возбудил новое сильное негодование в людях, уже и прежде им недовольных; сильно вооружился против развода Вассиан Косой, и Максим Грек его поддерживал. Лишившись благосклонности великого князя вследствие этого сопротивления

разводу, Вассиан и Максим были обвинены в церковных преступлениях и оба заточены; Вассиан умер в заточении, Максим пережил и великого князя, и митрополита.

2. *Войны с Литвою.* Такова была в княжение Василия борьба партий, служившая продолжением борьбы, начатой при отце его. Враги внешние надеялись, что эта борьба будет сильнее, опаснее для Василия, и хотели воспользоваться ею; великий князь литовский Александр и ливонский магистр Плеттенберг ждали с часу на час известий об усобицах в Москве и держали войско наготове. Но они обманулись в своих ожиданиях; в Москве все было тихо. Скоро сам Александр литовский умер (в 1506 году), и Василий московский хотел воспользоваться смертью бездетного зятя для мирного соединения Литвы и западной России с Москвою; он послал сказать сестре своей, королеве Елене, чтоб она уговаривала литовцев признать его, Василия, своим государем. Но Елена отвечала, что королем польским и вместе великим князем литовским уже назначен брат Александров, Сигизмунд I Казимирович. Впрочем, эта перемена в Литве не обошлась без сильной смуты и усобиц, которою в свою очередь хотел воспользоваться великий князь московский.

Любимцем покойного короля Александра был князь Михаил Глинский, проведший долгое время за границею, умевший везде приобрести расположение умом, образованностью, искусством в деле ратном. Сильная привязанность короля Александра к Глинскому, могущество и богатство последнего возбудили зависть и вражду в остальных панах литовских. Новый король Сигизмунд был уже предубежден против князя Михаила и явно склонялся на сторону врагов его. Тогда Глинский удалился от двора в свои имения и завел пересылку с великим князем московским, который обещал ему помощь на всех его неприятелей. В 1507 году начались неприятельские действия вступления московских полков в литовскую землю; Глинский волновал Русь и соединился с войсками Васильевыми; Сигизмунд не видел возможности кончить с успехом эту войну и решился прекратить ее важным пожертвованием с своей стороны, именно уступил Василию в вечное владение приобретения Иоанна III. Вечный мир, или *докончание*, как тогда называли, было заключено в сентябре 1508 года, причем Глинским и их приятелям выговорен был свободный выезд из Литвы в Москву.

Понятно, что Михаил Глинский не мог быть доволен этим миром: он потерпел полную неудачу в своих замыслах, принужден был покинуть родную страну, отказаться от богатых владений, за которые великий князь московский не мог вознаградить его ни обширными волостями, ни важным значением при дворе своем. Вот почему даровитый, ловкий и деятельный Глинский употреблял все усилия к возвращению себе прежнего положения,

для чего должна была служить новая война Москвы с Литвою. Обстоятельства были благоприятны; Альбрехт, маркграф бранденбургский и вместе магистр Тевтонского ордена, готовился к войне с королем польским; император, другие князья немецкие и ливонские поддерживали Альбрехта. Поводом к войне послужил слух о неприятностях, которым подвергается сестра великого князя Елена в Литве, и старание короля Сигизмунда возбудить крымских татар против Москвы. Война началась в 1512 году; три раза Василий осаждал Смоленск, только в 1514 году 29 июля этот крепкий город принужден был к сдаче. Глинский надеялся, что великий князь отдаст ему Смоленск, но обманулся в своей надежде и, видя, что ему нечего больше ждать от Москвы, завел сношения с королем Сигизмундом, который охотно принимал его опять к себе в службу, но переговоры эти были открыты, Глинский схвачен и в оковах отвезен в Москву. Торжество взятия Смоленска было помрачено сильным поражением, которое потерпели московские войска у Орши 8 сентября 1514 года: здесь князь Константин Острожский, начальствовавший снова полками литовскими, отомстил москвичам за ведрошское поражение. Но король не мог извлечь для себя никакой пользы из оршинской победы, не мог возвратить себе Смоленска, приобретение которого для Василия служило достаточным вознаграждением за все потери. После оршинской битвы война продолжалась еще семь лет без всякого замечательного успеха с обеих сторон. Наконец в 1522 году заключено было перемирие, причем Смоленск остался за Москвою до заключения вечного мира, но вечного мира между Москвою и Литвою не увидят ни шестнадцатый, ни первая четверть семнадцатого века именно благодаря Смоленску, который обе стороны могли уступить навеки только в самой крайности.

3. *Войны с Крымом и Казанью.* Во время литовской войны Василий был в союзе с Альбрехтом, курфюрстом бранденбургским и великим магистром Тевтонского ордена, которому помогал деньгами для войны с Польшею; король Сигизмунд с своей стороны не щадил денег, чтоб поднимать на Москву крымских татар. Столько выгодный для Иоанна III союз с Крымом кончился в начале княжения сына его: Менгли-Гирей не боялся более остатков Золотой Орды, не видал беспокойства со стороны Турции, в Москве вместо знаменитого своим могуществом и счастьем Иоанна княжил молодой сын его, окруженный опасностями, не могший еще внушить варварам уважения и страха; притом Менгли-Гирей устарел, ослабел и был окружен толпою хищных сыновей, родственников и князей. Эта хищная толпа с жадностью бросилась на Сигизмундовы подарки, обещая ему за них опустошить московские владения, но крымцам было еще выгоднее брать подарки с обоих государств, Московского и Литовского,

обещать свою помощь тому, кто больше даст, обещать помощь, а на самом деле, взяв деньги с обоих, опустошать владения обоих, пользуясь их взаимною враждою. С этих пор сношения обоих государств с крымцами представляют задаривание разбойников, которые не сдерживаются никаким договором, никакими клятвами. Великий князь московский пытался было сдержать крымцев другим средством, именно старался заключить союз с султаном турецким, который как верховный повелитель мог запретить крымскому хану вторгаться в Россию, но султан постоянно отклонял предложение союза со стороны государя московского, потому что у России с Турциею не могло быть никаких общих выгод; напротив, уже и в это время обнаруживались причины, которые должны были повести к сильной борьбе между этими государствами, а именно: Московское государство, усилившись, начало наступательное движение на татарские владения, обломки Батыева царства; но султан как глава магометанского мира не мог равнодушно видеть магометанские земли под зависимостью христианского государя, считал своею обязанностью защищать их от Москвы; на предложение тесного союза со стороны Василия султан прямо отвечал требованием, чтоб великий князь не трогал Казани; разумеется, великий князь не мог исполнить этого требования: какая же после того могла быть дружба у султана с государем московским?

Мы видели, что перед самою смертью Иоанна III казанский хан Магмет-Аминь изменил Москве, и потому первым делом Василия было смирить мятежника. Первый поход московского войска под Казань был неудачен; но когда в Москве начали готовиться ко второму, Магмет-Аминь прислал просить мира на прежних условиях, получил его и сохранял до самой смерти своей, последовавшей в 1518 году. Магмет-Аминь умер, не оставив детей, и рождался вопрос — кому быть ханом в Казани? Вопрос важный и трудный по отношениям к Крыму, потому что сын и преемник Менгли-Гирея, Магмет-Гирей, сильно хлопотал о том, чтоб все татарские владения находились в руках одного рода Гиреев крымских, чему, разумеется, Москва должна была препятствовать всеми силами. Великий князь Василий отдал Казань родовому неприятелю Гиреев, Шиг-Алею, внуку Ахматову, жившему в России. Но Шиг-Алей возбудил к себе нерасположение в вельможах казанских, которые составили против него заговор, снесли с Крымом, и когда в 1521 году брат Магмет-Гиреев, Саип-Гирей, явился с крымским войском у Казани, то город сдался ему без сопротивления, и Шиг-Алей должен был уехать в Москву. В то же время Магмет-Гирей устремился к берегам Оки, опрокинул московских воевод и достиг до самой Москвы, а с другой стороны новый казанский хан, Саип-Гирей, опустошивши области Нижегородскую и Владимирскую, соединился

с братом. Великий князь, застигнутый врасплох, уехал из Москвы на Волок Ламский собирать войско; впрочем, хан, обязанный своим успехом одной нечаянности, не мог долго оставаться под Москвою и удалился к Рязани; не могши взять и этого города, он вышел из русских владений, выведши из них огромное количество пленных. Московский князь не мог отомстить крымскому хану, мог только предпринять меры осторожности против будущих нападений, но мог справиться с ближайшим соседом своим, казанским ханом: Гирей были изгнаны из Казани, и великий князь послал туда ханом Еналея, брата Шиг-Алеева.

4. *Присоединение Пскова, Рязани и северских княжеств.* Таковы были внешние войны в княжение Василия; внутренних не было, потому что без войны присоединил Василий к Москве Псков, Рязань и северские княжества. Во Пскове граждане беспрестанно ссорились с наместниками великокняжескими по очень простой причине: наместники хотели поступать по московскому обычаю; псковичи московского обычая не знали и жаловались на притеснения. В конце 1509 года великий князь приехал в Новгород, вызвал туда на суд наместника псковского князя Репню-Оболенского, посадников и купеческих старост; когда посадники оказались виноватыми в глазах великого князя, то он задержал их, а псковичам послал сказать: «Если хотите прожить в старине, то должны исполнить две мои воли: чтоб у вас вече не было и колокол вечевой был бы снят, да быть у вас двоим моим наместникам: иначе много у меня силы готовой, и кровопролитие взыщется на тех, кто государевой воли не исполнит». Псковичи проплакали весь этот день и всю ночь, а на рассвете другого дня собрали в последний раз вече и сказали посланнику великокняжескому: «Волен Бог да государь в городе Пскове, в нас и в колоколе нашем; мы на государя рук поднять не хотим». 13 января 1510 года сняли вечевой колокол у Св. Троицы (соборная церковь во Пскове) и повезли к великому князю в Новгород; триста семейств лучших людей выведено было из Пскова в Москву, на их место приехали триста же купеческих семейств из десяти московских городов.

Рязань была присоединена также без больших затруднений. Мы видели, что Иоанн III распорядился Рязанью во время малолетства великого князя ее Ивана Ивановича. Василий продолжал распорядиться ею таким же образом. Когда великий князь рязанский вырос, то увидал себя не больше как наместником великого князя московского; ему оставалось на выбор: или добровольно сойти на степень служебного князя, или попытаться возвратить себе прежнее значение; он решился на последнее. Василию московскому дали знать, что великий князь рязанский вошел в сношения с крымским ханом; тогда Василий в 1517 году вызвал его в Москву, где его схватили и посадили под стражу, но в 1521 го-

ду, пользуясь нашествием Магмет-Гирея, рязанский князь успел убежать из Москвы и скрыться в Литву. С рязанцами, которые отличались смелым, беспокойным характером, было поступлено так же, как с новгородцами и псковичами: многочисленными толпами переселяли их в другие области.

В земле северской, признавая над собою верховную власть московского князя, владели два Василия, один — Семенович, внук Ивана Можайского, князь стародубский, и другой — Иванович, внук Шемяки, князь Новгорода Северского. Эти князья давно уже питали друг к другу непримиримую ненависть и, не смея затевать явных усобиц, доносили друг на друга великому князю московскому. Шемячичу удалось выгнать своего врага из его отчины, которая была присоединена к Москве; но скоро после того Шемячич сам был позван в Москву и заключен в темницу, обвиненный в сношениях с Литвою.

Последний собиратель русской земли, великий князь Василий Иванович, умер в 1533 году, оставя двоих маленьких сыновей, Иоанна и Юрия; старшему, Иоанну, которого отец благословил на великое княжение, было только три года.

ГЛАВА XXVII

ЦАРСТВОВАНИЕ ИОАННА IV ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНОГО

1. Правление великой княгини Елены. Опекa над малолетними сыновьями и управление государством во имя старшего из них принадлежали вдове Василиевой великой княгине Елене Васильевне. Тотчас после похорон Василия правительнице донесли уже о крамоле, поднятой некоторыми вельможами в пользу дяди великокняжеского Юрия Ивановича, которого по этому поводу схватили и посадили под стражу. В это время главными советниками Елены были двое вельмож: родной дядя ее, известный уже нам князь Михаил Глинский, который по случаю брака великого князя Василия на его племяннице был освобожден из темницы и приближен ко двору; вторым приближенным к правительнице лицом был князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский. Глинский и Оболенский не могли ужитья в мире друг с другом, и Елена должна была выбирать между ними: она выбрала Оболенского, и Глинский, обвиненный в властолюбивых замыслах, был схвачен и посажен в прежнюю свою темницу, где скоро и умер. Между вельможами происходило сильное волнение: некоторые из них бежали в Литву, другие были схвачены за соумышленничество с беглецами. Скоро потерял свободу и другой дядя великого князя, Андрей Иванович,

князь старицкий. Нашлись люди, которые постоянно ссорили Андрея с Еленою: правительнице наговаривали, что Андрей недоволен, сердит на нее; Андрею говорили, что в Москве хотят его схватить; когда Елена послала звать Андрея в Москву для совещания о делах государственных, то он не поехал, сказавшись большим, а между тем из Старицы дали знать в Москву, что Андрей собирается бежать в Литву. Елена послала войско перехватить его; узнавши об этом, Андрей выехал из Старицы и бросился в новгородские области, где возмутил многих помещиков. Настигнутый войском великокняжеским, которое было под начальством любимца правительницы князя Телепнева-Оболенского, Андрей не вступил в битву и согласился ехать в Москву вместе с Оболенским, понадеявшись на обещание последнего, что там не сделают с ним ничего дурного, но Елена сделала строгий выговор Оболенскому, зачем давал обещание без ее ведома, и велела заключить Андрея в оковы.

Московские смуты возбудили надежды в короле польском Сигизмунде: он переменял тон в сношениях с малолетним государем московским, и в 1534 году началась война с Литвою. Война эта, ведшаяся с переменным счастьем, не ознаменована была ничем важным и кончилась перемирием в 1537 году. В Москве спешили этим перемирием, чтоб иметь возможность управиться с Казанью и Крымом. Вследствие смены ханов, вследствие разных противоположных влияний, русского и крымского, в Казани образовались партии, из которых каждая ждала удобного случая низложить партию противную. В то время когда Москва была занята литовскою войною, крымская сторона в Казани увидела удобный случай свергнуть московского подручника Еналея; состоялся заговор, Еналей был убит, и ханом провозглашен Сафа-Гирей, царевич крымский, который тотчас же стал нападать на русские владения, а угрозы крымского хана удерживали правительство московское от решительных действий против Казани.

2. Правление боярское. В таком положении находились дела, когда скончалась правительница в апреле 1538 года, и правление за продолжившимся малолетством великого князя должно было перейти теперь в руки бояр. По отстранении Патрикеевых, Ряполовских и Холмских первое место между вельможами московскими занимали князья Шуйские, потомки тех суздальско-нижегородских князей, которые были лишены своих отчин великим князем Василием Дмитриевичем, так долго не хотели покориться своей участи и только при Иоанне III вступили в службу московскую. Способности, энергия и честолюбие были наследственными в этом знаменитом роде; главою его в описываемое время был князь Василий Васильевич, который при великом князе Василии отличился защитою Смоленска от Литвы, причем

обнаружил способность свою к мерам решительным и суровым. В седьмой день по кончине Елены Шуйские уже распорядились насчет ее любимца: князь Овчина-Телепнев-Оболенский и сестра его, мамка маленького великого князя, были схвачены и заточены, и заточение это было так жестоко, что Оболенский не мог перенести его. Против Шуйского-Рюриковича поднялся было князь Иван Бельский-Гедиминович, родня, следовательно, Патрикеевым, но Шуйские были сильнее: несмотря на то что на стороне Бельского стоял митрополит Даниил, Бельский был заключен; митрополит остался нетронутым, но ненадолго: когда князь Василий Шуйский умер и значение его перешло к брату его князю Ивану, то новый правитель свергнул Даниила, на место которого был возведен Иоасаф. Этот митрополит недолго оставался на стороне Шуйского: в 1540 году он успел распорядиться так, что князь Бельский был освобожден, и Шуйский, застигнутый врасплох, должен был покинуть правление, которое перешло теперь к Бельскому и митрополиту Иоасафу. Правители поспешили освободить из темницы двоюродного брата Иоаннова, князя Владимира старицкого, сына несчастного Андрея, и возвратить ему отцовский удел. Несмотря на это, сторона их все была слаба в сравнении с стороною Шуйского, приверженцы которого составили заговор: Шуйский в начале 1542 года явился из Владимира в Москву с вооруженным отрядом; Бельский был схвачен, заточен на Белоозеро и там умерщвлен, главные советники его разосланы; митрополит Иоасаф свергнут с бесчестием, и на его место возведен Макарий. Иван Шуйский недолго жил после этого; власть перешла в руки к родственнику его князю Андрею Михайловичу Шуйскому. Этому новому правителю показался опасен Федор Семенович Воронцов, который успел приблизиться к молодому государю и понравиться ему; в присутствии Иоанна Шуйские и советники их напали на Воронцова, чуть-чуть не убили его и послали в дальнюю ссылку, несмотря на просьбы великого князя

3. *Воспитание Иоанна и его первые самостоятельные действия.* Иоанну исполнилось тогда уже 13 лет. Ребенок имел блестящие дарования, природу восприимчивую, легко увлекающуюся, страстную; эти последние качества если не были произведены, то, разумеется, были развиты до высшей степени воспитанием, обстоятельствами детства его. По смерти матери Иоанн был окружен людьми, которые заботились только о собственных выгодах; перед глазами ребенка происходила борьба партий, и мы видели, в каких формах происходила эта борьба: прибить, оборвать противника, сослать его, умертвить с бесчестием верховного пастыря Церкви, митрополита,— вот чем оканчивалось дело; у ребенка-сироты отнимали людей самых к нему близких, которых он любил; перед ним нагло оскорбляли их, потом

заточали, замучивали; перед ним Шуйские и друзья их позволяли себе оскорблять память отца его и матери, ибо мы знаем, как вельможи не любили великого князя Василия и вторую жену его. Иоанн тем более оскорблялся этим, что хорошо понимал свое значение, понимал, что он государь, ибо те же самые люди, которые так оскорбляли его, пугали, не обращая никакого внимания на его слезы и просьбы,— те самые люди при известных церемониях, например при посольском приеме, стояли перед его престолом в виде покорных слуг. Таким образом, ребенок привыкал видеть в вельможах врагов своих, но удерживать их, бороться с ними на деле не мог; бессильный гнев, раздражение, досада оставались внутри его и портили его природу: ребенок затаивал месть до удобного случая; но как же он будет мстить своим врагам, как будет поступать с людьми ему неприятными? Разумеется, точно так же, как они сами приучили его, а они приучили его к насилиям, к немедленной, бессудной расправе с неприятными людьми. Как только Иоанн начал подрастать, в нем уже обнаружились дурные наклонности, он находил удовольствие мучить животных, а люди, которые должны были смотреть за ним, не останавливали его, позволяли ему делать все, что он хотел. Но скоро Иоанн принялся и за людей, и первую жертвою его был вельможа-правитель князь Андрей Шуйский. Озлобленный поступком Шуйского с Воронцовым, Иоанн решился напасть врасплох на правителя, и в конце 1543 года, будучи тринадцати лет, он велел схватить его и убить. Родственники и приверженцы его подверглись опалам и казням впоследствии; не избежал казни и прежний любимец Иоанна, Воронцов, явившийся снова при дворе после казни Шуйского и хотевший занять его место, быть правителем, но Иоанн хотя по молодости не мог усердно заниматься делами, однако не хотел терпеть, чтоб кто-нибудь осмелился обнаружить желание располагать его волею, и, по примеру отца, стал приближать к себе людей незнатного происхождения — дьяков.

4. *Принятие царского титула и женитьба Иоаннова.* Вынесши из своего детства горькое чувство вражды к людям, которые похищали его права и неуважительно обходились с ним, смотря поэтому подозрительно на всех вельмож своих, Иоанн только и думал о том, как бы упрочить свою власть. В начале 1547 года, будучи 16 лет, Иоанн короновался, но мало этого — принял титул царя, с которым соединилось понятие о власти более обширное, чем с прежним титулом великого князя. Скоро после Иоанн женился; выбор его пал на девушку из одного из самых знатных и древних московских боярских родов, именно на Анастасию Романовну, дочь умершего Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, предков которого мы видели на первом месте в княжение Василия Димитриевича, а брат его боярин Михаил Юрьевич был

одним из близких людей к отцу Иоаннову великому князю Василию.

5. *Пожары московские; Сильвестр и Адашев.* В феврале 1547 года была царская свадьба; в апреле были два сильных пожара в Москве, а 21 июня вспыхнул такой страшный пожар, какого еще никогда не бывало в Москве, народу сгорело 1700 человек! Царь с царицею, братом и боярами уехал в село Воробьево. Но этим беда не кончилась: бояре сказали царю, что Москву сожгли злонамеренные люди, сожгли чародейством; царь велел разыскать дело; бояре собрали народ на площадь и стали спрашивать: кто зажигал Москву? В толпе закричали, что зажигали волшебством княгиня Анна Глинская с своими сыновьями. Чернь говорила это потому, что Глинские, родственники царя по матери, были самыми близкими к нему людьми; прислуга Глинских, пользуясь силою господ своих, притесняла простой народ, а Глинские ее не унимали. Родной дядя царский, князь Юрий Васильевич Глинский, услышавши о себе и о матери своей такие речи в народе, поспешил скрыться в Успенский собор, но бояре, злобясь на Глинских за их силу при царе, подожгли чернь; та бросилась в собор, убила Глинского, перебила множество его людей, разграбила двор; мало того, толпы черни явились в селе Воробьево у дворца царского с криком, чтоб государь выдал им бабку свою княгиню Анну Глинскую и другого сына ее, Михайлу. Иоанн в ответ велел схватить крикунов и казнить; на остальных напал страх, и они разбежались.

Пожар и народное волнение произвели сильное впечатление на молодого царя, страстная природа которого была именно способна быстро принимать впечатления. Из молодого человека, преданного удовольствиям, он сделался набожен, серьезен, неутомим в занятиях делами государственными. Не доверяя по-прежнему людям знатым, он приблизил к себе священника придворного Благовещенского собора Сильвестра и Алексея Федоровича Адашева, ложничего своего, человека очень незначительного происхождения. Сильвестр как лицо духовное, как человек, отличавшийся пред другими нравственною чистотою, имел особенно сильное влияние на улучшение нравственности Иоанна. Прошло года два после пожаров; Иоанн, пылкий, не умевший сдерживать своих мыслей и чувств, захотел торжественно, пред целым народом, пред целою Россиею объявить, что он сам начал править государством, а потому прежние беспорядки и насилия, бывшие следствием управления боярского, не повторятся более. Для этого в 1550 году он приказал приехать в Москву выборным из городов, и когда они съехались, то Иоанн в воскресный день вышел с крестами на лобное место (возвышение на Красной площади) и после молебна обратился к митрополиту с описанием всех беспорядков, бывших во время его малолетства, во время

управления боярского, объявил, что он нисколько не виноват в слезах и крови, пролитых в это время; потом, обратясь к народу, просил его забыть все прошлое, обещая с этих пор быть для всех судьей и защитником. В этот же день царь поручил Алексею Адашеву принимать просьбы от бедных и обиженных и выбирать судей справедливых. В том же году Иоанн занялся составлением нового Судебника, ибо старый Судебник деда его оказался недостаточным; а в следующем 1551 году царь созвал церковный собор, подал архиереям описание всех беспорядков церковных, для прекращения которых потребовал их содействия.

6. Покорение Казани. В это время, как молодой царь занимался такими важными делами внутренними, внимание его было обращено также на татарские царства — Казань и Крым. Мы видели, что в конце правления Елены оба этих царства соединились под властью одного дома Гиреев и потому стали очень опасны для Москвы. Сафа-Гирей казанский опустошал области Муромскую и Костромскую; Саип-Гирей крымский подходил к Оке со всею ордою. Но в Казани боролись друг с другом партии крымская и московская. Последней скоро помогло то обстоятельство, что, когда в Москве государь вырос и с чрезвычайным усердием стал заниматься делами правления, в Казани хан Сафа-Гирей умер, оставив престол сыну-младенцу. Дело кончилось тем, что казанцы отослали своего маленького хана в Москву и приняли к себе Шиг-Алея. Но Шиг-Алей, покорствуя Москве, возбудил против себя сильную ненависть в Казани. Ненависть к Алею и в то же время невозможность избавиться от него, невозможность бороться с Москвою внушили казанцам мысль подчиниться вполне царю московскому, лишь бы он вывел от них Шиг-Алея. Иоанн согласился, вывел Алея и отправил в Казань наместника своего, князя Микулинского. Все дело шло хорошо, казанцы спокойно начали присягать царю московскому, как вдруг трое знатных людей распустили слух, что русские идут, с тем чтоб всех их истребить. Народ взволновался, не пустил Микулинского в город, послал к ногаям просить себе в цари одного из тамошних владельцев и получил Едигера-Магмета.

Тогда Иоанн решился покончить с Казанью. 16 июня 1512 года он выступил в поход, но в самом начале пути получил весть, что крымский хан с большим войском идет к московским границам; Иоанн решил переправиться через Оку и встретить хана, но пришла весть, что крымцы не могли взять Тулы, были побиты на вылазке и бежали назад в степь. Избавившись таким образом от крымцев, Иоанн продолжал поход и 23 августа осадил Казань. У осаждающих было 150 000 войска и 150 пушек, но осажденные, несмотря на то что защищались только деревянными стенами, выставили отчаянное сопротивление, и только 2 октября Казань была взята приступом после страшной резни. С великим тор-

жеством возвратился Иоанн в Москву—как завоеватель татарского царства. Этот подвиг, свершенный с большими усилиями и трудностями, высоко поднял Иоанна в глазах современников и потомков, ибо это было первое завоевание, и, что всего важнее, завоевание татарского царства: после многих веков страдания и унижения явился наконец царь на Руси, который возвратил ей славное время первых князей-завоевателей. Впечатление, произведенное событием, усиливалось еще потому, что взятие Казани было подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека: подвиг этот совершался для защиты христианства от бусурманства, для охранения русских областей, опустошаемых варварами, для освобождения пленников христианских. Наконец, взятие Казани было важно в том отношении, что открыло для русской торговли все течение Волги, дало возможность русским людям селиться на юго-востоке, в безлюдной, но богатой, плодородной стране, орошаемой Волгою и ее притоками.

7. *Покорение Астрахани.* В области Казанского царства по обеим сторонам Волги, западной (горной) и восточной (луговой), жили разные дикие народы: черемисы, мордва, чуваша, вотяки, башкиры. После падения Казани эти народы долго не хотели подчиняться московскому владычеству; нужно было еще пять лет опустошительной войны, чтоб усмирить их. В этой войне против Москвы принимали участие ногаи, подушаемые турецким султаном, который никак не мог равнодушно сносить того, что магометанские владения достаются христианам, и потому хотел, чтоб все ближайшие к Москве магометанские народы дружно и постоянно враждовали против нее. Но к счастью для Москвы, народы эти не были способны к такому дружному и постоянному действию; ногайские князья ссорились друг с другом, и стоило одному из них вооружиться против Москвы, как другой враждебный ему князь начинал заискивать расположения московского государя. Один ногайский князь, Юсуф, был врагом Москвы, другой, Измаил,—ее союзником. В 1553 году Измаил прислал просить Иоанна, чтоб он защитил его от астраханского царя Ямгурчя и посадил бы на его место в Астрахани прежде выгнанного оттуда царя Дербыша, жившего теперь в России. Вследствие этой просьбы весной 1554 года 30 000 русского войска под начальством князя Юрия Пронского поплыло Волгою под Астрахань и безо всякого труда овладело этим городом, где на место бежавшего Ямгурчя был посажен Дербыш. Новый хан обязался быть под рукою царя московского и платить ему дань, но недолго был ему верен, вступил в союз с Крымом и враждебными России ногаями, за что в 1556 году был изгнан, и Астрахань окончательно присоединена к Москве. Таким образом, русские люди утвердились и на устьях Волги. Из астраханского

кремля московский воевода легко наблюдал за ногами, которые просили только позволения кочевать безопасно под Астраханью, ловить рыбу на Волге и торговать беспрепятственно, а непрерывные усобицы между ними ручались и за будущую безопасность русского владычества в Астрахани.

8. *Отношения к народам прикавказским и к Крыму.* Утверждение на устьях Волги открыло Московскому государству целый мир мелких владений в Прикавказье: князья их ссорились друг с другом, терпели от крымцев и потому как скоро увидали у себя в соседстве могущественное государство, то и бросились к нему с просьбами союза, свободной торговли в Астрахани, некоторые — с предложением подданства и, таким образом, незаметно волею-неволею затягивали Московское государство все далее и далее на юго-восток, к Кавказу и за него. Крымский хан, не умевши помешать утверждению русского господства в Казани и Астрахани, сильно сердился, нападал на московские украины; чтоб отвлечь его от этих нападений, Иоанн посылал свои легкие отряды Доном и Днепром опустошать крымские владения, начальник малороссийских казаков князь Димитрий Вишневецкий перешел из литовской службы в московскую и также действовал против крымцев.

9. *Война с Швециею и Ливониєю.* Но не война с Крымом главным образом занимала внимание Иоанна: взоры его после взятия Казани были преимущественно устремлены на запад. Здесь сначала занимала его война с Швециею, начавшаяся в 1554 году вследствие пограничных ссор. Война эта не была ознаменована никакими важными действиями; шведский король, знаменитый Густав Ваза, начал ее, обнадеженный в помощи польской и ливонской, но помощь эта не приходила, и престарелый король принужден был искать мира в Москве. Царь позволил шведским купцам ездить чрез Россию в Индию и Китай, с тем чтоб русские купцы могли ездить из Швеции в Любек, Антверпен, Испанию, Англию и Францию.

Так, высказывалось стремление начать деятельные торговые связи с Западною Европою, но эти связи должны были зависеть от произвола соседних приморских государств, обыкновенно враждебных России; своих гаваней на Балтийском море у Московского государства не было. Это запертое положение было тем более нестерпимо, что чувствовалась сильная потребность в просвещении, которое начало тогда сильно распространяться в Западной Европе, а людей, которые бы могли принести это просвещение в Москву, ученых и художников, не пропускали враждебные соседи: они боялись, что Московское государство, и без того уже для них опасное, будет гораздо страшнее, если приобретет просвещение. Больше других боялось Москвы самое слабое из соседних государств — Ливонское; ливонцы более дру-

гих хлопотали о том, чтоб науки не проникали в Москву, но этими поступками они, разумеется, усиливали только в московском правительстве желание приобрести балтийские берега и ускоряли, следовательно, падение своего государства. Еще в 1547 году Иоанн отправил в Германию саксонца Шлитте с поручением набрать там как можно более ученых и ремесленников. Шлитте набрал с лишком сто человек и привез уже их в Любек, как ливонское правительство представило императору Карлу V опасность, какая может произойти от этого для Ливонии и других соседних стран, и достигло того, что Карл дал магистру Ливонского ордена полномочие не пропускать в Москву ни одного ученого и художника. Иоанн, занятый тогда важными делами на востоке, не мог отомстить Ливонии за это недоброжелательство, но когда потом, в 1554 году, ливонские послы приехали в Москву с просьбою о продолжении перемирия, то царь велел объявить им, что они прежде должны заплатить ему дань за Юрьевскую (Дерптскую) область, что они обязаны сделать по старым договорам с великими князьями русскими. Епископ дерптский общел выплатить все недоимки и не исполнил обещания. Тогда в 1558 году русское войско вступило в Ливонию и страшно опустошило ее; были взяты Нарва, Нейгауз, Дерпт и другие, менее значительные города числом до 20. Не будучи в состоянии противиться Москве собственными силами, магистр Кетлер обратился к соседним государствам с просьбою о помощи. Швеция и Дания, кроме бесполезного ходатайства за Ливонию пред царем, не оказали никакой помощи, но Польша вступилась в дело. В ней царствовал в это время сын Сигизмунда I, Сигизмунд II Август; в 1559 году между ним и ливонским правительством заключен был договор, по которому король обязался защищать орденские владения от Москвы, и таким образом к войне ливонской присоединилась еще война польская.

10. *Разрыв Иоанна с Сильвестром и Адашевым.* Но в то время как в Ливонии шла эта знаменитая борьба, которая должна была решить самый важный вопрос для Московского государства, вопрос о непосредственном соединении с Западною Европою,— в это время во дворце московского царя произошла большая перемена. Мы видели, что Иоанн успокоился душевно, когда взял в свои руки правление и нашел в Сильвестре и Адашеве помощников, на достоинство нравственное и верность которых вполне полагался. Но скоро между ним и Сильвестром стали происходить неприятные столкновения. Сильвестр, привыкнув к тому, что Иоанн руководился его наставлениями относительно нравственного поведения своего, хотел, чтоб он слушался его в делах политических. Так, например, Сильвестр с единомышленниками своими требовал, чтоб царь после завоевания Казани и Астрахани приступил к завоеванию третьего

татарского царства, Крымского, но Иоанн понимал всю трудность завоевать Крым, отдаленный от Московского государства обширными степями, понимал всю невозможность удержать завоевание по этому самому отдалению и потому еще, что надобно было бороться с Турцией, которой в это время трепетала вся Европа. Иоанн хорошо понимал, что для того, чтоб Россия могла не бояться Востока, нужно было прежде всего усвоить себе западное просвещение, и поэтому Иоанн обратил все свое внимание на войну ливонскую, на приобретение прибалтийских областей. Сильвестр, раздосадованный тем, что Иоанн не принимает его мнения, начал толковать, что все неприятности, которые после того постигли царя, были наказанием Божиим за его упрямство, за то, что он продолжал воевать с Ливониею вопреки советникам своим; понятно, как тяжело становилось Иоанну иметь подле себя такого человека. Кроме того, Сильвестр сблизился с вельможами, неприятными Иоанну по прежнему их поведению во время его малолетства, и при всех столкновениях их с царем брал их сторону; наконец, Сильвестр и Адашев с своими приверженцами соперничали с братьями царицы Романовыми и перенесли свою вражду на саму царицу, что, разумеется, не могло не оскорблять Иоанна, нарушая его мир семейный. Но все эти неприятные столкновения с Сильвестром не могли бы еще произвести охлаждения царя к нему, если б одно несчастное событие не навело Иоанна на мысль, что Сильвестр и Адашев не имеют усердия к нему и его семейству. В 1553 году Иоанн опасно занемог, написал духовную и потребовал, чтоб двоюродный брат его князь Владимир Андреевич и бояре присягнули сыну его младенцу Димитрию; но Владимир Андреевич отказался присягать, выставя собственные права свои на престол по смерти Иоанна и стараясь составить для себя партию; и когда некоторые верные Иоанну и семейству его вельможи вооружились за это против Владимира, то Сильвестр принял сторону последнего, а отец Алексея Адашева, Федор, прямо объявил, что они не хотят служить Романовым, родственникам царицы, которые будут управлять государством во время малолетства Димитрия. Большой Иоанн из своей спальни слышал, как в другой комнате бояре кричали: «Не хотим служить младенцу: нами будут владеть Романовы!» Иоанн выздоровел, и понятно, что он уже смотрел теперь другими глазами на Сильвестра и Адашева, хотя еще несколько лет оказывал им прежнюю доверенность в делах, но охлаждение царя к ним все более и более увеличивалось вместе с увеличением вражды между ними и царицею Анастасиею. Наконец, в 1560 году последовало удаление Адашева и Сильвестра от двора; Адашев отправлен был воеводою в один из городов ливонских и там умер, Сильвестр удалился

сначала в Кириллов Белозерский монастырь, а потом перемещен в Соловецкий. Вскоре после удаления Сильвестра и Адашева умерла и царица Анастасия: Иоанн остался одинок, не было более подле него людей, которых он любил и уважал, которые бы поддерживали его нравственно. Чтоб уйти от горя и одиночества, он стал предаваться развлечениям, шумным пирам; и страсти, развитые дурным воспитанием и заснувшие было с 1547 года, теперь пробудились; приверженцы Сильвестра и Адашева не хотели безмолвно смотреть на падение своей стороны, на перемену в поведении Иоанном, хлопотали о возвращении вождям своим прежнего значения,—и некоторые из них были казнены, другие сосланы, с иных взяты письменные обещания не отъезжать в чужие земли

11. Отъезд князя Курбского и его следствия. Вельможам, находившимся в Москве, трудно было отъехать, легче было сделать это воеводам, находившимся на границах в Ливонии; этим удобством воспользовался один из самых знаменитых воевод, князь Андрей Михайлович Курбский, и отъехал в Литву к королю Сигизмунду Августу, который принял его с честью. Курбский был в числе самых ревностных приверженцев Сильвестра и Адашева и вместе с этим пользовался особенным расположением Иоанна. Но когда Сильвестр и Адашев были удалены, когда опалы и козни постигли родственников и друзей их, то Курбский, боясь того же и себе, решился отъехать. Курбский принадлежал к числу образованнейших, начитаннейших людей своего времени; он не хотел отъехать молча, молча расстаться с Иоанном, и написал к нему укорительное письмо. Иоанн не выдержал и отвечал. Началась любопытная переписка, из которой мы узнаем, как бояре и особенно князья смотрели на новый порядок вещей, установленный московскими государями, дедом и отцом Иоанновыми. Курбский в своих письмах вооружался против этого порядка, настаивал, что государь, по старине, должен обо всем советоваться с боярами, которые имеют право отъезжать от него; Иоанн в своих ответах защищал новый порядок, выставлял превосходство его пред старым. Кроме писем к Иоанну Курбский в Литве написал еще сочинение о современных событиях с целью оправдать, возвеличить свою сторону и обвинил во всем Иоанна; сочинение это так же любопытно для нас, как и переписка с царем.

Отъезд Курбского и переписка с ним дорого стоили Иоанну: приверженцы падшей стороны, Сильвестра и Адашева, не захотели беспрекословно сносить гонения: один из самых знаменитых между ними отъехал к враждебному государю, явился предводителем полков его в войне с Москвою и, что всего хуже, осмелился прислать царю грамоту, наполненную укоризнами и воплями о мщении. Курбский был представителем целой стороны; он

упрекал Иоанна не за одного себя, но за многих. Если еще можно удержать вельмож от отъезда в Москве, во внутренних областях государства, то как удержать их на границе? Кого послать с войском? Но и внутри, если они уже так ожесточены и так их много, то где безопасность? Мысль: «Врагов много, я не в безопасности, нужно принять меры для спасения себя и своего семейства, в случае неудачи этих мер нужно приготовить убежище на чужбине»,—эта мысль стала теперь господствующею в голове Иоанна.

12. *Опричнина*. Он стал готовиться к борьбе; прежде всего нужно было испытать силы противников, узнать, найдут ли они защиту в народе или выдаст их народ. 3 декабря 1564 года царь со всем семейством и казною выехал из Москвы в Александровскую слободу и ровно через месяц прислал в Москву две грамоты: в одной жаловался на вельмож и на духовенство, которое заступается за вельмож, не дает царю наказывать их за дурные дела, вследствие чего царь оставил свое государство и поехал где-нибудь поселиться; в другой грамоте, написанной к купцам и ко всем остальным жителям Москвы, царь писал, чтоб они ничего не опасались, гнева и опалы на них никакой нет. Когда эти грамоты были прочтены, то народ пришел в отчаяние: как ему остаться без царя? Кто защитит его от врагов? Все начали упрашивать митрополита, чтоб уговорил Иоанна не покидать государства, а за изменников они не стоят и сами их истребят, пусть государь правит как ему угодно. Иоанн согласился принять снова правление с условием, что будет расправляться с своими изменниками по своей воле и учредит *опричнину*, т. е. новый особый двор из людей, вполне ему преданных, на содержание которых должны быть назначены особые города и волости; в самой Москве взяты были в опричнину некоторые улицы и слободы, и в них велено было жить только тем боярам, дворянам и приказным людям, которые были назначены в опричнину, а прежние обыватели переведены на другие улицы. Управление государством поручено было старым боярам, которые назывались *земскими*; только в случае военных вестей и дел чрезвычайной важности бояре эти приходили с докладом к государю. Таким образом, государство разделилось на две части—*опричнину* и *земщину*, между которыми, разумеется, не могло быть дружественных отношений, потому что опричнина учреждалась вследствие подозрительности и вражды царя к правителям земским. Опричнина представляла целую толпу временщиков, которые пользовались своим положением, пользовались доверенностью к ним царя, чтоб угнетать земщину безнаказанно.

Начались казни: несколько вельмож было умерщвлено, с других взято обязательство не отъезжать за поручкою многих лиц разного звания. Враги Москвы хотели воспользоваться этою

враждою царя к вельможам своим, и знатнейшим из этих вельмож вручены были грамоты от короля польского с приглашением перейти на его сторону. Дело это открылось и подало повод к новым казням. Митрополит Филипп не хотел равнодушно смотреть на такое кровопролитие и при встрече с царем в церквах обличал поведение его и опричников. Упреки святого мужа навели раздумье на Иоанна; это раздумье было страшно опричникам, и они постарались оклеветать Филиппа; он был лишен митрополии и сослан в заточение в Тверской Отрочь монастырь, где впоследствии был задушен одним из самых приближенных опричников, Малютою Скуратовым. Это было в 1569 году; в том же году погиб и двоюродный брат царя князь Владимир Андреевич, замышлявший, как говорят, поддаться королю польскому. В следующем 1570 году разгромлен был Новгород Великий, ибо царю донесли, что новгородцы также хотят передаться Сигизмунду Августу. По связи с делом новгородским были в Москве новые казни, и в числе казненных видим любимцев Иоанновых: Басманова, Вяземского. В 1571 году князь Иван Мстиславский дал запись, в которой говорил, что вместе с товарищами своими навел на Москву крымского хана, Мстиславский был прощен за поручительство 285 человек. Подозрительность Иоанна к боярам земским увеличивалась все более и более, так что он прибегнул к странному средству: поставил над ними великим князем всея Руси Симеона Бекбулатовича, крещеного татарина, касимовского хана, а сам назывался государем, князем московским; княжение Симеона, впрочем, было недолговременно. Что Иоанн действительно считал себя и детей своих непрочными на престоле московском, доказательством служит завещание его, написанное в 1572 году. Здесь, обращаясь к сыновьям своим, Ивану и Феодору, царь говорит, что он изгнан от бояр ради их самовольства и скитается по странам; уговаривает сыновей, чтоб они не разделялись до тех пор, пока старший, Иван, не сломит всех крамол и не утвердится на престоле; просит сыновей помянуть его, если даже в гонении и изгнании будут. Это завещание важно тем, что в нем Иоанн совершенно подчиняет младшего сына старшему, младший должен был страдать до крови и до смерти, но не прекословить старшему, младший не должен был также думать ни о какой самостоятельности в своем уделе.

13. Война с Ливониею и Польшею. В то время как эти печальные явления происходили внутри Московского государства, на западе шла важная война ливонская, соединившаяся, как мы видели, с войною польскою. Союз с Польшею не принес магистру Кетлеру никакой выгоды: русское войско продолжало опустошать Ливонию, брать города, разбивать малочисленные немецкие отряды, которые осмеливались выходить к нему навстречу. Орденские владения распадалась: эзельский епископ продал этот

остров датскому королю Фридриху II, который отдал его брату своему Магнусу: ревелыцы подпались Швеции; наконец, в 1561 году Кетлер уступил Ливонию Польше, а сам взял себе Курляндию и Семигалию с титулом герцога и с вассальными обязанностями к Польше; война у Москвы с Литвою началась, по обычаю, опустошительными набегами, но в начале 1563 года сам Иоанн с большим войском и нарядом (артиллериею) двинулся к литовским границам и взял Полоцк—город, важный сам по себе и особенно по отношению к Ливонии, по торговой связи его через Двину с Ригею; большая победа, одержанная литовцами недалеко от Орши, на реке Уле, у села Иванцева, не могла вознаграждать короля за лишение Полоцка, и он просил перемирия, уступал все города и земли, занятые московскими войсками. Для решения этого важного вопроса—мириться с королем или нет?—Иоанн созвал большой, небывалый собор. До сих пор государи советовались о делах с вельможами; в делах важных призывалось на совет, в *думу*, и знатнейшее духовенство, но теперь в 1566 году Иоанн велел собрать духовенство, бояр, дворян, помещиков с западных литовских границ как людей, которым знакомы местные отношения, дьяков, знатнейших купцов московских и смолян, предложил им условия, на которых хочет помириться с королем, и спрашивал их совета. Собор отвечал, что надобно добывать всю Ливонию, и война продолжалась; только в 1570 году заключено было перемирие на три года. Между тем Иоанн видел, как трудно овладеть приморскими городами Ливонии, и потому, чтоб облегчить это дело, хотел дать Ливонии немецкого правителя, который бы вошел в вассальные отношения к царю московскому, как герцог курляндский к польскому королю. Он предложил датскому принцу Магнусу, владетелю Эзеля, быть таким королем ливонским. Магнус согласился, в 1570 году приехал в Москву и объявлен был женихом племянницы царской, дочери казенного Владимира Андреевича старицкого.

14. *Войны с Крымом и Турциею.* Обративши все свое внимание на Ливонию, Иоанн хотел быть спокоен со стороны Крыма. Но Крым не мог оставить его в покое, тем более что султан турецкий никак не хотел отказаться от намерения отнять у московского царя Казань и Астрахань, а польский король подарками побуждал хана напасть на московские украинны, да и сами татары понимали, что опасно для них давать усиливаться Иоанну на счет польского короля; вельможи крымские на совете говорили хану: «Помириться тебе с московским—значит короля выдать; московский короля извоюет, Киев возьмет, станет по Днепру города ставить, и нам от него не пробыть. Взял он два юрта бусурманских, взял немцев; теперь он тебе подарки дает, чтоб короля извовать, а когда короля извоюет, то нашему юрту от него не

пробыть. Он и казанцам шубы давал; но вы этим шубам не радуйтесь: после того он Казань взял». Султан Селим решился наконец исполнить давнее намерение турецкого правительства — отнять у московского царя магометанские юрты — Казань и Астрахань; летом 1569 года паша Касим выступил в поход с 17 000 турок, с ним соединился хан крымский с 50 000 татар; положено было идти к Переволоке, т. е. к тому месту, где Дон находился в ближайшем расстоянии от Волги, соединить эти две реки каналом и потом взять Астрахань. Достигши Переволоки, турки начали было рыть канал, но не могли окончить этого дела и пошли к Астрахани, под которою Касим хотел зимовать, но войско этого не хотело и взволновалось, особенно когда узнали о приходе московских воевод в Астрахань с большим войском, и Касим принужден был бежать назад степью, причем сильно истомил свое войско. Иоани избавился от турок, но не избавился от крымского хана, который не переставал требовать Казани с Астраханью и в 1571 году с 120 000 войска напал на московские украины врасплох; проведенный изменниками, он переправился через Оку, явился перед Москвою и сжег ее, уцелел один Кремль; говорят, при этом пожаре погибло народу до 800 000 человек; кроме того, татары вывели пленными 150 000 человек. Хану понравились такие походы, и в следующем 1572 году с таким же большим войском он опять переправился через Оку, но был настигнут московским воеводою князем Михаилом Ивановичем Воротынским на берегу Лопасни; здесь произошло несколько сильных схваток, которые все окончились неудачно для хана, и он принужден был бежать назад, потерявши много войска.

15. *Несчастливая война с Баторием и шведами.* Между тем в западной России происходили важные события. Мы видели, что со времен Ягайла поляки хлопотали об окончательном слиянии Литвы и западной России с Польшею, но встречали в Литве постоянное сопротивление своим намерениям. Полякам особенно хотелось прикрепить себе благословенные природою русские области: Подолию, Волынь, Малороссию, и за эти-то области у них шли сильные распри с литовцами. При бездетном и безродном Сигизмунде Августе, которым оканчивалась ягеллонская династия, вопрос о соединении Литвы с Польшею поднялся с новою силою и решен был на Люблинском сейме в 1569 году. Литовцы сначала и тут сильно упорствовали, но потом должны были согласиться на соединение (унию), когда увидали, что не поддерживаются русскими, а русским было все равно, быть ли в соединении с Литвою или Польшею, ибо литовские вельможи вели себя в отношении к русскому народонаселению вовсе не так, чтоб могли заслужить его привязанность. Правление теперь неразрывно соединенных Польши и Литвы объявлено избирательным, и когда Сигизмунд Август умер, то взоры очень многих,

особенно в литовско-русских православных областях, обратились к Москве. Давши знать Иоанну о смерти Сизигмунда Августа, паны польские и литовские тут же объявили ему о желании своем видеть второго его сына, царевича Феодора, королем польским и великим князем литовским. Но Иоанн не хотел давать сына в короли, хотел сам быть королем, и не столько хотел быть королем польским, сколько великим князем литовским без Польши. Иоанн медлил, не отправлял своих послов на сейм, не хотел унизиться до ласкательств и задаривания вельмож, а французский посол не щадил ни лестии, ни обещаний и успел составить сильную сторону, которая провозгласила королем Генриха Анжуйского, брата французского короля Карла IX. Но Генрих недолго нацарствовал в Польше: получив известие о смерти брата, он тайком убежал из Польши во Францию, и в Польше опять должны были начаться выборы. На этот раз Иоанн отправил своего посланника с грамотами к знатнейшим панам с обещаниями наград в случае его избрания, но одних обещаний частным лицам было мало; когда послы других соискателей распространились насчет выгод, какие Польша и Литва получают от избрания, никто не слышал, какие выгоды получают они от избрания царя московского. Избран был Стефан Баторий, воевода трансильванский (1575 г.).

Между тем Иоанн упорно продолжал войну в прибалтийских областях; здесь к войне с поляками присоединилась и война со шведами, ибо царь хотел также добыть и Ревель с другими эстонскими городами. В 1577 году ревельцы отбили русских от стен своих, но сам царь совершил удачный поход в Ливонию: город за городом сдались царю и его воеводам, с одной стороны, королю Магнусу — с другой. Но с отбытием царя дела переменились. Поляки и шведы взяли верх, в 1578 году нанесли русским сильное поражение близ Вендена, причем погибло четверо царских воевод; король Магнус, уже женившийся на царской племяннице, передался полякам. Следующий 1579 год долженствовал быть решительным для Ливонии: Иоанн готовился к новому походу; в Псков уже привезли тяжелый наряд (артиллерию), назначенный для осады Ревеля, но этот наряд получил другое назначение: враг явился на русской почве.

Стефан Баторий, вступая на престол, обещал возвратить Литве области, завоеванные у нее московскими государями, и хотел сдержать обещание. Кроме личных достоинств, достоинств полководца искусного, средства к успеху у Батория были: искусная, закалившаяся в боях наемная пехота, венгерская и немецкая, исправная артиллерия, быстрое наступательное движение, которое давало ему огромное преимущество пред врагом, принужденным растянуть свои полки по границам, над врагом, не знающим, откуда ждать нападения, наконец, над врагом, в искусстве

ратном далеко отставшим от западных соседей своих, ибо до сих пор почти во всех значительных битвах в чистом поле русские войска оставались побежденными. Иоанн думал, что война, принятая за Ливонию, будет ведена в Ливонии, и потому отправил большое войско туда, но Баторий летом 1579 года осадил Полоцк и взял его после упорного сопротивления, взял крепость Сокол также с страшною резнею; в 1580-м взял Велиж, Усвят, Великие Луки. С другой стороны шведский полководец Делагарди вошел в Карелию, взял Кестгольм и удачно действовал против русских владений в Эстонии. В 1581 году Баторий взял крепость Остров и осадил Псков, под стенами которого и остановились его успехи. Псков славился как первая крепость в Московском государстве, ибо в продолжение целых веков главной заботою псковичей было укрепление своего города, подверженного беспрестанным нападениям немцев; теперь обветшавшие укрепления были возобновлены, город снабжен артиллериею, воеводою был князь Иван Петрович Шуйский, человек энергический, способный вдохнуть мужество в войско. Все приступы Батория были отбиты. Но зато с другой стороны удачно действовали шведы: Делагарди взял Нарву, где погибло 8000 русских, взял русские города Иван-город, Ям, Копорье. В таком положении находились дела, когда начались мирные переговоры с Баторием при посредничестве папского посла иезуита Антония Поссевина.

Иоанн, угрожаемый опасною войною с Баторием, отправил к папе Григорию XIII посла с грамотою, в которой жаловался на Батория и объявлял желание быть с папою и императором германским в согласии на всех недругов. Григорий воспользовался случаем и отправил в Москву иезуита Антония Поссевина, которому наказал внушить московскому государю мысль о необходимости принять католическое исповедание. Но Поссевин, поговоривши с Иоанном, увидал, что мало надежды склонить его к принятию католицизма, и потому во время мирных переговоров явно держал сторону Батория. Переговоры эти, ведшиеся в деревне Киверова Гора, недалеко от Запольского яма, кончились в январе 1582 года тем, что заключено было перемирие на 10 лет, причем Иоанн уступил Баторию все свои завоевания в Ливонии, равно как и Полоцк. Поссевин, приехавший в Москву по заключении перемирия, настоял, чтоб царь имел с ним разговор о вере, но разговор этот кончился ничем: Иоанн никак не убедился в необходимости принять католицизм.

16. Сношения с Англиею. В 1583 году заключено было трехлетнее перемирие и с шведами, за которыми остались русские города Ям, Иван-город, Копорье. Иоанн потерял надежду получить какой-либо успех в войне с европейскими народами до тех пор, пока русские не сравняются с ними в искусстве ратном. Иоанн не оставлял мысли о возвращении прибалтийских берегов, но был

убежден, что достигнуть этого можно было только в союзе с каким-нибудь европейским государством, которое бы снабдило Россию плодами западного искусства. Эта мысль всего яснее видна из переговоров Иоанна с Елисаветою, королевою английскою. Еще в 1553 году один из английских кораблей, отправившихся для открытия новых стран на севере и новых рынков для сбыта английских товаров, явился в устье Северной Двины, вследствие чего заведена была торговая связь у англичан с русскими. Иоанн дал большие права английским купцам и находился в дружеских отношениях с знаменитою королевою Елисаветою, у которой надеялся найти убежище в случае, если враждебные вельможи изгонят его из России. В 1582 году он завел переговоры с Елисаветою о союзе России с Англиею против Польши и готов был уступить англичанам право исключительной торговли в России,— что, по его собственным словам, было тяжелее дани,— лишь бы только приобрести союз европейского государства против Польши и Швеции, отнявших у него Ливонию. Но Англия не имела никакой причины начинать войну с Польшею и Швециею за Московское государство, и потому переговоры кончились ничем.

17. *Строгановы и Ермик* Таким образом, мы видим, что, сколько войны Иоанна IV были удачны на востоке, столько же были неудачны на западе; на востоке он является завоевателем царств, на западе он не только теряет все свои завоевания, но только должен отказаться от любимой мысли приобрести гавани на Балтийском море, но и должен был уступить шведам старинные русские города. Это происходило оттого, что Россия XVI века превосходила народы восточные и отставала от народов западных в просвещении и ратном искусстве. Так и в то время, когда Иоанн терял земли на западе, на востоке русские люди перешли через Уральские горы и положили начало утверждению своему в Северной Азии. По обширности пустынных земель в России князья наши издавна с большою охотою уступали большие земельные участки людям, бравшимся населить их, и давали большие права этим населителям. В 1558 году богатый землевладелец и промышленник Григорий Строганов выпросил у Иоанна IV пустые земли по реке Каме на 146 верст, с тем чтоб поставить здесь городок для обереганья от варварских орд, призвать людей, завести хлебопашество и соляные варницы, что все и было исполнено. Утвердившись по сю сторону Уральских гор, Строгановы обратили внимание и на земли зауральские, на Сибирь, и так как сибирский султан Кучум действовал враждебно против Московского государства, то Строгановы просили у царя позволения поставить крепости по реке Тоболу и по рекам, в нее впадающим, сторожей нанимать, пушки держать на свой счет, железо вырабатывать, пашни пахать и угодьями владеть. Иоанн

дал им и на это право, право вести не только оборонительную, но и наступательную войну с сибирским султаном. Но для войны нужно было войско, и войско нашлось. Число казаков в донских степях увеличивалось; уходя все дальше и дальше в степь, они все более и более слагали с себя зависимость от государства, и, нападая на врагов России, ногаев, крымцев, они в то же время не щадили и своих, русских: разъезжая по Волге, грабили суда царские, разбивали персидских и бухарских послов и купцов русских. Царь принужден был выслать против них воевод с большим войском; казаков ловили и казнили, другие разбежались, и одна толпа их под начальством атамана Ермака Тимофеева отправилась вверх по Волге, где получила приглашение от Строгановых вступить к ним в службу и согласилась с радостью. 1 сентября 1581 года Строгановы — Семен, брат Григория, с двумя племянниками Максимом и Никитою — отпустили на сибирского султана казаков, придавши к ним ратных людей из городков своих — литовцев, немцев (пленных), татар и русских; всего войска было 850 человек. Ермак, плывя преимущественно по рекам, добрался благополучно до сибирской страны и начал удачно действовать против татар, не имевших огнестрельного оружия. Хан Кучум, не успевший остановить казаков ни войском, ни засеками, бросил свой город Сибирь, который занят был Ермаком; храбрый родственник Кучума, Маметкул, который старался вредить завоевателям нечаянными нападениями, был разбит и взят в плен. Лето 1582 года Ермак употребил на покорение городков и улусов татарских по рекам Иртышу и Оби и, возвратившись в Сибирь, послал в Москву известить царя о покорении сибирской земли. Иоанн послал за это казакам свое полное большое жалованье, а для принятия у них сибирских городов отправил воевод своих. Это распоряжение царя относительно Сибири было последнее: он не дождался вестей о судьбе Ермака.

18. *Кончина Иоанна.* Страшная жизнь, какую вел Иоанн, страшная болезнь, которою страдал он, должны были состарить его преждевременно; неудачи последних войн также не могли не действовать разрушительно на его здоровье; наконец, сюда присоединилось невольное всякого рода, против которого не могло устоять и самое крепкое телосложение. После смерти Анастасии Иоанн женился шесть раз, причем два раза без венчания церковного. В седьмой раз он был женат на Марье Федоровне Нагой, от которой имел сына Димитрия, но перед смертью он думал развестись с нею и сватался на англичанке, родственнице королевы Елисаветы. Привычка давать волю гневу и рукам не осталась без страшного наказания: в конце 1581 года, рассердившись за что-то на старшего сына своего Иоанна, царь ударил его, и удар был смертельный. Не с большим через два года умер и сам Иоанн, 18 марта 1584 года, на 54-м году жизни.

19 *Внутренние распоряжения Иоанна IV распоряжения его относительно местничества и военного устройства.* Долговременное царствование Иоанна IV кроме характера государя, его отношений к вельможам и важной воинской деятельности на востоке и западе замечательно и внутренними правительственными распоряжениями. Иоанн обратил свое внимание на явление, которое, коренясь в народном быту, усиливалось все более и более и представляло правительству сильные затруднения, особенно во время войны,— то было *местничество*. Мы видели, как долго у нас княжеский род сохранял единство; такие же понятия о родовом единстве господствовали и между членами частных родов, а вследствие этого человек, подвигавшийся вперед на службе, с тем вместе подвигал, возвышал целый род свой, иногда чрезвычайно обширный, состоявший из многих фамилий, и человек, понижавшийся на служебном поприще, с тем вместе понижал целый род свой, целому роду наносил бесчестье, или поруху, как тогда говорили. Отсюда главною заботою каждого служилого человека при назначении его на службу в младших товарищах с кем-нибудь или под начальством чьим-нибудь было осведомиться, можно ли ему быть в младших товарищах или в подчинении у известного лица без унижения своему роду, и если узнавал, что нельзя, то подавал просьбу, что вместе с таким-то быть не может. Например, князь NN назначался в младших товарищах с князем MM, но князь NN узнал, что в одном из прежних походов дед его, князь NN, занимал высшее место пред дедом князя MM и, следовательно, род NN был выше рода MM, потому теперь князь NN никак уже не хотел быть ниже князя MM, ибо не хотел взять на себя ответственности перед целым родом своим, который он понизил бы, если бы согласился быть ниже MM: тогда все члены рода MM стали бы пользоваться этим случаем, чтоб выставить свое преимущество пред членами рода NN. Средством для служилых людей узнавать, когда, кто, с кем прежде был в какой службе, были *разрядные* книги, куда вписывались все служебные назначения и все местнические случаи, к которым подавали повод эти назначения. Разрядные книги велись самим правительством и частными людьми именно на случай местнических споров. Местничались воеводы по полкам, по городам, местничались царедворцы в придворных церемониях, местничались женщины за столом у царицы. Иоанн ограничил число случаев, когда воеводы разных полков могли местничаться, потом уничтожил право молодых служилых людей знатного происхождения местничаться с воеводами менее знатного происхождения; право местничаться они получали только тогда, когда сами становились воеводами. При Иоанне положено основание постоянному войску учреждением стрельцов для безопасности южных степных границ устроена станичная и стороже-

вая служба: отряды вооруженных людей должны были стоять на известных местах в степи, на сторо́жах сменяя друг друга; другие отряды, или станицы, должны были разъезжать по степи в определенных направлениях и наблюдать, не покажутся ли где татары.

20. *Распоряжения относительно городского и сельского народонаселения.* Еще в малолетство Иоанна Грозного, во время боярского правления, произошла важная перемена в управлении городском и сельском: жители городские и сельские получают от правительства позволения сами ловить, судить и казнить воров и разбойников, для чего должны ставить себе в головах детей боярских, присоединяя к ним старост, десятских и лучших людей. Иоанн, получая беспрестанные жалобы на притеснения, которые позволяли себе наместники и волостели в городах и селах, стал давать жителям городским и сельским право выбирать себе правителей, которые потому и назывались *излюбленными* старостами, а те деньги, которые они давали прежде наместникам, доставлять в казну. Относительно холопей Иоанн ограничивал число случаев, в которых свободный человек становился холопом.

21. *Дела церковные.* В 1551 году Иоанн созвал собор церковный и подал архиереям длинный список беспорядкам, для прекращения которых требовал их содействия. Собор вследствие этого требования постановил, чтобы сто священников выбрали себе старосту, лучшего человека, который собирал бы их для совещаний о делах духовных. Собор постановил также выбирать добрых священников, дьяконов и дьяков, благочестивых и грамотных, и у них в домах устроить училища. Для больных и престарелых собор определил по всем городам устроить богадельни мужские и женские. На соборе 1551 года был поднят опять важный вопрос о церковных недвижимых имуществах, и тут в первый раз решились постановить границу увеличению этих имуществ, а именно было определено, что вперед архиереи и монастыри не имеют права покупать вотчин без царского согласия; потом собор 1573 года определил: в большие монастыри, где вотчин много, вперед вотчин не давать по душе, можно давать вотчины только бедным монастырям с дозволения государева; наконец, собор 1580 года уничтожил и это исключение в пользу бедных монастырей. Кроме этих вопросов русскую Церковь Иоаннова времени занимала борьба с ересями: с ересью Матвея Башкина, который не признавал Иисуса Христа равным Богу Отцу, и с ересью Феодосия Косого, который учил, что Христос — простой человек.

22. *Издание нового Судебника.* В 1550 году Иоанн велел составить новый Судебник. Так как в это время явилась сильная потребность в мерах против злоупотреблений правителей и судей,

то эта потребность не могла не выразиться и в Судебнике Иоанна IV, чем этот Судебник вообще и огличается от Судебника Иоанна III Например, подобно Судебнику Иоанна III, новый Судебник запрещает судьям дружить, мстигь и брать взятки, но не ограничивается одним общим запрещением, а грозит определенным наказанием в случае ослушания.

23. *Литература и книгопечатание.* Царствование Иоанна IV отличается также усилением литературной деятельности. Борьба Иоанна с вельможами своими не ограничивалась одними насильственными средствами, она велась также и пером, ибо Иоанн отвечал Курбскому на его укорительные послания. Иоанн славился между современниками своею начитанностью, своим искусством говорить и писать, слыл «словесной премудрости ритором». Кроме ответов Курбскому до нас дошло еще замечательное по своей силе обличительное послание Иоанна в Кирилло-Белозерский монастырь. Курбский, ученик Максима Грека, не уступал Иоанну в словесной премудрости. Мы видели, что кроме посланий к Иоанну Курбский написал еще историю своего времени под заглавием «История князя великого московского». Найдя в Литве русскую православную веру, окруженную сильными врагами, католиками и протестантами, Курбский начал стараться о том, чтоб дать русским средства к успешной борьбе с врагами, дать сочинения отцов восточной Церкви в русском переводе, сам начал учиться по-латыни и переводил Златоуста, Дамаскина, написал историю Флорентийского собора. Другой ученик Максима Грека, Зиновий Отенский, боролся в Московском государстве с ересью Феодосия Косого, написал на нее опровержение Кроме этих полемических сочинений религиозного и политического содержания от времен Иоанновых дошли до нас и другие любопытные литературные памятники. Таков Домострой, написанный знаменитым священником Сильвестром. Под именем Домостроя разумеется собрание правил житейской мудрости, домашнего семейного благочиния, изложение обязанностей к Богу, духовным пастырям, к царю и ближнему вообще. По мысли и старанию митрополита Макария составлен был громадный сборник, известный под именем Макарьевских Миней: в 12 больших книгах собраны толкования на Евангелие, Деяния и Послания Апостольские, сочинения отцов Церкви, известные в славянских переводах, также жития святых. Ко временам же Иоанновым относится составление Степенной Книги — изложения церковных и гражданских событий русской истории с религиозной точки зрения Составление летописей продолжалось по-прежнему; до нас дошли два рода летописей от описываемого времени: одни — составленные по приказанию и под надзором правительства, другие — составленные частными людьми

К царствованию Иоанна относится и введение книгопечатания в Московском государстве. Первая типография в Москве была заведена в 1563 году; начали заниматься книгопечатанием два мастера: дьякон Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец; в 1564 году они окончили печатание первой книги— Деяний Апостольских. Напечатавши в 1565 году Часовник, первые мастера принуждены были бежать из Москвы в Литву по обвинению в ереси, но книгопечатание продолжалось и без них в Московском государстве.

ГЛАВА XXVIII

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА

1. Смуты в начале царствования Феодорова. И по смерти Иоанна IV государство находилось в таком же положении, как и по смерти отца его: хотя сын Иоаннов Феодор вступил на престол и возрастным, но был младенец по способностям, не мог управлять государством, следовательно, нужна была опека, регентство, и открывалось поприще для борьбы за это регентство. Но так как младенчество Феодора было постоянно и он умер, не оставя кровных последников, то борьба бояр за регентство в его царствование получает уже новое значение: здесь должны были выставиться не могущественнейшие только роды боярские, но будущие династии царские. Из князей Гедиминовского литовского рода большим почетом пользовалась фамилия князей Мстиславских; при смерти Иоанна князь Иван Федорович Мстиславский занимал первое место между боярами, но ни он, ни сын его князь Феодор не отличались значительными способностями и энергиею. Между князьями Рюриковичами по-прежнему первое место занимала фамилия Шуйских. Опала, постигшая эту фамилию при совершеннолетию Иоанна, не могла сломить ее, и князь Иван Петрович Шуйский защитою Пскова от Батория сильно поднял славу фамилии; он пользовался особенным расположением горожан московских, купцов и простых людей. Но подле княжеских фамилий Рюриковских и Гедиминовских являются две старые боярские фамилии, приблизившиеся к престолу чрез родство с царями,— фамилия Романовых-Юрьевых и Годуновых: боярин Никита Романович Юрьев был родной дядя царя Феодора по матери; боярин Борис Федорович Годунов был родной брат жены царя Феодора царицы Ирины.

Феодор утвердился на престоле не без смут как по смерти великого князя Василия началась немедленно смута по поводу удельного князя, так и теперь смута началась также по поводу удельного князя. брата Феодорова, Димитрия, хотя этот удель-

ный и был младенец. Приверженные Феодору вельможи, опасаясь неприязненных движений со стороны приверженцев Димитрия, удалили этого маленького князя с матерью и родственниками ее, Нагими, в Углич, город, назначенный Димитрию в удел отцом его. Но смута этим не прекратилась: Богдан Бельский, вельможа, славившийся умом, ловкостью во всяких делах, беспокойный, честолюбивый, склонный к крамолам, возбудил против себя и вельмож и народ, который взволновался, осадил кремль и успокоился только тогда, когда узнал, что Бельский сослан в Нижний. 31 мая 1584 года Феодор венчался на царство. Сначала самое сильное влияние на дела имел боярин Никита Романович, но уже в августе 1584 года он тяжело занемог, а в апреле 1586 года умер, и на его место правителем стал брат царицы Борис Годунов.

2. *Правление Бориса Годунова и его борьба с Шуйскими.* Но утверждение на месте правителя не могло обойтись для Годунова без борьбы с людьми, которые считали за собою большие права на занятие этого места. Образовались две враждебные партии: во главе одной стоял Годунов, во главе другой — первенствующий боярин князь Иван Мстиславский с князьями Шуйскими, Воротынскими и другими вельможами. Годунов осилил враждебную себе партию: князь Мстиславский был пострижен в монахи. Воротынских и других его приверженцев разослали по городам, но Шуйские, искусно действуя через других, остались нетронутыми; Годунов с своими приверженцами сильно на них сердился; они с своей стороны держались крепко и ни в чем ему не уступали, купцы и все простые люди московские стояли за них. Митрополит Дионисий хотел быть посредником: он позвал Годунова и Шуйских к себе, умолял помириться, и они послушались его увещаний. Но в то время как бояре были у митрополита, у Грановитой палаты собралась толпа купцов; князь Иван Петрович Шуйский, вышедши от митрополита, подошел к купцам и объявил им, что они, Шуйские, с Борисом Федоровичем помирились; тут из толпы выступили два купца и сказали ему: «Помирились вы нашими головами: и вам от Бориса пропасть, да и нам погибнуть». В ту же ночь эти два купца были схвачены и сосланы неизвестно куда. Этот поступок Годунова с купцами воспламенил снова вражду между ним и Шуйскими, которые придумали самое удобное средство сломить в корню могущество Годунова, убедивши царя Феодора развестись с неплодною Ириною и вступить в новый брак; князь Иван Петрович Шуйский, другие бояре и купцы московские согласились и подписались просить государя о разводе; митрополит также был согласен действовать заодно с ними. Но Годунов узнал о замысле врагов и постарался уговорить Дионисия не начинать дела. Отклонив беду, Годунов не хотел долго оставлять в покое Шуйских: лето-

писцы говорят, что он научал людей их обвинить господ своих в измене; вследствие этого в 1587 году Шуйских и друзей их перехватили и сослали в заточение. Знатных купцов московских пытали и казнили. Видя пытки и казни, митрополит Дионисий не хотел терпеть и стал говорить царю о неправдах Годунова, но Годунов оклеветал митрополита пред царем: Дионисий был свергнут и заточен, и на его место возведен Иов, архиепископ ростовский, человек, вполне преданный Годунову. После падения Шуйских и свержения Дионисия никто уже не смел восставать против Годунова, который был признан правителем и внутри России, и в чужих государствах. Годунов величался конюшим и ближним великим боярином, наместником царств Казанского и Астраханского; правительствам иностранным давалось знать, что если они хотят получить желаемое от московского правительства, то должны обращаться к шурина царскому, вследствие чего Годунов переписывался и передаривался с императором немецким, королевою английскою, ханом крымским, принимал у себя послов от государей. Этому значению Годунова соответствовали большие доходы, которые он получал с целых областей и городов.

3. *Сношения с Польшею.* В то время, когда в Москве воцарился Феодор и пред его глазами боролся за правительство Годунов с Шуйскими, в Польше оканчивал свое царствование Баторий, который до самой смерти своей, следовавшей в 1586 году, не переставал грозить Москве войною. Но как ни страшен был Баторий, сильнейшая, по-видимому, опасность начинала грозить Москве после его смерти, когда кандидатом на польский престол явился Сигизмунд, сын шведского короля Иоанна и по матери родной племянник последнего из Ягеллонов, Сигизмунда Августа. Этот Сигизмунд, если б избран был в короли польские, то по смерти отца соединял бы под своею властью и Польшу и Швецию, соединял бы, таким образом, силы двух самых опасных для России государств. Вот почему Годунов начал сильно хлопотать, чтоб помешать избранию Сигизмунда: он отправил на сейм в Польшу великих послов, которым наказал стараться, чтоб избран был в короли царь Феодор, или если уже этого нельзя, то стараться об избрании эрцгерцога Максимилиана Австрийского, брата немецкого императора Рудольфа. В Литве очень хотели избрания Феодора, но и здесь понимали, как это трудно, и главное затруднение состояло в различии вероисповеданий: поляки не могли согласиться иметь королем некаатолика, Феодор не мог переменить своей веры; кроме того, московские послы приехали на сейм без денег, которые были необходимы для составления себе сильной партии. Вследствие этих причин Феодор, имевший сначала большой успех, потом был отстранен, и две партии, австрийская и шведская, каждая провозгласила

королем своего кандидата: австрийская — Максимилиана, а шведская — Сигизмунда, но Сигизмунд осилил противника и утвердился на польском престоле.

4. *Война шведская* В Москве, однако, напрасно беспокоились насчет опасности, которою грозило возведение на польский престол шведского королевича. Русские в 1590 году начали войну с Швециею, которая была для них удачна: Ям, Иван-город и Копорье, отнятые шведами при Иоанне IV, теперь опять перешли к русским, и поляки не помогли шведам. В конце 1592 года умер король шведский Иоанн; король польский Сигизмунд стал и королем шведским, но ненадолго: он был ревностный католик, а шведы — протестанты, во время кратковременного пребывания своего в Швеции для коронования Сигизмунд возбудил против себя народ явною враждою к протестантизму, явным нарушением условий, данных государственным чинам пред коронациею. Когда Сигизмунд возвратился в Польшу, правителем Швеции остался дядя его Карл, который успел приобрести любовь народную и готовился отнять шведский престол у племянника. В таких обстоятельствах и Сигизмунд и Карл — оба желали поскорее окончить войну с Москвою, вследствие чего в 1595 году заключен был вечный мир между Россиею и Швециею, по которому Россия получила Ям, Иван-город, Копорье и Корелу

5. *Сношения с Австриею и Англиею*. Из других европейских государств Россия в царствование Феодора сносила с Австриею, которая хлопотала о том, чтоб московский государь помог ей против турок, и Годунов в 1595 году отправил императору Рудольфу огромное количество разных мехов ценою на 45 000 рублей. Английская королева Елисавета хлопотала о торговых выгодах для своих подданных в России и потому величала Годунова своим кровным любительным приятелем. Одним из послов Елисаветы к Феодору был Флетчер, оставивший чрезвычайно любопытное описание Московского государства.

6. *Отношение к Крыму, Турции, Персии и Грузии*. И при Феодоре московское правительство должно было постоянно обращать внимание на юг, где из Крыма ежечасно ждали нападения разбойничьих шаек и где Турция не переставала грозить отнятием завоеваний Иоанна IV. Летом 1591 года крымский хан Казы-Гирей подошел к самой Москве, но здесь встретил сильное царское войско, после сшибок с которым, продолжавшихся целый день, ушел ночью назад в степь. Но за этот неудачный поход татары вознаградили себя внезапным нападением на рязанские, каширские и тульские земли в 1592 году: на этот раз вывели они так много пленных из России, что и старые люди не помнили подобной войны от поганых. Война с Австриею отвлекла татар от московских украин; она же мешала и султану турецкому обращать большое внимание на Москву, хотя он и не переставал враждебно

смотреть на нее по причине жалоб ногайских владельцев на притеснения от Москвы, и особенно по причине донских казаков, которые беспрестанно приходили под Азов и на море громили турецкие корабли. Вражда, хотя и не открытая, с Турциею скрепила дружественную связь Москвы с Персиею, которой шах Аббас Великий также враждовал с Турциею. В это время границы московские сходились с персидскими вследствие подданства царю единоверного кахетинского князя Александра в 1586 году, из Москвы отправились в Кахетию монахи, священники, иконописцы, чтоб восстановить христианство среди народа, окруженного иноверцами; послано было и войско для защиты Александра, но оно потерпело сильную неудачу в битве с горцами.

7. *Утверждение в Сибири.* Удачнее шли дела за Уральскими горами. Здесь, несмотря на то что Ермак, проложивший дорогу в Сибирь, погиб в 1584 году вследствие нечаянного нападения на него Кучума, торжество последнего не было продолжительным. Новое правительство московское высылало в Сибирь воеводу за воеводой, которые утверждали здесь русское владычество построением городов.

8. *Закрепление крестьян.* Из внутренних дел в царствование Феодора самыми важными были: закон об укреплении крестьян и учреждении пагаришества. И в это время в России земли было гораздо больше, чем жителей; богатые землевладельцы имели возможность большими льготами переманивать к себе вольных крестьян с земель бедных отчинников, которые владели наследственными землями, и помещиков. Но если для значительных землевладельцев было выгодно льготами перезывать к себе крестьян от менее значительных, то эти выгоды должны были столкнуться с выгодами государства. Одною из самых главных потребностей государства было умножение войска, возможность иметь его всегда наготове в значительном количестве, основу войска составляли дворяне и дети боярские, получавшие за свою службу поместья, с которых они должны были содержать себя и по призыву государеву являться на службу *конны, людны и оружны*, по тогдашнему выражению, т. е. на коне, с известным количеством людей и в полном вооружении. Но эта возможность содержать себя и являться на службу в требуемом виде зависела от дохода, который получал помещик с своего земельного участка, а доход этот зависел от населения земли; чтоб иметь возможность всегда нести требуемую службу, служилый человек должен был иметь на своей земле постоянное народонаселение, а мог ли он иметь его, когда богатый сосед переманивал у него крестьян большими льготами? Государство, давши служилому человеку землю, должно было дать ему и постоянных работников, иначе он служить не мог. Вот почему издан был закон, по которому крестьяне не могли более покидать раз занятых ими земель.

9. *Учреждение патриаршества.* Главный архиерей русской Церкви в царствование Феодора переменил звание митрополита на звание патриарха. Хотя восточная русская, или московская, Церковь уже с половины XV века была независима от константинопольской, но все же она управлялась только митрополитом, который считался ниже патриарха, подчиненным патриарху. Возвышение северо-восточной русской Церкви как самостоятельной и цветущей требовало уравнивания ее с старшими церквями, которые страдали под игом неверных, нуждались в ее помощи. Государь так рассуждал с духовенством и вельможами об этом деле: «Восточные патриархи и прочие святители только имя святителей носят, власти же едва ли не всякой лишены, наша же страна благодатию Божию все больше расширяется, и потому я хочу устроить в Москве превысочайший престол патриаршеский». Духовенство и вельможи похватали мысль царскую, но прибавили, что надобно приступить к делу с согласия всей Церкви восточной. В 1588 году приехал в Москву старший из патриархов, Иеремия константинопольский, ему предложили остаться в Московском государстве, быть патриархом всероссийским, но жить во Владимире, ибо он не знает русского языка и обычаев, да и митрополита Иова неприлично изгнать из Москвы. Иеремия не согласился на это предложение, но согласился посвятить в патриархи всероссийские Иова, что и было исполнено в 1589 году.

10. *Убиение царевича Димитрия и смерть царя Феодора.* Такова была внешняя и внутренняя деятельность в царствование Феодора, т. е. деятельность правителя Годунова. Достигнув первенства между всеми вельможами, Годунов должен был думать о будущем, и будущее это было для него страшно, тем страшнее, чем выше было его положение настоящее. у Феодора не было сына, при котором бы Годунов как дядя мог надеяться сохранить прежнее значение, по крайней мере прежнюю честь, преемником бездетного Феодора долженствовал быть брат его Димитрий, удаленный в Углич. Димитрий рос при матери и ее родственниках Нагих, которые питали враждебные чувства к людям, подвергнувшим их изгнанию, и в этих враждебных чувствах к Годунову и ко всей его партии воспитали ребенка. И вот в мае 1591 года разнеслась по государству весть, что царевич Димитрий погиб в Угличе от убийц, подсланных Годуновым, и что эти убийцы умерщвлены жителями Углича. Для розыска про дело и для погребения Димитрия посланы были в Углич князь Василий Иванович Шуйский, Андрей Клешиин (приверженец Годунова, которому приписывают главное распоряжение насчет убийства) и крутицкий митрополит Геласий. Следствие было произведено недобросовестно: следователи спешили собрать побольше свидетельств о том, что царевич зарезался сам в припадке падучей болезни, не обратили внимания на противоречия и на открытие

главных обстоятельств. Несмотря на то, патриарх Иов на соборе из духовенства и вельмож объявил, согласно показанию свидетелей, что смерть царевича приключилась судом Божиим и что угличане невинно умертвили несколько человек, на которых Нагие указали как на убийц Димитрия. Вследствие этого царицу Марью постригли под именем Марфы и заточили в пустынь за Белоозеро; Нагих всех разослали по городам, по тюрьмам; угличан — одних казнили смертью, другим резали языки, рассылали по тюрьмам, много людей свели в Сибирь и населили ими город Пелым.

Через год после угличского происшествия у царя родилась дочь Феодосия, но в следующем году ребенок умер, через пять лет по смерти дочери, в январе 1598 года, скончался сам Феодор

ГЛАВА XXIX

ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА

1. Избрание на престол Годунова. На вопрос патриарха и бояр: «Кому приказываешь царство?» — умирающий Феодор отвечал: «Во всем царстве и в вас волен Бог: как Ему угодно, так и будет». По смерти Феодора поспешили присягнуть жене его, царице Ирине, чтоб избежать междоусобия. Но Ирина отказалась от престола, уехала из дворца в Новодевичий монастырь, где и постриглась под именем Александры. Несмотря на то, дела производились ее именем, действительно же во главе правления стоял патриарх; ему, следовательно, принадлежал и первый голос в деле царского избрания, а Иов был самый ревностный приверженец Годунова. Итак, за Годунова был патриарх, за Годунова было долголетнее пользование царскою властью при Феодоре, доставлявшее ему большие средства, повсюду правительственные должности занимали люди, всем ему обязанные, при Феодоре он сам и родственники его приобретали огромное богатство, также и могущественное средство приобретать доброжелателей; за Годунова было то обстоятельство, что сестра его признавалась царицею правительствующею: кто же мимо родного брата мог взять скипетр из рук ее? Патриарх с духовенством, боярами и гражданами московскими отправился в Новодевичий монастырь просить царицу, чтоб благословила брата на престол, просили и самого Годунова принять царство, но он отказался, ибо хотел быть избран в цари всею Россиею, собором, на котором бы находились выборные изо всех городов, советные люди, как тогда говорили. На соборе большинство составляли духовенство и дворянство второстепенное, которые были давно за Годунова или шли за мнением патриарха. 17 февраля 1598 г. на

соборе патриарх объявил, что, по его мнению, также по мнению всею духовенства, бояр и всех москвичей, мимо Бориса Феодоровича Годунова другого государя искачь нечего, и советные люди отвечали, что их мнение такое же. Отправились опять к Годунову, который жил вместе с сестрою в Новодевичьем монастыре, и опять получили отказ. Тогда патриарх пошел в монастырь с крестным ходом и со множеством народа; патриарх с духовенством и боярами вошли в келью к царице и долго упрашивали ее со слезами, стоя на коленях, чтоб благословила брата на царство; на монастыре и около монастыря народ, стоя на коленях, вопил о том же. Царица наконец благословила, и Годунов принял царство. Говорят, будто народ пригнан был неволюю,—грозили, что, если кто не пойдет, с того будут взыскивать деньги.

2. *Сношения царя Бориса с державами европейскими и азиатскими.* Так был избран в цари Борис Годунов. Царствование его относительно западных, самых опасных соседей, Польши и Швеции, началось при самых благоприятных обстоятельствах: эти державы, так недавно грозившие Москве страшным союзом своим под одним королем, теперь находились в открытой и ожесточенной вражде; шведы отказались повиноваться Сигизмунду польскому и провозгласили королем своим дядю его Карла, в котором Сигизмунд, разумеется, видел похитителя своего престола. Оба государя, и Швеция и Польша, вследствие этого искали союза с Борисом, который, подобно Иоанну IV, не спускал глаз с Ливонии, считая прибалтийские берега необходимыми для своего государства. Приобрести эту желанную страну или часть ее было теперь легко, но для этого было средство прямое, решительное: заключить тесный союз с королем шведским и действовать с ним вместе против Польши. Но Годунов по характеру своему не был способен к средствам решительным, прямым и открытым. Он думал, что Швеция уступит ему Нарву, а Польша — Ливонию или часть ее, если только он будет грозить Швеции союзом с Польшею, а Польше — союзом с Швециею, но этими угрозами он только раздражал и Швецию и Польшу, а не пугал их, обнаруживая политику мелочную, двоедушную. Он боялся войны: сам не имел ни духа ратного, ни способностей воинских, воеводам не доверял и потому хлопотал, чтоб Ливония сама поддалась ему, для чего поддерживал неудовольствие ее жителей против польского правительства, но эти средства, не подкрепляемые действиями прямыми и решительными, не вели ни к чему. Чтоб иметь наготове вассального короля для Ливонии, как Иоанн IV имел Магнуса, Борис вызвал в Москву шведского принца Густава, племянника королю Карлу: Годунов хотел также выдать за этого Густава дочь свою Ксению; но Густав не захотел отказаться от протестантизма и был отослан в Углич.

Нужно было искать другого жениха Ксении между иностранными принцами, и жениха нашли в Дании: принц Иоанн, брат короля Христиана, согласился ехать в Москву, чтоб быть зятем царским и князем удельным. Иоанн был принят в Москве с большим торжеством, очень ласково от будущего тестя, но скоро потом сделалась у него горячка, от которой он и умер на двадцатом году жизни.

Отношения к Крыму были благоприятны: хан, живший не в ладу с султаном турецким, принуждаемый принимать участие в войнах последнего и видя, с другой стороны, могущество Москвы, невозможность приходить врасплох на ее границы, ибо в степях являлись одна за другою русские крепости, должен был смириться и соглашаться с московскими послами, которые объявили, что государь их не боится ни хана, ни султана, что рати его бесчисленны. Но если отношения к Крыму видимо принимали благоприятный оборот, то иначе шли дела за Кавказом: рано еще, не по силам было Московскому государству бороться в этих далеких краях с могущественными турками и персиянами. Александр кахетинский, признавая себя слугою Бориса, сносился в то же время с сильным Аббасом, шахом персидским, и позволил сыну своему Константину принять магаметанство, но и это не помогло. Аббас хотел совершенного подданства Кахетии и велел отступнику Константину убить отца и брата за преданность Москве. Преступление было совершено, с другой стороны, в Дагестане русские вторично утвердились было в Тарках, но турки вытеснили их отсюда, а кумыки перерезали при отступлении: 7000 русских пало вместе с воеводами, и владычество Москвы исчезло в этой стране.

3. *Окончание борьбы с Кучумом сибирским* В Закавказье Москва не могла защищать единоверцев своих от могущественных народов магаметанских, зато беспрепятственно утверждалась ее власть за Уральскими горами. В Сибири Кучум был еще жив и не переставал враждовать против русских. В 1598 году за ним погнался воевода Воейков, нашел Кучума на реке Оби и поразил; семейство Кучума попало в плен к русским, старик сам третий ушел в лодке вниз по Оби. В этой решительной битве у русских было 400, а у Кучума 500 человек войска! Лишенный всех средств противился далее. Кучум ушел к ногам и был там убит. Русские продолжали строить города в Сибири, заводить хлебопашество; кроме служилых людей и хлебопашцев в новопостроенные сибирские города переводились из других городов и купцы; проводились дороги.

4. *Распоряжение Бориса относительно крестьян и просвещения.* Что касается внутренних распоряжений Годунова в Европейской России, то он определил, сколько крестьянин должен платить землевладельцу и сколько работать на него, позволил

временно переход крестьян от мелких землевладельцев к мелким же, но не к богатым, чтоб последние не могли переманивать крестьян от бедных. Годунов старался облегчить народ от податей, старался о распространении просвещения. Он хотел вызвать из-за границы ученых людей и основать школы, где бы иностранцы учили русских людей разным языкам. Но духовенство не согласилось на это. Тогда Борис придумал другое средство: уже давно был обычай посылать русских молодых людей в Константинополь учиться там по гречески; теперь царь хотел сделать то же относительно других стран и языков: выбрали несколько молодых людей и отправили их учиться — одних в Любек, других в Англию, некоторых во Францию и Австрию. Борис очень любил иностранцев, составил из немцев, преимущественно из ливонцев, отряд войска; немцы эти получали большое жалованье и поместья; покровительствовал иностранным купцам, иностранных медиков своих держал, как бояр. Такое расположение царя к иностранцам, убеждение в превосходстве их над русскими относительно просвещения, убеждение в необходимости учиться у них возбудило в некоторых русских желание подражать иностранцам и начать это подражание со внешнего вида: и свои и чужие говорят о пристрастии русских к иноземным обычаям и одеждам во время Годунова, о введении обычая брить бороды.

5. *Начало смуты; доносы и опалы.* Для большинства русского народа Борис в два первых года своего царствования оставался таким же, каким был во время правления своего при царе Феодоре, т. е. «наружностью и умом всех людей превосходил, много устроил в Русском государстве похвальных вещей; старался искоренять разбой, воровства, корчемства, но не мог искоренить; был он светлодушен, милостив и нищелюбив, но в военном деле был неискусен. Цвел он добродетелями, и если б зависть и злоба не помрачили его добродетелей, то мог бы древним царям уподобиться. Он принимал доносы от клеветников на невинных, отчего возбудил против себя негодование вельмож всей русской земли; отсюда поднялось на него много бед, которые и привели его к гибели». Таким образом, по свидетельству современников, вся беда для Годунова произошла оттого, что он не мог уподобиться древним царям, не имел достаточно величия духа, чтоб, восшедши на престол, позабыть все старые боярские свои вражды, унизился до страха пред своими прежними соперниками, страдал мелкою болезненною подозрительностью; этуо подозрительностью и враждою он раздражил против себя вельмож, которые и были виновниками его падения. Первая опала от подозрительного Бориса постигла Богдана Бельского, известного нам по смуте в начале царствования Феодора, сосланного вследствие этой смуты и возвращенного из ссылки Годуновым.

Царь послал Бельского строить в степи город Борисов; Бельский, будучи очень богат, не щадил издержек для угощения ратных людей, строивших город, бедным из них давал деньги, платье и этим заслужил от них громкие похвалы. Это старание Бельского приобрести народную любовь,—старание, увенчавшееся успехом, возбудило подозрительность и злобу Бориса, тем более что Бельский был человек действительно подозрительный; Бельского схватили и сослали в один из дальних городов в тюрьму. Подозрительность Бориса разыгралась. Желая знать, что говорят о нем знатные люди и не умышляют ли чего-нибудь дурного, он начал поощрять холопей к доносам на господ своих. Доносчики получали награды, и язва эта быстро разлилась, заразила людей всех званий; следствиями доносов были пытки, казни, заточения; ни при одном государе таких бед никто не видал, говорят современники. Подан был донос на Романовых от дворового человека одного из них, Александра Никитича. Романовых забрали под стражу вместе со всеми родственниками и приятелями их, пытали, пытали и людей их, но не могли ничего сведать. В 1601 году старшего из Романовых, Федора Никитича, постригли под именем Филарета и сослали в Антониев Сийский монастырь; жену его Аксинью Ивановну, урожденную Шестову, также постригли под именем Марфы и сослали в один из заонежских погостов; Александра Никитича Романова сослали к Белому морю, Михайлу Никитича — в Пермскую область, Ивана Никитича — в Пелым, Василия Никитича — в Яренск; мужа сестры их, князя Бориса Черкасского, с женою и с племянником ее, сыном Федора Никитича, маленьким Михаилом (будущим царем), — на Белоозеро. Только двое из братьев пережили свое несчастье — Филарет и Иван Никитич; остальные померли от жестокости приставов, отправленных с ними в места заточения.

б. Голод и разбои. В то время как доноски свирепствовали в Москве, страшное физическое бедствие постигло Россию: от сильных неурожаев в продолжение трех лет, с 1601 до 1604, сделался голод небывалый, к которому присоединилось еще моровое поветрие. За голодом и мором следовали разбои: люди, спасавшиеся от голодной смерти, составляли шайки, чтоб вооруженною рукою кормиться на счет других. Преимущественно эти шайки составлялись из холопей, которыми наполнены были дома знатных и богатых людей. Во время голода, найдя обременительным для себя кормить толпу холопей, господа выгоняли их от себя: число этих холопей, лишенных приюта и средств к пропитанию, увеличилось еще холопами опальных бояр, Романовых и других, ибо этих холопей Годунов запретил всем принимать к себе. Эти люди, из которых многие были привычны к военному делу, шли к границам, в северскую Украину (нынешние губернии Орловская, Курская, Черниговская), которая уже и без того была

наполнена людьми, ждавшими только случая начать неприятельские действия против государства; еще царь Иоанн IV, желая умножить народонаселение этой страны людьми воинственными, способными защитить ее от татар и поляков, позволял преступникам спастись от наказания бегством в украинские города. Вследствие всего этого теперь, после голода, образовались в украине многочисленные разбойничьи шайки, от которых не было проезда не только по пустым местам, но и под самую Москву; атаманом их был Хлопка Косолап. Царь выслал против них войско под начальством воеводы Ивана Басманова, который сошелся с Хлопкою под Москвою; разбойники бились отчаянно и убили Басманова; несмотря на то, царское войско одолело их; полумертвого Хлопку взяли в плен, товарищей его, пробравшихся назад в Украину, ловили и вешали, но в украине было много им подобных — черная роль ее только что начиналась, начинали ходить слухи о Самозванце.

7. *Появление Самозванца.* В последних годах XVI века появился в Москве бойкий, смысленный, грамотный молодой человек, сирота, сын галицкого служилого человека Богдана Отрепьева Юрий. Он проживал во дворах вельмож, подозрительных царю, а поэтому сам сделался подозрителен. Беда грозит молодому человеку, он спасается от нее пострижением под именем Григория, скитается из монастыря в монастырь, попадает, наконец, в Чудов и поступает даже к патриарху Иову для книжного письма. Но здесь дерзкие речи, что он будет царем на Москве, навлекли на него новую беду; царь Борис велел одному дьяку сослать Отрепьева в Кириллов Белозерский монастырь, но дьяк не исполнил царского приказа, молодой монах убежал из Чудова монастыря и после долгих странствований по разным местам пробрался за литовскую границу в сопровождении двух других монахов. В польских владениях он скинул с себя монашескую рясу, поучился немного в школе города Гащи, потом бывал у казаков запорожских и, наконец, поступил в службу к польскому вельможе князю Адаму Вишневецкому, которому при первом удобном случае открыл, что он московский царевич Димитрий, сын царя Иоанна Васильевича, спасенный от убийц, подосланных Годуновым, которые вместо него убили другого, подставленного ребенка.

8. *Успехи Самозванца в Польше.* Вишневецкий поверил, и весть о московском царевиче, чудесно спасшемся от смерти, быстро распространилась между соседними панями, которые начали принимать Отрепьева с царскими почестями; у одного из них, сандомирского воеводы Юрия Мнишка, жившего в Самборе, Самозванцу очень понравилась дочь Марина. Мнишки были ревностные католики; принятие католицизма всего более помогало Отрепьеву, ибо становило на его сторону духовенство

польское и особенно могущественных иезуитов; Лжедмитрий позволил францисканским монахам обратиться в католицизм. В начале 1604 года Мнишек привез Лжедмитрия в Краков, где папский нунций Рангони представил его королю Сигизмунду. Король находился в большом затруднении: с одной стороны, ему хотелось помочь Самозванцу и таким образом завести смуту в Московском государстве; с другой стороны, страшно было нарушить перемирие, оскорбить могущественного Годунова, который мог жестоко отомстить Польше за свою обиду наступательным союзом с Швецией. Сигизмунд решил употребить такую хитрость: он признал Отрепьева московским царевичем, хотя и не публично, назначил ему ежегодное содержание, но не хотел помогать ему явно войском от имени правительства польского, а позволил вельможам частным образом помогать царевичу. Вести дело поручено было Мнишку, который с торжеством привез царевича в Самбор, где тот предложил руку свою Марине. Предложение было принято, но свадьба отложена до утверждения Димитрия на престоле московском.

9. *Меры Годунова против Лжедмитрия.* Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много в степях и окраинах Московского государства; следовательно, сильная помощь ждала Самозванца впереди. Московские беглецы, искавшие случая безопасно и с выгодною возвратиться в отечество, первые приехали к нему и провозгласили истинным царевичем; донские казаки, стесненные при Борисе более чем когда-либо прежде, откликнулись также немедленно на призыв Лжедмитрия. Как скоро Лжедмитрий объявился в Польше, то слухи об нем начали с разных сторон приходить в Москву. Борис объявил прямо боярам, что это они подставили Самозванца, и начал принимать меры против страшного врага, которого нельзя было сокрушить одною военною силою. Отправлены были грамоты в Польшу к королю, вельможам, воеводам пограничным с объявлением, что тот, кто называет себя царевичем Димитрием, есть беглый монах Отрепьев. В Москве патриарх Иов и князь Василий Шуйский уговаривали народ не верить слухам о царевиче; патриарх проклял Гришку Отрепьева со всеми его приверженцами и разослал по областям грамоты с известием об этом проклятии и с увещанием не верить спасению царевича. Но средства эти оказались тщетными: северская окраина волновалась от подметных грамот Лжедмитриевых; воеводы царские прямо говорили, что «трудно воевать против природного государя» (т. е. против Димитрия); в Москве на пирах пили здоровье Димитрия.

10. *Вступление Лжедмитрия в московские пределы.* В октябре 1604 года Лжедмитрий вошел в области Московского государства. Северские города начали ему сдаваться, не сдался один

Новгород Северский, где засел воевода Петр Федорович Басманов, любимец царя Бориса. Борис выслал войско под начальством первого боярина, князя Мстиславского, который сошелся с войсками Самозванца под Новгородом Северским; несмотря на малочисленность своего войска в сравнении с войском царским, Самозванец разбил Мстиславского, ибо у русских, пораженных сомнением — не сражаются ли они против законного государя? — не было рук для сечи, как говорят очевидцы. Так как Мстиславский был ранен в битве, то вместо него начальствовать над войском был прислан князь Василий Иванович Шуйский. Самозванец 21 января 1605 года ударил на царское войско при Добрыничах, но, несмотря на храбрость необыкновенную, потерпел поражение вследствие многочисленности пушек в царском войске. Годунов сильно обрадовался, думал, что дело с Самозванцем кончено, но радость его не была продолжительна, ибо скоро пришли вести, что Самозванец не истреблен, а усиливается; 4000 донских казаков явились к нему в Путивль, где заперся он, а между тем московские воеводы ничего не сделали, не пользовались своею победою.

11. Смерть Бориса и провозглашение Лжедмитрия царем.

В таком нерешительном положении находились дела, когда 13 апреля 1605 года умер царь Борис скоропостижно. После него остался сын Феодор, которого все свидетельства единогласно осыпают похвалами как молодого человека, наученного всякой премудрости, ибо действительно отец успел дать ему хорошее по времени и по средствам образование. Жители Москвы спокойно присягнули Феодору. К войску вместо Шуйского, отозванного в Москву, отправлен был Басманов, прославившийся защитою Новгорода Северского. Но Басманов увидал, что ничего нельзя было сделать с войском, которое и прежде не имело рук от недоумения, а теперь еще более было ослаблено нравственно вследствие смерти Бориса. Видя это, видя, что воеводы самые способные, могшие придать одушевление войску, не хотят Годунова, Басманов решился изменить сыну своего благодетеля и вместе с князьями Голицыными (Васильем и Иваном Васильевичами) и Михаилом Глебовичем Салтыковым 7 мая объявил войску, что истинный царь есть Димитрий, и полки без сопротивления провозгласили его государем.

Самозванец двинулся по дороге в Москву, где 1 июня Плещеев и Пушкин возмутили народ и свели с престола царя Феодора; скоро приехали в Москву из стана Самозванца князь Василий Голицын и Василий Масальский, свергнули патриарха Иова, разослали в заточение Годуновых и родственников их и зверски умертвили царя Феодора Борисовича и мать его, царицу Марью; царевна Ксения Борисовна осталась в живых и после была пострижена под именем Ольги.

ГЛАВА XXX

ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЖЕДИМИТРИЯ

20 июня 1605 года Лжедмитрий с торжеством въехал в Москву. Богдан Бельский, снова возвращенный в Москву, торжественно с Лобного места свидетельствовал перед народом, что новый царь есть истинный Димитрий. Но другое втихомолку свидетельствовал князь Василий Шуйский: он поручил одному купцу и одному лекарю разглашать в народе, что новый царь — самозванец. Басманов узнал о слухах, узнал, от кого они идут, и донес царю. Шуйский был схвачен, и Лжедмитрий отдал дело на суд собору из духовенства, вельмож и простых людей; собор осудил Шуйского на смерть; уже был он выведен на место казни, как прискакал гонец с объявлением помилования; Шуйского вместе с братьями сослали в галицкие пригороды, но, прежде нежели они достигли места ссылки, их возвратили в Москву, отдали имение и боярство.

Известить области о восшествии на престол нового царя должен был патриарх; так как Иов был свергнут, то на его место возвели рязанского архиепископа Игнатия, родом грека, который первый из архиереев признал Лжедмитрия истинным царем. Но признание Игнатия не могло окончательно утвердить нового царя на престоле; это могло сделать только признание матери, царицы Марфы. Ее привезли в Москву, Лжедмитрий встретил ее в селе Тайнинском, имел свидание наедине, в шатре, после чего народ был свидетелем взаимных нежностей матери и сына. Вскоре по приезде матери Лжедмитрий венчался на царство по обыкновенному обряду, причем объявлены были милости мнимым родственникам царским, гонимым при Годунове, Нагим и Романовым. Филарет Никитич Романов был сделан ростовским митрополитом.

Не проходило дня, в который бы царь не присутствовал в думе, где удивлял бояр здравым смыслом, находчивостью при решении трудных дел, начитанностью; указывая на невежество бояр, он обещал позволить им ездить в чужие земли для образования; объявил, что хочет держать народ в повиновении не строгостью, но щедростью. Если и на Годунова сильно жаловались за то, что он очень любил иностранцев, отчего началось подражание иностранным обычаям, то гораздо больше поводов к подобным жалобам подавал Лжедмитрий, который, побывав сам на чужой стороне, пристрастился к тамошним обычаям и по живости природы своей не мог сообразоваться с церемонною, сидячею жизнью прежних царей. Желание как можно скорее видеть невесту свою в Москве, равно как желание быть в союзе с католическими державами для общей войны против турок,

заставляли Лжедмитрия дорожить дружбою польского короля Сигизмунда, но он не хотел для этой дружбы жертвовать выгодами своего государства: так, в угоду королю он не только не хотел отказаться от титула царя, но еще принял титул императора, объявил, что не уступит ни клочка русской земли Польше; в сношениях с папою Лжедмитрий также уклонялся от обязательства ввести католицизм в Московское государство. Несмотря на то, приезд в Москву Марины Мнишек со множеством поляков, которые вели себя дерзко, женитьба царя на польке некрещеной возбуждали неудовольствие в Москве, которым спешил воспользоваться князь Василий Шуйский вместе с другими боярами. Шуйский по горькому опыту знал, что нельзя подвинуть народа против царя одним распушением слухов о самозванстве, знал, что большинство московского народа предано Лжедмитрию как государю доброму и ласковому, и потому начал действовать с большою осторожностью. Особенно надеялся он на осмнадцатитысячное войско, собранное под Москвою царем для предполагавшегося похода на Крым; для безопасности же от большинства москвичей, преданных Лжедмитрию, заговорщики положили по первому набату броситься во дворец, с криком: «Поляки бьют государя!» — окружить царя как будто для защиты и убить его. Несмотря, однако, на эту осторожность и хитрость, умысел легко мог бы не иметь успеха, если бы заговорщикам не помогла необыкновенная доверчивость Лжедмитрия, который смеялся над поляками, уведомлявшими его о народном волнении, не хотел принимать никаких доносов от немецких телохранителей и пренебрег всеми мерами осторожности.

17 мая 1606 года около четырех часов утра раздался набат в Москве, и толпы заговорщиков хлынули на Красную площадь, где уже сидели на конях бояре. Шуйский повел народ в Кремль «на злого еретика», как он выразился. Лжедмитрий проснулся от набата и выслал Басманова справиться, в чем дело. Басманов в отчаянии прибежал назад к царю, крича, что вся Москва собралась на него. Когда уже бояре вошли во дворец, то Басманов вышел к ним и стал уговаривать их не выдавать народу Лжедмитрия, но был убит. Лжедмитрий увидел, что сопротивление бесполезно, выскочил из окна и разбился. Стрельцы, стоявшие на карауле, подняли его, привели в чувство и приняли было его сторону, но заговорщики закричали: «Пойдем в Стрелецкую слободу, истребим семейства стрельцов, если они не хотят нам выдать обманщика». Стрельцы испугались и сказали боярам: «Спросим царицу: если она скажет, что он не сын ей, то Бог в нем волен». Сам Лжедмитрий требовал, чтоб спросили мать его или вывели его на Лобное место и дали объясниться с народом. Но объясниться ему не дали; пришел князь Голицын и сказал, что

царица Марфа называет своим сыном того, который убит в Угличе, а от этого отрекается. Тогда Лжедмитрия убили, и труп его вместе с трупом Басманова выставили на Красной площади в маске с дудкою и вольнякою. Между тем другие толпы народа били поляков. Тесть самозванца Мнишек с родственниками, равно как послы королевские, приехавшие на свадьбу, были спасены боярами, Марину также не тронули и отвезли из дворца к отцу.

Тот, кто назывался царем Димитрием, был убит; начали думать об избрании нового царя. Виднее всех бояр московских по уму, энергии, знатности рода были два князя, Василий Иванович Шуйский и Василий Васильевич Голицын; оба имели сильные стороны, но Голицын не мог с успехом бороться против Шуйского, который гораздо больше выдался вперед в последнее время; он был первым обличителем самозванца, главою заговора, вождем народа против злого еретика. Для людей, совершивших последний переворот, кто мог быть лучшим царем, как не вождь их в этом деле? Бояре хотели созвать выборных из всех городов, чтоб по совету всей земли избран был государь такой, который был бы всем люб. Но Шуйский не хотел дожидаться собора, не будучи уверен, что собор кончится в его пользу, ибо дело истребления самозванца, которым он прославился, было дело чисто московское, да и не все москвичи его одобряли. 19 мая утром на Красной площади толпился народ, точно так же как и 17 мая. Вышли бояре и духовенство и предложили избрать патриарха (ибо Игнатий был свергнут как приверженец Лжедмитрия) и разослали грамоты для созвания советных людей из городов на собор, который должен избрать государя. Но в народе закричали, что царь нужнее патриарха, а царем должен быть князь Василий Иванович Шуйский. Этому крику никто не смел противоречить, и Шуйский был провозглашен царем, после чего в патриархи был избран Гермоген, митрополит казанский.

ГЛАВА XXXI

ЦАРСТВОВАНИЕ ВАСИЛИЯ ИОАННОВИЧА ШУЙСКОГО

1. Причины новых смут. Вступивши на престол, Шуйский целовал крест, что ему, «не осудя истинным судом с боярами своими, никого смерти не предавать, вотчин, двор и имения у братьев, жены и детей преступника не отнимать, если они не виноваты, доносов ложных не слушать, но исследовать всякое дело как можно обстоятельнее, а ложных доносчиков казнить, смотря по вине, какую возвели на другого». Разослана была по областям

грамота от имени бояр и всех людей московских с известием о гибели Лжедмитрия и возведении на престол Шуйского. В этой грамоте говорилось, что Гришка Отрепьев овладел царством с бесовской помощью, всех людей прельстил чернокнижеством. Но эта странная грамота могла произвести только недоумение в жителях областей: недавно извещали их из Москвы, что Годунов свергнут истинным царем Димитрием; теперь уверяют, что этот Димитрий был обманщик, злодей, еретик и чернокнижник; объявляют, что он погиб за свое злодейство; но как погиб? — это остается тайной; объявляют, что избран новый царь; но как и кем? — неизвестно; советные люди из областей не участвовали в избрании Шуйского: новый царь сел на престол тайком от земли, с нарушением формы уже священной, по которой царь, не по наследству вступающий на престол, должен был выбираться по совету всей земли, а не одних москвичей. Таким образом, эта известительная грамота Шуйского порождала только неудовольствие и недоверчивость; не доверяя человеку, который без ведома всех сел на престол, не знали, кому теперь верить, и наступило *смутное* время.

Но если в областях были недовольны, то много недовольных было и в Москве. Народ был недоволен тем, что с воцарением Шуйского бояре стали иметь гораздо больше власти, чем сам царь; некоторые из бояр были недовольны, потому что сами хотели быть на престоле; другие не хотели видеть царем Шуйского по прежним отношениям; люди, участвовавшие в гибели Лжедмитрия и провозгласившие царем Шуйского, были недовольны, потому что Шуйский был скупой старик и не осыпал их милостями. Но все эти недовольные не могли отважиться прямо на свержение Шуйского, ибо некого было выставить лучшего на его место. Для всех недовольных нужен был предлог к восстанию, нужно было лицо, во имя которого можно было действовать, лицо столь могущественное, чтоб могло свергнуть Шуйского, и вместе столь ничтожное, чтоб не могло быть препятствием для достижения каждому своей цели; одним словом, нужен был самозванец: Шуйского можно было свергнуть только так, как свергнут был Годунов. Но кроме недовольных московских, желавших иметь предлог к восстанию против Шуйского, самозванец чрезвычайно понравился казакам, которые увидали в нем средство мучить государство и жить безнаказанно на его счет; еще при жизни Лжедмитрия терские казаки (жившие на реке Терек) провозгласили одного из своих, муромца Илью Коровина, царевичем Петром, сыном царя Феодора Иоанновича, которого будто бы Годунов подменил на девочку Феодосию. Но кроме этого царевича Петра скоро явился опять и дядя его, царь Димитрий.

2. *Восстание южных областей в пользу самозванца.* 17 мая, когда заговорщики были заняты истреблением самозванца и по-

ляков, один из приверженцев Лжедмитрия, Молчанов, успел скрыться из дворца, из Москвы и направил путь к литовским границам, везде распуская по дороге слухи, что он царь Димитрий, спасающийся от убийц. В самой Москве в народе пошли слухи о возможности этого спасения; маска, надетая на лицо мертвого Лжедмитрия, подала повод к толкам, что тут скрывалась подстановка; тем более могли верить в спасение Димитрия жители областей, которые ничего не знали. Сам Шуйский видел, что ему нельзя разуверить народ касательно слухов о спасении Лжедмитрия и что гораздо благоразумнее вооружиться против прав его, дабы самозванец, и спасшийся, по мнению некоторых, от убийц, оставался все же самозванцем. Для этого Шуйский велел с большим торжеством перенести из Углича в Москву мощи царевича Димитрия и сам нес их всюю Москвою до Архангельского собора, прославляя святость невинного младенца, павшего под ножами убийц, но в Москве помнили очень хорошо, что этот же самый Шуйский объявил, что царевич умертвил сам себя в припадке падучей болезни.

Шуйскому не верили. Народ был в недоумении; опять, как при появлении первого самозванца, он был поражен нравственным бессилием, ибо человек недоумевающий, неуверенный не способен к действию твердому и решительному. Но в то время как у добрых были отняты таким образом руки, у злых, обрадовавшихся смуте, руки развязывались на злые дела. Возмутилась северская крайина по призыву путивльского воеводы, князя Григория Шаховского; там, в северской стране, подле Шаховского начинает играть важную роль Иван Болотников, прежде бывший холопом и теперь недавно возвратившийся из татарского плена Болотников обратился к подобным себе, обещая волю, богатство и почести под знаменами Димитрия, и под эти знамена начали стекаться преступники, спасшиеся в крайину от наказания, беглые холопы и крестьяне, казаки; к ним приставали в городах посадские люди и стрельцы. Они начали в городах хватать воевод и сажать их в тюрьмы; крестьяне и холопы начали нападать на господ своих, мужчин убивали, жен и дочерей заставляли выходить за себя замуж. Царские войска, высланные против Болотникова, были поражены, боярский сын Пашков возмутил Тулу, Венев и Каширу; воевода Сунбулов и дворянин Прокофий Ляпунов возмутили княжество Рязанское. На востоке, по Волге, в Перми, Вятке, восстали также крестьяне, холопы, инородцы; поднялась за Лжедмитрия и отдаленная Астрахань.

2. *Борьба Шуйского с Болотниковым и появление второго Лжедмитрия.* Болотников переправился за Оку, снова разбил царских воевод в семидесяти верстах от Москвы, беспрепятственно приблизился к самой столице и стал в селе Коломенском, подметными письмами поднимая московскую чернь против

высших сословий. Царствование Шуйского казалось конченным, но дворяне, соединившиеся с Болотниковым, Ляпунов и Сунбулов с товарищами, увидали, с кем у них общее дело, и поспешили отделиться; они предпочли снова служить Шуйскому и явились с повинною в Москву, где были приняты с радостью и награждены. Тверь, Смоленск остались верны царю Василию и прислали своих ратных людей к нему на помощь. Племянник царский, молодой даровитый воевода князь Михайла Васильевич Скопин-Шуйский, поразил Болотникова благодаря особенно отступлению от него Пашкова с дворянами. Болотников принужден был бежать на юг и заперся в Туле, куда пришли к нему казачий самозванец Лжепетр и Шаховский. Тогда Шуйский принял меры решительные: он собрал до 100 000 человек войска и в мае 1607 года сам повел его осаждать Тулу. Осажденные писали в Польшу к друзьям Мнишека, чтоб те выслали им непременно какого-нибудь Лжедмитрия, и второй Лжедмитрий наконец явился. Какого он был происхождения — носились разные слухи, но верного между ними не было ни одного; известно об нем только то, что он был человек умный, грамотный и глубоко развращенный. Он открылся жителям Стародуба, те провозгласили его тотчас же государем, и вся северская страна последовала их примеру. Около самозванца начала собираться дружина, умножавшаяся выходцами из Литвы; но с этою малочисленною дружиною Лжедмитрий не мог идти на освобождение Тулы, и участь ее была решена: удручаемые голодом, осажденные принуждены были сдаться; Шаховского сослали в пустынь на Кубенское озеро, Болотникова утопили, Лжепетра повесили.

4. *Самозванец в Тушине.* Шуйский с торжеством возвратился в Москву, а между тем самозванец усиливался: к нему пришел из Литвы знаменитый наездник Лисовский, спасающийся от смертной казни, которая грозила ему в отечестве, пришло несколько знатных панов, из которых князь Рожинский сделался гетманом у самозванца; пришли казаки запорожские, донские — последние под начальством Заруцкого. Но казакам было мало одного самозванца; у них явилось их несколько под разными именами, все сыновья и внуки Иоанна Грозного. Эти мелкие самозванцы пропадали без вести, а главный начал успешно свои действия. Весною 1608 года самозванец с гетманом своим Рожинским двинулся к Болхову, поразил здесь царское войско и поспешно пошел к Москве, где в это время шли переговоры о мире между боярами и послами короля польского: заключено было трехлетнее перемирие, с тем что Шуйский отпускает в Польшу Мнишека с дочерью и всех задержанных после убийства самозванца поляков, а король обязывается отозвать всех поляков, поддерживающих второго самозванца, и вперед никаким самозванцам не верить и за них не

вступаться; Юрию Мнишеку не признавать зятем второго Лжедмитрия, дочери своей за него не выдавать, и Марине не называться московскою государынею. Посланники королевские послали сказать Рожинскому и товарищам его об этих условиях перемирия, но те отвечали, что ничьего приказа слушаться не хотят. 1 июня Лжедмитрий приблизился к Москве и расположился станом по Волоколамской дороге, в селе Тушине, между реками Москвою и Восточною. В битве под самою Москвою на реке Ходынке самозванец потерпел неудачу; несмотря на то, и для Шуйского мало было утешительного в будущем: ни один поляк не оставлял тушинского стана — напротив, приходили один за другим новые отряды, между прочими пришел Ян Сапега, староста усвятский, которого имя вместе с именем Лисовского получило такую знаменитость в нашей истории. Но нужнее всех этих подкреплений для самозванца было присутствие Марины в его стане. Узнав, что в исполнение договора Мнишек с дочерью отпущены в Польшу, Лжедмитрий послал перехватить их на дороге, что и было исполнено; старый Мнишек решился продать дочь *Тушинскому вору* за богатые обещания, и Марина волею-неволею должна была играть роль царицы в Тушине, роль незавидную, потому что вор обходился с нею очень грубо.

5. *Успехи тушинцев на севере.* Если со стороны поляков было такое явное нарушение договора, если вор утверждался в Тушине с польскою помощью, то Шуйскому естественно было обратиться с просьбою о помощи ко врагу Польши и короля ее Карлу IX шведскому, тем более что последний уже давно предлагал эту помощь. Царь отправил племянника своего, князя Скопина-Шуйского, в Новгород, где он и начал переговоры со шведами относительно вспомогательных войск. Но в то время как шведы еще только обещали пособить Шуйскому, поляки самозванцевы действовали в пользу своего союзника под Москвой и на севере. Сапега, хотевший действовать отдельно, пошел к Троицкому монастырю и осадил его вместе с Лисовским. Сапега и Лисовский думали скоро управиться с монастырем, но встретили сильное сопротивление: все приступы их были отбиты, осадные работы уничтожены, причем монахи ревностно помогали ратным людям, составлявшим гарнизон укрепленного монастыря. Троицкий монастырь благодаря религиозному одушевлению защитников святого места, защитников гроба чудотворцева от хищных иноверцев держался, но многие другие города северные достались в руки тушинцам, захваченные врасплох среди смуты, недоумения, сомнений, овладевших гражданами. Так, захвачены были Суздаль, Владимир, Переяславль Залесский, Ростов; в последнем городе тушинцы захватили митрополита Филарета и отослали его самозванцу, который велел провозгласить его патриархом.

Ростовские беглецы смутили и напугали жителей Ярославля, лучшие из которых, покинув дома, разбежались, остальные отправили повинную в Тушино. Двадцать два города присягнули царю тушинскому, по большей части неволею, застигнутые врасплох, увлекаемые примером других городов, в тяжком недоумении, на чьей стороне правда.

6. *Восстание народа на севере против тушинцев.* Но скоро из этого недоумения жители городов и сел были выведены поведением тушинцев, которые прежде всего думали о деньгах, врываются в дома знатных людей, в лавки к купцам, брали товары без денег, обижали народ на улицах, поборам не было конца. Услыхав об этих насилиях, жители отдаленных северных городов, еще не занятых гушинцами, начали пересылать друг другу грамоты с убеждением поразмыслить, повременить присягою Димитрию; Лжедимитрием, самозванцем, вором они его не называют, ибо не знают на этот счет ничего верного. Если положение городских жителей было тяжело, то еще тягостнее было положение сельских жителей: казаки не знали меры своим неистовствам, вследствие чего крестьянские восстания против тушинцев вспыхнули в разных местах; начали один за другим восставать против них и города.

7. *Борьба Москвы с Тушином.* В это время, когда северные города, выведенные из терпения насилиями тушинцев, изгоняют их, истребляют воевод, верных Лжедимитрию, как врагов Московского государства (ибо вопрос о государях, о законности того или другого из них по-прежнему не решен для жителей городов), снаряжают ратных людей на помощь этому государству, царь московский Василий продолжает бороться с соседом своим, царем гушинским. Мы видели, что сначала под знамена самозванца собрались люди из самых низких слоев народонаселения: крестьянин шел к самозванцу для того, чтоб не быть больше крестьянином, чтоб получить выгоднейшее положение, стать помещиком вместо прежнего своего помещика; но теперь, когда подле старой столицы, Москвы, поднялась другая столица, Тушино, с своим особым царем, у которого был свой двор, свое войско, свое управление, то сильное движение произошло во всех сословиях: торговый человек шел из Москвы в Тушино, чтобы сделаться приказным человеком, дьяком; подьячий шел, чтоб сделаться думным дворянином; наконец, люди значительные, князья, но молодые, не надеявшиеся по разным обстоятельствам когда-либо или скоро подвинуться к высшим чинам, шли в Тушино, где тотчас получали желаемое. Было два царя, московский и тушинский, оба нуждались в слугах, и вот нашлось много людей, которым показалось выгодным удовлетворять требованиям обеих сторон и получать двойную плату. Некоторые, поцеловавши крест в Москве Шуйскому, уходили в Тушино, целовали

там крест Лжедимитрию и, взявши у него жалованье, возвращались назад в Москву; Шуйский принимал их ласково, давал награды за раскаяние, но скоро узнавал, что эти раскаявшиеся опять отправились в Тушино требовать жалованья от самозванца. Такие люди получили название *перелетов*, от легкости, с какой переходили из Москвы в Тушино и обратно. Собирались родные и знакомые, обедали вместе, а после обеда одни отправлялись во дворец к царю Василию, а другие ехали в Тушино.

Шуйского вообще не любили в Москве, но добрые граждане не хотели менять его на какого-нибудь боярина, тем менее на царя тушинского, ибо хорошо знали, чем грозит гордость вора. Вот почему попытки свергнуть Шуйского не удавались, хотя царь жил в постоянной тревоге. Но зато и тушинский царь не был более спокоен: вся зима 1608—1609 годов прошла в смутах и бунтах, что и мешало вору действовать решительно против Москвы; на весну взбунтовались войсковые слуги, поставили сами себе начальников, ходили по областям и грабили, а к господам своим в Тушино не хотели возвратиться; для укрощения бунтовщиков надобно было выслать целые роты; притом силы самозванца были разделены, разные отряды его войска действовали в разных местах. Под Москвой поэтому происходили битвы частные, но мелкие. Летом 1609 года произошла значительная битва между речками Ходынкою и Химкою: сначала поляки были победители, но потом русские оправались и прогнали их. Эта битва была последним важным делом между Москвою и Тушином, потому что с двух сторон союзники и враги шли избавить Москву от Тушина.

8. *Движение князя Скопина-Шуйского.* От Новгорода шел к Москве князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский с 5000 шведов, которых прислал на помощь царю Василию король Карл IX: шведы были под начальством генерала Делагарди, в благодарность за эту помощь Шуйский должен был уступить Швеции город Корелу с уездом и обязался вечным союзом против Польши. Весною 1609 года Скопин начал наступательные движения на тушинцев, очистил от них Старую Русу, Торопец, Торжок, Порхов, Орешек, воевода которого, Михайла Глебович Салтыков, приверженец обоих самозванцев, ушел в Тушино. Поразив тушинцев в двух битвах, Скопин приближался к Москве, куда с другой стороны, с востока, шел боярин Шереметев, также приводя города в подданство царю Василию. Таким образом север очищался, и главные рати Шуйского с востока и запада сходились к Москве, чтоб под ее стенами дать решительный бой царю тушинскому. Самозванец был сильно встревожен, но гроза поднималась над ним еще с другой стороны.

9. *Вступление польского короля в пределы Московского государства и следствия этого вступления для Тушина.* В начале

царствования Шуйского королю польскому Сигизмунду, угрожаемому дома сильным возмущением подданных, было не до Москвы. Но возмущение это окончилось торжеством короля, который имел теперь возможность заняться делами внешними, а между тем в дела Московского государства вмешалась Швеция, держава, ему враждебная, и Шуйский заключил с Карлом IX вечный союз против Польши. При таких обстоятельствах Сигизмунд не мог оставаться более в покое; с другой стороны, послы польские, возвратившиеся из Москвы, уверяли короля, что бояре за него, что стоит только ему показаться с войском в пределах московских, как бояре заставят Шуйского отказаться от престола и провозгласят царем королевича Владислава, сына Сигизмундова. Но, имея власть сильно ограниченную, король Сигизмунд не мог заботиться только о своих фамильных интересах; он прежде всего должен был дать обещание сенату и сейму, что в предстоящей войне с Москвою будет заботиться только о выгодах государства польского. Вот почему Сигизмунд спешил приобрести для Польши какое-нибудь важное место в московских владениях. Таким местом был Смоленск, издавна предмет спора между Москвою и Литвою. Сигизмунда уведомили, что воевода смоленский Шейн и жители охотно сдадутся ему; особенно торопил короля Лев Сапега, канцлер литовский, и 21 сентября 1609 года король стоял под стенами Смоленска. Сигизмунд послал в Смоленск грамоту, в которой писал, что пришел не для пролития крови русской, но для защиты русских людей и будет стараться больше всего о сохранении православной русской веры. Но смольнян нельзя было обмануть подобными уверениями, как соседи Литвы. они хорошо знали, что в ней делается, как там Сигизмунд из ревности к католицизму позволял притеснять православную русскую веру; они отвечали королю, что у них дано обещание: за православную веру, за святые церкви и за царя всем помереть, а литовскому королю и его панам отнюдь не поклониться. С самого начала осады Смоленска пошла неудачно для короля: приступ был отбит, подкопы не удавались.

Не Смоленск, но Тушино испытало на себе весь вред от королевского похода: когда здесь узнали об этом походе, то началось сильное волнение; поляки кричали, что Сигизмунд пришел затем, чтоб отнять у них заслуженные награды и воспользоваться выгодами, которые они приобрели своею кровью и трудами. Приехали в Тушино послы Сигизмундовы с требованием, чтоб все поляки оставили Лжедмитрия и соединились с войском королевским. Начались переговоры, сопровождавшиеся сильными волнениями, от этих переговоров зависела вся будущность Лжедмитрия, а между тем на него, называвшегося царем, никто не обращал внимания, польские вожди, поставленные в неприятное положение, срывали на нем сердца. бранились с ним, грозили

побоями. Тогда Лжедмитрий решил бежать из Тушина и вечером, переодевшись в крестьянское платье, уехал в Калугу. После отъезда самозванцева Рожинскому с товарищами ничего больше не оставалось, как вступить в соглашение с королем. Но в Тушине было много русских: что им было теперь делать? Двинуться за самозванцем они не могли: поляки бы их не пустили; да и трудно им было надеяться, что самозванец успеет поправить свои обстоятельства. Они не могли решиться просить помилования у Шуйского, променять положение верное на участь, еще неизвестную даже и в случае помилования. Русским тушинцам, как и польским, оставался один выход — вступить в соглашение с королевскими послами, которые убеждали их отдаться под покровительство Сигизмундово. Они приняли это покровительство и отправили своих уполномоченных под Смоленск, к королю.

31 января 1610 года послы от русских тушинцев были торжественно представлены королю; явились люди разных чинов: тут был и боярин Михайла Плебович Салгыков; тут были князья и дьяки; между дьяками первое место занимал Грамотин, человек самой подозрительной нравственности, но грамотный, ловкий, смысленный делец; тут был и Федор Андронов, бывший московский кожевник, поднявшийся в смутное время, умевший приблизиться к первому Лжедмитрию, умевший найти почетное место и при втором в Тушине. Эти люди объявили, что согласны признать царем московским сына королевского Владислава, и написали условия: неприкосновенность православной русской веры; неприкосновенность прав высших сословий; перемена законов зависит от бояр и всей земли; никого не казнить, не осудя прежде с боярами и думными людьми; людей великих чинов невинно не понижать, а меньших людей возвышать по заслугам. В этом последнем условии сказалось влияние дьяков и людей, подобных Андронову, которых было много в тушинском стане; незнатные, выхваченные бурями смутного времени снизу наверх, хотя удерживать свое положение и требуют, чтоб новое правительство возвышало людей низших сословий по заслугам, которые они ему окажут. Выговорено было и другое любопытное условие, в котором видно влияние Салтыкова и других приверженцев первого Лжедмитрия, видно влияние долгого пребывания русских в Тушине вместе с чужеземцами, — выговорено, что для науки вольно каждому из народа московского ездить в другие государства христианские. Но, выговорив для себя свободный выезд за границу, тушинцы вытребовали, чтоб переход крестьянский был запрещен и чтоб король не давал вольности холопам.

Между тем в Тушине продолжалось волнение; Марина тайком убежала из стана сперва к Сапеге, который снял осаду Троицкого монастыря в начале 1610 года и расположился в Дмитрове; отсюда уже Марина отправилась в Калугу к мужу, который не

терял еще надежды, поддерживаемый преимущественно казаками. Наконец, в первых числах марта 1610 года Рожинский зажег тушинский стан или, скорее, город и пошел по дороге к Волоколамску. Так Москва без битвы освободилась от Тушина; скоро и Сапега оставил Дмитров и двинулся также к Волоколамску, вследствие чего князь Скопин мог беспрепятственно вступить в Москву.

10. Торжество Скопина и смерть его. Знаменитому воеводе было не более 24 лет от роду. В один год приобрел он себе славу, которую другие полководцы приобретали подвигами жизни многолетней, и, что еще важнее, приобрел сильную любовь всех добрых граждан, желавших земле успокоения от смут; в то время как старый нелюбимый дядя его Василий не мог ничего сделать для государства, сидя в осаде, и вследствие этого бездействия исчезал для земли, самая видная, царственная деятельность принадлежала Скопину: с его именем для добрых граждан связана была надежда на избавление, на лучшее будущее. Наружность и характер Скопина много содействовали также приобретению любви народной: это был красивый молодой человек, обнаруживший светлый ум, зрелость суждения не по летам, в деле ратном искусный, храбрый и осторожный вместе, ловкий в обхождении с иностранцами, кто знал его, все отзывались об нем как нельзя лучше. Таков был человек, которому, по-видимому, суждено было очистить Московское государство от воров и поляков, поддержать колебавшийся престол старого дяди, примирить русских людей с фамилией Шуйских, упрочить ее на престоле царском, ибо по смерти бездетного Василия голос всей земли не мог не указать на любимца народного. Но если граждане спокойные, найдя себе точку опоры в племяннике царском, для блага земли и самого Скопина должны были терпеливо дожидаться кончины царя Василия, чтоб законно возвести на престол своего избранника, чистого от нареканий в искательствах властолюбивых, то не хотел спокойно дожидаться этого Ляпунов, не умевший сдерживать своих порывов, не сознававший необходимости средств чистых для достижения цели высокой, для прочности дела. Ляпунов отправил к Скопину посланников, которые поздравили его царем от имени Ляпунова и подали грамоту, наполненную укорицами против царя Василия. В первую минуту Скопин разорвал грамоту и велел схватить присланных, но потом позволил им упросить себя и отослал их назад в Рязань, не донеся в Москву. Этим воспользовался, чтоб заподозрить Скопина в глазах дяди.

21 марта 1610 года Скопин с Делгаарди имел торжественный въезд в Москву и был встречен москвичами с восторгом. Царь Василий встретил племянника также очень ласково, но иначе вел себя браз царский, князь Димитрий Иванович Шуйский, который считал себя наследником престола и, увидав себе страшного

соперника в Скопине, возненавидел его. Делаягарди, слыша толки о зависти и ненависти, остерегал Михаила, уговаривал его как можно скорее оставить Москву и выступить к Смоленску против Сигизмунда. положение которого было вовсе не блестящее: Смоленск не сдавался, северские города нужно было брать с большими усилиями, со страшною резнею. Рожинский с тушинскими поляками, остановившийся в Иосифовом Волоколамском монастыре, умер там; после его смерти поляки были вытеснены из монастыря русскими и шведскими их союзниками, причем должны были покинуть русских, выведенных ими из Тушина, и в том числе митрополита Филарета, который, таким образом, получил возможность уехать в Москву. Одна часть этих тушинских беглецов ушла к Лжедмитрию в Калугу, другая решила соединиться с королем, но самозванец и Сигизмунд оба не много выигрывали от этой помощи; первый видел московские отряды под самою Калугою, а король, который поспешил под Смоленск с малыми силами в надежде на смуты, терзавшие Московское государство, теперь должен был бояться неравной борьбы с врагами сильными и раздраженными. Видя опасность, он попытался было войти в переговоры с московским царем, но Василий, ободренный благоприятным оборотом дел, отклонил их. Счастье, впрочем, улыбнулось Шуйскому на очень короткое время.

23 апреля князь Скопин на пиру у князя Воротынского занемог кровотечением и после двухнедельной болезни умер. Пошел обций, хотя неосновательный, слух об отраве, и преступление было приписано князю Димитрию Шуйскому, подозревали и самого царя Василия. Смерть Скопина и это подозрение были губельны для Шуйского, ибо один Скопин был крепкою связью между царем и народом, поддерживая в последнем надежду на лучшее будущее. Но теперь будущее для народа нисколько уже не связывалось с фамилиею Шуйских: царь Василий стар и бездетен, брата его Димитрия и прежде не любили, не уважали, а теперь обвиняли в отравлении племянника. Когда, таким образом, смергью Скопина порвана была связь русских людей с Шуйскими, когда взоры многих невольно и тревожно обращались в разные стороны, ища опоры для будущего, раздался голос, призывавший к выходу из тяжелого положения: то был голос знакомый, голос Ляпунова. Рязанский воевода поднимается против Шуйского, требует его свержения, в Калуге заводит переговоры с самозванцем, в Москве совещается с князем Василием Васильевичем Голицыным, который сильно желает занять престол по свержении Шуйского.

11. Сведение царя Василия с престола. В то время когда уже Ляпунов поднял восстание в Рязани, войско московское вместе с вспомогательным шведским отрядом выступило против

поляков по направлению к Смоленску. Кто же был главным воеводою? Князь Димитрий Шуйский, обвиняемый в отравлении племянника, не любимый и без того за гордость, презираемый за изнеженность! Король, узнав о выступлении этого войска, отправил навстречу к нему гетмана Станислава Жолкевского, который напал на Шуйского 24 июня при деревне Клушине и благодаря особенно измене иностранных союзников Шуйского разбил последнего наголову. После этой победы Жолкевский, провозглашая царем королевича Владислава, пошел к Москве, а с другой стороны спешил к ней из Калуги самозванец, надевшийся, что москвичи в крайности скорее поддадутся ему, чем признают царем польского королевича. Захар Ляпунов, брат Прокофия, уже волновал Москву; 17 июля толпы народа собрались на Красной площади, отсюда за теснотою места двинулись за Москву-реку, к Серпуховским воротам, и здесь бояре и всякие люди приговорили бить челом царю Василию Ивановичу, чтоб он царство оставил, потому что кровь многая льется, в народе говорят, что он государь несчастлив, и не хотят его города украинские, которые отступили к вору. Василий должен был согласиться с этим приговором, выехал из дворца в свой прежний боярский дом. Но этим не удовольствовались: 19 июля Захар Ляпунов с товарищами насильно постригли его в монахи и свезли в Чудов монастырь, постригли также и жену его; двоих братьев посадили под стражу.

ГЛАВА XXXII

МЕЖДУЦАРСТВИЕ

1. Провозглашение царем королевича Владислава По свержении Шуйского во главе правительства стала дума боярская; все должны были присягать—до избрания нового царя повиноваться боярам. Но где было взять нового царя? Большинство, и большинство огромное, не хотело поляка Владислава, чернь благоприятствовала Лжедимитрию, но знатные и средние люди не хотели о нем и слышать как о воре, царе казацком. Патриарх Гермоген требовал избрания царя из вельмож русских, предлагал им князя Василия Васильевича Голицына или четырнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича. Но это желание выбрать царя из своих не могло на этот раз осуществиться: в Можайске стоял гетман Жолкевский, требуя, чтоб Москва признала царем Владислава, а в селе Коломенском стоял Лжедимитрий. Временному правительству московскому не было возможности отбиваться от Жолкевского и Лжедимитрия вместе, особенно когда у последнего были при-

верженцы между низшим народонаселением города, некогда было созывать собор для избрания царя всею землею, надобно было выбирать из двоих готовых искателей престола, Лжедмитрия и Владислава. Узнавши, что приверженцы Лжедмитрия хотят впустить его войско тайно в Москву, первый боярин, князь Мстиславский, послал сказать Жолкевскому, чтоб тот шел немедленно под столицу. Когда он подошел под Москву, то начались переговоры между ним и боярами. Жолкевский объявил, что он согласен только на те условия избрания Владислава, которые были приняты русскими тушинцами под Смоленском, но так как бояре требовали, чтоб королевич принял православие до приезда своего в Москву, то это условие положено было передать на решение короля. 27 августа происходила торжественная присяга московских жителей королевичу Владиславу, но чрез два дня после этой присяги приехал из-под Смоленска Федор Андронов с письмом от короля, который требовал от гетмана, чтоб Московское государство было упрочено за ним самим, а не за сыном его. Вслед за Андроновым приехал поляк Гонсевский с подробнейшим наказом для гетмана, но не только сам гетман, даже и Гонсевский, узнав положение дел, счел невозможным исполнить желание короля, которого одно имя, по собственному признанию поляков, было ненавистно московскому народу. Жолкевский не обнаружил ни в чем намерений королевских, исполнил свое обещание, данное боярам, отогнал самозванца от Москвы опять в Калугу и начал настаивать на скорейшее отправление послов к Сигизмунду для испрошения Владислава в цари и для окончательного улажения дела. Это посольство давало гетману случай удалить из Москвы подозрительных людей, на которых патриарх указывал народу как на достойных занять престол. Жолкевский уговорил Голицына принять на себя посольство: удалив из Москвы, отдавши в руки королевские искателя престола, гетман удалил с тем вместе самого видного по способностям и деятельности боярина, с остальными легче было управиться. Михаил Феодорович Романов был еще очень молод, его нельзя было включить в посольство, и потому Жолкевский постарался, чтоб послом от духовенства назначили отца Михаила, митрополита Филарета, как человека, соединявшего в себе высоту сана с знатностью происхождения, чего не имели другие архиереи.

2. Посольство Филарета Никитича и князя В. В. Голицына к королю, вступление поляков в Москву; отъезд Жолкевского и переговоры великих послов с панами под Смоленском. Филарет и Голицын отправились под Смоленск к королю; Жолкевский остался под Москвою с небольшим своим войском, остался в положении очень опасном: он видел, что русские только вследствие крайней необходимости согласились принять на престол

иноземца и никогда не согласится принять иноверца, а Сигизмунд никогда не согласится позволить сыну принять православие. Но самозванец помогал гетману: из страха пред простым народом, который не переставал обнаруживать расположение свое к Лжедмитрию, бояре сами предложили Жолкевскому ввести польское войско в Москву; патриарх сначала сильно этому противился, но потом уступил, и ночью с 20 на 21 сентября поляки тихо вступили в Москву. Жолкевский для собственной выгоды хотел предотвратить всякое враждебное столкновение между поляками и русскими: решение распрей между ними предоставлено было равному числу судей из обоих народов, суд был беспристрастный и строгий. Гетман привлек к себе стрельцов обходительностью, подарками и угощениями, подружился с патриархом. Несмотря, однако, на все эти приятные отношения и ловкие меры. Жолкевский знал, что восстание вспыхнет при первой вести о нежелании короля отпустить Владислава в Москву, знал, что эта весть может придти очень скоро, и потому поспешил уехать из Москвы, оставя на свое место Гонсевского. Гетман взял с собою к королю сверженного царя Василия Шуйского с двоими его братьями из опасения, чтоб они смут не наделали. Двое других подозрительных лиц, Филарет и Голицын, были уже под Смоленском во власти короля, в совете которого было решено не отпускать Владислава в Москву на том основании, что он еще молод, требует искусного воспитания, которое трудно получить в Москве, по той же молодости не способен успокоить внутренние волнения; выбранный по необходимости, будет свержен при первом удобном случае, а главное побуждение к свержению уже готово — иноверие. Положено было не отказывать русским прямо в королевиче, но манить обещаниями, оставляя правление за королем. На этом основании паны объявили великим послам Филарету и Голицыну, что король не может отпустить своего пятнадцатилетнего сына в Москву, хочет прежде сам успокоить Московское государство, после чего паны начали настаивать на самом важном для Польши — чтоб Смоленск сдался на имя королевское. Послы никак не хотели на это согласиться, требовали, чтоб Владислав немедленно был отпущен в Москву, ибо только такой немедленный приезд его туда уничтожит недоверчивость и прекратит все смуты. Время проходило в бесполезных спорах, причем паны, раздражаемые самую несправедливостью своих требований, позволяли себе жесткие выходы против послов. Приезд гетмана Жолкевского под Смоленск несколько не подвинул дела. Видя непреклонность главных послов, обратились к второстепенным, обещаниями склонили некоторых изменить своему делу, бросить главных послов и отправиться в Москву, чтоб там действовать в пользу короля. Хотели поколебать и думного дьяка Томилу Луговского, суля

милости королевские, предлагали ему ехать под Смоленск и угоривать его жителей к сдаче. Но Томила остался непреклонен и отвечал: «Как мне это сделать и вечную клятву на себя навести? Не только Господь Бог и люди Московского государства мне за это не потерпят, и земля меня не понесет. Я прислан от Московского государства в челобитчиках, и мне первому соблазн ввести? По Христову слову лучше навязагь на себя камень и вринуться в море. Присланы мы к королевскому величеству не о себе промышлять и челом бить, но о всем Московском государстве».

3. *Поведение Салтыкова и Андропова в Москве; восстание восточных городов против Владислава и смерть второго Лжедмитрия.* Но не все так думали, как Томила Луговской. Первый боярин, князь Мстиславский, принял от короля сан конюшего: другие писали униженные письма к литовскому канцлеру Льву Сапеге, чтоб похлопотал об них у короля: многие отправились сами к королю под Смоленск бить челом о милостях: до нас дошло множество грамот Сигизмундовых, жалованных разным русским людям на поместья, звания, должности. Таким образом временное правительство московское, дума боярская, молча согласилось признать короля правителем до приезда Владислава; большая часть бояр, впрочем, этим и ограничивалась, но не ограничивался этим Михайла Плебович Салтыков, который прямо вел дело к тому, чтоб царем был провозглашен не Владислав, а Сигизмунд. Но одного Салтыкова было мало, а потому в Смоленском стане признали полезным принять услуги и другого рода людей, именно тех тушинцев, которые готовы были на все, чтоб только выйти из толпы. Виднее всех этих людей был Федор Андронов; он умел приблизиться к королю и к его советникам до такой степени, что король приказал московским боярам сделать его государственным казначеем. Андронов в этом новом звании служил верою и правдою королю; все требования Гонсевского он исполнял беспрекословно; лучшие вещи из казны царской были отосланы к королю; некоторые взял себе Гонсевский; Андронов постарался также, чтоб на всех главных местах управления посажены были его тушинские товарищи.

Бояре сильно оскорбились, когда увидали рядом с собою в думе торгового мужика Андропова с важным званием казначая; особенным бесчестием для себя считали они то, что этот торговый мужик осмеливался говорить против старых бояр — Мстиславского, Воротынского, — распоряжался всем, пользуясь полной доверенностью короля и Гонсевского. Но если сердились Мстиславские, Воротынские, Голицыны, то еще больше сердился на Андропова боярин Салтыков, который за свою преданность королю хотел играть главную роль и должен был, однако, делиться властью с торговым мужиком. Между этими людьми немедленно же началось соперничество, они доносили друг на

друга канцлеру Льву Сапеге, причем каждый выставлял свои заслуги королю и королевству польскому в прошедшем, свое радение для будущего; так, Салтыков писал Сапеге. «Пусть король идет в Москву не мешкая, распустив слух, что идет на вора в Калуге. Как будет король в Можайске, то отпиши ко мне сейчас же, а я бояр и всех людей приведу к тому, что пришлют бить челом королю чтоб пожаловал в Москву, государство сына своего очищал и на вора наступал». Но Салтыков встречал сильное сопротивление своим замыслам в патриархе, который, блюдя за выгодами Церкви, никак не хотел согласиться на призвание короля в Москву. Народ стоял на стороне патриарха, и, чем яснее обнаруживались замыслы Сигизмунда и его русских клеветников, тем сильнее становилось волнение в пользу вора калужского. По подозрению в сношениях с Лжедмитрием поляки посадили под стражу князя Андрея Голицына (брата Василия Васильевича), Ивана Михайловича Воротынского и Засекина. Казань и Вятка явно присягнули самозванцу и разослали грамоты по другим городам, убеждая их сделать то же самое. Но города переписывались о присяге Лжедмитрию, когда уже его не было в живых. 11 декабря он был убит крещеным татаринном Петром Урусовым, который поклялся отомстить ему за служилого татарского царя касимовского, умерщвленного по приказу Лжедмитрия.

4. Первое общее восстание против поляков. Смерть вора была вторым поворотным событием в истории смутного времени, считая первым вступление короля Сигизмунда в пределы Московского государства, — вступление, поведшее, с одной стороны, к уничтожению тушинского стана, с другой — к свержению Шуйского. Теперь, по смерти самозванца, у короля и московских приверженцев его не было более предлога требовать дальнейшего движения Сигизмундова в русские области. Лучшие люди в Москве и по областям, которые согласились призвать царем Владислава только из страха покориться казацкому царю, теперь освобождались от этого страха и могли действовать свободнее против поляков. Как только в Москве узнали, что вор убит, то русские люди обрадовались и стали друг с другом говорить, как бы всей земле, всем людям соединиться и стать против литовских людей, чтоб они из земли московской вышли все до одного. Салтыков и Андронов писали к Сигизмунду, что патриарх призывает к себе всяких людей явно и говорит: если королевич не крестится в христианскую веру и все литовские люди не выйдут из московской земли, то королевич нам не государь, такие же слова патриарх и в грамотах писал во многие города, а москвичи всякие люди хотят стоять против поляков. Но и тут, при всеобщей готовности стоять против поляков, первый двинулся Ляпунов в Рязани. И другие города начали опять переписываться друг

с другом, увещевать друг друга стать за веру православную, вооружиться на поляков, грозящих ей гибелью. Первые подали голос жители волостей смоленских, занятых, опустошенных поляками. Смольняне писали, что они покорились полякам, дабы не лишиться православного христианства и не подвергнуться конечной гибели, и, несмотря на то, подвергаются ей: вера поругана, церкви разорены, все разграблено. Москвичи, получив эту грамоту, разослали ее в разные города с приложением собственной увещательной грамоты. Области подынялись на этот призыв к соединению для защиты веры, собирались под знамена служилые люди, дворяне и дети боярские, горожане складывались и давали им содержание.

5. *Причины неудачи первого ополчения.* Несмотря, однако, на сильное одушевление и ревность к очищению государства от врагов иноверных, предприятие не могло иметь успеха по двум причинам: во-первых, потому что во главе его становился Ляпунов, человек страстный, не могший принести свои личные отношения в жертву общему делу. Выдвинутый бурями смутного времени на высокое место, стремясь страстно к первенству, Ляпунов ненавидел людей, которые загоразивали ему дорогу, опираясь на свое прежнее значение, на значение своих предков. Ставши главным вождем ополчения, он не только не хотел сделать никакой уступки людям знатным, но находил особенное удовольствие унижать их, величаясь перед ними своим новым положением, и тем самым возбуждать негодование, вражду, смуты. Другою, еще более важною причиною неуспеха было то, что Ляпунов, издавна неразборчивый в средствах, и теперь, при восстании земли для очищения государства, для установления порядка, подал руку — кому же? — врагам всякого порядка, людям, жившим смутой, — казакам. С ним соединились казаки, бывшие под начальством Заруцкого, Просовецкого, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого — все тушинских бояр и воевод Трубецкой и Заруцкий приглашали отовсюду казаков, обещая крепостным людям волю и жалованье.

6. *Сожжение Москвы.* В это время, когда и дворяне, и казаки с разных сторон, с разными целями спешили к Москве, Салтыков с товарищами предложил боярам просить короля, чтоб отпустил Владислава в Москву; к великим послам Филарету и Голицыну написать, чтоб отдались во всем на волю королевскую, а к Ляпунову — чтоб не затевал восстания. Бояре согласились, но не согласился Гермоген. «Положиться на королевскую волю, — говорил он, — значит целовать крест самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю вам писать, а к Прокофью Ляпунову напишу, что если королевич на Московское государство не будет, в православную христианскую веру не крестится и Литвы из Московского государства не выведет,

то благословляю всех идти под Москву и помереть за православную веру». Салтыков начал бранить Гермогена и вынул даже нож, но патриарх, перекрестив его, сказал: «Крестное знамение да будет против твоего окаянного ножа, будь ты проклят в сем веке и в будущем!» Таким образом, приказ послам положить во всем на волю королевскую был отправлен за подписью одних бояр, без патриарховой. На этом основании Филарет и Голицын отказались исполнить приказ; они говорили: «Огpusкали нас патриарх, бояре и все люди Московского государства, а не одни бояре; теперь мы стали безгосударны, и патриарх у нас человек начальный, без патриарха теперь о таком великом деле советовать непригоже». Видя непоколебимость этого начального человека, поляки посадили его под стражу, никого не велели пускать к нему, всем русским людям в Москве запретили ходить с оружием, а сами сильно вооружались, предвидя осаду. 19 марта 1611 года, во вторник на страстной неделе, поляки начали принуждать извозчиков, чтоб шли помогать им тащить пушки на башню. Извозчики не согласились, началась спор, крик, немцы, находившиеся в польской службе, думая, что началось народное восстание, ринулись на толпу и стали бить русских; поляки последовали примеру немцев, и началась страшная резня безоружного народа в Китай-городе, где погибло до 7000 человек; но в Белом городе русские имели время собраться, вооружиться, прогнали неприятеля в Кремль и Китай, причем важную помощь народу оказал князь Димитрий Михайлович Пожарский, прославившийся при Шуйском защитой Зарайска от Лжедмитрия. Загнанные в Кремль и Китай-город, обхваченные со всех сторон восставшим народонаселением, поляки зажгли Москву в нескольких местах, и весь город, кроме Кремля и Китая, выгорел. Но поляки торжествовали недолго среди пепла и развалин московских: 25 марта, в понедельник на святой неделе, ополчение Ляпунова, Заруцкого и других воевод, в числе 100 000 человек, подошло к Москве и осадило неприятеля, который вскоре был приведен в бедственное положение по недостатку съестных припасов.

7. *Заточение Филарета и Голицына и взятие Смоленска.* В то же время под Смоленском паны вымогали на послых Филарете и Голицыне, чтоб они согласились впустить поляков в Смоленск; те не согласились, и 12 апреля их схватили, ограбили и отправили в заточение в Мариенбург, в Пруссию. 3 июня Смоленск был взят приступом после геройского сопротивления жителей, которые сами поляки сравнивают с сопротивлением сагунтинцев. Шеина пытали, отправили в оковах в Литву. Радость о взятии Смоленска была неопиcанная в Литве и Польше; думали, что этим взятием все кончено; забыли, что в Москве горсть поляков осаждена многочисленным неприятелем. Вместо того чтоб тот-

час же идти к ним на помощь, король принужден был распустить войско и отправился на сейм в Варшаву, куда повезли и пленного царя московского Василия Шуйского с братьями; давши народу варшавскому невиданное зрелище — торжественный въезд пленного московского царя, Шуйских заключили в Гостыньском замке, где Василий Иванович с братом Димитрием скоро умерли.

8. *Смерть Ляпунова.* Осажденные в Москве поляки остались без помощи и были спасены только раздором, господствовавшим в стане осаждавших. 30 июня 1611 года «Московского государства разных земель царевичи (татарские), бояре, окольные и всякие служилые люди, которые стояли за дом Пресвятой Богородицы и за православную христианскую веру, приговорили и выбрали всюю землею бояр и воевод: князя Димитрия Тимофеевича Трубецкого, Ивана Мартыновича Заруцкого да думного дворянина Прокофья Петровича Ляпунова, чтоб они строили землю и всяким земским и ратным делом промышляли; если же они всяких земских и ратных дел делать не станут, то всюю землею вольно их переменить, а на их место выбрать других, поговоря со всюю землею». Но между этими избранными троена начальниками была великая ненависть и гордость, ни один не хотел быть меньше другого, всякий хотел один владеть. Ляпунов попрекал Трубецкому и Заруцкому Тушином, от гордости его отецким детям много позора было: не только дети боярские, но и сами бояре должны были приходиться к нему на поклон и стояли у его избы долгое время, никого к себе прямо не пускал, а к казакам был очень жесток, и за то была на него ненависть большая. Этой ненавистью воспользовался Гонсевский, чтоб погубить Ляпунова, который был ему опаснее всех других воевод как воевода дворянский, а не казачий и как человек, который превосходил своих товарищей способностями и энергиею. На одной из стычек поляки взяли в плен донского казака, который был побратимом атамана Заварзина; Заварзин начал стараться, как бы освободить товарища, и выпросил у Гонсевского позволение повидаться с ним и переговорить. Гонсевский воспользовался этим случаем, велел написать грамоту от имени Ляпунова, в которой тот писал во все города: «Где поймают казака — бить и топить». Под руку Ляпунова искусно было подписано на грамоте, которую пленный казак отдал Заварзину, а Заварзин, возвратившись в стан, показал ее казакам. Казаки, по обычаю своему, собрались в круге, куда вызвали Ляпунова, и стали кричать, что он изменник; Ляпунов отрекался, что он грамоты не писал; начался спор и кончился тем, что Ляпунов лежал мертвый под казацкими саблями; с ним вместе убили Ивана Никитича Ржевского, который был Ляпунову большой недруг, но тут, видя его правду, за него стал и умер с ним вместе.

Со смертью Ляпунова дворяне остались без вождя во власти казаков; многие из них были побиты, многие изувечены, другие

разъехались по домам, нашлись и такие, которые купили у Заруцкого воеводства и разные другие должности и отправились по городам навёрстывать заплаченные деньги; казаки ездили по дорогам станицами, грабили и побивали.

9. *Взятие Новгорода шведами и появление третьего самозванца.* В то время, когда казаки убийством Ляпунова и разогнанием лучших дворян остановили успехи ополчения под Москвою, на северо-западе Новгород Великий достался в руки шведам. После Клушинского сражения Делагарди отступил со своим отрядом на северо-запад, и когда Москва присягнула врагу короля его, Владиславу польскому, то начал враждебно действовать против русских, забирать их города. Но когда произошло восстание против Владислава и поляков, то вожди ополчения завели сношения со шведами насчет избрания в цари одного из сыновей Карла IX. Переговоры затянулись, потому что и шведы, подобно полякам, требовали прежде всего денег и городов, а между тем в Новгороде происходили смуты, ссоры между воеводами, подавшие Делагарди надежду овладеть городом. Надежда исполнилась: в ночь на 16 июля по указанию одного изменника шведы вошли в Новгород так, что никто не видал, общего сопротивления не было, частные геройские сопротивления не помогли: в одном месте выставили сильное сопротивление стрелецкий голова Гаютин, дьяк Голенищев, Орлов и казачий атаман Шаров с сорока казаками; в другом — софийский протопоп Аммос, погибший в пламени со всеми своими товарищами. Новгород покорился шведам с условием, что один из сыновей королевских будет царем русским, но обязался признать покровителем своим самого короля. В Новгороде были шведы, в Псковской области явился новый самозванец, Лжедмитрий; подмосковное ополчение Трубецкого и Заруцкого продолжало осаду, битвы происходили здесь с переменным счастьем: литовский гетман Ходкевич, пришедший осенью на помощь к осажденным, не мог ничего сделать и отступил после нескольких не очень удачных для себя сшибок; неудача его происходила оттого, что у него было всего 2000 войска, да и это войско делилось на партии. Бояре, осажденные вместе с поляками в Кремле, видели, что только немедленное прибытие короля или королевича с войском может спасти их, и потому отправили к Сигизмунду новое посольство, составленное из князя Юрия Никитича Трубецкого и Михайлы Глебовича Салтыкова, готовых удовлетворить всем требованиям королевским. Но русские люди в областях ждали спасения не от короля из Польши и не от казаков, стоящих под Москвою: гибель Ляпунова открыла им глаза насчет казаков, и они решились покончить с ними. Так, жители Казани писали пермичам «Под Москвою, господа, поборника по Христовой вере Прокофья Петровича Ляпунова казаки убили, но мы согласились: быть

всем в соединении, за Московское и Казанское государство стоять, дурного ничего друг над другом не делать, быть всем по-прежнему, казаков в города не пускать, стоять на том крепко до тех пор, пока Бог даст на Московское государство государя, а выбрать нам государя всею землею, если же казаки станут выбирать государя одни по всей воле, то нам такого государя не хотеть».

10. *Троицкие грамоты.* Таким образом, смерть Ляпунова не привела в отчаяние русских людей; нравственные силы народа были напряжены по-прежнему, и по-прежнему раздавались увещания к единодушному стоянию за веру отцовскую. Прежде призывал к восстанию за веру начальный человек, патриарх, теперь не было его слышно из темницы кремлевской, но вместо грамот патриарших шли призывные грамоты от властей Троицкого Сергиева монастыря, от архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына. Смиренный и уступчивый, когда дело шло о нем самом, Дионисий шел впереди, обнаруживал необыкновенную твердость, когда дело шло о благе общем, о служении страждущим. Когда Москва была разорена и казаки свирепствовали в окрестных областях, толпы беглецов, изломанных, обожженных, истерзанных, с разных сторон устремились к Троицкому монастырю. Приведенные в отчаяние множеством этих несчастных, монахи, слуги и крестьяне монастырские не знали что делать; Дионисий воодушевил их и заставил подавать деятельную помощь несчастным: монастырь Троицкий превратился в больницу и богадельню, а в келье архимандричьей сидели писцы борзые, сочиняли увещательные послания и рассылали по городам и полкам, призывая к очищению земли.

11. *Минин и Пожарский.* В октябре 1611 года увещательная троицкая грамота явилась в Нижнем Новгороде; когда в соборной церкви протопоп прочел ее пред всем народом, то земский староста (градский глава) мясной торговец Кузьма Минич Сухорукый начал говорить: «Если мы захотим помочь Московскому государству, то нечего нам жалеть имения, не пожалеем ничего дома свои продадим, жен и детей заложим и будем бить челом — кто бы вступился за православную веру и был у нас начальником». Положено было скликать служилых людей и собирать деньги им на жалованье. Но прежде чем скликать рагных людей, надобно было найти воеводу. В это время в Суздальской области жил воевода известный князь Димитрий Михайлович Пожарский, долечивавшийся от ран, полученных им при разорении Москвы. Минин снесся с ним, уладил дело и сказал народу, что не за кем больше посылать, кроме князя Пожарского. На просьбу нижегородцев Пожарский отвечал: «Рад я вашему совету, готов хоть сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать» Когда

нижегородцы отвечали, что у них нет на примете такого человека, то Пожарский сказал: «Есть у вас Кузьма Минин, бывал он человек служилый, ему это дело за обычай». Тогда нижегородцы стали бить челом Кузьме, чтоб принял за дело; Минин отказывался до тех пор, пока нижегородцы не сдались на всю его волю, пока не написали приговора, что не пожалеют ничего для великого дела.

12 *Пожарский в Ярославле.* Как скоро разнеслось везде, что нижегородцы поднялись и готовы на всякие пожертвования, то ратные люди стали собираться к ним отовсюду. Пожарский с нижегородцами разослал повсюду грамоты, в которых говорилось: «Теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, идем на помощь Московскому государству; к нам приехали из многих городов дворяне, и мы приговорили имение свое и дома с ними разделить, жалованье им дать. И вам бы, господа, также идти на литовских людей поскорее. От казаков ничего не опасайтесь: как будем все в соборе, то всей землей совет учиним и ворами ничего дурного сделать не дадим. Непременно быть бы вам с нами в одном совете и на поляков идти вместе, чтоб казаки попржнему рати не разогнали». Так кончился 1611 год и начался 1612-й. Весть о новом ополчении добрых граждан встревожила одинаково и осажденных поляков в Москве, и осаждающих казаков. Поляки прислали к Гермогену русских людей, которые стали его уговаривать отписать к нижегородскому ополчению, чтоб не ходило под Москву; Гермоген отвечал: «Да будут благословенны те, которые идут для очищения Московского государства, а вы, изменники, будьте прокляты». Скоро после этого Гермоген скончался (17 февраля 1612 года) от недостатка в пище. В то время как добрые граждане приговорили пожертвовать всем для успокоения государства, казаки подмосковного стана приговорили присягнуть третьему, псковскому самозванцу и послать отряды на север, чтоб мешать нижегородскому ополчению. Но Пожарский предупредил казаков и в первых числах апреля занял Ярославль, важный пункт, обеспечивающий соединение с северными областями. Скоро пришла весть, что подмосковное ополчение отказалось от третьего самозванца, который был схвачен в Пскове, но ополчение Пожарского должно было надолго остановиться в Ярославле: во-первых, надобно было подождать ратных людей, шедших из отдаленных областей, потом нужно было выгнать казацкие шайки, разбойничавшие в северных уездах, нужно было обезопасить себя и от шведов, занимавших Новгород. С казаками управились силой; шведов положено было манить переговорами насчет избрания одного из их королевичей в цари русские. Для прекращения внутренних смут, споров между начальными людьми о старшинстве вызван был в посредники бывший ростовский митрополит Кирилл, которому и удалось

утишить распри. Но когда все уладилось и ополчение готово было выступить из Ярославля, Пожарский чуть-чуть не погиб от ножа убийцы вследствие казацкого заговора.

13. *Пожарский в Москве.* Понятно, с каким чувством после этого Пожарский и все ополчение должны были выступать в поход под Москву, где под видом союзников должны были встретить убийц. К счастью, число казаков под Москвой очень уменьшилось: Заруцкий с преданными ему казаками покинул стан, взял в Коломне Марину с маленьким ее сыном Иваном, которого она имела от тушинского вора, и пошел на юго-восток, к степям, приволью казаков и самозванцев. Число поляков, сидевших в Кремле и в Китай-городе, также очень уменьшилось: многие из них самовольно оставили службу и ушли в Польшу; уехал и Гонсевский, на место которого принял начальство Струсь. Но зато опять шел к Москве гетман Ходкевич; Пожарский упредил его и 18 августа подошел к Москве. Трубецкой с казаками требовали, чтоб новое ополчение стало с ними вместе; но ратные люди, пришедшие с Пожарским, помнили участь Ляпунова и объявили: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать». Вечером 21 августа явился под Москву и Ходкевич. Чтоб загородить ему дорогу в Кремль, русское войско стало по обоим берегам Москвыреки — Пожарский на левом, Трубецкой на правом. 22-го числа гетман напал на Пожарского, но был отбит; 24-го он двинулся по правой стороне реки к Кремлю; казаки в решительную минуту отказались биться и ушли в свой стан, но троицкий келарь Авраамий Палицын успел уговорить их вступить в дело; тогда общими усилиями дворян и казаков, и особенно благодаря смелому движению Минина с отборным отрядом, дело кончилось в пользу русских: Ходкевич был отбит и ушел к литовским границам, не успев набить осажденных съестными припасами.

14. *Очищение Китай-города и Кремля от поляков.* 22 октября казаки пошли на приступ и взяли Китай-город. В Кремле поляки держались еще месяц, терпя страшный голод, заставлявший есть человеческое мясо; наконец сдались на условия, чтоб им была оставлена жизнь. Сперва были выпущены из Кремля бояре — князья Мстиславский, Воротынский, Иван Никитич Романов с племянником Михаилом Феодоровичем; потом вышел Струсь с товарищами, а 27 ноября ополчение и народ с торжеством вошли в очищенный от врагов Кремль. Трубецкой и Пожарский после отбития Ходкевича жили согласно и вместе управляли делами, потому что Пожарский, не будучи нисколько похож на Ляпунова, отличался скромностью и уступил Трубецкому первенство как старшему по чину: Трубецкой был боярин, а Пожарский — стольник. Но казаки Трубецкого не давали покоя дворянам Пожарского; пропивая и проигрывая все получаемое, казаки были постоянно бедны, постоянно требовали жалованья

и волновались в случае отказа, кричали, что побьют начальных людей; едва между ними и дворянами не дошло до боя.

15. *Неудачный поход короля Сигизмунда против Москвы и избрание царя Михаила Феодоровича Романова.* Рагные люди, думая, что с очищением Кремля все кончено, начали разъезжаться из Москвы, как вдруг пришла весть, что сам король Сигизмунд идет с войском к столице. В Москве сильно испугались, ибо ни войска, ни съестных припасов в достаточном количестве для осады не было. Страх, впрочем, был непродолжителен: король с тем небольшим войском, какое у него было, не мог даже взять и Волоколамска и ушел назад в Польшу. Отступление Сигизмунда дало досуг заняться избранием царя всею землею. Разосланы были грамоты по городам, чтоб присланы были в Москву духовные власти и выборные из дворян, детей боярских, торговых, посадских и уездных людей; чтоб выбраны были лучшие люди, крепкие и разумные, и чтоб духовенство и эти выборные договорились в своих городах накрепко и взяли у всяких людей полные договоры насчет царского избрания. Когда выборные съехались, назначен был трехдневный пост, после которого начались соборы. Положили прежде всего не выбирать иностранцев, выбирать своих, русских; тут начались козни, смуты и волнения: всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели сами престола, подкупали и засылали; образовались партии, но ни одна из них не брала верх; наконец, произнесено было имя, которое согласило всех, имя Михаила Феодоровича Романова. 21 февраля 1613 года был последний собор: каждый чин подал письменное мнение, и все эти мнения найдены сходными, все чины указывали на одного человека — Михаила Феодоровича. Пошли несколько духовных лиц и один боярин на Лобное место и спросили у народа, наполнявшего Красную площадь, кого он хочет в цари. «Михаила Феодоровича Романова», — был ответ.

ГЛАВА XXXIII

ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА

1. *Посылка в Кострому за Михаилом и подвиг Сусанина.* Провозгласивши царем шестнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова, собор назначил несколько знатных духовных и светских лиц ехать к нему и от имени всех чинов просить, чтоб был государем и ехал в Москву. 13 марта послы приехали в Кострому, где в Ипатьевском монастыре жил тогда Михаил с матерью, монахиною Марфою Ивановною. 14-го числа соборные послы пошли в монастырь крестным ходом вместе со всеми

костромичами. Услышавши от послов предложение идти в Москву и царствовать, Михаил отказался. Марфа Ивановна говорила: «Сын мой в несовершеннолетних летах, и люди Московского государства измалодушествовались, прежним государям — царю Борису, Лжедмитрию и Василию Шуйскому присягали и потом изменили; кроме того, Московское государство разорено вконец: прежних сокровищ царских нет, земли розданы, служилые люди обеднели; и будущему царю чем служилых людей жаловать, свой двор содержать и как против недругов стоять? Наконец, митрополит Филарет в плену у польского короля, который, узнавши об избрании сына, отомстит за это на отце». Соборные послы отвечали, что избран Михаил по Божьей воле, а три прежних государя садились на престол по своему желанию, неправое, отчего во всех людях Московского государства была рознь и междоусобие; теперь же русские люди наказались все и пришли в соединение во всех городах. Послы долго упрашивали Михаила и мать его, грозили, что в случае отказа Бог взыщет на нем окончательное разорение государства; наконец Марфа Ивановна благословила сына принять престол.

Слова соборных послов, что Михаилу нечего было бояться участи своих предшественников, потому что люди Московского государства наказались и пришли в соединение, — эти слова были вполне справедливы. Страшным опытом русские люди научились, к чему ведут смуты, несогласия и междоусобие; они имели столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказанием, встали, соединились, очистили государство и будут теперь в состоянии поддержать нового государя, несмотря на отсутствие материальных средств, на которое указывала Марфа. До какой степени в лучших людях 1613 года крепко было убеждение, что должно пожертвовать всем для поддержания, охранения нового царя, восстанавливавшего порядок, показывал всего лучше подвиг Сусанина. Когда Михаил, выехавши из Москвы после сдачи Кремля, жил в Костроме, отряд врагов, узнавши об избрании нового царя, отыскивал место его пребывания с целью умертвить соперника Владиславова; в этих поисках враги схватили крестьянина Ивана Сусанина из Костромского уезда села Домнина, принадлежавшего Романовым, и начали пытаться его страшными пытками, вымучивая показание, где скрывался Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти.

2. *Царское венчание Михаила и война с Заруцким.* 2 мая 1613 года Михаил выехал в Москву, 11 июля происходило царское венчание: в этот день князь Дмитрий Михайлович Пожарский пожалован был в бояре, а на другой день, в царские именины, Кузьма Минин пожалован был в думные дворяне. Милостей, льгот народу новый государь не мог дать для торжества своего царского венчания: ратные люди били челом,

что поместья и вотчины у них от долгой войны запустели, служить им не с чего, а в казне царской денег и в житницах запасов не было, служилым людям жалованья дать было нечего. Царь и духовенство от имени собора разослали грамоты по городам с просьбою помочь государству в его тяжелой нужде, а между тем надобно было вести упорную войну с врагами внутренними и внешними. Заруцкий с Мариной и сыном ее засел в Астрахани, сносился с персидским шахом, призывал к себе казаков и татар. Старые казаки, сознавая, что по горло ходят в крови христианской, хотели покаяться и служить государству, а молодые, желая достать себе зипунов, по их выражению, шли к Заруцкому. Но жители Астрахани, выведенные из терпения жестокостями Заруцкого, восстали против него, и он должен был запереться от них в астраханской крепости, или кремле; город на Тереке отложился также от Заруцкого, и тамошний воевода отправил на помощь к астраханцам войско под начальством Хохлова, а из Москвы шел воевода князь Одоевский с большим войском: Заруцкий не стал дожидаться Одоевского и ушел из Астрахани, Хохлов бросился за ним, нагнал и нанес сильное поражение, после чего Заруцкий направил путь на Яик, но посланные Одоевским стрельцы настигли его и принудили сдаться 25 июня. Пленников отправили в Москву: здесь Заруцкого посадили на кол, сына Марины повесили, а сама Марина умерла в тюрьме.

3. *Война с казаками.* Избавились от Заруцкого, успокоена была Астрахань, но казаков осталось еще много внутри государства: почти не было ни одной области, которая бы не страдала от их опустошений. Об этих опустошениях летописец говорит, что и в древние времена таких мук не бывало; особенно отличался между казаками атаман Баловень. 1 сентября 1614 года государь объявил на соборе, что воры-казаки православных христиан бьют и жгут разными муками, доходов собирать не дают, собранную казну в Москву провезти от них нельзя: так как с ними быть? Духовенство, бояре и всяких чинов люди приговорили: послать к ворами уговаривать их, чтоб от воровства отстали. И послан был суздальский архиепиеей да боярин князь Лыков с тем, что если казаки увещаний не послушаются, то Лыкову собрать войско и промышлять над ними. Скоро Лыков дал знать государю, что казаки от воровства не отстают, унять их никак нельзя, стали воровать пуще прежнего; прискакал и другой гонец с вестью, что казаки собрались большими толпами и идут прямо на Москву. Действительно, казаки явились под Москвой и стали по Троицкой дороге, но из Ярославля шел за ними по следам князь Лыков; казаки обошли Москву и бросились бежать к югу по Серпуховской дороге, но были настигнуты царскими воеводами и побиты наголову.

4. *Война и безуспешные переговоры с Польшею; сношения с Австриею.* Кроме казаков надобно было разделяться с литовскими людьми. Царские воеводы безуспешно осаждали Смоленск; за Лисовским, опустошавшим юго-западные границы, пошел в погоню князь Пожарский, но слег от тяжкой болезни, истомленный невероятно быстрой погоней за самым неутомимым из наездников; тогда Лисовский мог свободно бросаться по всему государству, пробираясь между городами, опустошая все на пути. С той же чудесной быстротой действовали на отдаленном севере черкасы, или казаки малороссийские; они опустошали Двинскую область, но и сами все погибли от тамошних жителей. Во время этих военных действий шли продолжительные, хотя и бесплодные переговоры о мире. В сентябре 1615 года отправились к литовской границе, под Смоленск, великие полномочные послы — бояре князь Иван Воротынский и Алексей Сицкий; они должны были съехаться с польскими уполномоченными, все с знакомыми людьми — гетманом Ходкевичем, канцлером Львом Сапегой и Александром Гонсевским; посредником был посол императора немецкого Еразм Ганделиус, славянин родом. Но долгие переговоры, сопровождавшиеся укорами и оправданиями с обеих сторон, кончились ничем по причине, которую высказал посредник Ганделиус, говоривший так московским послам: «Вы называете своего государя, а польские послы называют государем вашим своего королевича, и у одного государства стало два государя; тут между вами огонь и вода: чем воду с огнем помирить?» Воду с огнем не помирили, и уполномоченные разъехались. Ганделиус не мог ничего тут сделать, да и не хотел, как видно. Вообще сношения с австрийским двором при царе Михаиле не имели прежнего дружественного характера, австрийский двор находился в родстве и дружбе с Сигизмундом польским и счел нужным переменить тон в сношениях с разоренным Московским государством, которое уже не могло более присылать богатых мехов в Вену; притом здесь не были убеждены, что новый царь может утвердиться на престоле после таких смут, и потому не хотели смотреть на него, как смотрели на его предшественников, а Михаил не хотел позволить уменьшения своей чести, и потому сношения у московского двора с австрийским скоро прекратились.

5. *Сношения с Турциею и Персиею; война и мир со Швециею.* Гораздо деятельнее происходили сношения с Турциею, которая, враждуя с Польшею за набеги запорожских казаков, была естественной союзницей Москвы, но дружественным переговорам московских послов в Константинополе постоянно мешали донские казаки, которые подобно запорожцам и вместе с ними нападали морем на турецкие владения, а султан, считая донцов подданными царя московского, сердился на последнего. Не было никаких препятствий для дружественных сношений с Персиею,

и шах Аббас Великий в конце 1617 года по просьбе царя прислал ему серебра в слитках на 7000 рублей. Но более чем где-либо участия новый государь московский нашел на далеком Западе, у морских держав Англии и Голландии; разумеется, это участие было корыстным: внутренние смуты в Московском государстве и опустошения, причиняемые войною польскою и шведскою, вредили их торговле, им выгодно было успокоить Московское государство и в награду приобрести здесь еще большие торговые выгоды. В августе 1614 года в Москву приехал давно уже известный здесь английский купец Джон Мерик со значением посла и предложил свое посредничество в примирении Москвы с Швециею, причем просил для английских купцов вольной торговли и позволения ездить Волгою в Персию, а рекою Обью—в Индию. Ему отвечали, что государь уже дал английским купцам позволение торговать всякими товарами беспошлинно, что же касается до других выгод, то об этом начнутся переговоры, когда кончится шведское дело. Мерик отправился в Новгород, который, как мы видели, покорился шведам с условием, чтоб один из сыновей королевских был его государем. Король Карл IX умер, и в июне 1613 года преемник его Густав Адольф известил новгородцев об отправлении брата своего Карла Филиппа в Выборг, куда должны явиться уполномоченные от Новгорода и от всего Русского царства для решения дела насчет избрания Карла Филиппа в цари, но в Русском царстве был в это время уже свой природный царь, вследствие чего московские уполномоченные не явились в Выборг; Карл Филипп, с своей стороны, не захотел быть государем одного Новгорода, и Густав Адольф велел объявить новгородцам, чтоб они присягали прямо ему, королю; новгородцы отказывались, длили время, терпели сильные притеснения, налоги от шведов, а между тем шли военные действия между шведскими и московскими войсками. Действия эти были неудачны для русских в чистом поле; Делагарди оттеснил князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого от Бронниц, причем у русских погибло много людей; Густав Адольф сам взял Гдов и в июле 1615 года осадил Псков, но взять его не мог. Король желал мира, потому что опасался королей польского и датского, внутренних смут и терпел недостаток в деньгах; в Москве также сильно желали мира, и переговоры между уполномоченными с обеих сторон открылись в январе 1616 года в сельце Дедерине при посредничестве Джона Мерика и голландских послов. Здесь не могли окончить дела; съехались вторично в селе Столбове (между Тихвином и Ладогою) и здесь при посредстве одного Мерика в феврале 1617 года заключили вечный мир, по которому шведы возвратили царю Михаилу Новгород, Русу, Порхов, Гдов, Ладугу, но удерживали за собою Ивань-город, Ям, Копорье и Орешек да, кроме того, должны были получить 20 000 рублей денег.

6. *Война с Польшею и Деулинское перемирие.* Царь спешил заключением мира с Швециею, потому что должен был употребить все свои силы для борьбы с более опасным врагом. В сентябре 1617 года выступил против Москвы Владислав вместе с гетманом Ходкевичем. Страх напал на воевод московских, когда они узнали, что сам королевич при войске. Дорогобужский воевода сдал свой город Владиславу как царю московскому; Вязьма была также покинута своими воеводами и сдалась. Но не сдалась Калуга, защищенная князем Димитр [нем] Мих [айловичем] Пожарским, не сдался Можайск. 1617-й и две трети 1618 года прошли без решительных действий с обеих сторон. Только в сентябре 1618 года Владислав решился двинуться прямо к Москве. Узнав об этом, царь Михаил созвал собор из духовенства, бояр и всяких чинов людей и объявил, что он, прося у Бога милости, обещался против недруга своего Владислава стоять, на Москве в осаде сидеть и с польскими людьми биться; и они бы, митрополиты, бояре и всяких чинов люди, за православную веру, за него, государя, и за себя с ним в осаде сидели, а на королевичевы прельщенья не сдавались. Всяких чинов люди отвечали, что они дали обет Богу за православную веру и за него, государя, стоять и с врагами биться, не щадя голов своих. И тут же сделаны были все распоряжения, кому защищать разные части Москвы. Опять пошли из Москвы грамоты по городам, чтоб жители их усердно помогали государству в настоящей беде людьми и деньгами.

Не один Владислав приближался к Москве: шел на нее с юга малороссийский гетман Конашевич Сагайдачный, разоривши на пути своем города Путивль, Ливны, Елец, Лебедянь. 20 сентября королевич стал в знаменитом Тушине, Сагайдачный соединился с ним, и в ночь на первое октября поляки повели приступ к Москве, но потерпели неудачу у Арбатских и Тверских ворот. После этой неудачи начались переговоры о мире; уполномоченные съезжались сначала под Москвою, на реке Пресне (теперь Пресненские пруды), потом, когда Владислав перешел к северу, на Переяславскую дорогу, то переговоры производились в самой Москве; наконец, положено было съехаться в деревне Деулине (от Троицы в 3 верстах), где 1 декабря заключили перемирие на 14 лет и 6 месяцев с уступкой Польше Смоленска и Северской земли, причем Владислав не отказался от прав своих на московский престол; уполномоченные положили это дело на суд Божий; условились также разменяться пленными с обеих сторон. Эта размена происходила в июне месяце 1619 года в 17 верстах от Вязьмы, на реке Поляновке. Здесь поляки возвратили митрополита Филарета Никитича, боярина Шеина, Томилу Луговского; князь же Василий Васильевич Голицын умер на дороге в Гродно. Филарет по приезде в Москву был посвящен в патриархи.

7. *Патриарх Филарет Никитич и его значение.* С возвращением Филарета Никитича начинается двоевластие в Московском государстве: в грамотах писались два великих государя — Михаил Феодорович и отец его святейший патриарх Филарет Никитич, все дела докладывались обоим государям, решались обоими, послы иностранные представлялись обоим вместе, подавали двойные грамоты, подносили двойные дары. Хотя имя Михаила и стояло прежде имени отца его, однако опытный и твердый Филарет имел очень большую долю в правлении при малоопытном, молодом и мягкосердечном Михаиле. До приезда Филарета этой малоопытностью и мягкосердечием молодого царя воспользовались люди, которым по заслугам их не следовало быть близко у престола: таковы были двое братьев Салтыковых — Борис и Михайла, которые «только и делали, что себя и родню свою богатели, земли крали и во всяких делах делали неправду, промышляли тем, чтоб при государской милости, кроме себя, никого не видеть». Они из личных целей расстроили брак государя с Марьею Ивановной Хлоповой, но когда возвратился Филарет Никитич, то поднял это дело, обнаружил преступление Салтыковых и сослал их в ссылку. Люди, преданные Салтыковым, жаловались на строгость Филарета, но другие превозносили его именно за то, что он избавил землю от своеволия временщиков, держал в милости и защищал достойных людей. Филарет Никитич сперва хотел женить сына на иностранной принцессе, и по этому поводу велись переговоры с дворами датским и шведским, но дело не состоялось потому, что иностранные принцессы не соглашались на перемену веры, чего непременно требовали в Москве. Тогда государь в 1623 году женился на княжне Марье Владимировне Долгоруковой, но молодая царица в тот же год умерла, и на следующий год царь женился на Евдокии Лукьяновне Стрешневой, дочери незначительного дворянина.

8. *Сношения с Швециею, Англиею и Франциею.* Что касается до внешних сношений, которыми должен был заняться Филарет Никитич, то прежде всего надобно было задарить крымского хана, хотя сделать это было очень трудно вследствие истощения казны после войны польской. Нужно было уладить и отношения к ногаям, которые в смутное время отстали от Москвы, астраханский воевода князь Львов успел привести их под царскую руку и выручил множество русских пленных. С Швециею была большая дружба: Густав Адольф, враждая с Польшею и будучи занят трудовой борьбою в Германии, заискивал расположение царя Михаила, старался представить ему, что католический союз папы, государей Габсбургского дома и короля польского грозит гибелью не одним протестантским владетелям, но также и Московскому государству, что если паписты одолеют шведскую землю, то начнут стараться об искоренении греческой веры

«Когда мы видим,— писал Густав Адольф Михаилу,— когда мы видим, что соседний двор горит, то нам надобно воду носить и помогать гасить, чтоб свое уберечь; пора уже вашему царскому величеству подумать, как соседям помочь и как свое уберечь». Шведские послы утверждали, что Густав Адольф со своим войском—передовая стена Московского государства, передовой полк, бьющийся в Германии за Русское царство. Вследствие этого уверения в дружбе и общности интересов шведам было позволено покупать в России беспошлинно хлеб, крупу, смолу, селитру. В 1631 году впервые явился при московском дворе шведский резидент.

Дружественные отношения к Швеции были следствием Столбовского мира, который был заключен при посредстве Англии. Но услуги Англии этим не ограничились: во время похода Владислава на Москву король Иаков прислал царю взаймы на военные издержки 20 000 рублей. Вследствие этого Джон Мерик, приехавший опять в Москву в 1620 году, счел себя вправе просить дороги Волгою в Персию. Государь велел собрать знатнейших купцов московских и спросить их: «Если дать английским купцам дорогу в Персию, то не будет ли от этого вам убытка?» Почти все отвечали, что им будет убыток, англичане отобьют у них всю торговлю, потому что им нельзя соперничать с богатыми англичанами, но если англичане будут платить большие пошлины или разом дадут большие деньги в казну, оскудевшую от войны, то им, купцам, для блага государственного на время и потерпеть можно. Но как скоро бояре намекнули Мерику о пошлинах, то он сейчас же и прекратил дело, ибо англичанам хотелось беспошлинной торговли через Россию с Персиею. Отделались от англичан; явились французы с теми же требованиями. Еще в 1615 году царь отправил во Францию своего посланника с объявлением о своем восшествии на престол и просьбою о помощи против поляков и шведов. Король Людовик XIII отпустил посланника ни с чем, но осенью 1629 года приехал в Москву в первый раз французский посол де Ге Курменен с предложением союза и с просьбою о дозволении французским купцам ездить в Персию чрез Московское государство. «Царское величество,— говорил Курменен,— начальник над восточною странюю и над греческою верою, а Людовик, король французский, начальник в южной стране, и когда царь будет с королем в дружбе и союзе, то у царских недругов много силы убудет; император немецкий с польским королем заодно — так царю надобно быть заодно с королем французским. Король французский и царское величество везде славны, других таких великих и сильных государей нет, подданные их во всем им послушны, не так как англичане и брабантцы; что хотят, то и делают, что есть дешевых товаров скупают в испанской

земле да и продают русским дорогой ценой, а французы будут продавать все дешево». Несмотря, однако, на эти обещания, бояре отказали послу в персидской торговле, говоря, что французы могут покупать персидские товары у русских купцов. Такой же отказ получили голландские и датские послы.

9 *Вторая польская война.* Но главное внимание московского двора было обращено на отношения польские. На Деулинское перемирие согласились в Москве, не имея средств с успехом вести войну, желая отдохнуть хотя немного, собраться с силами и освободить отца государева из заточения, но долго оставаться в том положении, в какое царь Михаил был поставлен Деулинским перемирием, было нельзя: Владислав не отказался от прав своих на московский престол, польское правительство не признало Михаила царем, не хотело сноситься с ним, называть его в грамотах — и это при непрерывных сношениях двух соседних государств! Русские никак не могли войти в подобные отношения, требовали, чтоб начальники литовских пограничных городов называли в своих грамотах великого государя Михаила Феодоровича; те отказывались, но одного отказа было мало: некоторые из них осмеливались называть Михаила уничижительным полуименем, порочить его избрание, грозили самозванцем. При таких оскорблениях в Москве ждали только удобного случая к разрыву. Когда в 1621 году приехал в Москву турецкий посланник грек Фома Кантакузин с предложением от султана Османа воевать вместе Польшу, то Филарет Никитич отвечал ему «Перемирие с польским королем сын мой велел заключить только для меня; неправды поляков и московского разоренья забыть нам нельзя; мы того только и смотрим, чтоб в чем-нибудь польский король мир нарушил: тогда сын мой пошлет на него рать». Действительно, государи созвали собор из духовенства, бояр и всяких чинов людей, говорили о неправдах искони вечного врага Московскому государству, Сигизмунда короля, и о том, что теперь самое благоприятное время к войне с ним, потому что турки и шведы предлагают союз свой. Собор бил челом государям, чтоб они за святые Божии церкви, за свою государскую честь и за свое государство против недруга своего стояли крепко, а они, бояре и служилые люди, рады биться, торговые же люди рады давать деньги. Вследствие этого решения уже начали собирать войско, как пришла весть, что предприятие султана Османа прогив Польши кончилось неудачно, почему и в Москве отложили войну, но не переставали готовиться к ней. Видели несостоятельность русского войска и положили нанять иноземцев, более искусных, мало того, сделали шаг решительный. чего при прежних государях не бывало: велели русских ратных людей учить иноземному строю, послали за границу покупать оружие, приговаривать людей, умеющих обходиться с пушками, лить ядра

В апреле 1632 года умер в Польше король Сигизмунд, наступило междуцарствие, избирательный сейм; в Москве хотели воспользоваться этим, двинуть немедленно же воевод, давно уже готовых, но вот один из этих воевод, боярин князь Димитрий Мамстрюкович Черкасский, бьет челом на другого, на боярина князя Бориса Михайловича Лыкова: «Князь Борис Михайлович со мной в товарищах быть не хочет, говорит, будто мной люди владеют и обычай у меня тяжел и что он передо мною стар, служит государю сорок лет, лет с тридцать ходит сам по себе, а не в товарищах» Государь приказали Лыкову заплатить Черкасскому бесцелье 1200 рублей, но в поход этих воевод не послали, послали славного защитой Смоленска боярина Михаила Борисовича Шеина и Артемья Измайлова с 32 000 войска и 158 пушками, с приказанием идти под Смоленск; другие воеводы выступили из разных других городов

Война началась счастливо: 23 города сдались русским воеводам. Шеин с Измайловым осадили Смоленск, который отбивался 8 месяцев и готов был уже сдаться по недостатку припасов, как получил помощь: в эти 8 месяцев дела в Польше устроились, в короли был избран сын умершего Сигизмунда, Владислав, первым делом которого было идти на помощь Смоленску с 23 000 войска. В то же время крымцы, подученные поляками, опустошали московскую крайну; тогда многие ратные люди, бывшие в войске Шеина, услышав, что татары воюют их поместья и вотчины, разъехались из-под Смоленска. 25 августа 1633 года король Владислав пришел под этот город, сбил русских с выгодного положения их и отрезал Шеину московскую дорогу. С конца октября русские начали герпеть недостаток в съестных припасах; в стане у них господствовали смута и беспорядок: иноземный полковник Лесли в глазах Шеина застрелил другого иноземного полковника, Сандерсона, и остался безнаказанным. Наконец в январе 1634 года Шеин, угнетаемый голодом, холодом и сильной смертностью в полках, вошел в сношения с королем и согласился отступить от Смоленска, оставив весь обоз и артиллерию во власти поляков, 19 февраля русские выступили из обоза своего с унизительною церемониею. должны были преклонять знамена перед королем. Жестокая участь ждала Шеина и товарищей его в Москве: Филарета Никитича уже не было в живых (он умер 1 октября 1633 года), бояре получили опять большую силу, а бояре были жестоко оскорблены Шеиным, который, прощаясь с государем при отправлении в поход под Смоленск, хвалится своими заслугами и говорил, что в то время, как он служил, другие бояре за печью сидели. Теперь припомнили это оскорбление и осудили Шеина на смерть, приписавши смоленское несчастье его измене. Отрубили голову и второму воеводе. Измайлову, также сыну его, других воевод сослали в Сибирь.

Выпустивши Шеина из-под Смоленска, король двинулся к Белой, надеясь легко взять этот город, но вышло иначе. Надменные смоленским успехом, поляки отложили всякую осторожность, этим воспользовались русские и сделали удачную вылазку, в которой погибло много поляков, терпевших, с другой стороны, от голода и болезней, а между тем приходили вести, что турецкое войско приближается к границам Польши. В таких обстоятельствах королю нужно было как можно скорее заключить мир с Москвою, мир вечный, который бы упрочил за Литвою приобретение Сигизмундовы. Польские пань первые прислали к боярам; предложение было принято очень охотно, и назначен съезд полномочным на реке Полянковке, там же, где был прежде съезд для размена пленных, и здесь 17 мая 1634 года заключен был вечный мир: русские уступили все города, отданные в Деулине, кроме Серпейска, кроме того заплатили 20 000 рублей; за это Владислав отказался от всех прав своих на московский престол и согласился признать за московскими государями царский титул. В начале 1635 года для закрепления мира присягою королевскою отправился в Польшу великий посол князь Львов-Ярославский, которому удалось уговорить поляков отпустить в Москву тела брящего царя Василия Ивановича Шуйского, брата его Дмитрия и жены последнего. Тело царя Василия с торжеством было принесено в Москву и погребено в Архангельском соборе.

10. Взятие Азова казаками. После второй польской войны не было больше войны в царствование Михаила, ибо разрыва с Турциею постарались избежать. С этою державою происходили постоянные сношения, во время которых московские послы должны были терпеть неприятности за то, что донские казаки не переставали нападать на турецкие владения и громить турецкие корабли. В 1637 году казаки задумали взять Азов, важную турецкую крепость при устье Дона, с жителями которой у них были беспрестанные войны. Взявши с собой 1000 человек запорожских казаков, донцы 21 апреля выступили к Азову в числе 4400 человек. В это время проезжал через их землю в Москву турецкий посланник грек Кантакузин, они его остановили и, заподозрив в сношениях с азовцами, убили. 18 июня Азов был занят казаками; истребив всех жителей, кроме греков, освободив пленных христиан, завоеватели засели в городе и послали весть в Москву о своей победе. Царь отвечал: «Вы сделали дурно, что турецкого посла побили самовольством: нигде не ведется, чтоб послов побивать, и Азов взяли вы без нашего царского повеления». К султану царь писал: «Казаки Азов взяли воровством, они издавна воры, беглые холопы и нашего царского приказанья ни в чем не слушают; вам бы, брату нашему, на нас не досадовать за то, что казаки посланника вашего убили и Азов взяли: это они сделали без нашего повеленья, самовольством, и мы за таких

воров никак не стоим и ссоры за них никакой не хотим, хотя их, воров, всех в один час велите побить; мы с вашим султановым величеством в крепкой братской дружбе и любви быть хотим». Но ссоры с турками трудно было избежать: осенью крымцы опустошили московскую украину, и хан писал в Москву, что нападение сделано по приказу султана за взятие Азова казаками. Персидская война и смерть султана Мурада долго не позволяли туркам действовать против казаков; только в мае 1641 года султан Ибрагим 1-й двинул под Азов 200 000 войска, но казаки с отчаянным мужеством отразили 24 приступа и принудили турок снять осаду.

Казаки прислали весть о своем торжестве и вместе о жалком положении. «Мы наги, босы и голодны,— писали они,— запасов, пороху и свинцу нет, от этого многие казаки хотят идти врознь, а многие переранены». Они просили, чтоб государь принял от них Азов. 3 января 1642 года Михаил созвал собор из всяких чинов людей и велел спросить выборных: «Государю с турецким царем за Азов разрывать ли и Азов у донских казаков принимать ли? Если принимать и войну с турками начинать, то ратных людей понадобится много, хлебных, пушечных и всяких запасов надобно будет не на один год: так где взять столько денег?» Духовенство отвечало, что оно радо войску помогать деньгами, сколько силы станет. Дворяне и дети боярские отвечали, что они служить рады, что Азов надобно принять, для сбора денег пусть государь укажет выбрать из всяких чинов людей добрых человека по два и по три и сделать при сборе денег разницу между богатыми и бедными; если же вдруг понадобятся деньги, то взять патриаршую казну, у архиереев и в монастырях — домовую казну; с купцов и черных людей, с их торгов, промыслов и прожитков взять денег в казну, сколько государю Бог известит, пусть государь велит приказных своих людей счастье по приходным книгам, чтоб государева казна без ведома не терялась; при этом дворяне и дети боярские, указывая на свою бедность, говорили, что дьяки и подьячие, получая денежное жалованье, имея поместья и вотчины, обогатевши от взяток, купили много вотчин и построили себе дома каменные такие, каких прежде и у великородных людей не бывало; наконец, дворяне и дети боярские жаловались, что пуще турецких и крымских бусурман разорены они московскими несправедливыми судами. Купцы сказали, что они разорились от служб, от последней польской войны, когда с них брали много денег, от иноземцев, немцев и персиян, которые отняли у них торги, и от воевод, которые их грабят; в заключение купцы сказали, что рады служить своими головами, за царское здоровье и за православную веру помереть.

Но войны не начали: купцы ясно указывали на свое разоренье; служилые люди, указывая на свою бедность, для сбора денег

предлагали такие средства, которые трудно было привести в исполнение, а война предстояла опасная и продолжительная; наконец, посланные осматривать Азов донесли, что город этот разбит и защищать его нельзя. Тогда государь послал казакам грамоту с приказанием покинуть Азов; казаки вышли из города, но прежде не оставили в нем камня на камне.

11. *Королевич Вальдемар*. В последнее время жизни внимание царя Михаила особенно занимали два тяжелых дела по отношению к Дании и Польше. В 1642 году государь отправил в Данию посла Проестева предложить королю Христиану IV прислать сына своего Вальдемара в Москву для женитьбы на старшей дочери царской Ирине Михайловне. Предложение не было принято, ибо посол объявил, что Вальдемар должен принять православную веру. Несмотря на то, в конце года государь отправил опять в Данию немецкого купца, поселившегося в России, Петра Марселиса с тем же поручением уладить дело о сватовстве. Марселис исполнил поручение: заключен был договор, в котором было сказано, что королевичу в вере неволи не будет и церковь ему будет поставлена по его закону. В начале 1644 года Вальдемар приехал в Москву, был принят очень радушно, но когда приступили к делу, то необходимым условием брака для него поставили принятие православия; Вальдемар никак не хотел согласиться на это условие, требовал отпуска и, видя, что его намеренно задерживают, покушался тайно уйти из Москвы, причем дело не обошлось без кровопролития.

12. *Самозванец Луба*. В то самое время, когда в Москве не знали, как быть с Вальдемаром, шли неприятные переговоры с Польшею. После Поляновского мира Михаил отправлял послов к королю Владиславу с постоянными жалобами на то, что польские паны и пограничные державцы пишут титул царский с ошибками; поляки считали это дело неважным, но русские утверждали, что для них это дело главное—оберегать честь государеву, и требовали жестокого наказания виновным, поляки отговаривались, и неудовольствие росло. С своей стороны поляки жаловались, что восставшие против них казаки малороссийские находят убежище в московских владениях. Наконец в 1643 году отправился в Польшу посол князь Львов с важной жалобою, что поляки укрывают у себя самозванца, который называет себя царевичем Иваном Димитриевичем, сыном тушинского царя от Марины. Открылось, что шляхтич польский Димитрий Луба вместе с маленьким сыном пошел в Москву при войске в смутное время и был там убит; сироту взял другой шляхтич, Белинский, и привез в Польшу, выдавая за сына Лжедимитрия и Марины, которого будто бы сама мать отдала ему, Белинскому, на сохранение. Когда мальчик вырос, то Белинский объявил об нем на сейме; Лубу отдали на сбережение Льву Салеге,

назначили ему содержание, отдали в русский монастырь учиться; но когда заключен был вечный мир с Москвою, то об нем забыли как о человеке вовсе не нужном, и несчастный молодой человек, которого величали московским царевичем, должен был снискивать себе пропитание службой у частных лиц, и тут еще титул царевича накликал на него страшную беду. Князь Львов потребовал его выдачи. Польское правительство не соглашалось выдать на явную смерть человека вовсе невинного, паны уверяли посла, что Луба безвреден, немедленно же вступит в духовное звание; Львов отвечал, что и Гришка Отрепьев был пострижен, однако это не помешало ему смутить Московское государство. Наконец король Владислав отправил Лубу с послом своим Стемиковским в Москву и в грамоте своей просил царя отпустить несчастного и ничем невинного шляхтича опять в Польшу, но царь не соглашался, и дело затянулось до самой смерти государя, которая последовала 12 июля 1645 года. Михаил оставил после себя шестнадцатилетнего сына Алексея Михайловича и трех дочерей.

13. Деятельность Михаила и Филарета для восстановления опустошенного государства. Царь Михаил вступил на престол, когда Московское государство находилось в самом печальном состоянии. Для освобождения государства от врагов внутренних и внешних нужно было войско, для содержания войска нужны были деньги, а казна была расхищена; надобно было наполнять казну податями с городского и сельского народонаселения, но города и села были разорены; жители разбежались: из городов многие посадские люди, чтоб податей никаких не платить, переехали в Москву и в другие города и жили здесь у родни и друзей, из других городов посадские люди присылали просьбы, чтоб им для разоренья во всяких податях дали льготы; иные посадские и уездные люди заложились в закладчики (вошли в зависимость) за бояр и всяких людей и податей никаких вместе с своей братьею, другими посадскими и уездными людьми, не платили, жили себе в покое; другие многие люди присылали жалобы на насилия и обиды от бояр и разного звания людей. Когда Филарет Никитич возвратился из Польши, то государи созвали собор и приговорили: в разоренные города послать дозорщиков добрых, чтоб они осматривали и описывали все города вправду, без взятка. Сыскивать везде посадских людей чужих городов и отсылать в те города, где они прежде жили; которые заложились за духовенство, бояр и других людей, тех всех отослать также туда, где прежде были, а с тех людей, за которыми они жили, взять подати за все прошлые годы. Чтоб знать, в каком состоянии находится город и как его устроить, взять из каждого города в Москву по человеку из духовенства, по два из дворян и детей боярских, по два из посадских людей, которые бы умели рассказать обиды, насильства и разоренья, какими средствами устроить

Московское государство. Одним из главных препятствий к устройению городов были насилия воевод и приказных людей, так что в 1620 году правительство разослало грамоты, в которых под страхом жесткого наказания запрещало воеводам и приказным людям брать взятки, а городским и уездным жителям давать их. Особенно терпели жители отдаленных областей, например сибирских, жалобы которых нескоро могли достигать Москвы. Кроме притеснений от воевод и приказных людей жители городов и областей много страдали от разбоев, которых много было и прежде, а теперь должно было быть еще больше после недавних смут и казацкого господства. Желая как можно скорее собрать деньги, начали отдавать на откуп самые мелкие промыслы; это возбудило сильные жалобы, и правительство в 1639 году запретило подобные откупа.

14. Иностранцы промышленники. Вследствие всех этих препятствий промышленность и торговля не могли процветать в городах русских; купцы не могли быть богаты, не могли соперничать с купцами иностранными и потому домогались, чтоб правительство запретило последним приезжать во внутренние города государства. Но приезду иностранных мастеров и заводчиков и правительство и народ были рады, потому что они давали хлеб бедным людям и от них можно было научиться полезным ремеслам и промыслам. В царствование Михаила Феодоровича этих иностранцев приезжало в Москву гораздо больше, чем прежде. Голландский купец Виниус устроил подле Тулы заводы для литья пушек, ядер и выделывания разных других вещей из железа; известный нам Марселис выпросил царскую грамоту для устройства подобных же заводов по рекам Ваге, Костроме и Шексне; выданы были привилегии на известное число лет и другим иностранцам для заведения разных производств, и всем им вменялось в обязанность — русских людей научать и никакого мастерства от них не скрывать.

15. Сельские жители; распространение русских владений в Сибири. Что касается до сельских жителей, то, несмотря на закон об укреплении крестьян, богатые землевладельцы не переставали переманивать крестьян у бедных; последние жаловались, и правительство принимало строгие меры против нарушителей закона о закреплении. В Европейской России народонаселение было так редко, что землевладельцы переманивали льготами и перевозили силой крестьян друг от друга, несмотря на закон, а между тем на востоке, за Уральскими горами, все больше и больше прибавлялось к русским владениям пустынных пространств, требовавших населения; в царствование Михаила русские владения в Сибири увеличились на 70 000 квадратных миль пустынных пространств, ибо прокладыватели путей, казаки, продолжали пробираться по пустынным рекам все далее и далее к Восточному

океану и границам китайским, приводя под высокую руку государя рассеянные толпы дикарей, собирая с них ясак, часто выводя их из терпения своими грабительствами, за которые иногда приходилось платить жизнью. Русские люди строили здесь городки, заводили хлебопашество; в сороковых годах государь велел смотреть на реке Лене места, удобные для пашни, и кликнуть клич по охотникам заниматься земледелием, им давали льготы, снабжали лошадьми и земледельческими орудиями. Таким образом, русские люди, отодвинутые Столбовским и Поляновским договорами от образованного Запада, в пустынях Северной Азии полагали начатки гражданственности европейской, ибо приносили с собою христианство.

16. *Исправление книг.* Русская Церковь, распространяя свои пределы на отдаленном востоке, должна была прежде всего заботиться о чистоте учения и нравственности, сильно страдавшей от недостатка просвещения. С восстановлением спокойствия при царе Михаиле снова началось в Москве книгопечатное дело, прекратившееся вследствие разорения столицы. Но прежде чем печатать церковные книги, нужно было исправить их от грубых ошибок, внесенных намеренно и ненамеренно невежественными переписчиками. Это исправление в 1616 году поручено было знаменитому троицкому архимандриту Дионисию с двумя товарищами, но невежды, едва знавшие азбуку, обвинили исправителей в ереси, Дионисия мучили особенно за то, что он не хотел дать взятки; и он освобожден из заточения только тогда, когда иерусалимский патриарх, приехавший в Москву, указал патриарху Филарету на невинность исправителей. Кроме исправления книг русская Церковь при Михаиле должна была заботиться об исправлении нравственности в духовенстве и мирянах, особенно должна была вооружиться против нравственных беспорядков в Сибири.

17. *Просвещение и литература.* Соблюдались еще во всей строгости старые обычаи, нововведения строго преследовались: за употребление табаку резали носы; но допущение все большего и большего числа иностранцев внутрь государства, явно высказавшаяся потребность в них, признание превосходства их в науке и всяких промыслах, признание в необходимости учиться у них предвещали скорый переворот в жизни русского общества, скорое сближение с Западною Европою. При царе Михаиле вызывали из-за границы не одних ратных людей, не одних мастеров и заводчиков: понадобились люди ученые, и в 1639 году вызван был в Москву известный ученый голштинец Адам Олеарий как астроном, географ и геометр. «А нам,—говорит царь в своей грамоте,—такой мастер годен». По царскому указу переведена была с латинского полная космография. С одной стороны, в науке нуждалось государство для удовлетворения

самым необходимым потребностям, для охранения целости и самостоятельности своей от иностранцев более искусных и потому более сильных; с другой стороны, нуждалась в науке Церковь для охранения чистоты своего учения, и патриарх Филарет заводит греко-латинское училище. Что касается до литературных памятников, дошедших до нас от времен Михайловых, то первое место занимают здесь летописи и сказания, в которых заключаются известия о смутном времени: такова летопись, изданная под именем рукописи Филаретовой, также Летопись о многих мятежах и Псковская летопись. Из сказаний замечательны: Сказание об осаде Троицкого Сергиева монастыря, принадлежащее знаменитому келарю Авраамию Палицыну, и два сказания, написанных во Пскове: одно принадлежит человеку из партии лучших людей, другое — человеку из партии меньших людей; сказания эти любопытны по различию взглядов не только на псковские, но и на всероссийские события. Из иностранных сочинений о России времен Михайловых самое замечательное принадлежит упомянутому выше голштинскому ученому Адаму Олеарию.

ГЛАВА XXXIV

СОСТОЯНИЕ ЗАПАДНОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XVI И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

1. Иезуиты в Литве и мысль об унии. Обозревши смутное время и восстановление спокойствия в Московском государстве при царе Михаиле, мы должны обратиться теперь к западной России, где шла также сильная борьба, в решении которой должен был участвовать преемник Михаилу. Мы видели, что западная Россия примкнула к более сильному государству Литовскому, а потом при посредстве Литвы соединилась с Польшею. На первых же порах этого соединения оказались большие неудобства вследствие различия исповеданий, когда при Ягайле и некоторых его преемниках польские католики давали себе волю увлекаться религиозной ревностью и теснить восточное русское исповедание. И при Ягеллонах подобные попытки имели следствием народную вражду и стремление русских людей оторваться от польско-литовского союза и присоединиться к восточной России; но при Ягеллонах попытки эти не были постоянны и сильны; иначе пошло дело к концу XVI века, когда были призваны в Польшу и Литву иезуиты для борьбы с распространившимся здесь протестантизмом. Иезуиты благодаря своим ловким приемам осла-

били протестантизм, после чего немедленно обратили свое внимание на более опасного врага — на старинное, пустившее в народе глубокие корни исповедание восточное, или русское; против него возбудили они фанатизм католического народонаселения, против него по их внушениям начало действовать правительство, отуманенное фанатизмом, не умеющее разобрать собственного интереса; против него направлены были ими беспокойные силы школьной молодежи; против него говорили они проповеди и писали ученые рассуждения; против него действовали они в домах и школах, отрывая русскую молодежь от веры отцовской.

Знаменитый проповедник иезуит Петр Скарга издал книгу «*О единстве Церкви Божией*», где вооружался против русской Церкви и указывал на выгоды, которые должны были произойти для нее от унии, т. е. от подчинения папе и принятия католического вероучения, при оставлении прежних обрядов и церковнославянского богослужебного языка. Другой иезуит, известный уже нам Антоний Поссевин, не успевший обратить в католицизм Иоанна Грозного, хлопотал об унии в западной России, для чего просил о заведении училищ для русских и в Риме, и в Вильне. Мысль о выгоде унии не могла не распространиться между русскими людьми вследствие очень незавидного состояния их Церкви в польских областях. Правительство, сначала равнодушное, а потом и враждебное, не могло быть внимательно к интересам этой Церкви: оно отдавало не только православные монастыри, но и целые епархии в управление людям, не чувствующим никакого внутреннего призвания к подобным должностям. Такие пастыри не могли укреплять паству в вере и нравственности; отсюда ослабление дисциплины церковной, ослабление нравственности низшего духовенства, упадок просвещения. Несмотря на то, западнорусское общество умело найти в себе средства для борьбы с опасным врагом, для поддержания своей старой веры, а вместе с верой и народности, ибо русский человек, отказавшись от православного исповедания, переходя в католицизм, разрывал все связи с своим народом. Сначала сильную помощь западнорусской Церкви в борьбе ее с католицизмом подали знатные люди, из которых самым деятельным явился князь Константин Константинович Острожский: он сносился с православным Востоком, собирал, издавал церковные книги, заводил училища и типографии. Но потом большая часть знатных людей ослабели в своей ревности, приняты католицизм и ополячились. Обязанность поддерживать русскую веру и народность преимущественно должны были принять на себя *братства*.

2. *Братства*. Братчины, или братства, представляли явление, общее всем областям русским, и вели происхождение свое из глубокой древности: они состояли в том, что для известного

церковного праздника, например для Николина дня, прихожане складывались для устройства общего пира. В Новгороде, Пскове и в городах западной России братства имели большее значение, большие права, чем в России восточной; в городах западной России они особенно развились под влиянием Магдебургского права и цехового устройства, приобрели определенный круг деятельности, прав и обязанностей религиозных, благотворительных: эти братства приучили своих членов к общей самостоятельной деятельности, к общим совещаниям при сохранении строгого порядка, уважения членов друг к другу и к выборным старшинам. И вот когда западнорусская Церковь должна была начать борьбу с господствующей Церковью латинскою, то в братствах нашла готовые точки опоры, и от поднятия религиозной борьбы, религиозных вопросов братства приобрели еще большее значение, вобрали в себя не одних только городских жителей, или мещан, но и дворянство.

В описываемое время самое видное место между братствами занимало братство львовское (во Львове, или Лемберге Галицком), основанное в 1586 году львовскими мещанами, ктиторами (строителями) церкви Успения Богородицы, по благословению антиохийского патриарха Иоакима. По уставу этого братства братья должны были сходиться в известное время и вносить известное число денег, ежегодно выбирать четырех старшин, которые при сложении своих должностей обязаны давать отчет; нарушение уважения друг к другу и другие непристойные поступки немедленно же наказывались по приговору братства; в обществе братья обязаны были наблюдать друг за другом и доносить братству о беспорядочном поведении его членов, зато каждый член имел право рассчитывать на помощь братьев в нужде: братья помогают ему в суде, братья ходят за больным и бедным братом, помогают ему братскими деньгами, в нужде брат получает братские деньги взаймы без процентов, умершего брата все братья провожают до места погребения; покончив свои дела в заседаниях, братья читают священные книги и скромно друг с другом разговаривают. Кроме этих правил, общих всем братским, патриарх Иоаким дал львовскому братству право обличать противных закону Христову, истреблять всякое бесчиние в Церкви, дал право всеобщего надзора, из-под которого не был изъят и епископ, право отлучать от Церкви. Братство основало школу, где учились православные дети всякого звания, завело типографию, где печатались книги славянские и греческие, устроило госпиталь. После львовского важное место занимало братство виленское.

3. *Причины, заставившие некоторых епископов желать унии.* В 1589 году посетил западную Россию константинопольский патриарх Иеремия, возвращавшийся из Москвы. Мирские люди не

замедлили подать ему сильные жалобы на церковные беспорядки, виною которых были епископы порочные или нерадивые. Вследствие этих жалоб патриарх удалил главного архиерея, митрополита киевского Онисифора, и на его место посвятил Михаила Рагозу по рекомендации мирских людей. Михаил был действительно человек безупречного поведения, но слабый, бесхарактерный, неспособный занимать первое место в такое бурное время. Самым деятельным, ловким, умным и ученым епископом западной России в это время был Кирилл Терлецкий, епископ луцкий, но это был больше хороший управитель имений церковных, чем архиерей; по образу жизни, по привычке к самоуправству, неразборчивости средств Терлецкий был похож больше на тогдашнего светского пана, чем на епископа христианского. Несмотря на то, патриарх дал Терлецкому звание своего экзарха с правом наблюдать за епископами, низвергать недостойных. Это право, отнятое, таким образом, у митрополита, еще более унизило значение Рагозы, возбудило его неудовольствие против патриарха, и, таким образом, вместо порядка внесены были новые причины беспорядка в Церковь. Митрополит был недоволен учреждением экзархата в пользу Терлецкого; Терлецкий был недоволен тем, что, несмотря на звание экзарха, не пользовался полною доверенностью патриарха, который выслушивал на него жалобы других архиереев; во Львове епископ Геден Болобан вел соблазнительную борьбу с тамошним братством, не умея никак помириться с правами, данными последнему; наконец Терлецкий рассорился с главным столпом православия, князем Константином Острожским, и в то же время подвергался сильному преследованию со стороны католиков. Тогда Терлецкий вместе с некоторыми другими епископами решился избавиться от всех бед, грозивших и от своих, и от чужих, — избавиться средством, на которое давно уже указывали иезуиты, — униєю. Епископы представили королю Сигизмунду III грамоту, в которой соглашались подчиниться римскому папе, с тем чтоб русская Церковь сохранила в целости все свои обряды и богослужебный язык, а епископам обеспечены были права и вольности, каких они желают.

4. *Епископы подчиняются папе.* Король с радостью принял это предложение, обещал епископам свои милости, права наравне с католическим духовенством, защиту от восточных патриархов, неотъемлемость должностей. Скоро Терлецкий приобрел себе могущественного союзника в новом епископе владимирово-волынском Ипатии Потее. Потей, возведенный в сан епископа из знатных сановников светских, явился великим подвижником, воздержником, постником, охранителем прав церковных и чуждым суеты мирской, но он был малосведущ в делах церковных, равнодушен к вопросу о различии церквей и тем легче мог быть склонен к унии, что и другие православные, даже сам князь

Острожский, желали унии как средства вывести русскую Церковь из тяжкого положения. Но князь Острожский, переписываясь с Потеем об унии, требовал, чтоб это было соединение всей восточной Церкви с западною, а не одной западнорусскою; Потей же считал это неудобноисполнимым и соединился с Терлецким для приведения в исполнение его плана. Они открыли свой замысел митрополиту Михаилу Рагозе; этот слабохарактерный старик, с одной стороны, видел для себя большие выгоды от унии и боялся сопротивлением ей разгневать короля; с другой стороны, боялся сопротивления православных, боялся рассердить знатных панов, начавши дело тайком от них, и потому начал хитрить: через Потей и Терлецкого сносился с королем, торговался с ним насчет выгод для себя от унии, получал требуемое и в то же время писал православным вельможам и братствам, что не одобряет унии и не принимает в ней никакого участия; обманывал и Потей с Терлецким, не приезжая к ним в назначенное время на совещания. Но ему нельзя было долго хитрить: князь Острожский выдал послание ко всем православным, в котором в сильных выражениях обличал митрополита и епископов в отступничестве от православия; западная Россия волновалась; видя это, король Сигизмунд спешил покончить желанное для него дело унии: Потей и Терлецкий в конце 1595 года отправились в Рим и там от имени митрополита и своей братьи, епископов, били челом папе, чтоб принял русскую Церковь под свою верховную власть.

5. *Брестский собор 1596 года.* В Риме торжествовали воссоединение русской Церкви, а в Варшаве на сейме 1596 года князь Острожский с другими православными депутатами требовал свержения епископов Потей и Терлецкого за то, что самовольно подчиняли русскую Церковь папе. Наконец для окончательного решения дела созван был собор в Бресте в октябре 1596 года. Но здесь православные и принявшие унию архиереи не соединились в общем совещании: три раза православные посылали приглашать к себе митрополита и его соумышленников, но они не пришли. Тогда православные, находившиеся под председательством уполномоченного константинопольским патриархом экзарха, грека Никифора, объявили митрополита и всех епископов-униатов лишенными своего сана и поклялись не отступать от восточной Церкви. В то же самое время Рагоза с своими сообщниками предал проклятию духовенство, оставшееся верным православию.

6. *Борьба православных с униатами и католиками, распространение просвещения.* Так произошла уния или, лучше сказать, разделение западнорусской Церкви на православную и униатскую. Русские люди, оставшиеся верными вере отцовской, подверглись гонению: православные церкви запирались; в селах паны

отдавали их на откуп жидам, так что крестьянин, чтоб крестить ребенка или похоронить мертвого, должен был прежде идти к жиду, который за деньги отпирал ему церковь. Но это гонение, борьба, которую русские люди должны были вести за свою веру и народность с врагом, сильным не одними материальными средствами, возбудили нравственные силы их. Так как униаты и каголики действовали и пером против православия, то православные начали защищаться тем же оружием, издавать книги в пользу православия, против унии и католицизма, вследствие чего явилась обширная полемическая литература; чтоб вести с успехом эту борьбу пером, русские люди увидели необходимость призвать на помощь науку и потому начали сильно стараться о распространении школьного образования; братства усилили свою деятельность. Еще в 1594 году братство киевской Богоявленной церкви завело школу; школа эта сгорела в 1614 году, но в следующем 1615-м богатая женщина Анна Гугулевичевна возобновила ее на свой счет; самым ревностным покровителем и распространителем этой школы сделался в 1631 года Петр Могила, сын молдавского воеводы, сперва архимандрит Киево-Печерской лавры, а потом и митрополит киевский: на его счет молодые люди, миряне и монахи, были отправлены во Львов, Рим и другие иностранные города, славные своими академиями, чтоб потом быть наставниками в киевской школе. Как лучшие люди западной России понимали свою обязанность в тяжелое время гонения, всего лучше видно из акта, названного Советованием о благочестии (1621 год), где определено: епископы должны проповедовать правую веру, покаяние и благочестивые дела, обходя дома благородных, посылая учеников своих учить в церквах, не дожидаясь, чтоб к ним приходили, кланялись или что-нибудь приносили. Должны возбуждать и приготавливать к мученичеству как самих себя, так и народ. Писать и печатать в защиту благочестия книги; противникам возражать письменно, но только посоветовавшись с другими, потому что между русскими разномыслие, а у противников крепкое убеждение в своих верованиях и злоба в сердцах на русских. В церквах каждое воскресенье и праздник должна быть проповедь. Учреждать по городам школы и братства. Вызвать с Афонской горы знаменитых русских отшельников, а из России посылать на Афон как в школу духовную.

7. *Казаки и их восстания против польского правительства.* Но одновременно с этим напряжением нравственных сил западно-русского общества, одновременно с этою борьбою пером и словом шла борьба материальная: ее вели казаки. Западные, малороссийские казаки, признававшие над собою власть польского правительства и носившие в восточной России название черкас, отличались точно таким же характером, как и восточные, мо-

сковские казаки. Они разделялись на городских казаков, носивших и названия по городам, например полк Переяславский, Черкасский, Миргородский и т. д., и на запорожцев, живших за Днепровскими порогами, в укрепленном местечке, называвшемся Сечью, и управляемых кошевым атаманом. Городовые были более под руками правительства; запорожцы же признавали только по имени его власть и вели одинакий образ жизни с донскими казаками. Кошевой атаман и подчиненные ему куренные атаманы выбирались вольными голосами; свободное от походов время казаки проводили в звериной или рыбной ловле и в пирушках; женщины не допускались в Запорожье. Между Запорожьем и Доном была тесная связь: казаки из Запорожья свободно переходили на Дон и жили там иные лет по осьмнадцати, и жило у них на Дону человек по 100; в Запорожье донских казаков было также очень много. Мы видели деятельность казаков в Московском государстве в смутное время, видели, как они ссорили Москву с Турциею при Михаиле. Малороссийские казаки своими своевольными нападениями на турецкие берега и громлением турецких кораблей на Черном море точно так же ссорили Польшу с Турциею, но для Польши эта ссора была опаснее по близости границ ее к границам турецким. Вот почему Польское государство начало стремиться подчинить казаков своим требованиям; эти требования состояли в том, чтоб казаков было ограниченное, известное правительству число и чтоб старшина казацкий находился в непосредственной зависимости от правительства, которое должно распоряжаться всеми движениями казаков. Но казаки не хотели подчиниться этим требованиям; отсюда в конце XVI и в XVII веке мы видим ряд казацких восстаний. Но эти казацкие восстания против Польского государства имели другой исход, чем восстания казаков на востоке против Московского государства. Польское государство носило в себе глубокую рану, которая растревлялась все более и более: то была религиозная борьба вследствие унии, сильное гонение, которому подвергались православные, в соединении с тяжким состоянием, в котором находилось низшее, земледельческое сословие. В каком положении находились крестьяне, всего лучше видно из того, что паны имели обыкновение отдавать свои населенные земли в аренду жидам с правом казнить смертью крестьян, которые от таких притеснений бежали в казаки или в пределы Московского государства. Поэтому казаки, восставая против государства за свои казацкие интересы, в то же время как православные русские люди поднимали знамя во имя веры и народности и в интересах низшего, сильно угнетенного сословия; поэтому казацкие восстания встречали сильное сочувствие не только в селах, но и в городах; дело казацкое сливалось с делом священным, народным.

Несмотря на то что казацкие восстания на западе вначале удавались, оканчивались они всегда торжеством Польского государства: предводители этих восстаний или погибали позорной и жестокой смертью, или должны были бежать из родной страны. Государство, по-видимому, достигло своей цели относительно казаков; число их было ограничено; старшина их, назначенный правительством, находился в полной зависимости от главнокомандующего, или коронного гетмана. Но дела переменились, когда в 1648 году начальником казацкого восстания явился Богдан Хмельницкий. Деятельность этого знаменитого гетмана равно относится и к истории западной, и к истории восточной России, где царствовал преемник Михайлов.

ГЛАВА XXXV

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

1. Правление Морозова. Новый царь добротой, мягкостью, способностью сильно привязываться к близким людям был похож на отца своего, но отличался большей живостью ума и характера и получил воспитание, более сообразное своему положению. Воспитателем его был боярин Борис Иванович Морозов, проведенный при нем безотлучно тринадцать лет. Молодой Алексей сильно привязался к своему воспитателю; царь Михаил также очень любил и уважал Морозова и, умирая, поручил ему сына. Морозов был человек умный, ловкий, по тому времени образованный, понимавший новые потребности государства, но не умевший возвыситься до того, чтоб подчинить свои частные интересы общему. В самом начале царствования можно было видеть, что правление находится в руках человека, умеющего распоряжаться умно и с достоинством: немедленно были решены два тяжелых дела, оставшихся от предшествовавшего царствования: королевич Вальдемар был с честью отпущен в Данию, Луба — в Польшу. Узнав о нападениях крымцев на Украину, новое правительство не хотело довольствоваться по-прежнему одною оборонительною войною: велено было воеводам собираться к Дону и идти на Азов; в то же время шли переговоры с Польшею о том, чтоб общими силами действовать против крымцев. Посол короля Владислава вельможа православного исповедания Адам Кисель в витиеватой речи уже славил пред молодым царем московским великое время вечного союза между двумя могущественными славянскими государствами, которые десница Вседержителя создала от одного корня, как два кедра ливанские, прославлял наступление времени, когда славяне соединятся по-прежнему воедино и наполнят весь мир славой

своего имени. Но этим выгодным внешним отношениям в начале царствования Алексея далеко не соответствовало внутреннее состояние Московского государства: народ томился под тяжестью налогов; купечество было бедно вследствие той же причины и вследствие физических бедствий — неурожая и скотского падежа, наконец, вследствие дурного состояния правосудия. В начале 1648 года царь женился на Марье Ильиничне, дочери незнатного чиновника Ильи Даниловича Милославского; Морозов, чтоб упрочить свою силу, женился тогда же на другой дочери Милославского; этот Милославский, человек высокомерный и жадный, воспользовался своим новым положением, чтоб дать выгодные места родственникам своим, которые принялись наживать; притом в народе боялись пристрастия царя и правителя к иностранным обычаям; действительно, употребление табаку уже было позволено, только продажа его сделана исключительным правом казны. Летом 1648 года вспыхнул мятеж в Москве: народ потребовал выдачи судьи Плещеева, получил его и умертвил, умертвил вместе с ним думного дьяка Чистого, разграбив дома их и многих других знатных и богатых людей. На другой день сделался пожар в Москве, после которого вспыхнуло опять возмущение, народ начал требовать самого Морозова и окольного Траханиотова на смертную казнь: Траханиотова выдали, но Морозова отослали в Кириллов Белозерский монастырь, откуда после, когда все утихло, он возвратился в Москву и пользовался прежним расположением царя; но теперь уже является на сцену новое могущественное лицо в Церкви и государстве: то был Никон.

2. *Никон*. Никон, в миру Никита, родился в 1605 году, когда для Московского государства началось смутное время, под впечатлениями которого протекло его детство; родился он в крестьянском быту, в Нижегородской области; младенцем лишился матери; отец дал ему мачеху, от которой малютка терпел большие беды, не один раз жизнь его находилась в опасности. Молодой Никита нашел случай выучиться грамоте, а это было тогда верным средством для худородного человека выйти на вид; обилие нравственных сил, энергия не могли позволить Никите долго оставаться в той среде, где он родился; таланты молодого человека резко выделяли его из толпы, увлекали его вперед, указывали на дорогу иную. Он поступил в монастырь на искус, но отсюда, однако, он был вызван снова в мир просьбами родственников; он женился и получил священническое место на 20-м году от рождения. Молодой священник был так замечен своими достоинствами, что московские купцы упростили его перейти в Москву. 10 лет жил Никита с женой, но, потеряв всех детей, разошелся добровольно с нею и ушел на Белое море в пустынный Анзерский скит, где и постригся. Слава иноческих

подвигов его в северных монастырях достигла Москвы, и когда он в 1646 году явился здесь, то произвел сильное впечатление на молодого и религиозного царя. По желанию Алексея Михайловича Никон был сделан архимандритом московского Новоспасского монастыря. В этом новом звании своем он каждую неделю являлся во дворец беседовать с царем, причем не упускал случая ходатайствовать за утесненных, вдов, сирот. В 1648 году Никон был посвящен в новгородские митрополиты.

3. *Уложение.* Между тем немедленно после мятежей молодой царь усердно занялся важным делом: 16 июля 1648 года государь советовался с патриархом, духовенством, боярами и думными людьми о том, чтоб выписать нужные статьи из правил апостольских и св. Отцов, из законов византийских, собрать также указы прежних русских государей, справить их со старыми судебниками, а на какие случаи прежних указов нет, написать вновь по общему совету, чтоб Московского государства всяких чинов людям, от большего и до меньшего чина, суд и расправа были во всяких делах всем равно. Собрание статей и составление доклада поручено было боярам князю Никите Ивановичу Одоевскому и князю Семену Васильевичу Прозоровскому, окольниковому князю Волконскому и двоим дьякам, Леонтьеву и Грибоедову. Кроме того, велено было выбрать из дворян, купцов и посадских добрых и смышленных людей, чтоб со всеми этими выборными можно было утвердить нерушимо. Так составлено было знаменитое *уложение*. Сеяние и продажа габаку по-прежнему запрещены, оставшийся у казенных продавцов табак был отобран и сожжен. Купцы получили то, чего давно добивались еще в царствование Михаила: английские купцы высланы были из внутренних городов государства; им позволено было торговать только в Архангельске с платою обыкновенной пошлины; кроме разных злоупотреблений и притеснений русским купцам, англичанам было поставлено в вину, что они «всею землею учинили большое злое дело, государя своего, Карлуса короля, убили до смерти» (1649 г.).

4. *Мятеж в разных городах и патриаршество Никона.* В Москве попытки некоторых недовольных возбудить снова мятеж против Морозова и Милославского остались тщетными; но вспыхнули мятежи в разных других городах: летом же 1648 года вспыхнул мятеж в Сольвычегодске вследствие насилий, которые позволял себе сборщик податей Приклонский; потом возмутились устюжане вследствие взяточничества подьячего Михайлова, которому мирволил воевода Мих[аил] Васил[ьевич] Милославский; Михайлов был убит мятежниками. Усмирить эти мятежи было легко; труднее было уладить дела в Пскове и Новгороде. Из присоединенных по Столбовскому миру к Швеции русских областей перебежало много народа в свое прежнее отече-

ство; по договору этих перебежчиков нужно было выдать, но царь никак не решился выдать православных лютеранскому правительству, и заключен был с Швециею новый договор, по которому царь обязался заплатить деньги за перебежчиков и в счет этих денег отпустить в Швецию хлеб из казенных житниц псковских. Эти распоряжения произвели мятеж во Пскове: пошел слух, что изменник Морозов отпускает деньги и хлеб к немцам, которые по согласию с ним скоро явятся под Псковом и Новгородом. Швед Нумменс, который в феврале 1650 года вез деньги из Москвы, был захвачен псковичами, пытан, засажен под стражу; воеводу, князя Львова, и присланного из Москвы для следствия князя Волконского едва не убили, архиепископа Макария два раза сажали на цепь. Мятеж псковский немедленно отразился и в Новгороде: здесь 15 марта захватили датского посланника под тем предлогом, что он также везет деньги из Москвы к немцам, избили его; стрельцы пристали к мятежникам, малочисленные дворяне не могли оказать воеводе князю Хилкову никакой помощи. Тогда Никон решился действовать духовным оружием: он в Софийской церкви торжественно проклял зачинщиков мятежа. Это возбудило сильный ропот: воспользовались первым случаем, первой жалобой на Никона и двинулись на митрополичий двор; Никон вышел было к ним уговаривать, но мятежники избили его до полусмерти. Пришла грамота царская с требованием покорности и выдачи зачинщиков, но тщетно уговаривал Никон новгородцев исполнить волю царскую; увещания его оказались действительными только тогда, когда к Новгороду приблизился боярин князь Хованский с отрядом войска: к 20 апреля новгородцы покорились и выдали зачинщиков, из которых только один был казнен смертию для удовлетворения датского посланника; Никон сильно хлопотал о снисхождении. Он послал было и к псковичам увещательную грамоту, но ответом был грубый отказ; псковичи решились защищаться против Хованского, у которого было очень мало войска, и он не мог вести дружной осады против большого города, хорошо снабженного съестными запасами. Хотя вылазки осажденных против царского войска были неудачны, однако Псков держался до половины августа, когда явились из Москвы духовные лица и выборные из дворян и купцов с объявлением всепрощения. Псковичи принесли повинную и потом добровольно выдали зачинщиков мятежа. Через два года после этих событий (в июле 1652) Никон был посвящен в патриархи. Он согласился принять этот сан только тогда, когда в Успенском соборе бояре и народ дали ему клятву «почитать его как архипастыря и отца и дать ему устроить церковные дела».

5. *Богдан Хмельницкий и присоединение Малороссии.* Никон стал верховным пастырем церкви и главным советником царя

в то время, когда Алексей Михайлович должен был решить важный вопрос о соединении Малой России с Великою, или Московским государством. Казацкий сотник Зиновий Богдан Хмельницкий, давно уже известный своею храбростью и ловкостью в делах, жестоко оскорбленный одним польским чиновником и не нашедший себе управы, в конце 1647 года убежал в Запорожье, оттуда в Крым, уговорил хана дать ему татарское войско и с этим войском явился опять в Запорожье, куда бежали к нему толпы недовольных из Малороссии. Узнавши об этом восстании, два гетмана польских, Потоцкий и Калиновский, пошли весною 1648 года навстречу к Хмельницкому, но потерпели страшное поражение в двух битвах — при Желтых Водах и при Корсуне: оба гетмана попались в плен и отведены были в Крым. Такое блистательное начало дела взволновало всю Украину: крестьяне поднимались против панов, духовенство проповедовало освобождение православных от притеснителей-католиков, ненависть сословная соединилась с ненавистью религиозной. В это опасное для государства время умирает король Владислав, наступает междоусобие в Польше, выборы нового короля. Недеятельность правительства, оставшегося без главы, усиливает восстание; вся Украина наполняется загонами, или вооруженными отрядами, составленными преимущественно из восставших крестьян, называвшихся гайдамаками. Жители панских местечек и сел обыкновенно принимали гайдамаков как избавителей, соединялись и вместе разрушали господский дом, умерщвляли панов. Кроме панов ненависть восставших особенно обращалась на жидов, бывших орудиями панских притеснений, также на католическое духовенство и церкви католические. Поляки платили жестокостями за жестокости: особенно лютостью в мести отличался самый храбрый и искусный из польских предводителей, окатоличившийся и ополячившийся русский вельможа князь Иеремия Вишневецкий. Между тем Хмельницкий с главными силами поразил осенью поляков под Пилавою, проникнул до Львова в Галиции, взял откуп с этого богатого города. Хмельницкий осаждал Замостье, когда получил весть об избрании нового короля, Яна Казимира, брата Владиславова. Король прислал ему приказание отступить в Украину и там дожидаться польских комиссаров для начатия мирных переговоров. Хмельницкий повиновался; переговоры действительно начались в начале 1649 года, но не могли повести ни к чему: Хмельницкий видел, что он крепок только восстанием народным, и потому когда польский уполномоченный, обещая удовлетворение Хмельницкому и казакам, поставил условием, чтоб они отступились за это от мятежной черни, — пусть крестьяне возделывают поля, а казаки воюют, — то Хмельницкий отвечал: «Теперь уже прошло время для переговоров: выбью из польской неволи народ русский весь.

Сперва я воевал за свою обиду, теперь буду воевать за веру православную. Поможет мне вся чернь по Люблин и по Краков, а я от нее не отступлю». Призвавши на помощь крымского хана, Хмельницкий выступил навстречу польскому войску, которым предводительствовал сам новоизбранный король Ян Казимир. Король был окружен татарами и казаками под Зборовом и находился в самом затруднительном положении, но был спасен союзником Хмельницкого, ханом. Король обещал хану большие деньги вдруг и ежегодно, и хан ушел, выговорив только в пользу союзника, чтоб король простил казаков и принял в свою милость Хмельницкого; с последним заключен был договор, по которому число реестровых казаков определено было в 40 000; город Чигирин отдан гетману казацкому для постоянного пребывания; войска коронные и жидаы не будут находиться в местах, назначенных для жительства казаков; иезуитов не будет там, где находятся русские школы; киевский митрополит заседает в Сенате. Но, несмотря на видимые выгоды договора, Хмельницкий был поставлен в самое затруднительное положение: не с 40 000 казаков только Хмельницкий действовал против поляков; после внесения в реестр 40 000 осталось много лишних, много таких загонщиков, которые погуляли на счет своих панов, а теперь опять должны были возвратиться в прежнее состояние. Хмельницкий принужден был отказаться от союза с чернью; мало того, он должен был вооружиться против своих верных союзников, должен был казнить смертью тех из них, которые не хотели возвратиться в прежнее состояние и волновались; волнение это все более и более увеличивалось и обращалось против Хмельницкого. Гетман должен был признаться, что Зборовского договора исполнить нельзя; поляки с своей стороны не исполнили условий договора, не дали киевскому митрополиту места в Сенате, и война опять началась. Хмельницкий опять призвал на помощь крымского хана, но в сражении под Берестечком татарин бежал, следствием чего было поражение казаков. Под Белою Церковью заключен был мир на условиях, далеко не так выгодных для казаков, как зборовские, и главное — число реестровых казаков уменьшилось до 20 000. Следовательно, положение Хмельницкого еще ухудшилось: видя всеобщее неудовольствие и восстание народа в Малороссии, он позволил вписывать в реестр и более 20 000. С другой стороны, малороссияне толпами уходили на левый берег Днепра, в пределы Московского государства. И взоры самого гетмана постоянно обращались туда же, все чаще и чаще посылал он в Москву бить челом, чтоб царь Алексей Михайлович принял Малороссию под свою руку. Но принять Малороссию значило начать войну с Польшею, с которою у Москвы был вечный мир, хотя и продолжались неудовольствия по причине умаления царского титула польскими чиновниками; московское правительство

требовало казни виновным, польское не хотело исполнить этого требования. Началась третья война у Хмельницкого с поляками; гетман прислал в Москву с просьбой, что если царю угодно помирить казаков с поляками, то чтоб отправил своих послов к королю немедленно, потому что поляки уже наступают. Летом 1653 года московские послы явились в Польше и потребовали, чтоб виновные в умалении царского титула были казнены; поляки не соглашались; тогда послы объявили, что царь готов простить людей, виновных в умалении его титула, если король перестанет теснить православную веру, уничтожит унию и примет Хмельницкого в подданство по Зборовскому договору. Поляки не соглашались, и войско их двинулось на Хмельницкого. Тогда государь послал сказать гетману, что принимает его под свою власть, и 1 октября 1653 года созвал собор из всяких чинов людей, которому объявил о неправдах польского короля и против Москвы, и против Малороссии; объявил, что турецкий султан зовет казаков к себе в подданство, но что гетман лучше хочет быть под властью православного государя. Собор приговорил, что надобно принять казаков, чтоб не отпустить их в подданство к турецкому султану, что надобно объявить войну Польше за притеснения православной веры и за оскорбление царской чести. Тогда государь послал боярина Бутурлина взять с Хмельницкого, со всего войска и со всей Малороссии присягу в верности.

Присяга эта не могла быть взята вскоре, потому что Хмельницкий должен был выступить в поход против поляков, с которыми сошелся на Днестре, под Жванцем, недалеко от Каменца-Подольского. Казаки по-прежнему были в союзе с тагарами, по-прежнему татары изменяли казакам: помирились с поляками на выгодных для себя условиях и покинули Хмельницкого. Гетман ушел домой в Чигирин и 8 января 1654 года назначил общую раду (народное собрание) в Переяславле. «Паны полковники, есаулы, сотники, все войско Запорожское и все православные христиане! — говорил Хмельницкий на раде. — Видно, нельзя нам жить более без царя, так выбирайте из четырех — царя турецкого, хана крымского, короля польского и царя православного Великой России, царя восточного, которого уже шесть лет мы беспрестанно умоляем быть нашим царем и паном. Царь турецкий бусурман: известно, какую беду терпят от него наши братья — православные греки; крымский хан тоже бусурман: подружившись с ним, натерпелись мы беды; об утеснениях от польских панов нечего и говорить! А православный христианский царь восточный одного с нами благочестия: кроме его царской руки, мы не найдем лучшего пристанища. Кто не захочет нас послушать, тот пусть идет куда хочет: вольная дорога!» Тут закричало множество голосов: «Хотим под царя восточного! Лучше нам умереть в нашей благочестивой вере, нежели доставаться нена-

вистнику Христову, поганцу!» Давши присягу, Хмельницкий со старшинами отправил посольство к царю в Москву просить об утверждении разных прав за Малороссией, и государь утвердил следующие: войску Запорожскому быть всегда в числе 60 000; казаки имеют право выбирать гетмана; права шляхты и городов остаются прежние; в городах правителям быть из малороссиян, им же и доходы собирать; гетман имеет право принимать иностранных послов, давая об них знать государю, но если эти послы придут с предложениями, вредными для государя, то задерживать их и дожидаться указа царского; с турецким же султаном и польским королем без царского указа не ссылаться.

6. *Война с Польшею.* 18 мая 1654 года царь Алексей выступил сам в поход прогив Польши по дороге к Смоленску и тотчас же начал получать известия о сдаче городов русскому войску; 5 июля государь приступил к Смоленску; и сюда гонец за гонцом приезжали с известиями о взятии литовских городов разными воеводами и о победах; 10 сентября сдался и Смоленск. Летом следующего 1655 года боярин князь Яков Черкасский разбил литовского гетмана Радзивилла и взял столицу Литвы Вильну, вслед за тем сдались Ковно и Гродно. С другой стороны Хмельницкий с московскими воеводами действовал против поляков на юго-западе, взят был Люблин. С третьей стороны напал на Польшу шведский король Карл X Густав и также имел блистательный успех, овладел Познанью, Варшавою, Краковом. Польша находилась на краю гибели. Ее спасло столкновение между Москвою и Швециею. Царь Алексей Михайлович был сильно раздражен против Карла X тем, что шведский король перебил у него дорогу, захватил Польшу и, не довольствуясь ею, намеревался вырвать у русских Литву, заводил сношения с Хмельницким. Притом опасно было допустить усиление Швеции на счет Польши, слияние двух враждебных держав в одну. Вот почему Алексей Михайлович поспешил прекратить на время войну с Польшею и начать войну с Швециею. Поляки при этом обещали провозгласить царя наследником польского престола.

7. *Война с Швециею.* В июле 1656 года сам царь двинулся в поход к заветной цели московских государей, к Ливонии. По завоевании Динабурга, Кокенгаузена и других незначительных мест царь осадил Ригу, но осада была неудачна: в октябре осажденные нанесли сильное поражение русским и заставили их снять осаду; так же неудачна была осада Орешка (Нотебурга) и Кексгольма; только Дерпт был занят московскими войсками. В 1657 году значительных военных действий не было, в мелких же шведы имели большую частью верх; в начале 1658 года было заключено перемирие и подтверждено в конце 1659 года в местечке Валиесаре на 20 лет, причем Москва удержала свои завоевания — Дерпт и другие места, но в 1661 году заключен был вечный мир в Кардисе, по которому царь уступил Швеции все эти места.

8. *Смуты в Малороссии по смерти Богдана Хмельницкого и вторая война с Польшею.* Причиною желанья царя успокоить северо-западные границы были смуты на юге, в Малороссии, которые заняли все внимание Алексея Михайловича. Богдану Хмельницкому очень не нравилось примирение Москвы с Польшею, и, привыкнув к самостоятельности, старый гетман прямо вопреки обязательствам позволял себе сноситься с иностранными государями, враждебными Москве, позволял себе сноситься и с Польшею. Это необходимо вело к разладу. В июле 1657 года Богдан умер, и смерть его послужила знаком к смуте. Генеральный писарь (заведовавший всеми письменными делами войска) Иван Выговский провозгласил себя гетманом, но полтавский полковник Мартын Пушкарь и запорожцы не хотели иметь Выговского гетманом. Запорожский кошевой атаман Барабаш прислал в Москву весть, что гетман и полковники изменяют, но что вся чернь хочет остаться верною государю. «Мы,— говорили запорожские послы,— Выговского гетманом отнюдь не хотим и не верим ему ни в чем, потому что он не природный запорожский казак, а взят из польского войска на бою; Богдан Хмельницкий подарил ему жизнь и сделал его писарем, но он по своей природе войску никакого добра не хочет». Обнаруживалось разделение на две стороны: сторону старшин, большую частью стоявших за Выговского и склонных к возвращению в подданство польское, обещавшее им больше воли, и сторону черни, которая жаловалась на притеснения от старшин и была привержена к Москве, особенно на восточном берегу Днепра. Царь находился в самом затруднительном положении: с одной стороны, Выговский прислал в Москву жаловаться на Пушкаря как бунтовщика, с другой — Пушкарь присылал с обвинениями против Выговского, который наконец несмотря на царское запрещение, пошел на Пушкаря, разбил и убил его. Избавившись таким образом от внутреннего врага и усилив себя союзом с ханом крымским, Выговский в сентябре 1658 года заключил с Польшею договор, которым поддавался королю на выгодных для себя условиях, потому что поляки не были скупы теперь на обещания, лишь бы только приобрести опять Малороссию. Но многие казаки тотчас же объявили себя за Москву; Выговский стал воевать с ними и с царскими воеводами, объявляя в то же время, что он верен царю и воюет только с своими ослушниками. Летом 1659 года московский воевода князь Трубецкой был разбит Выговским и крымским ханом под Конотопом. Но как скоро хан вышел из Малороссии, то Выговский увидал против себя всех казаков, которые провозгласили гетманом Юрия Хмельницкого, сына знаменитого Богдана, Выговский бежал в Польшу, а Хмельницкий присягнул царю.

Но эти малороссийские смуты не кончились, а только начались, потому что началась снова война у Москвы с поляками,

которые, оправившись, выгнали шведов из своих владений и, надеясь на смуты малороссийские, не хотели ни провозглашать Алексея Михайловича наследником польского престола, ни уступать Москве все ее недавние завоевания. Эта вторая польская война далеко не была так удачна для Москвы, как первая: осенью 1658 года воевода Юрий Долгорукий разбил и взял в плен лиговского гетмана Гонсевского, но в июне 1660 года другой воевода, князь Хованский, потерпел страшное поражение у Полонки от знаменитого польского воеводы Чарнецкого, который прославился освобождением своего отечества от шведов. На юге боярин Шереметев положил с гетманом Хмельницким двинуться ко Львову двумя разными путями: Хмельницкий, окруженный на этом пути поляками и татарами, передался на сторону короля; тогда все неприятельское войско устремилось на Шереметева и в сентябре окружило его под Чудновом, бывшие при нем казаки передались неприятелю, Шереметев принужден был сдать его и отведен в Кремль в неволю. В 1661 году русские потерпели новые неудачи в Литве и в Белоруссии: погоряны были Вильна, Гродно, Могилев. Все эти несчастья тяжело отдавались в Москве; войне не было видно конца; тяжкие подати пали на народ, торговые люди истощились. Уже в 1656 году казны недостало ратным людям на жалованье, и государь велел выпустить медные деньги, которые должны были ходить по одной цене с серебряными, как у нас теперь ассигнации. Года два деньги эти действительно ходили как серебряные, но потом начали понижаться в цене, когда в Малороссии после измены Выговского перестали их брать и когда появились фальшивые медные деньги, наступила страшная дороговизна. В июле 1662 года в Москве вспыхнул мятеж по поводу приклеенного на улице письма, обвинявшего в измене Милославских, Ртищева (которому приписывалась мысль о медных деньгах), богатого купца Шорина. Мятежники двинулись в село Коломенское, где был тогда государь, и на увещание Алексея Михайловича разошлись и предоставили дело ему кричали: «Если добром тех бояр не отдашь, то мы станем брать их у тебя силою». Тогда придворные и стрельцы по приказанию государя ударили на мятежников, и больше 7000 их было перебито и переловлено.

Между тем война продолжалась. В Малороссии Хмельницкий отказался от гетманства, постригся в монахи, и в преемники ему был избран Тетеря, присягнувший королю, но левая сторона Днепра остается за Москвою: здесь в Нежине на шумной раде избран был в гетманы запорожский кошевой атаман Брюховецкий, который скоро после избрания своего увидел у себя на левой стороне самого короля Яна Казимира с поляками и казаками правой стороны. Король воевал удачно в конце 1663 и начале 1664 года, он занял почти всю Малороссию, но успехи его были

остановлены под Глуховом, который отлично оборонялся, а между тем князь Ромодановский и Брюховецкий начали успешно действовать против поляков, и король, снявши осаду Глухова, должен был уйти за Десну, потерявши при этом отступлении много народа от голода и холода. Оба государства, и Московское, и Польское, истощенные продолжительною войною, сильно желали ее прекращения, но продолжительные переговоры не вели ни к чему; Москва после таких пожертвований не могла отказаться от Малороссии и от всех завоеваний; поляки же прямо говорили: для чего нам уступать вам что-либо, когда обстоятельства переменились, когда вы истощены, без союзников, а мы свободны от всех других врагов и в союзе с ханом крымским? Следовательно, мир был возможен только в том случае, когда новый какой-нибудь удар постигал то или другое государство и заставлял его спешить миром с тяжелыми для себя жертвованиями. Такие именно удары постигли Польшу. Знаменитый вельможа Любомирский, оскорбленный противниками, в числе которых стояла королева, поднял знамя восстания против короля. Потом преемник гетмана Тетери на западной стороне Днепра, гетман Дорошенко, поддался турецкому султану и этим самым поднимал турок и татар против Польши, которая и должна была поспешить миром с Россиею.

В 1667 году в деревне Андрусове (между Смоленском и Мстиславлем) Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин заключил с Польшею перемирие на тринадцать лет и 6 месяцев: царь Алексей Михайлович отказался от Литвы, но приобрел Смоленск, Северскую страну и ту часть Малороссии, которая оставалась за Москвою в последнее время, т. е. по сю сторону (левую) Днепра, на правой стороне Днепра Москва удержала только Киев на два года.

9. Раскол и падение Никона. В то время как шли переговоры о мире с Польшею, царя Алексея занимало самое тяжелое дело в его жизни — суд над патриархом Никоном. Первые годы своего патриаршества Никон продолжал пользоваться неограниченною доверенностью и сильною привязанностью царя Алексея, который называл его «особенным своим другом душевным и телесным». Никон управлял государством во время отлучек царя в походы, причем оказал важную услугу государю, сберегши его семейство во время морового поветрия; Никон назывался великим государем подобно царю — титул, который носил только Филарет Никитич, но не как патриарх, а как отец царский; теперь же опять явились в Москве два великие государя, причем Никон назывался великим государем как патриарх; власть патриарха, таким образом, приравнивалась к власти царской. Но это небывалое приравнение необходимо возбуждало вопрос о законности его; вопрос этот должен был подняться скоро, потому что Никон

не был из числа тех людей, которые умеют останавливаться, не доходить до крайностей, умеренно пользоваться своею властью. С ясным умом Никон не соединял образования, которого негде было получить ему тогда; с необыкновенною энергиею Никон не соединял вовсе благодушия, снисходительности, не умел вносить в отношения свои к людям теплоты и мягкости, примиряющих с превосходством человека, с его влиянием. Он был властолюбив и тем более неприятно давал чувствовать свое властолюбие, что был жесток и вспыльчив, в сердцах не умел владеть самим собою, не умел обращать внимания на то, что говорил и делал. При таких свойствах Никон, разумеется, скоро нажил себе врагов сильных между придворными, между людьми, близкими к царю. Всякий, кто считал себя вправе на какую-нибудь власть, на какое-нибудь влияние, необходимо сталкивался с Никоном, который не любил обращать внимания на чужие права и притязания, который считал для себя унижительным и ненужным приобретать союзников, который не боялся и презирал врагов. Сама царица, родственники ее Милославские, родственники государя по матери Стрешневы и другие вельможи скоро сделались врагами Никона. К ним пристали и многие из духовных значительных лиц, оскорбленных крутостью нрава Никона, жестокостью наказаний, которым он подвергал виновных. Наконец, Никон возбудил против себя сильное негодование исправлением книг и наказаниями, которым подвергались люди, не принявшие этих исправлений.

По недостатку образованности в XV и XVI веках в русской Церкви распространилось несколько мнений, которых не допускала православная восточная Церковь,—мнений, касавшихся большею частью одной внешности обрядов, но очень важных в глазах людей, которые по умственной неразвитости придают особенное значение внешнему — обрядам, букве: так, например, что надобно произносить «Исус» вместо «Иисус», служить на семи просвирах, а не на пяти, складывать два пальца, а не три при крестном знамении, не брить бороды и усов и т. п.; такие мнения даже замешались в так называемый Стоглав, т. е. в постановление известного нам собора, бывшего при Иоанне IV, в 1551 году, замешались в богослужебные книги, и когда эти книги начали печататься без надлежащего исправления, то ошибки, вкравшиеся в них, распространились во всем народе, в глазах которого явились освященными. Мы видели, каким гонениям подвергся архимандрит Дионисий с товарищами за попытку исправить книги; после Дионисия исправление продолжалось, но производилось очень небрежно, без знания дела. Особенно дурно шло дело при патриархе Иосифе, предшественнике Никона: исправители внесли, наприм[ер], наставление о двуперстном сложении в книги самые употребительные (псалтырь, катехизис и т. п.),

издали каждую книгу в числе 1200 экземпляров, и вот в несколько лет двоеперстие сделалось господствующим во всей России. Греческие патриархи и другие архиереи, приезжавшие в Москву, заметили эти странности и начали указывать на них; малороссийские ученые монахи, Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, вызванные в Москву для перевода нужных книг с иностранных языков, указывали также патриарху Никону на неисправность прежних изданий. Никон созвал собор в 1654 году и предложил вопрос: «Новым ли печатным служебникам следовать или греческим и русским старым?» Собор отвечал, что надобно исправить книги согласно с старыми русскими рукописями и греческими; приступили к исправлению, собрали отовсюду старинные русские рукописи, выписали с Востока старинные греческие, поручили исправление по ним людям знающим и прежде всего издали исправленный служебник. Но против этого Никонова дела готчас же обнаружилось сопротивление: коломенский епископ Павел с некоторыми другими лицами духовными, большею частью старыми исправителями книг при патриархе Иосифе, явно восстал против исправления и новизн (новшеств, как они называли). Их мнение нашло себе отголосок: не умея понять, в чем дело, привыкши придавать внешности, обрядам великое значение, ужаснулись при слухе, что в священную сферу церковную вводят новшества, велют молиться по-новому, не так, как молились предки, не так, как молились святые угодники и спаслись. Известно, какое сильное влияние имеют на воображение народное апокалипсические представления: с мыслию о новостях в вере, о перемене веры сейчас же соединилась мысль о последнем времени, об антихристовом пришествии. Эти страхи тем более имели силы, что внушались они людьми, имевшими влияние на толпу, людьми, знающими Писание, начетчиками; в числе этих людей были епископ, протопопы; наказание, которому подверглись эти люди за свое сопротивление собору, еще более усилило их значение, выставив их мучениками за правду, еще более усилило ненависть к Никону как мучителю людей праведных.

Таким образом, много ненавистей скоплялось над головою Никона. Придворные враги его успели указать государю, что великий государь патриарх превышает власть свою, успели поселить холодность между ним и царем. Характер Никона давал врагам его все выгоды над ним; оружие было неравное: враги действовали тайно, усиленно, постоянно, а Никон, вместо того чтоб при первом признаке охлаждения спешить к царю, стараться отстранить всякое недоразумение, бороться, отражать нападения врагов,— вместо всего этого Никон удалялся и таким образом оставлял своим противникам поле сражения. Никон был одарен способностью приобретать влияние, но не был способен сохранить приобретенное; он не мог снизить до средств, которые

употреблялись врагами его, не мог снизойти до мысли, что ему должно бороться, защищаться, ему, который должен повелевать. Удаление Никона от царя повело к усилению охлаждения между ними: Никона перестали призывать во дворец в важных случаях, царь стал избегать встречи с ним в праздники, во время патриаршего служения. Однажды князь Ромодановский пришел в Успенский собор объявить патриарху, что государь не будет к обедне, и между ним и Никоном вышла брань, Ромодановский стал упрекать его в гордости, в присвоении титула великого государя. Никон не захотел терпеть более: 10 июля 1658 года в Успенском соборе после обедни и проповеди патриарх обратился к народу с такими словами: «Ленив я был вас учить, и от этой моей лениности сам я и вы покрылись греховными струнами; с этого дня я уже вам не патриарх; многие из вас называли меня иконоборцем, еретиком, будто я новые книги завел, хотели побить меня камнями. Все это делается по моим грехам». Сказавши это, Никон стал разоблачаться; тут поднялся вопль: «Кому ты нас, сирых, оставляешь!» «Тому, кого вам Бог даст»,— отвечал Никон. Ему привесли мешок с простым монашеским платьем, но мешок у него отняли и не дали надеть простое платье. Никон пошел в ризницу, написал там письмо к государю, в котором объявлял, что удаляется от гнева царского, и хотел выйти из собора, но его не пустили, и отправили одного из митрополитов довести государю, что делается в соборе. Явился боярин и объявил Никону именем царским, что ему незачем оставлять патриаршество. «Уже я слова своего не переменяю»,— отвечал Никон и уехал из Москвы в Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим), им построенный.

Решительный шаг был сделан; Никону трудно было возвратиться, хотя он и желал этого, но царь не шел к нему навстречу с мольбою о прощении, как бы хотелось Никону. Так проходило время, Никон не возвращался в Москву, а Церковь оставалась без патриарха, что не могло обойтись для нее без вредных последствий. Наконец в феврале 1660 года царь созвал собор, где послышалось мало голосов за Никона, который успел между тем сильно раздражить царя резкими выражениями на его счет в письмах к греческим архиереям и выходками, которые позволял себе в своей запальчивости. Положили снести с восточными патриархами, вызвать их для решения дела. Попытка боярина Зюзина вызвать Никона обманом в Москву и устроить свидание и объяснение между ним и царем не удалась: Никон приехал в Москву, но царь, удержанный врагами его, не пошел на свидание, и Никону велено было ехать назад в Воскресенский монастырь. В 1666 году приехали в Москву два патриарха—александрийский и антиохийский—и на соборе осудили Никона на низвержение из архиерейского сана и заточение в монастырь

за самовольное оставление патриаршества, за самовольные, без собора, низвержения, проклятия и жестокие наказания духовных лиц, наконец, за выходки против патриархов, царя и бояр. Никона заточили в Белозерскую Ферапонтову пустынь.

10. *Соловецкое возмущение.* Патриархи осудили Никона, но одобрили дело исправления книг. Новоисправленные книги были разосланы всюду, но не везде их принимали: монахи по пустыням, священники по селам продолжали употреблять старые, а в Соловецком монастыре дело дошло до явного возмущения. Узнав, что монахи этого монастыря не принимают новых книг, из Москвы отправили к ним архимандрита с царскою грамотою, но монахи отвечали посланному: «Указу великого государя мы послушны и во всем ему повинемся, но повеления о новоизданных книгах не принимаем». Всех больше шумел бывший архимандрит Саввина монастыря Никанор, который жил в Соловках на покое; сложивши три первых пальца, он кричал: «Это учение и предание латинское, предание антихристово — я готов пострадать!» Тогда присланный из Москвы архимандрит начал задавать раскольникам страшные вопросы: «Как вам кажется — великий государь царь Алексей Михайлович православен ли?» Те отвечали, что православен. «А повеления его православны?» На это монахи смолчали. «А как вам кажется, — продолжал спрашивать архимандрит, — собор, от которого я прислан, православен ли?» Монахи отвечали: «Патриархи восточные прежде были православны, а теперь Бог весть, потому что живут в неволе, российские же архиереи православны». «А соборное повеление, со мною присланное, православно ли?» «Повеления их не хулим, — отвечали монахи, — а новой веры и учения их не принимаем, держим предание св. чудотворцев и за их предание хотим все помереть». В челобитных своих монахи писали царю: «В новых книгах Никона патриарха вместо *Исуса* написано с приложением лишней буквы *Иисус*, что нам, грешным, страшно и помыслить. Милосердый государь! Помилуй нас, нищих своих богомольцев, не веди нарушить предание прародителей твоих и начальников наших, соловецких чудотворцев!» Монахи удержались при страшных вопросах: не принимая новых книг, не хотели, однако, разрывать ни с Церковью, ни с государством. Но когда возмущение усилилось и когда власть перешла к мирянам, к ратным людям, составлявшим гарнизон монастыря, то эти пошли дальше, объявили, что не хотят молиться за государя, и запрещали монахам молиться за него. Против возмутившихся отправлено было войско в 1668 году.

11. *Бунт Разина.* Но в то время как осада Соловецкого монастыря тянулась медленно по недостатку средств и энергии у осаждавших воевод, возмущение более широкое и опасное пылало на противоположном конце государства, в низовьях Вол-

ги и Дона, где опять поднялись казаки на государство. В 1667 году дали знать государю, что на Дону собираются многие казаки, хотят идти воровать на Волгу. Царь в своей грамоте к астраханским воеводам всего лучше объясняет нам, как составлялись в то время эти казацкие сборища: «В донские городки пришли с Украйны беглые боярские люди и крестьяне с женами и детьми, и оттого теперь на Дону голод большой». Старшины старых донских казаков не сочувствовали этой новоприбылой толпе, этим *голотвенным* людям (голь, голяки), как их тогда называли, и потому голотвенные должны были искать себе особенного предводителя и действовать особо; предводитель нашелся: то был донской казак Степан Тимофеев Разин с братом Фролом. Сперва Разин хотел промышлять, по обычаю, над Азовом, но не был допущен донцами, которые находились в мире с азовцами; тогда Разин решился пробраться на восток, на Волгу и на Яик (Урал), откуда получил приглашение от подобных ему воровских казаков; Разин счастливо пробрался на Яик, взял обманом здешний городок и засел в нем на зиму; царские отряды, высланные против него, были разбиты; на служилых людей и горожан напал страх, пошел слух, что Разин колдун, что его ни ружье, ни сабля не берет и пушки по нем не стреляют; тем с большею охотою собирались в разных местах воровские шайки для соединения с счастливым атаманом. Весною Разин вышел в Каспийское море, грабил все суда, шедшие из Персии в Астрахань, приставал к персидским берегам, опустошал села, города, разбил персидский флот. В конце лета 1669 года Разин возвратился в устье Волги с огромною добычею; к нему навстречу выплыл из Астрахани отряд царского войска, но вместо битвы воевода послал сказать Разину, что государь простит его, позволит возвратиться спокойно на Дон, если казаки отдадут пушки, взятые из царских судов и городов, служилых людей, забранных неволею, морские суда и пленных персиян. Мы видели из примера донских казаков, что государство при слабости своей смотрело не так строго на действия казаков, если они обращались только против чужих стран; при слабости государства считалось нужным давать выхода этим беспокойным силам; пример Польши и казаков малороссийских научил, как опасно было удерживать у себя эти силы в далеких украинях; на устьях Волги воеводы не имели достаточно войска и потому не могли надеяться на верный успех в борьбе с казаками, доведенными до крайности, и притом боялись сочувствия к казакам в своих ратных людях, в стрельцах и в остальном народонаселении, особенно в низших слоях его. Чем необразованнее общество, тем сильнее в его членах стремление обнаруживать, употреблять физическую силу, тем сильнее в них стремление как можно меньше трудиться, а жить на счет чужого труда; подобная жизнь приобретает для

них особенную прелесть, особый почет; отсюда у варварских народов презрение к труду, который предоставляется рабам и женщинам, и почет исключительный войне, которая у варваров значит одно и то же, что хищничество. Как в русском украинском народонаселении сильно было сочувствие к казацким подвигам, видно из того, что когда купцы из украинских городов приезжали на Дон к казакам для торговли и узнавали, что казаки собираются на море громить турецкие берега и корабли, то присоединялись к ним. Тем больше сочувствия к казакам было у холопей и крестьян, которых казачество прельщало вольностью.

Разин принял предложение царских воевод, приехал в Астрахань, принес повинную, но условий, на которых получил прощение, не исполнял, не выдал всех пленных и всех пушек; воеводы не настаивали, потому что удасть, счастье, богатство, щедрость Разина произвели сильное впечатление на астраханский народ. В начале сентября Разин отправился из Астрахани вверх по Волге и на дороге еще начал буйствовать, а когда явился на Дон, то со всех сторон начали собираться к нему *голубенные*; он сделался предводителем особого большого войска, не хотел знать старого атамана донских казаков Корнила Яковлева, удерживавшего казаков в покорности государству, и прямо кричал, что пора идти против бояр. В мае 1670 года Разин с своею шайкою поплыл вверх по Дону, переволокся на Волгу; большинство жителей Царицына сдали ему свой город, царский всевода погиб от мятежников. Отряд стрельцов, высланных против Разина, был разбит, Камышин сдан, в Астрахани между стрельцами и простым народом обнаружилось расположение к знаменитому атаману. Под Черным Яром Разин встретил флот, шедший против него под начальством одного из астраханских воевод, князя Семена Львова, но стрельцы, плывшие на этом флоте, как только увидели Разина, закричали: «Здравствуй, наш батюшка, смиритель всех наших лиходеев!», начали вязать своих начальников и выдавать казакам. «Будут против меня драться в Астрахани?» — спросил их Разин. Ему отвечали: «В Астрахани свои люди: только ты придешь, тут же тебе город сдадут». И действительно, как только (в июне) разинские казаки приступили к астраханскому кремлю, то сами астраханцы подавали им руки и пересаживали через стены. Когда казаки вошли в город, то чернь бросилась бить людей высших чинов, ограблены были церкви, лавки; Астрахань, как и все города, занимаемые мятежниками, получила казацкое устройство, т. е. жители разделены на тысячи, сотни и десятки под начальством выборных атаманов, есаулов, сотников и десятников, заведен казацкий круг, или старинное вече, начались бесперывные убийства лучших людей и бражничанье казаков с чернью. Старший воевода князь Прозоровский был сброшен с высокой колокольни; сын его также варварски умерщвлен.

В половине июля Разин, оставив в Астрахани атаманом Василия Уса, поплыл вверх по Волге, взял Саратов, Самару, в которых поступал так же, как и в Астрахани; рассыльные его рассеялись по нынешним губерниям Нижегородской, Тамбовской, Пензенской и дальше, поднимая чернь против лучших людей, обещая везде установить казацкое равенство, но, зная, что в народе крепко уважение к царю и духовенству, Разин распустил слух, что при нем найдется сын царя Алексея Михайловича царевич Алексей (умерший в начале того же года) и патриарх Никон; возмущены были черемисы, чуваша, мордва, татары. Но эти мятежники не дождались к себе Разина; в сентябре подошел он под Симбирск, под которым целый месяц был задержан воеводою Иваном Богдановичем Милославским, а между тем успел подойти к Симбирску князь Юрий Барятинский с царским войском, с солдатами, выученными по-новому, и поразил наголову Разина, который после того ночью, бросив своих союзников — чернь, убежал с одними казаками вниз по Волге; остальные мятежники бросились было бежать за ним, но были настигнуты и разгромлены царскими войсками. Обаяние, производимое Разиным, исчезло после первой неудачи: его не пустили теперь ни в Самару, ни в Саратов; приехав зимою на Дон, он хотел было поднять здешних казаков, но не успел: атаман Корнил Яковлев схватил Разина и отослал в Москву, где его казнили 6 июня 1671 года.

После бегства Разина из-под Симбирска бунг продолжался еще между Окою и Волгою: как в смутное время, крестьяне убивали помещиков и управителей, составляли казацкие шайки и страшно свирепствовали над лучшими людьми в захваченных ими городах; мордва, чуваша и черемисы также разбойничали. Князь Борятинский поразил мятежников в Алагьрском уезде (в ноябре 1670-го); с другой стороны князь Щербатов разбил другую толпу, сбиравшуюся было приступить к Нижнему Новгороду; князь Долгорукий поразил третью под Арзамасом, после чего бунт был утишен; при этом утишении погибло до ста тысяч народа. В Астрахани наместник Разина, Васька Ус, продолжал свирепствовать, пытал и сбросил с колокольни митрополита Иосифа; казаки отправились было вторично из Астрахани вверх по Волге, но вгорично потерпели поражение под Симбирском от воеводы Шереметева. Прежний защитник Симбирска боярин Милославский подступил под Астрахань, которая и сдалась в ноябре 1671 года. Но на севере при осаде Соловецкого монастыря правительство не могло употребить большого войска, и потому эта осада продлилась до 1676 года: 22 января этого года воевода Мещеринов взял наконец монастырь приступом и перевешал мятежников.

12. *Смуты малороссийские, война турецкая и кончина царя Алексея.* В то время как царь Алексей Михайлович должен был

заниматься укрощением мятежа на севере и юго-востоке, смуты не прекращались в Малороссии, по поводу которых Московское государство должно было теперь вступить в борьбу с Турциею. Осенью 1665 года приехал в Москву гетман Брюховецкий вместе с другими начальными людьми малороссийскими и бил челом, чтоб государь принял все малороссийские города, чтоб государь послал во все города воевод своих с людьми ратными. Так как в Киеве в это время не было митрополита, то Брюховецкий просил, чтоб в митрополиты туда был прислан святитель русский из Москвы, который должен находиться под властью московского патриарха, а не константинопольского, как прежде бывало. Государь велел за это Брюховецкого милостиво похвалить, пожаловал его в бояре, других старшин, приехавших с гетманом,— в дворяне, все получили богатые подарки; просьбы гетмана были исполнены, кроме просьбы о митрополите: государь не хотел решить такого важного дела без пересылки с константинопольским патриархом. В Москве все — и великороссияне и малороссияне — были довольны, но не были довольны в Малороссии. Прежде всего восстало на Брюховецкого высшее духовенство малороссийское за просьбу о митрополите: духовенство требовало, чтоб ему позволено было выбрать митрополита из своей среды и чтоб митрополит был по-старому под властью константинопольского патриарха, а не московского. Особенно стал действовать против гетмана старый друг его епископ мстиславский Мефодий, управлявший киевскою митрополиею. Мещане были рады новому порядку, переходу власти к царским воеводам, говорили казакам и старшине их: «Теперь нас Бог от вас освободил, вперед не будете грабить и домов наших разорять». Но тем более были недовольны казаки, и особенно люди начальные. Запорожье волновалось. Волнения еще более усилились после Андрусовского перемирия: на казаков напал страх, что теперь Москва приберет их к рукам. В 1667 году в Запорожье убили царского посланника, ехавшего в Крым. В Москве, разумеется, не могли благосклонно смотреть на подобные явления и переменили тон, что еще более пугало и раздражало в Малороссии. Между недовольными оказался и епископ Мефодий, которому не было в Москве прежней чести: попросил он однажды соборей — соборей не дали и при отпуске в Малороссию строго наказали помириться с гетманом. Мефодий действительно помирился с Брюховецким, даже сосватал дочь свою за его племянника, но вместе стал наговаривать гетману на московское правительство, пугать, что московское войско идет в Малороссию разорить все без остатку, что Украину отдают Польше. Брюховецкий был напуган, приготовлен к измене, а тут новое искушение: Дорошенко дал ему знать, что уступит ему свою булаву и таким образом

будет он, Брюховецкий, гетманом обеих сторон Днепра, но прежде всего он должен выжить из Украйны воевод московских, отложиться от царя и отдаться под покровительство султана. Брюховецкий, прельщенный честью быть гетманом обеих сторон Днепра, вдался в обман и в январе 1668 года созвал раду в Гадяче, где было положено: отступить от царя Алексея, поддаться султану турецкому, послать за татарами в Крым и выживать из городов воевод московских. Вследствие этого решения в Гадяче 120 великороссиян пали под ножами убийц; воеводы стародубский и новгород-северский погибли защищаясь; в некоторых других городах воеводы были захвачены в плен, остальные успели отбиться. Но Брюховецкий недолго нажил после этого: казаки его передались Дорошенке, который велел убить Брюховецкого.

Дорошенко, ставши гетманом обеих сторон Днепра, действовал удачно против московских войск на левой стороне, но не мог долго пробыть здесь сам и оставил наказным гетмана Многогрешного. Следствием удаления Дорошенко было то, что восточная сторона опять потянула к Москве. Многогрешный завел сношения с государем, настаивая, чтоб воеводы московские были выведены из всех городов малороссийских, ибо от их присутствия здесь произошло все зло. Требование Многогрешного сильно поддерживал черниговский архиепископ Лазарь Баранович. Но с другой стороны, нежинский протопоп Симеон Адамович давал знать, что никак нельзя выводить воевод, что весь народ вопиет, под казацкою работою жить не хочет, что все говорят: «За государем живучи, в десять лет того мы не видали, что теперь увидим в один год за казаками». В марте 1669 года созвана была рада в Плухове, где Многогрешный был избран гетманом, после чего постановлено было, чтоб воеводам московским и ратным людям быть только в Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове и Остре и не должны они мешаться в дела малороссийские; доходы в казну будут собирать малороссияне, как было при Богдане Хмельницком; из этих доходов получают жалованье старшины и казаки, которых остается 30 000; гетман будет жить в Батуристине. И двух лет не пробыл Многогрешный на гетманстве: старшины вдруг напали на него, схватили, сковали и отослали в Москву, обвиняя его в сношениях с Дорошенком, в намерении поддаться султану. Свергнутого гетмана сослали в Сибирь, и в июне 1672 года избран был на его место Иван Самойлович.

Между тем вследствие подданства Дорошенкова Турции новая опасная война стала грозить обоим государствам, Московскому и Польскому, ибо султан, принимая в свое покровительство Дорошенка, не думал ограничиваться одною тою областью, где господствовал последний, но объявлял себя повелителем всех казаков, всей Украйны, поделенной между Москвою и Польшею.

В августе 1672 года гроза разразилась: султан Магомет IV, окончивши войну с венецианцами, устремился на Украину, в то время когда в Польше царствовала страшная смута между королем и вельможами, мешавшая быстрому и общему действию крымский хан и Дорошенко присоединились к султану, который взял Каменец, оплот Польши с юга церкви христианские были обращены в мечети, улицы мостили образами. В Москве царь созвал собор из духовенства, бояр и думных людей, известил его об успехах султана, о замыслах его идти весною под Киев и спрашивал, что делать. Назначили чрезвычайные сборы, царь объявил намерение принять лично начальство над войском, но до этого не дошло: король Михаил Вишневецкий, преемник Яна Казимира, поспешил заключить мир с султаном, отдавши ему казаков, Каменец и обязавшись платить ежегодную дань. Но сейм отказался утвердить постыдный договор короля своего, война продолжалась, тут-то прославился своими подвигами коронный гетман Ян Собеский.

В 1673 году умер король Михаил Противная Яну Собескому сторона предложила престол польский сыну царя Алексея царевичу Феодору, но сам царь хотел быть избранным в короли, дело, как и прежде, не могло состояться, потому что поляки не хотели иметь королем некаатолика. Избран был Ян Собеский. Между тем в конце 1673 и в 1674 году московские войска вместе с восточными малороссийскими казаками вели счастливо войну с Дорошенко и татарами на западной стороне Днепра. Но плоды этих успехов были потеряны, когда в другой раз явился турецкий султан в Украине: московские войска ушли на свою сторону Днепра, и несчастная западная сторона подвергалась страшному опустошению; когда султан ушел, московские войска опять начали утверждаться на западной стороне, но в это время, 29 января 1676 года, умер царь Алексей Михайлович на сорок седьмом году от рождения. От первой жены, Марьи Ильиничны Милославской (умершей в марте 1669 года), он оставил двоих сыновей, Феодора и Ивана, и пять дочерей; от второй—Натальи Кирилловны Нарышкиной (на которой женился в январе 1671 года)—сына Петра (родившегося 30 мая 1672 года) и двух дочерей. Настетником своим царь в 1674 году провозгласил царевича Феодора.

13. *Подготовка к преобразованию в царствование Алексея Михайловича, Симеон Полоцкий.* Мы видели, как и в царствование Михаила Феодоровича чувствовалась потребность в науке, в сближении с иностранцами, которые могли принести в Россию науку и искусства свои. В царствование Алексея Михайловича эта потребность чувствовалась все сильнее и сильнее. В начале царствования боялись перемены старых обычаев на новые, иностранные; этой перемены не последовало, время еще не пришло для того, перемена эта, или так называемое преобразование, подго-

товлялось только. Чувствовали сильную потребность в науке для Церкви и государства, но из опасения за чистоту веры православной боялись прямо обратиться за нею к иностранцам иноверным и обратились сначала к западной православной Руси, в которой школьное образование, как мы видели, распространилось вследствие борьбы с католицизмом. Для перевода книг вызваны были в Москву из Киева ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, при дворе явился ученый белорус Симеон Полоцкий, которому государь поручил воспитание сыновей своих. Таким образом, впервые сыновья царя московского получили школьное образование; Симеон Полоцкий был писатель неутомимый; писал против раскольников (Жезл Правления, 1668 года), писал похвальные стихи, или вирши, проповеди, драматические сочинения, предметы для которых брал из священной истории, собирал из иностранных сочинений древних и новых нравственные правила, изречения, описания добродетелей и пороков и все это переводил на русский язык виршами, для того чтоб привлекали приятности к частому чтению и легче удерживались в памяти. Пример из дворца начал действовать: вельможи также начали учить детей своих иностранным языкам, на что Симеон Полоцкий указал в своих виршах: «Был король французский именем Франциск Первый: так как он любил Писание и мудрость (а родители его не любили их, но, подобно варварам, жили в простоте), то немедленно дети знатных людей стали учиться, угождая королевской склонности; таким образом, по примеру королевскому, мудрость распространилась во всей стране. Обычай есть у людей подражать царю, все любят то, что ему любезно; благо тому царству, в котором царь приемлет благие нравы для исправления всех». Вследствие присоединения Малороссии и беспрепятственных сношений с Польшею в Москве начали распространяться знакомство с польским языком и литературою. Черниговский архиепископ Лазарь Баранович, посвящая царевичам изданные им на польском языке книги, писал государю: «Знаю, что царевич Феодор Алексеевич не только на нашем природном, но и на польском языке читает книги; знаю, что и бояре этим языком не гнушаются, но читают книги и истории польские в сладость».

14. *Ордин-Нащокин*. В деле этой подготовки к преобразованию из вельмож царя Алексея Михайловича более других замечательны бояре Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин и Артамон Сергеевич Матвеев. Сын незначительного псковского помещика, Нащокин стал известен во время шведской войны как храбрый воевода и вместе как человек искусный в ведении переговоров; из дипломатических поручений, исполненных Нащокиным, самым важным было заключение Андрусовского перемирия. Нащокин сильнее других стал провозглашать о необходимости

сти преобразований и указывать на то, как делается в других европейских государствах; начал говорить о необходимости преобразований в войске, о необходимости поднять торговое сословие, высвободить его из-под тяжелой власти воевод, дать ему возможность действовать сообща, богатым поддерживать бедных. Ставши заведовать иностранными сношениями с титулом «Царственных больших печатей и государственных великих посольских дел обергегателя», Нащокин указывал царю на необходимость преобразования Посольского приказа, наполнения его людьми чистыми, которые были бы достойными представителями России пред иностранцами; обращая внимание на положение России, Нащокин хотел, чтобы она была средоточием торговли между Европою и Азиею: с этою целью заключен был договор с Армянскою компаниею в Персии, по которому эта компания обязалась доставлять в Россию весь шелк, добываемый в Персии; для усиления торговли Нащокин хотел завести флот на Каспийском море, и на Оке, в селе Дединове, построен был первый русский корабль «Орел», но, спущенный по Волге в Астрахань, он был сожжен там во время разинского бунта. Нащокин учредил почты для заграничной переписки; сперва известия о событиях за границею московское правительство получало чрез своих послов и гонцов, которым наказывалось провеживать, что делается в Европе; понятно, что эти известия были отрывочны, несвоевременны и черпались часто из мутных источников; при царе Михаиле иностранные резиденты доставляли в Посольский приказ сведения о текущих событиях, но странно было бы долго оставаться в зависимости от иностранцев, которые могли сообщать только то, что им нравилось: и вот теперь, при Ордине-Нащокине, стали переводить известия об европейских событиях из иностранных газет, и эти первые русские рукописные газеты, назначавшиеся исключительно для правительства, назывались *курантами*. Как человек, требовавший преобразований, улучшений, Ордин-Нащокин, разумеется, должен был вступить в борьбу с людьми, которым выгодно было поддерживать старое дурное, ибо при новом лучшем они уже не годились; эти люди, эти дьяки, от которых он хотел очистить Посольский приказ, не упускали случая делать ему неприятности, когда он находился в отсутствии, на посольских съездах, при дворах иностранных, лишали его милости царя; это удавалось делать тем легче, что Нащокин, как человек незнатного происхождения, не имел поддержки между вельможами, да и по характеру своему не мог заслужить их расположения. Узнавши чужое лучшее, Нащокин стал порицать свое худшее, но, порицая дела, он порицал и лица, принял на себя роль учителя, выставляя свое превосходство, тогда как много было людей сильных, которые не хотели признавать этого превосходства, не хотели быть учениками Нащокина. По свидетельству иностран-

цев, Нащокин был человек неподкупный, воздержный, неутомимый, великий политик, не уступавший, быть может, ни одному из министров европейской, подражатель иностранным обычаям. При конце жизни Нащокин постригся в монахи.

15. *Матвеев*. Артамон Сергеевич Матвеев был сын дьяка, в молодости приблизился к царю Алексею и скоро стал его любимцем; вследствие незнатности своего происхождения Матвеев только при самом конце царствования Алексея Михайловича добился боярского сана; несмотря на то, пользуясь полною доверенностью царя, он участвовал в важнейших событиях царствования и по удалении Ордина-Нащокина заведовал внешними сношениями и делами малороссийскими. И этот-то самый близкий человек к царю отличался приверженностью к новым европейским обычаям: дом его был уже убран по-европейски картинами, часами, но важнее этих внешних изменений были внутренние: к Матвееву гости съезжались на разговор, а не для того только, чтоб есть и особенно пить, как обыкновенно бывало тогда у других, и, что всего важнее, жена хозяина не была затворницею, выходила к гостям и занимала их. В этом-то преобразованном уже доме и семействе Матвеева воспитана была Наталья Кирилловна Нарышкина, вышедшая отсюда замуж за царя Алексея. Вследствие влияния Матвеева при дворе явились сценические представления. «Комедийным делом» заведовал иностранец, магистр Яган Годфрид, под руководством которого разучивали роли подьячие и дворовые люди Матвеева; при Ягане Годфриде находился также «перспективного письма мастер». В 1673 году у Ягана Годфрида в Немецкой слободе заведена была школа: учились комедийному делу 26 мальчиков, набранных по приказанию Матвеева из мещанских детей. Предметы комедий брались из священной истории.

16. *Ртищев*. Наконец, из ближних к царю Алексею Михайловичу людей замечателен постельничий его Федор Михайлович Ртищев. Он устроил подле Москвы монастырь (теперь Андреевская богадельня), где из малороссийских монахов основал учебное братство с училищем; в этом монастыре Ртищев иногда целые ночи просиживал в разговорах с учеными монахами. Он устроил также на свой счет богадельню. Продавая одно из своих сел, Ртищев уменьшил цену с условием, чтоб покупатель хорошо обходился с крестьянами; подарил землю городу Арзамасу, узнавши, что она нужна жителям, а купить ее они не в состоянии; при смерти умолял наследников об одном — чтоб хорошо обходились с крестьянами.

Из описаний Московского государства в царствование Алексея Михайловича особенно замечательны: 1) подьячего Григория Кошихина, который бежал в Швецию и здесь написал любопытное сочинение о России; 2) барона Мейербера, императорского посла, бывшего в Москве в 1661 году.

ГЛАВА XXXVI

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА

1. *Перемены при дворе в начале царствования.* Новый царь, воспитанник Симеона Полоцкого, был очень хорошо, по тогдашнему времени, образован, но ему было только 14 лет, и притом он имел очень слабое здоровье. Рождался вопрос, кому владеть доверенностью царя; начались движения партий. Самым доверенным лицом при царе Алексее, как мы видели, был Матвеев, но Матвеев был самый близкий человек к мачехе царской царице Наталье Кирилловне и ее сыну царевичу Петру; поэтому Матвеев был ненавистен родственникам первой жены царя Алексея, Милославским, и друзьям их; теперь, когда вступил на престол сын Милославской, Милославские и друзья их воспользовались своим временем, чтоб низвергнуть Матвеева; его обвинили в чернокнижии, в нерадении о здоровье царском и сослали сперва в Казань, а оттуда в Пустозерск, лишивши имения и боярства. Тщетно старик писал к царю и вельможам оправдательные и умиловительные письма, в которых сравнивал свою участь с участью Велисария и умолял Феодора уподобиться императору Титу, жаловался, что его осудили без суда, не дали очной ставки с обвинителями, что ему с сыном и хлеба на две деньги купить негде в Пустозерске; только в конце царствования участь его была облегчена: его перевели из Пустозерска в город Лух и возвратили ему одну вотчину. Тогда же и умирающего Никона позволено было перевезти с Белого озера в Воскресенский монастырь, но он умер на дороге в Ярославле. Но не Милославским удалось занять самое видное место в царствование Феодора: это место заняли Языков и Лихачев.

2. *Война и перемирие с турками.* Во время этих придворных перемен на юге продолжалась война с Дорошенком, против которого под Чигирин отправились в 1676 году князь Григорий Ромодановский и гетман Самойлович. Дорошенко, видя невозможность защищаться против них, сдал Чигирин и отказался от гетманства. Но этим дело не кончилось, потому что турки не хотели выпускать из рук своих Украины. В августе 1677 года сорокатысячное турецкое войско осадило Чигирин, осажденные оборонялись отчаянно, а между тем к ним на выручку спешили князь Ромодановский и гетман Самойлович; турки и татары не могли помешать им переправиться через Днепр и, поражаемые с одной стороны этими войсками, а с другой осажденными, ушли от Чигирина. В июле следующего года вдвое большее число турок опять осадило Чигирин; опять пошли к нему на выручку Ромодановский и Самойлович, но на этот раз не могли помешать туркам истребить Чигирин подкопами. Наконец в начале 1681 го-

да заключено было с турками и татарами двадцатилетнее перемирие, по которому Россия уступила туркам западную Украину, прежние владения Дорошенки, представлявшие пустыню.

3. *Уничтожение местничества.* После чигиринских походов, кончившихся не так, как бы хотелось, возник вопрос о преобразовании войска. Мы видели, что еще в царствование Михаила Феодоровича не только были приглашены иностранцы в русскую военную службу, но из русских людей были составлены полки, обученные иностранному строю; теперь же возник вопрос о необходимости преобразования в целом составе русского войска. В начале 1682 года царь Федор Алексеевич поручил рассмотрение этого вопроса князю Василию Васильевичу Голицыну и выборным из военных чинов. Выборные объявили, что, по их мнению, надобно разделить полки не по-прежнему, на сотни, а на роты, полк должен состоять из 6 рот, каждая рота—из 60 человек, вместо сотенных голов выбрать ротмистров и поручиков, которым между собою не местничаться. Тут же выборные объявили, что необходимо уничтожить местничество не только в ратных, но и в посольских и всяких делах, чтоб всякий от великого до малого чина был беспрекословно на том месте, которое ему государь укажет. 12 января был созван собор из знатного духовенства и членов думы, на котором прочли мнение выборных и царь объявил, что сам дьявол посеял среди русских людей местничество, от которого во всяких делах была большая пагуба, а ратным людям в битвах поражение, что дед его, отец и сам он много заботились об искоренении этого зла, и спросил: «Отменить ли по челобитью выборных местничество или оставить его по-прежнему?» Патриарх Иоаким отвечал, что местничество есть источник всякого зла и потому он со всем духовенством не знает, как благодарить государя за намерение искоренить его; светские члены собора объявили, что согласны с патриархом; тогда государь велел принести разрядные книги и сказал: «Для совершенного искоренения и вечного забвения все просьбы и записки по местничеству приказываем предать огню». Присутствующие сказали: «Да погибнет в огне это богоненавистное, братоненавистное, любовь отгоняющее местничество и вперед да не вспомнится вовеки!» Книги были тут же сожжены. После этого государь объявил, что прикажет составить несколько родословных книг, в которые внесутся фамилии, смотря по их знатности.

4. *Славяно-греко-латинская академия.* К царствованию же Феодора относится состояние проекта высшего училища, или академии. Монах Тимофей, возвратившись из Греции, рассказал царю о жалком положении православной Церкви на Востоке, происходящем от недостатка образования; тогда Федор признал необходимым поддержать православие на Руси распространением просвещения; учреждено было училище, где собрано 30

человек детей из всех сословий; царь писал к патриархам, чтоб прислали в Москву учителей, искусных в греческом и латинском языках и в науках, особенно же твердых в православии; ему хотелось, чтоб это училище объемом преподавания равнялось другим европейским академиям. Написан был устав для академии, в котором царь говорит, что он, подобно Соломону, вступив юношею на престол, ни о чем не хочет так заботиться, как о мудрости, царских должностей родительнице, всяких благ изобретательнице и совершительнице. Начальник академии, или блюститель, и учителя могли быть только русские или греки, и последние должны были иметь от патриархов свидетельство в православии. В ученики академии могли вступать люди всех сословий и возрастов; никто не смел держать домашних учителей иностранных языков, но мог, если хотел, посылать детей своих в академию; ученики, с успехом окончившие свое воспитание в академии, жаловались в приличные чины и как мудрые пользовались особенною царскою милостию. Все ученые иностранцы, приезжавшие в Россию, подвергались испытанию в академии и только вследствие одобрения ее принимались в службу. Академия должна была смотреть, чтоб иноверцы не распространяли своих учений между православными, блюститель смотрел за поведением всех иностранцев, обратившихся в православие; блюститель и учителя наблюдали, чтоб ни у кого не было запрещенных Церковью книг; всякий уличенный в хуле на православную веру отдавался на суд блюстителю и учителям, и если обвинение оказывалось верным, то преступник подвергался сожжению. Таким образом, новая московская академия, несмотря на то что не была училищем духовным, а всенародным, учреждалась, однако, в видах церковных, должна была служить Церкви, охранять православие от иноверных учений.

Царь Федор в 1681 году лишился сына и жены (Агафии Семеновны Грушецкой); несмотря на слабое здоровье царя, Языков убедил его вступить во второй брак с Марфою Матвеевною Апраксиной в феврале 1682 года, но после свадьбы болезнь Федора усилилась, и он скончался 27 апреля того же года.

ГЛАВА XXXVII

ОБЩИЙ ОБЗОР ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. Определение Московского государства. Под именем Московского государства разумелись северо-восточные русские княжества, соединенные в одно московскими князьями и увеличенные обширными пространствами на востоке вследствие завоевания

царств Казанского, Астраханского и Сибирского. Так как не весь русский народ, не все русские области находились под державой московского царя, многие из них находились под властью королей польских и вместе великих князей литовских, то слова: Россия, Русь, Российское царство употреблялись редко; только титулом своим московские государи указывали на это соединение всех русских областей как на что-то естественное и необходимое, случайно, временно нарушенное; они назывались «великий государь, царь и великий князь, всея Руси самодержец». Понятно, что полякам не нравился этот титул: даже при заключении Поляновского мира они хлопотали о его изменении, но в Москве не согласились на это, и царь Алексей Михайлович после удачной войны с Польшею принял титул «всея Великия, Малыя и Белья Руси самодержца».

2. *Отношение его к Востоку и Западу.* Московское государство, расположенное на европейской уkraine, на границе с Азией, в удалении от тех держав, которые преимущественно участвовали в европейской истории, отталкиваемое постоянно от Запада враждебными соседями, поляками и шведами, имея свое особое исповедание христианское, занятое внутри трудным делом установления внутреннего порядка при бедности средств,— Московское государство вследствие всех этих причин не входило в систему европейских государств. На востоке оно с торжеством для себя окончило борьбу с ослабевшею, распавшеюся Ордою татарскою; Москва была сильнее своих восточных соседей: ни Казань, ни Астрахань, ни инородцы сибирские не могли ей противустать; только с крымскими разбойниками ей трудно было сладить, потому что обширные степи защищали от нее полуостров и она принуждена была платить ежегодно хану, чтоб удержатъ его от нападений. Но во сколько Москва была сильнее восточных варварских народов, во столько же была слабее западных европейских своих соседей, более искусных в деле ратном, и потому в истории Московского государства мы видим, что оно постоянно распространяется на восток и терпит ущерб на западе; только в царствование Алексея Михайловича вследствие присоединения Малороссии и счастливых обстоятельств, при которых была ведена война с Польшею, Москва успела сделать приобретения на западе, и тут же она должна была войти в непосредственные столкновения с Турциею.

3. *Правление.* Власть в Московском государстве сосредоточивалась в руках великого государя, царя, всея Руси самодержца. Потомки князей и вельмож старинных, бедные средствами, не могли противодействовать этому сосредоточению; они не посылались на долгое время правителями областей, не посылались на долгое время предводителями войск, потому что походы были кратковременные и воеводы сменялись. Жили они постоянно

в Москве, имея свои дома подле дворца, в Кремле и подле Кремля, в Китай-городе, и постоянно находились на глазах государя; каждый день рано поутру приезжали они все ударять челом государю, потом приезжали в другой раз после обеда, ввечерни. Писались они холопами государевыми; менее знатные издавна в грамотах к царю писались уменьшительными именами; самые знатные до времен Грозного сохраняли право писаться полным именем, но потом все стали писаться полуименами. Самый знатный сан был сан боярина, за ним следовал сан окольничего; знатнейшие дворяне, допускаемые в совет, в думу к государю, назывались думными дворянами. Сыновья знатных людей начинали свою службу при дворе в звании спальников и стольников: первые поочередно спали у царя в комнате и прислуживали ему; вторые во время торжественных обедов подавали кушанье царю и гостям его; первая должность как ближайшая к царю считалась почетнее. Сыновья самых знатных людей жаловались из спальников прямо в бояре, менее знатных — в окольничие, и назывались они *ближние* или *комнатные* бояре и окольничие. Государь *думал*, рассуждал о делах с боярами, окольничими и думными людьми, и совет этот назывался *думою*; если же царь хотел посоветоваться о каком-нибудь тайном деле, то призывал в думу только самых близких людей, ближних бояр и окольничих, которые были пожалованы из спальников. В важнейших делах в думу призывались патриарх и другие архиереи, а царь Иоанн Грозный стал призывать и выборных из других сословий, и такое заседание называлось *собором*. Особенно часты были соборы при царе Михаиле, когда государство после литовского разорения находилось в крайнем затруднении и потому постоянно обращалось к земле, к народу, с требованием средств для своего поддержания; соборы бывали и в начале царствования Алексея Михайловича, но потом, когда государство окрепло по-прежнему, соборы выходят из употребления.

4. *Дьяки*. Письменная часть находилась в заведовании думных дьяков (государственных секретарей), простых дьяков и подьячих. И в Московском государстве сохранялся старинный взгляд, по которому знатные люди, окружавшие государя, считая себя дружинниками, призванными исключительно к военной службе, службу пером, а не мечом считали для себя унизительною, и потому, как ни важна была должность думного дьяка, люди знатные ее не принимали; обыкновенно в дьяки шли из духовного звания и из торговых людей.

5. *Приказы*. Управление и суд сосредоточивались в приказах. Государь одному из своих приближенных *приказывал* ведать постоянно одно какое-нибудь дело или несколько дел, однородных или совершенно разнородных, придавал ему в помощь другого или двоих других, для письмоводства являлись дьяки, подьячие,

и образовался приказ. Так как приказ имел свои расходы, то для покрытия их приписывались к нему в ведение города или известные разряды податных людей, с которых он собирал подати. С развитием государственной деятельности каждое новое дело вело к учреждению нового приказа, и число приказов увеличилось все более и более. Во второй половине XVII века их было больше сорока.

6. *Государственные доходы. Войско.* Вследствие малости народонаселения сравнительно с огромным пространством земли, вследствие незначительного развития промышленности и торговли государственные доходы были малы, не удовлетворяли нуждам государства, беспрестанно увеличивавшимся, особенно когда нужно было вести продолжительные и тяжелые войны, как, например, при царе Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче. Доходы простирались до 1 300 000, кроме сибирской казны, т. е. мехов, присылаемых из Сибири. Поместья для содержания служилых людей были недостаточны, и потому во время похода они получали жалованье; расходы на войско увеличились, когда в XVII веке увидели необходимость нанимать иностранных солдат; тогда же составились и полки из русских людей, обученные иностранному строю и носившие иностранные названия — рейтары, драгуны, солдаты, но это были только начатки; масса же войска состояла, во-первых, из придворных, которые не теряли прежнего своего военного дружинного значения, ибо все эти спальники составляли государев полк, или гвардию; потом из дворян и детей боярских и городских казаков: это были ратные люди, жившие обыкновенно в своих поместьях и собиравшиеся на случай войны; стрельцы, составлявшие гарнизоны по городам, исполнявшие полицейские обязанности, жили с семействами своими в особых слободах и в свободное от службы время занимались разными промыслами. При *наряде*, или артиллерии, находились пушкарки, жившие также особыми слободами. Кроме этих ратных людей собирались во время войны еще так называемые *даточные* люди и шедшие по своей воле *охочие* люди; набор как даточных людей, также стрельцов и солдат производился с дворов, а не с душ. Наконец, при московском войске находились казаки степные (донские, терские) и татары. Ратные люди выезжали на войну в латах и шлемах, с огненным и лучным боем, т. е. вооруженные огнестрельным оружием и луками. По единогласному свидетельству, московское войско гораздо лучше защищало города, чем сражалось в чистом поле. Это происходило от недостатка военного искусства, оттого, что масса войска не состояла из людей, постоянно находящихся под ружьем.

7. *Города и села.* Город по-прежнему имел значение крепости, назначенной для защиты окрестного народонаселения от неприятеля. Как только правительство получало весть о вторжении

неприятеля в какую-нибудь область, то рассылало приказы выслать из уездов в города семейства служилых людей, дворян и детей боярских, также дворовых людей и крестьян со всем имуществом и запасами, хлеб прятали по ямам; при этом правительство объявляло, что, кто не поедет в город и попадет в плен, тот пусть выкупается сам, правительство его выкупать не станет, потому что сам виноват. Стены большей части городов были деревянные; под стенами располагались посады, обитаемые посадскими, торговыми и промышленными людьми; как многие города мало разнились от сел, видно из того, что жители их занимались хлебопашеством.

Управлялись города воеводами, назначаемыми от правительства, или выборными правителями, которые обыкновенно носили название губных старост; в выборах участвовали и духовенство, и служилые, и посадские люди, но выбирались дворяне. Дела по воеводскому управлению сосредоточивались в *Съезжей*, или *Приказной избе*. Посадские люди для своих дел, преимущественно по городскому хозяйству, раскладке податей и т. д., выбирали себе своего старосту, который назывался земский городской и всеуездный головной староста. Староста один для города и уезда, потому что уездные крестьяне связаны с посадскими людьми общими хозяйственными распоряжениями, сообща раскладывают подати. Дела по управлению земского старосты сосредоточивались в Земской избе; уездные крестьяне присылали сюда выборных людей *к совету*. Самые богатые торговые люди назывались гостями, потом было разделение на торговых людей гостинной и суконной сотни. Так как посадские люди были главные плательщики податей, то правительству важно было, чтоб число их не уменьшалось и чтоб они не уклонялись от податей. Так издавна старалось оно, чтоб они не переходили в другие сословия, не платящие податей.

Подати платили посадские люди всем миром, по числу дворов, принадлежавших к посаду, *тяглых дворов*; число этих дворов было известно правительству по переписи, по так называемым *писцовым книгам*, и правительство требовало всех денег со всех дворов, но дворы пустели от вымирания их хозяев, от пожаров, от побегов посадских людей в другие места, и остальные посадские люди должны были платить и за выбывших товарищей своих, что было им очень тяжело. Тяжело было им еще и оттого, что многие желали жить в посадах, промышленяты разными промыслами и между тем не быть в числе посадских тяглых людей, быть свободными от податей и повинностей; так торговали казаки, стрельцы, монастырские, архиерейские служки, дети духовных и сами духовные, а податей не платили; кроме того, чтоб отбыть от податей, многие переходили в частную зависимость, *закладывались*, по тогдашнему выражению, за бояр

и других знатных и сильных людей, под покровительством которых торговали, промышляли разными промыслами, не платя податей, богатели, покупали и брали в заклад на посадах тяглые дворы, в Москве и других городах на городской земле устроили себе целые слободы, а посадские люди, не будучи в состоянии соперничать с этими привилегированными людьми, не платящими податей, беднели, разбегались, отбывая от податей. В царствование Алексея Михайловича приняты были меры для прекращения этих явлений: всем торгующим, к какому бы званию ни принадлежали, велено быть в тягле вместе с посадскими людьми, также запрещено жителям слобод и посадов быть закладчиками за частными лицами. Запрещая на городских землях слободы, населенные закладниками частных лиц, чтоб никого в избылых не было, чтоб все несли ровно государственные повинности, правительство по тому же побуждению, чтоб никого в избылых не было и чтоб не затруднялся сбор податей, строго запрещало переход посадских людей из одного посада в другой; таким образом, посадские люди были прикреплены к месту своего жительства, но то же правительство, опять по финансовым побуждениям, чтоб пополнить московские торговые сотни, переводило волею-неволею богатейших купцов из других городов в Москву. Купцов правительство употребляло в разные должности, например для сбора таможенных и кабацких доходов.

Желая получать постоянные доходы, правительство прикрепило посадских людей к их посадам; желая, чтоб служилые люди, жившие своими поместьями, имели также постоянных работников, постоянные доходы, имели возможность нести государственную службу, правительство прикрепило и крестьян к земле их. Все эти прикрепления произошли от одной причины — от бедности государства, от бедности промышленности и торговли, от недостатка рабочих рук, от несоразмерности народонаселения с огромным пространством земли, когда и без того слабое народонаселение все более и более растягивалось на вновь приобретаемых пустынных пространствах, уходило в казаки.

8. *Церковь.* С учреждением патриаршества права главного архиерея русской Церкви не увеличились и вообще состояние Церкви в Московском государстве мало разнилось от состояния Церкви в древней России. Выбор патриарха, если царь не имел никого в виду заблаговременно, происходил по жребию из нескольких кандидатов, назначенных собравшимся в Москву духовенством. По случаю важных дел церковных созывались церковные соборы. Как царь в важных делах государственных призывал для совета патриарха и знатнейшее духовенство, так в городах воеводы во всех важных случаях должны были советоваться с архиереями. Высшее духовенство в Московском государстве пользовалось правом ходатайствовать пред властью граждан-

скою за несчастных, просить о помиловании виновных или по крайней мере о смягчении наказания; в городах жители, притесненные воеводою, обращались к архиерею с просьбою заступиться за них. В монастырях монахи обыкновенно сами выбирали себе игуменов; священников выбирали прихожане и свидетельствовали письменно перед архиереем, что избранный ими человек добрый. Если по челобитью помещика поставлялся в священники его же крестьянин, то дети этого священника, родившиеся до священства, оставались в крестьянах, но родившиеся в священстве были вольны. Как в XVI веке собор 1551 года обратил внимание на прекращение беспорядков церковных, так в XVII веке этим же знаменит собор 1667 года: он постановил, чтоб в праздники не работали и не торговали, чтоб священники учили детей своих и приготавливали их таким образом на свои места, причем собор в чрезвычайно резких выражениях жаловался на невежество сельского духовенства; священникам и дьяконам не позволено было переходить от одной церкви к другой; запрещалась бродячая жизнь монахов, запрещалось мнимым отшельникам и юродивым бродить по городам и селам; запрещалось духовенству торговать. Тот же собор, отменив постановление собора 1621 года, определил, что католики, обращающиеся в православие, не должны быть перекрещиваемы.

9. *Нравы и обычаи.* До второй половины XVII века, когда уже иностранные, западные обычаи и взгляды начали, хотя довольно слабо, проникать в высшие слои общества, — до второй половины XVII века те обычаи и поверья, которые мы встречаем теперь в жизни сельского народонаселения, господствовали одинаково и во дворце царей, и в домах вельмож, и в избе крестьянина. Высшие сословия в домашней своей жизни отличались от низших тем, что, имея больше средств, держали своих женщин взаперти. Царицы и царевны жили невидимками; когда выезжали на богомолье, то колымаги их были завешаны тафтою; случалось, что дочери людей значительных до замужества ни разу и в церкви не бывали; учить грамоте девушек считали совершенно бесполезным. Так как общество по отсутствию просвещения не представляло для женщины достойных развлечений, а только одни сплетни и пересуды, то лучшие люди, заботясь о нравственной чистоте матери семейства, должны были советовать ей совершенное затворничество и полное, исключительное погружение в хозяйственные заботы, как сделал автор Домостроя. Что касается до мужчин, то отсутствие просвещения, невозможность заниматься наукою, искусством, невозможность принимать участие в судьбах всего современного человечества по отсутствию всем доступных известий политических осуждали их на препровождение свободного времени в удовольствиях грубых: отсюда усиление пьянства во всех сословиях; лучшие люди, правительство церковное

и гражданское с благородною ревностью указывали на гибельные следствия этого порока и старались ослабить его, но усилия их не увенчались большим успехом, ибо нельзя было уничтожить порока, не уничтоживши условий, питавших его.

Самыми печальными явлениями в Московском государстве были правеж, пытки и жестокие казни. Правеж состоял в том, что неплатящего должника били палками, пока не заплатит; при взыскании казенных недоимок множество людей подвергалось этому правежу; господа за свои долги могли выставять на правеж холопей своих. Телесным наказаниям, кнуту, батогам (палкам) подвергались люди всех сословий. Чтоб заставить преступника признаться в преступлении и раскрыть все его обстоятельства, употреблялись жесточайшие пытки. Жену, убившую мужа, закапывали в землю, оставя наверху одну голову; гораздо легче наказывался муж, убивший жену; фальшивым монетчикам заливали горло растопленным металлом; еретиков и чернокнижников сжигали.

В удобствах жизни большинство жителей Московского государства очень мало выиграло против предков своих, русских людей XIII и XIV веков. Казна царей была богаче казны князей московских, богаче золотом, серебром и дорогими камнями, у них было больше дорогого платья, больше прислуги знатной, больше лошадей, больше колымаг, обитых бархатом и сукном; огромное количество блюд приготавливалось ежедневно на кухне царской; столы людей знатных и богатых также отличались изобилием; вотчины и поместья доставляли много съестных припасов. Богатые люди выказывали свое богатство во множестве холопей и лошадей. Но жилища были тесны и бедны; каменные дома по-прежнему составляли редкость, лавки и столы, покрытые коврами, представляли единственную мебель, образа в окладах — единственное украшение дома. Как нехитры были жилища большинства, видно из того, что деревянные дома, совсем готовые, продавались на рынках. Улицы мостились деревянными бревнами, пожары страшно свирепствовали. Много терпели жители городов от пожаров, много терпели и от предохранительного средства от пожаров: это средство состояло в том, что в летнее время, с мая до сентября, городским жителям запрещалось топить печи в домах и банях, а для приготовления кушанья велено было класть печи в огородах и пустых местах, вдали от жилья. Это особенно было тяжело жителям северных городов, подверженных северным ветрам и стужам среди лета, и по их просьбам позволялось им топить в сумрачные дни, также в назначенные дни недели и в большие праздники. Редкое народонаселение повсюду, огромные дремучие леса давали большие удобства разбойникам, которые много вредили сельским жителям, много вредили торговле. Даже в самой столице разбои

были сильны; на масленице воры, всяких чинов люди, большими толпами ездили и ходили с оружием, били и грабили встречаемых.

Особность Московского государства, частые сношения с азиатами, постоянная враждебность соседних европейских держав дали иностранным сношениям московского двора характер азиатский. В сношениях этих господствовала подозрительность, далеко переходившая пределы приличной и необходимой осторожности. Особенно этот характер в дипломатических сношениях начал господствовать со времен Иоанна Грозного, когда были открыты вредные для государства сношения литовского посла с некоторыми вельможами. На посла смотрели как на человека, приехавшего с враждебными намерениями, приехавшего проводить, и потому держали его взаперти, не позволяли ни с кем сноситься, хватали тех, кто приближался к посольскому двору. Чиновник, приставленный к послу, должен был превозносить пред ним могущество и благоденствие Московского государства; если же посол затрагивал какой-нибудь важный или неприятный вопрос, то пристав должен был отговариваться незнанием. Во время проезда послов через города по улицам, чрез которые они проезжали, приказывалось толпиться народу, одетому в лучшее свое платье, чтоб иностранцы видели везде только людность и богатство. При сношениях и переговорах прежде всего хлопотали о том, чтобы иностранцы не уменьшили и не исказили как-нибудь титул великого государя; это называлось обереганием чести государевой и считалось главным делом. Быть в посланниках не считалось большим почетом, и потому обыкновенно отправлялись сановники второстепенные. Редко, только в случаях особенной важности, преимущественно к польскому двору, назначались великими полномочными послами бояре. В XVII веке появление иностранных резидентов в Москве и московских — при соседних иностранных дворах предвещало уже перемену в характере дипломатических сношений.

Много темных сторон находили в Московском государстве иностранцы; свои, русские известия нисколько не скрывают этих темных сторон; громко вопиют против них и Церковь и государство, требуя исправления. Но иностранцы не могли не отдать справедливости способностям русского народа. «Необразованность сковывает этот народ,— говорили они,— как же будет он могуществен и страшен, когда приобретет образование!» Действительно, нельзя не признать нравственной силы народа, который при самых неблагоприятных исторических условиях, в соседстве и в беспрестанной борьбе и сношениях с азиатскими варварами, раскинутый на громадных пространствах, в стране суровой, вдали от моря, вдали от тех европейских народов, которые благодаря стечению разных счастливых условий преимущественно потрудились для гражданственности, успел сохранить

свой европейско-христианский образ; трудясь тяжело и скромно при средствах самых скудных, населил громадные необитаемые пространства Восточной Европы и Северной Азии, положил здесь начало европейско-христианской гражданственности; один из всех славянских народов умел составить могущественное государство; в непрерывной борьбе с неблагоприятными обстоятельствами, среди трудной и бедной жизни своей не закохнулся нравственно, не утратил способности движения к лучшему. Окончив с торжеством борьбу с Востоком, успокоиваясь от смут внутренних, бывших в начале XVII века, Московское государство в то же самое время начало все более и более сближаться с Западом, заимствовать от него плоды его цивилизации, хотя отрывочно, односторонне, с колебанием, как обыкновенно бывает в начале дела; а между тем вместе с внутренним усилением потребности сближаться с Западом ослабевали внешние препятствия к этому сближению, ослабевало Польское государство вследствие событий, ознаменовавших царствование Алексея Михайловича; оставалась одна Швеция, которая загоразивала Европу от Москвы, которая держала у себя заветные прибалтийские берега. Сломить эту последнюю преграду и удовлетворить так ясно обнаружившейся потребности Московского государства — сближаться с Западною Европою — суждено было младшему сыну царя Алексея Михайловича.

ГЛАВА XXXVIII

ДВОЕВЛАСТИЕ

1. *Избрание в цари Петра Алексеевича.* Закона о престолонаследии не было; царь Феодор Алексеевич не сделал никакого распоряжения о своем наследнике; старший по нем царевич Иоанн Алексеевич был слаб физически и умственно, и потому здравый смысл требовал, чтоб, минуя его, возвести на престол младшего царевича, Петра, хотя десятилетнего, но одаренного крепостию телесною и большими способностями. Патриарх Иоаким и большинство вельмож были согласны в том, что необходимо провозгласить Петра царем; патриарх велел народу собраться на площади и спросил, кому из двоих царевичей быть на царстве. Раздались крики: «Петру Алексеевичу!» — и патриарх благословил Петра на царство.

2. *Царица Наталья и царевна Софья.* Но смута не замедлила, потому что были люди, которым была выгодна смута. Новый царь был от второй жены Алексея Михайловича, которая в царствование пасынка Феодора испытала горькую долю, жила в удалении, второй отец ее, воспитатель Матвеев, был сослан; все

это сделано было происками родственников первой жены царя Алексея и друзьями их. Но теперь наступило время царицы Натальи: по господствующему обычаю, ей принадлежала опека над малолетним сыном и вместе управление государством; первым ее делом было вызвать Матвеева из Луха в Москву для занятия того места, какое имел он при царе Алексее. Понятно, чего должны были ждать Милославские и друзья их; и вот начали они хлопотать всеми силами, чтоб сын Милославской, царевич Иоанн, не был лишен прав своих и чтоб мачеха его не была правительницею. Но кто же мог действовать тут на первом плане? Иоанн не мог действовать сам за себя, и главную роль взяла сестра его, царевна Софья Алексеевна, которая в женском теле имела мужескую душу. В царствование Алексея Михайловича, как мы видели, новые обычаи проникли во дворец, вследствие чего должен был измениться и взгляд на образ жизни царевен; на них уже перестали смотреть как на обреченных самому строгому затворничеству. Этою переменою, этою небывалою прежде свободою воспользовалась самая способная и энергичная из них, Софья, поспешила выйти в свет, приобрела образование чтением, разговорами с лучшими людьми, сблизилась с одним из самых умных и образованных вельмож, князем Василием Васильевичем Голицыным, приобрела влияние. Тем тяжелее было для нее отказаться от всего этого по смерти Феодора, когда правление переходило к раздраженной мачехе и еще более раздраженному Матвееву; при этой перемене, кроме тяжелого затворничества, из которого она вырвалась было, не представлялось ей ничего впереди; и вот Софья начала искать средств, как бы выйти из беды. Законных средств не было; было одно незаконное: воспользоваться неудовольствием и волнением вооруженной массы стрельцов.

3. *Стрелецкий бунт.* Эти неудовольствия и волнения стрельцов происходили от беззаконных поступков с ними полковников, которые недоплачивали им царского жалованья, заставляли их работать на себя и т. п. Волнение началось еще при царе Феодоре Алексеевиче; по восшествии на престол Петра стрельцы подали челобитную новому правительству, которое обнаружило слабость: без исследования дела признало полковников виновными, отставило их, подвергло наказаниям; стрельцы разнуздались и начали самовольствовать, составлять казацкие круги, или веча, и по общему приговору свергать с каланчей нелюбимых пятисотенных и сотников. Позволив себе такую разнузданность, стрельцы, однако, не могли не чувствовать, что поступают беззаконно, что правительство, окрепнув, не позволит им долго вести себя таким образом и строго накажет своевольников. Но вот из дворца им дают знать, что семейство царское ждет от них услуги, за которую они не только получают прощение за прошедшее, но

и приобретут право на богатые награды: Софья с соумышленниками своими, боярином Иваном Михайловичем Милославским и двоими братьями Толстыми, постаралась распуścić между стрельцами слух, что царевич Иоанн отстранен незаконно, что Нарышкины покушаются даже на его жизнь, что стрельцы должны спасти царевича, отмстить его изменникам, что бояре уже собирались усмирять их, стрельцов; слухи эти произвели желанное действие между стрельцами, и они получили списки имен главных изменников, которых должно истребить. 15 мая 1682 года утром соумышленники Софьи проскакали по стрелецким полкам с вестью, что Нарышкины задушили царевича Иоанна.

Стрельцы взволновались и под звуки набата и барабанов двинулись в Кремль, крича, что идут выводить изменников и губителей царского дома. Подошедши ко дворцу, они стали требовать головы Нарышкиных, погубивших царевича; тогда царица Наталья вывела на крыльцо обоих братьев, Иоанна и Петра, чтоб убедить толпу в их целости и невредимости, причем царевич Иоанн объявил, что никто его не изводит. Смятение начало утихать; Матвеев с патриархом сошел к стрельцам, умными увещаниями успел окончательно их обезоружить и пошел назад во дворец, чтоб успокоить царицу, но тут начальник Стрелецкого приказа князь Михайло Долгорукий вздумал прикрикнуть на стрельцов и грозно приказал им разойтись. Стрельцы снова рассвирепели, бросились на крыльцо, схватили Долгорукого и сбросили его вниз на копыя, другие бросились за Матвеевым, который имел ту же участь; придворные в ужасе разбежались и предали дворец и Кремль во власть мятежников. С криком: «Пора нам разбирать, кто нам надобен!» — возвратились стрельцы во дворец и стали везде обыскивать, даже в церквах под престолами, не спрятаны ли где Нарышкины и другие поименованные в их списках лица; если находили, сбрасывали вниз на копыя, ошибались, принимали одного за другого и растерзывали. Брат царицы Иван Кириллович Нарышкин успел скрыться, и стрельцы не могли отыскать его на первый день; за ним приходили они на другой день, опять не нашли, пришли на третий, и царица принуждена была выдать им брата, которого пытали и потом подняли на копыя. «Теперь мы довольны,— кричали стрельцы,— дай Бог здоровья царю государю! Пусть он управится с остальными, а мы рады умереть за него». Стрельцы не думали о перемене в правлении, но об этом думала Софья, которая одна действовала в это время всеобщего ужаса и безначалия. По ее внушениям стрельцы прислали выборных во дворец с требованием, чтоб царствовали оба брата вместе — Иоанн и Петр Алексеевичи; создан был собор из всяких чинов людей (разумеется, московских) и согласился на двоевластие 23 мая; 29-го стрельцы явились с новым требованием, чтоб за молодого

стию царя правление было вручено сестре их, царевне Софии. Согласились и на это.

4. *Раскольничье движение.* Софья достигла своей цели. верховная власть в ее руках; Матвеев, деятельнейшие из Нарышкиных истреблены, мачеха отстранена от правления. Но цель была достигнута средством незаконным и опасным; предстояли хлопоты удержать это средство постоянно в своих руках, ибо другие также хотели воспользоваться им для достижения своих целей. Хотели воспользоваться им раскольники, хотел воспользоваться им новый начальник стрельцов, назначенный Софьею, князь Иван Андреевич Хованский. Усмирение соловецкого мятежа, заточение и казни самых ревностных защитников старой веры, те старые книги, не истребили раскола при царях Алексее и Феодоре, и теперь раскольники, находившиеся в стрелецких полках, вздумали воспользоваться стрелецким торжеством, чтоб потребовать от архиереев ответа: «Зачем они старые книги возненавидели, веру старую, истинную, отвергли и возлюбили новую, латиноримскую?» Явились на сцену старые раскольники, расстриженный за раскол священник Никита прозвищем Пустосвят, монахи снеслись с Хованским, и тот объявил им, что он сам за старую веру, и обещал свое содействие. Большинство стрельцов было не за раскол. «Это дело не наше, а патриаршее»,— говорили они. Но Никита с товарищами не унывали, надеясь на покровительство Хованского; раскольники явно, на площадях и торгах проповедовали свое учение, волновали народ, и 5 июля Никита Пустосвят с огромною толпою явился в Кремль, чтоб вызвать патриарха на Лобное место для торжественного спора. Но патриарх не хотел идти на площадь один, без особ царского дома, боясь насилия от толпы, а раскольники не шли во дворец, боясь, что там их перехватают; наконец Софья настояла, чтоб спор был во дворце, в Грановитой палате, в присутствии ее, царицы Натальи и двух других царевен. Раскольники вошли с шумом в палату и стали читать свою челобитную о старой вере, оскорбительную для царей Алексея и Феодора; тщетно Софья унимала их, особенно Никиту, наконец, плача от досады, обратилась к выборным стрелецким и сказала: «Чего вы смотрите! Пригоже ли таким мужикам к нам с бунтом приходиться? Нам здесь больше жить нельзя, пойдём в другие города объявлять народу о таком непослушании и разорении». Выборные отвечали, что по стечению и волнению народа решительных мер против раскольников принять вдруг нельзя, а надобно переждать день. Споры продолжались до вечера; под предлогом позднего времени раскольников отпустили, сказав, что государи завтра учинят им свой указ, и те с торжеством вышли из дворца, крича: «Победили!» Но торжество это было непродолжительно; они были в сильном меньшинстве; Софья распорядилась так ловко, что через неделю предводи-

тели раскольничьи были перехватаны, Никите отрубили голову, других заточили, и последователи их разбежались в разные страны

5. *Гибель Хованского.* Освободились от раскольников, но оставалось дело более трудное — освободиться от Хованского, который успел привлечь к себе стрельцов потаковничеством всем их желаниям, а стрельцы в благодарность не иначе называли его как отцом и готовы были исполнить все его требования. Видя эту привязанность к себе могущественных стрельцов, Хованский забываясь оскорблял правительницу своим самовольством, вельмож гордостью, унижением их службы, хвастовством своим Хованский волновал стрельцов; волновал их всякий, кто хотел чего-нибудь добиться; они чувствовали свою вину, знали, что бояре и все лучшие люди ненавидят их, и потому легко верили всяким слухам о мерах, которые будто бы против них предпринимались. Наконец 2 сентября, когда царское семейство было в Коломенском, явился донос на Хованского, будто бы он с помощью стрельцов хочет истребить царское семейство, перебить бояр, посредством раскола замутить землю, поднять простой народ на власти и помещиков и провозгласить себя царем. Современники говорят, что донос этот был выдуман боярином Милославским для скорейшего погубления Хованского. Как бы то ни было, Софья решилась привести в исполнение то, чем грозила во время раскольничьего возмущения: оставить Москву и поднять против стрельцов дворян и детей боярских. Под видом богомолья она выехала из Коломенского в Саввин Сторожевский монастырь, откуда поехала к Троицкому монастырю и остановилась недалеко от него, в селе Воздвиженском, разослав грамоты по городам, призывая служилых людей для усмирения бунтующих стрельцов и Хованского. Хованский вместе с сыном был схвачен на дороге из Москвы к Троице, куда ехал по приглашению Софьи, и привезен в село Воздвиженское. Тщетно обвиненные требовали суда обоим, отцу и сыну, отсекали головы. Стрельцы, узнав о гибели своего любимого начальника, сначала взволновались было, но потом, опомнившись, увидели свое бессилие, слышали, что к Троице собралось большое войско, и стали умолять патриарха, чтоб вступился за них, наконец, отправили к Троице выборных умолять царей о пощаде. Пощада была дана с условием не думать вперед ни о какой смуте, своевольстве и дерзости. Управление Стрелецким приказом Софья поручала человеку деятельному, вполне ей преданному и неопасному по незнатности своей — думному дьяку Шакловитому, который был крестьянского происхождения и из подьячих дослужился до думного дьячества.

6. *Внутренние распоряжения Софьи* Правление Софьи, несмотря на кратковременность свою и смутное состояние государства, представляет замечательные узаконения и распоряжения.

Существовал обычай, что должников-неплательщиков отдавали заимодавцам в зажив, пока не отработают занятых денег; теперь озаботились, чтоб при этой отдаче не разлучали жен от мужей, определили, какой сумме должен равняться год работы; заимодавцев велено обязывать записями, чтоб они не позволяли себе жестокостей с этими работниками. Не велено было взыскивать со вдов и детей долгов, если после умерших мужей и отцов их никакого имения не оставалось. Запрещено закапывать в землю жен за убийство мужей, вместо того велено преступницам отсекаать головы. За произнесение возмутительных слов запрещено было казнить смертию: после наказания кнутом преступников ссылали. В этих мерах нельзя не видеть большей правды и мягкости против прежнего. Но мы не найдем этой мягкости в борьбе с раскольниками, против которых поддерживали прежние строгие меры: событие 5 июля, разумеется, не могло содействовать смягчению этих мер. В это время раскольники, освободившись от власти церковной, перестали ограничиваться одним старообрядством; начали появляться среди них разные еретические толки, явились даже изуверы, которые начали побуждать к очистительному, по их словам, подвигу самосожжения и нашли последователей; нераскаянных еретиков жгли, старообрядцев били кнутом. Тогда преследуемые устремились за шведский и польский рубежи, также в степи, на Дон и Куму. Кроме борьбы с раскольниками шла борьба с католическими мнениями; возник сильный спор о том, в какое время совершается пресуществление даров— в время ли призывания Св. Духа или во время произнесения слов Христовых: *примите ядите* и проч. Второе мнение, по свидетельству патриарха Иоакима, принесено было в Москву молодыми людьми, которые ездили в Польшу учиться по-латыни; это же мнение поддерживал сначала знаменитый Симеон Полоцкий, потом ученик и друг его подьячий Семен (в монашестве Сильвестр) Медведев, оставивший нам любопытные записки о современных событиях. Медведев, человек «великого ума и остроты ученой», по отзывам современников, сделанный строителем Заиконоспасского монастыря, был другом Шакловитого и сильным приверженцем Софьи. Эти связи давали ему возможность распространять свои мнения, против которых ратовали братья Лихуды, Иоанникий и Софроний,— греки, выписанные в учителя для новой московской академии. Спор Медведева с Лихудами сильно занимал общество: не только духовные, но и светские, даже женщины сходились спорить о времени пресуществления; противники Медведева называли его мнение *хлебопоклонною ересью*.

7. *Мир с Польшею*. Из дел внешних в правление Софьи самым важным был вечный мир и союз с Польшею, следствием которых была война с Турциею. Как прежде столь долго помехою вечному

миру между Москвою и Польшею был Смоленск, так теперь помехою был Киев. По Андрусовскому перемирию Польша уступила Киев Москве только на время, но Москва никак не соглашалась возвратить этого дорогого для России города; с своей стороны Польша только в крайности могла подтвердить навеки Андрусовские уступки. В такой крайности она действительно находилась в описываемое время, когда король ее, знаменитый Ян Собеский, несмотря на свои подвиги, не мог с одними своими силами бороться с Турциею и обратился к московским царям с просьбою о помощи и союзе; в Москве соглашались на союз только с условием вечного мира, который бы закрепил за Россиею Киев и все андрусовские приобретения. В 1686 году заключен был такой мир, при подтверждении которого слезы навернулись на глазах Собеского: так тяжел был этот мир для Польши и так выгоден, следовательно, для Москвы!

8. *Крымские походы.* Но за этот выгодный мир надобно было заплатить войною с Турциею: войною, выгодною в союзе с Польшею, империею и Венециею и необходимою, потому что безрассудно было допустить сильную Турцию торжествовать над слабою Польшею. Положено было, что русские войска походом на Крым отвлекут хана от подания помощи туркам. Таким образом, Москва впервые с большим войском решилась искать заклятого врага своего в его жилищах. Но поход на Крым чрез степи был до крайности труден для большого войска. Любимец Софьи князь Василий Васильевич Голицын выступил в поход весною 1687 года с 100 000-ным войском, к которому присоединился еще гетман Самойлович с 50 000 казаков. Русское войско не встречало татар на пути своем, но встретило врага более опасного — степной пожар: лошади от усталости и бескормицы на выжженных степях стали падать, люди ослабели от июльского зноя и страшной копоты, которая препятствовала различать предметы. Голицын собрал военный совет, на котором решено было возвратиться. Этою неудачею воспользовались войсковые старшины малороссийские, враждебные гетману Самойловичу, вооружившему всех против себя непомерною гордостью и корыстолюбием; они подали донос Голицыну, что гетман враждебен московскому правительству, и оканчивали донос так: если государи не согласятся на смену гетмана, то войско сменил его само. Софья отвечала, что цари сменяют Самойловича, если он неугоден старшинам и всему войску. Вследствие этого Самойлович был свергнут, причем Голицын едва успел спасти его от озлобленных казаков. Старого гетмана сослали в Сибирь, а на его место был избран Иван Мазепа. Весною 1689 года Голицын предпринял второй поход в степи с таким большим войском и с новым гетманом Мазепою. На этот раз степи были пройдены благополучно; хан со всеми своими силами не мог помешать русским

дойти до Перекопи; не видя никакой выгоды во взятии этой крепости и не видя возможности оставаться здесь далее по недостатку воды, травы и леса, Голицын возвратился назад.

9. *Нерчинский договор.* Так неблистательно окончилась при Софии турецкая или, лучше, крымская война. В том же 1689 году заключен был Нерчинский договор с Китаем: русский уполномоченный Головин, имея мало точных сведений о такой отдаленной местности, как Восточная Сибирь, согласился уступить китайцам оба берега Амура, вследствие чего крепость Албазин, с таким мужеством защищаемая казаками против китайцев, была разорена.

10. *Детство и воспитание царя Петра.* Но в то время как внутри и вне государства Московского привыкли уже видеть Софью в челе управления, во всем к ней относиться, власть ее приближалась к концу. Не опасен ей был старший брат Иоанн, не вступавшийся ни во что, но опасность для правительницы возрастала вместе с возрастанием младшего брата ее Петра. Мы видели печальную судьбу этого ребенка по смерти отца, в царствование Феодора Алексеевича. По смерти Феодора десятилетний Петр недолго был окружен блеском царского величия: за этот мгновенный блеск он с матерью заплатил дорого, и участь царицы Натальи после Стрелецкого бунта не была лучше участи ее при царе Феодоре, несмотря на то что Петр назывался царем и был венчан вместе с брагом. Петр, сын мачехи, был братом нелюбимым всемогущей правительницы, царем *опальным*, так сказать; о воспитании его не заботились. Еще в царствование Феодора стали учить его грамоте, для чего приставили к нему раболепного дьяка Зотова, который ни в умственном, ни в нравственном отношении не мог приобрести влияния над ребенком, рожденным со способностями гениальными. Уроками Зотова воспитание кончилось, и Петр был предоставлен самому себе; самому себе был предоставлен ребенок, который был весь огонь, сгорал ненасытной жаждой деятельности, обладал пытливостью необычайною: увидит какой-нибудь новый предмет — остановится, немедленно потребует объяснения, не успокоится до тех пор, пока не получит его, мало того, сейчас же сам примется за работу, чтоб приложить узнанное к делу. Петр не ходил, а бегал, говорят современники, и тем всего лучше объясняют нам эту огненную натуру, эту неслыханную в истории деятельность. Удовлетворения этой деятельности и пытливости Петр не мог найти в пустом, опальном дворце своей печальной матери, там не было человека, подобного Симеону Полоцкому, который мог бы привязать Петра к дому, стараясь сообщить ему в некотором научном порядке собираемые отовсюду разнообразные сведения, который бы приучил его хотя сколько-нибудь к правильному поступанию от одного предмета к другому, умерил несколько его пыл, приучил

бы его к более спокойному созерцанию и нравственным влиянием своим умел обуздать кипучие страсти юноши. Такого человека не находил Петр во дворце своей матери, и никто не заботился сыскать для него такого человека. Скучно, тяжело было Петру во дворце, и он бросился на улицу. Здесь по призыву молодого царя окружила его дружина живых, бойких молодых людей, здесь начались военные потехи, и, разумеется, Петр играл не в стрельцы, а в солдаты; потехи эти принимали все более и более обширные размеры вместе с летами Петра; сформировались два солдатских полка — Преображенский и Семеновский, для наполнения которых кликнули клич по охочим людям; охотников явилось много, явились придворные конюхи и люди разного звания; принимались без разбора, места давались по уменью и ловкости; бросив дворец, молодой царь отказался от старых преданий, от всей обычной дворцовой обстановки; юный и свежий, он отказался от воспоминаний и влияний прошедшего и тем свободнее приговлялся к деятельности преобразования.

Но одни потехи воинские не могли исключительно занимать Петра, его мучила жажда знания. Игра в солдаты, образование солдатских полков уже показывали стремление к искусству в деле ратном, к новому европейскому строю, а представители этого искусства, этого строя были подле: в Москве целая слобода, так называемая Немецкая, была наполнена иностранными наемными офицерами. Сюда-то естественно и необходимо должен был обратиться молодой Петр за искусством, за знанием, здесь открылся для него новый мир, который приковал его к себе навсегда. Эти иностранные офицеры не могли многому научить Петра, между ними не было людей ученых, но это был большею частью народ живой, веселый, бывалый, люди, много видевшие, много испытавшие; они-то в своих рассказах открыли весь западный мир чудес, чудес цивилизации, они-то с увлечением представили ему богатство этого мира в противоположности с бедностью мира русского, они-то распалили в Петре страсть увидеть все это самому, перенести все это к себе. В их-то кругу, бесцеремонном и веселом, отвыкал Петр окончательно от дворцовых обычаев, от обычаев русской старины. Из этих иностранцев более всех подружился Петр с женовским уроженцем Францем Лефортом, привлечшим его своим веселым, открытым и общительным характером; бескорыстие и преданность еще более скрепили эту дружбу; как друг, товарищ любимый, Лефорт имел сильное влияние на Петра.

Чтоб выучиться арифметике, геометрии, фортификации, артиллерии, Петр, будучи 15 лет, отыскал себе учителя, голландца Тиммермана. Прежние царевичи московские не получали научного образования; старший брат Петра получил его, но с церковным характером, посредством духовного лица; Петру не было

дано такого духовного наставника, он прямо обратился за наукою к западным иностранцам; отсюда светский характер образования, внесенного после Петром в Россию, тогда как до него наука хотя и была допущена, но допущена под опекою Церкви, как мы видели из устава Славяно-греко-латинской академии при царе Феодоре. Однажды, рассматривая с Тиммерманом в селе Измайлове старые вещи деда Никиты Ивановича Романова (двоюродного брата царя Михаила), Петр нашел иностранное судно и сейчас же спросил Тиммермана: что это за судно, где его употребляют, чем оно лучше русских судов? Тиммерман отвечал, что это английский бот, ходит на парусах по ветру и против ветра. Изумленный этою диковиною, Петр спросил: нет ли человека, который бы починил этот бот и показал ему его ход? Тиммерман указал на голландца Бранта, который удовлетворил желание молодого царя, спустив бот на Язу. Петр пристрастился к боту, перевез его на Измайловский пруд, потом отправился на Переяславское озеро, чтоб построить там несколько судов. Женильба на Евдокии Федоровне Лопухиной (в январе 1689 года) не могла отвлечь его от любимого занятия, отвлекла на время смута московская.

11. Низвержение Софьи. Потехи молодого Петра Софья не считала для себя опасными, они удаляли его из Москвы, от дел государственных; приверженцы ее указывали на веселую жизнь Петра, чтоб очернить его перед народом. «Наша государыня (Софья),—говорили они,—беспрестанно Богу молится, а там (у Петра) только на органах да на скрипках играют». Опасна была для них дружина царя, потешные удалцы. Впрочем, ненависть Софьи и приверженцев ее была направлена преимущественно не на Петра, но на мать его, царицу Наталью Кирилловну, которая с двумя главными приверженцами своими, Львом Кирилловичем Нарышкиным и князем Борисом Алексеевичем Голицыным, не переставала выражать неудовольствие на властолюбие Софьи, уже называвшейся самодержицею всея Руси; правительнице переносили все, что говорилось против нее у царицы; Шакловитый, терявший все с падением Софьи, не дрожал ни перед каким средством, чтоб отклонить это падение. «Чем тебе, государыня, не быть, лучше царицу известь»,—говорил он Софье. Чтоб упрочить свою власть, Софье хотелось короноваться, но холодность, с какою встретили стрельцы это желание, заставила отложить намерение. Шакловитый раздувал ненависть стрельцов к царице, но стрельцы, которые прежде так быстро подвинулись для спасения царевича, теперь не двигались на убийство царицы. Шакловитый мог прибрать из них не более пяти человек, готовых на все по его приказу, и вечером 7 августа 1689 года, когда Шакловитый собрал в Кремль стрельцов под предлогом защиты Софьи, на которую будто бы Петр придет с своими потешными, двое

стрельцов бросились в село Преображенское, где жил тогда Петр, известить царя о грозящей ему опасности. Внезапно разбуженный Петр перепугался, выслушав известие стрельцов, вскочил на коня и помчался к Троице; за ним отправилась царица Наталья с дочерью и невесткою, женою Пегра. Туда же бросились все приверженцы его, пошел целый полк стрелецкий Сухарева, за ним пошли другие стрельцы с извещениями о всех движениях Шакловитого. Софья находилась в самом затруднительном положении; все ее старания возвратить Петра в Москву остались тщетными; она послала было патриарха к брату увещавать его к миру, но патриарх остался у Троицы; руководитель Петра, князь Борис Алексеевич Голицын, распорядился умно и решительно, и большая часть стрелецких офицеров по приказу Петра ушли к Троице. Видя беду, Софья сама поехала к Троице мириться с братом, но была возвращена с дороги, после чего явились в Москву посланные от Петра захватить Шакловитого, Медведева и сообщников их. Софья тщетно уговаривала стрельцов и народ стоять за нее и за ее приверженцев; стрельцы и народ не двигались в пользу Софьи; служилые иноземцы поднялись из Немецкой слободы к Троице по приказанию Петра, и сами стрельцы наконец заставили Софью выдать Шакловитого, который был казнен у Троицы вместе с своими сообщниками; Софья принуждена была удалиться в Новодевичий монастырь; любимец ее князь В. В. Голицын за потворство властолюбию Софьи и за нерадение во втором крымском походе был сослан с сыном в Пустозерск; Медведев, расстриженный за ересь, был казнен как изменник. Петр начал править государством.

ГЛАВА XXXIX

ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

1. Деятельность Петра в первые пять лет по удалении Софьи.
С 12 сентября 1689 г. началось правление Петра, когда ему было с небольшим 17 лет; имя Иоанна по-прежнему упоминалось во всех грамотах государственных, по-прежнему при торжественных случаях являлся он народу в полном царском облачении, по-прежнему имел полный царский двор и по-прежнему не принимал никакого участия в правлении. Но и сам Петр по молодости в первые пять лет не принимал деятельного участия в правлении, и так как при молодом царе не было вельмож с большими государственными способностями, то в эти первые пять лет не видим ничего замечательного ни во внутреннем управлении, ни в делах внешних. Петр в это время оканчивал свое воспитание, оканчивал точно так же, как начал: в потехах воинских, в караб-

лестроении, собирая сведения отовсюду, сейчас же применяя их к делу. Петр работал неутомимо и отдыхал от трудов на веселых пирах с своею компаниею, с приближенными к себе людьми, среди которых первое место занимал Лефорт; потом из иностранцев более других выдавался генерал Гордон, родом шотландец, вступивший в русскую службу еще при царе Алексее Михайловиче: Гордон не имел блестящих военных способностей. Это был храбрый, опытный, добросовестный служака, но при холодности, осторожности, при следах иезуитского воспитания он не мог возбуждать к себе, особенно в молодых людях, такого сочувствия, какое возбуждал веселый, открытый Лефорт. Несмотря на то что молодой царь явно оказывал расположение свое к иностранцам и иностранному, новому, две партии, старая и новая, сильно боролись, и Петр опять по молодости своей не приобрел еще довольно твердости воли, чтоб всегда и во всем давать победу стороне, к которой явно склонялся. Патриарх Иоаким умер и в духовном завещании своем умолял царей отставить проклятых еретиков-иноверцев от начальства над русскими полками. Относительно избрания ему преемника произошла борьба между партиями: партия новая, и во главе ее молодой царь, хотела видеть на патриаршестве псковского митрополита Маркелла, человека ученого, но старая партия боялась, что ученый архиерей будет благоприятствовать новому, иностранцам, и потому вооружилась против Маркелла, выставляя своего кандидата, казанского митрополита Адриана, убежденного в том, что бритье бороды есть богомерзкая ересь. Петр уступил старой партии, и Адриан был поставлен в патриархи.

2. *Азовские походы.* Но торжество старой партии не могло быть прочно: молодой царь в письмах своих подписывался уж Petrus, Piter; в примерных битвах начальник русской стороны князь Феодор Ромодановский назывался генералиссимус Фридрих. Среди воинских потех сухопутных Петр не забывал своих любимых корабликов, которые продолжал строить в Переяславле. «Несколько лет,— пишет Петр,— исполнял я свою охоту на озере Переяславском; наконец оно стало для меня тесно, ездил я на Кубенское озеро; оно было слишком мелко. Тогда я решился видеть прямо море и стал просить позволения у матери съездить к Архангельску; многократно возбраняла она мне столь опасный путь; но, видя великое желание мое и неотменную охоту, и нехотя позволила». Летом 1693 года он съездил в Архангельск, поплавал по Белому морю, налюбовался на иностранные корабли, заложил свой, русский, другой велел купить в Голландии. В 1694 году, схоронив мать, Петр опять отправился в Архангельск, по возвращении откуда дал большое примерное сражение, известное под именем Кожуховского похода. «Хотя в ту пору,— писал Петр,— как трудились мы под Кожуховым в Марсовой

потехе, ничею более, кроме игры, на уме не было; однако эта игра стала предвестницей настоящего дела». Это настоящее дело был поход под Азов летом 1695 года, ибо война с турками, начатая при Софье вследствие союза с Польшею, продолжалась. Отправив боярина Бориса Петровича Шереметева с большим московским войском и казаками малороссийскими против Крыма к низовьям Днепра, сам царь с другим войском отправился водою — Московю-рекою, Окою и Волгою — до Царицына, откуда сухим путем — до Дона и Доном — вниз к Азову. Войско отправилось под начальством трех генералов — Головина, Лефорта и Гордона, которые решали дела все вместе, но с согласия «бомбардира Преображенского полка Петра Алексеева» — так назывался царь в сухопутном войске, во флоте же носил звание *шкипера*. Поход был неудачен по неопытности вождей, по недостатку хороших инженеров: подкопы причиняли больше вреда русским, чем туркам, штурмы предпринимались преждевременно, без единства в движениях. Наконец Петр решил снять осаду и возвратиться в Москву в ноябре месяце. Величие знаменитых исторических деятелей более всего обнаруживается при неудачах, которые не приводят их в отчаяние, напротив — усиливают их деятельность. в одну зиму по распоряжениям Петра построено было 30 военных судов в Воронеже; для них в Москве царь сформировал морской полк, *регимент*, назначив адмиралом любимца своего Лефорта, а генералиссимусом сухопутного войска назначен был боярин Алексей Семенович Шейн. В январе 1696 года скончался царь Иоанн Алексеевич, оставив трех дочерей — Екатерину, Анну и Прасковью от брака своего с Прасковьей Федоровной Салтыковой, а в следующем месяце Петр, теперь и по имени единодержавный, отправился в Воронеж, откуда писал: «А мы, по приказу Божию к прадеду нашему Адаму, в поте лица едим хлеб свой». В апреле двинулись войска из Воронежа; *Петр Алексеев* был уже теперь капитаном и начальствовал осмью галерами. Новорожденный русский флот преградил турецкому путь в Азов. Петр днем распоряжался осадюю, сам бросал бомбы, ночь проводил на галере, наблюдая за турецким флотом. «Сестрица, — писал он царевне Наталье Алексеевне, — по письму твоему я к ядрам и пулям близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили». Не видя ниоткуда помощи и напуганные отчаянною храбростию казаков, запорожцев и донцов, азовцы сдались 19 июля. Распорядившись укреплением Азова, Петр с торжеством возвратился в Москву, куда въехал в построенные по этому случаю триумфальные ворота.

3 *Кораблестроение кумпанствами.* Царь недолго отдыхал после Азова, в начале ноября в царской думе было определено, чтоб землевладельцы духовные с 8000 крестьянских дворов,

а светские с 10 000 выстроили по кораблю, оснащенному и вооруженному, а торговые и посадские люди — 12 судов бомбардирских, вследствие чего помещики и вотчинники должны были явиться в Москву для соглашения, кому с кем складываться для корабельной постройки, или, как тогда выражались, кому с кем быть в *кумпанстве*; верфи были устроены под Воронежем, мастера вызваны из Венеции, Дании, Швеции и Голландии; выбрано и место для гавани на Азовском море — Таганрог, предположен канал для соединения Волги с Доном (между Иловлею и Камышинкою); наконец, чтоб морское дело утвердилось в русском народе, Петр отправил 50 стольников и спальников в Венецию, Англию и Голландию учиться строению кораблей и управлению ими.

4. *Снаряжение великого посольства.* Но отправлением молодых людей за границу учиться — мерою, известною уже и прежде, Петр не мог ограничиться. По природе своей, жаждущей знания и деятельности, деятельности физической столько же, сколько и духовной, Петр хотел сам все видеть, все узнать, все сработать; не мог он спокойно дожидаться в Москве, пока посланные за границу возвратятся обученные корабельному мастерству, и не мог рассчитывать, чтоб это обучение вполне соответствовало его желанию. Дело было спешное, Петр не мог и не умел дожидаться, а тут еще издавна воображение его было распалено рассказами о чудесах цивилизации на Западе и человек самый близкий, Лефорт, толковал о необходимости для царя видеть все это самому. В конце 1696 года определено: отправить великих и полномочных послов, генералов Лефорта и Головина и думного дьяка Возницына, ко дворам: цесарскому, английскому, датскому, римскому, бранденбургскому, в Голландию и Венецию; свита посольская состояла из дворян и волонтеров, в числе последних находился Петр Михайлов — сам царь; управление государством на время отсутствия государя было поручено троим вельможам: Льву Кирилловичу Нарышкину, князю Борису Алексеевичу Голицыну и князю Петру Ивановичу Прозоровскому, Москва приказана князю Федору Юрьевичу Ромодановскому; под начальством другого Ромодановского, князя Михайлы Григорьевича, придвинуто было войско к литовской границе: в Польше умер король Ян Собеский и начались выборы; Россия с союзницею своею Австриею хлопотала о том, чтоб не был избран французский принц Конти, союзник султана, и Ромодановский в случае нужды должен был силою действовать против француза и его партии.

5. *Заговор Цыклера.* В феврале 1697 года все было готово к отъезду великого посольства, когда царь узнал о злоумышлении на свою жизнь Цыклера, Соковнина и Пушкина. Недавние мятежи вскружили буйную голову Цыклера: жаркий приверженец Софьи вначале, он один из первых перешел на сторону Петра

в 1689 году, но теперь, озлобленный холодностью государя, готов был сыграть роль Разина, поднять донских казаков и идти разорять Москву. Но заодно с Цыклером были люди знатные — Соковнин и Пушкин, говорившие, что государь погубил их всех, посылает за море; были казаки и стрельцы, которые желали, чтоб казаки разорили Москву с одного конца, а стрельцы — с другого.

6. *Поездка Петра за границу.* После казни Цыклера и сообщников его великое посольство в марте месяце отправилось из Москвы. В Риге, под которою еще недавно стояли войска царя Алексея, не дозволили Петру осмотреть городские укрепления, что сильно его рассердило. Иной прием встретил Петр у герцога курляндского и курфюрста бранденбургского, которые угощали его по-царски, несмотря на его инкогнито, и удовлетворяли всем его желаниям; курфюрстина бранденбургская София Шарлотта и мать ее София, курфюрстина ганноверская, в письмах своих описывают впечатление, которое произвел на них Петр: он поразили их своими блестящими способностями и вместе неумением сдерживать себя, грубыми привычками, недостатком воспитания. Приехавши в Голландию, Петр поселился в местечке Сардаме, или Зандаме, где под именем Петра Михайлова записался корабельным плотником на верфи. Но ему недолго дали поработать вволю: разнеслась по Сардаму весть, что молодой московский плотник сам царь, и толпы любопытных начали окружать его. Пробыв неделю в Сардаме, Петр переехал в Амстердам, где с лишком четыре месяца работал на верфи Ост-Индской компании вместе с своими товарищами, волонтерами русского посольства. Для усовершенствования в корабельной архитектуре Петр в январе 1698 года поехал в Англию, где более двух месяцев изучал кораблестроительное искусство в городке Денфорде и принял в русскую службу до 60 разных ученых и мастеров, мореходов же набрал преимущественно в Голландии. В апреле выехал Петр из Англии назад в Голландию и оттуда отправился в Вену; здесь, взявши с императора Леопольда обещание хлопотать, чтоб при заключении мира с турками последние уступили России все ее завоевания, царь хотел отправиться в Венецию, опять для кораблестроительного дела, как вдруг пришла весть о стрельцком бунте, и Петр вместо Венеции поспешил в Москву.

7. *Стрелецкий бунт.* Стрельцы, которых тщетно возбуждала София к восстанию против Петра в 1689 году, когда они спокойно жили в Москве, возмутились в 1698 году и стали звать Софью на царство, когда их стали посылать в дальние и трудные походы. Четыре полка, передвинутые из Азова к границам литовским, в Великие Луки, сильно роптали: «Какая наша служба! Страдаем от бояр, скитаемся через них третий год». Около 200 человек из них убежало в Москву; выгнанные отсюда солдатами, они возвратились в полки с письмом от царевны Софьи. «Теперь вам

худо,— писала Софья,— а после будет еще хуже, ступайте к Москве! Что вы стали про государя ничего не слышно». Поднялось волнение в полках, начали толковать, что государя за морем не стало, а сына его царевича Алексея хотят задушить бояре, надобно идти к Москве, перебить бояр, немцев, разорить Немецкую слободу. Весною их передвинули в Торопец, откуда велено каждому полку занять отдельные города, а беглых отправить в ссылку; тут стрельцы открыто взбунтовались, захватили оружие, пушки, выгнали полковников и капитанов, на их место выбрали свою братию и двинулись к Москве. К ним навстречу выступили боярин Шеин и генерал Гордон и 18 июня сошлись с стрельцами под Воскресенским монастырем (Новый Иерусалим), на берегу Истры. Напрасно уговаривали их воеводы покориться; стрельцы в ответ вычисляли свои заслуги, страдание в походах, что пришли, боясь князя Ромодановского, который велел их побить неизвестно за что, и слышно, что к Москве идут немцы, «последуя брадобритию и табаку, во всеосвершенное благочестия испровержение». Тогда воеводы велели действовать артиллерии, и после четырех залпов нестройная толпа стрельцов, не имевших предводителя, рассеялась в ужасе, но почти все мятежники были переловлены, начался розыск, пытки, 130 человек было повешено, остальные рассажены по тюрьмам в разных городах и монастырях.

8. *Возвращение Петра из-за границы.* Между тем царь возвращался из своего путешествия, насмотревшись Европы, насмотревшись чудес ее цивилизации, с твердым намерением пересадить эту цивилизацию в Россию, но для этого необходимо было близкое и непосредственное сообщение России с Западною Европою; для этого необходимо было осуществить намерение Иоанна IV приобрести хотя гавань на Балтийском море. На пути из Вены в Москву, в Галиции, Петр встретился с новым королем польским Августом II, курфюрстом саксонским, и объявил ему о намерении своем воевать с Швециею.

9. *Бритье бород и перемена платья.* 25 августа приехал Петр в Москву, и на другой же день началась стрижка бород у вельмож, первый и для многих самый трудный шаг к расставанию с стариною, потому что борода была знаменем старой партии, враждовавшей с безбородыми иностранцами, сближение с которыми Петр считал необходимым. Сбритием бород наносился сильный удар той узкой, мелкой народности, которая состоит в одном внешнем отличии народа от других народов, которая, отдаляя народ от других народов, препятствует его просвещению, препятствует, следовательно, основывать свою народность на внутренних духовных началах, проявлять свою народность в великих произведениях духа. Сбритием бород поканчивалось с теми людьми, которые преследовали раскольников, полага-

вших спасение только в старых книгах, старых обрядах и знаках, и в то же время провозглашали вместе с раскольниками, что брить бороду есть смертный грех. Петр издал указ, что, кто из светских людей не хочет отказаться от бороды, тот должен платить пошину. Вместе с бородою русские должны были расстаться и с старинною азиатскою одеждою, заменить ее общеевропейскою.

10. *Стрелецкий розыск.* После этих перемен начался страшный стрелецкий розыск. Петр остался недоволен розыском, который был произведен Шейным под Воскресенским монастырем и в котором ничего не оказалось об участии царевны Софьи в деле. Велено было прислать в Москву всех стрельцов, рассаженных по городским и монастырским тюрьмам, начались, по обычаю века, страшные пытки; оговорена была Софья и сестра ее царевна Марфа Алексеевна; Петр нарядил над сестрою суд выборных из всяких чинов людей; Софья и Марфа были пострижены, все стрельцы, участвовавшие в бунте, казнены смертию, кроме несовершеннолетних; стрелецкое войско мало-помалу уничтожено. В сентябре 1608 года пострижена была в суздальском Покровском монастыре и царица Евдокия Федоровна под именем Елены: Петр, при своем воспитании и привычках, привычках к рабочей и походной жизни и к отдыху от трудов с любимой *компаниею*, Лефортом с товарищи, не был привязан к семейной жизни; не могла привязать его к семье воспитанная по старине, в тереме, боярышня Евдокия Лопухина; понятия мужа и жены совершенно разнились; притом же Евдокии не мог нравиться образ жизни Петра, жизни вне семьи; она не скрывала своего неудовольствия, что сильно раздражало Петра, и следствием был развод.

11. *Паткуль.* Окончив розыск, царь отправился в Воронеж, и в его отсутствие умер Лефорт (в феврале 1699). Петр уже нашел в Воронеже корабли, построенные кумпанствами, и весною 1699 года выплыл Доном в море, а в августе отпустил в Константинополь для мирных переговоров посла своего Украинцева на русском корабле, который очень удивил и напугал турок. Петру хотелось кончить поскорее войну с Турциею, чтоб начать войну с шведами, для воспламенения которой хлопотал также знаменитый Паткуль.

Паткуль был ливонский дворянин. Когда в Швеции при короле Карле XI постановлено было отобрать у дворянства все коронные земли, которыми оно владело по грамоте прежних королей, то это постановление распространили и на Ливонию; мало того, от здешних рыцарей потребовали документов, по которым они владели своими стародавними вотчинами и которые трудно было бы отыскать. Ливонское рыцарство начало сильно хлопотать, чтоб не было конфискации имений, или *редукции*, как тогда

это называли, и самым ревностным поборником рыцарских прав явился капитан Паткуль, человек с блестящими способностями, образованный, исключительно преданный интересам своего сословия, пылкий, решительный и неутомимый в преследовании раз предположенной цели. Смелою защитою своего дела и движениями, мерами, которые он употреблял в Ливонии для этой защиты, Паткуль очень не понравился в Стокгольме, сюда присоединилась ненависть, которую он успел возбудить к себе в рижском генерал-губернаторе Гастфере, употреблявшем все средства, чтоб повредить ему. Вследствие всего этого Паткуль был вызван в Стокгольм и предан суду. Видя, что судная комиссия непременно хочет обвинить его в государственных преступлениях, Паткуль убежал из Стокгольма, где заочно приговорили его к смертной казни. Беглец скрывался от поисков шведского правительства, переезжая под вымышленною фамилиею из одной страны Европы в другую, занимался науками и обдумывал план, как бы освободить Ливонию от шведского владычества. Этот план, предложенный Паткулем королю польскому Августу, состоял в том, что Польша, Россия и Дания в одно время вооружились против Швеции: Польша для возвращения себе Лифляндии и Эстляндии, Россия — Ингерманландии и Карелии, Дания для овладения Голштейн-Готторпом, которого герцог был женат на родной сестре молодого шведского короля Карла XII.

12. Начало Северной войны, поражение под Нарвою. Август вошел в виды Паткуля и отправил посла в Москву убеждать Петра к союзу против Швеции, прельщая выгодами приобретения балтийских берегов. Но Петр не нуждался в этих убеждениях: он с радостью согласился на союз, который сам прежде предлагал Августу, но объявил, что начнет войну с Швециею только тогда, когда помирится с Турциею. Весною 1700 года короли датский и польский начали войну с Швециею. В июле русскому послу Украинцеву удалось заключить мир с турками на 30 лет: Азов со всеми старыми и новыми городками оставался за Россиею, и крымский хан отказался от ежегодных поминок, которые до сих пор обыкновенно присылались ему из Москвы. Узнавши о заключении этого мира 18 августа, Петр на другой день издал манифест о войне с шведами и дал приказ войскам двигаться для осады Нарвы. Но Петр вооружился против Швеции, когда оба союзника его, короли польский и датский, уже успели потерпеть неудачи. В то время как датский король старался овладеть Голштиниею, Карл XII в мае месяце явился под стенами Копенгагена, и король датский, чтоб спасти свою столицу, подписал в Травендале 18 августа мирный договор, по которому отказался от союза с Россиею и Польшею, признал независимость Голштинии и заплатил Швеции военные издержки. Покончив с Даниею, Карл XII поспешил в Лифляндию; известие о приближении его

заставило Августа польского снять осаду Риги, но Карл на время оставил в покое этого врага и устремился к Нарве, против русских, у которых было от 35 000 до 40 000 войска, состоявшего большею частию из новобранцев прошлого года; главным начальником был герцог де Кроа, взятый Петром в службу по рекомендации императора Леопольда. У Карла XII было около 8500 войска, но он надеялся быстрым натиском смять неискусные толпы русские, растянутые и к тому же слабые нравственно, ибо у них не было доверия к своим иностранным предводителям. 19 ноября совершенно неожиданно Карл подкрался к русскому войску, опрокинул неприготовленные толпы, захватил артиллерию; иностранные генералы и офицеры спешили отдаться в плен, боясь, что русские солдаты побьют их; только два гвардейских полка (Преображенский и Семеновский) сдерживали напор шведов до самой ночи; Карл вступил в переговоры с русскими генералами и обещал отпустить русское войско с оружием и знаменами, но обещание это не вполне было сдержано. Русские потеряли до 6000 человек.

13. *Успехи русских в Ливонии; основание Петербурга.* Величие Петра выдержало и это страшное искушение. Принужденный вести борьбу во одно время и с врагом внешним, так блистательно доказавшим свое превосходство, и с врагами внутренними, которые возбуждали в народных массах неудовольствие против нововведений, не оправданных, не благословенных успехом, Петр не упал духом и немедленно употребил все средства к более успешному продолжению войны. Обстоятельства также помогли ему, ибо Карл, оставив генерала Шлиппенбаха с небольшим войском для защиты Ливонии, сам обратился против третьего врага своего, Августа польского, и остался на несколько лет во владениях последнего. Петр как нельзя лучше воспользовался временем, «пока швед увяз в Польше», по его выражению. Почти целый 1701 год прошел в маловажных набегах с обеих сторон; только в декабре Шереметев напал на главные силы Шлиппенбаха и разбил [их] при селении Эрестфер. Летом 1702 года Шереметев, пожалованный в фельдмаршалы за Эрестферскую победу, разбил вторично Шлиппенбаха при мызе Гумельсгофе, после чего русские страшно опустошили всю восточную часть Лифляндии. Разнеслась весть, что шведы хотят овладеть и единственною русскою гаванью на европейском море — Архангельском, и Петр поспешил для его защиты, но слух оказался ложным; тогда Петр прямо из Архангельска отправился к заветной цели своей, туда, где и прежде русские владения соприкасались с морем, но где теперь шведские знамена виднелись на старых русских укреплениях. Петр осадил Нотебург, древний новгородский Орешек, 11 октября взял его и назвал Шлюссельбургом, Ключ-городом, ибо крепость эта, построенная при истоке Невы

из Ладожского озера, действительно служила ключом к морю. Вход в Финский залив защищался маленькою крепостью Ниеншанцем на правом берегу Невы. 1 мая 1703 года крепость эта была взята, срыта, и вместо нее 16 мая заложена новая, ближе к устью Невы, на острове Луст Эйланде: то был Петербург, столица новой России, добившейся до моря, к которому стремилась с лишком сто лет. Для прикрытия нового приморского городка со стороны моря основана крепость Кронштадт на отмели близ острова Котлина; для нового балтийского флота устроены верфи в Олонце; отобраны у шведов и два остальных русских города — Копорье и Ям; последний назван Ямбургом; в 1704 году взяты Дерпт и Нарва.

14. *Действия Карла в Польше, бунт в Астрахани; затруднительное положение Петра, Альтранштедтский мир.* Между тем Карл XII все кружил за Августом польским. Август был драгоценный союзник для Петра не тем, что усердно помогал ему в войне с шведами: как скоро шведы являлись в одном углу, то он бежал в другой, но тем, что задерживал Карла в Польше. Шведский король никак не решался помириться с Августом, выйти из Польши и ударить на Петра, оставя в тылу Августа, ибо имел полное право не полагаться на его слово; он хотел непременно покончить с Августом, возвести на его место другого короля в Польше и вместе с этим новым союзником окончить войну с Россией, предписав Петру мир в Москве. Паткуль, недовольный Августом, перешел в службу к Петру и в качестве русского царского министра находился при дворе Августа, часть вельмож перешла на сторону Карла, другая держалась Августа. Наконец Карл заставил сейм свергнуть Августа и выбрать в короли познаньского воеводу Станислава Лещинского. Но этим Карл не достиг своей цели, ибо Лещинский многим не нравился, и Август имел возможность держаться в Польше.

Желая поддержать союзника, Петр весною 1705 года двинул войска свои к Западной Двине; они перешли эту реку, овладели Курляндию, Вильною; главные силы, около 35 000, сосредоточились в Гродно, где был устроен большой укрепленный лагерь. Но в то время как борьба на западе становилась все важнее, Петр должен был отделить часть своих сил на отдаленный юго-восток, к Астрахани, где вспыхнул мятеж. Стрелецкий сын Степан бежал из Москвы в Астрахань и три года раздувал здесь мятеж, распуская самые нелепые слухи, будто «установлена тяжкая служба и новая вера, велят кланяться болванам. Русское государство хотят разделить на четыре части, русских девиц всех выдать за немцев; чтоб не допустить до этого, надобно всех немцев, бояр и офицеров солдатских вырубить». Астраханцы волновались тем более, что терпели от корыстолюбия и насильственных поступков начальных людей, особенно при перемене старого платья на

новое. 29 июля 1705 года было сыграно в городе сто свадеб из боязни, чтоб не пришлось выдавать русских девиц за немцев; ночью на 30-е число вспыхнул бунт, мятежники ворвались в крепость, убили воеводу и несколько офицеров, послали призывные грамоты казакам. Петр немедленно отправил против бунтовщиков фельдмаршала Шереметева, который овладел Астраханью 13 марта 1706 года после сильного боя. А между тем на западе Карл, воспользовавшись зимним путем, быстро двинулся из Варшавы к Гродно и отрезал русскую армию от мест, из которых она должна была получать продовольствие. Надежда на выручку от союзников пропала для русских, потому что генерал Шуленбург, начальствовавший саксонскими и русскими войсками на границах Польши и Силезии, потерпел сильное поражение от шведов при Фрауштадте. В каком печальном состоянии находился в это время Петр, видно из его писем. «Боже,— пишет он (весною 1706 года, перед Лазаревым воскресеньем),— прибавь тяжести в нашу чашку весов, потому что без этого она перевеситься не может. Мы вместе с приближающимся Лазарем в адской сей горести находимся. Дай, Боже, воскреснуть с ним!» Но, сознавая всю затруднительность своего положения, Петр не отчаивался: он послал в Гродно приказ своим войскам отступить, причем дал подробное наставление, как беспрепятственно совершить это отступление, и благодаря плану Петра армия русская достигла Киева почти без потерь. Карл, оставя литовские болота, обратился опять на запад и вошел в Саксонию, чтоб здесь, в наследственных владениях Августа, нанести ему решительный удар. Расчет Карла был верен: чтоб спасти Саксонию, Август в сентябре 1706 года заключил с шведским королем мир в Альтранштедте, по которому отказался от польского престола в пользу Станислава Лещинского, отказался от союза с Россией и не постыдился выдать шведам Паткуля, которого Карл велел колесовать как изменника. Август заключил этот мир тайком от Петра и даже находился при войске Меншикова, когда этот любимец Петра 18 октября разбил шведского генерала Мардефельда при Калише.

15. Карл приближается к русским границам; Булавинский бунт. После Альтранштедтского мира у Карла оставался только один неприятель — русский царь, и Петр, приготавливаясь к обороне, употреблял в то же время все средства к заключению мира, искал посредничества иностранных держав, соглашался ограничиться одною гаванью на Балтийском море, но Карл не хотел уступить ничего, хотел заключить мир в Москве, и Петр, не полагаясь на военное счастье, послал приказание укреплять эту столицу. В исходе 1707 года Карл перешел Вислу, в январе 1708 занял Гродно и устремился за русскими войсками, расположенными в Литве; те, согласно плану Петра, постоянно отступали

к своим границам, опустошая проходимую ими страну, чтоб затруднять неприятеля недостатком продовольствия. Но в это решительное время, когда Россия должна была напрячь все свои силы для страшной борьбы, вспыхнуло сильное казацкое возмущение на Дону вроде разинского.

Время Петра, которое нам теперь издали представляется таким блестящим, было одним из самых тяжелых времен для русского народа: для ведения продолжительной и трудной войны и вместе для новых учреждений требовались большие пожертвования, а средства страны были скудны; тяжки были рекрутские наборы, налоги денежные, и вот для избавления от тех и от других толпы народа бежали по старому обычаю на Дон, к казакам, вследствие чего оставшимся, разумеется, становилось еще тягостнее. Петр не мог смотреть на это равнодушно и в конце 1707 года отправил полковника князя Юрия Долгорукого с командою на Дон отыскивать беглецов и высылать на прежние жилища. Долгорукий отыскал 3000 беглых, но в это время между казаками начала ходить грамота с увещанием не допускать Долгорукого до исполнения его наказа и бить сыщиков. Началось волнение, большая шайка *голутвенных* собралась около бахмутского старшины Кондратия Булавина, который нечаянно ночью напал на отряд Долгорукого и истребил его вместе с предводителем. Разбитый верными казаками, высланными против него атаманом Максимовым, Булавин бежал в Запорожье, откуда весной 1708 года явился на Хопре и стал рассылать возмутительные письма, провозглашая, что они, казаки, встали за истинную веру христианскую и за благочестивого царя против князей, бояр и немцев, которые отвращают всех от истинной христианской веры. Собравши около себя большую толпу голутвенных, Булавин разбил царское войско и овладел главным городом донских казаков — Черкасском, где казнил атамана Максимова с прочими старшинами и сам провозглашен был атаманом. Между тем другие начальники мятежнических шак, Некрасов, Хохлач, действовали по Волге, ограбили Саратов, Царицын, Камышин; товарищ их Гольый вырезал Сумский полк и рассылал возмутительные грамоты. «Нам до черни дела нет, — писал он, — нам дело до бояр, а вы, голудьба, все идите изо всех городов конные и пешие, нагие и босые: будут у вас и кони, и ружья, и платья, и денежное жалованье». Волнение распространилось уже до Тамбова. Но торжество Булавина было непродолжительно: товарищ его Дранный потерпел поражение от царских войск и погиб в битве; другой отряд мятежников разбит был под Азовом, и между тем главный предводитель войск правительства князь Василий Владимирович Долгорукий (брат убитого Булавиным) приближался к Черкасску. Противные Булавиному казаки взяли теперь силу и осадили его в его доме; Булавин сначала защищался, но потом,

видя невозможность сопротивления, застрелился (в июле). Черкасск сдался Долгорукому, но бунт не прекратился ранее ноября, потому что надобно было управиться еще с Некрасовым и Голым, действовавшими на Верхнем Дону и на Донце; Некрасов принужден был бежать на Кубань с 2000 казаков и там поддался крымскому хану, Голый бежал, потерпев жестокое поражение. Долгорукий истребил до основания непокорные станицы: «главных бунтовщиков и пойманных изменников, и в прочих юртах от девяти десятого вешали, и оных всех на плотах висящих плыть по рекам пускали, чем преужасный страх всему Дону наведен, и тем наипаче усмирены».

16. *Сражение при Добром и Лесном; измена Мазены.* Между тем летом 1708 года Карл XII, разбивши отряд русского войска при Головчине, занял Могилев, где должен был соединиться с ним генерал Левенгаупт, шедший из Лифляндии с большими запасами. Но, терпя недостаток в продовольствии, Карл не стал дожидаться Левенгаупта и пошел на Мстиславль, через леса и болота, по опустошенному краю, где часть войска его у села Доброго была разбита князем Михайлою Михайловичем Голицыным. Вопреки советам генералов своих Карл не возвратился в Могилев для соединения с Левенгауптом, но направил путь к Украине. Этим воспользовался Петр, нагнал Левенгаупта и поразил при деревне Лесной, на реке Соже, 28 сентября: шведы потеряли 10 000 человек, всю артиллерию и главное — все запасы, которые были так важны для Карла. «Здесь первая солдатская проба была», по словам Петра, потому что здесь в первый раз русские победили шведов, сражаясь с ними в равном числе.

Карл жертвовал войском Левенгаупта и запасами, торопясь в Малороссию. После Богдана Хмельницкого не было ни одного гетмана в Малороссии, который бы спокойно кончил жизнь свою в гетманском достоинстве. Царь Алексей Михайлович не верил доносам на Выговского; Пушкарь пал жертвою этого неверия, и Выговский изменил, Юрий Хмельницкий изменил, Брюховецкий изменил, Многогрешный был обвинен в измене своими и кончил жизнь свою в ссылке; Самойлович также был обвинен своими и имел ту же участь. Царь Алексей не поверил доносам на Выговского и должен был раскаяться в своем неверии; в деле Многогрешного и Самойловича московское правительство поверило обвинениям — и вот пошли жалобы, что доносы были несправедливы, что правительство наказало верных слуг своих в угоду врагам их. Затруднительно было положение московского правительства относительно гетманов; крайне затруднительно было положение самих гетманов; гетман выбирался или выкрикивался на шумной раде толпою своих приверженцев, взявших верх, но соперники, враги его, после этого избрания искали всех средств вредить гетману, избранному против их желания, чтоб

предохранить себя от злобы врагов, гетман обыкновенно окружал себя наемною стражею, составленною из людей всякого рода, чужеземцев, которые возбуждали против себя ненависть малороссиян; не имея возможности действовать против гетмана насилием, враги старались обнести его в Москве, выставить изменником пред царем. Гетман находился между двух огней: между требованиями правительства московского, которое хотело, чтоб Малороссия участвовала в общей жизни государства, исполняла обязанности, одинакие со всеми другими частями народонаселения, и между требованиями казачества, которое хотело быть как можно более независимым от государства, исполнять как можно менее обязанностей, им налагаемых. В таком положении был и преемник Самойловича, Иван Степанович Мазепа, старик чрезвычайно умный, ловкий, образованный, приятный говорун в обществе. Петр очень любил его и вполне ему доверял, несмотря на то что на него был целый ряд доносов в измене; доносы эти по своей недоказанности только утверждали Петра в той мысли, что верный ему гетман имеет много врагов. Действительно, пока шведский король был далеко, странно было бы думать, что умный Мазепа захочет изменить русскому царю. Но обстоятельства переменялись: победоносный Карл приближался к русским границам с целью заключить мир в Москве, и сам Петр не считал достижение этой цели невозможным, ибо послал приказ укреплять Москву. Старый Мазепа не мог преодолеть искушения и, полагая невероятным, чтоб Петр с своим неопытным войском вышел победителем из борьбы, завел переговоры с Карлом и новым королем польским Станиславом Лещинским. Донос не замедлил: генеральный судья Кочубей прислал монаха в Москву с известием, что гетман хочет изменить, передаться ляхам; Петр не обратил никакого внимания на донос, в котором видел только мщение Кочубея за личную обиду, нанесенную ему Мазепою, ибо Кочубей не умел смолчать об этой обиде. В начале 1708 года Кочубей повторил донос вместе с бывшим полтавским полковником Искрою. Повторение доноса, подобно прежним не подкрепленного никакими доказательствами, навело Петра на мысль, что изменяет не Мазепа, но Кочубей с товарищами, которым хочется свергнуть верного гетмана, чтоб завести смуту в Малороссии. Кочубей с Искрою были вызваны в Витебск, где подали новый, пространственный, но дурно написанный донос. Между прочим, Кочубей доносил, что когда Мазепа был потревожен известием о скором приезде государя, то собрал вооруженных людей; конечно, писал Кочубей, Мазепа при этом имел намерение отстреливаться от государя. Искра объявил, что Мазепа имел намерение при этом убить государя или выдать неприятелю и что он, Искра, слышал это от Кочубея, но Кочубей на очной ставке с Искрою отрекся, что

никогда не говорил ему о намерении гетмана посягнуть на жизнь государя; Искра ссылался на жену Кочубея, свидетельницу разговора, Кочубей не признавался. В то время при таких обстоятельствах употреблялась лытка. Искра на пытке сложил свою вину на Кочубея, которого обвинял в заговоре с разными лицами для низвержения Мазепы, а Кочубей на пытке объявил, что доносил на гетмана единственно по злобе, не зная за ним никакой измены. Дело по-тогдашнему было решено: Искра и Кочубей были выданы Мазепе и в июле 1708 года казнены.

На этот раз Мазепа избавился от беды, но положение его затруднялось все более и более, потому что он сделал из себя игрушку обстоятельств, военного счастья, был слабый между двумя борющимися сильными. Из боязни перед победоносным Карлом он вошел с ним в сношения, но в то же время не смел отложиться от Петра, ибо только вступление шведов в Украину могло спасти его от гнева царского. Шведскому королю он должен был обещать помощь казаков, а между тем не смел открыться казакам, не смел явно подговаривать их на шведскую сторону. Хитрость, притворство оставались для Мазепы единственными средствами выпутаться как-нибудь из затруднительного положения. Чтоб не начальствовать войском и не идти туда, куда царь прикажет, он притворился отчаянно больным; но когда Карл вступил в Украину, Мазепа выздоровел, двинулся с небольшим отрядом преданного ему войска, переправился через Десну, 26 октября объявил своему отряду об измене, 29-го соединился с Карлом. Получив известие об уходе Мазепы, Петр издал манифест с извещением, что гетман изменил и заключил договор с Карлом и Станиславом Лещинским, чтоб Малороссию поработить по-прежнему полякам, а церкви Божии и святые монастыри отдать в унию. Но Петр действовал не одними манифестами: он двинул Меншикова к Батурину, и эта столица гетманская была взята приступом и разорена, после чего 6 ноября в Глухове собралась казацкая рада, на которой был избран гетман стародубский полковник Иван Ильич Скоропадский, 12 ноября в Глухове малороссийское духовенство, а в московском Успенском соборе великороссийское предало Мазепу проклятию, и чучело его было повешено палачом. Новый гетман Скоропадский выдал универсал, в котором спрашивал малороссиян: «Чего можно ожидать нам, православным христианам, от короля шведского, чужеземца иноверного? Если бы даже он и хотел защищать нас, то как он может это сделать из такой дали, из-за Балтийского моря? И как он может быть защитником церковей наших, будучи их противником?» Это обращение к здравому смыслу народа не могло остаться без действия, и шведы вместо ожидаемой помощи встретили в Малороссии народную войну: крестьяне нападали врасплох на шведские отряды, уводили у неприятеля лошадей,

прятали от него съестные припасы. Полковники Апостол и Галаган покинули Мазепу и перешли к царю; сам Мазепа, видя, что обманулся в своих расчетах, что Карлу трудно будет заключить мир в Москве, завел сношения с Петром, обещая оказать ему важную услугу насчет шведского короля; Петр принял предложение и обещал полное забвение прошедшего, но Мазепа не нашел средств оказать ему важной услуги и остался при короле.

17. *Полтавская битва и успех русских в прибалтийских областях.* Мало получил помощи Карл от союзника своего Мазепы, а между тем на помощь к русским явилась могущественная союзница, страшно холодная зима,— так, что птицы падали на лету; доставалось и русским от этой союзницы, но шведы страдали гораздо больше, потому что не имели теплой одежды и обуви, и к весне 1709 года у Карла оставалось не более 30 000 войска, которое он расположил между реками Пселом и Ворсклою с главной квартирою в Будище, к северу от Полтавы. Тщетно Карл ждал помощи из Турции и Польши; только одни запорожцы соединились со шведами, но 14 мая сеча их была взята царскими войсками. Еще прежде, в конце апреля, Карл осадил Полтаву; безуспешная осада длилась с лишком месяц; 4 июня Петр приехал к своему войску, которое было расположено на левой стороне Ворсклы и отделялось от Полтавы непроходимыми болотами. Чтоб спасти город, не могший защищаться, Петр решился напасть на неприятеля и переправился через Ворсклу; Карл 27 июня двинулся к нему навстречу, в четыре часа утра начался бой и в 11 часов кончился совершенным поражением шведов. Карл едва успел избежать плена: он с Мазепою и с небольшим числом шведов и запорожцев переправился за Днепр и направил путь к турецкой границе, но остальное шведское войско под начальством Левенгаупта принуждено было сдаться Меншикову. Карл XII остановился в Бендерах, отдался под покровительство Турции и начал стараться, чтоб возбудить эту державу к войне с Россиею; Мазепа умер через два месяца по прибытии в Бендеры.

Полтавскою битвою сокрушено было могущество Швеции, которая первенствовала на севере Европы после тридцатилетней войны, ее место заступила Россия. До Полтавской битвы (пре-славной виктории, «русского воскресения», как называли ее современники) главная историческая роль принадлежала западным европейским народам племени германского и романского; с Полтавской битвы выступает на историческую сцену Восточная Европа в лице России; в ее же лице получает важное значение и племя славянское. Все побежденное Карлом подняло теперь голову: курфюрст саксонский и король датский спешили разорвать мир с Швециею, Станислав Лещинский не мог без Карла держаться в Польше и должен был выехать в Померанию; Август опять занял престол польский. Главная сцена действия снова

перенеслась на берега Балтийского моря: Рига, Динамюнде, Пернау, Ревель, Выборг, Кексгольм были взяты русскими в 1710 году; тогда же Петр выдал племянницу свою Анну Иоанновну за герцога курляндского. Но в 1711 году Петр должен был покинуть Север, потому что Карлу XII и французскому послу удалось поднять против него Турцию.

18. *Война турецкая.* Узнавши о заключении посла своего в Семибашенный замок, Петр в начале 1711 года начал готовиться к войне; при этом у него был блестящий план проникнуть в сердце турецких владений с помощью единоверного и большею частью единоплеменного народонаселения. Молдаване, волохи, сербы, черногорцы обещали ему помощь, Август польский также обязался выставить 30 000 войска, так что число одних союзников должно было простираться до 90 000, да русских было 40 000. Петр позволил себе увлечься этими обещаниями и попал в такое же положение, в каком недавно Карл XII находился в Малороссии. Петр шел в Молдавию через степь в летний зной, истомивший его войско; молдавский господарь Кантемир обещал приготовить запасы для русских, но, как слабый между двумя сильными, сначала хитрил, боясь турок, притворился верным султану и объявил себя за Россию только тогда, когда передовые войска царские подошли к Яссам. Далеко не все вельможи молдавские последовали его примеру, и присоединение Кантемира, хотя «человека зело разумного и в советах способного», так же мало помогло Петру, как прежде присоединение Мазепы мало помогло Карлу, запасы не были приготовлены, и господарь валахский Бранкован вопреки своему обещанию соединился с турками, которые под начальством великого визиря уже перешли Дунай. 9 июля на берегу реки Прута Петр с 38 000 войска был окружен турками, которых было до 200 000. Нападения турок были отбиты с большим уроном для них; несмотря на то, положение русского войска, не имевшего съестных припасов и отрезанного от воды, было отчаянное. На военном совете было решено предложить мир визирю, и тот согласился принять это предложение, потому что, с одной стороны, янычары волновались и не хотели сражаться с русскими, храбрость которых недавно испытали; с другой — пришло известие, что русский генерал Ренне, отряженный Петром, взял Браилов и грозил разрушить мост на Дунае. Но условия мира, разумеется, не могли быть выгодны для Петра: он должен был возратить туркам Азов и три построенные им крепости, обязался не вмешиваться в дела Польши и дать Карлу XII свободный проезд в королевство. Уведомляя Сенат о заключении мира, Петр писал: «Хотя это дело и не без печали, потому что должны лишиться городов, на которые столько труда и убытков положено; однако думаю, что этим лишением принесется великое укрепление другой стороны, которая нам несравненно прибыльнее».

19. *Продолжение Северной войны, разлад Петра с союзниками, путешествие его во Францию.* Эта более прибыльная сторона была война на северо-западе, утверждение на берегах европейского моря. В 1712 и 1713 году русские с союзниками своими, саксонцами и датчанами, продолжали вытеснять шведов из Померании. В том же 1713 году, в начале мая, галерный флот русский, состоявший из 200 судов, вышел из Петербурга в море под начальством генерал-адмирала Апраксина; сам царь начальствовал частью флота в звании контр-адмирала; Гельсингфорс и главный город Финляндии Або были взяты, и абовская библиотека переслана в Петербург. Шведы отступали во внутренность страны, но Апраксин и князь Голицын (Михайла Михайлович) шли за ними по пятам и, поразивши их при Таммерсфорсе, заняли почти всю Финляндию. В 1714 году 25 июля Петр разбил шведский флот при Гангуде и занял остров Аланд; на шведов напал сильный страх: все войска, какие только можно было собрать, стянулись для защиты Стокгольма, между которым и Аландом только 15 миль расстояния, тогда как занятием Нейшлота dokonчено было завоевание Финляндии.

Петр все более и более укреплялся на восточных берегах Балтийского моря и начинал грозить самой Швеции, а Карл понапрасну тратил время в Турции, стараясь опять поднять султана против царя. Наконец в ноябре 1714 года Карл, пробравшись через Венгрию и Германию, явился в Штральзунде, осажденном союзниками, число которых увеличилось еще Пруссией и Ганновером. Но его присутствие не спасло этого города в 1715 году; в следующем 1716 шведы потеряли и последнее свое владение в Германии — Висмар. При сдаче этого города произошло столкновение между союзниками, подготовленное мекленбургскими делами. В начале 1716 года царь выдал другую племянницу свою Екатерину Иоанновну за герцога мекленбургского Карла Леопольда, причем Петр обещал всеми силами содействовать герцогу в получении Висмара и Варнемюнде и поддерживать его как против врагов внешних, так и против собственного его дворянства мекленбургского, с которым он был во вражде; герцог за это позволил русским купцам жить и торговать свободно во всех своих владениях, строить православные церкви, обязался пропускать чрез свои владения русские войска и устраивать для них магазины на царский счет. Мекленбургское дворянство увидело для себя страшную беду от этого союза и начало действовать всеми силами против царя, выживать русское войско из Мекленбурга, ссорить Петра с союзниками его, пугая последних властолюбивыми его замыслами, намерением утвердиться в Германии. Мекленбургское дворянство могло успешно вести свои интриги, потому что один из его членов, Бернсторф, был министром в Ганновере и владел полною доверенностью курфюрста

Георга, короля английского; двое других мекленбургцев находились в датской службе и имели большое влияние на короля. Вследствие этого союзники не пустили русских войск в Висмар. Подозрительность, обнаруженная королем датским во время пребывания Петра в Дании с войском, назначенным для высадки на шведские берега, еще более раздражила царя против союзников, особенно против ганноверского курфюрста, английского короля. В конце года он отправился в Голландию, где голштинский министр, находившийся в службе шведского короля, Герц, хлопотал о приведении в исполнение своего плана: примирить Россию с Швециею и соединенными их силами низвергнуть с английского престола Георга I, курфюрста ганноверского, и на его место возвести претендента Иакова III Стюарта, но план был открыт. Видя, что от прежних союзников нечего ждать помощи, Петр весной 1717 года отправился во Францию для заключения тесного союза с герцогом Орлеанским, правившим во время малолетства Людовика XV; Петру хотелось помолвить дочь свою Елисавету за малолетнего короля. В Париже для царя приготовили комнаты в Лувре, но он отказался от такого великолепного помещения и поселился в простом доме. Французы-современники так описывают наружность Петра. он был высокого роста, очень хорошо сложен, довольно худощав, смугл, глаза имел большие и живые, взгляд пронизательный, иногда дикий, особенно когда на лице появлялись конвульсии, движения его были неправильны и порывисты; никакие светские приличия не останавливали его деятельности, вид величия и смелости возвещал государя, который чувствует себя хозяином повсюду. Гуляя по улицам, он заходил в мастерские к ремесленникам, останавливаясь на всем, везде обнаруживая обширные познания. Вещи только изящные, служащие к удовольствию, мало его занимали, но все, что имело целью пользу, все, что относилось к мореплаванию, торговле, к искусствам необходимым, возбуждало его любопытство, и здесь-то он приводил в изумление верностью взгляда, обнаруживал такую же быстроту в изучении, как и жадность к знанию. Среди города, утопавшего в блеске и роскоши, Петр отличался простотою в одежде: он носил дешевое суконное платье, широкий пояс, на котором висела сабля, круглый и короткий парик без пудры, рубашку без манжет.

20. *Окончание Северной войны.* Петр не вполне достиг цели своей поездки во Францию, потому что Франция в это время тесно сблизилась с Англиею. По возвращении в Голландию министры, сопровождавшие Петра, имели тайные переговоры с Герцгом, который обещал устроить мир между Россиею и Швециею. Вследствие этого весной 1717 года открылись переговоры на Лофоз, одном из Аландских островов, между уполномоченными Петра, Брюсом и Остерманом, и уполномоченными Карла XII, Герцгом и Гил-

ленборгом. Здесь было постановлено, что Россия удерживает Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии, за что обязывается помогать шведам не только в возвращении их прежних германских владений, но и в приобретении Норвегии; Август должен был лишиться польского престола, который возвращался Станиславу Лещинскому. Но насильственная смерть Карла XII в декабрь 1718 года уничтожила все эти планы. Шведские аристократы захватили в свои руки правление, отстранили от престола сына старшей сестры Карловой, герцога голштинского, и возвели принца гессенского, мужа младшей сестры, казнили Герца и постановили действовать вопреки его планам; вследствие этого заключен был мир с Ганновером, Пруссией и Даниею и возобновлена война с Россией. Но истощенная Швеция не могла выставить русским никакого сопротивления: в 1719 году царские войска высадились на берега Швеции и сожгли два города со 135 деревнями; Апраксин опустошил страну в семи милях от Стокгольма; вред, причиненный Швеции этою высадкою русских, простирался до 12 миллионов; в 1720 году опустошение возобновилось. Наконец 30 августа 1721 года заключен был мир в Ништадте прежними уполномоченными, Брюсом и Остерманом. Швеция отказалась от Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, части Карелии и части Финляндии. Постоянная цель московских государей, начиная с Грозного, была достигнута, прибалтийские берега приобретены. В Петербурге торжествовали это великое событие маскарадом, продолжавшимся целую неделю. 22 октября Петр слушал обедню в Троицком соборе; по окончании литургии читали подтвержденный мирный договор, псковский архиерей Феофан Прокопович говорил проповедь, исчислял славные подвиги царя, за которые он по справедливости должен быть назван отцом отечества, императором и великим, после чего канцлер Юловкин говорил речь: «Трудом и руководством вашего царского величества мы из тьмы невежества на театр славы всего света и, так сказать, из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены». Речь оканчивалась восклицаниями: «Виват, виват, виват Петр Великий, отец отечества, император всероссийский!» Эти слова повторились присутствующими в церкви, повторились и вне ее при звуке труб, литавр, барабанов, пушечной и ружейной пальбы. Новый император отвечал сенаторам, что «должно всеми силами благодарить Бога, но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, дабы не иметь жребия монархии греческой; надлежит стараться о пользе общей, отчего народ получит облегчение».

21. *Война персидская и кончина Петра Великого.* Окончив европейскую войну, Петр стал думать об азиатской. Уже давно европейские торговые народы, домогаясь свободного пути по Волге в Каспийское море, к берегам Персии, указывали

московскому правительству, что Россия по своему положению должна быть средоточием торговли между Европою и Азиею, и мы видели, что при царе Алексее Михайловиче в Москве была сделана попытка посредством армянской компании сосредоточить торговлю персидским шелком в России. Петр еще в 1716 году хлопотал об отыскании водного пути из Каспийского моря в Индию; соединивши искусственно Балтийское море с Каспийским и утвердившись по Ништадтскому миру на берегах первого, он хотел теперь утвердиться на берегах второго. Весною 1722 года Петр отправился из Москвы вниз по рекам Москве, Оке и Волге в Астрахань и в июне издал манифест, что начинает войну с Персиею, не получив от бессильного шаха удовлетворения в обиде, нанесенной русским купцам в Шемахе. В июле император выступил из Астрахани с сухопутным войском и флотом; в августе были заняты Тарки; после поражения утемишского султана Махмуда занят Дербент. Но эти успешные действия были остановлены недостатком в съестных припасах, потому что суда, везшие хлеб, были задержаны бурей, и в военном совете решили окончить поход этого года и, оставя гарнизон в Дербенте, возвратиться в Астрахань. В ноябре, отправив полковника Шипова для занятия Гилянской области, Петр поехал обратно в Москву. Война продолжалась успешно и в отсутствие императора: Шипов поразил персиян при Реште; летом 1722 года генерал Матюшкин взял Баку; осенью посол шаха Тохмаса заключил в Петербурге договор, по которому Петр обещал выслать шаху войско против всех мятежников и утвердить его на персидском престоле, за что шах уступил России города Дербент и Баку с областями Гилянью, Мазандераном и Астрабатом.

Между тем жизненные силы оставляли великого императора. Уже давно страдал он тяжкою болезнию, от которой минеральные воды разных стран доставляли только временное облегчение, ибо Петр не щадил себя и плохо исполнял советы медиков. 6 января 1725 года при обряде водоосвящения он простудился, слег в постель и не вставал более: 28-го числа Петра не стало.

ГЛАВА XL

ВНУТРЕННЯЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

1. В отношении к Церкви. В 1700 году умер патриарх Адриан; царь отложил избрание нового патриарха и поручил дела по патриаршему управлению рязанскому митрополиту Стефану Яворскому с званием блюстителя патриаршего престола. Этою

мерою приготавливалось уничтожение патриаршества и замещение его коллегиальным управлением, которое под именем Святейшего Синода учреждено в 1721 году. В регламенте для этой духовной коллегии, написанном псковским архиепископом Феофаном Прокоповичем, излагалось превосходство нового учреждения и вообще превосходство коллегиального управления; между прочим говорилось, что «от соборного управления нельзя опасаться отечеству мятежей и смущения, какие могут произойти, когда в челе церковного управления находится один человек: простой народ не знает, как различается власть духовная от самодержавной, и, удивленный славою и честью верховного пастыря Церкви, помышляет, что этот правитель есть второй государь, самодержцу равносильный или еще и больше его, и что духовный чин есть другое, лучшее государство, и если случится между патриархом и царем какое-нибудь разногласие, то скорее пристанут к стороне первого, мечтая, что поборают по самому Боге». Потом в регламенте излагались дела, подлежащие управлению духовной коллегии: ей вменено в обязанность истреблять все существующие суеверия, для распространения сведений о законе Божиим сочинить три книги: 1) о догматах веры, 2) о должностях всякого человека, 3) собрание проповедей св. отцов о догматах и должностях. Каждый епископ по регламенту обязан был иметь в своем доме школу для приготовления священников; обязан был невысоко мыслить о своей чести; чтоб под руки его, пока здоров, не водили и в землю ему не кланялись. В главе о духовных школах говорится: «Дурно многие говорят, что наука порождает ереси; наши русские раскольники не от грубости ли и невежества так жестоко беснуются? И если посмотреть на мимошедшие века чрез историю, как чрез зрительную трубу, то увидим все худшее в темных, а не в светлых учением временах». В 1724 году был дан указ Синоду о монахах; здесь определены две цели для монашества: 1) служение страждущему человечеству, вследствие чего в одних монастырях велено содержать больных, старых и увечных, в других — детей-сирот; 2) образование из себя властей церковных. Еще прежде велено было отсылать бедных отставных военных в монастыри и давать им там жалованье из монастырских доходов. Так как из монастырей появлялись сочинения, направленные против преобразований и преобразователя, то запрещено было монахам писать в кельях, держать чернила и бумагу; если же хотели писать, то должны были это делать в трапезе. Что касается белого духовенства, то священническим и дьяконовским детям велено было учиться в школах, неученых запрещено было посвящать, а велено брать в солдаты.

«Господь дал царям власть над народами, но над совестью людей властен один Христос», — говорил Петр. Вследствие этого взгляда при нем раскольники, если хорошо исполняли свои обя-

занности в отношении к государству и не распространяли своего учения, могли свободно отправлять свое богослужение, платили только двойной оклад. Наплыв иностранцев и тесное сближение с ними заразили некоторых русских иноверными взглядами: в 1713 году открыто было в Москве общество людей, распространявших крайние протестантские мнения; главным из них был лекарь Дмитрий Тверитинов; цирюльник Форма Иванов дошел до такой степени фанатизма, что в Чудове монастыре рассек образ св. Алексея митрополита. Ревностною распространительницею крайних протестантских мнений явилась одно время женщина Настасья Зима. Эти протестантские движения были остановлены строгими мерами правительства. Иезуиты, за то что пытались распространять католицизм, были изгнаны из России. Раскольничество своею проповедью о недостоинстве Церкви со времен Никоновских новшеств производило в толпе колебание, сомнение и холодность к Церкви, к таинствам и общественному богослужению, так что царь почел за нужное повторить указ отца своего, чтоб все посещали церкви по воскресным и праздничным дням и ежегодно были у исповеди, в противном случае подвергались штрафу; также в разные должности могли избираться только те, которые ежегодно исповедовались.

Из церковных писателей времени Петрова особенно замечательны: 1) св. Димитрий, митрополит ростовский, знаменитый сочинением житий святых, или так называемых Четвх-Миней, и потом борьбой с расколом, против которого написал книгу под заглавием *«Розыск о раскольничьей Брынской вере»*, где в первый раз различены и описаны раскольнические секты; 2) Стефан Яворский, митрополит рязанский, блюститель патриаршего престола и первый президент Св. Синода; подобно св. Димитрию, Яворский боролся с расколом, против которого написал книгу под заглавием *«Знамения пришествия Антихристова»*, потому что раскольники указывали на преобразования Петровы как на признаки явления Антихристова; но распространение протестантских мнений Тверитиновым и товарищами его заставило Стефана вступить в борьбу и с протестантизмом, против которого он написал знаменитое свое сочинение *«Камень Веры»*; кроме того, Стефан был известен как проповедник; 3) недруг Яворского Феофан Прокопович, славный проповедник, прославитель дел Петровых и защитник преобразования. Все трое были малороссияне, как почти все церковные писатели этого времени, ибо Малороссия в своих школах имела средства к образованию подобных писателей, а в Великой России этих средств еще не было, школы только основывались.

2. *Чины*. Петр наследовал от древней России несколько рядов должностных лиц, не связанных друг с другом общим названием, общими правами, общими сословными интересами.

Издав знаменитую Табель о рангах (1722 года), Петр разделил эти должностные лица на классы; здесь кроме новых названий новость состояла в том, что в каждом классе каждому военному и придворному чину соответствовал чин гражданский, чего, как мы видели, дружинные понятия, господствовавшие в древней России, не допускали. По-прежнему доступ в служащие люди, в чиновничество был открыт каждому. Поместья были смешаны с вотчинами. Так как было признано, что для пользы службы необходимо для служащего известное образование, то дети землевладельцев пред поступлением на службу обязаны были приобрести это образование, обязаны были выучиться грамоте, цифири и геометрии; кто же не выучивался, тому нельзя было жениться. Чтобы дать средства служилым людям поддержать себя в хозяйственном отношении, Петр в 1714 году учредил майорат, по которому все недвижимое имущество должно было переходить к одному старшему сыну или которого отец изберет; побуждения для учреждения майората были выставлены следующие: 1) один не будет иметь такой нужды притеснять крестьян, как многие, которые, получив малые доли из отцовского наследства, домогаются получить с них как можно больше дохода и разоряют крестьян поборами; 2) при майорате фамилии не будут упадать; 3) младшие дети, не получившие недвижимой собственности, не будут праздны, но трудами своими будут приносить пользу государству. Петр установил орден Св. Андрея Первозванного и женский орден Св. Екатерины.

3. *Городские жители* разделены на три разряда. к первым принадлежали банкиры, гости, или крупные торговцы, лекари, аптекари, шкипера, золотых и серебряных дел мастера и живописцы; ко второму — различные торговцы и мастера; оба этих первых разряда носили название гильдий; к третьему разряду принадлежали чернорабочие и наемники. Два первых разряда выбирали себе свое начальство, старосту и помощника его, третий разряд выбирал себе десятских и старшин

4. *Сельское народонаселение* разделялось: 1) на *однодворцев*, образовавшихся из обедневших служилых людей; они, подобно другим крестьянам, обязаны были платить поголовную подать, но сохраняли право владеть крепостными людьми; 2) *половников*, малочисленный класс крестьян, удержавших право перехода от одного землевладельца к другому; 3) *дворцовых*, 4) *монастырских*, 5) *государственных*, 6) *помещичьих* крестьян. Запрещение перехода крестьян строго поддерживалось, потому что причины, произведшие это запрещение, существовали во всей силе. Для поимки беглых было выставлено войско на границе.

5. *Иностранцы*. Иностранцам обеспечен был свободный проезд в Россию, беспрепятственное занятие торговлею, промыслами, вступление в службу, свободное отправление богослужения;

отдавши десятую часть своего имени, иностранец свободно мог выехать из России, кроме принявших православие. Иностранцы, вступившие в службу, получали высшие оклады против русских. В 1721 году издано послание Синода к православным о беспрепятственном вступлении в брак с иноверцами.

6. *Законодательство.* Недовольный уложением царя Алексея Михайловича, Петр хотел составить новое уложение, основанием которому должно было служить шведское уложение; статьи шведского уложения, которые не шли к России, должно было заменить или взятыми из старого уложения царя Алексея или вновь сочиненными. Но это намерение Петра не было приведено в исполнение. Касательно пыток Петр установил, чтоб не употреблять их во зло, не употреблять в малых делах; правож был заменен отсылкою на казенные работы. Так как прежний обычай держать девушек взаперти и не показывать их женихам до самой свадьбы был причиною семейных несогласий, то Петр установил, чтоб за шесть недель до свадьбы было обручение, после которого если жених и невеста не понравятся друг другу, то могут разорвать дело перед свадьбою; велено брать присягу с родителей и опекунов, что они не принуждают неволею детей своих в брак, такую же присягу велено брать и с господ относительно крепостных их людей. Запрещен был страшный обычай, по которому повивальные бабки умерщвляли новорожденных младенцев-уродов. В 1721 году Петр издал указ: «Продажу людей пресечь, а если нельзя уж совсем, то продавать целыми семьями, а не порознь, как скот, чего во всем свете не водится».

7. *Управление.* Высшим правительственным местом при Петре был Сенат, учрежденный 22 февраля 1711 года из осьми членов; всем велено было оказывать послушание Сенату, как самому царю; обязанности Сената, по мысли Петра, состояли в следующем: суд иметь нелицеприятный, смотреть за расходами, стараться об увеличении доходов; смотреть, чтоб служилые люди не избегали службы. При Сенате находился генерал-прокурор, без согласия которого никакое решение Сената не имело силы, во всех важных и затруднительных случаях ему назначался осьмидневный срок, в который он мог совещаться с знающими людьми; если он и тогда не соглашался с мнением Сената, то дело представлялось высочайшему решению. Сенат обязан был выбирать обер-фискала, человека умного и доброго, из какого бы то ни было чина; обер-фискал обязан был тайно надсматривать над всеми делами и, заметив злоупотребление, звал виновного пред Сенат; каждая провинция и каждый город имели своих фискалов, которые избирались и из купечества. Сенат определял в гражданские должности. Для розыска политических преступлений учреждена была Тайная канцелярия. Важнейшие дела передаваемы были в *Высший суд*. Вместо прежних приказов по совету знаме-

нитого философа Лейбница учреждены *коллегии*, состоявшие из президента, двух вице-президентов, четырех советников и четырех ассессоров. Коллегии были: Иностранных дел, Военная, Адмиралтейская (заведовавшая флотом), Камер-коллегия и Штатс-коллегия (заведовавшая финансами), Юстиц-коллегия, Вотчинная коллегия, Мануфактур-коллегия, Берг-коллегия, Коммерц-коллегия. В 1715 году царь приказал достать все права и положения датских коллегий и их экономические учреждения; получив эти уставы, он усмотрел, что «по одним книгам нельзя будет делать, потому что всех обстоятельств в книгах никогда не пишут». Поэтому при уставах нужны были опытные люди, которым отправление дел в коллегии было бы за обычай, и вот он велел пригласить из иностранных ученых юристов во всякую коллегия по одному члену. Эти иностранцы должны были отправлять дела посредством толмачей — неудобство страшное! Чтоб помочь делу, Петр велел русскому резиденту при австрийском дворе пригласить *шрейберов*¹ из чехов и моравов, которые как славяне могли скорее выучиться по-русски; предложено было также шведским пленным, узнавшим уже русский язык, вступить в гражданскую службу при коллегиях. Чтоб приготовить искусных производителей дел в коллегиях на будущее время, в 1716 году отправлено было в Кенигсберг человек сорок молодых подъячих учиться.

Воеводы и приказные люди в городах, особенно в местах отдаленных, по-прежнему продолжали «чинить великие обиды, налоги и грабежи». Петр стремился к тому, чтоб областной правитель не заведовал вместе и судом, как было прежде, и потому в важнейших городах учреждены были надворные суды. Чтоб поднять промышленность, торговлю, увеличить благосостояние городских жителей, Петр счел необходимым освободить их из-под ведомства воевод. Для этого еще в 1699 году в Москве велено было купцов и промышленных людей ведать бурмистрам, бурмистров выбирать им же из среды себя погодно, из этих бурмистров одному помесечно быть президентом, место их заседания названо ратушею; жители же провинциальных городов, если захотят отойти от воевод и приказных людей, могут ведаться по мирским выборам выборными людьми в земских избах. В 1720 году учреждены были в важнейших городах магистраты, состоявшие из президента и бургомистров, выбираемых горожанами из среды себя; в важных делах магистраты совещались с гражданами первой и второй гильдий. Все городские магистраты были подчинены Главному магистрату, который подчинен был Сенату и состоял из членов петербургского городского магистрата, которые наполовину были иностранцы; президента

¹ От нем Schreiber (устар писарь, переписчик) — Примеч ред

назначал сам государь. Главный магистрат обязан был покровительствовать промышленности и торговле; смертные приговоры, произнесенные городскими магистратами, не могли быть исполнены без утверждения Главного магистрата, который решал также все другие дела, перенесенные к нему недовольными решением городских магистратов, решал споры между магистратами и гражданами, утверждал членов, избранных в городские магистраты, доносил Сенату о состоянии городов, сообщал коллегиям получаемые им сведения о промышленности и торговле.

Петр разделил все государство на 12 губерний, губернии были разделены на провинции, которых было 43. Губернии управлялись губернаторами и вице-губернаторами; провинции — воеводами. Губернатор не мог решить ни одного дела без согласия ландратов, выбиравшихся дворянством; губернатор, по мысли Петра, был не властитель губернии, но только президент в совете ландратов.

8. *Войско.* Все записанные в подушный оклад были обязаны военной службою; купцы могли откупаться от нее, заплативши 100 рублей. Лучшие люди отбирались в гвардию, которая служила школою для дворян: дворянин, не прослуживши рядовым в гвардии, не мог получить офицерского чина. Жалованье войско получало частью деньгами, частью провиантом. Для морской службы брали малолетних, преимущественно солдатских и матросских, детей, из рекрут же брали таких, которых родина была на морских берегах или на берегу больших рек и озер. Были учреждены морские школы, воспитанники которых отдавались потом на купеческие корабли для упражнения. Число сухопутного регулярного войска простиралось до 180 000; флот считал 48 линейных кораблей и 800 мелких судов. В обер-офицерские чины производились не иначе как по выбору и засвидетельствованию всех офицеров полка, и в штаб-офицеры — по выбору и засвидетельствованию генералов и офицеров всей дивизии.

9. *Финансы.* Преобразование войска, заведение флота, продолжительная и тяжелая война, множество новых учреждений и построек требовали больших издержек, новых источников доходов. Так как прежняя подать с дворов подавала повод к большим злоупотреблениям при переписке дворов, то введена была подушная подать, для чего произведена ревизия, или перечисление, всех подлежащих подушному окладу жителей государства. Из подушного оклада исключены были духовные с детьми, дворяне, отставные солдаты, иностранцы, жители остзейских провинций, башкиры и лапландцы. Для умножения доходов введена была гербовая бумага. В случае крайних нужд государственных у служащих удерживалась десятая часть их содержания. Две трети доходов шло на войско и флот. Сверх жалованья сановникам велено было со всяких исков брать за труды на канцелярию

с правого по 3, а с виноватого по 10 копеек с рубля. В 1710 году доходы простирались до 3 000 000 рублей с лишком, а в 1725 году — до 10 000 000 с лишком.

10. *Полиция.* Учрежденное Петром полицейское управление сосредоточивалось в Петербурге в руках генерал-полицеймейстера, в Москве — обер-полицеймейстера. В главных городах каждая улица и каждые 10 домов имели своего надсмотрщика, избираемого жителями; все городские жители, начиная с двадцатилетних, составляли стражу, обязанную охранять спокойствие и порядок в городе. В провинциальных городах и уездных полиция была в руках комендантов, магистратов и старост, в уездах — у губернаторов и воевод. Понятно, что разбои не могли вдруг прекратиться и даже уменьшиться, ибо к старым причинам, оставшимся во всей силе, присоединялись еще новые, прежде всего многочисленные побегии из полков от тяжелой военной службы, к которой не привыкли; так, клинские, волоцкие и можайские помещики били челом, что приезжают вооруженные разбойники многолюдством в дома их, разбивают и жгут села, днем и ночью, бьют и грабят мужчин, уводят женщин, собираются на разбой из многих городов и уездов беглые солдаты и драгуны. В самой Москве ездили разбойники толпами по 30 и 40 человек. Разбои усиливались еще и потому, что правительство вооружилось против бродяг, мнимых калек и нищих: так, с 1712 года запрещено было под страхом жестокого наказания просить милостыню в Москве. Для предупреждения пожаров дома в городах и селах должны были строиться по установленному чертежу в известном расстоянии друг от друга; в Московском Кремле и Китай-городе велено строить только каменные дома и располагать их по улицам, а не по дворам, как прежде; улицы здесь с 1705 года начали мостить камнем. В 1714 году приостановлено было каменное строение во всем государстве, чтоб тем скорее производилось оно в Петербурге: богатые люди обязаны были строить здесь дома. Для охранения народного здоровья учреждено было в Москве 8 аптек, причем велено было истребить лавки, в которых продавались всякие непотребные травы. Запрещено хоронить ранее трех дней, кроме знатных особ запрещено хоронить внутри города подле церквей. Велено было устраивать при церквах госпитали для подкидышей.

11. *Промышленность и торговля.* «Наше российское государство, — говорил Петр, — пред многими иными землями преизобилует, потребными металлами и минералами благословенно, которые до нынешнего времени безо всякого прилежания исканы; причина этому была, что наши подданные не разумели рудокопного дела, частью же иждивения и трудов не хотели к оному приложить». Чтоб заставить неповоротливых землевладельцев прилагать иждивение и труд, Петр обнародовал, что все

в собственных и чужих землях имеют право искать и обрабатывать всякие металлы и минералы; если помещики, в чьих землях откроется руда, не могут или не хотят ее разрабатывать, то право их передается другому с уплатою землевладельцу 32 долей прибыли, «дабы Божие благословение под землею втуне не оставалось». Кто утаит руду или будет препятствовать другим в устройении заводов, тот подвергается телесному наказанию и даже смертной казни. Берг-коллегия вольно было призывать иностранных охотников до рудокопных дел. Чтоб улучшить хлебопашество, Петр хотел переселить в Россию иностранных поселян для примера своим подданным. Камер-коллегия обязана была собирать сведения о состоянии, натуре и плодородии каждой провинции, заселять пустые земли и всякую пустоту предупреждать осторожным домодержавством. В 1721 году Петр издал указ о снимке хлеба косами вместо серпов. Убедившись за границею в важности ископаемого топлива, Петр старался разузнать, нет ли где каменного угля в России. Предприняты были меры не только для сбережения лесов, но и для разведения новых. Начатки виноделия и шелководства в странах прикавказских мы видим еще прежде Петра, но это были начатки слабые, при Петре же эти отрасли сельского хозяйства были усилены; при нем же началось разведение табаку. При Петре заведен лучший в России холмогорский скот, но еще деятельнее заботился Петр об овцеводстве, ибо ему нужно было усилить в России суконные фабрики для снабжения войска: для этого он выписывал овчаров из Силезии и посылал своих учиться туда. Конские заводы начались также при Петре. Относительно ремесел Петр следовал своему обычному правилу: выписывал искусных ремесленников из-за границы и посылал русских учиться за границу. В Москве велено было построить рабочий дом для празднующихся и при нем завести разные ремесла; велено ввести занятие ремеслами в девичьи монастыри. Что касается до мануфактурной промышленности, то до Петра мы встречаем ничтожное число заводов, тогда как после его смерти находим 233 фабрики и завода, казенных и частных. Легко понять, как приобретение прибалтийских берегов усилило внешнюю торговлю, но для процветания торговли недостаточно было одних морских берегов, нужны были удобные внутренние пути; для этого Петр соединил водным путем Европу с Азиею, устроил Вышневолоцкий и обводный Ладожский каналы; предполагалось было соединение Каспийского моря с Черным и Белого с Балтийским, но не было проведено в исполнение при жизни Петра. Проведено было множество сухопутных дорог, сильно заботился царь об их исправном содержании, но другие мало об этом заботились. В Камер-коллегию должны были доставляться ведомости об урожае хлеба и о ценах на него, из ближних губерний и провинций — каждую неделю, из

дальних — ежемесячно. Также велено было печатать преysкуранты иностранным товарам в знатнейших торговых городах Европы, «дабы знали, где что дешево или дорого». Но всеми этими учреждениями и распоряжениями нельзя было вдруг создать сильную торговлю и промышленность, какой бы хотелось Петру; тому препятствовали неразвитость общества, отсутствие просвещения, отсутствие обеспечений для труда, отсутствие привычек к совокупной деятельности, стремление идти вразброд, отсутствие участия к общественным интересам, что давало людям злонамеренным полную свободу действовать. Сильные вельможи захватывали всю торговлю в свои руки; но кроме этого купечество вредило самому себе: среди него самого сильные налагали несносные поборы на слабых, отчего последние приходили в пущую скудость и бесторжицу и по-прежнему «брели розно». И выборные бурмистры позволяли себе казнокрадство и взяточничество не меньше прежних приказных людей.

12. *Просвещение.* Мы видели, что Петр не только от духовенства, но и от дворянства требовал необходимого общего образования. Чтоб дать средства к его приобретению, во всех провинциях учреждены были элементарные школы, куда учителями посылались воспитанники математических школ московских; по главным предметам преподавания московские школы разделялись на латинские, немецкие, французские и математические. Кроме того, были учреждены Морская академия, инженерная школа, школа для подьячих, где учили цифири, как держать книги, стилю письма, а кто тому не выучится, того к делам не употребляли. В 1719 году 30 учеников было отослано к доктору Блументросту для изучения медицины, и еще прежде, в 1716 году, отослано было несколько учеников латинских школ в Персию для изучения восточных языков. По совету Лейбница за год до смерти своей Петр издал указ об учреждении академии: «Учинить академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам, и переводились бы книги. Для художеств и наук обыкновенно употребляются двоякого рода учреждения: университет и академия, но в России нельзя следовать тому, что принято в других государствах; надобно смотреть на состояние здешнего государства: одну академию нельзя учредить, потому что она не в состоянии скоро распространять знания в народе; университеты также не для чего заводить, когда нет еще гимназий и семинарий; надобно, следовательно, основать такое учреждение, которое бы из лучших ученых людей состояло; но эти ученые должны не только сами заниматься науками и двигать их вперед, но должны также обучать молодых людей наукам публично и потом некоторых людей должны при себе обучать, чтоб они потом могли в свою очередь обучать первым основаниям всех наук». По мысли того же Лейбница, назначена

была экспедиция для решения вопроса: соединяется ли Азия с Америкой? В 1722 году велено было из всех епархий и монастырей собрать древние летописи и грамоты и переписать их. Для распространения образования, налагавшегося как обязанность, требовались учебные книги; на русском языке их не было, надобно было переводить, и потому начались переводы книг инженерных, артиллерийских, механических, исторических; вместо прежних курантов, назначаемых только для правительства, начали для всего народа издаваться ведомости с изложением современных событий. Для печатания светских книг изобретена была особая, так называемая гражданская азбука.

Из литературных памятников Петровского времени больше всего обращают на себя внимание сочинения торгового человека Посошкова — *О скудости и богатстве*, также доношения его боярину Головину о состоянии войска и митрополиту Стефану Яворскому о состоянии духовенства. Посошков указывает на вопиющие недостатки общества, требует коренных преобразований и, по понятиям времени, советует употреблять крутые меры: он сочувствует государю-преобразователю и жалуется, что Петр находит мало сочувствия и помощи «Великий наш монарх на гору сам-десять тянет, а под гору миллионы тянут: как же его дело споро будет?» Посошков сильно жалуется на невежество русских людей в законе Божиим: «В Москве едва сотый человек знает, что такое православная христианская вера, что Бог и в чем состоит Его воля. А между поселянами не думаю найти и одного из десяти тысяч человек». Указывает на дурные привычки, вкореняющиеся с младенчества. «Это проистекает,— говорит он,— от ненаучения младенческого, а всему корень то, что священники у нас неученые». Этим Посошков объясняет распространение раскола и вообще холодность к вере. Потом сильно жалуется на отсутствие правды в судах, на произвол и презрение знатных и сильных людей к низшим: «У нас вера святая, благочестивая, а судная расправа никуда не годится, и указы императорские ни во что обращаются, всяк по своему обычаю делает, и пока прямое правосудие у нас в России не устроится, то никогда мы не будем богаты и доброй славы себе не наживем. Крестьяне, оставя свои дома, бегут от неправды». Жалуется на бедственное положение солдат, получающих чрезвычайно скудное содержание, и на бедственное положение обывателей, разоряемых солдатами. Жалуется на сильные разбои. «В иной деревне,— говорит Посошков,— и много жителей, а разбойников немного придет крестьянину на двор, станут его мучить и огнем жечь и пожитки его явно на возы класть; но соседи, все слыша и видя, из дворов своих не выходят и соседа от разбойников не выручают».

13. *Нравы и обычаи*. Обычай времен Петровых в высших слоях общества, преимущественно тронутых преобразованием, разу-

меется, представляли странную смесь старого с новым: обычаи были так же пестры, как пестр был язык, вобравший в себя множество иностранных слов вследствие приплыва множества новых понятий. Затворничество женщин рушилось при Петре, который обязал вельмож своих давать балы, или так называемые тогда ассамблеи, но жесткость нравов не могла вдруг исчезнуть, и потому женщина, введенная в общество мужчин, иногда сильно страдала от этой жесткости. Просвещение, которое должно внушить человеку понятие о достоинстве человека и гражданина и заставить его поступать сообразно с этим достоинством,— просвещение только что начиналось и потому не могло еще оказать сильного влияния на смягчение нравов; науку призывали как мастерство, выгодное, необходимое для силы государства и удобств частной жизни; происходила первоначальная черная работа для удовлетворения первым материальным потребностям государства, а такая работа не могла быть благоприятна для духовного совершенствования. Вот почему иногда самые деятельные работники, самые деятельные сотрудники Петра пятнали себя безнравственными поступками, вот почему и люди самые благонамеренные, видя зло, полагали спасение в одних крутых, жестоких, кровавых мерах, не понимая, что зло искореняется преимущественно духовными, нравственными средствами.

14. Важнейшие деятели Петровского времени. Князь Александр Данилович Меншиков, человек низкого происхождения, сделался самым близким человеком к Петру, который имел в нем даровитого исполнителя своих планов; как человек новый и всем обязанный новому, Меншиков не имел никакого сочувствия к старине и тем более нравился преобразователю. Но, будучи усердным исполнителем приказаний Петровых там, где эти приказания не сталкивались с его личными интересами, Меншиков приносил в жертву последним интересы государственные и не раз был уличен в лихоимстве; кроме того, он не имел величия духа выдержать искушений необыкновенного счастья, зазнался и думал высокомерным обращением заставить забыть о низости происхождения своего. Искушения были действительно велики, потому что Петр дал своему любимцу положение, которое превышало положение подданного; но в конце жизни своей государь охладил к Меншикову. Граф Борис Петрович Шереметев, фельдмаршал, один из тех русских вельмож второй половины XVII века, которые прежде Петра влеклись к Западу и его образованию; уже будучи боярином и 45 лет от роду, Шереметев отправился в чужие края для изучения военного искусства и возвратился оттуда в немецком платье, к величайшему удовольствию Петра; военные подвиги его мы уже видели при описании Северной войны; предание сохранило память о его нравственных достоинствах, благотворительности и общительности. Представителем

другого знаменитого старого рода, рода Голицыных, был сенатор князь Димитрий Михайлович, человек большого ума, с твердым и жестким характером; аристократическая гордость его была оскорблена тем, что Петр выдвигал наверх людей низкого происхождения, что эти люди были гораздо ближе к царю и имели больше силы и влияния, чем он, Голицын; князю Димитрию не нравилось также значение, приобретаемое иностранцами в России, и он враждебно столкнулся с Паткулем; наконец, Голицын не мог помириться со вторым браком Петра на ливонской пленнице Скавронской. Брат князя Димитрия Михайла Михайлович Голицын отличался самым привлекательным характером среди вельмож Петровых; подобно брату, он не жаловал иностранцев; несмотря на то, даже иностранцы не могли говорить без восторга о его уме, любезности, храбрости и великодушии. Об нем-то рассказывают, что после сражения под Лесным Петр, богато наградивши Голицына, спросил, какой милости еще он желает. «Государь, — отвечал Голицын, — прости князя Репнина!», хотя Репнин и был ему враг. О нем рассказывают также, что, будучи уже фельдмаршалом и отцом многочисленного семейства, он не смел садиться при старшем брате своем, князе Димитрии Михайловиче. В лучших преданиях нашего прошедшего с именем Петра неразлучно имя сенатора князя Якова Федоровича Долгорукого, знаменитого мужеством гражданским; Долгорукий во имя блага народного решался останавливать великого царя, умевшего сносить величие подданного. Звание генерал-адмирала носили при Петре граф Федор Алексеевич Головин и после него граф Федор Матвеевич Апраксин. Головин, впрочем, больше занимался иностранными сношениями. После Головина иностранными сношениями заведовал граф Гаврила Иванович Головкин в звании великого канцлера; вице-канцлером был барон Шафиров, оказавший большие услуги, особенно в затруднительных сношениях с Турцией после Прутского мира, но в последнее время царствования Петра вражда Меншикова и Головкина погубили его: лишенный всех должностей, он был сослан. На дипломатическом поприще особенно были известны: князья Долгорукие, Григорий Федорович и Василий Лукич, граф Андрей Артамонович Матвеев, князь Куракин; на том же поприще начали действовать Артемий Волынский и знаменитый впоследствии Алексей Петрович Бестужев. Подобно Шафирову, из низших слоев общества был выдвинут Петром к важной деятельности даровитый *Ягужинский*, первый генерал-прокурор в Сенате. Одним из приближенных людей к Петру был граф Петр Андреевич Толстой, действовавший на дипломатическом поприще и по особым поручениям государя; Толстой участвовал в замыслах Софьи, но Петр простил его и приблизил к себе за обширный ум. В финансовом управлении особенно замечателен был Алекс[ей] Алек-

сандр [ович] Курбатов, человек низкого происхождения, сделавший известен Петру проектом о гербовой бумаге

Охотно принимая на свою службу искусных и даровитых иностранцев. Петр, однако, первые места по управлению поручал русским, и только второстепенные места предоставлял иностранцам. Из последних Петр особенно отличал и возвышал троих: Остермана, Брюса и Миниха. Барон Остерман был первоклассный дипломат своего времени и оказал много добра своему новому отечеству; ему обязан был Петр выгодными условиями Ништадтского мира; по мнению Петра, Остерман никогда не ошибался в дипломатических делах, но с блестящими умственными способностями Остерман соединял двоедушие, притворство, неразборчивость средств при достижении целей. Менее Остермана даровитый, граф Брюс в противоположность ему отличался нравственными достоинствами, которыми не могли нахвалиться современники: он был начальником артиллерии, участвовал во всех важнейших сражениях и считался ученым человеком в России. Миних вступил в русскую службу только в 1721 году. Петр поручил ему работы по Ладожскому каналу и в 1724 году мог сказать: «Труды моего Миниха сделали меня здоровым».

В числе первых вельмож Петра, в числе первых андреевских кавалеров был гетман малороссийский Мазепа, но мы видели, как окончил он свое поприще. Изменою Мазепы участь гетманства малороссийского была решена в уме Петра, который начал постепенно готовить его уничтожение. Скоропадский, человек недалекий, был именно такой гетман, какой был нужен Петру для этого приготовления, т. е. был тенью гетмана. Для предупреждения измены со стороны гетмана и для предупреждения крамолы против гетмана подле него явился великороссийский чиновник «для управления по общему с гетманом совету». Другим важным шагом к приравнению Малороссии было то, что великороссияне стали делаться землевладельцами в Малороссии; Скоропадский подарил несколько волостей Меншикову и Шафирову. Тот же Скоропадский по желанию государя выдал дочь за великороссиянина Толстого, и зять гетмана получил Нежинский полк; третий шаг: великороссиянин делается полковником малороссийским. В 1722 году учреждена Малороссийская коллегия: велено быть при гетмане бригадир Вельяминову и шести штаб-офицерам. В этом же году умер Скоропадский, и преемник ему не был избран, «потому что измены предшествовавших гетманов, как объявил император, не позволяют торопиться важным делом избрания, надобно приискать весьма верного и известного человека».

15. Престолонаследие. Петр оставил после себя много знаменитых людей, с которыми долго и часто будем встречаться

в последующей истории; но кого он оставил вместо себя своей новой империи? Мы видели, что воспитание, полученное Петром, не делало его способным к семейной жизни, а жена его Евдокия Федоровна не была способна противодействовать его привычкам и привязать к семейной жизни, следствием чего был развод и насильственное пострижение Евдокии. Но у Петра от Евдокии был сын Алексей, родившийся в 1690 году. До 9 лет ребенок оставался при матери, недовольной мужем, который был дома редким и не очень веселым гостем; понятно, что это обстоятельство не могло развить в Алексее чувство любви к отцу. Потом мать была удалена в монастырь; Петр по-прежнему был в постоянных отлучках, гостем дома; он заботился о воспитании, т. е. об учении, своего сына, который был способен к учению, был охотник читать, но любимым чтением его были книги духовные, любимым разговором его был разговор с духовными лицами о делах церковных, об истории и литературе церковной. Как часто бывает, сын вышел не в отца, а в деда и прадеда, был вовсе не способен к этой неутомимой и быстрой деятельности физической, которою отличался Петр. Но Петр именно такую деятельность считал необходимою для довершения начатого им дела, именно такой деятельности хотел от своего наследника. Это требование, противное природе Алексея, раздражало, ожесточало его все более и более, все более и более возбуждало в нем отвращение от деятельности отцовской, от всех этих нововведений, во имя которых Петр требовал от сына, чтоб он переменял свой характер. Таким разладом между природою сына и требованиями отца спешили воспользоваться люди, которым по разным причинам также не нравилась деятельность Петра и его требования. Алексея окружили приверженцы старины, в беседе с которыми сын находил такое же удовольствие, какое некогда отец находил в беседе Лефорта и подобных ему.

При таких наклонностях к старине Алексей в 1711 году по приказанию отца должен был вступить в брак с принцессою Софьею Брауншвейг-вольфенбиттельской или, точнее, бланкенбургскою, которая осталась при прежнем своем лютеранском исповедании. Согласия между мужем и женою не было; Петр сердился за это на одного сына. Софья умерла в октябре 1715 года, оставив по себе двух младенцев — сына Петра и дочь Наталью. Петр, увидавши, что последнее средство привязать сына к новому не удалось, написал Алексею: «Скорбь о будущем заглушает радость мою о настоящих наших успехах, ибо вижу, что ты пренебрегаешь всеми теми средствами, которые могут сделать тебя способным царствовать после меня. Неспособность твою называю я своеволием, потому что ты не можешь извиниться *недостатком разума* и телесной крепости. Мы единственно военными упражнениями выступали из прежней тьмы,

дали знать о себе другим народам и заставили их уважать себя, а ты о военных упражнениях и слышать не хочешь. Желая от тебя не трудов, а охоты. Я человек, подлежу смерти: кому насажденное и отчасти возвращенное мною оставлю? Если не переменишься, то знай, что лишу тебя наследства, ибо я за отечество и за подданных моих жизни не жалел и не жалею, то неужели пожалею тебя? Лучше будь чужой добрый, чем свой негодный». Царевич отвечал на это, что он не способен к управлению государством, почему клянется не иметь видов на престол. Петр отвечал, что не полагается на его клятву, но пусть или переменит свой нрав, или пострижется в монахи. Царевич написал, что желает пострижения. Но Петр медлил тяжелым делом. Отправляясь за границу в начале 1716 года, Петр дал сыну шестимесячный срок для размышления. Не получая никакого ответа по прошествии этого срока, царь написал сыну, требуя окончательного решения, а если решится переменить поведение, то чтоб ехал к нему за границу. Царевич отвечал, что приедет, и действительно выехал из Петербурга, но вместо того, чтоб ехал к отцу, отправился в Вену к немецкому императору Карлу VI и отдался в его покровительство, говоря, что спасается от жестокого гонения и смерти. Для избежания поисков отцовских Алексея оставил Вену и укрывался сначала в Тироле, в замке Эренберг, а потом переехал в Неаполь, в замок Сант-Эльмо. Но предосторожности были тщетны: отправленные Петром Толстой и Румянцев отыскивали убежище Алексея и потребовали от Карла VI выдачи его, грозя в противном случае войною. Тогда император позволил Толстому ехать в Неаполь и лично уговаривать Алексея возвратиться к отцу. Сначала Алексей никак не хотел возвратиться, но потом согласился ехать с Толстым в Россию, напуганный, с одной стороны, тем, что сам Петр явится в Италию, с другой — полагаясь на отцовское обещание простить его, — обещание, которое отнимало и у Карла VI предлог противиться его возвращению. В начале 1718 года Алексей приехал в Москву, откуда потом перевезен в Петербург. Петр, вытребовавши у него отречение от престола, простил его, но с условием, чтоб он открыл все обстоятельства побега и указал людей, советовавших и помогавших ему в этом деле. Начался розыск, вскрылась вражда Алексея к делам отцовским, к людям, окружавшим Петра, к нему самому; наконец, уличены были люди, которые поддерживали царевича в этой вражде, в намерении постричься, с тем чтоб после свергнуть монашество, — Кикин и другие. Открылось, что мать Алексея, невольная монахиня Евдокия, или Елена, только и думала о том, как бы снова вступить в мир с прежним значением, что ростовский архиерей Досифей утверждал ее в этих надеждах своими ложными пророчествами и видениями; открылось, что Евдокия имела сношения

с сестрою Петра царевною Марьею Алексеевной и с генералом Плебовым. Досифей, Плебов, Кикин и несколько других соучастников были казнены; Евдокия заперга в Новой Ладоге, царевна Марья — в Шлюссельбурге. Суд, составленный из высших сановников в числе 124 человек, приговорил Алексея к смертной казни, но приговор не был приведен в исполнение, потому что несчастный царевич умер в своей темнице 26 июня.

Еще в начале 1712 года Петр торжественно вступил в брак с ливонскою пленницею Екатериною Алексеевною, которая в противоположность Лопухиной совершенно была по нем, сопровождала его в походах, умела приноровиться к его образу жизни, взглядам, привычкам; впоследствии Екатерина была и коронована супругом своим. От нее Петр имел двух дочерей: Анну и Елисавету, двое же сыновей, Петр и Павел, умерли в младенчестве. В феврале 1721 года Петр издал указ, в котором говорилось, что государь российский имеет право назначать своим наследником кого ему угодно и в случае, если назначенный окажется неспособным, отрешить его от престола. Феофан Прокопович написал сочинение под названием *«Правда воли монаршей»*, в котором старался доказать разумность этого установления. Но Петр умер, не воспользовавшись своим правом, не назначив себе преемника.

ГЛАВА ХLI

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I

Вопрос о том, кто должен царствовать после Петра, разделил вельмож на две партии: вельможи старинные хотели, чтоб царствовал малолетний Петр, внук покойного императора, сын несчастного Алексея; в челе этой партии стояли Голицыны. Но вельможи новые, возвышенные Петром Великим, не хотели видеть на престоле сына Алексеева; особенно не хотели воцарения Петра Алексеевича те люди, которые враждебно действовали против отца его. Во главе их были Меншиков и Толстой. В ту самую ночь, как Петр Великий мучился в предсмертных страданиях, вельможи вели сильные споры о том, кому быть его преемником. Князь Димитрий Михайлович Голицын с товарищами предлагал возвести на престол малолетнего Петра, а правление вручить императрице вместе с Сенатом. Но Меншиков, Толстой и Апраксин утверждали, что это поведет к борьбе, волнениям, что единственное средство поддержать значение и славу России — это провозгласить самодержавною императрицею Екатерину, превозносили ее достоинства, указывали на торжественную ее коронацию. Приверженцы Екатерины взяли верх, тем

более что гвардия была на ее стороне. Солдаты кричали: «Мы потеряли отца, но у нас осталась мать!» Офицеры говорили, что разобьют головы старым боярам, если они воспротивятся императрице. Новая императрица объявила, что желает совершить все дела, начатые Петром. Действительно, по плану Петра отправлена была под начальством Беринга экспедиция для решения вопроса: соединяется ли Азия с Америкой? Открыта в 1720 году Академия наук; установлен новый орден — Александра Невского, также по мысли Петра; старшая цесаревна Анна Петровна была выдана замуж за герцога голштинского Карла Фридриха, которого еще Петр перед кончиною объявил женихом своей дочери. Но если спешили привести в исполнение некоторые из намерений Петра Великого, то, с другой стороны, решились коснуться самых важных его учреждений: Сенат потерял свое первенствующее значение, ибо над ним учрежден был Верховный Тайный Совет, в который поступили важнейшие по занимаемым ими должностям сенаторы: Меншиков, Апраксин, Головкин, Толстой, князь Голицын (Димитрий Михайл [ович]). Вместе с русскими вельможами в Верховном Совете засел и иностранец Остерман, сделавшийся необходимым по своим способностям к постоянному усидчивому труду, к соображению, изучению всех подробностей дела, по своему образованию, знанию иностранных языков. Тут впервые иностранец получил такое важное значение. Потом в Верховный Совет введен был герцог голштинский. У Сената и Синода отнят был титул правительствующих, Сенат начал называться высоким.

Члены Верховного Тайного Совета подали императрице замечания свои, что крестьяне, составляющие большинство народонаселения, приходят в крайнее разорение от великих податей и особенно от угнетения со стороны земских властей и войск и бегут в Польшу, к башкирцам, в Запорожье и в раскол; что производство дел в коллегиях недовольно быстро и правильно, отчего волокиты и разорение просителям; что источники доходов скудны, расходы далеко выше доходов, отчетности в употреблении государственной казны нет никакой. Так как большое число правителей, чиновников и канцелярий найдено обременительным для народа, то приказано было лишних управителей, ненужные канцелярии и конторы по губерниям упразднить и положить всю расправу и суд на губернаторов и воевод, им же подчинить и городовые магистраты. Но последним распоряжением относительно магистратов было нарушено важное учреждение Петра Великого, вызванное потребностями общества, которые так сильно чувствовались еще в древней России. Так как прежнее расположение войска по округам найдено разорительным для крестьян, то велено селить полки слободами при городах. Средствами для умножения доходов и уменьшения расходов государственных

признаны: сбор недоимок, наложение новых пошлин, уменьшение числа чиновников, убавка жалованья у них, приказным людям некоторых ведомств вместо жалованья велено было довольствоваться доходами от добровольной дачи челобитчиков.

Дело составления нового уложения продолжалось и при Екатерине, но двигалось медленно; для ускорения его в комиссии велено было заседать по два человека из духовенства, из чинов военных, гражданских и из магистрата. Касательно духовенства запрещено было без синодского указа постригать в монахи, кроме вдовых священников и дьяконов. Относительно просвещения кроме учреждения Академии замечательны следующие распоряжения: Петр Великий приказал из всех коллегий и канцелярий доставлять в типографию и печатать известия «о всех знатных делах, принадлежащих к ведению народному»; по смерти великого распространителя народного ведения в коллегиях и канцеляриях нашли, что печатание этих известий дело ненужное, и оставили его. Но Екатерина объявила, что такое сообщение народу известий прекращено неведомо для чего и приказала возобновить печатание известий. Шафирову, возвращенному из ссылки, поручено было написать историю Петра I, для чего велено было доставлять ему отовсюду нужные известия. Велено было посылать купеческих детей для обучения сперва в Ригу и в Ревель, а потом и за границу. Относительно нравов и обычаев замечательно распоряжение императрицы о надзоре за кулачными боями, потому что бойцы позволяли себе бить противников ножами, камнями и бросать песок в глаза.

В силу постановления Петра Екатерина имела право назначать себе в преемники кого ей было угодно. Большая часть знати и народ были за великого князя Петра Алексеевича. На его сторону стал и могущественный Меншиков, потому что поссорился с герцогом голштинским, которого супругу Анну Петровну хотела видеть на престоле противная Петру партия. Чтобы обеспечить свое положение при Петре, Меншиков уговорил императрицу дать согласие на брак его дочери с великим князем. Партия Анны Петровны подверглась сильной опале: глава ее Толстой был сослан в Соловки. Екатерина скончалась 6 мая 1727 года, и Петр был провозглашен императором.

ГЛАВА XLII

ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА II АЛЕКСЕЕВИЧА

1. Меншиков. Меншиков перевез молодого императора из дворца в свой дом, приставил к нему своих родных и людей надежных. Немедленно Петр назвал Меншикова генералиссимусом

и обручился с его дочерью княжною Марьею Александровною, несмотря на то что двенадцатилетнему жениху вовсе не нравилась шестнадцатилетняя невеста. В письмах к императору Меншиков называл его сыном, подписывал «ваш отец», велел внести в календарь вместе с особами императорской фамилии свое имя и имена членов своего семейства; хотел женить своего сына на сестре императора великой княжне Наталье Алексеевне. Тяжелый и прежде для всех своим высокомерием, Меншиков стал невыносим теперь, когда сделался правителем полновластным. Но враги Меншикова не имели средств свергнуть его явно и должны были тайно подкапываться под него. Воспитателем молодого императора был вице-канцлер Остерман, помощником его — гофмейстер князь Алексей Григорьевич Долгорукий; сын Долгорукого, шестнадцатилетний князь Иван Алексеевич, пользовался сильною привязанностью молодого императора, был неразлучным его товарищем, и он-то успел вооружить Петра против Меншикова. Падение последнего было ускорено опасною болезнью его, которою воспользовались враги. Когда правитель выздоровел и начал распорядиться всем по-прежнему, ничего не подозревая, то вдруг 6 сентября 1727 года император объявил, что он не будет более жить в доме Меншикова, а в летнем дворце; 8 сентября бывшему правителю объявлен был арест и отлучение от всех дел, а 9-го велено снять с Меншикова все чины и ордена и отправить на безвыездное житье в Ораниенбург, город Рязанской губернии, ему принадлежавший; имение оставлено за ним.

2. *Долгорукие*. Правитель пал; многие жалели об нем. «Прошла и погибла суетная слава прегордого Голиафа, — писал один современник другому, Пашков Черкасову, — прошла и погибла суетная слава прегордого Голиафа, которого Бог сильною десницею сокрушил, все этому сильно рады, и я, многогрешный, славя св. Троицу, пребываю без всякого страха; у нас все благополучно и таких страхов теперь ни от кого нет, какие были при князе Меншикове». Но скоро обнаружились явления, которые могли заставить пожалеть и о Меншикове. Тотчас по удалении последнего император объявил себя совершеннолетним, объявил, что будет присутствовать в Тайном Совете и заниматься делами правления, но все это осталось обещаниями только; учение было прервано, занятия правительственные были не по летам, и одни удовольствия стали исключительным занятием молодого государя. Долгорукие овладели волею Петра; воспитатель его Остерман скоро потерял всякое влияние, его наставления казались скучны; однажды Остерман приступил к Петру с упреками, говорил, что чрез несколько лет государь сам велит отрубить ему голову, если он теперь не станет указывать ему на ту пропасть, к которой он стремится, и что он, Остерман, оставляет должность воспитателя. Петр растрогался, бросился к нему на шею

и умолял не покидать его, но к вечеру возобновил прежний образ жизни. Петр чувствовал врожденную ненависть к морю и кораблям, страстно любил охоту и с удовольствием последовал совету тех, которые уговаривали его переехать в Москву (9 января 1728 года). Иностранцы, Остерман с товарищами, смотрели с ужасом на этот переезд, видя в нем шаг к унижению дел Петра Великого, но они напрасно беспокоились: людям, окружавшим Петра II, было не до древней или новой России, а только до личных своих выгод. Тот же самый Пашков, который так радовался свержению Меншикова, должен был теперь писать к тому же другу своему Черкасову: «Новые временщики произвели такую смуту, что мы с опасением бываем при дворе, один другого боится, а крепкой надежды нигде нет».

Некоторые стали тужить о Меншикове; явилось подметное письмо, в котором старались выставить достоинства бывшего правителя и его необходимость для поправления дел; Меншикова за это велено было переместить из Ораниенбурга в Сибирь, в Березов. Заславши Меншикова в Сибирь, Долгорукие спешили следовать его примеру; они не допускали никого к императору: царица-бабка Лопухина, освобожденная по восшествии на престол внука и перевезенная в Москву, не могла говорить с государем наедине; стали увозить его из Москвы на охоту, и эти отсутствия продолжались по несколько дней, иногда по несколько недель; после охоты за роскошным и шумным обедом веселили государя похвалами его ловкости и искусству в стрельбе, перечисляли удачи, радовали планами новых поездок; о делах государственных не было и помина. В сентябре 1729 года император выехал из Москвы в сопровождении семейства Долгоруких и возвратился не ранее ноября; в это время он дал согласие Долгоруким жениться на Екатерине, дочери князя Алексея, сестре своего любимца. 30 ноября было совершено торжественное обручение. Но это было последнее торжество Долгоруких: император стал видимо тяготиться их опекою, не видался с своею невестою, начал сближаться с Остерманом. Когда тетка его цесаревна Елисавета Петровна жаловалась ему, что она терпит во всем большую нужду, то Петр отвечал: «В этом не я виноват, мои приказания не исполняются, но я найду средства разбить мои оковы». В самом семействе Долгоруких господствовало сильное несогласие; ждали переворота; он произошел, но не так, как надеялись. 6 января 1730 года император простудился при обряде водоосвящения; открылась оспа, и 19 числа Петр скончался.

3 *Дела внешние.* Из дел внешних в царствование Петра II вначале занимал вопрос курляндский: здесь по смерти мужа царевны Анны Иоанновны Фридриха Вильгельма правил престарелый и бездетный дядя его Фердинанд. Курляндцы хотели про-

возгласить его преемником знаменитого Морица Саксонского, побочного сына польского короля Августа II; поляки с своей стороны хотели присоединить Курляндию к своему государству; но Россия воспрепятствовала и тому и другому. С Пруссией заключен был договор в случае смерти короля Августа II польского действовать заодно относительно избрания ему преемника. Австрия и Пруссия предлагали разделение Польши. В Азии граф Рагузинский заключил договор с Китаем на реке Буре; выговорено было свободное отправление торговли на пограничной черте в двух местах: в русской слободе Кяхте и в китайской Маймачине; выговорено право отправлять каждые три года караван в Пекин и там торговать беспощинно, право держать в Пекине 4 духовных лица и 6 молодых людей для изучения китайского языка.

4. *Дела внутренние.* При Екатерине I, как мы видели, городские магистраты были подчинены воеводам, а при Петре II, еще при Меншикове, уничтожен Главный магистрат; для суда между петербургскими купцами велено быть троим выборным; иностранных же купцов приказано ведать в Коммерц-коллегии. Под председательством Остермана учреждена была еще предложенная при Екатерине комиссия о коммерции: правительство объявило, что купцы целым городом или поодиночке могут через губернаторов и воевод пересылать в эту комиссию представления о том, что может быть полезно для купечества. Особенная заслуга комиссии состояла в противодействии откупной системе; она же издала вексельный устав. По-прежнему должно было принимать меры против побега крестьян в Польшу и в степь к казакам и против разбоев: в Пензенской и других низовых областях разбойники ездили многолюдством с ружьями, жгли села и деревни, помещиков и крестьян мучили и грабили; против них надобно было посылать отряды драгунов. Относительно просвещения в духовенстве надобно было подтвердить указ Петра Великого, чтоб из всех монастырей высылали молодых монахов в московскую Славяно-греко-латинскую академию, ибо ректор этой академии доносил Синоду, что монахов ниоткуда не присылают и у него только 5 учеников. Наконец, относительно обычаев времени заметим, что при Петре II уничтожен варварский обычай ставить внутри Петербурга каменные столбы, где на кольях втыкали тела и головы казненных преступников.

5. *Малороссия.* В Малороссии при Петре II восстановлено гетманство. 1 октября 1727 года рада, собранная в Глухове присланным из Петербурга тайным советником Наумовым, провозгласила гетманом шестидесятидевятилетнего старика Апостола, полковника миргородского. Младший сын Апостола отправлен в Петербург заложником; Наумов остался при гетмане для советов в звании министра императорского; на том основании, что на

генеральный суд было прежде много жалоб, велено быть в этом суде трем членам из великороссиян и трем из малороссиян под председательством гетмана; кто же будет недоволен решением генерального суда, может бить челом императору в Коллегию иностранных дел; для сбора доходов учреждены два чиновника — один из великороссиян и один из малороссиян, дозволено покупать великороссиянам в Малороссии, а малороссиянам в областях великорусских всякого рода недвижимые имущества.

ГЛАВА XLIII

ЦАРСТВОВАНИЕ АННЫ ИОАННОВНЫ

1. *Попытка верховников.* Рановременная смерть Петра II прежде всего поражала Долгоруких, которые, чтоб поддержать свое значение, схватились было за отчаянное средство: предъявив подложное завещание Петра II, хотели провозгласить императрицею невесту его княжну Екатерину Долгорукую. Но попытка эта, разумеется, не могла удалиться; обойден был внук Петра Великого, сын Анны Петровны, герцогини голштинской, обойдена дочь Петра Великого Елисавета Петровна и выбрана дочь царя Иоанна Алексеевича вдовствующая герцогиня курляндская Анна. Но при этом князь Димитрий Михайлович Голицын предложил ограничить власть императорскую властью Верховного Тайного Совета; предложение было принято членами этого совета, или верховниками, как их тогда называли, и один из них, князь Василий Лукич Долгорукий, отправился к Анне в Митаву с предложением престола под условием ограничения власти. Анна приняла и то и другое. Получив из Митавы подтверждение условий, верховники созвали высшее духовенство, генералитет и дворянство, или *шляхетство*, как тогда говорили, в чрезвычайное собрание и объявили волю новой императрицы ограничить свою власть, представляя это как свободное действие Анны. Присутствовавшие подписались, что «тою Ее Императорского Величества милостию весьма довольны». Несмотря на это, обнаружилось сильное волнение и неудовольствие на верховников за их своевольное дело. Верховники должны были уступить другим знатым лицам право подавать свои мнения относительно новых форм правления, должны были обещать, что в случае новых государственных важных дел для их обсуждения будут приглашаемы в Верховный Совет сенаторы, генералы, члены коллегий и знатное шляхетство, и если дело будет касаться Церкви, то и архиереи. Между прочим верховники настаивали, чтоб резиденция была непременно в Москве. Между тем в феврале месяце приехала новая императрица в Москву; верховники

окружили ее и не допускали к ней никого из людей им подозрительных, но трудно было им бороться с многочисленными и сильными противниками, которые действовали тайно и искусно; приготовившись и давши знать обо всем императрице, приверженцы неограниченной монархии в большом числе съехались во дворец 25 февраля и подали Анне челобитную, в которой просили подвергнуть обсуждению записки, поданные Верховному Тайному Совету и оставленные им без внимания. Императрица согласилась, но приверженцы неограниченной монархии не хотели терять времени и тут же во дворце решили просить государыню о принятии самодержавия по примеру ее предшественников; вследствие сего императрица разорвала условия, предписанные ей верховниками. В апреле Анна короновалась и в начале 1732 года переехала в Петербург.

2. *Падение верховников.* Верховный Тайный Совет был уничтожен. Дело и значение зачинщиков ограничения рушилось, но сначала их оставили в покое, и только впоследствии под разными предложениями одни были сосланы, другие казнены. Умерли в заточении Долгорукие: князь Василий Владимирович, князь Алексей Григорьевич, князь Димитрий Михайлович Голицын; казнены: князь Василий Лукич и любимец Петра II князь Иван Алексеевич Долгорукие. Князь Иван, когда еще был во всей силе, обручился с дочерью знаменитого фельдмаршала Шереметева Натальей Борисовною; когда со смертью Петра II значение Долгоруких начало падать, родственники советовали Наталье отказать жениху. Но Наталья думала иначе: «Какая радость и честная ли это совесть? Когда он был велик, так я с удовольствием за него шла, а когда он стал несчастлив, отказать ему!» Она вышла за Долгорукого и разделяла все его беды: «любя мужа, все сносила и еще его подкрепляла, и никогда не раскаявалась, для чего за него пошла, и не дала в том безумия Богу». Наталья умерла монахиней, оставив записки о своей чистой страдальческой жизни.

3. *Немецкая партия.* Таким образом, в борьбе друг с другом сошли со сцены знаменитые русские люди, стоявшие наверху, и обнаружилось явление небывалое: до сих пор иностранцы, самые заслуженные и даровитые, имели второстепенное положение, на первом месте стояли русские старинные вельможи или новые люди, выдвинутые Петром Великим, но теперь иностранцы становятся на первом плане, усиливается значение Остермана, Миниха, но вместе с этими людьми, могшими оправдать свое возвышение, возвышаются иностранцы, ничем не замечательные, и первенствующее значение получает любимец Анны курляндец Бирон или, правильнее, Бирен. Бирону давно уже хотелось вступить в русскую службу, еще при Петре Великом он искал места при дворе Софьи, жены царевича Алексея Петровича, но был отвергнут как человек низкого происхождения; он успел добиться

места при дворе курляндской герцогини Анны, скоро получил здесь первенствующее значение и с тем же значением явился в России, когда Анна стала императрицею. Современники, знавшие Бирона, хвалили его учтивость, внимательность, хорошие манеры, желание всем угодить, любезность, сладкую речь, приятную наружность. Но все эти качества, которые могли доставить ему видное место в обществе, нисколько не сделали его способным занимать первое по государю место в государстве; у Бирона не было вовсе правительственных способностей, и, что было всего хуже, он смотрел на Россию совершенно глазами чужестранца. Иностранцы даровитые, как Остерман и Миних, были привязаны к России как месту их блестящей деятельности; они хотели быть полезными для России, потому что были способны к тому и желали прославиться принесенною ими пользою. Но мелкодушный Бирон не мог иметь таких стремлений; он не любил России, презирал русских, хотел пользоваться своим высоким местом только для того, чтоб получить от него как можно больше выгод. С такими взглядами и стремлениями Бирон, разумеется, мог причинить большой вред для России, ибо он был совершенно равнодушен к тому, что делали с этою Россиею люди, ему служившие, его обогащавшие, лишь бы только они служили ему, обогащали его.

4. *Бедствия бироновского времени.* Главные бедствия, постигшие Россию в бироновское время, были, во-первых, физические — голод и мор; во-вторых, финансовые взыски, производившиеся без всякого сострадания и внимания к обстоятельствам; в-третьих, так как этими мерами вызвано было всеобщее неудовольствие, то стремление Бирона поддержать себя посредством доносов и строгостей произвело новое бедствие и новые неудовольствия. При восшествии на престол Анны недоимки государственных податей простирались до нескольких миллионов. Бирон обратил на это внимание с целью собственного обогащения. Несмотря на донесения воевод о бедственном положении крестьян, посылались строжайшие указы о неослабном взыскивании недоимок, и так как указы не помогли, то разосланы были гвардейские офицеры с приказанием держать воевод и товарищей их в цепях до уплаты всей недостающей суммы; вследствие таких понудительных мер сборщики действовали уже по чувству самосохранения: у крестьян забирали и продавали все, что только могли найти на дворах; помещики и старосты были отвозимы в город, где и держались под стражею по нескольку месяцев, умирали с голода и от тесноты. Вследствие ропота лазутчики роились всюду, явилось зло, какого не бывало со времен Годунова. Печальное время омрачилось еще более казнями, заточениями вельмож, Долгоруких, Голицыных, свержениями и наказаниями архиереев. Особенно поразительна была казнь Волынского

с товарищами. Артемий Волынский стал известен еще при Петре Великом на дипломатическом поприще, был губернатором в Астрахани, в Казани, при Анне быстро возвысился и сделан был кабинет-министром. Волынский славился большим умом и нестерпимым характером. Беспокойный, тщеславный, заносчивый, постоянно выскакивавший вперед, не терпевший равных, готовый на всякое вопиющее насилие относительно низших, Волынский возбудил против себя сильную ненависть. Будучи губернатором, он стал известен взяточничеством, грабительством и средневековыми, варварскими поступками с подчиненными. Ставши кабинет-министром, он враждебно столкнулся с Остерманом, задел Бирона, который и решил погубить его. Волынский подал императрице записку, в которой, изображая черными красками поведение придворных, хотел представить Остермана и других вельмож. Записка произвела неблагоприятное впечатление на императрицу, которой не понравилось, что Волынский хочет ее учить; потом Волынский, по обыкновению своему, избил известного писателя и секретаря Академии Тредьяковского, и когда Тредьяковский пришел жаловаться Бирону, то Волынский, увидав его, снова избил его в самых покоях Бирона. Последний воспользовался этим и начал умолять императрицу, чтоб Волынский был предан суду. «Либо ему быть, либо мне»,— говорил Бирон, стоя на коленях пред Анною И Волынского предали суду, обвинили в государственных преступлениях, подвергли страшной пытке и казнили; двое близких к нему людей были также казнены, другие биты кнутом и сосланы; дети Волынского также сосланы в Сибирь, сына велено отдать в солдаты без выслуги и отправить в Камчатку, дочерей постричь. Ненавидимый при жизни, Волынский приобрел славу патриота по смерти, потому что пал жертвою Бирона.

5. Внутренние распоряжения правительства Что касается внутренних распоряжений при Анне, то уничтожен был Верховный Тайный Совет (в марте 1730 г) и восстановлен Правительствующий Сенат на том же основании и в такой силе, как был при Петре Великом, но скоро вместо Верховного Тайного Совета явился при императрице Кабинет, члены которого назывались кабинет-министрами. Старое зло, от которого так страдала древняя Россия, продолжалось и в новой; в самом начале царствования императрица должна была издать указ, в котором говорилось, что многие воеводы как посадским, так и уездным людям делают великие обиды и разорения, вследствие чего велено было сменять воевод каждые два года, и по смене воеводы должны были являться в Сенат с отчетом; если воевода окажется исправным и если в продолжение года жалоб на него не будет, позволено определять его опять в воеводы. И Анна должна была жаловаться, что сочинение Уложения не двигалось вперед, а между тем

«при несогласных указах бессовестные судьи решали дела неправедно, в пользу которой стороны хотели»; императрица велела начатое Уложение немедленно оканчивать и определить к тому добрых и знающих людей, выбрав из шляхетства, духовенства и купечества.

Уничтожен был майорат на том основании, что землевладельцы, желая одинаково наградить всех сыновей и не имея денег для наделения младших, берут лишнее с крестьян или продают деревни свои; в семействах рождается ненависть; считая хлеб и скот за движимое, отдают младшим детям, вследствие чего старшие не могут ничего сделать с землею без хлеба и скота, а младшие — с хлебом и скотом без земли. В 1736 году издано постановление о шляхетской службе: отец, имея двоих или более сыновей, может одного оставить дома для хозяйства, но и этот остающийся дома сын должен быть обучен грамоте и по крайней мере арифметике, чтоб быть годным в гражданскую службу, остальные братья должны вступить в военную службу. Так как до сих пор не было определено, до каких пор шляхтич должен служить в военной службе, то оставлялись старики дряхлые, которые, приехав домой, были не в состоянии более заниматься хозяйством. Теперь определено: всем шляхтичам от 7 до 20 лет учиться, от 20 лет быть в военной службе 25 лет, а 45-ти лет, если захотят, могут выходить в отставку; за болезнями и ранами могут быть отпущены и до этого срока. Недорослей из дворян, более способных к гражданской, чем к военной, службе, велено распределить по коллегиям; секретари обязаны были обучать их приказному порядку, знанию уложения, указов, прав государственных, а два дня в неделю назначались для обучения арифметике, геометрии, геодезии, географии и грамматике. Недорослей, шляхетских детей, обучавшихся в родительских домах, велено было свидетельствовать два раза: после 12 и после 16 лет, и которые после второго свидетельства окажутся невеждами в законе Божием, арифметике и геометрии, таких определять в матросы без выслуги. Эти хлопоты и строгие меры правительства показывают только, как мало было в самом шляхетстве потребности к образованию. В 1736 году императрица жаловалась, что «многие офицерские, дворянские и других служилых чинов дети не являются к смотру, укрываются под разными видами, а некоторые вступают в дворовую службу к разным чинов людям и объявляются в разных преступлениях, потому что праздность — всему злу корень; хотя для малолетних велено учредить школы по городам, однако, не желая собственной пользы, от наук убегают и тем сами себя губят». В гвардии при Анне к полкам Преображенскому и Семеновскому прибавлены полки Измайловский и Конный. По настоянию Миниха жалованье иностранных офицеров сравнено с жалованьем русских. В ию-

ле 1731 года по предложению того же Миниха учрежден был в Петербурге Кадетский корпус из 200 воспитанников, но после это число увеличено до 360; корпус этот не был чисто военно-учебным заведением: воспитанники его одинаково поступали в военную и гражданскую службу, а некоторые, имевшие особенную склонность к наукам, могли совершенствоваться в них у профессоров Академии наук; военными упражнениями занимали кадет только один день в неделю, «дабы в обучении другим наукам препятствия не было». Обучали грамматике, правильному в письме складу и стилю, риторике, юриспруденции, морали, геральдике, арифметике, геометрии, фортификации, артиллерии, географии, истории (универсальной и истории немецкого государства, а не русской).

Средства к просвещению мало-помалу усиливались, но далеко не в такой еще степени, чтоб следствия его могли быть ощутительны в обществе. Извне много было блеска, роскоши, но под этим внешним лоском скрывалось еще много грубости нравственной. Возможность такого характера, каким отличался Волынский, возможность его поступка с Тредьяковским всего лучше обрисовывает нам общество. Полуобразованность всего лучше высказывалась в этой страсти к шутам, которые наполняли дворец и дома вельможеские, в страсти к удовольствиям балаганным, к *штукам*², какою был, например, знаменитый Ледяной дом, построенный во время жестокой зимы 1740 года для празднования свадьбы придворного шута; Тредьяковский должен был участвовать в этом шутовстве, сочинил для него нелепые, непристойные стихи. Таковую роль играл академик в Петербурге, а какую роль играли несчастные медики в полках, узнаем из донесения армейского доктора архиатеру (главному медику) Фишеру: «Штаб-офицеры лекарей хотят иметь совершенно в своей команде, употребляют их вместо камердинеров, заставляют парики расчесывать, а если лекарь пред своим штаб-офицером не захочет показать излишней услужливости и раболепства, то на него нападают, по произволу штрафуют и бесчестят, а которые лекаря у штаб-офицеров в страхе или милости, употребляются вместо камердинеров, такие докторов не слушаются и должностию свою пренебрегают, к больным не ходят, а живут больше при домах штаб-офицерских, другие же, обиженные штаб-офицерами, служить не хотят».

В Малороссии в начале царствования Анны Апостол спокойно гетманствовал до смерти своей, случившейся в 1734 году; преемника ему не дали, а правление поручено было коллегии из шести членов — троих великороссиян и троих малороссиян.

6. *Дела внешние.* Внешними делами при Анне управлял Остерман Австрия и Франция наперерыв искали союза с Россиею;

² От нем *Stuck* (пьеса, спектакль) — *Примеч ред*

Остерман убедил императрицу, что австрийский союз гораздо полезнее, ибо Австрия ближе к России и может помогать ей в делах польских и турецких, тогда как от далекой Франции нельзя ждать деятельной помощи. На востоке Россия отказалась от плана Петра Великого относительно утверждения на берегах Каспийского моря: в начале 1732 года были возвращены Персии завоеванные у нее Петром провинции, которые по нездоровому климату своему были кладбищем для русского войска.

В следующем 1733 году умер Август II, король польский; Россия и Австрия, действуя заодно, хотели видеть преемником Августа сына его, Августа III, курфюрста саксонского, который обещал русскому правительству действовать согласно с ним относительно Курляндии и стараться о том, чтоб Польша отказалась от своих притязаний на Лифляндию. Противником Августа был старый соперник отца его Станислав Лещинский, который теперь вследствие брака своей дочери Марии с французским королем Людовиком XV поддерживался Франциею. Лещинский был провозглашен королем, но приближение русского войска под начальством Ласси заставило его удалиться из Варшавы в Данциг. Пользуясь этим, саксонская партия провозгласила Августа, и Ласси пошел осаждать Станислава в Данциге, но, имея очень мало войска, не мог действовать с успехом. В России нашли, что дело идет очень медленно под Данцигом, и на смену Ласси послали Миниха. И Миних при тех же средствах, какие были у Ласси, не мог скоро подвинуть дела, но когда к нему на помощь подошли сухопутное войско и флот, привезший запасы и артиллерию, то Лещинский бежал и Данциг сдался. Осада этого города, продолжавшаяся 135 дней, стоила русским более 8000 человек.

Скоро для Миниха представилось более блистательное поприще в войне с Турциею, начатой в союзе с Австриею по поводу крымских набегов; Ласси овладел Азовом; в 1736 году Миних взял Перекопъ и страшно опустошил всю западную часть полуострова до самого Бахчисарая; в 1737 году Ласси опустошил восточную часть Крыма, и Миних взял Очаков, в 1739 Миних одержал блистательную победу при Ставучанах, взял Хотин, перешел Прут, хвалясь, что позорный Прут сделал славным, намеревался уже перейти за Дунай. Эти блистательные успехи стоили, однако, очень дорого: походы были трудные, степные, а Миних вовсе не отличался способностью беречь людей. Как трудны были эти степные походы, можно видеть из того, что войско должно было везти с собою воду и дрова. В то время как Миних торжествовал над турками, Австрия терпела постоянные неудачи и требовала мира, но кроме неудач на склонность Австрии к миру имело влияние еще французское золото. Неравнодушные к нему министры австрийские начали

представлять императору Карлу VI, что русская армия, исповедующая греческую веру, гораздо опаснее для наследственных владений австрийского дома, чем турецкая, потому что большая часть подданных австрийских в Трансильвании, Венгрии, Кроации, Далмации, Истрии исповедуют одну веру с русскими. Наконец, европейские державы беспокоились, чтоб русские не проникли до Константинополя и не захватили левантской торговли. Австрия приняла посредничество французского посланника в Константинополе Вилльнева; императрица Анна, не видя помощи от союзников, слыша, что персы также хотят заключить мир с турками, устрешенная сильным уроном в войске и обеспокоенная несогласием между предводителями его, сильно желала мира, лишь бы уничтожены были условия постыдного Прутского договора. Мир был заключен в Белграде в сентябре 1739 года: Австрия сделала Турции важные уступки, Россия ничего не приобрела, кроме куска степи между Бугом и Днепром, да еще было постановлено, что турки сроят Азов до основания. Так кончилась война, в которой погибло 100 000 русского войска.

Но в то время как Миних побеждал турок, Бирон без всяких побед и трудов сделался герцогом курляндским. В 1737 году умер последний из Кетлеров, Фердинанд. Узнавши о его смерти, петербургский двор приказал русскому войску из Риги вступить в Курляндию, чтоб поддержать избрание в герцоги Бирона, и Бирон был избран большинством голосов курляндского дворянства, которое прежде не соглашалось признать его дворянином курляндским.

7. *Бирон-правитель и кончина императрицы.* Новый герцог не поехал в Курляндию, остался в России, где хотел упрочить свою власть и на будущее время. Императрица Анна отказалась вступить в брак и для упрочения русского престола в потомстве царя Иоанна Алексеевича выдала племянницу свою принцессу мекленбургскую (дочь герцога Леопольда и царевны Екатерины Ивановны) за Антона Ульриха, принца брауншвейг-люнебургского; от этого брака в августе 1740 года родился сын Иоанн, который и назначался наследником престола. Между тем в императрице обнаружались признаки опасной болезни. 5 октября с нею случился сильный припадок. Тут Бирон начал хлопотать, чтоб ему быть регентом во время малолетства Иоанна, и нашел поддержку в кабинет-министрах князе Черкасском и Бестужеве-Рюмине, потом в Минихе; особенно хлопотал возвышенный Бироном Бестужев-Рюмин. В совещании, на которое кроме кабинет-министров были приглашены и другие знатные лица, решили, что нет никого способнее Бирона управлять государством, и определили просить императрицу, чтоб она согласилась на желание народа, приказала герцогу курляндскому управлять

государством до совершеннолетия Иоанна, т. е. до 17 лет; просьба была исполнена. 17 октября 1740 года императрица скончалась 46 лет от роду, и все спокойно присягнули императору Иоанну и регенту герцогу курляндскому.

ГЛАВА XLIV ПРАВЛЕНИЕ БИРОНА И АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ

С первых же дней оказалось, что Бирон не крепок на своем регентстве. Бирона терпели как временщика, из уважения ко власти, его возвысившей, теперь не хотели терпеть его как правителя. Поднялся сильный ропот, когда в церквях после императора, его матери и цесаревны Елисаветы Петровны начали поминать неправославного Бирона. По ночам народ начал сталпливаться в разных местах; драгуны разогнали безоружные толпы, но гвардия была против Бирона и громко, публично высказывала свое неудовольствие, свои угрозы. Замысел отделаться от Бирона гражданским путем, как в 1730 году отделались от верховников, не удался: князь Черкасский выдал подполковника Пустошкина с товарищами, предлагавшими ему объявить торжественно, что нация не желает иметь Бирона регентом. За неимением вождя гражданского движения дело должно было решиться войском, у которого был вождь, знаменитый фельдмаршал Миних. Миних захватил Бирона ночью. Анна Леопольдовна провозглашена была правительницею, муж ее принц Антон — генералиссимусом, Миних — первым министром. Бирона лишили имения, чинов, орденов и отправили в Сибирь, в город Пелым.

Свержение Бирона не могло успокоить Россию и только вызывало новый, окончательный переворот. Анна Леопольдовна была совершенно не способна к делам правительственным: целые дни просиживала она во внутренних покоях с неразлучною фавориткою фрейлиною Менгден. Все должно было, следовательно, сосредоточиваться в руках первого министра — Миниха. Но у правительницы был муж. Принц Антон не хотел уступать Миниху первенства; сам он был мало способен к самостоятельной деятельности, но у него был руководитель, Остерман, давний соперник Миниха. Остерман и принц Антон начали пугать правительницу, убеждать ее освободиться от Миниха как от человека самого опасного, который не остановится ни перед чем. Напугать Анну Леопольдовну было нетрудно. Миних стал замечать, что его выживают, не хотят с ним заниматься делами; Миних подал в отставку и получил ее (марта 1741 года).

Остерман сделался всемогущим, но ненадолго. Между мужем и женою, между принцем Антоном и принцессою Анною началась ссора, и правительство представило два враждебных лагеря, а между тем внизу слышался сильный ропот, ибо со свержением Бирона порядок вещей не переменялся; внешние дела также запутывались. Чтоб воспрепятствовать России подать помощь Австрии в предстоявшей войне за наследство австрийского престола, Франция действовала против России в Стокгольме, волновала шведскую молодежь, которая хотела непременно отнять у России завоевания Петра Великого и считала это дело легким. Пропустив удобный случай во время турецкой войны, Швеция теперь объявила войну России, выставив в числе причин отстранение от престола цесаревны Елисаветы Петровны и голштинского дома. Но Франция не ограничилась возбуждением Швеции к войне: чтоб изменить политику России, порвать союз ее с Австриею, французский посланник в Петербурге Шетарди принял деятельное участие в перевороте, который должен был низвергнуть правительницу Анну и ее сына.

Переворот мог быть произведен только во имя одного лица — дочери Петра Великого Елисаветы. Число приверженцев Елисаветы было велико, потому что около нее сосредоточивалось национальное движение, но между высшими сановниками из русских не было энергичного человека, который бы решился действовать за нее ее именем. Главным действующим является Лесток, лекарь, находившийся при цесаревне. И теперь переворот не мог произойти гражданским путем, надобно было произвести его вооруженною силою, но не было человека, который бы мог принять начальство над нею; Елисавета Петровна сама должна была принять это начальство, сама сделать то, что в пользу Анны Леопольдовны сделал Миних. Легко понять, как ей трудно было решиться на это. Долго медлить, однако, было нельзя: о сношениях Елисаветы с Шетарди через Лестока было узвано, ей грозила страшная опасность. Долго медлить было нельзя и потому, что преданные Елисавете гвардейцы получили приказ выступить в Финляндию против шведов. Ночью с 25 на 26 ноября 1741 года семь преображенских гренадеров явились к Елисавете: «Мы завтра выступаем в поход, матушка! Ты останешься в руках своих лиходеев, нельзя больше ждать ни минуты». Делать было нечего: Елисавета повела солдат во дворец, и Анна Леопольдовна с семейством была захвачена. В ту же ночь взяты Миних, Остерман, Головкин. Елисавета без всякого сопротивления была провозглашена императрицею. Сперва она хотела бывшую правительницу Анну со всем семейством отпустить за границу, но потом переменяла намерение: бывший император Иоанн заключен был в Шлюссельбурге, Анна с мужем и остальными детьми отвезена в Холмогоры, где Анна и умерла в 1746 году. Наряжена

была комиссия судить Миниха, Остермана и других участников прежнего правления; их приговорили к смертной казни, но императрица переменяла казнь на ссылку: Остермана сослали в Бerezов, Миниха — в Пелым, а Бирона возвратили из ссылки и позволили ему жить в Ярославле; Миних в Пелыме жил в том самом доме, который, по его плану, построен был для Бирона.

ГЛАВА XLV

ЦАРСТВОВАНИЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

1. Лейб-компания и движения против иностранцев. Наказав приверженцев старого правительства, глав господствовавшей при нем немецкой партии, новая императрица щедро наградила людей, помогших ей овладеть престолом. Рота Преображенского полка, особенно участвовавшая в этом деле, получила название лейб-компания, сама императрица назначила себя ее капитаном, унтер-офицеры и рядовые получили потомственное дворянство, деревни и земли. Всеобщее неудовольствие против господствовавших недавно иностранцев выразилось в войске движениями против иностранных офицеров. В Финляндии в действующей против шведов армии обнаружилось волнение, которое грозило привести к печальным последствиям, к истреблению иностранных офицеров, но смелость и решительность генерала Кейта прекратили смуту: он бросился в мятежную толпу, схватил одного из зачинщиков мятежа и послал за священником, чтоб приготовить его к смерти, толпа, пораженная ужасом, рассеялась, и возмутители были наказаны, в самом Петербурге было подобное же волнение

2. Престолонаследие и главные действующие лица в царствование Елисаветы. Объявив потомство царя Иоанна не имеющим права на русский престол, императрица поспешила упрочить наследство за потомством Петра Великого; она вызвала четырнадцатилетнего племянника своего, сына Анны Петровны, герцога шлезвиг-голштинского Карла Петра Ульриха; он принял православие, назван Петром Федоровичем и в ноябре 1742 года объявлен наследником престола, через шесть месяцев после коронации Елисаветы, которая происходила в Москве 28 апреля. В 1744 году приехала в Россию невеста наследника принцесса София Августа Фридерика Ангальт-Цербстская (родившаяся в Штетине 21 апреля 1726 года), и король прусский Фридрих II устроил этот брак, по принятии православия София Августа была названа Екатериною Алексеevною. Самыми приближенными людьми к императрице были граф Алексей Григорьевич Разумовский, родом из малороссийских казаков, благодаря милости Елисаветы из придворных певчих он сделался фельдмар-

шалом и графом; это был человек недаровитый, необразованный, но добрый, прямой, не употреблявший во зло той силы, какую он имел при дворе, не объявлявший притязаний на деятельность, к которой он не чувствовал себя способным. Больше, чем он, значения в управлении государством имели Шуваловы: граф Петр Иванович, человек с большими дарованиями, но с очень легкою нравственностью, отличавшийся большим искусством притворяться и меняться по обстоятельствам; кроме того, полезную деятельность свою он пятнал корыстолюбием. Родственник его Иван Иванович Шувалов принадлежал к лучшим людям эпохи, был представителем новых, лучших понятий и стремлений. Начиная с преобразовательной деятельности Петра Великого до сих пор на науку, цивилизацию смотрели преимущественно с внешней, материальной точки зрения, видели в них только средства к увеличению материальных сил государства и удобств житейских, теперь же начали понимать необходимость внутреннего, нравственного преобразования человека и общества, начали понимать, что истинное просвещение состоит в ясном понимании обязанностей человека и гражданина, в признании в каждом человеке достоинства человеческого, в обхождении с людьми по-людски, а не так, как Волынский и подобные ему. При Петре Великом и после него требовали, чтоб человек был способен к службе и чтоб для этого был выучен, знал бы грамоту, цифирь и геометрию; но теперь начинали понимать, что с такою форменною выучкою общество недалеко пойдет, что необходимо нравственное воспитание, просвещенное приготовление человека к жизни гражданской. Эти новые понятия и требования высказались преимущественно во второй половине XVIII века; но люди, действовавшие во второй половине века, высказавшие новые понятия и требования, начали приготавливаться к своей деятельности в описываемую эпоху особенно благодаря знакомству с французскою литературою, которая приобрела значение литературы общеевропейской распространением гуманных идей, внутренней людскости; и действительно, в царствование Елисаветы нельзя не заметить начала смягчения нравов, пробуждающегося сознания человеческого достоинства. Представителем этих новых понятий и требований явился любимец Елисаветы Ив[ан] Ив[анович] Шувалов, человек, отличавшийся не одним вельможным покровительством просвещению, но особенно тем, что в самом себе показал плоды этого просвещения; Ив[ан] Ив[анович] Шувалов умел не запятнать себя ни корыстолюбием, ни мелким честолюбием, внес в свои отношения к другим эту людскость, или «благородное учтивство», как выражались современники, следствие сознания человеческого достоинства в себе самом и в других; современники говорят, что к нему подходило с какою-то радостью.

3. *Дела внешние.* Внешними сношениями при Елисавете заведовал Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, сделавшийся известным по дипломатической службе еще при Петре Великом и быстро поднявшийся при Анне угодничеством Бирону; он пал вместе с Бироном, но по вступлении на престол Елисаветы приятель его Лесток упросил императрицу вывести его опять на вид и сделать вице-канцлером; канцлером был старик князь Черкасский Алексей Михайлович, по смерти которого Бестужев сделался и канцлером (1742 г.). Первою заботою нового правительства была война шведская, ибо хотя шведы объявили войну под тем предлогом, что вступаются за права Елисаветы, однако когда Елисавета дала силу своим правам, то мнимые защитники ее войны не прекратили, а требовали той части Финляндии, которая была завоевана у них Петром Великим. Но война эта опять показала только слабость Швеции пред Россиею: русские под начальством Ласси брали город за городом в Финляндии, и в 1743 году заключен был мир в Або, по которому Россия получила провинцию Кюменегорскую и река Кюмень назначена границею между обоими государствами. Между тем у Бестужева с Лестоком начались враждебные столкновения: Лесток хлопотал о союзе с Франциею и Пруссиею против Австрии и Англии, Бестужев был против этого союза. Шетарди в другой раз приехал в Россию, чтоб поддержать интересы своего двора, т. е. чтоб поддержать Лестока и низвергнуть Бестужева. Но канцлер узнал об этом заговоре против себя и употребил все средства, чтоб отклонить удар и погубить противников; он захватил переписку Шетарди и показал императрице: в переписке говорилось о подкупках, означено было, что Лесток получает от французского двора, наконец, Шетарди в своих письмах отзывался очень невыгодно о самой Елисавете; вследствие этого Шетарди был выслан за границу, а Лесток в последствии времени сослан был в Углич, потом в Устюг. Россия не могла долго сохранять дружественных отношений к Пруссии. Фридрих II обнаруживал завоевательные стремления, хотел усилиться на счет соседей во что бы то ни стало, не разбирая средств, грозил русским интересам в Польше, Турции, Курляндии, Швеции. Для охранения этих интересов петербургский двор счел необходимым поддержать против Пруссии Саксонию и Австрию. В октябре 1756 года Фридрих II начал семилетнюю войну, вторгнувшись в Саксонию и овладев Дрезденом. «Я не боюсь моих врагов, ни Австрии, ни Франции,—говорил он,—если только Россия останется спокойно; но что я буду делать, если придется воевать еще с русскими?» Опасения его сбылись: в 1757 году 83 000 русского войска под начальством Апраксина перешло прусскую границу, Мемель сдался; 30 августа Апраксин разбил наголову прусское войско, бывшее под начальством Левальда, но, вместо того чтоб воспользоваться победою и идти дальше, русский главнокомандующий

отступил в Польшу, как будто потерпел поражение. Посланники австрийский и французский сильно жаловались императрице на этот поступок Апраксина, в котором нельзя было не видеть намерения шадить короля прусского Императрица велела Апраксину явиться в Петербург и отдать отчет в своем поведении, бумаги его были схвачены, открылось, что Апраксин действовал с согласия своего приятеля канцлера Бестужева. Апраксин был отдан под суд и умер от удара после первых допросов; Бестужев, обвиненный «в обширных и вредных замыслах, в недоброхотстве к государыне и посягательстве на ее безопасность», был сослан в свою деревню, и граф Михайла Воронцов назначен был на его место канцлером.

В 1758 году русское войско под начальством Фермора вступило во второй раз в Пруссию; казаки, калмыки страшно опустошали неприятельские владения; 14 августа между Дармицелем и Цорндорфом встретился Фермор с самим Фридрихом II; в этом убийственном сражении, возобновлявшемся два раза, русские потеряли до 19 000 убитыми и 3000 пленными, пруссаки потеряли 11 000 человек. В 1759 году предпринят был третий поход в Пруссию под начальством графа Салтыкова: Фридрих II потерпел сильное поражение от русских между Франкфуртом на Одере и Кунерсдорфом (1 августа), так что знаменитый король считал себя погибшим и начал думать о самоубийстве как о единственном средстве спасти свою честь. В походе 1760 года русские под начальством Чернышева заняли Берлин, но ненадолго. Поход 1761 года был совершен под начальством Бутурлина; в это время в Померании в разных сшибках начал отличаться Суворов, Румянцев взял Колберг. Средства Фридриха II были истощены, единственная союзница его, Англия, готова была его покинуть, но его спасла кончина императрицы Елисаветы, постигшая ее 25 декабря 1761 года, на 53 году от рождения.

5 *Внутренние распоряжения.* В декабре 1741 года Елисавета объявила, что в делах внутренних правления государственного она хочет восстановить во всей силе порядок, бывший при отце ее, императоре Петре I, и нарушенный сперва установлением Верховного Тайного Совета, а потом Кабинета; с этою целию уничтожив последний, она возвратила Сенату его прежнее значение. Составление Уложения не подвинулось и при Елисавете, хотя придуман был новый способ облегчения дела, именно составление отдельных частей Уложения было поручено избранным лицам из отдельных ведомств, которых эти части касались. К слушанию Уложения велено вызвать из каждой провинции выборных из дворянства и купечества. 30 сентября 1764 года издан был указ остановить исполнение смертных приговоров, вместо чего осужденных бить кнутом и ссылать в тяжкую работу; с этих пор смертная казнь в России, кроме политических преступлений, вышла из употребления.

При набожной императрице заботились о доставлении духовенству защиты от светских правителей; освободили дома духовенства от военных постоев; заботились о чинности богослужения, о приличном состоянии церквей; над иконописцами учреждены смотрители; запрещено продавать иконы без синодского одобрения; правительство обратило внимание, что в крестьянских избах на полках св. иконы стоят в нечистоте, от дыма закоптели, так что и ликом не видно, а многие иностранцы по городам ездят, в избах останавливаются и насмеваются над таким нерадением; вследствие этого велено священникам и архиерейским посланцам смотреть, чтоб крестьяне содержали иконы в чистоте; но при этом правительство сочло нужным прибавить, чтоб при осмотре икон никаких обид крестьянам не делалось и взятки с них не брали. Вменено в обязанность родителям обучать детей своим Закон Божию, и для этого разосланы катехизисы по епархиям. В 1752 году пущена в продажу вновь напечатанная исправленная Библия. В 1754 году велено выбирать в архиереи и архимандриты из великороссиян: знак, что образование уже распространилось и между великороссийским духовенством. Раскол не уменьшался, и часты были случаи саможжения: в Устюжской провинции сожгли себя 53 человека зараз; в Сибири сожгли себя 172 человека зараз. В 1761 году издан был указ, чтоб духовные лица воздерживались от неприличных сану их поступков, при следствиях по делам раскола предписывалось употреблять для обращения меч духовный, а не гражданский; поводом к указу послужило то, что в одном доме сгорело 150 человек раскольников, которые объявили, что сожигают себя от грабительства и разорения присылаемых против них команд.

Касательно войска при Елисавете важно было придуманное Петром Шуваловым разделение России на пять частей для сбора рекрут: установлен был ежегодный набор со ста душ по человеку, но не со всего государства, а только с пятой части, так что очередь поставки рекрут доходила до каждого общества и селения через пять лет. В 1751 году позволено было православным сербам из австрийских владений выселиться в южную Россию; земли, данные этим поселенцам, получили название Новой Сербии; потом позволено было выселиться и из турецких областей, но только людям православного исповедания; из сербов учреждено было четыре полка. Вместо отсылки отставных офицеров и солдат в монастыри для пропитания в 1758 году велено учредить инвалидный дом в Казани по образцу парижского; в губерниях Казанской, Нижегородской, Воронежской и Белгородской велено построить богадельни для раненых и увечных солдат; в конце царствования начали хлопотать о приюте вдов и дочерей — сирот заслуженных людей, для этого назначали монастырь

в Москве и послали справляться, как подобные учреждения содержатся в чужих краях. В 1760 году для содержания раненых офицеров и солдат учреждена государственная лотерея.

В 1754 году учреждены были государственные заемные банки, один для дворянства, другой для купечества, для того чтоб имевшие нужду в деньгах не разорялись, занимая у частных людей за 12, 15 и 20 процентов, «чего во всем свете не водится», говорит указ. Из банков каждый под залог движимого или недвижимого имущества мог получить до 10 000 рублей под 6 процентов. В 1755 году издан был важный для землевладельцев указ о генеральном межевании во всем государстве, но не приведен в исполнение. Для торговли внутренней самым важным распоряжением было уничтожение внутренних таможен и мелочных сборов, число которых простиралось до 17. Правительство сильно хлопотало и об усилении внешней торговли; комиссия о коммерции занималась вопросами: на каком основании учредить конторы при главных гаванях, для каждого говара особенную, как разделить русских купцов на компании, как их привлечь к оптовой торговле выпискою чрез конторы на свои имена товаров из других областей, какие взять предосторожности от контор иностранных и от комиссионеров, как некоторых из русских купцов перевести для торговли к петербургскому порту, как посылать в чужие края из купеческих детей для коммерческих дел и кредита; рассмотреть фабрики — какие нужны для государства и какие надобно вновь завести; как посылать консулов в иностранные государства, как строить купцам корабли и пользоваться ими — казенным товарам оставаться ли в казенном содержании или в вольной продаже. Восстановленный Елисаветою во всей прежней силе Главный магистрат объявил купцам всех городов, не захотят ли отпустить своих детей или приказчиков в Голландию учиться коммерции и содержанию контор.

В приведенных распоряжениях обнаруживалась преимущественно деятельность графа Петра Ивановича Шувалова; в мерах относительно просвещения обнаруживается деятельность Ив[ана] Ив[ановича] Шувалова. В 1755 году был основан университет в Москве и при нем две гимназии, по проекту Шувалова. Университет учреждается, говорилось в проекте, для дворян и разночинцев по примеру европейских университетов, где всякого звания люди свободно наукою пользуются, одна гимназия назначалась для дворянства, другая — для разночинцев. Учредить университет именно в Москве заставили следующие соображения: большое число живущих в ней дворян и разночинцев; положение ее в середине государства, куда каждому легче приехать; дешевизна содержания; возможность каждому почти найти в Москве родственников или знакомых, множество помещиков, которые живут в Москве, платят большие деньги домашним

учителям, неспособным и незнающим, иностранцам, которые прежде были лакеями, парикмахерами и т. п. Московский университет, говорил Шувалов, даст возможность заменить этих иностранцев русскими наставниками, даст возможность завести и по другим городам училища, от которых «и в отдаленном простом народе суеверия, расколы и тому подобные от невежества происходящие ереси истребятся». В трех факультетах — юридическом, медицинском и философском — новый университет имел 10 профессоров. Домашние учителя-иностранцы должны были подвергаться экзамену. В 1757 году последовало доношение Московского университета о необходимости учредить Академию художеств в Петербурге, в 1758 году — об учреждении гимназии в Казани; Шувалов представил о необходимости учредить гимназии и школы в губерниях, и ему Сенат поручил составление штатов и плана. В 1761 году велено выдавать двойное жалованье русским лекарям, желающим отправиться за границу для усовершенствования себя в медицине. В Петербурге и Москве учреждены школы для обучения повивальному искусству; учреждены были школы на Украинской линии для обучения однодворческих и ландмилицких детей; в Оренбурге учреждена школа для детей ссыльных.

В проекте Московского университета Шувалов говорил, что благодаря науке, внесенной Петром Великим, в короткое время произошла перемена в нравах и обычаях. Действительно, можно было заметить перемену, преимущественно внешнюю; большой же внутренней перемены к лучшему при слабых начатках просвещения еще не могло быть. Доказательством служило это присутствие внутренних врагов, на которых так горько должна была жаловаться императрица Елисавета в конце своего царствования: «Законы исполнения своего не имеют от внутренних общих неприятелей, которые свою незаконную прибыль присяге, долгу и чести предпочитают; с каким прискорбием видим мы это и чувствуем, что вкореняющееся зло пресечения не имеет. Несытая алчба корысти до того дошла, что некоторые места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем, лихоимство и пристрастие — предводительством судей, потворство и упущение — ободрением беззаконникам». Продолжали свирепствовать и другого рода внутренние враги, разбои в больших размерах не прекращались: в Низовых областях, по Оке до Казани разбойники ходили шайками по 50 человек, разбивали суда и деревни, шедший в Сибирь казенный китайский караван едва отбился от них пушками, и губернаторы и воеводы не обращали на это никакого внимания; в Москве, точно так же как в допетровское время, господские люди разбойничали днем и ночью. В 1756 году на Оке, выше Нижнего, появилось в двух лодках 80 человек разбойников, отлично вооруженных, с пушками; отправленное

против них войско правительства было разбито; в Алатыре разбит был магистрат.

Что касается до Малороссии при Елисавете, то в 1743 году, когда императрица приехала в Киев на богомолье, старшины поднесли ей просьбу о позволении выбрать гетмана, вследствие чего Сенату было велено распорядиться насчет гетманского избрания. Но Сенат медлил, потому что человек, назначенный в гетманы, еще образовывался за границею: то был родной брат Алексея Разумовского, Кирилла Григорьевич; наконец в 1750 году собрана была рада в Глухове, и двадцатидвухлетний Разумовский, бывший уже президентом Академии наук, был избран в гетманы.

ГЛАВА XLVI

ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА III ФЕДОРОВИЧА

Это кратковременное царствование особенно замечательно двумя постановлениями: о правах дворянства и об уничтожении Тайной канцелярии. В феврале 1762 года издан был манифест, в котором говорилось, что при Петре Великом и его преемниках нужно было принуждать дворян служить и учиться, отчего произошла большая польза, истреблено нерадение к пользе общей, невежество; знание и прилежание к службе умножили искусных и храбрых генералов, также людей, сведущих в гражданских и политических делах, благородные мысли вкоренили в сердца патриотов беспредельную верность и любовь к государю и великое усердие к службе. «И потому,— заключает император,— мы не находим той необходимости в принуждении к службе, какое до сих пор потребно было». Чрез несколько дней издан был другой манифест — об уничтожении Тайной розыскной канцелярии. Канцелярия эта получила начало при Петре Великом для розысков о государственных преступлениях, когда шла самая сильная борьба между старым и новым порядком вещей, когда приверженцы старины не щадили преобразователя, возбуждали к нему ненависть распространением в народе самых нелепых против него выдумок. Но при этом вместе с действительными преступниками розыску (пытке) подвергались люди простые, солдаты, крестьяне, передавшие какой-нибудь слух, в сердцах не подумавшие, о ком и о чем идет речь, не привыкшие, особенно в пьяном виде, удерживаться от бранных выражений; приводились в канцелярию и люди невинные, на которых донесено было по злобе; клеветники подвергались такому же наказанию, какое ожидало обвиненных, если бы вина была доказана, но это не прекращало ложных доносов. В царствование императрицы Анны чрез Тайную канцелярию прошел целый ряд священников, позабывших

отслужить молебны и обедни в царские дни: все они были расстрижены, биты кнутом и сосланы в Сибирь. В манифесте Петра III говорилось: «Всем известно, что к учреждению Тайной канцелярии побудили Петра Великого тогдашних времен обстоятельства и не исправленные еще в народе нравы. С того времени год от году меньше становилось надобностей в таких канцеляриях, но так как Тайная канцелярия все оставалась в своей силе, то злым людям подавался способ или ложными затеями протягивать вдаль заслуженные наказания, или клеветать на своих начальников и неприятелей. Поэтому Тайная канцелярия уничтожится навсегда, ненавистное выражение *«слово и дело»* (произносимое обыкновенно доносчиками) не должно значить ничего. Доносы по первому и второму пункту представляются в ближайшее судебное место или к ближайшему военному командиру; доносы преступников не выслушиваются, тех, на которых донесено без свидетелей и письменных доказательств, под караул не брать и подозрительными не почитать прежде рассмотрения дела». В столице ведение дел по первым двум пунктам император предоставил себе, чтоб показать пример, «как должно кротостию исследования, а не кровопролитием истину отделять от клеветы и коварства».

Велено было также прекратить исследования о раскольниках-самосожигателях; издан указ о защите раскольников от обид. Раскольникам, бежавшим в Польшу и другие заграничные места, позволено было возвратиться; им отведены были для поселения земли в Сибири, и запрещено их преследовать, «ибо,—говорит указ,—внутри Всероссийской империи и иноверные, яко магометане и идолопоклонники состоят, а те раскольники *христиане*, точно в едином застарелом суеверии и упрямстве состоят, что отвращать должно не принуждением и огорчением их, от которого они, бегая за границу, в том же состоянии множественным числом проживают бесполезно».

В некоторых местах крестьяне, побуждаемые ложными слухами, вышли из повиновения помещикам, издан был манифест о прощении этих крестьян, если принесут раскаяние, и о наказании рассевателей ложных слухов. Опальные прежнего царствования были возвращены из ссылки; в большой милости при дворе явился знаменитый Миних, в котором несчастья и лета не ослабили энергии и честолюбия.

Что касается внешних отношений, то Петр III, питая неограниченное уважение к Фридриху II, тотчас по вступлении своем на престол поспешил прекратить войну с Пруссиею, отказался от всех завоеваний, велел русским войскам, стоявшим в Померании, сдать свои магазины пруссакам, послал вспоможение жителям Пруссии, разоренным русскими войсками; заключен был тесный союз между Россиею и Пруссиею. Окончив войну с Фридри-

хом II, Петр III хотел немедленно же начать войну с Даниею вследствие давней вражды между этою державою и герцогством Голштинским.

Окончание одной войны без всякой пользы для России, вследствие личного расположения; приготовления к другой войне, не обещавшей для России никаких выгод, начинаемой из личной вражды; поклонение Фридриху II и всему прусскому; преимущества, оказываемые голштинским войскам и вообще иностранцам, возбуждали неудовольствие, которое увеличивалось вследствие нерасположения Петра III к супруге своей Екатерине Алексеевне, умевшей приобрести уважение и любовь своими блестящими способностями, развитыми образованием, и своею преданностью русским интересам. 28 июня 1762 года вспыхнуло восстание, Екатерина была провозглашена императрицею, Петр после неудавшейся попытки к сопротивлению отрекся от престола в пользу супруги своей, и скоро потом смерть постигла его в загородном дворце, 6 июля, на 35-м году от рождения

ГЛАВА XLVII

ЛИТЕРАТУРА ОТ ПЕТРА ВТОРОГО ДО ЕКАТЕРИНЫ II

1. Общий характер. Кантемир. Так как эпоха преобразования царствованием Петра Великого не кончилась, то все вопросы, поднятые вследствие нового порядка вещей, все столкновения, им порожденные, должны были иметь силу и после Петра, должны были главным образом отражаться в литературе. В литературе отражалась борьба между старым и новым. Приверженцы старины, раскольники, имели свою тайную рукописную литературу, в которой высказывались обличения новому порядку, прославлялись подвиги и страдания приверженцев старины. Явная, печатная литература исключительно принадлежала приверженцам нового, которые, предоставляя церковным писателям ратовать против раскола, с одной стороны, прославляли новый порядок вещей и его виновника Петра, с другой — вооружались против защитников старины. Таковы сатиры Кантемира, писателя-вельможи, передового бойца в рядах поклонников Петра и нового порядка. Кантемир старается представить в смешном виде людей, толкующих о вреде, какой происходит в обществе от науки, старается показать, что одно своекорыстие заставляет их жалеть о старом времени и порицать новое. Кантемир старался показать важность образования, которое усугубляет природные силы человека, молодого равняет со стариками по мудрости, сатирик

вооружается против тех отцов, которые копят богатство и пренебрегают воспитанием детей и потом горюют, когда сын, выросши, делается негодным человеком. Цель воспитания, цель всех наук и искусств, по Кантемиру, состоит в том, чтоб сердце юноши утвердить в добрых нравах, сделать его полезным отечеству, между людьми любезным и всегда желательным. Прославляя науку, введенную Петром, Кантемир необходимо должен был прославлять самого Петра, через постановление которого мы стали вдруг народом новым, по выражению Кантемира; труд Петра был корнем нашей славы; благодаря этому труду, подвигам, странствиям принесены были к нам из чужих краев приличные человеку нравы и искусства.

2 *Ломоносов*. Вторым, более громким прославителем Петра и нового порядка был знаменитый Ломоносов, поэт, оратор, ученый, автор грамматики, риторики, отечественной истории, химик, геолог и физик. Мы видели, что Петр, основывая Академию, объявил, что при тогдашних средствах России не может быть трех отдельных учреждений—академии, университета и гимназии и что одно учреждение должно носить этот тройственный характер; действительно, деления занятий по недостатку средств и людей быть еще не могло, одно учреждение должно было исполнять несколько обязанностей, один даровитый и ученый человек должен был приниматься за несколько разнородных занятий, удовлетворять многим с разных сторон требованиям. Таков был и Ломоносов. Громадная деятельность Ломоносова, могущественное влияние его на школу и на все последующее образование всего сильнее утвердили тот взгляд, что образованные русские люди обязаны своим бытием Петру; Петр в сочинениях Ломоносова называется богом России; город, им основанный,—священным городом. Для русского человека, изучившего оды и похвальные слова Ломоносова, величественная фигура преобразователя поднялась на недостижимую высоту и заложила собою всю предыдущую историю; из этой истории только одно лицо Ломоносов сопоставляет с Петром—Великого Иоанна (Грозного), которого называет примером для Петра; оба героя трудятся вместе для величия России. Оды и похвальные слова Ломоносова Елизавете суть оды и похвальные слова Петру, похвалы дочери рифмуют только похвалам отцу. Кроме обычного прославления просвещения и просветителя—Петра в сочинениях знаменитого писателя находим любопытные мысли или взятые им из тогдашнего общества, или распространенные им в обществе. Так, Ломоносов указывает две цели для русского оружия: завоевания Турции и Китая. Особенно любопытно рассуждение Ломоносова о размножении и сохранении российского народа в письме к И. И. Шувалову, который был покровителем и другом знаменитого писателя и по его внушениям хлопотал об

учреждении Московского университета. В этом рассуждении Ломоносов указывает язвы тогдашнего общества и предлагает средства к их исцелению: Ломоносов вооружается против браков между стариками и молодыми девицами и наоборот, что было тогда в обычае по деревням; говорит против пострижения молодых людей в монахи, требует учреждения воспитательных домов, умножения искусных повивальных бабок, распространения медицинских книг для народного употребления, уничтожения суеверий; вооружается против невоздержания на масленице и на светлой неделе; жалуется на недостаточность врачебных пособий в народе и войске; жалуется на кровавые драки, которые происходят между соседями, особенно между помещиками, и единственным средством прекращения этих драк считает межевание; говорит, что нет никакой надежды уменьшить разбой, потому что в России есть глухие пространства без городов на 500 и больше верст — убежище для разбойников и всяких беглых и беспаспортных людей; Ломоносов предлагал по таким местам основать города. Потом Ломоносов указывает на уменьшение народонаселения от побегов крестьян за польскую границу: лучшее средство против этого, по мнению автора, есть кроткое обращение с крестьянами.

В одном письме своем к Шувалову Ломоносов говорит, что он «читает лекции, делает опыты новые, говорит публично речи и диссертации, сочиняет разные стихи и проекты торжественным изъявлениям радости, составляет правила к красноречию на своем языке и историю своего отечества и должен еще на срок поставить». Русскою историею Ломоносов стал заниматься по предложению Шувалова, который хотел, чтоб он исключительно занялся этим трудом. Но Ломоносов занимался им не по призванию (любимые науки его были физика и химия), и он думал, что стоит только употребить искусство — и русская история представит деяния, подобные деяниям героев греческих и римских; смотря на историю только как на украшенный витийством рассказ, имеющий прославление геройских подвигов, Ломоносов очень легко обходился с источниками; витиеватое изложение вышло далеко не художественно, но при решении некоторых вопросов из древностей видны проблески сильного таланта. Враждуя с немцами, Ломоносов никак не хотел выводить Рюрика с братьями из Скандинавии и выводил их из Пруссии, делая пруссаков славянами.

3. *Труды русской истории.* И ученые, менее Ломоносова даровитые, не могли посвящать своей деятельности одному какому-нибудь предмету. Так, известный уже нам Тредьяковский, профессор элоквенции³, знаменитый автор «Тилемахиды», переводчик

³ Элоквенция (лат. eloquentia) — *встар* ораторское искусство, красноречие (примеч. ред.)

Римской истории Роллена, писал также историческое исследование о варяго-руссах, которые являются у него жителями острова Рюгена, славянами поморскими. Но более всех в это время для русской истории потрудился В. Н. Татищев, на деятельности которого также отразился общий характер эпохи, когда дела было гораздо больше, чем рук, когда разделение занятий было невозможно; взявшись за одно дело, видели, что для него необходимо несколько приготовительных работ, одна работа вела к другой, и один деятель должен был вдруг удовлетворять многим потребностям. Управляющий горными заводами, впоследствии астраханский губернатор, Татищев делается первым собирателем и критиком материалов русской истории. Это случилось таким образом: служа под начальством графа Брюса, Татищев помогал ему в составлении полной русской географии, а потом должен был взять на себя один весь этот труд, но при этом Татищев заметил, что без полной и верной истории нельзя составить полной и верной географии, и вот он начинает заниматься русскою историею: собирает летописи, делает выписки из немецких и польских исторических книг, из книг же, написанных на языках, ему неизвестных, заставляет переводить известия об России. Татищев не хотел писать русской истории, он хотел собрать материалы и показать, как надобно ими пользоваться; труд его, известный под именем «Истории Российской», есть свод летописей, а в примечаниях Татищев сообщает свой взгляд на события и предлагает критику летописных известий. Важная заслуга Татищева состоит в том, что он дал понятие, как приняться за дело, показал, что такое русская история, какие существуют средства для ее сочинения. Но труд Татищева не был оценен современниками; одним не нравился простой летописный, неукрашенный рассказ, другие вооружались против некоторых резких суждений автора в примечаниях, и книга не была напечатана при жизни Татищева. Неизданным оставалось в это время «Ядро Российской истории», сочиненное Манкиевым еще при Петре Великом и долго приписываемое князю Хилкову. Исключая древнейший период, события переданы в «Ядре» просто, обстоятельно, почти безошибочно.

Кроме означенных русских людей с пользою занимались русскою историею два иностранца, Байер и Мюллер, призванные в Петербургскую академию. Байер, не знавший по-русски, мог с успехом заниматься только теми вопросами, где мог пользоваться иностранными источниками; он положил начало научному исследованию о происхождении варягов-руси, которых выводил из Скандинавии. Неутомимый Мюллер знаменит особенно как собиратель и издатель материалов исторических и географических.

Но в то время, когда явилась потребность собирания материалов древней русской истории, были люди, которые, записывая

события современные, события своей жизни, оставили нам любопытные известия о новой России, об этом обществе, тронутым преобразованиями. Из этих записок особенно замечательны записки майора Данилова, представляющие любопытную картину нравов и обычаев времени. Здесь мы видим русских дворян второй четверти XVIII века, видим, как богатые дворяне жили, окруженные своими приживальцами — бедными родственниками, как дворянские дети учились грамоте у дьячков, считавших розги единственным средством к успеху, потом поступали в школы, учрежденные правительством, и как в школах этих не было ни порядка, ни присмотра, преподавал пьяный учитель, три раза попадавший в убийстве; видим, как служили богатые дворяне, получавшие годовые отпуска по милости полкового секретаря, бравшего за это по 12 человек крестьян с семействами. Видим, как разбойники разоряют помещичьи дома, как воеводы посылают сыновей своих на святках славить по уезду с пятью или более пустыми саями, и как эти сани возвращаются наполненные хлебом и курами.

Сколько важны записки Данилова относительно быта провинциальных дворян, столько же важны записки князя Якова Шаховского относительно высших слоев тогдашнего общества. Шаховской начал свою деятельность при Бироне, слышал от этого временщика выражение: «Вы, русские»; сильно поднялся при правительнице Анне, рисковал всего лишиться при вступлении на престол Елисаветы, но удержался, хотя и не с прежним значением; замечательны его служба в звании синодского обер-прокурора, отношения к синодальным членам; в качестве генерал-прокурора Шаховской сталкивался с могущественным Петром Шуваловым, обличал его поступки. Вообще Шаховской представляет утешительное явление: это был гражданин, крепкий верою и сознанием своих обязанностей.

Из записок иностранцев о русских событиях особенно замечательны записки Манштейна.

4. *Сумароков*. В описываемое время появились и литературные журналы. Сумароков, человек тщеславный, сварливый, нестерпимый, писатель недаровитый, но неутомимый и смелый обличитель общественных недостатков, издавал журнал «Трудолюбивая пчела»; содержанием служили оригинальные и переведенные стихотворения, рассуждения, например о пользе мифологии и т. п., странные исторические статьи вроде баснословного рассказа о созидании Москвы. Но важнее те статьи, в которых высказывается уже недовольство крайностями господствующего направления; Сумароков нападает на пестроту русского языка, вобравшего в себя множество иностранных слов, частью чрез заимствование новых понятий у народов чуждых, более образованных, частью по необходимости читать всегда иностранные

книги за неимением русских, частью, наконец, от ребяческой хвастливости знанием, которое не все имеют, знанием, которое отличало человека образованного, принадлежащего к высшему сословию, от человека из простонародья. Насмехаясь над пестротой языка так называемых образованных людей, Сумароков насмехался над их поверхностным образованием, насмехался над этими кавалерами-петиметрами⁴, как их тогда называли, которые кричали обо всем, не зная основательно ничего, не умея ничего доказать. Кроме петиметров Сумароков особенно вооружался в своем журнале против подъячих-взяточников.

5. *Театр*. Мы видели, что театральные представления начались у нас еще при царе Алексее Михайловиче, но эти представления не были публичными. При Петре в Москве являются публичные театральные представления, немецкие и русские; чтоб охотнее ездили в Комедиальную храмину, отменена была проезжая пошлина в ночное время в те дни, когда бывали представления; на сцене прославлялось торжество Петра над домашними врагами, выводились на посмеяние люди и мнения, с которыми боролся Петр, осмеивался раскольник, вооружавшийся против латинских школ, дьячок, откупающий детей от школы, подъячий-взяточник. С переселением двора в Петербург московский театр мало-помалу прекратился; в Петербурге при Анне и Елисавете видим иностранные труппы; русские пьесы игрались только в Кадетском корпусе. Но при Елисавете явился русский театр в Ярославле, заведенный купеческим сыном Волковым. Волков был вызван в Петербург, где в 1756 году учрежден публичный российский театр; а в 1759 году Волков был отправлен в Москву для учреждения и там театра.

ГЛАВА XLVIII

ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II

1 *Внутреннее неустройство. Мирович*. Новая императрица прекратила приговления к бесполезной войне с Пруссией. Ей нужно было, как говорила она, по крайней мере пять лет спокойствия, чтоб восстановить порядок. Действительно, отсутствие закона о престолонаследии, перевороты, вследствие которых сменялись государи, приучали народ ждать новых перемен, считать их легкими. Быстрое возвышение людей, принимавших участие в переворотах, кружило головы, побуждая к подобным же предприятиям. В 1764 году подпоручик Мирович вздумал освободить

⁴ Петиметр (от *фр* petit-maitre — щеголь) — в литературе XVIII в сатирический образ молодого щеголя, франта, вертопраха (*примеч ред*)

из Шлюссельбургской крепости Иоанна Антоновича брауншвейгского и провозгласить его императором, но дело кончилось тем, что караульные офицеры, не находя другого средства помешать Мировичу, убили несчастного Иоанна. Мирович был казнен смертию; народ, отвыкший от подобных зрелищ в царствование Елисаветы, когда увидел голову в руках палача, ахнул в один голос и так сильно вздрогнул, что мост, на котором стояла толпа, зашатался и перила обвалились.

2. *Дела курляндские.* Екатерина не могла пять лет спокойно заниматься внутренним устройством государства: в соседних странах происходили события, которые должны были обратить на себя внимание. Со времен императрицы Анны русские войска постоянно находились в Курляндии; герцог курляндский Бирон из правителей русской империи попал было в Сибирь, потом при Елисавете жил ссыльным в Ярославле, при Петре III возвратился ко двору, но император не хотел возвратить ему Курляндии, которую назначал одному из своих родственников, принцев голштинских, тогда как польский король Август III хлопотал о том, чтоб Курляндия принадлежала сыну его принцу Карлу саксонскому. Но Екатерина по воцелествии на престол объявила Бирона единственным законным герцогом курляндским, Карл саксонский должен был бежать от русских войск, и Бирон стал править Курляндию.

3. *Волнения в Польше* Польскому королю Августу III оставалось недолго жить, и предстояли королевские выборы. В Польше в это время боролись две партии: партия придворная, во главе которой стояли всемогущий при Августе III министр Брюль и зять его Мнишек, и партия, во главе которой стояли двое братьев князей Чарторыйских. Последняя партия держалась России; чтоб поддержать своих, Екатерине надобно было действовать против брюлевской, или саксонской, партии, противодействовать ее стремлению возвести на польский престол по смерти Августа III сына его, курфюрста саксонского. Противиться возведению на престол курфюрста Россия должна была и потому, что это возведение было несогласно с Северною системою, которая служила основанием тогдашней политики петербургского двора. Северная система состояла в том, чтоб северные европейские государства—Россия, Пруссия, Англия, Дания, Швеция и Польша—составляли постоянный союз, противоположный австро-французскому союзу Южной Европы; курфюрст же саксонский, ставши королем польским, мог оттянуть Польшу к австро-французскому союзу. Всего выгоднее для России было возведение на престол кого-нибудь из природных поляков, или *пяста*, как тогда выражались, и именно человека из русской партии, т. е. партии Чарторыйских. Вот почему по смерти Августа III, случившейся в октябре 1763 года, Екатерина выставила кандидатом на польский престол племянника Чарторыйских

графа Станислава Понятовского, лично ей хорошо известного. Фридрих II прусский согласился также поддерживать Понятовского за оборонительный союз с Россией, причем оба обязались не допускать в Польше никаких перемен в ее государственном устройстве. Как обыкновенно было при королевских выборах, Польша взволновалась борьбою партий, и также по обычаю уобица была прекращена иностранным оружием: Чарторыйские призвали русские войска, которые заставили врагов их бежать за границу. Восторжествовавшая сторона выбрала в короли Понятовского под именем Августа IV (7 сентября 1764 г.).

Но избрание королевское не успокоило Польши: поднялся вопрос о *диссидентах*. Мы видели, что в XVII веке стремление поляков уничтожить в западной России православие и русскую народность, насильственное введение унии повели сначала к восстаниям по Украине, а потом к продолжительной войне с Россией, кончившейся тем, что восточный берег Днепра и Киев отошли к Москве, но и на Западной Украине, оставшейся за Польшою, казаки лучше хотели быть под турецким, чем под польским подданством. Одинакая опасность, грозившая со стороны турок, заставила Россию и Польшу заключить мир и союз. Поляки воспользовались этим союзом, чтоб усилить гонение на православных. В 1718 году в письме к польскому королю Августу II Петр Великий жаловался, что в Польше не обращают внимания на его ходатайство в пользу русских, что в противность договорам православные епархии отданы униатам, что русских насильно обращают в унию. В 1720 году Петр повторил свою жалобу, и король Август издал грамоту о свободе греческой веры в польских областях, но эта грамота осталась без действия. В 1723 году Петр обратился прямо к папе с просьбою положить конец притеснениям и угрозой, что в противном случае и у католического духовенства в России будет отнято свободное отправление веры. Папа уклонился от решения дела; а между тем из Польши приходили вести, что там православных священников бросают в тюрьмы за несогласие принять унию, связывают им руки, секут розгами, режут руки и ноги, иезуиты вторгаются в православные монастыри, забирают образа из церквей, строят погребальные церемонии, ломают свечи и кресты. Преемники Петра Великого продолжали протестовать против этих явлений, и все понапрасну. В половине XVIII века русским в польских областях было запрещено не только строить вновь, но и поправлять церкви, у русских отняли право быть депутатами на сейме и занимать общественные должности; цензура церковных книг православных была поручена католикам; русские обязаны были платить десятину и другие поборы в пользу католического духовенства, им приказывалось принимать участие в католических церемониях, подчиняться католическому церковному суду.

Екатерина не хотела равнодушно смотреть на это. В 1763 году православный епископ белорусский Георгий Конисский подал императрице жалобу на жестокие притеснения, претерпеваемые в польских владениях православными от католиков. Россия и Пруссия согласились поддержать требования диссидентов, т. е. не католиков — как православных, так и протестантов, — выговорить для них у польского правительства уравнивание, хотя и неполное, прав с католиками. Но желание союзных дворов встретило на сеймах страшное сопротивление. На сейме 1766 года грозились изрубить в куски депутата Гуровского, начавшего речь в пользу диссидентов. Чарторыйские объявили русскому послу в Варшаве князю Репнину, что не могут помогать России во вредном для их отечества деле. Тогда Репнин получил от своего двора приказание составить конфедерацию между диссидентами, которые должны были обратиться к России с просьбою о помощи, и если Чарторыйские откажутся помогать в деле, то поднять противную им партию и посредством нее провести диссидентское дело.

Вследствие этого весной 1767 года образовалась конфедерация из протестантов в Торне и из православных в Слущке. Образовалась в Радоме и соединенная польско-литовская конфедерация под предводительством врагов фамилии Чарторыйских. Но эти конфедераты-католики откликнулись на приглашение русского посла, имея в виду русскую помощь свергнуть короля и сделать с Чарторыйскими то же, что те сделали с ними во время своего торжества. Начальные люди конфедерации к диссидентскому делу были равнодушны, а толпа отличалась такою же религиозною нетерпимостью, как и прежде. Поэтому Репнин, чтоб преодолеть это тупое сопротивление, должен был прибегать к военной силе. Краковский епископ Солтык стал в челе религиозного движения: пятнадцать секретарей день и ночь писали его пастырские послания, в которых он призывал Духа Св. на сеймы для мужественного отпора требованиям диссидентов. На сейме, начавшемся в октябре 1767 года, кроме Солтыка главными противниками России и диссидентского дела явились епископ киевский Залуский и краковский воевода Ржевуский. Репнин велел схватить Солтыка, Залуского и Ржевуского с сыном и отправить в Россию. Все успокоилось. Назначена была комиссия для окончательного решения диссидентского дела и постановила, что все диссиденты шляхетского происхождения уравниваются с католическою шляхтой во всех политических правах, но королем может быть только католик и католическое исповедание остается господствующим. В феврале 1768 года заключен был между Россией и Польшею договор, по которому Россия ручалась за сохранение существующего порядка в Польше; следовательно, без вмешательства и согласия России не могло произойти в Польше

никакой перемены. Польские послы явились в Петербург благодарить императрицу от имени народа польского и литовского за покровительство.

В Петербурге могли думать, что тяжелое польское дело окончено. Конфедерация как достигшая своей цели была распущена; русские войска вышли из Варшавы, готовились выйти и из королевства, как в марте 1768 года были получены известия о беспоконьях в Подолии. Красинский, брат епископа каменецкого, и Пулавский, адвокат, захватили город Бар и подняли там знамя восстания за веру и свободу; в Галиции образовалась другая конфедерация, под предводительством Потоцкого; в Люблине — третья, под предводительством Рожевского. Но восстание это вовсе не было народным: громкие слова *«вера и свобода»* не производили впечатления на массу; трудно было подниматься за веру, полагаясь только на слова какого-нибудь монаха-фанатика, не видя, кто и как утешает веру; трудно было подниматься за свободу, которою пользовались немногие и пользовались для того, чтоб составлять конфедерации то против одного, то против другого, приглашая на помощь чужие войска. В Варшаве состоялось сенатское решение — просить императрицу всероссийскую как ручательницу за свободу, законы и права республики обратить свои войска, находившиеся в Польше, на укрощение мятежников. Репнин двинул войска в разных направлениях, и конфедераты нигде не могли выдержать их напора. Города, занятые конфедератами, — Бар, Бердичев, Краков — были у них взяты, но трудно было угоняться за мелкими шайками конфедератов, которые рассыпались по стране, захватывали казенные деньги, грабили друга и недруга, католика и диссидента, духовного и светского человека. Награбивши денег, шайки эти убегали в Венгрию или Силезию. С самого начала уже было видно, что конфедерация собственными силами не в состоянии была держаться против русских, и потому она ждала спасения только от чужой помощи. Каменецкий епископ Красинский объехал дворы дрезденский, венский, версальский, проповедуя всюду, что Россия хочет овладеть Польшею, и какая беда будет от этого всей Европе! Австрия и особенно Франция склонились на сторону конфедератов.

Главная квартира конфедерации находилась в Тешене, а генералитет, в челе которого находился граф Пац, имел пребывание в Эпериеше (Пряшов в Венгрии). Первый министр Людовика XV герцог Шуазель признал конфедерацию и отправил к ней на помощь знаменитого впоследствии Дюмурье, который в своих записках оставил нам описание тогдашнего состояния дел в Польше и у конфедератов. По словам Дюмурье, Пац был человек, преданный удовольствиям, очень любезный, но легкомысленный, более смелый, чем храбрый, и более честолюбивый,

чем способный. Зато он хвалит генерального секретаря Богуша, который управлял всем. Пулавский был храбрый и предприимчивый молодой человек, но непостоянный, не умевший остановиться ни на одном плане, невежда в военном искусстве, но считавший себя великим полководцем вследствие преувеличенных похвал, которыми осыпали его соотечественники. Главы конфедерации жили с изумительною роскошью, делали безумные издержки, проводили часть дня за длинными обедами, игра и танцы составляли их исключительное занятие. Они думали, что Дюмурье привезет им сокровища, и были в отчаянии, когда он объявил, что приехал без денег, и прибавил, что, судя по их образу жизни, они в них не нуждаются. Он дал знать Шуазелю, чтоб тот перестал давать пенсии подобным людям, и герцог поступил по его совету. Войско конфедерации Дюмурье нашел еще в худшем состоянии: оно простиралось до 17 000 человек под начальством десятка независимых вождей, несогласных между собою. не доверявших друг другу, иногда вступавших в междоусобные битвы. Все это войско было конное; оно состояло из шляхтичей, которые, считая себя равными, не хотели никого слушаться, отсюда отсутствие всякой дисциплины. Дурно вооруженные, имевшие дурных лошадей, конфедераты не могли с успехом противиться линейным русским войскам, не могли равняться даже с казаками. У конфедерации не было ни крепостей, ни одного человека пехоты. Шляхтичи или товарищи не хотели держать караулов и посылали для этого крестьян, а сами играли и пили. Но способности и энергия, по замечанию Дюмурье, перешли в Польшу от мужчин к женщинам, которые занимались делами, в то время как мужчины вели женоподобную жизнь. Правление в Польше чисто аристократическое, говорит Дюмурье, но у аристократии нет народа, которым бы она управляла, ибо нельзя дать это имя миллионам рабов, прикрепленных к земле; Польша представляет тело с головами и желудками, но без рук и ног; Польша походит на сахарную плантацию и потому не может сохранить независимости; завоеванные части края выиграли с переменою властителей. Эти отзывы человека, который не имел никакой причины смотреть враждебно на Польшу, всего лучше объясняют нам судьбу этой страны.

4. *Первая турецкая война.* Несмотря на такое печальное состояние дел конфедерации, она продолжалась довольно долго благодаря Турции, которая отвлекла силы России от Польши. В 1768 году одновременно с Барскою конфедерациею вспыхнуло на Украине казацкое восстание под предводительством Железняка и Гонты. Это восстание, известное под именем бунта гайдамаков, напоминало восстание Богдана Хмельницкого в XVII веке. Казаки, провозглашая себя борцами за угнетенное православие, истребляли без милосердия польскую шляхту

и жидов, овладев городом Уманью, устлали улицы его группами, глубокий колодезь наполнили убитыми детьми. Начальник одного из гайдамацких отрядов сотник Шила направился к богатому пограничному местечку Балте, которое только речкою отделялось от татарского местечка Галты Гайдамаки, войдя в Балту, перерезали здесь жидов, но когда ушли, жида и турки из Галты перешли в Балту и стали бить ее православных жителей; гайдамаки, узнав об эгом, возвратились и отомстили разорением Галты. Турецкое правительство, давно уже подуцаемое Франциею, воспользовалось этим происшествием для объявления войны России, и крымский хан получил приказ вторгнуться в русские пределы. Зимою 1768 года татары опустошили Новую Сербию. Россия, занятая польскими делами, на первых порах должна была ограничиться преимущественно оборонительною войною, но в первый же год войны (1769) князю Александру Голицыну удалось разбить великого визиря у Хотина и овладеть этою крепостию Голицын был сменен Румянцевым. Во первых числах мая 1770 года Румянцев двинулся из зимних квартир, в июне прогнал турок из лагеря их при Пруте и шел вперед, несмотря на ничтожность своего войска в сравнении с войском турецким; 7 июля он нашел стотысячное войско крымского хана в укрепленном лагере на берегу речки Ларги, напал на него, и лагерь достался русским. Вслед за этою победою 21 июля одержана была другая, более блестящая, над самим визирем при Кагуле; у Румянцева было не более 17 000 человек, усталых, голодных; у визиря — 150 000, да с тылу русским грозили татары в числе 80 000. Победа эта напомнила древнюю историю, когда горсть иреков разбивала полчища персидские; обстоятельства были одинакие, и тогда и теперь шла как же борьба между Европою и Азиею, между европейским качеством и азиатским количеством. Занятие нескольких важных крепостей было следствием побед Румянцева. В то же время русский флот действовал в Средиземном море и Архипелаге. Целью отправления флота было подание помощи иреческому народонаселению, готовому восстать против турок. Восстание действительно распространилось быстро по всей Морее. Главное начальство над русским флотом принял граф Алексей Григорьевич Орлов. 24 июня произошел страшный бой в Хиосском заливе, турецкий флот скрылся в Чесменскую гавань, но русский флот напал на него здесь и сжег; героем первой битвы был Спиридов, второй — Грейг. Хиосская и Чесменская битвы могли бы иметь важные последствия, если бы русский флот пошел прямо к Дарданеллам, но он занялся покорением архипелажских островов, а между тем турки с помощью французского агента барона Тотта успели укрепить Дарданеллы, и когда русский флот приступил к ним, то встретил такое сопротивление, что должен был отступить.

В 1771 году благодаря особенно действиям генерала Вейсмана оба берега Дуная, от Журжи до Черного моря, были заняты русскими войсками. С другой стороны князь Василий Михайлович Долгорукий перешел в Крым. Разбойники, привыкшие в продолжение веков к нечаянным нападениям на чужие земли, не умели защищать свои собственные: в две недели Долгорукий занял весь полуостров. Бывало, в старину гонец за гонцом скакал в Москву с известиями о приближении страшного Гирея к Оке, а теперь вестник за вестником являлся к изумленному петербургскому двору с донесениями о необычайных успехах Долгорукого: на рассвете придет один, в полдень — другой, пред захождением солнца — третий.

5. *Первый раздел Польши и мир с Турциею.* С турецкою войной в тесной связи находились дела польские. Чарторыйские и сам король Станислав воспользовались турецкою войною, разделением русских сил, чтоб стать в независимое положение от России, отказались содействовать ей в успокоении Польши, в истреблении конфедерации, выжидая, что перемена военного счастья и заступничество европейских держав за Польшу заставят императрицу русскую отказаться и от диссидентов, и от гарантии существующего государственного порядка в Польше. Тщетно петербургский кабинет предлагал им издать успокоительное объяснение насчет гарантии и обещал согласиться на ограничение диссидентских прав, если сами диссиденты пожелают пожертвовать некоторыми правами своими для успокоения отечества: король и вельможи не хотели входить ни в какие соглашения, ожидая более благоприятного для себя времени, когда Россия будет принуждена уступить все; а между тем ни король, ни вельможи не стыдились выпрашивать денег у русских послов. Все, следовательно, зависело здесь от окончания войны турецкой. Россия при своих блистательных успехах, разумеется, не могла окончить ее без вознаграждения. Екатерина требовала для России только одного небольшого острова на Архипелаге для удобства торговли, но при этом требовала независимости Крыма от Турции и также независимости Молдавии и Валахии; Австрия никак не хотела согласиться на последнее и грозила России войною. Война эта была бы неопасна для России при союзе с Пруссиею, но Фридрих II не хотел помогать России бескорыстно. Он составил план уладить дела без войны и сделал при этом важные приобретения для Пруссии. Еще в 1770 году австрийские войска заняли некоторые польские области, Пруссия последовала примеру Австрии, а в 1771 году Фридрих II обратился к петербургскому двору с предложением, чтоб Россия получила следующее ей по всем правам вознаграждение не от Турции, а от Польши, причем Пруссия и Австрия также возьмут себе польские области, в случае несогласия на это Фридрих II прямо объявлял,

чтоб Россия не рассчитывала на его помощь в войне с Австриею. Предложение было принято, и первый раздел Польши состоялся в 1773 году: Россия приобрела Белоруссию, Австрия — Галицию, Пруссия — Померанию и часть Великой Польши.

Война с Турциею прекратилась в 1774 году. 10 июля подписаны были в русском лагере при Кучук-Кайнарджи условия мира; султан Абдул-Гамид обязался: 1) признать независимость татар крымских, буджакских и кубанских; 2) уступить России Азов, Керчь, Еникуль и Кинбурн; 3) открыть русским купеческим кораблям свободное плавание из Черного моря в Средиземное; 4) предоставить русским подданным в турецких областях все права, которыми пользовались французы и другие наиболее покровительствуемые народы; 5) даровать прощение всем христианам — подданным своим, замешанным в последнее восстание; 6) допустить русских резидентов в Константинополе ходатайствовать перед диваном⁵ по делам молдавским; 7) уплатить 4 500 000 рублей за военные издержки; 8) признать императорский титул русской государыни. Румянцев вынес из этой войны прозвание Задунайского, Долгорукий — Крымского, Орлов — Чесменского.

6. *Чума и бунт московский.* Во время польско-турецкой войны⁶ правительство было сильно озабочено внутренними волнениями. В 1770 году в южных пределах России появилась чума: карантинные предосторожности плохо соблюдались; оцепление зараженных местностей было невозможно по недостатку войск. Весною 1771 года зараза показалась в Москве и быстро распространилась, потому что жители не хотели исполнять необходимых предписаний, считая их напрасными притеснениями. Начали кричать, что лекаря морят больных в карантинах, и потому таили зараженных в домах; боясь полиции, сожигавшей вещи после умерших, скрывали трупы в погребах, колодцах, зарывали в садах. В июле и августе умирало до 1000 человек ежедневно. Главнокомандующий граф Салтыков покинул Москву и уехал в деревню; остался присланный к нему на помощь генерал Еропкин с ничтожными средствами: у него было только 436 человек команды, а между тем праздный народ начинал волноваться, присутственные места были закрыты, лавки заперты, все работы прекратились. Разнесся слух, что бывают чудесные исцеления от образа Боголюбской Богородицы у Варварских ворот, и вот множество народа, больные и здоровые стали толпиться у образа. Архиепископом в Москве был в то время Амвросий Зертис-Каменский, человек образованный, успевший заслужить почет-

⁵ Диван — совет при султани (*примеч ред*)

⁶ Имеется в виду период, когда Россия вела военные действия одновременно на территории Польши и против Турции (*примеч ред*)

ную ненависть невежд искоренением разных злоупотреблений, особенно уничтожением соблазнительного сборища безместных священников, нанимавшихся для совершения службы в домовых церквях. Узнав о сходбищах у Боголюбской, Амвросий принял меры для их прекращения, велел запечатать кружки с деньгами, палатку, где складывались приношения и продавались, хотел снять и самую икону. 16 сентября, когда увидели эти распоряжения, в толпе послышались голоса: «Архиерей безбожник, отнимает казну у Божией матери, хочет отнять у народа и самую заступницу; верно, сговорился с докторами морить народ; вольно православным терпеть неправду от начальства: когда б не было курева по улицам да больниц, так давно бы и мор перестал». В это время раздался набат, чернь начала сбегаться, сама не зная зачем, но скоро нашлась цель. Раздались крики: «В Кремль! В Кремль! Спросим Амвросия, зачем не велит молиться Божией матери! Лекаря кидают отраву в колодцы!» Чернь бросилась в Кремль, в архиерейский дом; не найдя Амвросия, начала все истреблять в его покоях; Еропкину с своей командой удалось очистить Кремль от мятежников, но на другой день они схватили Амвросия в Донском монастыре и убили; истребив два карантинных дома, бунтовщики бросились в Кремль доканчивать разорение архиерейского дома и грабить купеческие погреба, бывшие под Чудовым монастырем; на увещания обер-коменданта царевича грузинского и бригадира Мамонова отвечали камнями. Тогда Еропкин велел своим солдатам стрелять из ружей и пушек и броситься на бунтовщиков с палашами; пьяная толпа обратилась в бегство, но не менее ста человек было убито и 149 схвачено. Оказалось, что бунтовали дворовые люди, купцы, подьячие, фабричные и особенно раскольники. В октябре смертность уменьшилась; в январе 1771-го правительство объявило о прекращении в Москве заразы. Успокоилась Москва, но в степях волновалось казачество.

7. *Пугачев*. Мы видели, что после смутного времени казаки два раза поднимали мятеж против государства: в царствование Алексея Михайловича под предводительством Разина и при Петре Великом под предводительством Булавина. После Петра в первой половине XVIII века в разных углах казацких являлись самозванцы, но мятеж не разгорался. Наконец в царствование Екатерины II, когда государство внутри и вне выказывалось такою блестящею стороною, казачество собрало последние силы, и запылал страшный мятеж, совершенно сходный с разинским, ибо действатели, приемы их и цели были одинакие.

В царствование Екатерины яицкие казаки несколько раз волновались, к чему также подавали повод несправедливые с ними поступки чиновников. Казаки отказывались идти в погоню за калмыками, покинувшими русские владения вследствие

чиновнических же притеснений. Строгие наказания за это слушание еще более ожесточили казаков: в январе 1771 года они взбунтовались, разбили и убили генерала Траубенберга, учредили у себя новое, свое правительство. Генерал Фрейман, посланный из Москвы против казаков, разбил их, вследствие чего прежнее казачье правление было уничтожено, начальство поручено яицкому коменданту, зачинщики бунта биты кнутом, 140 человек сосланы в Сибирь, другие отданы в солдаты, и все бежали. Порядок был по видимому восстановлен, но казаки замыслили что-то недоброе, намекали на какое-то важное предприятие против государства, которое по-прежнему слыло у них под именем Москвы. «То ли еще будет,—говорили они,—так ли еще мы тряхнем Москвою!» Тайные совещания происходили по степным уметам (постоялым дворам) и отдаленным хуторам; кого-то поджидали, а между тем в России и за границею шла молва, что бывший император Петр III жив.

И вот на Яике явился человек лет тридцати, среднего роста, крепкого сложения, с огненными и пронизательными глазами: то был донской казак Емельян Пугачев, два раза беглец, побывавший и на Ветке, в знаменитом раскольничьем притоне; сведав о казачьих волнениях на Яике, он явился туда и стал подговаривать недовольных идти за Кубань и отдаться под покровительство султана; в то же время по совету двоих купцов-раскольников он объявил себя императором Петром III. Но об этом было донесено, Пугачев схвачен, закован в кандалы и отправлен в Казань, куда привезен в январе 1773 года. Здесь были у него друзья-ходатаи, тоже раскольники; с ним обошлись легко, скрыли дело о самозванстве, позволили ходить к знакомым в сопровождении караульного; он подговорил этого караульного и бежал в мае месяце. Все лето укрывался он по отдаленным хуторам, в сентябре опять объявил себя Петром III; около него собралась шайка из 300 человек, с которыми он пришел под Яицкий городок. Стала повторяться разинская история: казачий отряд, высланный против самозванца, перешел на его сторону; казаки, хотевшие остаться верными правительству, были перевешаны. Не решившись вступить в борьбу с яицким гарнизоном, Пугачев пошел к Илецкому городку, обещая пожаловать тамошних казаков крестом и бороною, потому что они были раскольники, реками и лугами, деньгами и запасами, свинцом и порохом и вечною вольностию. Казаки последовали их примеру; киргизы обрадовались смуте и приготовлялись безнаказанно грабить, начальникам крепостей и офицерам оставалось погибать мученическою смертию за свою верность правительству. Средства самозванца быстро увеличивались. в начале октября с 3000 войска, с пушками Пугачев тронулся к Оренбургу. Башкирцы, калмыки, мсрдва, чуваша, черемиса, как в смутное и разинское время,

перестали повиноваться русскому начальству; господские крестьяне явно показывали свою приверженность к самозванцу, и все Поволжье колебалось. А между тем государство находилось в затруднительном положении: войска были заняты в Турции и Польше, меры против чумы и рекрутские наборы волновали чернь. 5 октября Пугачев осадил Оренбург, желая выморить его голодом; скоро он уже считал у себя 25 000 войска; ядром этого войска были яицкие казаки и солдаты, захваченные по крепостям; около них толпились татары, башкирцы, калмыки, беглые крестьяне, каторжники и всякий сброд, как во времена Болотникова и Разина. Пугачев почти ежедневно учил свое войско, ежедневно происходили казни, ежедневно отправлялась церковная служба в стане, но самозванец один только раз был в церкви. Шайки разбойников его ходили во все стороны, пьянствуя по селениям, грабя казну и дворянское добро. Пугачев не был самовластен среди казаков: при других они оказывали ему наружное уважение, без посторонних обходились как с товарищем. «Улица моя тесна»,— говорил Пугачев; те, к кому привязывался он, были немедленно умерщвляемы.

Правительство выслало против мятежников войско под начальством генерала Кара, но, приблизясь к войскам Пугачева, Кар струсил, начал отступать, самовольно покинул войско и под предлогом болезни ускакал в Москву. Императрица писала: «Бог весте, чем это все кончится. Я зачинаю походить приключениями моего века на Петра Великого; но что Бог ни даст, а, по приему дедушки, унывать не стану». Для поправления дела, испорченного Каром, государыня назначила Александра Ильича Бибикова. Приехавши в Москву, Бибиков нашел дела в дурном положении: жители были в страхе; множество дворян съехалось в Москву из губерний, уже разоряемых Пугачевым или угрожаемых возмущением; холопы, ими навезенные, распускали по площадям вести о вольности, об истреблении господ. Чернь, пьянствуя и шатаясь по улицам, с явным нетерпением ждала Пугачева, как во времена Шуйского ждала тушинского вора. 25 декабря приехал Бибиков в Казань; он не нашел здесь ни губернатора, ни главных чинов; большая часть дворян и купцов также бежали в безопасные губернии. Приезд Бибикова оживил город; выехавшие жители стали возвращаться. Бибиков собрал дворянство, представил ему, как выгоды сословия требуют мер решительных, пожертвований. Дворянство положило вооружить на свой счет войско. Бибиков для ободрения других казался веселым, довольным, а между тем писал к жене: «Зло велико, преужасно! Ух, дурно!»

В самом деле было очень дурно: общее восстание башкирцев, калмыков и других подобных народов пресекало повсюду сообщение. Войско было малочисленно и ненадежно, начальники

покидали место и бежали, завидя башкирца или заводского мужика с дубиной. Зима умножила затруднения; селения были пусты, города в осаде, другие заняты пугачевскими войсками, заводы выжжены, чернь везде волновалась и злодействовала. Войска правительства двигались медленно, и тем быстрее распространялся бунт, обхвативший Казанскую, Астраханскую, Нижегородскую губернии, проникнувший в Пермскую. Но с февраля 1774 года дела стали принимать благоприятный оборот: войска правительства взяли Самару, двигались к Оренбургу на выручку, Пугачев готовился уже к побегу, а казаки думали предать его в руки правительства и тем заслужить прощение. Бибииков писал: «Пугачев не иное что, как чучело, которым играют воры казаки: не Пугачев важен, важно общее негодование». Князь Голицын нанес сильное поражение Пугачеву, который стал уже выбираться из-под Оренбурга. Пораженный в другой раз Голицыным, потерявши все пушки и множество народу, Пугачев только с четырьмя заводскими мужиками успел убежать в Уральские заводы. Михельсон взял Уфу и восстановил спокойствие в большей части бунтовавших деревень; приближение Мансурова спасло Илецкий городок, геройски выдержавший страшную осаду: 14 дней осажденные питались одной глиною.

Но когда дело казалось уже оконченным, Бибииков умер от страшного напряжения сил. Пугачев опять появился на сцену, окруженный яицкими казаками, башкирцы опять взбунтовались. Преследовать самозванца стало нельзя вследствие распутицы. Пугачев успел перейти Уральские горы, взял несколько крепостей. Четыре раза, пораженный Михельсоном, он переправился через Каму и пошел прямо на Казань, перед которою явился 11 июля; 12-го город был взят и сожжен, но крепость была спасена прибытием Михельсона, который поразил самозванца в семи верстах от Казани. Пугачев отступил, но 18 июля вдруг переправился за Волгу с 500 человек войска: вся западная сторона Волги возмутилась и передалась самозванцу, воеводы бежали из городов, дворяне — из поместий; чернь ловила тех и других и приводила к Пугачеву, который взял Цивильск и пресек сообщение между Нижним и Казанью. Императрица назначила главнокомандующим графа Петра Ивановича Панина; она думала, что самозванец прямо пойдет к Москве. 27 июля он вошел в Саранск, повесил здесь 300 человек дворян; потом занял Пензу, посадил здесь воеводу господского мужика и пошел к Саратову; взял изменою и этот город и пустился вниз по Волге. 21 августа он подступил к Царицыну, но был два раза отбит и, слыша о приближении войска правительства, спешил далее вниз, но 25 числа в 150 верстах от Царицына он был настигнут Михельсоном и потерпел решительное поражение. Между тем в Царицын приехал Суворов, принял начальство над Михельсоновым от-

рядом и пустился в степь, где скитался Пугачев. Самозванец был отовсюду окружен войсками правительства; сообщники решились выдать его, связали и привезли в Яицкий городок, откуда отправили его в Москву, где и казнили.

8. *Вооруженный нейтралитет.* Первым замечательным событием после Кучук-Кайнарджийского мира был вооруженный нейтралитет. Испанцы, находившиеся в войне с Англиею, объявили Гибралтарскую гавань в блокадном состоянии прежде еще, чем действительно начали осаду, и захватили два русских корабля с хлебом, хотевших войти в гавань. Императрица сильно рассердилась за это на испанское правительство, и английский министр в Петербурге Гаррис поддерживал ее неудовольствие, не говоря, однако, что такое поведение у других держав было исключением, у Англии же было постоянною системою. Императрица, к большому удовольствию Гарриса, приказала вооружить 15 военных кораблей для защиты русского флага; тогда Панин убедил ее явиться покровительницею всех мелких морских держав и получил поручение составить план для определения прав нейтральных государств. 28 февраля 1780 года явился знаменитый акт, противопоставленный праву сильного, которым до сих пор преимущественно пользовались англичане. План Панина состоял в том, чтоб нейтральные державы вступали в союз с Россиею для защиты оружием морского права, существенные статьи которого были следующие пять: 1) нейтральные корабли могут производить торговлю в гаванях воюющих держав; 2) нейтральный корабль сообщает нейтральность и товарам, которыми нагружен, кроме того случая, когда эти товары суть собственно контрабанда; 3) контрабандою в тесном смысле считается только оружие и военные снаряды; 4) гавань тогда только считается в блокаде, когда она так заперта, что без опасности нельзя кораблю пройти в нее; 5) никакой приговор призового суда не признается действительным, при котором на означенные положения не было обращено внимания. Объявлением этого акта и требованием русского правительства признать высказанные в нем начала Гаррис приведен был в очень затруднительное положение: английскому министерству предстояло на выбор или отказаться торжественно от своего прежнего образа действий, или вступить в борьбу с нейтральными державами, ибо Испания и Франция признали обнародованные Россиею положения и определили приводить их в исполнение; Англия начала уклоняться, выжидать время; впрочем, следствием вооруженного нейтралитета была война ее с Голландиею; с Россиею не было явного разрыва, но Англия не упускала случая идти наперекор планам императрицы, возбуждать неприязнь к России в соседних державах.

9. *Присоединение Крыма.* Между тем Россия должна была готовиться к новой войне с Турциею, которая никак не могла

свыкнуться с мыслью, что Крым уже больше не принадлежит ей. По условиям Кайнарджийского мира за султаном оставалось в Крыму религиозное значение как за преемником калифов, но он упорно домогался верховных прав в области гражданской и политической. Россия, разумеется, не могла уступить этим домогательствам, ибо тогда где же была бы независимость Крыма? Вследствие враждебных друг другу влияний с двух сторон — русской и турецкой образовались партии на полуострове и вступили в борьбу друг с другом. Ханы сменялись вследствие движения партий. Уже в 1775 году свергнут был преданный России хан Сагиб-Гирей и возведен на престол преданный Турции Девлет-Гирей; Россия свергла последнего и возвела на его место Шагин-Гирея. Шагин хотел быть действительно независимым и произвести необходимые для усиления своего государства преобразования, стал вводить при этом новые, европейские обычаи, но этим он возбудил против себя сильную староверческую, турецкую партию, и началась опять усобица, в которой Россия должна была поддерживать Шагина. Такое положение дел становилось час от часу несноснее для России. Война с Турцией продолжалась в Крыму, ежечасно готова была вспыхнуть и непосредственно. Тем сильнее становилось желание покончить с Крымом, который не мог оставаться независимым, тем охотнее должны были выслушиваться предложения Потемкина, который настаивал на необходимости присоединения Крыма, указывая на легкость и законность этого дела.

Но присоединить Крым нельзя было без войны с Турцией, а для успешности этой войны нужно было обеспечить себя со стороны Австрии. Это необходимо влекло к покинутию прежней *Северной системы*, к перемене союза прусского на австрийский. Союз с Австриею заключить было легко, потому что император Иосиф II хотел во что бы то ни стало приобрести для Австрии Баварию после пресечения тамошней династии и потому заискивал у могущественной России. В мае 1779 года Иосиф II обязался за себя и за преемников своих гарантировать России все ее владения и все ее договоры с Портою и в случае нарушения договоров с турецкой стороны объявить Порте войну. В 1782 году вспыхнуло восстание против Шагин-Гирея под предводительством родных его братьев, и хан должен был удалиться в Таганрог. Екатерина обратилась к новому союзнику своему Иосифу II, и тот отвечал, что готов на всякое соглашение с русскою императрицею насчет всех возможных событий, какие могут произойти от крымских смут. Тогда петербургский кабинет в видах войны с Турцией сделал венскому кабинету следующие предложения: «Между тремя монархиями (русскою, австрийскою и турецкою) должно быть навсегда независимое от них государство, образованное из Молдавии, Валахии и Бессарабии под именем

Дакии и под скипетром государя греческого исповедания. Россия приобретает город Очаков с областью между Бугом и Днестром и один или два острова в Архипелаге Австрия приобретает соседственные с нею турецкие области. Если война пойдет с таким успехом, что можно будет изгнать турок из Константинополя, то восстанавливается империя Греческая в полной независимости и на престол ее возводится внук императрицы русской великий князь Константин Павлович, который откажется от прав своих на престол русский, ибо две эти короны никогда не должны быть соединены на одной главе» Иосиф II согласился на эти требования с условием, что Австрия кроме турецких областей, покрывающих Галицию и Венгрию, получила еще все области венецианские, а Венеция взамен получила бы Морею, Кандию, Кипр и другие острова. Англия, Франция и Испания также должны были получить части из турецких владений. Таков был знаменитый проект, известный под именем греческого

Шагин-Гирей был восстановлен с помощью России, но смуты не прекращались на полуострове, потому что хан, несмотря на представления России, не переставал преследовать врагов своих. Эти жестокости Шагин-Гирея повели к тому, что он принужден был отказаться от престола, и Крым безо всякого сопротивления присоединен был к России (8 апреля 1783 года)

Не нужно много распространяться о всемирно-историческом значении, какое имеет укрепление северных берегов Черного моря за Россию, т е за Европою. Степи, которые так долго служили привольем для кочевых орд, чрез которые проходили почти все народы, опустошавшие европейско-христианский мир, все эти бичи Божии, степи эти вошли теперь в границы европейско-христианского государства, подчинились цивилизации, стали житницею Европы, убежищем для ее колонистов. Управление новоприобретенным краем было поручено Потемкину, получившему прозвание Таврической о. Потемкин уговорил императрицу осматреть лично Новую Россию. Путешествие Екатерины, предпринятое в 1787 году, было блестящим символом торжества Европы над Азиею, принятия Европою во владение от Азии этих так долго спорных земель Тут, во время этого путешествия, было много театрального, но многое, что было сделано для Новой России при Екатерине, не было одними декорациями: степи получили земледельческое народонаселение, основаны города (Екатеринослав, Херсон), заведен черноморский флот.

10. *Войны — вторая турецкая и шведская.* Несмотря на сильное волнение, произведенное в Турции вестью о присоединении Крыма к России, Порты на первых порах не находилим признать это присоединение, что и было сделано конвенциею 28 декабря 1783 года Но это было только на первых порах Чем более приходила Турция сама в себя после громового удара, тем

яснее сознавала всю важность потери: последнее татарское царство подпало власти русской, подпал этой власти весь северный берег Черного моря, откуда враждебные корабли не преминут при первом случае явиться пред Константинополем, и флот действительно заводился. Предупредить страшную опасность, кинуться на врага, когда он не ожидает нападения, не приготовился к нему,—вог поступок, который мог быть внушен Порте отчаянием и вместе благоразумием, не говоря уже о чужестранных внушениях. Летом 1787 года русский посол в Константинополе Булгаков получил от Порты ультиматум, которым требовалось: выдача молдавского господаря Маврокордато, удалившегося в Россию; отозвание русских консулов из Ясс, Букареста и Александрии; допущение турецких консулов во все русские гавани и торговые города. признание грузинского царя Ираклия, поддавшегося России, турецким подданным, право для Турции осматривать все русские корабли, выходящие из Черного моря. Булгаков отверг требования, и Порта объявила войну России. Посол был заключен в Семибашенный замок вопреки условиям Кайнарджийского мира.

Россия была застигнута врасплох, положение Потемкина, обязанного защищать Новую Россию, было крайне затруднительно. К тому же странная беда: любимое его создание, Севастопольский флот, был разбит бурей. Сын счастья пришел в отчаяние, когда увидел, что начинает быть несчастным. Он стал проситься в отставку, писал императрице, что надобно вывести войска из Крыма. Екатерина не смутилась: она отвергла предложение вывести войска из Крыма, указала, что надобно переменить оборонительную войну в наступательную, идти на Очаков или на Бендеры, писала Потемкину: «Прошу ободриться и подумать, что бодрый дух и неудачу поправить может». Победа Суворова над турками у Кинбурна несколько ободрила Потемкина, но затруднения увеличивались беспрепятственно. 1788 год начался очень печально: к страшной дороговизне присоединились болезни. Австрия как союзница России вступила в войну с турками, но чрез разрушение *Северной системы* союзом австрийским старые союзники становились врагами. Россия хотела заключить тесный союз с Польшею: проект союза заключал в себе гарантии владений; кроме того, в случае военных успехов Польша получала часть Бессарабии и Молдавии. Но преемник Фридриха II, Фридрих Вильгельм II, или, лучше, министр его Герцберг начал открыто действовать против союза России с Польшею, и та партия в Польше, которая хотела воспользоваться благоприятным временем для реформ в государственном устройстве, предпочла прусский союз русскому. Но Пруссия при этом имела в виду одно—как бы сделать то же самое, что было сделано при Фридрихе II, т. е., не вступая ни с кем в войну, распространить

свои владения на счет Польши. Герцберг хлопотал, чтоб Польша уступила Пруссии Данциг, Торн, Познань и Калиш, взяла бы себе за это от Австрии Галицию, Австрия же и Россия пусть вознаграждают себя на счет Турции. Пруссия хотела достичь своих целей путем дипломатии, только грозила войною, но шведский король Густав III спешил воспользоваться затруднительным положением России и объявил ей войну; он думал, что ему легко будет напасть на беззащитный Петербург и вынудить у Екатерины уступку завоеваний Петра Великого.

Но Густав III обманулся в своих расчетах. Екатерину не смутила и эта близкая опасность. Первое морское сражение при острове Хохланде кончилось в пользу русских (6 июля 1788 года; русский адмирал Грейг против шведского герцога Зюдерманландского). В России при виде опасности произошло сильное народное одушевление, дворяне, города, села добровольно выставляли рекрутов, а в шведском войске в Финляндии офицеры отказались исполнять королевские приказания, выставляя предлог, что несправедливая война с Россией начата без согласия чинов, вопреки конституции. 1788 год кончился счастливо: 6 декабря Потемкин после продолжительной осады взял Очаков приступом. Но это торжество не оправдало надежд, которые возлагались на него: Турция по наущению Пруссии, Англии и Голландии не заключала мира, несмотря на блистательные победы Суворова при Фокшанах и особенно Рымнике (1789 г.); Дания, хотевшая помогать России против Швеции, остановлена была угрозами Пруссии и Англии; Пруссия и новая союзница ее Польша грозили России войною; Густав III, освобожденный от опасности со стороны Дании, успел приобрести от своего сейма средства к продолжению войны. Война эта и в 1789 году кончилась неудачно для шведов, но они не заключали мира; император Иосиф II умер; от преемника его Леопольда нельзя было ожидать деятельной помощи. В таком положении находились дела в начале 1790 года. Весною Густав III возобновил неприятельские действия. На море произошли два важных сражения, представившие быструю перемену военного счастья; в первом русские одержали победу над шведским флотом, запертым в Выборгском заливе; во втором потерпели поражение от шведов. Но последняя победа дала только возможность Густаву с честью окончить войну, для продолжения которой он не имел более средств. 3 августа 1790 года заключен был мир в Верельской долине, на берегах Кюмени: границы обоих государств остались те же, какие были до войны; Густав обязался не вмешиваться в дела турецкие; Екатерина отказалась от права вмешиваться во внутренние дела шведские. Турецкая война, ознаменованная в 1790 году новым торжеством Суворова, взятием Измаила, кончилась в декабре 1791 года миром в Яссах; удержанием Крыма и приобретением

Очакова северный берег Черного моря окончательно закреплялся за Россией.

11. *Перемены в Польше и второй раздел ее.* Мы видели, что Польша предпочла прусский союз русскому. Образовалась партия, которая в надежде на крепость этого союза хотела произвести важные внутренние перемены; главами партии были Игнатий Потоцкий, Станислав Малаховский, Коллонтай и итальянец Пиатоли. Несмотря на сильное сопротивление людей, не хотевших никаких перемен, ловкими и решительными мерами партия эта успела произвести переворот 3 мая 1791 года и провозгласила новую конституцию. Правление вместо избирательного устанавливалось наследственное; по смерти бездетного Станислава Августа престол переходил к курфюрсту саксонскому и его потомству; законодательная власть оставалась у сената и палаты депутатов, исполнительная — у короля; все дела решались большинством голосов: прежнее единогласие, прежнее право каждого шляхтича своим несогласием (*liberum veto*⁷) останавливать сеймовые решения, уничтожалось; конфедерации также не признавались более законными. За шляхтою оставлено ее прежнее положение; богатым горожанам открыт был свободный вход в шляхетское сословие: например, купец, заводивший фабрику, входивший в обширное промышленное или торговое предприятие, приобретавший землю, тем самым выходил из городского сословия и делался шляхтичем. Касательно сельского народонаселения землевладельцам позволено было заключать добровольные договоры с крестьянами, и договоры эти имели обязательную силу.

Но этой новой конституции 3 мая не суждено было продолжительное существование. Россия, успокоенная миром с Швецией и Турцией, могла теперь спокойно действовать против Польши; сильно разгоревшаяся французская революция отвлекала внимание европейских правительств от востока на запад; Пруссия сблизилась с Австрией, желая сблизиться с Россией. Приверженцы старого порядка в Польше — Феликс Потоцкий и Браницкий — обратились с просьбою о помощи к русской императрице и в 1792 году образовали конфедерацию в Тарговище; 100 000 русского войска под начальством Каховского и Кречетникова вступили в Польшу на помощь конфедератам. Польское правительство обратилось к прусскому королю с просьбою, чтоб он поддержал его, исполнил недавние обещания, но Фридрих Вильгельм II отвечал, что поляки без его ведома и согласия переменяли старый порядок на конституцию 3 мая, что

⁷ Букв «свободное „запрещаю“» (*лат.*), т. е. право наложения единоличного вето на постановление законодательного собрания Действовало в польском сейме с XVI до конца XVIII в (*примеч ред.*)

они сами могли предвидеть те затруднения, в каких теперь находятся, и т. п. Полякам надобно было защищаться одними собственными средствами. Войско, бывшее под начальством королевского племянника Иосифа Понятовского, с самого начала принуждено было отступать перед русскими. Фаддей Косцюшко, прославившийся в североамериканской войне, был выбит Каховским из укрепленного лагеря близ Иханки, между Бугом и австрийскою границею. Чем далее входили русские в глубь польских владений, тем многочисленнее становились толпы конфедератов; в Литве братья Козаковские, давние приверженцы России, образовали конфедерацию, которая соединилась с торговщицею. Половина страны находилась во власти русских; король дал племяннику своему Иосифу Понятовскому приказ заключить перемирие и написал к императрице, обещая упрочить польскую корону за внуком ее Константином Павловичем. В Петербурге совет высших сановников, которому Екатерина дала на обсуждение это дело, нашел предложение короля неискренним, вынужденным силою обстоятельств, противным объявлению императрицы, что она хочет восстановить в Польше все по-старому, и могущим навлечь подозрение иностранных держав на русский двор; Екатерина отвечала Станиславу Августу требованием, чтоб он приступил к торговой конфедерации; король повиновался. Русские заняли Варшаву; конфедераты собрались в Бресте Литовском в сентябре 1792 года и отправили благодарственное посольство в Петербург. Из Бреста главное правление конфедерации перенесено было в Гродно, где Феликс Потоцкий с товарищами занялся составлением новой конституции. Русским уполномоченным был Сиверс, знаменитый администратор екатерининского времени. Сиверс заставил и короля переехать в Гродно, чтоб присутствовать на сейме, назначенном в этом городе. Король поехал неохотно, ибо предвидел, что дело должно кончиться не одною новою конституциею. Австрия и Пруссия согласились вознаградить себя за издержки на французскую войну тем, что Австрия променивала Бельгию на Баварию, а Пруссия должна была получить вознаграждение на счет Польши. В январе 1793 года прусский король объявил, что во время войны с Франциею ему необходимо заботиться о безопасности своей, тем более что якобинские стремления и волнения умов могут стать очень опасны. Непосредственно после этого объявления прусские войска двинулись в Польшу. В марте прусский король издал новую прокламацию, что так называемая патриотическая партия в Польше, напитанная французским демократическим якобинским духом, несмотря на свое поражение, ведег всюду тайные крамолы, приобретает приверженцев, преимущественно же этим ядом наполнена Великая Польша, вследствие чего он, король, веда войну с Франциею, решился для прикрытия тыла занять

польские области; таким образом, были заняты Пруссией Познань, Калиш, Серадж, Ленчица, Ченстохово, Торн, Данциг 29 марта в Гродно издан был манифест императрицы Екатерины, где говорилось, что низверженная партия нововводителей, не имея средств к явному сопротивлению, старается в недрах Польской республики распространить адское учение, что уже в столице и многих провинциях Польши существуют клубы, находящиеся в связи с парижским якобинским клубом, что императрица русская, король прусский и римский император не нашли другого средства для сохранения общей безопасности, кроме ограничения пределов Польской республики Границею между Польшею и Россиею назначена была линия, проведенная от восточной границы Курляндии мимо Пинска, чрез Волинь к границам австрийской Галиции; Россия получила во владение 4533 квадратные мили с 3 000 000 жителей. 11 июля 1793 года сейм подписал уступку России означенных областей; Пруссия удержала занятые ею земли Станислав Август обязался ни с кем ни воевать, ни заключать договоров без согласия России; число польской армии уменьшено до 15 000; восстановлен прежний порядок, бывший до 3 мая 1791 года. Уполномоченный Екатериной генерал Игельстром занимал Варшаву русским войском

12. Третий раздел Польши. Но этим дело не окончилось. Тайное общество, образовавшееся в Варшаве, вошло в сношения с Игнатием Потоцким, Коллонтаем и Косцюшкою, которые удалились в Дрезден. Главными членами в этом обществе были: генерал Дзялынский, камергер Венгерский, купец Капостас, родом из Венгрии, сапожник Килинский. В марте 1794 года вспыхнуло восстание в Кракове; учреждено временное правительство, которое объявило войну Пруссии и России; Косцюшко провозглашен диктатором и главнокомандующим, восстала и Варшава, где русских, застигнутых врасплох, погибло более двух тысяч человек; Игельстром едва спасся; примеру Варшавы последовала и столица Литвы Вильна. Косцюшко 6 июня потерпел поражение при Щекоцинах от соединенных русских и прусских войск, почти в то же время генерал Зайончек разбит был русскими при Холме. Комендант Венявский без сопротивления сдал Краков пруссакам. Весть о последнем событии подала повод в Варшаве к страшному явлению, напоминавшему сцены современной французской революции. Казимир Конопка воспламенил народ речью, в которой утверждал, что в стенах Варшавы находится много изменников, подобных Венявскому, что их нужно истребить, в противном случае они подадут помощь врагам; рассвирепевшие толпы бросились на тюрьму, где содержались подозрительные для них люди, разломали двери и перевешали многих заключенных. Между тем к Варшаве подошли русские войска под начальством Ферзена и прусские под начальством самого короля Фридриха

Вильгельма II 12 августа Вильна была занята русскими, и Литва очищена от польских отрядов. Но прусский король снял осаду Варшавы, испугавшись, что в тылу его вспыхнуло восстание в польских областях, принадлежавших Пруссии, и инсургенты потопили в Висле порох, который был отправлен к прусскому войску. Русским одним надобно было оканчивать дело. Румянцев-Задунайский, которому императрица поручила ведение войны, дабы, по ее словам, войско образовалось, услышав, что обожаемый Велизарий снова им предводительствует, — Румянцев велел Суворову соединиться с генералом Ферзенем и идти прямо в Варшаву. На дороге к этому городу Суворов разбил двух польских предводителей — Сераковского и Мокрановского. Косцюшко спешил предупредить соединение Суворова с Ферзенем и напал на последнего при местечке Мацевицах, в 12 милях от Варшавы, 30 сентября 1794 года; поляки потерпели страшное поражение; Косцюшко, бросив свою саблю, сказал: «Finis Poloniae» (Конец Польше!) — и был взят в плен. В самом деле это был решительный день для Польши: последние нравственные силы ее были истощены; вражда партий разгорелась, и после Косцюшки не было более человека, который бы своею личностью, общим доверием к себе мог поддерживать согласие. Соединившись с Ферзенем, Суворов взял варшавское предместье Прагу страшным штурмом, сопровождавшимся крайним ожесточением с обеих сторон. Взятием Праги война кончилась, главы движения убежали за границу, Станислав Август отказался от престола, переехал в Петербург⁸; вассал Польши герцог курляндский Петр Бирон через год также сложил с себя свое достоинство; области Литовская, Гродненская и Курляндия были присоединены к России; воеводства Краковское, Сендомирское и Люблинское — к Австрии; остальные земли с городом Варшавою — к Пруссии.

13. Отношения к революционной Франции. Когда революционные смуты начали усиливаться во Франции, Екатерина настаивала на том, чтоб европейские дворы оказывали более нравственную, чем материальную, помощь Людовику XVI и роялистам; по ее мнению, «самое существенное заключалось в том, чтоб принцы (братья Людовика XVI) полагались бесконечно более на самих себя и на своих многочисленных приверженцев во Франции, чем на какую-либо внешнюю помощь; восстановление монархии могло сделаться только французскими руками». Но ни король, ни братья его с эмигрантами не были способны действовать по указанию Екатерины, которая приводила им в пример деятельность Генриха IV; она писала: «Если бы я была на месте принцев и в их летах, то имела бы только в виду поведение Генриха IV, который с ничтожными средствами сделал много, и сделал все,

⁸ Он умер здесь в царствование преемника Екатерины

что хотел». Вследствие неумения подражать Генриху IV трон его потомка рушился, и революционная Франция начала наступательное движение против других европейских государств; она действовала и против России, поднимая против нее Турцию и Швецию, опираясь на Францию, хлопотали в Константинополе и польские выходцы, особенно Михайла Огинский. В июле 1792 года Россия утвердила договор с Австриею: обе державы обязались помочь друг другу двенадцатитысячным войском, смотря по надобности; 27 июля подобный же договор заключен был с Пруссиею, только вместо войска державы обязались помогать деньгами. В 1793 году, по смерти Людовика XVI, Англия предложила императрице войти с нею в союз, «по необходимости соединиться державам для обуздания революции».

Трактат был подписан 14 марта: обе державы обязывались помогать друг другу в войне с Франциею, не допускать никого в торговле с нею и не подписывать отдельного мира. Июля 11-го вышел из Кронштадта и Ревеля флот под начальством адмирала Чичагова, назначенный вместе с английскими кораблями крейсировать в Немецком море, чтоб прекратить торговлю Франции и Голландии с их колониями и другими приморскими государствами. Императрица запретила переписку с Франциею, французские журналы и книги; запретила французам приезд в Россию, если не было у них паспортов от французских принцев; оставшаяся в России французы должны были дать присягу, что не признают республиканского правления и не будут иметь сношения с своим отечеством, пока не восстановится там королевская власть. Императрица признала все распоряжения брата Людовика XVI (графа Прованского, впоследствии Людовика XVIII), когда он принял звание правителя Франции после заключения в темницу дофина. В феврале 1795 года Англия заключила новый договор с Россиею, вследствие которого Екатерина послала вице-адмирала Ханькова с 6 кораблями и 6 фрегатами для соединения с английским флотом в Немецком море, чтоб не допустить французский флот соединиться с голландским. В 1796 году, утраченный победами молодого Бонапарта, император Франц просил Екатерину о помощи; императрица обещала шестидесятитысячную армию, «чтоб с покровительством Божиим приготовить торжество дела, почитаемого ею делом всех монархов», но она поставила условием, чтоб Пруссия послала против Франции такое же число войска и чтоб англичане платили вспомогательные деньги. Екатерина считала необходимым «искреннее непреклонное стремление восстановить французскую монархию как единственное средство водворить прочный мир и для достижения сей цели союзникам немедленно признать Людовика XVIII французским королем и идти прямым путем вовнутрь Франции». Предводительство русским вспомогательным корпусом поручено

было Суворову, которому велено собрать в Подольской губернии армию и приготовиться к походу в четыре недели. Но смерть императрицы, последовавшая 6 ноября 1796 года, остановила дело.

14. *Персидская война.* В последнее время царствования Екатерины велась война на юго-восточных пределах с Персией. Астрабадский хан Магомет, овладев персидским престолом, напал на Грузию, разорил ее, подчинил себе Карталинию, Имеретию и другие области, бывшие под покровительством России. Против персиян отправлен был граф Валериан Александрович Зубов, который действовал очень удачно, но был остановлен смертью Екатерины.

ГЛАВА XLIX

ВНУТРЕННЯЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ II

1. *Общий характер и наиболее влиятельные люди.* С самого вступления Екатерины II на престол обнаружилась сильная внутренняя деятельность правительства, какой не бывало со времен Петра Великого. Цель у Петра и у Екатерины была одна: цивилизовать Россию по образцу, представляемому западными европейскими государствами, но разность в деятельности этих двух знаменитейших государей XVIII века состояла в том, что Петр, находя то, другое, третье нехорошим в России, лучше на западе Европы, прямо переносил это лучшее, по его мнению, на русскую почву; одно принималось легко на этой почве, другое принималось с большим трудом, требуя новых, более благоприятных для себя условий, иное вовсе не принималось на почве, для него неудобной, не приготовленной историею. Екатерина же II в своей преобразовательной деятельности руководилась преимущественно началами, добытыми в ее время европейскою наукою, причем постоянно справлялась, что возможно для России по ее особенным условиям. На долю Петра выпала первоначальная, черная, самая трудная работа: он встречал сильное противодействие не только в привычках, но и во взгляде русских людей на его дело. Но прошло полвека, привычек очень много оставалось старых, но взгляды, особенно в верхних слоях общества, изменились вследствие влияния той же науки и литературы западной; нравы смягчались, и потому правительству легче было проводить свои планы, чем при Петре и его ближайших преемниках, когда общество было так еще мало приготовлено к принятию нового, хотя и сильно чувствовало несостоятельность старого. Наиболее влиятельными людьми в царствование Екатерины II были: в начале царствования — братья Орловы, князь Григорий Григорьевич и граф Алексей Григорьевич Чесменский. Внешними сношениями

заведовал граф Никита Ив[анович] Панин, но кроме внешних сношений ни один из важных внутренних вопросов не решался без Панина; он же был воспитателем наследника престола великого князя Павла Петровича. Панин держался Северного союза, и значение его начало ослабевать, с тех пор как императрица нашла нужным переменить политику и сблизиться с Австриею по делам турецким. В это время усиливается значение князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, который обращал внимание преимущественно на юг. В конце царствования самым влиятельным лицом был князь Зубов, а внешними сношениями заведовали Безбородко и Марков. Из генерал-прокуроров екатерининского времени всех замечательнее был князь Вяземский; из лиц духовных — московский митрополит Платон.

2. *Наказ к сочинению нового Уложения.* Мы видели, что ни при Петре, ни после Петра никак не могли сочинить нового Уложения. Екатерина II, по ее собственным словам, «в первые три года своего царствования узнала, что великое помешательство в суде и расправе, следовательно и в правосудии, составляет недостаток во многих случаях узаконений, в других же — великое число оных, по разным временам выданных, также несовершенное различие между непрременными и временными законами и паче всего, что чрез долгое время и частые перемены разум, в котором прежние гражданские узаконения составлены были, ныне многим совсем неизвестен сделался; притом же и странные толки (пристрастные толкования) часто затмевали прямой разум многих законов, сверх того, еще умножала затруднения разница тогдашних времен и обычаев, не сходных вовсе с нынешними». Чтоб устранить этот недостаток, Екатерина со второго года своего царствования начала готовить Наказ, или руководство к сочинению проекта нового Уложения. В декабре 1766 года объявлено было манифестом о намерении императрицы учредить в следующем году в Москве комиссию для сочинения этого проекта. Депутатов в комиссии велено было выслать из Сената, Синода, всех коллегий и канцелярий по одному, от каждого уезда, где есть дворянство, — по одному, от жителей каждого города — по одному; от однодворцев каждой провинции — по одному; от пехотных солдат и разных служб служилых людей и прочих, ландмилицию содержавших, от каждой провинции — по одному депутату; от государственных крестьян из каждой провинции — по одному; от некрещеных народов, какого бы они закона ни были, крещеных или некрещеных, от каждого народа с каждой провинции — по одному депутату; определение числа депутатов казачьих войск возложено на высших командиров их. Каждый депутат получал от своих избирателей полномочие и наказ о нуждах и требованиях их общества, сочиненный по выбору пятью избирателями. 30 июля 1767 года последовало открытие Комиссии.

Наказ Комиссии составлен был Екатериною под влиянием положений современной европейской науки; преимущественно Екатерина пользовалась знаменитым сочинениями Беккариа «О преступлениях и наказаниях» и Монтескье «Дух законов». В Наказе говорится об общих обязанностях человека как гражданина и о том, что лучшие законы для государства суть те, которые соответствуют его естественному положению и сообразны с нравами народа. Из естественного положения Российского государства выведено, что для него всякое правление, кроме монархического самодержавного, не только было бы вредно, но и вконец разорительно. «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подчинены были одинаким законам; вольность есть право делать все то, что законы дозволяют. Весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями; есть способы, перемену обычаев вводящие: к сему служат примеры (так, во второй половине XVIII века отвергнуть способ действия, господствовавший в начале века; Петр законом вводил перемену обычаев). Послабление состоит в ненаказании преступления, а не в умеренности наказания. Последуем природе, давшей человеку стыд вместо бича, и пускай самая большая часть наказания будет бесчестие, в претерпении наказания заключающееся. И если где сыщется такая область, в которой бы стыд не был следствием казни, то сему причину мучительское владение, которое налагало те же наказания на людей беззаконных и добродетельных. А ежели другая найдется страна, где люди иначе не воздерживаются от пороков, как только суровыми казнями, опять ведайте, что сие проистекает от насильства правления, которое установило сии казни за малые погрешности. Часто законодавец, хотящий уврачевать зло, не мыслит более ни о чем, как о сем уврачевании, не смотрит на худые отсюда следствия: порок в общенародии остается, от жестокости наказания произрастший; умы народа испортились, они приобыкли к насильству. Все наказания, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить. Употребление пытки противно здравому естественному рассуждению. Пытка есть надежное средство осудить невинного, имеющего слабое сложение, и оправдать беззаконного, на силы и крепость свою уповающего. Делать присягу чрез частое употребление весьма общею не что иное есть, как разрушать силу ее. Хотите ли предупредить преступление? Сделайте, чтоб законы меньше благодетельствовали разным между гражданами чинам, нежели всякому особо гражданину. Сделайте, чтоб люди боялись законов и ничего бы, кроме их, не боялись. Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтоб просвещение распространилось между людьми. Наконец, самое надежное, но и самое труднейшее средство сделать людей лучшими есть приведение в совершенство воспитания. В толь великом государстве

(российском), распространяющем свое владение над толь многими разными народами, весьма вредный для спокойства и безопасности граждан был бы порок — запрещение им различных вер. Нет подлинно иного средства, кроме разумного иных законов дозволения, православною нашею верою и политикою не отвергаемого, которым бы можно всех заблудших овец паки привести к истинному верных стаду. Гонение умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает самые жестоковыйные сердца и отводит их от заматорелого упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению граждан».

И эта Комиссия не сочинила Уложения; но о пользе ее говорит Екатерина следующее: «Комиссия Уложения подала мне свет и сведение о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должно. Она все части закона собрала и разобрала по материям, и более того бы сделала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты, и военные поехали в армию. Наказ Комиссии ввел единство в правила и в рассуждения не в пример более прежнего. Стали многие о цветах судить по цветам, а не яко слепые о цветах. По крайней мере стали знать волю законодавца и по оной поступать». Лучшим доказательством последнего служило то, что *Тайная экспедиция*, учрежденная вместо прежней *Тайной канцелярии*, действовала совершенно в другом духе, преследования за слова прекратились.

3. *Обращение к Сенату; указ о взяточничестве; новые штаты Ордена.* Провозглашая, что пример есть самое лучшее средство для перемены нравов и обычаев к лучшему, императрица в 1763 году обратилась к сенаторам с следующим указом: «Я не могу сказать, чтоб вы не имели патриотического попечения о пользе моей и о пользе общей; но с соболезнаванием должна вам сказать и то, что не с таким успехом дела к концу своему приходят, с каким желательно. Причины состоят в том, что присутствующие в Сенате имеют междоусобные несогласия, вражду и ненависть и один другого дел не терпит, а потому и разделяются на партии и стараются изыскать один другому причины огорчительные».

Екатерина с первого дня своего восшествия на престол должна была вооружиться против закоренелого обычая взяточничества. 18 июля 1762 года она уже издала следующий указ: «За долг себе вменяем непреложный и непременный объявить в народе, с истинным сокрушением сердца нашего, что мы уже от давнего времени слышали довольно, а ныне и делом самым увидели, до какой степени в государстве нашем лихоимство возросло, так что едва малое самое место правительства, в котором бы божественное сие действие, суд, без заражения сей язвы отправлялся: ищет ли кто места — платить; защищается ли кто от клеветы — обороняется деньгами; клеветет ли на кого кто — все происки свои

хитрые подкрепляет дарами. Многие судящие освященное свое место, в котором они именем Вышнего должны показывать правосудие, в торжище превращают, вменяя себе вверенное от нас звание судии бескорыстного и нелицеприятного за пожалованный будто им доход в направление дома своего, а не за службу, приносимую Богу, нам и отечеству. Сердце наше содрогнулось, когда мы слышали, что новгородской губернской канцелярии регистратор, приводя ныне к присяге нам в верности бедных людей, брал и за то с каждого себе деньги». Как средство против взяточничества были установлены новые штаты в 1763 году; в манифесте по этому случаю императрица говорит, что прежде «люди не только с некоторым достатком, но ниже имея дневное пропитание, отсылались к делам, не получая при том никакого жалованья, как бы неимущие в богадельню, для одного только пропитания, а не для исправления дел; и по истине сказать, казалось, что всякий живет только для себя, не помышляя о добре общем». Для награды за военные подвиги учрежден был орден Св. Георгия, за гражданские — Св. Владимира. Ордена эти отличались от прежних тем, что разделялись на степени и потому могли быть доступны не одним высшим сановникам.

4. *Учреждения для управления губерний.* В 1755 году обнаружены «Учреждения для управления губерний»; причины новых учреждений были высказаны правительством следующие: «По великой обширности некоторых губерний оные недостаточно снабжены как правительствами, так и надобными для управления людьми; в одном и том же месте, где ведомо правление губернии, и казенные доходы, и счета обще с благочинием или полициею, и сверх того еще уголовные дела и гражданские суды отправляются». Теперь судебные места были отделены от правлений губернских и мест, заведовавших финансами; суд гражданский отделен от уголовного. В каждом уезде установлены *уездные суды* для дворян, *городовые магистраты* для среднего сословия, *нижние расправы* для однодворцев и государственных крестьян, *казначейства* для сбора и хранения доходов, *нижние земские суды* для полиции. Для поверки и перенесения дел по жалобам над этими низшими местами в каждом губернском городе были высшие: *верхний земский суд*, *губернский магистрат*, *верхняя расправа*. Кроме того, в губернских городах явились три палаты: *уголовная* для дел уголовных всех сословий; *гражданская* для дел гражданских; *казенная* для финансов. *Губернское правление* сосредоточивало в себе власть исполнительную и полицейскую. Для дел уголовных особого рода и для любовного решения тяжб учреждены в губернских городах *совестные суды*. Для попечения о вдовах и сиротах дворянских и купеческих установлены *дворянские опеки* и *сиротские суды*; для устройства школ, богаделен и сиротских домов — *приказы общественного призрения*.

Россия разделена была на 50 губерний, и при этом новом разделении не было обращено никакого внимания ни на прежнее историческое деление, ни на пространство, а только на количество народонаселения: велено было разделить так, чтоб каждая губерния заключала в себе от 300 до 400 тысяч жителей с подразделением на уезды в 20 000 и 30 000 душ. Две, иногда три губернии вверялись главному управлению генерал-губернатора, или наместника, губернаторы и вице-губернаторы назначались императрицею; председателей губернских мест и чиновников, заведовавших казенными доходами, избирал Сенат; остальные лица избирались частью губернским правлением, частью дворянством и купечеством. Новое учреждение как сопряженное с большими трудностями вводилось постепенно, в продолжение 20 лет. В тесной связи с учреждениями губерний находилось всеобщее обмежевание земель, проект которого, как мы видели, был составлен еще при императрице Елисавете. Екатерина в первые годы царствования составила новые правила, вследствие которых приведены были в известность главные, наиболее заселенные земли империи.

5. *Финансы.* В 1768 году учрежден был ассигнационный банк с капиталом в миллион рублей золотом и серебром; банк этот выпустил сначала такую же сумму билетов под именем ассигнаций; ассигнации должны были приниматься во все платежи казенные и частные. Вторая турецкая война нанесла сильный удар русским финансам, при трехлетнем голоде в Белоруссии и Украине, при необходимости делать закупки хлеба для армии в Польше, отчего большое количество звонкой монеты ушло из империи; количество ассигнаций было увеличено, и они упали в цене, так что в 1795 году ассигнационный рубль равнялся только 68 копейкам серебром. Вместо кредитных установлений императрицы Елисаветы, дворянского и коммерческого банков, учрежден был при Екатерине государственный заемный банк с капиталом в 33 миллиона, с ссудою за 5 процентов, с разложением уплаты на 20 лет для дворян и на 22 года для городских обывателей.

6. *Дворянство.* Права, данные дворянству Петром III, были подтверждены; кроме того, в грамоте, данной этому сословию Екатериною в 1785 году, постановлено, что дворянин ни в каком случае не лишается своего звания, кроме судебного обвинения в известных преступлениях, передает его жене и детям, судится только равными себе, свободен от телесного наказания, не платит лично никаких податей и владеет всем, что находится в имении, как неотъемлемою собственностью. Дворянству дано право выбора из среды своей в разные почетные областные должности; установлено для этого в каждой губернии дворянское собрание; присутствовать в нем может каждый дворянин, но участвовать

в выборах может только тот, кто в государственной службе достиг офицерского чина: это должно было заставлять дворянина служить.

7. *Города*. Одновременно с дворянскою грамотою обнародовано было *городовое положение*, по которому купцы и мещане получили право собственного суда и управления и право выборов в известные должности. Купечество было разделено на три гильдии: к первой принадлежали имевшие капиталы не менее 10 000 рублей; ко второй—имевшие от 1000 до 10 000; к третьей—от 500 до 1000 рублей; имевшие менее 500 рублей названы мещанами. При Екатерине было основано с лишком 200 городов, более по нуждам управления, чем вследствие естественного развития торгового и промышленного, почему многие из них потом исчезли. В конце царствования Екатерины на пространстве 300 000 квадратных миль считалось 1200 городов.

Учрежденная в 1763 году комиссия для рассмотрения коммерции Российского государства должна была во 1) изыскивать все способы, дабы из империи больше произведений российских в натуре и в деле выпускаемо было; во 2) дабы купечество русское как между собою внутри государства, так и у чужестранных кредит надежный имело. Екатерина велела во всех городах завести хлебные магазины, «дабы,—говорила она,—цена хлеба всегда в моих руках была». Относительно промышленности, начиная с Петра Великого, господствовала система правительственного надзора, учреждены были коллегии мануфактурная и горная, которые именно должны были водворять в России и совершенствовать различные отрасли промышленности; при Екатерине II эта система надзора и направления, даваемого правительством промышленности, прекратилась; закрылись сначала Берг-коллегия, потом Мануфактур-коллегия. Коммерц-коллегия потеряла свое значение, а в конце царствования и совершенно закрыта.

8. *Сельское народонаселение, иностранные колонисты*. В 1762 году в некоторых местах происходили сильные волнения между крестьянами на основании ложных слухов о свободе от помещиков; при усмирении восставших не обошлось без кровопролития: в Вяземском уезде, в Воскресенском селе князей Долгоруких, крестьяне собрались до 2000 человек для сопротивления военной команде, которая должна была стрелять из пушек, и крестьяне побито было 20 человек да не менее переранено. Вначале Екатерина была сильно против крепостного права, в котором видела явление, противное христианской религии. Но мысль о необходимости уничтожения этого права не имела отголоска даже в самых образованных людях; а в Комиссии Уложения депутаты объявили о необходимости позволить духовенству и купечеству иметь крепостных людей.

Относительно земледелия Екатерина в Наказе высказала следующие взгляды: «Весьма бы нужно было подписать помещикам законом, чтоб они с большим рассмотрением располагали свои поборы и те бы поборы брали, которые менее мужика отлучают от его дома и семейства: тем бы распространилось больше земледелия и число бы народа в государстве умножилось. А ныне иной земледелец лет пятнадцать дому своего не видит, а всякий год платит помещику свой оброк, промышляя в отдаленных от своего дома городах, бродя по всему почти государству. Не может быть там ни искусное рукоделие, ни твердо основанная торговля, где земледелие в уничижении или нерачительно производится. Земледелие есть самый большой труд для человека; чем больше климат приводит человека к избежанию сего труда, тем больше законы к оному возбуждать должны; земледелие есть первый и главный труд, к которому поощрять должно; второе есть рукоделие из собственного произращения». В 1765 году по ходатайству Григория Орлова и 15 других «патриотов» учреждено С.-Петербургское Вольное экономическое общество для поощрения полезных знаний в области экономики и земледелия.

При Екатерине в пустынных, но плодородных пространствах империи явилось особого рода земледельческое народонаселение — иностранные колонисты. В июле 1763 года учреждена канцелярия опекунства иностранных колонистов; издан манифест о дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают. Колонистам обещаны были деньги на проезд, всевозможные пособия при обустройстве на избранном месте, беспроцентная ссуда капитала на 10 лет; они были свободны от всякой службы и от всяких податей на 30 лет; они могли судиться по своим законам, свободно исповедовать свою веру, выбирать своих пасторов. На первый раз назначено было 200 000 рублей в год на вспоможение колонистам. Переселенцы хлынули толпами, преимущественно из Пфальца; в одной Саратовской провинции поселилось до 10 000 семейств. Когда движение остановилось, то в 1774 году число колонистов простиралось до 26 000 человек.

9. *Уничтожение гетманства и Запорожья.* Вместе с этим населением степей мирными трудолюбивыми колонистами происходило окончательное преобразование в быте старых насельников степей, знаменитых в нашей истории казаков. Начальный человек в Малороссии по-прежнему носил название гетмана, что прямо указывало на его войсковое значение, на историческое значение казачества в этой стране. Со времени преобразования Петра гетман потерял прежнее значение; в продолжение некоторого времени его вовсе не было; потом явились опять гетманы, но отнюдь не с прежним значением; существенной перемены от появления гетмана никакой не происходило, страна привыкла

мало-помалу к этому безразличию: есть ли гетман, нет ли его. При Елисавете назначение гетманом Кирилла Григорьевича Разумовского, человека в Малороссии неизвестного, всего лучше показывало, что гетманство здесь потеряло прежнее значение; при Екатерине II в 1764 году, еще при жизни Разумовского, гетманство было окончательно уничтожено. Порешили и с знаменитым Запорожьем. Мы видели, что Сечь была взята и разорена войсками Петра Великого и бывшие при Мазепе запорожцы должны были бежать, поддаться крымскому хану и основали новую Сечь в Алешках. В царствование Анны им позволено было по их просьбе возвратиться снова под русскую державу на старые места. Но запорожцы недолго могли жить при прежнем широком раздолье своем. Степи начали населяться, и вследствие этого в 1764 году явилась Новороссийская губерния. Запорожцам стало тесно, потому что при своих промыслах — скотоводстве и звероловстве, без хлебопашества, — они имели нужду в огромных пустых пространствах. Начались столкновения и жалобы. К тому же с возвращением запорожцев появились разбойники, гайдамаки; предводителями гайдамацких шаек были обыкновенно запорожцы. Между тем Запорожье не переставало требовать, чтоб все вновь населенные степные пространства были ему возвращены, т. е. чтоб Новая Россия обратилась в такую же пустыню, какою была до 1740 года. Запорожские уполномоченные твердили: «Все это наше было и есть! Если к нам будут посланы землемеры без ведома Коша, то хоть и повесят их, то нечего будет взять». Легко понять, как могущественное государство должно было отвечать на запорожские требования и угрозы. Императрица велела Потемкину постараться занять Сечь и все Запорожье вооруженною рукою, и 5 июня 1775 года приказ был исполнен. Запорожье перестало существовать, часть казаков успела уйти из Сечи и пробраться в турецкие владения, где поддалась султану; оставшимся русское правительство позволило или возвратиться на прежние места жительства, или жить в Новой России на правах всех остальных ее жителей. В 1783 году из них составлено было особое ополчение под именем черноморских казаков, а в 1792 году этому черноморскому войску дан был остров Фанагория с землями между Кубанью, Азовским и Черным морем.

10. *Меры относительно духовенства.* При Екатерине II была приведена в исполнение мысль Петра Великого об отобрании церковных имений. Для этого императрица велела учредить особую комиссию из духовных и светских членов под собственным своим наблюдением. В ноябре 1762 года дана инструкция этой комиссии, где, между прочим, говорилось: «Сорок лет тому уже миновало, как Петр Великий составил духовный регламент и предпринял в нем такие правила, которые бы в простом нашем народе учреждением благоразумно воспитанных и обученных

священников прямой путь к исправлению нравов открывали. Но к символизации нашему видим, что столь многие леты уже миновались, а народ в том же еще пребывает заблуждении». В исходе 1763 года в комиссию были доставлены описи всем церковным, монастырским и архиерейским землям, ведомости о числе крестьян и количестве доходов; оказалось крестьян 910 866 душ: между прочим, Троицкая лавра владела более чем 120 000 крестьян, Кириллов Белозерский монастырь имел около 35 000. Положено было все эти имения взять из духовного ведомства и поручить так называемой Коллегии экономии, которая должна была собирать с крестьян по 1 р. 50 коп. в год с души; от этой Коллегии экономии происходит употребляющееся и до сих пор название «экономических крестьян». Для монастырей и архиерейских домов, разделенных на три класса, для ружных церквей и для чиновников синодального ведомства составлены были штаты; что же оставалось за этими расходами, определено на содержание духовных училищ, инвалидных домов, госпиталей; белое духовенство освобождено от сборов деньгами и хлебом на духовные училища; отставных военных запрещено отсылать в монастыри для прокормления, а назначены им для жительства крайние города и пенсии из экономических доходов.

Присоединение западных русских областей по трем разделам Польши было важнейшим событием в истории русской Церкви. Униаты толпами начали обращаться в старое православие. Поляки, не имея возможности препятствовать этому силою, стали внушать, что соединение с русскою империею будет непродолжительно, что западные русские области отойдут опять к Польше, но православное церковное начальство спешило рассеять эти ложные внушения, успокаивая жителей, что они не потерпят никакой неприятности от обращения к вере предков и что вторичное соединение их с Польшею невозможно. В два года, от 1794 до 1796, более полутора миллиона униатов обратилось в православие.

11. Меры относительно раскола. Соответственно мыслям, высказанным в Наказе о веротерпимости, употреблялись кроткие меры относительно раскольников: тем, которые не чуждались православной Церкви, готовы были принимать священников, но желали только оставаться при старых обрядах и старопечатных книгах, дозволено иметь свои церкви. Особенная раскольничья контора была закрыта, и раскольников велено ведать в общих управлениях без притеснения. В 1782 году раскольники были освобождены от двойного оклада, который с них собирався со времен Петра Великого.

12. Меры для умножения и сохранения народонаселения. Народонаселение империи в конце царствования Екатерины простиралось до 36 000 000. Увеличивали его тем, что презывали рас-

кольников, ушедших за польскую границу, призывали иностранных колонистов. В то же время употребляли меры для его сохранения. Вместо прежней петровской Медицинской канцелярии учреждена была 1768 году Медицинская коллегия, которой обязанность состояла в сохранении народа посредством врачебной науки, воспитания русских докторов, хирургов и аптекарей, в надзоре за исправностью аптек; в Москве был департамент этой коллегии. Учреждены были фабрики для хирургических инструментов. Каждый город обязан был иметь городского и уездного врача; русских лекарей для этого недоставало, вызвали многих из Германии по контракту. Приказы общественного призрения имели обязанность учреждать народные госпитали и больницы и надзирать за ними, заводить дома для неизлечимых больных и умалишенных. В 1768 году введено было оспопрививание; чтоб подать добрый пример, императрица привила оспу себе и четырнадцатилетнему сыну своему, наследнику престола Павлу Петровичу. Ни один лекарь, ни один священник в России не противился оспопрививанию, как это было в Западной Европе. В Петербурге учрежден был особый дом для оспопрививания; сначала денежными наградами приманивали родителей, чтоб они приносили туда детей своих, но скоро это средство оказалось ненужным. В 1772 году оспопрививание начало распространяться даже и между сибирскими инородцами.

13. Меры для народного воспитания. В Наказе своем Екатерина объявила, что самое надежное средство сделать людей лучшими — это усовершенствование воспитания, и потому мы должны ожидать мер для этого усовершенствования. Правила, которыми хотело руководиться правительство в деле воспитания, высказаны в «учреждениях, касающихся до воспитания», составленных Ив [аном] Ив [ановичем] Бецким, знаменитым устройтелем воспитательных заведений в России в описываемое время. Вот что говорится в этих уставах: «Преодолеть суеверие веков, дать народу своему новое воспитание и, так сказать, новое порождение есть дело, совокупленное с невероятными трудами, а прямая оных польза остается потомству. С давнего уже времени имеет Россия академию и разные училища, и много употреблено иждивения на посылку российского юношества для обучения наукам и художествам; но мало, буде не совсем ничего, существенных от того плодов собрано. Разбирая прямые тому причины, не можем мы жаловаться на Провидение и малую в российском народе к наукам и художествам способность; но можно неоспоримо доказать, что к достижению того не прямые токмо пути избраны были, а чего совсем недоставало, о том совсем и помышляемо не было. Из посланных еще при Петре Великом дворян с хорошим возвратились успехом в том, чему они обучаться назначены были; но по возвращении, имея путь

и право к большим чинам и заслугам, не могли они в том упражняться. Другие, из подлости (простонародья) к наукам взятые, также весьма скоро успевали в оных, но скорее еще в прежнее невежество и самое небытие возвратились, отчего и людей такого состояния, которое в других местах *третьим чином*, или *средним*, называется, Россия до сего времени и произвести не могла. Искусство (опыт) доказало, что один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях и твердо оные в сердце его не вкоренены. При таком недостатке смело утвердить можно, что прямого в науках и художествах успеха и *третьего чина* людей в государстве ожидать всеу себя и ласкать. Посему ясно, что корень всему злу и добру воспитание. Держась сего неоспоримого правила, единое токмо средство остается, то есть произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу, или новых отцов и матерей, кои бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передали б паки своим детям, и так следуя из родов в роды в будущие веки. Великое сие намерение исполнить нет совсем иного способа, как завести воспитательные училища для обоего пола детей, которых принимают отнюдь не старее, как на пятом или на шестом году». В другом месте Бецкий резко выражает различие между заимствованием внешней цивилизации, которое господствовало при Петре и его преемниках, и внутренним совершенствованием посредством просвещенного воспитания, чего начали желать во второй половине XVIII века. «Петр Великий,— говорит Бецкий Екатерине,— создал в России людей: Ваше Величество влагаете в них души». Бецкий признавал необходимым, чтоб воспитатели были русские, ибо дети не могут признавать иностранцев родителями своими. Потом иностранцы не могут сообразоваться с воспитанниками своими в народных обычаях, религиозных и житейских.

В 1763 году был учрежден в Москве воспитательный дом на 8000 детей; по его образцу в 1767 году учрежден воспитательный дом в Петербурге. В 1764 в Петербурге в Воскресенском монастыре (Смольный) основано воспитательное заведение для 240 девиц из дворянства, а в следующем году — подобное же для девиц из городского сословия. В 1762 году основаны Инженерный и Артиллерийский кадетские корпуса. При Екатерине же получили начало народные учебные заведения: по плану назначенной для этого предмета комиссии предположено было открыть в уездных городах малые народные училища из двух классов для обучения детей свободного состояния наукам математическим, естественным, словесным, отчасти изящным искус-

ствам; изданы были комиссией очень хорошие по тому времени учебные книги при содействии педагогов, вызванных из-за границы. Назначено было основать университеты в Екатеринославле, Пскове, Чернигове и Пензе. Но недостаток денежных средств не позволил привести в исполнение всех этих намерений: и главные народные училища открыты в немногих городах, а университеты — ни в одном.

14. *Литературная деятельность Екатерины.* Теперь посмотрим, как литература екатерининского времени содействовала народному воспитанию, посмотрим, как автор Наказа, сама императрица, в своих литературных произведениях хотела содействовать этому воспитанию. Здесь нас прежде всего останавливает инструкция князю Салтыкову при назначении его к воспитанию великих князей. «Высокому рождению их Высочеств, — говорит Екатерина, — паче иных предлежат два великие пути: первый — справедливости, второй — любви к ближнему. Главное достоинство наставления детей состоять должно в любви к ближнему, в общем благоволении к роду человеческому, в доброжелательстве ко всем людям, в ласковом и снисходительном обхождении ко всякому, в добронравии непрерывном, в чистосердечии, в благодарном сердце, в истреблении горячности сердца, пустого опасения, боязливости, подозрения. Пороки вообще уменьшают смелость и храбрость; добродетели же умножают твердость духа и укрепляют рассудок, истинную его смелость и храбрость. Истинная смелость состоит в том, чтобы пребывать в том, что долг человеку предписывает. Отдалять надлежит от глаз и слуха в младенчестве и от отроков в первые годы все то, что мысли устрашить может, как-то: всякие пугалища, душу и ум утесняющие, которыми обыкновенно детей страшат и от коих делаются они робки». С воспитательною целию Екатерина сочиняла нравоучительные сказки: в сказке о царевиче Февее представлено образцовое поведение вследствие воспитания. Екатерина написала также несколько исторических представлений; в представлении из жизни Рюрика этот князь является образцом правителя, и потому он не убивает восставшего против него Вадима, а говорит: «Пусть Рюрик в сей день окажется, каков есть; он, видя виновных пред собою, с горячею ревностию возьмется всегда за исследование общему добру причиненного ущерба; но кой час вина уже известна, виновный изобличен и надлежит, вынув меч, приступить ко мщению, тогда меч тот, который не выпал никогда из моей десницы против общих неприятелей, падает из дрожащих рук моих и в винном вижу я лишь человека». В комической опере «Горе-богатырь Косометович» Екатерина осмеяла поведение врага своего Густава III, короля шведского.

15. *Общий характер литературы екатерининского времени.* Мы видели, что в первой половине XVIII века литература явная,

печатная, главную задачу своею считала восхваление нового порядка, введенного Петром, считала необходимым вооружаться против людей, ему противившихся. Но во второй половине века взгляд переменялся: общество, развиваясь, почувствовало новые потребности; односторонность, недостаточность, темные стороны господствующего направления обозначились и не могли не возбудить против себя лучших людей. Отсюда литература екатерининского времени имела задачу: во-первых, провозглашать новые начала, признанные необходимыми для поддержания общества, именно внутреннее совершенствование человека посредством просвещенного воспитания; потом — вооружаться, с одной стороны, против отсталых людей, которые принадлежали более XVII, чем XVIII веку, для которых эпоха преобразования проходила даром; а с другой стороны — вооружаться и против вредных явлений, порожденных господствовавшим направлением эпохи преобразования, вооружаться против людей, принявших одни формы образованности, в нравственном же отношении представлявших самое печальное явление.

16. *Сумароков Фон-Визин, Державин.* Это направление, как мы видели, уже обозначилось в царствование Елисаветы, обозначилось в сочинениях Сумарокова, который продолжал свою деятельность и при Екатерине. Многочисленные драматические пьесы его играли везде: при дворе, на публичных театрах, в школах; в этих пьесах Сумароков обыкновенно высказывал мысли, которые были тогда в ходу в Западной Европе. Тем же направлением отличались сочинения двух других драматических писателей екатерининского времени: Княжнина и Николева. В многочисленных комедиях своих Сумароков продолжал вооружаться против главных пороков времени и хотя сильно подражал Мольеру, хотя брал у него характеры, однако между действующими у него лицами мы встречаем много русских людей и тогдашнюю обстановку русского общества. Лихоимцы суть главные лица сумароковских комедий, ханжи и педанты взяты из Мольера, но петиметры русские Сумароков же знакомит нас и с тою сферою, которую описал Данилов в своих записках и из которой вышли «Бригадир» и «Недоросль» даровитого Фон-Визина

Сочинения Фон-Визина важны для истории общества в том отношении, что в них резко проведена господствовавшая тогда у лучших людей мысль о необходимости создания новой породы людей посредством просвещенного воспитания, мысль, что все зло происходит от недостатка такого воспитания; в сочинениях своих Фон-Визин также сильно ратует против двух огней, между которыми стояло русское общество: против пороков и предрассудков, наследованных от допетровской старины, и против вредных явлений, происшедших вследствие одностороннего сближе-

ния с западной цивилизацией. В комедии «Бригадир» в сыне бригадира и в советнице в самом отвратительном виде выставлены следствия привития чужих модных взглядов к людям, не получавшим никакого нравственного воспитания и воспитывающим себя по французским романам. В знаменитом «Недоросле» своим автор представляет уroda, произведение старинного грубого, исключительно физического воспитания, но к этому старинному воспитанию присоединено и новое, как требовалось от дворянства в первой половине XVIII века, воспитание форменное, вредное по выбору воспитателя, иностранца, бывшего прежде кучером. Знаменитейший из поэтов екатерининского времени великолепный Державин, воспевая блистательные победы и торжества, в то же время твердит о необходимости нравственных основ для общества, требует правды и встречает новорожденного внука Екатерины (Александра Павловича) желанием: «Будь на троне человеком!»

17. *Исторические труды.* Екатерина считала необходимым знание русской истории, при пытливости и многосторонности ума своего сама любила заниматься вопросами из нее; за несколько минут до смерти занималась сочинением «Записок касательно Российской истории». Что же было сделано при ней для русской истории? Старик Мюллер был переведен в Москву, сделан начальником драгоценного архива Иностранной коллегии, где был совершенно в своей сфере. Мюллер издал Татищева, издал «Ядро Российской истории» Манкиева, сообщил много материалов Новикову для его «Вивлиофики», Голикову — для его «Деяний Петра Великого». Явились попытки из собранных материалов сделать что-нибудь стройное, написать русскую историю, явилась «История Российская от древнейших времен» князя Щербатова. Автор был человек умный, образованный, трудолюбивый, добросовестный, но не даровитый и не приготовленный наукою к своему труду, принимавшийся за него как любитель только. Несмотря на то, труд Щербатова занимает почетное место в нашей исторической литературе. Следя добросовестно и внимательно за ходом событий русской истории, Щербатов останавливался на явлениях особенно поразительных, не похожих на явления, в истории других народов встречающиеся, стараясь объяснить их, подходил к ним с разных сторон, ошибался, но пролагал дорогу другим, возбуждал спор.

Горячий спор завязался между Щербатовым и Болтиным. Генерал Болтин, человек с сильным дарованием, сделался известен своими возражениями на книгу Леклерка о древней и новой России, вышедшую в Париже в 1784 году. Опровергая Леклерка, который низко ставил древнюю Россию, ее историю, Болтин необходимо должен был защищать ее, находить светлые стороны в этой жизни, в этой истории, к которой так враждебно

до сих пор относилась эпоха преобразования, повторявшая, что преобразователь привел Россию из небытия в бытие. Болтину было тем легче принять защиту древней России, что общество, сознавши вредную сторону преобразовательного направления, готово было сочувствовать той жизни, против которой ратовало это преобразовательное направление. Болтин первый высказал положения о сильной степени развития древнего русского общества, положения, которые потом так часто повторялись. Так, рассматривая договоры наших первых князей с греками, Болтин говорит: «В тогдешнее уже время имели русские правление, на коренных законах и на непременных правилах утвержденное, народ разделен был на разные сословия, каждое сословие пользовалось особенными правами, преимуществами и отличиями; все вообще имели суд и расправу; успех имели в торговле внутренней и внешней, мореплавании, художествах, ремеслах и в рассуждении тогдешнего века, в нарочитом просвещении» и проч. Темные стороны западного общества, перенесенные в Россию в эпоху преобразования, давали Болтину сильное оружие в защиту старого против нового. Леклерк порицает Уложение за то, что оно дает тиранскую власть мужу над женою; Болтин выставляет порчу семейной нравственности в его время на Западе и в России; Болтин заступает и за русский язык, основываясь на возможности переводов на славянский язык творений отцов Церкви; говорит, что употребление русскими людьми французских слов в разговоре введено не по нужде, а по буйственному пристрастию ко всему, что называется французским. По поводу замечания Леклерка, что в древней России запрещен был въезд иностранным ученым в Россию, а русским — выезд за границу для наук, Болтин прямо укоряет новую Россию за перемену к худшему: «С тех пор как юношество свое стали посылать в чужие края, а воспитание вверять чужестранцам, нравы наши совсем переменялись, с мнимым просвещением насадились в сердца наших новые предубеждения, новые страсти, слабости, прихоти, кои предкам нашим были неизвестны: погасла в нас любовь к отечеству, истребилась привязанность к отеческой вере, обычаям. Мы старое позабыли, а нового не переняли и, став непохожими на себя, не сделались тем, чем быть желали. Сие все произошло от торопливости и нетерпения: захотели сделать то в несколько лет, на что потребны века; начали строить здание нашего просвещения на песке, не сделав прежде надежного ему основания. Петр Великий думал, что для просвещения дворян довольно будет заставить их путешествовать по иностранным государствам, но опыт оправдал стариков наших мнение, что вместо ожидаемой пользы вышел из того вред. Тогда познал Петр Великий, что надобно начать хорошим воспитанием, а кончить путешествиями, чтоб видеть желаемый плод».

В примечаниях на Леклерка Болтин несколько раз задел и князя Щербатова; тот защищался, это произвело спор, вследствие которого появились два тома примечаний Болтина на историю Щербатова.

Из записок, относящихся к царствованию Екатерины II, самые замечательные — статс-секретарей императрицы: Храповицкого, Державина и Грибовского; записки эти всего ближе знакомят нас с характером Екатерины, ее взглядами и побуждениями; потом записки княгини Дашковой, известной своими близкими отношениями к императрице, своими литературными трудами и бывшей президентом Академии; наконец, записки Порошина, находившегося при воспитании великого князя Павла Петровича и подробно описавшего это воспитание, разговоры воспитателя, Н. И. Панина, и других лиц, посещавших наследника.

Мы видели, что среди мыслящих людей екатерининского века явилось недовольство направлением первой половины столетия, признание его вредной односторонности, но одни из них средством поправить дело признают распространение начал так называвшейся тогда философии, разрушавшей старые предрассудки; другие заподозревают эту философию в том, что она, разрушая предрассудки, с тем вместе подрывает и основание добродетелей; третьи от недовольства эпохой преобразования естественно переходят к мысли, что эта эпоха не права перед обесславленною ею допетровскою Россиею. Подле этих направлений существовало также направление мистическое. Из людей этого мистического направления особенно замечателен Новиков, начавший свою деятельность изданием сатирических журналов, которых выходило много при Екатерине: цель их была осмеяние тех же недостатков общества, которые осмеивала и комедия. Потом Новиков приступил к изданию сборника исторических материалов, известного под именем «Древней Российской Вивлиофики». В Москве вместе с профессором тамошнего университета Шварцем Новиков основал в 1781 году *Дружеское ученое общество*, целью которого было печатание учебных книг и даровая раздача их по учебным заведениям. Около Новикова собралось много даровитых и трудолюбивых молодых людей, которые занимались переводами книг и участвовали в изданиях Новикова; в числе этих молодых людей был и Карамзин.

Императрица Екатерина не любила мистиков, не любила тайных масонских обществ, смеялась над их членами в своих комедиях; по ее мнению, было непонятно, зачем люди, объявляющие, что желают добра ближним, окружают себя таинственностью и мраком, тогда как им никто не препятствует делать всевозможное добро без всяких фокусов. Новиков в конце царствования подвергся преследованию по отношениям политическим.

ГЛАВА I

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА
ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

1. *Миролюбивое расположение императора.* Под предлогом расстройства во внутреннем управлении новый император объявил, что для России необходимо спокойствие извне, и потому он отказывается от войны с Франциею. «Россия (объявлено иностранным дворам), будучи в непрерывной войне с 1756 года, есть потому единственная в свете держава, которая находилась 40 лет в несчастном положении истощать свое народонаселение. Человеческое сердце императора Павла не могло отказать любезным его подданным в пренужном и желаемом ими отдохновении после столь долго продолжавшихся изнурений. Однако же, хотя российское войско не будет действовать против Франции по вышеозначенной и необходимой причине, государь не менее затем, как и покойная его родительница, остается в твердой связи с своими союзниками и чувствует нужду противиться всевозможными мерами неистовой Французской республике, угрожающей всю Европу совершенным истреблением закона, прав, имущества и благонравия».

2. *Причины войны с Франциею.* Но из этого самого объявления уже видно, что мир не будет продолжителен, ибо во всевозможных мерах противиться Французской республике первая мера была война. Австрия, доведенная до крайности победами Бонапарта, принуждена была заключить Кампоформийский мир, по которому Франция приобретала Нидерланды, Ионические острова с некоторыми округами на твердой земле, принадлежавшими упраздненной республике Венецианской; Ломбардия поступала в состав республики Цизальпинской вместе с владениями моденскими и тремя областями папских владений. Франция, управляемая тогда директорией, воспользовалась своим торжеством для того, чтоб еще более распространить свои владения и свое влияние. Воспользовавшись борьбою партий, она заняла своим войском Швейцарию, переименованную в республику Гельветическую; эта республика была независима только по имени; французы делали в ней все, что хотели, а Женева прямо была присоединена к Франции. В Италии французы заняли Рим, провозгласили здесь республику; папа Пий VI отвезен был во Францию. Наконец, директория делала сильные вооружения, готовясь к какому-то важному предприятию, загадочному для Европы и тем более беспокоившему.

Англия и Австрия обратились к русскому императору, который имел и непосредственные причины к неудовольствию на

Францию. Русский консул был схвачен французами на одном из Ионических островов и, несмотря на требование императора, не выпускался из заключения. Польские выходцы нашли во Франции явное покровительство со стороны директории и начали замышлять восстановление Польши. Толпы этих выходцев собирались в Молдавии с намерением вторгнуться в Галицию, Косцюшко, освобожденный императором Павлом из плена с обязательством переехать в Америку, приехал в Бордо, чтоб отправиться за океан, и вместо того возвратился в Париж. Генерал Домбровский в Северной Италии формировал на счет Франции легионы из поляков для будущей польской армии. С своей стороны французское правительство жаловалось, что русский император принимает в свое покровительство французских изгнанников. Действительно, император Павел принял в Россию 7000 французских эмигрантов, составлявших корпус войска под начальством принца Конде; корпус этот был размещен в Волынской и Подольской губерниях. Сам Людовик XVIII, гонимый отовсюду вследствие мира Пруссии и Австрии с Францией, просил у русского императора убежища себе, своему семейству и сотне верных телохранителей; государь исполнил просьбу, и Людовик XVIII поселился в Митаве, получая по 200 000 рублей ежегодно от русского правительства.

В начале 1798 года распространился слух, что французы намерены отправить флот свой в Черное море для нападения на русские берега. Тогда государь велел вице-адмиралу Ушакову выйти в море; Турции было объявлено, что русский флот будет готов помогать ей против французов; с другой стороны две эскадры отправились для соединения с английским флотом, чтоб крейсировать у берегов Франции и Голландии.

3. *Поведение Австрии и Пруссии.* Начиная борьбу с Францией, император более всего старался соединить силы Австрии и Пруссии, которые постоянно соперничали, мешали друг другу, думая только о материальных приобретениях, тогда как дело шло совсем о другом, с тех пор как революционная Франция выставила новые начала и стала распространять их. Император Павел старался внушить австрийскому императору и королю прусскому, что тройственный союз между Россией, Австрией и Пруссией тогда только будет крепок, «когда устранятся совершенно всякие неприязненные предубеждения и всякие замыслы на новые приобретения». Так как обе сильные германские державы — и Австрия, и Пруссия — в своих соглашениях с Францией приносили в жертву собственным интересам интересы мелких германских владений, то император Павел приказывал напоминать им, что с крайним сожалением взирает, когда оба сильнейших государства Германии ищут себе добычи в ущерб малосильным и невинным сочленам империи, и, главное, старался вну-

шить, что «оставшиеся еще вне заразы государства ничем так сильно не могут обуздать буйство французской нации, как тесно между собою связать и готовностью один другого охранять честь, целость и независимость».

4. *Союз пяти держав против Франции.* Но внушения эти остались тщетными; император Павел, убедившись, что берлинский двор «по господствующему в нем пристрастию к французскому правлению и по закоренелой зависти к венскому двору» вовсе не намерен приступить к союзу, решил действовать заодно с Австриею и велел двинуться на помощь последней шестнадцатитысячному корпусу своих войск; а между тем Бонапарт, отправившись из Тулона для завоевания Египта, захватил (летом 1798 года) остров Мальту, принадлежавший рыцарям св. Иоанна Иерусалимского, которые с 1797 года находились под покровительством русского императора. Тогда рыцари, собравшись в Петербурге, просили государя принять орден под свое державство; император согласился принять звание великого магистра ордена и дал обещание ограждать его права и стараться возвратить ему прежнее значение. Бонапарт высадился на берега Египта; Турция просила помощи у России, и эскадра Ушакова вступила в Босфор. В Константинополе Ушаков был принят с почестями и торжеством. Подтвердив Ясский договор, Россия и Турция положили помогать друг другу против всякого врага, «но отнюдь не в видах завоевания, а единственно для защиты целости своих владений, для безопасности подданных, для поддержания политического равновесия и для противодействия беззаконным замыслам французского правления»; Порта приняла на свой счет содержание русской эскадры. К этому союзу приступили Англия и Неаполь; на помощь последнему отправлен корпус русских войск через турецкие и австрийские владения в далматский город Зару, откуда неаполитанские корабли должны были перевезти его на берега Италии. Таким образом, к началу 1799 года образовался против Франции союз из России, Англии, Австрии, Турции и Неаполя; цель его была «действительнейшими мерами положить предел успехам французского оружия и распространения правил анархических, принудить Францию войти в прежние границы и тем восстановить в Европе прочный мир и политическое равновесие».

5. *Действия турецко-русской эскадры.* Осенью 1798 года союзная русско-турецкая эскадра направилась к Ионическим островам, обещая жителям их, что они по изгнании французов получат самостоятельность; этим отстранялся повод к соперничеству между союзниками; острова были отняты у французов. На сухом пути, в Италии, король неаполитанский Фердинанд IV преждевременно начал борьбу с Франциею и лишился владений своих на полуострове; он должен был удалиться в Сицилию, а Неаполь,

занятый французами, переименован был в Парфенопейскую республику. Тогда Австрия просила императора Павла увеличить число русских войск, назначенных для соединения действия с нею в Италии, просила прислать и главнокомандующего, именно Суворова.

6. *Суворов*. Мы видели деятельность Суворова во время турецкой, польской войны, во время пугачевского возмущения. В молодости Суворов получил образование, какое только тогда можно было получить, потому что отец, предназначая его по слабости здоровья к гражданской службе, заставлял учиться наукам и языкам, чтение исторических книг развило в нем словолюбие и уяснило для него самого его призвание: он вступил в военную службу. Здесь он подвигался очень медленно. 9 лет был солдатом; прожив так долго вместе с солдатами, он совершенно сроднился с их бытом, с их привычками, языком, привык к жизни простой, которую не покидал до конца. В чинах офицерских Суворов приобрел репутацию отличного кавалерийского офицера, быстрого при рекогносцировке, отважного в битве и хладнокровного в опасности. Но для Суворова этого было мало: он видел, как быстро шагают любимцы счастья, менее его достойные, но умевшие стать на вид, и он решился обратить на себя внимание, заставить заговорить о себе средством, которое, разумеется, лежало уже в его природе и которое потому употреблено было им с таким успехом; это средство было юродство, которое производит такое сильное впечатление в неразвитых обществах, когда при господстве воображения над мыслящею, поверяющею явления способностью, все странное, выходящее из обычной колеи имеет обаятельную силу, заставляя предполагать что-то высшее, таинственное. Суворов сделался чудачком; отбросив общепринятые формы приличия, он ничего не делал, как другие люди: говорил отрывисто, какими-то загадочными фразами, употреблял свои особые выражения, кривлялся, делал разные ужимки, ходил припрыгивая. Применяясь к солдатскому быту, он довел до крайности свой спартанский образ жизни: вставая с зарею, бегал по лагерю в рубашке, кричал петухом, обедал в 8 часов утра; в одежде также не соблюдал общей формы. В обращении с подчиненными Суворов создал себе свою систему: строгий к каждому в исполнении обязанностей служебных, он в то же время не боялся сближаться с солдатами, шутил с ними, забавляя их своими прибаутками. Говоря с подчиненными, требовал от них находчивости и смелости, ответов быстрых и точных; слово «не знаю» было строго запрещено. Вдруг обращался он к солдату или офицеру с каким-нибудь странным, нелепым вопросом, и немедленно же надобно было отвечать ему такую же нелепостью; кто ответил остро, умно — тот молодец, разумник; кто смутился, замнется — тот немогузнайка. Суворов достиг

своей цели: о нем начали говорить; бесчисленные анекдоты о его проделках дошли до императрицы Екатерины; громадная популярность была приобретена им между солдатами, которые видели в Суворове своего и между которыми более, чем в других классах общества, юродство имело обаятельную силу. Во время упомянутых екатерининских войн, в которых Суворов участвовал с таким блеском, он вполне выказал дух своих военных правил: верно рассчитать, где надобно нанести удар, быстрым движением появиться внезапно перед неприятелем, атаковать его смело и решительно — вот простые правила, которые обыкновенно выражал он сам тремя словами: *глазомер, быстрота, натиск*.

Мы видели, что в конце царствования Екатерины Суворов уже был назначен начальствовать над войском, которое должно было идти на помощь Австрии против французов, но смерть императрицы расстроила дело. Преемник ее объявил, что не будет держаться воинственной политики предшествовавшего царствования, и скоро Суворов подвергся даже сильной опале за медленность в исполнении указов императорских относительно преобразований в войске: он был отставлен и велено ему жить в своей вотчине, в глуши Новгородской губернии, под присмотром полицейского чиновника. Здесь он проводил свое время за книгами, внимательно следил за политическими событиями, играл с деревенскими мальчишками, по праздникам в церкви читал Апостол, пел на клиросе и звонил в колокола. Отсюда-то он был вызван в начале 1799 года, чтоб принять начальство над соединенною русско-австрийскою армиею.

Но Суворов с своими правилами, с своим глазомером, быстротою и натиском вовсе не был таким главнокомандующим, который бы понравился в Австрии, ибо здесь главнокомандующие не могли действовать по своему глазомеру, здесь они должны были исполнять решения придворного военного совета, состоявшиеся заблаговременно в Вене под влиянием первенствующего министра, Тугута, который считал себя знатоком военного дела, вовсе не будучи им.

7. *Торжество Суворова в Италии над Моро и Макдональдом.* 3 апреля Суворов приехал к армии в Верону; 17 числа он перешел реку Адду, поразивши французов в трехдневном бою на ее берегах; 18-го торжественно вошел в Милан, столицу Цизальпинской республики, покинутую французскими чиновниками и приверженцами Франции. Целуя руку у архиепископа миланского, Суворов говорил ему: «Я прислан восстановить древний престол папский и привести народ в послушание монарху его. Помогите мне в святом деле». Первым распоряжением Суворова в Милане было ниспровержение Цизальпинской республики, что поколебало во всей Италии владычество французов, везде поднимался против них народ; таким образом, в две недели по приезде

Суворова к армии положение дел переменялось в Италии. В половине мая был занят Турин; в полтора месяца вся почти Северная Италия была уже очищена от французов, во власти которых здесь оставалась только сильная крепость Мантуа да еще три-четыре крепости; французский генерал Моро должен был отойти за Апеннины и расположился в области Генуэзской, но из Южной Италии шел другой французский полководец, Макдональд. Чтоб не дать ему соединиться с Моро, Суворов поспешил к нему навстречу с необыкновенною быстротою, на реке Тидоне 6 июня вступил в бой, не давши отдохнуть своему войску, и разбил французов. Отброшенный за реку Тидоне, Макдональд отступил к реке Треббии верст на семь назад. Здесь был кровопролитный двухдневный бой (7 и 8 июня); изнуренные зноем итальянского летнего дня, русские едва могли держаться; генерал Розенберг подъехал к Суворову, с тем чтоб посоветовать ему отступление; Суворов лежал в истомлении у большого камня. «Попробуйте сдвинуть этот камень,— отвечал он Розенбергу на его предложение.— Не можете!.. Ну так и русские не могут отступить!» Семидесятилетний старик забыл свою усталость, сел на коня, появлением своим заставил и солдат забыть усталость, и французы были отброшены за реку со страшным для них уроном; ночью Макдональд, найдя невозможным дожидаться нового нападения, начал отступление и тем признал себя окончательно побежденным. Покончив с Макдональдом, Суворов услышал о движениях Моро и с такою же быстротою обратился назад против него, но одно его появление заставило Моро отступить без боя.

8. *Неприятности Суворова от австрийского правительства.* От императора Павла Суворов получал награды и рескрипты в самых лестных выражениях; государь писал, что он изъявляет признательность к великим делам своего подданного, которыми прославляется его царствование. Знаменитый соперник Суворова Моро признавал действия последнего в Италии образцовыми, но недовольны были Тугут и придворный военный совет в Вене. Тотчас после победы на Треббии победитель был огорчен рескриптом императора Франца, который просил Суворова совершенно отказаться от всех предприятий дальних и неверных и о всяком важном предположении своем или действии предварительно доводить до его сведения. Военный придворный совет, с одной стороны, давал Суворову непрошенные уроки в том, что тот сам очень хорошо знал и исполнял, с другой — мешал ему в самых важных распоряжениях: так, фельдмаршал хотел усилить себя пьемонтским войском и приглашал пьемонтцев собираться под свои национальные знамена и сражаться за свободу отечества и законное национальное правительство, но австрийцы никак не хотели согласиться на это и требовали, чтоб пьемонтцы поступали в австрийские полки, на что те никак не соглашались.

Австрийцы приписывали успехи Суворова одному слепому счастью, порицали его действия, находя их противными правилам военного искусства. Зато и Суворов не щадил австрийских генералов. «Служба их,— писал он,— в титулах, амбиции или эгоизме, вредном обществу. Везде гофкригсрат, неискоренимая привычка битым быть... Его римско-императорское величество желает чтоб, ежели мне завтра баталию давать, я бы отнесся прежде в Вену. Военные обстоятельства мгновенно переменяются, для них нет никогда верного плана. Фортуна летит как молния: не схвати за волосы—уже она не возвратится». Австрийцы все хлопотали о сдаче Мантуи; наконец и эта сильная крепость, оплот Северной Италии, сдалась 17 июля; император Павел возвел Суворова в княжеское достоинство с проименованием Итальянского.

9. *Действия русских в Южной Италии.* Между тем русские с успехом действовали и с другого конца в Италии. Французы недогадо нажили спокойно в Неаполе, или Парфенопейской республике. Республика-мать наложила на республику-дочь такую тяжелую контрибуцию, что народ восстал во имя прежнего правительства, все злоупотребления которого забылись при новых бедствиях и несправедливостях. Тогда король Фердинанд прислал для восставших предводителя из Сицилии кардинала Руффо, который был известен больше как солдат, чем как духовное лицо. Лишь только Руффо явился в Калабрию, как тысячи народа начали стекаться к нему, и он образовал ополчение, которое назвал ратью св. Веры, но эта рать св. Веры наполнялась всяким сбродом, беглыми солдатами, преступниками, и потому успех ее везде сопровождался грабежом, насилиями, буйством и развратом. Между тем адмирал Ушаков отрядил небольшую эскадру, которая, плывя около берегов, приводила приморские неаполитанские города в повиновение королю Фердинанду; русский капитан-лейтенант Белле высадился на берег с 390 человек войска и с этою горстью успел утвердиться в самой середине неаполитанских владений; Руффо соединился с Белле, и русские офицеры по просьбе кардинала обучали его нестройные толпы; наконец союзники решились идти к столице. 2 июня ночью русские пробрались в Неаполь; узнав об этом, лаццарони⁹ бросились на республиканские войска с криком: «Да здравствует король!» Толпы Руффо с яростью ворвались в город; всю ночь продолжались убийства, грабежи и насилия. Однако республиканцы сопротивлялись еще два дня, и только к вечеру 4-го числа роялистам удалось овладеть всем городом. Убийства безоружных, пожары и грабе-

⁹ *Итал lazzaroni* (нищие, босяки) В XVII—XIX вв. уничижительное название деклассированных, люмпен-пролетарских элементов в Южной Италии (*примеч ред*)

жи продолжались; только с помощью русских кардинал Руффо успел наконец восстановить спокойствие в городе, когда уже более 2000 домов было разорено, когда улицы были завалены трупами и облиты кровью.

10. Победа Суворова при Нови и поход его в Швейцарию. 15 августа Белле донес Суворову, что неаполитанское владение освобождено от республиканцев. В это время фельдмаршал уже успел одержать новую блистательную и последнюю свою победу. Французское правительство вместо Моро назначило Жубера главнокомандующим французскими войсками, сосредоточенными в Генуэзской области. Жубер поскакал в армию прямо от венца и, прощаясь с молодою женою, сказал ей: «Ты меня увидишь мертвым или победителем». Жубер расположил свое войско на последних скатах Апеннин, подле городка Нови; Суворов напал на него здесь 4 августа, и французский главнокомандующий был убит в самом начале дела; Моро принял начальство, но не мог спасти своей армии от поражения; победители взяли у него почти всю артиллерию и до 4500 пленных. Но в то самое время как Суворов торжествовал над французами в Италии, те под начальством Массены торжествовали над австрийцами в Швейцарии. а между тем союзные дворы составили новый план ведения войны, по которому в Италии должны были оставаться одни австрийские войска, а Суворов должен был двинуться в Швейцарию и соединиться там с русским корпусом, находившимся под начальством генерала Римского-Корсакова; австрийские же войска, находившиеся под начальством эрцгерцога Карла, по мере вступления русских в Швейцарию должны были выходить постепенно из этой страны. Но эрцгерцог Карл, не дожидаясь Суворова, поспешил вывести свои войска из Швейцарии, тогда как Римский-Корсаков с 24 000 войска даже и при содействии 20 000 австрийцев, еще остававшихся в Швейцарии, не мог держаться против 70 000 французов; эрцгерцог хотел и эти 20 000 вывести из Швейцарии, как только вступит туда Суворов, а Суворов мог привести с собою только 20 000 русских. В конце августа он приблизился уже к Швейцарии быстрыми переходами. Не имея точных сведений ни о силах неприятельских, ни о местности нового театра войны, положившись во всем на бывших при нем австрийских офицеров генерального штаба, знакомых с местностью, Суворов выбрал путь через С. Готард, в ненастную погоду (10—13 сентября), при сильном сопротивлении неприятеля. Русские взобрались на С. Готард с невероятным усилием, то подсаживая друг друга, то упираясь штыками. Но, взобравшись на гору, надобно было спускаться с нее: при помощи густого тумана русские скатились на французов и обратили их в бегство, но переход чрез Готард стоил Суворову 2000 человек. Препятствия и опасности только начинались: надобно было пройти

сквозь узкое и низкое отверстие, пробитое в утесах, загораживающих дорогу на правом берегу реки Рейсы, надобно было перейти знаменитый Чертов мост, арку, перекинутую с утеса на утес на высоте 75 футов над бездною, и каждый шаг при этом должно было покупать кровию.

Преодолевая на каждом шагу страшные преграды природные, встречая везде упорное сопротивление от неприятеля, Суворов достиг Альторфа. Но куда идти далее? Дорога, по которой шли до сих пор русские, прекращалась у Люцернского озера; впереди тропинки, в позднее время года доступные только для смелых охотников, привыкших с малолетства карабкаться по громадным утесам и пустынным ледникам. Но Суворов во что бы то ни стало хочет идти к Швицу, где условился соединиться с Корсаковым, и для этого избирает самую трудную тропинку к Муттенской долине: погруженные в сырую мглу, солдаты лезут ощупью, не видя ничего ни снизу, ни сверху; обувь у них избилась, сваливается с ног; сухарные мешки совсем опустели, так что нечем подкрепить истощенные силы. Наконец Суворов достигает Муттенской долины, хочет идти далее к Швицу, но тут получает страшные вести: Корсаков потерпел совершенное поражение при Цюрихе и с огромною потерею отступил к Шафгаузену, а победитель его, Массена, собирает армию к Швицу, чтоб запереть русским выход из Муттенской долины. Массена был твердо уверен, что Суворов со своим 18-тысячным отрядом, окруженный со всех сторон неприятелем, превосходным несравненно в силах, принужден будет положить оружие; выезжая из Цюриха, французский главнокомандующий обещал пленным русским офицерам привести к ним через несколько дней Суворова и великого князя Константина Павловича, находившегося при войске. Суворов хорошо понимал весь ужас своего положения: на военном совете, собранном 18 сентября, он объявил, что со времен Прута русские войска никогда не были в таком безвыходном положении. «Мы среди гор,— говорил он,— окружены неприятелем, превосходным в силах: что предпринять нам? Идти назад постыдно: никогда еще не отступал я. Идти вперед к Швицу — невозможно: у Массены больше 60 000, у нас нет и двадцати; к тому же мы без провианта, без артиллерии... помощи ждать не от кого... мы на краю гибели! Одна надежда на всемогущего Бога да на храбрость и самоотвержение моих войск! Мы русские! С нами Бог! Спасите честь России и государя! Спасите сына нашего императора!» С этими словами старик бросился к ногам великого князя и облился слезами. Из толпы генералов первый послышался голос Дерфельдена, который ручался за храбрость и самоотвержение войска, готового безропотно идти всюду, куда поведет великий полководец. На совете принято мнение великого князя идти к Гларису и, если неприятель преградит дорогу, пробиться силою.

Решение было исполнено. Французы, имея двойной перевес в силах, вместо того чтоб совершенно истребить и забрать всю армию Суворова, как надеялись, сами потерпели совершенное поражение от корпуса генерала Розенберга в Муттенской долине, в то время как Суворов пробивал себе дорогу чрез долину Кленталь к Гларису. 23 сентября у Глариса собралось все, что оставалось от армии Суворова: изнуренные беспримерным походом, продолжительным голодом, ежедневным боем, оборванные, босые войска были без патронов, почти без артиллерии; большая часть обоза погибла, не было на чем везти раненых. 26 сентября русские вышли из гор, и страшный поход швейцарский кончился.

11. *Разрыв России с Австриею и Англиею.* Выведши войско из Швейцарии, Суворов расположил его в Баварии между реками Иллером и Лехом; он еще не считал войну оконченною и готовился к новому походу, но император Павел, приписывая поражение Корсакова преждевременному выступлению австрийских войск из Швейцарии, написал императору Францу, что, недовольный двуличным и коварным поведением австрийского министерства, он разрывает союз; к Суворову государь написал: «Вы должны были спасти царей; теперь спасите русских воинов и честь вашего государя». Разрыв между Россиею и Австриею сильно встревожил лондонский кабинет: английским послам в Петербурге и Вене предписано было всеми силами содействовать примирению обоих императоров. Пнев императора Павла на венский двор был обезоружен видимым раскаянием, с которым император Франц принял известие о разрыве союза; Павел готов был забыть все неприятности и возобновить переговоры о будущей кампании, но под двумя условиями: чтоб Тугут был сменен и чтоб Австрия отказалась от своих властолюбивых замыслов насчет Италии. Но понятно, что Тугут употребил все усилия, чтоб помешать возобновлению союза, который надобно было купить такую дорогою для него ценою; когда Суворов, переведши свои войска из Баварии в Богемию, написал императору Францу, что по первому мановению русское войско готово опять выступить в поход и он сам — пролить последнюю каплю крови для общего дела, то австрийское правительство дало знать, что продолжительное пребывание русской армии в его владениях будет слишком обременительно для края, а в конце года в Петербурге узнали об оскорблении, нанесенном австрийцами русскому флагу. Соединенные русские, австрийские и турецкие войска осадили итальянскую крепость Анкону, находившуюся еще во власти французов; начальник австрийского отряда тайком от русского заключил с французским комендантом договор о сдаче крепости, запретил пускать в нее русских и турок и приказал силою спустить русский и турецкий флаги и поднять один австрийский. В начале 1800 года Суворов вывел свои войска из

Богемии и, простившись с ними в Кракове, отправился в Петербург, где и умер 6 мая.

Порвался союз и с Англиею. Еще в июне 1799-го между этою державою и Россиею заключен был договор, по которому император Павел обязался выставить войско и эскадру; Англия обязалась перевезти русские полки из Ревеля в Англию, присоединить к ним свое войско и взять на себя все издержки экспедиции, целью которой назначалась Голландия, или так названная французами Батавская республика. Русские войска были под начальством генерала Гёрмана, английский — под начальством герцога Йоркского, который был главнокомандующим всеми союзными силами. Эта экспедиция не имела успеха: в сентябре союзники были разбиты в первом сражении при Бергене, взяли верх во втором; но успех не доставлял никаких существенных выгод: ни войска батавские, ни большинство народа не восставали против французов, которые держались очень упорно; потеряв людей много, нуждаясь во всем необходимом, союзники принуждены были покинуть Голландию и возвратиться в Англию (в ноябре). Здесь русские были приняты не очень дружелюбно: их поместили на островах Джерсее и Гёрнсее; они терпели крайний недостаток в самых необходимых предметах, целую зиму оставались без одежды и обуви. Зависть англичан к русским обнаружилась во многих случаях: так, они старались подорвать русское влияние на Ионических островах. Таким образом, отношения между прежними союзниками становились все более и более неприязненными, и в половине апреля 1800 года император Павел отозвал окончательно своих послов из Вены и Лондона.

12. Мир с Франциею и приготовления к войне с Англиею. Между тем во Франции возвратившийся из Египта Бонапарт уничтожил директорию и провозглашен был первым консулом. Летом 1800 года он одною победою при Маренго вырвал из рук австрийцев весь край, завоеванный Суворовым в прошлом году. В то же время Россия сблизилась с Пруссиею в видах действовать против Австрии, между обеими державами заключен был договор с обязательством помогать друг другу войском. Относительно Англии император Павел предложил Пруссии, Швеции и Дании возобновить вооруженный нейтралитет, потому что англичане насильничали на морях, объявив в блокаде все берега Франции, Испании и других союзных с Франциею земель; предложение было принято. Враждебные отношения к прежним союзникам необходимо вели к сближению с прежним врагом. Еще с первых месяцев 1800 года начались сношения императора Павла с Бонапартом посредством берлинского двора. В июле первый консул дал знать, что, желая сделать угодное императору Павлу, освобождает без всякого размена всех русских пленных, находившихся во Франции; мало того, он не хотел иначе отпустить

пленных, которых число простиралось до 6800 человек, как олев их совершенно заново, снабдив полным вооружением и всеми военными принадлежностями. Вследствие этого русское правительство вошло в прямые сношения с французским, причем император Павел дал такой наказ послу своему в Берлине барону Крюднеру: «В особенности поручаю вам соблюдать полную искренность во всех сношениях ваших как с прусским министерством, так и с французскими уполномоченными; объявляйте им прямо и просто мои повеления. Правдивость и бескорыстие и сла могут говорить громко и без изворотов». Основные статьи мирного договора между Россией и Францией были следующие: неприкосновенность владений короля неаполитанского и герцога виртембергского, восстановление короля сардинского (с ост и пленением, однако, Савойи за Францией), вознаграждение курфюрста баварского, также и других германских владетелей за области их на левой стороне Рейна (отшедшие к Франции) посредством секуляризации духовных германских владений по общему соглашению России, Франции и Пруссии.

Кончилась одна война, начиналась другая — с Англиею. Снова снаряжались эскадры, только что возвратившиеся из похода; к западной границе империи стягивались войска. Атаман Донского войска получил приказание собрать своих казаков с артиллериею и выступить к Оренбургу, откуда двинуться потом чрез Хиву и Бухару на реки Инд и Ганг. Цель экспедиции состояла в том, чтобы разорить торговые заведения англичан в Ост-Индии, освободить из-под их власти туземных владетелей и завести в том крае ближайшие связи с Россией. Но среди этих приготовлений смерть застигла императора 11 марта 1801 года. На престол вступил старший сын его Александр Павлович.

13. Внутренняя деятельность императора Павла. Самым важным постановлением императора Павла было учреждение об императорской фамилии, определение порядка преемства престола и отношений между членами императорской фамилии (5 апреля 1797 года). Касательно сословий: в 1797 году велено наказывать дворян, гильдейских граждан, священников и дьяконов телесно за уголовные преступления; указ говорит: «Как скоро снято дворянство, то уже и привилегия до него не касается». Относительно духовенства император Павел выразил желание, «чтоб более священство имело образ и состояние зажности сана своего соответственные». Для этого в консисториях велено быть по крайней мере половине из белого священства; также установлены для него знаки отличия; в селах церковные земли велено обрабатывать прихожанам. По всем епархиям позволено было старообрядцам устраивать церкви и снабжать их священниками, рукоположенными от православных архиереев.

В этом деле особенное участие принимал знаменитый своими талантами и просвещением московский митрополит Платон.

Касательно сельского народонаселения: в декабре 1796 года велено было прекратить самовольный переход поселян с места на место в новороссийских губерниях, куда переманивалось много крестьян из внутренних губерний. В 1797 году в некоторых губерниях взволновались крестьяне по ложным слухам о свободе. В том же году запрещено продавать дворовых людей и крестьян без земли с молотка.

Касательно просвещения: учреждены духовные академии в Петербурге и Казани (1797 г.). В 1798 году император «по причине возникших в иностранных училищах зловредных правил отправление туда молодых людей соизволил воспретить, но, чтоб не ограничить этим способов к образованию, позволено было рыцарству курляндскому, эстляндскому и лифляндскому избрать приличнейшее для учреждения университета место и устроить оный». Вследствие этого в 1799 году основан Дерптский университет. Вообще для всех выезд за границу был запрещен. В 1797 году частные типографии были закрыты и установлена цензура в обеих столицах, в Риге, Одессе и при таможене Радзивиловской; в каждом из этих мест было по три цензора — духовный, гражданский и ученый; пропускались только такие книги, в которых не было ничего закону Божию, правилам государственным и благонравию противного. В 1800 году запрещен был совершенно ввоз книг и музыкальных нот из-за границы; позволено привозить только книги на тунгусском языке, нужные для богослужения бурятам.

ГЛАВА LI

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I

1. Две первые войны с Франциею. Новый император спешил остановить войну с Англиею, не нарушая мира с Франциею. Но мир не мог быть продолжителен: первый консул Бонапарт провозгласил себя императором и рядом побед и завоеваний хотел утвердить новую династию среди воинственного народа, возмужавшего революциею. Россия, отдаленная от Франции обширными пространствами Средней Европы, могла бороться с нею по примеру, указанному в предшествовавшее царствование, т. е. поддерживая войсками своими соседние державы, Австрию и Пруссию, в постоянном союзе с Англиею. Главная причина неуспеха двух первых войн состояла именно в том, что Россия должна была поддерживать эти державы порознь. В 1805 году она поддерживала одну Австрию, потому что Пруссия никак не

согласилась вступить в союз. Австрийцы вследствие своих неловких распоряжений положили оружие при Ульме; вспомогательное русское войско, находившееся под начальством Кутузова, должно было отступать от Инна в Моравию, отбиваясь от напавшего неприятеля; аустерлицкое поражение завершило несчастную кампанию: Австрия должна была заключить мир в Пресбурге на тяжелых условиях.

Пруссия, сделавши одну ошибку, не присоединившись к союзу в благоприятное время, спешила сделать другую: раздраженная тем, что Наполеон не хотел уважать государство, которое не умело показывать себя ни сильным и решительным врагом, ни преданным другом, Пруссия объявила войну аустерлицкому победителю в 1806 году, когда истощенная Австрия не могла и не хотела приступить к союзу. В один день при Йене и Ауэрштедте прусская армия, считавшая себя непобедимою по воспоминаниям о Фридрихе II, была уничтожена, почти вся Пруссия завоевана была в несколько недель; русские одни должны были бороться с Наполеоном; в битвах при Пултуске и Прейсиш-Эйлау они выставили такое сопротивление, какого до сих пор еще не встречал завоеватель, и после решительной победы своей под Фридландом Наполеон поспешил прекратить кровопролитную войну; поражение под Фридландом и отказ Англии дать требуемую денежную помощь и развлечь внимание Наполеона высадкою на берега Германии или Франции принуждали к миру и Россию. Мир заключен был в Тильзите в июне 1807 года: из польских областей, принадлежащих Пруссии, образовано было герцогство Варшавское, отданное королю саксонскому, а Белостокская область присоединена к России; император Александр признавал братьев Наполеона королями неаполитанским, голландским и вестфальским, признавал все другие распоряжения императора французов, уступал ему Ионические острова. Оба императора очень сблизились при личном свидании и обязались помогать друг другу во всех своих войнах.

2. *Война шведская.* Шведский король Густав IV, непримиримый враг Наполеона, рассердился на Россию и Пруссию за Тильзитский мир и выслал их посланников из Стокгольма. За это в начале следующего же года открылась у России война с Швециею. Застигнутые врасплох и рассеянные по всей Финляндии, шведские отряды не могли выставить дружного сопротивления, и в марте вся Финляндия была во власти русских, но у шведов оставался неодолимый Свеаборг; наконец в апреле и эта крепость сдана была своим комендантом. Этим, однако, дело не кончилось, потому что шведы хотели отнять Финляндию у завоевателей, и сначала счастье было на их стороне, но потом осенью граф Каменский разбил шведского генерала Клингспора при Орайвасе; в начале 1809-го русские под начальством Багратиона

утвердились на Аландских островах, под начальством Баркляя де Толли перешли по льду Ботнический залив и заняли Вестработнию. Сильный народный ропот вследствие этих несчастий заставил шведского короля Густава IV Адольфа отказаться от престола; преемник его Карл XIII заключил с Россией мир в Фридрихсгаме 5 сентября 1809 года, по которому Россия приобрела всю Финляндию до реки Торнео с Аландскими островами.

3. *Войны турецкая и персидская.* Еще в 1806 году Наполеон посредством посла своего генерала Себастиани успел вооружить Турцию против России; в 1807 году война началась, как обыкновенно, с успехом для русских, но была приостановлена вследствие Тильзитского мира; здесь оба императора уговорились, что если Турция не заключит мира с Россией в течение трех месяцев, то Россия и Франция будут вести заодно войну против Турции и разделят между собою все европейские владения ее, за исключением Константинополя и Румелии. Осенью 1808 года оба императора опять свиделись в Эрфурте, и здесь Наполеон согласился на присоединение Молдавии и Валахии к России. Возвратясь из Эрфурта, император Александр потребовал у турок Дунайских княжеств как необходимого условия для заключения мира; султан не согласился, и война возобновилась. С 1809 года она велась неудачно для русских, но в 1810-м граф Каменский поправил дело: он дошел до Балкан, одержал над турками блистательную победу при Батыне, недалеко от Рушука. В мае 1811-го Каменский умер; преемник его Кутузов, заманив визиря на левый берег Дуная, нанес ему поражение при Слободзее; турецкая армия была уничтожена, и султан согласился на мир, который был заключен в Бухаресте (16 мая 1812 г.): Россия приобрела Бессарабию. Одновременно с турецкою войною шла война с Персией, которая хотела воспрепятствовать утверждению русского владычества за Кавказом. Война эта, ознаменованная подвигами князя Цицианова, графа Гудовича, Тормасова и Котляревского, прекратилась не ранее октября 1813 года, когда великие жертвы и торжества в борьбе с Наполеоном не давали обращать большого внимания на подвиги русских людей в отдаленном Закавказье.

4. *Причины третьей французской войны.* По соглашению в Эрфурте император Александр во время войны Наполеона с Австриею в 1809 году выставил тридцатитысячный корпус своего войска для содействия французам, за что по окончании войны Россия получила от Австрии небольшую часть Восточной Галиции. Наполеон был недоволен нерешительными действиями русского вспомогательного корпуса. С этих пор неудовольствия все более и более возрастали. Видя, что Наполеон усиливает герцогство Варшавское, император Александр требовал от него обязательства, что Польша не будет восстановлена никогда, но Наполеон уклонялся от этого обязательства. Потом он начал рас-

поряжаться в Европе, как полновластный хозяин, присоединял целые владения или прямо к Французской империи, или к владениям своих братьев. В числе владетелей, лишенных земель своих, находился и дядя русского государя герцог Ольденбургский. Император Александр протестовал, но не получил удовлетворения. В то же время возник и другой спор — по торговле. Наполеон, не имея такого флота, какой нужен был ему для нанесения решительного удара Англии, хотел уничтожить торговлю и благосостояние ее, заперши континент Европы для английских товаров, которые были забираемы и сожигаемы во всех местах, занятых французскими войсками. Россия после Тильзитского мира должна была принять эту так называемую континентальную систему, но не отказалась совершенно от торговли с нейтральными державами: американские суда имели свободный доступ в русские гавани, между тем как английские, покушавшиеся торговать в виде нейтральных, были конфискуемы; этим нанесен был сильный удар русской торговле, вывоз русских сырых произведений уменьшился, вексельный курс и ассигнации упали. Но Наполеон требовал, чтоб и в России введен был тариф, принятый французским правительством, чтоб нейтральные суда не допускались в русские гавани, следовательно, требовал совершенного прекращения русской морской торговли. Император Александр велел отвечать ему, что он намерен свято сохранять союз с Францией и наносить всевозможный вред общим неприятелям, но что и тарифы и прочие внутренние постановления составляют дело частное, которым каждое государство распоряжается, обращая внимание исключительно на пользы своих подданных. Неудовольствие еще более усилилось, когда в конце 1810 года в России издан был новый тариф: некоторые изделия французских фабрик были запрещены, а другие обложены высокою пошлиною, чтоб ограничить вывоз звонкой монеты во Францию за предметы роскоши.

В 1811 году Наполеон уже показывал явно враждебные намерения относительно России, поднимал на нее Швецию, ласкал польских выходцев, собирал войско. Россия также приготовлялась к защите. Французская армия простиралась до 600 000 человек; в ее состав входили войска французские, ломбардские, иллирийские, тосканские, неаполитанские, голландские, австрийские, прусские, баварские, виртембергские, вестфальские, баденские, гессен-дармштадтские, бергские, мекленбургские, испанские, португальские и польские. 10 июня 1812 года Наполеон повестил своим войскам, что «Россия увлекается роком! Она не избежит судьбы своей. Вперед! Перейдем чрез Неман, внесем оружие в пределы России!» 11 июня французы перешли Неман между Ковно и Гродно. Император Александр был в Вильне, когда узнал о вторжении неприятеля; немедленно он дал приказ

армиям, который оканчивался следующими словами: «Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог!» Рескрипт, данный на имя графа Салтыкова, президента Государственного совета, оканчивался так: «Я не положу оружие, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем».

5. *Барклай де Толли и Багратион.* Число войск, которые Россия могла противопоставить Наполеону, простиралось до 200 000 человек. Они были разделены на две армии, из которых первая находилась в Виленской, вторая — в Гродненской губернии. Главнокомандующим первою армиею был военный министр Барклай де Толли, генерал опытный и сведущий в своем деле. Стремление к уничтожению недостатков и злоупотреблений, существовавших в военном управлении, побуждало его к преобразованиям, приносившим несомненную пользу, но вызвавшим неудовольствие и злобу его сильного предместника, графа Аракчеева, который старался вредить ему при всяком случае. Недоверчивость, одна из главных черт в характере Барклая, заставляла его самого делать то, что он мог бы поручить своим подчиненным, и затрудняла ход дел по управлению войсками. Притом Барклай был сух; у него не доставало способности говорить с русскими солдатами, войско и народ считали его иностранцем, что в народной войне было несчастьем. Главнокомандующий был убежден в необходимости избегать значительного сражения, отступать в глубь страны перед превосходным в силе неприятелем, но такой способ действия был противен народному чувству, вселил уныние в войско, и потому Барклай принужден был скрывать свои намерения, иногда объявлял в приказах вовсе не то, что требовалось обстоятельствами и необходимостью.

Главнокомандующим второю армиею был князь Багратион, любимец Суворова, любимец войска; находясь всегда на виду, вступая в бой первым и выходя из него последним, Багратион не знал на войне усталости; уступая Барклаю в образовании и административной опытности, Багратион превосходил его умением одушевлять войска и говорить с русскими солдатами. Действия двумя отдельными армиями на одном и том же театре войны были неудобны; каждый главнокомандующий обращал внимание только на встречаемые им затруднения и не входил в положение другого.

6. *Пожертвования русских в отечественную войну.* Главного успеха надобно было ждать от войны народной. 6 июля император Александр издал манифест: «Да встретит неприятель в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном — Палицына, в каждом гражданине — Минина. Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас

не одолеют». В Смоленске дворянство изъявило готовность выставить двадцать тысяч ратников для земского ополчения. 11 июля государь приехал в Москву и был встречен с восторгом, здесь дворянство определило выставить 80 000 ратников и пожертвовало до трех миллионов деньгами, а купечество — до десяти миллионов; вообще же Россия выставила добровольно до 320 000 ратников и пожертвовала не менее ста миллионов рублей. Но добровольные пожертвования этим не ограничивались. «Пожалуйста, скажите, служивые, когда придет пора зажигать наши дома», — говорили крестьяне солдатам, готовясь при появлении неприятеля истреблять свои жилища.

7. *Смоленск.* Между тем кровь уже лилась на западе: 13, 14 и 15 июля у первой армии происходили битвы под Витебском, стоившие дорого обеим сторонам. Барклай отступил от Витебска по дороге к Смоленску. С другой стороны Багратион, выдержавши жестокий бой с маршалом Даву под Могилевом, двинулся также к Смоленску, и 21 июля оба главнокомандующих свиделись в этом городе. По соединении первой армии со второю предпринято было наступательное движение к Витебску, но едва сделано было несколько переходов, как узнали, что Наполеон стремится к Смоленску, чтоб овладеть им врасплох, зайти русскому войску в тыл, отрезать его и от Москвы, и от южных губерний, но русский отряд, бывший под начальством Неверовского, сдержал авангард французской армии при Красном и дал время корпусу Раевского занять Смоленск. 4 августа Раевский с 16 000 отбил приступ двухсоттысячной неприятельской армии; Барклай положил отступать по Дорогобужской дороге, а для прикрытия этого отступления утомленные войска Раевского были сменены корпусом Дохтурова, который должен был оборонять Смоленск до последней крайности. 5 августа Дохтуров с Ковницыным и Неверовским отбил новый приступ, но Смоленск от страшной канонады, от пожара представлял груды развалин. Дохтуров оставил эти развалины и соединился с отступавшею армиею. Наполеон занял Смоленск, где из 2250 домов уцелело только 350, улицы были завалены телами убитых и раненых. Наполеон увидал, что война в России не будет похожа на войны, которые он привык вести в других странах Европы; посредством пленного генерала Тучкова он попытался завязать сношения о мире, утверждал, что русские ему вовсе не враги, император Александр — друг, что не стоит вести войны из-за кофе и сахара (из-за континентальной системы), что ничего не выйдет хорошего, когда он займет Москву, настоящую столицу России. Ответа ему не было, и он двинулся к Москве.

8. *Кутузов.* Барклай отступал, но не многие понимали необходимость этого отступления, большинство требовало битвы, кричали о предательстве. Двое главнокомандующих сильно

разнились во взгляде: Багратион резко порицал отступление, жаловался, что вся главная квартира наполнена немцами. Император Александр поручил обсуждение дела особому комитету, который решил, что необходимо назначить над всеми действующими армиями одного общего главнокомандующего, и выбор пал на шестидесятисемилетнего Михаила Илларионовича Кутузова. Кутузов сделался известен при Екатерине: был отличен Румянцевым, любим Суворовым, отличился и как дипломат во время посольства своего в Константинополе, недавно прославился блистательным окончанием турецкой войны, был избран в предводители петербургского ополчения. Осторожность, скрытность, хитрость были главные черты в характере Кутузова. Весть о назначении нового полководца с русским именем была встречена с восторгом в войске и народе. 17 августа он приехал в Царево Займище, где находилась тогда главная квартира обеих армий. «Ну как можно отступать с такими молодцами!» — сказал Кутузов, поздоровавшись с почетным караулом. «Приехал Кутузов бить французов», — говорили солдаты; понесся слух, что огромный орел взвился над главнокомандующим, когда он объезжал лагерь; все ждали битвы, неприятель был недалеко, но на другой день вышел приказ — отступить.

9. *Бородино.* На этот раз отступили недалеко, остановились у Бородина, в 108 верстах от Москвы. Здесь 26 августа с небольшим сто тысяч русских вступили в бой со 130 000-ю французскою армиею, на рассвете началось сражение, к вечеру, когда оно прекратилось, с обеих сторон выбыло из строя более 100 000 человек. Ночью Кутузов удостоверился в страшном уроне, в невозможности продолжать на другой день битву, как хотел прежде, и отдал приказ отступать за Можайск, к Москве.

10. *Оставление Москвы русскими и занятие ее французами.* Половиною армии было пожертвовано при Бородине; теперь предстоял страшный вопрос: жертвовать ли остальною половиною для Москвы или пожертвовать Москвою для спасения армии? Кутузов медлил решением этого вопроса. Находясь уже у Вземки, в тридцати пяти верстах от Москвы, он писал к главнокомандующему столицы графу Растищину, что намерен дать второе генеральное сражение у Москвы, и действительно разосланы были офицеры генерального штаба для приискания здесь выгодной оборонительной позиции. 1 сентября русская армия расположилась на биваках в двух верстах от Дорогомиловской заставы; на Поклонной горе на скамье сидел старый фельдмаршал, около него толпились генералы и толковали о невыгоде положения; вечером на военном совете, держанном в деревне Филях, в избе, где остановился Кутузов, решилась судьба Москвы: главнокомандующий велел отступать через столицу на Рязанскую дорогу.

Несмотря на ободрительные афишки Раstopчина, Москва была покинута большею частию жителей; наиболее ценное казенное имущество, важнейшие дела из архивов были также вывезены. Оставшиеся жители надеялись, что Москву не сдадут без боя; 1 сентября, когда генералы совещались на Поклонной горе и на Филых, народ толпами стремился на Три горы, думая, что туда явится Раstopчин и поведет его на французов, как обещал в своих афишках. Но Раstopчин не явился; ночью с 1-го на 2-е число Кутузов дал ему знать о решении оставить Москву. Начали спешить отправлением больных и раненых; пожарные трубы были вывезены; велено разбить бочки с вином на винном дворе, жечь на Москве-реке все барки с казенным и частным имуществом, истреблять комиссариатские запасы; несколько полицейских оставлены были в Москве, чтоб зажечь ее в разных местах 2 сентября на рассвете начали проходить русские войска через Москву, за ними следом явились французы. «Так вот он наконец, этот славный город!» — сказал Наполеон, увидавши Москву с Поклонной горы. Подъехав к Дорогомиловской заставе, Наполеон сошел с лошади и прохаживался взад и вперед, ожидая депутации. Депутация не являлась; пришли несколько иностранцев и объявили, что Москва пуста. Переночевав в Дорогомиловской слободе, 3-го числа утром Наполеон переехал в Кремль и поместился во дворце. Но еще накануне начались пожары, и в ночь с 3-го на 4-е число пламя обхватило большую часть города, в полдень 4-го пожар вспыхнул в Кремле, и завоеватель с большим трудом выбрался за город и поместился в Петровском дворце. В продолжение трех суток сгорело в Москве три четверти домов; большая часть церквей была разрушена либо разграблена. Почти все русские, оставшиеся в Москве, были обобраны до рубашки и лишены последней обуви. Многие из них питались кореньями из огородов или мокрою пшеницею, добытою из барок, севших на дно реки. Французы ели не вкуснее: у костров, сложенных из дорогой мебели, разорванных книг и картин, исколотых в щепы икон, кипели котлы, в которых варилась конина; по улицам валялись головы сахару, мешки с кофе, а хлеба почти ни у кого не было.

Покинутые Москвы жителями, сожжение ее озадачили Наполеона. Он оставался тот же, не потерял ничего из своих гениальных способностей, из своей энергии, но он видел себя в совершенно новой сфере, сбился с обычной дороги. Тщетно затрогивал он императора Александра предложениями о мире: ответа не было; тщетно грозился идти на Петербург: угрозы не действовали. Узнав о потере Москвы, император Александр сказал: «Я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться хлебом в недрах Сибири, нежели подписать стыд моего отечества и добрых подданных, пожертвования которых умею ценить».

11. *Кутузов в Тарутине; партизаны и народная война.* Но отдача Москвы была последнею тяжелою жертвою. В то время как пятинедельная стоянка французов в Москве при сильном грабеже во время пожара довершила беспорядки и неустройства, постепенно развивавшиеся в наполеоновской армии с первого шага ее в пределы России, Кутузов, выступив из Москвы по Рязанской дороге, свернул с нее на Калужскую. 20 сентября он вступил в лагерь при Тарутине за рекою Нарою, прикрыв Калугу, где находились большие склады съестных припасов, Тулу с ее оружейным заводом и обеспечив себе сообщение с южными областями империи. Партизанская война уже началась. Еще когда русская армия шла к Бородину, гусарский полковник Давыдов предложил начать эту войну, столь выгодную при тогдашних обстоятельствах. Обложив неприятельскую армию в Москве сетью своих постов, партизаны затрудняли французам добывание съестных припасов и навели на них такой ужас, что они решались на дальние фуражировки не иначе как под прикрытием сильных отрядов. Кроме Давыдова из партизанских вождей прославились Фигнер и Сеславин; Фигнер не раз перодевался во французский мундир и, разговаривая с неприятелями, выводил от них важные известия. Вместе с партизанскою шла народная война. Сычовский уезд Смоленской губернии прославился истреблением множества неприятелей: здесь предводителем восставших жителей был майор Емельянов; в Гжатском уезде вооруженными крестьянами предводительствовал гусар Самусь; смоленские помещики Энгельгарт и Шубин заплатили жизнью за участие в народной войне: французы расстреляли их в Смоленске. Крестьяне Вохненской волости села Павлова действовали против французов на Клязьме под предводительством своего же крестьянина Курина. Французы в Москве, не имея ни хлеба, ни мяса, стреляли ворон, ели кошек, мясо павших лошадей, вследствие чего терпели от болезней; за недостатком дров, в холодные сырые ночи не разводили огня, отчего опять болезни; а к русскому войску при Тарутине с разных сторон шли обозы: вследствие огромных пожертвований, доставленных жителями подмосковных и южных губерний, солдаты почти ежедневно имели мясо и вино. С каждым днем русская армия усиливалась, а неприятельская ослабевала. 3 октября Наполеон отправил к Кутузову с мирными предложениями; император Александр, получив об этом донесение, отвечал фельдмаршалу: «В настоящее время никакие предложения неприятеля не побудят меня прервать брань и тем ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество».

12. *Выход французов из Москвы.* 6 октября русские начали действовать наступательно: половина армии под начальством Беннигсена напала на французский авангард, стоявший под пред-

водителем Мюрата на реке Чернишне, верстах в десяти от тарутинского лагеря; русским удалось опрокинуть неприятеля и отнять множество пушек. Наполеон делал смотр своим войскам в Кремле, когда получил весть о сражении при Чернишне. Смущенный переходом русских войск от обороны к наступательным действиям, он прекратил смотр и сделал распоряжение к немедленному выступлению из Москвы. Сам Наполеон выехал из нее 7 октября, в Москве оставлен был маршал Мортье с приказанием заечь Кремлевский дворец, казармы и все общественные здания, кроме воспитательного дома, взорвать кремлевские стены. В полночь на 11 октября запылал кремлевский Арсенал и другие здания, раздался страшный взрыв, за которым последовали еще шесть; разрушены были дворец, Грановитая палата, часть колокольни Ивана Великого, Арсенал, стены повреждены были во многих местах, но соборы уцелели. 11 октября, тотчас по уходе французов, генерал Иловайский с казаками занял Москву.

13. Битва при Малоярославце и бедственное отступление французов по Смоленской дороге. Между тем Наполеон шел к Калуге. 11 октября французы заняли Малоярославец, но к этому же городу спешили русские из Тарутина. 12-го загорелся бой; Малоярославец несколько раз переходил из рук в руки, наконец после 18-часового боя французы окончательно овладели развалинами города. Ждали генерального сражения между Наполеоном и Кутузовым, но обе армии в одно и то же время отступили в противоположные стороны; Кутузов, отступая, давал неприятелю возможность идти по стране еще не опустошенной; Наполеон двигался к Боровску, чтоб выйти на разоренную Смоленскую дорогу. Во время этого отступления русские преследовали его с тыла и боков, и холод в последних числах октября начал уже давать себя чувствовать. Генерал Милорадович нанес сильное поражение французам при Вязьме; атаман донских казаков Платов разбил их на реке Вопи близ Духовщины; сражение под Красным с 3 по 9 ноября довершило ослабление неприятельской армии: русские взяли здесь более 26 000 пленных и 126 пушек. Следствия этих битв могли бы быть еще важнее, если б русские действовали решительнее, но Кутузов не хотел рисковать при встрече с первым полководцем века и предоставил холоду и голоду довершить уничтожение неприятельской армии. Морозы особенно начали свирепствовать с 1 ноября: утром при выступлении с ночлегов места расположения армии обозначались трупами, подобно полю сражения; в одну ночь замерзло по 300 человек.

14. Переправа через Березину и очищение России от врагов. Наполеон спешил переправиться за Березину, но ему на переем шли еще две русские армии: с юга под начальством адмирала Чичагова шла так называемая дунайская армия, действовавшая

в турецкую войну; с севера шел граф Витгенштейн, загромождавший сначала французам дорогу к Петербургу и в октябре успешный вытеснить их из Полоцка. По вине Чичагова Наполеону удалось переправиться через Березину, хотя армия его потеряла 20 000 пленными, множество убитыми, почти всю артиллерию и обозы; добыча, набранная в Москве, осталась в руках русских. После Березинской переправы морозы, доходившие до 30 градусов, довершили истребление французов; не доезжая Вильны, Наполеон покинул жалкие остатки своей армии и уехал в Париж.

15. *Заграничная война 1813 года.* Россия была очищена от врагов, но совершена была только половина подвига: император Александр был убежден, что при тогдашнем положении Европы мир одной России с Францией был бы только перемирием, и потому России нужно было напрячь все свои силы для поднятия и освобождения Европы от Наполеона. 1 января 1813 года русские войска перешли границу империи, реку Неман, и в начале февраля достигли Одера. Кутузов-Смоленский умер в Бунцлау в апреле; начальство над войском принял Витгенштейн; император Александр находился постоянно при войске. Пруссия перешла на сторону России, Австрия колебалась, но Наполеон действовал с необычно своею энергиею и весной (20 апреля и 9 мая), поразив союзников в двух битвах при Люцене и Бауцене, заставил отступить к Одеру. Но гений одного человека и силы одного народа не могли ничего сделать против крепкого союза царей и народов, искушенных бедою. После краткого перемирия и неуспешных переговоров на Пражском конгрессе война началась снова, причем Австрия присоединилась к России и Пруссии, Англия обязалась помогать союзникам деньгами и снарядами; Швеция также примкнула к союзу, и наследный принц ее, бывший французский маршал Бернадот, явился с войском в Северной Германии. Силы союзников были разделены на три армии: главную, или богемскую, под начальством австрийского фельдмаршала князя Шварценберга, силезскую под начальством прусского генерала Блюхера и северную под начальством наследного принца шведского. Наполеон поразил главную армию союзников при Дрездене (15 августа), но генерал его Вандам, отряженный в Богемию, в тыл союзной армии, был взят в плен при Кульме (17 августа) благодаря стойкости русских войск, бывших под начальством графа Остермана и Ермолова. Две другие армии, силезская и северная, были также счастливы против маршалов Наполеона; наконец, и сам Наполеон потерпел поражение от сосредоточенных армий союзнических в страшном трехдневном бою при Лейпциге (4, 6, 7 октября): здесь полмиллиона разноплеменного войска билось на пространстве одной квадратной мили при громе 2000 пушек; Наполеон, потерявши около половины своей армии, ушел за Рейн: Германия была освобождена.

16. Война 1814 года. С новым 1814 годом война была перенесена на почву Франции. Наполеон, потерпевший неудачу под Бриенном, поправил было свое положение победами над разделенною силезскою армиею, особенно поражением самого Блюхера при Вошане, но потом Наполеон потерпел неудачу при Лаоне и при Арсис-сюр-Об. Победа союзников при Фер-Шампенуазе открыла им путь к Парижу, к которому они подошли 17 марта. После жестокого боя 18-го числа на высотах Бельвиля и Монмартра, веденного преимущественно русскими, Париж сдался. 19 марта император Александр вместе с королем прусским торжественно вступил в него и в тот же день обнародовал, что ни он, ни союзники его не намерены входить ни в какие переговоры с Бонапартом или с кем-либо из членов его семейства и представляют самим французам учредить у себя правительство. Вследствие этого французский сенат объявил Наполеона низверженным с престола, бурбонская династия восстановлена и Людовик XVIII провозглашен королем, Наполеон отрекся за себя и за сына своего от престола, сохранил императорский титул и получил в управление остров Эльбу. Парижским договором 18 мая 1814 года Людовик XVIII отказался, с очень небольшими исключениями, от всех земель, присоединенных к Франции со времен революции.

17. Венский конгресс и Ватерлоо. В Париже союзники определили созвать конгресс для окончательного устройства политического состояния Европы. Вследствие этого в сентябре 1814 года съехалось в Вену много владетельных лиц и министров их, и с прибытием императора Александра конгресс открылся. Самым трудным для решения вопросом явился здесь вопрос о судьбе герцогства Варшавского и Саксонии. Император Александр требовал всех польских земель, желая дать Польше особое устройство под своею верховною властью; король прусский требовал себе Саксонии, которой король считался лишенным своих прав за союз с Наполеоном. Австрия, Англия и Франция никак не соглашались на эти требования и составили тайный союз против России и Пруссии. Дело, однако, уладилось тем, что император Александр согласился взять только часть Варшавского герцогства, т. е. земли, составляющие теперь Царство Польское, и Пруссия удовольствовалась также частию Саксонии. Между тем, узнавши о сильном неудовольствии во Франции на новое правительство, Наполеон тайно оставил Эльбу, высадился в Южной Франции и быстро прошел до Парижа, не встречая нигде сопротивления; Людовик XVIII должен был бежать из столицы в Бельгию, и Наполеон снова был провозглашен императором. Желая собраться с силами, он дал знать союзникам, что желает мира и готов исполнять все условия Парижского договора, но государи объявили его врагом общего спокойствия,

лишенным покровительства законов. Тщетно Наполеон пытался отвлечь от союза императора Александра, сообщив ему найденный в кабинете Людовика XVIII тайный договор, заключенный против России Австриею, Англиею и Франциею: русский император остался верен общему делу Европы. Немедленно выставлены были против Франции три армии: южногерманские войска под начальством Шварценберга должны были двинуться от Швейцарии, пруссаки с Блюхером — от Нижнего Рейна, англичане и голландцы под начальством Веллингтона — из Бельгии; русское войско, находившееся в это время в Польше, должно было также двинуться на берега Рейна. Наполеон явился с своим войском в Бельгию, но, проигравши битву против Веллингтона при Ватерлоо, вторично отказался от престола и был отвезен англичанами на остров Св. Елены. Людовик XVIII возвратился в Париж. Второе, стодневное, царствование Наполеона обошлось дорого Франции: кроме урезания границ, она должна была заплатить громадную контрибуцию в 800 миллионов и на семь лет уступить союзным войскам 18 крепостей в северо-восточных областях; по настоянию русского императора сбавлено было 100 миллионов контрибуции и сокращен срок занятия крепостей двумя годами. В 1818 году на Ахенском конгрессе, где присутствовал император Александр вместе с императором австрийским и королем прусским, решено было вывести войска союзников из Франции.

18. Священный союз и конгрессы: Тропавский, Лайбахский и Веронский; дела польские; восстание греков и кончина императора Александра. 14 сентября 1815 года по мысли императора Александра подписан был тремя государями, российским, австрийским и прусским, акт так называемого Священного союза. Вступившие в союз монархи согласились: «Как в управлении собственными подданными, так и в политических отношениях к другим правительствам руководствоваться заповедями св. Евангелия, которые, не ограничиваясь приложением своим к одной частной жизни, должны непосредственно управлять волею царей и водительствовать их деяниями как единственное средство, утверждающее человеческие постановления и вознаграждающее их несовершенство. Вследствие сего положили: соединиться узами неразрывного братства и оказывать друг другу во всяком случае, во всяком месте взаимную помощь и доброжелательство, подданных же своих считать как бы членами одного семейства и управлять ими в том же духе братства для сохранения веры, правды и мира».

Следствием союза между сильнейшими государями Европы было прекращение революционных движений, обнаружившихся в разных частях ее. В Испании дурное управление короля Фердинанда VII произвело волнение в войске, сторону которого принял народ, и король должен был согласиться на ограничение своей

власти; то же самое произошло в Неаполе; Португалия и Северная Италия также волновались. Вследствие этого собрался в ноябре 1820 года конгресс в Троппау из уполномоченных России, Австрии, Англии, Пруссии и Франции в присутствии императоров российского и австрийского; потом — в Лайбахе (в январе 1821 года), на который был приглашен и король неаполитанский. Положено было восстанавливать порядок силами союзных войск. Неаполь и Пьемонт были успокоены. Для решения дел испанских собрался конгресс в Вероне в октябре 1822 года, где с согласия пяти держав решено было, чтоб французский король Людовик XVIII послал свое войско за Пиренеи, оно овладело Мадридом и утвердило власть королевскую.

На Венском конгрессе (28 мая 1815 г.) было поставлено: «Герцогство Варшавское присоединяется к Российской империи; оно будет безвозвратно соединено с нею своею конституциею под вечным владением императора всероссийского, его наследников и преемников. Его императорское величество оставляет за собою право предоставить этой области, пользующейся особенною администрациею, такое внутреннее очертание границ, какое сочтет приличным. Поляки, подданные России, Австрии и Пруссии, получат представительство и национальные установления сообразно тому роду политического существования, которое каждое из правительств, ими владеющих, найдет полезным и приличным дать им». 12 декабря 1815 года обнародована была конституция, данная императором Александром Царству Польскому: каждые два года на четыре недели собирался сейм для рассуждения о предлагаемых правительством проектах законов. Сейм состоял из двух камер: сената (епископы, воеводы, кастеляны, назначаемые пожизненно государем) и палаты депутатов (из 77 представителей шляхты и 51 депутата от городов и сельских общин). Благосостояние царства быстро и сильно поднялось. В 1788 году доходы республики (до второго раздела) доходили только до 80 миллионов злотых, а теперь превысили 100 миллионов; император Александр уступил все свои доходы в пользу государства. В 1815 году в царстве было едва $2\frac{1}{2}$ миллиона жителей, а 15 лет спустя — почти четыре миллиона. Несмотря на то, поляки были недовольны: им хотелось отделения от России и восстановления Польши в прежних ее границах, как было до разделов. Революционные движения, происходившие в Западной Европе, усиливали в поляках желание перемены. Уже первый сейм (открытый 15 мая 1818 года) оскорбил императора разными выходками против министров. На втором сейме образовалась сильная оппозиция, и законы, предложенные правительством, были отвергнуты. Для избежания волнений правительство издало дополнительный акт, по которому публичные заседания назначены были только при открытии и закрытии сейма, обыкновенные же заседания должны

были происходить с затворенными дверями. Отсюда сильные жалобы на нарушение конституции, на неисполнение Венского договора, тогда как Венский договор нисколько не говорил о подробностях конституции. Между желавшими перемены поляками образовались партии: аристократическая, носившая название дипломатической, в главе которой был князь Адам Чарторыйский; эта партия действовала тихо, осторожно, выжидая удобного времени, например когда Россия будет вовлечена в опасную войну; демократическая, или академическая, партия, в которой виднее других был известный ученый Лелевель; эта партия действовала посредством школ и литературы и думала достигнуть своей цели посредством восстания народной массы; военная партия хотела произвести революцию посредством войска, отлично устроенного благодаря стараниям великого князя Константина Павловича. Наконец, образовался целый ряд тайных обществ.

В последнее время своего царствования император Александр был сильно озабочен вопросом греческим. В то время, когда европейские народности, восторжествовав над Наполеоном, низложили начало всемирного владычества, которого не терпит новая христианская история,—народность греческая, угнетенная турками, также обнаружила стремление к возрождению. В Вене в 1814 году возникло общество под именем Гетерии, имевшее целью приготовить греков к возрождению посредством образования: располагая большими средствами, оно воспитывало молодых греков в европейских университетах и в самой Греции учреждало народные школы. Один из самых деятельных членов общества был грек с острова Корфу граф Каподистрия, статс-секретарь императора Александра, знаменитый дипломат своего времени. Другим ревностнейшим членом Гетерии был генерал русской службы князь Александр Ипсиланти, сын господаря молдавского. Ипсиланти был из числа тех людей, которые долго чего-нибудь не дожидаются: в 1821 году он явился в Молдавию и призвал греков к восстанию за веру и свободу, следствием чего было движение в Морее и на островах Архипелажских. Император Александр, занятый движениями на Западе, изъявил свое неудовольствие на поступок Ипсиланти, но султан не хотел верить искренности этого неудовольствия и обнаружил неприязнь к России: турки в Константинополе произвели страшную резню между безоружными греками, патриарх Григорий и два епископа были распяты в церкви в самое Светлое воскресенье. Русский посол выехал из Константинополя, и русские войска начали собираться на южных границах. Европейские державы, боясь усиления России на развалинах Турции, успели своим посредничеством задержать войну на четыре года, но не успели образумить турок, продолжавших истреблять христиан. Война была неминуемая, но 19 ноября 1825 года император Александр скончался в Таганроге.

ГЛАВА LII

ВНУТРЕННЯЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

В манифесте о восшествии своем на престол император Александр объявил, что «принимает обязанность управлять по законам и по сердцу Екатерины II, шествовать по ее премудрым намерениям». Немедленно же издан был указ о свободном пропуске за границу иностранцев и русских, как было до 1796 года; потом — о восстановлении дворянской грамоты и городского положения, т. е. отменено телесное наказание относительно дворян и гильдейских граждан; об освобождении от телесного наказания священников и дьяконов; об освобождении в селах прихожан от обязанности обрабатывать церковные земли, ибо эта новая повинность разрывает между прихожанами и духовенством союз мира и любви; уничтожены цензурные постановления предшествовавшего царствования, позволено каждому заводить типографии, как было при Екатерине, а рассматривание книг возложено на гражданских губернаторов, которые употребляют к тому директоров народных училищ. Указом 2 апреля 1801 года уничтожена была Тайная экспедиция; дела ее велено ведать в 1-м и 5-м департаментах Сената. 20 февраля 1803 года — указ об отпуске помещиками крестьян на волю по заключении условий; крестьяне и селения, освобождаемые помещиками с землею, образуют особенное состояние *свободных хлебопашцев*; первый объявил желание отпустить крестьян граф Сергей Румянцев. И Александр в начале своего царствования должен был издать такой же указ, как и Екатерина: «С сердечным соболезнованием замечаем, что пагубное лихоимство или взятки не токмо существуют, но даже распространяются между теми самими, которые бы гнушаться ими и всемерно пресекать их должныствовали».

Относительно раскольников правительство высказало следующие правила: «И разумом и опытами давно уже дознано, что умственные заблуждения простого народа, прениями и нарядными увещаниями в мыслях его углубляясь, единым забвением, добрым примером и терпимостию мало-помалу изглаждаются и исчезают; увещания должны сами собою и неприметно изливаться к ним из добрых нравов духовенства, а чтоб все сие имело более действия и чтоб они лучше почувствовали обязанности их к правительству, прежде всего нужно бы было дать им самим приметить, что оно о них печется. Просвещенному ли правительству христианскому приличествует заблудших возвращать в недра Церкви жестокими и суровыми средствами?»

Чтоб дать духовенству больше средств действовать на народ живыми увещаниями, заботились об устройстве духовных

училищ; средства для содержания этих училищ увеличены дарованием церквам исключительного права продавать в них восковые свечи; учреждена была комиссия духовных училищ; в 1814 году обнародованы уставы академий, семинарий и духовных училищ. Что касается образования мирян, то мы видели, что при Екатерине II начали учреждаться главные и малые народные училища, но большею частью они существовали только по имени; при Александре даны были этим училищам средства к действительному существованию, причем главные народные училища названы гимназиями, а малые — уездными училищами; сверх того, для первоначального образования учреждены училища приходские; основаны педагогические институты в Москве и Петербурге для образования учителей; вызваны из-за границы профессора; прежде существовавшие университеты — Московский, Виленский и Дерптский — преобразованы, учреждены новые в Казани и Харькове, потом в Петербурге.

В первое время царствования Александра самыми приближенными к императору лицами были Новосильцев, Чарторыйский, Строганов и Кочубей. Князь Адам Чарторыйский как поляк, имевший постоянно в виду восстановление Польши в ее старых границах, был особенно вреден для России в звании попечителя Виленского учебного округа, способствуя усилению польского элемента в западных русских областях, воспитывая здесь молодое поколение в польском духе. Вместо прежнего Совета, созывавшегося в важных случаях из лиц, назначенных государем, в 1801 году учрежден был постоянный Государственный совет. В 1802 году учреждены министерства.

С 1806 года получает важное значение Сперанский, выдвинутый преимущественно Кочубеем. Деятельность Сперанского, носившего звание государственного секретаря, но считавшегося первым министром, главным образом заключалась в преобразовании Государственного совета, министерств и в мерах для поправления финансов. В 1809 году по мысли Сперанского запрещено было производить в 8-й и 5-й классы чиновников, не имевших университетского аттестата. В 1812 году по причинам неясненным Сперанский подвергся опале, сослан сперва в Нижний Новгород, потом в Пермь. В 1814 году ему было позволено жить в своей новгородской деревне, потом он был губернатором в Пензе, генерал-губернатором в Сибири. После Тильзитского мира особенным доверием Александра начал пользоваться генерал Аракчеев.

Литература александровского времени славна знаменитым произведением своим — «Историю государства Российского». Первый писатель эпохи, творец нового литературного языка Карамзин посвятил свою деятельность отечественной истории, и все, что мог сделать сильный талант для внешней живописи

событий, все было сделано Карамзиным; мечта Ломоносова сбылась: русская история нашла своего Ливия. Что касается до основного взгляда историографа, то Карамзин был представителем екатерининского века, в который окончательно сложились его воззрения: недовольство эпохою преобразования, недовольство внешним заимствованием форм западноевропейской гражданственности, требование внутреннего нравственного совершенствования, перерождения, требование души, чувства, чувствительности, наконец, вследствие недовольства Петровскою эпохою естественное обращение сочувствия к древней России — все это, встреченное нами в екатерининской литературе, отражается и в «Истории государства Российского». Остановка этой истории на смутном времени, отсутствие подробной истории XVII века, этого моста между древнею и новою Россиею, надолго должны были способствовать распространению мнения, что новая русская история есть следствие произвольного уклонения от прежнего правильного пути, тогда как именно она была необходимым следствием древней русской исторической жизни.

В царствование же Александра I русская историческая литература приобрела другой важный труд: появился Шлецеров Нестор, образцовый опыт критической обработки известий нашей древней летописи. Талантливый и отлично образованный Шлецер был вызван в Россию Мюллером еще в половине XVIII века и посвятил свою деятельность обработке источников русской истории, к которым пристрастился. Неприятности в академии заставили его покинуть Россию, но среди своих обширных занятий в Германии он не мог забыть любимого Нестора и наконец издал его, уже в XIX веке.

ГЛАВА LIII

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА (ДО 1850 г.)

1. Вопрос о престолонаследии и смута 14 декабря. С двадцатых годов XIX века революционное движение обходило Европу; оно созревало повсюду в тайных обществах; в Германии оно обнаруживалось преимущественно в университетах, имевших важное значение в стране; на юге, на полуостровах Пиренейском и Апеннинском, оно вспыхивало в войске; в такой же форме, как на юге Европы, обнаружилось оно и в России. В последние годы царствования императора Александра I в России образовались два тайных общества: на севере, в Петербурге, и на юге, между офицерами расположенной там армии. Эти общества различались в направлении: тогда как в Северном мечтали об ограниченной

монархии, в Южном мечтали о республике, но в том и другом были люди, готовые на всякие крайние средства для произведения переворота. Император Александр уже в Таганроге перед самую кончину узнал подробности плана членов Южного общества. Кончина императора и смута, наступившая после этого по вопросу о престолонаследии, внушила членам Северного общества мысль поспешить исполнением своего замысла посредством военной революции. Смута относительно престолонаследия состояла в том, что так как император Александр не имел детей, то престол должен был принадлежать старшему по нем брату цесаревичу Константину Павловичу, но цесаревич в 1820 году развелся с своею супругою великою княгинею Анною Федоровною, и по этому случаю к закону о престолонаследии было издано дополнительное постановление, что если член императорской фамилии вступит в брак с особою не из царского дома, то он не может передать своей супруге права членов императорской фамилии и дети от этого брака не могут быть наследниками престола. Цесаревич после своего развода женился на графине Грудзинской (получившей титул княгини Лович) и вследствие этого брака счел нужным отказаться от прав своих на русский престол (1822 г.). Тогда император приказал составить манифест (16 августа 1823 г.), в котором объявлял о добровольном отречении цесаревича и о том, что наследником престола должен быть великий князь Николай Павлович; манифест положен для хранения в московский Успенский собор; три других экземпляра хранились в Св. Синоде, в Государственном совете и сенате, с тем чтоб в случае кончины императора манифесты, хранившиеся в Успенском соборе и Государственном совете, были вскрыты прежде приступления к какому-нибудь другому действию. Об этих распоряжениях знали очень немногие, сам великий князь Николай Павлович знал очень неопределенно и вовсе не считал дело решенным. Когда известие о кончине императора Александра достигло Варшавы, то здесь цесаревич Константин Павлович объявил, что императором должен быть не он, а брат его Николай Павлович, и присягнул последнему, но в Петербурге великий князь Николай Павлович, не зная ничего об актах, хранившихся в Успенском соборе и в упомянутых высших учреждениях, счел своею обязанностию присягнуть и других привести к присяге старшему брату Константину как императору и когда узнал достоверно о распоряжении покойного императора, то не согласился остановить присяги, вследствие чего сенатский указ о приведении к ней был разослан по всей империи. Но в народ уже начали проникать слухи о том, что дело еще не решено сенатским указом, что цесаревич отказывается от престола; недоумение и беспокойство овладели всеми; а между тем в разных частях Петербурга ежедневно собирались члены тайного общества; соб-

рания эти были разрешены генерал-губернатором графом Милорадовичем, который был убежден, что у собиравшихся одни чисто литературные дела. Скоро пришло в Петербург из Таганрога донесение об обширном заговоре в армии на юге, по которому император Александр за несколько дней до кончины велел арестовать несколько лиц. 12 декабря великий князь Николай Павлович получил письмо от цесаревича, в котором тот решительно отказывался от престола, и тогда был составлен манифест о воцарении императора Николая I.

14 декабря было назначено днем для обнародования манифеста и принесения присяги новому императору. Накануне между членами тайного общества положено было действовать, но при этом решении не было единства и определенности. 14-го утром, когда гвардейские полки были приводимы к присяге, в некоторых из них обнаружилось сопротивление; подстрекаемые внушениями заговорщиков, что отречение цесаревича мнимое, солдаты схватились за оружие, изранили офицеров, пытавшихся остановить их, и с криками «ура, Константин!» бросились на Сенатскую площадь в сопровождении черни, бессознательно кричавшей то же самое; к слову «Константин» присоединялось иногда слово «конституция». Граф Милорадович подехал к мятежникам и стал уговаривать их, но был смертельно ранен двумя заговорщиками. «Пережить 52 сражения и умереть так!» — говорил старый генерал, одна из знаменитостей 1812 года. Мятежные войска начали стрелять, но верные войска стали все в большем числе сосредоточиваться около императора, выехавшего на площадь. Атаки конницы, направленные против мятежников, не удались; осталась тщетною и попытка высшего духовенства подействовать на них религиозными увещаниями; короткий декабрьский день склонялся уже к вечеру. Император приказал действовать артиллериию; картечь заставила мятежников обратиться в бегство, и Сенатская площадь была очищена в самое короткое время. Ночью несколько членов тайного общества были арестованы. Случилось, что по упомянутому предварительному распоряжению в тот же самый день 14 декабря арестованы были 13 членов Южного общества. Но этот арест не остановил движения на юге; другие члены общества, видя, что заговор открыт, решились поднять восстание и возмутили часть войска уверениями, что цесаревич Константин не отказывается от своих прав и призывает каждого русского к их защите. Возмутившиеся заняли Васильков и оттуда направляли путь к Киеву, но были настигнуты войсками правительства и потерпели совершенное поражение. После того как следственная комиссия раскрыла заговор, верховный уголовный суд нашел виновными 121 человека; из них пятеро подверглись смертной казни повешением.

2. *Внутреннее распоряжение правительства.* Император Николай в самом начале царствования обратил внимание на законодательство. Мы видели, что, начиная с Петра Великого, в каждое царствование предпринимались обширные законодательные работы, и всегда шли они безуспешно относительно главной цели своей, составления уложения; а между тем, чем более развивалось русское общество, тем громче становились вопли на трудности и злоупотребления, порождаемые отсутствием не только уложения, но даже и свода существующих постановлений. Медленность в решении дел была чрезвычайная; по справкам оказалось, что в разных судах империи накопилось 2 850 000 дел и 127 000 подсудимых находилось в заключении; в одной Курской губернии с 1821 года не было приведено в исполнение 660 сенатских указов, кассы не подвергались проверке в продолжение многих лет и отчеты были наполнены неверностями. Император принял законодательные работы в непосредственное свое ведение, учредил в собственной своей канцелярии особое для них отделение (второе) и поручил его человеку, уже трудившемуся над составлением уложения в царствование Александра I и приобретшего опытность вследствие самых неудач своего дела, Сперанскому. Мысль сочинить уложение была оставлена, и положено составить свод действующих законов, без всякого изменения. Для этого первоначально собраны были по возможности все законы, начиная с Уложения царя Алексея Михайловича, и в 1830 году издано «Полное собрание законов Российской империи», в 1833 году вышел свод законов действующих, распределенных в книги по главным предметам дел правительственных и судебных. Потом в 1825 году издано уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

Мы видели, как Петр Великий установил обязательный майорат и как это учреждение было уничтожено при императрице Анне; при императоре Николае позволено было по желанию учреждать майораты. Чтоб остановить стремление промышленных людей в дворянское сословие посредством государственной службы, установлено почетное гражданство; для удобств торговых учреждены коммерческие суды.

Относительно народного просвещения издан новый устав учебных заведений высших, средних и низших. Учреждены были два института: Профессорский для образования молодых людей за границею, с тем чтоб после они могли занимать профессорские кафедры, и Главный педагогический для приготовления преподавателей преимущественно в средние учебные заведения. Вместо упраздненного Виленского университета был учрежден в Киеве университет св. Владимира; учреждены были: Военная академия, Училище правоведения, Технологический институт. Внимание правительства было сильно обращено на военно-учебные заведения. Правительственные издания, издания Археологической комиссии

и Полное собрание законов послужили важною подмогою при обработке отечественной истории. С 1848 года были приняты особые, по обстоятельствам, меры относительно народного образования: число учащихся в университетах ограничено; отправление молодых людей за границу для усовершенствования образования остановлено; философские кафедры в университетах закрыты.

3. *Дела внешние: персидская война.* При императоре Александре после Гюлистанского мира¹⁰ шли споры с Персиею о границах. В самом начале своего царствования император Николай получил от командующего на Кавказе генерала Ермолова известие, что персияне питают против России враждебные замыслы и собирают войско. Император отправил генерала князя Меншикова в Персию уладить дело о границах и во всяком случае переговорами выиграть время, нужное для присылки подкреплений Ермолову, но русский посол нашел шаха Фет-Али в лагере, где собрано было 40 000 войска; палатка князя Меншикова была окружена стражею, все сообщения с ним были пресечены, депеши перехватывались. Сын шаха Аббас-Мирза хотел непременно войны, чтоб воспользоваться замешательствами, последовавшими в России за смертью императора Александра. Муллы призывали народ к священной войне для освобождения мусульманских провинций, угнетаемых русскими, и в половине июля 1826 года персияне перешли границы. Возмущив несколько пограничных ханств, Аббас-Мирза стремился к Тифлису, но в этом стремлении был остановлен сопротивлением крепости Шуши, которая более полутора месяцев задержала под своими стенами неприятеля и дала время генералу Ермолову сделать нужные распоряжения. Отправленные им войска начали удачно действовать против неприятеля, и 13 сентября присланный государем генерал Паскевич нанес персиянам совершенное поражение под Елисаветполем, следствием чего было очищение русских владений от неприятеля. В 1827 году Паскевич начал наступательные действия; Аббас-Мирза терпел постоянные неудачи; в октябре Паскевич взял Эривань, считавшуюся оплотом Персии, потом Тавриз и Ардебиль. Не видя возможности спасти Тегеран, к которому направлялись русские, шах заключил мир. Договор был подписан 10 февраля 1828 года в деревне Туркманчае: Фет-Али уступил России ханства Эриванское и Нахичеванское, обязался заплатить 20 миллионов рублей серебром контрибуции и дать русским подданным значительные торговые выгоды в Персии. Паскевич получил титул графа Эриванского.

¹⁰ Гюлистанский мир завершил русско-иранскую войну 1804—1813 гг. Заключен 5 ноября 1813 г. в селении Гюлистан. Ряд закавказских провинций и ханств отошел к России, она получала исключительное право держать военный флот на Каспийском море; русским купцам разрешалось свободно торговать на территории обоих государств (*примеч. ред.*)

4. *Война турецкая.* Персияне, воюя с русскими, надеялись на обещанную им помощь турецкую, но напрасно. Мы видели, как натянуты были отношения между Россиею и Турциею в последние годы царствования Александра I по поводу греческого восстания. Император Александр, несмотря на враждебные поступки турок, удерживался от войны с ними; он не хотел усиливать подозрения, что греческое восстание произведено по наущению русского правительства, и так как члены Священного союза высказались решительно против революций и действовали против них вооруженною рукою в Италии и Испании, то император Александр не хотел явиться защитником греческой революции и требовал, чтоб другие державы соединенными представлениями заставили султана дать удовлетворение России и прекратить свирепство турок против греков. Но султан Махмуд не хотел слышать о вмешательстве христианских держав в его дела с бунтующими подданными, тем более что Австрия и Англия действовали явно в интересах турецкого правительства. Император Николай хотя обнаруживал полное сочувствие к охранительным началам Священного союза, однако не хотел, чтоб Россия более находилась в несогласных с ее достоинством отношениях к Турции. Вся Европа признавала за Россией право требовать вооруженною рукою удовлетворения за оскорбление своего посланника в Константинополе в начале греческого восстания, за нарушение договоров, за гонение на православную Церковь. Наконец, английское правительство, видя всеобщее сочувствие к греческому делу у себя и в целой Европе, сочло необходимым переменить политику и начало действовать в пользу греков, к ущербу значения России, естественной покровительницы восточных христиан. В марте 1826 года император Николай велел объявить Порте в последний раз свои требования, состоявшие: во 1) в том, чтоб в Дунайских княжествах (Молдавии и Валахии) восстановлен был порядок вещей, установленный договорами между Россиею и Турциею и нарушенный последнею в 1821 году введением турецких войск под предлогом восстания, 2) чтоб Сербия пользовалась всеми правами, выговоренными ей по Бухарестскому миру, и сербские депутаты, задержанные в Константинополе, были освобождены; 3) чтоб турецкое правительство оказало полное удовлетворение по прежним требованиям и для окончательного улажения дел выслало уполномоченных на русские границы. Если через шесть недель не получения ноты турецкое правительство не исполнит этих требований, то русский поверенный по делам оставит Константинополь. Представления посланников важнейших европейских дворов, особенно английского, заставили Порту исполнить требования русского императора, но потом она стала протягивать время, и только в конце июля в Аккермане начались конференции уполномоченных. Дело кончилось тем,

что 26 сентября турецкие уполномоченные подписали следующие статьи: 1) Бухарестский договор подтверждается; 2) подтверждаются права и привилегии Молдавии и Валахии; правление в каждом из Дунайских княжеств вручается на семь лет господарю, избираемому дворянским собранием, господарь управляет независимо от Порты при участии совета из бояр и не может быть сменен без согласия России; 3) места на азиатских границах, за которые происходил десятилетний спор, уступаются России; 4) Порта обязывается в течение года уступить сербам все права и привилегии, означенные в Бухарестском договоре; 5) удовлетворяются долговые иски русских подданных на турецком правительстве; 6) русские корабли свободно проходят из Черного моря в Средиземное.

Порта уступила здесь, но не уступила ничего в греческом вопросе, несмотря на требования знаменитого своим настойчивым характером английского посланника Стратфорда Каннинга. Между тем приехал в Константинополь русский посланник Рибопьер, и тогда оба посланника, русский и английский, объявили Порте требования своих дворов относительно греков (февраль 1827 года): Порта удерживает над Грецией верховную власть, Греция платит султану ежегодно дань, но получает совершенно независимое внутреннее управление, причем находящиеся в Греции турки должны выселиться. Порта отвергла требования. Тогда три державы — Россия, Англия и Франция — заключили в Лондоне договор 24 июня (6 июля): условились снова сделать Порте означенные предложения (февральские) и требовать прекращения военных действий с обеих сторон; если которая-нибудь из воюющих сторон не согласится на перемирие в продолжение месячного срока, то три договорившиеся державы для достижения своей цели принимают соответствующие обстоятельствам меры. И коллективная нота трех держав не имела действия: Порта отвечала, что решилась никогда не допускать чужого вмешательства в свои внутренние дела, и вслед за тем сильный турецкий флот повез в Морею новое войско. В Архипелаге находились тогда три эскадры: английская под начальством адмирала Кодрингтона, французская под начальством Риньи и русская Гейдена; начальники эскадр получили от своих правительств предписание соединенными силами препятствовать продолжению войны. Когда начальник турецкого флота Ибрагим-паша расположился в Наваринской гавани, чтоб оттуда начать действия против греков, то английский адмирал первый явился пред Наварином; потом присоединился к нему французский, и оба вступили в переговоры с Ибрагим-пашою, требовали прекращения военных действий, грозили, что в противном случае будут принуждены истребить турецкий флот, говорили, что Франция и Англия никогда не действовали враждебно против Турции и теперь вступили

в союз только для того, чтоб помещать честолюбивым планам русского императора, который хочет восстановить Восточную римскую империю. Ибрагим-паша отвечал, что он ничего не знает о тройном союзе и что его обязанность — защищать султана. Ибрагим начал опустошительную войну против греков, а между тем к английской и французской эскадрам присоединилась и русская; союзники дали битву турецкому флоту и в четыре часа истребили его (8 октября 1827 года).

Наваринская битва только раздражила турок и нисколько не ослабила их упорства; посланникам трех союзных держав было объявлено, что покорность греков остается единственным основным условием мира, вследствие чего посланники потребовали своих паспортов. Турки с жаром начали готовиться к войне, и злоба их преимущественно была обращена на Россию, что высказалось в султанском манифесте. «Известно, — говорилось в манифесте, — что магометане питают врожденную ненависть к неверным; известно, что последние суть враги ислама, и именно русские, которые 60 лет пользуются всяким удобным случаем, чтоб нападать на Турцию, и должны считаться главными врагами Порты. Они составили заговор с своими единоверцами греками, чтоб стереть имя мусульманское с лица земли. Мы заключили с ними вредный для нас договор Аккерманский, но они этим не удовольствовались, вооружили против нас и других франков».

Это было в декабре 1827 года; в апреле 1828-го русский император объявил, что не думает о разрушении Оттоманской империи и о распространении пределов своей, что готов удержаться от войны, если Порта обеспечит прежние договоры и исполнит требования союзников по делам греческим. Ответа не было, и война началась. Русские полки заняли Молдавию и Валахию, в присутствии самого государя перешли Дунай; сильные крепости Браилов и Варна были взяты. С другой стороны, в Азии, граф Паскевич взял штурмом знаменитую крепость Карс, поразил турок под Ахалцыхом и овладел последним с страшным кровопролитием; все это было сделано, по Румянцевскому и Суворовскому примеру, с самыми ограниченными средствами. Так окончилась в Европе и Азии кампания 1828 года.

В начале 1829 года начала было грозить новая война, персидская: в Тегеране возмущившаяся чернь умертвила русского посланника Грибоедова (знаменитого автора «Горя от ума») с большею частью свиты; шах стал собирать войска на границах; султан спешил войти с ним в переговоры, но шах скоро одумался и прислал внука своего Хозрев-Мирзу в Петербург просить императора предать забвению тегеранское происшествие. Султан остался одинок. В июне 1829 года Паскевич поразил две турецкие армии и овладел богатым Арзерумом. В Европе за болезнью фельдмаршала Витгенштейна принял начальство над войском

граф Дибич. Новый главнокомандующий в мае поразил великого визиря при Кулевче: турки потеряли 5000 убитыми, весь обоз, артиллерию, знамена. После падения Силистрии, запретив разбитого визиря в Шумле, Дибич перешел за Балканы и занял Адрианополь (8 августа).

Вся тяжесть войны пала, таким образом, на Россию; ей одной и принадлежала слава освобождения Греции, ибо только успехами русских войск сломлено было упорство Порты относительно требуемого Европою решения греческого вопроса; легкие подвиги французского отряда в Морее не могли иметь никакого влияния. Что же касается до других держав, то в Англии сильно жалели о Наваринской битве, поведшей к разрыву. Англия и Австрия трепетали перед успехами русских войск в Турции и в то же время хлопотали о сокращении пределов будущей независимой Греции. Австрийский канцлер Меттерних предлагал соединенными усилиями четырех держав — Австрии, Англии, Франции и Пруссии — принудить Россию к миру с Турцией и предписать его условия; этому плану воспротивилась Франция: здесь общественное мнение было в то время за Россию, и король Карл X объявил, что если Австрия начнет враждебные действия против России, то Франция объявит войну Австрии. Еще в 1828 году Порты объявила, что согласна переговаривать о греческих делах с уполномоченными западных держав, и летом 1829 года посланники английский и французский приехали в Константинополь. Когда пришло известие о занятии Адрианополя, Порты, по совету посланников западных держав, решила просить мира и объявила, что относительно Греции приступает к Лондонскому трактату. 2 сентября в Адрианополе был подписан мирный договор: европейские границы обеих держав были определены рекою Прутом и по соединении ее с Дунаем, этою последнею рекою до Георгиевского устья; острова на Дунайской дельте должны принадлежать России; на азиатской границе Россия удерживала за собою крепости Анапу, Потю, Ахалцих и Ахалкалаки. Молдавия, Валахия и Сербия пользуются всеми привилегиями и вольностями, выговоренными в Аккерманском договоре. Русские подданные пользуются полною свободою торговли в турецких областях; русские корабли и корабли всех находящихся с Турцией в мире наций под торговым флагом свободно проходят через Дарданеллы и Босфор; Турция обязана вознаградить русских купцов за прежние их потери, 1 500 000 голландских червонцев, и выплатить за военные издержки значительную сумму денег.

5. *Война с польскими повстанцами.* Мы видели, что Россия находилась в дружественных отношениях к Франции. Эти отношения при дружественных же отношениях Пруссии сдерживали постоянно враждебные замыслы Австрии и Англии. Но в 1830 году июльская революция, свергнувшая старшую линию Бурбо-

нов с французского престола, повела к перемене отношений. Новое правительство (Людовик Филипп Орлеанский) как происшедшее из революции уже по этому самому не могло снискать расположение императора Николая, постоянно верного консервативному принципу, тем более что вследствие французской революции возникли революционные движения и в других странах, и главное — в Польше.

Члены польских тайных обществ входили в сношения с членами русских, толковали о необходимости соглашения, но ограничивались одними толками, ибо цели были разные; русские имели в виду внутренние перемены в России, а поляки — восстановление независимой Польши в прежних ее пределах. Признания русских заговорщиков снова указали правительству на существование тайных обществ в Польше. Назначена была следственная комиссия для Польши; по признанию арестованных, они имели целью произвести восстание всею народною массою и ввести конституцию 3 мая, как скоро Россия будет занята какою-нибудь опасною войною. Произнесение приговора государь поручил польскому сенату, который не мог действовать беспристрастно в деле, считавшемся польским национальным делом; сенаторы оправдали обвиненных, что послужило поощрением к дальнейшим революционным движениям. Князь Чарторыйский, возвратившийся из-за границы в Варшаву, и Лелевель стали действовать смелее, особенно когда Россия в 1828 году начала трудную турецкую войну, на которую неодобрительно смотрели другие европейские державы. Подпоручик Высоцкий основал тайное общество из молодых офицеров и воспитанников военных школ. Таким образом, французская революция, вспыхнувшая в июле 1830 года, нашла Польшу готовою подражать примеру Франции, в которой поляки надеялись найти поддержку. Заговорщики рассеялись по областям, составлявшим прежнее Польское королевство, для возбуждения восстания. В Варшаве городским жителям говорилось, что все войско готово к восстанию, военных уверяли, что все горожане дружно поддержат революцию. 16 ноября 1830 года заговорщики из офицеров собрались и одобрили цели восстания, состоявшие из трех главных пунктов: умерщвление цесаревича Константина Павловича, захват арсенала и обезоружение русских войск. На другой день, вечером 17 ноября, заговорщики ворвались во дворец (Бельведер), умертвили несколько близких к великому князю лиц, но сам цесаревич успел удалиться к войску. Арсенал был захвачен заговорщиками и разграблен; оружие роздано черни, возбужденной криками заговорщиков, что русские режут поляков, жгут и грабят город. Для наказания несправедливости этих криков русские войска были оставлены в бездействии и таким образом потеряна была возможность утушить восстание в его начале. Ночью князь Любецкий созвал членов

административного совета, присоединивши к ним еще несколько влиятельных лиц, и предложил им войти в переговоры с цесаревичем; великий князь приказал объявить ему, что он отступает и предоставляет полякам самим согласить свои недоразумения. Русские войска действительно очистили Варшаву, что подняло дух революционеров и отняло значение у существующих властей и людей умеренных. Революционеры начали стремиться к совершенному разрыву с Россиею. Начальство над войском было поручено имевшему по своей службе и характеру почетную известность генералу Хлопицкому, но, видя умеренность действий Хлопицкого и административного совета, революционеры составили патриотическое общество с публичными заседаниями в городской ратуше; цель комитета состояла в том, чтоб направлять общественное мнение и поддерживать революционное движение; Лелевель был назначен президентом общества, которое действовало посредством ежедневной газеты «Патриот», раздаваемой безденежно, посредством зажигательных стихотворений и посредством возбуждения надежд слухами о затруднительном положении России и Пруссии и о готовности Франции и Австрии поддержать польскую независимость.

С самого начала обозначились уже две партии: умеренная, желавшая сохранить связь с Россиею и устройство, данное императором Александром, только с большею правильностию в управлении, и демократическая, требовавшая нового устройства, по началам, провозглашенным во Франции, и восстановления независимой Польши с русскими областями на востоке, с западною Пруссиею и Помераниею, частью Бранденбурга и Силезии на западе. Между тем польская армия, устроенная цесаревичем Константином Павловичем, окончательно перешла на сторону революции, что заставило великого князя с русскими войсками двинуться из окрестностей Варшавы и оставить Польшу; сдана была и сильная крепость Модлин, заключающая в себе огромные военные запасы, которые дали возможность революционерам вести продолжительную борьбу с Россиею. Административный совет перестал существовать; образовалось временное правление, замененное впоследствии высшим национальным советом Генерал Хлопицкий, видя анархические движения демократов, отражавшиеся и в войске, объявил, что слагает с себя звание главнокомандующего; тогда принуждены были провозгласить его диктатором. Против Хлопицкого, к которому примыкали умеренные, стал Лелевель с товарищами, не выпускавшими из рук направление народных революционных движений, тогда как Хлопицкий старался больше всего о примирении с русским правительством, не имея никакой надежды на успех борьбы с Россиею. Для переговоров с императором отправились в Петербург князь Любецкий и граф Езерский, тогда как Лелевель требовал

возмущения Литвы и наступательного движения на Россию, ибо революция, по его словам, должна нападать, чтоб иметь успех. Партия войны взяла верх, и в январе 1831 года Хлопицкий сложил с себя диктатуру. Когда он настаивал на недостаточность средств Польши к борьбе и ему предлагали усилить войско косиньерами, то он отвечал: «Ведите сами войну с вашими косарями, а мне их и даром не надобно». Собрали сейм, и главнокомандующим был провозглашен князь Радзивил, человек слабый, без военных способностей; избрание его сопровождалось криками: «В Литву! В Литву!»

13 января в заседании сейма возвратившийся из Петербурга граф Езерский¹¹ сообщил о своем разговоре с императором, который сказал ему: «Я царь польский и хочу им остаться, но я не могу допустить ничего, что имело бы даже вид уступки, в особенности если ее требуют от меня в минуту бунта и с оружием в руках. Могу ли я, законный ваш царь, вступить в унижительные переговоры с моими подданными? Будь я только польским царем, я бы находился теперь среди вас, а как русский император, я должен обратить внимание и на другие интересы; я не могу упустить из виду честь и достоинство великого государства. Возможно ли требовать, чтоб я все предал забвению? Разве в Варшаве не было совершено убийств? Разве не покушались на жизнь моего брата? От меня требуют, чтоб я уступил присоединенные к империи прежде бывшие польские провинции. Такая мысль никогда не могла прийти мне на ум; угрозами еще менее можно достигнуть того, что составляет дело немислимое. Каким образом я могу одно из государств, стоящих под моим скипетром, возвышать на счет другого? Пусть только поляки положатся на меня, и они будут счастливы». Император объявил, что в качестве польского царя он считает свою обязанностью подавить возмущение и наказать преступников, и если нация вооружится против него, то поляки своими же пушечными выстрелами низринут Польшу. После этих сообщений Езерского и зажигательных речей, говоренных по их поводу, сейм провозгласил императора Николая и всех членов фамилии Романовых лишенными польского престола. Учреждено было правительство из 5 членов под председательством князя Чарторыйского. Иностранные правительства более или менее холодно отнеслись к польскому делу, и полякам нужно было самим позаботиться о себе, когда пришло известие, что русские войска перешли границы царства.

Русская стотысячная армия находилась под начальством фельдмаршала графа Дибича-Забалканского. Фельдмаршалу доносили, что «евреи, немцы и среднее сословие встречают русских

¹¹ Князь Любецкий остался в Петербурге.

с радостью как восстановителей порядка, простой народ совершенно равнодушен и желает только покоя, но шляхта и духовенство употребляют все усилия для его возбуждения. Обезоружение хотя и приводится в исполнение в городах беспрепятственно, однако везде находят скрываемое оружие, и предводители, видимо, выжидают только удобного случая удаления русских войск для открытого восстания. На лицах чиновников и шляхты написана скрытая ненависть, хотя они и встречают русских с полным смирением; если мы будем счастливы в наших действиях, то нам нечего бояться; в случае же неудачи мы должны опасаться всего». 13 февраля в окрестностях Варшавы при селе Грохове произошло кровопролитное сражение, в котором поляки были побеждены; Варшава пришла в ужас; экипажи, наполненные беглецами, спешили за заставу; русские войска готовились к штурму на следующее утро, но вместо штурма отдано приказание об отдыхе. Поляки ободрились, чему много способствовал своею деятельностью новый главнокомандующий Скржинецкий, выбранный на место Радзивила, доказавшего под Гроховом свою неспособность.

Фельдмаршал думал, что после гроховского поражения поляки покорятся без дальнейшего кровопролития; действительно, Скржинецкий завел переговоры, но фельдмаршал требовал безусловной покорности, а поляки требовали надлежащих ручательств в прочности своих прав, и переговоры прекратились; революционеры больше всего надеялись на иностранное вмешательство, на помощь Австрии. Поляки воспользовались бездействием русской армии после Гроховской битвы и пополнили свое войско до 80 000 человек. С открытием военных действий, в новых битвах русская армия терпела численный урон, удалялась от Варшавы, а это уменьшало доверие к главнокомандующему. Литва, возбуждаемая эмиссарами из Польши, при малом числе русских войск, волновалась. В Вильне образовался тайный центральный революционный комитет; россиенская шляхта первая подняла восстание, овладела своим уездным городом и образовала временное правительство, которое объявило, что распространяет свою власть на все области, отнятые русскими, на Курляндию, Лифляндию, Эстляндию, Смоленск, Чернигов и Киев. Восстание обхватило всю Литву; повстанцы образовали всюду шайки, которые грабили, вешали, расстреливали всех, кто не принимал участия в их деле, освобождали рекрут и арестантов, хватали русских чиновников, овладевали казначейными кассами, оружием, военными запасами, прерывали почтовые сообщения. Но литовское восстание встречало важное препятствие в том, что не имело средоточия: Вильна была в русских руках и не вышла из них даже и тогда, когда польское войско из царства вошло в Литву: это войско было разбито под Вильною в июне месяце,

а в июле поляки были вытеснены из Литвы. Шляхта приготовилась к восстанию на Волыни и в Подолии, но здесь она не могла действовать с успехом, ибо все низшее народонаселение страны и духовенство состояло из русских; шляхта призвала к себе из царства известного польского генерала Дверницкого, но русские войска под начальством генерала Ридигера прогнали Дверницкого в Галицию.

«Вместе с Дверницким счастье нас покинуло»,— говорили поляки. Они жаловались на медленность и робость своего главнокомандующего Скржинецкого. Скржинецкий бросился со всем своим войском на гвардейский корпус, стоявший между Бугом и Наревою, но не нанес ему ни малейшего вреда; гвардия отступила в порядке, а поляки только истомились. 14 мая Скржинецкий встретился с главною русскою армиею при Остроленке и после долгой и упорной битвы потерпел поражение. Между тем Варшава, несмотря на опасности, грозившие ей после битвы при Остроленке, волновалась ожесточенною борьбою партий, аристократической и демократической, по вопросу, нужно ли сосредоточить власть в руках одного или оставить прежнее правление. Успехи русской армии обеспечивались со всех сторон, но среди ее движения к Варшаве 29 мая граф Дибич умер от свирепствовавшей тогда холеры.

Преемником Дибича был назначен граф Паскевич-Эриванский. 7 июля новый главнокомандующий переправился через Вислу. Между тем на сейме революционная партия взяла верх, потому что в число депутатов введены были повстанцы, бежавшие перед русскими из Литвы, Подолии и Волыни: потерявши все на родине, эти люди только в крайних мерах ждали себе спасения. Варшаву сильно укрепляли, городские жители, ксендзы, женщины должны были участвовать в работах; выпустили бумажные деньги, взяли церковное серебро, жители должны были отдать правительству всю свою серебряную посуду; эти меры возбуждали сильное неудовольствие. Тяготились нерешительным положением и обвиняли главнокомандующего Скржинецкого в медленности, в неумении или нежелании остановить русских, приближавшихся к Варшаве. Революционная партия, не терпевшая Скржинецкого как умеренного, воспользовалась общим неудовольствием и свергла главнокомандующего. Но наверху все еще оставались умеренные, аристократы, Чарторыйский с товарищами; чтоб низвергнуть правление, революционеры проводили в народ мысль, что слабость правительства виною всех несчастий Польши; надобно действовать энергически, террором, по примеру французских революционеров, против людей равнодушных, желающих примирения. Несколько лиц, в том числе генералы, были заподозрены в измене; суд оправдал их, и, несмотря на то, их держали в заключении. 3 августа вспыхнул мятеж, толпы

ворвались в замок, где содержались заключенные, и умертвили их зверским образом. Правление в ужасе рассеялось; князь Чарторыйский, переодетый конюхом, бежал в лагерь. Толпы продолжали истреблять в разных местах указанных демагогами людей. Для прекращения резни и смуты поспешили провозгласить губернатором Варшавы генерала Круковецкого, который давно уже интриговал и ждал случая захватить власть. Бывшее правление было уничтожено; сейм по образцу Североамериканских Штатов отдал исполнительную власть президенту и ответственным министрам, и президентом был провозглашен Круковецкий. Главнокомандующим был назначен для вида старик Малаховский, но всем распоряжался президент.

В таком положении находились дела, когда граф Паскевич приблизился с войском к Варшаве. Перед приступом испытаны были примирительные средства; полякам дано было знать, что если император немедленно будет признан королем и поляки не будут настаивать на соединении с литовскими и западнорусскими губерниями, то все остальное они легко могут получить. Поляки отвечали, что они подняли оружие за независимость своей нации в границах, которые они в прежнее время завоевали у русских. «На подобные вещи можно отвечать только пушечными выстрелами»,— сказал русский фельдмаршал, и 25 августа назначен был штурм. 25 августа русские овладели селением Волею, всего сильнее укрепленным, и первую линию укреплений. На другой день рано утром происходили личные переговоры между графом Паскевичем и Круковецким. Русский фельдмаршал предложил условия: «Безусловная покорность армии и нации; немедленная сдача Варшавы, моста через Вислу и Праги, удаление польской армии в Плоцк». Ответа положили дожидаться до часа пополудни, но сейм провел условленное время в бесполезных прениях, и в половине второго часа военные действия начались. Когда укрепление за укреплением стали переходить в русские руки, то Круковецкий, получивший от сейма полномочие для переговоров, написал в 6 часов вечера письмо государю с изъявлением безусловной покорности. Но этим дело не кончилось, потому что на сейме сменили Круковецкого, выбрали нового президента, Немоевского, который ушел из Варшавы скоро после своего избрания, и в такой смуте только на рассвете другого дня главнокомандующий Малаховский с генералами обязались очистить Варшаву. В 7 часов утра 27 августа русские полки вступили в город. Но польское войско, очистив Варшаву, не думало покоряться; при нем находилось и правление с президентом Немоевским; единодушия не было, главнокомандующие менялись; Немоевский, главный виновник сеймовых смут в Варшаве, и теперь был их виновником в войске. Наконец в сентябре Немоевский с другими членами правления ушел за

прусскую границу; войско, преследуемое русскими, перешло туда же; другие корпуса перешли чрез австрийскую границу, и война в восемь месяцев была окончена. Граф Паскевич-Эриванский получил титул князя Варшавского.

6. *Следствия польского восстания.* Следствием восстания была потеря конституции, данной Польше Александром I. Устройство Царства Польского в общих чертах приблизилось к устройству русской империи. В челе управления поставлен Совет, состоявший под председательством наместника из директоров комиссий, соответствующих министерствам империи. Государственный совет, также под председательством наместника, занимался рассмотрением новых законов, годовой сметы доходов и расходов, соображением средств к лучшему устройству края. По указанию опыта уничтожено было главное средство к успеху последующих восстаний, уничтожено было отдельное польское войско.

7. *Уничтожение унии.* В русских областях, возвращенных от Польши Екатериною II, уничтожено было явление, сильно напоминавшее польское владычество,—уния. Возвращение униатов к вере предков, столь сильное при Екатерине, остановилось в два последующих царствования; католическое движение стало усиливаться, и уния держалась тем крепче, что Церковь униатская в России вместе с Церковью римско-католическою находилась в заведовании одной коллегии. В царствование императора Николая еще в 1828 году управление униатскою Церковью было отделено и сосредоточено в особой коллегии, которая должна была охранять униатскую Церковь от наплыва католических обрядов и обычаев и восстанавливать прежние греко-русские уставы и обычаи. В 1838 году сделан был новый шаг: заведование делами униатской Церкви поручено было обер-прокурору Св. Синода. В 1839 году униатские епископы и знатнейшее духовенство, собравшись в Полоцке, постановили просить государя императора о дозволении униатам «присоединиться к прародительской православной Всероссийской Церкви». Св. Синод определил: по правилам св. отец принять епископов, священников и всю паству греко-униатской Церкви в полное и совершенное общение св. православно-католической восточной Церкви и в нераздельный состав Церкви Всероссийской.

8. *Отношения к Турции.* Польское восстание имело важное влияние на внешнюю политику России, содействуя более всего охлаждению между Россиею и Франциею. Общественное мнение во Франции было на стороне поляков, и правительство из угождения ему своим неловким вмешательством раздражало русского императора: так, оно старалось склонить другие дворы сделать ему соединенные представления насчет дружелюбного улажения дела с повстанцами; французское правительство толковало, что европейские державы имеют право вмешиваться в польские дела

на основании постановлений Венского конгресса. В палате депутатов произносились враждебные для России речи в пользу Польши; король в тронной речи отзывался о ней сочувственно. Когда получено было известие о Гроховской победе, толпа в трауре по убитых поляках бросала камнями в дом русского посланника и перебила окна. Так как и после утешения польского мятежа Франция продолжала высказывать свое сочувствие к Польше и вообще смотрела на Россию как на главную противницу тех либеральных стремлений, которых считала себя представительницей, то это вело неминуемо к охлаждению между русским и французским правительствами; охлаждение же к Франции вело, естественно, к сближению между Россией и Англией, к старанию действовать сообща против Франции, что преимущественно обнаруживалось в восточных делах.

Несмотря на старания западных держав поддержать разрушающееся здание Турецкой империи, чтоб не допускать усиления России, признаки распада Турции обнаруживались постоянно. Греция стала независимым королевством в 1830 году, а в 1831 году восстал против султана самый сильный магометанский вассал его Мегмед-Али, паша египетский. Египетское войско под начальством сына Мегмедова Ибрагима заняло Сирию и Малую Азию и в двух битвах истребило армию султана. Европейские державы должны были вступить в дело. Франция, ввиду того что истощенное правительство султана не устоит пред сильным и энергическим Мегмедом-Али и желая получить важные выгоды при перемене, держала сторону египетского пашы; Англия по соперничеству с Францией желала поддержать султана; того же хотела и Россия, причем не ограничилась одними представлениями у Мегмеда-Али: по просьбе султана русский флот быстро явился пред Константинополем, и 10 000 пехоты расположились лагерем на азиатском берегу. Англичанам и французам это очень не понравилось; сам султан был сильно напуган помощью от страшной руки; французский посланник грозил Порте разрывом, если русские корабли не удалятся из Босфора. Но дело было сделано: Мегмед-Али не решился иметь дела с Россией и отозвал свои войска из Малой Азии, и русское влияние усилилось в Константинополе. В 1839 году борьба между султаном и пашою египетским возобновилась, и опять паша торжествовал на сухом пути и на море. Россия вместе с Англией, Австрией и Пруссией поддерживала по-прежнему султана (Абдул-Меджида, сына Махмудова), Мегмед-Али должен был согласиться на безусловную покорность султану; Франция осталась одинокою и утратила свое влияние на Востоке. Хотя Россия во всех этих событиях была заодно с Англией, однако последняя сильно ревновала к влиянию России в Константинополе и не упускала случая усиливать свое влияние.

9. *Венгерская война.* В феврале 1848 года вспыхнула новая революция во Франции; Орлеанская династия свергнута, провозглашена республика, и волнение распространилось по Европе, обхватив и соседние с Россией государства — Пруссию и Австрию. Польская эмиграция воспользовалась смутою для достижения своих целей. Не имея возможности действовать прямо против России, поляки действовали около, в австрийских владениях, в Дунайских княжествах, особенно сильное участие приняли они в венгерском восстании: успех этого восстания был в их глазах приготовлением к торжеству их собственного дела. Для противодействия этим планам император Николай ввел свои войска в Дунайские княжества и в 1849 году по просьбе австрийского императора отправил к нему на помощь против венгерских повстанцев войско под начальством князя Варшавского. 1 августа венгерский диктатор Гёргей сдался русскому генералу Ридигеру с 30 000 войска и 120 пушками.

МОИ ЗАПИСКИ
ДЛЯ ДЕТЕЙ МОИХ,
А ЕСЛИ МОЖНО,
И ДЛЯ ДРУГИХ

I

5 мая 1820 года, в одиннадцать часов пополудни, накануне Вознесения, у священника московского Коммерческого училища родился сын Сергей, слабый, хворый недоносок, который целую неделю не открывал глаз и не кричал. Помню я тесную, плохо меблированную квартиру отца моего, в нижнем этаже, выходящую на большой двор училища, где в послеобеденное время и вечером гуляли воспитанники. Самыми близкими и любимыми существами для меня в раннем детстве были старая бабушка и нянька. Последняя, думаю, имела немалое влияние на образование моего характера. Эта женщина (т. е. старая девушка), сколько я помню сам и как мне рассказывали другие, обладала прекрасным, чистым характером: она была сильно набожна, но эта набожность не придавала ее характеру ничего сурового; она сохраняла постоянно общительность, веселость, желание занять, повеселить других, больших и малых. Нескольким раз (не менее трех) путешествовала она в Соловецкий монастырь и столько же раз в Киев, и рассказы об этих путешествиях составляли для меня высочайшее наслаждение; если я и родился с склонностью к занятиям историческим и географическим, то постоянные рассказы старой няни о своих хождениях, о любопытных дальних местах, о любопытных приключениях не могли не развить врожденной в ребенке склонности. Как теперь я помню эти вечера в нашей тесной детской: около большого стола садился я на своем детском стулике, две сестры, которые обе были старше меня, одна тремя, а другая шестью годами, старая бабушка с чулком в руках и нянька-рассказчица, также с чулком и в удивительных очках, которые держались на носу только. Небольшая, худощавая старушка с очень приятным выразительным лицом (а тогда для меня просто прелестным), с добродушно-насмешливою улыбкою без умолку рассказывала о странствиях своих вдоль по Великой и Малой России. Я упомянул о веселом характере старушки, о ее добродушно-насмешливой улыбке: и в рассказах своих она любила также шутливый тон, была мастерица рассказывать забавные приключения и даже в приключениях вовсе не забавных умела

подмечать забавную сторону. Так, например, я очень хорошо помню рассказ ее о буре, которую вытерпело судно с богомольцами в устье Северной Двины, приключение нисколько не забавное, а, несмотря на то, рассказ этот обыкновенно повторялся, когда молодой компании хотелось посмеяться, потому что рассказчица необыкновенно живо и комично представляла отчаяние одного портного, который метался из одного угла судна в другой, крича: «О, андел-хранитель!»

А между тем судьба моей рассказчицы вовсе не была весела. Родилась она в Тульской губернии, в помещицкой деревне. Однажды, когда отец и мать ее были в поле, и она, маленькая девочка, оставалась одна в избе, приходит приказчик и с ним какие-то незнакомые люди: то были купцы, которым была запродала девочка; несчастную взяли и повезли из деревни, не давши проститься ни с отцом, ни с матерью. Потом ее перепродали в Астраханскую губернию, в Черный Яр, к купцу. Рассказы об этой дальней стороне, которой природа так резко отлична от нашей, о Волге, о рыбной ловле, больших фруктовых садах, о калмыках и киргизах, о похищении последними русских людей, об их страданиях в неволе и бегстве также сильно меня занимали. Занимали и рассказы о собственной судьбе рассказчицы, о сильных гонениях, которые она претерпевала от хозяйского сына; я не мог понимать причины гонений, потому что на вопросы получал один ответ: «Да так!» — и сын чернорабского купца представлялся мне сказочным злодеем, который делал зло для зла. Я уже после угадал причину гонений, когда угадал, за что жена Пентефрия так сильно рассердилась на Иосифа¹.

Но старый купец с женою иначе смотрели на свою рабу и по прошествии известного срока отпустили ее на волю за усердную службу. Ей захотелось возвратиться на родину; но как это сделать? У нее была отпускная, но не было денег, и вот она пошла в кабалу к купцам, отправлявшимся с товарами в Москву, т. е. те обязались доставить ее на родину с тем, чтобы она после заслужила у них деньги, сколько стоил провоз. Трогательен был рассказ о свидании ее с матерью, с которою она должна была скоро опять разлучиться и переселиться в Москву, где стала наниматься в услужение.

Я упомянул об умственном влиянии рассказов моей няньки, но я не могу не признать религиозно-нравственного влияния: бывало, начнет она рассказывать о каком-нибудь страшном приключении с нею на дороге, о буре на море, о встрече с подозрительными людьми, я в сильном волнении спрашиваю ее: «И ты это не испугалась, Марыюшка?» — и получаю постоянно в ответ: «А Бог-то, батюшка?» Если я и родился с религиозным чувством,

¹ Бытие, 39, 7—12 (примеч. ред.).

если в трудных обстоятельствах моей жизни меня поддерживает постоянно надежда на Высшую Силу, то думаю, что не имею права отвергать и влияния нянькиных слов: «А Бог-то!»

Отходивши меня, Марья-нянька — так ее называли в доме — жила несколько времени в Москве, уже не в услужении, а собственным хозяйством, и вдруг собралась в дальний путь, в старый Иерусалим. Из Одессы мы получили от нее письмо, в котором она уведомляла, что садится на корабль. После возвратившиеся богомолки сказывали, что видели ее на Афонской горе, — и то была последняя весть.

Я распространился о старой няньке своей, потому что влияние ее на образование моего характера считаю довольно сильным и потому еще, что после я не встречал подобной няньки и не мог найти для своих детей няньки, хотя сколько-нибудь похожей на мою Марьюшку. Теперь перейду к другим влияниям, которые начали действовать, когда уже я стал вырастать. Важное влияние на образование моего характера оказалась тихая, скромная жизнь в доме отцовском, отсутствие всяких детских развлечений, сестры мои, как я уже сказал, были гораздо старше меня, их скоро отдали в пансион, и я по целым дням оставался совершенно один; вот почему когда я выучился читать, то с жадностью бросился на книги, которые и составляли мое главное развлечение и наслаждение. Восьми лет записали меня в духовное училище с правом оставаться дома и являться только на экзамены; сам отец учил меня дома закону Божию, латинскому и греческому языкам, для других же предметов я посещал классы Коммерческого училища. В последнем учили плохо, но зато я получил больше средств доставать книги и предаваться моей страсти к чтению. Я читал все без разбора, читал романы всякого рода, и Гуака, и Радклиф, и Нарезного, и Загоскина, и Вальтер-Скотта; раннее чтение романов было мне вредно: оно сильно распалило мое воображение и, по всем вероятностям, много препятствовало укреплению моего организма. Но очень скоро, однако, врожденная склонность взяла верх: между книгами отцовскими я нашел всеобщую историю *Басалаева*, и эта книга стала моею любимицею; я с нею не расставался, прочел ее от доски до доски бесконечное число раз; особенно прельстила меня римская история. Велико было мое наслаждение, когда после краткой истории Басалаева я достал довольно подробную историю аббата Милота, несколько раз перечел и эту, и теперь еще помню из нее целые выражения. Единовременно, кажется, с Милотом попала мне в руки и история Карамзина: до тринадцати лет, т. е. до поступления моего в гимназию, я прочел ее не менее двенадцати раз, разумеется, без примечаний, но некоторые томы любил я читать особенно, самые любимые томы были: шестой — княжение Иоанна III и восьмой — первая половина царствования Грозного; здесь действовал

во мне отроческий патриотизм: любил я особенно времена счастливые, славные для России; взявши, бывало, девятый том, я не хотя читаю первые главы и стремлюсь к любимой странице, где на полях стоит: «Славная осада Пскова». Живо помню, как я ненавидел Батория; по целым дням мечтал я: а что, если б вдруг сам царь Иван принял начальство над войском и разбил бы Батория, взял бы опять и Полоцк, и Ливонию? Представлялось живо, с каким торжеством Иван въезжает в Москву, ведя пленного Батория. Мечталось мне и то: а что, если по какому-нибудь счастливому случаю отыщут продолжение истории Карамзина? Двенадцатый том мне не очень нравился именно потому, что в нем описываются одни бедствия России и, как нарочно, автор остановился там, где должен начаться счастливый поворот событий² Вместе с книгами историческими любимым чтением моим были и путешествия: несколько раз прочел я многотомную «Историю о странствованиях вообще», а также «Всемирного Путешественателя»³

II

Таковы были мои занятия до тринадцати лет; я уже сказал, что в Коммерческом училище учили плохо, учителя были допотопные. Дома отец мой не имел времени заниматься со мною постоянно, давши мне в руки латинскую и греческую грамматику, он часто по несколько недель не требовал от меня отчета в том, что я из нее выучил, но какая же охота была долбить *απο, αμας, αματ и τὸπτο, τὸπτεϛ, τὸπτετ* — мальчику, который постоянно или защищал Псков от Батория, или вместе с Муцием Сцеволюю клал руку на уголья, или с Колумбом открывал Америку? Обыкновенно каждый день по несколько часов я держал перед собой латинскую грамматику, но внутри ее лежала другая книжка, поменьше, обыкновенно какой-нибудь роман. От этого происходило, что когда отец вдруг начнет меня спрашивать или задает задачу, т. е. перевод с русского на латинский или греческий, то я отвечал плохо и в задачах моих «аористы»⁴ сильно страдали. То же самое случалось и на экзаменах в духовном уездном училище, которое помещалось в Петровском монастыре. Поездки на эти экзамены были самыми бедственными событиями

² Двенадцатый том «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, увидевший свет в 1829 г., уже после смерти автора, кончается событиями 1611 г. (*примеч ред*)

³ «Всемирный Путешественатель, или Познание Старого и Нового Света» — многотомное сочинение Жозефа де ла Порта, переведенное на русский язык в конце XVIII в. (*примеч ред*)

⁴ Аорист (греч. *aoristos*) — видо-временная форма глагола (*примеч ред*)

в моей отроческой жизни, ибо кроме того, что на экзаменах я большею частью отвечал неудовлетворительно, что огорчало моего отца, самое училище возбуждало во мне сильное отвращение по страшной неопрятности, бедному, сальному виду учеников и учителей, особенно по грубости, зверству последних; помню, какое страшное впечатление на меня, нервного, раздражительного мальчика, произвел поступок одного тамошнего учителя: кто-то из учеников сделал какую-то вовсе незначительную шалость; учитель подошел, вырвал у него целый клок волос и положил их перед ним на стол. Я чуть-чуть не упал в обморок от этого ирокезского поступка.

Здесь я должен сказать несколько слов о состоянии того сословия, из которого я произошел. В своей истории подробно объясню причины печального состояния русского духовенства⁵. Главная причина заключалась в том, что при перевороте (Петровском) духовенство не имело возможности удержать за собою то положение, каким пользовалось в древней Руси. Прежде священник имел духовное преимущество по грамотности своей, теперь он потерял это преимущество; правда, он приобрел школьную ученость, но с своею одностороннею семинарскою ученостью, с своею латынью он оставался *мужиком* пред своим прихожанином, который приобрел лоск образования, для которого сфера всякого рода интересов, духовных и материальных, расширилась, тогда как для священника она расширяться не могла. Священник по-прежнему оставался обремененным семейством, подавленным мелкими нуждами, во всем зависящим от своих прихожан, ничем, в известные дни протягивающим руку под прикрытием креста и трезника. Выросший в бедности, в черноте, в избе сельского дьячка, он приходил в семинарию, где та же бедность, грубость, чернота, с латынью и диспутами; выходя из семинарии, он женился *по необходимости*, а жена, воспитанная точно так же, как он, не могла сообщить ему ничего лучшего; являлся он в порядочный дом, оставляя после себя грязные следы, дурной запах: бедность одежды, даже неряшество, которые бы легко сносили, даже уважали в каком-нибудь пустынноике, одетом бедно и неряшливо из презрения к миру, ко всякой внешности, эти бедность и неряшество не хотели сносить в священнике, ибо он терпел бедность, одевался неряшливо вовсе не по нравственным побуждениям; начинал он говорить — слышали какой-то странный, вычурный, фразистый язык, к которому он привык в семинарии и неприличие которого в обществе понять не мог; священника не стали призывать в гости для беседы в порядочные дома: с ним сидеть нельзя, от него пахнет, с ним говорить нельзя — он говорит по-семинарски. И священник одичал: стал бояться поря-

⁵ См. кн. VII (т. 13) настоящего издания (М., 1991. С. 31—34).— *Примеч. ред.*

дочных домов, порядочно одетых людей; прибежит с крестом и дожидается в передней, пока доложат; потом войдет в первую после передней комнату, пропоет, схватит деньги и бежит, а лакеи уже несут курение, несут тряпки: он оставил дурной запах, он наследил, потому что ходит без калош; лакеи смеются, барские дети смеются, а барин с барыней серьезно рассуждают, что какие-де наши попы свиньи, как-де они унижают религию!

Бедственное состояние русского духовенства увеличивалось еще более разделением его на белое и черное, на черное — господствующее — и белое — подчиненное, рабствующее. Явление, только что дозволенное в древней Церкви, превратилось в обыкновение, наконец — в закон, по которому архиереи непременно должны быть из черного духовенства, монахи. И вот сын дьячка какого-нибудь хорошо учится в семинарии, начальство начинает представлять ему на вид, что ему выгоднее постричься в монахи и быть архиереем, чем простым попом, и вот он *для того, чтобы быть архиереем*, а не по внутренним, нравственным побуждениям постригается в монахи, становится архимандритом, ректором семинарии или академиком и наконец архиереем, т. е. полицеймейстером, губернатором, генералом в рясе монаха. Известно, что такие русские генералы, но генералы в рясе еще хуже, потому что светские генералы все еще имеют более широкое образование, все еще боятся какого-то общественного мнения, все еще находят ограничение в разных связях и отношениях общественных, тогда как архиерей — совершенный деспот в своем замкнутом кругу, где для своего произвола не встречает он ни малейшего ограничения, откуда не раздастся никакой голос, вопиющий о справедливости, о защите — так все подавлено и забито неимоверным деспотизмом. Сын какого-нибудь дьячка, получивший самое грубое воспитание, не освободившийся от этой грубости несколько в семинарии, пошедший в монахи без нравственного побуждения и из одного честолюбия ставший наконец повелителем из раба, архиерей не знает меры своей власти: гнетет и давит.

Известно, что нет худшего тирана, как раб, сделавшийся господином; архиерей, как сказано, делается господином из раба; это объясняется не только вышеизложенным состоянием белого духовенства, но также воспитанием в семинариях, где жестокость и деспотизм в обращении учителей и начальников с учениками доведены до крайности; чтобы быть хорошим учеником, мало хорошо учиться и вести себя нравственно, — надобно превратиться в столп одушевленный, которого одушевление выражалось бы постоянным поклонением пред монахом — инспектором и ректором, уже не говорю — пред архиереем. И вот юноша, имеющий особенную склонность к поклонению, хотя бы и не так хорошо учился и не так отлично вел себя, идет вперед, постригается в монахи и скоро становится начальником товарищей своих,

и легко догадаться, как он начальствует! Мы видели, по каким побуждениям произнес он обеты монашеские: он пошел в монахи не для того, чтобы бороться со страстями и подавлять их, а, напротив, для удовлетворения одной из самых иссушающих человека страстей — честолюбия; он пошел в монахи, чтобы быть архиереем. И вот некоторые из этих ученых монахов и архиереев, не имея никаких нравственных побуждений для обуздания плотских страстей, предаются им и производят соблазн, но надобно заметить, что это еще лучшие архиереи; зная за собою грешки, они мягче относительно других, относительно подчиненных. Гораздо хуже те, которые удерживают себя, надевают личину святости; страсти плотские кипят не удовлетворенные, но и не обузданные христианскими нравственными началами, христианским подвижничеством; черствая душа не размягчается ни постоянной молитвою, постоянным сообщением с предметом религиозной любви, ни мягкими отношениями семейными, доступными мирским людям; черствая душа невольного инока-архиерея ищет удовлетворения другим страстям, удовлетворения приличного и безнаказанного в мире сем; отсюда — необузданное честолюбие, злоба, зависть, мстительность, страшное высокомерие, требование бесполезного рабства и унижения от подчиненных, ничем не сдерживаемая запальчивость относительно последних.

Разумеется, были исключения, но я говорю не об исключениях; я прибавлю, что представителем из русских архиереев второй половины XVIII века, Платон, дрался собственноручно, брал подарки от подчиненных, обогащал племянниц своих; преемник его Августин, человек даровитый, знаменит был любовною связью с Марфою Кротковою и неприличными остротами; преемником Августина был Степан, в иночестве Серафим; посвящение его в монахи любопытно. Он был хорош собою и счастлив с женщинами; однажды к Платону дошла сильная жалоба на семинарского ловеласа; Платон, любивший вербовать всеми неправдами в монахи, воспользовался случаем и предложил молодому преступнику на выбор: или жестокое наказание, лишение будущности, или пострижение и архиерейство. Степан избрал последнее и превратился в Серафима. После этого события однажды Платон гулял с профессорами академии по двору Троицкого монастыря и занимался любимую своею забавою: взглянувши на какой-нибудь предмет, он произносил первый стих, относящийся к этому предмету, а спутники должны были подбирать приличный второй стих. Взглянувши на старый царский дворец, Платон произнес:

Чертоги зрю монарши..

Из толпы спутников немедленно послышался второй стих:

Погиб Степан от секретарши.

Этот Степан, или Серафим, оказался человеком бездарным и, несмотря на то, был митрополитом московским, а потом петербургским и первоприсутствующим членом Синода, ибо правительство боится архиереев даровитых и любит смиренные посредственности. Но Серафим, не отличаясь ничем хорошим, не отличался по крайней мере ничем дурным, был добрый, очень сносный архиерей.

III

Не таков был знаменитый преемник Серафима в московской митрополии — Филарет. Принадлежа, бесспорно, к числу даровитейших людей своего времени, Филарет шел необыкновенно быстро, поддерживаемый масонскою партией, к которой принадлежал⁶, особенно другом своим, князем Александром Николаевичем Голицыным. От природы ли получил он горячую голову и холодное сердце или вследствие положения его, вследствие отсутствия сердечных отношений, внутренняя теплота постоянно отливала у него от сердца к голове, — только этот человек для коротко знавших и наблюдавших его представлял печальное явление. Рожденный быть министром, он попал в архиереи. Если бы он попал в латинские прелаты, то он нашел бы себе деятельность, но он попал в русские архиереи, между которыми правительство любило ум и талант только в той степени, в какой этот ум и талант употреблялись исключительно на служение ему, правительству. Филарет шел шибко, когда служил правительству, и был удален, когда заметили в нем попытки служить себе или своему сословию. Религия требует от монаха отречения от мира для Бога; русское правительство требует от монаха-архиерея отречения от мира и от Бога для него — правительства. Филарет должен был перестать ездить в Петербург для присутствия в Св. Синоде, где шпоры обер-прокурора, гусарского офицера графа Протасова, зацеплялись за его рясу. По смерти Серафима, Филарета оставили в Москве, а в Петербург, т. е. в первоприсутствующие члены Синода, взяли с юга какого-то Антония, человека ничтожного, после Антония — Никанора из Варшавы, такую же ничтожность сравнительно с Филаретом. Сначала было думали, что Филарет станет явно в оппозицию; некоторые проповеди показывали действительно в нем это направление, но это было только минутное выражение досады оскорбленного честолюбия; Филарет не мог свыкнуться с мыслью жить вне благосклонности

⁶ Слухи о принадлежности Филарета к «масонской партии» возникли вследствие его деятельности в Библейском обществе (создано в 1812 г по указу Александра I), многие участники которого действительно были связаны с масонством (*примеч. ред.*).

царской, архиереем опальным, ибо опала эта уменьшила бы его значение в Москве,— и он стал льстить, поднес голубя⁷, который возвратился к нему с масличной ветвью, знаками благоволения. Испорченность Филарета можно было заметить из его разговоров: начнет о чем-нибудь — и сведет на двор, на императора, на свои сношения с царскою фамилиею.

Я сказал уже, что у этого человека была горячая голова и холодное сердце, что так резко выразилось в его проповедях: искусство необыкновенное, язык несравненный, но холодно, нет ничего, что бы обращалось к сердцу, говорило ему.

Такой характер при дарованиях самых блестящих представил в Филарете печальное явление: он явился страшным деспотом, обскурантом и завистником. Сохрани Боже, если светское лицо скажет что-нибудь прекрасное относительно религии и Церкви; сохрани Боже, если кто-нибудь из духовных помимо его скажет что-нибудь прекрасное,— он оскорблен. Талант находил в нем постоянного гонителя; выдвигал, выводил в люди он постоянно людей посредственных, бездарных, которые пресмыкались у его ног. Это-то пресмыкание любил он более всего, и ни один архиерей не мог соперничать с ним в этой любви; ни в одной русской епархии раболепство низшего духовенства пред архиереем не было доведено до такой отвратительной степени, как в московской во время управления Филарета. Этот человек (святой во мнении московских барынь) позабывал всякое приличие, не знал меры в выражениях своего гнева на бедного, трепещущего священника или дьякона при самом ничтожном проступке, при каком-нибудь неосторожном, неловком движении. Это не была только вспыльчивость — тут была злость, постоянное желание обидеть, уколоть человека в самое чувствительное место. Об отношениях Филарета к подчиненным всего лучше свидетельствует поговорка, что он ел одного пескаря в день и попом закусывал. И не должно думать, чтобы здесь была излишняя строгость, излишние требования от подчиненных благочиния и нравственности; Троицкая лавра, подчиненная ему непосредственно, была вертепом разврата; на нравственность духовенства вообще он не обращал внимания: Филарет требовал одного — чтобы все клали поклоны ему, и в этом полагал величайшую нравственность.

В ужасном состоянии, под гнетом Филарета, находились духовная академия московская и семинария. Преподаватели даровитые здесь были мучениками, каких нам не представляет еще история человеческих мучений. Филарет по капле выжимал из них, из их лекций, из их сочинений всякую жизнь, всякую живую

⁷ При торжестве двадцатипятилетия царствования императора Николая I Филарет от имени всего московского духовенства (которое ничего об этом не ведало) просил у государя соорудить над престолом Успенского собора изображение Св. Духа в виде голубя

мысль, пока наконец не кастрировал человека совершенно, не превращал его в мумию. Такую мумию сделал он из Горского, одного из самых даровитых и ученейших между профессорами духовной академии. Филарет являлся для преподавателей хищным животным, которое прислушивается к малейшему шороху, обнаруживающему жизнь, движение, живое существо, и бросается, чтобы задавить это существо. Появится живая мысль у профессора в преподавании, в сочинении — Филарет вырывает ее и, чтоб отнять в преподавателе охоту к дальнейшему выражению таких мыслей, публично позорит его на экзамене. «Это что за нелепость! Дурак!» — кричит он ему. Несчастный кланяется.

Русская Церковь могла с похвалой выставить пред западною Филарета, который мог превзойти самого ловкого иезуита. Он и не скрывал своего сочувствия к иезуитам, говорил в академии: «Как жаль, что столько талантов, учености, трудолюбия, самоотверженности, благонамеренности употреблено на поддержание папских заблуждений!» Поданный им проект учреждения миссионерских училищ был совершенно иезуитский: так же запрещено было ученикам ходить вдвоем, так же развита была система шпионства и доносов; даже императора Николая оскорбил этот проект, и он отвергнул его. В академической библиотеке сохранилась книга о раскольниках, драгоценная по собственноручным замечаниям митрополита Платона, следующего содержания: спор с раскольниками невозможен, ибо для успешного окончания всякого спора необходимо, чтобы спорящие признавали одно начало. Так, в религиозном споре необходимо, чтоб обе стороны признавали один авторитет — Священное Писание, но невежественный раскольник одинаковую важность с Евангелием придает и творениям отцов, часто ошибавшимся, и приговорам соборов, также часто ошибочным, житиям святых и разным повестям нелепым. Просвещенный богослов опровергать его не может уже и потому, что боится оскорбить и своих слабых, благоговеющих пред всеми этими авторитетами: и потому молчи, просвещенный богослов, и ври, невежественный раскольник! Филарету показали эту книгу; он взял ее к себе и возвратил ее в другом виде: строки, написанные Платоном, уже были уничтожены. «Зачем, — сказал он при этом, — позорить память такого знаменитого пастыря». Какой-то невежда написал книгу против раскольников, где мнение папы Иннокентия III приписал Иннокентию II, другу Иоанна Златоустого, а другой невежда поставил обоих Иннокентиев и приписал им одно и то же мнение. Книга проходила чрез академическую цензуру; профессора представили ее Филарету с указанием явной нелепости. «Пропустить, — отвечает Филарет, — это может принести пользу».

Однажды Филарет выразил желание, чтоб кто-нибудь занялся опровержением Сведенборга, имеющего читателей и почитателей.

Один ученый занялся делом и представил ректору изложение учения Сведенборга и опровержение. Первая часть, изложение учения, ужаснула ректора: «Как можно так писать! Сведенборг выходит у вас очень умен». И давай вычеркивать из сочинения все то, что могло выставить Сведенборга в сколько-нибудь выгодном свете; ревность отца-ректора дошла до того, что, встретив известие: в одной гостинице Сведенборг имел видение, он зачеркнул «гостиница» и написал: «*кабак*». В этом исправленном виде сочинение было представлено Филарету, но тот нашел, что и тут оно представляет Сведенборга в выгодном свете, и еще перемарал, так что когда ректор после этого опять начал читать статью, то с самодовольным смехом повторял: «Какой этот Сведенборг был дурак!»

IV

В таком печальном состоянии находилось русское духовенство, когда я начал понимать. Но скоро я мог уже заметить мерцание света, обещавшее выход из этого страшного положения. Время и то направление, которым шла Россия в продолжение 150 лет, взяли наконец свое: просвещение, начавшее наконец смягчать нравы, проникло с этим благодетельным влиянием своим и в семинарии, и в духовенство. Русский человек любит читать, это искони было залогом его прогресса; читали, и читали усердно, семинаристы и попы, оглянулись на самих себя при новом свете, и стало им гадко; начало распространяться недовольство своим воспитанием, условиями своего быта, и это был уже огромный шаг; начали отряхаться, обчищаться извне, но с этим вместе шло, хотя понемногу, и внутреннее очищение; особенно большое влияние оказали здесь, как и на все русское общество, журналы; при сравнении нескольких поколений священников, старых, средних, новых, легко было увидеть разницу в пользу последних. Здесь Петербург пошел вперед: в этом городе изначала было больше внешней чистоты, которая всегда имеет влияние на внутреннюю, если не употреблена во зло, не доведена до односторонности. Во всей России вообще и в Петербурге в особенности преобладало стремление к одной форменности: не могло не отразиться это и на духовенстве; с другой стороны, вначале духовенство, особенно в Петербурге, познакомившись ближе с наукою, ударило в протестантизм, потом в рационализм. Но этому явилось противодействие: религиозная потребность начала усиливаться: в XVIII веке смотрели на религию с презрением и не могли не радоваться унижительному состоянию служителей религии; в XIX веке направление изменилось; волею-неволею должны были усгупить религии высокое, высочайшее

место: обнаружилось стремление к самопознанию, начались толки о старине русской, в которой Церковь играла такую важную роль; с желанием поднять русскую старину, русскую народность необходимо соединилось желание поднять русскую Церковь, православие как главную отличительную черту этой народности; люди, не верующие во Христа, начали толковать о превосходстве православия над другими исповеданиями христианскими; все это необходимо должно было содействовать к очищению духовенства, и признаки этого очищения, как уже сказано, показались в половине XIX века, конечно, признаки не очень резкие, слабое мерцание света, который не мог светить ярко благодаря тяжести атмосферы повсюду в России, но все начинается с небольшого, не вдруг.

Признавая важное значение православия в русской истории, мы не назовем, однако, влияния этого «византийского» исповедания безусловно благодетельным; вместе с этим, впрочем вглядываясь внимательно и в прошедшее, и в настоящее, мы не можем приписывать неприятного во многих отношениях хода русской истории православию, не можем не увидеть в нем светлых сторон относительно и в прошедшем, и настоящего, и будущего.

Православие могущественно содействовало утверждению единовластия и самодержавия; по характеру своему это «византийское» исповедание изначала стремилось стать полезным оружием самодержавной власти — и стало. Таким образом, скажут иные, православие способствовало утверждению рабства, было оружием порабощения в руках деспота; элементы сопротивления деспотизму не могли находить в нем опору. Но мы спросим, где были эти элементы сопротивления и каковы были они? Бессмысленное боярство — с одной стороны, и свирепое казачество — с другой! Предположим, что вместо православия был бы в России католицизм; конечно, историк не имеет права толковать о том, что бы из того произошло, но он имеет право сказать, что могли бы произойти такие явления, которым помешало одно только православие, а именно только одно православие помешало Владиславу стать царем в 1612 году и ополячить Московское государство, но кто же решится сказать, что было бы лучше, если б вся Восточная Европа представляла сплошную Польшу? Православие отняло Малороссию у Польши и доручило последнюю, собравши всю Восточную Европу в одно целое под именем России: неужели русский человек будет сетовать за это на православие?

Относительно настоящего я спрошу у тех, которые не признают никакой религии, но уважают католицизм за его великую будто бы историческую роль и презирают православие за то, что оно этой роли не играло, — я спрошу у этих господ: «Вы не верите ни во что, громко признаетесь в этом, круглый год не заглядываете в Церковь — и кто вас за это тревожит? Знаете ли вы вашего

приходского священника, и знает ли вас этот священник?» Вы совершенно свободны и этою свободою обязаны православию, ибо католический священник не позволил бы вам так спокойно вольнодумничать, так спокойно презирать его: в нем имели бы вы самого злого врага, доносчика, который или запрятал бы вас в недоброе место, или бы заставил ходить к себе в церковь и на исповедь; если в православии правительство имеет орудие, то это орудие тупое, в католицизме оно имело бы острое. Но самое важное и благодетельное значение православие должно, по моему мнению, иметь для будущности народов, его исповедающих. Мы видим, что протестантизм многих не удовлетворяет, я не стану рассуждать, почему он не удовлетворяет; достаточно факта всем известного: движение от протестантизма между англичанами, народом самым практическим, умеющим более других народов остановиться на середине, избежать крайностей,— всего лучше доказывает, что протестантизм неудовлетворителен. С другой стороны, католицизм, не говоря уже об исторической и догматической неправде папизма, становится, как видим, постоянно на дороге движения народа вперед, никак не может ужиться с новыми потребностями народов. Что же касается православия, то, во-первых, оно не имеет того характера безавторитетности, которым протестантизм именно многих не удовлетворяет; с другой стороны, чуждое неправде папизма православие может быть везде народною формою религиозного исповедания и нисколько нигде не стеснит народных движений, ибо уживется со всякими правительственными формами. Православие отражает теперь на себе всю черную сторону настоящего состояния русского общества; оно страдает вместе с нами; при перемене к лучшему на нем отразится эта перемена, оно не помешает ей; теперь оно страдает вместе с нами — тогда будет радоваться, будет довольно вместе с нами; это — наш верный спутник, не будем же отнимать от него руки нашей.

V

Как я уже сказал, во время моего отрочества в некоторых священнических семействах начало возникать недовольство своим положением, стремление выйти из него, пообчиститься, поотряхнуться. К числу таких семейств принадлежало и наше. В нем начало прогресса представлялось преимущественно матерью. Родня отца моего, священники, дьяконы, дьячки, оставалась в селах; родные моей матери были большею частью светские — отсюда и большая часть знакомства состояла из светских же людей; было и несколько духовных, которых мать очень не любила и которые своими привычками и поведением разнились

от светских знакомых не к своей выгоде. Эта противоположность, которую, разумеется, мать старалась выставлять при каждом удобном случае, произвела на меня сильное впечатление, внушила мне отвращение от духовного звания, желание как можно скорее выйти из него, поступить в светское училище. Сестер моих отдали в пансион, что было тогда очень редким явлением между духовными,—страннее было бы меня отдать в семинарию, особенно когда в устах моей матери семинария была синонимом всякой гадости. Отец колебался, медлил, но скоро медлить стало нельзя по той причине, что, как уже сказано выше, я плохо занимался латынью, плохо отвечал на экзаменах в Петровском монастыре; отец видел, что я занимаюсь, целый день сижу с книгами, но знаю не то, что требовалось в духовных училищах, и наконец решился выписать меня из духовного звания и определить в гимназию. И здесь в самом начале произошло сильное препятствие вследствие моего беспорядочного воспитания: я изумил учителя истории и географии моими познаниями, но оказался крайне слаб в математике, к которой питал сильное отвращение с самого начала и во все продолжение моего учения. Меня едва приняли в третий класс.

Здесь прежде всего я должен заняться описанием гимназии, как она находилась в то время, как я вступил в нее. Учение вообще, с некоторыми исключениями, было порядочное, напр [имер], гораздо порядочнее, чем в Коммерческом училище; кроме того, учителя и надзиратели не позволяли себе таких ирокезских поступков, как в духовных училищах, но нельзя сказать, чтобы нравственность учеников была в сколько-нибудь удовлетворительном состоянии. В третьем классе, куда я поступил, было более ста человек; тишины и благочиния, особенно между уроками, было мало; всего хуже было то, что многие ученики, получившие дурное нравственное воспитание дома, позволяли себе громко и беззастенчиво площадное сквернословие. Некоторые учителя, учителя главных предметов, пользовались особым уважением, и у них в классе было тихо, но зато у других — у несчастного немца, у рисовального учителя — ходили вверх ногами. Обыкновенно перед немецким классом толпа отчаянных шалунов отправлялась из классной комнаты в коридоры, и, как только немец усядется на кафедре и начнет заниматься делом, двери открываются, и ушедшие с шумом входят гусем один за другим; обыкновенно шествие открывал маленький шалун Чесноков⁸ с необыкновенно белым лицом и белыми волосами; немец вскакивал, начинал кричать: «Старший! Хватай, лови! Хватай этого белого, седого первого гуся!» Но старший

⁸ Кончивший курс в университете, вступивший в военную службу и убитый на Кавказе

был сам из учеников, самого его гусиное шествие забавляло так же, как и других. Начнет немец диктовать; все пишут и сидят тихо в ожидании, пока он скажет: «semicolon»⁹; тогда все хором: «Зимний Никола!» Немец опять начинает беситься—и новое наслаждение! Предание ходило, что прежде, лет пять назад, было еще хуже или еще лучше: рассказывали, как в рисовальный класс врывалась толпа учеников переряженных, в вывороченных шубах, как рисовальный учитель приходил с кнутом в класс, за что и прозван был пастухом.

Это было в блаженные времена инспекторства профессора Семена Мартыновича Ивашковского, добрейшего и страннейшего человека. Бывало, Ивашковский придет в спальни к казенным ученикам и найдет там одного из них, по лености не пошедшего в класс, *отгуливавшего*, по гимназическому выражению. «Ты, *буде*, зачем здесь?—кричит грозно инспектор.—Солдаты! Розог!» Ученик не оправдывается, но старается отвлечь внимание Ивашковского на другие предметы: «Семен Мартынович, Извольте поглядеть: вот уже третий день, как форточка разбилась, а ее все не чинят!» «Да, *буде*, хорошо, что ты мне показал».—«Семен Мартынович, вот под кроватями никогда не выметают сору».—«Хорошо, *буде*, хорошо, что ты мне указал». А между тем солдаты пришли с розгами и стоят в дверях. «Вы, *буде*, зачем пришли?»—«Ваше высокоблагородие изволили приказать».—«Врете, *буде*: я вам никогда не приказывал; ступайте вон!» Солдаты уходят, и Семен Мартынович идет далее, забывши об ученике отгуливавшем, о форточке, о соре под кроватями и обо всем на свете.

При мне инспектором был Михайло Игнатъич Беляков, также прежде профессорствовавший в университете. Это был человек неглупый и распорядительный, но желчный и грубый; какой он мог показать пример воспитанникам, как мог приучить их к лучшим, чистейшим формам, видно из того, что как, бывало, начнет кричать на учеников, то не обойдется без «сукина сына» или «дичи!». Был он вдов и жил с толстой нянькой своего сына, что, разумеется, не могло очистить его от дурных привычек и что ученики очень хорошо знали. Еще меньше хорошего примера мог подать главный начальник гимназии, директор Окулов. Этот человек был известен в Москве разгульною, развратною жизнью, мотовством, искусством рассказывать анекдоты, преимущественно непристойные; при этом добрейший, приятнейший человек в обществе, не делавший никому зла. Но эти достоинства меньше всего, однако, давали ему право быть директором воспитательного заведения. На гимназию он смотрел как на доходное место: имея много пансионеров, привыкши брать всюду деньги без

⁹ Semikolon (нем.)—точка с запятой (примеч. ред.).

отдачи, он распоряжался и гимназическим казенным сундуком как своим, что приводило в отчаяние инспектора и учителей, на которых должна была пасть вся ответственность; делами вовсе не занимался, предоставляя все инспектору. И такой-то человек был лет двадцать директором гимназии, умер на этом месте (в 1853 году); тщетоно граф Строганов во время своего попечительства пытался несколько раз его свергнуть, аттестуя его, что: «Он способен — только не по учебной части». Окулов держался связями, был любим великим князем Михаилом Павловичем, сестра его была хороша при дворе, а сам он был приятелем министра Уварова, которого потешал своими беседами.

Попечителем учебного округа был знаменитый в Москве вельможа князь Сергей Михайлович Голицын, называвшийся «последним московским барином». Это был человек ограниченный, самолюбивый, привыкший с ранней молодости играть первенствующую роль по своим связям и богатству, но вместе с тем очень добрый, набожный нелицемерно, имевший в себе истинно аристократические свойства. Давно уже он занимал должность председателя Опекунского совета, но эта должность против его воли придала ему должность попечителя учебного округа, и как председатель Опекунского совета он мало занимался делами и мало был способен к занятиям; понятно, что еще меньше занимался он делами округа и еще меньше был способен заниматься ими. Кажется, во все время управления своего он был только раз в университете, и вот по какому случаю: жена генерал-губернатора княгиня Тат[ьяна] Вас[ильевна] Голицына, выдав свою воспитанницу, небогатую племянницу своего мужа за профессора Шевырева, хотела непременно, чтобы попечитель оказал внимание последнему, был у него на лекции. Кн. С. М. Голицын хотел угодить даме и поехал в университет, но вместо Шевырева попал на лекцию к сопернику его, Надеждину, и остался в полном убеждении, что слушал Шевырева. В гимназии мы видели его раза два или три и этим обязаны были тому, что он жил рядом с гимназиею; говорят, что одним из этих посещений мы были обязаны тому, что во время прогулки Голицыну необходимо стало как можно скорее удовлетворить естественной нужде и он, не успевши добежать до дому, забежал в гимназию и из известного места уже потом кстати зашел и в классы.

Гимназия и вообще Московский округ ждали человека для своего преобразования, очищения — и дождалась: по просьбе Голицына он был избавлен от попечительства, и на его место назначен был граф Сергей Григорьевич Строганов. Приехал новый попечитель — и, как по свистку в театре, декорации переменялись: в классах — порядок, благочиние, тишина; бывало прежде у некоторых учителей послабее на передней лавке ученики еще слушали кое-что, на средних разговаривали, а на задних — спали

или в карты играли; теперь кто и не хотел заниматься, сидел тихо и не мешал другим. Главное — ученики и учителя пообчистились, отряхнулись, стали с большим уважением смотреть на себя, на свои занятия. Отчего же это произошло? Оттого что явился начальник, какого никогда еще не бывало, человек деятельный, хотевший сделать в своем ведомстве все как нельзя лучше и имевший к тому все средства.

Дух добросовестного начальника сделался присущ каждому заведению; Строганов поселил всюду свой дух, и этот дух блюл за улучшением нравственным и учебным. Всех осенила благодетельная мысль: чтоб заслужить внимание начальника, надобно как можно усерднее исполнять свою обязанность — и только, не заботясь более ни о чем; от начальника не скроется нерадение, он не пощадит; и к нему нельзя подольститься ничем другим, кроме усердного исполнения должности, кроме личных достоинств. К Строганову можно было подольститься только тем, чем у других начальников подчиненный мог только навлечь на себя вечную опалу. Вот случай, который лучше всего определяет взгляд Строганова на отношения подчиненных к начальнику. Однажды я был у него; пришел какой-то другой господин и начал говорить об одном чиновнике, служившем под начальством Строганова. Последний рассыпался в похвалах этому чиновнику и кончил панегирик так: «Что это за человек! Бывало, начну с ним спорить, указывать ему — не даст слова выговорить! Прекрасный, честный человек, крепкий в своих убеждениях!» Такой взгляд всего резче выдавался оттого, что в наше время у генералов военных и статских подчиненный мог выиграть только лестью, поддакиванием, самоуничижением.

Чтобы испытать твердость убеждений преподавателей, Строганов любил озадачивать, накидываться; конечно, знавшему эти приемы и действительно крепкому в своих ученых и каких бы то ни было убеждениях легко было осадить Строганова и этим снискать его уважение, но некоторые, неопытные, попадались; например, однажды он вдруг спросил учителя физики: «А в какую сторону вертится ручка электрической машины?» — и тот не умел ответить. Но не должно думать, что подобное неумение уже решало судьбу преподавателя, определяло окончательное мнение попечителя о нем; важное достоинство Строганова заключалось еще в том, что он старался долго со всех сторон собирать о человеке разнородные слухи и окончательно определял свое мнение на основании мнения большинства специальных людей в ученом отношении и большинства порядочных людей — в нравственном.

Прийти к Строганову с рекомендательным письмом от знатной дамы, знатного господина значило навсегда погубить себя в его мнении, никогда не получить от него места. Огромна была заслуга Строганова в том отношении, что он уничтожил занятие

учебных воспитательных мест по рекомендациям людей, не способных ценить рекомендуемых. Его положение в обществе и характер делали для него это возможным.

Неизвестно, как и где Строганов напитался смолоду аристократическими понятиями. Потомок пермского колониста, имени того человека Строганова явился самым сильным поборником аристократических стремлений. Основная его мысль — поднять высшее дворянское сословие в России, дать ему средства поддерживать свое положение, остаться навсегда высшим сословием; самым сильным для этого средством в его глазах было образование, наука; отсюда — мысль, что люди, поставленные по происхождению и богатству в верхнем слое общественном, должны учиться по преимуществу. Сам он получил плохое, поверхностное образование, но благородным инстинктом понял, что наука есть могущество; отсюда — глубокое уважение к науке, интерес ко всем явлениям науки и литературы. Будучи попечителем, он любил выпытывать, высасывать из подчиненных ему ученых сведения, но понятно, что получаемые таким образом сведения при недостатке первоначального основательного учения неправильно громоздились в его голове, вовсе не гениальной, дурно переваривались, часто безобразно и смешно скоплялись около некоторых любимых его мыслей. Но дело было не в правильности той или другой мысли попечителя, не в том, что этот попечитель часто перепутывал события, имена, лица по недостатку памяти и правильного, измлада начатого накопления сведений; дело было в том, что попечитель уважал мысль вообще, уважал науку, ставил выше всего честность, прямоту, благородство, талант, трудолюбие, святое исполнение обязанностей, имел практический смысл, не увлекался первою мыслью, как бы она ни поразила его с первого раза своею верностью и пользою применения, не доверял самому себе как безошибочному оценщику, не доверял и другим, но выпытывал мнения у многих авторитетных людей посредством спора, сравнивал эти мнения.

Мы часто имели случай смеяться над его учеными промахами, нельзя было не смеяться, как однажды при мне он вздумал в названии города Посидония искать тождества с русским словом *посад* или имя князя Лугвеня на печати принял за название города Лугвени; но с одной стороны, уже самые эти объяснения-промахи были почтенны в русском генерале, начальнике университета, тем более что Строганов никогда не давал значения своим ученым мнениям и догадкам, оставляя их при первом решительном возражении и объяснении специалиста; с другой стороны, несмотря на то что Строганов иногда подавал нам причины внутренне посмеяться, никто из нас не выходил из его кабинета без уважения к человеку добра, который умел оценить все хорошее и дать ему ход.

Понятно, что у такого человека, как Строганов, было множество врагов в разных слоях общества. В высшем, в собственном его кругу, его вообще не любили за *гордость*. Действительно, Строганов был горд с равными себе по общественному значению, ибо в очень немногих признавал себе равных: пред генералами-фельдфебелями, выходцами-лакеями он гордился своим происхождением, чистотою характера, благородством во всех отношениях; пред людьми, равными ему по происхождению, он гордился своею образованностью, тем, что сохранил в чистоте свое происхождение, не пятнал его раболепством, выслуживанием, чем пятнала себя большая часть равных ему по происхождению. Действительно, Строганов был горд, неуживчив; сколько он был уступчив с нами, людьми, которых умственное превосходство он признавал, столько же был неуступчив и горд, резок с людьми, которых нравственного и умственного превосходства над собою он не считал себя обязанным признавать,—а других превосходств никаких он не признавал—ибо считал себя одним из первых вельмож в империи—*Божиею милостью*. При этом он был холоден, дик, малодоступен, скуп. Последнее свойство,—не знаю, крылось ли оно в его природе, по крайней мере, видимо, оно проистекало из его убеждений. Государство сильно только аристократиею, думал он, но аристократия сильна не одним своим происхождением, особенно в России, где выходцам открыта такая свободная дорога; аристократия поддерживается личными достоинствами членов своих, их нравственными средствами—отсюда стремление усвоить образование, науку, преимущественно для высшего сословия, но аристократия могущественно поддерживается также богатством; отсюда—стремление сохранить и увеличить богатство аристократической фамилии. Происходя сам из бедной линии Строгановых, он приобрел огромное имение (с лишком 60 000 душ) за женою, единственной наследницей богатой линии Строгановых, имение было огромно, но обременено долгами; он должен был очищать его; это было новым побуждением к скупости; наконец, имение составляло майорат; все эти 60 000 с лишком душ переходили к старшему сыну, младших должно было наделить деньгами, деньги должно было скопить—еще побуждение к скупости. Но когда нужно было приобрести картину знаменитого мастера, редкую древнюю вещь, монету или что бы то ни было, помочь бедному ученому издать свое сочинение—там Строганов не был скуп; для журнала, который мы собирались издавать в 53-м году, он давал нам большую сумму денег, но мы не могли воспользоваться его предложением.

Но гордость, недоступность, скупость вооружали против Строганова многих из людей его общества, старание очистить подчиненных ему людей вооружило против него тех из них,

которым уже нельзя было очиститься и которым было тяжело при нем. Но для порядочных людей, как принадлежащих к ученому ведомству, так и для всех тех, которым дорого было просвещение, управление Строганова Московским учебным округом было золотым временем. Не могу без глубокого чувства благодарности вспомнить того освежения нравственной атмосферы, которое произошло у нас в гимназии, когда приехал Строганов попечительствовать!

Директором остался тот же Окулов, но он был еще в большем отдалении от дел, в явной немилости у попечителя, который прездальнил его, не хотел входить с ним ни в какие сношения. Инспектор Беляков оставил свое место, получив высшее место окружного инспектора; порядочных людей было мало, потому пригодился и Беляков, по своему здравому смыслу и знаниям могший быть очень полезным для общего надзора за училищами округа, не приходя в ближайшее соприкосновение с учениками, следовательно, не вредя им своею грубостью. На его место инспектором в гимназии был назначен Погорельский, из тамошних учителей математики и бывший также адъюнктом в университете, человек ловкий, деятельный, сметливый, самолюбивый, умевший понять, чего хотел Строганов, чем надобно быть, чтоб приобрести его расположение. Понятно, как много добра мог сделать такой инспектор при Строганове. Благодаря ему-то произошла такая быстрая перемена, о которой я говорил. Сменены были учителя или слабые, как учитель греческого языка Пантази, или имевшие голову не в правильном состоянии, как, например, Оболенский, сперва учитель русской словесности, потом латинского языка и адъюнкт греческого языка в университете, или давно уже остановившиеся, не хотевшие знать ничего, кроме своего учебника, как, например, учитель истории Добровольский. Все пошло живее и тверже, а главное — распространилось уважение к науке, которая стала высшею, исключительною целью.

VI

Как прежде было сказано, я поступил в третий класс, благодаря плохому знанию математики. Вследствие сильного отвращения от этой науки, полной неспособности к ней, невозможности понять, к чему служит эта передвижка цифр и букв, какая благодать от того, что $x^2 + px + q = 0$, что x , наконец, может быть равен 23 или 33, что при таких-то и таких-то случаях треугольники равны, — вследствие этого я не мог делать успехов в гимназии, хотя здесь принужден был силой заниматься и математикою, ломать без пользы голову по несколько часов над задачами, что,

разумеется, еще более усиливало во мне отвращение к предмету. В третьем классе учителем был Волков — страшный педант; это чудовище осмелилось однажды поставить меня на колени, что случалось со мною в первый раз в жизни; понятно, каково было моему самолюбию — самолюбию ревностного соратника героев древней, средней и новой истории. Мало того, Волков обращался ко мне с такими милыми приветами: «Дурак ты, дурак ты, Соловьев! Уравнения второй степени решить не можешь! Жаль мне твоего отца, отец твой хороший человек, а ты дурак!» И вот прошел год; я вышел из всех предметов отличным, кроме математики; инспектор дал знать об этом отцу; отец нанял ученика из старшего класса, чтоб готовить меня из математики к экзамену; я приготовился, взял, как говорится, если не мытьем, так катаньем, выучил наизусть все доказательства; экзаменовал учитель старших классов Погорельский, к которому мы должны были перейти; этот человек любил скорые, твердые ответы; я отрезал ему ответ на диво, а Погорельский восхитился, поцеловал меня, сказал: «Умница, мальчик! Молодец, мальчик!» — и поставил мне 5. Волков стоял тут, и я был вполне отомщен; тем более успех мой был блистателен, что большая часть учеников, пользуясь длинною вакациею по случаю перестройки в гимназии, очень плохо подготовилась. Я поступил в четвертый класс из всех предметов первым.

Здесь я должен заметить любопытное явление: ученики, которых я застал в третьем классе, перешедшие сюда из второго с отличными успехами, начали уже здесь портиться, перешли в четвертый кое-как и не могли дотянуть вовсе до седьмого, последнего; из ста человек, бывших при мне в третьем классе, не более пяти вместе со мною дотянули до седьмого и поступили в университет; все другие были вступившие позднее нас прямо в 4-й и 5-й классы. Еще любопытный случай, который поразил меня в гимназии: в третьем классе силою и железным здоровьем отличались трое учеников — Чернохостов, Богачев и Шютц, а я был самый слабый и хилый в целом классе: означенные богатыри могли меня повалить пальцем; и что же? Все трое года через два или через три умерли от чахотки! Причиною смерти Богачева и Шютца было, как надобно полагать, раннее и излишнее знакомство с женщинами; что же касается до Чернохостова, то этот очень умный и развитый малый влюбился в Наполеона и пришел к мысли, что он и в России, при ее настоящем положении, может сделаться Наполеоном; в 16 или 17 лет мало ли что воображается, все считается возможным, но, к несчастью, Чернохостов не хотел ограничиться одним воображением; у него достало настолько силы духа, чтоб начать осуществление своих мечтаний. Ему надобно было прославиться на военном поприще; в мирное время этого достичь нельзя, и особенно ему, сыну

мещанина, и вот он тайком от матери и старшего брата пешком отправился на Кавказ, чтоб поступить там в солдаты и выбрать-ся в офицеры подвигами против горцев, но уже перед самым достижением цели, сколько помню, в Пятигорске, он зашел отдохнуть на татарское кладбище; правоверные сочли это осквернением и попотчевали его камнями, из которых один угодил в сердце; богатырь свалился, заболел; брат между тем начал розыски; на Кавказе отыскался у них дядя, который принял попечение о больном, и, как скоро наш герой немного оправился, его препроводили назад в Москву. Возвратившись, он стал было приготовляться к университету и в то же время занимать место корректора в одной частной типографии, но богатырская природа недолго могла бороться со следствиями происшествия на кладбище, и Чернохвостов погиб от чахотки.

С четвертого класса преподавателем русского языка был у нас Попов, учитель превосходный, умевший возбудить охоту к занятиям, прекрасно разбиравший образцовые сочинения и сочинения учеников, умевший посредством этих разборов достигать главной цели своего преподавания—выучивать правильно писать по-русски и развивать таланты, у кого они были. Когда он начинал объяснять урок к следующему классу, урок из логики или риторики, я, заинтересованный предметом, начинал вслух высказывать ему свои мысли. Попов не нашел этого странным со стороны ученика, пятнадцатилетнего мальчика,—напротив, находил удовольствие в этих присказываниях, в этой беседе, обмене мыслей со мной; должно быть, я говорил недурно, благодаря огромному количеству прочтенных книг, потому что Попов получил очень высокое мнение о моих способностях и внушил это мнение остальным своим товарищам-учителям. Вследствие этого высокого мнения о моем умственном развитии Попов был чрезвычайно строг к моим сочинениям; хотя он и гордился ими и выставлял их напоказ, но ему все казалось, что я мог бы и лучше писать; разобравши мое сочинение, он часто приговаривал: «Хорошо! Но скажи, пожалуйста, Соловьев, отчего ты говоришь лучше, чем пишешь?» Это действительно могло быть так, во-первых, потому, что учитель, взобравши себе в голову высокое мнение о развитии моих способностей по разговору,—причем его поражала живость мыслей, относительная их самостоятельность,—не мог быть так доволен сочинениями, где на первом плане для него уже была форма; во-вторых, для меня эта форма была тяжка, это были цепи, которые затрудняли естественные движения, наводили на меня тоску, необходимо отражавшуюся в сочинении: учитель задаст описание памятника Минину и Пожарскому, а я думаю: «Ну что же я тут стану описывать!»—и ударюсь в описание впечатлений, производимых этим памятником, в рассказ о событиях, в которых участвовали изображаемые герои,—а учитель

с упреком: «Задано было описание памятника, а ты из описания сделал повествование!» О, проклятые хрии¹⁰ и формы риторические! Много они мне наделали неприятностей! Несмотря, однако, на это, Попов не уменьшал своего мнения о моих способностях. Однажды собрались учителя у одного из своих товарищей, Красильникова, преподававшего латинский язык в младших классах, подпили и поразговорились; речь зашла о гимназии, об учениках; Попов начал хвалить меня и дошел до того, что сказал: «Ведь вы не знаете, господа! Ведь Соловьев-то просто гений!» Тут хозяин, Красильников, прервал его восторженную речь: «Полно, полно, Павел Михайлыч! Как это может быть! Положим, что Соловьев мальчик умный, с большими способностями, но может ли это быть, чтоб у нас в гимназии завелся гений?» На другой день ученики, жившие у Красильникова и подслушавшие этот разговор, рассказали его для потехи целому классу. Прав ты, добрый старик, в своем наивном сомнении! Мог ли в самом деле завестись гений в русской гимназии в сороковых годах XIX века? И горе было бы ему, если б он завелся! Было в России просторное для гения время в XVIII и в первой четверти XIX века, но это золотое время прошло; и когда оно возвратится? (Писано 15 ноября 1854 года.)

Так прошли пять лет в гимназии; кроме несносных математических классов, эти пять лет прошли для меня чрезвычайно приятно; начиная с четвертого класса, я был уже первым учеником постоянно, любимцем учителей, красую гимназии; легко и весело было мне с узлом книг под мышкою отправляться в гимназию, зная, что там встретит меня ласковый, почетный прием от всех; приятно было чувствовать, что имеешь значение; приятно было, войдя в класс, направлять шаги к первому месту (ученики сидели по успехам, и несколько раз в году происходили пересадки), остававшемуся постоянно за мною. «Не купи дом, купи соседа»,— говорит пословица; и в этом отношении я был счастлив: постоянным моим соседом, т. е. учеником, постоянно занимавшим второе место, был Ладыгин, вместе со мною поступивший в третий класс и вместе со мною кончивший курс в гимназии: прекрасное, нравственное, кроткое, женственное существо. Он был воспитан в тихом, нравственном доме, среди многочисленной толпы сестер и отсюда получил, как видно, женственный характер; он был очень прилежен и в противоположность мне имел способность и склонность к математике, очень часто помогал мне в уроках и в приготовлении к экзаменам своими объяснениями, но у него не было той развитости и быстроты в обращении мысли около предмета, какими обладал я; главная причина тому— моя ранняя и относи-

¹⁰ Хрия (*греч* χρεία—предмет обсуждения, вопрос, тема)—здесь термин школьной риторики (*примеч ред*)

тельно громадная начитанность, тогда как Ладыгин начал читать поздно и читал вообще мало, без выбора. С самого начала Ладыгин признал мои преимущества и уступал мне безропотно первое место; эта уступка, отсутствие соперничества облегчили наши отношения, завязали дружбу, причем, разумеется, высшее нравственное значение имел он, а не я; он был более меня христианин, хотя я с ранних лет был пылкий приверженец христианства и в гимназии еще толковал, что буду основателем философской системы, которая, показав ясно божественность христианства, положит конец неверию. Внутри меня было много религиозности, выражавшейся в набожности; я ничего не начинал без молитвы; вера была сильная: не готов к отвратительному математическому уроку, не приготовился из некоторых частей науки к экзамену, помолюсь, крепко верую, что этого у меня не спросят,— и действительно не спрашивали; другой товарищ найдется в подобном положении, боится, что *срежется* (по гимназическому выражению),—говорю ему: «Не бойся, только веруй», молюсь за него, верую за него,— и его не спрашивают. Религиозности было много, но христианства было мало; успехи, первенство воздымали дух, высокое мнение о самом себе, развивали гордость, эгоизм; саму веру свою я считал привилегией, особенным знаком Божьего благоволения, ручательством за будущие успехи. В виду были только эти успехи, успехи внешние, житейские — о нравственном преуспейнии, о *внутреннем* мало думалось; говорю — о *внутреннем*, ибо извне-то было все чисто и чинно, я первенствовал и относительно поведения. Правда, находили и тут иногда минуты опамывания, когда я сознавал необходимость внутреннего совершенствования и решался внимательнее смотреть за собою, строго смотреть за своими мыслями и словами, но такая решительность не бывала продолжительна: бури молодости срывали утлый челн с якоря.

Так кончилось учение в гимназии; только что минуло мне 18 лет, я должен был держать выпускной экзамен в университете; в первый раз тогда наша гимназия пользовалась правом экзаменовывать своих воспитанников у себя, тогда как прежде гимназисты должны были экзаменоваться вместе с другими в университете. Я был выпущен первым учеником с обязанностью писать рассуждение для акта и с правом получить за это серебряную медаль и быть записанным на золотую доску на вечные времена. Темой заданного мне рассуждения было «О необходимости изучения древних языков для успешного изучения языка отечественного». Я должен был написать это рассуждение на вакации, важной в моей жизни не потому только, что это была последняя ученическая вакация, но особенно потому, что в это время впервые покинул я на несколько месяцев родительский дом и переселился в чужой. По окончании экзаменов инспектор Погорельский

подозвал меня к себе и предложил—не хочу ли я ехать на вакансию в подмосковную деревню к князю Михаилу Николаевичу Голицыну учить его детей. Я согласился. И вот я в чужом аристократическом доме, среди чуждых для меня нравов и обычаев, среди чужого народа, ибо среди чуждого языка, все, кроме прислуги, говорят вокруг меня по-французски, и молодых французики, т. е. княжат, я обязан учить чуждому для них, а для меня родному языку—русскому, который они изучают как мертвый язык. Тут-то я впервые столкнулся с этой безобразною крайностью в образовании русской знати, и столкнулся в самом живом, впечатлительном возрасте, в 18 лет! Понятно, какое сильное впечатление произвела на меня эта крайность и необходимо увлекла меня надолго, лет на шесть, в крайность противоположную, в славянофилизм, или, лучше сказать, в русофилизм. В селе Никольском, Урюпино тож, в 25 верстах от Москвы по Звенигородской дороге, я начал впервые свою гражданскую жизнь, ибо начал борьбу с одним из безобразных явлений тогдашней русской жизни.

Опишу членов семейства князя и домочадцев из разных наций. Главное лицо сам князь—мужчина лет под 50, очень красивый и с претензиями на красоту и молодость, красящий волосы. По собственным рассказам его, он не получил никакого образования в пышном доме отца своего, потомка знаменитых Голицыных, игравших такую важную роль при двух Петрах—I-м и II-м, получившего в наследство более 20 000 душ и оставившего сыну, моему знакомцу, не более 3000 душ; остальное все было промотано, и, между прочим, великолепное село Архангельское, вотчина знаменитого олигарха Дмитрия Михайловича Голицына, славного своею библиотекою. Архангельское перешло к князю Юсупову, а Голицын должен был ограничиться низменным Никольским подле него. Сын вышел не в отца, не стал проматывать последних тысяч душ, напротив, отличался бережливостью, даже скупостью и вместе алчностью. «Кабы денег, побольше денег!»—вот слова, которые слышались очень часто из его уст. Этот человек родился с замечательными способностями, имел здравый смысл, большое остроумие, большой талант рассказывать, обладал литературным талантом, написал несколько повестей очень недурных; любил читать, уважал знание, людей знающих; иногда, при известных случаях, высказывались в нем жалобно не совсем задуренные еще благородные стремления: так однажды, разбирая в своей библиотеке портреты знаменитых исторических лиц—полководцев, министров, ученых, художников,—он воскликнул с непритворною горестью: «Боже мой! Чем бы не пожертвовал, чтоб только быть в числе их!» Все эти счастливые наклонности были задавлены дурным воспитанием, он сам говорил: «Меня решительно ничему не учили; если я го-

ворю свободно по-французски, то этот навык я приобрел сам после, в детстве же меня не учили даже и по-французски». После этого надобно было удивляться в этом человеке хорошим сторонам, а не дурным; в детстве его страсти не сдерживались нравственным воспитанием; религиозное воспитание состояло в том, что его заставляли ходить в церковь по известным дням; понятно, что французские книжки XVIII века легко заставили его смотреть на христианство как на хорошую выдумку для мужиков. Что же могло сдерживать этого барина? Общественное мнение? Общественное устройство, законы? Но я сейчас приведу пример тому, как страсти русских помещиков сдерживались общественным устройством, законами. Однажды вечером, когда я сидел в своей комнате за книгами, гувернер швейцарец Фарон, уложивши детей, вышел погулять, но скоро возвратился и пришел ко мне с следующим рассказом: «Только что я вышел в поле, как подходит ко мне мужик и предлагает свою дочь; я сначала остолбенел, потом стал упрекать его за такую страшную безнравственность; мужик отвечал: «Эх, батюшка! Что ж нам делать-то? Ведь князь уж почал!»—и тут рассказал мне обычай, что, как скоро девушка в деревне достигает 15 лет, ее ведут к князю на растление, после чего она получает 50 рублей ассигнациями денег». Кроме того, князь имел еще других любовниц в городе, жил со сводною сестрою своей жены, известною в Москве Меропою Беринг, вышедшею потом замуж за Петра Петровича Новосильцева¹¹. С женою своею, урожденной княжной Вельяминовой, князь жил дурно, в чем трудно было его обвинить, ибо это была женщина нестерпимая, ограниченная, капризная, сварливая, скупая, но что было непростительно для князя, это то, что он по страшной лени отдал дражайшей своей половине воспитание детей, выбор учителей, гувернеров и гувернанток в полное распоряжение. С этою госпожою и я, несчастный, должен был иметь дело, выслушивать ее замечания относительно преподавания, делать экзамены в ее присутствии. Я должен был учить двоих княжат и княжну с воспитанницею; старший (Дмитрий) был мальчик лет тринадцати, до безобразия толстый, вялый физически и умственно: тринадцати лет он с трудом читал порусски; гувернеры жаловались, что успехи его во французском и немецком языках были не блистательнее. К несчастью, это был любимец матери, которая неуспехи сына приписывала не его

¹¹ П П Новосильцев, человек без чести и совести, служил сперва по особым поручениям у генерал-губернатора князя Д В Голицына Император Николай сказал однажды Голицыну «Зачем Вы держите при себе этого мерзавца он доносит мне на Вас» — «Знаю, Государь,— отвечал Голицын,— но что же делать? Он мне нужен» Этот Новосильцев был потом московским вице-губернатором, а потом — рязанским гражданским губернатором

неспособности и лени, но неумению учителей, которые будто бы не хотели приноровиться к природе ученика. Он пошел в военную службу, вышел рано в отставку; после я с ним встречался: из него вышел красивый, очень приличный, скромный господин, младший был живее, его менее баловала мать, и потому он шел относительно успешнее. Но было еще двое старших сыновей: одного, воспитывавшегося в пажеском корпусе, я не знал, слышал только, что он дурно учился, выпущен был не в гвардию и скоро умер; самый старший, Николай, воспитывался в Царско-сельском лицее и вышел в I разряде, т. е. с правом IX класса, равняющимся праву университетского магистра, а между тем познаниями своими был ниже посредственного ученика седьмого класса гимназии — доказательство, как вредно было это дворянское училище, которое детям знатных и богатых отцов давало право быть невеждами в сравнении с молодыми людьми низкого происхождения. Молодой лицеист был ограничен, ленив, эгоист, спукался гораздо ниже отца, который сильно жаловался на это понижение, хотя вообще малый был еще довольно сносен.

Таково было сиятельное семейство; к нему по языку примыкали французы и француженки, гувернеры и гувернантки, ибо члены семейства княжеского не иначе говорили между собою, как по-французски; я был в доме единственный русский не лакей, говоривший не иначе как по-русски, и потому гувернантка-француженка, разливавшая чай, не иначе обращалась ко мне как «*mon Russe!*». Князья бессмысленно смеялись над этим, а я с гордостью 18-летнего мальчика провозглашал, что я вполне доволен этим названием, что оно для меня драгоценно, что для меня чрезвычайно лестно, если я один русский в доме или по крайней мере русский по преимуществу.

Меня пригласили давать уроки и после вакации, в Москве. Княгиня настаивала, чтоб я жил у них в доме или по крайней мере оставался с ее детьми как можно долее; ей хотелось сделать нечто вроде переливания крови из здорового тела в больное, но я решительно от этого отказался: жизнь в чужом доме и еще в доме иностранном, французском была бы для меня невыносима, притом я знал, какую тяжелую обязанность наложит на меня почтенная маменька, если я поселюсь подле ее детей; я всегда чувствовал страшное отвращение к должности гувернера и с хорошими детьми, не только что с князьями Голицыными, я никогда сам не был ребенком, и понятно, как тяжело, невозможно было для меня делаться ребенком с детьми; наконец, я видел, что такое гувернерство отвлечет меня от студенческих занятий. Вот почему через два года княгиня нашла, что ее дети мало успевают со мною именно потому, что я ограничиваюсь одними урочными часами и не бываю чаще вместе с ними, и вот за мною уже не прислали больше осенью, по возвращении с дачи.

Я имел еще другие уроки, и в последний год студенчества очень много, но дома, в которых я учил, не представляли ничего особенно замечательного, и потому обращаюсь к университетским впечатлениям.

VII

О попечителе графе Строганове я уже довольно говорил; помощником его был Дмитрий Павлович Голохвастов, человек, умевший в противоположность Строганову заслужить самое невыгодное о себе мнение в университете и обществе московском. Это был человек знающий, умный, честный и любивший честность в других, но ум этого человека отличался особенным складом, именно удивительною форменностью. Мы, прочие смертные, мыслим про себя и вслух, разговариваем и пишем, не обращая внимания на самый процесс нашего мышления, на его формы, тогда как у Голохвастова все внимание было обращено на формы мышления; в разговоре своим он хлопотал только об одном, чтобы мысли являлись в законной форме и чтоб эта форменность как можно яснее обнаружилась; отсюда разговор Голохвастова был крайне утомителен. Есть люди нестерпимые в разговоре: они стараются сделать свою речь украшенною тем, что не скажут слова просто; если есть такие фразеры, нестерпимые своею риторикою, то Голохвастов принадлежал к числу людей, которые встречаются гораздо реже,—людей, нестерпимых своею логикою; эта логика в его разговоре являлась столь же изысканною, бездушною, как риторика у фразеров. При этом Голохвастов был страстный охотник говорить, т. е. затягивать мысли в форменное платье, в мундир и выводить их напоказ: вот как они правильно и стройно вытекают одна из другой, связываются и равняются; хотя эти правильность и стройность были часто видимые только, но Голохвастову не было до этого дела. В исторической литературе нашей Голохвастов прославился замечаниями по истории осады Троицкой лавры, напечатанными в «Москвитянине», блестящею критическою статьею; говорили, что он пользовался здесь чужими трудами, и указывали на Забелина, но, зная хорошо Голохвастова, его приемы, я не усумнюсь приписать статью ему—по крайней мере главное в статье построение ее, принадлежит ему.

По политическим убеждениям своим Голохвастов был сильный охранитель; ему очень нравился существующий порядок вещей, дисциплина, чиновничество; он много занимался историею своей фамилии, собрал и издал акты, хранившиеся в фамильном архиве; замечания на историю Троицкой осады написал он для того, чтобы защитить честь своих предков от наветов Пали-

цына; когда я однажды в разговоре с ним упомянул об этой статье, то он с самодовольным видом сказал: «Pro domo sua pugnavimus»¹². Но при этом в Голохвастове не было ничего аристократического; в нем была только русская барская спесь, что особенно и отталкивало от него университетских подчиненных, избалованных Строгановым. Голохвастов платил университету тою же монетою: будучи помощником попечителя, а потом попечителем, он ненавидел университет, считал его учреждением, опасным для существующего порядка вещей, и не скрывал этих мнений своих; не советовал никому отдавать сыновей своих в университет и говорил, что своих никогда не отдаст туда, что все дворяне должны служить в военной службе, что предки их служили за поместья, когда же поместья были превращены в вотчины, то этим самым обязанность служить в военной службе не снялась, напротив, удвоилась.

Своими понятиями и обращением Голохвастов больше, чем кто-либо другой, напоминал русского барина XVII или начала XVIII века, надевшего европейское платье, усвоившего даже европейскую науку, европейские языки, но в сущности оставшегося верным старине. Неуважение Голохвастова к подчиненным или по крайней мере к большинству их было возмутительно. Особенно дурную славу приобрел он при управлении округом между попечительством Голицына и Строганова, когда он сообразно характеру своему строгостями, отдачею студентов в солдаты хотел сделать то, что при Строганове сделалось само собою, без всяких насильственных средств, через одно влияние благородной личности начальника,—именно исправление студенческих нравов. При Строганове Голохвастов был председателем цензурного комитета и здесь явился притеснителем; особенно его строгость возбуждала негодование в сравнении с петербургскою цензурою, отличавшеюся тогда свободою. Наконец, в наружности Голохвастова было много отталкивающего: его фигура выражала спесь, натянутость, форменность; это была фигура красивого, рисующегося квартального, который понимает свое высокое значение на публичном гулянье пред толпою черни. Голохвастов был известен своим конским заводом; на скачках славилась его великолепная лошадь Бычок, и вот из университетских стен явилась эпиграмма:

Вместо Шеллингов и Астов
И Пегаса-старичка,
Дмитрий Павлыч Голохвастов
Объезжает нам Бычка.

Ректором был М. Т. Каченовский. Об ученом значении этого человека я не буду распространяться, потому что исчерпал этот

¹² Сражались в защиту своего рода (лат.).—Примеч. ред.

предмет в биографии Каченовского, напечатанной мною в Биографическом Словаре профессоров университета, изданном по случаю столетнего юбилея. В то время, как я был в университете и слушал Каченовского, это уже был старик ветхий; читал он уже не русскую историю, а славянские наречия, предмет, при разработке которого он не мог оказать ученых заслуг ни по летам, ни по приготовлению своему; скептицизм проглядывал и тут при каждом удобном случае; любопытно было видеть этого маленького старичка с пергаментным лицом на кафедре: обыкновенно читал он медленно, однообразно, утомительно, но как скоро явится возможность подвергнуть сомнению какой-нибудь памятник письменности славян или какое-нибудь известие — старичок вдруг оживится, и засверкают карие глаза под седыми бровями, составлявшие единственную красоту у невзрачного старичка. Сохранилось у меня в памяти одно из свидетельств, приведенных Каченовским против подписи на Тмутараканском камне¹³: «Да вот и государь император Николай Павлович, как взглянул на нее, так и сказал: «Это, должно быть, подложная надпись!»»

Каченовский мог служить лучшим опровержением мнения, что ученый скептицизм ведет необходимо к религиозному и политическому; не было человека более консервативного в том и другом отношении. Скептицизм научный отражался, впрочем, в жизни Каченовского мнительностью, крайней осторожностью, чрезмерным страхом пред ответственностью: так, например, он никогда не брал на дом книги из университетской библиотеки, боясь, чтоб они как-нибудь непредвиденным образом не пропали у него; каждое дело, каждая бумага по управлению встречали с его стороны возражения: «Да как же это так, да зачем же это так?» и т. п. Во всех отношениях общественной, служебной жизни своей Каченовский был честный человек; полемика его против Карамзина и Пушкина доставила ему много врагов. Говорили, что император Николай при выборе инспектора классов к наследнику обратил внимание на Каченовского, говоря, что уважает этого ученого, по журналу¹⁴ которого он выучился читать по-русски, но карамзинисты помешали Каченовскому, выставивши на вид его вредное направление, скептицизм, чем, разумеется, легко могли напугать охранительнейшего императора. По поводу Пушкина профессор Крюков рассказывал любопытный разговор свой с Каченовским: зашла речь о языке, которым должна писаться история; Каченовский, как следует ожидать, вооружился против украшенного слога, против риторики, поднимающей на ходули события и лица, причем сказал: «Один только писатель

¹³ Мраморная плита с древнерусской надписью, найденная в 1792 г. на Таманском полуострове (*примеч. ред.*).

¹⁴ «Вестник Европы» (*примеч. ред.*).

у нас мог писать историю простым, но живым и сильным, достойным ее языком — это Александр Сергеевич Пушкин, давший превосходный образец исторического изложения в своей «Истории Пугачевского бунта». Конечно, этот отзыв был произнесен по смерти Пушкина, конечно, по смерти уже Карамзина Каченовский написал разбор XII тома — но всякий ли способен и по смерти врага сделаться беспристрастным в отношении к нему, у всякого ли достанет духа похвалить и умершего врага? Под старость Каченовский уже не мог продолжать полемики с Погодиным, который, однако, не переставал нападать на него и, по обычаю своему, позволял себе грубые выражения на его счет; старика сильно это оскорбляло; со слезами на глазах он жаловался на оскорбления и на невозможность отвечать оскорбителю, который трубит победу. Сильно оскорбляла также старика Венелинская школа — стремление все ославянить, сделать славян древнейшим и славнейшим народом мира: не имея сам средств ратовать против этого, по его мнению, вредного и нелепого направления, Каченовский приглашал молодого Грановского образумить ослепленных, но Грановский отказался подвизаться на этом неблагодарном поприще.

Деканом факультета был И. И. Давыдов. Это был человек бесспорно очень даровитый, способный к многосторонней деятельности, могший принести большую пользу науке, если бы посвятил ей всего себя, но он посвятил всего себя для удовлетворения одной страсти — честолюбия, и честолюбия самого мелкого; мало того, что, думая, хлопоча только о почестях, он пренебрег наукою, скоро сделался ученым отставшим, он продал дьяволу свою душу, ибо для достижения почестей считал все средства позволительными: нипочем было ему чернить человека, загораживавшего ему дорогу, погубить его в общественном мнении; нипочем ему было унизиться до самой гнусной, невообразимой лести пред человеком сильным и пред лакеями человека сильного, не обращая никакого внимания на умственные и нравственные достоинства человека, уважая только людей сильных, могущих быть ему полезными или вредными. Не имея ни веры, ни совести, этот человек, смотря по надобности, притворялся самым благочестивым: равнодушный к вере с равнодушным к ней министром Уваровым, он благоговейно молился на коленях с набожным министром Ширинским-Шихматовым. Однажды ему нужно было снискать благосклонность некоторых богомольных барынь; вот он явился в их общество, ходя по комнате, пошел в карман за платком и, как будто бы ненарочно, выронил из кармана маленькую книжку; ему ее подняли, и любопытные барыни спросили, что это за карманная книжка у профессора: оказалось, что это Фомы Кемпийского — «О подражании Христу!» Этот любитель Кемпийского встретил на своей дороге Каче-

новского; чтобы повредить ему, он прикинулся ему другом, стал беспрепятственно к нему ездить и уговорил его посещать клуб, стал увлекать его туда беспрепятственно — и это-то была главная цель его дружества: он начал с сожалением рассказывать всем и каждому, что вот какое несчастье! Такой достойный ученый, как Каченовский, пристрастился к клубу, к игре, покинул семейство, науку, и он, Давыдов, из дружбы к нему следит за ним, не покидает его, ища случая отвлечь от пагубной страсти.

Жалкое зрелище представлял из себя Давыдов, когда жаждал чина или ордена; беспокойство и волнение его не имели границ; даже узнав, что представление подписано императором, Давыдов не мог успокоиться, спрашивал, не может ли случиться, что курьера, везущего орден или чин, постигло какое-нибудь несчастье на дороге, и не может ли этот случай отдалить новое представление на неопределенное время: не бывало ли тому прежде примеров? Получив первую звезду Станислава, Давыдов не постыдился объявить, что высшие ордена производят удивительное влияние, что он чувствует себя нравственно лучше, выше, получивши звезду. Получивши орден Владимира 2-й степени, он встретился с профессором Никитенко и начал внушать ему, что во всей России чрезвычайно мало людей, которые бы имели владимирскую звезду в чине действительного статского советника. Но что в Давыдове хуже всего — это страшная мстительность; пресмыкаясь пред сильными, он требовал пресмыкания перед собою от всех, которые были ниже, слабее его, и горе человеку, в котором он заподозрил чувства, враждебные к себе, или по крайней мере недостаток раболепства; понятен вред, который причинял Давыдов своим характером; понятно, что нашлось много людей, которые соглашались пред ним раболепствовать, получали чрез него места, выгоды — и все это были люди дрянные; люди порядочные, не соглашавшиеся пред ним раболепствовать, подвергались гонению. Страшно вредно было его деканство тем, что он из низких видов явно оказывал поблажку студентам — «отецким детям», выводил их, давал высшие баллы, высшие степени не по достоинству, в предсуждение другим, более достойным, но от которых декан не надеялся получить ничего; при страшном честолюбии Давыдов не оставлял удовлетворять и другой страсти — корыстолюбию: он сильно пользовался казенным добром, когда был инспектором университетского пансиона, любил брать и от студентов, т. е. от их родителей, богатые подарки в благодарность за покровительство сынкам; в воспитанниках университетского пансиона он оставил по себе еще более тяжелое воспоминание: один из этих воспитанников, князь Голицын, явно рассказывал, что Давыдов предавался с ним педерастии. В заключение приведу стихи, которые очень верно характеризуют Давыдова:

Подлец из чести и из видов,
 Душеприказчик старых баб,
 Иван Иванович Давыдов
 Ивана Лазарева¹⁵ раб.

Душа полна стяжанья мукой,
 Полна проектов голова,
 И тащится он за наукой,
 Как за Минервою сова.

Я должен был слушать Давыдова с первого курса, и слушал очень долго, потому что второй профессор словесности, Шевырев, был в это время за границей. Содержанием лекций Давыдова было то, что мы уже знали из напечатанного в его «Чтениях о словесности»; книга известна, следовательно, мне не нужно распространяться о ее достоинстве. Но Давыдову не хотелось читать слово в слово по книге, и потому он прибег к средству, возможному только для него: именно целый год переливал из пустого в порожнее; все лекции состояли из набора слов для выражения известного и переизвестного уже; студенты слушали сначала со вниманием, ожидая, что же выйдет под конец, но под конец ничего не выходило, и потому курсу Давыдова дали название «Ничто о ничем, или теория красноречия». К счастью, почтенный профессор избавлял студентов от большого утомления следующим средством: ему нужно было читать два часа сряду, но он приходил в половине первого часа и уходил в половине второго, и читал только час.

Вторым профессором словесности был, как я уже сказал, Шевырев; Давыдов читал теорию словесности, Шевырев — историю литературы вообще и русской. Шевырев наконец приехал из-за границы, мы перешли к нему от Давыдова и попали из огня да в полымя: Давыдов из «ничто» умел делать содержание лекции; Шевырев богатое содержание умел превратить в ничто, изложение богатых материалов умел сделать нестерпимым для слушателей фразерством и бесталанным проведением известных воззрений. Тут-то услышали мы бесконечные рассуждения, т. е. бесконечные фразы, о гниении Запада, о превосходстве Востока, русского православного мира. Однажды после подобной лекции Шевырева, окончившейся страшной трескотней в прославление России, студент-поляк Шмурло подошел ко мне и спросил: «Не знаете ли, сколько Шевырев получает лишнего жалованья за такие лекции?» Так умел профессор сделать свои лекции казенными. Способность к казенности и риторству уже достаточно рекомендует человека; взгляните на его портрет — весь человек тут. В сущности это был добрый человек, не ленивый сделать добро, оказать услугу, готовый и трудиться много, но эти добрые качества заглушались страшною мелочностью, за-

¹⁵ Лазарев — попечитель Лазаревского Армянского института, где Давыдов был инспектором.

вистливостью, непомерным самолюбием и честолюбием и вместе способностью к лакейству; самой грубой лести было достаточно, чтобы вскружить ему голову и сделать его полезным орудием для всего, но стоило только немного намеренно или ненамеренно затронуть его самолюбие, и этот добрый, мягкий человек становился зверем, готов был вас растерзать и действительно растерзывал, если жертва была слаба, но если выставляла сильный отпор, то Шевырев долго не выдерживал и являлся с братским христианским поцелуем. Эта-то задорливость, соединенная с слабостью, всего более раздражала против Шевырева людей крепких, вселяла в них к нему полное отвращение, презрение. Хороши стихи, написанные на Шевырева Каролиною Павловою, хотя они далеко не определяют еще вполне его характера:

Преподаватель христианский,
Он верой тверд, душою чист;
Не злой философ он германский,
Не незаконный коммунист;
И скромно он по убежденью
Себя считает выше всех,
И тягостен его смиренью
Один лишь ближнего успех.

Основа недостатков Шевырева заключалась в необыкновенной слабости природы, природы женщины, ребенка, в необыкновенной способности опьяняться всем, в отсутствии всякой самостоятельности. Нельзя сказать, чтобы он вначале не обнаружил и таланта, но этот талант дан был ему в чрезвычайно малом количестве, как-то очень некрепко в нем держался, и он его сейчас израсходовал, запах исчез, оставил какой-то приторный выцвет. Шевырев как был слаб пред всяким сильным влиянием нравственно, так был физически слаб пред вином, и как немного охмелеет, то сейчас растает и начнет говорить о любви, согласии, братстве и о всякого рода сладостях; сначала, в молодости, и это у него выходило иногда хорошо, так что однажды Пушкин, слушая пьяного оратора, проповедывающего складно о любви, закричал: «Ах, Шевырев! Зачем ты не всегда пьян!»

От Шевырева приятно перейти к профессору, который произвел на меня самое сильное впечатление на первом курсе, именно к Крюкову. Крюков, когда я поступил в университет, читал латинский язык на трех старших курсах и древнюю историю на первом. У Крюкова, как у всех самых даровитых профессоров русских, но занимающихся науками, разработанными на Западе, не было самостоятельности; он пользовался результатами, добытыми германскими учеными, своими учителями, читал преимущественно под влиянием Гегеля, но у Крюкова был блестящий талант в изложении, блестящий и вместе твердый, не

допускавший фразы, представлявший этим противоположность шевыревскому таланту. Крюков, можно сказать, бросился на нас, гимназистов, с огромною массою новых идей, с совершенно новою для нас наукою, изложил ее блестящим образом и, разумеется, ошеломил нас, взбудоражил наши головы, вспахал, взборонил нас, так сказать, и потом посеял хорошими семенами, за что и вечная ему благодарность. Со второго курса мы слушали его уже как профессора латинской словесности, и здесь он был превосходен, обладая в совершенстве латинскою речью и силою своего таланта возбуждая в нас интерес к экзегезису¹⁶, столь важному для изучения отечественных памятников; привлекательности речи Крюкова, как латинской, так и русской, помогал очень много необыкновенно приятный, звучный орган, на котором он очень искусно умел играть как на инструменте; до сих пор (29 мая 1855 года) еще не встречал человека, который бы умел так играть на своем голосе, приводить его в такую гармонию с мыслью, с рассказом своим; некоторые лекции — например о Таците — он потом напечатал, но в книге это было не то, потому что обаяние уха исчезло.

Когда мы перешли на второй курс, то приехал из-за границы Грановский, начавший читать среднюю и новую историю. Грановский, как и Крюков, не был самостоятелен, явился поклонником также Гёгеля, но был художник первоклассный в историческом изложении. Между талантом Крюкова и талантом Грановского была такая же большая разница, как и между их наружностью: Крюков имел чисто великороссийскую физиономию, круглое полное лицо, белый цвет кожи, светлорусые волосы, светлокарие глаза; талант его более поражал с внешней стороны, поражал музыкальностью голоса, изящною обработкою речи, к нему как нельзя более шло прилагательное *elegantissimus*, как мы, студенты, его величали, но при этой эlegantности, щегольстве в нем самом, в его речи, в чтениях было что-то холодное; его речь производила впечатление, какое производит художественное изваяние. Грановский имел малороссийскую южную физиономию; необыкновенная красота его производила сильное впечатление не на одних женщин, но и на мужчин. Грановский своею наружностью всего лучше доказывает, что красота есть завидный дар, очень много помогающий человеку в жизни. Он имел смуглую кожу, длинные черные волосы, черные огненные, глубоко смотрящие глаза. Он не мог, подобно Крюкову, похвастать внешней изящностью своей речи: он говорил очень тихо, требовал напряженного внимания, заикался, глотал слова, но внешние недостат-

¹⁶ Экзегезис (греч *exēgēsis* — толкование) — здесь искусство толкования древних текстов (*иначе* экзегетика, герменевтика) — *Примеч ред*

ки исчезали пред внутренними достоинствами речи, пред внутреннею силою и теплотою, которые давали жизнь историческим лицам и событиям и приковывали внимание слушателей к этим живым, превосходно очерченным лицам и событиям. Если изложение Крюкова производило впечатление, которое производят изящные изваяния, то изложение Грановского можно сравнить с изящною картиной, которая дышит теплотой, где все фигуры ярко расцветены, говорят, действуют пред вами.

И в общественной жизни между этими двумя людьми замечалось то же различие: оба были благородные люди, превосходные товарищи, но Крюков мог внушать только большое уважение к себе, не внушая сильной сердечной привязанности, ибо в нем было что-то холодное, сдерживающее; в Грановском же была неотразимая притягательная сила, которая собирала около него многочисленную семью молодых и немолодых людей, но, что всего важнее, людей порядочных, ибо с уверенностью можно было сказать, что тот, кто был врагом Грановскому, любил отзываться о нем дурно, был человек дурной. Я сказал: кто *любил* отзываться о нем дурно, ибо и люди самые привязанные к нему должны были иногда с горем порицать его в глаза и за глаза: лень заставляла его закапывать свой блестящий талант: с необыкновенною легкостью проглатывая чужое и претворяя это чужое в свою собственность, Грановский с величайшим трудом мог заставить себя взять перо в руки; он оправдывал себя перед собою и перед другими тем, что нельзя было ничего печатать благодаря русской цензуре, особенно с 1848—1855 года, но это оправдание не удовлетворяло ни других, ни его самого: печатать было можно и в это страшное время, еще легче было печатать прежде и после него. Грановский женился очень рано на превосходной женщине, дочери доктора Мюльгаузена, сестре профессора, нашего товарища, но детей не имел. Это обстоятельство, разумеется, много способствовало его лени, беспечности; потом я уже сказал, что он был постоянно окружен толпою людей, с которыми весело было проводить дни, ночи, от остроумной веселой беседы с которыми трудно было оторваться для кабинетного труда.. К сожалению, не одною остроумною беседою занимался Грановский со своими приятелями, вино также приглашалось часто и неумеренно к усилению веселости и остроумия, но и этого мало: у Грановского была несчастная страсть к картам...

VIII

После Грановского и Крюкова самым замечательным профессором нашего факультета был Александр Иванович Чивилев, преподававший политическую экономию и статистику. Это был

gentleman в наружности и манерах, честный, точный в исполнении своих обязанностей, умный и часто зло-остроумный человек, и если не холодный, то по крайней мере холодноватый. Политическая экономия меня не так занимала; эта наука была для меня слишком жидка, хотя изложение Чивилева в научном отношении, кажется, было безукоризненно; гораздо больше удовольствия и пользы доставили мне его лекции о статистике, особенно та часть их, где говорилось о природе стран, о ее значении в жизни народов.

Греческий язык на первом и втором курсах преподавал В. И. Оболенский, с которым я уже был знаком по гимназии, где он с начала моего поступления преподавал русский язык, а потом латинский. Оболенский был человек знающий, охотник читать, заниматься, но бездарный и полусумасшедший. В гимназии он так учил русскому языку: придет в класс и вызовет какого-нибудь ученика говорить урок от доски до доски по книге, потом вызовет кого-нибудь говорить стихи, и в этом проходит весь класс. В университете он мог бы быть полезным на низших курсах, занимаясь переводами авторов, но он вредил делу тем, что не мог внушить к себе никакого уважения в слушателях, которые смеялись над ним, над его странными речами, в которых, начавши за здравие, он сводил за упокой, ибо мысли, иногда здравые, никогда не клеились в его голове одна с другой; потом он вредил преподаванию крайнею слабостью, неумением требовать от студентов приготовления к переводу. Строганов видел его неспособность и насилию додержал его до срока пенсии, чтоб не лишить бедного старика куска хлеба.

На высших курсах преподавал греческий язык А. И. Меншиков, человек бездарный, невыносимый на лекциях и также с головою, не очень стройно организованною. Строганов хлопотал и его выжить из университета, но никак не мог. Еще до выхода Оболенского был приглашен для греческой кафедры немец Гофман. Это был человек не без дарования, могший с пользою преподавать греческий язык, особенно если сравнивать его с Оболенским и Меншиковым, но немец не понимал своего положения в русском университете. И поступавшие в университет ученики гимназии не были достаточно приготовлены в греческом языке, тем менее ученики, поступавшие из других приготовительных заведений и из родительских домов; при приемных экзаменах утвердилось вредное правило, что нельзя строго требовать греческого языка, ибо это предмет трудный, отвращающий многих от поступления в историко-филологический факультет. Видя неприготовленность студентов, Гофман подумал, что им нельзя преподавать по-университетски, а надо по-гимназически, и начал душить нас на грамматике, на ее тонкостях, но что русскому здорово, то немцу смерть, и наоборот. Русский студент 18, 20 лет

и больше и не имеющий в виду быть греческим учителем, занимающийся другими предметами, хочет приобрести возможность читать как можно легче греческих авторов, для чего ему нужно постоянное упражнение, а вместо того, пробывши несколько лет в университете, посещая почти каждый день греческие лекции, он видит, что не может прочесть ни одной странички Геродота без лексикона, потому что лекции проводятся в толкованиях о различных оттенках частицы. Это студентам сильно наскучило; многие из них перестали ходить на лекции; другие, сидя на лекциях, не слушали о частице $\delta\upsilon$ и по окончании курса почти все вышли с такими знаниями греческого языка, с какими вошли в университет; метода Гофмана объяснялась еще и тем, что он преимущественно занимался грамматикой, давал уроки, чтоб приготовить к экзегезису; занять же внимание слушателей и принести им пользу он не имел времени и потому потчевал их одною грамматикою.

Русскую историю мы слушали на четвертом курсе у М. П. Погодина. Сколько прекрасная наружность Грановского приносила ему пользы, гармонируя с его художественным преподаванием, привлекая к нему женщин и мужчин, столько же вреда приносила Погодину его наружность, имевшая в себе кроме дурного еще неблагоприятное, отталкивающее. Мы пришли слушать Погодина с предубеждением относительно его нравственных качеств; он славился своею грубостью, цинизмом, самолюбием и особенно корыстолюбием. Есть много людей, которые так же самолюбивы и корыстолюбивы, как Погодин, но не слышат такими именно потому, что у Погодина душа нараспашку; что другой только подумает — Погодин скажет; что другой подумает или только скажет — Погодин сделает. Другие так же корыстолюбивы, но скрывают этот недостаток или обнаруживают его не так легко, а Погодин, мелочной торгаш, любит даровщину, любит не дать, недодать; выпустить деньгу из рук для него очень тяжело, хотя бы он и знал, что вперед будут барыши; Погодин сам признается, что он корыстолюбив, и жалуется: «Вот люди! Имей какой-нибудь недостаток, так уже они и привяжутся к нему, и никогда не будешь ты у них порядочным человеком, хотя бы при этом недостатке имел и большие достоинства». Но в том-то и дело, что у Погодина не было больших достоинств, хотя и было достоинство, довольно редкое в русском человеке, в наше время и в нашем обществе, качество, которое он вынес из своей прежней среды (о происхождении своем он не упомянул в своей автобиографии, а потому и мы молчим о нем), именно смелость, качество первобытного, простого русского человека: смелым Бог владеет — авось! — и идет напролом. Смел он на доброе дело — например написать правду о делах управления и подать ее в руки царю; смел и на то, чтобы сейчас же попросить

денег у правительства, которое знает, что он богат, и тем обнаружить свое корыстолюбие, потерять уважение, приобретенное было смелым добрым делом; смел и на то, чтобы, будучи в Брюсселе, зайти к Лелевелю — засвидетельствовать ему свое уважение; смел и на то, чтобы надуть человека, имеющего голос, значение в обществе, человека, следовательно, опасного; смел на то, чтоб обругать своего противника печатно без соблюдения приличий; смел на то, чтоб вредить врагу всякими средствами. Я сказал: смел на доброе дело; значит, в нем было побуждение и к добрым делам; это не был Давыдов, способный только на одни низости, хотя, с другой стороны, и Давыдов не так оскорблял своим поведением, как Погодин, ибо у Давыдова не было такого цинизма, такого неряшества нравственного, как у Погодина.

Человек отражался в писателе и в профессоре. Погодин менее всего был призван быть профессором, ученым; его призвание — политический журнализм, палатная деятельность или — к чему он еще более годился — площадная деятельность, значит, в России он родился некстати. Это был Болотников во фраке Министерства народного просвещения; заметим, что последнее должно было сильно смягчать первое и действительно смягчало, хотя холоп, попавший в действительные статские советники и академии, в нем сильно проглядывал. Человек низкого происхождения, но живой, умный, он в молодости увлекся на поприще, которое одно в России имеет характер публичности, соединено с шумом, движением, обольщающим живых молодых людей, поприще литературное и университетское. Он стал писать повести, издавать журнал, заниматься историею всеобщюю и русскою, особенно последнею, вошел в литературный круг. К постоянным ученым, кабинетным занятиям одним предметом Погодин не был способен от природы и не мог приучить себя в молодости при указанном разнообразии своих занятий; вот почему в русской истории явился он наездником сначала очень счастливым; в споре о происхождении варягов подметил, где твердая почва, схватился за Скандинавию, распространил Байера и явился главою скандинавцев; в споре о летописях подметил, что у скептиков золотая голова и глиняные ноги, и начал бить по ногам, живостью, задором опередил мешковатого Буткова и стал главою школы несторианцев. Но здесь и конец ученого поприща. Легко добывши себе громкое имя двумя диссертациями и несколькими журнальными статейками, Погодин засел в варяжский период, остановился здесь; вследствие прекращения движения явилась плесень. Погодин ничего не ведал дальше варягов, дошел до нелепых крайностей, запутался, завяз, ибо только широкое движение по целому обширному предмету освобождает ученого от пристрастий, спасает от крайностей, необходимого следствия

тесноты горизонта, производящей ученую близорукость; крича, что другие ничего не делают, задавая *молодым людям* предметы для занятий, Погодин сам ничего почти не делал для русской истории, а между тем утвердился во мнении, что он — во главе людей, занимающихся русскою историей; все обстоятельства, к несчастью его, содействовали к укреплению этого убеждения: Каченовский ослабел и умер, Строев (Сергей Скромненко) умер, Венелин умер; мнения последнего нашли себе защитников и развивателей в таких людях, с которыми легко было бороться, — в Морошкине, в Савельеве-Ростиславиче и т. п.; поле, следовательно, осталось за Погодиным, и он трубил победу; огромная библиотека, им собранная, заставляла его думать, что в его руках все сокровища русской истории, что *молодые люди* могут заниматься ею голько с его позволения, с его благословения, хотя сам он меньше всякого другого имел понятие о своей библиотеке, особенно о древних рукописях; наконец, связь его с славянскими учеными, которые обходились с ним с чрезвычайным уважением, ибо он посылал к ним книги и деньги, давали ему видное место в целом ученом славянском мире.

Но этот пророк не был признан в своем отечестве; в Московском университете ему было не очень ловко. Во-первых, лекции его не могли возбудить в студентах восторга, сделать из них жарких поклонников. Вот как он читал: сначала месяц-другой посвящал славянским древностям, которые читались буквально по Шафарику; потом переходил профессор к подробному рассмотрению вопросов о достоверности русских летописей и о происхождении варягов-Руси, т. е. прочитывались обе его диссертации. После этого времени оставалось уже немного; это остальное время Погодин проводил в том, что приносил Карамзина и читал из него разные места, не самые слабые и вместе значительные по предмету, требовавшие пояснений, дополнений; этого Погодин, кроме варяжского периода, сделать был не в состоянии, ибо все, что выходило по русской истории, драгоценные издания Археографической комиссии, для него не существовало; он выбирал из Карамзина места красивые, превращал класс русской истории в класс риторики — так, напри[м]ер, читал с восторгом карамзинское описание Тамерлановых походов и требовал от слушателей, чтоб и они также восторгались этим описанием; потом обращал внимание слушателей и заставлял их восторгаться искусством Карамзина в переходах от рассказа об одном событии к рассказу о другом; главная его цель при этом была убедить студентов, что русская история интересна, что она не хуже какой-нибудь другой, французской и английской; иногда, очень редко, впрочем, приносил и летописи, читал из них места; так, напри[м]ер, он прочел нам знаменитое место в споре владимирцев с ростовцами по смерти Андрея Боголюбского. Но какая же

была цель этого чтения? Показать, что вот и в русской истории бывали события вроде западных, являлись на сцену города, граждане, выбирали князей и проч. Так, отрывками, добирался Погодин до 1612 года и здесь — по крайней мере на нашем курсе — остановился. Кроме того, значительная часть лекций посвящалась разговорам со студентами, указаниям, что вот чем надобно заниматься, — изложить историю сословий, историю княжеств, историю городов и проч., в чем, разумеется, студенты соглашались, но главное, как это делать, об этом не было помину; развивал Погодин притом свою любимую тему, что *молодые люди* самодлюбивы, не хотят бескорыстно трудиться на стариков. «Ведь вот никто из них не пойдет к старому ученому дрова носить» — так выражался Погодин, разумея под дровами черную ученую работу, приискивание мест в источниках и т. п. Все эти разговоры были забавны, но нисколько не привлекали сердца слушателей к Погодину; смешно было видеть человека самого самодлюбивого, жалующегося на самодлюбие других, человека корыстолюбивого, требующего бескорыстия от других.

Таковы были отношения Погодина к студентам; с старыми товарищами своими профессорами Погодин еще сходил, с некоторыми был даже дружен по отношениям молодости, напр [имер] с Шевыревым, Кубаревым, но когда приехала толпа новых профессоров из-за границы, Крюков с товарищами, то между ними и Погодиным началась явная вражда; вражда эта происходила прежде всего из того, что манеры Погодина, его цинизм произвели самое неприятное впечатление на этих новичков, привыкших к совершенно другим манерам; потом эти господа поонемечились, *jurabant in verba magistrorum*¹⁷, и так как сначала главное право их на места, главное достоинство их состояло в заграничном образовании, то естественно, что они гордились этим достоинством, превозносили все тамошнее в ущерб здешнему; это задело за живое Погодина, представителя славянофилизма в университете: он стал называть молодых русских профессоров немцами и даже говорить, что онемеченный русский гораздо хуже, вреднее для России, чем немец, что от посылки молодых русских ученых за границу происходит страшное зло для университетов, и проч. Понятно, какие приятные чувства возбудили в молодых профессорах подобные мнения; их вражда разгорелась, и тем менее они могли щадить Погодина, что характер этого защитника Руси не мог внушить им никакого уважения.

Граф Строганов, назначенный попечителем, нашел университетский корпус в плачевном состоянии, именно в таком же, в каком нашел и гимназию, и в университете произвел такой же

¹⁷ Поклялись в верности учителям (*лат.*) — *Примеч ред*

благодетельный переворот, как и в гимназии. Большая часть профессоров были люди бездарные, отсталые, с нелепыми выходками и привычками, подвергавшиеся вследствие того насмешкам студентов; мы уже с трудом могли верить рассказам наших предшественников дострогановских о том, что позволяли себе смирновы, маловы, щедритские, снегиревы на лекциях и экзаменах. Строганов выгнал их всех и заместил кафедры новопривычными из-за границы учеными; отсюда понятно, что он связал свое дело неразрывно с делом последних, которые нашли в нем покровителя и проводителя их мыслей и планов; отсюда понятно, как он смотрел на эти остатки старины — на Погодина, Шевырева, Давыдова; он держал их в университете по авторитету, какой они успели приобрести, и по неимению людей, которыми бы можно было их заменить, ибо для кафедры русской истории и русской словесности не посылали молодых людей за границу, а свои еще не подросли; на ученые достоинства этих господ Строганов смотрел через очки молодых профессоров, следов [ательно], не очень уважал эти достоинства; кроме того, он их раскусил с первого раза и возненавидел их как людей: Давыдова начал презирать как подлеца, из-за ордена и чина готового на всякую гнусность; Шевырева — как человека мелкого и вместе задорного, несносного; Погодина — как корыстолюбивого, грязного холопа и вместе с тем дерзкого, надменного; закаленный аристократ Строганов сейчас же враждебно оттолкнулся от демократа Погодина, демократа-блужника Болотникова во фраке Министрства народного просвещения. Трое этих господ с придачею еще четвертого, Перевошикова, преподавателя очень способного, но человека грубого, не умевшего разбирать средства для достижения целей, видя отвращение от себя попечителя, бросились к министру Уварову, врагу Строганова.

Уваров был человек, бесспорно, с блестящими дарованиями, и по этим дарованиям, по образованности и либеральному образу мыслей, вынесенным из общества Штейнов, Кочубеев и других знаменитостей Александровского времени, был способен занимать место министра народного просвещения, президента Академии наук etc., но в этом человеке способности сердечные несколько не соответствовали умственным. Представляя из себя знатного барина, Уваров не имел в себе ничего истинно аристократического; напротив, это был лакей, получивший порядочные манеры в доме порядочного барина (Александра I), но оставшийся в сердце лакеем; он не щадил никаких средств, никакой лести, чтобы угодить барину — императору Николаю; он внушил ему мысль, что он, Николай, творец какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала, т. е. слова: православие, самодержавие и народность; православие — будучи безбожником, не веруя в Христа даже и по-протестантски;

самодержавие — будучи либералом; народность — не прочтя в свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-немецки. Люди порядочные, к нему близкие, одолженные им и любившие его, с горем признавались, что не было никакой низости, которой бы он не был в состоянии сделать, что он кругом замаран грязными поступками. При разговоре с этим человеком, разговоре очень часто блестяще умном, поражали, однако, крайнее самолюбие и тщеславие; только, бывало, и ждешь — вот скажет, что при сотворении мира Бог советовался с ним насчет плана. Понятно, как легко было поймать в свои сети такого самолюбивого и тщеславного человека людям, подобным Давыдову; стоило только льстить, кадить целый день; и вот Давыдов овладел полною доверенностью Уварова; другим средством к приобретению доверенности и расположения Уварова для Давыдова, равно как и для Погодина, Шевырева и Перовшикова, была вражда к Строганову, ибо последний знал Уварова как он есть, презирал его как подлеца, грязного человека и по характеру своему не скрывал этого презрения. Мне говорили, что была еще сильная причина ненависти: Уваров имел связь с мачехою Строганова — отсюда ненависть между министром и попечителем, вредившая так много Московскому университету и округу и поведшая к такой печальной для них развязке.

IX

Все эти отношения (1838—1842 гг.) имели большое влияние на меня, на мою будущность. Я говорил уже, с какою страстью в отрочестве предавался чтению Карамзина. Это было еще до вступления в гимназию; в гимназии и в университете я почти не затрагивался уже до Карамзина, ибо он не представлял более для меня ничего нового; в университете я занялся всеобщею историею вследствие толчка, данного Крюковым и Грановским, но время проходило не столько в изучении фактов, сколько в думании над ними, ибо у нас господствовало философское направление; Гегель кружил всем головы, хотя очень немногие читали самого Гегеля, а пользовались им только из лекций молодых профессоров; занимавшиеся студенты не иначе выражались как гегелевскими терминами. И моя голова работала постоянно: схвачу несколько фактов и уже строю на них целое здание. Из Гегелевых сочинений я прочел только «Философию истории»; она произвела на меня сильное впечатление; на несколько месяцев я сделался протестантом, но дальше дело не пошло, религиозное чувство коренилось слишком глубоко в моей душе, и вот явилась во мне мысль — заниматься философию, чтобы воспользоваться

ее средствами для утверждения религии, христианства, но отвлеченности были не по мне; я родился историком. В изучении историческом я бросался в разные стороны, читал Гиббона, Вико, Сисмонди; не помню, когда именно попало мне в руки Эверсово «Древнейшее право руссов», эта книга составляет эпоху в моей умственной жизни, ибо у Карамзина я набирал только факты, Карамзин ударял только на мои чувства. Эверс ударил на мысль, он заставил меня думать над русскою историюю.

С большим запасом фактов от Карамзина и с роем мыслей в голове, возбужденных Гегелем, Вико, Эверсом, я вступил на четвертый курс и стал слушать Погодина. Понятно, что лекции не могли меня удовлетворить, ибо они не удовлетворяли и товарищей моих, хуже меня приготовленных. Бывало, он начнет что-нибудь читать по Карамзину, а я ему подсказываю: «Вот тут-то, Михаил Петрович! В примечаниях есть еще важное указание». Товарищи прозвали меня суфлером Погодина, и он сам обратил на меня внимание; внимание это усилилось, когда я подал ему сочинение о первых веках русской истории, или экзегезис известной начальной летописи, где опровергнул несколько его положений. И вот однажды Погодин с кафедры обратился ко мне и сказал: «Г. Соловьев! Заходите когда-нибудь ко мне». Я явился к нему, принят был благосклонно. Первый вопрос: «Чем вы особенно занимаетесь?» Ответ: «Всем русским, русскою историюю, русским языком, историюю русской литературы». В последний университетский год действительно таково было направление моих занятий. Крюков, которого заинтересовало мое сочинение о египетской истории, хотел было переманить меня на древнюю почву. «Г. Соловьев!—объявил он мне громко при всех.—Я ношу ваше сочинение в кармане, не могу с ним расстаться». Потом он говорил моему отцу: не хочу ли я преимущественно заняться древностями? Я поступил, быть может, неучтиво, ничего не отвечая ему на эти заманывания, ибо я знал, что дело пойдет не об одной древней истории, но также и о партикуле, и о метрике; я знал, что должен буду заниматься всеми этими противными вещами, должен буду стараться писать хорошо по-латыни, к чему я также чувствовал сильное отвращение. Погодин не сказал мне о моем сочинении—нравится оно ему или нет, сказал только: «Я хотел бы с вами потолковать о вашем сочинении, но куда-то его запрятал, так что отыскать не могу». Он пригласил меня посещать его, пользоваться его библиотекой, и я бывал у него довольно часто, хотя не удалось быть у него много раз, ибо это уже было во второе полугодие последнего, четвертого курса; всякий раз я встречал ласковый прием.

Прошел Великий пост; в Вербную субботу получаю от инспектора I гимназии Попова (о котором как учителе моем уже было сказано прежде) приглашение прийти к нему по нужному делу: по

поручению гр. Строганова Попов обратился ко мне с вопросом, не соглашусь ли я ехать за границу, чтоб быть домашним учителем при детях брата его, графа Александра Григорьевича. Срок — год, цена — 1200 франков. Я согласился: отвергнувши предложение Крюкова, занявшись преимущественно Русским, я не имел никакой надежды отправиться за границу на казенный счет, а на свой не имел средств; до выдержания магистерского экзамена что бы я стал делать в Москве? Должен был бы определиться учителем в какую-нибудь гимназию, тогда как тут случай побывать за границею и приобрести протекцию Строгановых, важную и при искании места в Московском университете, и в том случае, если это место не отыщется и я принужден буду поступить в гражданскую службу. На третий же день я объявил Попову о своем согласии, но Строганов не велел мне являться к нему для окончательных переговоров до окончания экзаменов, чтоб не развлекать меня в приготовлении к ним, — Строгановская черта! Экзамены, как всегда, шли очень успешно. На экзамене из русской истории Погодин, выслушавши мой ответ, обратился к сидевшему тут начальству и сказал: «Рекомендую г. Соловьева — это лучший студент курса по русской истории, один из лучших во все продолжение моей профессорской службы; не скажу: лучший из всех — были прежде и другие такие же». В это время Погодин уже разглашал о своем скором выходе из университета и подал в совет имена тех лиц, которые могут занять его место, то были: Григорьев, ориенталист, написавший магистерскую диссертацию о ярлыках; Калачов, который с самого начала приобрел у профессоров своего факультета репутацию человека необычайно трудолюбивого, но с образцово темною головою, каким он и был всегда на самом деле; третьим был назначен Бычков, кандидат нашего факультета, до сих пор (сентябрь 1855 года) идущий быстро относительно крестов и чинов, библиотечарь в Императорской Публичной библиотеке, занявший место Березникова, место издателя летописей в Археографическом комитетии, человек, отличающийся петербургским характером деятельности, поверхностностью, шерамыжничеством; четвертым, наконец, был назначен я.

Когда я сказал Погодину о своем решении ехать за границу при Строганове, он вполне одобрил мое решение, распространившись насчет необходимости для каждого молодого русского человека посмотреть чужие земли.

До гимназии и во время гимназического курса ездил я с отцом и матерью три раза в Ярославль для свидания с дядею моей матери, который был там архиереем (Авраам-архиепископ, знаменитый своею страстью к строению церквей). Эти путешествия совершались на долгих, т. е. бралась кибитка тройкою от Москвы до самого Ярославля; 240 верст проезжали мы в четверо суток,

делая по 60 верст в день; выехавши рано утром и сделавши 30 верст, в полдень останавливались кормить лошадей, кормили часа три, потом вечером останавливались ночевать. Таким образом познакомился я с Троицкою лаврою, Переяславлем-Залесским с его чистым озером, Ростовом с его нечистым озером и красивым Ярославлем с Волгою. От этих поездок остался в моей памяти один любопытный случай: в первую поездку (мне было тогда лет восемь-девять), остановившись ночевать в Ростове, отец вместе со мною отправился к архимандриту Яковлевского монастыря Иннокентию; разговаривали они о всякой всячине, и между прочим архимандрит спросил отца: «Чем у вас, батюшка, малютка-то занимается?» Отец отвечал: «Да вот пристрастился к истории, все читает Карамзина». Тогда архимандрит обратился ко мне и спросил: «А что, миленький, вычитал ты о нашем Ростове, что о ростовцах-то говорится?» Я очень хорошо помнил рассказ о событиях по смерти Андрея Боголюбского, поведение ростовцев относительно владимирцев, помнил оглавление II главы третьего тома «И [стории] г [осударства] Р [оссийского]», где читается: «Гордость ростовцев», и помнил только это, позабыл, что говорю с ростовцем, и отвечал: «Ростовцы отличались в древности гордостью». Не знаю, каково было первое впечатление, произведенное моим ответом на архимандрита, только он сказал, обращаясь к отцу: «А что, батюшка, ведь малютка-то правду сказал, до сих пор народ наш отливается гордостью, неуступчивостью».

Я припомнил мои поездки в Ярославль по поводу поездки моей в Петербург в 1842 году. Эта поездка не была похожа на ярославские: поехал я не на долгих, но в почтовой карете, которая на третьи сутки принесла меня на берега Невы; езда действительно была великолепная, европейская, шоссе гладкое, а по сторонам — известно, что бывает в России по сторонам большой дороги, хотя надобно сказать, что стороны шоссе Петербургской дороги все были живописнее и занимательнее сторон железной дороги: по первой проезжали через города, через красивую Тверь, Торжок, Вышний Волочек — русскую Венецию, — через Валдай, Новгород, где Волхов приятно поразил меня своим шумом и напомнил Марфу Посаднику. В Петербурге пробыл я только два дня, на третий уже переехал на пароход «Наследник», шедший в Травемюнде. Переезд через Балтийское море был очень неприятен: пароход был небольшой и весь наполнен; приехали много иностранцев смотреть торжества по случаю серебряной свадьбы императора, и теперь они возвращались домой; на всем пароходе я только один был русский. Этот внезапный переход к чужим людям был для меня тяжел — не с кем русского слова сказать! Я не выношу тесноты, мне душно и неловко, когда я сяду в театре в середину ряда, а тут спи в ящике, живом подобии гроба; каюта первого класса была занята знатными

и богатыми иностранцами; я взял место в каюте второго класса и должен был обедать, завтракать и спать с лакеями знатных и богатых людей. Вечером первого дня (это было 5 июля, день моих именин) заняла меня картина морской тиши, но тишина была перед бурей, на другой день — проливной дождь, ветер, страшная качка, морская болезнь; целый день я пролежал; море мне надоело сильно, и невыразимый восторг овладел мною, когда я вышел на берег и в дилижансе поехал из Травемюнде в Любек; страна показалась мне земным раем; занял меня и Любек старинною архитектурою своих домов. Из Любека отправился я в дилижансе в Берлин. Первые дни в Берлине — суббота и воскресенье — были для меня очень скучны: один в незнакомом городе, не знал, где отыскать русских; толкнулся в церковь — службы нет, священник летом в Потсдаме, для русской солдатской колонии. В понедельник рано утром приходит ко мне какой-то поляк и предлагает свои услуги; я чрезвычайно обрадовался; первый вопрос: как бы мне отыскать молодых русских, занимающихся в здешнем университете? Чичероне-поляк повел меня в университет, справился о русских, об их квартирах. Я велел вести себя на квартиру Попова, магистра Московского университета, который недавно защищал диссертацию о «Русской Правде», отличился тем, что чрезвычайно ловко защитил жиденскую диссертацию и после диспута еще вел перепалку с Погодиным. Попов свел меня и со всеми другими русскими — с Пановым, Ефремовым, о которых упомяну я после.

Я зажил теперь весело: поутру ходил на лекции, обедал вместе с русскими; после обеда отправлялись вместе на загородные прогулки. Долго в Берлине пробыть я не мог,⁴ и потом мне хотелось прослушать по нескольку лекций всех знаменитостей здешнего университета. Слышал я Шеллинга, великолепного старика с орлиным взглядом, с торжественною речью, производившего большое впечатление на слушателей уже одною этою торжественностью, так идущею к содержанию философско-историческому. Слышал я Неандера, знаменитого церковного историка; лекция его была жидка по содержанию, в ней не было ничего для меня неизвестного, не было и новых мыслей, но немцы записывали усердно. Еврей по происхождению, Неандер славился своими христианскими добродетелями и своими странностями, рассеянностью; так, рассказывали, что однажды он пришел на лекцию без нижнего платья; переменявши квартиру, он ходил в университет мимо старой, хотя это было совершенно в другую сторону, но иначе профессор не нашел бы дороги; на кафедру клали перед ним всегда перо: начавши читать, он брал его и ломал во все продолжение лекции, иначе, не имея чего вертеть в руках, он не мог бы читать свободно; лицо его сейчас же напоминало еврейское происхождение; особенно выдавались

на нем необыкновенно густые черные брови. Слышал я географа Риттера, почтенного старичка в туфлях, очень образно объяснявшего свой предмет; его звали котом или котиком за мягкость и плавность манер и речи. Слышал Ранке, коверкавшегося на кафедре, как пьяная обезьяна, и желавшего голосом и жестами выразить характер рассказываемого события; Раумера, довольно видного господина с безжизненной речью. Слышал Бёкка, сидевшего на кафедре поджавши ногу и не пропускавшего случая подтрунить над соперником своим Германом Лейпцигским.

Из Берлина я отправился впервые по железной дороге в Дрезден, который мне очень понравился своим положением, Брюлевскою террасою с ее дешевыми наслаждениями — мороженым и музыкою, картинною галереєю и оперою; в картинной галерее любимую картину, перед которой я долее других останавливался, был Тицианов «Il Cristo della moneta»¹⁸: поражала меня здесь противоположность двух лиц — Христа с его божественным спокойствием и искусителя с его искаженным от лукавства лицом. В Дрездене я осведомился, где Строгановы, узнал, что в Теплице, и отправился туда. Опять очутился я в чужом доме, опять столкнулся лицом к лицу с русскими барами. Александр Григорьевич Строганов, бывший министр внутренних дел, принужденный оставить должность по неудовольствию с императором, служил страшным примером, какие люди в России в царствование Николая I могли достигать высших степеней служебной лестницы: зажмурив глаза и прислушиваясь к разговору Александра Строганова, можно было у обоих братьев много сходного в голосе, в постановке фразы, но как сильно сначала поражало сходство, так же сильно потом поражало различие. Александр имел все недостатки Сергея, не имея ни одного из его достоинств. Конечно, могут сказать, что я выразился очень резко, решительно; могут сказать, что Александр имел некоторые из достоинств Сергея, например был честен, не способен брать взятки, но из уважения к Сергею я не хочу даже считать в числе его достоинств служебную честность. Имея ум чрезвычайно поверхностный, Александр мечтал, что обладает способностями государственного человека, и не знал границ своей умственной дерзости; с важностью выкладывал какую-нибудь нелепую мысль и старался ею озадачить, упорно поддерживая и обстроивая другими подобными же нелепостями. При этом — ни малейшего благородства, деликатности. Жена была еще хуже мужа: с умом и образованием также поверхностными, с огромными претензиями на то и другое, с полным отсутствием сердца, эгоизм воплощенный, неразборчивость средств, способность унижаться до самых неприличных искательств, когда считалось нужным, и в то же время

¹⁸ Название картины Тициана «Динарий кесаря» (итал.) — *Примеч ред*

гордость, властолюбие непомерное — вот графиня Наталья Викторовна Строганова, урожденная княжна Кочубей. Эта чета была испорчена губернаторством; прежде занятия министерского места Ал. Строганов был генерал-губернатором черниговским, харьковским и полтавским. Понятно, какое страшное искушение представляет и для порядочных лиц первенствующее положение; понятно, как это первенствующее положение, это раболепство русского губернского чиновничества, дворянства и купечества пред генерал-губернатором легко развратили Строгановых. В Петербурге также — блистательное положение: графиня, умевшая владеть разговором, очень недурная собою, особенно вечером, с огромными связями как дочь Кочубея держала блистательную министерскую гостиную. И вдруг — опала! Император Николай понял наконец, что избранный им министр внутренних дел не годится даже в ротные командиры, и отставил его.

По обыкновению опальных властей, Строгановы отправились за границу прямо в Париж. Экс-министр начал фланировать, схватывать резкие черты нравов и рассказывать их за обедом жене, вечером — приезжим русским; познакомился с Тьером, также экс-министром, — но этим сходство между ними и ограничивалось, — наконец, стал посещать лекции анатомии. Экс-министерша сначала очень скучала; пользоваться удовольствиями, за которыми приезжали в Париж другие русские, посещать театры и проч. она не хотела: эти удовольствия были ниже ее; она привыкла к более серьезным занятиям, к министерским разговорам; притом, парижские удовольствия требовали много денег от дамы, а она была относительно небогата, прожить много не могла. Она сблизилась с одною русскою дамою, поселившеюся давно уже в Париже, Свечиною. Свечина эта приняла католицизм и под руководством разных аббатигов в сутанах и во фраках занялась делами милосердия. Эти аббатисы и аббатиса Свечина поймали нашу Строганову, что было им нетрудно: досада на все русское, преимущественно на императора, не могла возбудить в ней горячего усердия к русской Церкви, которая, по утверждению не совсем несправедливых католиков, имеет папу в императоре; поверхностное воспитание, холодность нашего духовенства, отсутствие интереса к религиозным вопросам в Петербурге, в сановническом кругу, не дают нашим барам, и особенно барыням, никаких средств узнать правду нашей Церкви относительно католицизма; поэтому всякому аббатигу, иезуиту легко уверить их, что вне католицизма нет спасения. Строганову, женщину без убеждений, без сердца прельстила эта внешняя, чувственная, театральная набожность католическая; прельстила ее эта новая открывшаяся ей деятельность, это католическое милосердие, так тесно переплетенное с интригою, с составлением обществ, лотереями, со всеми этими мирскими забавами, подкрашенными христианством, но не

имеющими в себе ничего христианского. Как только я свиделся с Строгановыми в Теплице, так тотчас заметил, что графиня окунулася, и с головою, в католицизм; она не скрывала своих мнений (сказать *убежденный* было бы много) не только при мне, домашнем человеке, но и при всех других русских, вследствие чего сейчас же распространился слух, что она приняла католицизм. От графа в два года я не слыхал ни слова о вере; он аккуратнo каждое воскресенье ездил к обедне в русскую церковь, но графиня первый год по воскресеньям отправлялась в католическую, а по пятницам — в русскую для избежания тесноты, но на другой год, когда об этом начали слишком громко говорить, начала и она ездить по воскресеньям в русскую церковь. Говорили, что у нее был любовник в Париже, жиденький французик маркиз де Мелон, занимавшийся делами милосердия в приходе Свечиной; действительно, он часто бывал у нее, часто обедал; видел я, как она прогуливалась с ним вечером по Парижу, по улицам, но вот и все, что я могу сказать. После, уже лет через десять, я слышал в Петербурге, что она ведет дурную жизнь и даже называли ее Мессалиною, но я могу сказать только то, что сказал.

В Теплице у Строгановых было трое детей; сын лет двенадцати, дочь лет тринадцати и еще маленький сын лет семи или восьми. Старший сын был неглуп, но уже в таких нежных летах чувственные наклонности начали в нем сильно развиваться и препятствовать нравственному и умственному развитию; в двенадцать-тринадцать лет уже заметно было нравственное ожирение в мальчике; девочка, очень дурная лицом, была живее и чище во всех отношениях; третьего малютку я не узнал, ибо на пути из Дрездена в Веймар он подавился куриною костью, которую дала ему сама мать, и умер в Веймаре. Кроме меня в доме были гувернер для мальчиков, гувернантка для девочки. Гувернером был бедный савояр Дюфуг без всякого образования и без претензий, добрый малый. Гувернантка была (позабыл фамилию) швейцарка; она заслужила благоволение графини тем, что резко высказывалась против католицизма, и уже положено было в Дрездене ее отправить, а в Франкфурте ожидала уже другая, которая прежде жила у них, также протестантка, швейцарка, но в которой предполагалось более равнодушия к своему исповеданию, но потом и эта по той же причине не понравилась, и взята была католичка, ходившая каждый день к обедне.

Х

Из Теплица я поехал вместе с Строгановыми в Дрезден, уже мне знакомый, из Дрездена — в Веймар, где, как уже сказано, умер маленький граф; из Веймара я доехал с Строгановыми до

Франкфурта; здесь на мое место в карете села новоприбывшая гувернантка, и я отправился один, что для меня было чрезвычайно удобно и выгодно: я останавливался где хотел, тогда как, езда вместе с Строгановыми, я не видел бы ничего, ибо они ездили из Богемии в Париж и из Парижа в Богемию зажмурия глаза, хлопоча только о том, как бы поскорее доехать, и смеялись над теми русскими, которые, подобно англичанам и немцам, останавливаются везде и рассматривают все любопытное; эта насмешка показывает лучше всего природу петербургских сановников, потерявших интерес ко всему, кроме мелких интриг честолюбия. Из Майнца я отправился по Рейну на пароходе в Кёльн. Рейнские берега в первый раз меня сильно поразили, во второй — уже не так, а в третий — я просидел целый день в каюте, разбираясь в своих бумагах. Но Бельгия и в первый, и в другой раз произвела на меня одинаково благоприятное впечатление по своему опрятному, чисто европейскому труду, видимому везде, и необыкновенной деятельности, движению, особенно на железных дорогах, где не довольствуются тем, что предлагают вам напитки и закуски, но также предлагают дешевые брюссельские издания французских сочинений; а города — с их геройскою средневековою историею и с их цветущим настоящим, с их свободою и благочестием, с их церквами, наполненными произведениями искусства и богомольцами, не женщинами, как во Франции, но мужчинами, и молодыми! Бельгия служила для меня утешительным доказательством, что свобода совместима с религиозностью и крепче от этого соединения, что народ, дельный по преимуществу, всегда религиозен. Из Брюсселя я отправился в Париж, куда попал сверх чаяния, ибо Сергей Строганов, отпуская меня из Москвы, прямо сказал мне, что брат его будет жить в Италии; но, приехавши в Теплиц, я узнал, что их сиятельства не могут нигде жить, кроме Парижа. Это известие заставило меня провести несколько очень неприятных дней, ибо быть за границею и не быть в Италии было очень для меня тяжело. Но делать было нечего, надобно было покориться судьбе, и я отправился в Париж, утешая себя мыслью, что через год, накопивши денег, успею съездить как-нибудь на свой счет в Италию.

Итак, я жил тогда в Париже. Париж внешнею своею стороною много поразить меня не мог: я уже видел много больших европейских городов, привык к громадным домам, громадным общественным зданиям, но и после германских и бельгийских городов поразило меня развитие промышленности, эта роскошь в ней; поразили меня мраморные столы в мясных лавках, искусство показывать товары; поразила страшная деятельность, написанная на всех лицах; на этих живых кельтических лицах, которые были для меня очень привлекательны после немцев. Чистый славянин, получивший воспитание русское, свободное, без гувер-

нера-иностранца, я свободно мог предаваться влечению славянской природы, вследствие чего не люблю немцев и сочувствую романским кельтическим народам. Я плохо говорю на всех иностранных языках, которых знаю четыре: французский, немецкий, английский и итальянский, кроме польского и латинского; я разумею под знанием свободное чтение авторов; свободно читать греческих авторов я не выучился в университете и после, не имея упражнения, скоро позабыл и о том, что знал. По-чешски я не очень свободно читаю, но французский, английский и итальянский языки для меня родные по своему складу, но совершенно чужд немецкий, особенно новый; читать французскую, английскую и итальянскую книгу для меня так же легко и приятно, как читать русскую; читать немецкую книгу — труд тяжелый.

За границу я подметил резкое различие между русским и немецким относительно пищи: русский, т. е. славянин, — преимущественно хлебоедец, немец — мясоедец; маленькие булочки, которые подаются к столу в Германии, приводили меня в отчаяние, ибо совестно было беспрестанно спрашивать хлеба. Французы и бельгийцы гораздо хлебоеднее немцев и здесь, следовательно, приближаются к славянам; это приближение особенно заметно в одинаково сильном употреблении медовых коврижек на востоке и на западе Европы, но не в середине. Сильно понравились мне жантильные¹⁹ французенки после неуклюжих, большеногих немок; понравилась простота в одежде: обыкновенно черное или темное платье, черная мантилья, черная шляпка с маленьким черным пером, тогда как на немках пестрота, потом голошейность, голорукость, тогда как во Франции голошеими ходят по улицам только женщины известного поведения.

Вообще я был доволен парижскою жизнью. Занятий у Строгановых у меня было немного, не более трех часов до полудня; после все время я мог употреблять для себя. Позавтракавши в 12 часов, я отправлялся в Королевскую библиотеку. Главная цель моих занятий уже была определена — русская история, но для занятий ею у меня было мало средств, кроме Полного собрания русских летописей — ничего, и потому я решился заниматься историею всеобщею, преимущественно славянскою. Чтоб определить и в этих занятиях, я решился написать сочинение, темою которого было отношение дружины к родовой общине: из антагонизма замкнутого рода и толпы людей, выделившейся из него большею частью насильственно, я объяснил главнейшие явления в истории человечества. В Азии на семитические племена я смотрел как на представителей родового начала, на персов — как на представителей дружинного, в Европе на пелазгов, под

¹⁹ От фр gentil — милый, славный, любезный, миловидный, хорошенький (примеч ред)

которых включал и славян, смотрел как на представителей родового начала, на еллинов — дружинного; в римской истории в борьбе патрициев и плебеев я видел борьбу родового и дружинного начала. Для проведения моей мысли мне необходимо было изучить мифологию, чем я преимущественно и занимался в Королевской библиотеке. В 3 часа я возвращался из нее и садился писать, писал два часа до обеда, т. е. до шести часов, после обеда читал новые книги и журналы. В воскресенье, вставши и напившись молока, отправлялся я в русскую церковь, находившуюся в конце Елисейских Полей. После обедни заходил к священнику Вершинскому, человеку ученому, но самодуроватому; он снабжал меня также некоторыми книгами. К священнику после обедни сходились пить чай все русские среднего сословия. Из них я больше всего сблизился с Сажиным, гувернером у князя Гагарина; с этим Сажиным я вместе учился в коммерческом училище: это был человек далеко не ученый, но умный, верно смотрящий на все, добрый и веселый. Иногда мы с Сажиным оставались обедать у священника, но обыкновенно после чаю мы отправлялись с ним таскаться по Парижу, по церквам, в Лувр, в загородные места; потом обедали вместе в Пале-Рояле, за два франка, и вечером отправлялись в театр; жаживали мы в итальянскую оперу, не очень, впрочем, часто по причине дороговизны, а стоять спозаранку в хвосте, чтоб иметь дешевые места, мы не хотели; только два раза были во Французском театре — посмотреть Рашель; я признал в ней великий талант, тут же назвал ее лицедейкою по преимуществу, но не пристрастился к ее представлениям; причина заключалась в моей слабонервности; воскресенье должно было быть для меня *recreatio animi et corporis*²⁰, я хотел избежать в этот день всего тяжелого, а трагедия была тяжела для моих нервов. Вот почему я преимущественно отправлялся в французские оперы — Большую и Комическую или в Пале-Рояль — смотреть *m-lle Дежазе*, старушку, несравненно игравшую молоденьких девушек и особенно молоденьких мужчин, Равеля, возбуждавшего хохот одним появлением своим на сцену, или в «Водевиль» смотреть Арналя, в «Варьете» смотреть Буффе.

Приближалась зима; начали открываться курсы, которых я дожидался с нетерпением, но они не удовлетворили меня. Разумеется, я прежде всего бросился на исторические курсы к Ленорману в Сорбонну, к Мишле в Коллеж-де-Франс. Ленорман, красивый плотный мужчина с усами, смотрел тамбур-мажором, а не профессором; вместо истории предметом его чтений во все продолжение курса была защита христианства против Штраусса. Защита была довольно жиденькая, несмотря на то, Ленорман производил сильное впечатление; он импровизировал, увле-

²⁰ Отдохновение душой и телом (*лат*) — Примеч. ред

кался своим предметом и увлекал других; я был бы еще довольнее его лекциями, если б он не читал исключительно с католической точки зрения. Повторяю, что в научном отношении лекции его были очень слабы, но можно утвердительно сказать, что из многочисленной толпы его слушателей едва ли человека три читали Штраусса; всего удачнее у него выходила защита христианства как коренящегося на неизменных нравственных убеждениях человечества. Я помню, как однажды он обратился к молодым своим слушателям с такими словами: «Господа! Если когда-нибудь кто из вас хотел обольстить девушку для удовлетворения своей чувственности, то неужели тайный голос не говорил ему, что он делает подлость?»

По свойству таланта, по способности к одушевлению к Ленорману приближался Эдгар Кине. Сначала Кине читал очень спокойно по тетрадке историю литературы в Коллеж-де-Франс, но к концу академического года в палатах и в журналистике разыгрался вопрос об иезуитах, и вот Кине вместе с Мишле начал читать против них лекции. Однажды я, ничего не зная, пришел в аудиторию, где должен был читать Кине, занял место, смотрю — аудитория наполняется больше обыкновенного, становится страшная теснота, а толпа все прибывает; вновь прибывшие, не имея места, начинают кричать, чтобы переменена была аудитория; те, которые уже заняли места, не хотят этого, ибо им невыгодно идти теперь позади и занимать худшие места в новой аудитории. Кине не является, дожидаясь, чем кончится дело; наконец прежде пришедшие осилили и криками заставили профессора явиться. Кине был тут на своем месте, читал с большим одушевлением, рукоплесканиям не было конца; мне было очень приятно слушать, ибо сильно не жую иезуитов, хотя, с другой стороны, не жую и того начала, которое дает силу иезуитам среди людей слабых, не умеющих держаться на середине. Следующие лекции Кине против иезуитов читались уже в другой, большой аудитории.

Я упомянул выше о Мишле. Я пришел к нему на первую лекцию, думая выслушать с пользою целый курс истории Франции; он читал в самой большой аудитории, которая, однако, была наполнена. Вошел на кафедру седой старичок и начал говорить — о чем, Бог его знает! — страшный винегрет, и вовсе не занимательный, утомительный, переданный без одушевления; я бросил ходить на эти лекции. Но когда дело дошло до иезуитов, Мишле оживился, талант его высказался вполне. Я позабыл сказать, что на последней лекции Кине против иезуитов он упомянул, что и знаменитый товарищ его Мицкевич разделяет на своих лекциях его мнения. Начался крик: «Vive la Pologne!»²¹

²¹ «Да здравствует Польша!» (фр) — *Примеч ред*

Сзади меня встает господин огромного роста, трясет шапкой и кричит: «Vive la Pologne!» Это был знаменитый Бакунин, которого прежде встретил я мельком в Дрездене, говорил с ним минут десять и отошел, с тем чтоб после никогда не сходиться: неприятное впечатление произвел он на меня своими отзывами о России.

Слушал я и Мицкевича. Это явление было крайне любопытно, ибо давало понятие об этих восторженных учителях, которые производят такое сильное впечатление на толпу, особенно на женщин. Ясно было, что исходит сила, делает впечатление, но исходит эта сила не из содержания речи, убеждающей ум или трогающей сердце, но исходит прямо от природы говорящего человека и действует на природу слушающего. Ясно было, что передо мною инструмент уже расстроенный, разбитый и, несмотря на то, этот инструмент звуками своими производил сильное впечатление. Впечатление это усиливалось еще прекрасною наружностью Мицкевича, скорбного, не от мира сего бывшего. Содержание его лекции о мессианизме известно. Он читал по-французски медленно, с дурным выговором: так, например, *sûr* он всегда произносил *шюр*.

Был я и в торжественном заседании академии при приеме в члены Пакье; принимаемый говорил не блистательно; на другой день в журналах высчитано было, сколько раз он употребил частицу *que*. Но прекрасно, с истинно академическим красноречием отвечал ему Минье, понравившийся мне и наружностью своею. Был я и в палате депутатов; меня неприятно поразил беспорядок, бесцеремонность депутатов, шум во время произнесения или чтения речей непервостепенных ораторов; видел невзрачного Тьера, взрачного, осанистого Гизо не с французскою физиономиею. Будучи поклонником Гизо за его сочинения, я легко сделался в Париже приверженцем орлеанской династии и министерства Гизо; по умеренности своей я не мог понять, чего еще французам нужно более того, что они имели в это время? Мой взгляд был вполне оправдан после, когда февральская революция повела к нелепой республике и гнусной империи.

XI

Пришла весна (1843 г.); надобно было думать о будущем годе; Строгановы объявили, что пробудут и эту зиму в Париже, а лето—на богемских водах, в Карлсбаде и Теплице, потом в Ахене. Я свыкся с парижскою жизнью; из России не приходило никаких вестей, которые бы заставили меня спешить туда, и я решил остаться еще на зиму в Париже. Из Парижа в Богемию я должен был отправиться один, ибо, как выше сказано, в стро-

гановских каретах мне не было места; времени мне было дано много на проезд, потому что рано прекращалось ученье в Париже за сборами и поздно начиналось в Карлсбаде, пока еще жизнь не приводилась в порядок. Я воспользовался этим, чтоб объехать Южную Германию; поехал в дилижансе из Парижа в Страсбург, где пробыл недолго, чтоб только посмотреть знаменитый собор, который показался мне меньше, чем недостроенный кельнский. Из Страсбурга я приехал в Карлсруэ, где, разумеется, незачем мне было долго оставаться; из Карлсруэ поехал в Штутгарт, куда приехал вечером, взял лондинера и велел вести себя по достопримечательностям города. «Куда вы меня прежде всего поведете?» — спросил я у него. «В королевские конюшни», — был ответ. «Я не хочу в конюшни, я не знаю толку в лошадях». — «Ну, так пойдемте к памятнику Шиллера». Посмотрел я памятник Шиллера. «Ну, теперь куда же вы меня поведете?» — «В королевские конюшни». — «Но я уже вам сказал, что не хочу в конюшни!» — «Ну, пойдемте в парк: там есть великолепные колоссальные нимфы». Пошли в парк, посмотрел я на великолепных колоссальных нимф. «Теперь куда же вы меня поведете?» — «В королевские конюшни». — «Но, Боже мой! Я уже вам сказал два раза, что не пойду в конюшни!» — «Ну, так идти более некуда, у нас нет больше никаких достопримечательностей!» — «У вас есть русская церковь?» — «Есть, вон она на горе за городом; там живет и священник; но теперь уже поздно идти туда; переночуйте, и завтра поутру пойдем». Но я не решился для свидания с русским священником ночевать в Штутгарте и в ночь отправился чрез Аугсбург в Мюнхен. В Мюнхене ждал меня окладной дождь; вследствие этой неприятности я решился весь первый день просидеть дома и, чтоб провести время с пользой, написал статью о Парижском университете, которую потом переписал в Праге и отправил к Погодину для напечатания в «Москвитянине», что и было исполнено. Это была вторая моя печатная статья, если не считать гимназической речи; первая же статья, которую я написал по требованию Погодина и оставил ему, уезжая за границу, была критика на венелинскую «Скандинавоманию»; я не знал, что Погодин ее напечатал и подписал под нею мое имя, — как по возвращении из-за границы попался мне в руки «Славянский сборник» Савельева-Ростиславича, где разругана, между прочим, и моя статья, а автор оной назван *пигмеем*: это был мне первый подарок от русской критики.

Окончивши статью о Парижском университете, я сошел вниз в общую залу поужинать и, перебирая известия об иностранцах, нашел, к величайшему удовольствию, имя Александра Попова. На другой день я отправился к нему и введен был им в круг русских художников, из которых самый замечательный и самый приятный как человек был Моллер; замечателен был также гравер

Степанов, который в загородных прогулках потешал нас своими шутками с немцами и немками. Степанов был русофил, презирал немцев, смотрел на них как на трусов и уважал свой русский кулак как несомненный признак превосходства. Проведши весело время в Мюнхене, в посещении глиптотеки, пинакотеки, дворца, церквей, проводивши с *эгоистическим* вздохом Попова,— потому что мне жаль было собственно не Попова, а досадно было, что он отправился пешком в Тироль, а оттуда в Италию, которую судьба заперла для меня, по крайней мере в молодости,— я выехал в Регенсбург, чтоб посмотреть Валгаллу. Погода преследовала меня в Баварии: в Мюнхене почти не было ни одного светлого дня; меня утешали, что здесь это обыкновенная погода. В Регенсбург я приехал также в дождь, но делать было нечего: долго оставаться мне было нельзя здесь, и в окладной дождь я отправился в Валгаллу, по мокрым дорожкам, покрытым улитками, взобрался к знаменитому зданию; оно не поразило меня очень ни формой, ни внутренним содержанием; больше прельстило меня местоположение, хотя половина красоты его уничтожалась дурною погодою. В Регенсбурге с любопытством и тоскою смотрел я на зеленый Дунай: он тек к счастливым странам юга, а я должен был двигаться все на север да на запад! Видел древний собор, где мне показывали дорогие сосуды, но этого добра у нас много и в России; водили меня и к тюремным погребам, для показания глубины которых чичероне зажигал бумагу и бросал вниз; показывали гнусную машину, на которой видны были еще остатки крови после пыток. Вечером, насмотревшись всех этих диковинок, выехал я в почтовой карете из Регенсбурга в Карлсбад; со мною поместилась дама пожилая, но очень приятная с сыном, красивым молодым человеком лет двадцати. По языку я узнал, что это — поляки; по серой студенческой шинели они узнали, что я — русский; завязался разговор на французском языке; оказалось, что дама была литовская графиня Довьялло, разумеется, патриотка, живая, умная, образованная, приятная, вкрадчивая. Она жаловалась на несчастное состояние своего отечества, вспоминала славную старину литовскую, которую знала из истории Нарбута, с ужасом говорила о впечатлении, какое произвели на нее регенсбургская тюрьма и орудия пытки, причем прибавила: «Меня ужасает, что наш век стремится все к старине, к этим средним векам, от которых остались нам такие страшные остатки». Я отвечал ей на это: «Зачем же вы сейчас так горячо заступались за католицизм? Ведь возвращение к средним векам делается во имя последнего, и тюрьмы инквизиции были самые страшные, а католицизм может ли быть без инквизиции?» Она замолчала.

Приехавши в Карлсбад, я пробыл здесь недолгое время: Строгановы еще не приезжали, и не было надежды, чтобы приехали

скоро, а потому я отправился в Прагу. Теперь я отправлялся в Прагу уже во второй раз; прошлого года я ездил туда на короткое время из Теплица, встретил там Попова, познакомился с Ганкою, Палацким, и только; Шафарика тогда не было в городе; теперь, взявши еще в Мюнхене от русских письма к «властенцам» (патриотам), я решился пробыть в Праге с неделю и ближе присмотреться к славянскому движению. Прежде всего по письму я близко познакомился с молодым человеком Лиманом, горячим властенцем; он познакомил меня с другими себе подобными, ввел в трактир, где они обыкновенно собирались. Что касается до властенцев, то это были люди превосходные, чистые, добродушные; не на одного меня, но на всех русских производили они самое приятное впечатление, так что каждый, сблизившись с ними, уезжал из Праги с тоскою. Как люди партии, они жили одною мыслью, одною мечтою; горизонт их вследствие этого сузился; они не видали своего положения, не видали, что их очень мало, что народ равнодушен. Кроме трактира они ввели меня в свой дома; я увидел их простую жизнь, ибо все это были люди недостаточные; познакомился с нравами их женщин, которые меня удивили: чешки — настоящие польки, живые, нецеремонные; в отношениях между полами господствует полная свобода; во время загородных прогулок, например, каждый мужчина берет к себе даму (т. е. девушку), идут под руку и говорят сладости. В один прекрасный день, в воскресенье, сговорившись, толпа властенцев и властенок, в том числе и я, вышла чем свет на загородную прогулку к св. Прокопу, в монастыре которого отправлялось некогда славянское богослужение, почему память его и стала священной для властенцев. Прогулка была восхитительная, по горам; возвратились поздно вечером; песням властенского, разумеется, содержания, танцам не было конца. Танцевал и я, это было в последний раз в моей жизни. Возвратившись домой, я нашел в кармане несколько белых пряников с изображением льва: белый лев — герб Богемии, которого властенцы противопоставляют австрийскому орлу. Однажды я зашел к одному властенцу-рытцу, т. е. граверу; с восторгом на лице показал он мне только что оконченную работу свою: вырезан был орел, которого зубами за шею ухватил лев.

Что касается до знаменитостей чешских, то Ганка имеет чисто русскую физиономию, напоминает наших плутоватых управителей или ходатаев по делам; властенцы — либералы и потому не любят Ганку за его пресмыкание пред русским правительством, за это благоговение к владимирскому ордену, который он имеет. Действительно, Ганка вовсе не отличается бескорыстием, какое я заметил в властенцах. Видевшись со мною не более трех-четырёх раз, он уже обратился ко мне с просьбою, не могу ли я через министра Уварова (!!) выхлопотать ему место русского

консула в Карлсбаде и Теплице, где летом бывает всегда так много русских! Палацкий — очень ловкий, учтивый, приятный человек в обращении, с приятною наружностью — вот все, что я мог заметить, посетивши его раз. Шафарик — высокая, серьезная протестантская фигура; он мне напомнил схимников в наших монастырях, которые, как к ним придет кто-нибудь, начинают заученную душеспасительную беседу; так и Шафарик, узнавши, что я русский, не дал мне и слова сказать, а начал говорить длинную иеремиаду о плачевном состоянии, в каком находятся они, западные славяне, и окончил тем, что единственное сокровище, оставшееся у них, это язык: «Я твержу своим постоянно: сохраняйте язык — и с ним все сохраните». Тем оканчивалась речь, или лекция

Подобно всем русским, и я выехал из Праги с тоскою. На дороге развлек меня один забавный случай. Ехал со мною вместе какой-то француз, начал толковать о политике и, узнавши, что я русский, толковать о стремлении к панславизму. «Ведь это слияние довольно трудно, — говорил он, — потому что славянские народы не могут понимать друг друга, — например, вы, русские, не можете понимать чеха?» Мне захотелось подшутить над французом. «Как? — отвечал я. — Русский может понимать чеха, и наоборот; вот вам доказательство: кучер у нас чех, я буду говорить с ним по-русски, а он будет мне отвечать по-чешски», и, обратившись к кучеру, я сказал ему что-то по-чешски, и тот мне отвечал. Француз, не понявши моей шутки, пришел в ужас. «Когда так, то Австрия, разумеется, погибнет!» — сказал он.

XII

Жизнь в Карлсбаде и Теплице (1844 г.) не представляла для меня ничего замечательного: днем — уроки, собственные занятия; вечером — одинокие прогулки по красивым окрестностям. По окончании вод богемских Строгановы решили, что графиня с семейством поедет еще в Ахен, на тамошние воды, а граф из Дрездена отправится в Петербург, где возьмет старшего сына Григория, выходящего из Пажеского корпуса, и привезет его в Ахен на короткое свидание с матерью, после чего опять — в Париж. Отъезд графа опростал для меня место в карете, и я отправился в Ахен вместе с Строгановыми. Вся дорога была мне хорошо известна; Ахен я также подробно рассмотрел прошлого года. Здесь жизнь моя была одинакова с жизнью на богемских водах, большой город представил мне только то удобство, что я мог записаться в библиотеку для чтения. Вздумал было я забраться в театр ахенский, будучи прельщен его красотью. Давали комическую оперу «Постильон де Лонгжюмо», которая

так прекрасно шла в Париже; явилась на сцену рыжая немка; как она пела — я уже не помню; помню одно, что, пропевши что-то, она преспокойно пред всею публикою тяжеломерно плюнула на пол. Я бежал из театра и больше уже туда — ни ногой. Приехал граф с сыном, последний, очень похожий на мать, не имел в себе ничего строгановского: живой, болтун, шумиха, крепко пуст с кадетским образованием; красив, строен, но глаза ужасные, свинцовые, большие; после он сделался знаменитым (это он был фаворитом, а после негласным мужем в [еликой] княгини Марии Николаевны). Чрез несколько дней он уехал назад в Россию, а мы поднялись в Париж, я — особо. Жизнь моя эту зиму в Париже была совершенно сходна с прошлогоднею, только скучнее, ибо по воскресеньям не было моего постоянного спутника, Сажина. В самый Светлый день приехал Попов и пробыл несколько недель.

Весною (1845 г.) Строгановы начали толковать опять, что и следующую зиму проведут в Париже, но я уже решил возвратиться в Россию: в Париже мне решительно нечего было более делать. Я написал два письма: одно — к московскому Строганову, где объяснял ему невозможность оставаться долее в семействе его брата, другое — к Погодину, в котором объяснял ему мое положение и просил совета, думая, что он лучше других сообщит мне известия о делах университетских. Строганов отвечал мне, что нисколько не удерживает меня в Париже, но желал бы, чтоб я провел несколько времени в славянских странах, сблизился с главными представителями славянской науки. Ясно было, что Строганов хотел, чтоб я занял кафедру русской истории в Московском университете и знакомством с славянщиною на месте приобрел к тому больше средств и прав. Но я считал вовсе излишне для русской истории оставаться долее в славянских странах и вместо чтения источников услаждаться патристическими жалобами Шафарика и Ганки и возгласами молодых властителей; мне нужно было спешить готовиться к магистерскому экзамену, притом же у меня не было денежных средств оставаться долее за границею.

Письмо Погодина поразило меня своею странностью: оно начиналось и оканчивалось сильными выражениями благодарности за доверие, которое я ему оказывал; чудак, не привыкший, чтобы ему оказывали доверие, счел за нужное благодарить молодого человека, который по неопытности своей никак не мог понять, за что благодарят его. И тут же двусмысленностью ответа, неумением отплатить доверенностью за доверенность Погодин давал мне знать, что я действительно сделал глупость, обратившись к нему. Он писал, что оставил кафедру, что хочет ехать в Швецию — заниматься варяжским периодом, в южную Сибирь — для занятий монгольским периодом, что мне нужно

было бы возвратиться в Россию для занятий русскою историею, но и пожить подольше за границею было бы также очень полезно, что во всяком случае место адъюнкта будет мне готово. Если он вышел из университета, если кафедра опросталась и я должен занять ее, то я должен спешить для этого в Россию; какая же мне польза оставаться за границею, когда я уже пробыл здесь два года? И что значит, что мне будет готово место *адъюнкта*? После все объяснилось.

Понятно, что такое письмо только усилило во мне желание выйти из темноты поспешным возвращением в Россию. Лето я хотел употребить на путешествие по тем частям Германии, где еще не был. Из Парижа отправился я в дилижансе в Мец, отсюда на пароходе по Мозелю и потом по Рейну в Мангейм, из Мангейма по железной дороге в Гейдельберг. Приехавши сюда ночью, на другой день отправился в университет узнать, когда и где читают три профессора, которых мне хотелось слышать,—Крейцер, Рау и Шлоссер.

Крейцер по старости читал у себя на дому; я отправился туда и отрекомендовался автору «Символики», дряхлому, очень невзрачному старику в рыжем парике; начали приходить студенты; Крейцер стал читать, и я сначала поражен был очень неприятно неуважением студентов к профессору и к своему делу: они шумели, смеялись под носом у Крейцера. Старик читал о развитии чувства изящного у греков — «*tritum pertritum*»²², но когда дело дошло до знаменитого места в «Илиаде», где троянские старцы изумляются красоте Елены, старик Крейцер сам превратился в троянского старца, как будто бы увидал пред собою Елену, и прочел место с большим чувством. Что касается до двух других гейдельбергских знаменитостей, Рау и Шлоссера, то первый читает очень сухо и скучно, а второй, напротив, очень живо, смешит студентов анекдотами; он мне показался еще очень свежим старичком. На лекции у Крейцера познакомился я с русским студентом Благовещенским, воспитанником педагогического института, бывшим потом профессором в Казани и Петербурге. Это был еще молоденький, красивенький мальчик, не обещавший многого. Благовещенский познакомил меня с своим товарищем Мейером, который и тут был тем же, чем после, работал страшно много — и только; наконец, третий русский, которого я встретил здесь, был Вернадский, присланный от Киевского университета. И этот явился передо мною здесь точно таким же, каким я знал его после в Москве: человек живой, не без дарований, без крепких убеждений и невыносимо наглый; не имея способности крепко вдумываться во что бы то ни стало, не находя большого интереса в самих явлениях без отношения к себе, он позволял себе очень

²² Тертое перетертое (*лат*) — *Примеч ред*

часто высказывать нелепости, и если кто осмелится заметить, что это нелепость, вступить в спор, то Вернадский выходит из себя, кричит, громоздит нелепость на нелепость и, чтобы поддержать первую нелепость, говорит дерзости противнику. Вообще это был один из самых неприятных, самых отталкивающих людей, каких только я встречал.

Вторую половину лета провел я с Строгановыми на богемских водах, в Карлсбаде и Теплице, в Дрездене простился с ними и через Берлин, где провел только одну ночь, отправился по железной дороге в Свинемюнде, где сел на пароход и в начале сентября приехал в Петербург. Здесь провел несколько дней, чтоб исполнить некоторые поручения Строгановых, и в дилижансе отправился в Москву. Сергей Строганов встретил меня как нельзя лучше, сказал, что место для меня очищено выходом Погодина, чтоб я приготавлился к магистерскому экзамену, успешное выдержание которого даст мне право на кафедру, объявил мне, что брат его Александр остался мною чрезвычайно доволен. Но это довольство скоро прекратилось — вот по какому случаю. Однажды, сидя со мною наедине в комнате, граф вдруг спросил меня: «Скажите, пожалуйста, справедливы ли слухи, которые носят здесь, что графиня Наталья Викторовна приняла католицизм?» Застигнутый врасплох, я начал обходить решительный ответ; Строганов настаивал; что мне было делать? Я видел перед собою человека, которого уже считал своим благодетелем, не имел никакой причины не желать добра и Александру и решился сказать все, что знал, именно все то, что изложено мною выше. Строганов все это написал брату с извещением быть осторожнее. Александр, получивши это письмо, сильно рассердился на меня как на человека, наябедничавшего брату на него и на жену его; из его ответного письма Сергей сказал мне одно: «Брат пишет, что вы их не поняли». «Чего же тут не понять, — отвечал я ему, — разве я сказал вам больше того, что говорят другие русские?» Сергей-то очень хорошо знал, что я в своем рассказе очень уменьшил рассказы, в которых ходили слухи относительно поведения графини — религиозного и нравственного, и потому принял мою сторону и сердился на брата, который не умел понять дела, но тот не переставал сердиться на меня и, возвратившись в Петербург, не упускал случая срывать свое сердце: вооружился против моей ученой репутации, кричал, что я человек недаровитый и потому не могу оказать больших услуг науке, что я, находясь в Париже, занимался вовсе не тем, чем бы следовало; когда начала выходить моя «История», находил удовольствие писать брату длинные письма, в которых ругал сочинение. Сергей обыкновенно объявлял мне об этом в таких выражениях: «Вон какое длинное письмо написал брат о вашей книге! Он до вас не охотник, но он не знает настоящего положения науки, судит

по-старому». Только после выхода пятого тома Сергей сказал мне: «Брат пишет, что прочел ваш пятый том, но не прибавляет ничего об нем суждения».

Я начал готовиться к экзамену, т. е. стал писать диссертацию. Выбрал тему: княжение Иоанна III; прежде всего начал заниматься Новгородом и увидал, что для понимания последних судеб Новгорода, последних отношений его к московскому государю необходимо представить полную историю его отношений к великим князьям, и, таким образом, вместо диссертации об Иоанне III вышла диссертация об отношениях Новгорода к великим князьям. Что касается до экзамена, то я перечитывал выписки, сделанные мною прежде из всего прочтенного, и этого было достаточно; из народного права приготовиться было легко по одной книжке, по Клюбелу, из древней географии — также по Энциклопедии Древностей Гофмана; из новой беспокоиться было нечего: экзаменовать должен был Ефремов, мой берлинский знакомец, который получил в это время звание приват-доцента географии при университете; оставались политическая экономия и статистика; я решил из этих предметов ограничиться старыми лекциями Чивилева и историею политической экономии Бланки, а между тем отправился к Чивилеву с целью представить ему, что мой магистерский экзамен не может быть обыкновенным экзаменом, что моя цель показать способность свою занять кафедру русской истории, для чего будет служить хорошая диссертация, а чтобы написать хорошую диссертацию, нужно употребить на нее все время, а не тратить его на предметы чуждые. Мне хотелось побудить Чивилева определить мне, из каких предметов именно он предложит мне вопросы. Но Чивилев встретил меня очень сухо, и когда я спросил, что мне нужно приготовить для экзамена, то он отвечал, что если я прочту все книги по политической экономии и статистике, которые он рекомендовал нам на лекциях, то этого будет достаточно. Я знал и без него, что так должно было сделать, но знал, что это невозможно, и потому не прибавил ничего к его лекциям по Бланки и продолжал по-прежнему употреблять большую часть дня на диссертацию.

Причина нелюбезности Чивилева, не хотевшего оказать ни малейшего внимания к моему положению, заключалась в том, что все профессора так называемой западной партии были против меня: они были очень рады, что избавились от Погодина, и, считая меня его клиентом, вовсе не хотели обуваться из сапогов в лапти, пускать к себе другого, молодого славянофила, а что я не был славянофилом, они этого не знали, потому что я ни к кому из них не ходил, а статья моя о Парижском университете, напечатанная в «Москвитянине», была в славянофильском духе: я уже, кажется, говорил, что в университете и за границу я был

действительно жаркий славянофил, и только пристальное занятие русскою историею спасло меня от славянофильства и ввело мой патриотизм в должные пределы.

Итак, против меня готовилось сильное сопротивление; на кого же я мог опереться, в ком искать защиты против профессоров западной стороны, могущественных своим единством, достоинствами, силою у попечителя? На славянофилов? Но и с ними я не был знаком, они меня вовсе не знали; притом в университете у них был один представитель — Шевырев, бессильный по одиночеству и по неуважению начальства и товарищей.

XIII

В январе месяце 1845 года начались мои экзамены. Первый был из всеобщей истории. Перед началом экзамена Грановский подошел ко мне с упреком, зачем я не переговорил насчет вопросов, и просил меня указать ему предметы, о которых я желаю получить вопросы. Я отвечал, что выбрал бы вопрос о реформации; на это Грановский заметил, что предмет щекотливый, особенно неловко будет трактовать о нем в присутствии Строганова; тогда я отвечал, что если нельзя отвечать о реформации, которую я в недавнее время особенно занимался, то пусть сам назначит вопросы, ибо мне все равно. Он мне назначил первый вопрос из истории Франции о первых Капетингах; второй — из истории Испании — позабыл уже, что именно; касательно же третьего Грановский предложил вопрос о развитии русской и западной летописи; я заметил, что вопрос мне не нравился, но Грановский настаивал — и я согласился. Причина такого настаивания со стороны Грановского была та, что славянофилы, органом которых в это время был Шевырев, провозглашали, что русская летопись выше западной, ибо в последней выходит наружу личность летописца, тогда как в русской этого вовсе нет; поэтому западным очень хотелось знать, как я решу этот вопрос.

Моя начитанность в истории, особенно во французской, дала мне возможность и не приготовившись отвечать вполне удовлетворительно; Грановский не мог не признать этого и в отметке написал, что я обнаружил обширную начитанность, но прибавил, что я затрудняюсь в изложении — намек, что у меня нет способности к занятию профессорской кафедры. Второй экзамен был из русской истории; положено было пригласить старого профессора Погодина; Погодин явился и, не сказавши мне ни слова, задал вопрос: изложить историю отношений России к Польше с древнейших времен до последних времен. Я не хочу думать, чтоб вопрос этот был задан злонамеренно; гораздо вероятнее для меня, что вопрос такой был выбран просто по научной бестактности,

которою отличался Погодин. Прежде всего, разумеется, я должен был ответить кратко, ибо говорить подробно — для этого недостало бы целого дня, не только вечера, но с другой стороны, я должен был показать свои знания в подробностях русской истории. Неприготовленный, не имея возможности, времени обдумать, как выйти из затруднительного положения, я начал бросаться в сторону, чтоб показывать свое знание собственно в русской истории, но Погодин не давал мне этого делать, сейчас же замечал, что я вдаюсь в ненужные подробности, не идущие прямо к делу; и таким образом я проболтал целый вечер, протягивая чрез девять веков отношения России к Польше. Да не забудется, что для сколько-нибудь удовлетворительного решения этого вопроса тогда не сделано было ничего, что для этого сделал я же вследствие почти двадцатилетних трудов по неизвестным архивным источникам. Погодин объявил, что я отвечал удовлетворительно, но западники провозгласили, — разумеется, не в заседании, — что вопрос и ответ были гимназические, а не магистерские и из ответа моего вовсе нельзя заключить о моей способности к занятию профессорской кафедры: заключение совершенно справедливое! Третий экзамен, особенно экзамен из статистики, был совершенно неудачный: Чивилев предложил мне вопрос, которым подробно я именно не успел заняться перед этим, — вопрос о русской торговле.

Эти неудачи мои заставили Погодина и Шевырева действовать решительнее для приведения в исполнение своих замыслов, т. е. для введения Погодина опять в университет. С самого приезда моего из-за границы, видясь с Погодиным, я замечал, что он сильно жалеет о своем выходе из университета и сильно зол на университетское начальство, зачем оно не просило его остаться. «Вот и Шафарик пишет, зачем я так рано оставил университет; вот и Антонский говорит: «Рано, рано в отставку!»» — пел он мне по вечерам, когда я к нему приезжал. Когда я ему сказал, что уже начал писать диссертацию именно об Иване III, то он мне сказал на это: «А почему бы вам не заняться окончательным решением вопроса о варягах?» Я отвечал, что считаю вопрос решенным и нахожу больше интереса в позднейших явлениях. Потом он мне однажды заметил: «Что же вы пишете диссертацию и со мной об ней никогда не поговорите, не посоветуетесь?» Я отвечал: «Я не нахожу приличным советоваться, потому что хорошо ли, дурно ли напишу я диссертацию — она будет моя, а стану советоваться с вами и следовать вашим советам, то она не будет уже вполне моя». «Что же за беда! — отвечал Погодин. — Мы так и скажем, что диссертация написана под моим руководством». Я ничего не отвечал на это, но всякий поймет, что затаилось в душе моей после этого разговора.

Перед началом экзаменов я как-то зашел к Давыдову как декану. Давыдов с нахмуренным лицом вдруг спросил меня: «Что же это значит? Михаил Петрович Погодин хочет опять войти в университет! Что же, вы-то при чем останетесь: ведь мы имеем вас в виду». Озадаченный этими словами, я отвечал, что ничего не знаю, что это — дело университета: как он решит, так и будет. Давыдов по природе своей заподозрил слова мои в неискренности, заподозрил, что у меня с Погодиным стачка, и так как он не любил Погодина по соперничеству в милостях Уварова, как не любил всех, кто был покрупнее, был очень доволен выходом его из университета, то начал смотреть на меня как на погодинского клиента, с которым вместе хочет войти и Погодин опять в университет. После неудачного экзамена я пришел к Строганову, не помню, сам ли или он меня позвал. Он встретил меня жалобами на мой неудачный экзамен. Я рассказал ему прямо причины моей неудачи, прямо объявил, что, имея в виду кафедру русской истории, я счел нелепым, вместо того чтоб спешить главным, диссертацией, которая должна показать мои права на кафедру пред всюю ученою Россиею, заниматься статистическими подробностями; что же касается до нелепого вопроса в русской истории, то, конечно, я в нем не виноват. «Экзамен прошел,— продолжал я,— остается диссертация, которую я подам немедленно, она решит все, а против интриг я действовать не умею». «Против каких интриг?» — возразил Строганов. «Считаю неприличным,— отвечал я,— распространяться теперь об этом; если ваше сиятельство еще ничего не знаете, то скоро все узнаете: у меня есть соперник, кто — об этом я вам теперь не скажу». Строганов, как видно, знал об интригах Погодина и Шевырева и очень был рад услышать от меня, что я смотрю на это дело как на интригу, против меня направленную; из тона негодования, досады, с которыми я говорил ему об этом, он понял, что я в этой интриге участвовать не могу, не подставляю своих плеч, чтоб внести Погодина в университет. Строганов тотчас переменял тон, стал меня ободрять, повторял, что главное — диссертация, а не экзамен, и мы расстались очень хорошо.

Я действительно скоро, как мне помнится, в начале Великого Поста, подал диссертацию; Давыдов переслал ее к Погодину, у которого она и оставалась в продолжение всего Поста и после Святой недели. В это время я по-прежнему ни с кем не видался. В четверг на Страстной неделе пошел я гулять и на Арбате встретился с Грановским и Кавелиным, которые шли куда-то вместе. Грановский с насмешливою улыбкою спросил у меня: «Что же ваша диссертация?» «Давно подана», — отвечал я, удивленный таким вопросом от секретаря факультета, которым был тогда Грановский. «Как подана? — возразил Грановский, не изменяя насмешливой улыбки. — Никто на факультете об ней не знает».

Я отвечал, что Давыдов обещал отправить ее к Погодину. «А! Это дело другое», — сказал Грановский, и мы с ним расстались.

Не помню, на какой неделе после Пасхи я отправился к Погодину и решил сказать ему, чтоб он возвратил наконец диссертацию. На эту просьбу мою Погодин отвечал такую речью: «Я долго думал, как объявить вам мое мнение о вашей диссертации, ибо я чувствую, как тяжело должно быть для вас на первый раз при первом опыте выслушать отзыв нелестный: диссертация ваша как магистерская очень хороша, но как профессорская вполне неудовлетворительна; приступ блестящий, правда, есть новое, чем я и сам воспользуюсь, но в изложении нет перспективы, точно так, как в сочинениях Беляева; повторяю: труд прекрасный как магистерская диссертация, но как профессорская не годится». «Михайло Петрович, — отвечал я, — о профессорской диссертации тут и речи быть не может; моя цель — кончить поскорее с магистерством и ехать в Петербург, искать места. Если вы находите, что диссертация как магистерская удовлетворительна, то сделайте одолжение, напишите это, чтоб после факультет вас уже более не беспокоил». Погодин стал отнекиваться, говорить, что подпишет просто — *читал*, но дело было для меня слишком важно, и видел я очень ясно, с каким человеком имею дело, а потому я настаивал: «Если вы говорите прямо, что диссертация удовлетворительна, то почему вы не хотите этого написать?» Погодин уступил и написал на диссертации: «Читал и одобряю».

Чувство радости, что наконец выручил свою диссертацию, боролось во мне с чувством негодования, когда я вырвался от Погодина и шел по Девичьему Полю домой (жил я тогда по-прежнему у отца на Стоженке, в Коммерческом училище). «Подлец!» — повторял я снова и снова, идя по Полю. Но гораздо более должно было удивляться глупости этого человека, который не умел скрыть своей мысли, своего желания: «Диссертация как магистерская хороша, а как профессорская не годится»; это значило уже слишком ясно: «Магистром-то ты будь, пожалуй, а профессором-то погоди, — я хочу сам быть на этом месте; а ты, если пойдешь ко мне в мальчики, то будешь адъюнктом». Повторять в мыслях последнее я имел право: прежде как-то зашел у нас разговор с Погодиным об адъюнктстве, и он прямо высказал мне, что под этим разумеет: «Вот если бы я был опять профессором, а вы у меня — адъюнктом, то мы бы устроили так: когда бы мне не поздоровилось или так почему-нибудь я не был бы расположен читать, то я бы дал вам знать, о чем следует читать, и вы бы эту лекцию прочли за меня». Зная характер Погодина, его громадное высокомерие, властолюбие и отсутствие деликатности в обращении с низшими, зависимыми людьми, я видел, какое страшное рабство предстояло мне, и, разумеется, никак не мог согласиться на подобные отношения.

На другой день поутру я отвез диссертацию опять к Давыдову, который передал ее Грановскому. Грановский, не считая себя судьей в деле, передал ее Кавелину, чтобы тот сказал о ней свое мнение. Кавелин прочел и по впечатлительности своей восплясал от радости, найдя в ней совершенно противное славянофильскому образу мыслей. Он объявил Грановскому и всем своим то, что после объявил печатно в «Отечественных записках», а именно то, что диссертация моя составляет эпоху в науке, вследствие чего вся западная партия обратилась ко мне с распростертыми объятиями. Когда я приехал к Грановскому за диссертациею, то он встретил меня комплиментами и прямо объявил, что свое суждение основывает на суждении Кавелина. «Ну а что Погодин говорит о диссертации?» — спросил меня Грановский. Я передал ему знаменитые слова об отношении диссертации к магистерству и профессорству. «Подлец!» — сказал на это Грановский; я не стал ему противоречить.

Но если был рад я такому обороту дела, то чуть ли не больше был рад ему Строганов; с восторгом слушал он похвалы моему труду от тех людей, которые прежде отзывались обо мне не очень привлекательно. Еще приятнее было слышать ему, что диссертация моя не славянофильская и даже антиславянофильская, что Погодин интриговал, что можно дать щелчок этому антипатичному господину и заменить его в университете человеком достойным. Когда я пришел к нему, то он сказал, чтоб я готовился к лекциям, что я, разумеется, не преминул исполнить. Но при таком приятном виде на будущее, которое мне открывалось, отношения к Погодину меня страшно тяготили: я еще не успел на него тогда озлиться; успех дела, приятное чувство, которое наполняло мою душу, выгоняло из нее злость; я не считал себя вправе порвать все сношения с человеком за то только, что он объявил мою диссертацию недостойною профессорской кафедры. Но если не порвать, то тяжело с ним видется: дело было ясно, что он хотел сам получить обратно кафедру, но что Строганов и западные противопоставляют меня ему, что я делаюсь орудием в руках его врагов, или по крайней мере он должен смотреть на меня так. Чтoб выйти по крайней мере на время из такого неприятного положения, я решился действовать прямо и открыто: пошел к Погодину и сказал ему, что я знаю, что он хочет занять опять кафедру русской истории, но Строганов велел мне приготовляться к лекциям, и потому пусть он, Погодин, принимает свои меры. Погодин отвечал мне: «Не знаю, чего хочет Строганов. Хочет ли он, чтоб вы были при мне адъюнктом или при ком-нибудь другом? Слышал я, что он думал о переводе сюда Иванова из Казани; может быть, он хочет, чтобы вы при Иванове были адъюнктом». Это была новая гадость со стороны Погодина, которому хотелось колотить меня тем, что во всяком случае, с ним

ли, с другим ли, но я могу быть только адъюнктом. Вообще свидание было очень сухо; я видел ясно, что моя открытость не помогла, что добром не кончить с этим человеком. Зашел я к нему еще раз — прием еще суше.

Между тем июль месяц подходил к концу: 29 июля, в пятницу, Давыдов собрал факультет и объявил, что в нем находятся две вакантные кафедры, кафедра философии и кафедра русской истории, и что попечитель предлагает двоих кандидатов: для первой — Каткова, а для второй — Соловьева; как думает факультет об этих лицах? Относительно Каткова выбор был единогласен, но когда дело дошло до меня, то Шевырев объявил, что странно будет факультету выбирать на такую важную кафедру молодого, ничем не известного человека, когда знаменитый ученый М. П. Погодин, чувствуя, что здоровье его поправилось, желает опять занять прежнюю кафедру. Начался спор; все остальные члены факультета были за меня, и наконец порешили на том, что меня выбрать, а декану Давыдову поручить снести с Погодиным, на каких условиях он хочет читать опять в университете. Давыдов, которому никак не хотелось впустить Погодина опять в университет, опираясь на несогласие попечителя и факультета, предложил Погодину, что он может читать в университете без всякого вознаграждения и без всякого официального значения, как приват-доцент — для желающих. Погодин отвечал на это предложение грубым письмом в факультет, и тем дело кончилось.

В сентябре 1845 года я начал лекции. Читал я по три часа на третьем курсе словесного факультета и еще три часа на первом курсе юридического, повторяя те же самые лекции. Первые две лекции, заключающие в себе обзор всей русской истории, произвели благоприятное впечатление. Грановский, пользовавшийся большим авторитетом, сказал: «Мы все вступили на кафедры учениками, а Соловьев вступил уже мастером своей науки». Понятно, какое значение имели для меня на первых порах эти слова; ими Грановский привязал меня к себе навсегда, на всю жизнь счел я себя ему обязанным. Строганов, слыша одобрения, сказал: «Дай Бог, чтоб Погодин кончил так, как этот начал». В октябре был мой диспут. Приехал Погодин и учинил неслыханное дело: предложивши возражения, он объявил, что ответов моих на свои возражения он не хочет и не обратит на них никакого внимания, что он приехал не за тем, чтоб спорить со мной, а только изложить свое мнение насчет диссертации: приступ блестящий, но главное положение о новом порядке вещей на севере вследствие преобладания новых городов над старыми — неверно. Давыдов, обратясь ко мне, сказал, что хотя Михаил Петрович и не хочет слушать моих ответов, но по порядку, заведенному на диспутах, я должен защищаться, и я начал опровергать возражение Погодина, что было мне очень неудобно, ибо

возражение это было предложено голословно; говоря, я обращался не к Погодину, но ко всем присутствующим. Потом возражали: Грановский, Бодянский, Кавелин, Калачов, Давыдов, Шевырев. Грановский возразил не помню что, что-то пустое, ибо он, несчастный, вовсе не зная русской истории, обязан был возражать как официальный оппонент. Бодянский, чтоб насолить Погодину, с которым он перед тем поругался, превознес мою диссертацию до небес; Кавелин заметил что-то насчет судебного значения веча; что возражал Калачов — я не понял: это уже мое несчастье — никогда не понимать Калачова; Давыдов спросил, зачем я не распространился о значении владыки в Новгороде. Шевырев — зачем я не упомянул о Карамзине, ибо сей великий историк, как выразился ритор, усеял свою историю плодотворными мыслями, которые нам стоит только подбирать и развивать. Наконец диспут кончился со славою для меня.

В академический год 1845—1846 я успел прочесть только до смерти Ивана Грозного; из этих лекций я составил другую, докторскую диссертацию под названием «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», которую на вакансии 1846 года приготовил к печати. Между тем первая диссертация о Новгороде доставила мне ученую известность, оправдала выбор университета; Кавелин в «Отечественных записках» объявил, что она составляет эпоху в русской исторической литературе. Были недовольные моим успехом, но еще молчали; молчал Погодин печатно, но действовал министр Уваров: ему досадно было, что его клиент Погодин обойден и Строганов поместил своего, да что еще хуже — порядочного человека, который делает честь его выбору. Мелкодушие Уварова обнаружилось тотчас же: по окончании моего диспута Строганов представил меня и Каткова в адъюнкты как магистров: Уваров утвердил Каткова адъюнктом, а меня — исправляющим должность адъюнкта, ибо Катков не был строгановский, подобно мне, и вступал в университет, не отстраняя никого уваровского. Мне было очень досадно; так же досадно, как неполучение первого кандидатства: это была первая неудача по службе, начало держания меня в черном теле, непризнание моих трудов, что преследует меня до сих пор (писано 1 сентября 1857 года). Но, «Господи, Ты сохраниши мя и соблюдеши от рода сего и до век!»

В моей досаде, я немного утешился, когда, вследствие утверждения моего, в декабре месяце я получил жалованье за четыре месяца с начала курса, — первое жалованье, и как оно мне было нужно! Из-за границы я привез с собою несколько денег, которые употребил на заведение маленькой необходимой для меня библиотеки по русской истории, но надобно было жить целый год без жалованья; я взял один урок, только один, чтоб не развлекаться, но к осени именно, когда нужно было начинать лекции,

печатать диссертацию, шить мундирный фрак, денег у меня не было, ибо урок прекратился вступлением моего воспитанника в университет. Я принужден был идти к Строганову и занять у него 300 рублей ассигнациями, на что и была напечатана диссертация. Строганов, увидев из этого, что я нуждаюсь, предложил мне давать уроки из русской истории его сыну, приготовлявшемуся в университет. Этим я жил до декабря, то есть на это я покупал книги, имея квартиру и стол даром у отца; получение жалованья в декабре особенно обрадовало меня, потому что я мог отдать долг Строганову.

В конце года (1845) я отправился к Погодину, у которого не был с сентября, когда отвез ему два экземпляра моей диссертации. И самому мне было тяжело ехать к нему после поступка его на диспуте, да и ему хотел я дать время уходить. Приехал, был принят ласково, сидел довольно долго; потом приехал в другой раз, был принят почти так же; в это самое время принесли ему с почты пакет, заключающий его похвальное слово Карамзину, допущенное наконец, после долгого рассматривания и вычеркивания в Петербурге, к печати. Погодин очень обрадовался и вдруг обратился ко мне с такими словами: «Ну, теперь сердце мое полно, и я пользуюсь случаем объясниться с вами. Ваши два приезда ко мне произвели на меня приятное впечатление, и я подумал: молодой человек еще не огрубел, чувство есть, но скажите, разве хорошо вы со мною поступили?» «Вы прежде скажите мне, что дурного сделал я в отношении к вам?» — отвечал я и думал, что он войдет в объяснения относительно своего отстранения от кафедры; но какие же обвинения я вдруг услышал: «Вы мне привезли экземпляр своей диссертации без всякой надписи, тогда как я видел, что другим вы надписали, — какому-нибудь Ефремову, и тому надписали». «Но видели ли вы экземпляры моей диссертации у членов факультета? — спросил я. — Ни у одного из них вы не найдете с надписью, ибо надписывать я имел право только тем, кому дарил, кому мог дать и не дать, тогда как лицам официальным, каковы члены факультета, я обязан был дать экземпляр; они получили экземпляры, так сказать, казенные, а не от меня в дар; вас я причисляю также к лицам официальным, ибо вы были экзаменатором, но скажу прямо: конечно, вы получили бы экземпляр с надписью, очень для вас лестною, если бы не так поступили со мной, если бы черная кошка между нас не пробежала». «А это хорошо с вашей стороны, — продолжал Погодин, — начать первую лекцию и не сказать ни слова обо мне, вашем предшественнике?» «Решительно в голову не пришло», — отвечал я. Действительно, в голову не пришло, а если бы пришло, то я очутился бы в крайнем затруднении: что я мог сказать хорошего о Погодине как о профессоре? Такие пустяки выставил против меня Погодин; относительно же первого дела, именно

столкновения по кафедре, он не вдавался в подробности, сказал только: «Отец у вас священник, он должен был бы показать вам, как дурно вы со мною поступили». «О, что касается до моего отца,—отвечал я,—то, конечно, он сердился на вас гораздо больше, чем я сам: старик дождался единственного сына из-за границы, открылась возможность, чтоб этот сын остался при нем в Москве, на почетном и обеспечивающем месте, и вдруг он слышит—вы, старый и не нуждающийся больше ни в каком месте человек, перебиваете место у его сына!..» Покричавши таким образом несколько времени, мы расстались, впрочем, без горечи, и я продолжал иногда бывать у него.

Летом я нанял дачу в Давыдове, чтоб быть поближе к Кунцеву, где жил Строганов, сыну которого я продолжал давать уроки. Лето провел я тихо, хорошо, обрабатывал окончательно докторскую диссертацию, будущее улыбалось, но в конце дачной жизни, в агусте, неприятно поразила меня знаменитая крыловская история.

XIV

Я упоминал о Крылове. Это был человек с большими способностями, с головою необыкновенно светлою, с блистательным даром изложения, художественного, пластичного, с оригинальностью, странностью в речи, которая нисколько не вредила, однако, благоприятному впечатлению, ею производимому. Но Крылов служил ясным доказательством тому, как мало значат, как бесплодны умственные способности без основы нравственной. Это был человек, чистый от всяких убеждений, нравственных и научных, ибо способность иметь последние показывает также нравственные требования в человеке, вступившем в ученое сословие. Как человеку с блестящими способностями школьная наука, разумеется, далась ему; как отличный ученик духовной академии, он был отправлен к Сперанскому во II отделение, потом за границу, помещен профессором в Москву совершенно без спроса с внутренним призванием; да если б спрос и был сделан, то ответа не последовало бы, ибо ни к чему призвания не было. Крылов был сделан профессором римского права, очаровал слушателей блестящим изложением писаного разума, но, не имея никакого влечения к науке, он за нею не следил, чем объясняются те грубые ошибки, которые он позволил себе позже, в 1857 г., когда ученая Немезида устремила его на литературное поприще. Странно было слушать этого человека: какая-то великолепная логическая машина, мысль с мыслью цепляются, излагаются в блестящей форме, но жизни, духа, внутренней, теплой связи нет,—цепляются мысли друг с другом чисто внешним образом; впечатление, производимое разговаривающим Крыловым, было

совершенно тождественно с впечатлением, производимым музыкальною машиною, разыгрывающею произведения великих мастеров: хорошо, но жизни нет; неодоушевленные существа играют. Но разумеется, подметить скоро этот характер речи Крылова было нелегко, и потому Крылов очаровал своих товарищей, которые вместе с ним поместились в Московском университете, очаровал Строганова.

Когда я приехал в университет и определился в нем, Крылов был деканом юридического факультета, слыл за самого умного, распорядительного профессора, был вместе с Грановским столпом западной партии в университете, особенно по смерти Крюкова, последовавшей весною 1845 года. Не имея никакой нравственной основы, Крылов, разумеется, способен был на всякое безнравственное дело. Так, сделавшись деканом, пользуясь огромным авторитетом, Крылов начал брать взятки, о чем пронесся слух по Москве; приятели его, члены одного кружка, были так пристрастны, что не поверили им или притворились неверившими. Так, когда я приехал в Москву из-за границы и свиделся с госпожою Благовою, у которой я прежде учил сына и по приезде стал доканчивать приготовление его в университет, то она прямо сказала мне, что для беспрепятственного помещения ее сына в студенты надобно дать взятку, именно, декану Крылову; я начал возражать ей с сердцем, что этого быть не может в университете, но она отвечала мне, что это дело слишком хорошо известно. Вступивши в университет, я пришел как-то к Грановскому посоветоваться с ним о разных делах. Грановский сказал мне: «Я бы посоветовал вам съездить к Крылову». «Тимофей Николаевич,— отвечал я,— об нем идут дурные слухи: говорят, что он взяточник». «Это вздор»,— сказал мне Грановский, и я обрадовался этому возражению, и поехал к Крылову, и ездил к нему в продолжение зимы довольно часто; кажется, по средам каждую неделю у него бывали вечера, на которых было довольно весело. Крылов года два перед тем женился на прехорошенькой женщине, одной из многих девиц Корш. Семейство это было еврейского происхождения, что сильно отражалось в чертах лица мужчин и женщин; на младшей сестре женился Кавелин, на третьей ловили меня, но, на мое счастье, эта третья была хуже всех сестер, глупа, с претензиями и заика,— очаровать, следовательно, меня было нечем. Из многих братьев этих многих сестриц Корш самый замечательный был Евгений: редактор «Московских ведомостей» в описываемое время, человек необыкновенно остроумный, с громадной начитанностью, пресимпатичная натура, хотя ленивая, чересчур мягкая, как улитка, скрывающаяся в свою раковину при всяком столкновении, требующем хотя сколько-нибудь энергии, твердости; он был приятель Грановскому, один из самых видных членов в западном кружке.

И вот Крылов женился на его сестре; между Вулканом и Венерой, конечно, не было большей противоположности, чем у Крылова с его супругою: она, как я уже сказал, прехорошенькая, даже красавица, с глазами восхитительными, он — маленький человек с самыми неприятными, отталкивающими чертами лица, с глазами, обыкновенно имеющими какое-то ядовитое, хищное выражение. Но одно наружное безобразие — это бы еще ничего, иногда женщины не обращают на него внимания, но Крылов, опять вследствие отсутствия всякого нравственного начала, несмотря на свой ум и на то гуманное общество, в котором находился, не умел стереть с себя несколько деревенской и семинарской грязи, являлся олицетворенною грубостью, грязью, особенно там, где ему не нужно было себя сдерживать внешними отношениями, т. е. дома, когда он был в халате, — внутреннего же стеснения перед женою, как перед женщиною, он не знал; ласки его были возмутительны, а когда он был не в духе, то цинизм в присутствии жены доходил до невообразимой степени, — он не удерживался от площадной брани, от самых не деликатных упреков. Молодая женщина долго терпела; наконец в августе 1846 года на даче в Ивановке произошла сцена, которая переполнила чашу: при содействии младшего брата своего, студента Валентина Корша, она бежала от мужа к сестре своей Кавелиной и объявила родственникам и приятелям о поведении Крылова относительно ее, представила несомненные доказательства его взяточничества. Кавелин, Корш, Грановский, Редкин и весь западный кружок вооружились и объявили, что если Крылов останется в университете, то они выйдут из службы, ибо со взяточником, позорящим профессорское звание, они служить не хотят.

Попечителя Строганова в это время не было в Москве; приехавши в Москву и узнавши дело, он сильно рассердился: скандал в Московском университете, гадкая история между людьми, которых он уважал, которыми он гордился, хвастался, торжество ненавидимых славянофилов, которые возликовали от скандала между западниками, — все это его очень раздосадовало, и он прежде всего высказал свою досаду против Кавелина с товарищи, приписывая им по крайней мере необдуманность, ребячество, ибо самолюбие заставляло его сначала не верить тому, что они говорили против Крылова, которого он облек полною своею доверенностью. Но потом, благодаря особенно помощнику своему Глохвастову, который знал все очень хорошо, он убедился в справедливости обвинений на Крылова во взяточничестве и повернулся к нему спиною, но все это дело продолжалось целый год, до самого выхода Строганова в ноябре 1847 года. Что же делал в это время Крылов? Он выказал всю мелочность и грязность своей душонки: сначала был ошеломлен, впал в отчаяние,

перестал ходить на лекции, потом начал подличать, доносить на своих товарищей, что они безбожники, развратники и проч., рассказывать то же самое про свою жену и ее братьев; ездил с этими доносами к Филарету, перекинулся к Погодину, притворился православным русским человеком; здесь уже было положено начало его славянофильству, т. е. сближению с славянофилами, хотя в это время он сблизился, собственно, только с Погодиным, ибо другие славянофилы, ходившие тогда еще в белых перчатках, отворачивались от него вследствие обвинений во взяточничестве, тут же повернул к востоку и Лешков.

Лешков, воспитанник педагогического института и посланный за границу, назначен был в Московский университет по кафедре народного права и приехал позднее, чем первая партия заграничных, т. е. Крылов, Редкин, Крюков и другие. Это был человек трудолюбивый, но бездарный и тупой. Он прицепился к кругу заграничников, западников, отдался в услужение Крылову, который за верную службу стал двигать его вперед, смеясь, впрочем, в глаза и за глаза над его тупоумием; он, благодаря могуществу своей партии и Строганову, очень скоро выдвинул его вординарные профессора, с нарушением права других. Лешков остался ему за это благодарен, и когда случилась описанная история, то он один из профессоров юридического факультета принял явно его сторону; из других факультетов сторону Крылова взяли: из математического Спасский, из медицинского Иноземцев, Варвинский, Глебов, все, кроме последнего, люди ограниченные, хотя Иноземцев и Варвинский, не знаю как, были звездами первой величины на медицинском небе.

Так знаменовался 1846—1847 академический год для университета распадением западной партии профессоров. Мне и Чивилеву, с которым я в это время очень сблизился, было это крайне неприятно. До сих пор западная партия в университете, т. е. партия профессоров, получивших воспитание в западных университетах, была господствующею. Партия была обширна, в ней было много оттенков, поэтому в ней было широко и привольно; я, Чивилев, Грановский, Кавелин принадлежали к одной партии, несмотря на то что между нами была большая разница: я, например, был человек религиозный, с христианскими убеждениями; Грановский остановился в раздумье относительно религиозного вопроса; Чивилев был очень осторожен — только после я узнал, что он не верил ни во что; Кавелин — также, и не скрывал этого; по политическим убеждениям Грановский был очень близок ко мне, т. е. очень умерен, так что приятели менее умеренные называли его приверженцем прусской ученной монархии; Кавелин же, как человек страшно увлекающийся, не робел ни перед какою крайностью в социальных преобразованиях, ни перед самым даже коммунизмом, подобно приятелю их общему, знаменитому

Герцену. С последним я не был знаком по домам, видел его у Грановского и в других собраниях; я любил его слушать, ибо остроумие у этого человека было блестящее и неистощимое, но меня постоянно отталкивала от него эта резкость в высказывании собственных убеждений, не деликатность относительно чужих убеждений; так, например, он очень хорошо знал о моих религиозно-христианских убеждениях и, несмотря на то, не только не удерживался при мне от кощунств, но иногда и прямо обращался с ними ко мне; нетерпимость была страшная в этом человеке. Противоположность в этом отношении представлял Грановский, в высшей степени деликатный относительно религиозных убеждений: он не только никогда не отзывался резко при мне о христианстве, но, оставаясь со мною наедине, особенно впоследствии, любил заводить со мною разговоры о христианстве, высказывая к нему самую сильную симпатию, проговаривался о зависти, которую чувствовал к людям верующим. Кавелин также не церемонился со мною относительно выходов против религии, но у Кавелина это меня не оскорбляло по короткости наших отношений; мы с ним спорили в потасовку и потом упивались развитием наших сходных научных взглядов. Таким образом, в так называемой западной профессорской партии было много оттенков, но эти оттенки уживались в ней мирно, единство преобладало, все стояли друг за друга горой. Но после крыловской истории отношения переменились; вражда, нарушив единство, вывела наружу оттенки, резко определила их внутри и вне. Если, как я уже сказал, Кавелин, Грановский, Редкин, Корш называли Крылова подлецом, взяточником, то Крылов с товарищи не щадил для них названия безбожников, коммунистов. Наше положение было крайне затруднительное.

Между тем в конце 1846 года я сблизился с славянофилами. Я уже упоминал, что во время моего студенчества и в первый год пребывания за границею я был жарким славянофилом, но потом все больше и больше занятия историею, и особенно русского, дали мне возможность приобрести правильный взгляд на отношения между древнею и новою Россиею; благодаря науке и умеренности моего характера я не увлекся: признав необходимость Петровского периода, признав его закономерность, правильность истечения его из предшествовавших условий русского общества, я сохранил от прежних моих любимых занятий древнею русскою историею, от прежнего славянофильства всю теплую симпатию к древней Руси, к ее лучшим людям. Эта теплота высказывалась в моих лекциях, в моих статьях, чего славянофилы не могли не заметить, особенно в противоположность с выходками Кавелина и других крайних западников против древней Руси. По приезде моем из-за границы я видался с тремя славянофилами — Александром Поповым,

Пановым и Валуевым. С первым, как уже было сказано, я познакомился в Берлине, потом встречал в Мюнхене и Париже. По возвращении я нашел его в Москве в одинаковом со мною положении, т. е. добивающимся кафедры в Московском университете по юридическому факультету. Это был тогда человек с большими способностями, преимущественно на словах, бойкий, смелый, иногда дерзкий говорун, малоспособный к труду; отсюда, блестящий на словах, он оказывался чрезвычайно слабым на деле; слушая его, всякий должен был сказать: какие блестящие способности у этого человека! А прочтя его статью, всякий должен был пожать плечами. Юридический факультет, сплошно составленный из западников, никак не хотел пускать к себе Попова — и имел на то полное основание, хотя славянофилы и провозглашали, что это — великий философ. По выслушании его пробной лекции факультет объявил, что лекция слаба; Попов напечатал ее в «Москвитянине»; критика согласилась с факультетом. Тогда Хомяков через Веневитинова рекомендовал его Блудову, который и поместил его во II отделении собственной е[го] и [мператорского] в[еличества] канцелярии. И здесь Попов оказался таким же, каким был известен и в Москве.

Панов был совершенная противоположность Попову. Это был человек умный, распорядительный, нисколько не даровитый, до крайности неказистый, вялый, насилиу вытаскивающий слова изо рта, но святой человек: окруженный самолюбцами, он отличался отсутствием самолюбия, скромностью необыкновенною, но где приходилось работать, работал за всех.

Валуева я знал еще во время студенчества, он был курсом старше меня: живой, красивенький мальчик, без устали бегавший по лекциям не только своего, но и юридического факультета, нахватывающий отовсюду знания, с подозрительным румянцем на щеках; потом я встретился с ним мельком в Париже; когда же я возвратился в Москву, то чахотка уже разрушала его; несмотря на то, он работал над изданием памятников древней русской истории и особенно над разработкою местничества; плодом этого труда был «Симбирский сборник»; вскоре отправили его вторично за границу, но он в Новгороде умер. Валуев и Панов (который также скоро умер, в 1849 или 1850 году) были лучшие из славянофилов в нравственном отношении. Обращусь к другим, которые остались жить и действовать. Хомяков — низенький, сутуловатый, черный человечек с длинными черными косматыми волосами, с цыганскою физиономиею, с дарованиями блестящими, самоучка, способный говорить без умолку с утра до вечера и в споре не робевший ни перед какою уверткою, ни перед какою ложью: выдумать факт, процитировать место писателя, которого никогда не было, — Хомяков и на это был готов; скалозуб прежде всего по природе, он готов был всегда подшутить над

собственными убеждениями, над убеждениями приятелей. Понятно, что в нашем зеленом обществе, не имевшем средств оценить истинного знания, добросовестности и скромности, с последним неразлучных, Хомяков прослыл гением; это вздуло его самолюбие, сделало раздражительным, неуступчивым, завистливым, злым.

После Хомякова самое видное место в славянофильском кружке занимали Аксаковы. Старик Сергей Тимофеевич — в молодости театрал, игрок, клубист, легонький литератор, переводчик, стихоплет; в старости, когда я с ним познакомился, человек больной, никуда уже не выезжавший, умный, практический, хитрый, с убеждениями ультразападными, чего при случае и не скрывал, а между тем очень легко прилаживался к славянофильскому кружку, где ему было очищено почетное место, первый готовый подтрунить над сыновьями, над их славянофильством и в то же время считавший славянофильство своим родным, фамильным делом, делом священным и неприкосновенным. Жена его Ольга Семеновна — старуха добрая до тех пор, пока дело не шло о ее сыновьях, о их мнениях, о их кружке, но, если бы кто вздумал задеть их, Ольга Семеновна превращалась в фурию, и только окрик мужа, наследника «багровщины»²³, заставлял ее умерять свои неуместные порывы. Старший сын этой четы, Константин, достойный прозвища Багрова, — человек, могущий играть большую роль при народных движениях и в гостиных зеленого русского общества, со львиною физиономиею, силач, горлан, открытый, добродушный, не без дарований, но тупоумный; последнее можно было бы легко сносить за открытость, добродушие, наивность, но что делало его нестерпимым, так это крайнее самолюбие и упорство в мнениях, для поддержания которых он средств не разбирал. В Хомякове эта неразборчивость смягчалась шутливостью, которая мешала противнику его раздражаться, но спорить с Аксаковым было глупо и вредно для здоровья; правда, Аксаков не позволял себе выдумывать фактов, но зато никакая самая чудовищная натяжка его не останавливала, и это, разумеется, раздражало гораздо больше, чем всякая выдумка, ибо против последней легкое средство — сказать и доказать, что нет ничего подобного, но против способности перевернуть всякое слово и событие в свою пользу — где средство?

К. Аксаков когда-то хорошо учился в Московском университете, когда именно нечему было в нем учиться и ученик, т. е. студент, кончал курс университетский лет шестнадцати; он считал себя знатоком русской истории, потому что прочел Румянцевское собрание грамот и несколько томов изданий Археографической

²³ Багров — герой «Семейной хроники» С. Т. Аксакова, человек, обладавший многими достоинствами, однако деспот в семье (*примеч. ред.*).

комиссии; для подкрепления своих любимых мыслей он брал наскоком в древней русской истории несколько явлений, но у него никогда не доставало ни времени ни духу проследить русскую историю хотя бы и не по источникам; Карамзина он не читал, из моей истории прочел первый том, когда писал свою статью против родового быта, а потом начал читать с VI тома, когда в славянском совете ему поручено написать разбор моей истории для «Русской беседы»: это он мне сам сказал откровенно; о новой русской истории, с XVIII века, не имел никакого понятия, об истории западных и славянских народов — также. Считал он себя и филологом, но филологи отзывались об его занятиях очень неудовлетворительно. Что же делал этот человек всю свою жизнь? Летом в деревне сидел у пруда с удочкой; зимой в Москве с утра до вечера разъезжал по гостям или принимал у себя гостей: Аксаковы жили очень открыто, хлебосольно, всегда можно было у них застать кого-нибудь, всегда кто-нибудь обедал. Второй сын Аксаковых, Григорий, служил в губернии, не был ничем замечателен; третий, Иван, воспитанник Училища правоведения, — человек с поэтическим дарованием, умнее брата, но никак не учнее. Сначала могло казаться, что из него будет путь, что он успеет избежать крайностей своей партии. Но он скоро бросил службу, и отсутствие крепкого научного образования, с одной стороны, и практической деятельности — с другой, выставили и его на жертву этим крайностям. Кроме сыновей у Аксаковых было еще пять дочерей, очень некрасивых, непривлекательных. Старшая, Вера, отказавшись от надежды на замужество, начала играть роль в славянофильской гостининой. Последняя из них сумела выйти замуж; три умерли одна за другой в короткое время.

Товарищ К. Аксакова по университету и приятель его Юрий Самарин, человек замечательно умный, но холодный, несимпатичный господин, сделался сначала славянофилом по недостатку ученого образования, особенно в истории, потом укрепился в славянофильстве по самолюбию; он имел на это некоторое право: в начале службы своей у лифляндского г[енерал]-губернатора Суворова он перенес свои убеждения на практическую почву, стал держать оппозицию Суворову за преданность последнего немецким интересам, написал и распустил против Суворова письмо, за что был посажен в крепость, потом послан в Киев на службу и тут окончил свое служебное поприще; понятно, что он озлобился, и, когда после другие члены кружка освежались надеждою на лучшее будущее, Самарин оставался пессимистом.

Наконец, в славянофильском кружке изредка появлялись два человека, которые считались также коноводами: это два брата Киреевские — Петр и Иван. Петр — доброе, кроткое, симпатичное существо — напоминал мне добродушных чешских властен-

цев; он был очень трудолюбив, много читал, но не был даровит, не был умен, не имел никакого характера; нравственная слабость, неспособность двинуться, сделать что-нибудь — порок, которым страдали все эти люди вообще, — в Петре Киреевском доходил до неимоверных размеров; вобрать в себя, начитаться, послушаться, наглядеться — это было его дело, но самому что-нибудь написать, сделать — для этого нужны были усилия необычайные.

Брат его Иван Киреевский — человек даровитый, крайний западник вначале, потом круто повернувший в противную сторону вследствие перемены религиозных убеждений. Его славянофильство ограничивалось сферой философскою и религиозною. Как прозелит относительно христианских убеждений, он враждебно стал смотреть на нерелигиозное движение мысли в просвещенном человечестве, вывел, что такое движение коренится в свойстве западных народов, в их церковных условиях и что соглашение мысли с чувством должно произойти у народов, к восточной Церкви принадлежащих; как это должно произойти, этого уяснить для себя он не мог и потому должен был ограничиться одною скудною отрицательною деятельностью, вооружаться против западной философии, толковать о возможности православной философии.

К этим — не скажу мыслителям, но мечтателям, поэтам и дилетантам науки, из которых по большей части слагался славянофильский кружок, — присоединялся человек с противоположною натурою, человек практический, мастер обсуживать предметы осязательные, но становившийся совершенным дураком, когда предмет поднимался в высшую сферу: то был Кошелев. Кошелев благую часть избрал в мирском земном смысле: отказался от служебного движения, от служебных почестей, чтоб приобрести состояние, и приобрел большое посредством откупов и еще кое-каких сделок, как говорят, вовсе не чистых; рассказывали, что в одну прекрасную ночь он подбегал беспрепятственно к зеркалу, чтоб смотреть, не поседел ли он от мучительного беспокойства, ибо дела по откупам пошли так дурно, что грозило разоренье круглое; наконец он решился на дело нечистое, на смешение воды с вином, что ли, и этим спас себя; рассказывали также, что он выгодно купил большое имение, подкупивши управителя, который доносил барину, что имение никуда не годится, что его следует продать, хотя и за бесценок. Разумеется, все это рассказывалось не в славянофильском кружке. Наживши большое состояние, надворный советник Кошелев, полный еще сил, мужик и горлан, захотел играть роль передового человека в обществе; он бросился в оппозицию, примкнул к славянофилам и стал для них чрезвычайно полезен денежными средствами. Обращение его в славянофилы происходило постепенно на моих глазах. Сначала он хотел играть роль примирителя, срединного

человека, приглашал к себе на богатые обеды и ужины людей из обеих партий — Грановского и Аксакова — и рассаживал их по концам стола, сам садился посередине и подле себя сажал меня и других средних, умеренных, к которым думал принадлежать, но недолго продержался он на середине и хватил в самую сильную крайность — начал строго соблюдать посты, с одной стороны, с другой — отрастил бороду и надел армяк, нарядил в какой-то шутовской, будто бы старинный русский, костюм и жену свою, отличавшуюся глупостью.

XV

Вот и все действующие или действительные славянофилы, не перечисляя страдательных, которых обязанность состояла съезжаться в собрания кружка, слушать и восхищаться Хомяковым с товарищи. Я в этом кругу не бывал, как сказано уже, до конца 1846 года, несмотря на знакомство с отдельными его членами — Поповым, Валуевым, Пановым. Впервые я увидел круг в сборе на вечерах у Свербеевых. Свербеев, Дмитрий Николаевич, служивший когда-то по дипломатической части, но давно в отставке, человек богатый, очень неглупый и образованный, любивший оригинальничать тем, что становился в оппозицию против порывов нашего зеленого общества, так склонного к порывам и способного доходить в них до смешного, — оппозицию, со стороны Свербеева законную и почтенную, если б он сумел не пересаливать; так, например, оппозиция была законна и почтенна, когда она направлялась действительно против смешных и более чем смешных порывов, но Свербеев позволял себе вооружаться и против таких порывов, которые были вполне законны. Вообще Свербеев был человек почтенный, очень мне нравившийся по умеренности, сдержанности, столь редкой в нашем обществе, хотя, как сказано, он и из этой умеренности любил делать парад. Жена его — в молодости очень привлекательная лицом, женщина крайне самолюбивая, любившая играть роль, окружать себя избранным обществом, особенно мужским; вот почему всякий сколько-нибудь замечательный человек приглашался к Свербеевым на вечера, которые поэтому в описываемое время были очень оживленны и приятны, — это была нейтральная почва для западников и славянофилов. Тут увидал я последних во всей их красе и выводил их из терпения тем, что упорно молчал, когда они задирали меня, начиная споры о предметах, близких мне по занятиям.

Я слыл сначала западником. Сближение мое с славянофилами произошло таким образом: К. Аксаков писал тогда драму «Освобождение Москвы в 1612 году»; по обычаю, господствовавшему

у славянофилов, она перед окончанием и напечатанием читалась в разных кружках; автору очень хотелось узнать мнение специалиста, и он затащил меня к себе; сочинение его, не удавшееся на сцене, было очень эффектно в чтении; я не мог не выразить сочувствия к сценам драмы,—это, разумеется, очень понравилось. Несколько дней спустя, по какому-то, не помню, случаю, я должен был писать к Аксакову и, для шутки, написал записку старым русским языком XVII века, никак не предполагая, чтобы шутка эта произвела такое впечатление: Аксаков просто сошел с ума от восторга, перенесшись моею запискою в древнюю Русь, и привязался ко мне страстно, не хотел слушать, когда ему замечали, что я—западник, познакомил меня с своим семейством. Умный старик мне понравился, и я стал бывать у них очень часто, ибо у них всегда было очень весело. Константин начал ходить ко мне на лекции, а я, как нарочно, читал тогда специальный курс истории смутного времени: самая живая эпоха в древней Руси читалась живо, с сочувствием, и это еще более воспламенило Аксакова.

Весною 1847 года, в Великий Пост, Аксаков защищал диссертацию свою о Ломоносове; много было смеху, когда я, возражая ему, начал его упрекать в нелюбви к древней Руси; много было смеху, когда в тот же день после пира, данного новым магистром, я прочел написанное мною языком летописи сказание о том, как славяне, т. е. славянофилы, ездили жениться, по поводу помолвки Панова; чрез несколько дней явился новый источник смеха: я написал также языком летописи сказание о том, как Аксаков писал и защищал свою диссертацию. Жилось мне тогда весело; с обеих сторон, и с востока, и с запада, меня уважали, ласкали; фимиам, который мне воскурляли со всех сторон, мне очень нравился. В это время, именно Великим Постом, я окончил печатание моей докторской диссертации «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», и с субботы Фоминой недели начались мои экзамены, которые были совсем не похожи на магистерские; они были форменные; мне стоило только сказать экзаменаторам, близким теперь людям, приятелям, на какие вопросы я хочу отвечать. Строганов был опять в восторге, ибо Голохвастов сказал ему о моей книге: «Это такая книга, что по прочтении каждой страницы я мысленно с почтением кланяюсь автору».

В это же время Погодин вдруг разослал повестки по своим многочисленным знакомым, мужчинам и дамам, что он хочет прочесть пред публикою первые главы своей «Русской истории»; я получил также приглашение и нашел огромное стечение народа; автор прочел пред внимательным собранием напечатанные после в «Москвитянине» статьи об Олеге, Игоре, Ольге, Святославе и Владимире. Публика встала с своих мест, как говорится,

«несолоно хлебавши»; самые преданные автору люди едва выпускали изо рта обычные комплименты. Некоторые имели неделикатность подходить ко мне и спрашивать моего мнения; я им ничего не отвечал и был в крайне затруднительном положении: ни хвалить, ни бранить я не мог. Погодин раза два подходил ко мне с странными словами: «Пожалуйста, будьте хозяином, распорядитесь насчет гостей!» Это еще более меня затруднило, и я ему не нашелся ничего отвечать,—должно быть, представлял в его глазах странную фигуру, ибо он смотрел на меня внимательно, подозрительно и угрюмо. Я скоро уехал. Понятно, что Погодин был раздражен, не мог не заметить холодности публики, был обманут в своем ожидании, ибо ждал взрывов восторга. Мое смущение и скорый отъезд должны были раздражать его; мое молчание, нежелание сказать ему ничего приятного, могло показаться ему крайне недоброжелательным; может быть, я в самом деле поступил невеликодушно; может быть, мне в самом деле нужно было переломить себя и сказать ему что-нибудь утешительное, быть с ним помягче, потеплее...

Не оправдываю себя, ибо не могу скрыть, что в душе моей было недоброжелательство к этому человеку. Никак не припомню, когда, прежде или после этого несчастного чтения, был я у Погодина и отвез ему свою докторскую диссертацию, взглянув на которую он сказал: «Вишь, какой блин испек!» По окончании студенческих экзаменов, в начале июня 1847 года, я защищал докторскую диссертацию так же славно и с честью, как прежнюю, магистерскую. Погодин не был на диспуте; Кавелин опять прогремел в «Отечественных записках» хвалу моей книге, а подробный разбор поместил после в «Современнике». Но это были уже последние улыбки людского расположения ко мне; начинались времена испытаний. Я жил тогда на даче, на дороге, ведущей из Петровского Парка в Петровско-Разумовское. 1 июля с праздника, который обыкновенно бывал в этот день в парке, заехал ко мне Аполлон Григорьев и объявил, что в «Петербургских ведомостях» Ксенофонт Полевой написал бранный разбор моей книги: это была первая журнальная брань (если не считать бранчливой выходки Савельева-Ростиславича за мою рецензию венелинской «Скандинавомании», напечатанную в «Москвитяине» Погодиным в мое отсутствие за границу; Савельев назвал меня тут *пигмеем* в сравнении с Венелиным). Я не читал статейки Полевого не из презрения, ибо я еще тогда не был так равнодушен к журнальной брани, как после, когда она сыпалась на меня в презрительном количестве, но потому, что все внимание мое было поглощено выходкою Погодина, о которой я узнал 6 июля вечером от Ефремова. Я немедленно поехал с дачи в Москву, подписался на «Москвитянина» и написал в «Московских ведомостях» ответ Погодину. Что заставило

последнего сделать против меня выходку — пусть это он сам объяснит в своих записках; я не хочу здесь (т. е. в записках моих) с ним судиться, тем более что публика произнесла суд свой, конечно, не в его пользу, хотя сначала и нашлись люди, которые взяли его сторону против меня: вдруг выросший из земли авторитет мой, хвалебные взгляды журналов возбудили неудовольствие в некоторых господах, менее счастливых в своей ученой карьере; знаменитый Мстиславский (см. «Москвитянин», 1847 года) выступил против меня печатно²⁴; были и другие Мстиславские, которые не печатались, но сильно голосили против меня, минуя правду моих научных мнений, толковали, что не годится мне вооружаться против *учителя*, что это неблагоприятно с моей стороны; сам Погодин голосил на все стороны о моей неблагодарности!!

Таким образом, я начал новый академический год с новым до тех пор для меня чувством — чувством оскорбленного авторского самолюбия. В октябре я был обрадован утверждением меня экстраординарным профессором, но эта радость была непродолжительна. 24 ноября, в Екатеринин день, я провел вечер в доме будущей моей жены, мать которой была именинница; это было в понедельник, на другой день, во вторник, после лекций подошел ко мне молодой граф Строганов, студент (Григорий), и сказал мне, что отец его просит меня зайти к нему. Старик граф встретил меня словами: «Вы укоренились в университете, больше не нуждаетесь в моей помощи; я вышел в отставку». Удар был так неожидан, что отнял у меня способность почувствовать всю его силу. Вошел Попов, инспектор I гимназии (известный читателям записок как мой учитель): «Как, ваше сиятельство! Неужели правда, что оставляете нас?» «Правда, правда,— отвечал Строганов.— Теперь я уже вам не начальник,— продолжал он,— но не могу не заметить, что вы сделали нехорошо, введши золотую медаль и давши ее Васильчикову: что это за различия, отличия?» Попов стал оправдываться, но Строганов с ним не согласился и был вполне прав: золотая медаль сделана была для аристократа Васильчикова, которого всеми средствами тащили за уши и дотащили до первого места. Выпроводивши Попова, Строганов обратился ко мне и сказал: «Официальные отношения между нами кончились, должны начаться более тесные отношения». Сердце у меня начинало разрываться...

Служебные испытания мои начались: я лишился начальника, которого любил, в привязанности которого ко мне был уверен, следовательно, был вполне обеспечен с этой стороны. Удар был тем тяжелее, что был первый, падал на меня, неопытного,

²⁴ Предметом критики Ф. Мстиславского была магистерская диссертация Соловьева «Об отношении Новгорода к великим князьям» (*примеч. ред.*).

доверчивого к жизни молодого человека; это было сиротство, горькое сиротство. Удар был тем тяжелее, чем неожиданнее; хотя давно уже носились слухи об усилившейся борьбе между Уваровым и Строгановым, которая легко может повести к отставке последнего, но это были только слухи; неопытный, не привыкший еще ждать от жизни больше дурного, чем хорошего, я не верил им, ибо не веришь тому, чему не хочется верить. Усилению борьбы между министром и попечителем способствовал Давыдов, который окончил свою службу в университете и был переведен Уваровым в Петербург, на место директора Педагогического института. Одним из самых приятных угодничеств, какое мог оказать Давыдов Уварову, это — ругать Строганова, и Давыдов не щадил этого угодничества тем более, что ненавидел Строганова; последний, получая из министерства неприятности в усиленном приеме, не выдержал и, не обратив внимания на характер самодержца, послал ему требование — или дать ему возможность действовать независимо от Уварова, чтоб принести всю пользу, или отпустить в отставку. Царь не соглашался ни на то, ни на другое, Строганов настоял на втором. Уваров и Давыдов торжествовали; в Москве все, что при Строганове было в черном теле, т. е. все черное, подняло головы; поднял голову Погодин, Перевощиков, Крылов с толпою своих бездарных сателлитов, Лешковым, Спасским. Перевощиков, узнав об отставке Строганова, напился пьян и перепоил своих сыновей; потом все эти господа на пиру у Иноземцева с бокалами в руках кричали «регеат»²⁵ Строганову: они прежде этого не кричали, когда Строганов был в силе. Редкин, Кавелин, Грановский и Корш подали в отставку. Редкин, Кавелин и Корш получили ее и перебрались в Петербург. Грановский был задержан на том основании, что еще не выслужил срока за свою заграничную поездку на казенный счет. Попечителем был назначен Голохвастов, скоро оказавшийся вполне неспособным по мнительности, медленности: он только и делал, что рассуждал и ничего не разрешал; дела самые необходимые по хозяйству останавливались.

Приближались и ректорские выборы, ибо Альфонский, заступивший место Каченовского в 1842 году, оканчивал срок профессорской, а следовательно, и ректорской службы. Что касается лично до меня, то вначале назначение Голохвастова меня успокаивало, ибо я знал, что Голохвастов имеет ко мне слабость за мои сочинения, к тому же Строганов сохранял над ним сильное влияние. С другой стороны, в конце 1847 и начале 1848 года я имел сильное развлечение: 11 февраля 1848 года я женился. Но и медовый месяц был потревожен: не помню, которого числа после обеда тесть мой, в доме которого я жил

²⁵ Да погибнет! (лат.).— Примеч. ред.

после свадьбы, принес журнал с известиями о февральской революции; прочитавши известия, я сказал: «Нам, русским ученым, достанется за эту революцию!» Сердце мое сжалось черным предчувствием.

XVI

Пророчество мое слишком оправдалось. Чтоб показать, почему оно оправдалось, нужно мне рассказать состояние русского общества под державою Николая I и характер сего державца. Известно, что добрый и благонамеренный Александр I подписал самодержавное: «*Быть по сему*» под манифестом, в котором в неопределенных выражениях приказывалось всем народам, кроме русского, быть свободными и счастливыми. Благословенный ждал благословений за свой подвиг и сильно оскорбился, когда увидал, что народы, вместо того чтоб довольствоваться манифестом, начали хлопотать об определении форм, под которыми они должны быть свободны и счастливы, и начали хлопотать об этом, не спрося манифестодателей. Известно, в каком колеблющемся положении находилась Европа во время смерти Александровой; известно, каким несчастным событием в России сопровождалось восшествие на престол преемника Александрова. Это событие — великой важности, ибо оно объясняет многое в жизни русского общества. Крайне небольшое число образованных, и то большею частью поверхностно, с постоянным обращением внимания на Запад, на чужое; все сочувствие — туда, к Западу, ибо там — жизнь, там — движение, там — деятельность, но все это сочувствие и должно было оставаться сочувствием только, единственным выражением которого было *слово*, и то не публичное, а домашнее, кабинетная или гостиная болтовня; у себя в России нет ничего, где бы можно было действовать тою действительностью, которую привыкли видеть на Западе, о которой привыкли читать и рассуждать. Отсюда — отрицательное отношение к своему, привычка к бесплодному порицанию, к бесплодному протесту, к бесплодной насмешке. Вот откуда насмешливость, сатирическое направление русского человека — жалкое, страшное настроение! Отсюда же этим образованным, мыслящим русским людям Россия представлялась «*tabulam gasam*»²⁶, на которой можно было начертать все, что угодно, начертать обдуманное или даже еще не обдуманное в кабинете, в кружке, после обеда или ужина.

Движение в пользу народностей, происшедшее вследствие высокого развития западноевропейских обществ и вызванное

²⁶ Чистой доской (*лат.*) — Примеч. ред.

внешним материальным сжатием Наполеоновской системы,— это движение не могло не отозваться и у нас, русских, и у славян вообще и обнаружилось сначала, разумеется, младенческим лепетом еще у декабристов, но это был именно только младенческий лепет; славянского у декабристов было только незрелость, распущенность, рознь. Да не сочтет кто-либо слов моих словами укора: сохрани Боже! Грустный опыт, грустный взгляд на настоящее не позволяет мне укорять моих несчастных предшественников; прошло более тридцати лет после их попытки, и мы находимся (в 1858 г.) в совершенно таком же положении, как и они. Их участь поразительно сходна с участью последних из римлян; если бы им удалось их начальное дело, как удалось оно Бруту и Кассию, то следствия были бы одни и те же; будем утешать себя только тою мыслью, что дело римских заговорщиков было произведением обветшалости римского общества, дело же наших декабристов было произведением незрелости русского общества. Попытки не удались в самом начале; Цезарь восторжествовал, Бруты и Кассии погибли позорною смертью.

Но кто же был этот Цезарь? Это была воплощенная реакция всему, что шевелилось в Европе с конца прошлого века: на лице Николая всякий легко мог прочесть страшные «*мани, факел, фарес*»²⁷ для России: «остановись, плесней, разрушайся!» Эта колоссальная фигура Николая олицетворяла в себе ту бездну материализма, которая ныне давит духовное развитие России в его царствование. Деспот по природе, имея инстинктивное отвращение от всякого движения, от всякого выражения индивидуальной свободы и самостоятельности, Николай любил только бездушное движение войсковых масс по команде. Это был страшный нивелировщик: все люди были пред ним равны, и он один имел право раздавать им по произволу способности, ум, все, что мы называем дарами Божиими; нужды нет, что в этом нечестивом посягновении на права Бога он беспрестанно ошибался: он не отставал до конца от своего взгляда и направления, до конца не переставал ненавидеть и гнать людей, выдававшихся из общего уровня по милости Божией, до конца не переставал окружать себя посредственностями и совершенными бездарностями, произведенными в великие люди по воле начальства, по милости императора. Не знаю, у какого другого деспота в такой степени выражалась ненависть к личным достоинствам, природным и трудом приобретенным, как у Николая; он не желал, подобно известному безумному императору, чтоб народ имел одну голову, которую можно было бы отрубить одним ударом; он хотел бы другого — возможности одним ударом отрубить все головы, которые поднимались над общим уровнем. Приезжает он в одну

²⁷ Кн пророка Даниила, 5, 25 (*примеч ред*)

губернию, кажется, Рязанскую; на представлении всех губернских властей председатель казенной палаты (Княжевич, если не ошибаюсь), выполняя инструкцию, выдвигается и подает рапорт о финансах губернии; в ответ получает гневный, громовой взгляд и выговор: как смел это сделать! Как смел выдвинуться, выказаться, нарушить порядок, т. е. безжизненность, молчание! Несчастный председатель за точное исполнение инструкций ссылается в одну из отдаленнейших губерний. Посещает император одно военное училище; директор представляет ему воспитанника, оказывающего необыкновенные способности, следящего за современной войною, по своим соображениям верно предсказывающего исход событий; что же отвечает император? — Радуетя, осыпает ласками даровитого молодого человека, будущего слугу отечества? Нисколько: нахмурившись, отвечает Николай: «Мне таких не нужно, без него есть кому думать и заниматься этим; мне нужны вот какие!» С этими словами он берет за руку и выдвигает из толпы дюжего малого, огромный кус мяса без всякой жизни и мысли на лице и последнего по успехам.

С [ен]-Симон, мастерски изображая в своих записках Людовика XIV, напоминает нам нашего Николая. С [ен]-Симон рассказывает, между прочим, как Людовик XIV питал отвращение к вельможам и умным людям за то, что они не от него получили свои права на отличия, но делал исключение для одного герцога и умного сведущего человека вместе; почему же делалось такое исключение? Потому что король замечал в герцоге, когда тот подходил к нему, трепет; этот страх нравился деспоту и заслужил его расположение.

Подобное же можно рассказать и о нашем Николае. Однажды перед дверями его кабинета собрались министры с портфелями, военный министр Чернышев и министр финансов Вронченко. Никак не думая, чтоб император сам вышел из кабинета, и дожидаясь, пока их позовут, министры разговаривали, и Вронченко вынул табакерку; вдруг отворяется дверь кабинета, и *Сам* является пред изумленными взорами верных слуг своих; Вронченко в испуге роняет из рук табакерку и представляет пресмешную фигуру; Чернышев, как слуга более близкий и знатный, осмеливается улыбнуться при виде, как испугался слуга более мелкий, но господин замечает эту улыбку и обращает к Чернышеву грозную речь: «Чему тут улыбаться; это очень естественно! Граф Вронченко, войдите в кабинет!» Последние слова были знаком милости к Вронченко и опалы на Чернышева, потому что последний по своей службе, как военный министр, всегда входил первый.

В таком-то господине воплотилась реакция тому движению, которое знаменует русскую историю во все продолжение XVIII и в первую четверть XIX века. Начиная с Петра до Николая *просвещение* народа было целью правительства, все государи

сознательно и бессознательно высказывали это; век с четвертью толковали только о благодетельных плодах просвещения, указывали на вредные следствия невежества в раскольниковстве, в суевериях. Самодержцы и самодержицы, разумеется, смотрели односторонне на дело, именно смотрели на него с одной материальной стороны: им нужно было просвещение для материальных успехов, для материальной силы; они покровительствовали просвещению, заводили академии и университеты, ласкали ученых и поэтов, давали права образованным молодым людям, преследовали невежество, ибо представителями последнего был для них буйный, строптивый раскольник, смотрящий на их герб, как на печать антихристову; представителем же просвещения был профессор, говорящий на актах похвальные слова им, или поэт, подносящий торжественную оду. Так, некоторые родители очень доволны просвещением и не жалеют денег для образования детей своих, когда эти дети ловко танцуют и возбуждают удивление родных и знакомых, лепечут на иностранных языках и в день именин подносят папаше и мамаше сочинение в стихах и прозе, где величают их виновниками своего блаженства и проч. Но ведь эти милые дети вырастают, и для пожилых родителей начинается горькое разочарование: милые дети начинают считать себя образованнее, умнее родителей, не хотят сообразоваться с их желаниями и обычаями, которые называют дикими, устарелыми, требуют себе самостоятельности, средств к свободной жизни; тут-то папаша и мамаша начинают горькие жалобы на просвещение, на молодых учителей-развратителей: воспитали, выучили детушек на свою голову, а теперь яйца и начали учить кур! То же самое случилось и с русскими благочестивейшими и самодержавнейшими папашами и мамашами. Уже мудрая мамаша Екатерина II, которая писала такие прекрасные правила для воспитания *граждан*, на старости лет заметила вредные следствия своих уроков и сильно гневалась на непокорных детей, заразившихся правилами так любимых ею прежде учителей. Благодушный Александр I всю свою жизнь тосковал и жаловался на непокорность и неблагодарность детей, о благе которых он так заботился и даже хотел их выпустить на волю — под надзором Аракчеева. Но Николай I не имел такого благодушия. Он инстинктивно ненавидел просвещение как поднимающее голову людям, дающее им возможность думать и судить, тогда как он был воплощенное: «не рассуждать!» При самом вступлении его на престол враждебно встретили его на площади люди, и эти люди принадлежали к самым просвещенным и даровитым, они все думали, рассуждали, критиковали, и следствием этого было 14 декабря.

По воцарении Николая просвещение перестало быть заслугою, стало преступлением в глазах правительства; университеты подверглись опале; Россия предана была в жертву преторианцам;

военный человек, как палка, как привыкший не рассуждать, но исполнять и способный приучить других к исполнению без рассуждений, считался лучшим, самым способным начальником везде; имел ли он какие-нибудь способности, знания, опытность в делах — на это не обращалось никакого внимания. Фрунтовики воевали на всех правительственных местах, и с ними воцарилось невежество, произвол, грабительство, всевозможные беспорядки. Смотр стал целью общественной и государственной жизни. Вся Россия 30 лет была на смотре у державного фельдфебеля. Все делалось напоказ, для того чтоб державный приехал, взглянул и сказал: «Хорошо! Все в порядке!» Отсюда все потянулось напоказ, во внешность, и внутреннее развитие остановилось. Начальники выставляли Россию перед императором на смотр на больших дорогах — и здесь было все хорошо, все в порядке; а что дальше — туда никто не заглядывал, там был черный двор. Учебные заведения также смотрелись, все было чисто, выложено, опрятно, воспитанники стояли по росту и дружно кричали: «Здравия желаем, в [аше] и [мператорское] в [еличество]!» Больше ничего не спрашивалось. Терпелись эти заведения скрепя сердце, для формы, напоказ, чтобы-де иностранцы видели, что и у нас есть училища, что и мы — народ образованный.

Впрочем, до последнего времени, до 1848 года, явного гонения на просвещение не было. Тяжелая рука лежала на нем, враждебное начало проводилось в системе государственного управления, все чувствовали, понимали, что государь до просвещения не охотник, но он ограничивался еще только отрицательными действиями. Николай Павлович покровительство изволил оказывать просвещению: но какую цену было куплено это покровительство? Министр Уваров имел способность уверять его, что воспитывается новое поколение монархически мыслящих людей, которые посредством науки доходят до убеждения в необходимости и превосходстве порядка вещей, желаемого его величеством, что великое царствование его служит новой эпохой в истории человеческого и русского просвещения, в основании которого легли православие, самодержавие и народность. Лесть ловкого, умного лакея нравилась барину: отчего же к славе великого законодателя, политика, правителя не присоединить и славу покровителя просвещения, просвещения истинного. могущего упрочить *спокойствие* народа! И вот лакей ловкою лестью выманивал от времени до времени разные льготы и хорошие вещи, как, напр [имер], археографическую комиссию. К этому времени принадлежит и попечительство Строганова в Московском округе с сильным развитием серьезного, научного движения. Но свистнул свисток на Западе, и декорация переменялась на Востоке: февральская революция отозвалась совсем печальным образом на России. Повелитель перепугался, перепугался самым

глупым образом, как только он один мог перепугаться. Николай, начальник петербургских казарм, вовсе не знавший России, перепугался; перепугалась его глупая жена, перепугались все его унтер-фельдфебели от той же самой причины и глупости, по невежеству вообще и незнанию России в особенности. Думали, что и у нас сейчас же вспыхнет революция. Рассказывали, что императрица, возвратившись с прогулки по петербургским улицам, с удовольствием говорила: «Кланяются! Кланяются!» Она думала, что петербургские чиновники вследствие изгнания Людовика Филиппа перестанут снимать шляпы пред особами императорской фамилии. Но Петербурга еще не так боялись, боялись особенно Москвы, с часу на час ждали известий о московской революции. Но все было тихо; опомнились, посмеялись над страхом своим и поблагодарили русский народ доверенностью за преданность и усердие? Ничуть не бывало! Тут-то Николай и его креатуры показали всю мелочность и гадость своей натуры; они озлобились, начали мстить за свой страх, обрадовались, что в событиях Запада нашли предлог явно преследовать ненавистное им просвещение, ненавистное духовное развитие, духовное превосходство, которое кололо им глаза. Николай не стал скрывать своей ненависти к профессорам, этим товарищам-соумышленникам членов французского собрания: «А эти — хорошо себя ведут?» — спрашивал он у харьковского попечителя, указывая на профессоров при представлении университета.

Вздорный брат его Михаил воспользовался случаем, чтоб излить свою ненависть к просвещению; редактор «Отечественных записок» Краевский был инспектором классов в Павловском корпусе, следовательно, под начальством Михаила; Краевский был смелен, но этого мало: Михаил призвал его к себе, чтоб объявить, что он его выгоняет, выгоняет как литератора, как редактора журнала, и сказал ему, что он глубоко презирает литературу и литераторов. Это был стрелецкий бунт своего рода; грубое солдатство упивалось своим торжеством и не щадило противников, слабых, безоружных. Время с 48-го по 55-й год было похоже на первые времена Римской империи, когда безумные цезари, опираясь на преторианцев и чернь, давили все лучшее, все духовно развитое в Риме. Начали прямо развращать молодых людей, отвлекать их от серьезных занятий, внушать, чтоб они поменьше думали, побольше развлекались, побольше наслаждались жизнью: такие внушения делал глупый принц Ольденбургский воспитанникам Училища правоведения; то же толковалось в университетах. Принялись за литературу; начались цензурные оргии, рассказам о которых не поверят не пережившие это постыдное время; говорю — постыдное, ибо оно показало вполне, какие слабые результаты имела действительность XVIII и первой четверти XIX века, как слабо было просвещение в России; стоило только

Николаю с товарищи немножко потереть лоск с русских людей— и сейчас же оказались татары. Цензуру отняли у профессоров и отдали в руки шайке людей, занимавшихся направлением литературы из-за хорошего жалованья, которого они лишались, если пропускали что-нибудь могущее быть заподозрено, и оставались покойны, если марали. И вот на суд невежды поступает книга или статья, в которой он ничего не смыслит; читает он, спеша на обед или на карты, и все, что кажется ему подозрительным, марает безответственно; кажутся ему подозрительными, недозволенными факты, давно уже известные из учебников, и он марает их, ибо давно уже позабыл учебник, если когда-либо и держал его в руках,—марает или даже еще переделывает сам, выдумывает небывальщину; в романах и повестях нельзя было выставлять лиц так называемых высших сословий.

Что же было следствием? Все остановилось, заглохло, загнило. Русское просвещение, которое еще надобно было продолжать возвращать в теплицах, вынесенное на мороз, свернулось. Лень, стремление получать как можно больше, делая как можно меньше, стремление делать все кое-как, на шерамыгу,— все эти стремления, так свойственные нашему народу вследствие неразвитости его, начали усваиваться, поощряемые развращающим правительством; гимназии упали; университеты упали вследствие падения гимназий, ибо в них начали поступать вместо студентов все недочетенные школьники, отученные в гимназиях от серьезного труда, стремящиеся хватать верхки и заноситься, ищущие на профессорской лекции легкого развлечения, а не умственной пищи, для переварения которой нужно собственное большое усилие. Таким образом, невежественное правительство, считая просвещение опасным и сжимая его, испортило целое поколение, сделало из него не покорных слуг себе, но вздорную толпу ленивцев, не способных к серьезному, усиленному занятию ничем, совершенно не способных к зиждательной деятельности и, следовательно, способных к деятельности отрицательной как самой легкой. Мальчик, отученный еще в гимназии от серьезного труда, чрез это вовсе не становился на точку зрения правительства; он сохранил и развил в себе все либеральные замашки; он только привык отрицательно относиться ко всему, и прежде всего, разумеется, к правительству.

Разврат состоял в том, что всякая правительственная дисциплина исчезла; мальчик, повинясь внешним образом, привыкал презирать и смеяться над начальниками своими, в которых не мог не видеть людей, совершенно не способных быть начальниками учебных заведений. С другой стороны, уважение к лучшим, просвещеннейшим людям не могло исчезнуть, а эти люди, вследствие обращения правительства к ним спиною, естественно, стали в оппозицию, начали роптать,—и вот во всех кругах, в которых еще оставался интерес к общественным вопросам, только

и слышались с утра до вечера жалобы, порицания, насмешки над мерами, действиями правительства; а молодое поколение, прикосновенное к этим кружкам, привыкало к такому прекрасному занятию; обрадовались люди — не думая, ругать все правительственное. Правительство, по безумию и невежеству своему, сделало страшную ошибку: если оно считало себя вправе заподозрить профессоров, то оно должно было прогнать их всех и набрать новых, которыми верило, или если не могло это сделать, то должно было оказывать профессорам полное доверие, поддерживать их, осыпать милостями; вместо того, что же оно сделало? Оно наложило на них опалу, подвергло глупому, ни к чему не ведущему полицейскому надзору, сжало их литературную деятельность, раздражило, сделало их заклятыми своими врагами и оставило их на местах, на которых они, несмотря на все глупые, мелкие полицейские меры, могли вполне высказывать свою враждебность к правительству и воспитывать в ней молодое поколение. «Вот тебе наставник! — говорило правительство молодому человеку. — Записывай и учи его уроки, но это человек опасный и мне противный, я ему не верю, за ним наблюдают ректор и декан, чтоб он не сказал тебе чего-нибудь дурного про меня». Как будто ректор или декан могли усмотреть за мастером науки, чтоб он не провел перед слушателями своего взгляда; и если бы даже они могли воспрепятствовать ему в этом на лекции, то как могли воспрепятствовать ему дома, в кабинетной беседе со студентами? Между молодыми людьми укоренилось мнение, что университет пропитан либеральным духом, что надобно либеральничать, чтобы понравиться профессорам; молодежь с любопытством, ей врожденным, стремилась в университет, чтоб вкусить запрещенного плода, послушать свободных мнений; ум их был так настроен, что они в самой обыкновенной фразе профессора старались видеть какой-нибудь намек. «Какое множество у вас слушателей! — сказал я однажды Каткову, выходящему с лекции. — Приятно видеть такое сочувствие к философским лекциям». «Что тут приятного? — отвечал мне с сердцем Катков. — Вся эта толпа ничего не понимает из моих лекций, а ждет, не ругну ли я Бога».

Таковы были общие явления в народной нравственной жизни в несчастную эпоху от 1848 до 1855 года. Обращусь к явлениям частным, мне близким.

XVII

Первою неприятностью для нас в университете была перемена ректора. Прежний ректор Альфонский дослужил (в 1847 г.) свой срок, и вот антистрогановская, черная партия, которая стала

называть себя уваровскою, начала выдвигать своего кандидата, Перевошикова, человека черного, грубого, взяточника, доносчика. Строганов не терпел его за черноту, но держал как хорошего профессора; видя нерасположение Строганова, Перевошиков, вместе с Давыдовым, Погодиным и Шевыревым, подлез к Уварову; теперь он торжествовал с выходом Строганова и стремился в ректоры, чтобы удобнее было брать взятки. Мы, разумеется, противились избранию Перевошикова всеми силами, но нас было мало; мы опирались на то, что Перевошикова нельзя выбирать, ему остается до заслуженного профессора гораздо менее четырех лет, на которые выбирается ректор, но большинство выбрало Перевошикова; относительно же незаконности выбора написали в протоколе, что совет просит министра утвердить избранного и мимо законности, но совет никогда не думал просить, и мы протестовали против этой статьи в протоколе. Уваров утвердил Перевошикова как своего, но понятно, что в новом ректоре мы получили злого врага, который стал хлопотать, как бы выжить молодых строгановских, которые покрупнее, а других скрутить. Он стал провозглашать, что мы — опасные либералы, что нас нельзя терпеть; действовал в этом смысле у Уварова, у нового генерал-губернатора Закревского (как утверждали, — я сам, разумеется, не слышал его доносов); мне лично сделал он гадость осенью же 1848 года, убедив Уварова взять назад данное мне позволение читать публичные лекции. Это было мне крайне тяжело в том отношении, что я крайне тогда нуждался, женившись и обзаводясь хозяйством в тяжелый голодный год, когда все было очень дорого; потом, в январе 1849 года, он уговорил Уварова взять назад утверждение мое ординарным профессором, придрался к моим лекциям, сказал декану Шевыреву (выбранному вместо Давыдова, перешедшего в директоры Педагогического института), что я на первых лекциях, читая обзор русской исторической литературы, бранил всех писателей, бывших до меня, и таким образом старался будто бы показать, что до меня не было сделано ничего по русской истории. Справедливо ли это было, мне не нужно говорить, ибо эти лекции напечатаны в «Архиве» Калачова, — всякий, следовательно, может видеть, как обруганы мною Татищев, Щербатов, Болтин и Платон.

Говорят, что несколько раз пытался он представить Уварову необходимость меня выжить, но Уваров всякий раз отмалчивался: я уже выдавался вперед, обо мне много кричали, а придраться было не к чему; пострадал менее известный, менее видный Бодянский как жертва гнусного мщения Уварова Строганову. В «Обществе Истории и Древностей», где Строганов остался председателем, а Бодянский секретарем, напечатали в «Чтениях» перевод Флетчера. Уваров сделал из этого историю, донес царю, что это сочинение страшно антицензурное, и вот что делает Строганов!

Я не знаю, как отписался Строганов, но Уваров спешил нанести ему самый чувствительный удар: он велел Бодянского перевести из Москвы в Казань, а на его место — тамошнего профессора славянских наречий Григоровича в Москву. Бодянский, поддержанный Строгановым, не поехал, вышел в отставку, и, как только Уваров вышел из министерства, Строганов настоял у нового министра Ширина-Шихматова, чтоб тот отменил приговор предшественника своего; Бодянский опять получил свою кафедру в Московском университете, а Григорович был поворочен назад в Казань.

В это время, когда под прикрытием правительственного направления черная уваровская партия в университете торжествовала над строгановскою, мы представляли гонимую Церковь, но и в этом печальном состоянии было не без утешений. Мы все, молодые профессора, определили сблизиться тесно, ничего не делать без взаимного совета, собираться у каждого по очереди на вечера и толковать. Кто же составлял это общество? Катков, я, Шестаков и приехавшие из-за границы Кудрявцев, Леонтьев и Пеховский; после уже примкнул к нам Грановский и еще несколько молодых. Грановский не был отпущен министерством в отставку под предлогом, что еще не дослужил казенного срока, но Кавелин и Редкин вышли. Я должен сказать несколько слов о членах нашего кружка, о которых еще не было речи. Катков, как уже было упомянуто, был выбран в один день со мною в профессора и получил кафедру философии. У этого человека была престранная природа. Это был человек чрезвычайно даровитый, с блестящим талантом публициста; талант его обнаруживался во время движения, спора; чтоб выжать у него этот талант, надобно было задеть его колоссальное самолюбие, иначе этот человек предавался совершенному бездействию, просиживал дни и ночи на диване в халате, почесывая голую грудь или расхаживая по комнате. Он вступил в университет по филологическому факультету, блистательно кончил курс, съездил за границу, прожил два года в Берлине, слушал Шеллинга, потом возвратился, написал прекрасную филологическую диссертацию и был выбран в профессора философии, — а почему, до сих пор остается для меня темным; вероятнее всего потому, что не было другой кафедры свободной. Кафедра была не по нем, как и вообще всякая кафедра была бы не по нем. Как даровитый человек, разумеется, он не мог читать дурно; лекции истории философии возбуждали сочувствие в слушателях, но лекции логики и психологии совершенно пропадали: ни один студент ничего не понимал в них, и вина была не на одной стороне студентов. Эта обязанность читать предмет, к которому не имел большого сочувствия, предмет, которого не понимали слушатели, вообще противная природе его обязанность потрудиться срочно над составлением лекций, и лек-

ций неблагодарных, эта обязанность была страшно тяжела для Каткова; другие имели блестящий успех, о других кричали, другие выставлялись на первый план, а он был в тени, о нем не говорили или отзывались неблагоклонно как о человеке, неспособном к своему делу, неприготовленном по крайней мере. Какое же это было для такого громадного самолюбия! И вот Катков поник, изнемог, по целым полугодиям сказывался больным и вел ужасную жизнь — сидел взаперти в своей комнате, ничего не делая и не будучи болен физически; напротив, у него была прекрасная натура, ибо кто другой мог бы вынести такое положение, не разрушившись физически или не сойдя с ума? К последнему, впрочем, он некогда был близок: однажды вечером ко мне приезжает брат его и с встревоженным видом просит, чтобы я поехал к ним, поговорил, разговорил брата его Михайлу; я отправился, нашел философа в сильной хандре, говорил, что умел, в таком затруднительном положении, но мог ли я помочь ему! Помогла благодетельная судьба.

Уваров, при всем своем лакействе, не мог оставаться министром, при учащенных ударах, наносимых просвещению, вышел в отставку; министром был назначен товарищ его князь Ширинский-Шихматов. Много терпела древняя Россия, Московское государство, от нашествия татар, предводимых его предками — князьями Ширинскими, самыми свирепыми из степных наездников, но память об этих губительных опустошениях исчезла, а вот во второй половине XIX века новый Тамерлан — Николай — наслал степного витязя, достойного потомка Ширинских князей, на русское просвещение. Человек ограниченный, без образования, писатель, т. е. фразер, бездарный, Ширинский славился своим благочестием, набожностью. Действительно, он был исполнен страха пред Богом и пред помазанником Его, исполнен страха пред архиереями, особенно же исполнен страха пред дьяволом и «аггелы» его, исполнен страха до того, что по ночам обкладывал себя дровами, дабы не стать добычею домового. Ставши министром просвещения, он начал прежде всего действовать против духа неверия: для этого представил императору о необходимости уничтожить кафедру философии в университетах, поручив чтение логики и психологии священникам — профессора богословия, не позаботясь прежде о том, чтобы эти профессора богословия были порядочные люди, могущие прилично являться на кафедре пред слушателями, с научным образованием, с даровитостью и теплотою, быть проповедниками Евангелия, а не диктовальщиками сухих параграфов так называемого догматического и нравственного богословия. И вот этим-то людям дали теперь еще читать философию! Наш бездарный, сухой, но умный и добросовестный Терновский со слезами отмаливался от новой кафедры, выставлял свою совершенную

неприготовленность к ней; ему выставили высочайшее повеление, и старик должен был приниматься за логику и психологию. Катков, таким образом, потерял кафедру философии. Для вознаграждения этих профессоров философии, потерявших свои кафедры, Ширинский создал новую кафедру — педагогики. Как будто люди, вредные на кафедре философии, могли быть невредны, преподавая педагогию? Но Катков не получил и кафедры педагогики, как увидим впоследствии.

О Шестакове (Сергее Дмитриевиче) мне сказать нечего, ибо я не знаю случая, в котором бы он мог резко выставиться, и я с ним тесно не сближался; считался он человеком умным, хорошим, был образован, трудолюбив, но больших способностей не имел. Он был курсом старше меня, занимался древними языками, по окончании курса отличился как учитель латинского языка и был определен преподавателем в университет.

Петр Николаевич Кудрявцев — высокий, худошавый, плешивый, с болезненным, грустным, привлекательным лицом, тихим приятным голосом; он был из числа даровитых, с высшими стремлениями людей, надорванных нравственно семинарию. Все выходцы из духовных училищ в светские делились на три класса: одни, натуры спокойные, не очень даровитые, оставляли духовное поприще, или случайно, или по расчету, выходили в медики, служили по учебной, ученой, судебной и административной части, дослуживались, наживались, не относясь враждебно к местам прежнего своего воспитания, к духовным училищам, а скорее с сочувствием, благодарностью; другие, люди с сильными и беспокойными натурами, вырывались из семинарий и академий, люди даровитые, но шумные, крикуны, относившиеся обыкновенно враждебно к своему прошлому и отличавшиеся противоположными церковному стремлениями, впадавшие в другие крайности; наконец, третьи, натуры мягкие, впечатлительные, они чувствовали сильнее других всю черную сторону семинарщины, но скрадывали все это в себе, и если им удавалось выбраться на простор в светское звание, то они очень враждебно относились к своему прошлому, но не высказывали этого, по крайней мере очень редко и не резко: Кудрявцев принадлежал к третьему из этих разрядов. Мягкая и болезненная его природа сильно оскорблена была грязью и жестокостью семинарского быта; он был сын московского (кладбищенского) священника; это дало ему большие сравнительно удобства для того, чтоб почаше выглядывать из окон своей темницы на широкий мир; он почитывал, почувствовал в себе дарование, начал писать повести, сблизился с Белинским и, разумеется, легко пошел по покато́й дороге отрицания ненавистного прошлого, но самая мягкость, нежность и болезненность природы не допустила его до крайностей или по крайней мере до резкого выражения этих крайностей. Кудрявцев

перешел в университет в историко-филологический факультет, где не мог, разумеется, не прильнуть к самому симпатичному из профессоров, Грановскому; тот в свою очередь не мог не отметить симпатичного, даровитого и трудолюбивого, начитанного Кудрявцева и представил его к отсылке за границу по кафедре истории. В университете, во время студенчества, я видал Кудрявцева мельком — он был курсами двумя старше меня — и сблизился с ним только тогда, когда он возвратился из-за границы и поступил преподавателем в университет. Я сказал, что Кудрявцев был даровит, но талант его был крайне легкого свойства; в своих лекциях и сочинениях он не отличался ни силою и самостоятельностью мысли, ни художественностью изложения (как Грановский); вялость, натянутость и обилие иностранных слов бросались в глаза; особенно неприятно поражало последнее и обличало отсутствие силы, способности вполне овладеть предметом, сделать его совершенно своим. Но как человек, как товарищ Кудрявцев был чрезвычайно привлекателен: в нем было что-то святое, и это святое было самого мягкого, снисходительного свойства, в нем виделось отсутствие страстей, но без холодности, напротив — какая-то очень приятная, ласкающая теплота. Сильно привязывались все к Грановскому, но при нем, как при человеке крупном, все же, несмотря на его гуманность, должны были держать руки по швам в известном отношении; при Кудрявцеве этого было не нужно, и его очень любили близкие к нему люди.

Павел Михайлович Леонтьев — маленькая, двугорбая фигура с четверугольным матово-бледным лицом, густыми русыми волосами, карими, холодными, не пронизательными, но внимательными, старающимися проникнуть и потому очень неприятными глазами. Первое, что поражало в Леонтьеве внимательного человека, это — напряженное внимание, с каким он обращался ко всему, желание проникнуть, изучить человека, дело, отношение. Все это было бы прекрасно в человеке даровитом, с благородными, чистыми, светлыми стремлениями, но в Леонтьеве этого ничего не было. Он был способен заниматься пустяками без усталости, причем ему помогала необычайная медленность в словах и деле. Начнет говорить — тянет, тянет и утомляет слушателя, но сам не утомляется; студенты смеялись, что на лекциях он делал обыкновенно движения руками, как бы загребая ими, помогая этим выходу слов изо рта, которые шли чрезвычайно медленно, с крайним затруднением. Заговорившись, т. е. затянувшись, а не заболтавшись, он опаздывал со всем во всем: он постоянно опаздывал на лекции, на железные дороги; во время экзаменов всегда нужно было посылать за ним солдата. Цепкость была отличительным качеством Леонтьева: вцепится во что-нибудь — не отстанет; «собака» (репейник) есть лучшее для него подобие.

Эта цепкость в каждом деле была драгоценным его качеством для Каткова, когда они вместе издавали журнал, газету, завели лицей: нетерпеливый, впечатлительный, Катков приходил в отчаяние от каждой неудачи, от каждой ошибки, от каждого препятствия, но Леонтьев вцепился крепко в дело, и ничем нельзя было его отцепить; всякую беду он надеется переждать, всякое препятствие преодолеть, всякую ошибку поправить; он везде ровен, выдержлив; бешеный Катков опрокинется на него с упреками; Леонтьев выдержит спокойно и успокоит. Та же цепкость — в привязанности и во вражде. Хвалили его привязанность к родным; привязанность его к Каткову и семейству последнего была изумительна; и вовсе не нужно объяснять ее чем-нибудь корыстным.

Но, как сказано, Леонтьев был цепок во вражде, и здесь он был отвратителен по мелкости взгляда, по стремлению копать в отхожих местах природы человеческой, обходя места чистые, — это был художник клеветы; всякий совершенно случайный поступок неприятного ему человека он перетолковывал в дурную сторону и тут не робел ни перед чем; наглость, до какой он мог доходить в клевете, ошеломляла; честный человек поникал, окончательно падал духом на первое время; тут Леонтьев являлся совершенно адским существом, ибо заставлял верить в силу зла. Интрига — было первое и последнее слово Леонтьева; все, по его мнению, интриговало, ничто не делалось просто; каждое движение, каждое слово искусно подводилось под известную интригу, каждый камешек искусно обтачивался и служил для мозаической работы. Но когда Леонтьев появился среди нас, то эти качества его вовсе не высказывались; мы приняли его как умного, честного и знающего свое дело человека, видели в нем хорошего товарища. Он жил вместе с Кудрявцевым и Шестаковым; и тот и другой, как мы все, имели о нем самое выгодное мнение; только жена Кудрявцева, женщина очень умная и привлекательная (не наружно, потому что была дурна собою), позволяла себе в дамском обществе отзываться не очень хорошо о Леонтьеве по отношению к его не физическим, а нравственным горбам. Острое чутье женского существа, живущего более чувством, чем головою!..

Дружеский кружок и молодость, еще полная надежд, помогли нам пережить то тяжелое время. Что мы были отданы под надзор полиции — это нас не беспокоило и не мешало нашим дружеским собраниям. Грановский, теснее сблизившийся с нами вследствие отъезда Герцена за границу, естественно, по своему значению, как общий учитель, стал душою кружка; к нашему же кружку примыкал человек, о котором нельзя не отозваться с благодарностью за те минуты чистого, молодого и трезвого веселья, которыми он нас дарил в наших собраниях, — минуты драгоценные особенно потому, что дарились в тяжелое, безот-

радное время: то был Сергей Петрович Полуденский, старше меня курсом по университету. Несмотря на свои связи, которые могли бы доставить ему сильное служебное движение, он взял скромное место университетского библиотекаря; его тянуло к высшим интересам, которыми жили лучшие представители науки. Этот человек обладал неистощимым запасом веселости и остроумия; в последнем он уступал разве Герцену, но зато у Полуденского не было герценовской колочести, нетерпимости и односторонности; он был неподражаем в придумывании сцен, в которых действовали очень знакомые всем люди, вносящие каждый комическую сторону своего характера и быта. Кроме урочных собраний, бывало, после лекции идешь в библиотеку и там в отдаленной комнате найдешь милого библиотекаря и с ним одного или двоих из наших: тут узнаешь все новости и отдохнешь в умном, серьезном разговоре, и посмеешься вдоволь от комических разговоров и острот Полуденского. И этот человек, виновник нашей веселости, должен был готовиться к скорой смерти: все братья его один за другим умирали чахоткою, и доходила уже очередь и до нашего Сергея Петровича.

Наш кружок расширялся благодаря Грановскому, который делал иногда обеды, вечера и, приглашая нас, приглашал и людей из другого своего кружка, который чувствительно опустел, лишившись Герцена; приглашались и молодые подростки, будущие ученые деятели, профессора Бабст, Чичерин и другие. Из этого кружка, сводимого с нашим у Грановского, виднее или, собственно, слышнее всех был Кетчер. Студент Московской медико-хирургической академии, Кетчер до глубокой старости сохранил студенческий образ жизни; добрый малый, отличный товарищ, готовый на услугу, крикун, буян, вовсе не пьяница, но, дорвавшись до шампанского, перепьет всех, неряшливый, беззаботный — вот Кетчер при поверхностном знакомстве. Будучи медиком и служа по медицинской части, он не был практическим врачом и вместо медицинской практики стал заниматься литературою, вследствие чего и сблизился с литераторами и вообще с людьми, имевшими сферу пошире; он был известен как переводчик Шекспира, которого, по его собственному выражению, он не переводил, а *перепирал*; он следил за легкою литературою, особенно за театром, и при тогдашних небольших требованиях получил в кружке людей, занимавшихся литературою, почетное место и сильный голос и, как обыкновенно бывает в слабом обществе, расступаясь перед силою, стал мужиком-горланом. Я нашел Кетчера уже совершенно сформировавшимся. Собирается общество рассуждать о чем-нибудь, спорят тихо; вдруг из передней раздается трескучий голос, и является человек довольно высокого роста, с круглою, гладко обстриженною головою, очень некрасивым, но замечательным лицом, в истрепанном

сюртуке, без белья, летом в белых панталонах без подштанников. «Что, о чем идет дело?» Ему говорят — о чем. «А, — кричит Кетчер, — это ты (тот или другой из собеседников) всё толкуешь об этой дряни!» (книга, пьеса или человек) — делается стремительное нападение, сопровождаемое насмешками и остротами, иногда порядочными, возбуждающими общий хохот, иногда тупыми, но насмешки пересыпались и бесцеремонною бранью, например: «Ведь это оттого, что ты глуп, ничего не понимаешь!» или «Так говорят только такие дураки, как ты!» Обыкновенно Кетчер выбирал себе жертву, кого-нибудь из присутствующих, и целый обед или вечер, по поводу какого-нибудь события или слова, издевался над несчастным на потеху публике; я уже сказал, что было принято на Кетчера не сердиться, криком и бранью его не оскорбляться. Увидевши раз человека, Кетчер при другом свидании говорил ему уже *ты* и считал себя вправе выбирать его себе жертвою, пищею на обед или ужин.

XVIII

Так мы проживали самое тяжелое время конца николаевского царствования. Беда, общий гнет сближают людей, и это сближение, соединение сил дают нам возможность легче переносить горе. Литературный интерес был силен. Несмотря на то что мысль была в опале, скована цензурою, книжки журналов ожидались с нетерпением и прочитывались с жадностью, но мне эти журналы часто приносили и горе. С самого вступления на кафедру я предался сильнее литературной деятельности по страсти к предмету, по любопытству, съедавшему меня с детских лет, по крайней необработанности предмета моего преподавания. Разумеется, я мог бы ограничиться чтением, выписыванием, составлением хороших лекций, но кроме общего людям стремления заявлять свою умственную деятельность у меня были еще и другие побуждения печататься как можно скорее и как можно больше. Во-первых, отличительною чертою моего характера была торопливость: я спешил во всем — скоро ел, скоро ходил, всегда являлся первый; называли это аккуратностью, но это была торопливость; мне не сиделось дома, я не мог ничем заняться, когда нужно было куда-нибудь ехать; понятно, что я точно так же торопился писать и издавать. Во-вторых, и без этой врожденной торопливости я побуждался как можно больше и скорее издавать: я добыл себе место с бою и должен был удерживать его боем, должен был в короткое время сделать столько, чтоб не смели сказать, что университет проиграл, заменивши старого профессора Погодина новым. Наконец, к сильному труду побуждали меня семейные обстоятельства: я женился в начале 1848

года, и каждый год у меня пошли дети: профессорского жалования было мало.

С самого начала моей литературной деятельности два первых журнала-соперника «Современник» и «Отечественные записки» просили моего сотрудничества, и я стал участвовать в них обоих: в «Современник» стал давать статьи подписанные: обзор смутного времени, царствования Михаила Федоровича; в «Отечественные записки» кроме статей подписанных с осени 1847 г. я взялся писать рецензии о книгах и изданиях по русской истории, и эти статьи являлись без подписи. Помню, что с особенною злостью я разбирал историю русской Церкви Филарета за его односторонне-славянофильский и клерикальный взгляд. Но эта-то журнальная деятельность и причиняла мне часто горе. Являлся номер журнала, где помещена моя статья; по моему расчету, должно выйти столько-то печатных листов—смотрю, выходит меньше: цензор вымарал! Оскорбление было тем чувствительнее, что смолоду я обращался с наукою уважительно, не позволяя себе тенденции, передавал факты, связывая и освещая их, почерпая их из источников печатных, самим же правительством большею частью изданных. И тут невежественный и желающий непременно что-нибудь вычеркнуть цензор вычеркивал! Однажды он вычеркнул из моей статьи донесение годуновского шпиона, что Филарет Никитич жил со своим слугою душа в душу и поэтому от верного слуги нельзя ничего выведать. Я справился через редакцию, зачем выключена такая прекрасная черта из жизни родоначальника Романовых. Цензор объяснил, что вычеркнул из опасения, чтобы не подумали, будто между Филаретом и слугою была противоестественная связь. С 1848 года я начал заниматься «Историею России». Дело сначала шло медленно, лекции не были еще все приготовлены, много надобно было писать посторонних статей из-за куска хлеба; кроме того, задерживали нелюбимые мною исследования о начальных временах, так что первый том мог выйти только в августе 1851 года.

А между тем в университете произошли важные перемены. На место Голохвастова, явившегося совершенно неспособным к управлению вследствие своей медленности, нерешительности, привычки много говорить и не делать, назначен был генерал Назимов, пользовавшийся особенным расположением императора и еще большим—наследника. Назимов был человек добрый, простой, необразованный, со всеми привычками тогдашнего *енерала*: при первом удобном случае любил нашуметь, распечь подчиненного, но последний не должен был этим оскорбляться, потому что его превосходительство, распекши, потом и обласкает его. Самая дурная привычка в нем—это была привычка к казнокрадству, которую оправдывали всегдашнею нуждою, бедностью. Но, несмотря на это, я, как всегда говорил, так

и напишу, что назначение Назимова было благодеянием для университета в то время гонения. Его главное правило, общее генеральское правило, состояло в том: «Будьте покойны, в [аше] в [еличество], у меня все покойно и хорошо». Его послали попечителем, чтоб он по-военному скрутил университет, согнул в бараний рог профессоров, этих злонамеренных либералов, бунтовщиков. Но вместо бунтовщиков генерал нашел людей очень скромных, почтительных, робких. Генерал изумился. «Все наврали,— сказал он,— никакого бунта нет в университете!» Тщетно ему внушали, чтоб он не смотрел на наружность, что эти тихони содержат в себе скрытый яд, обманывают начальство. «Что же это такое,— отвечал Назимов на эти внушения,— все подлецы да подлецы, где же честные-то люди?»

Наша судьба, судьба молодых опальных профессоров, быстро переменилась к лучшему при Назимове. Новый попечитель искал в университете человека, которого советами мог бы пользоваться в совершенно новой для него сфере. Этот доверенный человек, разумеется, не мог быть из профессоров как людей, с которыми Назимову было все же неловко, как неловко бы было с каким-нибудь иностранным путешественником; доверенный человек должен был быть из своих, из военных. Такого он нашел в инспекторе студентов из моряков, Ив [ане] Абр [амовиче] Шпейере, человеку очень ловком, готовом услужить доброму начальнику даже на счет казенного имущества, особенно во время построек, к которым Шпейер был большой охотник и считался знатоком, почему и носил название Ивана Строителя. В университете был обычай, что инспектора студентов, зависевшие по старому уставу прямо от попечителя, враждовали с ректором, по пословице, что два медведя в одной берлоге не уживутся, и действительно, вина была на уставе, который сажал двоих медведей в одну берлогу. Шпейер сейчас же стал во враждебные отношения к Перевошикову и, естественно, стал ухаживать за нами как находившимися в оппозиции ректору. Мы отвечали любезностью за любезность, ибо ничего не знали о строительных наклонностях Ивана Абрамовича, а видели в нем доброго, честного моряка, который сближается с нами по сочувствию к людям, напрасно гонимым. Отсюда — дружба между молодыми профессорами и Шпейером. Ко мне он был особенно расположен по знакомству с тестем моим, тоже моряком. После назначения Назимова попечителем я как-то сделал визит генеральше Тимофеевой, жене начальника военного корпуса, у которого Назимов был начальником штаба. Разговор пошел о назначении Назимова; генеральша говорила, что Назимов очень добрый человек, в университете будут им довольны, но по совершенной неприготовленности к делу попечитель нуждается в человеке благонамеренном, который бы познакомил его с порядками нового места, дал ему понятие о людях

и проч. Я отвечал, что такой человек есть, именно инспектор Шпейер. Мое указание принято было к сведению, и Шпейер стал доверенным человеком у Назимова. Благодаря ему Назимов утвердился в мысли, что все было наврано на молодых профессоров, которые вовсе не бунтовщики, а ректор Перевошиков — негодяй, который гонит достойных людей. Когда кто-то сказал ему про меня, что ходят слухи о моей неблагонамеренности, то он отвечал: «Пустяки! Я знаю его тестя, прекрасный человек!» В этом ответе Назимов высказался вполне, но дело известное, что «*Dei providentia et hominum confusione Ruthenia ducitur*»²⁸, и мы были выведены из опасного и тяжелого положения «енералом» Назимовым, вернейшим слугою императора Николая.

Император с целью подтянуть университет и держать в руках бунтовщиков-профессоров уничтожил выборных ректоров и сделал коронных, но это распоряжение послужило, по крайней мере нашему университету, во благо, ибо удалило Перевошикова: Назимов, предубежденный против него рассказами Шпейера и находясь в первое время под влиянием Строганова, слышать не хотел о Перевошикове как о постоянном коронном ректоре и представил на это место прежнего ректора, Альфонского. Это было, разумеется, наше торжество, ибо Перевошиков был наш враг, а за Альфонского мы стояли в пользу его против Перевошикова. Альфонский действительно оказался на это время прекрасным коронным ректором: холодный, апатичный, любивший прежде всего спокойствия и гран-пасьянс, он, чтоб не нарушать собственного спокойствия, никогда не рещался нарушить спокойствие других, если только соблюдался внешний порядок, оказывалось внешнее уважение к его превосходительству. «И прекрасно!» — была его любимая фраза.

Удаление Уварова из министерства, врага Строганова, покровителя Давыдова, Погодина, Перевошикова, Шевырева, не могло опечалить меня, равно как и всех строгановских. Но и преемник его Ширинский не замедлил показать нам свое татарство. В 1850 году, в августе месяце, он явился в Москву и прежде всего, разумеется, стал осматривать университет, ходить по лекциям. Пришел ко мне; лекция была первая в курсе; я говорил об источниках русской истории, о летописи, утверждал ее достоверность, опровергал скептиков, но закончил тем, что она дошла до нас в форме сборника, причем первоначальный текст, приписываемый Нестору, восстановить трудно. Что же? На другой день Ширинский призывает меня к себе и делает самый начальнический выговор за мое скептическое направление, что я следую Каченовскому. «Правительство этого не хочет! Правительство

²⁸ Божьим провидением и людской солидарностью ведома Россия (*лат.*) — *Примеч. ред.*

этого не хочет!» — кричал разъяренный татарин, не слушая никаких объяснений с моей стороны. Погодин мог радоваться выговору, полученному мною от министра, но радовался недолго: тот же Ширинский выхлопотал высочайшее повеление не подвергать критике летописного известия о смерти Димитрия-царевича — следовательно, волею-неволею нужно было утверждать, что Димитрий был убит Годуновым; точно так же запрещено было подвергать критике вопрос о годе основания русского государства, ибо-де 862-й год назначен *преподобным* Нестором; запрещено произносить греческие слова по Эразму, ибо новогреческое произношение утверждено православною Церковью введением в духовные училища. Понятно, как должна была вести себя цензура, подчиненная такому министру.

Бывало, с трепетом ждешь номера журнала, где помещена моя статья: сколько-то выпущено цензурою? И всегда найдешь выпуски и недоумеваешь, что могло заставить выпустить то или другое место, тот или другой отрывок из акта, уже напечатанного в правительственном издании. Но как догадаться о побуждениях невежды, который, спеша играть в карты, марает, что ему угодно, ибо знает, что за вымаранное не подвергается ответственности. А у несчастного автора расстраивается здоровье от этого, ибо кроме разбойничьего похищения умственной собственности, искажения литературного произведения отнималось и материальное имущество, отнимался кусок хлеба у семейства.

Я уже упоминал об уничтожении философских кафедр Ширинским. Катков остался без кафедры; ему следовало получить кафедру педагогики, но в это время подбил к Назимову Шевырев и получил сильное влияние как *преподаватель христианский*. В это время Шевырев был деканом историко-филологического факультета на место Давыдова, переведенного Уваровым еще в директория Педагогического института. Шевыреву возомнилось, что педагогика должна быть главным руководящим предметом в факультете и потому ее нельзя отдать какому-нибудь Каткову, надобно взять себе. Он успел убедить в этом Назимова, тот успел убедить в этом Ширинского, и кафедра педагогики отдана была Шевыреву, который оставил за собою и кафедру словесности, сам получил две кафедры, а Катков остался без места.

Эта проделка Шевырева возбудила к нему страшную ненависть в нашем кружке, и когда подошли деканские выборы, то Шевырев был забаллотирован и в деканы выбран Грановский. Но Шевырев не хотел снести такого поражения, и Назимов с Ширинским решили, что Грановский — человек подозрительный, либерал известный и потому не может быть деканом, вследствие чего наши выборы были кассированы, и Шевырев был назначен от министра деканом. Ненависть к *казенному* декану стала еще сильнее.

XIX

Между тем я начал «Историю России». Давно, еще до получения кафедры, у меня возникла мысль написать историю России; после получения кафедры дело представлялось возможным и необходимым. Пособий не было; Карамзин устарел в глазах всех; надобно было для составления хорошего курса заниматься по источникам; но почему же этот самый курс, обработанный по источникам, не может быть передан публике, жаждущей иметь русскую историю полную и написанную, как писались истории государств в Западной Европе? Сначала мне казалось, что история России будет обработанный университетский курс, но когда я приступил к делу, то нашел, что хороший курс может быть только следствием подробной обработки, которой надобно посвятить всю жизнь. Я решился на такой труд и начал сначала, ибо, как уже сказано, предшествовавшие труды не удовлетворяли. К весне 1851 года я приготовил первый том и отдал его в цензуру. Когда весть об этом распространилась, попечитель Назимов, встретив меня не помню где, спросил меня, почему я не хочу посвятить своей книги императору, а если не хочу императору, то посвятил бы наследнику. Я отвечал, что не имел бы ничего против посвящения императору, но не считаю себя вправе ходатайствовать об этом, — дело трудное; притом же, пожалуй, отдадут мою книгу в Академию наук для оценки, достойна ли она чести посвящения, академик же Устрялов уже обнаружил ко мне свое нерасположение, объявив, что моя докторская диссертация не стоит Демидовской премии, на которую я ее представил; если б я был уверен, что дело обойдется без академии?.. «Вы ординарный профессор университета, — сказал Назимов, — вы имеете полное право просить о посвящении; напишите мне письмо, я еду в Петербург и попрошу министра, чтоб он прямо доложил государю». Я поблагодарил доброго «енерала» и написал ему письмо, которое он и повез в Петербург. Когда он возвратился, я отправился к нему и по лицу его сейчас увидал, что добряк не успел оказать мне услугу. «Министр, — сказал он, — никак не согласился доложить государю о посвящении: нельзя, говорит он, посвящать первый том; неизвестно, успеет ли он кончить; когда кончит сочинение, тогда я доложу». После не раз со смехом вспоминал я об этом обещании доложить: когда умер Ширинский, умер Николай I, переменялось много министров просвещения — а «История России» все не оканчивалась, выходя каждый год.

С радостью вспоминаю я и о том, что книга не была посвящена Николаю. Впрочем, дело этим не кончилось. Первый том оканчивался печатанием к августу 1851 года. В это время Москва находилась в сильном движении: ждали приезда императора, который хотел в первопрестольной столице праздновать

двадцатипятилетие своего царствования. Назимов опять говорит мне: «Хотя посвящение и не дозволено, но приготовьте подносные экземпляры: я поднесу их императору и всем членам царской фамилии, которые приедут в Москву». Я приготовил экземпляры и отвез попечителю. Самодержец приезжает, и скоро разносится слух, что он омрачен, недоволен: он ждал более торжественного приема, ждал поднесения титулов за двадцатипятилетнее славное царствование, и ничего не было. Какое влияние это неудовольствие монарха имело на судьбу моей книги, я не знаю; знаю, что Назимов передал мне письменную благодарность наследника (впоследствии государя Александра II), устную благодарность других членов фамилии, а об экземпляре для императора сказал, что ген[ерал]-губернатор гр. Закревский взял у него для поднесения императору, но что случилось с этим экземпляром — мне неизвестно: побоялся ли Закревский подносить профессорскую книгу, швырнул ли ее раздраженный царь — ничего не знаю; знаю одно, что Назимов в присутствии приближенных людей горевал, что я не получил подарка за поднесенный экземпляр.

Но дело и этим не кончилось. Весною 1852 года выходил из печати второй том «Истории России». Я спрашиваю Назимова, готовить ли подносные экземпляры; тот отвечает, что готовить. «Я, — говорит он, — отошлю их для поднесения министру с уведомлением, что первый том поднесен». Экземпляры приготовлены, отправлены в Петербург. Какие же следствия? Не помню, в мае или июне месяце меня требуют в канцелярию попечителя, останавливают у загородки, отделявшей столы чиновников от места, где должны были стоять просители, и правитель канцелярии читает мне бумагу министра, гласящую, чтоб я не смел беспокоить его сиятельство присылкою подносных экземпляров моей «Истории», что они подносимы быть не могут до окончания сочинения, присланные же экземпляры будут до этого времени храниться в министерстве. Решительно не понимаю, что заставило Назимова, которого не перестану называть добрым человеком, сделать мне такой афронт: разве он не мог показать мне бумагу у себя дома или переслать ко мне копию? Но среди таких любезностей одно мне несколько польстило. Из членов царской фамилии в 1851 году не было великого князя Константина Николаевича. Вскоре после отъезда царского из Москвы я получаю письмо от секретаря великого князя, Головнина, в котором он пишет, что ген[ерал] Муравьев указал великому князю на мою книгу, великий князь прочел ее с большим удовольствием и просит присылать к нему следующие томы, даже за границу, куда великий князь отправляется.

До сих пор написание русской истории считалось у нас, как некогда составление летописи, делом государственным. При изъявлении намерения оказывались всевозможные пособия. Ка-

рамзину дан был титул историографа вовсе не в том смысле, в каком он употреблялся на Западе, но дан был для того, чтоб написанию и древней русской истории дать значение труда государственного. Устрялов точно так же принялся записание истории Петра Великого с богатыми субсидиями от правительства. Полевой сделал свой наезд на русскую историю не на счет государства, а на счет общества. Я предпринял свой труд с чисто научною целью выучиться самому, чтоб быть в состоянии читать сколько-нибудь достойный университета курс русской истории и дать средство другим знать основательно свою историю, а не толковать вскозь и вкривь о ней и чтоб отнять занятие у людей — охотников в мутной воде рыбу ловить. Но при этом я не либеральничал, и, когда правительственное лицо предложило мне отдать мой труд под покров государя, посвятив императору, хотя и антипатичному мне, я согласился. Посвящение и даже поднесение книги было отвергнуто, государство отказалось от моего труда; как же отнеслось к нему общество?

Сначала появление книги было принято очень радушно: 1200 экземпляров первого издания разошлись быстро; книгопродавец Салаев купил у меня большинство экземпляров и после сам мне признавался, что покупка была для него очень выгодна. Но скоро ополчился легион, с тем чтоб стереть с лица земли дерзкого профессоршкку, осмелившегося стать на высоту Карамзина. Это мое выражение, может быть, не совсем будет понятно молодым поколениям. В литературах сильных, развитых, где много обширных и важных исторических сочинений, начало обширного и важного исторического труда встречается сочувственно, не нарушая прав других знаменитостей, прав законно приобретенных. В нашей литературной степи было не так. После ставшего неудобоваримым Щербатова, внутренними и внешними средствами поднялась знаменитость — Карамзин. Явление не прошло без завистливых протестов со стороны ученой братии и со стороны шумливых и невежественных либералов, этой язвы нашего зеленого общества, убивающей в нем всякое правильное движение к свободе. Карамзин свысока, аристократически равнодушно взглянул на чернорабочих копотунов, да и нельзя было иначе, когда они, выругавшись, протягивали к нему руку за милостынею, как Ходаковский; но шумливый протест либералов затронул историографа, тем более что с крикунами надо было встречаться в великосветских салонах; чтоб помирить их с своею историею, он бросил им искаженный, рассеченный пополам труп Ивана Грозного²⁹; но умиловительная жертва не помогла;

²⁹ Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» разделяет царствование Ивана IV на две части: первая — 1550-е годы, вторая — с начала 1560-х годов, когда этот монарх становится жестоким тираном (*примеч. ред.*).

либералам нужно было пожертвование не случайностью, не лицом, а принципом. Впрочем, Карамзин понапрасну тревожился, прикрытый щитами кружка, сильного дарованиями членов, их общественным и государственным положением, прикрытый и отношениями к императору. По смерти Карамзина кружок сделал из него полубога, и горе дерзкому, который бы осмелился поставить свой алтарь подле божества. Неудавшаяся попытка Полевого еще более утвердила кружок в том мнении, что идол его останется навсегда на недосыгаемой высоте и блеском своих лучей будет освещать их и давать им значение.

Легко теперь понять, с каким чувством Блудов и Вяземский встретили появление первого тома «Истории России», тем более что они имели основание опасаться успеха: труд ученый, являющийся через двадцать пять лет после Карамзина; автор мог воспользоваться всеми успехами исторической науки и дал уже в прежних трудах своих задаток, что способен ими воспользоваться, способен удовлетворить настоящим потребностям образованных русских людей,—такой труд мог отдалить «Историю государства Российского» на второй план не по значению его в истории русской литературы, а для настоящих потребностей публики, и этого опасения уже было очень достаточно для жрецов Карамзина. Блудов, человек вообще очень приветливый, хорошего тона, решился сказать мне в лицо, что мое предприятие очень смело — писать русскую историю после Карамзина; другое дело, если б я издал лекции о русской истории, которые я читаю в университете. Я отвечал, что заглавие лекций было бы странно для труда, который грозит быть очень обширным, многотомным. Это еще более озлило Блудова, и он сказал нелепость, показавшую все его невежество. «Да,—сказал он,—и в Англии пробовали писать многотомные истории, а до Юма-то не дотянули».

Здесь кстати несколько слов о Блудове, ибо он представляет явление, возможное только в руском обществе второй половины XIX века. Везде так называемое счастье играет важную роль, но нигде оно не играет такой громадной и такой безобразной роли, как у нас на Руси (о, Русь! о, rus!)³⁰, и Блудов представляет баловня этого безобразного счастья. Небогатый, незнатный, непригожий, недаровитый, он достиг высшей степени чести, до какой только можно достигнуть подданному; человек с самым поверхностным образованием, которое впоследствии стерлось вследствие общей нашим знатым людям привычки не читать по недостатку времени, тратящегося на множество пустяков, Блудов до самого конца слыл самым образованным человеком, что

³⁰ Видоизмененный эпитаф ко второй главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкина («О rus! О Русь!»).— *Примеч. ред.*

объявлялось на весь свет в императорских рескриптах. Эта репутация происходила оттого, что он сначала принадлежал к литературному кружку, имевшему значение наверху, терся около Карамзина, Жуковского, Вяземского, Пушкина и потом, поднявшись по служебной лестнице, стал меценатствовать. Но, как уже сказано, из этого покровительства исключался несчастный московский профессор, осмелившийся писать «Историю России». Блудов, который, конечно, не прочел ни одной страницы этой истории, пользовался своим значением, чтоб топтать ее, а легко понять, какое значение имели публичные презрительные отзывы о моей книге в устах государственного мужа и образованнейшего человека.

Другой жрец Карамзина, кн. Вяземский, также счел своею обязанностью вооружиться за монополию своего культа: его отношения ко мне видны всего лучше из того, что когда впоследствии я был приглашен преподавать цесаревичу, то Вяземский счел своею обязанностью протестовать у императрицы, выставя, что я буду держаться взглядов, противоположных Карамзину, взгляды которого по русской истории одни суть истинные и достойные внушения царственному отроку. Строганову стоило труда настоять на своем, но затруднительное положение Строганова высказалось: с необыкновенным в нем волнением начал он мне вдруг говорить, чтоб я ни под каким видом не говорил наследнику ничего против Карамзина. Когда я посмотрел на него изумленными глазами, то он принял это изумление за несогласие и с новым жаром начал настаивать; тогда я рассердился и сказал, что напрасно он так беспокоится, у меня нет никакого побуждения и нет времени занимать наследника критикою «Истории государства Российского».

Легко понять, как эти жрецы полубога Карамзина обрадовались, когда увидели, что все, что претендовало на какое-нибудь занятие русскою историею, с ожесточением накинлось на «Историю России». Этим господам было легко до сих пор: на безрыбье все раки были рыбы, привыкли к равенству при отсутствии авторитетов; мертвый Карамзин не стеснял; живые Погодин и Устрялов — также, ибо всякий мальчуган считал для себя дозволенным пройти на их счет насмешкою при очень небольшом уважении к ним в обществе. Успех двух моих диссертаций смутил, покоробил; сильно обрадовались, когда Погодин начал полемизировать против них, но все не было дружного ожесточенного нападения; молодой профессор написал две диссертации, пописывает в журналах — этим, пожалуй, все и кончится, и вдруг дерзкий выдает «Историю России» — первый том, значит, будут и другие томы, — дерзкий, которому исполнилось только тридцать лет, в Карамзины лезет, хочет быть господствующим авторитетом! Это нельзя было перенести равнодушно.

Но разумеется, прежде всех не мог перенести этого равнодушно Погодин. Просидел двадцать с лишком лет на кафедре, приобрел авторитет первого знатока русской истории и на поверку что сделал? Написал две диссертации — о варягах и Несторе. А этот молокосос не только в два года своего профессорства написал две диссертации, но и теперь приступил к изданию обширной истории, хочет быть Карамзиным. Что же ему, Погодину, в гроб, что ли, ложиться? Лучше в гроб, чем стушеваться пред каким-нибудь Соловьевым. Одна надежда, что дерзкое предприятие рухнет, как рухнула «История русского народа» Полевого, но надобно ускорить это падение, ополчиться и разнести по камешкам здание при самом его начале, разнести фундамент.

Сотрудников много. С шипением, с пеною у рта собирается около почтеннейшего Михаила Петровича, ставшего чрезвычайно популярным, дружина, и поход объявлен. «Москвитянин» открыл свои страницы ругательными статьями против меня. Выступил какой-то Мстиславцев — но кто его знает и помнит? Выступил Беляев, которому я до тех пор доставлял уроки, но который теперь нашел гораздо приятнее и выгоднее для себя пристать к кружку, могущему много сделать для него благодаря покровительству Блудова; Беляев действительно награжден был щедро по архиву юстиции, где служил, и потом, по настоянию Погодина и Шевырева пред Назимовым, попал в профессора Московского университета по кафедре истории русского права. Беляев по своей способности борзописания взял на себя задачу по косточкам разбирать «Историю России», не оставить ни одной строки без возражения. Камни возопили; Калачов написал нечто; Погодин и дружина его могли рассчитывать на успех: постоянным ругательством, исходящим от людей, считавшихся специалистами, ошеломить русскую зеленую публику, остановить успех окруженным врагами и не видя ниоткуда помощи, откажется от бесполезной борьбы. Действительно, я пережил тяжелое время зимою 1851—52 года; я счел нужным отписываться и от Беляева, и от Калачова, — труд, страшно неприятный, труд защиты и труд одинокий. Но сила Божия в немощи совершается; никогда не приходила мне в голову мысль отказаться от своего труда, и в это печальное для меня время я приготовил и напечатал 2-й том «Истории России», который вышел весною 1852 года. Как видно, я защищался удачно не полемическими статьями, но именно томами истории, постоянно ежегодно выходящими; 3-й и 4-й томы не опоздали. Книга шла, несмотря на продолжавшуюся руготню в «Москвитянине». Своею твердостью — я выигрывал дело в глазах публики, а Погодин проигрывал — усилением ругательств, так что приятели его сочли нужным внушить ему, чтоб он остановил ругательства, сильно ему вредившие.

XX

В 1853 году, раннею весною, я поехал в Петербург в первый раз, для сбора материалов в Публичной библиотеке, и был очень доволен, особенно напавши на тверскую летопись. По приезде сделал визит министру просвещения; швейцар отвечал: «Князь у нас очень болен, никого не принимает». Через несколько дней я узнал о кончине сего князя Ширинского. Перед отъездом я отправился с визитом к его преемнику Норову, от которого пахло на меня сейчас же сильною оттепелью. Норов поразил меня своею противоположною покойному министру. Прекрасное, симпатичное лицо с грустным оттенком, добродушная приветливость, отсутствие всего казарменного и департаментского — вот черты, которые приятно поражали в Норове. Но с первых же слов поразило меня в Норове и неуменье избежать крайностей, характеризующее всех наших господ, наверху стоящих, и в Норове по мягкости его природы видное более, чем в ком-либо. «А, чай, как вы нас, Сергей Михайлович, ругаете, ругаете!» — обратился вдруг ко мне Абрам Сергеевич. «За что, в [аше] п [ревосходитель]ство?» — спросил я с удивлением. «Да за цензуру-то, но ведь вы не знаете, с какими препятствиями мы должны бороться» и проч. Удивительное дело! Защитники Николая толковали и толкуют, что цензурные безобразия не от него происходили, что он не знал об них, и если бы знал, то не позволил бы. Но почему же император об них не знал? Почему люди, близкие к нему и привязанные к нему, не дали ему знать об них как о явлениях, противных его славе и пользе народа, почему позабыли свою присягу? Дело в том, что Николай стоял спиной к литературе; это знали и подлаживались из подлости к положению господина, не имея никакого сочувствия к литературе, — провались эта дрянь, а понадобится что-нибудь прочесть от скуки, прочтем и французскую книжку, а другие, немногие, которые не так смотрели на дело, не смели подступиться к деспоту с неприятными для него представлениями из робости, следовательно, тоже из подлости. Но понятно, что эти люди, замерзшие в подлости, привыкшие преклоняться пред силою, привыкшие не сметь своего суждения иметь, при перемене правления, при появлении новых сил будут не в состоянии вести дело систематически, правильно, разумно, станут трусить и подличать пред новою силою, и так как старая сила еще оставалась, то будут двуверниками, представлять явление постыдного служения и нашим и вашим, рабство во дворце, искание всеми средствами милости владыки и в то же время либеральничанья, заискивания у литературных и всяких демагогов.

Время, в которое должны были обнаружиться эти печальные явления, приближалось. Надвигалась страшная туча над Николаем и его делом, туча восточной войны. Приходилось расплатиться за тридцатилетнюю ложь, тридцатилетнее давление всего

живого, духовного, подавление народных сил, превращение русских людей в палки, за полную остановку именно того, что нужно было более всего поощрять, чего, к несчастью, так мало приготовила наша история,—именно самостоятельности и общего действия, без которого самодержец гениальный и благонамеренный остается бесполезным, встречает страшные затруднения в осуществлении своих добрых намерений. Некоторые утешали себя так: «Тяжко! Всем жертвуем для материальной, военной силы, но по крайней мере мы сильны, Россия занимает важное место, нас уважают и боятся». И это утешение было отнято в доказательство, что дух есть иже живит, плоть ничтоже пользует, в доказательство гибельности материализма, в доказательство, что сила и материя—не одно и то же.

В то самое время, как стал грохотать гром над головою Навуходносора, когда Россия стала терпеть непривычный позор военных неудач, когда враги явились под Севастополем, мы находились в тяжком положении: с одной стороны, наше патриотическое чувство было страшно оскорблено унижением России, с другой—мы были убеждены, что только бедствие, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение; мы были убеждены, что успех войны затянул бы еще крепче наши узы, окончательно утвердил бы казарменную систему; мы терзались известиями о неудачах, зная, что известия противоположные приводили бы нас в трепет. В массе народной заметно было равнодушие; причина войны не была ясна, правительственным известиям не верили, причины неудачи не понимали, жертвовали машинально, патриотические писания в стихах и прозе отличались поддельным чувством, не производили впечатления, все отличалось казенностью, как и следовало.

Я находил отвлечение от тяжких дум в трудах над пятом томом «Истории России»; были и другие занятия. Университет готовился праздновать столетний юбилей 12 января 1855 года. Была назначена комиссия для приготовления к торжеству—из деканов Шевырева и Баршева (декана юридического факультета) и из профессоров Морошкина, Грановского и меня. Историю университета взялся написать Шевырев, но я должен был участвовать в словарях профессоров и замечательных воспитанников университета, кроме того, должен был написать речь на акт о Шувалове. Самодержец, умягченный бедою, явился благосклонным к университету, причем не без влияния был благодушный новый министр просвещения Норов. Человек, потерявший ногу при Бородине, являлся беспристрастным и правдивым оценщиком благонамеренности русских ученых, более беспристрастным и правдивым, чем блестящий ученый и потому подозрительный Уваров и трепещущий подьячий Ширинский. Норову удалось

выхлопотать позволение представлять императору лучшие произведения русских ученых и литераторов; моя «История России» была представлена, вследствие чего я удостоился получить монаршее благоволение осенью 1854 года. Смягчение Николая и влияние Норова высказались и на самом юбилее в ласковом рескрипте, в очень щедрых по тому времени наградах; Норов сделал так, что получили награды только выдающиеся по своим способностям и учено-литературным заслугам профессора; Грановский и я получили орден Анны 2-й степени, но потом Назимов, уже после юбилея, представил гуртом почти всех ординарных профессоров к той же награде и хвастался своим подвигом: «Когда это бывало в университетах, чтоб ордена профессорам ящиками возили?» — не думая по своей простоте, что значение отличия уронено. Моя речь о Шувалове не была произнесена на акте. Шевырев истомил публику своею речью, очень длинною; давка и духота были невыносимые: профессора должны были стоять около кафедры, сесть было негде, а тут Норов беспрестанно вызывает меня к себе, прося, чтоб я что-нибудь сократил в своей речи. Я исчеркал весь свой экземпляр карандашом, отмечая, что выкинуть; наконец Норов вызывает меня и объявляет, что речь вовсе не может быть произнесена по недостатку времени и истомлению публики. После, когда речь была напечатана, я был изумлен отзывами, что она производит сильное впечатление своею смелостью и либеральностью. Я нарочно привожу это для того, чтоб читатели поняли, что в николаевское время считалось смелым и либеральным! Самарин, пресловутый либерал и страдалец за смелость, встретив меня где-то, поздравил с успехом моей речи между либералами и объявил, что сам Чаадаев так восхитился ею, что переводит ее на французский язык. Но перевод не был окончен, и впечатление моей речи исчезло: раздался свисток судьбы, декорации переменены, и я из либерала, нисколько не меняясь, стал консерватором.

После 15 февраля стали ходить слухи, что император болен. 19-е число было воскресенье; я пошел к обеду в свой приход (Николы-на-Песках на Арбате), в котором был прихожанином также и Хомяков; он подошел ко мне и сказал: «Теперь, должно быть, уже присягают в Сенате: умер!» Эти перемены царствующих лиц при нашей форме правления производят особое какое-то, ошеломляющее и отупляющее вначале впечатление. Конечно, я не был опечален смертью Николая, но в то же время чувствовалось не по себе, примешивалось беспокойство, опасение: что, если еще хуже будет?! Человека вывели из тюрьмы — хорошо, легко дышать свежим воздухом; но куда ведут? Может быть, в другую, еще худшую тюрьму? Хорошо, если выпустят на свободу. Возвратясь домой, я нашел повестку явиться в мундире в университетскую церковь для принесения присяги. Приехавши

в церковь, я встретил на крыльце Грановского; первое мое слово ему было: «Умер!» Он отвечал: «Нет ничего удивительного, что он умер; удивительно то, как мы с вами живы». То тревожное, ненормальное состояние, в каком мы тогда находились, предполагает к суеверию. Так как это было воскресенье, то, по обычаю, я поехал обедать к старику отцу, и тут пришло известие, что во время звона на Ивановской колокольне часть ее внутри обрушилась и задавила людей. Само по себе печальное событие в этот день произвело на всех особенно неприятное впечатление. Люди надеются лучшего, а тут в первую же минуту черное предвещание! Но это впечатление, разумеется, было непродолжительно, стали жить надеждою.

Как-то я зашел к Хомякову. Тот надеялся по-своему. «Будет лучше,— говорил он,— заметьте, как идет род царей с Петра,— за хорошим царствованием идет дурное, а за дурным — непременно хорошее: за Петром I Екатерина I — плохое царствование, за Екатериною I Петр II — гораздо лучше, за Петром II Анна — скверное царствование, за Анною Елисавета — хорошее, за Елисаветою Петр III — скверное, за Петром III Екатерина II — хорошее; за Екатериною II Павел — скверное, за Павлом Александр I — хорошее, за Александром I Николай — скверное; теперь должно быть хорошее. Притом,— продолжал Хомяков,— наш теперешний государь страстный охотник, а охотники всегда хорошие люди; вспомните Алексея Михайловича, Петра II». В разговорах с Хомяковым я обыкновенно улыбался и молчал; Хомяков точно так же улыбался и трещал. «А вот,— продолжал он,— Чаадаев никогда со мною не соглашается, говорит об Александре II: «Разве может быть какой-нибудь толк от человека, у которого такие глаза!»» — и Хомяков залился своим звонким хохотом. Вот как главы³¹ двух противоположных московских кружков отзывались о новом главе России!

Первое время нового царствования умы были заняты печальным исходом восточной войны. Александр II прежде всех других распоряжений по громадному наследству должен был заплатить страшный долг, заключить постыдный мир, какого не заключали русские государи после Прута. Новый император чувствовал всю тяжесть этого дела, весь позор его. Не знаю, оправдывал ли он себя внутренно, складывая всю вину на родителя, но историк, не оправдывая и не обвиняя, должен объяснить дело. В этом первом акте выразился характер нового властителя и его положение, его окружение. Рожденный без выдающихся способностей, без энергии, он получил образование самое одностороннее и при умственной лени не подумал употребить долгое время наследничества на пополнение недостатков образования чтением и обращением с лю-

³¹ П. Я. Чаадаев не был главой западников (*примеч. ред.*).

дьями живыми и знающими: последнее, впрочем, если и не невозможно, то крайне трудно для наследников русского престола. Кроме обычных военных упражнений Николай поручил своему наследнику начальство над военно-учебными заведениями, что могло иметь одну пользу — закрепить в памяти будущего государя предметы общего образования по учебникам кадетских корпусов, ибо наследник усердно посещал экзамены. В Римской империи императоры восходили на престол из разных званий; в Российской империи Александр II вошел на престол из начальников военно-учебных заведений. При восшествии Александра II на престол внешние дела были вовсе не в таком отчаянном положении, чтоб энергическому государю нельзя было выйти из войны с сохранением достоинства и существенных выгод. Внутри не было изнеможений, крайней нужды; новый государь, которого все хотели любить как *нового*, обратясь к этой любви и к патриотизму, непременно вызвал бы громадные силы; война была тяжка для союзников, они жаждали ее прекращения, и решительный тон русского государя, намерение продолжать войну до честного мира непременно заставили бы их попятиться назад. Для отнятия предложения к продолжению войны нужно было уступить Европе совокупное право распоряжаться турецкими делами, но не уступать ничего более — ни Дунайского устья, ни черноморского флота. Англичане не могли вести войны, вся сила союза была у Франции: нужно было прямо сблизиться с Наполеоном, что новому императору русскому было легко сделать без всякого унижения, — нужно было обещать Наполеону все относительно Италии и Австрии. Пусть бы при содействии русского оружия Франция взяла Савойю и Ниццу, которые взяла и без русского содействия, но тогда французское приобретение уравнивалось бы сохранением устьев Дуная, черноморского флота и приобретением Галиции; ничто не могло быть популярнее войны с Австриею — Пруссия тогда не двинулась бы за Австрию, Пруссию можно было бы легко приманить. Но для этого кроме широты взгляда необходимы были смелость, способность к почину дела, энергия. Их недоставало у нового императора как у одного человека; их бы достало у него, если бы он был поддержан окружением, но около него не было ни одного человека силы умственной и нравственной. Его окружали те же люди, с которыми и Николай из ложного страха воевать с целою Европою стал пятиться назад и этим навязал себе на шею коалицию; и теперь раздавались одни возгласы: «Мир, мир во что бы то ни стало!» — и мир был заключен после падения Севастополя, тогда как Севастополь играл тут именно ту же роль, какую играла Москва в 1812 году: тут-то, после этой жертвы, и надобно было объявить, что война не оканчивается, а только начинается, чтоб именно заставить союзников ее кончить.

Несмотря на то что новый император исполнял свято сыновние обязанности, относясь благоговейно к памяти Николая, которого всюду величал незабвенным, с первого же раза почувствовалась реакция, перегибание дуги. Сам император, естественно, желал быть популярным как добрый, хороший человек, кроме того, внутренними популярными преобразованиями желал заставить забыть позор внешних отношений. В природе его не лежало столько твердости, чтобы самому умерять эти два сильных стремления, и, главное, не доставало широты взгляда, а этот недостаток проистекал от незнания России, ее настоящего и прошлого, незнания умоначертания своего народа и положения различных общественных слоев; он действовал в потемках, часто шел не туда, спотыкался, озадачивался и трусил там, где нечего было бояться, и шел прямо, бодро туда, где была действительная опасность. Из окружающих не было никого, кто бы осветил для него эту тьму; все это были слепые; некоторые из них могли не одобрять стремлений императора, желали остаться при старом, николаевском; некоторые желали идти потише, поосторожнее, но они обнаруживали свое неодобрение тайным или явным ворчанием, и никто не смел, а главное, не умел высказать свое мнение пред императором: все это были лакеи, привыкшие пред господином только льстить и подлаживая, говорить одно приятное для заискивания доброго расположения и ласки барина. Но, что хуже всего, эти господа, воспитанные в николаевском рабстве, не имели никакого гражданского мужества; они привыкли преклоняться пред всякою силою, и, когда Александр II по своей внутренней слабости и отсутствию внешней подпоры не мог сдержать реакции, ослабил пружины власти и этим дал простор так называемому отрицательному направлению, когда снизу раздались громкие крики,—царская дворня, привыкшая только к крикам команды, приняла и эти крики за крики команды, смутилась, не знала, что делать, попавши между двух огней,—и началось постыдное двоедушие, двуверие, начали ставить свечи обоим богам, несмотря на их противоположность; и, кто чем более подличал, льстил, заявлял свою преданность власти, тот всего сильнее подличал, льстил, заявлял свою преданность пред представителями новой силы, всех больше либеральничал, и все это — в одно и то же время.

У всех, начиная с самого императора и его семейства, было стремление вырваться из николаевской тюрьмы, но тюрьма не воспитывает для свободы, и потому легко себе представить, как будут куролесить люди, выпущенные из тюрьмы на свет, сколько будет обмороков у людей от непривычки к свежему воздуху. Первым делом было бежать как можно дальше от тюрьмы, проклиная ее; следовательно, первое проявление деятельности интеллигенции должно было состоять в ругательстве, отрицании, обличении, и все, что говорило и писало, бросилось взапуски

обличать, отрицать, ругать; а где же созидание, что поставить вместо разрушенного? На это не было ответа, ибо некогда было подумать, некому было подумать, не было привычки думать, относиться критически к явлению, сказать самим себе и другим: «Куда же мы бежим, где цель движения, где остановка?» Для подобных вопросов требовалась твердость, гражданское мужество, но на эти качества давным-давно спроса не было, их давно перестали поэтому предлагать, они вывелись; была мода — молчать и не думать, и все хотевшие жить по моде молчали и не думали; теперь пришла мода — кричать и отрицать, бранить все существующее, и желавшие жить по моде принялись кричать, бранить, отрицать существующее. В конце концов должны были прийти к одному решению: создать мы не умеем, нас этому не учили, а существующее скверно, и потому надобно разрушить сплошь все — вот наше дело, а там новое, лучшее создастся само собою.

Хотя было мало, очень мало, но все же были люди с авторитетом, люди науки, люди мысли и опыта, которым было не под стать бежать как угорелым неведомо куда, которые могли поднять голос против такого бегства, пригласить остановиться, подумать, поусумниться в пользе и необходимости бесцельной беготни. Таких людей было мало, и, главное, для укрепления их авторитета не было почвы, ибо в николаевское время все стремилось уничтожить эту почву; человек мысли и знания был гоним. Если он имел влияние в небольшом кружке, то вследствие оппозиции правительству, существующему порядку, вследствие того, что он необходимо относился отрицательно к существующему. Беда была в том, что в это несчастное время самый положительный человек был отрицателем и своим авторитетом приучал к отрицанию. Да и таких людей, повторяю, было очень мало, а большинство людей, стоящих наверху и долженствующих быть авторитетами, было таково, что подрывало всякий авторитет: это были глупцы или по крайней мере невежды и некрасивые в нравственном отношении; над ними смеялись, их презирали, пред ними преклонялись только физически, служебно, с ненавистью в сердце, с проклятьем на устах: где же тут могла быть привычка к авторитету, нравственная дисциплина?

XXI

Я сказал, что все, начиная с самого верха, стремилось выйти из положения, созданного Николаем. Прежде всех стремился император, который хотел быть популярным, хотел громкими делами внутреннего преобразования загладить позор Парижского мира. Мир был заключен, чтоб поскорее иметь возможность

заняться внутренними делами, расстройству которых приписывалась военная неудача; следовательно, восстановлением народных сил через перемену системы, посредством внутренних преобразований дать возможность России подняться опять и во внешнем значении и утвердить его прочно. Этот естественный, правильный, необходимый вывод повторялся всюду и должен был торопить государя. Но как, с чего начать? Сначала ничего определенного не было. Необходимость освобождения крестьян вовсе не сознавалась, тем более что Александр II был связан с наследнической стариной: будучи наследником, он высказывался решительно против освобождения; вот почему, ставши императором, из самолюбия, желая быть последовательным он в обращении к дворянству также высказывался против освобождения. При неимении системы, определенных целей, как обыкновенно бывает, начали распускать, ослаблять вообще, пошла на это мода, началось либеральничанье. Но ясное дело, что, как скоро почувствовали отсутствие целей, так начались движение и шум, странные телодвижения с целью размять члены, дать крови правильное обращение, послышались разные речи, которых прежде не слышно было. Стали бранить прошедшее и настоящее, требовать лучшего будущего. Начались либеральные речи, но было бы странно, если б первым же главным содержанием этих речей не стало освобождение крестьян. О каком другом освобождении можно было подумать, не вспомнивши, что в России огромное количество людей есть собственность других людей (причем рабы одинакового происхождения с господами, а иногда и высшего: крестьяне — славянского происхождения, а господа — татарского, черемисского, мордовского, не говоря уже о немцах). Какую либеральную речь можно было повести, не вспомнивши об этом пятне, о позоре, лежавшем на России, исключавшем ее из общества европейских, цивилизованных народов? Таким образом, при первом либеральном движении, при первом веянии либерального духа, крестьянский вопрос становился на очередь.

Волею-неволею надобно было за него приниматься. Кроме указанного нравственного давления указывалась опасность для правительства: крестьяне не будут долго сносить своего положения, станут сами отыскивать свободу, и тогда дело может кончиться страшною революциею. Освобождение совершилось. Сто лет тому назад Екатерина, спросившая Россию относительно освобождения крестьян, услышала ответ резко, решительно отрицательный. Я в «Истории России» изложил причины этого явления³². Александр II не спрашивал об этом у России, и конечно, если б вопрос был подвергнут тайной всеобщей подаче голо-

³² См. кн. XIV (т. 27, гл. вторая) настоящего издания (М., 1994. С. 93—98).—
Примеч. ред.

сов (исключая, разумеется, крепостных), то ответ, надобно полагать, вышел бы отрицательный.

В экономическом отношении, особенно в северной России, народонаселение в сто лет не увеличилось до такой степени, чтоб обязательный труд мог быть заменен вольнонаемным; северные землевладельцы должны были пострадать, и сильно пострадать. Но дело в том, что в сто лет западное давление чрезвычайно усилилось; русский человек по отношениям к остальной Европе стал похож на человека с маленькими средствами, но случайно попавшего в высшее, богатейшее общество, и для поддержания себя в нем он должен тянуться, жить не по средствам, должен отказывать себе во многом, лишь бы быть прилично одетым, не ударить лицом в грязь в этом блестящем, дорогом ему обществе. Голоса помещиков были заглушены либеральными криками литературы, сосредоточенной в столицах. Дело было произведено революционным образом: употреблен был нравственный террор; человек, осмелившийся поднять голос за интересы помещиков, подвергался насмешкам, клеймился позорным именем крепостника, — а разве у него была привычка поддерживать свое мнение? Пошла мода на либеральничание: люди, не сочувствовавшие моде, видевшие, что нарушаются их самые близкие интересы, пожимали плечами или втайне яростно скрежетали зубами, но противиться потоку не могли, не смели и молчали. Как бы то ни было, переворот был совершен с обходом самого трудного дела — земельного. Крестьян наделили землею, заплативши за нее помещикам. Красные торжествовали: у прежних землевладельцев отняли собственность и поделили между народом, замазавши дело выкупом, но выкуп был насильственный! Глупые славянофилы торжествовали, не понимая, на чью мельницу они подлили воды: им нужно было провести общинное землевладение! Во многих местах с самого начала уже крестьяне не были довольны наделом, — что же будет с увеличением народонаселения? Для простого практического смысла крестьян естественное и необходимое решение вопроса представлялось в новом наделе, и они стали его дожидаться как чего-то непременно долженствующего последовать. Стали дожидаться.

Сначала дело обошлось спокойно, хотя наверху струсил, боялись народного восстания; в Петропавловской крепости приготовлены были средства к защите; положили обмануть ожидание: манифест был обнародован не 19-го числа февраля, а позднее, в последнее воскресенье к Посту. Меры напрасные, происходившие от незнания состояния народа вообще и русского в то время в особенности. Крестьяне приняли дело спокойно, хладнокровно, тупо, как принимается массою всякая мера, исходящая сверху и не касающаяся ближайших интересов — Бога и хлеба. Интеллигенция по недостатку внимания, изучения

умоначертания низшего класса изумлялась этому равнодушию, приписывала его или великим качествам народа, или его тупости, кипятилась своим собственным жаром, подзадоривая себя опьяняющим словом «свобода»; а мужичок оставался спокойным, не обращая внимания на происходившее около него беснование. Простого человека свободою опьянить нельзя, ему надобно показать осязательно, что выгоднее, но этого вдруг показать было нельзя; целого установления, сколько-нибудь сложного, он не поймет, он не приговорен к этому привычному образованию мысли в широких сферах, школьным и книжным образованием; он озадачит вас вопросом, который покажется вам странным и мелким, но этот вопрос его прежде всего занимает, он об нем думал, а вы не думали и не хотите признать за мужиком права мысли, думания, только не о тех предметах и отношениях, о каких вы думаете. У вас, например, толкуют о том, что англичане привязаны к свободе, французы—к равенству, но простой человек всегда привязан к равенству, а не к свободе, потому что свобода отвлеченнее равенства. Скажите простому человеку: «Ты свободен», и он станет в тупик; что он будет такой же, как его барин,—это он поймет, но сейчас спросит: «А имение-то как же? Пополоам или все мне?»—и тут не теоретический коммунизм, которого он не понимает и никогда не поймет: ему нет дела до барина; тот может получить от царя (который, по мнению мужика, может все сделать) богатейшее вознаграждение; он ему завидовать не станет, ему нужно только обеспечить себя насчет ближайших земельных отношений.

Крестьянин знал, что и прежде его братья становились вольными, через выкуп и отпуск на волю, но тут главной была возможность жить хорошо на воле, средства человека; человек накопил денег и откупился, чтоб еще удобнее торговать и промышлять; когда сам барин отпускал на волю, то первый вопрос был: чем будет жить отпущенный? Без денег воли не надобно. Чтобы крепостной крестьянин понял, в чем дело, надобно было ему просто сказать: «Ты будешь, как государственный крестьянин». Крестьянин это понял бы, но почесал бы затылок, а не стал бы плясать от радости. Скажут: не мог же крестьянин не обрадоваться, узнав, что он не будет более зависеть от произвола помещика, что его семейство и собственность будут безопасны. Отвечаю: те крестьяне обрадовались, которых семейство и собственность были в опасности, но это были не все крестьяне и не большинство.

Злоупотребления помещичьей власти продолжались до последнего времени, иногда обнаруживались в ужасном виде, но это было *иногда* и преимущественно относительно дворни. *Иногда* крестьяне и убивали своих помещиков; крестьяне наиболее зажиточные, которые по известному закону могли бы скорее

и сильнее других поднять вопль и голос против пригеснений, ибо имели, что защищать,— такие не имели побуждений тяготиться своею участью, потому что были наиболее обеспечены: это были оброчные крестьяне богатейших землевладельцев, гр. Шереметева и других.

Как бы то ни было, дело первой важности было совершено, и совершено на первых порах спокойно. Теперь должно было обратить внимание на следствия переворота, на переход от обязательного труда к вольному в стране, где при этом должно было встретиться сильнейшее препятствие — недостаток рабочих рук. До сих пор работник находился в опеке; опеку принуждал его работать и, разумеется, иногда принуждал более, чем сколько следовало. Это зло опеки, зло крепостничества теперь уничтожилось, но надобно было иметь в виду другое зло, зло свободы, когда человек, свободный от принуждения, станет работать меньше, чем сколько следует, предоставленный одному принуждению, идущему от стремления поддержать свое благосостояние. Но чтоб это стремление было сильно, надобно известное развитие, знакомство с потребностями, которые очень желательно удовлетворить, привычка к свободному и правильному труду, нравственное влияние семейства и общества и т. д. Но в какой степени всего этого можно было ожидать от русского крестьянина, вступившего в самое опасное положение, переходное положение из неволи к свободе, когда является необходимое стремление воспользоваться отсутствием принуждения и работать как можно меньше? Всего важнее было, что при таком опасном положении, при возможности сделать самые дурные привычки, крестьянин мог сохранять в целости свои умственные, нравственные и физические силы, чтоб он был трезв,— и тут, как нарочно, дают ему возможность пьянствовать. С полным бессмыслием при отсутствии всякого внимательного отношения к делу литература пошла в поход против откупов, с требованием удешевления хорошей водки для простого народа, требуя легчайшей и действительнейшей отравы для него.

Откупа представляли большие злоупотребления; нужно было уничтожить злоупотребления, уничтожить самое учреждение, за которое никто бы не стал заступаться, хотя легко было заметить, что в основе яростных нападок на откупа и откупщиков лежали зависть и ненависть к людям, обыкновенно быстро наживающим огромные состояния. Нужно было уничтожить злоупотребления; можно было уничтожить учреждение, заменив его лучшим, и при этом поддерживать значительно высокую цену водки, чтоб не дать крестьянину быть пьяным очень часто, чтоб по-прежнему ограничить случаи пьянства особенными днями, праздниками. Вместо того вдруг удешевили водку, которая чрез это приобрела название скверной памяти в истории русского общества, название

дешевки. Тяжело сказать: появление дешевки было принято простым народом гораздо с большею радостью, чем освобождение; интерес был ближе; являлась возможность дешево добыть наслаждение опьянения и пользоваться им часто. И вот пьянство быстро распространилось в ужасающих размерах; человек, который для достойного пользования свободой должен был явиться в полноте физических и нравственных сил, явился пьяный. Хозяйство крестьянское получило страшный ущерб, ибо пьянство неразлучно с праздностью; стали увеличивать число праздников, чтоб больше иметь предлогов предаваться пьянству; слова апостола: «Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд», разумеется, должны были оправдаться, и сифилис страшно распространился, уничтожая в корне физические силы народонаселения, но важны были беспорядки нравственные. Пьяный отец не мог запретить пить своим сыновьям, жене, снохам и дочерям; начали пить молодые люди обоего пола, едва вышедшие из детства; стали пить женщины и забывать в пьяном виде всякий стыд, всякое приличие; к чему привыкли в пьянстве, от того не могли отстать и в трезвом состоянии, и привыкли публично и громко ругаться так, что прежде и мужику было зазорно. Пьяному море по колено: пьянство приучило к дерзости, к забвению всех нравственных, священных отношений, к уничтожению семейной дисциплины; молодые перестали слушаться старших, дети начали браниться, драться с родителями, ни во что их ставить, стремиться к выделу, к освобождению от уз семейных. Скоро посылались громкие жалобы на совершенное ослабление семейной дисциплины; все крестьянские общественные отправления, хозяйственные распоряжения, суд подчинились господствующему стремлению к пьянству; явилось взяточничество целым миром, продажа правды за ведро вина.

В городах та же язва напала на рабочий класс. Отличные работники и слуги, напивавшиеся прежде очень редко и потому сносно для хозяев, не устояли пред искушением и бросились на дешевку; вовсе не стало сладу с поварами, лакеями и кучерами; наниматели стали сидеть без обеда, как нарочно, в самые большие праздники, ибо повара лежали пьяные в кухне; стали трепетать за безопасность своих жен и детей, когда они куда-нибудь ехали с кучером и лакеем, напившимися в то время, когда господ сидели в гостях. Кончилось тем, что люди среднего состояния отказывались от порядочного стола, прогоняли поваров и нанимали кухарок, тем более что грабительство поваров вследствие потребности постоянного опьянения достигло высшей степени; продавали лошадей и брали наемных, что стоило гораздо дороже; требовали только от поставщиков лошадей, чтоб кучер был трезвый, хотя бы и не очень хороший в других отношениях, неряшливый и т. п. Почти так же искали и лакея —

какого-нибудь, только бы не пьяницу — или заменяли лакея женскою прислугою. Но гораздо хуже было положение содержателей разных ремесленных заведений, портных, сапожников, прачек и т. п. Работники пьянствовали, не стесняемые прежнею необходимостью платить оброк господину и надзором последнего, работа останавливалась, заказы не поспевали ко времени; для отвращения этих неудобств хозяин должен был увеличивать издержки производства, искусный работник стал редок и очень дорог, отсюда — необходимое увеличение цены на произведение его труда, дороговизна, начавшая возрастать страшно.

Хороший рабочий, хороший слуга стал требовать большей платы вследствие своей редкости; это подняло плату вообще всех мастеровых, всей прислуги, ибо тут определить строго различие между хорошими и дурными было нельзя. Большая плата уничтожила в этом классе прежнюю бережливость и умеренность в пище и одежде, явилась небывалая роскошь; лакеи и горничные стали одеваться почти так же, как господа; горничные стали носить шелк и шерсть, шляпы с цветами, зонтики; обувь покупали такую же дорогою ценою, как и госпожи их. Легко понять, как чрез такое увеличение потребителей увеличилась ценность потребляемого, увеличилась дороговизна.

XXII

Но сейчас же явилась и другая причина дороговизны в стране, где относительно так мало рабочих рук, — явилась судорожная промышленная деятельность, стремление к освобождению капиталов, к приобретению на них как можно больших барышей, процентов. До сих пор сбережения сохранялись в правительственных кредитных учреждениях; с них получались очень умеренные проценты, но при дешевизне они были достаточны; с другой стороны, эти учреждения поддерживали сословие землевладельцев, дворян, доставляя им возможность выгодного закладывания имений. Теперь землевладельцы, в самую критическую для них минуту, потеряли поддержку знаменитого опекунского совета, который был опекуном не сиротским, а общедворянским; капиталы были вытеснены из государственных кредитных учреждений ничтожностью процента — надобно было волею-неволею помещать их в более выгодные предприятия. Первое из таких предприятий было построение железных дорог, предприятие, необходимое для страны, где надобно искусственно противоборствовать вредному влиянию неизмеримых пространств, препятствующих страшно общественному развитию. Последняя война показала ясно необходимость железных дорог для защиты государства от внешнего врага. Следовательно, против усиленного

строения железных дорог не могло быть возражения. Но и здесь скоро перейдена была граница. Предприятие найдено выгодным, посредством него можно было легко обогатиться, и вот явилась мания железнодорожная. Для приобретения концессий стали употребляться разные неблагоприятные средства наверху. Стали проводиться железные дороги и там, где были не нужны или где можно было с ними пообойдаться: обогащение посредством железных дорог заменило обогащение посредством откупов; явились железнодорожные тузы, возбудившие своим богатством сильную зависть и соревнование; материальный интерес выдвинулся, горячка обогащения начала овладевать; после железных дорог пошли промышленные предприятия, явились банки, платившие огромное жалованье служившим в них; началась биржевая игра, распалившая особенно страсть к обогащению, утвердившая господство материального интереса. А тут еще два выигрышных займа. Четыре раза в год множество людей обоюго пола — в распаленном лихорадочном состоянии вследствие возможности обогатиться вдруг, без всякого труда, усилия с своей стороны, по воле бессмысленной судьбы; страшный нравственный и даже физический вред от нервного напряжения, от бессонных ночей.

Крестьянин пьянствует и терпит нужду, не имеет, чем уплатить податей; он уже испытал правительственный или революционный способ действия для перемены своей судьбы и надеется, что таким же способом произойдет и новая перемена: правительство, царь нарежет крестьянам еще земли. А между тем для многих из них под руками — способ кормиться: отовсюду требования работника — на железную дорогу, на фабрику, в кабаки; крестьянин, крестьянка покидают деревню, семью, но этого рода заработки не способствуют к улучшению нравственному крестьянина: возвращаясь в деревню если он и приносит несколько денег, зато приносит и сильнейшую привычку к пьянству, кутежу, разврату, приносит сифилис и распространяет его в деревне, где по недостатку средств народ гниет от гнусной болезни; приносит роскошь: до сих пор крестьяне носили то, что сами дешево готовили дома, — теперь пошли люди носить фабричные произведения. На фабрике, в заведении, на каких-нибудь постройках крестьянин входит в зависимость от хозяина или подрядчика, своего брата, разбогатевшего всеми неправдами и стремящегося всякими средствами выжать из работника лишнюю копейку. При злоупотреблениях крепостного права в дурном помещике крестьянин видел барина, человека, высоко над ним стоящего, начальника, имеющего право управлять, владеть крестьянином; это была внешняя сила, гнет, который удручает, но не озлобляет, разве в крайних случаях. Но хозяин — это свой брат мужик, богатый мужик, притесняющий бедного мужика, притесняющий мелкими средствами; тут права никакого, кроме права

сильного, и это право основано на деньгах. Такие отношения могли возбуждать только озлобление, ненависть.

Землевладелец, особенно в северных губерниях, разорился вследствие уничтожения крепостного права. Ему оставалось продать или все имение, или по крайней мере лес. Охотников покупать много, потому что дрова нужны на усиленную промышленность, особенно на железные дороги,—и вот началась страшная вырубка лесов, которая скоро возбудила вопли, вопли бесполезные, ибо причину устранить не могли.

С одной стороны — дороговизна, нужда в деньгах, уменьшение доходов, неудобство положения, даже разорение людей, которые в какой бы то ни было степени были представителями духовного развития в народе; с другой — примеры быстрого обогащения людей, которые успели, обдуманно или случайно, употребить выгодно свои капиталы; с третьей — шум, суетня преобразовательного движения, крик печати,—все это должно было произвести страшную смуту между людьми несколько не приготовленными, сжатыми в своей деятельности царствованием Николая или затянувшимися в это царствование в мелких интересах, покорно повиновавшимися команде: «Не рассуждать!» — или между развитыми, рассуждавшими, но в этих рассуждениях развившими только отрицательное направление, отрицательное отношение к деятельности нравственной; в болтовне, в словопрепиательствах они несколько не приучили себя к деятельности положительной, способность к которой приобретает не на словах, а на деле. К тому же вследствие привычки дрожать пред Николаем и его орудиями русские люди дрожали пред каждою силою, пред каждым окриком, громким словом и потому не были способны мужественно высказывать свои убеждения, упираться; при виде начавшейся кутерьмы многие поняли опасность положения и втихомолку сетовали на неправильность, революционность движения, но не могли громко заявить своего мнения, чтоб не прослыть ретроgrадами, жалеющими о крепостном праве, и т. п. Да и в трудном положении они находились.

Крайности — дело легкое; легко было завинчивать при Николае, легко было взять противоположное направление и поспешно-судорожно развинчивать при Александре II, но тормозить экипаж при этом поспешном судорожном спуске было дело чрезвычайно трудное. Оно было бы легко при правительственной мудрости, но ее-то и не было. Преобразования проводятся успешно Петрами Великими; но беда, если за них принимаются Людовики XVI и Александры II. Преобразователь вроде Петра Великого при самом крутом спуске держит лошадей в сильной руке — и экипаж безопасен, но преобразователи второго рода пустят лошадей во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют, и потому экипажу предстоит гибель.

Сумятица, шум, возня в обществе, нисколько не приготовленном к повороту на новую дорогу, жившем долгое время одними ожиданиями перемены, но не определившем своих желаний, в чем именно должна состоять перемена, причем в сфере, которой принадлежало руководство и которая упорно удерживала его в своих руках,— совершенная неспособность к руководству, совершенное непонимание самых первых вопросов: что, откуда и куда? Сильные энергиею, способностями, самостоятельностью люди были уничтожены системою Николая. Отыскать таких людей для новой деятельности был совершенно не способен преемник Николая по своей необразованности, лени, по страху пред новыми людьми, по сознанию своего неумения извлечь из них пользу, обсудить их мнения, разобраться в том разнообразном материале, который бы они предложили, откуда проистекало стремление вращаться только в привычном кружке людей, издавна известных, посредственностей, не представлявших никакой опасности для самолюбия, людей, перед которыми не нужно было держать себя застегнутым, охорашиваться умственно и нравственно. Судьба не послала ему Ришелье или Бисмарка, но дело в том, что он не был способен воспользоваться Ришелье и Бисмарком; у него были претензии, страх слабого человека казаться слабым, несамостоятельным; под внушениями этого страха он в одно прекрасное утро прогнал бы Ришелье и Бисмарка. Отсюда — страшная бездарность наверху, один выбор хуже другого; каждый выбор возбуждал неприятные толки, насмешки; уважение ко власти рушилось в самодержавном государстве; никакой системы, никакого общего плана действий, каждый министр самодержавствовал по-своему,— совершенная смута,— вместо того чтоб править, судорожно задерживали, выводили из терпения; но как же выражалось это нетерпение? Для уяснения этого вопроса надобно обратиться к воспитанию, которое стали получать новые поколения с 1855 года.

XXIII

При Николае воспитание в общественных заведениях было подорвано фальшивостью, двоедушием. С низших классов дети привыкли различать науку казенную от настоящей, которая представлялась им в виде запрещенного плода. Молодые учителя, если не все, то некоторые, желая облегчить для себя скуку, тяжесть преподавания и приобрести популярность, пользовались случаями заявить пред воспитанниками об этой quasi-настоящей и у нас запрещенной науке; отсутствие всяких педагогических правил, системы приготовления больше всего содействовало этому. Старый учитель был синонимом негодного учителя; чем

моложе был учитель, тем более ценился; он недавно еще слышал в университете новые лекции, последнее слово науки, и не было никому нужды, что он сам еще ребенок, до такой степени неопытный, что пред учениками гимназии готов был выкладывать эти университетские лекции, иногда дурно записанные и все более и более забывающиеся. Вообще у нас так называемое высшее образование играет жалкую роль. Молодой человек отлично кончит курс в университете, поступит на службу и перестает читать, так что по прошествии известного времени он выходит хуже невежды, ибо сам считает себя образованным и другие считают его таким, а между тем из прежнего образования, не обновляемого и не развиваемого чтением, у него остались какие-то смутные понятия; станет говорить о научных предметах — говорит чепуху, клянется какими-то старыми богами, остались у него одни претензии, не имеющие никакого основания; если он что-нибудь и прочтет, то выхватит наудачу, без связи, или увлечется, восхищается без толку, или вдруг, не понявши, станет без толку ругать прочитанное — и все с видом знатока, особенно если успел попасть по службе в большие чины. Учителя не составляли в этом отношении исключения. Они поступали на службу, чтоб получить больше удобств в жизни, занимались уроками и были с утра до ночи на уроках. Приедет несчастный с уроков совершенно истомленный, оупевший — где же ему читать! Таким образом, выходит, что если у нас все люди с высшим образованием очень мало читают и поэтому высшее образование является скоро у них в виде каких-то безобразных развалин, то учителя читают меньше всех. В будни некогда, откладывают на вакацию, но тут после томительных экзаменов спешат физически отдохнуть и имеют нужду в отдыхе; идет день за днем в обычных развлечениях в семействе или без семейства, и не видно, как вакация приходит к концу, и книга остается раскрытой на первой странице. Таким образом, и молодой учитель скоро делается старым задавателем и спрашивателем по учебнику; если же иному хотелось поддержать живость, интерес преподавания, поддержать расположение к себе учеников, то пускался в либеральничанье, позволял себе насмешки над казенными выражениями учебника и подрывал доверие учеников к источнику их знания: каково было ученику зубрить осмеянное, объявленное ложью! Или, прочтя урывком какую-нибудь журнальную статью, учитель с важным видом возвещает о новом взгляде на предмет, тогда как этот новый взгляд — сущий вздор. Всякий поймет, что я говорю преимущественно о преподавании истории, но история есть единственная политическая наука в среднем образовании, и потому ее преподавание — чрезвычайной важности: от направления ее преподавания зависит политический склад будущих граждан. При взгляде на такую трудность преподавания истории,

особенно у нас в России, естественно приходит на ум об исключении истории из предметов общего образования, но, во-первых, что же это будет за общее образование без знания истории; во-вторых, гимназисты разойдутся по математическим, медицинским и юридическим факультетам, где они никогда не услышат истории.

Легко понять после этого, с какими возбужденными головами выходили ученики из средних заведений, пропитанные неуважением к авторитетам, ибо книга, руководство должны были являться для них в продолжение всего курса высшим авторитетом, и этот авторитет был осмеян, обвинен во лжи. Но авторитет подрывался еще другим способом, особенно в военных училищах, чрез назначение в начальники людей необразованных, глупых, но отличающихся выправкою, точным исполнением военно-служебных обязанностей. Как ни неразвиты были старшие воспитанники, все же они стояли выше подобных начальников, ибо все же они находились в процессе какого-то развития, тогда как почтенные начальники давно уже почили в умственном отношении. Отсюда смешные выходки начальников в классах, на экзаменах, целый ряд рассказов об их глупости и невежестве, подрывавших всякое уважение к ним, подрывавших авторитет, нравственную дисциплину в корню. Но стремление занять начальнические места фельдфебелями в генеральских эполетах было ощутительно и в гражданском учебном ведомстве. Таковы были «генералы», назначавшиеся попечителями, таков был в Москве Назимов, о котором в округе ходили удивительные рассказы: например, когда во время университетского юбилея Шевырев предлагал, чтоб для обстановки пригласить девять актрис, которые бы изображали девять муз, то Назимов отвечал: «Зачем же только девять? — Сколько угодно пригласим». Или его помощник Муравьев потребовал от университетской типографии, чтоб она соблюдала экономию, набирала старым, избитым шрифтом, а набело печатала хорошим, новым. Надобно было послушать, как эти господа объяснялись с воспитанниками, студентами, чтоб понять, как в молодых людях подрывалась дисциплина.

Дисциплина в школах поддерживалась уважением только к товарищам более способным, усердно занимающимся и потому более знающим, хотя и тут по слабости общего развития люди более дерзкие, более способные к словоистечению, не разбиравшие средств в спорах при самом поверхностном знании, выхваченном из журналов или приобретенном понаслышке, часто брали верх над людьми серьезными, действительно что-нибудь знающими. Но вот с 1855 года пахнуло оттепелью; двери тюрьмы начали отворяться; свежий воздух производил головокружение у людей, к нему не привыкших, и в то же время замерзшие нечистоты начали оттаивать и понеслись миазмы. В то время как

люди серьезные, мыслящие, знающие внимательно вглядывались и вслушивались для уяснения себе положения дел, усердно занимались важными вопросами преобразования, — люди, которые знали, что не способны выйти вперед способностями, знаниями, тяжелыми усердными занятиями, выступили в поход первые. У них было огромное преимущество — смелость или дерзость, качества, которые в обществе благоустроенном ведут к виселице, но у нас в описываемое время могли повести только к выгодам. Первому произнести громкое слово, обругать, проклясть прошлое, провозгласить, что спасение состоит в движении к новому, в движении вперед во что бы то ни стало, было очень выгодно; внимание обращалось на передового человека; он приобрел значение героя, человека, отличавшегося гражданским мужеством, тогда как теперь никакого мужества в этом не было; при Николае его бы сослали куда Макар телят не гонял, да при Николае он бы и не заговорил; он заговорил теперь, когда произошло неправильное поступательное движение по определенному плану, руководимое сильною рукою при помощи многих других сильных рук. Началась смута, когда наверху люди ходили как шальные, ничего не понимая, не зная, что хочет самодержец, как ему угодить и где сила, к которой надобно забегать и поклониться.

Теперь было безопасно говорить, обличать; заговорила, явилась целая обличительная литература, следствием чего было усиление пагубной привычки к отрицанию, делу чрезвычайно легкому, приходившемуся как нельзя лучше по ленивой натуре неразвитого народа и особенно российского благородного дворянства, привыкшего жить чужим трудом, ничего не делая. Людьями, способными к труду, производились известные преобразования, но люди, не способные к такому положительному труду, пустились во всю прыть по легкой дороге отрицания, обличения, и остановки им не было никакой. Безнравственная и глупая цензура очумела окончательно при новых условиях — решительно не знала, что делать, что запрещать и что пропускать; заправляли ею люди по-прежнему неспособные и невежественные; в ней господствовал полный произвол: в одно и то же время запрещалась вещь самая невинная, какой-нибудь исторический факт из времен давно прошедших, и допускался явный призыв к восстанию низших классов против высших. Партий не было, которые бы выставили разные знамена, вступили в борьбу друг с другом и эту борьбою сдерживали друг друга, сохраняли равновесие и уясняли взгляд общества на известные вопросы. Для одних людей, идущих отрицательным путем, труд был легкий и выгодный; толпа их поэтому постоянно увеличивалась; они говорили по невежеству страшный сумбур, ругались друг с другом, но все же у них было единство направления, все же они имели один общий цвет, тогда как люди противоположного направления,

люди серьезные и достаточно образованные, были рассеяны, не составляли партии с определенными уже давно принципами; каждый из них занимался одним своим каким-нибудь делом и не мог его оставить; самая серьезность их не позволяла им быстро и дружно выступить против безумных отрицаний всего; они привыкли обдумывать дело прежде начатия, приготавливаться, спеваться, тогда как их противники в этом вовсе не нуждались; они выступили налегке, казаками (как и сами себя называли) и заняли местность, утвердились на ней. Но разумеется, при всем своем невежестве они инстинктивно понимали, что выступили в поход очень налегке, что при первой встрече с «регулярным» войском им может быть очень нехорошо, и потому должны были принять меры. Меры эти, естественно, должны были состоять в предупреждении врагов и в наступательности...

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ К ВОСЕМНАДЦАТОЙ КНИГЕ «СОЧИНЕНИЙ» С. М. СОЛОВЬЕВА

Сочинения, включенные в настоящий том, разнообразны в жанровом отношении: перед нами воспоминания, публичные лекции и учебная книга, предназначенная для гимназистов. Написаны они в разное время, и естественно, что, работая над ними, Сергей Михайлович Соловьев ставил перед собой разные цели и решал разные творческие задачи. Соединенные под одной обложкой, «Учебная книга русской истории», «Публичные чтения о Петре Великом» и «Мои записки для детей моих, а если можно, и для других» создают, однако, целостное и достаточно полное впечатление о многообразной деятельности ученого — научной, учебной и общественной.

В соответствии с хронологической последовательностью обратимся сначала к «Учебной книге русской истории», которая впервые была издана в пяти выпусках в Москве в 1859—1860 гг. Спрос на книгу был столь велик, что в те же годы вышло второе, дополнительное издание.

Соловьев был прирожденным педагогом. В студенческие годы он имел репутацию отличного домашнего учителя, пользоваться уроками которого считали за честь лучшие дворянские фамилии Москвы. Именно как домашний учитель в семье графа А. Г. Строганова молодой воспитанник Московского университета получил возможность совершить двухлетнее заграничное путешествие. С 1845 г. Соловьев начал чтение университетских лекций, которые производили глубокое впечатление на слушателей. В разные годы он преподавал также в Третьем военном (Александровском) училище, Николаевском сиротском институте, на Высших женских курсах Герье. Его приглашали учить цесаревича Николая Александровича, он занимался историей с наследником престола великим князем Александром Александровичем, в последний год своей жизни читал лекции великому князю Сергею Александровичу.

К педагогической деятельности Соловьев относился серьезно и ответственно, он выделял историю среди всех дисциплин, изучаемых в средних учебных заведениях: «История есть единственная политическая наука в среднем образовании, и потому ее преподавание — чрезвычайной важности: от направления ее преподавания зависит политический склад будущих граждан». Об этом он писал в своих «Записках», этому правилу следовал на протяжении всей своей педагогической деятельности. В 1847 г., в разгар работы над докторской диссертацией, молодой ученый по предложению своего коллеги профессора П. Г. Редкина подготовил «Русскую летопись для первоначального чтения», которая представляла собой талантливое и в высшей степени увлекательное изложение событий первых веков русской истории. Тогда же эта работа была издана в журнале «Новая библиотека для воспитания» и заслужила одобрителные отзывы. В начале XX в. вышло ее шестое издание.

Непосредственным поводом к созданию «Учебной книги русской истории» стало приглашение заниматься с цесаревичем Николаем Александровичем, которое Соловьев получил по рекомендации графа С. Г. Строганова. Занятия велись, с перерывами, в 1859—1863 гг., а итогом большой подготовительной работы

историка стала «Учебная книга», предназначенная для средних учебных заведений.

Доброй традицией российской педагогики прошлого века было предоставление учителю известной свободы выбора, что подразумевало, в частности, отсутствие единых, общеобязательных учебников. Ученики казенных и частных гимназий, реальных и коммерческих училищ, земских и технических школ изучали один и тот же предмет по учебникам, написанным разными авторами. Многие зависело от увлеченности педагога и степени подготовленности ученика. Авторами книг и пособий, по которым обучалось российское юношество, были опытные и знающие люди, благородное соревнование которых рождало первоклассную литературу. Некоторые учебники были поистине шедеврами, и не одно поколение гимназистов штудировало арифметику и тригонометрию «по Малинину и Буренину». Историю учили «по Иловайскому», позднее «по Платонову», но чаще всего отдавали предпочтение соловьевской «Учебной книге русской истории».

При жизни Соловьева его учебник издавался семь раз, седьмое издание появилось в 1867 г. Затем наступил долгий перерыв, объясняемый тем, что во главе Министерства народного просвещения находился граф Д. А. Толстой, петербургский бюрократ, чьи преобразования средней школы возмущали русское образованное общество. К Соловьеву министр испытывал личное недоброжелательство. Пусть учителя и имели право выбора, но были еще и рекомендации Ученого комитета Министерства народного просвещения. Изучать русскую историю «по Соловьеву» стало затруднительно. Ушел, ко всеобщей радости, с поста министра Толстой — и в 1880 г. появляется восьмое издание «Учебной книги». Вернулся Толстой к власти всемогущим министром внутренних дел — и вновь перерыв. Важный, как кажется, штрих в истории взаимоотношений правительственной бюрократии и великого историка государственной школы. Всего «Учебная книга русской истории» выдержала 14 изданий, последнее — в военном 1915 г. Затем настали иные времена.

Чем привлекал учебник Соловьева? Почему он счастливо избежал участи тех учебных пособий, что способны внушить ученику лишь стойкую нелюбовь к истории и нежелание знать прошлое своей родины?

Соловьев сумел изложить русскую историю просто и понятно, его сведения точны и безукоризненно отобраны. В сменяющейся череде князей и царей, в перечне битв и договоров историк раскрывал закономерный процесс возникновения и развития российской государственности, утверждавшей основы европейской христианской цивилизации на бескрайних просторах Восточной Европы, Урала и Зауралья — вплоть до Тихого океана. В противовес «Русской летописи для первоначального чтения» Соловьев пренебрегал в учебнике занимательностью изложения, был подчеркнута сух и фактографичен, редко высказывал прямые авторские суждения. Но в главе о царствовании Михаила Федоровича он счел необходимым отметить: «Русские люди, отодвинутые Столбовским и Поляновским договорами от образованного Запада, в пустынях Северной Азии полагали начатки гражданственности европейской, ибо приносили с собой христианство».

Характерно, что о крещении Руси в учебнике сказано немного, но весь дальнейший ход русской истории автор прямо связывал с началами христианства. Падение народной нравственности после татарского нашествия он, к примеру, объяснял тем, что «русские все более и более удалялись от европейских христианских народов и находились в постоянном сообщении только с азиатскими нехристианскими народами, от которых нечего было заимствовать хорошего».

Соловьев — историк христианский, он убежденный европоцентрист, и именно с этих позиций он судит о русском народе, завершая главу о внутреннем, достаточно неприглядном, состоянии Московского государства XVII в.: «Нельзя не признать нравственной силы народа, который при самых неблагоприятных исторических условиях, в соседстве и в беспрестанной борьбе и сношениях с азиатскими варварами, раскинутый на громадных пространствах, в стране суровой, вдали от моря, вдали от тех европейских народов, которые, благодаря стечению разных счастливых условий, преимущественно трудились для граждан-

ственности,— успел сохранить свой европейско-христианский образ; трудясь тяжело и скромно при средствах самых скудных, населил громадные необитаемые пространства Восточной Европы и Северной Азии, положил здесь начало европейско-христианской гражданственности; один из всех славянских народов умел составить могущественное государство; в непрерывной борьбе с неблагоприятными обстоятельствами, среди трудной и бедной жизни своей не закозвел нравственно, не утратил способности движения к лучшему».

Наряду с христианством, которое одно дает народу нравственные силы, Соловьев обращал внимание учащихся на государство и его созидательную роль. Подводя итоги Смутного времени, он писал о том страшном опыте смут, несогласий и междоусобиц, что привел русских людей к единению и дал силы «очистить» государство.

Наконец, третьей составляющей русского исторического процесса Соловьев считал просвещение, развитие которого он прослеживал от времени «первых князей русских». В конечном итоге, полагал ученый, не внешняя, материальная, сила, не государство, но одно просвещение меняет грубые нравы и обычаи. Объясняя темные стороны петровских преобразований, он писал: «Просвещение, которое должно внушить человеку понятие о достоинстве человека и гражданина и заставить его поступать сообразно с этим достоинством,— просвещение только что начиналось и потому не могло еще оказать сильного влияния на смягчение нравов; науку призывали как мастерство, выгодное, необходимое для силы государства и удобств частной жизни; происходила первоначальная черная работа для удовлетворения первым материальным потребностям государства; а такая работа не могла быть благоприятна для духовного совершенствования. Вот почему иногда самые деятельные работники, самые деятельные сотрудники Петра пятнали себя безнравственными поступками; вот почему и люди самые благонамеренные, видя зло, полагали спасение в одних крутых, жестоких, кровавых мерах, не понимая, что зло искореняется преимущественно духовными, нравственными средствами».

Выход в свет «Учебной книги русской истории» вызвал появление рецензий, в основном доброжелательных. Н. А. Добролюбов в «Современнике» высоко оценивал книгу именно как учебник по истории, отмечал научность объяснения исторических явлений, но и он, и другие рецензенты указывали на излишнее увлечение деталями, на недооценку «внутренней жизни народа». Книга Соловьева сравнивалась с учебником Д. И. Иловайского «Краткие очерки русской истории» (1860 г.). Возникла даже небольшая полемика о принципах составления учебной литературы по истории. Дальнейшая судьба соловьевского учебника наглядно свидетельствует, что педагогическая общественность приняла его методику и основные положения.

Особого внимания заслуживает обстоятельство, вполне естественно не привлекавшее внимания рецензентов, но странным образом опускаемое в историографических работах: соотносительность «Учебной книги» с общим замыслом «Истории России с древнейших времен». Ко времени работы над учебником Соловьев довел исследовательское изложение событий русской истории в своем главном труде до середины XVII века, до царствования Алексея Михайловича. Впереди была работа над томами, посвященными петровским преобразованиям, кропотливое изучение источников по истории XVIII в. «Учебная книга», в которой рассматривались события новейшей истории России, время Александра I и Николая I, была, таким образом, своеобразным проспектом дальнейших томов «Истории России с древнейших времен», свидетельством цельности соловьевского взгляда на ход русской истории. Христианские начала, укрепление государственности и развитие просвещения определяли, по Соловьеву, то место, что заняла Россия к середине XIX в. среди государств цивилизованного мира

Написанная в разгар возобновившихся споров западников и славянофилов, «Русского вестника» и «Русской беседы», «Учебная книга» содержала в высшей степени интересное суждение историка-западника о возможности и уместности прямого заимствования. Сравнивая Петра I и Екатерину II, Соловьев избегает

крайностей западничества: «Цель у Петра и у Екатерины была одна: цивилизовать Россию по образцу, представляемому западными европейскими государствами; но разность в деятельности этих двух знаменитейших государей XVIII века состояла в том, что Петр, находя то, другое, третье нехорошим в России, лучше на западе Европы, прямо переносил это лучшее, по его мнению, на русскую почву; одно принималось легко на этой почве, другое принималось с большим трудом, требуя новых более благоприятных для себя условий, иное вовсе не принималось на почве для него неудобной, не приготовленной историею. Екатерина же II в своей преобразовательной деятельности руководилась преимущественно началами, добытыми в ее время европейскою наукою, причем постоянно справлялась, что возможно для России, по ее особенным условиям».

Прочитанная в конце XX в., «Учебная книга русской истории» производит двойственное впечатление: с одной стороны, перед нами плотное, насыщенное фактами, именами и датами изложение отечественной истории, которое, пожалуй, превосходит любой школьный учебник, изданный в последние десятилетия; с другой стороны, стремление автора уклониться от «высших взглядов» на историю несколько озадачивает, особенно если иметь в виду всю совокупность соловьевского научного наследия. Возможно, последнее обстоятельство связано именно с учебным, школьным характером книги, главное назначение которой — дать добротный фактический материал.

Особенность русской общественной и в меньшей степени исторической мысли соловьевского времени заключалась в стремлении объяснить, интерпретировать ход истории, шегольнуть оригинальностью суждений, редко основанных на изучении исторических источников. В том и состоит педагогическая заслуга Соловьева, что он, историк, имевший ясно выработанные взгляды общетеоретического характера, непротиворечивую концепцию русского исторического развития, избежал соблазна самовыражения и создал полезную книгу, достойную лучших традиций российской школы.

И последнее: и некоторые современники, и исследователи творчества Соловьева нередко упрекали ученого в избыточном патриотизме, в патриотических преувеличениях. При этом не проводилась грань между национализмом, способным скомпрометировать любое научное сочинение и вполне чуждым Соловьеву, и государственным, российским патриотизмом, естественным у историка, гордившегося своей принадлежностью к великому государству и писавшего его историю. Суждения, которые высказывались по этому поводу, подчас трудны для понимания, например, соловьевский патриотизм — «это монархический патриотизм либерала-западника» (С. С. Дмитриев). К счастью, «Учебная книга» не дает никаких оснований ни для подобных упреков, ни даже для высказываний об общественно-политических воззрениях автора.

Единственное отмеченное выше указание Соловьева на «особенные условия» России было сделано как бы вскользь, хотя его значение трудно переоценить. В канун крестьянской реформы знаменитый спор западников и славянофилов, в котором молодой Соловьев занимал столь определенные позиции, в значительной степени исчерпал себя. Дальновидные представители славянофильства и западничества, Самарин и Кавелин, равным образом понимали, что успех будущей реформы и всех реформаторских планов правительства зависит как от усвоения западноевропейского опыта, так и от вдумчивого учета российских особенностей. Понимал это и Соловьев.

Изменение общественно-политических воззрений ученого, отчасти коснувшееся и его научных взглядов, легко проследить по работам, написанным в пореформенные годы. В это время Соловьев, зрелый исследователь, университетский администратор, обремененный многочисленными обязанностями, продолжал работать много и плодотворно. В 1863—1867 гг. он выпустил 13—18-й тома «Истории России», посвященные эпохе Петра I. Обобщив огромный материал, Соловьев создал наиболее полную в русской исторической литературе историю преобразований Петра I, его внутренней и внешней политики. Стержнем всех шести томов стала идея неизбежности, исторической закономерности реформ

Петра Великого, которые понимались как революция. В четырнадцатом томе петровские реформы названы «нацёй революцией в начале XVIII века», которая «была необходимым следствием всей предшествовавшей нацёй истории». По Соловьеву, Петр I не стоял над народом, а шел вместе с ним: «Он является вождем в деле, а не создателем дела, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру». Историк интересно сопоставлял преобразования Петра Великого с событиями Великой французской революции. В России, во Франции «болезни накопились вследствие застоя, односторонности, исключительности, но во Франции слабое правительство не устояло и произошли известные печальные явления, которые до сих пор отзываются в стране; в России один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был природенный глава государства».

Мысли, ставшие стержнем петровских томов «Истории России», Соловьев дополнил и уточнил в 1872 г., в знаменитой работе «Публичные чтения о Петре Великом». Это произведение — одно из лучших в соловьевском научном наследии. Вложив все силы души, все мастерство лектора и все научные знания в публичные чтения о Петре Великом, ученый создал законченное исследование, которое может служить образцом композиции исторического труда.

В 1872 г. Россия праздновала двухсотлетие со дня рождения Петра I. В рамках петровского праздника Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете была устроена всероссийская выставка, названная Политехнической. Соловьев был назначен председателем исторического отдела выставки, экспонаты которого затем легли в основу созданного в Москве Исторического музея. В день открытия выставки, 30 мая 1872 г., Соловьев, который был душой петровского праздника, произнес речь, где подчеркнул: «С мыслию о труде ученом, промышленном, о труде, клонящемся к поднятию общественного благосостояния, для русского человека необходимо соединяется мысль об одном человеке: этот человек — Петр Великий. Если бы мы были язычниками, то Петр стал бы для нас божеством — покровителем труда».

Идея труда на благо Отечества, труда, проникнутого началами христианской нравственности и просвещения, легла в основу «Публичных чтений о Петре Великом».

В начале 1872 г. организаторы юбилейных торжеств обратились к Соловьеву с предложением выступить перед широкой аудиторией с лекциями об эпохе Петра I. Это предложение было вполне естественным. Соловьев — общепризнанный глава российской исторической науки, петровская эпоха — центральная тема всего его научного творчества. Публичные лекции, которые академик, заслуженный профессор Московского университета читал в феврале — мае 1872 г. в Колонном зале Благородного собрания, привлекали многочисленную аудиторию, они стали событием общественной жизни.

Главная мысль «Публичных чтений о Петре Великом» — утверждение созидательной, творческой роли государственного начала в русском прошлом и настоящем. Соловьев верил в возможность существования в России «народного» государства, крепость которого определяется силой государственной власти. Для него Петр I — «народный царь», «великий учитель народный», «царь-работник», его преобразования — «народное дело». Исторический материал служил Соловьеву для обоснования тезиса о единстве интересов народа и государства, о благодетельности для России сильной самодержавной власти, понимаемой как явление надсословное, надклассовое. Слушатели историка не только знакомились с эпохой Петра I, но и подводились к убеждению в необходимости для современной России крепкой власти. Крепкой, но либеральной, созидающей. Здесь глубинное содержание «Чтений о Петре Великом» — работы, где исторические взгляды ученого наиболее тесно переплелись с его общественно-политическими воззрениями, где отчетливо высказались фундаментальные положения государственной школы.

Спор о Петре всегда современен, и подспудное общественно-политическое звучание «Публичных чтений» прекрасно раскрыто в соловьевских «Записках»,

где содержатся следующие знаменитые строки: «Преобразования проводятся успешно Петрами Великими; но беда, если за них принимаются Людовики XVI и Александры II. Преобразователь вроде Петра Великого при самом крутом спуске держит лошадей в сильной руке — и экипаж безопасен, но преобразователи второго рода пустят лошадей во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют, и потому экипажу предстоит гибель».

В основе политических убеждений Соловьева лежит кардинальный вывод государственной школы о благодетельности крепкой власти, необходимой и при реформах. Историка беспокоили ослабление государственного начала, смута, активность сил, казавшихся ему антигосударственными. В тех же «Записках» он резко порицал «смелость или дерзость — качества, которые в обществе благоустроенном ведут к виселице, но у нас, в описываемое время, могли повести только к выгодам».

В «Публичных чтениях» политическое неприятие Соловьевым пореформенной действительности, обличение общественной дряблости обретают выразительность, свойственную библейским пророкам, и легко могут быть обращены на последующие события нашей истории: «Горе тому обществу, где сила не находит себе нравственных границ, где она не считается с другими силами, не чувствует обязанности сторониться перед ними, где перед нею расступается доступная ее давлению мягкая слабая толпа, и сила разнуждывается беспрепятственно. Горе тому обществу, которое не может встретить каждую силу строгим допросом: откуда она и куда направлено ее стремление; не может испытать, наступающая ли это сила или фальшивая, самозванная. Горе тому обществу, которое способно преклониться и служить этой фальшивой, самозванной силе. Горе тому обществу, в которое можно вступить, не охорашиваясь нравственно, с полным неряшеством, без уважения к общественному уху в словах своих, без уважения к общественному смыслу в мыслях своих. Горе тому обществу, где порок не ищет темных углов, но горделиво разгуливает при дневном свете по улицам и площадям. Горе тому обществу, которое не умеет поверять ни слов, ни дел, которое безотчетно увлекается, как ребенок, первым движением, первым громким словом».

При всем интересе, который возбуждают политические сентенции Соловьева, не они определяют историографическое значение «Публичных чтений о Петре Великом». Последовательно и обдуманно раскрыл здесь Соловьев свое понимание причин, хода, следствия реформ Петра I, их связь с борьбой за выход к Балтийскому морю, их значение в деле европеизации России. Ученый затронул такие сложные и всегда актуальные проблемы исторической науки, как вопросы о роли личности в истории, о месте России во всемирном историческом развитии, о заслугах русского народа в создании и укреплении российской государственности.

В чтении первом Соловьев дал емкую, хотя и небесспорную формулу: «Только великий народ способен иметь великого человека; сознавая значение деятельности великого человека, мы сознаем значение народа».

В «Чтениях о Петре Великом» ученый сохранил прежнюю идею исторической обусловленности петровских реформ, выразил ее сжато и аргументированно. Дело Петра есть результат «органического» развития русского народа. Петр — «богатырь новой России», чьи преобразования дали русскому народу возможность перейти из одного возраста народной жизни, в котором господствовало чувство, в другой, период господства мысли и той великой силы, что зовется наукой. Соловьев подчеркивал эволюционный характер этого перехода: «Необходимость движения на новый путь была сознана; обязанности при этом определились; народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился».

Петровскую Россию историк сравнивал с Западной Европой эпохи Возрождения и уже не упоминал о Великой французской революции. Главным стал тезис о естественном, «органическом» ходе событий, о тяжком труде, итогом которого должна стать цивилизация страны: «Петр работник, Петр с мозольными ру-

ками — вот олицетворение всего русского народа в так называемую эпоху преобразования. Здесь не было только сближения с народами образованными, подражания им, учения у них; здесь не было только школы, книги — здесь была мастерская прежде всего, знание немедленно же прилагалось, надобно было усиленной работой, «пробыванием в работе» добыть народу хлеб насущный, предметы первой необходимости. Народы в своей истории не делают прыжков: тяжелая работа, на которую был осужден русский народ в продолжение стольких веков, борьба с азиатскими варварами при условиях самых неблагоприятных, борьба за народное существование, народную самостоятельность кончилась — и народ должен был естественно перейти к другой тяжелой работе, необходимой для приготовления к другой деятельности, деятельности среди народов с другим характером, для приготовления себе должного, почетного места между ними».

Теория «органического развития», уподобление народа «органическому телу» свидетельствовали о воздействии на ученого идей позитивизма, которые в исторической науке не были плодотворными. Знаменитые слова о народах, которые в своей истории «не делают прыжков», вызывали к жизни вопрос о том, что ждет народы на исходе их «второго возраста». В «Чтениях» историк склонен подчеркивать необыкновенную силу русского народа, которая особенно проявилась при движении на Запад, при встрече с тамошними цивилизованными народами. Русский народ выдержал натиск европейской культуры: «В первую половину своей истории он долго вел борьбу с Азией, с ее хищными ордами, выдерживая их страшные натиски и заслоняя от них Западную Европу, долго боролся он с ними из-за куска черного хлеба. Вышедши победителем из этой борьбы, он смело ринулся на другую сторону, на Запад, и вызвал чародейные силы его цивилизации, чтобы и с ними помериться. Вызов был принят, и страшен был натиск этих чародейных сил; это уже не был материальный натиск татарских полчищ, это был натиск потяжелее, ибо это был натиск духовных сил, натиск нравственный, умственный».

Величие русского народа в том, что при самых неблагоприятных условиях он оставался народом христианским и благодаря петровским преобразованиям стал достойным членом европейской христианской цивилизации. «Чтения о Петре» историк завершил добрым пожеланием: «Да проходит же народ наш школу жизни, как Петр Великий проходил свою многотрудную школу, и народ наш долгодетен будет на земле».

Как сочетается это пожелание, восходящее к идее исторического прогресса, с теорией «двух возрастов» — этот вопрос Соловьев обошел молчанием.

Со времени появления «Чтений о Петре Великом» прошло многим более ста лет, и, конечно, в пределах настоящих комментариев нет необходимости отмечать отдельные ошибки и неточности Соловьева, указывать на последующие достижения исторической науки. Ясно одно: для своего времени «Чтения» — подлинный шедевр исторической мысли.

Иллюстрацией к этому положению могут служить, в частности, первые страницы чтения второго, где Соловьев рассуждает о том, отстали ли мы от западноевропейских народов «на два века». Вопреки традициям старого западничества он отвергает термин «отсталость» применительно к русскому народу и поясняет: «Движение народов по историческому пути нельзя сравнивать вообще с беганьем детей взапуски или конскими бегами, к которым прилагается слово: отстать. В историческом движении может быть совершенно другое: здесь внутренние силы, средства могут быть равные или даже их может быть больше у того, кто движется медленнее, но внешние условия разные, и они-то заставляют двигаться медленнее, задерживают, и потому надобно внимательно отличать отсталость, происходящую от внутренней слабости при равенстве внешних условий, и задержку, происходящую от различия, неблагоприятности внешних условий при равенстве внутренних».

Один из журналистов, слушавших Соловьева, пересказал мысль оратора в терминах, полностью совпадающих с теми, что в ходу у части нынешних историков, — «отсталость» и «запоздалость». Современная теория «запоздалости»

развития России нередко бывает осложнена рассуждениями об «эшелонах мирового капитализма», о взаимодействии цивилизаций, но в основе их нехитрое соловьевское сравнение с конскими бегами. Что это — блистательное озарение великого ученого или леность, застойность современной исторической мысли? Скорее последнее. Во всяком случае Соловьев потому и преклонялся перед творческой волей и беспримерным трудолюбием Петра I, что ему глубоко чужда была безотрадная теория исторического детерминизма.

В заключение чтения второго, опровергая положения Н. И. Костомарова и А. П. Шапова, которые видели в беглых крестьянах и казаках народных героев, Соловьев высказался с необычной даже для него строгостью: «Нет, все наше сочувствие принадлежит не тем, которые ушли, но тем, которые остались; все наше сочувствие принадлежит тем земским русским людям, которые разработали нашу землю своим трудом великим, подвигом необычайным, потому что были поставлены в самые неблагоприятные обстоятельства, должны были преодолеть страшные трудности, должны были бороться с природою-мачехою, при ничтожных средствах защищать обширную страну от врагов, нападавших на нее со всех сторон, и, несмотря на все препятствия, создали крепкую народность, крепкое государство... Этим людям принадлежит все наше сочувствие, наша память, наша история. Прошедшее, настоящее и будущее принадлежит не тем, которые уходят, но тем, которые остаются, остаются на своей земле, при своих братьях, под своим народным знаменем».

Сейчас при чтении этих слов невольно рождается сомнение: подлинно ли «крепкими» были народность и государство, описанные Соловьевым.

Как ни парадоксально, но эти сомнения усиливаются при знакомстве с последним из представленных в данном томе произведением Соловьева, озаглавленном «Мои записки для детей моих, а если можно, и для других». Перед нами Соловьев-мемуарист.

Историки редко пишут воспоминания, и еще реже их воспоминания бывают интересны. Им трудно дается роль свидетелей своего времени. В русской мемуаристике мы почти не встретим имен историков; известны не слишком значительные воспоминания и автобиографические заметки Н. И. Костомарова, М. И. Семевского, Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, на фоне которых выделяются содержательные мемуары П. Н. Милокова. Но подлинным достижением мемуарной литературы XIX в. стали «Записки» Сергея Михайловича Соловьева, без которых трудно представить картину русской общественной, научной и культурной жизни.

История создания «Записок» сложна и до настоящего времени мало изучена. Их автограф сохранился и находится в московском фонде Соловьева. Три шитые тетради в картонном переплете неписаны рукой ученого, чей почерк неудобочитаем. Исправлений и помарок немного, название — «Мои записки для детей моих, а если можно, и для других» — дано на отдельном листе первой тетради.

Ни внешний вид рукописи, ни особенности расположения материала, ни характер почерка, бумаги, чернил не дают оснований для твердых суждений о времени составления записок. Очевидно, что перед нами скорее черновые записки, нежели завершенная литературная работа. Вопрос о том, предназначал ли Соловьев записки в их нынешнем виде к печати, остается открытым. Старший сын ученого Всеволод вспоминал, что отец желал «пересмотреть, отделать, дополнить и продолжить» записки, но откладывал исполнение до окончания «Истории России».

Анализ содержания «Записок» дает основание говорить о том, что историк работал над ними на протяжении четверти века, что в них с наибольшей полнотой отразились его духовные искания, выразилось его общественно-политическое мировоззрение. Редкая, совершенно необычная откровенность суждений делает соловьевские записки явлением уникальным.

С большой долей определенности можно утверждать, что Соловьев приступил к воспоминаниям на исходе николаевского царствования. К этому времени он прочно утвердился на кафедре русской истории Московского университета, получил учено-литературную известность, обзавелся семьей. Начата была работа

над «Историей России с древнейших времен». Позади остались тревоги молодости, борьба за научное признание. Молодой профессор желал как бы подвести итоги пережитому, осмыслить превращение слабого и хворого сына московского священника, выросшего в скудной материально и интеллектуально среде, в желанного гостя московских салонов и соперника Карамзина.

Соловьев описывал впечатления детства, размышлял над положением духовенства в России, заинтересованно рассказывал о гимназических годах. Трогательное впечатление производит запись, сделанная 15 ноября 1854 г., запись предельно автобиографичная: «Мог ли в самом деле завестись гений в русской гимназии в сороковых годах XIX века? И горе было бы ему, если б он завелся! Было в России просторное для гения время в XVIII и в первой четверти XIX века; но это золотое время прошло, и когда оно возвратится?»

Значительная часть записок была написана во второй половине 1850-х гг., когда отошло в прошлое правление «Николая со товарищи», когда радикально изменилась общественная атмосфера, а сам Соловьев жил надеждами на движение России к правовому строю. В «Записках» подробно описаны университетские годы историка, даны выразительные портреты старых московских профессоров, изложены заграничные впечатления. Много внимания мемуарист уделил людям, сыгравшим в его судьбе важную роль,—попечителю графу С. Г. Строганову и профессору М. П. Погодину. Соловьевские характеристики искренни, пристрастны, несдержанны, они ценнейший материал для суждений о личности самого Соловьева. Тогда же, в конце 50-х годов, Соловьев изложил обстоятельства своего появления на кафедре русской истории, обрисовал «западную партию профессоров», саркастически отозвался о виднейших славянофилах. Стиль Соловьева отточен, высказывания продуманны, хотя порой и беспощадны, его осведомленность велика, и понятно, что «Записки» — желанный источник для исследователей, пишущих о России середины прошлого века.

С точки зрения биографа Соловьева, наибольший интерес представляют не отдельные язвительные отзывы, но обобщенное суждение о русском обществе, относящееся к 1858 г. Размышляя о судьбе декабристов, Соловьев писал: «Крайне небольшое число образованных, и то большею частью поверхностно, с постоянным обращением внимания на Запад, на чужое; все сочувствие — туда, к Западу, ибо там — жизнь, там — движение, там — деятельность; но все это сочувствие и должно было оставаться сочувствием только, единственным выражением которого было слово, и то не публичное, а домашнее, кабинетная или гостиная болтовня; у себя в России нет ничего, где бы можно было действовать тою действительностью, которую привыкли видеть на Западе, о которой привыкли читать и рассуждать. Отсюда — отрицательное отношение к своему, привычка к бесплодному порицанию, к бесплодному протесту, к бесплодной насмешке. Вот откуда насмешливость, сатирическое направление русского человека, — жалкое, страшное настроение!»

1858 год был, с уверенностью можно сказать, переломным в общественно-политической эволюции Соловьева. Именно тогда начался его отход от исторической публицистики, которая столь увлекала ученого два предшествовавших года, именно тогда он стал проникаться мыслью о слабости, несостоятельности русского общества, именно с этого времени его общеисторические взгляды теряют прежний оптимизм. Проследить эти изменения удобнее всего, обратившись к материалам «Записок». Не осуждение правительственной «казарменной системы», не критическое восприятие отдельных личностей, но состояние русского общества приобретает для мемуариста наибольшую важность.

Последние страницы «Записок» были написаны Соловьевым в конце жизни. Об этом свидетельствует, в частности, ссылка на 27-й том «Истории России». Можно отметить и текстуальную близость этих страниц с наброском «О современном состоянии России», который ученый стал составлять в 1879 г. по просьбе наследника престола, будущего императора Александра III.

Соловьев обобщил разнородные факты пореформенной жизни, описал процесс наступления «смуты», когда «уважение к власти рушилось в самодержавном

государстве». Исходная точка отсчета для него — воцарение Александра II: «У всех, начиная с самого императора и его семейства, было стремление вырваться из николаевской тюрьмы; но тюрьма не воспитывает для свободы, и потому легко себе представить, как будут куролесить люди, выпущенные из тюрьмы на свет».

Соловьев указал на обнищание крестьянства и народное пьянство, на разорение помещиков «вследствие уничтожения крепостного права», которое было произведено «революционным образом», на падение общественной и семейной нравственности. Упреки свои он адресует слабой верховной власти, которая немало повинна в том, что не состоялся идеал правового государства и в России «права никакого, кроме права сильного, и это право основано на деньгах».

Но основные претензии ученого — к русскому обществу, лишенному твердости и гражданского мужества, живущему по моде «молчать и не думать» или «кричать и отрицать». Отсутствие нравственной дисциплины, привычки к труду, простого самоуважения вело к усвоению отрицательного взгляда на действительность, к безответственности самозванных вождей, к исповеданию безнадежного принципа: «Создать мы не умеем, нас этому не учили, а существующее скверно, и потому надобно разрушить сплошь все — вот наше дело, а там новое, лучшее, создастся само собою».

Заключительные разделы «Записок» не раз давали повод исследователям мировоззрения Соловьева писать о консерватизме и даже реакционности его позиции. Дело, однако, не в определении политических взглядов историка, всегда придерживавшегося умеренно-либеральных воззрений, но в основательности его суждений о русском обществе. Соловьев одним из первых заметил те общественные явления, что оказали самое губительное воздействие на ход русской истории.

Впервые выдержки из «Записок» были опубликованы Всеволодом Соловьевым в 1896 г. Публикация в журнале «Русский вестник» была крайне неудовлетворительна и вызвала протест Владимира и Михаила Соловьевых, которые обещали со временем издать «Записки» «в надлежащем виде, согласно автографическому подлиннику». Обещание свое братья не исполнили. Лишь в 1907 г. полный текст «Записок» был опубликован в «Вестнике Европы». На основе этой вполне добротной публикации в 1915 г. было сделано отдельное издание «Записок». В 1983 г. они были изданы вновь; текст был сверен с рукописью С. М. Соловьева.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Аббас I (Аббас Великий), шах Ирана из династии Сефевидов 273, 277, 312
- Аббас-Мирза, гос. и военный деятель Ирана, сын Фехт-Али 515
- Абдул (Абдулла), ордынский хан 199
- Абдул-Гамид I, турецкий султан 449
- Абдул-Меджид, сын Махмуда II 527
- Аввакум (Аввакум Петров), протопоп, церковный деятель, идеолог старообрядчества 35—37
- Август II Фридрих, сакс. курфюрст, пол. кор. 69, 85, 87, 89, 90, 94, 119, 122, 124, 126, 381, 383—386, 391, 392, 395, 417, 424, 444
- Август III, пол. кор., сакс. курфюрст 424, 443
- Август IV. См. Понятовский Станислав Август
- Августин (Алексей Васильевич Виноградский), духовный писатель, проповедник, еп. дмитровский, архиеп. московский и коломенский 536
- Авраам, ярославский архиеп., дядя матери С. М. Соловьева 574
- Ага Мохаммед-шах, шах Ирана из Каджарской династии 465
- Агафья. См. Кончака
- Агафья Семеновна (урожденная Грушецкая), царица, жена Федора Алексеевича 357
- Агриппина, в. княгиня, сестра Ивана III 230
- Адам (библ.) 22, 60, 67, 108, 215, 378
- Адамович Симеон, нежинский протопоп 350
- Адашев Алексей Федорович, окольничий, член Избранной рады 251, 252, 255—257
- Адашев Федор Григорьевич, б-н 256
- Адриан, митр. казанский, патриарх московский 110, 111, 377, 396
- Ази-Гирей. См. Хаджи-Гирей
- Аксаков Григорий Сергеевич, сын С. Т. Аксакова 608
- Аксаков Иван Сергеевич, сын С. Т. Аксакова 608
- Аксаков Константин Сергеевич, публицист, общественный деятель, сын С. Т. Аксакова, один из идеологов славянофильства 607, 610, 611
- Аксаков Сергей Тимофеевич, писатель 607
- Аксакова Вера Сергеевна, дочь С. Т. Аксакова 608
- Аксакова Ольга Семеновна, жена С. Т. Аксакова 607
- Аксаковы 607, 608
- Аксинья Ивановна (урожденная Шестова, в монашестве Марфа), жена Ф. Н. Романова 279
- Алегам. См. Али-хан
- Александр I, имп. 479, 493—502, 504—516, 521, 526, 537, 571, 615, 618, 644, 663
- Александр II, имп. 636, 645, 646, 648, 655, 666, 670

* В указателе приняты следующие сокращения: австр.— австрийский, англ.— английский, архим.— архимандрит, библ.— библейский, б-н — боярин, в.— великий, воев.— воевода, ген.— генерал, гос.— государственный, гр.— граф, дат.— датский, еп.— епископ, иг.— игумен, имп.— император, ит.— итальянский, кн.— князь, кор.— король, курф.— курфюрст, литер.— литературный, митр.— митрополит, миф.— мифологический, мон.— монастырь, нем.— немецкий, полк.— полковник, пол.— польский, проф.— профессор, рус.— русский, сакс.— саксонский, фр.— французский, швед.— шведский.

- Александр II, царь Кахети 273, 277
 Александр III, имп. 669
 Александр Александрович, в. кн. 661
 Александр Казимирович, в. кн. литовский, затем пол. кор., сын Казимира IV 235—237, 243
 Александр Македонский, царь, полководец 105
 Александр Михайлович, кн. тверской, в. кн. владимирский, сын кн. Михаила Ярославича 193—195
 Александр Павлович, в. кн. См. Александр I
 Александр Ярославич Невский, кн. новгородский, в. кн. владимирский, сын Ярослава II 185—187, 190, 198, 204, 227
 Александровичи, сыновья Александра Невского 191
 Алексей (Алексий), митр. 198, 199, 222, 398
 Алексей, священник, идеолог новгородско-московской ереси 239
 Алексей Михайлович, царь 29, 41, 42, 46, 58, 74, 106, 139, 321, 331—333, 335, 336, 338—341, 345, 348, 350, 352, 354, 355, 358, 359, 360, 362, 366, 367, 369, 377, 380, 388, 396, 400, 442, 451, 514, 644, 663
 Алексей Петрович, царевич, сын Петра I 138—141, 381, 410—412, 419
 Алексей Петрович Хвост, б-н, московский тысяцкий 198
 Али-хан, хан казанский 234, 235
 Альберт, еп. рижский 174
 Альбрехт Бранденбургский, последний гротмейстер Тевтонского ордена, первый герцог Пруссии 244
 Альфонский Аркадий Алексеевич, хирург, проф. медицинского факультета, ректор Московского университета 614, 622, 633
 Амвросий (Зертис-Каменский), митр. московский 450, 451
 Аммос, протопол Софийского собора в Новгороде 304
 Ананьин, новгородский посадник 229
 Анастасия Романовна, царица, первая жена Ивана IV, дочь Р. Ю. Кошкина-Захарьина 250, 256, 257, 265
 Андрей Александрович, кн. городецкий и костромской, в. кн. владимирский, сын Александра Невского 191, 192, 198
 Андрей Боголюбский, кн. владимиро-суздальский, сын Юрия Долгорукого 91, 167, 170—174, 569, 575
 Андрей Васильевич Большой, кн. углицкий, сын Василия II 214, 231, 232
 Андрей Васильевич Меньшой, кн. вологодский, сын Василия II 214
 Андрей Владимирович Добрый, кн. владими́ро-во́лыньский, затем переяславский, сын в. кн. киевского Владимира Мономаха 167
 Андрей Дмитриевич, кн. белозерский и можайский, сын Дмитрия Донского 209
 Андрей Иванович, кн. серпуховской и боровский, сын Ивана I Калиты 197, 198
 Андрей Иванович Меньшой, кн. старичский, сын Ивана III 237, 242, 247—249
 Андрей (Вингольд) Ольгердович, кн. полоцкий 197
 Андрей Ярославич, в. кн. владимирский, брат Александра Невского 186, 198
 Андронов Федор, бывший купец-кожевник, казначей царской казны 293, 297, 299, 300
 Анна, византийская царица, жена в. кн. Владимира I 159
 Анна Гугулевичевна 329
 Анна Ивановна, императрица, дочь царя Ивана V Алексеевича 378, 392, 416, 418—423, 425, 435, 442, 443, 473, 644
 Анна Леопольдовна, правительница России при ребенке-имп. Иване VI Антоновиче, внучка Ивана V 426, 427, 430, 441
 Анна Петровна, царица, дочь Петра I 412, 413, 414, 418
 Анна Федоровна, в. княгиня, жена в. кн. Константина Павловича 512
 Антон Ульрих, принц брауншвейгский 425—427
 Антоний, архиерей, первоприсутствующий член Св. Синода 537
 Антоний Печерский, основатель и первый иг. Киево-Печерского мон. 182, 183
 Антонский. См. Прокопович-Антонский
 Апостол Даниил Павлович, полк., последний выборный гетман Левобережной Украины 391, 417, 423
 Апраксин Степан Федорович, ген.-фельдмаршал 430, 431
 Апраксин Федор Матвеевич, гр., ген.-адмирал 130, 131, 393, 395, 408, 412, 413

- Аракчеев Алексей Андреевич, гр., гос. деятель, ген. от артиллерии 498, 510, 618
- Арапша, татарский царевич 203
- Аристотель, древнегреческий философ 16
- Аристотель Фиораванти, ит. зодчий 238
- Арналь, фр. артист 582
- Арсений Сатановский, киевский ученый монах 343, 352
- Аскольд, древнерус. кн. 157
- Ахмат (Ахмед), хан Золотой Орды 233, 234, 245
- Бабст Иван Кондратьевич, экономист, историк, журналист, проф. политической экономии Казанского и Московского университетов 629
- Багратион Петр Иванович, кн., ген. от инфантерии 495, 498—500
- Багров (литер.) 607
- Байер Готтлиб Зигфрид, нем. историк, филолог, член Петербургской АН, основоположник норманнской теории 440, 568
- Бакунин Михаил Александрович, революционер, теоретик анархизма, один из идеологов народничества 584
- Баловень, казачий атаман 310
- Барабаш Яков Федорович, кошевой атаман Запорожской Сечи, один из руководителей народного восстания на Левобережной Украине 339
- Баранович Лазарь, украинский церковно-политический деятель, писатель, еп. черниговский 350, 352
- Баратынский. См. Борятинский
- Барклай де Толли Михаил Богданович, кн., ген.-фельдмаршал 496, 498, 499
- Барсуков, торговец и судовладелец 143
- Баршев, декан юридического факультета Московского университета 642
- Басалаев И. Н., историк 532
- Басенок Федор. См. Федор Басенок
- Басманов Алексей Данилович, б-н 259
- Басманов Иван Федорович, воев. 280
- Басманов Петр Федорович, воев., приближенный Бориса Годунова 282—285
- Баторий Стефан, пол. кор., полководец 261—263, 269, 271, 533
- Батый (Бату), монгольский хан, внук Чингисхана, хан Золотой Орды 177, 178, 185, 186, 188, 214, 216, 226, 245
- Башкин Матвей Семенович, вольнодумец, дьяк 267
- Бегич, татарский посол 203
- Безбородко Александр Андреевич, гос. деятель, дипломат, светлейший кн. 466
- Бек Август, нем. филолог 577
- Беккариа Чезаре, ит. просветитель, юрист, публицист 467
- Беклемищев (Берсень) Иван Никифорович, б-н 241
- Беклемищев Иван Николаевич, б-н 241
- Белинский, шляхтич 320
- Белинский Виссарион Григорьевич, литер. критик, публицист, философ 626
- Белле, капитан-лейтенант 488, 489
- Бельский Богдан Яковлевич, кн., фаворит Ивана IV, родственник Малюты Скуратова, один из претендентов на русский престол в 1598 г. 270, 278, 283
- Бельский Иван Федорович, кн., б-н, воев. московский, сын. кн. Федора Ивановича 249
- Бельский Федор Иванович, кн. 236
- Бельский-Гедиминович. См. Бельский Иван Федорович
- Беляев Иван Дмитриевич, историк, славянофил 596, 640
- Беляков Михаил Игнатьевич, инспектор Первой московской гимназии, преподаватель естественной истории, инспектор казенных училищ 544, 549
- Беннигсен Леонтий Леонтьевич, гр., ген. от кавалерии 502
- Березников, издатель летописей в Археографической комиссии 574
- Беринг Витус Йонассен (Иван Иванович), мореплаватель, офицер рус. флота 413
- Беринг Меропа. См. Новосильцева М.
- Берке, хан Золотой Орды, младший брат Батые 186, 187
- Бернарот Жан Батист, маршал Франци, в 1818—1844 швед. кор. Карл XIV Юхан, основатель династии Бернаротов 504
- Бернсторф, мекленбургский министр в Ганновере 393
- Берсень. См. Беклемищев И. Н.
- Бестужев (Бестужев-Рюмин) Михаил Петрович, брат А. П. Бестужева, гр., дипломат 130
- Бестужев-Рюмин Алексей Петрович, гр., гос. деятель, дипломат, ген.-фельдмаршал 130, 408, 430, 431

- Бецкий Иван Иванович, деятель просвещения 475, 476
- Бибиков Александр Ильич, гос. и военный деятель, ген.-аншеф, сенатор 453, 454
- Бидлоо Николай, голландский врач 112
- Биргер Ярль, правитель (ярль) Швеции 185
- Бирон Петр, герцог курляндский 463
- Бирон Эрнст Иоганн, гр., фаворит императрицы Анны Ивановны, герцог курляндский 419—421, 425—428, 430, 441
- Бисмарк Отто фон Шенхаузен, кн., первый рейхсканцлер Германской империи 656
- Благова, мать ученика С. М. Соловьева 602
- Благовещенский Николай Михайлович, проф. рус. словесности в Казанском, затем в Петербургском университетах, ректор Варшавского университета 590
- Бланки, автор истории политэкономии 592
- Блуд, воев., советник при кн. Ярополке Святославиче 158
- Блудов Дмитрий Николаевич, гос. деятель, один из учредителей «Арзамаса», президент Петербургской АН 606, 638—640
- Блюментрост Лаврентий Лаврентьевич, врач, лейб-медик Петра I, первый президент Петербургской АН 405
- Блюхер Гебхард Леберехт, кн. Вальштатт, прусский ген.-фельдмаршал 504—506
- Богачев, ученик гимназии при Московском университете 550
- Богущ, генеральный секретарь Барской конфедерации 447
- Бодянский Осип Максимович, филолог и историк, член-корреспондент Петербургской АН, один из первых славистов в России 599, 623, 624
- Божениновы, торговцы и судовладельцы 143
- Болеслав I Храбрый (Смелый), кн., затем пол. хор. из династии Пястов 160, 161, 164
- Болотников Иван Исаевич, предводитель восстания 1606—1607 гг. 287, 288, 453, 568, 571
- Болтин Иван Никитич, историк, гос. деятель 479—481, 623
- Борецкая Марфа (Марфа Посадница), вдова новгородского посадника И. А. Борецкого 228, 575
- Борецкие (Исаковы), дети новгородского посадника И. А. Борецкого 228
- Борецкий Исаак (Исак) Андреевич, новгородский посадник 228
- Борис Александрович, в. кн. тверской 193, 210
- Борис Васильевич, кн. волоцкий, сын Василия II 214, 231, 232
- Борис Владимирович, кн. ростовский, сын Владимира I, канонизирован 160, 161
- Борис Вячеславич, кн., сын кн. Вячеслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого 164
- Борис Годунов, царь, брат царицы Ирины Федоровны, жены царя Федора Ивановича 29, 34, 74, 269—272, 274—283, 286, 309, 420, 634
- Борис Данилович, кн., брат кн. московского Юрия Даниловича 193
- Борис Константинович, кн. нижегородский и горюецкий, сын кн. Константина Васильевича 199, 200, 205
- Борятинский Даниил Афанасьевич, кн., б-н, воев. 348
- Борятинский Юрий Никитич (Барятинский Юрий), кн., окольничий 348
- Браницкий Ксаверий, пол. магнат 460
- Бранкован. См. Брынковяну К.
- Брант, голландский корабельный мастер 55, 375
- Брут Марк Юний, глава (совместно с Кассием) заговора против Цезаря 616
- Брынковяну (Бранковяну) Константин, господарь Валахии 392
- Брюль Генрих фон, гр., пол.-сакс. министр 443
- Брюс Яков Вилимович, гос. и военный деятель, сподвижник Петра I, ген.-фельдмаршал 394, 395, 409, 440
- Брюховецкий Иван Мартынович, гетман Левобережной Украины 340, 341, 349, 350, 388
- Брячислав Изяславич, кн. галицкий, сын Изяслава Владимировича, племянник кн. Ярослава I 161
- Булавин Кондратий Афанасьевич, донской казак, предводитель крестьянско-казацкого восстания 1707—1709 гг. 117, 118, 387, 451
- Булгаков Яков Иванович, дипломат 458

- Бурбоны, династия фр. королей 519, 520
- Буренин, автор учебника по тригонометрии 662
- Бурундай, баскак 189
- Бутков Петр Григорьевич, историк-дилетант 568
- Бутурлин Александр Борисович, гр., ген.-фельдмаршал, главнокомандующий рус. армией в 1760—1761 гг. 431
- Бутурлин Василий Васильевич, военный деятель, дипломат 337
- Бутурлин Иван Иванович, стольник, ген., участник Северной войны 55
- Буффе, фр. артист 582
- Бычков Афанасий Федорович, археолог 574
- Бэкон Фрэнсис, англ. мыслитель, естествоиспытатель, гос. деятель 37
- Вадим (литер.) 477
- Валуев Дмитрий Александрович, историк, славянофил 606, 610
- Вальдемар, дат. принц, сын Кристиана IV 320, 331
- Вандам, фр. ген. 504
- Варвинский, проф. медицинского факультета Московского университета 604
- Варлаам, митр. 241
- Варфоломей. См. Сергей Радонежский
- Василек Романович, кн. владимиро-волинский, брат кн. галицкого Даниила Романовича 196
- Василий I Дмитриевич, в. кн. московский, сын Дмитрия Донского 204—208, 213, 222, 223, 248, 250
- Василий II Васильевич Темный, в. кн. московский, сын Василия I Дмитриевича 208—213, 215, 219, 223, 227, 230, 231, 234
- Василий II, имп. византийский 159
- Василий III Иванович, в. кн. московский, сын Ивана III 233—237, 241—248, 250, 251, 269
- Василий IV Шуйский, царь, сын кн. И. А. Шуйского 274, 281—296, 300, 302, 303, 309, 318, 453
- Василий Иванович, кн. новгород-северский, внук Дмитрия Юрьевича Шемяки 230, 236, 237, 247
- Василий Михайлович, кн. верейский, сын кн. верейского Михаила Андреевича 231
- Василий Семенович, кн. стародубский 247
- Василий Юрьевич Косой, кн. звенигородский, сын кн. Юрия Дмитриевича 209, 210
- Василий Ярославич, кн. костромской, в. кн. владимирский, брат Александра Невского 187, 188, 191, 192
- Василий Ярославич, кн. серпуховской и боровский 210, 211
- Василько Романович, кн. волинский, сын кн. галицкого Романа Мстиславича 174, 189
- Василько Ростиславич, кн. теребовльский, сын кн. Ростислава Владимировича 163—166
- Васильчиков, кн. 613
- Вассиан, архиеп. ростовский 233, 234
- Вассиан Косой (Патрикеев Василий Иванович), кн., писатель, глава нестяжателей с 1508 г., постригся в монахи 241—243
- Вейсман, полк., затем ген.-майор 449
- Велес (миф.) 155
- Велизарий. См. Румянцев-Задунайский
- Велисарий, византийский полководец имп. Юстиниана I 355, 463
- Веллингтон Артур Уэлсли, герцог, англ. фельдмаршал 506
- Вельяминов, бригадир 409
- Вельяминов Василий Васильевич, б-н, московский тысяцкий 198, 201
- Вельяминов Иван Васильевич, сын В. В. Вельяминова 201
- Вельяминов Николай Васильевич, сын В. В. Вельяминова 201
- Венгерский, камергер 462
- Венеитинов Алексей Владимирович, брат поэта и критика Д. В. Венеитинова, дружил с многими членами славянофильского кружка 606
- Венелин (Гуца) Юрий Иванович, ученый, исследователь славянских языков и славянских народов 560, 569
- Венера (миф.) 603
- Венявский, комендант Кракова 462
- Вернадский Иван Васильевич, экономист, профессор Киевского и Московского университетов 590, 591
- Вершинский, священник 582
- Вико Джамбаттиста, ит. философ 573
- Вильнев, фр. посланник в Константинополе 425
- Виниус Андрей Андреевич, гос. деятель и организатор горно-металлургического производства в России, сын А. Д. Виниуса 67, 89
- Виниус Андрей Денисович, голландец, купец и промышленник, организатор

- металлургических мануфактур под Тулой и в других районах 67, 89, 90, 144, 322
- Витгенштейн Петр Христианович, светлейший кн., ген.-фельдмаршал 504, 518
- Витовт (Витаутас), в. кн. Литвы, сын Кейстута 200, 202, 206, 207, 212, 213, 222, 223, 235
- Вишневецкий Адам Александрович, кн. 280
- Вишневецкий Дмитрий Иванович, кн., украинский магнат, староста каневский и черкасский 254
- Вишневецкий Иеремия Михайлович, кн., украинский и пол. магнат 335
- Владимир I (Святой), кн. новгородский, затем киевский, сын кн. киевского Святослава Игоревича 158—163, 184, 223, 235, 611
- Владимир II Мономах, кн. смоленский, черниговский, переяславский, в. кн. киевский, сын Всеволода I и дочери византийского имп. Константина Мономаха 164—170, 183, 184, 187
- Владимир Андреевич, кн. старицкий, сын Андрея Ивановича Меньшого 249, 256, 259, 260
- Владимир Андреевич Храбрый, кн. серпуховской и боровский, сын кн. Андрея Ивановича 197—199, 201, 203, 204, 206, 208
- Владимир Василькович, кн. владимиро-волинский, сын кн. Василька Романовича 196
- Владимир Ярославич, кн. галицкий, сын Ярослава Осмомысла 174
- Владимир Ярославич, кн. новгородский, сын Ярослава Мудрого 161, 163
- Владимирко (Владимир) Володаревич, кн. галицкий, сын кн. Володаря Ростиславича 168
- Владислав II Ягелло. См. Ягайло
- Владислав III, кор. пол. и венгерский, сын Владислава II Ягайлы 213
- Владислав IV Ваза, пол. кор., сын Сигизмунда III 292, 296—301, 304, 309, 313, 316—318, 320, 321, 331, 335, 541
- Воейков, воев. 277
- Возницын Прокопий Богданович, дипломат 379
- Воишелк, сын в. кн. литовского Миндовга 189, 190
- Волков, учитель в гимназии при Московском университете 550
- Волков Федор Григорьевич, актер и театральный деятель 442
- Волконский Федор Федорович, кн., 6-н, окольничий 333, 334
- Володарь Ростиславич, кн. перемышльский, сын кн. Ростислава Владимировича 163—165, 168
- Волос. См. Велес
- Волинский Артемий Петрович, гос. деятель, дипломат 408, 420, 421, 429
- Волинский-Боброк Дмитрий Михайлович, воев. 202, 203
- Воронцов Михаил Иларионович, гр., гос. деятель, дипломат 431
- Воронцов Федор Семенович, 6-н 249, 250
- Воротынские, князья, бояре 270, 299
- Воротынский Иван Михайлович, кн., 6-н, воев. 295, 299, 300, 307, 311
- Воротынский Михаил Иванович, кн., воев. 261
- Вронченко, министр финансов 617
- Всеволод I Ярославич, кн. переяславский, черниговский, в. кн. киевский, сын Ярослава Мудрого 163—165, 167
- Всеволод II Ольгович, кн. черниговский, в. кн. киевский 168—170
- Всеволод III Большое Гнездо, в. кн. владимирский, сын Юрия Долгорукого 171—175, 185, 227, 233
- Всеволод Мстиславич, кн. новгородский, переяславский, псковский, сын в. кн. киевского Мстислава Владимировича, внук Владимира Мономаха 167, 168
- Всеволодский Иван Дмитриевич, 6-н 208
- Вулкан (миф.) 107, 603
- Выговский Иван Евстафьевич, украинский гетман 339, 340, 388
- Высоцкий, поручик, основатель тайного общества в Польше 520
- Вяземский Александр Алексеевич, кн., гос. деятель 466
- Вяземский Афанасий Иванович, кн. 259
- Вяземский Петр Андреевич, кн., поэт, литер. критик, академик Петербургской АН 638, 639
- Вячеслав Владимирович, кн. туровский, в. кн. киевский, сын Владимира Мономаха 167—169
- Вячеслав Ярославич, кн. смоленский, сын Ярослава Мудрого 163, 164
- Габсбурги, династия монархов 85
- Гагарин, кн. 582
- Гагарин Матвей Петрович, кн., сибирский губернатор 135

- Галаган Игнатий Иванович, украинский казачий полк. 391
- Ганделиус Эразм, имперский посол 311
- Ганка Вацлав, чешский общественный деятель, филолог, историк 587, 589
- Гаррис, англ. посланник в Петербурге 455
- Гастфер, гр., рижский ген.-губернатор 383
- Гаютин Василий, стрелецкий голова 304
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих, нем. философ 563, 572
- Гедон Болобан, еп. львовский 327
- Гедимин (Гедиминас), в. кн. литовский 196, 233
- Гедминовичи, потомки Гедимины 217, 269
- Геза II, правитель Венгрии 169
- Гейден, командир рус. эскадры в Наваринской битве 517
- Гейза II. См. Геза II
- Геласий, митр. крутицкий 274
- Геннадий, архиеп. новгородский 239, 240
- Геннин Виллим Иванович (де Геннин Георг Вильгельм), голландец на рус. службе, ген.-лейтенант, начальник Олышанских и Уральских горных заводов 144
- Генрих III Валуа (Анжу), пол. кор., фр. кор. 262
- Генрих IV, фр. кор. 463, 464
- Генрих Анжуйский. См. Генрих III
- Георг I, англ. кор., первый из Ганноверской династии 127, 394
- Герберштейн Сигизмунд фон, нем. дипломат, автор «Записок о московских делах» 241
- Гергей Артур, диктатор Венгрии 528
- Герман, ген. 492
- Герман Иоган, нем. филолог 577
- Гермоген, рус. патриарх 285, 296, 301, 302, 306
- Геродот, древнегреческий историк 567
- Герц Георг Генрих, барон, швед. министр 127, 394, 395
- Герцберг, прусский министр 458, 459
- Герцен Александр Иванович, общественный деятель, писатель, философ 605, 628, 629
- Герье Владимир Иванович, историк, организатор Высших женских курсов в Москве 661
- Гиббон Эдуард, англ. историк 573
- Гизо Франсуа, фр. историк 584
- Гилленборг Карл, швед. гос. деятель 394, 395
- Гирей (Гёрай), династия крымских ханов 234, 245, 246, 252, 449
- Глеб Владимирович, кн. муромский, сын Владимира I, канонизирован 160, 161
- Глеб Юрьевич, кн. переяславский, сын Юрия Долгорукого 171
- Глебов, ген. 412
- Глебов, проф. медицинского факультета Московского университета 604
- Глинская Анна, княгиня 251
- Глинские, литовские и рус. князья 251
- Глинский Василий Львович, кн., отец Елены Глинской 242
- Глинский Михаил Васильевич, кн., б-н, сын В. Л. Глинского 251
- Глинский Михаил Львович, кн., приближенный Василия III 242—244, 247
- Глинский Юрий Васильевич, кн., сын В. Л. Глинского 251
- Гогенштауфены. См. Штауфены
- Годуновы, бояре 269, 282
- Годфрид Яган 354
- Голенищев Афиноген Федорович, дьяк 304
- Голиаф (библ.) 415
- Голиков Иван Иванович, историк, археолог 479
- Голицын, кн., воспитанник пансиона при Московском университете 561
- Голицын Александр Михайлович, кн., ген.-аншеф, затем ген.-фельдмаршал 448, 454
- Голицын Александр Николаевич, гос. деятель, обер-прокурор Синода, министр духовных дел и народного просвещения 537
- Голицын Андрей Васильевич, кн., б-н 300
- Голицын Борис Алексеевич, кн., дядька-воспитатель Петра I 375, 376, 379
- Голицын Василий Васильевич, кн., б-н, воев., участник заговоров против Лжедмитрия I и Василия Шуйского 282, 284, 285, 295—298, 300—302, 313
- Голицын Василий Васильевич, кн., б-н, глава Посольского приказа 42, 59, 356, 367, 372, 373
- Голицын Дмитрий Васильевич, московский ген.-губернатор 555
- Голицын Дмитрий Михайлович, кн., сенатор 408, 412, 413, 418
- Голицын Дмитрий Михайлович, кн., сын М. Н. Голицына 554, 555
- Голицын Иван Васильевич, кн. 282

- Голицын Михаил Михайлович, кн., ген., затем ген.-фельдмаршал 95, 388, 393, 408
- Голицын Михаил Николаевич, кн. 554
- Голицын Николай Михайлович, кн., сын М. Н. Голицына 556
- Голицын Сергей Михайлович, кн., почитатель Московского учебного округа 545
- Голицына (урожденная Вельяминова), жена М. Н. Голицына 555
- Голицына Татьяна Васильевна, княгиня, жена московского ген.-губернатора 545
- Голицыны, княжеский род 299, 408, 412, 420, 554, 556
- Головин Федор Алексеевич, гр., ген.-адмирал, ген.-фельдмаршал, дипломат 61, 76, 88, 104, 129, 373, 378, 406, 408
- Головин, секретарь в. кн. Константина Николаевича 636
- Головкин Гаврила Иванович, гр., постельничий, гос. деятель, сподвижник Петра I 129, 130, 395, 408, 413, 427
- Голохвастов Дмитрий Павлович, помощник попечителя, затем попечитель Московского университета 557, 558, 603, 614, 631
- Голый Никита, донской казак, предводитель гольтыбы в Булавинском восстании 387, 388
- Гонсевский Александр, пол. наместник в Москве, велижский староста 297—299, 303, 307, 311, 340
- Гонта Иван, сотник надворных казаков пол. магнатов Потоцких, участник движения гайдамаков, один из руководителей восстания 1768 г. на Правобережной Украине 447
- Гордон Патрик, рус. ген. и контр-адмирал, шотландец, один из учителей и сподвижник Петра I 377, 378, 381
- Горский Александр Алексеевич, историк, археограф, ректор Московской духовной академии 539
- Гофман, историк («Энциклопедия древностей») 592
- Гофман, немец, преподаватель греческого языка в Московском университете 566, 567
- Грамотин Иван Тарасович, думный дьяк, печатник, сторонник Лжедмитрия I, Лжедмитрия II, приближенный Филарета, возглавлял Посольский и другие приказы 293
- Грановский Тимофей Николаевич, историк, общественный деятель, проф. всеобщей истории Московского университета 560, 564, 565, 567, 572, 593, 595—599, 602—605, 610, 614, 624, 627—629, 634, 642—644
- Грейг Самуил Карлович, адмирал 448
- Грибовский Адриан Моисеевич, статс-секретарь Екатерины II, автор мемуаров 481
- Грибоедов Александр Сергеевич, писатель, дипломат 518
- Грибоедов Федор, дьяк 333
- Григорий XIII, папа римский 263
- Григорий Цамблак, митр. киевский 223
- Григорович Виктор Иванович, славист, член-корреспондент Петербургской АН 624
- Григорьев Аполлон Александрович, литер. критик, поэт 612
- Григорьев Василий Васильевич, востоковед 574
- Грудзинская, графиня, княгиня Лович, жена в. кн. Константина Павловича 512
- Гудович, гр. 496
- Гуровский, гр., депутат сейма 445
- Гусев Владимир, дьяк 238
- Густав, швед. принц 276
- Густав I Ваза, швед. кор. 254
- Густав II Адольф, швед. кор., полководец 84, 312—315
- Густав III, швед. кор. 459, 477
- Густав IV, швед. кор. 495, 496
- Давыдов Иван Иванович, проф. Московского университета, затем директор Главного педагогического института в Петербурге 560—562, 568, 571, 595—599, 623, 633, 634
- Давид Игоревич, кн. вольнский, дорогобужский, сын кн. владимирово-вольнского Игоря Ярославича, внук Ярослава Мудрого 164, 166
- Давид Святославич, кн. владимирово-вольнский, сын Святослава II Ярославича 166, 167
- Даву Луи Никола, маршал Франции 499
- Давыдов Денис Васильевич, ген.-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 г., писатель, поэт 502
- Дажбог (миф.) 155
- Даниил. См. Негош Данило Петрович
- Даниил, иг. Иосифо-Волоколамского мон., затем митр. 242, 249
- Даниил, иг., паломник 184

- Даниил Александрович, кн. московский, сын Александра Невского 191, 195
- Даниил Заточник (литер. псевдоним, настоящее имя не установлено), автор «Слова Даниила Заточника» (XII в.) 184
- Даниил Романович, кн. галицкий, сын кн. галицкого Романа Мстиславича 174, 176, 177, 188—190, 196
- Данилов Михаил (Кузьма) Васильевич, майор, ученый-артиллерист, автор мемуаров 441, 478
- Дашкова Екатерина Романовна, княгиня, деятельница культуры, директор Петербургской АН, президент Российской академии, автор мемуаров 481
- Дверницкий, пол. ген. 524
- Де Ге Курменен. См. Деганс Людвиг
- Девлет-Гирей II, крымский хан 456
- Деганс (де Ге Курменен) Людвиг, фр. посол в Россию 315
- Дежазе, фр. актриса 582
- Делагарди Якоб, гр., швед. маршал 263, 291, 294, 295, 304
- Демидовы, династия уральских горнозаводчиков 144
- Дервиш-Али, астраханский хан 253
- Державин Гаврила Романович, поэт 478, 479, 481
- Дерфельден, ген. 490
- Дзялынский, ген. 462
- Дибич-Забалканский Иван Иванович, гр., ген.-фельдмаршал 519, 522, 524
- Димитрий, 6-н кн. Даниила Романовича 177
- Диоген, древнегреческий философ-киник 73
- Дионисий, архим. Троице-Сергиева мон. 305, 323
- Дионисий, митр. 270, 271, 342
- Дионисий (Денис), священник, идеолог новгородско-московской ереси 239
- Дир, полугенеральный кн. киевский, соправитель Аскольда 157
- Дмитриев С. С., историк 664
- Дмитрий Александрович, кн. переяславский, в. кн. владимирский, сын Александра Невского 190—192
- Дмитрий Иванович, кн. тверской, сын Ивана Ивановича Молодого, внук Ивана III 233, 241
- Дмитрий Иванович, кн. углицкий, сын Ивана III, царевич московский 237
- Дмитрий Иванович, царевич, младший сын Ивана IV 256, 265, 269, 270, 274, 275, 280, 281, 287, 634
- Дмитрий Иванович Донской, в. кн. московский и владимирский, сын Ивана II 187, 198—205, 208, 209, 213, 222, 224, 227, 231
- Дмитрий Константинович, в. кн. суздальский и нижегородский, сын кн. суздальского Константина Васильевича 199, 202, 205
- Дмитрий Михайлович Грозные Очи, кн. тверской и новгородский, сын кн. Михаила Ярославича 193
- Дмитрий Ростовский (Даниил Саввич Туптало), митр., писатель 111, 113, 114, 398
- Дмитрий Юрьевич Красный, сын кн. Юрия Дмитриевича 209
- Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. звенигородский и галицкий, сын кн. Юрия Дмитриевича 209—212, 236, 247
- Добровольский, учитель истории в гимназии при Московском университете 549
- Добролюбов Николай Александрович, литер. критик, публицист 663
- Добрыня, воспитатель и воев. Владимира I Святославича, княжеский посадник в Новгороде 158
- Довмонт (Даумантас, Тимофей), кн. псковский, выходец из Литвы 187, 227
- Довьялло, литовская графиня, попутчица С. М. Соловьева 586
- Долгорукие. См. Долгоруковы
- Долгоруков Алексей Григорьевич, кн., гофмейстер 415, 419
- Долгоруков Василий Владимирович, кн., гвардии майор, затем ген.-фельдмаршал, президент Военной коллегии, сенатор, участник заговора против Петра I 118, 387, 388, 419
- Долгоруков Василий Лукчи, кн., дипломат 129, 408, 418, 419
- Долгоруков Григорий Федорович, кн., стольник, ген.-адъютант, дипломат 94, 129, 408
- Долгоруков Иван Алексеевич, кн., сын А. Г. Долгорукова 415, 419
- Долгоруков Михаил Юрьевич, кн., 6-н, начальник Стрелецкого приказа 368
- Долгоруков Юрий Алексеевич, кн., 6-н, воев. 340, 348
- Долгоруков Юрий Владимирович, кн., капитан, полк., затем ген.-майор 117
- Долгоруков Яков Федорович, кн., сподвижник Петра I, сенатор 408

- Долгорукова Екатерина Алексеевна, невеста Петра II Алексеевича, дочь А. Г. Долгорукова 416, 418
- Долгорукова Наталья Борисовна, жена кн. И. А. Долгорукова, дочь Б. П. Шереметева 419
- Долгоруков-Крымский Василий Михайлович, кн., ген.-аншеф 449, 450
- Долгоруковы, князя 415, 416, 418—420, 471
- Доленга-Ходаковский Зориан. См. Чарноцкий Адам
- Домбровский Ян Генрик, пол. ген., участник Пол. восстания 1794 г., создатель пол. легионов на фр. службе 483
- Дорошенко Петр Дорофеевич, гетман Правобережной Украины 59, 341, 349—351, 355, 356
- Досифей, ростовский архиерей 411, 412
- Дохтуров Дмитрий Сергеевич, ген от инфантерии 499
- Дранный Семен Алексеевич, один из руководителей восстания на Дону в 1707—1708 гг. 387
- Дюмурье Шарль Франсуа, фр. ген 446, 447
- Дюфуг, гувернер детей А. Г. Строганова 579
- Ева (библ.) 108
- Евдокия Лукьяновна (урожденная Стрешнева), царица, жена царя Михаила Федоровича 314
- Евдокия Федоровна (урожденная Лопухина, в монашестве Елена), первая жена Петра I 139, 141, 375, 382, 410—412, 416
- Евпраксия, княгиня, жена кн. рязанского Федора Юрьевича 226
- Едигей, эмир Белой Орды из племени Мангыт, основатель Ногайской Орды, с 1399 г. правитель Золотой Орды 206, 207, 234
- Едигер-Магмет. См. Ядигар
- Езерский, пол. гр. 521, 522
- Екатерина I, императрица 139, 408, 412, 414, 417, 644
- Екатерина II, императрица 126, 130, 428, 437, 442, 443, 445, 449, 451, 456—459, 461—468, 470—479, 481, 486, 500, 509, 510, 526, 618, 644, 648, 663, 664
- Екатерина Алексеевна. См. Екатерина II
- Екатерина Ивановна, дочь Ивана V Алексеевича 127, 378, 425
- Елена (миф.) 590
- Елена, дочь Ивана III, жена Александра Казимировича 236, 243, 244
- Елена, старица. См. Евдокия Федоровна
- Елена Васильевна (урожденная Плинская), в. княгиня, жена Василия III 242, 247—249, 252
- Елена Стефановна, дочь господаря молдавского Стефана III, жена Ивана Ивановича Молодого 232, 233, 239, 240
- Елизавета I, англ. королева 264, 265, 272
- Елизавета Петровна, императрица 394, 412, 416, 418, 426—435, 438, 441—443, 470, 478, 644
- Емельянов, майор, предводитель народного восстания в Сычевском уезде Смоленской губернии во время Отечественной войны 1812 г. 502
- Еналей, хан Казанский, брат Шах-Али 246, 248
- Епифаний Славинецкий, рус. и украинский ученый, писатель 40, 343, 352
- Ермак Тимофеевич, казачий атаман 264, 265, 273
- Ермолов Алексей Петрович, ген. от инфантерии и от артиллерии 504, 515
- Еропкин Петр Дмитриевич, ген.-поручик, сенатор 450, 451
- Ефремов, приват-доцент географии в Московском университете 576, 592, 600, 612
- Железняк (Зализняк) Максим, запорожский казак, один из руководителей крестьянского восстания 1768 г. на Правобережной Украине 447
- Жолкевский (Жулкевский) Станислав, в. гетман коронный, пол. канцлер 296—298
- Жубер, главнокомандующий фр. войсками в Италии 489
- Жуковский Василий Андреевич, поэт, академик Петербургской АН 639
- Забелин Иван Егорович, историк, археолог 557
- Заварзин Исидор, казачий атаман 303
- Загоскин Михаил Николаевич, писатель, драматург 532
- Зайончек, пол. ген. 462
- Закревский Арсений Андреевич, гр., гос. деятель, ген. от инфантерии, московский ген.-губернатор 623, 636

- Залуский, еп. киевский 445
- Заруцкий Иван Мартынович, донской атаман, примыкал к И. И. Болотникову, затем б-н Лжедмитрия II, в 1611 г. один из руководителей первого земского ополчения, в 1613—1614 гг. возглавлял крестьянско-казацкое движение на Дону и в Нижнем Поволжье 288, 301—304, 307, 309, 310
- Засекин Федор, кн. 300
- Захарьин-Кошкин. См. Кошкин-Захарьин
- Зима Настасья 398
- Зиновий Отенский, писатель, монах, ученик Максима Грека 268
- Зосима, архим. Симонова мон., затем митр. 239
- Зотов Никита Моисеевич, думный дьяк, учитель Петра I, глава Ближней канцелярии, Печатного приказа, гр. (с 1710 г.) 373
- Зубов Валериан Александрович, гр. 465
- Зубов Платон Александрович, гос. деятель, светлейший кн., фаворит Екатерины II, ген.-губернатор Новороссии 466
- Зюзин Никита Алексеевич, стольник, воев. путивльский 344
- Ибрагим, казанский хан 234
- Ибрагим I, турецкий султан 319
- Ибрахим-паша, командующий египетской армией 517, 518, 527
- Ивак, хан Тюменской Орды 234
- Иван I Данилович Калита, кн. московский, в. кн. владимирский, сын Даниила Александровича 193—197, 202, 211, 212, 227, 238
- Иван II Иванович Красный, в. кн. московский, сын Ивана I Даниловича Калиты 197—199
- Иван III Васильевич, в. кн. московский, сын Василия II 29, 210, 213—215, 227—238, 240, 241, 243—246, 248, 268, 532, 592, 594
- Иван IV Васильевич Грозный, в. кн. «всёя Руси», первый рус. царь, сын Василия III 29, 32, 34, 46, 68, 78, 247, 249—269, 272, 276, 280, 288, 325, 342, 359, 365, 381, 395, 438, 532, 533, 599, 637
- Иван V Алексеевич, царь, сын царя Алексея Михайловича 41—44, 351, 366—368, 376, 378, 418, 425, 428
- Иван VI Антонович, имп. 425—427, 443
- Иван Андреевич, кн. Можайский, сын кн. Андрея Дмитриевича, внук Дмитрия Донского 209—211, 236, 247
- Иван Васильевич, кн. рязанский, сын кн. Василия Ивановича 230
- Иван Дмитриевич, кн. переяславский, сын кн. Дмитрия Александровича 191
- Иван Дмитриевич, сын Марины Мнишек и Лжедмитрия II 307, 320
- Иван Иванович, в. кн. московский, сын в. кн. Ивана II 198, 199
- Иван Иванович, кн. рязанский, сын кн. рязанского Ивана Васильевича 230, 246
- Иван Иванович Молодой, в. кн. тверской, сын Ивана III 232, 238
- Иван Иванович, царевич, сын Ивана IV 259, 265
- Иван Михайлович, кн. тверской и кашинский, сын кн. тверского Михаила Александровича 200
- Иван Федорович, кн. рязанский 212
- Иван Федорович Кошка, б-н, воев. в. кн. московского Василия I Дмитриевича, сын Федора Андреевича Кошки 207
- Иванов Николай Алексеевич, проф. рус. и всеобщей истории Казанского университета 597
- Иванов Фома, цирюльник 398
- Ивашковский Семен Мартынович, преподаватель латинского языка в Первой московской гимназии, ординарный проф. греческого языка в Московском университете 544
- Игельстром, ген. 462
- Игнатий, рус. патриарх, грек 285
- Игорь Ольгович, кн. новгород-северский, в. кн. киевский, сын в. кн. киевского Олега Святославича 169
- Игорь Рюрикович, кн. киевский с 912 г. 156—159
- Игорь Ярославич, кн. владимирово-волынский, сын кн. Ярослава Мудрого 163
- Иеремия, патриарх константинопольский 274, 326
- Измаил, кн. ногайский 253
- Измаилов Артемий Васильевич, околичничий, воев. 317
- Изяслав Владимирович, кн. полоцкий, сын кн. Владимира I 161, 163
- Изяслав Давыдович, в. кн. киевский, сын кн. черниговского Давыда Святославича 169, 170

- Изяслав Мстиславич, кн. владимиро-волынский, переславский, в. кн. киевский, внук Владимира Мономаха 167—170, 174, 182, 189
- Изяслав Ярославич, в. кн. киевский, старший сын Ярослава Мудрого 163, 164, 166, 183
- Иисус Христос (библ.) 67, 239, 267, 345, 371, 541, 571, 577
- Икар (миф.) 101
- Иларион, древнерус. писатель, первый киевский митр. из русских 182, 183
- Илейка Муромец (Илья Коровин, Лжепетр, «царевич» Петр), один из руководителей восстания И. И. Болотникова, атаман терских казаков 286, 288
- Иловайский, ген. 503
- Иловайский Дмитрий Иванович, историк, публицист 662, 663
- Илья Коровин. См. Илейка Муромец
- Иннокентий, архим. ростовского Яковлевского мон. 375
- Иннокентий II, папа римский 539
- Иннокентий III, папа римский 539
- Иноземцев Федор Иванович, врач и общественный деятель, проф. Московского университета 604, 614
- Иоаким, патриарх антиохийский 326
- Иоаким, патриарх московский 356, 366, 371, 377
- Иоанн, швед. кор. См. Иоганн III Ваза
- Иоанн, дат. принц, брат Кристиана IV 277
- Иоанн I Цимисхий, византийский имп. 158
- Иоанн Дамаскин, византийский богослов, философ, поэт 268
- Иоанн Златоуст, византийский церковный деятель, еп. Константинополя, автор проповедей, панегириков, псалмов 268, 539
- Иоанн Иерусалимский, святой 484
- Иоасаф, митр. 249
- Иов, архиеп. ростовский, первый рус. патриарх 271, 274, 275, 280—283
- Иоганн III Ваза, швед. кор. 271, 272
- Иона, архиеп. новгородский 213, 227
- Иона, митр. 210, 212, 223
- Иосиф (библ.) 531
- Иосиф, митр. астраханский и терский 348
- Иосиф, патриарх московский 342
- Иосиф II, эрцгерцог австр., германский имп. 456, 457, 459
- Иосиф Волоцкий (Иван Санин), основатель и иг. Иосифо-Волоколамского мон., глава иосифлян, писатель 239—243
- Ипатий Потеи, еп. владимиро-волынский 327, 328
- Ипсиланти Александр, кн., ген.-майор рус. службы, руководитель греческой революционной организации «Филики Этерия» 508
- Иракий II, царь Картли-Кахетского царства 458
- Ирина Михайловна, царевна, дочь царя Михаила Федоровича 320
- Ирина Федоровна (в монашестве Александра), царица, жена царя Федора Ивановича 269, 270, 275
- Исаев Илья, вице-президент Главного магистрата 142
- Исайя, митр. нижегородский 114
- Исак Борецкий. См. Борецкий Исаак Андреевич
- Исидор, митр. 223, 226
- Искра Иван Иванович, полк. Полтавского казачьего полка 389, 390
- Кавгады, посол хана Золотой Орды Узбека 193
- Кавелин Константин Дмитриевич, историк, общественный деятель, публицист 595, 597, 599, 603—605, 612, 614, 624, 664
- Казимир III Великий, пол. кор. 196, 213, 219
- Казимир IV Ягеллончик, в. кн. литовский, пол. кор., сын Владислава II Ягелло 213, 228, 230, 231, 233, 235
- Казы-Гирей I, крымский хан 272
- Каин (библ.) 161
- Калачев Николай Васильевич, археграф 574, 599, 623, 640
- Калиновский Мартын, пол. коронный гетман 335
- Каменский, гр. 495, 496
- Каннинг Стратфорд, англ. посланник в Турцию 517
- Кантакузин Фома, турецкий посланник в Москву 316, 318
- Кантемир Дмитрий Константинович, кн., ученый, политический деятель, господарь Молдавии 121, 392, 437, 438
- Капетинги, династия фр. королей 593
- Каподистрия Иоаннис, гр., гос. деятель, дипломат 508
- Капостас, сположник 462
- Кар, ген. 453
- Карамзин Николай Михайлович, писатель, историк 481, 510, 511, 532, 533,

- 559, 560, 569, 572, 573, 575, 599, 600, 608, 635—640, 669
- Кареев Николай Иванович, историк 668
- Карл, герцог Зюдерманландский, брат Густава III 459
- Карл, принц саксонский, герцог курляндский, сын Августа III 443
- Карл, эрцгерцог австр. 489
- Карл I, англ. кор. 333
- Карл V, имп. Священной Римской империи 255
- Карл VI, австр. эрцгерцог, имп. Священной Римской империи 411, 425
- Карл IX, фр. кор. 262
- Карл IX, швед. кор. 272, 276, 289, 291, 292, 304, 312
- Карл X, фр. кор. 519
- Карл X Густав, швед. кор. 338
- Карл XI, швед. кор. 382
- Карл XII, швед. кор. 88, 89, 94, 95, 118—120, 122, 124, 127, 383—386, 388—395
- Карл XIII, швед. кор. 496
- Карл Леопольд, герцог мекленбургский 393
- Карл Петр Ульрих. См. Петр III
- Карл Филипп, брат швед. кор. Густава II Адольфа 312
- Карл Фридрих, голштинский герцог, муж цесаревны Анны Петровны 413
- Карлус, король. См. Карл I
- Касим, турецкий паша 261
- Кассий Лонгин, один из организаторов убийства Цезаря 616
- Катков Михаил Никифорович, публицист, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» 598, 599, 622, 624—626, 628, 634
- Каховский, ген.-майор, могилевский губернатор 460, 461
- Каченовский Михаил Трофимович, историк, проф. Московского университета, основатель скептической школы в рус. исторической науке 558—561, 569, 614, 633
- Квинт Курций, римский историк, автор «Истории Александра Македонского» 105
- Кейстут (Кестутис), сын Гедимины, кн. тракайский и жемайтский, соправитель в. кн. литовского Ольгерда 200, 202
- Кейт Джемс, фельдмаршал, дипломат 428
- Кетлер Готард, последний магистр Ливонского ордена, первый герцог Курляндский 255, 259, 260
- Кетлеры, курляндские герцоги 425
- Кетчер Николай Христофорович, инспектор, затем начальник Московской медицинской конторы 629, 630
- Кикин Александр, адмиралтейский советник, участник заговора царевича Алексея Петровича 412
- Килиньский Ян, участник Пол. восстания 1794 г., мастер сапожного цеха 462
- Кине Эдгар, фр. историк 583
- Киприан, митр. 222, 224, 225
- Киреевский Иван Васильевич, религиозный философ, литер. критик и публицист, один из идеологов славянофильства, брат П. В. Киреевского 608, 609
- Киреевский Петр Васильевич, фольклорист, археограф, публицист, брат И. В. Киреевского 608, 609
- Кирилл, митр. ростовский и ярославский 306
- Кирилл Белозерский (св. Кирилл), архим. Симонова мон., основатель Кирилло-Белозерского мон. 224
- Кирилл Терлецкий, еп. луцкий 327, 328
- Кирилл Туровский, древнерус. писатель, проповедник, еп. туровский, автор торжественных «Слов», поучений, молитв, канонов 184
- Кисель Адам Свенголдич, украинский магнат, киевский каштелян 331
- Клешнин Андрей Петрович, окольничий 274
- Климент Смолятич, митр. киевский, древнерус. писатель 182
- Клингспор, швед. ген. 495
- Клокман Ю. Р. 279
- Клюбер, правовед 592
- Княжевич, председатель казенной палаты 617
- Княжнин Яков Борисович, драматург, поэт, член Петербургской АН 478
- Ковалевский Максим Максимович, историк, юрист, социолог 668
- Кодрингтон, англ. адмирал 517
- Козаковские, братья 461
- Коллонтай Уго, пол. просветитель 460
- Коловрат, рязанский б-н 226
- Колумб Христофор, мореплаватель 533
- Кольбер Жан Батист, генеральный контролер (министр) Франции 32

- Конашевич Сагайдачный. См. Сагайдачный Петр Кононович
- Конде Луи Жозеф, принц, командующий армией фр. контрреволюционных эмигрантов, в 1797—1799 гг. на рус. службе 483
- Конисский Григорий, украинский писатель, духовный деятель 445
- Коновницын Петр Петрович, ген. от инфантерии 499
- Конопка Казимеж, деятель Пол. восстания 1794 г. 462
- Константин, кахетинский царевич, сын кахетинского царя Александра II 277
- Константин I Великий, римский имп. 138
- Константин VIII, византийский имп. 159
- Константин XI Драгас, византийский имп. 232
- Константин Васильевич, кн. суздальский 198
- Константин Всеволодович, в. кн. владимирский и ростовский, сын в. кн. Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо 175
- Константин Михайлович, кн. тверской, сын кн. тверского Михаила Ярославича 194, 195, 461
- Константин Николаевич, в. кн. 636
- Константин Павлович, в. кн. 457, 490, 508, 512, 513, 520, 521
- Конти Арман де Бурбон, принц, фр. военный деятель 85, 379
- Кончака (Агафья), сестра хана Узбека, жена кн. московского Юрия Даниловича 192, 193
- Короткова Марфа 536
- Корш, московское семейство 602
- Корш Валентин Федорович, публицист, историк литературы, редактор «Московских ведомостей», младший брат Е. Ф. Корша 603
- Корш Евгений Федорович, редактор «Московских ведомостей» в 40-е гг. XIX в. 602, 603, 605, 614
- Косометович, горе-богатырь (литер.) 477
- Костомаров Николай Иванович 668
- Костюшко Тадеуш, руководитель Пол. восстания 1794 г. 461—463, 483
- Косцюшко Фаддей. См. Костюшко Тадеуш
- Котляревский Петр Степанович, ген. от инфантерии 496
- Котошихин Григорий Карпович, подьячий Посольского приказа, автор сочинения о России 354
- Котьян, половецкий хан 176
- Кочубей Василий Леонтьевич, генеральный писарь, генеральный судья Левобережной Украины 389, 390
- Кочубей Виктор Павлович, кн., гос. деятель, дипломат 510, 571, 578
- Кошелев Александр Иванович, общественный деятель, славянофил, помещик-предприниматель 609
- Кошихин. См. Котошихин
- Кошка Иван Федорович. См. Иван Федорович Кошка
- Кошка Федор Андреевич. См. Федор Андреевич Кошка
- Кошкин-Захарьин Михаил Юрьевич, б-н, сын Юрия Захарьевича Кошкина-Захарьина 250
- Кошкин-Захарьин Роман Юрьевич, окольный, сын Ю. З. Кошкина-Захарьина 250
- Краевский Андрей Александрович, издатель, журналист 620
- Красильников, преподаватель латинского языка в младших классах гимназии при Московском университете 552
- Красинский Адам, еп. каменецкий 446
- Красинский Михаил, брат А. Красинского 446
- Крейцер Георг Фридрих, нем. филолог 590
- Кречетников, ген.-майор, псковский губернатор 460
- Крисп, сын римского имп. Константина I Великого 138
- Кристиан IV, кор. Дании и Норвегии 277, 320
- Круа (Кроа) Карл Евгений фон, австр. герцог, фельдмаршал 88, 384
- Круковецкий, пол. ген., губернатор Варшавы 525
- Крылов Н. И., проф. римского права, декан юридического факультета Московского университета 601—605, 614
- Крюднер, рус. посол в Берлине 493
- Крюков Дмитрий Львович, проф. римской словесности и древностей в Московском университете 563—565, 570, 572—574, 604
- Ксения Борисовна Годунова (в монашестве Ольга), дочь царя Бориса Годунова 276, 277, 282
- Кубарев, проф. Московского университета 570
- Кудрявцев Петр Николаевич, общественный деятель, историк, проф., западник 624, 626—628

- Кукша (миф.) 182
 Кунст (Куншт) Иоганн, актер 106
 Куракин Борис Иванович, кн., дипломат, рус. посланник в Риме, Англии, Голландии, Франции 129, 408
 Курбатов Алексей Александрович, гос. деятель, архангельский вице-губернатор 102, 104, 119, 137, 142, 408, 409
 Курбский Андрей Михайлович, кн., б-н, писатель 257, 268
 Куремса, баскак 189
 Курин, крестьянин из с. Павлова Вохненской волости 502
 Курицын Федор, дьяк, еретик 239
 Курий Квинт Руф, римский историк 105
 Кутузов Михаил Илларионович, светлейший кн. Смоленский, ген.-фельдмаршал 495, 496, 499—504
 Кучум, хан Сибирского ханства 264, 265, 273, 277
- Ладыгин, соученик С. М. Соловьева в гимназии при Московском университете 552, 553
 Лазарев Иван, почитатель Лазаревского Армянского института 562
 Лайош Великий, кор. Венгерского королевства с 1342 г., Польши (под именем Людовик I Великий или Людовик Венгерский) с 1370 г. 206
 Ласи Петр Петрович, ген.-фельдмаршал 424
 Ласси. См. Ласи П. П.
 Лев Данилович, кн. галицкий, сын кн. Даниила Романовича 190
 Левальд, прус. фельдмаршал 430
 Левенгаупт Адам Людвиг, гр., швед. ген. 95, 388, 391
 Лейбниц Готфрид Вильгельм, нем. философ, математик, физик, языковед 405
 Леклерк, фр. историк 479—481
 Лелевель Иоахим, пол. историк и общественный деятель, один из руководителей национально-освободительного движения в Польше 508, 520, 521, 568
 Ленорман Шарль, фр. историк и археолог 582, 583
 Леонтий, св. 182
 Леонтьев Гаврила, дьяк, рус. посол в Польшу 333
 Леонтьев Павел Михайлович, журналист, проф. греческой словесности Московского университета 624, 627, 628
- Леопольд, герцог мекленбург-шверинский 425
 Леопольд I, австр. эрцгерцог, германский имп. 380
 Леопольд II, австр. эрцгерцог, германский имп. 459
 Лесли, полк. 317
 Лесток Герман, гр., лейб-медик, директор Медицинской канцелярии 427, 430
 Лефорт Франц Яковлевич, швейцарец, адмирал, сподвижник Петра I 61, 76, 374, 377—379, 382, 410
 Лешков Василий Николаевич, юрист, проф. полицейского права Московского университета 614
 Лещинская Мария, дочь Станислава Лещинского, жена Людовика XV 424
 Лещинский Станислав, воев. познанский, пол. кор. 94, 119, 385, 389—391, 395, 424
 Лжедмитрий I, рус. царь, самозванец (предположительно Григорий Отрепьев) 280—287, 309, 321
 Лжедмитрий II, самозванец 287—293, 295—300, 302, 307, 320
 Лжедмитрий III 304
 Ливий Тит, римский историк 511
 Лиман, участник Чешского национального возрождения, знакомый С. М. Соловьева по Праге 587
 Лисовский Александр, пол. полк. 288, 289
 Лихачев Алексей Тимофеевич, комнатный стольник, окольничий 355
 Лихуды Иоанникий (Иоанн) и Софроний (Спиридон), греки, стояли во главе Славяно-греко-латинской академии, авторы грамматики, словаря, проповедей 40, 371
 Ломоносов Михаил Васильевич, ученый 9, 438, 439, 511, 611
 Луба Иван Дмитриевич, самозванец, мнимый сын Лжедмитрия I и Марины Мнишек 320, 321, 331
 Лугвений, кн. 547
 Луговской Томила Юдич, думный дьяк 298, 313
 Луи Филипп, фр. кор. из младшей (Орлеанской) ветви династии Бурбонов 520, 620
 Лука Жидята (Жирята), древнерус. писатель, еп. новгородский 183
 Лыков Борис Михайлович, кн., б-н 310, 317

- Львов Алексей Михайлович, кн., астраханский воев., в. посол в Польшу 314, 318, 320, 321
- Львов Василий Петрович, кн., окольный, псковский воев. 334
- Львов Семен Иванович, кн., астраханский воев., участник борьбы с армией С. Разина 347
- Любецкий Францишек, кн., пол. гос. деятель 520, 521
- Любомирский Юрий, кн., надворный маршалок 341
- Людвик (Людвиг) I Великий (Людвик Венгерский), пол. кор. См. Лайош Великий
- Людвик XIII, фр. кор. 315
- Людвик XIV, фр. кор. 32, 84, 119, 120, 315
- Людвик XV, фр. кор. 394, 424, 446
- Людвик XVI, фр. кор. 463, 464, 655, 666
- Людвик XVIII, фр. кор. 464, 483, 505—507
- Людвик Филипп. См. Луи Филипп
- Лютер Мартин, один из главных деятелей Реформации в Германии 33
- Ляпунов Захарий Петрович, организатор свержения Василия Шуйского, брат П. Ляпунова 296
- Ляпунов Прокопий Петрович, думный дворянин, предводитель отряда рязанских дворян в восстании И. И. Болотникова 287, 288, 294—296, 300—305, 307
- Маврокордато Николай, молдавский господарь 458
- Магмет-Амин. См. Мухаммед Эмин
- Магмет-Гирей. См. Мухаммед-Гирей
- Магницкий Леонтий Филиппович, преподаватель математики в Школе математических и навигационных наук в Москве, автор «Арифметики» 104
- Магнус, дат. принц, брат Фредерика II, участник Ливонской войны 1558—1583 гг. 260, 262, 276
- Магнус Эрикссон, кор. Швеции и Норвегии 197
- Магомет, астрабадский хан. См. Ага Мохаммед-хан
- Магомет IV. См. Мехмед IV
- Мазепа Иван Степанович, гетман Украины 95, 118, 150, 372, 388—392, 409, 473
- Макарий, архиеп. псковский 334
- Макарий, митр., писатель 249, 268
- Макдональд Жак Этьенн, маршал Франции, герцог Тарентский 486, 487
- Максим, митр. киевский 193, 221
- Максим Грек (Михаил Триволис), публицист, писатель, переводчик 242, 243, 268
- Максимилиан I, австр. эрцгерцог, имп. Священной Римской империи 237
- Максимилиан II, австр. эрцгерцог 271, 272
- Максимов Лукьян, донской атаман 387
- Малаховский Станислав, гр. 460, 525
- Малинин, автор учебника арифметики 662
- Малов, проф. Московского университета 571
- Мамай, татарский темник, фактический правитель Золотой Орды 199, 203, 204, 206
- Маметкул, сибирский царевич 265
- Мамон Григорий Андреевич, б-н 233
- Мамонов, бригадир 451
- Манкиев Алексей Ильич, дипломат, историк 440, 479
- Мансуров, 454
- Манштейн Кристоф Герман, мемуарист, участник свержения Бирона, автор «Записок о России» 441
- Мардефельд, ген 386
- Мария Алексеевна, царевна, сестра Петра I 412
- Мария Борисовна, в. княгиня, жена Ивана III 210, 232
- Мария Владимировна (урожденная Долгорукова), царица, жена царя Михаила Федоровича 314
- Мария Григорьевна, дочь Малюты Скуратова, жена Бориса Годунова 282
- Мария Ильинична (урожденная Милославская), царица, жена царя Алексея Михайловича 332, 351, 355, 367
- Мария Николаевна, в. княгиня 589
- Мария Федоровна Нагая, царица, жена Ивана IV 265, 275, 283, 285
- Мария Ярославна, в. княгиня, жена Василия II Васильевича Темного 208
- Маркел, митр. псковский и зборовский 377
- Марков, дипломат 466
- Марселс Петр Гаврилович, промышленник, инженер, сын купца из Гамбурга 320, 322
- Марфа Алексеевна, царевна, сестра царевны Софьи Алексеевны 141, 382
- Марфа Ивановна. См. Романова Ксения Ивановна

- Марфа Матвеевна (урожденная Апраксина), царица, жена царя Федора Алексеевича 357
- Марфа Посадница. См. Борецкая Марфа
- Марьюшка, Марья-нянька, няня С. М. Соловьева 531, 532
- Масальский. См. Мосальский
- Массена Андре, маршал Франции 489, 490
- Матвеев Андрей Артамонович, сын А. С. Матвеева, гр., сенатор, дипломат 129, 408
- Матвеев Артамон Сергеевич, б-н, гос. деятель, дипломат 68, 352, 354, 355, 366—369
- Матюшкин Михаил Афанасьевич, ген. 396
- Махмуд, утемишский султан 396
- Махмуд II, турецкий султан 516, 527
- Медведев Сильвестр (Симеон Агафонникович), писатель, ученый, деятель просвещения, ученик Симеона Полоцкого 40, 54, 371, 376
- Медици, флорентийский род 30
- Мейер Дмитрий Иванович, юрист, проф. Казанского университета 590
- Мейербер. См. Мейерберг
- Мейерберг Августин, барон, австр. дипломат, автор описания путешествия в Россию 354
- Мейнгардт, монах, еп., член Ордена августинцев 174
- Мелон де, маркиз 579
- Менгден Юлиана, фрейлина Анны Лепольдовны 426
- Менгли-Гирей, крымский хан 234, 235, 244
- Меншиков, кн., ген. 515
- Меншиков А. И., преподаватель греческого языка в Московском университете 566
- Меншиков Александр Данилович, светлейший кн., сподвижник Петра I, ген.-фельдмаршал, гос. деятель 90, 91, 94, 95, 99, 118, 136, 137, 386, 390, 391, 407, 409, 412—417
- Меншикова Мария Александровна, невеста Петра II Алексеевича, дочь А. Д. Меншикова 415
- Мерик Джон Уильям, англ. купец, посол в Россию 312, 315
- Мессалина. См. Строганова Н. В.
- Мефодий, еп. мстиславский 349
- Мехмед IV, турецкий султан 351
- Мещеринов Иван, голова московских стрельцов, воев. 348
- Микулинский Семен Иванович, кн., б-н, воев. 252
- Миллер Герард Фридрих, историк, член Петербургской АН 440, 479, 511
- Милорадович Михаил, сербский полк. 121, 123
- Милорадович Михаил Андреевич, гр., ген. от инфантерии, военный губернатор Петербурга 503, 513
- Милославские, дворяне, бояре 340, 342, 355
- Милославский Иван Богданович, стольник 348
- Милославский Иван Михайлович, б-н, один из организаторов Московского восстания 1682 г. 368, 370
- Милославский Илья Данилович, кн., б-н, отец царицы Марии Ильиничны 332, 333
- Милославский Михаил Васильевич, устюжский воев. 333
- Милот Клод Франсуа Ксавье, аббат, член Французской академии 531
- Миндовг (Миндаугас), в. кн. литовский 189, 190
- Минерва (миф.) 562
- Минин Кузьма, один из руководителей второго земского ополчения, член земского правительства, думный дворянин 305—307, 309, 498, 551
- Миних Бурхард Кристоф (Христофор Антонович), гр., ген.-фельдмаршал, гос. деятель 143, 409, 419, 422—428, 436
- Минье Франсуа, фр. историк, политический деятель 584
- Мирович Василий Яковлевич, подпоручик Смоленского полка, пытался освободить из Шлиссельбургской крепости Ивана VI Антоновича 442, 443
- Митрофан, еп. воронежский 114
- Михаил, рязанский б-н 198
- Михаил Александрович, в. кн. тверской 200—202, 204, 205
- Михаил Андреевич, кн. верейский, сын Андрея Дмитриевича, внук Дмитрия Донского 209, 211, 231
- Михаил Борисович, в. кн. тверской 230, 231
- Михаил Вишневецкий, пол. кор. 351
- Михаил Всеволодович, кн. черниговский, кн. новгородский, в. кн. киевский 177, 188, 190
- Михаил Олелькович (Александрович), кн. литовский и новгородский, сын

- кн. Александра-Олелько Владимировича 228, 239
- Михаил Павлович, в. кн., главный начальник военно-учебных заведений 545, 620
- Михаил Рогоза, митр. киевский 327, 328
- Михаил Федорович, царь, первый из рода Романовых 74, 84, 279, 296, 297, 307—309, 311—316, 319—324, 330, 333, 351, 353, 356, 359, 360, 375, 631, 662
- Михаил Черниговский. См. Михаил Всеволодович, кн. черниговский
- Михаил Юрьевич, кн. торчесский, в. кн. ростовский и владимирский, сын в. кн. Юрия Долгорукого 170—173
- Михаил Ярославич, кн. тверской, в. кн. владимирский 191—193
- Михаил Ярославич Хоробрит, кн. московский, в. кн. владимирский, брат Александра Невского 186
- Михайлов Онисим, устюжский подьячий 333
- Михельсон Иван Иванович, ген. 454
- Мицкевич Адам, пол. поэт, деятель национально-освободительного движения 583, 584
- Мишле Жюль, фр. историк 582, 583
- Мнишек, зять Брюля 443
- Мнишек Марина, жена Лжедмитрия I и Лжедмитрия II 280, 281, 284, 285, 289, 293, 307, 310, 320
- Мнишек Юрий, сандомирский воев., отец Марины Мнишек 280, 281, 285, 288, 289
- Мнишки, пол. магнаты 280
- Многогрешный Демьян Игоревич, гетман Левобережной Украины 350, 388
- Могила Петр Симеонович, деятель украинской культуры, церковный писатель, митр. киевский и галицкий 329
- Моисей Петрович, архиеп. сербский 123
- Мокрановский, предводитель отряда пол. повстанцев 463
- Моллер Федор Антонович, живописец, портретист 585
- Молчанов Михаил 287
- Мольер (Жан Батист Поклен), фр. комедиограф, актер, театральный деятель, реформатор сценического искусства 106, 478
- Мономаховичи, потомки Владимира Мономаха 167, 168, 173, 174, 176, 177, 188
- Монтескье Шарль Луи, фр. просветитель, правовед, философ 467
- Мориз Саксонский, гр., фр. военный деятель и военный теоретик, маршал Франции 417
- Моро Жан Виктор, фр. ген. 486, 487, 489
- Морозов, 6-н кн. галицкого и звенигородского Юрия Дмитриевича 208, 209
- Морозов Борис Иванович, 6-н, воспитатель Алексея Михайловича 331—334
- Морошкин Ф. Л., проф. Московского университета 569, 642
- Мортье Эдуар Адольф, маршал Франции, герцог Тревизский 503
- Мосальский Василий, кн., участник свержения патриарха Иова 282
- Мстислав Великий. См. Мстислав Владимирович
- Мстислав Владимирович (Мстислав Великий), в. кн. киевский, сын Владимира Мономаха 167, 168, 174, 183
- Мстислав Владимирович, кн. тмутараканский и черниговский, сын Владимира I 161
- Мстислав Данилович, кн. галицкий и луцкий, сын кн. Даниила Романовича 190
- Мстислав Изяславич, кн. волынский, в. кн. киевский, сын в. кн. Изяслава Мстиславича 170, 174
- Мстислав Мстиславич Удалой, кн. торопецкий, новгородский, галицкий, сын Мстислава Ростиславича Храброго 173—176
- Мстислав Ростиславич, кн. ростовский, сын кн. суздальского Ростислава Юрьевича 171, 172
- Мстислав Ростиславич Храбрый, кн. смоленский, сын в. кн. Ростислава Мстиславича 171—173, 196
- Мстиславец Петр Тимофеевич, типограф, соратник Ивана Федорова 269
- Мстиславичи, потомки в. кн. киевского Мстислава Владимировича 168
- Мстиславские, князья, бояре 269, 299
- Мстиславский Иван Федорович, кн., 6-н, воев., гос. деятель 259, 269, 270
- Мстиславский Ф., историк и публицист 613
- Мстиславский Федор Иванович, кн., 6-н, гос. и военный деятель 282, 297, 299, 307
- Мстиславцев 640
- Муравьев, ген. 636

- Муравьев, помощник В. И. Назимова 658
- Мурад IV, турецкий султан 319
- Мусин-Пушкин Иван Алексеевич, б-н, гр., гос. деятель, археограф, историк 112, 114
- Мухаммед Али, паша Египта 527
- Мухаммед-Гирей, крымский хан 245, 247
- Мухаммед Эмин, казанский хан 234, 235, 237, 245
- Мюллер. См. Миллер
- Мюльгаузен, врач, тесть Т. Н. Грановского 565
- Мюнцер Томас, вождь и идеолог крестьянско-плебейских масс в Реформации и Крестьянской войне 1524—1526 гг. в Германии 33
- Мюрат Иоахим, сподвижник Наполеона I, его зять, маршал Франции, кор. Неаполитанский 503
- Мюрид (Амурат), хан Золотой Орды 199
- Навуходоносор II, царь Вавилонии 642
- Нагие, бояре и дворяне XIV—XVII вв. 270, 274, 275, 283
- Надеждин Николай Иванович, критик, эстетик 545
- Назимов Владимир Иванович, попечитель Московского учебного округа 631—636, 640, 643, 658
- Наполеон I (Наполеон Бонапарт), фр. имп. 464, 482, 484, 492, 494—497, 499, 501—506, 508, 550, 616, 645
- Нарбут Иустин, пол. ученый 586
- Нарезный Василий Тимофеевич, писатель 532
- Нарышкин Иван Кириллович, б-н, брат царицы Натальи Кирилловны 368
- Нарышкин Лев Кириллович, б-н, глава Посольского приказа 375, 379
- Нарышкины, дворянский род XVI—начала XX вв. 43, 368, 369
- Наталья Алексеевна, дочь царевича Алексея Петровича 410
- Наталья Алексеевна, царевна, сестра Петра I 378, 415
- Наталья Кирилловна (урожденная Нарышкина), царица, вторая жена царя Алексея Михайловича, мать Петра I 41—43, 351, 354, 355, 366—369, 373, 375, 376
- Наумов, тайный советник 417
- Неандер Август, нем. ученый, историк Царкви 576
- Неверовский Дмитрий Петрович, ген.-лейтенант 499
- Негош Данило Петрович, митр. Черногории, гос. деятель 123
- Николай, московский купец 201
- Некрасов Игнатий Федорович, донской казак, сподвижник К. А. Булавина 387, 388
- Немезида (миф.) 601
- Немоевский, президент пол. сейма 525
- Неплюев Иван Иванович, рус. резидент в Константинополе, затем правитель Малороссии, оренбургский наместник, сенатор 130, 131
- Нерон Клавдий Цезарь, римский имп. 62
- Нестеров Алексей, обер-фискал 135, 137
- Нестор, монах Киево-Печерского мон., летописец 184, 511, 633, 634, 640
- Никанор, митр., первоприсутствующий в Синоде 537
- Никанор, предводитель Соловецкого восстания 1668—1670 гг., архим. Соловецкого, затем Саввино-Сторожевского мон. 345
- Никита Пустосвят (Добрынин Никита Константинович), идеолог раскола, писатель 369, 370
- Никитенко Александр Васильевич, литер. критик, историк литературы, цензор, академик Петербургской АН 561
- Никифор, экзарх 328
- Никифор I, митр. киевский 183
- Никифор II Фока, византийский имп. 157
- Николай I, имп. 511—516, 520, 522, 526, 528, 538, 539, 555, 559, 571, 577, 578, 615—621, 625, 635, 641, 643—647, 655, 659, 663, 669
- Николай Александрович, цесаревич 661
- Николев, писатель 478
- Никон (Минов Никита), рус. патриарх 332—334, 341—345, 348, 355
- Нил Сорский (Майков Николай), основатель и глава нестяжательства в России 240
- Новиков Николай Иванович, просветитель, писатель, журналист. издатель 479, 481
- Новосильцев Николай Николаевич, гр., гос. деятель 510
- Новосильцев Петр Петрович, московский вице-губернатор, рязанский губернатор 555
- Новосильцева М. (урожденная Беринг), жена П. П. Новосильцева 555

- Ногай, татарский правитель территории от Дона до Дуная 191
- Норов Авраам Сергеевич, писатель, историк-дилетант, гос. деятель 641—643
- Нумменс Логин, швед. агент по закупке хлеба 334
- Оболенский Иван Федорович, кн., воев. 247—249
- Оболенский В. И., учитель рус. словесности в гимназии при Московском университете, затем преподаватель латинского языка, адъюнкт греческого языка в Московском университете 549, 566
- Оболенский Семен Иванович, кн. 210
- Оболенский-Лыко Иван Владимирович, кн., великолуцкий наместник 231
- Оболенский-Репня Иван Михайлович (Найден), кн., псковский наместник 246
- Овчина-Телепнев-Оболенский Иван. См. Оболенский Иван Федорович
- Огинский Михаил, гр. 464
- Одоевский, кн., воев. 310
- Одоевский Никита Иванович, кн., б-н 333
- Окулов М. А., главный начальник Первой московской гимназии 544, 545, 549
- Олеарий Адам, нем. путешественник, автор «Описания путешествия в Московию» 323, 324
- Олег, первый исторически достоверный кн. Киевской Руси, правил с 879 г. в Новгороде, с 882 г. в Киеве 156, 157, 611
- Олег Иванович, в. кн. рязанский 202—204, 207
- Олег Святославич, кн. владимирово-лынский, тмутараканский, новгород-северский, сын в. кн. Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого 164—168
- Олег Святославич, кн. древлянский, сын в. кн. киевского Святослава Игоревича 158
- Ольга, в. княгиня, жена кн. киевского Игоря 157, 159, 611
- Ольгерд (Альгирдас), в. кн. литовский, сын Гедимины 196, 197, 200—202, 222
- Ольговичи, потомки Олега Святославича, внука Ярослава Мудрого 168, 169, 173, 174, 176, 177, 188
- Онисифор, митр. киевский 327
- Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич, дипломат, б-н, воев. 341, 352—354
- Орланский дом, младшие ветви королевских династий Валуа и Бурбонов 528
- Орлов (Чесменский) Алексей Григорьевич, гр., ген.-аншеф, брат Г. Г. Орлова 448, 450, 465
- Орлов Василий 304
- Орлов Григорий Григорьевич, гр., фаворит Екатерины II, брат А. Г. Орлова, ген.-фельдцейхмейстер, первый президент Вольного экономического общества 465, 472
- Осман II, турецкий султан 316
- Остерман, гр. 504
- Остерман Андрей Иванович, гос. деятель, дипломат 130, 394, 395, 409, 413, 415—417, 419—421, 423, 424, 426—428
- Острожский Константин Иванович, кн., гентман литовский 236, 244
- Острожский Константин Константинович, кн. 325, 327, 328
- Отрепьев Богдан, отец Лжедмитрия I, галицкий служилый человек 280
- Отрепьев Григорий См. Лжедмитрий I
- Оттокар. См. Пржемысл I Отакар
- Ощера. См. Ощера-Белеутов-Сорокоумов Иван Васильевич
- Ощера-Белеутов-Сорокоумов Иван Васильевич, б-н 233
- Павел, еп. коломенский 343
- Павел I, имп. 466, 475, 481—485, 487, 488, 491—493, 644
- Павел II, папа римский 232
- Павел Петрович, в. кн. См. Павел I
- Павел Петрович, царевич, сын Петра I 412
- Павлова Каролина Карловна, поэтесса 563
- Пакье Этьен, фр. политический и гос. деятель 584
- Палацкий Франтишек, чешский политический деятель, историк, философ 587, 588
- Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева мон., писатель, автор «Сказания» 305, 307, 324, 498, 557, 558
- Панин Никита Иванович, гр., гос. деятель, дипломат 466, 481
- Панин Петр Иванович, ген.-аншеф, брат Н. И. Панина 454, 455

- Панов Василий Алексеевич, славянофил, историк-славист 576, 606, 610
- Пантази, учитель греческого языка в гимназии при Московском университете 549
- Паскевич Иван Федорович, гр. Эриванский, светлейший кн. Варшавский, гос. и военный деятель, ген.-фельдмаршал 515, 518, 524—526, 528
- Паткуль Иоганн Рейнгольд, лифляндский дворянин на рус. службе 86, 87, 126, 382, 383, 385, 386, 408
- Патрикеев Василий. См. Вассиан Косой
- Патрикеев Иван Юрьевич, кн., сын Ю. П. Патрикеева 233
- Патрикеев Юрий Патрикеевич, кн. 233
- Патрикеевы, князья, бояре 233, 241, 248
- Пафнутий Боровский, основатель и иг. Рождественского (Боровского Пафнутьева) мон. 239
- Пац, генеральный маршал конфедерации 446
- Пашков 415, 416
- Пашков Истома (Филипп Иванович), один из предводителей повстанческой армии И. Болотникова 287, 288
- Пентефрий (библ.) 531
- Перовошиков Дмитрий Матвеевич, проф. Московского университета, математик, астроном, физик 571, 572, 614, 623, 632, 633
- Перун (миф.) 155
- Петр, митр. 193, 221, 222
- Петр I, имп. 5—152, 351, 355, 366—368, 373—414, 417—419, 421, 424, 427—431, 437, 438, 440, 442, 444, 451, 453, 459, 465—467, 471—476, 478—480, 511, 514, 554, 605, 617, 637, 644, 655, 663—666, 668
- Петр II Алексеевич, имп., сын царевича Алексея Петровича 410, 412, 414—419, 437, 554, 644
- Петр III Федорович, имп 428, 435—437, 443, 452, 470, 644
- Петр Алексеев. См. Петр I
- Петр Михайлов. См. Петр I
- Петр Петрович, царевич, сын Петра I 412
- Петр Федорович. См. Петр III
- Пеховский, проф. Московского университета 624
- Пиатоли. См. Пьятоли
- Пий VI, папа римский 482
- Пимен, митр. 222
- Платов Матвей Иванович, гр., ген. от кавалерии 503
- Платон, древнегреческий философ 16
- Платон (Левшин), митр., ученый, воспитатель в. кн. Павла Петровича 466, 494, 536, 539, 623
- Платонов Сергей Федорович, историк, академик Российской АН 662
- Плеттенберг Вальтер фон, магистр Ливонского ордена 236
- Плещеев Леонтий, окольный, судья Земского приказа 332
- Плещеев Наум, б-н, участник заговора против царя Федора Борисовича 282
- Плещеевы, бояре 222
- Погодин Михаил Петрович, историк, писатель, драматург, академик Петербургской АН, проф. всеобщей истории, затем руководитель кафедры рус. истории Московского университета, издатель журналов «Московский вестник», «Москвитянин» 560, 567—574, 576, 585, 589, 591—600, 604, 611, 612, 614, 623, 630, 633, 634, 639, 640, 669
- Погорельский, учитель математики, затем инспектор гимназии при Московском университете, адъюнкт в Московском университете 549, 550, 553
- Пожарский Дмитрий Михайлович, кн., б-н, полководец 302, 305—307, 309, 311, 313, 498, 551
- Полевой Ксенофонт 612
- Полевой Николай Алексеевич, писатель, журналист, историк, член-корреспондент Петербургской АН, издатель и редактор журнала «Московский телеграф» 637, 638
- Поликарпов-Орлов Федор Поликарпович, дьяк, справщик и директор московской типографии, переводчик, писатель, историк 105, 147
- Полуденский Сергей Петрович, университетский библиотекарь 629
- Понятовский Иосиф 461
- Понятовский Станислав Август, последний пол. кор. 444, 449, 460—463
- Попов Александр Николаевич, выпускник юридического факультета Московского университета, член кружка московских славянофилов, историк войны 1812 г. 576, 585—587, 589, 605, 610, 613
- Попов Павел Михайлович, преподаватель рус. языка в гимназии при Московском университете 551, 552, 573, 574

- Попович Никита, книжник 232
 Порошин Семен Андреевич, гос. деятель, воспитатель в. кн. Павла Петровича, автор записок 481
 Порт Жозеф де ла, фр. писатель 533
 Посошков Иван Тихонович, промышленник, экономист, публицист, автор «Книги о скудости и богатстве» 102, 143, 146, 406
 Поссевин Антоний, иезуит, папский посланник в Москву 263, 325
 Потей, гетман литовский 124
 Потемкин-Таврический Григорий Александрович, кн., гос. и военный деятель, ген.-фельдмаршал 456-458, 459, 466, 473
 Потоцкий, предводитель конфедерации в Галиции 446
 Потоцкий Игнатий, гр. 460, 462
 Потоцкий Николай, краковский каштелян, пол. коронный гетман 335
 Потоцкий Феликс, гр. 460, 461
 Прасковья Ивановна, дочь царя Ивана V Алексеевича 378
 Прасковья Федоровна (урожденная Салтыкова), царица, жена царя Ивана V Алексеевича 378
 Пржемысл I Отакар, кор. Чехии 189
 Приклонский Федор, сборщик податей в Сольвычегодском уезде 333
 Проестев Степан Матвеевич, рус. посол в Данию, Польшу 320
 Прозоровский Иван Семенович, кн., б-н, военный деятель, первый воев. Астрахани 347
 Прозоровский Петр Иванович, кн. 379
 Прозоровский Семен Васильевич 333
 Прокопович-Антонский Антон Антонович, проф., ректор Московского университета 594
 Пронский Юрий, кн. 253
 Просовецкий Андрей Захарьевич, стольник 301
 Протасов, гр., гусарский офицер 537
 Птолемей Клавдий, греческий астроном и математик 123
 Пугачев Емельян Иванович, предводитель Крестьянской войны 1773—1774 гг. 451, 455
 Пулаский Юзеф, адвокат, один из организаторов Барской конфедерации 446, 447
 Пустошкин, подполковник, член Ревизион-коллегии 426
 Пушкарь Мартын, руководитель восстания на Левобережной Украине против гетмана И. Выговского 339, 388
 Пушкин Александр Сергеевич, поэт 45, 49, 559, 560, 563, 638, 639
 Пушкин Гаврила Григорьевич, думный дворянин, участник заговора против царя Федора Борисовича 282
 Пушкин Федор Матвеевич, стольник 379, 380
 Пьятоли, итальянец, пол. политический деятель 460
 Равель, фр. артист 582
 Рагузинский-Владиславич Савва Лукич, гос. деятель и дипломат 417
 Радзивилл, кн., главнокомандующий пол. армией во время Пол. восстания 1830—1831 гг. 522, 523
 Радзивилл Януш, кн., литовский гетман 338
 Радклиф Анна, англ. писательница 532
 Раевский Николай Николаевич, ген. от кавалерии 499
 Разин Степан Тимофеевич, предводитель Крестьянской войны 1670—1671 гг., донской казак 345—348, 380, 451, 453
 Разин Фрол Тимофеевич, соратник и брат С. Т. Разина 346
 Разумовский Алексей Григорьевич, гр., ген.-фельдмаршал 428, 435
 Разумовский Кирилл Григорьевич, гр., последний гетман Украины, президент Петербургской АН, ген.-фельдмаршал, брат А. Г. Разумовского 435, 473
 Рангони Клавдий, папский нунций 281
 Ранке Леопольд фон, нем. историк 577
 Рау Карл, нем. экономист, статистик 590
 Раумер Фридрих, нем. историк 577
 Рашель (Элиза Рашель Феликс), фр. актриса 582
 Редкин Петр Григорьевич, правовед, историк философии, педагог, почетный член Петербургской АН, проф. Московского и Петербургского университетов, затем ректор Петербургского университета 603—605, 614, 624, 661
 Ренне Карл Эвальд, ген. 122, 392
 Репнин Николай Васильевич, кн., ген.-фельдмаршал, дипломат 408, 445
 Репня-Оболенский. См. Оболенский-Репня
 Ржевский Иван Никитич 303
 Ржевуский Вацлав, краковский воев. 445

- Рибопьер, рус. посланник в Константинополе 517
- Ридигер, рус. ген. 524, 528
- Римский-Корсаков А. М., ген. 489—491
- Риньи, командир фр. эскадры 517
- Риттер Карл, нем. географ, иностранный почетный член Петербургской АН, автор девятнадцатитомного труда «Землеведение» 577
- Ришелье Арман Жан дю Плесси, кардинал, фр. гос. деятель 656
- Рожевский, глава Люблинской конфедерации 446
- Рожинский Роман, кн., пол. полк. 288, 289, 293—295
- Розенберг, ген. 487
- Роллен Шарль, фр. историк 440
- Роман Данилович, кн. галицкий и новгородский, сын кн. Даниила Романовича 189
- Роман Мстиславич, кн. галицкий, сын в. кн. Мстислава Изяславича 174
- Роман Ростиславич, кн. смоленский, в. кн. киевский, сын в. кн. Ростислава Мстиславича 171
- Романов Александр Никитич, б-н, кравчий 279
- Романов Василий Никитич, б-н 279
- Романов Иван Никитич, б-н 279, 307
- Романов Михаил Никитич, б-н 279
- Романов Никита Иванович 375
- Романов Федор Никитич. См. Филарет Романова Ксения (Аксинья) Ивановна (урожденная Шестова, в монашестве Марфа), жена Федора Никитича 308, 309
- Романовы, боярский род в России XIV—XVI вв., потомки Андрея Кобылы, до начала XVI в. именовались Кошкиными, до конца XVI в. — Захарьинными, с 1613 г. царская, с 1721 г. императорская династия 256, 279, 283, 309, 522, 631
- Романовы-Юрьевы, бояре 269
- Ромодановский Григорий Григорьевич, б-н, воев. 355
- Ромодановский Михаил Григорьевич, б-н 379
- Ромодановский Федор Юрьевич, кн., сподвижник Петра I, глава Преображенского приказа 55, 377, 379, 381
- Ромодановский Юрий Иванович 344
- Ростислав Владимирович, кн. тмутараканский, сын кн. Владимира Ярославича, внук Ярослава Мудрого 163, 164
- Ростислав Михайлович, кн. новгородский, сын кн. черниговского Михаила Всеволодовича 188
- Ростислав Мстиславич, кн. смоленский, сын в. кн. киевского Мстислава Владимировича, внук Владимира Мономаха 167, 169—171
- Ростислав Юрьевич, кн. новгородский и суздальский, сын Юрия Долгорукого 171, 172
- Ростиславичи, князья галицкие, сыновья кн. тмутараканского Ростислава Владимировича 165—167
- Ростиславичи, сыновья кн. Ростислава Мстиславича 171, 173, 174
- Ростопчин Федор Васильевич, гр., гос. деятель, ген.-губернатор Москвы 500, 501
- Ртищев Федор Михайлович, дворецкий, окольничий, воспитатель царевича Алексея Алексеевича, глава ряда приказов 340, 354
- Рублев Андрей, живописец 220
- Рудаковский, переводчик рус. посольства в Варшаве 126
- Рудольф II, имп. Священной Римской империи, австр. эрцгерцог 271, 272
- Румянцев Александр, капитан гвардии 411
- Румянцев Сергей Петрович, гр., гос. деятель 509
- Румянцев-Задунайский Петр Александрович, гр., полководец, ген.-фельдмаршал 431, 448, 450, 463, 500, 518
- Руффо Фабрицио, кардинал 488, 489
- Рыбкин А., лекарь 112
- Рюрик, согласно летописной легенде, основатель династии Рюриковичей 83, 155—157, 179, 439, 477, 599, 611
- Рюрик Ростиславич, кн. перемышльский, сын кн. тмутараканского Ростислава Владимировича 164, 165
- Рюрик Ростиславич, кн. смоленский, в. кн. киевский, сын кн. смоленского Ростислава Мстиславича 173
- Рюриковичи, династия рус. князей и царей (конец IX—XVI вв.), считавшихся потомками Рюрика 217, 269
- Ряполовские, князья 210, 241, 248
- Ряполовские-Стародубские, князья 233
- Ряполовский Семен Иванович, кн., б-н 233
- Сабуровы, бояре, дворяне 242
- Савельев-Ростиславич Н. В., издатель «Славянского сборника» 569, 585, 612

- Сагайдачный Петр Кононович, гетман украинских казаков 313
- Сагиб-Гирей II, крымский хан 456
- Сажин, губернатор у кн. Гагарина, знакомый С. М. Соловьева 582
- Саип-Гирей. См. Сахиб-Гирей
- Салаев, книгопродавец 637
- Салтыков Борис Михайлович, брат М. М. Салтыкова 314
- Салтыков Михаил Глебович Кривой, б-н, воев. 282, 291, 299—302, 304
- Салтыков Михаил Михайлович, кравчий, брат Б. М. Салтыкова 314
- Салтыков Николай Иванович, кн., военный и гос. деятель, ген.-фельдмаршал, попечитель в. кн. Павла Петровича, главный воспитатель в. князей Константина Павловича и Александра Павловича 477, 498
- Салтыков Петр Семенович, гр., ген.-фельдмаршал, ген.-губернатор Москвы 431, 450
- Самарин Юрий Федорович, философ, историк, общественный деятель, публицист славянофильского направления 608, 643, 664
- Самойлович Иван, гетман Левобережной и Правобережной Украины 350, 355, 372, 388, 389
- Сандерсон, полк. 317
- Сапега Лев Иванович, королевский секретарь, литовский канцлер, виленский воев., в. гетман литовский 292, 299, 300, 311, 320
- Сапега Ян Петр, усвятский староста, известный деятель пол. интервенции в Россию начала XVII в. 289, 293—294
- Сафа-Гирей, казанский хан 248, 252
- Сахиб-Гирей, казанский хан 245
- Сведенборг Эмануэль, швед. естествоиспытатель, теолог, мистик 539, 540
- Свербеев Дмитрий Николаевич, общественный деятель 610
- Свербеевы 610
- Свечина Софья Петровна, писательница 578, 579
- Свидригайло, в. кн. литовский, младший брат Ягайлы 212, 213
- Святополк I Окаянный, кн. туровский, затем киевский, сын Владимира I 160
- Святополк II Изяславич, кн. полоцкий, новгородский, туровский, в. кн. киевский, сын в. кн. Изяслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого 164—167
- Святослав I Игоревич, в. кн. киевский, сын кн. Игоря Рюриковича 19, 157, 158, 160—162, 611
- Святослав II Ярославович, кн. черниговский, в. кн. киевский, сын Ярослава Мудрого 163—165, 168
- Святослав Владимирович, кн. древлянский, сын Владимира I 160
- Святослав Всеволодович, в. кн. владимирский, сын Всеволода III Большое Гнездо 186
- Святослав Давыдович Святоша, кн. черниговский, сын кн. новгородского Давыда Святославича 183
- Святославичи черниговские, сыновья в. кн. Святослава II Ярославича 166—168
- Себастьяни, фр. ген. 496
- Селим, турецкий султан 261
- Семевский Михаил Иванович, историк, журналист 668
- Семен (Симеон) Иванович, кн. калужский, сын Ивана III 237
- Семен Иванович, кн., сын кн. можайского Ивана Андреевича 236
- Семен (Симеон) Иванович Гордый, в. кн. московский и владимирский, сын Ивана Калиты 196—198
- Сен-Симон Клод Анри де Рувруа, гр., фр. мыслитель, социалист-утопист 617
- Сераковский, предводитель отряда пол. повстанцев 463
- Серапион Владимирский, древнерус. писатель, архим. Киево-Печерского мон., еп. владимирский 226
- Серафим (Степан), митр. 536, 537
- Сергей Александрович, в. кн. 661
- Сергий Радонежский, основатель и иг. Троице-Сергиева мон. 200, 203, 204, 224
- Сеславин Александр Никитич, ген.-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 г. 502
- Сиверс Яков Ефимович, гос. деятель 461
- Сигизмунд I, пол. кор., в. кн. литовский, сын Казимира IV 243, 244, 248, 255
- Сигизмунд II Август, пол. кор. 255, 257, 259, 261, 262, 271, 327, 328
- Сигизмунд III Ваза, пол. кор., швед. кор. 271, 272, 276, 281, 284, 292, 293, 295, 297—300, 308, 311, 316—318, 328
- Сигизмунд Кейстutowич, кн. стародубский, в. кн. литовский, сын Кейстута Гедиминовича 213

- Сильвестр (кн. Четвертинский), еп. белорусский 125
- Сильвестр, священник московского Благовещенского собора, член Избранной рады, автор особой редакции «Домостроя» и многих посланий 251, 255—257, 268
- Симеон Бекбулатович (Саин-Булат), касимовский хан, «великий князь всяя Руси» — номинальный правитель Рус. государства с 1575 г. 259
- Симеон Полоцкий (Петревский-Ситнианович Самуил Емельянович), церковный деятель, писатель, поэт 40, 42, 54, 351, 352, 355, 371, 373
- Симеон Суздалец, монах 226
- Синеус, легендарный кн., правивший в Белоозере, брат Рюрика 156
- Сисмонди Жан Шарль Леонар Симонд де, швейцарский экономист и историк 573
- Сицкий Алексей Юрьевич, б-н, стольник 311
- Скавронская Екатерина (Марта) Алексеевна. См. Екатерина I
- Скарга Петр, иезуит 325
- Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, кн., б-н, полководец, участник подавления восстания И. И. Болотникова 288—291, 294, 295
- Скоропадский Иван Ильич, стародубский полк., гетман Левобережной Украины 150, 390, 409
- Скотт Вальтер, англ. писатель 532
- Скржинецкий, главнокомандующий пол. войсками во время Пол. восстания 1830—1831 гг. 523, 524
- Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович (Малюта), думный дворянин, приближенный Ивана IV, глава опричного террора 259
- Смирнов, проф. Московского университета 571
- Снегирев, проф. Московского университета 571
- Собеский Ян, кор. Речи Посполиты (под именем Ян III), полководец 59, 372, 379
- Соковнин Алексей Порфирьевич, б-н 379
- Соловьев Владимир Сергеевич, философ, сын С. М. Соловьева 670
- Соловьев Всеволод Сергеевич, сын С. М. Соловьева 668, 670
- Соловьев Михаил Сергеевич, сын С. М. Соловьева 670
- Соловьев Сергей Михайлович, историк 530, 551, 552, 573, 574, 598, 640, 641, 661—670
- Соломон, царь Израильско-Иудейского царства, сын Давида 357
- Соломонида Юрьевна (из рода Сабуровых), в. княгиня московская, жена Василия III 242
- Солтык, еп. краковский 445
- София, курфюрстина ганноверская 62, 380
- София Августа Фредерика. См. Екатерина II
- София Шарлотта, курфюрстина бранденбургская 62, 380
- Софья Алексеевна, царевна, сестра Петра I 42—44, 54, 58, 59, 69, 139, 366—373, 375, 376, 378—382, 408
- Софья Витовтовна, в. княгиня, жена кн. московского Василия Дмитриевича, дочь Витовта 207, 208
- Софья Палеолог, племянница византийского имп. Константина XI, жена Ивана III 232, 233, 237, 240, 241
- Софья Фоминична. См. Софья Палеолог
- Софья Шарлотта, принцесса вольфенбюттельская, затем жена Алексея Петровича 410, 419
- Спасский, проф. математического факультета Московского университета 604, 614
- Сперанский Михаил Михайлович, гр., гос. деятель 510, 514, 601
- Спиридов Григорий Андреевич, флотоводец, адмирал 448
- Станислав Август. См. Понятовский Станислав Август
- Стемиковский, посол пол. кор. Владислава IV 321
- Степан Москвитин, участник Астраханского восстания 1705—1706 гг. 385
- Степанов Николай Александрович, гравер и карикатурист 586
- Стефан III, молдавский господарь 233
- Стефан Пермский (св. Стефан), рус. миссионер-проповедник в землях коми, первый архиеп. новой Пермской епархии 221
- Стефан Яворский, церковный деятель, писатель, митр. рязанский и муромский, блюститель патриаршего престола, автор сочинения «Камень веры», направленного против лютеранства 111, 112, 396, 398, 406
- Стрешневые, бояре 342

- Стрига-Оболенский Иван Васильевич, кн., воев. в кн. московского Василия II Темного 212
- Строганов Александр Григорьевич, гр., министр внутренних дел 574, 577, 578, 591, 661
- Строганов Григорий Александрович, гр., сын А. Г. Строганова 588
- Строганов Григорий Аникиевич, солепромышленник, землевладелец 264, 265
- Строганов Григорий Сергеевич, кн., сын С. Г. Строганова 613
- Строганов Максим Яковлевич, промышленник, землевладелец, племянник Г. А. и С. А. Строгановых 265
- Строганов Никита, промышленник, землевладелец, племянник Г. А. и С. А. Строгановых 265
- Строганов Павел Александрович, гр., гос. деятель, член Негласного комитета 510
- Строганов Семен Аникиевич, солепромышленник, землевладелец, брат Г. А. Строганова 265
- Строганов Сергей Григорьевич, гр., гос. деятель, попечитель Московского университета, московский ген.-губернатор, археолог, председатель Московского общества истории и древностей российских, основатель Строгановского училища, Археологической комиссии 545—549, 557, 558, 566, 570—572, 574, 577, 580, 589, 591—593, 595, 597—604, 613, 614, 619, 623, 624, 633, 639, 661, 669
- Строганова Наталья Викторовна (урожденная Кочубей), графиня, жена гр. А. С. Строганова 578, 579, 591
- Строгановы, купцы и промышленники XVI—XX вв. 264, 265, 548, 577—581, 584, 586, 588, 589, 591
- Стров Сергей Михайлович (Сергей Скроненко), брат историка и археографа Петра Михайловича Строева, историк, ученик Каченовского 569
- Струсь Николай, пол. пан 307
- Суворов, лифляндский ген.-губернатор 608
- Суворов Александр Васильевич, полководец, генералиссимус 431, 454, 458, 459, 465, 485—492, 498, 500, 518
- Сумароков Александр Петрович, писатель 441, 442, 478
- Сумбулов Григорий Федорович, воев. рязанского дворянского ополчения, примкнувшего к восстанию И. И. Болотникова, сподвижник П. П. Ляпунова 287, 288
- Сунбулов. См. Сумбулов
- Сусанин Иван, герой освободительной борьбы рус. народа нач. XVII в., крестьянин Костромского уезда 308, 309
- Сухарев, полк. 376
- Схария, основатель ереси «жидовствующих» 239
- Сцевола Гай Луций, по античному историческому преданию, римский воин-герой 533
- Тамерлан. См. Тимур
- Тамес Иван Павлович, владелец мануфактуры 145
- Татищев Василий Никитич, историк, гос. деятель 144, 440, 479, 623
- Тахмасп II, иранский шах из династии Сефевидов 396
- Тацит, римский историк 564
- Твердило Иванович, псковский б-н 185
- Тверитинов Дмитрий Евдокимович, лекарь 398
- Телепнев-Оболенский. См. Оболенский Иван Федорович
- Темучин. См. Чингисхан
- Терновский Петр Матвеевич, проф. богословия и церковной истории в Московском университете 625
- Тетеря Павел Иванович, гетман Правобережной Украины 340, 341
- Тиммерман Франц, голландский корабельный мастер 55, 374, 375
- Тимофей. См. Довмонт
- Тимофей, монах 356
- Тимофеева, жена начальника военного корпуса 632
- Тимур (Тамерлан), среднеазиатский гос. деятель, полководец, эмир 10, 205, 206, 226, 227, 569, 625
- Тит, римский имп. из династии Флавиев 355
- Тициан, ит. живописец 577
- Толстой Дмитрий Андреевич, гр., гос. деятель 662
- Толстой Иван Андреевич, стольник 368
- Толстой Петр Андреевич, стольник, гос. деятель, дипломат 129, 368, 408, 409, 411—414
- Тормасов Александр Петрович, гр., ген. от кавалерии, ген.-губернатор Москвы 496
- Тотт, фр. консул в Крыму 448

- Тохмас. См. Тахмасп II
 Тохта, хан Золотой Орды 192
 Тохтамыш, хан Золотой Орды, потомок хана Джучи 203—207, 226
 Траубенберг, ген. 452
 Траханиотов, окольный 332
 Тредиаковский Василий Кириллович, поэт, филолог, академик Петербургской АН 421, 423, 439
 Трубецкой Алексей Никитич, кн., б-н, воев. 339
 Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, кн., б-н, воев., один из руководителей первого и второго земских ополчений и временного земского правительства 301, 303, 304, 307, 312
 Трубецкой Юрий Никитич, кн. 304
 Трубецкой Юрий Юрьевич, кн., президент Главного магистрата 142
 Трувор, легендарный кн., правивший в Изборске, брат Рюрика 156
 Тугут Франц де Паула, австр. гос. деятель, дипломат 486, 487, 491
 Тучков, ген. 499
 Тьер Адольф, фр. гос. деятель, историк 578, 584
- Уваров Сергей Семенович, гр., гос. деятель, президент Петербургской АН 545, 560, 571, 572, 587, 595, 599, 614, 619, 623—625, 633, 634, 642
 Угедей (Угэдэй), в. хан монгольский, сын и преемник Чингисхана 177
 Узбек, хан Золотой Орды 192, 194, 195
 Украинцев Емельян Игнатьевич, дипломат, думный дьяк, глава Посольского приказа 81—83, 382, 383
 Улу-Мухаммед (Улу-Махмет), казанский хан 209, 210
 Ульрика Элеонора Младшая, сестра швед. кор. Карла XII, швед. королева 127
 Урусов Петр, кн. 300
 Ус Василий Родионович, казачий атаман, соратник С. Т. Разина 348
 Устрялов Николай Герасимович, историк, академик Петербургской АН 635, 639
 Ушаков Федор Федорович, флотоводец, адмирал 483, 484, 488
- Фарон, швейцарец, гувернер детей М. М. Голицына 555
 Февей, царевич (литер.) 477
 Федор Александрович, кн. тверской и ржевский, сын в. кн. Александра Михайловича 194, 195
 Федор Алексеевич, царь 41, 42, 74, 75, 139, 351, 352, 355—357, 366, 367, 369, 373, 375
 Федор Андреевич Кошка, б-н в. кн. московского Василия I Дмитриевича 207
 Федор Басенок, б-н, воев. в. кн. московского Василия II Васильевича Темного 210, 212
 Федор Борисович, царь, сын Бориса Годунова 282
 Федор Васильевич, кн. рязанский, сын кн. Василия Ивановича 230
 Федор Иванович, царь, сын Ивана IV 259, 262, 269—275, 278, 286
 Федор Юрьевич, кн. рязанский 226
 Федоров Иван, рус. первопечатник 269
 Феогност, митр. 193, 194, 222
 Феодор, б-н кн. черниговского Михаила Всеволодовича 190
 Феодосий Косой, еретик, монах Кирило-Белозерского мон. 267, 268
 Феодосий Печерский, древнерус. писатель, иг. Киево-Печерского мон., политический деятель, автор поучений и посланий 183, 184
 Феодосия, дочь царя Федора Ивановича 275
 Феофан Прокопович, церковный деятель, архиеп. псковский, затем новгородский, писатель, публицист, автор «Духовного регламента» и «Правды воли монаршей» 151, 395, 397, 412
 Феофил, архиеп. новгородский 229, 230
 Феофилакт Лопатинский, архим., префект славяно-греко-латинских школ, архиеп. тверской 111
 Фердинанд, герцог курляндский 416, 425
 Фердинанд IV, неаполитанский кор. 484, 488
 Фердинанд VII, испанский кор. 506
 Ферзен, рус. ген. 462, 463
 Фермор Виллим Виллимович, гр., ген.-аншеф, в 1757—1759 гг. главнокомандующий рус. армией 431
 Фет-Али. См. Фехт-Али
 Фехт-Али, шах Ирана 515
 Фигнер Александр Самойлович, полк., герой Отечественной войны 1812 г. 502
 Филарет (Дроздов Василий Михайлович), митр., писатель 537—540, 604, 631
 Филарет (Романов Федор Никитич), рус. патриарх, отец царя Михаила Федоровича, б-н, с 1619 г. фактический

- правитель страны 279, 283, 295—298, 301, 302, 309, 313, 314, 316, 317, 321, 323, 324, 341
- Филипп (Кольчыв Федор Степанович), митр. 259
- Филофей (Лещинский), эконоом Киево-Печерского мон., митр. тобольский 111, 113
- Фишер, главный медик 423
- Флетчер Джэйлс, англ. дипломат, автор сочинения «О государстве Русском» 272, 624
- Фома Кемпийский, священник, автор богословских сочинений 560
- Фома Палеолог, кн. морейский, брат византийского имп. Константи́на XI, отец Софы Палеолог 232
- Фонвизин Денис Иванович, писатель, просветитель 478
- Фотий, митр. 223
- Франц II, имп. Священной Римской империи (Франц I, австр. эрцгерцог, затем имп.) 464, 487, 491
- Франциск I, фр. кор. 352
- Фредерик II, дат. кор. 260
- Фрейман, ген. 452
- Фридрих. См. Ромодановский Федор Юрьевич
- Фридрих II, австр. герцог 189
- Фридрих II, прусский кор. 138, 430, 431, 436, 437, 444, 449, 458, 495
- Фридрих III, германский кор., имп. Священной Римской империи 237
- Фридрих Вильгельм, герцог курляндский, муж царевны Анны Ивановны 416
- Фридрих Вильгельм I, прус. кор. 138
- Фридрих Вильгельм II, прус. кор. 458, 460, 462, 463
- Хаджи-Гирей, крымский хан, основатель династии Гиреев 234
- Ханыков, вице-адмирал 464
- Хвост Алексей Петрович. См. Алексей Петрович Хвост
- Хилков Андрей Яковлевич, кн., дипломат 440
- Хилков Федор Андреевич, кн., окольничий, воев. новгородский, затем путивльский 334, 440
- Хлопицкий, пол. ген. 521, 522
- Хлопка Косолап. См. Хлопко
- Хлопко (Хлопок, Хлопа), предводитель восстания холопов и крестьян в 1603 г. 280
- Хлопова Мария Ивановна, невеста царя Михаила Федоровича 314
- Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович, гетман Украины 149, 150, 331, 334—339, 350, 388, 447
- Хмельницкий Юрий Богданович, гетман Украины, сын Б. Хмельницкого 339, 340, 388
- Хованский Иван Андреевич, кн., глава Стрелецкого приказа, руководитель стрелецкого мятежа 1682 г. 43, 44, 369, 370
- Хованский Иван Никитич, б-н, воев. 334, 340
- Ходаковский. См. Чарноцкий Адам
- Ходкевич Ян Кароль, пол. военачальник, в. гетман литовский 304, 307, 311, 313
- Холмские, бояре 248
- Холмский Василий Данилович, кн., б-н, московский воев. 241
- Хомяков Алексей Степанович, религиозный философ, писатель, поэт, публицист, один из основоположников славянофильства, член-корреспондент Петербургской АН 606, 607, 610, 643, 644
- Хосров-Мирза, внук шаха Ирана 518
- Хохлач Лукьян Михайлович, казак, один из предводителей восстания на Дону 1707—1708 гг. 387
- Хохлов Василий, стрелецкий голова 510
- Храповицкий Александр Васильевич, сенатор, статс-секретарь Екатерины II, автор записок 481
- Христиан, дат. кор. См. Кристиан IV
- Цезарь Гай Юлий, римский диктатор, полководец 616
- Цицерон Марк Туллий, древнеримский политический деятель, оратор и писатель 16
- Цицианов Павел Дмитриевич, кн., ген. от инфантерии 496
- Цыклер Иван Елисеевич, думный дворянин, полк. 379, 380
- Чаадаев Петр Яковлевич, религиозный философ 643, 644
- Чарнецкий Стефан, пол. полководец 340
- Чарноцкий Адам (литер. имя Доленга-Ходаковский Зориан), литовский историк, археолог, этнограф 637
- Чарторьские, пол. княжеский род 443—445, 449
- Чарторьский Адам, воев. галицкий, брат Михаила Чарторьского 443

- Чарторыйский Адам Ежи, кн., гос. деятель 508, 510, 520, 522, 524, 525
- Чарторыйский Михаил, кн., литовский канцлер 443
- Черкасов 415, 416
- Черкасский Алексей Михайлович, кн., гос. деятель 426, 430
- Черкасский Борис Канбулатович, кн. 279
- Черкасский Дмитрий Мамстрюкович, кн., воев. 317
- Черкасский Яков Куденетович, кн., б-н, воев. 338
- Чернохвостов, ученик гимназии при Московском университете 550, 551
- Чернышев Александр Иванович, светлейший кн., ген., гос. деятель 617
- Чернышев Захар Григорьевич, гр., гос. и военный деятель, ген.-фельдмаршал 431
- Чесноков, ученик Коммерческого училища 543
- Чивилев Александр Иванович, проф. Московского университета по кафедре политэкономии 565, 566, 592, 594, 604
- Чингисхан (Тэмудхшы, Темучин), основатель и в. хан Монгольской империи, организатор завоевательных походов против народов Азии и Восточной Европы 10, 176, 177, 205, 234
- Чистой (Чистов) Назарий, думный дяк 332
- Чичагов Павел Васильевич, адмирал, министр морских сил 503, 504
- Чичерин Борис Николаевич, юрист, историк, философ 629
- Чолхан. См. Щелкан
- Шагин-Гирей, крымский хан 456, 457
- Шакловитый Федор Леонтьевич, окольничий, фаворит царевны Софьи Алексеевны, подьячий Тайного приказа, глава Стрелецкого приказа, руководитель заговора против Петра I в 1685 г. 370, 371, 375, 376
- Шаров Тимофей, казачий атаман 304
- Шафарик Павел Йосеф, историк, филолог, поэт, деятель словацкого и чешского национального движения 569, 587—589, 594
- Шафиров Петр Павлович, гос. деятель, дипломат, сподвижник Петра I 129, 137, 408, 409, 414
- Шах-Али, касимовский царевич, затем казанский хан 245, 246, 252
- Шаховской Григорий Петрович, кн., воев. путивльский 287, 288
- Шаховской Яков Петрович, кн., гос. деятель, автор «Записок» 441
- Шварн Данилович, кн. холмский и литовский, сын кн. Даниила Романовича 190
- Шварц, проф. Московского университета 481
- Шварценберг, кн., австр. фельдмаршал 504, 506
- Шевкал, татарский посол 226
- Шевырев Степан Петрович, проф. Московского университета, преподаватель русской словесности, историк литературы, поэт 545, 562, 563, 570—572, 593—595, 598, 599, 623, 633, 634, 640, 642, 643, 658
- Шейн Алексей Семенович, б-н, воев., полководец 70, 381, 382
- Шейн Михаил Борисович, б-н, воев. смоленский 292, 302, 313, 317, 318, 378
- Шекспир Уильям, англ. драматург и поэт 629
- Шеллинг Фридрих Вильгельм, нем. философ 576, 624
- Шемячич. См. Василий Иванович, внук Дмитрия Юрьевича Шемяки
- Шереметев Борис Петрович, б-н, гр., ген.-фельдмаршал, сподвижник Петра I 89, 90, 93, 94, 102, 116, 121, 378, 384, 386, 407
- Шереметев Василий Борисович, б-н, воев. киевский 340
- Шереметев Федор Иванович, б-н 291
- Шестаков Сергей Дмитриевич, педагог, писатель 624, 626, 628
- Шетарди, маркиз, фр. посланник в Пруссию и России 427, 430
- Шиг-Алей. См. Шах-Али
- Шиг-Ахмед (Ахмет), хан Большой Орды, сын хана Ахмата 234
- Шигона-Поджогин Иван Юрьевич, дворецкий Василия III 241
- Шила, казачий сотник, начальник гайдамацкого отряда 448
- Шиллер Иоганн Фридрих, нем. поэт, драматург, теоретик искусства Просвещения 585
- Шипов, полк. 396
- Ширинские, князья 625
- Ширинский-Шихматов Платон Александрович, министр народного просвещения 560, 624—626, 633—635, 641, 642
- Шлепер Август Людвиг, нем. историк, филолог, адъюнкт и иностранный

- почетный член Петербургской АН 511
- Шлиппенбах Вольмар Антон, швед. ген. 90
- Шлиппенбах Густав Вильгельм фон, швед. ген. 384
- Шлитте, саксонец, посланец Ивана IV 255
- Шлоссер Фридрих Кристоф, нем. историк, автор девятнадцатитомной «Всемирной истории» 590
- Шмурло, поляк, студент Московского университета 562
- Шорин Василий Григорьевич, купец 340
- Шпейер Иван Абрамович, инспектор студентов в Московском университете 632, 633
- Штауфены (Гогенштауфены), династия германских королей и императоров Священной Римской империи в 1138—1254 гг., в 1197—1268 гг. также короли Сицилийского королевства 85
- Штейн Генрих Фридрих Карл, прусский гос. деятель 571
- Штраус Давид Фридрих, нем. теолог и философ-младогегельянец 582, 583
- Шуазель, герцог, фр. гос. деятель 446, 447
- Шубин, смоленский помещик 502
- Шувалов Иван Иванович, гос. деятель, ген.-адъютант, первый куратор Московского университета, президент Академии художеств 429, 433, 434, 438, 439, 643
- Шувалов Петр Иванович, гр., гос. деятель, ген.-фельдмаршал 429, 432, 433, 441
- Шуйские, князья 248—250, 269—271, 294, 295
- Шуйский Андрей Михайлович, кн., воев. 249, 250
- Шуйский Василий Васильевич, кн., б-н, гос. деятель 248
- Шуйский Василий Иванович. См. Василий IV Шуйский
- Шуйский Дмитрий Иванович, кн., б-н 294—296, 303, 318
- Шуйский Иван Васильевич, кн., б-н, брат В. В. Шуйского 249
- Шуйский Иван Петрович, кн., б-н, псковский воев., член регентского совета при царе Федоре Ивановиче, противник Бориса Годунова 263, 269, 270
- Шуйский-Рюрикович. См. Шуйский Василий Васильевич
- Шуленбург, сакс. ген. 386
- Шютц, ученик гимназии при Московском университете 550
- Щапов Афанасий Прокофьевич, историк 668
- Щедринский, проф. Московского университета 571
- Щелкан (Чолхан), посол хана Золотой Орды, двоюродный брат Узбека 194
- Щеня-Патрикеев Даниил Васильевич, кн. 230, 236
- Щербатов Константин Осипович, кн., окольничий 348
- Щербатов Михаил Михайлович, кн., историк, публицист 623, 637
- Эверс Иоганн Филипп Густав, нем. историк, почетный член Петербургской АН, ректор Дерптского университета 573
- Энгельгардт, смоленский помещик 502
- Эразм Роттердамский, гуманист эпохи Возрождения, филолог, писатель 634
- Юм Дэвид, англ. философ, историк, экономист 638
- Юрий Васильевич, кн., брат Ивана IV 247
- Юрий Васильевич, кн. дмитровский, сын Василия II 214, 231
- Юрий Владимирович Долгорукий, кн. суздальский, в. кн. владимирский, сын Владимира Мономаха 167—172, 174, 180, 184, 387
- Юрий Всеволодович, кн. ростовский, в. кн. владимирский, сын Всеволода III Большое Гнездо 175—177, 185
- Юрий Данилович, кн. московский, в. кн. владимирский, сын в. кн. Даниила Александровича 191—193, 195
- Юрий Дмитриевич, кн. звенигородский и галицкий, в. кн. московский, сын Дмитрия Донского 208, 209, 211, 213, 215
- Юрий Иванович, кн. дмитровский, сын Ивана III 237, 242, 247
- Юрьев Никита Романович, б-н, родной дядя царя Федора Ивановича по матери 269
- Юрьевичи, потомки Юрия Долгорукого 172, 174
- Юсупов Николай Борисович, кн., гос. деятель, владелец и строитель усадьбы Архангельское под Москвой, меценат 554
- Юсуф, ногайский кн. 253

- Ягайло (Ягелло) Владислав, в. кн. литовский, пол. кор., основатель династии Ягеллонов 202, 203, 206, 207, 212, 213, 261, 324
- Ягеллоны, королевская династия в Польше в 1386—1572 гг., в Великом княжестве Литовском в 1377—1401, 1440—1526 гг., в Венгрии в 1440—1444, 1490—1526 гг., в Чехии в 1471—1526 гг. 271, 324
- Ягужинский Павел Иванович, ген.-адъютант, дипломат, сподвижник Петра I, первый ген.-прокурор Сената 129, 137, 408
- Ядвига, пол. королева, жена в. кн. Ягайлы 206
- Ядигар, астраханский царевич, казанский хан 252
- Языков Иван Максимович, постельничий, б-н 355, 357
- Яков I Стюарт, англ. кор. 315
- Яков III Стюарт, претендент на англ. престол 394
- Яковлев Корнил, атаман Войска Донского 347, 348
- Ямгурчей, астраханский хан 253
- Ян Казимир, пол. кор. 335, 336, 340, 351
- Ян Альбрехт. См. Ян Ольбрахт
- Ян Ольбрахт, пол. кор. 235, 236
- Ярополк Владимирович, кн. переяславский, в. кн. киевский, сын в. кн. киевского Владимира Мономаха 167, 168
- Ярополк Изяславич, кн. владимировольнский, сын в. кн. Изяслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого 164
- Ярополк Ростиславич, кн. владимирский, сын Ростислава Юрьевича 172
- Ярополк Святославич, кн. киевский, сын. кн. киевского Святослава Игоревича 158
- Ярослав I Владимирович Мудрый, в. кн. киевский, сын Владимира I 160—165, 180—183
- Ярослав Всеволодович, кн. переяславский, сын Всеволода Большое Гнездо 175, 177, 185, 186, 190, 214
- Ярослав Осмомысл, кн. галицкий, сын кн. галицкого Владимира Володаревича 169, 170
- Ярослав Святополкович, кн. владимиро-волинский, сын в. кн. Святополка Изяславича 166, 167
- Ярослав Святославич, кн. муромский, сын кн. Святослава II Ярославича 168
- Ярослав Ярославич, кн. тверской, в. кн. владимирский, брат Александра Невского 187, 191, 192, 218

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

- Або (Турку), г. 393
Авары 154
Австрийская империя. См. Австрия
Австрийцы 487—489, 492, 495
Австрия (Австрийская империя) 59,
84—86, 124, 129, 189, 272, 278, 379,
417, 423—425, 427, 430, 446, 449,
450, 456—461, 463—464, 466, 482—
486, 492, 494—496, 504—507, 516,
519, 521, 523, 527, 528, 588, 645
Алда, р. 486
Адрианополь, г. 519
Адыги 161
Азиаты (азиатский, восточный чело-
век) 27, 74, 156
Азия 28, 32, 48, 57, 58, 115, 116, 118, 143,
147, 154, 205, 353, 358, 396, 404, 406,
413, 417, 448, 457, 518, 581, 667
Азов, г. и крепость 60, 61, 69, 82,
83, 97, 116, 118, 122, 273, 318—320,
331, 346, 378, 380, 383, 387, 392,
424, 425, 450
Азовская губ. 123, 144
Азовское море 81, 122, 379, 473
Азовцы, жители Азова 60, 346, 378
Аккерман, г. 517
Аланд. См. Аландские острова
Аландские острова 393, 394, 496
Аланы, ираноязычные племена сармат-
ского происхождения 161
Алатырский у. 348
Алатырь, г. 435
Албазин, крепость 373
Александрия, г. в Румынии 458
Александровская слобода 258
Алексин, г. 233
Алешки, г. 473
Альта, р. 161
Альтдорф, г. 490
Альтранштадт, г. 386
Америка 22, 147, 406, 413, 483, 533
Амстердам, г. 67, 380
Амур, р. 373
Анапа, крепость 519
Англичане 28, 29, 104, 127, 315, 333, 455,
492, 493, 527, 645, 650
Англия 32, 61, 67, 85, 254, 263, 264, 272,
278, 312, 314, 315, 379, 380, 394, 430,
431, 443, 457, 459, 464, 482, 484,
491—495, 497, 504—507, 516, 517,
519, 527, 580, 638
Андрусово, д. близ Смоленска 341
Анзерский скит на Белом море 332
Анкона, крепость 491
Антверпен, г. 254
Апеннинский п-ов 511
Апеннины, горная система в Италии,
на Апеннинском полуострове 487,
489
Арбат, улица в Москве 595, 643
Арбатские ворота в Москве 313
Ардебиль, г. 515
Арзамас, г. 348, 354
Арийское племя. См. Индоевропейские
народы
Армяне 190, 218, 220
Арсенал в Московском Кремле 503
Арси-сюр-Об, г. 505
Архангельск, г. 56, 57, 60, 82, 90, 142,
333, 377
Архангельское, с. под Москвой 554
Архипелаг. См. Греческий архипелаг
Астрабат, пров. в Иране 396
Астраханская губ. 454, 531
Астраханское ханство (Астраханское
царство, Астрахань) 78, 253—255,
260, 261, 271, 358
Астраханцы, жители Астрахани 385
Астраханцы. См. Казаки астрахан-
ские

* В указателе приняты следующие сокращения: г.—город, губ.—губерния, д.—деревня, м.—местечко, обл.—область, о.—остров, п-ов—полуостров, пров.—провинция, р.—река, с.—село, у.—уезд.

- Астрахань, г 29, 58, 115—117, 135, 143, 253, 254, 260, 261, 287, 310, 346—348, 353, 385, 386, 396, 421
- Аугсбург, г. 585
- Ауэрштедт, г 495
- Афины Древние, г.-государство 106
- Афон (Афонская гора), гора на северо-востоке Греции, на п-ове Айон-орос 182, 329, 532
- Африка 22
- Ахалкалаки, крепость 519
- Ахалцих, г 518, 519
- Ахен, г. 584, 588
- Бавария, курфюршество 456, 461, 491, 586
- Балканский п-ов (Балканы) 496, 519
- Балканы. См Балканский п-ов
- Балта, м. 448
- Балтийское море 29, 30, 58, 80, 83, 84, 87, 88, 90, 91, 127, 143, 151, 174, 181, 191, 254, 264, 381, 386, 390, 392, 393, 404, 575, 666
- Балтийско-Немецкое Средиземное море См. Балтийское море
- Бар, г. 446
- Батавская республика 492
- Батурин, резиденция украинских гетманов в XVII—XVIII вв. 95, 118, 350, 390
- Батын, м. 496
- Бауцен, г. 504
- Бахчисарай, г. 424
- Башкиры (самоназвание — башкорт) 116, 117, 120, 253, 413, 452—454
- Белая, г. 318
- Белая Вежа, крепость 157
- Белая Церковь, г. 336
- Белгородская губ. 432
- Белград, г. 425
- Белое море 57, 279, 332, 377, 384, 404
- Белоозеро, древнерусский г. и волость (княжество) 156, 163, 195, 249, 275, 279, 355
- Белоруссия 126, 340, 358, 450, 470
- Белостокская обл. 495
- Белый город в Москве 302
- Бельведер, королевский дворец в Лазенках близ Варшавы 520
- Бельвиль, пригород Парижа 505
- Бельгийцы 581
- Бельгия 461, 505, 506, 580
- Бендеры, г. 391, 458
- Берген, г. 492
- Бердичев, г. 446
- Березина, р 95, 503, 504
- Березов, г в Сибири 416, 428
- Берестечко, м 336
- Берлин, г 431, 493, 576, 577, 591, 606, 624
- Бессарабия, историческая обл. между Днестром и Прутом 220, 456, 458, 496
- Богемия 227, 491, 492, 504, 580, 584, 587; см также Чехия
- Болгария Волжская 159, 177
- Болгария Дунайская 158
- Болгары волжско-камские 155, 176, 202
- Болгары дунайские 76, 121, 157, 158
- Болхов, г 288
- Бордо, г. 483
- Борисов, г. 279
- Боровск, г. 234, 503
- Бородино, с. 500, 502, 642
- Бортенево, с. недалеко от Твери 193
- Босфор, пролив 484, 519, 527
- Ботнический залив 496
- Брабантцы 315
- Браилов, г и крепость 122, 392, 518
- Бранденбург, историческая обл. в Пруссии 521
- Брест (Брест Литовский), г. и крепость 328, 461
- Бриен, г. 505
- Бронницы, г. 312
- Брюлевская терраса в Дрездене 577
- Брюссель, г. 568
- Буг (Западный Буг), р. 154, 524
- Будици, м. недалеко от Полтавы 391
- Букарест. См. Бухарест
- Бунцлау, г. 504
- Бур, р. 417
- Буряты (самоназвание — бурят) 494
- Бухара, г. 493
- Бухарест, г. 458, 496
- Вага, р. 322
- Валахи 76, 392
- Валахия, историческая обл. 449, 456, 496, 517—519
- Валгалла (Вальхалла), мемориал близ Регенсбурга 586
- Валдай, г 575
- Валиесар, м. 338
- Варварские ворота в Москве 450
- Варна, г. и крепость 213, 518
- Варнемюнде, г. 393
- Варшава, г 94, 125, 303, 328, 338, 386, 424, 445, 446, 461—463, 512, 520—525
- Варшавское княжество (Варшавское герцогство) 495, 496, 505, 507

- Варяги (норманны, русь, варяги-русь) 155—160, 179, 440, 568, 569, 594, 640
 Васильков, г. 513
 Ватерлоо, д. 505, 506
 Ведроша, р. 236
 Везенберг (летописный Ракобор, Раковор), г. 187
 Веймар, г. 579
 Велиж, г. 263
 Великая Польша, в XIX в. синоним Познанского в. княжества 450, 461
 Великие Луки, г. 263, 380
 Великороссия (Восточная Россия) 30, 37, 78, 111, 114, 115, 118, 124, 125, 329, 337, 358, 398, 530
 Великороссы 111, 349, 418
 Вена, г. 59, 67, 133, 311, 380, 381, 411, 486—488, 491, 492, 505
 Венгрия 177, 178, 220, 227, 393, 425, 446, 457, 462
 Венгры 167, 174, 176, 178, 188, 189
 Венден, г. 262
 Вeneв, г. 287
 Венецианцы 351
 Венеция, г. 59, 61, 67, 69, 137, 238, 242, 372, 379, 380, 482, 575
 Верейское княжество 211, 231
 Верельская долина 459
 Верона, г. 486, 507
 Вестработния, историческая обл. в Финляндии 496
 Ветка, раскольничья слобода 452
 Византийцы 156, 157, 159, 161, 182, 220, 221, 480
 Византия (Греческая империя, Восточная Римская империя) 47, 82, 156, 167, 168, 181, 220, 519
 Виленская губ. 498
 Вильно, г. 325, 338, 340, 385, 462, 463, 497, 504, 523
 Висла, р. 386, 463, 524, 525
 Висмар, г. 393, 394
 Витебск, г. 161, 389, 499
 Витачев, древнерусский г. 166
 Владимир (Залесский, на Клязьме), г. 91, 92, 171—175, 177, 185—187, 193, 199, 200, 205, 206, 213, 215, 218, 221, 249, 274, 289
 Владимир Волынский, г. 163, 164, 166
 Владимиро-Волыньское княжество (Владимиро-Волынская обл.) 165, 166
 Владимирская земля (великокняжеская волость, обл.) 195, 215, 245
 Владимирцы, жители Владимирской земли 172, 173, 178, 200, 569
 Вогуличи. См. Манси
 Вожа, р. 203
 Воздвиженское, с. под Москвой 44, 370
 Войско Донское. См. Казаки донские
 Войско Запорожское. См. Казаки запорожские
 Волга, р. 116, 155, 163, 176, 177, 185, 188, 193, 203, 204, 209, 220, 253, 254, 261, 265, 287, 312, 315, 345—348, 353, 378, 379, 387, 395, 396, 454, 531, 575
 Волжская Орда. См. Золотая Орда
 Вологда, г. 210
 Волоколамск (Волок Ламский), г. 246, 308
 Волоколамская дорога 289
 Волохи. См. Валахи
 Волхов, р. 575
 Волынская губ. 157, 483
 Волыньское княжество 174, 196
 Волынь (Волынская земля), историческая обл. IX—XVIII вв. в бассейне южных притоков Припяти и верховьев Западного Буга 159, 164, 165, 167, 177, 178, 185, 189, 190, 196, 213, 220, 222, 261, 462, 524
 Воля, с. 525
 Вопь, р. 503
 Воробьево, с. под Москвой 251
 Воронеж, г. 60, 70, 93, 97, 118, 378, 382
 Воронежская губ. 432
 Ворскла, р. 207, 391
 Воскресенское, с. князей Долгоруковых 471
 Восток (страны Востока) 19, 27, 29, 91, 93, 116, 150, 256, 343, 356, 358, 366, 527, 562, 619
 Восточная Галиция 496
 Восточная Европа 18, 56, 92, 96, 206, 366, 391, 541, 581, 662, 663
 Восточная Россия 26, 35, 207, 214, 331
 Восточная Сибирь 373
 Восточный океан. См. Тихий океан
 Вотьяки. См. Удмурты
 Вохненская волость 502
 Вошан, г. 505
 Вxодна, р. 289
 Выборг, г. 119, 127, 312, 392
 Выборгская бухта (Выборгский залив) 459
 Выборгский лен 127
 Вышгород, г. 170, 172
 Вышневолоцкий канал 404
 Вышний Волочек, г. 575
 Вяземка, д. 500
 Вяземский у. 471
 Вязьма, г. 235, 313, 503

- Вятчи, союз восточнославянских племен верхнего и среднего течения Оки 157, 159, 163, 165, 182
- Вятка. См. Вятская земля
- Вятка, г. 227, 230, 300
- Вятская земля (Хлыновская земля), историческое название в XII—XVIII вв. территории в бассейне верхнего и части среднего течения Вятки 227, 287
- Вятчане, жители Вятской земли 230
- Гадяч, г. 350
- Галиция, историческое название части западноукраинских и польских земель, отошедших к Австрийской империи по первому (1772 г., Восточная Галиция) и третьему (1795 г., Западная Галиция) разделам Польши 190, 335, 381, 446, 450, 457, 459, 462, 483, 524, 645
- Галицкая земля (Червоная, Галицкая, Черная Русь), древнерусская историческая обл. X—XIV вв. на северо-западных склонах Карпат, в верховьях Днестра, Прута, Серета 78, 161, 165, 168, 190, 220
- Галицкое княжество (королевство) 174, 189, 190, 195, 196, 214
- Галич (Волынский), древнерусский г. 176, 189
- Галич (Костромской), г. 208, 209, 211
- Галичане, жители Галиции 220
- Галта, м. 448
- Гамбургцы 28
- Ганг, р. 493
- Гангут (Ханко), п-ов 393
- Ганза, торговый и политический союз северонемецких городов 30, 220, 237
- Ганзейские города. См. Ганза
- Ганновер, курфюршество 126, 393, 395
- Гаща, г. 280
- Гдов, г. и крепость 312
- Гейдельберг, г. 590
- Гелмет (Гелмед), г. 236
- Гельветическая республика 482
- Гельсингфорс. См. Хельсинки
- Генуэзская обл. 487, 489
- Германия 84, 85, 126, 127, 129, 255, 314, 315, 393, 475, 483, 495, 504, 511, 581, 590
- Германская империя. См. Германия
- Германские народы 16, 181
- Гернси, о. 492
- Гибралтарская гавань 455
- Гилян, историческая обл. в Иране 396
- Гларис. См. Гларус
- Гларус, г. 490, 491
- Глухов, г. 350, 390, 417, 435
- Гогланд, о. 459
- Голландия. См. Нидерланды
- Голландцы 28, 506
- Головинский сад в Москве, на берегу Яузы 143
- Головчин, г. 95, 388
- Гольштиния. См. Гольштейн
- Гольштейн, герцогство 383, 437
- Гольштейн-Готторп, часть Шлезвиг-Гольштейна 383
- Гомель, г. и волость 236
- Городец (Городец Волжский), г. 187, 205
- Гостынский замок близ Варшавы 303
- Готландия 220
- Грановитая палата в Московском Кремле 270, 369, 503
- Греки 318, 357, 506, 508, 516, 518
- Греки (византийцы). См. Византийцы
- Греки древние 15, 16, 31, 48, 154, 582
- Греция 156, 356, 457, 508, 517, 519, 527
- Греция. См. Византия
- Греческая империя. См. Византия
- Греческий архипелаг (Архипелаг, Архипелажские о-ва) 448, 449, 457, 508, 517
- Гродненская губ. 498
- Гродненская обл. 463
- Гродно, г. 313, 338, 340, 385, 386, 461, 497
- Грохово, с. в окрестностях Варшавы 523
- Грузия 272, 465
- Гуммельсгоф, мыза 90, 384
- Гуны 154
- Голистан, с. 515
- Давыдково, дачное место под Москвой 601
- Дагестан 277
- Дакия (проект) 457
- Далматы, жители Далмации 76
- Далмация, историческая обл. 425
- Дания 84, 87, 88, 119, 126, 127, 155, 237, 255, 277, 320, 331, 379, 383, 394, 395, 437, 443, 459, 492
- Данциг, г. 424, 459, 462
- Дарданеллы, пролив 448, 519
- Дармицель, г. 431
- Датчане 393
- Двина. См. Западная Двина
- Двинская обл. 195, 311
- Девичье Поле в Москве 596
- Дедерино, с. 312
- Дединово, с. Коломенского у. 353
- Дептфорд, г. 380

- Дербент, г. и крепость 193, 396
 Дерпт, г. 93, 94, 161, 338, 385, см. также Юрьев
 Десна, р. 390
 Деулино, д. близ Троице-Сергиева монастыря 313
 Джерси, о. 492
 Динабург, г. 338
 Динамюнде, крепость 392
 Дмитров, г. 230, 294
 Днепр, р. 82, 154, 155, 157, 161, 176, 177, 183, 190, 254, 260, 336, 339—341, 350, 351, 355, 378, 391, 425, 444
 Днепроовская обл., Днепроовье 177
 Днепроовские пороги 330
 Днестр, р. 154, 157, 189, 337, 457
 Добрый (Доброое Гороодише), г. 388
 Добрыничи, д. 282
 Домнино, с. Костромского у. 309
 Дон, р. 60, 115, 117, 118, 155, 157, 166, 203, 206, 254, 261, 318, 330, 331, 346—348, 371, 378, 379, 382, 387, 388
 Донеч. См. Северский Донец
 Донцы. См. Казаки донские
 Дорогобуж, г. 236
 Дорогобужская дорога 499
 Дорогомилловская застава у Москвы 500, 501
 Древляне, союз восточнославянских племен VI—X вв. к северу от Припяти, между реками Случь и Тетевь 157, 178
 Древний Рим 48, 78, 620, 645
 Дрезден, г. 430, 462, 504, 577, 579, 584, 588, 591
 Дунай, р. 59, 121, 123, 154, 392, 424, 449, 496, 518, 519, 586, 645
 Дунайская дельта 519
 Дунайские княжества 496, 516—518, 528
 Духовщина, г. 503
 Евреи 159, 183, 190, 218, 448, 522
 Европа 22, 28, 31, 52, 58, 82, 84, 96, 103, 105, 107, 119, 129, 139, 143, 154, 242, 353, 391, 396, 404, 406, 446, 448, 457, 482, 484, 497, 499, 504—506, 516, 518, 519, 528, 615, 619, 649
 Европейская Россия 118, 154, 155, 277, 322
 Европейские народы 15, 17, 74, 395
 Египет 484, 492
 Екатеринослав, г. 457, 477
 Елец, г. 205, 313
 Елизаветполь, г. 515
 Елисейские Поля в Париже 582
 Еникале, г. и крепость 450
 Еникуль. См. Еникале
 Жванец, м. 337
 Желтые Воды, урочище 335
 Женева, г. 482
 Журжа, крепость 449
 Закавказье 277
 Замостье, г. 335
 Запад. См. Западная Европа
 Западная Двина, р. 154, 155, 260, 385
 Западная Европа 16, 18—21, 23, 27, 29—33, 36, 37, 40, 48, 56—58, 61, 63, 66, 70, 74, 76, 84, 91, 93, 94, 96, 115, 116, 118, 119, 121, 128, 143, 150, 154, 254—256, 323, 358, 366, 379, 381, 383, 405, 406, 465, 475, 478, 480, 482, 507, 508, 511, 562, 563, 581, 615, 619, 620, 635, 645, 662, 666, 667, 669
 Западная Россия 26, 30, 35, 37, 54, 124, 196, 207, 214, 243, 261, 324—331, 444
 Западная Украина 59, 356, 444
 Западной Европы народы (западноевропейцы, западный человек) 16, 17, 22, 28, 30—34, 47, 96, 358
 Запольский ям 263
 Запорожская Сечь (Сечь) 95, 118, 330, 473
 Запорожцы. См. Казаки запорожские
 Запорожье, историческая обл. на Украине, на Днепре, ниже Днепроовских порогов, на территории которой в XVI—XVIII вв. находилась Запорожская Сечь 117, 118, 150, 330, 335, 349, 387, 413, 472, 473
 Зара (Задар), г. в Далмации 484
 Зарайск, г. 302
 Зауралье 662
 Зборов, г. 336
 Звенигород (Московский), г. 209
 Звенигородская дорога 554
 Земгале (Земгалия, древнерусское название — Семигалия), историческая обл. на юге Латвии, по левому берегу Даугавы 260
 Золотая Орда 185—188, 190—196, 198—209, 216, 217, 222, 225, 227, 233, 234, 237, 244, 358
 Зыряне. См. Коми
 Ивангород (Иван-город), г. и крепость 263, 272, 312
 Ивановка, дачное место под Москвой 603
 Иванцево, с. на р. Улла 260
 Иерусалим, г. 59, 532
 Ижора, р. 185

- Ижорская земля (Ижора, Ингрия, Ингерманландия), историческое название в XII—XVIII вв. территории, населенной ижорой, по берегам Невы и юго-западному Приладожью 127, 383, 395
- Изборск, г. 156, 185, 236
- Измаил, г. и крепость 459
- Измайлово, с. 375
- Измайловский пруд в Москве 375
- Илецкий городок 452, 454
- Иллер, р. 491
- Иловля, р., левый приток Дона 379
- Ильмень, озеро 154, 156
- Имерети (Имеретия). См. Имеретинское царство
- Имеретинское царство 465
- Ингерманландия. См. Ижорская земля
- Ингрия. См. Ижорская земля
- Инд, р. 493
- Индия 57, 58, 254, 312, 396
- Индоевропейские народы 17
- Инн, р. 495
- Ионические о-ва 482—484, 492, 495
- Испания 84, 119, 254, 455, 457, 492, 506, 516, 593
- Испанцы 455
- Истра, р. 381
- Истрия, п-ов 425
- Иртыш, р. 235, 265
- Италия 30, 85, 223, 238, 411, 482, 484—489, 491, 516, 580, 586, 645
- Иханка, м. 461
- Йена, г. 495
- Кавказ 116, 254, 277, 515, 543, 551
- Кагуд, р. 448
- Казаки 25, 29, 56, 78, 115—117, 122, 149, 219, 220, 265, 287, 290, 301, 303—307, 310, 311, 318—320, 322, 329, 330, 335—337, 339, 346, 348, 350, 351, 417, 431, 447, 451, 454, 472, 503
- Казаки астраханские 117, 310
- Казаки восточные (московские) 330; см. также Казаки
- Казаки донские 69, 11—16, 118, 265, 273, 281, 288, 311, 318, 319, 346—348, 360, 378, 380, 387, 388, 493, 503
- Казаки западные. См. Казаки украинские
- Казаки запорожские 95, 117, 118, 280, 288, 311, 318, 330, 337—339, 349, 378, 391, 472, 473
- Казаки малороссийские. См. Казаки украинские
- Казаки рязанские 219
- Казаки терские 117, 287, 360
- Казаки украинские 254, 311, 320, 329, 346, 351, 428, 447, 472, 473
- Казаки черноморские 473
- Казаки яицкие 451, 453, 454
- Казанская губ. 144, 155, 432, 454
- Казанская Орда. См. Казанское ханство
- Казанский у. 116
- Казанское ханство (царство) 78, 233, 234, 244—246, 248, 252, 253, 255, 260, 261, 271, 304, 358
- Казанцы. См. Татары казанские
- Казань, г. 29, 58, 202, 209—211, 234, 245, 252, 253, 300, 304, 355, 421, 432, 434, 452—454, 494, 510, 590, 597, 624
- Казахи 373, 452
- Калабрия, п-ов 488
- Калиш, г. 94, 385, 459, 462
- Калка, р. 176
- Калмыки 431, 451—453
- Калуга, г. 293, 295—297, 300, 313, 502, 503
- Калужская дорога 502
- Кама, р. 116, 264, 454
- Каменец-Подольский (Каменец), г. 337, 351
- Камская обл. 78
- Камчатка, п-ов 421
- Камышин, г. 347, 387
- Камышинка, р. 379
- Кандия, обл. 457
- Канцы. См. Ниеншанц
- Каргополь, г. 211
- Кардис, г. 338
- Карелия 127, 263, 383, 395
- Карлсбад, г. 584—586, 588, 591
- Карлсруэ, г. 585
- Карпаты (Карпатские горы), горная система в Европе 157, 178
- Карс, крепость 518
- Картли (Карталиния). См. Картлийское царство
- Картлийское царство 465
- Касоги. См. Адыги
- Каспийское море 30, 57, 58, 143, 150, 151, 154, 176, 205, 346, 353, 395, 396, 404, 424, 515
- Кახети (Кახетия). См. Кახетинское царство
- Кახетинское царство 273, 277
- Кашинское княжество 201
- Кашира, г. 287
- Кексгольм, г. 263, 338, 392; см. также Корела
- Кельн, г. 580

- Кенигсберг, г. 132, 401
 Керчь, г. и крепость 450
 Киверова Гора, д. близ Запольского
 яма 263
 Киев, г. 35—37, 42, 91, 92, 111, 157—
 159, 161—174, 176—178, 180, 183,
 185, 188, 193, 218, 220—224, 239,
 260, 341, 349—352, 372, 386, 435,
 444, 513, 514, 523, 531, 608
 Киевляне, жители Киевской земли 163,
 167, 169, 178
 Киевская губ. 123, 144
 Киевское княжество (обл.) 171, 178,
 188, 196
 Кинбурн, г. и крепость 450
 Кипр, о. 457
 Киргизы. См. Казахи
 Китай 57, 58, 176, 254, 373, 417, 438
 Китай-город в Москве 107, 302, 307,
 359, 403
 Китайцы 76, 373
 Кленталь, долина в Швейцарии 491
 Клушино, с. близ Можайска 296
 Ключ-город. См. Шлиссельбург
 Клязьма, р. 171, 502
 Ковно, г. 338, 497
 Козары. См. Хазары
 Козельск, г. 177
 Кокенгаузен, г. 338
 Коломенское, дворцовое с. под Моск-
 вой 287, 296, 340, 370
 Коломна, г. 177, 208, 209, 216, 307
 Коломна, рязанская волость 192
 Кольберг, г. и крепость 431
 Коми 221
 Конотоп, г. 339
 Константинополь, г. 81—83, 116, 119,
 120, 129—131, 156, 157, 159, 182,
 222, 223, 232, 234, 278, 311, 382, 425,
 450, 457, 458, 464, 484, 496, 500, 508,
 516, 517, 519, 527
 Копенгаген, г. 88, 383
 Копорье, древнерусский г. 93, 263, 272,
 312, 385
 Корела, г. 272, 291; см. также Кек-
 сгольм
 Корсунь. См. Херсонес
 Корсунь, г. при впадении Корсуни
 в Рось 159, 335
 Корфу, о. 508
 Кострома, г. 206, 308, 309
 Кострома, р. 322
 Костромское княжество (обл.) 188
 Костромской у. 309
 Котлин, о. 93, 385
 Краков, г. 281, 336, 338, 446, 462, 492
 Краковское воеводство 463
 Красная площадь в Москве 106, 251,
 284, 285, 308
 Красный, г. 499, 503
 Красный Яр, г. 115
 Кремль Московский 29, 43, 74, 107, 200,
 238, 261, 284, 302, 304, 307—309,
 359, 368, 369, 375, 403, 451, 501, 503
 Кремлевский дворец в Москве 503
 Кривичи, союз восточнославянских
 племен в VI—X вв. в верховьях За-
 падной Двины, Днепра, Волги 178
 Кроация. См. Хорватия
 Кронштадт, г. и крепость 385
 Крым. См. Крымское ханство
 Крымская Орда. См. Крымское ханст-
 во, Татары крымские
 Крымский п-ов (Крым) 155, 159, 256,
 424, 455
 Крымское ханство 59, 83, 116, 233—
 235, 244, 245, 248, 252, 254, 260, 272,
 277, 284, 335, 349, 350, 372, 449,
 455—459
 Крымцы. См. Татары крымские
 Кубань, р. 388, 452, 473
 Кубенское озеро 56, 288, 377
 Кулевча, м. 519
 Куликово поле 203
 Кульм, д. 504
 Кума, р. на Северном Кавказе 371
 Кумыки 277
 Кунерсдорф, д. 431
 Кунцево, с. под Москвой 601
 Курляндия (Курляндское герцогство)
 94, 260, 385, 417, 424, 425, 430, 443,
 462, 463, 523
 Курская губ. 279, 514
 Кюменегорская пров. 430
 Кюмень. См. Кюммене
 Кюммене, р. 430, 459
 Кючук-Кайнарджа, д. 450
 Кяхта, слобода 417
 Ладога. См. Новая Ладога
 Ладога, древнерусский г. в Новгород-
 ской земле 312
 Ладожский канал (обводной) 143, 404,
 409
 Ладожское озеро 385
 Лайбах, р. 507
 Лан, г. 505
 Лаон. См. Лан
 Лапландцы. См. Саамы
 Ларга, р. 448
 Лафоз, о. 394
 Лебедьян, г. 313
 Лейпциг, г. 504
 Лемберг Галицкий. См. Львов

- Лена, р. 323
 Ленчица, г. 462
 Лесная (Лесное), д. 388, 408
 Лех, р. 491
 Ливны, г. 313
 Ливония 79, 84, 86—88, 90, 124, 174, 187, 235, 254, 255—260, 262, 263, 276, 338, 382—384, 533
 Ливонский орден (немцы ливонские) 185—187, 197, 214, 236, 237, 255
 Ливонцы, жители Ливонии 254, 278
 Лилица, р. 175
 Листвен, г. 161
 Литва (Литовское государство) 85, 92, 94, 97, 124, 185—187, 189, 190, 194, 196, 197, 200—203, 206, 207, 210—214, 222, 225—229, 231, 235—237, 243, 244, 247, 248, 257, 260—262, 268, 269, 271, 288, 292, 301, 302, 318, 324, 338, 340, 341, 386, 461—463, 522—524
 Литва. См. Литовцы
 Литовская обл. 463
 Литовцы (литва) 25, 28, 155, 174, 186, 188, 190, 206, 207, 236, 243, 260, 261, 265, 300, 311
 Лифляндия 87, 90, 127, 383, 384, 388, 395, 424, 523
 Лобное место в Москве 283, 284, 308
 Лодейное Поле, г. 93
 Ломбардия, обл. в Северной Италии 482
 Лондон, г. 129, 492, 517
 Лопасня, р. 261
 Лувр в Париже, королевский дворец, затем музей 394, 582
 Луст Эйланд, о. 385
 Лух, г. 355, 367
 Луцк, г. 121
 Львов, г. 326, 327, 335, 340
 Любек, г. 220, 254, 255, 278, 576
 Любеч, г. и волость 160, 165, 166, 182, 236
 Люблин, г. 336, 338, 446
 Люблинское воеводство 463
 Любутск, г. 201
 Любчане, жители Любека 28
 Люцен, г. 504
 Люцернское озеро. См. Фирвальдштетское озеро
 Мадрид, г. 507
 Мазендеран, историческая обл. в Иране 396
 Маймачин, пункт приграничной торговли Китая с Россией 417
 Майнц, г. 580
 Македония древняя (Македонское государство) 78
 Малая Азия 527
 Малороссия. См. Украина
 Малороссиане, жители Малороссии 76, 112
 Малоярославец, г. 503
 Мальта, о. 484
 Мангейм, г. 590
 Манси (вогулы) 235
 Мантуя, г. 487, 488
 Маньчжурия 205
 Маренго, с. 492
 Мариенбург, г. 302
 Марийцы 253, 348, 452
 Мацеевице, м. 463
 Мекленбург, герцогство 393
 Мемель, г. 430
 Меря, финно-угорское племя 178
 Мец, г. 590
 Мецера, г. и волость 205
 Милан, г. 486
 Митава, г. 418, 483
 Могилев, г. 95, 340, 388, 499
 Модлин, крепость 521
 Можайск, г. 191, 197, 296, 300, 313, 500
 Мозель, р. 590
 Молдаване 76, 392
 Молдавия. См. Молдавское княжество
 Молдавское княжество (Молдавия) 220, 392, 449, 456, 458, 483, 496, 508, 517—519
 Монастыри:
 Андреевский в Москве 354
 Антониев Сийский 279
 Боровский Пафнутьев (Рождественский) 239
 Воскресенский (Новый Иерусалим) 344, 355, 381, 382
 Воскресенский (Смольный) в Петербурге 476
 Донской в Москве 451
 Заиконоспасский в Москве 371
 Иосифо-Волоколамский (Волоцкий Успенский Иосифов) 239, 242, 295
 Ипатьевский в Костроме 308
 Киево-Печерский (Печерский), лавра. См. Печерский в Киеве
 Кирилло-Белозерский 210, 224, 240, 242, 257, 268, 280, 332, 474
 Новодевичий в Москве 69, 275, 376
 Новоспасский в Москве 333
 Отроч в Твери 259
 Петровский в Москве 533, 543
 Печерский в Киеве (Киево-Печерский), лавра 182—184, 224, 329

- Печерский в Пскове 89
 Покровский девичий в Суздале 382
 Саввин-Сторожевский (Саввинский) в Звенигороде 345, 370
 Симонов в Москве 242
 Соловецкий (Соловки) на Белом море 257, 345, 348, 414, 530
 Троице-Сергиев, лавра 44, 210, 219, 224, 289, 305, 324, 370, 376, 474, 536, 538, 557, 575
 Ферапонтов в Белозерском крае 345
 Чудов (Михаила Архангела) в Москве 280, 296, 398, 451
 Юрьев в Новгороде 183
 Яковлевский в Ростове 575
 Монгулы. См. Монголы
 Монголо-татары. См. Татары
 Монголы 10, 176
 Монмартр, пригород Парижа 505
 Моравия, историческая обл. 178, 495
 Моравы, жители Моравии 133, 401
 Мордва (мордовцы) 176, 253, 348, 452
 Морея. См. Пелопоннес
 Москва, г. 19, 29, 35, 39, 40, 43, 44, 56, 60, 69, 70, 74, 75, 81—83, 89—93, 95, 97, 98, 101, 104—107, 111—113, 115, 116, 118, 119, 121, 125, 142—145, 147, 150, 171, 177, 192—204, 208—213, 215, 217, 218, 220, 222—224, 226—239, 242—249, 251—254, 257—263, 269, 271—274, 276, 277, 279—284, 286—292, 294—323, 326, 330, 333, 334, 336—340, 344, 345, 348—352, 354, 355, 357, 359, 362, 367, 370, 371, 374—376, 378—383, 385, 386, 389, 391, 396, 398, 401, 403, 406, 411, 416, 418, 433, 441, 442, 444, 449—455, 466, 475, 476, 479, 481, 499, 500—503, 510, 531—533, 537, 538, 544, 551, 554—556, 574, 580, 590, 591, 601—603, 606, 608, 612, 614, 620, 624, 635, 636, 645, 658, 661, 665
 Москва, р. 296, 307, 378, 396, 501
 Москвичи, жители Москвы 115, 206, 231, 294, 301
 Московская Россия. См. Великороссия
 Московское государство, княжество, царство, Московская держава, земля, Московский удел, Московские области, владения, угодья—повсюду; см. также Россия
 Московское княжество (Московская великокняжеская обл.) 191, 192—204, 210—213
 Мстиславль, г. 95, 236, 341, 388
 Муром, г. 163, 165, 168, 205
 Муромская земля 165
 Муттенская долина 490, 491
 Мюнхен, г. 585—587, 606
 Наварин, крепость 517
 Наваринская гавань 517
 Нара, р. 502
 Нарва, г. 87—90, 94, 101, 128, 255, 263, 276, 383—385
 Нарев, р., правый приток Буга 524
 Нахичеванское ханство 515
 Неаполь, г. 411, 484, 488, 507
 Нева, р. 90, 93, 185, 384, 385, 575
 Нежатина Нива, м. близ Чернигова 164
 Нежин, г. 340, 350
 Неишлот, г. 393
 Нейгауз. См. Нейхаузен
 Нейхаузен, г. 255
 Неман, р. 155, 497, 504
 Немецкая слобода в Москве 56, 57, 76, 354, 374, 381
 Немецкое море. См. Северное море
 Немцы 25, 28, 56, 59, 69, 70, 76, 80, 81, 115, 133, 147, 174, 190, 200, 204, 218, 220, 236, 260, 265, 278, 302, 319, 334, 381, 385, 386, 439, 500, 522, 570, 580, 581, 586
 Немцы ливонские. См. Ливонский орден
 Немцы поморские 28
 Непрядва, р. 203
 Нидерланды 32, 60, 61, 67, 76, 105, 143, 312, 377, 379, 380, 394, 455, 459, 482, 483, 492
 Ниеншанц. См. Шлотбург
 Нижегородская губ. 348, 432, 454
 Нижегородская обл. 245, 332
 Нижегородское княжество (обл.) 202
 Нижегородцы, жители Нижнего Новгорода 115, 306
 Нижний Новгород, г. 176, 199, 205, 218, 220, 270, 305, 306, 348, 434, 454, 510
 Низовые области на Волге 434
 Никольское, с., имение Голицыных 554
 Ницца, г. 645
 Ништадт, г. 127, 395
 Новая Ладога, г. 90, 412
 Новая Россия. См. Новороссия
 Новая Сербия, обл. военно-земледельческих поселений в 1752—1764 гг. на Правобережной Украине 432, 448
 Новгород Великий, г. 83, 89—91, 156—164, 167, 168, 171, 173—175, 177, 178, 180—182, 185—188, 191—193, 195—197, 205, 207, 211—214, 218—220, 224, 227—230, 233, 235, 237,

- 239, 246, 259, 289, 291, 304, 306, 312, 326, 333, 334, 575, 592, 599, 606
- Новгород-Северский, г. и волость 236, 247, 282
- Новгородская губ. 155, 486
- Новгородская земля (обл., Новгород) 186, 218
- Новгородцы, жители Новгородской земли, Новгорода 160, 175, 178, 182, 186—188, 192, 193, 195, 197, 198, 204, 207, 212, 218, 220, 228, 229, 230, 246, 259, 312
- Нови, г. 489
- Новороссия, историческая обл. на юге России и Украины 457, 458, 473
- Ногаи (ногайцы, ногайские орды, татары ногайские) 191, 252, 253, 277
- Норвегия 84, 155, 395
- Норманны. См. Варяги
- Нотебург. См. Шлиссельбург
- Обь, р. 235, 265, 277, 312
- Одер, р. 504
- Одесса, г. 494, 532
- Ока, р. 20, 154, 155, 157, 163, 176, 202, 205, 233, 245, 252, 261, 287, 348, 353, 378, 396, 434, 449
- Олонец, г. 385
- Олонечские заводы 67
- Орайвас, г. 495
- Ораиенбург, г. в Рязанской губ. 415, 416
- Орда. См. Золотая Орда
- Оренбург, г. 434, 452—454, 493
- Оршек. См. Шлиссельбург
- Орловская губ. 279
- Оружейная палата в Московском Кремле 102, 104, 129
- Орша, г. 244, 260
- Остер, г. 350
- Ост-Индия, название территории Индии и некоторых других стран Южной и Юго-Восточной Азии 493
- Остоженка, ул. в Москве 596
- Остров, г. и крепость на р. Великой 263
- Остроленка, г. 524
- Охта, р. 90
- Очаков, г. и крепость 424, 457—460
- Павлово, с. Вохненской волости Смоленской губ. 502
- Палестина, историческая обл. в Западной Азии 184, 226
- Пале-Рояль в Париже 582
- Париж, г. 242, 394, 479, 483, 504—506, 578—580, 582, 584, 585, 589—591, 606
- Партенопейская республика 485, 488
- Парфенопейская республика. См. Партенопейская республика
- Пейпус. См. Чудское озеро
- Пекин, г. 417
- Пеласги, предположительно одно из древних догреческих племен в Восточном Средиземноморье 581
- Пелопоннес, п-ов 448, 457, 508, 517, 519
- Пелым, г. 275, 279, 426, 428
- Пенза, г. 477, 510
- Пензенская губ. (обл.) 348, 417
- Перволюка, волок между Доном и Волгой 261
- Перекоп (Перекоп), г. и крепость 373, 424
- Перемышль, г. на Оке 200
- Переяславль Залесский, г. 45, 163, 173, 175, 187, 191, 192, 289, 377, 575
- Переяславль Южный (Русский), г. 163—165, 167, 177, 337, 350
- Переяславская дорога 313
- Переяславское озеро. См. Плещеево озеро
- Переяславцы, жители Переяславля Залесского 173
- Пермичи 304
- Пермская губ. 454
- Пермская обл. 279
- Пермь, г. 510
- Пермь, древнерусское название в XIII—XVII вв. исторической обл. от Уральских гор до Печоры, Камы и Волги, населенной народом коми 234, 235, 287
- Пермяки. См. Коми
- Пернау. См. Пернов
- Пернов, г. 88, 392
- Персия 58, 78, 150, 151, 272, 273, 311, 312, 315, 346, 353, 395, 396, 405, 424, 465, 496, 515
- Персы (персияне) 277, 319, 396, 515, 516, 581
- Пестум (Посейдоний), г. в Древней Италии 547
- Петербург (Санкт-Петербург) 91—97, 119, 127, 137, 142, 143, 148, 151, 384, 385, 393, 395, 403, 411, 417, 419, 423, 427, 428, 431, 434, 442, 446, 455, 459, 461, 463, 475, 476, 484, 491, 492, 494, 501, 504, 510—513, 518, 521, 522, 537, 540, 575, 578, 579, 588, 590, 591, 596, 600, 614, 620, 635, 636, 641
- Петербургская дорога 575
- Петровский дворец близ Москвы 501
- Петровский парк в Москве 612

- Петровско-Разумовское, пригород Москвы 612
- Петропавловская крепость в Петербурге 649
- Печенеги, объединение тюркских и сарматских племен в заволжских степях в VIII—IX вв., в IX в.— в южнорусских степях 157, 158, 161, 163, 226
- Пилявцы (Пилявы), м. 335
- Пинск, г. 462
- Пиренеи, горная система 507
- Пиренейский п-ов 33, 511
- Плещеево озеро 45, 55, 56, 375, 377
- Плоцк, г. 525
- Поволжская страна, Поволжье 177, 453
- Поднепровье, историческая обл. по среднему течению Днепра 188
- Подол. См. Подолье
- Подолля. См. Подолье
- Подолье (Подольская земля), историческая обл. в бассейне Южного Буга и левобережья Днестра во второй половине XIV—XVIII в. 59, 213, 261, 446, 524
- Подольская губ. 465, 483
- Подольцы (подольяне), жители Подолья 220
- Познань, г. 338, 459
- Поклонная гора в Москве 500, 501
- Половцы (кипчаки), тюркоязычный народ, в XI в.— в южнорусских степях 163—166, 174, 176, 184, 226
- Полона (Полонка), м. 340
- Полоцк, г. 158, 163, 167, 171, 180, 181, 185, 219, 220, 260, 263, 504, 526, 533
- Полоцкое княжество 161, 167, 196
- Полтава, г. 96, 101, 119—121, 124, 126, 134, 391
- Польша (Польское государство, Речь Посполита) 27, 29, 30, 58, 59, 84—87, 94, 119, 120, 122, 124—126, 136, 137, 160, 161, 188, 196, 206, 207, 213, 214, 227, 234—236, 244, 255, 259—262, 264, 271, 272, 276, 280, 281, 284, 288, 289, 291, 292, 298, 304, 307, 308, 311, 313, 314, 316—318, 320, 321, 324, 330, 331, 335, 337—341, 346, 349—352, 358, 366, 371, 372, 378, 379, 383—386, 391, 392, 413, 417, 424, 430, 436, 443—447, 449, 450, 452, 453, 458—463, 470, 474, 483, 496, 505—507, 510, 520—524, 526, 527, 541, 583, 584, 593
- Поляки 19, 25, 28, 29, 79, 124—126, 136, 161, 167, 174, 188, 190, 207, 213, 261, 262, 271, 280, 284, 288, 291, 293, 295, 297, 300, 301—304, 306, 307, 313, 315—318, 320, 335—339, 358, 390, 417, 443, 444, 460, 461, 463, 507, 508, 520, 522—525, 528, 586
- Поляне, восточнославянское племенное объединение VI—IX вв. по берегам Днепра и низовьям его притоков от устья Припяти до Роси 157, 178
- Полянвка, р. близ Вязьмы 313, 318
- Померания, герцогство 90, 137, 391, 393, 431, 436, 450, 521
- Поморские народы 28, 36
- Порта. См. Турция
- Португалия 507
- Порхов, г. 291, 312
- Посидоний. См. Пестум (Посейдоний)
- Поти, крепость 519
- Потсдам, г. 576
- Прага, г. 585, 587, 588
- Прага, предместье Варшавы 463, 525
- Прейсиш-Эйлау, г. 495
- Преображенское, с. 376
- Пресбург, г. 495
- Пресбург, потешная крепость на берегу Яузы 55
- Пресня, р. (Пресненские пруды) 313
- Приднепровье. См. Поднепровье
- Прикавказье, Прикавказские страны 254
- Пропойск, г. 95
- Просняной пруд в Москве 55
- Пруссаки 439, 462
- Пруссия 124, 126, 197, 202, 227, 302, 393, 395, 417, 430, 431, 436, 439, 442, 443, 445, 449, 450, 458—464, 483, 492—495, 504, 505, 507, 519, 521, 528, 645
- Прут, р. 122, 123, 392, 424, 448, 490, 519, 644
- Псел, р., левый приток Днепра 391
- Псков, г. 89, 90, 168, 185—187, 194, 197, 205, 212, 214, 220, 224, 227, 230, 233, 246, 262, 263, 269, 306, 312, 324, 326, 333, 334, 477, 533
- Псковичи, жители Псковской земли 185, 187, 193, 194, 197, 204, 207, 246, 247
- Псковская губ. 155, 156
- Псковская обл. (земля) 207, 304
- Пултуск, г. 495
- Пустозерск, древнерусский г. XV—XVIII вв. у озера Пустое в низовьях Печоры 355, 376
- Путивль, г. 282, 313
- Пфальц, курфюршество 472
- Пьемонт. См. Сардинское королевство
- Пьемонтцы 487

- Пьяна, р. 203
 Пятигорск, г. 551
- Радом, г. 445
 Радонеж, древнерусский г. XIV—XVI вв. 224
- Ракобор (Раковор). См. Везенберг
 Ревель, г. 119, 135, 262, 392, 414, 492
 Ревельцы, жители Ревеля 260, 262
 Регенсбург, г. в Баварии 586
 Рейн, р. 493, 504, 506, 580, 590
 Рейса. См. Ройс
 Речь Посполита. См. Польша
 Решетовская (Решетова), станция 118
 Решт, г. 396
 Рига, г. 119, 142, 174, 219, 260, 338, 380, 384, 392, 414, 425, 494
 Рим, г. 189, 232, 325, 328, 329, 482
 Римляне (древние) 15, 16, 31, 48, 154
 Римское государство, империя. См. Древний Рим
 Ройс, р. 490
 Романские народы 16, 581
 Россия (Русское государство, Российская империя, Русь) — повсюду
 Россия Великая. См. Великороссия
 Россия Восточная. См. Великороссия
 Ростов Великий, г. 159, 163, 171—173, 175, 178, 180, 187, 195, 218, 227, 289, 675
 Ростовская земля (Ростов, Ростовская обл.) 165, 167, 170, 185; см. также Суздальская земля
 Ростовцы, жители Ростовской земли и Ростова 171—173, 178, 569, 575
 Румелия, название турецкой провинции с центром в Софии (включая Болгарию, Сербию, Герцеговину, Албанию, Македонию, Эпир и Фессалию) 496
 Русь. См. Варяги
 Рушук, м. 496
 Рыльск, г. и волость 236
 Рымник, р. 459
 Рюген, о. 440
 Рязанская губ. 415, 617
 Рязанская дорога 500, 502
 Рязанское княжество (земля) 202, 206, 287
 Рязанцы, жители Рязанской земли 247
 Рязань, г. 163, 165, 168, 173, 177, 198, 204, 212, 218, 230, 246, 294, 295, 300
- Саардам, м. в Голландии 66, 380
 Савойя, историческая обл. во Франции, в Альпах 493, 645
 Сагунтинцы 302
- Саксония, курфюршество 85, 94, 126, 386, 430, 505
 Саксонцы, жители Саксонии 124, 125, 393
 Самара, г. 348, 454
 Самбор, г. 281
 Сан, р., приток Вислы 188
 Сандомирское (Сендомирское) воеводство 463
 Сант-Эльмо, замок в Неаполе 411
 Саранск, г. 454
 Саратов, г. 348, 387, 454
 Саратовская пров. 472
 Сардинское королевство 507
 Сарматия 82, 154
 Сарматы 154
 Свеаборг, г. 495
 Святая Земля. См. Палестина
 Святой Елены о. 506
 Священная Римская империя 82, 128, 129
 Севастополь, г. 159, 642, 645
 Север. См. Северная Европа
 Северная Азия 24, 264, 323, 366, 662, 663
 Северная Германия 504
 Северная Двина, р. 161, 205, 264, 531
 Северная Европа 181, 392
 Северная Италия 483, 487, 488, 507
 Северная Россия 171, 216, 221, 227, 649, 655
 Северное Средиземное море. См. Балтийское море
 Северный Ледовитый океан 57, 58
 Северо-Восточная Россия 204, 214, 215, 228
 Северская земля, историческое название в XVI—XVII вв. территории в бассейне Сейма и Десны, земли бывшего Черниговского княжества 247, 313, 341
 Северские города, наименование в XVI—начале XVII в. русских городов на границе с Литвой и Диким полем в бассейне Сейма и Десны 281
 Северский Донец, р. 388
 Северяне (север, севера), союз восточнославянских племен VIII—X вв. в бассейне Десны, Сейма и Сулы 178
 Семибашенный замок в Турции 392, 458
 Семгалия. См. Земгале
 Семитические племена. См. Семиты
 Семиты 581
 Сенатская площадь в Петербурге 513

- Сен-Готард, перевал в Альпах, в Швейцарии 489
- Серадз (Серадж), г. 462
- Сербия 516, 519
- Сербы 76, 121, 123, 392, 517
- Серпейск, г. 318
- Серпуховская дорога 310
- Серпуховские ворота в Москве 296
- Сечь, укрепление 330, 473
- Сибирское ханство 78, 358
- Сибирь (Сибирские области) 76, 81, 90, 135, 264, 265, 273, 275, 277, 317, 322, 323, 350, 360, 372, 416, 421, 426, 432, 434, 436, 443, 452, 501, 510
- Сибирь, г. 265
- Силезия, историческая обл. 178, 386, 404, 446, 521
- Силистрия (Силистрия), г. 519
- Симбирск, г. 348
- Симбиряне, жители Симбирска 115
- Сирия 527
- Сить, р. 177
- Сицилий обеих королевство 484, 488
- Сицилия. См. Сицилий обеих королевство
- Скандинавский п-ов (Скандинавия) 439, 440, 508
- Скандинавские народы (скандинавы), жители Скандинавского п-ова 181
- Скифия 82, 118, 154
- Скифы 154
- Славяне 16, 17, 76, 85, 96, 121, 154—157, 159, 178, 391, 439, 559, 581, 582, 588
- Славяне западные 588
- Славяне поморские 440
- Славяне южные 222
- Славянский народ. См. Славяне
- Слободзия, г. 496
- Слуцк, г. 445
- Смоленск, г. 163, 167, 170, 171, 180, 181, 207, 218, 220, 244, 248, 292, 293, 295—299, 302, 311, 313, 317, 318, 338, 341, 372, 499, 502, 523
- Смоленская губ. 502
- Смоленская дорога 503
- Смоленское княжество 191
- Смолино, озеро 236
- Смольяне, жители Смоленска, Смоленской земли 178, 260, 292, 301
- Соединенные Штаты Америки 525
- Сож, р. 95, 388
- Сокол, крепость 263
- Сольвычегодск, г. 333
- Сора, р. 240
- Средиземное море 30, 448, 450, 517
- Средняя Азия 10, 11, 19
- Средняя Европа 21, 494
- Ставучаны, с. 424
- Стамбул. См. Константинополь
- Старая Русса, г. 291, 312
- Старица. См. Старицкое княжество
- Старицкое княжество 248
- Стародуб, г. и волость 236, 288
- Стоженка. См. Остоженка
- Стокгольм, г. 220, 383, 393, 395, 427, 495
- Столбово, с. Новгородского у. 312
- Страсбур (Страсбург), г. 585
- Стрелецкая слобода в Москве 284, 376
- Судак (Сурож), г. 220
- Суздаль, г. 163, 171, 186, 187, 199, 204, 209, 289
- Суздальская земля (княжество) 167, 185, 204, 305
- Сычевский у. Смоленской губ. 502
- Таганрог, г. 118, 122, 379, 456, 508, 512, 513
- Тайнинское, с. 283
- Таманский п-ов 161, 559
- Тамань. См. Таманский п-ов
- Тамбов, г. 387
- Тамбовская губ. 348
- Таммерфорс (Тампере), г. 393
- Тарки, древний г. в Дагестане 277, 396
- Таруса, г. 205
- Тарутино, с. 502, 503
- Тата. См. Монголы
- Татария, Татарская земля 185
- Татары 19, 20, 27, 29, 61, 91, 95, 185, 186, 235, 265, 280, 310, 335, 341, 360, 453, 621, 625
- Татары (татаро-монголы) 175—178, 185, 186, 188, 189, 191, 195, 197, 201—203, 206, 209, 210, 214, 216, 220, 222, 226, 234
- Татары буджакские 450
- Татары казанские 116, 252, 261
- Татары крымские 244, 245, 252, 254, 262, 317, 331, 336, 337, 340, 341, 350, 351, 355, 448, 450
- Татары кубанские 450
- Татары сибирские 78
- Тверичи, жители Тверского княжества 194, 231
- Тверские ворота в Москве 313
- Тверское великое княжество (Тверь, Тверская волость) 192—195, 200—202, 204, 205, 210, 212, 213, 230, 231
- Тверь, г. 192—195, 215, 218, 226, 227, 230, 288, 575; см. также Тверское великое княжество
- Тебриз (Тавриз), г. 515

- Тегеран, г. 515, 518
 Теплице, г. 577, 579, 580, 584, 587, 591
 Терек, р. 116, 117, 193, 286, 310
 Терчане. См. Казаки терские
 Тешен, г. в Силезии 446
 Тидоне, р. в Северной Италии 487
 Тироль, графство 411, 586
 Тифлис, г. 515
 Тихвин, г. 312
 Тихий океан 25, 58, 78, 322, 323, 662
 Тмутараканское княжество (Тмутараканская волость) 161
 Тмутаракань, др.-рус. г. 161, 163—165
 Тобол, р. 264
 Торжок, г. 175, 177, 575
 Торн. См. Торунь
 Торнео, р. 496
 Торопец, г. 291, 381
 Торунь (Торн), г. 445, 459, 462
 Травемюнде, г. 575, 576
 Травендаль, г. 383
 Трансильвания, историческая обл. 425
 Трессия, р. в Северной Италии 487
 Три Горы, м. в Москве 501
 Троица. См. Троице-Сергиев монастырь
 Троицкая дорога 310
 Троицкая площадь в Петербурге 127
 Троицкая пристань в Петербурге 127
 Троппау, г. 507
 Тула, г. 252, 287, 288, 322, 502
 Тулон, г. и порт 484
 Тульская губ. 531
 Турин, г. 487
 Турки 59, 61, 67, 76, 81—83, 93, 95, 121—123, 150, 213, 232, 261, 272, 277, 283, 319, 355, 378, 380, 383
 Туркманчай, д. 515
 Туровское княжество 164, 167, 196
 Турция (Турецкая империя, Порты) 58, 59, 81, 82, 84, 85, 95, 119—124, 127, 220, 237, 244, 245, 256, 260, 272, 311, 318, 330, 349, 350, 358, 371, 372, 382, 383, 391—393, 408, 424, 425, 430, 438, 447, 449, 450, 453, 455—460, 464, 483, 484, 496, 508, 516—519, 526, 527
 Тушино, с. под Москвой 288—295, 303, 313
 Тюменская Орда 234
 Углич, г. 210, 270, 274, 276, 285, 287, 430
 Угра, р. 207, 214, 233, 234
 Удмурты 253
 Украина 30, 58, 59, 95, 111, 123, 149, 150, 261, 331, 334—341, 346, 349—352, 355, 358, 388—390, 392, 398, 409, 417, 418, 423, 444, 447, 470, 472, 473, 530, 542
 Украина (Украйна) Северская 435
 Украинская линия, система оборонительных сооружений на южных границах России 434
 Украинцы 111, 336, 347, 349, 390, 418
 Улла, р. 260
 Ульм, г. 495
 Умань, г. 448
 Урал (Уральские горы), горная страна на границе Европы и Азии 116, 154, 176, 235, 264, 273, 277, 322, 662
 Урютино. См. Никольское
 Усвят, г. 161, 263
 Устюг, г. 430
 Устюжская пров. 432
 Уфа, г. 454
 Фанагория, о. 473
 Феодосия (Кафа), г. 220
 Фер-Шампенуаз, г. 505
 Фили, д. 500, 501
 Финляндия 127, 393, 395, 427, 428, 430, 459, 495, 496
 Финны (финские племена) 155—157, 159, 161
 Финский залив 385
 Фирвальдштетское озеро 490
 Флоренция, г. 30, 226, 242
 Фокшани, г. 459
 Франкфурт-на-Майне, г. 579
 Франкфурт-на-Одере, г. 431
 Франция 32, 38, 84, 85, 119, 120, 122, 124, 129, 254, 262, 278, 314, 315, 393, 394, 423, 424, 427, 430, 446, 448, 455, 457, 461, 463, 464, 482—484, 486, 492—497, 504—507, 517, 519—521, 526—528, 580, 581, 583, 593, 645, 665
 Французы 56, 59, 315, 316, 394, 482—484, 487—489, 491, 496, 497, 500—504, 527, 581, 584, 650
 Фрауштадт, г. 386
 Фридланд, г. 485
 Фридрихсгам, г. 496
 Хазары 155, 157, 159
 Харьков, г. 510
 Хельм, г. 462
 Хельсинки, г. 393
 Херсон, г. 457
 Херсонес, древний г. 159
 Хива, г. 493
 Химка, р. 291
 Ходынка, р. 289, 291
 Холм. См. Хельм
 Холмогоры, г. 427

- Хопер, р. 387
 Хорватия 425
 Хорватская земля 161; см. также Галиция
 Хотин, г. 424, 448
 Хохланд. См. Тогланд
- Царево Займище, м. 500
 Царицын, г. 347, 378, 387, 454
 Церкви:
 Архангельский собор в Московском Кремле 238, 287, 318
 Благовещенский собор в Московском Кремле 238, 251
 Богородицы Успения во Владимире-на-Клязьме 172
 Богородицы Успения во Львове 326
 Богоявления в Киеве 329
 Или св. в Киеве 157
 Николы-на-Песках 643
 Святой Троицы (соборная) в Пскове 246
 Софийский собор в Великом Новгороде 334
 Троицкий (Св. Троицы) собор в Петербурге 127, 395
 Успенский собор в Московском Кремле 121, 129, 206, 238, 251, 334, 344, 390, 512, 538
- Цизальпинская республика 482, 486
 Цна, р. 143
 Цорндорф, д. 431
 Цюрих, г. 490
- Ченстохова, г. 462
 Червоная Русь. См. Галицкое княжество
 Черемисы. См. Марийцы
 Черкасск, г. 115, 116, 387, 388
 Черкасы. См. Казаки украинские
 Чернигов, г. 161, 163—165, 168, 172, 177, 218, 222, 236, 350, 477, 523
 Черниговская губ. 279
 Черниговское княжество (обл., земля) 165, 166, 185
 Черниговцы, жители Черниговской земли 178
 Чернишня, р. 503
 Черногорцы 121, 123, 392
 Черное море 181, 191, 330, 404, 449, 450, 457, 458, 460, 473, 483, 517
 Черный Яр, г. 115, 347, 531
 Чертов мост, через узкое ущелье р. Рейс в Швейцарских Альпах 490
 Чесменская бухта (гавань) 448
 Чехи (богемцы) 133, 167, 189, 401, 588
 Чехия (Чешское государство, Богемское государство) 160
- Чигирин, г. 336, 337, 355
 Чуваши 253, 348, 452
 Чуднов (Чудново), г. 340
 Чудское озеро 87, 161, 186
- Шаффхаузен, г. 490
 Шведы 29, 58, 79, 80, 83, 88, 90, 93, 127, 137, 139, 185, 186, 197, 261—264, 272, 276, 291, 304, 306, 312, 315, 340, 358, 383—386, 393, 395, 427, 430
 Швейцария 482, 489, 491
 Швеция 29, 83, 84, 86—88, 96, 119, 120, 122, 126—128, 155, 186, 237, 254, 255, 260, 264, 271, 272, 276, 281, 311—315, 333, 334, 338, 354, 366, 379, 381—383, 394, 395, 427, 430, 443, 459, 460, 464, 492, 495, 497, 504, 589
 Швиц, г. 490
 Шексна, р. 322
 Шелонь, р. 228, 229
 Шемаха, г. 396
 Шлиссельбург (Орешек, Нотебург), г. и крепость 87, 90, 106, 197, 291, 312, 338, 384, 412, 427, 443
 Шлотбург (Ниеншанц, Канцы), г. и крепость 90, 385
 Шотландцы 56
 Штральзунд, г. 393
 Штутгарт, г. 585
 Шумла, крепость 519
 Шуша, г. и крепость 515
- Щекоцины, м. 462
- Эзель, о. 260
 Эллины. См. Греки древние
 Эльба, о. 505
 Эпериеш (Пряшов), г. 446
 Эренберг, замок в Тироле 411
 Эрестфер, с. 90, 384
 Эрзерум, г. 518
 Эриванское ханство 515
 Эривань, г. 515
 Эрфурт, г. 496
 Эстляндия, историческое название Северной Эстонии 87, 93, 127, 383, 395, 523
 Эстония 263
- Юго-Западная Россия 196, 215, 218, 222, 228
 Югра (Югорская земля), название в русских источниках XII—XVII вв. земель на Северном Урале (между Печорой и Уральским хребтом), занимаемых хантскими и отчасти ма-

- нсийскими племенами, а также самих племен 235
- Южная Германия 585
- Южная Европа 154, 181, 443
- Южная Италия 487, 488
- Южная Россия 171—173, 176—178, 221, 432
- Южная Сибирь 589
- Южная Франция 505
- Южное древнее Средиземное море.
См. Средиземное море
- Южный Буг, р. 157, 160, 457, 471
- Юрьев, г. 161, 255; см. также Дерпт
- Юрьевская (Дерптская) обл. 255
- Яик (Урал), р. 177, 310, 346, 452
- Яицкий городок 452, 455
- Ям, г. 93, 263, 272, 312, 385
- Ямбург. См. Ям
- Яранск (Яренск), г. 279
- Ярославль, г. 187, 290, 306, 307, 310, 355, 428, 442, 443, 574, 575
- Ярославцы, жители Ярославля 115
- Яссы, г. 392, 458, 459
- Ясы. См. Аланы
- Ятвяги, древнее литовское племя между Неманом и Наревом 155, 174, 189
- Яуза, р. 55, 112, 143, 375

СОДЕРЖАНИЕ

Публичные чтения о Петре Великом

5—152

Учебная книга русской истории

153—528

**Мои записки для детей моих,
а если можно, и для других**

529—660

Приложения

**КОММЕНТАРИИ К ВОСЕМНАДЦАТОЙ КНИГЕ
«СОЧИНЕНИЙ» С М СОЛОВЬЕВА**

661—670

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

671—701

**УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ**

702—717

Соловьев С. М.
С60   Сочинения. В 18 кн. Кн. XVIII. Работы разных лет / Отв.
ред. И. Д. Ковальченко; Коммент. Н. И. Цимбаева.— М.:
Мысль, 1995.— 717, [1] с.

ISBN 5-244-00075-6

ISBN 5-244-00774-2

Восемнадцатая книга Сочинений С. М. Соловьева содержит «Публичные чтения о Петре Великом», «Учебную книгу русской истории» (в которой сжато и емко излагаются события от первых русских князей до царствования императора Николая I включительно) и автобиографические «Мои записки для детей моих, а если можно, и для других»

Для широкого круга читателей

ББК 63.3(2)

Научная
СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ
КНИГА XVIII
РАБОТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Художественный редактор Е М ОМЕЛЬЯНОВСКАЯ
Технический редактор С П ЛЕБЕДЕВА
Корректор Ф Н МОРОЗОВА

ЛР № 010150 от 25 12 95

Сдано в набор 16 05 95 Подписано в печать 13 09 95 Формат 60 × 90 ¹/₁₆ Бумага типогр
№ 2 Усл печатных листов 45 Усл кр-отт 45,75 Учетно-издательских листов 51,28
Тираж 40 000 экз Заказ № 1009

Издательство «Мысль» 117071 Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15

Государственное ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени
Московское предприятие «Первая Образцовая типография» Комитета Российской Федерации
по печати 113054, Москва, Валуевая, 28

